

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 2 917 456

L451
A4
V. 316

70 .vnu
A4509.1A0

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХVІ.

1898.

А П Р Ъ Л Ъ .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ“ и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(мартъ и апрѣль 1898 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему
Сенату.**

	СТРАН.
12-го февраля 1898 года	3
12-го февраля 1898 года	—
17-го февраля 1898 года	63

Высочайшія повелѣнія.

1. (17-го ноября 1897 года). Обь учрежденіи въ городѣ Одессѣ школы ремесленныхъ учениковъ	3
2. (17-го ноября 1897 года). О преобразованіи Новороссійской четырехклассной прогимназіи въ полную гимназію	4
3. (17-го ноября 1897 года). О преобразованіи Сергіевской Сергіевско-посадской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію	6
4. (24-го ноября 1897 года). О правахъ и преимуществахъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, увольняемыхъ отъ должностей по случаю упраздненія послѣднихъ	—
5. (24-го ноября 1897 года) Обь учрежденіи должности архитектора при Императорскомъ лицей въ память Цесаревича Николая	7
6. (24-го ноября 1897 года). Обь учрежденіи при отдѣленіи промышленныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія должности архитектора	8

855879

7. (24-го ноября 1897 года). Обь учрежденіи при Тамбовской гимназіи и Московскомъ реальномъ училищѣ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ	—
8. (1-го декабря 1897 года). О пособіи изъ казны состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологии, исторіи и этнографіи	9
9. (1-го декабря 1897 года). Обь открытіи двухъ низшихъ классовъ реального училища при учреждаемомъ въ городѣ Москвѣ промышленномъ училищѣ	10
10. (1-го декабря 1897 года). О преобразованіи ремесленного училища при Тверскомъ обществѣ „Доброхотной копѣйки“	—
11. (1-го декабря 1897 года). Обь измѣненіи постановленій, касающихся инспектора и воспитателей Курскаго дворянскаго пансіонапріюта Императора Александра II	11
12. (1-го декабря 1897 года). О кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Псковской учительской семинаріи	12
13. (1-го декабря 1897 года). Обь учрежденіи въ городѣ Подольскѣ, Московской губерніи, низшей ремесленной школы	13
14. (1-го декабря 1897 года). О продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу на изданіе памятникъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи	14
15. (1-го декабря 1897 года). Обь учрежденіи въ селѣ Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, кожевенной школы	—
16. (1-го декабря 1897 года). Обь отмѣнѣ временно-подушнаго сбора, взимаемаго съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ неземскихъ губерній Европейской Россіи на содержаніе училищъ и школъ въ селеніяхъ сихъ крестьянъ	15
17. (15-го декабря 1897 года). Обь учрежденіи при С.-Петербургской шестой гимназіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ	16
18. (15-го декабря 1897 года). О льготахъ по пропуску предметовъ, выписываемыхъ изъ за границы для С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ	17
19. (22-го декабря 1897 года). Обь учрежденіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія особой инспекціи для надзора за промышленными училищами	18
20. (25-го декабря 1897 года). Обь учрежденіи въ городѣ Гатчинѣ реального училища	19
21. (29-го декабря 1897 года). Обь утвержденіи штата юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета	20
22. (18-го сентября 1897 года). Обь установленіи форменной одежды для учащихся въ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	22
23. (30-го октября 1897 года). Обь утвержденіи положенія о форменной одеждѣ для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и рисунковъ образцовъ упомянутой формы	25

24. (31-го сентября 1897 года). Обь учрежденіи при Вяземскомъ городскомъ училищѣ шести стипендій въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ	29
25. (19-го октября 1897 года). Обь учрежденіи при Александропольской Ольгинской женской прогимназій стипендіи въ память въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Феодоровны	—
26. (30-го октября 1897 года). Обь учрежденіи при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ	30
27. (30-го октября 1897 года). Обь учрежденіи при Владиміро-Волынскомъ городскомъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ	—
28. (2-го января 1898 года). О включеніи въ списокъ должностей, освобождающихъ отъ призыва въ войска, привать-доцентовъ, не имѣющихъ степени магистра, но допущенныхъ къ постоянному преподаванію въ университетахъ	—
29. (2-го февраля 1898 года). О зачетѣ платы за ученіе при переходѣ учениковъ изъ одного средняго учебнаго заведенія въ другое	63

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го января 1898 года	31
26-го января 1898 года	35
31-го января 1898 года	36
7-го февраля 1898 года	38
21-го февраля 1898 года	64
27-го февраля 1898 года	—
6-го марта 1897 года	73

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (6-го ноября 1897 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Семеновича Козьменко при Старикомъ городскомъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года	42
2. (4-го декабря 1897 года). Положеніе стипендіяхъ имени генерал-маіора Владислава Францовича Прессера при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ	43
3. (12-го декабря 1897 года). Положеніе о стипендіи имени Жозефины Виблингеръ при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ	—
4. (12-го декабря 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Юсіа Федоровича Люкке при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ къ городѣ Москвѣ	44
5. (12-го декабря 1897 года). Положеніе о стипендіи имени консула Л. Бауэра при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ	45

6. (12-го декабря 1897 года). Положение о стипендіи имени почетнаго гражданина города Кронштадта, вице-адмирала французскаго флота Жерве при Кронштадтской Александровской женской гимназіи	46
7. (14-го декабря 1897 года). Положение о стипендіях имени Ивана Егоровича Сабурова и Екатерины Львовны Добровольской при Пензенскомъ уѣздномъ училищѣ	47
8. (18-го декабря 1897 года). Положение о стипендіи при Галичскомъ двухклассномъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ, въ память дня его открытія	48
9. (21-го декабря 1897 года). Положение о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Михаила Ивановича Иванова при Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ	—
10. (24-го декабря 1897 года). Положение о стипендіи имени дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Надежды Дмитріевны Мизко при Екатеринославской гимназіи	49
11. (25-го января 1898 года). Положение о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	51
12. (25-го января 1898 года). Положение о стипендіи при Павловскомъ ремесленномъ училищѣ, учрежденной на капиталъ, пожертвованный Горбатовскимъ уѣзднымъ земствомъ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ	—
13. (31-го января 1898 года). Положение о стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета имени профессора О. А. Рустецкаго	52
14. (26-го февраля 1896 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ	78
15. (4-го іюля 1897 года). Положение о стипендіи имени астраханскаго купца Ѳедора Васильевича Богданова	82
16. (14-го іюня 1897 года). Положение о стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича при Кѣлецкой мужской гимназіи	83
17. (12-го сентября 1897 года). Положение о стипендіяхъ имени ксендза Алоизія Щеманскаго при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи	84
18. (6-го ноября 1896 года). Положение о стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ	85
19. (14-го декабря 1896 года). Положение о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Антона Ивановича Переяславцова при Кіевской 1-й гимназіи	86
20. (8-го января 1898 года). Положение о стипендіи имени Зубковича при Кіевской 1-й гимназіи	—
21. (19-го февраля 1897 года). Положение о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Таирова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	87

22. (19-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы поручика Елизаветы Ивановны Бенардаки при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	88
--	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	88
--	-----------

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	53 и 95
---	----------------

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому образованію	53 и 93
Открытіе училищъ	99 ✓

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

А. Н. Веселовскій. Психологическій паралелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля	1
С. Ф. Платоновъ. Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ	81
А. А. Шахматовъ. Житіе Антонія и Печерская лѣтопись	105
Е. Ф. Будде. Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка	150
Н. Г. Аммонъ. По поводу годовщины коговщины А. Н. Майкова	249
Н. Н. Оглоблинъ. Обзорѣніе документовъ Чарондской земской избы	269
Г. В. Форстенъ. Сношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка (1648.—1700) (<i>продолженіе</i>)	321

КРИТИКА И ВѢЩЕГРАФІЯ.

И. И. Соколовъ. Востокъ христіанскій. Путешествіе въ Метеорскій и Осолимиійскіе монастыри въ Фессаліи архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Пб. 1896	177
И. Б. К. К. Случевскій. По Сѣверо-Западу Россіи. Т. I. По Сѣверу Россіи. Съ картою Сѣвернаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 146 рисунками. Т. II. По Западу Россіи. Съ картою Западнаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 159 рисунками. С.-Пб.	216
Д. Н. Кудрявскій. Grundriss der vergleichender Grammatik der indogermanischen Sprachen. VI Band. Syntax von B. Delbrück. Zweiter Theil. Strassbourg. 1897	227
В. В. Синовскій. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. I. Мандельштама	237
А. С. Вязигинъ. Новый сборникъ памятниковъ средневѣковой публицистики	355

М. Н. Крашенинниковъ. Новый сборникъ произведеній латинской эпиграфической музы	382
Д. Шестаковъ. 'Ιεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὁρθοδόξου Παλαιστίνου Σολλόγου, συνταχθεῖσα δὲ ὑπὸ Ἁ. Παπαδοπούλου-Κεραμῆος. Τόμος γ'. Ἐν Πετροῦπόλει. 1897	424
Н. П. Некрасовъ. Грамматика древняго церковнославянскаго языка сравнительно съ русскимъ. (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ <i>Е. Θ. Карскій</i> , ординарный профессоръ Варшавскаго университета. Шестое изданіе, безъ перемѣнъ. Вильна. 1897	438
Р. Проф. <i>А. А. Царевскій</i> . Счастье человѣческое и его источники. 455	455
Р. Проф. <i>А. А. Царевскій</i> . Идеализмъ, какъ насущная потребность нашего времени, и поэзія, какъ средство къ подъему идеализма. Казань. 1897	458
Д. Д. Гриммъ. <i>Л. Петражицкій</i> . Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы и значеніе добросовѣстности для гражданскаго законодательства съ точекъ зрѣнія догмы и политики гражданскаго права.— I. Модные лозунги юриспруденціи. II. Обязанности юриспруденціи въ Россіи. С.-Пб. 1897	459
Ю. К. <i>Schäfer</i> . Die Juden im Bosporaischen Reiche und die Genossenschaften der <i>σέρβομενοι θεῶν ὑψίστων</i> daselbst. Berlin. 1897	494
В. Р. <i>Θ. М. Уманецъ</i> . Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. С.-Пб. 1897	496
Книжныя новости	240 и 498 ✓

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	1 и 17 ✓
--	----------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наши учебныя заведенія: I. Императорскій Московскій университетъ въ 1897 года	1
II. Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ 1897 году	14
Кавказскій учебный округъ въ 1896 году	54

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. Θ. Анненскій. Ифигенія—жертва. Античная трагедія	97 и 1
Б. Фармаковскій. Вакхмидъ и аттическое искусство V вѣка	28

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1898 года, февраля 12-го. „Попечителю Московскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику *Богольцову* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія“.

Февраля 12-го. „Временно-управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *Аничкову* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го ноября 1897 года). *Объ учрежденіи въ г. Одессѣ школы ремесленныхъ учениковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Одессѣ школы ремесленныхъ учениковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

объ учрежденіи въ г. Одессѣ школы ремесленныхъ учениковъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1898 года, въ г. Одессѣ школу ремесленныхъ учениковъ, съ столярнымъ и слесарнымъ отдѣленіями, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 20-го декабря 1893 года, штата и положенія о сихъ школахъ (Собр. узак. и расп. прав. 1894 года, № 19, ст. 129).

II. На устройство зданія и оборудованіе означенной школы отпустить въ 1898 году изъ государственнаго казначейства *двадцать пять тысячъ* рублей, въ дополненіе къ равной суммѣ, жертвуемой на тѣ же надобности Одесскимъ ремесленнымъ обществомъ.

III. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означенной школы (отд. I): въ 1898 году *три тысячи семьсотъ тридцать два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, а начиная съ 1899 года—по *семи тысячъ четыреста шестидесяти пяти* рублей, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны жертвуемыхъ на тотъ же предметъ Одесскимъ ремесленнымъ обществомъ: въ 1898 г. *двухъ тысячъ двухсотъ тридцати двухъ* рублей *пятидесяти* копѣекъ, а начиная съ 1899 г.—по *четыре тысячи четыреста шестидесяти пяти* рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

2. (17-го ноября 1897 года). *О преобразованіи Новороссійской четырехклассной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Новороссійской четырехклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Новороссійской четырехклассной прогимназіи въ полную гимназію, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать Новороссійскую четырехклассную прогимназію

въ полную гимназію съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1898 года былъ открытъ V классъ, а въ послѣдующіе годы прибавлялось по одному высшему классу, впредь до полного сформированія гимназіи.

II. Ассигновать, въ дополненіе къ отпускаемымъ нынѣ суммамъ на содержаніе преобразуемой Новороссійской прогимназіи: въ 1898 году — *одну тысячу восемьсотъ семьдесятъ пять* рублей; въ 1899 году — *пять тысячъ девести восемьдесятъ пять* рублей; въ 1900 г. — *восемь тысячъ пятьсотъ сорокъ пять* рублей; въ 1901 году — *одиннадцатъ тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ три* рубля *семьдесятъ пять* копѣекъ, и, начиная съ 1902 года — по *тринадцати тысячъ тридцати семи* рублей *пятидесяти* копѣекъ въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны: а) въ 1898 году — *восемьсотъ семидесяти пяти* рублей; въ 1899 году — *трихъ тысячъ двухсотъ восьмидесяти пяти* рублей; въ 1900 году — *пяти тысячъ пятьсотъ сорока пяти* рублей, и, начиная съ 1901 года — по *шести тысячъ* рублей въ годъ пособія отъ Новороссійскаго городского общества, и б) въ 1901 году — *одной тысячи шестисотъ пятидесяти трехъ* рублей *семидесяти пяти* копѣекъ, и, начиная съ 1902 года — по *три тысячи тридцати семи* рублей *пятидесяти* копѣекъ въ годъ изъ специальныхъ средствъ гимназіи.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства заимообразно, на постройку зданія для Новороссійской гимназіи, въ 1898 и 1899 годахъ по 42,345 рублей въ годъ, а всего *восемьдесятъ четыре тысячи шестьсотъ девяносто* рублей съ тѣмъ, чтобы на погашеніе этой ссуды обращались, въ теченіе 22-хъ лѣтъ по переходѣ гимназіи въ собственное зданіе, по 4,000 рублей ежегодно, ассигнуемыхъ нынѣ изъ средствъ г. Новороссійска на наемъ помѣщенія для Новороссійской прогимназіи.

IV. Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Новороссійской гимназіи остатки раздѣлять на части, пропорціональныя ассигнованію на содержаніе сей гимназіи изъ казны, отъ мѣстнаго городского общества и изъ специальныхъ средствъ заведенія, причемъ ту часть, которая причитается на долю казны, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, другія же части оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городского общества и возвращать въ спеціальныя средства гимназіи, для употребленія на нужды названнаго учебнаго заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

3. (17-го ноября 1897 года). *О преобразованіи Сергіевской Сергіево-посадской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Сергіевской Сергіево-посадской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнять.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Сергіевской Сергіево-посадской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать Сергіевскую Сергіево-посадскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1898 г. былъ открытъ VII классъ, а съ 1-го іюля 1899 г.—VIII классъ.

II. Ассигновать, въ дополненіе къ отпускаемой нынѣ суммѣ въ 19.185 р. на содержаніе преобразуемой прогимназіи: въ 1898 г.—*двѣ тысячи тридцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1899 г.—*четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять рублей и*, начиная съ 1900 г.—*по пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати рублей* въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны *шести тысячъ* рублей, жертвуемыхъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ и Московскимъ губернскимъ земствомъ.

III. Могущіе образоваться остатки отъ штатныхъ суммъ Сергіевской гимназіи раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю городского общества и Московскаго губернскаго земства, оставлять въ распоряженіи ихъ, для употребленія на нужды гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

4. (24-го ноября 1897 года). *О правахъ и преимуществахъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, увольняемыхъ отъ должностей по случаю упраздненія послѣднихъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ и преимуществахъ

лицъ учебно-воспитательнаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, увольняемыхъ отъ должностей по случаю упраздненія послѣднихъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ и преимуществахъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, увольняемыхъ отъ должностей по случаю упраздненія послѣднихъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Лица учебно-воспитательнаго персонала женскихъ гимназій и прогимназій, увольняемая отъ должностей по случаю упраздненія послѣднихъ, пользуются вообще правами и преимуществами, предоставленными остающимся за штатомъ чиновникамъ, въ томъ числѣ и правомъ на полученіе заштатнаго жалованья (ст. 574 и 575 уст. служ. правит.. Св. Зак., т. III, изд. 1896 г.).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (24-го ноября 1897 года). *Объ учрежденіи должности архитектора при Императорскомъ лицей въ память Цесаревича Николая.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности архитектора при Императорскомъ лицей въ память Цесаревича Николая, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности штатнаго архитектора при Императорскомъ лицей въ память Цесаревича Николая, мнѣніемъ положилъ:

Высочайше утвержденный 17-го апрѣля 1890 года штатъ Импе-

раторскаго лица въ память Цесаревича Николая (Собр. узак. ст. 599) дополнить учрежденіемъ должности архитектора, присвоивъ должности сей IX классъ по чинопроизводству, IX разрядъ по шитью на мундирѣ, VII разрядъ по пенсіи и окладъ содержанія въ четыреста рублей въ годъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ специальныхъ средствъ названнаго лица.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (24-го ноября 1897 года). *Объ учрежденіи при отдѣленіи промышленныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія должности архитектора.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія должности архитектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія должности архитектора, мнѣніемъ положилъ:

Учредить, съ 1-го января 1898 года, при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, должность архитектора, съ присвоеніемъ ей оклада содержанія въ 3.000 р. ежегодно, VI класса по чинопроизводству, VI разряда по шитью на мундирѣ и 2 степени III разряда по пенсіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (24-го ноября 1897 года). *Объ учрежденіи при Тамбовской гимназій и Московскомъ реальномъ училищѣ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Тамбов-

ской гимназіи и Московскомъ реальномъ училищѣ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Тамбовской гимназіи и Московскомъ реальномъ училищѣ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить при Тамбовской гимназіи и Московскомъ реальномъ училищѣ четвертыя должности помощниковъ классныхъ наставниковъ съ служебными правами и преимуществами, предоставленными другимъ такимъ же должностямъ на основаніи дѣйствующихъ уставовъ и штатовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутымъ вновь учреждаемымъ должностямъ (по триста рублей въ годъ при казенной квартирѣ), отнести на счетъ суммъ сбора за ученіе въ Тамбовской гимназіи и Московскомъ реальномъ училищѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (1-го декабря 1897 года). *О пособіи изъ казны состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологій, исторіи и этнографіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о пособіи изъ казны состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологій, исторіи и этнографіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о пособіи изъ казны состоящему при Императорскомъ Казан-

скомъ университетѣ обществу археологій, исторіи и этнографіи, мнѣніемъ положилъ: отпускать изъ государственнаго казначейства въ теченіе 5 лѣтъ, начиная съ 1-го января 1898 года, по *шестисотъ* рублей въ годъ въ пособіе состоящему при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ обществу археологій, исторіи и этнографіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

9. (1-го декабря 1897 года). *Объ открытіи двухъ низшихъ классовъ реальнаго училища при учреждаемомъ въ г. Москвѣ промышленномъ училищѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи двухъ низшихъ классовъ реальнаго училища при учреждаемомъ въ г. Москвѣ промышленномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи двухъ низшихъ классовъ реальнаго училища при учреждаемомъ въ г. Москвѣ промышленномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Открыть съ 1-го іюля 1898 г., при учреждаемомъ въ г. Москвѣ промышленномъ училищѣ (Выс. утв. 14-го марта 1894 г. мн. гос. сов.) два низшихъ класса реальнаго училища.

II. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе въ теченіе 1898 г. означенныхъ классовъ (отд. I) *восемь тысячъ восемьсотъ пятнадцать* рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

10. (1-го декабря 1897 года). *О преобразованіи ремесленнаго училища при Тверскомъ обществѣ „Доброхотной копѣйки“.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи ремесленнаго училища при Тверскомъ обществѣ „Добро-

хотной копѣйки“, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи ремесленнаго училища при Тверскомъ обществѣ „Доброхотной копѣйки“, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1898 г., содержимое Тверскимъ благотворительнымъ обществомъ „Доброхотной копѣйки“, ремесленное училище въ школу ремесленныхъ учениковъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 20-го декабря 1893 г., положенія и штата сихъ школъ (собр. узаконеній и расп. Прав. 1894 г., № 19, ст. 129).

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означенной школы (отд. I), взаимнъ отпускаемыхъ нынѣ 2.000 р.: въ 1898 г.— *три тысячи семьсотъ тридцать два рубля пятьдесятъ копекъ*, а начиная съ 1899 г.— *по семи тысячъ четыреста шестидесяти пяти рублей* ежегодно.

III. Отпустить изъ того же источника на покрытіе единовременнаго расхода по устройству дополнительныхъ помѣщеній для школы (отд. I): въ 1898 г.— *одиннадцать тысячъ рублей* и въ 1899 г.— *десять тысячъ пятьсотъ рублей*.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

11. (1-го декабря 1897 года). *Объ измѣненіи постановленій, касающихся инспектора и воспитателей Курскаго дворянскаго пансіона-пріюта Императора Александра II.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи постановленій, касающихся инспектора и воспитателей Курскаго дворянскаго пансіона-пріюта Императора Александра II, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ

представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи служебныхъ правъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ Курскаго дворянскаго пансіона-пріюта Императора Александра II, мнѣніемъ положили:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

1. Непосредственное завѣдываніе пансіономъ-пріютомъ Императора Александра II въ г. Курскѣ возлагается на инспектора и воспитателей.

2. Инспекторъ пансіона-пріюта избирается изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а воспитатели — изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3. Означенныя въ статьѣ 1 должностныя лица пользуются служебными правами и преимуществами: инспекторъ — предоставленными инспекторамъ мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а воспитатели: изъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — правами учителей гимназій, изъ числа же окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній — правами учителей городскихъ училищъ.

4. Вызываемый измѣненіемъ служебныхъ правъ упомянутыхъ въ предшедшей (3) статьѣ лицъ дополнительный расходъ по производству имъ пенсій и единовременныхъ пособій въ увеличенномъ противъ нынѣшняго размѣрѣ относится на средства Курскаго дворянства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

12. (1-го декабря 1897 года). *О кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Псковской учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о кредитѣ на преподаваніе ручнаго труда въ Псковской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о

кредитъ на преподаваніе ручнаго труда въ Псковской учительской семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

I. Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1898 г., изъ государственнаго казначейства по *семисотъ* рублей на преподаваніе ручнаго труда въ Псковской учительской семинаріи.

II. Потребный въ текущемъ году расходъ на организацію ручнаго труда въ означенной семинаріи въ размѣрѣ *шестисотъ* рублей и на преподаваніе сего предмета въ размѣрѣ *трехсотъ пятидесяти* рублей отнести на остатки отъ кредитовъ по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

13. (1-го декабря 1897 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Подольскѣ, Московской губерніи, низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Подольскѣ, Московской губерніи, низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Подольскѣ, Московской губерніи, низшей ремесленной школы, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го января 1898 г., въ г. Подольскѣ, Московской губерніи, низшую ремесленную школу на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 24-го апрѣля 1895 г., мнѣнія государственнаго совѣта и штата, съ присвоеніемъ ей наименованія „школы имени потомственнаго почетнаго гражданина Я. И. Козлова“.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, начиная въ 1-го января 1898 года, на содержаніе названной школы (отд. I) по *двѣ тысячи семисотъ семидесяти* рублей ежегодно, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны по *триста семидесяти* рублей въ годъ процентовъ съ капитала Я. И. Козлова.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

14. (1-го декабря 1897 года). *О продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу на изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу на изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о продолженіи пособія Императорскому Русскому Историческому Обществу на изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи, мнѣніемъ положилъ:

Отпускать изъ государственнаго казначейства, въ теченіе 5 лѣтъ, начиная съ 1-го января 1898 г. по *девять тысячъ* рублей въ годъ въ пособіе Императорскому Русскому Историческому Обществу на изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

15. (1-го декабря 1897 года). *Объ учрежденіи въ селѣ Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, кожевенной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ с. Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, кожевенной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ с. Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, кожевенной школы, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1899 г., въ с. Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, кожевенную школу, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 24-го апрѣля 1895 г., мнѣнія государственнаго совѣта и штата низшихъ ремесленныхъ школъ.

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе означенной школы: въ 1899 г. — *одну тысячу триста восемьдесятъ пять* рублей и, начиная съ 1900 г., — *по двѣ тысячи семисотъ семидесяти* рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны: въ 1899 г., — 350 р. и начиная съ 1900 г. по 700 р. въ годъ, жертвуемыхъ мѣстнымъ сельскимъ Обществомъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на покрытие единовременнаго расхода по устройству и оборудованію школы (отд. I): въ 1898 г. — *пять тысячъ* рублей и въ 1899 г. — *три тысячи* рублей въ дополненіе къ тремъ тысячамъ пятистамъ рублямъ, жертвуемымъ на этотъ предметъ мѣстнымъ сельскимъ Обществомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

16. (1-го декабря 1897 года). *Объ отмінѣ временно-подушнаго сбора, взимаемаго съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ неземскихъ губерній Европейской Россіи на содержаніе училищъ и школъ въ селеніяхъ сихъ крестьянъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ отмінѣ временно-подушнаго сбора, взимаемаго съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ неземскихъ губерній Европейской Россіи на содержаніе училищъ и школъ въ селеніяхъ сихъ крестьянъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ объ отмінѣ временно-подушнаго сбора, взимаемаго съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ неземскихъ губерній Европейской Россіи на содержаніе училищъ и школъ въ селеніяхъ сихъ крестьянъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Отмінать съ 1898 г. взимаемый нынѣ временно-подушный сборъ

съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ на содержаніе училищъ и школъ въ селеніяхъ сихъ крестьянъ въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Минской, Могилевской, Оренбургской и Подольской.

II. Предоставить министру финансовъ принять, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, надлежащія мѣры къ прекращенію съ того же срока взиманія подушнаго на ту же надобность сбора въ Ставропольской губерніи.

III. На содержаніе сельскихъ училищъ и школъ въ названныхъ (п. I и II) губерніяхъ отпускать, начиная съ 1898 г., изъ суммъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нѣтъ по расходной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 18.000 р. по *восемидесяти шести тысячъ шестисотъ ямидесяти* рублей въ годъ.

IV. Въ возмѣщеніе таковыхъ издержекъ вносить, также начиная съ 1898 г., въ доходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія пособие казны изъ земскихъ сборовъ губерній: Архангельской — въ размѣрѣ 5.200 р., Астраханской — 6.900 р., Виленской — 7.700 р., Витебской — 4.250 р., Волынской — 6.500 р., Гродненской — 7.350 р., Киевской — 11.000 р., Минской — 3.650 р., Могилевской — 2.700 р., Оренбургской — 11.350 р., Подольской — 8.400 р. и Ставропольской — 11.650 р.

V. Вызываемый сею мѣрою расходъ изъ земскихъ сборовъ включать, начиная съ 1899 г., въ смѣты земскихъ повинностей названныхъ мѣстностей, а въ 1898 г. отнести на счетъ запасныхъ суммъ, исчисленныхъ по смѣтамъ означенныхъ повинностей указанныхъ губерній на трехлѣтіе 1896—1898 гг.; въ случаѣ же недостаточности запасной суммы по Ставропольской губерніи — обратить непокрываемую сею суммою часть расхода на общіе остатки по той же смѣтѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

17. (15-го декабря 1897 года). *Объ учрежденіи при С.-Петербургской шестой гимназіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при С.-Петербургской шестой гимназіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при С.-Петербургской шестой гимназіи четвертой должности помощника классныхъ наставниковъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить при С.-Петербургской шестой гимназіи четвертую должность помощника классныхъ наставниковъ съ служебными правами и преимуществами, предоставленными другимъ такимъ же должностямъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 30-го іюня 1871 г., устава и штата гимназій.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутой должности (отд. I) по *триста* рублей въ годъ при казенной квартирѣ, отнести на счетъ суммъ сбора за ученіе въ С.-Петербургской шестой гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

18. (15-го декабря 1897 года). *О льготахъ по пропуску предметовъ, выписываемыхъ изъ за границы для С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о льготахъ по пропуску предметовъ, выписываемыхъ изъ за границы для С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства финансовъ о льготахъ по пропуску предметовъ, выписываемыхъ изъ за границы для С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы имѣютъ право получать изъ за границы печатныя произведенія, рукописи и учебныя предметы и пособія, безъ разсмотрѣнія цензуры и оплаты пошлиною, при условіи непосредственной выписки указанныхъ выше предметовъ и пособій изъ за границы.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

19. (22-го декабря 1897 года). *Объ учрежденіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія особой инспекціи для надзора за промышленными училищами.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія особой инспекціи для надзора за промышленными училищами, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія особой инспекціи для надзора за промышленными училищами, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить при отдѣленіи промышленныхъ училищъ департамента народнаго просвѣщенія должности четырехъ инспекторовъ для наблюденія за означенными училищами, съ присвоеніемъ каждой изъ сихъ должностей ежегоднаго оклада содержанія въ 4.000 р. и, сверхъ того, 750 р. на разѣзды, V класса по чинопроизводству, V разряда по шитью на мундирѣ и пенсію по учебной службѣ.

II. Вызываемый указанною мѣрою (отд. I) расходъ въ количествѣ *девятнадцати тысячъ* рублей въ годъ отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства полностью, начиная съ 1899 года; въ будущемъ же 1898 г. ассигновать на этотъ предметъ *пятнадцать тысячъ* рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

20. (29-го декабря 1897 года). *Объ учрежденіи въ г. Гатчинѣ реальнаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Гатчинѣ реальнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Гатчинѣ реальнаго училища, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1898 г., въ г. Гатчинѣ шестиклассное реальное училище съ приготовительнымъ классомъ и съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ, съ тѣмъ, чтобы въ первый годъ были открыты приготовительный и два низшихъ класса сего училища, а въ послѣдующіе годы прибавлялось по одному слѣдующему классу впродъ до полнаго сформированія училища.

II. На содержаніе означеннаго училища (отд. I) ассигновать изъ государственнаго казначейства въ 1898 г. *семь тысячъ восемьдесятъ шесть рублей* и, начиная съ 1899 г., по *шестнадцати тысячъ шестьсотъ семьдесятъ два рубля* въ годъ, съ обращеніемъ съ 1899 г. въ доходъ казны ежегодно по *двѣ тысячи пятисотъ рублей*, жертвуемыхъ домовладѣльцами г. Гатчины.

III. Причитающуюся сверхъ того на содержаніе Гатчинскаго реальнаго училища сумму въ *четыре тысячи пятьсотъ восемьдесятъ шесть рублей* въ годъ отчислять изъ половины сбора за ученіе, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если половина сего сбора не достигнетъ означенной суммы, недостающая часть оной относилась на средства г. Гатчины.

IV. Могушіе образоваться отъ содержанія Гатчинскаго реальнаго училища остатки до полнаго его сформированія обращать на первоначальное обзаведеніе его мебелью и необходимыми учебными пособиями, а также на наемъ для него помѣщенія впродъ до постройки собственнаго зданія; по окончательномъ же сформированіи училища остатки эти раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію изъ казны, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, другую же, пропорціональную пособію

отъ домовладѣльцевъ г. Гатчины, оставлять въ распоряженіи послѣднихъ, для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

21. (29-го декабря 1897 года). *Объ утвержденіи штата юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проекту штата юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія по проекту штата юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

II. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденнаго, 25-го мая 1888 г., временнаго штата Императорскаго Томскаго университета (Собр. узак. и расп. Прав. 1888 года № 54, ст. 495): а) учредить должность декана медицинскаго факультета названнаго университета на общемъ основаніи, съ обращеніемъ на производство ему добавочныхъ въ размѣрѣ 600 р. въ годъ равной суммы, положенной по штату секретарю того же факультета, и б) назначить секретарю медицинскаго факультета добавочныхъ по 300 р. въ годъ.

III. На приведеніе въ дѣйствіе штата юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета (отд. I) и на производство добавочныхъ секретарю медицинскаго факультета (п. б отд. II) ассигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1898 г.—двадцать восемь тысячъ четыреста рублей, въ 1899 г.—сорокъ восемь тысячъ пятьсотъ рублей и, начиная съ 1-го января 1900 г.,—по шестидесяти девяти тысячъ рублей ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
Собственноручно начертать соизволивъ:

Въ Царскомъ Селѣ.

„Быть по сему“.

29-го декабря 1897 года.

Ш Т А Т Ъ

юридическаго факультета Императорскаго Томскаго университета.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у .			В С Е Г О .	По должности.	По шитью на мундирч.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.				
I. Личный составъ.								
<i>А. По учебной части.</i>								
Ординарныхъ профессоровъ . . .	11	2.400	1.050	1.050	49.500	V	V	} По учебн. служ.
Экстраординарныхъ профессоровъ.	4	1.600	700	700	12.000	VI	VI	
Деканъ	1	—	—	—	—	V	V	
Ему добавочныхъ	—	600	—	—	600			
Секретарь факультета.	1	—	—	—	—	V	V	
Ему добавочныхъ	—	300	—	—	300			
Помощникъ бібліотекаря	1	480	200	—	600	VIII	VIII	
<i>Б. По хозяйственной части, управленію и дѣлопроизводству.</i>								
Секретарь совѣта	1	1.000	200	Кв. въ натур.	1.200	VIII	VIII	} III ст. 2.
На усиленіе инспекціи	—	—	—	—	2.200			
На усиленіе канцеляріи однимъ писцомъ	1	—	—	—	300			
II. Учебно-вспомогательныя установленія и хозяйственныя расходы.								
На усиленіе бібліотеки	—	—	—	—	2.000			
В с е г о	—	—	—	—	68.700			

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

22. (18-го сентября 1897 года). *Объ установленіи форменной одежды для учащихся въ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на установленіе однообразной форменной одежды: 1) для учениковъ промышленныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ) и 2) для студентовъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, — Императорскаго Московскаго техническаго училища и технологическихъ институтовъ Императора Николая I и Харьковскаго. При этомъ статсъ-секретаремъ графомъ Деляновымъ представлены были на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе рисунки и описанія означенной форменной одежды.

Государь Императоръ, въ 18-й день сентября 1897 года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія по сему предмету и слѣдующіе къ нему рисунки и описанія.

Описаніе форменной одежды учениковъ промышленныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

I. Форменная одежда учащихся въ среднихъ техническихъ училищахъ.

Для учащихся въ среднихъ техническихъ училищахъ устанавливается форменная одежда одинаковая съ существующей нынѣ для учениковъ реальныхъ училищъ, но съ слѣдующими лишь добавленіями.

1) На околышѣ фуражки присвоеннаго формѣ учениковъ реальныхъ училищъ образца: (съ козырькомъ) темнозеленаго сукна, съ желтаго цвѣта выпушкой, помѣщается утвержденный установленнымъ порядкомъ позолоченный металлическій знакъ, составленный изъ циркуля, ключа, молотка и треугольника, заключенныхъ между двумя дубовыми вѣтками.

2) Такой же знакъ меньшаго размѣрашивается, съ двухъ сторонъ, на воротникѣ полукафтана подъ галуномъ, на воротникѣ блузы, а также на петлицахъ пальто.

Примѣчаніе. Блуза для работъ въ мастерскихъ устанавливается по усмотрѣнію попечителя подлежащаго учебнаго округа.

II. Форменная одежда учащихся въ низшихъ техническихъ училищахъ.

1) Фуражка (съ козырькомъ) темнозеленаго сукна (безъ выпушки) съ описаннымъ выше знакомъ на околышѣ.

2) Блуза сѣраго сукна съ позолоченными, металлическими гладкими пуговицами.

Примѣчаніе. Блуза для работъ въ мастерскихъ устанавливается по усмотрѣнію попечителя подлежащаго учебнаго округа.

3) Шаровары сѣраго сукна, длинныя, сверхъ сапоговъ.

4) Пальто сѣраго солдатскаго сукна, двубортное, застегивающееся на шесть позолоченныхъ металлическихъ, гладкихъ пуговицъ; петлицы на воротникѣ такія же, какъ и на воротникѣ пальто, присвоеннаго формѣ воспитанниковъ реальныхъ училищъ, чернаго цвѣта, съ позолоченными металлическими, гладкими пуговицами и желтою выпушкой.

5) Кушакъ съ мѣдной бляхой, на коей помѣщаются инициалы училища.

III. Форменная одежда учащихся въ ремесленныхъ училищахъ.

1) Фуражка (съ козырькомъ) темнозеленаго сукна (безъ выпушки) съ такимъ же знакомъ на околышѣ, какъ и на околышахъ фуражекъ учениковъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

2) Блуза изъ какой либо сѣрой ткани.

3) Шаровары изъ какой либо сѣрой ткани, длинныя, сверхъ сапоговъ.

4) Кушакъ съ мѣдной бляхой.

Описаніе форменной одежды студентовъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

1) Фуражка (съ козырькомъ) темнозеленаго сукна, съ околышемъ изъ синяго бархата, по верху фуражки, а также по верхнему и нижнему краямъ околыша суконная синяя выпушка; на околышѣ помѣщается утвержденный установленнымъ порядкомъ знакъ.

Примѣчаніе. На околышѣ фуражки студентовъ технологическихъ институтовъ остается знакъ, установленный при вве-

деніи для нихъ Высочайше утвержденной 3-го іюля 1885 года форменной одежды; такого же образца знакъ, но лишь съ замѣной существующихъ въ вѣнкѣ сего знака инициаловъ Т. И. буквами И. Т. У. помѣщается на околышѣ фуражки студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища.

2) Мундиръ темнозеленаго сукна, однобортный застегивающійся на девять позолоченныхъ съ государственнымъ гербомъ, металлическихъ пуговицъ. Воротникъ (съ откошенными концами) и обшлага (прямые) изъ синяго бархата, съ двумя петлицами изъ золотого галуна на воротникѣ и обшлагахъ и съ двумя, упомянутого выше образца, пуговицами на каждомъ рукавѣ. По краямъ воротника и обшлаговъ выпуска изъ синяго сукна.

3) Сюртукъ темнозеленый, открытый, двубортный, застегивающійся на 4 того же образца, какъ и на мундирѣ, пуговицы, съ темносинимъ бархатнымъ отложнымъ воротникомъ; по краямъ воротника и обшлаговъ выпуска изъ синяго сукна. Наплечники изъ синяго бархата съ синей выпушкой съ нашитыми на нихъ позолоченными металлическими инициалами даннаго учебнаго заведенія, помѣщенными въ вѣнкѣ установленнаго образца.

Примѣчаніе. Наплечники на форменной одеждѣ студентовъ технологическаго института Императора Николая I образца Высочайше утвержденного 22-го іюня 1896 года.

4) Полу пальто темнозеленаго сукна, двубортное, застегивающееся на шесть описаннаго выше образца пуговицъ, съ отложнымъ того же цвѣта воротникомъ, наглухо застегивающимся. На воротникѣ синяя бархатная петлица, съ выпушкой и пуговицею. Наплечники такіе же, какъ на сюртукѣ.

5) Шаровары синія, длинныя, сверхъ сапоговъ съ свѣтло-синимъ кантомъ.

6) Пальто темнозеленаго сукна, съ отложнымъ того же сукна воротникомъ и съ лацканами. На воротникѣ синяя бархатная петлица съ выпушкой и пуговицею. Наплечники такіе же, какъ на сюртукѣ и полу пальто.

Примѣчаніе 1. Студентамъ предоставляется право носить и шинели изъ темносѣраго сукна офицерскаго образца. Въ зимнее время какъ шинель, такъ и форменное пальто могутъ быть съ мѣховымъ воротникомъ.

Примѣчаніе 2. Съ 1-го мая по 1-е сентября студентамъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній разрѣшается носить,

по желанію. бѣлый двубортный китель военнаго образца со стоячимъ воротникомъ и фуражку съ бѣлымъ чехломъ.

- 7) Галстукъ черный, перчатки замшевыя.
- 8) Башлыкъ общаго образца верблюжьяго цвѣта.

23. (30-го октября 1897 года). *Объ утвержденіи положенія о форменной одеждѣ для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и рисунковъ образцовъ упомянутой формы.*

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ Правительствующій Сенатъ, для распубликованія, засвидѣтельствованныя копии съ Высочайше утвержденныхъ въ 30-й день октября 1897 года положенія о форменной одеждѣ для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и рисунковъ образцовъ упомянутой формы.

На подлинномъ министромъ народнаго просвѣщенія написано: *Высочайше утверждено. Царское Село. 30-го октября 1897 года. Министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ Деляновъ.*

Положеніе о форменной одеждѣ для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Форменную одежду для всѣхъ чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, занимающихъ классныя должности, составляютъ:

1. *Гражданскій полукафтанъ*, или мундиръ, нынѣ существующій и остающійся парадною формою безъ измѣненія, съ шитьемъ по разряду, къ коему отнесена занимаемая должность по штату. Узоръ шитья, различествующій по учебнымъ округамъ и особымъ учрежденіямъ министерства, остается прежній, а цвѣтъ шитья и пуговицы устанавливается общій по всему вѣдомству,—золотой; при чемъ пуговицы остаются существующаго образца матовыя. При мундирѣ полагаются трехугольная шляпа и шпага.

2. *Мундирный фракъ*, также нынѣ существующій, сохраняется для лицъ, занимающихъ должности не ниже VI класса.

3. *Двубортный скортукъ*, установленный уже положеніемъ о форменной одеждѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства, то-есть темносиняго сукна, съ отложнымъ бархатнымъ воротникомъ, съ шестью на каждой сторонѣ пуговицами и съ отороченными обшлагами, на которыхъ по двѣ малыхъ пуговицы; на воротникѣ, въ полувершкѣ отъ краевъ онаго, прикрѣпляется золоченый металлическій знакъ, съ изображеніемъ въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ государственнаго

герба. Къ этой одеждѣ прибавляются плечевые знаки нижеуказанной формы и шпага гражданскаго образца.

4. *Дорожная форменная одежда* (тужурка) черного сукна, двубортная, въ видѣ укороченнаго пальто, застегивающаяся, какъ сюртукъ, шестью или четырьмя пуговицами того же, какъ и на сюртукѣ, образца, съ гладкою спинкою безъ разрѣза внизу и безъ перемычки, съ двумя карманами по бокамъ и съ отороченными обшлагами, но безъ пуговицъ. Воротникъ отложной, суконный, съ бархатною темносиняго цвѣта петлицею съ пуговицею и такимъ же металлическимъ знакомъ какъ на воротникѣ сюртука. Плечевые знаки какъ на сюртукѣ, а отвороты у бортовъ и края подкладки черного сукна; подкладка же черная шелковая, ластиковая или шерстяная, а у лицъ, состоящихъ въ чинахъ не ниже IV класса, отвороты у бортовъ и подкладка сѣняго цвѣта, съ такими же выпушками вокругъ обшлаговъ, по бортамъ и карманамъ.

Примѣчаніе. Въ лѣтнее время вездѣ, не исключая и столицъ, дозволяется замѣна суконныхъ сюртука, тужурки, брюкъ и жилета таковыми же изъ бѣленаго или небѣленаго полотна.

Брюки суконныя темносинія, при дорожной формѣ могутъ быть и черныя, а при парадной и праздничной формахъ у лицъ, занимающихъ должности не ниже IV класса—бѣлыя или темносинія съ золотымъ галуномъ.

Жилетъ по цвѣту мундира, сюртука и дорожной одежды, съ шестью малыми указаннаго выше образца пуговицами; при бѣломъ галстукѣ жилетъ допускается бѣлый пякейный, съ шестью того же образца пуговицами.

Плащъ (пальто) черного сукна, двубортный, по образцу, установленному для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства; воротникъ отложной того же сукна безъ выпушки съ петлицами, какъ на укороченномъ пальто, и съ такими же наплечными знаками; отвороты у бортовъ плаща и края подкладки черного сукна, а у лицъ, состоящихъ въ чинахъ не ниже IV класса—синяго сукна, съ таковыми же выпушками вокругъ воротника, обшлаговъ, карманныхъ клапановъ, перемычки и по бортамъ, подкладка шерстяная или ластиковая, у лицъ, состоящихъ въ чинахъ не ниже IV класса—синяго цвѣта, а у остальныхъ — черного. Въ зимнее время, вмѣсто суконнаго воротника, допускается воротникъ изъ черной мерлушки.

Шинель черного сукна, съ капюшономъ, односторонняя, съ шестью пуговицами, отложнымъ воротникомъ и петлицей, какъ на плащѣ.

Въ зимнее время, вмѣсто суконнаго воротника, допускается воротникъ изъ черной мерлушки или бобровый. Подкладка черная шелковая, шерстяная, ластиковая или мѣховая.

Башилукъ верблюжьяго сукна, военнаго образца.

Перчатки при парадной и праздничной формахъ бѣлыя замшевыя; а при обыкновенной и дорожной разрѣшается носить и сѣрыя.

Фуражка темносиняго сукна, съ козырькомъ установленнаго образца (въ лѣтнее время, по желанію, съ чашкомъ изъ бѣлаго полотна, покрывающимъ верхъ фуражки). Околышь темносиняго же бархата. Кокарда круглая, гражданскаго образца, пригоняется на средягѣ тульи надъ околышемъ. Подъ кокардою на околышѣ укрѣпляется золоченый металлическій знакъ съ изображеніемъ въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ государственнаго герба.

Въ зимнее время дозволяется фуражку замѣнять черною мерлушковою *шапкою* съ донышкомъ изъ темносиняго сукна, съ кокардою и металлическимъ подъ кокардою знакомъ и съ обшивкою для чиновъ не ниже IV класса донышка крестообразно узкимъ золоченымъ галуномъ по примѣру вѣдомствъ удѣльнаго и юстиціи.

Плечевые знаки устанавливаются одинаковой для таковыхъ же знаковъ въ другихъ вѣдомствахъ длины и ширины.

Для министра народнаго просвѣщенія и его товарища—продольные изъ золотаго сплошнаго жгута, нашитаго на синій бархатъ съ серебряными звѣздочками по чину.

Для остальныхъ чиновъ—поперечные изъ синяго же бархата, на который нашивается золотая тканая рогожка, съ серебряными звѣздочками, соотвѣтственно чинамъ, въ слѣдующей постепенности:

Для лицъ, состоящихъ въ чинахъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго совѣтника, сплошная тканая рогожка: для первыхъ — безъ звѣздочекъ, для вторыхъ—съ тремя, для третьихъ—съ двумя и для четвертыхъ — съ одною вышитыми канителью и блестками звѣздочками.

По чинамъ коллежскаго совѣтника, надворнаго совѣтника и коллежскаго ассессора—рогожка при двухъ узкихъ просвѣтахъ: для первыхъ—безъ звѣздочекъ, для вторыхъ—съ тремя и для третьихъ—съ двумя обыкновенными металлическими звѣздочками.

По чинамъ титулярнаго совѣтника, коллежскаго секретаря, губернскаго секретаря и коллежскаго регистратора—рогожка при одномъ узкомъ просвѣтѣ: для первыхъ—безъ звѣздочекъ, для вторыхъ — съ

тремя, для третьихъ—съ двумя и для четвертыхъ — съ одною обыкновенными металлическими звѣздочками.

Лицамъ учено-учебной службы, не утвержденнымъ еще въ соотвѣтствующихъ должности чинахъ, но занимающимъ должности не ниже VIII класса присваиваются поперечные плечевые знаки съ нашивкою по срединѣ одною полосою золотой тканой рогожки, шириною въ полъ вершка, а занимающимъ должности ниже VIII класса такіе же знаки съ обшивкою вокругъ знака полосою золотой тканой рогожки, шириною въ четверть вершка.

Лица общей гражданской службы, неимѣющія чиновъ, плечевыхъ знаковъ не носятъ.

Вышеозначенная форменная одежда раздѣляется на парадную, праздничную, обыкновенную (будничную) и дорожную.

Ношеніе *парадной формы*, то-есть мундира съ шитьемъ при синихъ брюкахъ, а для лицъ, занимающихъ должности не ниже IV класса—при бѣлыхъ брюкахъ съ галуномъ, трехугольной шляпѣ и шпагѣ, остается безъ измѣненій.

Праздничная форма, то-есть тотъ же мундиръ при темносинихъ брюкахъ, а для лицъ, занимающихъ должности не ниже IV класса—при темносинихъ брюкахъ съ галуномъ, трехугольной шляпѣ и шпагѣ остается также безъ измѣненій при представленіяхъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и особамъ Императорской Фамиліи и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этой формѣ надлежитъ быть въ присутствіи Ихъ Величествъ.

Праздничная форма во всѣхъ остальныхъ случаяхъ можетъ быть замѣняемая двубортнымъ сюртукомъ съ плечевыми знаками, при бѣлыхъ галстукѣ и жилетѣ, темносинихъ брюкахъ (для лицъ, занимающихъ должности не ниже IV класса, темносинихъ съ галуномъ), шпагѣ и фуражкѣ, а равно при орденахъ и знакахъ отличія.

Обыкновенная форма (будничная), то-есть тотъ же двубортный сюртукъ, съ плечевыми знаками, при черномъ галстукѣ, темносинемъ жилетѣ и темносинихъ брюкахъ, при шпагѣ и фуражкѣ, замѣняетъ мундирный фракъ какъ для всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ должностяхъ ниже VI класса, такъ и, по желанію для лицъ, занимающихъ должность выше VI класса, и носится при представленіяхъ начальству: во время перваго и прощальнаго приемовъ подчиненныхъ, по случаю полученія Высочайшей награды или новаго назначенія, во время бытности въ командировкахъ, при всѣхъ официальныхъ визитахъ, внѣ службы и при исполненіи служебныхъ обязанностей; въ послѣднемъ

случаѣ безъ шпаги, При этой формѣ носятя звѣзды и старшій орденъ, согласно тому порядку, какой установленъ для ношенія орденъ при мундирныхъ фракахъ.

Послѣдніе два вида формы носятя и причисленными къ министерству.

Дорожная форма (тужурка) носитя во время дороги при поѣздахъ по дѣламъ службы.

Правила о форменной одѣждѣ почетныхъ попечителей и почетныхъ смотрителей учебныхъ заведеній, почетныхъ блюстителей приходскихъ и другихъ училищъ и вообще лицъ, занимающихъ почетныя должности, остаются безъ измѣненія, то-есть лица эти пользуются правомъ ношенія мундирнаго полукафтана, занимаемой должности присвоеннаго.

Ношеніе частей форменной одежды при партикулярномъ платьѣ не допускается.

Ношеніе формы новаго образца разрѣшается со времени распубликованія настоящаго положенія и обязательно съ 1-го января 1900 года.

24. (31-го сентября 1897 года). *Объ учрежденіи при Вяземскомъ городскомъ училищѣ шести стипендій въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 31-й день сентября 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Вяземскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ шести стипендій на проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго Вяземскимъ мѣщанскимъ обществомъ въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

25. (19-го октября 1897 года). *Объ учрежденіи при Александропольской Ольгинской женской прогимназіи стипендіи въ память въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день октября 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Александропольской Ольгинской женской прогимназіи стипендіи въ память въ Бозѣ почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.

26. (30-го октября 1897 года). *Объ учрежденіи при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день октября 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ на проценты съ пожертвованнаго служащими въ ономъ капитала въ 1.100 рублей стипендіи въ память бракосочетанія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарять.

27. (30-го октября 1897 года) *Объ учрежденіи при Владиміро-Волинскомъ юродскомъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день октября 1897 года. Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Владиміро-Волинскомъ городскомъ училищѣ двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

28. (2-го января 1898 года). *О включеніи въ списокъ должностей, освобождающихъ отъ призыва въ войска, приватъ-доцентовъ, не имѣющихъ степени магистра, но допущенныхъ къ постоянному преподаванію въ университетахъ.*

По выслушаніи записки бывшаго министра народнаго просвѣщенія, отъ 23-го ноября 1897 года за № 30750 о включеніи въ списокъ должностей, освобождающихъ отъ призыва въ войска, приватъ-доцентовъ, не имѣющихъ степени магистра, но допущенныхъ къ постоянному преподаванію въ университетахъ, комитетъ министровъ полагалъ: на приведеніе въ исполненіе заключенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія по сему дѣлу испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, во 2-й день января 1898 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(16-го января 1898 года). *Назначается:* экстраординарный профессор Императорскаго Харьковского университета, доктор медицины, коллежскій совѣтник *Орловъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ хирургической патологiи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Варшавской пятой мужской гимназiи, магистръ греческой словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Канскій*, съ 1-го января, съ мундиroomъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель Кронштадтской гимназiи *Павловъ* — съ 31-го iюля 1897 г., по Казанскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ: Казанской губерніи, *Ронинскій*—съ 14-го августа 1896 г. и Вятской губерніи *Колосовъ*—съ 5-го октября 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназiй; С.-Петербургской 5-й, *Кирильковъ* — съ 1-го iюля 1897 г., Нарвской, *Антроповъ*—съ 6-го октября 1896 г., Олонецкой: *Чудиновъ*—съ 1-го iюля 1896 г. и *Большегородинскій*—съ 20-го августа 1894 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, *Натинъ* — съ 1-го сентября 1897 г. и С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища, *Леве*—съ 8-го iюня 1895 г.; воспитатель пансіона С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища *Пашковскій*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Казанскому учебному округу: наставникъ Казанской учительской семинаріи *Рождественъ* — съ 22-го августа 1897 г.; лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета *Беръ* — съ 25-го сентября 1896 г.; врачъ Саратовскаго Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта *Раушенбагъ*—съ 1-го октября 1892 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Антоновъ*—съ 9-го сентября 1896 г.; преподаватели гимназiй: С.-Петербургской 3-й, *Ганъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; Олонецкой, *Ивановскій*—съ 1-го iюля 1893 г., частной Мая въ Петербургѣ: *Липовскій* — съ 1-го сентября 1895 г. и *Койкъ* — съ 20-го

августа 1895 г.; училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: *Зейботъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и *Шюстровскій*—съ 1-го августа 1896 г.; учитель Петергофской прогимназіи *Ядришевъ*—съ 1-го августа 1896 г.; преподаватель С.-Петербургскаго 1-го реального училища *Массальскій*—съ 23-го іюня 1893 г.; учитель-инспекторъ Шлиссельбургскаго городского училища *Левинскій*—съ 30-го сентября 1896 г.; по Казанскому учебному округу, учитель Вятской женской гимназіи *Навашинъ*—съ 4-го сентября 1896 г.; наставникъ Вольской учительской семинаріи *Кузнецовъ*—съ 31-го августа 1896 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Вятскаго четырехкласснаго *Деренковъ*—съ 23-го ноября 1895 г. и Нолинскаго трехкласснаго *Корневскій*—съ 24-го августа 1896 г.; помощники прозектора Императорскаго Казанскаго университета: *Голубевъ*—съ 12-го февраля 1893 г. и *Рождественскій*—съ 17-го января 1896 г.; лаборантъ того же университета *Семель*—съ 5-го іюня 1897 г.; сверхштатный ординаторъ Офтальмологической клиники того же университета *Ивановъ*—съ 22-го октября 1896 г.; врачъ Казанскаго городского четырехкласснаго училища *Кротовъ*—съ 8-го февраля 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Вятскаго четырехкласснаго, *Тимофьевъ*—съ 21-го сентября 1896 г. и Елабужскаго трехкласснаго, *Ильинскій*—съ 14-го августа 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: по С.-Петербургскому учебному округу: помощники бібліотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета: *Эпимахъ-Шутилло*—съ 7-го іюня 1897 г. и *фонъ-Антониусъ*—съ 26-го февраля 1897 г.; учитель-завѣдывающій Гдовскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Троцкій*—съ 1-го ноября 1897 г.; преподаватель черченія и рисованія частнаго реального училища Мая въ С.-Петербургѣ, *Лоренцъ*—съ 30-го сентября 1891 г.; учителя городскихъ училищъ: Андреевскаго, *Стариковъ*—съ 30-го сентября 1897 г., Воздвиженскаго, *Васильевъ*,—съ 1-го сентября 1895 г. и Валдайскаго, *Корниловъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; по Казанскому учебному округу сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ акушерства Императорскаго Казанскаго университета *Столтинскій*—съ 12-го февраля 1889 г.; учитель-инспекторъ Глазовскаго городского трехкласснаго училища *Петровъ*—съ 24-го іюля 1896 г.; исправляющій должность помощника бібліотекаря Императорскаго Казанскаго университета *Ершовъ*—съ 26-го января 1897 г.; хранитель ботаническаго музея того же университета *Гордянинъ*—съ 14-го мая 1897 г.; врачъ Сызранскаго городского трехкласснаго училища *Ан*

древъ—съ 20-го ноября 1890 г.; учитель Яранскаго городского трехкласснаго училища *Бляевъ*—съ 12-го февраля 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: воспитатель пансіона Томской гимназіи *Оксеновъ*—съ 24-го ноября 1895 г.; учитель-завѣдывающій Бійскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Никитинъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: по С.-Петербуржскому учебному округу: хранитель кабинета практической механики Императорскаго С.-Петербуржскаго университета *Колосовъ*—съ 21-го января 1897 г. и лаборантъ химической лабораторіи того же университета *Красускій*—съ 1-го февраля 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Олонецкой гимназіи *Лядинскій*—съ 21-го января 1894 г.; учителя С.-Петербуржскихъ городскихъ училищъ: Андреевскаго, *Ковшовъ*—съ 1-го марта 1896 г. и Сампсоньевскаго: *Ивановъ*—съ 12-го октября 1895 г. и (сверхштатный) *Смѣловъ*—съ 1-го октября 1895 г.; по Казанскому учебному округу: сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Степановъ*—съ 7-го октября 1895 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета *Злобинъ*—съ 1-го января 1897 г.; секретарь правленія того же университета *Муравцевъ*—съ 29-го мая 1897 г.; учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Алатырскаго, *Зефировъ*—съ 6-го сентября 1894 г., Яранскаго, *Андреевъ*—съ 23-го ноября 1894 г. и Чебоксарскаго, *Зыревъ*—съ 8-го іюля 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по С.-Петербуржскому учебному округу, казначей Императорскаго С.-Петербуржскаго университета *Кириловъ*—съ 20-го мая 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: помощникъ учителя Бійскаго духкласснаго городского училища *Воронинъ*—съ 7-го августа 1891 г.; учитель Томскаго уѣзднаго училища *Быстржицкій*—съ 20-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Казанскому учебному округу: почетный смотритель Малмыжскаго городского трехкласснаго училища *Александровъ*—съ 21-го мая 1890 г.; помощникъ учителя Яранскаго городского трехкласснаго училища *Зартинъ*—съ 24-го сентября 1895 г.; учитель Цивильскаго городского приходскаго училища *Скворцовъ*—съ 18-го сентября 1890 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Борохудзирскаго сельскаго приходскаго училища *Замятинъ*—съ 10-го января 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по С.-Петербуржскому учебному округу, учитель Холмскаго Николаевскаго приходскаго училища *Ореховъ*—съ 8-го сентября 1897 г.; по Казанскому учебному округу: бывшій учитель

Черноярскаго городского мужскаго приходскаго училища *Лопатинъ* — съ 1-го октября 1895 г., кацелярскій служитель канцеляріи попечителя *Ливатовъ* — съ 19-го іюля 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учителя приходскихъ училищъ: *Любовинскаго*, *Кудринъ* — съ 1-го іюля 1896 г. и *Мало-Алматинскаго*, *Чебыкинъ* — съ 1-го іюля 1897 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскіе советники:* по С.-Петербургскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ 3-го раіона Вологодской губерніи, коллежскій ассессоръ *Младовъ* — съ 1-го августа 1893 г.; по Московскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, коллежскій ассессоръ *Чернышовъ* — съ 8-го мая 1893 г.; по Казанскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи *Самосатскій* — съ 21-го февраля 1892 г.; *коллежскаго ассессора:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: С.-Петербургскихъ гимназій: 10-й, *Церетели* — съ 1-го сентября 1893 г. и частной *Мая*, *Штернбергъ* — съ 15-го января 1892 г., реальныхъ училищъ: частнаго Богинскаго: *Фиммоновъ* — съ 22-го сентября 1893 г. и *Семенчиковъ* — съ 15-го сентября 1893 г.; Вологодскаго *Пецолдъ* — съ 1-го сентября 1893 г.; по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Симбирской, *Сертневъ* — съ 27-го января 1893 г. и Саратовской женской министерства народнаго просвѣщенія, *Гарцъ* — съ 6-го сентября 1893 г.; воспитатель пансіона Саратовской 1-й гимназіи *Гончаровъ* — съ 1-го августа 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя Томской гимназіи: *Верховцевъ* — съ 15-го іюня 1893 г. и *Тыжновъ* — съ 1-го сентября 1893 г.; *титularнаго советника:* по С.-Петербургскому учебному округу: врачъ Гатчинскаго городского училища *Колтаковъ* — съ 1-го августа 1893 г., по степени лекаря; по Казанскому учебному округу, врачъ Царицынской женской гимназіи *Шаровъ* — съ 31-го декабра 1892 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря:* по С.-Петербургскому учебному округу: почетный смотритель Сольвычегодскаго городского училища *Смирновъ* — съ 25-го апрѣля 1897 г., по степени кандидата Императорскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургскаго 1-го реального училища, *Ивановъ* — съ 26-го марта 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: Новоладожскаго, *Ильинъ* — съ 1-го апрѣля 1893 г., Ляльскаго: *Михайловъ* и *Прохоровъ*, оба — съ 1-го іюля 1893 г.; Грязовецкаго, *Созыкинъ* — съ 1-го мая 1893 г.; по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: *Балашовскаго*

Захаровъ — съ 24-го сентября 1892 г. и Вятскаго (сверхштатный) *Панкратьевъ*—съ 1-го іюля 1893 г., трехклассныхъ: Мамыжскаго, *Инатъевъ*—съ 1-го іюля 1889 г. и Уржумскаго, *Раевскій*—съ 25-го апрѣля 1892 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Федоровъ* — съ 1-го іюня 1893 г. и Тобольской гимназіи, *Ветохинъ*—съ 15-го іюня 1893 г.; *губернскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу, учитель Порховскаго уѣзднаго училища, *Котыловъ*—съ 1-го сентября 1893 г.; по Казанскому учебному округу, учитель Ардатовскаго уѣзднаго училища, *Киселевъ* — съ 1-го іюня 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Ялуторовскаго уѣзднаго училища, *Холдингъ* — съ 4-го іюня 1893 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашніе учителя; *Гладковскій*—съ 4-го августа 1897 г. и *Свижкѣ*—съ 26-го августа 1889 г.; по Казанскому учебному округу, бывший учитель рисованія, черченія и чистописанія Сенгилеевскаго уѣзднаго училища, *Мастрюковъ*—съ 1-го сентября 1882 года.

Отдается старшинство въ чинѣ, *коллежскаго ассессора*, по Варшавскому учебному округу, учителю Варшавской 3-й мужской гимназіи *Лошевскому*—съ 1-го августа 1893 года.

(26-го января 1898 года). *Назначаются*: директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чеботаревъ*—начальникомъ Сувалкской учебной дирекціи; инспекторъ народныхъ училищъ Псковской губерніи, статскій совѣтникъ *Павловъ*—директоромъ народныхъ училищъ Эстляндской губерніи, съ 1-го января; инспекторъ Коммиссаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Крыловъ* — директоромъ Московскаго промышленнаго училища, съ 1-го января; привать-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Савельевъ* и Новороссійскаго, магистръ классической филологіи *Базинеръ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Юрьевскаго, по кафедрѣ специальной патологіи и клиники, съ 1-го января, а второй—Варшавскаго, по кафедрѣ римской словесности; помощникъ директора главной физической обсерваторіи, статскій совѣтникъ *Штеллингъ* — на ту же должность, на основаніи Высочайше утвержденного, 17-го ноября 1897 г., росписаны должностей означенной обсерваторіи.

Утверждаются: статскій совѣтникъ *Рыковъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Мелитопольскаго реальнаго училища, согласно избранію,

на три года; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, надворный совѣтникъ графъ *Нессельроде* и коллежскій секретарь *Ханайченко*—почетными попечителями: первый—Вольскаго реальнаго училища, а второй—Бѣлгородской гимназіи, оба—согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ графа Нессельроде—въ придворномъ званіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Ставропольскихъ св. Александры и Ольгинской женскихъ гимназій, статскій совѣтникъ *Горошко*, съ 1-го января, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Захаринъ*, съ 23-го декабря 1897 года.

(31-го января 1898 года). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомировъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи; учитель Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Брянцевъ*—директоромъ народныхъ училищъ Курляндской губерніи, съ 1-го января; учитель, исполняющій обязанности инспектора Тифлисской второй мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Иваницкій*—директоромъ Омской учительской семинаріи; почетный смотритель С.-Петербургскаго Воздвиженскаго городского училища, коллежскій секретарь *Романовъ*—почетнымъ попечителемъ С.-Петербургской седьмой гимназіи, на три года, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи, титулярный совѣтникъ *Бернадскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ минералогіи; исправляющій должность доцента Императорскаго Юрьевскаго университета, кандидатъ юридическихъ наукъ, титулярный совѣтникъ *Бѣляевскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ полицейскаго права; учитель Ливенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Юрьевъ*—директоромъ С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища, съ 1-го января; кандидатъ юридическихъ наукъ *Сомовъ*—вторымъ почетнымъ попечителемъ Череповецкой учительской семинаріи, на три года.

Утверждаются: дѣйствительный тайный совѣтникъ *Айвазовскій* и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брянчаниновъ*—вновь почет-

ными попечителями: первый — Феодосійской гимназін, а второй—Веляколуцкаго реального училища, оба — согласно избранію, на три года.

Предоставляется, уволенному отъ службы, за выслугою срока, бывшему Ревельскому директору народныхъ училищъ, статскому совѣтнику *Блаватъиценому*—носить въ отставку мундиръ, означенной должности присвоенный.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Императорской академіи наукъ: младшій зоологъ зоологическаго музея академіи *Никольскій*—съ 1-го февраля 1896 г.; помощникъ директора магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Иркутскѣ *Розенталь*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Императорскому россійскому историческому музею Имени Императора Александра III, бібліотекаръ музея *Станкевичъ*—съ 6-го апрѣля 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Императорской академіи наукъ, директоры: Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи, *Вознесенскій* и Тифлисской физической обсерваторіи, *Гласекъ*, оба—съ 1-го мая 1897 г.; вычислитель Главной физической обсерваторіи *Гарнакъ*—съ 1-го января 1897 г.; сверхштатный помощникъ Главной физической обсерваторіи *Шукевичъ*—съ 1-го февраля 1897 г.; по археографической комиссіи, сотрудникъ комиссіи *Ежовъ*—съ 1-го января 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, по Императорской академіи наукъ, физикъ отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщений о погодѣ и штормовыхъ предостереженій при Главной физической обсерваторіи *Грибодовъ*—съ 16-го сентября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, младшій наблюдатель Тифлисской физической обсерваторіи *Ильинъ*—съ 1-го января 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Императорской академіи наукъ, младшій помощникъ бібліотекаря 2-го отдѣленія бібліотеки академіи *Галлеръ*—съ 8-го января 1897 г., по Императорскому россійскому историческому музею Имени Императора Александра III, помощникъ бібліотекаря музея *Новицкій*—съ 27-го марта 1897 г.

Утверждаются въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*: по Императорской академіи наукъ, лаборантъ академической лабораторіи по физиологіи и анатоміи растений *Нелюбовъ*—съ 1-го мая 1896 г., и сверхштатный помощникъ Главной физической обсерваторіи *Веселовзоровъ*—съ 1-го декабря 1895 г., оба по диплому 1-й степени Императорскаго университета; младшій помощникъ бібліотекаря

2-го отдѣленія бібліотеки академіи *Гансена*—съ 5-го апрѣля 1897 г., по степени кандидата Императорскаго университета.

(7-го февраля 1898 года). *Опредѣляются* въ службу, изъ отставныхъ: магистръ русской словесности *Пипинъ* и магистръ естественныхъ наукъ, коллежскій совѣтникъ *Воронинъ*—съ утвержденіемъ ихъ. согласно избранію, академиками Императорской академіи наукъ: перваго—ординарнымъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности, а втораго—сверхштатнымъ ординарнымъ, по ботаникѣ, оба—съ 10-го января.

Назначаются: причисленный къ министерству, инженеръ-технологъ, коллежскій секретарь *Овсянниковъ* и дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами, инженеръ-технологъ, коллежскій секретарь *Москалевъ*—инспекторами для наблюденія за промышленными училищами при означенномъ особомъ отдѣленія департамента, оба—съ 1-го января; исполняющій обязанности инспектора Екатеринославскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Собъщанскій*—исправляющимъ должность директора того же училища, съ 1-го февраля; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Муратовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ гинекологіи и акушерства.

Утверждается поручикъ запаса гвардіи *Дудинскій* — вновь, почетнымъ попечителемъ Рославльской шестиклассной прогимназіи, согласно избранію, на три года.

Умершіе исключаются изъ списковъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Востоковъ*, съ 21-го января и директоръ Екатеринославскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Голубовскій*, съ 14-го января.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: инспекторы: Луцкой прогимназіи, *Орда* — съ 1-го іюля 1896 г. и Лубенской гимназіи, *Чемолосовъ* — съ 23-го сентября 1897 г.; учителя: гимназій: Прилукской: *Лебедевъ* — съ 1-го іюня 1897 г., *Калента* — съ 1-го августа 1897 г., Каменецъ-Подольской, *Максимовъ* — съ 11-го августа 1896 г., Бѣлоцерковской, *Дорожнинскій* — съ 9-го февраля 1897 г., Житомирской 2-й, *Пантелеймоновъ*—съ 1-го іюля 1897 г.,

Полтавской, *Рыбарчъ*—съ 11-го мая 1897 г., Киевской 1-й: *Космолювъ*—съ 1-го іюля 1897 г., *Лятошинскій*—съ 12-го декабря 1896 г., Кременчугской женской, *Завадскій*—съ 10-го сентября 1897 г., Стародубской прогимназіи, *Смолянниковъ*—съ 5-го іюня 1897 г.; реальныхъ училищъ: Роменскаго, *Ижмицкій*—26-го сентября 1897 г., Киевскаго, *Козловскій*—съ 8-го апрѣля 1897 г., Полтавскаго, *Полозовъ*—съ 21-го сентября 1897 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: по Киевскому учебному округу: учителя гимназій: Каменецъ Подольской, *Барциковскій*—съ 1-го марта 1897 г., Бѣлоцерковской, *Владиміровъ*—съ 20-го октября 1896 г., Глуховской, *Тюльпановъ*—съ 1-го іюля 1897 г., Уманской, *Тимошокъ*—съ 15-го марта 1897 г., Киевской 4-й, *Александровичъ*—съ 24-го сентября 1896 г., Немировской, *Царевскій*—съ 26-го августа 1897 г., Киевской 1-й, *Савченко-Боженко*—съ 24-го августа 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, преподаватель Владивостокской мужской гимназіи *Виковскій*—съ 1-го августа 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: по Киевскому учебному округу: учителя: гимназій: Бѣлоцерковской, *Семеновъ*—съ 25-го іюня 1896 г., Житомирской 2-й, *Соколовскій*—съ 7-го сентября 1896 г., Глуховской, *Живаго*—съ 15-го сентября 1896 г.; при всторико-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ: *Рыма*—съ 7-го декабря 1894 г. и *Рихманъ*—съ 3-го октября 1896 г., Киевской 1-й, *Назаренко*—съ 14-го декабря 1895 г., Киевской женской Бейтель, *Тутковскій*—съ 1-го января 1894 г., Ровенскаго реального училища, *Долушинъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; врачъ Лубенской мужской гимназіи *Барскій*—съ 26-го ноября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Киевскаго реального училища *Риза*—съ 1-го сентября 1897 г.; учитель Остерскаго двухкласснаго городского училища *Лазаревскій*—съ 31-го августа 1897 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Гродненской гимназіи *Скляровъ*—съ 5-го сентября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учителя Троицкосавскаго Алексѣевского реального училища: *Лесталь*—съ 1-го августа 1895 г., *Лессановскій*—съ 1-го января 1896 г. и *Бересневъ*—съ 26-го сентября 1896 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Киевскому учебному округу: врачъ Проскуровскаго двухкласснаго городского училища *Гуревичъ*—съ 6-го ноября 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Житомирской 2-й гимназіи *Калижевичъ* съ 5-го августа 1896 г.; учитель-

завѣдывающій Ставищенскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія *Шереметьевъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Городнянскаго двухкласснаго, *Стеценко* — съ 28-го февраля 1896 г., Черниговскаго трехкласснаго, *Андреевъ* — съ 17-го сентября 1897 г., Литинскаго двухкласснаго, *Гарбузовъ* — съ 19-го мая 1897 г., Проскуровскаго двухкласснаго, *Черныяскій* — съ 23-го сентября 1897 г., Звенигородскаго двухкласснаго, *Поповичъ* — съ 11-го ноября 1896; учитель приготовительнаго класса Полтавской гимназіи *Мандро-Андровъ* — съ 31-го мая 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: штатный смотритель Верхнеудинскаго уѣзднаго училища *Коноваловъ* — съ 9-го октября 1890 г.; учитель Нерчинскаго уѣзднаго училища *Осиповъ* — съ 19-го сентября 1893 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ *Доду* — съ 8-го іюня 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Бѣлоцерковской, *Соловей* — съ 6-го октября 1895 г., Полтавской, *Подгорный* — съ 1-го декабря 1895 г., и Кременчугскаго реальнаго училища, *Применко* — съ 24-го января 1897 г.; учителя двухклассныхъ городскихъ училищъ: Лупскаго, *Костылевъ* — съ 25-го августа 1897 г. и Звенигородскаго, *Балдовскій* — съ 17-го апрѣля 1897 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Житомирской 2-й гимназіи *Бережницкій* — съ 7-го іюля 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Троицкосавскаго городского четырехкласснаго училища *Сунуровъ* — съ 7-го іюля 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Кіевскому учебному округу: письмоводитель Новозыбковскаго реальнаго училища *Присовскій* — съ 20-го октября 1897 г.; учитель Каменецкаго 2-го Фольварецкаго городского приходскаго училища *Осаковскій* — съ 1-го апрѣля 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учитель Срѣтенскаго двухкласснаго училища *Бородинъ* — съ 17-го іюня 1892 г.; учителя приходскихъ училищъ: Селингинскаго Бурятскаго, *Баевъ* — со 2-го марта 1894 г. и Кондуевскаго. *Этовъ* — съ 26-го ноября 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учителя приходскихъ училищъ: Шерогольскаго, *Щербаковъ* — съ 6-го іюля 1895 г., Урульгинскаго *Зетревъ* — съ 19-го іюля 1895 г., Красноярскаго, *Сестринскій* — съ 15-го августа 1895 г., Мангутскаго, *Перфильевъ* — съ 28-го

іюня 1896 г., Тохтотойскаго инородческаго, *Махаловъ*—съ 28-го іюня 1896 г. и Твороговскаго *Байбородинъ*—со 2-го сентября 1896 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: по Кіевскому учебному округу: учителя: Кіевской 1-й гимназіи, *Петровъ*—съ 18-го сентября 1892 г., Роменской женской гимназіи, *Волковъ*—съ 4-го ноября 1893 г., Кіевской женской Бейтель гимназіи, *Козловскій*—со 2-го декабря 1892 г., Ровенскаго реального училища, *Сьсаревскій*—съ 1-го іюля 1893 г.; бывшій воспитатель Лубенской гимназіи, нынѣ надзиратель за учениками общей ученической квартиры при Кіевской 2-й гимназіи *Антоновъ*—съ 6-го ноября 1891 г.; штатные смотрители городскихъ двухклассныхъ училищъ: Черкаскаго, *Янъ*—съ 13-го марта 1890 г., Барскаго *Крахмальний*—съ 21-го февраля 1892 г., Балтскаго, *Якубовскій*—съ 19-го октября 1892 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Читинской гимназіи *Молчановъ*—съ 1-го августа 1891 г.; *коллежскаго секретаря*: по Кіевскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Житомирской 1-й мужской гимназіи *Желтовскій*—съ 16-го іюня 1893 г.; бывшій учитель Малоархангельскаго городского училища, нынѣ штатный смотритель Гайсинскаго двухкласснаго городского училища *Мещевцовъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кіевской 4-й гимназіи *Пороховскій*—съ 10-го января 1896 г.; учитель городского образцоваго при Глуховскомъ учительскомъ институтѣ училища *Тремко*—съ 1-го іюля 1892 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учителя городскихъ училищъ: Читинскаго трехкласснаго, *Остерниковъ*—съ 1-го августа 1891 г. и Троицкосавскаго четырехкласснаго, *Мисно*—съ 20-го сентября 1888 г.; *губернскаго секретаря*: по Кіевскому учебному округу: учителя Сосницкаго уѣзднаго училища: *Добычинъ*—съ 19-го сентября 1892 г. и *Подюрний*—съ 17-го марта 1893 г.; учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Уманскаго, *Овсьенко*—съ 1-го іюля 1892 г., Бердичевскаго, *Слесаренко* (онъ же Слюсарь)—съ 8-го марта 1889 г., Каневскаго, *Рознатовскій*—съ 29-го октября 1890 г., учитель пригтовительнаго класса Кіевской 3-й гимназіи *Войтовичъ*—съ 13-го декабря 1893 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Верхнеудинскаго уѣзднаго училища *Добросердовъ*—съ 1-го октября 1892 г.; *коллежскаго регистратора*: по Кіевскому учебному округу: помощники учителей: Новозыбковскаго городского двухкласснаго училища *Естушевскій*—съ 8-го апрѣля 1891 г. и образцоваго училища при Глуховскомъ

учительскомъ институтѣ, *Сенько*—съ 1-го сентября 1893 г.; бывшіе помощники учителей городскихъ училищъ, нынѣ учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Уманскаго, *Стефановскій*—съ 12-го октября 1891 г. и Могилевскаго, *Серафимовичъ*—съ 16-го января 1888 г.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (6-го ноября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Семеновича Козьменко при Старицкомъ городскомъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года на счетъ процентовъ съ капитала въ *десяти* рублей, собраннаго почитателями покойнаго учителя Александра Семеновича Козьменко, учреждается при Старицкомъ городскомъ училищѣ стипендія его имени.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4%, государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Старицкаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученія стипендіата.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, достойнѣйшихъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Старицкаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

2. (4-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени генералъ-маіора Владислава Францовича Прессера при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія)

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года на счетъ процентовъ съ капитала въ *четыреста* рублей, пожертвованнаго дочерью генералъ-маіора Марією Владиславовною Прессеръ, учреждаются при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи имени покойнаго отца ея, генералъ-маіора Владислава Францовича Прессера.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ билетахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Житомирскаго двухкласснаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1886 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата и стипендіатки.

§ 4. Стипендіатами избираются одинъ мальчикъ и одна дѣвочка изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ и ученицъ Житомирскаго двухкласснаго городского училища, христіанскаго исповѣданія, достойнѣйшіе по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, а равно и прекращеніе выдачи имъ стипендіи, предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки употребляются на покупку для стипендіатовъ учебныхъ пособій или предметовъ одежды, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразования Житомирскаго двухкласснаго городского училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

3. (12-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени Жозефины Виблинеръ при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881

года и 26-го мая 1897 года, учреждается при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ одна стипендія имени Жозефины Виблингеръ, на проценты съ капитала въ *тысячу* рублей, пожертвованныхъ съ этою цѣлью московскимъ купцомъ Фридрихомъ Кнауфомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Московской конторѣ Государственнаго Банка въ числѣ специальныхъ средствъ училища, и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на уплату за право ученія дѣтей лютеранскаго исповѣданія, не имѣющихъ для этого достаточныхъ средствъ.

§ 4. Выборъ стипендіата и лишеніе стипендіи, въ случаѣ малоуспѣшности или нехорошаго поведенія, предоставляется пожизненно, супругѣ жертвователя Аннѣ Кнауфъ, а послѣ ея смерти училищному совѣту училища.

§ 5. Пользованіе стипендіей никакихъ обязательствъ на стипендіата не налагаетъ.

§ 6. Могушіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются къ сему послѣднему.

§ 7. Въ случаѣ упраздненія Александровскаго евангелическаго училища въ Москвѣ стипендіальный капиталъ переходитъ, на тѣхъ же основаніяхъ, въ Евангелическое училище для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей города Москвы.

4. (12-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Іосифа Федоровича Люкке при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждаются при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ двѣ стипендіи имени Іосифа Федоровича Люкке, на проценты съ капитала въ *два тысячи* рублей, пожертвованныхъ Московскимъ страховымъ отъ огня обществомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Московской конторѣ Государственнаго Банка въ числѣ специальныхъ средствъ училища и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на уплату за право ученія стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ и лишеніе ихъ стипендій, въ случаѣ малоуспѣшности или нехорошаго поведенія, принадлежитъ училищному совѣту, который, согласно волѣ жертвователя, долженъ принимать въ соображеніе желаніе непосредственныхъ наслѣдниковъ г. Люкке, если таковое желаніе ему заявлено.

§ 6. Пользованіе стипендіею никакихъ обязательствъ на стипендіата не налагаетъ.

§ 7. Могушіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются къ сему послѣднему.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Александровскаго евангелическаго училища стипендіальный капиталъ присоединяется къ капиталу имени Іосифа Федоровича Люкке, пожертвованному Московскимъ страховымъ отъ огня обществомъ въ училище при лютеранской церкви святыхъ Петра и Павла въ городѣ Москвѣ.

5. (12-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени консула Л. Бауэра при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждается при Александровскомъ евангелическомъ училищѣ въ городѣ Москвѣ стипендія имени консула Л. Бауэра, на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала въ тысячу рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Московской конторѣ Государственнаго Банка въ числѣ специальныхъ средствъ училища и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на уплату за право ученія и другія надобности стипендіата.

§ 4. Право выбора стипендіата и лишеніе стипендіи въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ въ наукахъ и неодобрительнаго по-

веденія принадлежитъ училищному совѣту, который избираетъ стипендіата изъ числа бѣднѣйшихъ воспитанниковъ училища, лютеранскаго исповѣданія.

§ 5. Пользованіе стипендіею никакихъ обязательствъ на стипендіата не налагаетъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему.

§ 7. Въ случаѣ упраздненія Александровскаго евангелическаго училища капиталъ переходитъ въ евангелическое училище для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей въ городѣ Москвѣ, на тѣхъ же основаніяхъ.

6. (12-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени почетнаго гражданина города Кронштадта, вице-адмирала французскаго флота Жерве при Кронштадтской Александровской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждается при Кронштадтской Александровской женской гимназій, на проценты съ пожертвованнаго вице-адмираломъ французскаго флота Жерве капитала въ *тысячу* рублей, стипендія его имени.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% процентной государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на уплату за право ученія и на другія надобности одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ гимназій, достойной по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 4. Стипендіатка избирается попечительнымъ совѣтомъ гимназій, о чемъ сообщается адмиралу Жерве.

§ 5. Стипендіаткѣ, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или

по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему. для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

7. (14-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Ивана Егоровича Сабурова и Екатерины Львовны Добровольской при Пензенскомъ уѣздномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Пензенскомъ уѣздномъ училищѣ учреждаются пять стипендій имени Ивана Егоровича Сабурова и Екатерины Львовны Добровольской, на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью вдовою Іустиніею Илларионовной Сабуровой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный на вѣчный вкладъ за № 550 въ Пензенское отдѣленіе Государственнаго Банка, составляетъ неотъемлемую собственность Пензенскаго уѣзднаго училища и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ, а образовавшіеся сверхъ того остатки процентовъ выдаются стипендіатамъ по окончаніи ими курса въ уѣздномъ училищѣ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣдныхъ учениковъ Пензенскаго уѣзднаго училища, отличающихся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ и лишеніе ихъ стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту Пензенскаго уѣзднаго училища, съ утвержденія директора народныхъ училищъ Пензенской губерніи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Пензенскаго уѣзднаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

3. (18-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи при Галичскомъ двухклассномъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, въ память дня его открытія.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто тридцать три рубля двадцать копѣекъ*, пожертвованнаго частными благотворителями, учреждается при Галичскомъ двухклассномъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ стипендія въ память дня открытія сего училища 31-го августа 1897 года.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ Галичскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Галичскаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа учениковъ училища, по преимуществу изъ дѣтей бѣдныхъ жителей города Галича, православнаго вѣроисповѣданія, достойнѣйшихъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 5. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, въ случаѣ неудовлетворительныхъ его успѣховъ или неодобрительнаго поведенія предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могушіе почему-либо образоваться остатки, а также новыя пожертвованія причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новыхъ стипендій.

§ 8. Въ случаѣ преобразования Галичскаго городского училища, или учрежденія взамѣнъ его какого либо другого учебнаго заведенія, стипендіальный капиталъ переходитъ къ сему послѣднему, съ сохраненіемъ прежняго назначенія.

9. (21-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго советника Михаила Ивановича Иванова при Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На процентны съ капитала *въ шесть тысячъ (6.000) рублей*

внесеннаго въ силу 13 пункта духовнаго завѣщанія умершаго коллежскаго совѣтника М. И. Иванова душеприказчиками по сему завѣщанію дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Протопоповымъ и губернскимъ секретаремъ Александромъ Васильевичемъ Дроздовымъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ стипендія имени коллежскаго совѣтника Михаила Ивановича Иванова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ на 4% вѣчный вкладъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ специальными средствами Императорскаго Техническаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на стипендію, одна часть которой отчисляется для взноса платы за ученіе, а другая выдается стипендіату на его содержаніе.

§ 4. Означенная стипендія предоставляется бѣднѣйшему студенту названнаго училища, православнаго вѣроисповѣданія и русскаго происхожденія.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ учебному комитету Императорскаго Московскаго Техническаго училища.

§ 6. Назначеніе срока, которымъ можетъ пользоваться лицо, получившее стипендію, должно зависѣть отъ учебнаго комитета вышеупомянутаго училища.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Образовавшіеся по какому-либо случаю остатки неизрасходованныхъ процентовъ могутъ быть, по постановленію учебнаго комитета Императорскаго Техническаго училища, обращены въ капиталъ для увеличенія размѣра стипендіи или выдаваемы одновременно въ видѣ пособій бѣднымъ студентамъ православнаго вѣроисповѣданія.

10. (24-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Надежды Дмитріевны Мизко при Екатеринославской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Надеждою Дмитріевною Мизко капитала въ 6,000 рублей, возростаго нынѣ до семи тысячъ семисотъ рублей,

учреждается при Екатеринославской мужской гимназіи стипендія съ наименованіемъ ея „Стипендія имени дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Надежды Дмитриевны Мизко“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за содержаніе и воспитаніе въ пансіонѣ при гимназіи одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, прежде всего изъ числа поименованныхъ въ пунктѣ 10 духовнаго завѣщанія Надежды Дмитриевны Мизко ея родственниковъ, при неимѣніи же таковыхъ въ наличномъ составѣ учащихся стипендіатомъ-пансіонеромъ можетъ быть одинъ изъ учениковъ названной гимназіи православнаго вѣроисповѣнія, преимущественно изъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и отличному поведенію.

§ 4. Въ случаѣ, если окажется невозможнымъ содержать стипендіата въ пансіонѣ на проценты со стипендіальнаго капитала, стипендія выдается родителямъ или опекунамъ стипендіата въ пособіе на воспитаніе его, на приобрѣтеніе для него платья, учебныхъ пособій и т. п.

§ 5. Изъ могущихъ образоваться, по какимъ-либо причинамъ, остатковъ отъ процентовъ, можетъ быть выдаваемо стипендіату, по окончаніи имъ курса въ гимназіи, путевое пособіе въ размѣрѣ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта на проѣздъ въ С.-Петербургъ, для поступленія въ Технологическій институтъ. Если бы засимъ оказалось какое-либо сбереженіе, то такое присодияется къ стипендіальному капиталу, для образованія впоследствии новой стипендіи имени завѣщательницы.

§ 6. Педагогическому совѣту гимназіи предоставляется право избирать кандидатовъ на эту стипендію, при наличности нѣсколькихъ родственниковъ завѣщательницы, а равно и въ случаѣ отсутствія таковыхъ изъ числа другихъ учениковъ гимназіи, удовлетворяющихъ условіямъ § 3-го сего положенія.

Примѣчаніе. Избранный педагогическимъ совѣтомъ ученикъ лишается права полученія назначенной ему стипендіи въ случаѣ поступленія въ Екатеринославскую гимназію кого-либо изъ родственниковъ завѣщательницы.

§ 7. Пользованіе стипендіею или пособіемъ не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ упраздненія пансіона при Екатеринославской гимназіи или преобразованія его и самой гимназіи, стипендіальный капиталъ, по распоряженію учебнаго начальства, переходитъ въ другой пансіонъ или преобразованное учебное заведеніе.

11. (25-го января 1898 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу девести рублей, собраннаго по добровольной подпискѣ бывшими воспитанниками Московскаго университета, врачами выпуска 1872 года, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ единовременное денежное пособіе, въ память двадцатипятилѣтія окончанія означенными врачами курса въ Московскомъ университетѣ.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ трехъ листахъ государственнаго дворянскаго банка изъ $4\frac{1}{2}\%$ —одинъ въ 1.000 рублей за № 072027 и два по сто рублей за №№ 09106, 196107, хранится въ московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Пособіе, состоящее изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, выдается, по назначенію медицинскаго факультета, одинъ разъ въ годъ, отличному по успѣхамъ и поведенію студенту-медику, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія.

§ 4. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному для увеличенія размѣра пособій.

§ 5. Полученіе пособія не налагаетъ на студента никакихъ обязательствъ.

12. (25-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи при Павловскомъ ремесленномъ училищѣ, учрежденной на капиталъ, пожертвованный Горбатовскимъ уѣзднымъ земствомъ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго Горбатовскимъ уѣзднымъ земствомъ, при Павловскомъ ремесленномъ училищѣ учреждается стипендія въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-го мая 1896 года.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4°/_o ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Павловскаго ремесленнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5°/_o государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе одного ученика училища; могущій же оказаться за симъ остатокъ отъ упомянутаго дохода долженъ быть употребляемъ на пособіе стипендіату съ разрѣшенія попечительства, состоящаго при Павловскомъ ремесленномъ училищѣ.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется Горбатовскому уѣздному земству; при выборѣ стипендіата преимущество отдается лучшему по успѣхамъ и поведенію изъ особенно нуждающихся учениковъ училища изъ числа жителей Горбатовскаго уѣзда.

§ 5. Могущіе образоваться остатки изъ ^o/_o съ капитала, въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, употребляются по усмотрѣнію жертвователя или же по предложенію попечительства при училищѣ на дѣло помощи тѣмъ же недостаточнымъ ученикамъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Павловскаго ремесленнаго училища въ другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее съ тѣмъ же назначеніемъ.

§ 7. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (31-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета имени профессора О. А. Рустицкаго.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Ординарный профессоръ О. А. Рустицкій пожертвовалъ капиталъ въ 6.000 р., для учрежденія при медицинскомъ факультетѣ постоянной стипендіи.

§ 2. Капиталъ, пожертвованный О. А. Рустицкимъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4°/_o ренты, остается неприкосновеннымъ и хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ университета.

§ 3. На проценты съ этого капитала учреждается при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета стипендія

для недостаточныхъ студентовъ, православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется медицинскому факультету.

§ 5. Согласно волѣ жертвователя, студентъ получаетъ стипендію по выдержаніи въ концѣ перваго полугодія коллоквиума по физикѣ и химіи и продолжаетъ пользоваться ею, при соблюденіи требованій правилъ о назначеніи студентамъ казенныхъ стипендій, до полученія медицинскаго диплома.

§ 6. Студентъ, получающій эту стипендію, именуется стипендіатомъ профессора О. А. Рустецкаго и никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіею не подлежитъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книжки, изданныя В. С. Спиридоновымъ: 1) „Омка-дуракъ. Разказъ *Анны Догановичъ*. Съ рисунками. Изданіе 2-е. М. 1897. Стр. 62. Цѣна 20 коп.“ — 2) „*В. Калимовъ*. Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Книжка I-я. Изданіе 2-е, съ рисунками. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“ — 3) „Геніальный Поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова, для дѣтей школьнаго возраста. Сост. *А. В. Кружлова*. 2-е, дополненное изданіе. М. 1897. Стр. 67. Цѣна 25 коп.“ — 4) „Новая звѣздочка. Три разказа *А. В. Кружлова*. М. 1897. Стр. 45. Цѣна 20 коп.“ — 5) „Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разказовъ для дѣтей. Сост. *А. Ивинъ*. М. 1897. Стр. 72. Цѣна 30 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, книжку же *А. В. Кружлова* „Геніальный Поморъ“ допустить также и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Первоначальная географія съ картинами. Содержаніе: краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. Составила *М. Т. Ярошевская*. М. 1897. Стр. 176. Цѣна 80 коп.“ — допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства

народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты авторомъ во вниманіе всѣ указанія ученаго комитета.

— Брошюру: „*А. Александровъ*. Черногорка въ жизни частной и общественной. Страничка изъ бытовой исторіи Черногорья. Изданіе Казанскаго общества трезвости. Казань. 1897. Стр. 18. Цѣна не обозначена“—допустить для народныхъ чтеній и бесплатныхъ читателей.

— Книжку: „Назарычъ. Разказъ *А. Г. Коваленской*. Изданіе 2-е. М. 1897. Изданіе магазина „Сотрудникъ школь“. Стр. 63. Цѣна 15 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читателей.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“: 1) Съ Поволожья. Родныя картинки. *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*. Съ рисунками художниковъ Андреева, Гугунавы, Праотцева, Тишина, Литвиненко и Рамазановой. М. 1897. Стр. 200. Цѣна 60 коп.“— 2) „Изъ пѣсень о трудѣ. Стихотворенія *И. А. Блюсова*. Со многими рисунками. М. 1897. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“.—3) „Бѣлое золото. Повѣсть *Д. Н. Мамини-Сибиряка*. М. 1897. Стр. 137. Цѣна 50 коп.“—первую и вторую одобрить, а третью допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Изданія *Н. С. Аскарханова*: 1) „Священное Коронованіе Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. С.-Пб. 1896. Стр. 78“. — 2) То же на веленовой бумагѣ. Цѣны не обозначены — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читателей.

— Книжку: „*Н. Пономаревъ*. Родная земля. книга для чтенія дома и въ народныхъ училищахъ (съ рисунками въ текстѣ), годъ III-й. С.-Пб. 1897. Стр. 148+4. Цѣна 50 коп.“—одобрить для класнаго употребленія въ низшихъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книжку: „Достопримѣчательности С.-Петербурга. Чтеніе для народа съ 124 картинками. Составилъ поручикъ *Д. Н. Ломанъ*. С.-Пб. 1898. Стр. 184. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также для народныхъ читателей и публичныхъ чтеній.

— Книги: 1) „*А. С. Грибоедовъ*. Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Изданіе Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1898. Стр. 134. Цѣна 1 р. 25 коп.“—2) „То же. Дешевое изданіе. Стр. 167. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 25 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: „*Д. Садостиковъ*. Наши землепроходцы. (Разказы о заселеніи Сибири). 1581 — 1712 гг. М. 1898. Изданіе 2-е. Стр. 198. Цѣна 1 р.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для публичныхъ народныхъ чтеній и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнь.

— Брошюру, издаванную К. И. Тихомировымъ: „Туркестанъ. По дорогѣ къ Туркестану. Завоеванія Туркестана. Земледѣліе въ Туркестанѣ: рисъ и хлопокъ и какъ ихъ выдѣлываютъ. М. 1897. Стр. 30. Цѣна 5 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книжку: „Милоть китве гакодешъ. Библейское слово. Вокабулы къ еврейскому тексту Священнаго Писанія съ приложеніемъ, содержащимъ краткія свѣдѣнія изъ грамматики древне-еврейскаго языка и таблицы измѣненія именъ и глаголовъ. Выпускъ I. Книга Бытія. Составилъ *Л. М. Кожановскій*. Вильна. 1897. Стр. 57 + 19. Цѣна 25 коп.“—допустить къ употребленію въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ.

— Брошюру: „*М. Васильевъ*. Наша бабушка Анна Максимовна. (Изъ разказовъ о быломъ). М. 1898. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюрки, издаванныя С.-Петербургскимъ Обществомъ Трезвости: 1) „Русскимъ матерямъ. Въ защиту вина. С.-Пб. 1894. Стр. 8“.—2) „Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. С.-Пб. 1894. Стр. 8“.—3) „Отцы-благодѣтели. Пѣсни о пьяной зельѣ-мухѣ. С.-Пб. 1894. Стр. 8“.—4) „Отчего гибнуть люди. С.-Пб. 1894. Стр. 11“.—5) „Пьянство и его гибельные плоды. *Павла Никольскаго*. С.-Пб. 1894. Стр. 24“.—6) „Слова противъ пьянства *Іоанна Ильича Сергіева* (Кронштадтскаго). С.-Пб. 1894. Стр. 15. Цѣны не обозначены“—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Слово и слогъ. Учебное руководство къ постепенному изученію русскаго языка въ школѣ и дома. Годъ первый. Букварь и

первая книжка для чтенія. Съ образцами рисованія по сѣткѣ, письменными упражненіями и картинками въ текстѣ. Составилъ по наглядно-звуковому способу. *И. Штейнгауеръ*. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1897. Стр. VI+VI табл. +17—104. Цѣна 20 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ар. Турцевичъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназіи и Виленской рим.-кат. духовной семинаріи. Вильна. 1892. Стр. XII + 776. Цѣна 2 р. 50 коп.“ — одобрить, какъ весьма полезное чтеніе, для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Царь-Освободитель, Преобразователь и Просвѣтитель Россіи, Императоръ Александръ II. Чтеніе проф. *А. И. Александрова*. Изданіе второе Казанскаго Общества Трезвости Казань. 1897. Стр. 25. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книжку: „Колокольчикъ. Разказы и стихи для дѣтей. Книгиня *М. А. Львовой*. М. 1898. Стр. 41. Цѣна не напечатана“ — допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Учебникъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Сост. *П. Смирновскій*. С.-Пб. 1897. Стр. 42. Цѣна 12 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Брошюру: „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Составила *В. Колокольникова*. М. 1897. Стр. 57. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненія *Всеволода Соловьева*, изданныя А. Ф. Марксомъ: 1) „Волтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Въ 2-хъ частяхъ. Четвертое изданіе. С.-Пб. Стр. 711. Цѣна 3 р.“ — 2) „Старый домъ. Историческій романъ начала царствованія Императора Николая I (хроника четырехъ поколѣній). Въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб.

1894. Стр. 693. Цѣна 3 р.“—3) „Изгнанникъ. Историческій романъ (хроника четырехъ поколѣній) въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 1885. Стр. 634. Цѣна 3 р.“ — 4) „Капитанъ Гренадерской роты. Романъ-хроника XVIII вѣка въ двухъ частяхъ. Третье изданіе. С.-Пб. 1886. Стр. 327. Цѣна 2 р.“—5) „Царь-дѣвица. Романъ-хроника XVII вѣка. Въ трехъ частяхъ. Второе изданіе. С.-Пб. 1885. Цѣна 2 р.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „Басни *И. А. Крылова*. Съ біографіею и съ 26 рисунками. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. М. 1897. Стр. 269+II. Цѣна не обозначена“—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюру: „О томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь воюють. Чтеніе для народа. Составилъ *Іоанникій Малиновскій*. Кіевъ. 1897. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры, изданныя *В. А. Березовскимъ*, подъ общимъ заглавіемъ: „Солдатская бібліотека“: — А) „*К. Тхоржевскаго*: № 76. На чужое добро не зарься. Стр. 10. Цѣна 3 к.—№ 73. На оторванной лдяинѣ. Стр. 16. Цѣна 4 к.—№ 77. Русская смѣлка. Стр. 12. Цѣна 3 к.—№ 74. Великимъ постомъ. Стр. 12. Цѣна 3 к.—*А. Васильковскаго*: № 94. Фуражиръ. Стр. 20. Цѣна 5 к.—№ 81. Лукавый попутать. Стр. 16. Цѣна 4 к.—№ 69. Перемиріе. Стр. 24. Цѣна 6 к.—*П. Герасимова*: № 95. Погуляль. Стр. 28. Цѣна 8 к.—№ 96. Дча поѣзда спась. Стр. 20. Цѣна 6 к.—*Н. Бутковскаго*: № 100. Знаменщикъ Иванъ Матвѣевъ. Стр. 16. Цѣна 4 к.—*Д. Логофета*: № 71. Не дался въ обиду. Стр. 16. Цѣна 4 к.—*В. Потто*: № 84. Подвигъ Платова. Стр. 9. Цѣна 3 к.—№ 88. Гибель города Быстрянска. Стр. 8. Цѣна 2 к.—№ 87. Дѣдъ генерала Бакланова. Стр. 8. Цѣна 2 к.—№ 85. Геройская оборона Наура. Стр. 7. Цѣна 2 к.—*А. Пушкина*: № 99. Мѣдный всадникъ. Стр. 29. Цѣна 5 к.“—допустить въ бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя читальни и для публичныхъ чтеній; — Б) „*К. Тхоржевскаго*: № 79. Чудеса въ рѣшетѣ. Стр. 12. Цѣна 3 к.—№ 78. Заколдованная утка. Стр. 15. Цѣна 4 к.—*А. Васильковскаго*: № 72. Ефимъ калѣка. Стр. 16. Цѣна 4 к.—*Вамбука*: № 89. Василий Ивановичъ. Стр. 16. Цѣна 4 к.“—допустить въ бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя читальни и—В) „*В. Потто*: № 82. Первый походъ на Хиву. Стр. 9.

Цѣна 3 к. — № 83. Петръ I на берегу Каспійскаго моря. Стр. 12. Цѣна 3 к.—№ 86. Суворовъ на Кавказѣ. Стр. 22. Цѣна 6 к. — № 90. Кавказъ до Петра. Стр. 16. Цѣна 4 к.—*Д. Иванова*: № 92. Въ обходъ Шипки. (Зимой черезъ Балканы). Изд. 3-е, испр. Стр. 38. Цѣна 15 к. — № 91. Послѣдній бой подъ Шипкой. (Зимой черезъ Балканы). Изд. 3-е, испр. Стр. 49. Цѣна 15 к. — (безъ обозначенія автора): № 97. Штурмъ Никополя. Стр. 27. Цѣна 10 к. — допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. временно управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книжку *Владимира Сумскаго*: „Питомникъ, плодовый садъ, огородъ и цвѣтникъ. Москва, 1897. 120 стр., въ 8-ку. Цѣна 25 коп.“ — одобрить для учительскихъ семинарій въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— „Популярное руководство къ изученію перспективы и теоріи тѣней по курсу рисованія д'Андріа. Съ 93 рисунками и чертежами въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1896. 129 стр. въ 8-ку. Цѣна 1 р. 50 коп. Изданное, въ переводѣ съ французскаго, г-жею *В. С. Стеткевичъ*“ — допустить для приобрѣтенія въ библіотеки техническихъ училищъ.

— Составленную *В. Карнаковымъ* книгу, подъ заглавіемъ: „Азбука графической грамотности, съ 410-ю чертежами въ текстѣ. С.-Пб. 1897. VIII+152 стр., въ 8-ку. Цѣна 85 коп.“ — допустить для употребленія въ низшихъ профессиональныхъ школахъ и на воскресныхъ или вечернихъ курсахъ въ качествѣ руководства или же учебнаго пособія по линейному черченію въ зависимости отъ размѣровъ обученія и имѣющихся въ распоряженіи матеріальныхъ средствъ, а также допустить въ учительскія и ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ для справокъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Сочиненіе г-жи *Вѣры Бодановской*, подѣ заглавіемъ: „Начальный учебникъ химіи. Съ 15-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1897. 88 стр., въ 8-ку, безъ обозначенія цѣны“ — одобрить какъ пособіе для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ (кромѣ спеціально химическихъ).

— Брошюру священника *Владимира Веселукаю*, подѣ заглавіемъ „Простое руководство къ разумному пчеловодству. Казань. 1897. 48 стр., въ 8-ку; съ 8 табл. рис. Цѣна 30 коп.“ — одобрить для библіотекъ учительскихъ семинарій, а также сельскихъ двухклассныхъ и начальныхъ школъ.

— Брошюру *Милицына*, подѣ заглавіемъ: „О возведеніи дешевыхъ огнеупорныхъ сельскихъ построекъ. Москва. 1897. 59 стр., въ 16-ю дл. Цѣна 10 коп., издан. К. И. Тихомирова—допустить въ начальные и двухклассныя сельскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(17-го февраля). „Директору и профессору Харьковскаго практическаго технологическаго института, тайному совѣтнику *Кирпичеву*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть временно, впредь до утвержденія положенія и штатовъ политехническаго института въ гор. Кіевѣ, директоромъ и профессоромъ сего института, со всѣми служебными правами, преимуществами и содержаніемъ, коими онъ пользовался по упомянутымъ должностямъ въ Харьковскомъ институтѣ“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

29. (2-го февраля 1898 года). *О зачетѣ платы за ученіе при переходѣ учениковъ изъ одного средняго учебнаго заведенія въ другое.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о зачетѣ платы за ученіе при переходѣ учениковъ изъ одного средняго учебнаго заведенія въ другое, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ

представленіе министерства народнаго просвѣщенія о зачетѣ платы за ученіе при переходѣ учениковъ изъ одного средняго учебнаго заведенія въ другое, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

При переходѣ учениковъ изъ одного средняго учебнаго заведенія министерства народнаго просвѣщенія въ какое-либо другое среднее же училище того же вѣдомства, если въ семь послѣднемъ училищѣ установлена большая плата за ученіе, доплачивается лишь разность въ платѣ, а на остальную сумму представляется квитанція во взносѣ за наступившее полугодіе платы за ученіе въ томъ среднемъ учебномъ заведеніи, изъ коего ученикъ выбываетъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(21-го февраля 1898 года). *Назначаются:* директоръ Новочеркасской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Григоровскій* — инспекторомъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета; экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, магистръ русскаго языка и словесности, коллежскій совѣтникъ *Сперанскій* — ординарнымъ профессоромъ того же института, по русской словесности; столоначальникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ *Добринскій* — правителемъ той же канцеляріи.

Утверждается надворный совѣтникъ *Кириловъ* — вновь почетнымъ попечителемъ Старобѣльской Александровской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Умершій исключается изъ списковъ, правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Покрываевъ*, съ 29-го января.

(27-го февраля 1898 года). *Назначаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ русской исторіи, коллежскій совѣтникъ *Голубовскій* ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каедрѣ русской исторіи; директоры шестиклассныхъ прогимназій: Сергіево-Посадской, статскій совѣтникъ

Истоминъ и Гомельской, статскій совѣтникъ *Роменскій*—директорами гимназій: первый — Сергіево-Посадской, а второй — Гомельской; учитель, исполняющій обязанности инспектора Тульского реального училища, статскій совѣтникъ *Соколовъ* — директоромъ Ливенскаго реального училища; преподаватель С.-Петербургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Наумовъ*—директоромъ того же института, съ 1-го февраля.

Утверждаются: коллежскій секретарь *Андреевскій* и князь *Долгоруковъ*—вновь почетными попечителями: первый — Симбирской гимназій, а второй—Новозыбковскаго реального училища, оба—согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета докторъ философіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Струве*, за выслугою срока, съ 1-го февраля, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: 1-й, *фонъ-Гейтманъ*—съ 1-го января 1898 г., Ларинской, *Шубинъ*—съ 5-го іюня 1897 г., частной доктора Видемана, *Майковъ*—съ 15-го апрѣля 1897 г., училища при Реформатской церкви въ С.-Петербургѣ, *Русъ*—съ 1-го октября 1897 года, Выборгскаго реального училища, *Нерсесіанъ*—съ 5-го ноября 1897 г., Псковской Маріинской женской гимназій, *Крыловъ*—съ 1-го августа 1897 г.; наставники учительскихъ семинарій: Череповской, *Ахутинъ*—съ 1-го августа 1896 г. и Псковской, *Соболевъ*—съ 1-го августа 1897 г.; инспекторъ народныхъ училищъ 3-го района Новгородской губерніи *Георгиевскій*—съ 1-го октября 1896 г.; по Одесскому учебному округу, исполняющій обязанности инспектора Севастопольскаго реального училища *Беззабава*—съ 27-го ноября 1897 г.; учителя: гимназій: Екатеринославской, *Федоровъ*—съ 21-го сентября 1897 г. и Одесской 2-й, *Коляю*—съ 9-го декабря 1897 г., Николаевскаго реального училища, *Рей*—съ 22-го августа 1897 г., Бахмутской женской гимназій, *Сребницкій*—съ 20-го октября 1892 г.; по Виленскому учебному округу, исполняющій обязанности инспектора Минскаго реального училища *Орановъ*—съ 16-го августа 1897 .; инспекторы народныхъ училищъ: Ковенской губерніи, *Казанскій*—съ 12-го сентября 1897 г. и Гродненской губерніи, *Марковъ*—съ 28-го ноября 1897 г.; учителя: гимназій: Виленской 1-й, *Ракъ*—съ 21-го

сентября 1897 г. и Гродненской *Орловскій*—съ 1-го августа 1897 г., Минскаго реального училища: *Зашу* и *Поликарповичъ*, оба—съ 1-го августа 1897 г., Виленскаго учительскаго института, *Гиляровскій* — съ 1-го августа 1897 г.; по Рижскому учебному округу, доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Целе-фонъ-Мантейфель*—съ 13-го ноября 1897 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I *Явейнъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; библиотечарь того же института *Иверсенъ*—съ 25-го декабря 1897 г.; преподаватели: училища при церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, *Штейманъ* — съ 15-го сентября 1897 г., гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской: *Цыбульскій* — съ 1-го августа 1897 г. и *Покотило* — съ 1-го марта 1897 г., женскихъ: С.-Петербургской Покровской, *Ешевскій* — съ 1-го сентября 1897 г. и Псковской Маріинской, *Галлеръ* — съ 22-го іюля 1897 г., частной доктора Видемана, *Половинкинъ* — съ 1-го августа 1897 г.; наставникъ Череповской учительской семинаріи *Шузаревъ*—съ 12-го октября 1896 г.; по Одесскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи *Ждановъ* — съ 12-го ноября 1895 г.; учителя: гимназій: Бахмутской, *Павловскій* — съ 17-го ноября 1897 г.. Екатеринославской: *Гудковъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и *Локоть*—съ 1-го октября 1897 г., Мариупольской. *Клюевъ*—съ 15-го сентября 1897 г., Симферопольской, *Черногоровъ*—съ 1-го сентября 1897 года; Ялтинской, *Соболевъ*—съ 15-го сентября 1897 г., Николаевскаго реального училища. *Денисчукъ*—съ 1-го октября 1897 г., женскихъ гимназій: Керченской, *Федотовъ*—съ 1-го августа 1897 г. и Симферопольской, *Архиповъ*—съ 30-го сентября 1897 г.; врачъ Хотинскаго уѣзднаго училища *Амброжевичъ*—съ 26-го января 1896 г.; по Виленскому учебному округу: учителя гимназій: Виленской 2-й, *Хорошкевичъ* — съ 13-го сентября 1897 г. и *Занкевичъ* — съ 1-го января 1898 г., Гродненской, *Бекаревичъ*—съ 17-го декабря 1897 г., Витебской, *Сутрисъ*—съ 1-го августа 1897 г., Виленскаго учительскаго института *Лидеръ*—съ 23-го сентября 1897 г.; по Оренбургскому учебному округу: врачъ Екатеринбургскаго 1-го городского четырехкласснаго училища *Падучевъ*—съ 3-го августа 1895 г.; преподаватели: Оренбургской гимназій: *Кормильцевъ*—съ 1-го августа 1897 г.. Уральскаго реального училища *Бочаровъ*—съ 26-го августа 1897 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи *Сироткинъ*—съ 14-го сентября 1897 г.; по Рижскому учебному округу: учитель Риж-

ской городской гимназіи *Бибиковъ*—съ 15-го августа 1897 г.; сверхштатный доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института *Неотинъ*—съ 20-го октября 1897 г.; учителя: Юрьевской гимназіи, *Скрибинъ* и Рижскаго городского реальнаго училища, *Кундферъ*, оба — съ 1-го января 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій С.-Петербургской Введенской, *Якобсонъ* и Императорской Николаевской Царскосельской, *Александровъ*, оба—съ 1-го августа 1896 г., Вологодской, *Васильевъ*—съ 9-го января 1897 г., С.-Петербургской 2-й, *Рункевичъ*—съ 12-го января 1897 г., училища при церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, *Штейнбергъ* — съ 6-го февраля 1896 г.; воспитатель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Рейнштейнъ*—съ 1-го января 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Новгородской гимназіи *Северинъ*—съ 16-го мая 1897 г.; наставникъ Псковской учительской семинаріи *Шмаровъ*—съ 1-го августа 1896 г.; учитель С.-Петербургскаго Сергіевского городского училища *Алехтеевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Елисаветградской, *Веселый*—съ 4-го іюля 1896 г. и Ялтинской, *Рейманъ*—съ 19-го іюня 1897 г., реальныхъ училищъ: Николаевского, *Терещенко*—съ 1-го августа 1896 г. и одесскаго, *Колле*—съ 15-го мая 1896 г., Одесской 2-й женской гимназіи, *Полунинъ*—съ 3-го ноября 1895 г. и Николаевской женской прогимназіи, *Евстратовъ*—съ 15-го октября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Одесской 4-й гимназіи *Ильшиевичъ*—съ 1-го октября 1896 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Добрицкий*—съ 12-го октября 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Херсонскаго пятикласснаго, *Левченко* — съ 4-го сентября 1897 г. и Бердянскаго трехкласснаго, *Владиміровъ* — съ 1-го октября 1897 г.; по Виленскому учебному округу: штатный врачъ Виленскаго 3-го еврейскаго начальнаго училища *Винодскій* — съ 24-го іюня 1897 г.; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Лидскаго, *Охрицъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и Слонимскаго, *Батуринъ*—съ 17-го сентября 1895 г.; учителя гимназій: Гродненской, *Николаевъ* — съ 31-го октября 1895 г., Могилевской, *Турчиновичъ*—съ 1-го іюля 1897 г., Витебской: *Воскресенскій* — съ 1-го февраля 1897 г. и *Тумасовъ* — съ 15-го сентября 1896 г., Мозырской прогимназіи, *Монблановъ*—съ 6-го октября 1896 г., городского при Виленскомъ учительскомъ институтѣ училища, *Богдановичъ*—съ 13-го октября 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища *Ивановъ*—

съ 18-го ноября 1895 г.; преподаватели: Уральской женской гимназій *Затворницкій* — съ 9-го августа 1896 г. и *Галлеръ* — съ 20-го сентября 1896 г., техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Пинтелъевъ* — съ 20-го ноября 1896 г.; учитель Екатеринбургскаго 1-го городского четырехкласснаго училища *Голубевъ* — съ 1-го юля 1897 г.; по Рижскому учебному округу: учителя гимназій: Либавской Николаевской, *Лютцау* и Аренбургской *Игель*. оба — съ 1-го августа 1897 г.; Рижской Ломоносовской женской, *Шервинскій* — съ 7-го декабря 1895 г., Либавскаго реального училища, *Бастенъ* — съ 10-го юля 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: по С.-Петербургскому учебному округу: хранитель агрономическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Адамовъ* — съ 1-го сентября 1897 г.; по Одесскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Ялтинской Александровской гимназій *Петровъ* — съ 15-го октября 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго, *Ефруси*, *Шишовъ* — съ 1-го августа 1897 г., Одесскаго шестикласснаго исправляющій должность *Караченцовъ* — съ 1-го августа 1896 г., трехклассныхъ: Одесскихъ: ремесленнаго, *Воронцовъ* — съ 6-го октября 1895 г. Караимскаго, *Хрущовъ* — съ 1-го августа 1897 г., Екатеринославскаго 1-го, *Краснослободскій* — съ 4-го мая 1897 года, Бердянскаго, *Тодоровъ* — съ 24-го юля 1897 года и Орѣховскаго, *Зозулинскій* — съ 10-го ноября 1897 г.; по Виленскому учебному округу учителя: Виленской 1-й гимназій, *Мазиковъ* — съ 5-го ноября 1897 года. Виленскаго учительскаго института, *Сучко* — съ 1-го августа 1896 г.. городскихъ училищъ: Минскаго, *Федоровичъ* — съ 30-го октября 1897 г. Борисовскаго, *Михалковичъ* — съ 27-го апрѣля 1897 г., Могилевскаго, *Крачина* — съ 13-го юля 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Виленской 1-й гимназій *Тыминскій* — съ 21-го октября 1897 г., по Оренбургскому учебному округу, преподаватель Уфимской женской гимназій *Первухинъ* — съ 23-го января 1897 г.; по Рижскому учебному округу: учителя Митавскаго Александровскаго городского училища: Степанъ *Божонко* — съ 1-го октября 1896 г. и Викентій *Божонко* — съ 1-го августа 1897 г.; исправляющій должность доцента Императорскаго Юрьевскаго университета *Бляевскій* — съ 3-го октября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: по С.-Петербургскому учебному округу: хранитель кабинета практической механики Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Роддъ* — съ 21-го января 1897 г.; лаборантъ физическаго кабинета того же университета

Гершунъ — съ 1-го сентября 1896 г.; помощникъ бібліотекаря того же университета *Аменде* — съ 1-го ноября 1897 г.; преподаватель приготовительнаго класса Новгородской гимназіи *Кудрявцевъ* — съ 11-го ноября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Фишеръ* — съ 1-го марта 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго, Ефрусси, сверхштатный *Семенчукъ* — съ 22-го января 1896 г., трехклассныхъ: Болградскаго, *Богомолковъ* — съ 1-го августа 1897 года, Килийскаго, *Пальченко* — съ 1-го августа 1896 г., Одесскаго караимскаго, *Рыбаковъ* — съ 1-го августа 1894 года, Феодосійскаго, *Эккъ* — съ 1-го сентября 1895 года, приготовительнаго класса Мариупольской гимназіи, *Грековъ* — съ 29-го октября 1897 года; помощникъ учителя Одесскаго городского шестикласснаго училища *Жуванъ* — съ 1-го августа 1897 года; по Виленскому учебному округу: учителя: Шавельской гимназіи, *Климонтовичъ* съ 19-го марта 1896 г.; Бобруйской прогимназіи, *Янковичъ* — съ 6-го іюня 1896 г.. Витебской гимназіи, *Корчанинъ* — съ 1-го августа 1897 г., городскихъ училищъ: Новоалександровскаго, *Хоровецъ* — съ 1-го октября 1897 г., Минскаго, *Астаповичъ* — съ 12-го сентября 1897 г., Двинскаго 2-го, *Селивончикъ* — съ 12-го декабря 1892 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища *Ошанинъ* — съ 31-го августа 1897 г.; воспитатель того же училища *Пономаревъ* — съ 1-го іюля 1895 г.; учителя городскихъ училищъ: Верхотурскаго четырехкласснаго, *Пастуховъ* — съ 16-го сентября 1891 г., Белебеевскаго четырехкласснаго, *Акимовъ* — съ 15-го ноября 1894 г., Алапаевскаго трехкласснаго, *Соколовъ* — съ 13-го февраля 1896 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: Якобштадтскаго трехкласснаго городского училища, *Раценъ* — съ 15-го августа 1893 г., приготовительнаго класса Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Говтайно* — съ 1-го сентября 1894 г., Аренбургской гимназіи, *Поль* — съ 3-го ноября 1895 г.; ассистенты Императорскаго Юрьевскаго университета: *Крикмейеръ* — съ 15-го декабря 1897 г. и *Косачъ* — съ 1-го января 1898 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Амивцевъ* — съ 28-го апрѣля 1896 г.; бухгалтеръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I *Александровъ* — съ 19-го октября 1897 г.; учитель Нарвскаго городского училища *Щепотьевъ* — съ 1-го августа 1896 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: Маяк-

скаго городского двухкласснаго училища, *Горбатюкъ*—съ 1-го августа 1895 г. и приготовительнаго класса Павлоградской гимназіи, *Лозановскій*—съ 1-го февраля 1895 г.; по Виленскому учебному округу: штатный смотритель Быховскаго уѣзднаго училища *Кунцевичъ* — съ 4-го августа 1892 г.; помощникъ архиваріуса Виленскаго центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ *Андрушкевичъ*—съ 1-го сентября 1896 г.: учитель Минскаго городского училища *Косцюкевичъ*—съ 7-го сентября 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Шереметьевъ* — съ 28-го ноября 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Одесскому учебному округу: бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Знаковскій*—съ 1-го февраля 1898 г.; учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Вознесенскаго двухкласснаго, *Галкинъ* — съ 1-го сентября 1895 г. и Одесскаго татарскаго, *Саханскій* — съ 1-го сентября 1895 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводитель Бобруйской прогимназіи *Ильинъ* (онъ же Ильинчикъ) — съ 1-го января 1898 г.; комнатный надзиратель общей ученической квартиры при Виленской 1-й гимназіи *Савинскій*—съ 1-го октября 1897 г.; канцелярскій чиновникъ Виленской дирекціи народныхъ училищъ *Цераскій*—съ 20-го іюля 1894 г.; учителя: искусствъ Велижскаго уѣзднаго училища, *Прокофьевъ* — съ 1-го августа 1895 г., приходскихъ училищъ: Гродненскаго 2-го, *Гончаревичъ* — съ 1-го сентября 1893 г. и Вѣльскаго, *Грудзинскій*—съ 3-го ноября 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Одесскому учебному округу, почетный смотритель Новомосковскаго городского трехкласснаго училища *Восоцкій* — съ 18-го февраля 1894 г.; по Виленскому учебному округу: исправляющій должность помощника архиваріуса Виленскаго центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ *Голубъ* — съ 24-го февраля 1897 г.; учителя приходскихъ училищъ: Бѣлицкаго, *Котовъ* — съ 1-го сентября 1894 г. и Велико-Берестовицкаго, *Чурикъ*—съ 3-го ноября 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу, учитель Иргинскаго приходскаго училища *Манохинъ*—съ 15-го апрѣля 1897 г.; по Рижскому учебному округу, учитель Валкскаго городского начальнаго училища *Кампаръ*—съ 13-го февраля 1897 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго совѣтника*, по Рижскому учебнаго округа, инспекторъ народныхъ училищъ Рижскаго округа, надворный совѣтникъ *Бльдюгинъ*—съ 1-го августа 1897 г.; *надворнаго совѣтника*: по Рижскому учебному округу: преподаватели Рижскаго политехническаго института: магистръ полити-

ческой экономіи *фонъ-Берманъ*—съ 1-го января 1897 г. и *фонъ-Блахеръ*—съ 1-го сентября 1897 г.; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ древне-классической филологіи *Придикъ*—съ 1-го января 1897 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій: С.-Петербургской 1-й: *Кондратьевъ*—съ 1-го августа 1893 г. и (сверхштатный) *Сутушинъ*—съ 1-го января 1893 г., С.-Петербургской Введенской, *Толмачевъ*—съ 1-го сентября 1893 г., Новгородской (сверхштатный) *Лаишковъ*—съ 1-го августа 1891 г., прогимназій: С.-Петербургской 1-й, губернский секретарь *Броссе*—съ 27-го февраля 1893 г. и Петергофской Императора Александра II. *Мамонтовъ*—съ 27-го октября 1892 г.; воспитатели: С.-Петербургской Ларинской гимназій, *Тарасовъ*—съ 1-го августа 1893 г. и С.-Петербургскаго частнаго Реальнаго училища Гуревича, *Севрукъ*—съ 15-го августа 1893 г.; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи, коллежскій секретарь *Дорофеевъ*—съ 1-го сентября 1892 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Одесской 3-й: *Пфейферъ*—съ 29-го октября 1892 г., *Терновскій*—21-го сентября 1893 г. и (сверхштатный) *Лучинскій*—съ 17-го октября 1887 г.. Симферопольской: *Гусевъ*—съ 15-го февраля 1892 г. и *Стницкій*—съ 1-го апрѣля 1892 г., Херсонской, *Феллеръ*—съ 15-го августа 1893 г., Севастопольскаго Реальнаго училища: *Куклинъ*—съ 20-го октября 1893 г. и *Гримпе*—съ 22-го августа 1891 г., женскихъ гимназій: Екатаринославской городской, *Муратовъ*—съ 1-го сентября 1892 г., Мариупольской, *Постернаковъ*—съ 1-го августа 1893 г. и содержимой въ городѣ Одессѣ Березиною, *Соколовъ*—съ 16-го сентября 1893 г.; учитель Θεодосійскаго учительскаго института *Соколовъ*—съ 15-го августа 1893 г.; врачъ Одесскаго 1-го еврейскаго начальнаго училища *Винокуровъ* (онъ же Винокуръ)—съ 4-го февраля 1893 г., по степени доктора медицины; по Виленскому учебному округу: учителя: Минской гимназій, *фонъ-Мореншильдъ*—съ 20-го іюля 1893 г., Мозырской прогимназій, *Устиновъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; бывшій учитель Виленскаго реальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ. *Ливчакъ*—съ 12-го сентября 1873 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Троицкой гимназій, *Киселевъ*—съ 19-го октября 1892 г., Пермскаго реальнаго училища, *Ги*—съ 1-го августа 1893 г., техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Маножинъ*—съ 15-го августа 1893 г.; по Рижскому учебному округу: сверхштатный учитель Рижскаго городского реальнаго училища *Гунъ*—съ 15-го апрѣля 1893 г.; учитель Рижскаго

реального училища Императора Петра I *Брянскій* — съ 1-го іюля 1893 г.; ассистентъ при поликлиникѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Коптелъ* — съ 1-го октября 1893 г., по степени доктора медицины; *титულлярнаго совѣтника*: по Одесскому учебному округу: врачъ Бахмутской женской гимназіи *Моляковъ* — съ 6-го февраля 1893 г., по степени лѣкаря; по Рижскому учебному округу, ассистентъ при женской клиникѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Пальховскій* — съ 21-го октября 1893 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Шульцъ* — съ 25-го апрѣля 1897 г. и лаборантъ химической лабораторіи того же университета *Биронъ* — съ 1-го октября 1897 г., оба по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской Введенской гимназіи *Тулиновъ* — съ 16-го октября 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: Ораніенбаумскаго, *Масловъ* — съ 1-го октября 1893 г., Шлиссельбургскаго, *Альповъ* — съ 1-го сентября 1893 г. и Петергофскаго, *Копытовскій* — съ 15-го августа 1893 г.; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Херсонскаго пятикласснаго, *Харченко* — съ 6-го сентября 1893 г., трехклассныхъ: Бобринецкаго, *Долининъ* — съ 9-го декабря 1893 г., Болградскаго, *Потоцкій* — съ 1-го сентября 1893 г., Новомосковскаго, *Вънцовъ* — съ 1-го августа 1893 г. и Никопольскаго, *Зимковскій* — съ 15-го октября 1893 г.; по Виленскому учебному округу: завѣдывающій Лепельскимъ городскимъ училищемъ *Василенко* — съ 1-го іюля 1882 г.; учителя городскихъ училищъ: состоящаго при Виленскомъ учительскомъ институтѣ, *Ковалюкъ* — съ 10-го августа 1893 г., Новогрудскаго, *Олехновичъ* — съ 1-го августа 1893 г., Могилевскаго: *Котляръ* — съ 9-го августа 1893 г. и *Ляшевичъ* — съ 13-го января 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Слуцкой гимназіи, *Наркевичъ* — съ 21-го января 1893 г. и Брестской прогимназіи, *Почебутъ* — съ 1-го декабря 1893 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Алапаевскаго, *Рышетовъ* — съ 24-го августа 1893 г. и Оренбургскаго 2-го, *Жуковъ* — съ 22-го ноября 1893 г.; по Рижскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Вольмарскаго трехкласснаго, *Вомпсонъ* — съ 1-го мая 1892 г., Юрьевскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Ворби* — съ 1-го сентября 1893 г. и Илукстскаго трехкласснаго, *Шевко* — съ 1-го сентября 1893 г., Газенпотскаго трехкласснаго городского учи-

лица, нынѣ учитель приготовительнаго класса Либавскаго реальнаго училища *Бобржевъ*—съ 1-го января 1894 г.; *убернскаго секретаря*: по Одесскому учебному округу: бывший учитель Сорокскаго уѣднаго училища, нынѣ учитель Ренискаго городского трехкласснаго училища *Свѣтенко*—съ 1-го августа 1892 г.; по Виленскому учебному округу: бывший учитель Слонимскаго уѣднаго училища, нынѣ учитель Минскаго городского училища *Романовскій* (онъ же Сиротко)—съ 11-го октября 1893 г.; учитель Игуменскаго уѣднаго училища *Лобоцкій*—съ 16-го октября 1893 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя уѣдныхъ училищъ: Уфимскаго, *Червяковъ*—съ 21-го октября 1893 г. и Камышловскаго, *Губинъ*—съ 10-го октября 1893 г.; по Рижскому учебному округу: бывший учитель приготовительнаго класса Юрьевской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Васильевъ*—съ 1-го іюля 1881 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашніе учителя: *Пановъ*—съ 10-го декабря 1897 г. и *Ростъ*—съ 15-го сентября 1897 г.; по Одесскому учебному округу: домашній учитель *Якимовъ*—съ 14-го октября 1895 г., учитель Карасубазарскаго городского двухкласснаго приходскаго училища *Селивановскій*—съ 1-го августа 1892 г., по званію студента духовной семинаріи; по Виленскому учебному округу: бывший учитель чистописанія, черченія и рисованія Себежскаго уѣднаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Казаковъ*—съ 31-го октября 1873 г.

(6-го марта 1897 г.) *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, инженеръ-механикъ, надворный совѣтникъ *Наинскій*—директоромъ Охтенскаго низшаго механико-техническаго училища, съ 25-го октября 1897 г.

Назначаются: архитекторъ министерства внутреннихъ дѣлъ, старшій техникъ по чертежной части техническо-строительнаго комитета сего министерства, академикъ архитектуры, надворный совѣтникъ *Марфельдъ*—архитекторомъ при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ теоріи и исторіи искусствъ *Павлуцкій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ.

Утверждается статскій совѣтникъ *Милорадовичъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Прилукской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллегскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисскаго 1-й, *Ростомовъ*—съ 1-го іюля 1897 г.,

Эриванской *Пламеневскій*—съ 31-го октября 1897 г., Кутаисской, *Семеновъ*—съ 1-го октября 1897 г., Елисаветпольской, *Хуциевъ*—съ 1-го сентября 1897 г., 2-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Теодоровны женской гимназіи, *Шульгинъ*—съ 19-го ноября 1897 г., Закавказской учительской семинаріи: *Вересовъ*—съ 1-го августа 1897 г. и *Италинскій*—съ 18-го сентября 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Омской гимназіи *фонъ-Штернъ*—съ 11-го іюня 1897 г.; надзиратель Тюменскаго-Александровскаго реальнаго училища *Петровъ*—съ 6-го сентября 1897 г.; библіотекаръ Императорскаго Томскаго университета *Кузнецовъ*—съ 1-го ноября 1897 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ: хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ *Доловъ*—съ 11-го октября 1897 г.; помощникъ библіотекаря *Михельсонъ*—съ 1-го декабря 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Ставропольской, *Морозовскій*—съ 9-го іюня 1897 г., Эриванской, *Тарданъ*—съ 28-го сентября 1897 г., Елисаветпольской, *Поляковъ*—съ 1-го ноября 1897 г., Кутаисской, *Глушаковъ*—съ 14-го сентября 1897 г., Новороссійской мужской прогимназіи, *Мельниковъ*—съ 20-го октября 1895 г.; реальныхъ училищъ: Бакинскаго, *Успенскій*—съ 25-го ноября 1897 г., Кубанскаго Александровскаго, *Олимпиади*—со 2-го сентября 1897 г.; воспитатели пансіоновъ: Кутаисской гимназіи, *Топорковъ*—съ 23-го августа 1897 г. и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, *Роменскій*—съ 7-го декабря 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисской 1-й *Черновъ*—съ 16-го августа 1897 г., Тифлисской 3-й, сверхштатный *Такайшвили*—съ 1-го сентября 1897 г., Тифлискаго реальнаго училища, *Гуладзе*—съ 22-го ноября 1896 г., Ейской женской гимназіи, *Харламовъ*—съ 8-го сентября 1896 г., Екатеринодарскаго Александровскаго городского шестикласснаго училища, сверхштатный, *Гусевъ*—съ 1-го іюля 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Омской гимназіи, *Брюйеръ*—съ 1-го января 1896 г. и Томской гимназіи, *Бобовъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ, помощникъ библіотекаря *Калишевскій*—съ 16-го сентября 1897 г.; по Кавказскому учебному округу, помощники воспитателей пансіоновъ: Эриванской гимназіи *Бибоевъ*—съ 1-го іюля 1896 г., Бакинскаго реальнаго училища, *Алафоновъ*—съ 10-го октября 1897 г.; помощникъ классныхъ

наставниковъ Бакинскаго реального училища *Велибековъ*—съ 14-го іюня 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго: *Вартапетовъ* — съ 20-го ноября 1897 г. и *Скопецъ*—съ 1-го декабря 1897 г., Темрюкскаго трехкласснаго. *Беридзе*—съ 1-го августа 1897 г.; учитель владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища *Сорокинъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; учитель-смотритель Лечхумскаго начальнаго училища *Назаровъ*—съ 30-го августа 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители VIII класса: *Таберіо*—съ 11-го октября 1897 г. и *Ильинскій*—съ 17-го октября 1897 г.; по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ, помощникъ бібліотекаря *Боборыкинъ*—съ 22-го декабря 1897 г.; по Одесскому учебному округу, экономомъ пансіона при Симферопольской мужской гимназіи *Яновскій*—съ 20-го сентября 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Тифлисской 3-й мужской гимназіи, *Беръ* — съ 1-го августа 1896 г., городскихъ училищъ: шестиклассныхъ: Батумскаго, *Панкратовъ* и Зугдидскаго *Чичуа*, оба—съ 1-го іюля 1896 г., Екатеринодарскаго Александровскаго, *Масловъ*—съ 18-го ноября 1895 г., Баталпаинскаго, *Нацаваловъ*—съ 1-го января 1896 г., горскихъ школъ: Нальчикской окружной, *Арутюнянцъ*—съ 11-го сентября 1897 г., Сухумской, *Джугели* — съ 25-го октября 1897 г., двухклассныхъ начальныхъ училищъ: Армавирскаго Александровскаго, *Лавровскій*—съ 27-го августа 1897 г. и Уманскаго *Демяникъ*—съ 7-го сентября 1897 г.; помощникъ смотрителя Рачинскаго Михайловскаго начальнаго училища *Тутберидзе* — съ 5-го октября 1895 г.; смотритель-учитель Кулашскаго нормальнаго сельскаго однокласснаго училища *Мкурнали*—съ 1-го сентября 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Томскаго Алексѣевскаго реального училища *Шадринъ*—съ 9-го іюля 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ, старшій чиновникъ для письма при канцеляріи *Щуровъ*—съ 23-го декабря 1897 г.; по Кавказскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 1-й гимназіи *Гроссъ* — съ 1-го сентября 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, помощникъ учителя Колыванскаго двухкласснаго городского училища *Чирковъ*—съ 18-го апрѣля 1893 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Одесскому учебному округу, письмоводитель Одесскаго реального училища *Дунинъ-Мар-*

цинкевичъ—съ 15-го октября 1887 г.; по Кавказскому учебному округу: исправляющій должность помощника воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи *Рогожинъ*—съ 1-го августа 1893 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель Мингрельскаго городского шестикласснаго училища *Шестаковъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Бовшикъ*—съ 1-го августа 1895 г.; почетный смотритель Мингрельскаго городского шестикласснаго училища Гасанъ *Джалаловъ*—съ 17-го ноября 1883 г.; бывшій учитель Касумъ-Кентскаго нормальнаго двухкласснаго сельскаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Елизаровъ*—съ 7-го августа 1896 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по департаменту народнаго просвѣщенія: помощникъ дѣлопроизводителя *Шимановскій*—съ 21-го марта 1897 г.; канцелярскіе служители: *Таскинъ*—съ 2-го марта 1897 г. и *Авдусевскій*—съ 11-го февраля 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель русско-туземной школы при мектебе молитвеннаго дома общества бабистовъ города Асхабада *Алабабаевъ*—съ 15-го іюня 1894 г.; завѣдывающіе сельскими училищами: двухклассными: Чамлыкскимъ, *Непочатовъ*, Бекешевскимъ, *Попковъ*, Константиновскимъ однокласснымъ. *Фалдинъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1897 г.; учителя сельскихъ земскихъ народныхъ училищъ: Басхальскаго, *Бабаевъ*—съ 17-го мая 1897 г., Конагъ-Кентскаго, *Бадгаровъ*—съ 1-го іюля 1897 г. и учитель Калиновскаго станичнаго училища *Тамазовъ*—съ 1-го января 1895 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: по Императорской Публичной библиотекѣ, младшій помощникъ библиотекаря, титулярный совѣтникъ *Чечуминъ*—съ 27-го января 1897 г., по степени доктора русской исторіи; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисской 1-й, *Зданевичъ*—съ 1-го сентября 1893 г., Тифлисской 3-й, *Оухеловъ*—съ 1-го апрѣля 1893 г., Кутаисской, *Имлези*—съ 23-го іюля 1893 г., Ставропольской: *Соколовъ*—съ 15-го іюня 1893 г., *Рукавишниковъ*—съ 1-го августа 1893 г., *Фирсовъ*—съ 20-го іюля 1893 г., Екатеринодарской городской, *Ларионовъ*—съ 2-го сентября 1893 г., реальныхъ училищъ: Шушинскаго, титулярный совѣтникъ *Даниловъ*—съ 17-го октября 1893 г., Бакинскаго, *Самойловъ*—съ 1-го сентября 1893 г., женскихъ гимназій: Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Θεодоровны, *Филлимоновъ*—съ 1-го ноября 1892 г., Тифлясской 3-й, *Казанъ*, Бакинской Маріинской, *Лорткитанидзе*, оба—съ 1-го сентября 1893 г.; учитель-воспи-

татель Александровскаго учительскаго института *Апанъевъ* — съ 1-го августа 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, *Юганзенъ* — съ 1-го августа 1893 г. и Омской гимназіи, *Молочниковъ* — съ 17-го сентября 1893 г.; *титularнаго совѣтника*: по Западно-Сибирскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Томскаго университета: при кафедрѣ гигиены, *Бутылинъ* и при кафедрѣ діагностики, *Левашевъ*, оба — съ 1-го января 1894 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Симферопольской мужской гимназіи *Петраковъ* — съ 1-го ноября 1893 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Голубовъ* — съ 10-го декабря 1893 г.; учителя шестиклассныхъ городскихъ училищъ: Батумскаго, *Кононовъ* — съ 17-го августа 1893 г., Екатеринодарскаго Александровскаго: *Воевода* — съ 1-го іюля 1893 г. и сверхштатный *Фатьяновъ* — съ 1-го сентября 1891 г., Кизлярскаго трехкласснаго, *Толчинъ* — съ 1-го августа 1893 г.; исправляющій должность смотрителя-учителя Хунзахскаго нормальнаго сельскаго однокласснаго училища *Велизаде* — съ 1-го января 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Бійскаго двухкласснаго городского училища *Михайловъ* — съ 16-го января 1884 г.; провизоръ клинической аптеки Императорскаго Томскаго университета *Штромбергъ* — съ 4-го сентября 1893 г., по степени провизора; *убернскаго секретаря*: по Кавказскому учебному округу: учитель-надзиратель Сухумской городской школы *Леонтьевъ* — съ 1-го сентября 1893 г.; учитель Таманскаго двухкласснаго начальнаго училища *Ловчинъ* — съ 1-го августа 1891 г.; *коллежскаго регистратора*: по Кавказскому учебному округу: бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Пятигорскаго городского трехкласснаго училища *Джущія* — съ 21-го октября 1892 г.; бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ сверхштатный учитель Асхабадскаго городского трехкласснаго училища *Митрофановъ* — съ 1-го сентября 1890 г., помощникъ учителя Владикавказскаго Николаевскаго четырехкласснаго городского училища *Букиа* — съ 1-го іюля 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, помощникъ учителя Барнаульскаго двухкласснаго городского училища *Колчинъ* — съ 1-го августа 1893 года.

ПОПРАВКА.

На стр. 71 № 2 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г. напечатано: „штатный смотритель городского *Ковенскаго* училища Иванъ Смирновъ“—слѣдуетъ читать: „*Каневскаго*“ училища.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

14. (26-го февраля 1898 года). *Циркуляръ з. управляющаю министерствомъ народнаго просвѣщенія з. попечителю учебнаго округа.*

Августѣйшій президентъ Императорской Академіи Художествъ увѣдомилъ министерство народнаго просвѣщенія, что избранная Академіей особая коммиссія, разсмотрѣвъ присланныя въ 1897 г. на XVI конкурсѣ работы учениковъ реальныхъ училищъ, гимназій и прогимназій по рисованію, черченію и моделированію, нашла въ общемъ успѣхъ въ преподаваніи рисованія, но обратила, вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе на неравномѣрность отношенія общаго числа учебныхъ заведеній къ числу приславшихъ работы на конкурсѣ. Полагая, что воздержаніе отъ участія въ конкурсѣ можетъ происходить вслѣдствіе незнанія учебными заведениями сроковъ присылки работъ въ Академію и условій конкурса, Его Императорское Высочество проситъ распространить условія конкурсѣ между учебными заведениями.

Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу Ваше сообщить учебнымъ заведениямъ ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа, для свѣдѣнія и руководства, прилагаемая при семъ утвержденныя Императорскою Академіею Художествъ „Условія для представленія на конкурсѣ въ Императорскую Академію Художествъ рисунковъ, чертежей и работъ по моделированію изъ учебныхъ заведеній всѣхъ ведомствъ“ и вмѣстѣ предложить симъ заведениямъ принимать, по возможности, неослабное участіе въ объявляемыхъ Академіею конкурсахъ.

Образецъ.

СПИСОКЪ.

Классныхъ работъ по рисованію воспитанниковъ (такого-то учебнаго заведенія), представляемыхъ въ канцелярію Императорской Академіи Художествъ на конкурсъ (такого-то) года.

Училище открыто въ (такомъ-то) году, съ (столькимъ-то) классами. Нынѣ имѣеть (столько-то) классовъ. Общее число учащихся (столько-то). (Если рисованіе необязательно, то обозначается число учащихся этому предмету).

Рисованіе преподается въ (такихъ-то) классахъ, по (столько-то) часовыхъ уроковъ въ недѣлю. Для рисованія (имѣется ли отдѣльный рисовальный классъ).

Преподаватель рисованія (звание, чинъ, имя, отчество и фамилія. Гдѣ получилъ художественное образованіе?).

Преподаетъ въ училищѣ (столько-то лѣтъ). всего на службѣ (столько-то лѣтъ).

Классъ.	Имена и фамиліи учениковъ.	Рисунки съ классной доски или со стѣнныхъ таблицъ.	Рисунки съ проволочныхъ и непрозрачныхъ геометрическихъ моделей, съ гипсовыхъ моделей, съ натуры и по памяти.	Рисунки съ такъ называемыхъ оригиналовъ, то-есть, печатныхъ образцовъ, эстамповъ или съ фотографій.
I	Андрей Ивановъ . .	1—52	—	} 68 в. — 70 в.
II	{ Петръ Соколовъ . Иванъ Никитинъ .	— —	{ 53—70 71—86 87—92	
III	Сергѣй Кудрявцевъ .	—	{ 94—97 99—100	} 95 „ — 97 „
IV	Павелъ Ильинъ . .	—	101—107	102 „ — 105 „
V	Николай Семеновъ .	—	{ 108—114 115—119	} 112 „ — 114 „
VI	{ Алекс. Васильевъ . Матвѣй Егоровъ .	— —	120—126 127—128	124 в. 125 в. и 126 „
	{ Алексѣй Байковъ .	—	—	—
VII	Николай Федоровъ .	—	{ 129—130 131—134	} 131 в. — 133 „

Примѣчаніе. Всѣ рисунки и тетради должны имѣть: знакъ или печать учебнаго заведенія, подпись преподавателя и обозначеніе класса, имени и фамиліи ученика.

Рисунки, обозначенные здѣсь въ трехъ графахъ списка, должны быть перенумерованы одною общею нумераціею, считая отъ перваго рисунка ученика младшаго класса до послѣдней работы ученика старшаго класса, въ той послѣдовательности, какъ велось преподаваніе. Въ эту общую нумерацію входятъ всѣ рисунки, безъ исключенія, какъ отдѣльные, такъ и исполненные въ тетрадяхъ.

Работы по черченію и моделированію (лѣпка изъ глины) должны быть представляемы при особыхъ спискахъ, съ необходимыми поясненіями, съ послѣдовательною нумераціею и прочими обозначеніями, какъ выше сказано.

Рисунки, лѣпныя работы и чертежи лучшихъ учениковъ не свыше десяти работъ изъ каждаго учебнаго заведенія представляются при особыхъ спискахъ на отдѣльныхъ листахъ съ надписью: „На соисканіе награды“. Для рисовальныхъ же школъ количество такихъ рисунковъ остается по прежнему неограниченнымъ.

На конкурсъ допускаются работы, исполненныя въ промежутокъ времени отъ одного конкурса до другаго; поэтому учебныя заведенія могутъ прислать на конкурсъ ученическія работы, исполненныя въ теченіе трехъ лѣтъ.

Условія для представленія на конкурсъ въ Императорскую Академію Художествъ рисунковъ, чертежей и работъ по моделированію изъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ.

Императорская Академія Художествъ 21-го апрѣля 1897 г. утвердила слѣдующія предложенія конкурсной комиссіи того же года, относительно условій для представленія на конкурсъ въ Академію ученическихъ работъ по рисованію, черченію и моделированію.

1) Ученическія работы должны быть присылаемы въ двухъ отдѣлахъ: первый долженъ представлять единственно послѣдовательный ходъ преподаванія—систему; второй—работы лучшихъ учениковъ, заслуживающихъ, по мнѣнію самихъ преподавателей и учебнаго начальства, поощренія отъ Академіи.

2) Для правильнаго сужденія о рациональности преподаванія для конкурсной комиссіи совершенно необходимо, чтобы работы перваго

отдѣла были, по возможности, одного ученика изъ каждаго класса, чтобы работы эти не представляли никакихъ пробѣловъ, а также такихъ задачъ, которыя были бы непосильны для остальныхъ учениковъ даннаго класса, словомъ, не были бы выходящимъ изъ ряда исключеніемъ. Само собою разумѣется, что вполне достаточно одного экземпляра такихъ рисунковъ, и нѣтъ никакой нужды присылать десятками работы одинаковаго содержанія.

3) Всѣ конкурсныя работы должны быть перенумерованы такимъ образомъ, чтобы можно было, безъ затрудненій, прослѣдить весь ходъ преподаванія, отъ начала до конца, отъ первоначальной работы ученика младшаго класса до послѣдняго рисунка ученика старшаго класса. Еще лучше, если рисунки будутъ брошюрованы въ тетради, переплетены въ альбомы или же наклеены на листы бумаги или картона одинаковаго формата.

Сверхъ послѣдовательнаго номера и проч., на каждомъ рисункѣ должны быть обозначены: классъ, имя и фамилія ученика, и требуется подпись преподавателя. Всякія другія свѣдѣнія, могущія служить для болѣе вѣрнаго сужденія объ успѣхахъ учениковъ и достоинствахъ метода, какъ напримѣръ, обозначеніе возраста учениковъ, времени употребленнаго на исполненіе даннаго рисунка, степени предварительной, домашней подготовки ученика и т. п., всегда будутъ весьма цѣнны, хотя и не требуются обязательно, по причинѣ ихъ сложности, а иногда и неудобоисполнимости.

4) Рисунки, чертежи, лѣпныя и другія работы, представляемыя на конкурсъ собственно съ цѣлью поощренія Академіею отличныхъ или особенно старательныхъ учениковъ медалями и похвальными отзывами, могутъ быть присылаемы въ количествѣ не свыше 10 работъ изъ каждаго учебнаго заведенія, за исключеніемъ рисовальныхъ школъ, которыя могутъ присылать работы своихъ учениковъ, хотя и съ выборомъ, но въ неограниченномъ количествѣ. Такіе рисунки, чертежи и другія работы, свидѣтельствуя единственно объ успѣхахъ и прилежаніи отдѣльныхъ, болѣе прилежныхъ учениковъ, ни въ какомъ случаѣ не должны служить нормою для сужденія о степени успѣшности общаго хода преподаванія и потому будутъ разсматриваемы комиссіею совершенно независимо отъ работъ перваго отдѣла, о которомъ сказано выше.

Конкурсы ученическихъ работъ назначаются въ январѣ мѣсяцѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Для мужскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній: гим-

назій, прогимназій, реальныхъ училищъ, коммерческихъ училищъ, корпусовъ и т. д., городскихъ и уѣздныхъ училищъ и друг. въ 1900, 1903, 1906 гг. и т. д. черезъ каждые три года.

2) Для общеобразовательныхъ и профессиональныхъ женскихъ учебныхъ заведеній: гимназій, институтовъ, прогимназій, профессиональныхъ школъ и т. д. и специально рисовальныхъ и живописныхъ школъ въ 1898, 1901, 1904 и т. д. черезъ каждые три года.

3) Для техническихъ, ремесленныхъ и вообще профессиональныхъ учебныхъ заведеній, а также воскресныхъ и вечернихъ классовъ рисованія для рабочихъ и ремесленниковъ въ 1899, 1902, 1905 и т. д. черезъ каждые три года.

Всѣ присылаемые на конкурсъ рисунки, чертежи и проч. должны быть представляемы не позднѣе декабря предшествующаго конкурсу года обязательно при спискѣ, составленномъ по прилагаемому при семь образцу.

15. (4-го іюля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени Астраханскаго купца Федора Васильевича Богданова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *тысячу двѣсти пятьдесятъ* рублей, заключающагося въ 4% свидѣтельствахъ государственной ренты на 1.200 р. и 50 р. въ 3% билетѣ государственнаго казначейства, учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ, согласно духовному завѣщанію вдовы купца Аполлинаріи Григорьевны Богдановой, стипендія имени „Астраханскаго купца Федора Васильевича Богданова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Астраханскаго реального училища, хранится въ Астраханскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ этого училища.

§ 3. Назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, который выбираетъ его исключительно изъ числа сиротъ, лучшихъ по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ и бѣднѣйшихъ учениковъ училища, но только уроженцевъ г. Астрахани и купеческаго или мѣщанскаго сословія.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ сбора на основаніи закона 20-го мая 1885 года, ежегодно употребляются на плату за право ученія стипендіата или, если онъ бу-

дѣть освобожденъ отъ платы за ученіе, выдаются опекунамъ стипендіата въ пособіе на воспитаніе его и на учебныя нужды.

§ 5. Остатки отъ процентовъ, могущіе образоваться отъ незамѣненія стипендіи или по другимъ причинамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, либо присоединяются къ капиталу, либо выдаются въ пособіе стипендіату.

§ 6. Стипендіать, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ, если только въ оправданіе послѣдней не будетъ представлено уважительныхъ причинъ, лишается, по постановленію педагогическаго совѣта, стипендіи, и вмѣсто него выбирается стипендіатомъ другой ученикъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ по окончаніи имъ курса реальнаго училища.

16. (14-го іюня 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени Ею Императорскаю Величества Государя Императора Николая Александровича при Кѣлецкой мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1.000 рублей, пожертвованнаго служащими въ Кѣлецкой мужской гимназіи и заключающагося въ 4% государственной рентѣ, учреждается при этой гимназіи стипендія Имени Ею Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, въ ознаменованіе спасенія драгоцѣнной жизни Ею Величества отъ опасности, грозившей въ г. Отсу въ Японіи 29-го апрѣля 1891 года.

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ Кѣлецкомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Кѣлецкой мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіею пользуется одинъ изъ бѣдаѣвшихъ учениковъ Кѣлецкой гимназіи, заслуживающій таковой своими успѣхами, прилежаніемъ, вниманіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ.

§ 4. Стипендія назначается постановленіемъ педагогическаго совѣта Кѣлецкой мужской гимназіи и выдается по полугодіямъ учебнаго года, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, на основаніи закона 20-го мая 1885 года. О назначеніи стипендіи каждому новому кандидату сообщается начальству Варшавскаго учебнаго округа.

§ 5. Если бы почему либо пришлось 4% государственную ренту замѣнить какой-либо другой процентной бумагой, стипендіать обязательно пользуется всѣмъ количествомъ получаемыхъ процентовъ.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей все время пребыванія своего въ гимназіи, но по опредѣленію педагогическаго совѣта можетъ быть и лишень ея за малоуспѣшность въ наукахъ или за неодобрительное поведеніе.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (12-го сентября 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени ксендза Алоизія Щепанскаго при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шестнадцать тысячъ девяносто семь рублей девяносто девять копѣекъ*, завѣщаннаго ксендзомъ Алоизіемъ Щепанскимъ, учреждаются при Каменецъ-Подольской гимназіи четыре стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на сумму 16.000 р., въ 3,6% книжкѣ сберегательной кассы государственнаго банка за № 11.439 на 97 р. 99 к. хранится въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, обращаются на содержаніе четырехъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются, согласно волѣ завѣщателя, душеприказчиками его: 1) настоятелемъ Каменецкаго кафедральнаго костела, ксендзомъ Михаиломъ Андреевичемъ Дзеньдзникомъ, 2) дворяниномъ Казиміромъ Викентьевичемъ Хорбковскимъ, 3) дворяниномъ Адольфомъ Петровичемъ Бачинскимъ и 4) дворяниномъ Кипріяномъ Игнатъевичемъ Тыновскимъ, а послѣ ихъ смерти—законоучителемъ римско-католическаго Закона Божія мужской гимназіи, по соглашенію съ гимназическимъ начальствомъ, изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ римско-католическаго исповѣданія, заслуживающихъ этихъ стипендій по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

18. (6-го ноября 1897 года). *Положеніе о стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу сто рублей, пожертвованнаго служащими въ Ташкентскомъ реальномъ училищѣ, учреждается при семъ училищѣ одна стипендія, въ память высокорадостнаго событія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Ташкентскомъ областномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность училища и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за исключеніемъ причитающагося въ пользу казны сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіату для взноса платы за ученіе.

§ 4. Право избранія стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи принадлежитъ педагогическому совѣту Ташкентскаго реальнаго училища.

§ 5. Въ стипендіаты избираются ученики Ташкентскаго реальнаго училища безъ различія званія и вѣроисповѣданія, заслуживающіе того по прилежанію и поведенію.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Ташкентскаго реальнаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ переводится въ послѣднее для употребленія по назначенію.

19. (14-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Антона Ивановича Переяславцова при Кіевской 1-й гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго умершимъ коллежскимъ совѣтникомъ Антономъ Ивановичемъ Переяславцовымъ капитала въ *два тысячи* рублей, заключающагося въ свидѣтельствахъ 4⁰/₀ государственной ренты и хранящагося въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ, учреждается при Кіевской 1-й гимназіи стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, вносятся въ спеціальныя средства Кіевской 1-й гимназіи плата за право ученія сиротъ изъ дѣтей православныхъ гражданскихъ чиновниковъ недостаточнаго состоянія.

§ 4. Могушіе образоваться остатки ежегодно выдаются стипендіату для покупки учебниковъ и учебныхъ пособій или вносятся въ спеціальныя средства гимназіи какъ плата за право ученія втораго стипендіата, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Право лишенія ученика стипендіи въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія его предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

20. (8-го января 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Зубовича при Кіевской 1-й гимназіи.*

(Утверждено г. временно-управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* рублей, завѣщаннаго умершимъ дворяниномъ Юліаномъ Ивановичемъ Зубовичемъ, заключающагося въ государственной 4⁰/₀ рентѣ, учреждается при Кіевской 1-й гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ завѣщаннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора, выдаются на содержаніе стипендіата его родителямъ, родственникамъ или вообще лицамъ, завѣдывающимъ его воспитаніемъ, по полугодіямъ, въ сроки полученія денегъ по купонамъ.

§ 4. Стипендіатомъ можетъ быть воспитанникъ Кіевской 1-й гимназіи польскаго происхожденія, католическаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, но не иначе, какъ живущій на частной квартирѣ.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ душеприказчикамъ завѣщателя: дворянину Урбану Фортунатовичу Раковскому, дворянину Альбину Ивановичу Полянскому и присяжному повѣренному Антону Омичу Якушевскому, а послѣ ихъ смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Остатки, могушіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ, выдаются, въ видѣ единовременнаго пособія, стипендіату при окончаніи имъ полнаго курса гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (19-го февраля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Таирова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 16.000 р., полученнаго Императорскимъ Московскимъ университетомъ по утвержденному 16-го сентября 1897 года, С.-Петербургскимъ Окружнымъ судомъ, духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Таирова и заключающагося нынѣ въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждаются при названномъ университетѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ собственность Московскаго университета и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи предоставляются бѣднымъ студентамъ университета, безъ различія факультетовъ.

§ 4. Назначеніе стипендій предоставляется Правленію университета, на основаніи существующихъ постановленій о назначеніи стипендій въ университетахъ.

§ 5. Могушіе образоваться, по какимъ либо причинамъ, остатки

отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ капиталу, для увеличенія, впоследствии, размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ матеріальныхъ обязательствъ, по окончаніи ими курса въ университетѣ.

22. (19-го февраля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы поручика Елизаветы Ивановны Бенардаки при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *четырнадцать тысячъ руб.*, полученнаго Императорскимъ Московскимъ университетомъ по утвержденному Московскимъ Окружнымъ судомъ 12-го ноября 1896 года духовному завѣщанію вдовы поручика Елизаветы Ивановны Бенардаки, учреждаются при семъ университетѣ двѣ стипендіи имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный душеприказчиками завѣщательницы на вѣчный вкладъ въ Московскую контору государственнаго банка, составляетъ собственность Московскаго университета и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи назначаются бѣднымъ студентамъ университета, безъ различія факультетовъ.

§ 4. Назначеніе стипендій предоставляется Правленію университета на основаніи существующихъ постановленій о назначеніи стипендій въ университетахъ.

§ 5. Могушіе образоваться, по какимъ либо причинамъ, остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ капиталу для увеличенія, впоследствии, размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ по окончаніи ими университетскаго курса.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

— Книжку: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Джемсъ Уаттъ. Его жизнь и научно-прак-

тическая дѣятельность. Біографическій очеркъ *А. В. Каменскаго*. Съ портретомъ Джемса Уатта, гравированнымъ съ Лейпцигъ Геданомъ. С.-Пб. 1891. 91. Цѣна 25 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для фундаментальныхъ библіотекъ женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реального училища. Часть вторая. 7-е передѣланное изданіе. Одесса. 1898. XII—316. Цѣна 1 р.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*Zriny. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen von Theodor Körner. Mit einem deutsch-russischen Wörterbüchlein herausgegeben von Emil Neumeister.* Ставрополъ i/К. 1898. 87 + 39. Цѣна 35 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „*Г. Кантъ. Электрическая передача энергіи, ея преобразование, подраздѣленіе и распредѣленіе. Перевелъ съ 3-го англійскаго изданія Д. Головъ. Съ 97-ю рисунками въ текстѣ.* С.-Пб. 1893. Изданіе Ф. Павленкова. VIII + 275. Цѣна 1 р. 60 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для фундаментальныхъ библіотекъ женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ, а также и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ. *Алексій Ник. Острогорскій. Педагогическія экскурсіи въ область литературы.* М. 1897. II+298. Цѣна 1 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Полезная библіотека. *Зюрингъ и Марюлле. Микроскопъ и телескопъ. Перевелъ и дополнилъ И. Святскій.* (Съ 42 рисунками). Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1895. 140. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „С. Я. Нѣдсонъ и его поэзія „мысли и печали“. Проф. *А. А. Царевскаго.* Казань. 1895. 127. Ц. 1 р.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*В. А. Глбовскій*. Императрица Екатерина II и ея царствованіе. Историческій очеркъ. (Доходъ съ изданія поступить въ кассу общества вспомошествованія ученикамъ Бобруйской прогимназіи). Бобруйскъ. 1897. 57. Цѣна 45 коп.“ — одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Составленныя преподавателемъ Полтавской гимназіи *В. Г. Метее* (*В. Métaeyer*) фотографическія группы съ медальонами Русскихъ Государей—допустить въ ученическія библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*Джорджъ Чемберсъ*. Повѣсть о звѣздахъ. Переводъ съ англійскаго *А. Николаева*. 20 рисунковъ и 2 карты звѣзднаго неба. С.-Пб. 1897. II + 132 + IV. (Изданіе О. Н. Поповой. „Образовательная библиотека“ № 3). Цѣна 40 коп.“ — рекомендовать для ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книгу: „*Гастонъ Куньи*. Античное искусство. Греція. Римъ. Сборникъ статей по исторіи искусства, эстетикѣ и археологіи, съ объяснительными, историческими и библиографическими примѣчаніями. Переводъ съ французскаго *В. Смирнова*. Съ приложеніемъ статей: „Египетскіе мраморы“ М. Коллиньона и „Скопась“ П. Пари. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. III + 343. Цѣна въ коленкоровой папкѣ 2 р.“ — допустить въ фундаментальныя библиотеки гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*Гай Юлій Цезарь*. Записки о галльской войнѣ. Книга VI. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 31 рисункомъ и картой Галліи. Объяснилъ *Николай Наумовъ*. Изданіе второе. С.-Пб. 1898. Часть I: Текстъ (26 стр.). Часть II: Комментарій (61 стр.). Цѣна за обѣ части 40 коп. („Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна“) — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

Оредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библиотека Ф. Павленкова“: 1) „Григорій VII.

Его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ *А. С. Вязитина*. Съ портретомъ Григорія VII, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. 104. Цѣна 25 коп.“ — 2) „Иоаннь Кальвинъ. Его жизнь и реформатская дѣятельность. Биографическій очеркъ *Б. Д. Порозовской*. Съ портретомъ Кальвина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. 104. Цѣна 25 коп.“ — 3) „Янъ Гусъ., Его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ *М. М. Филитова*. Съ портретомъ Яна Гуса, гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адтомъ. С.-Пб. 1891. 78. Цѣна 25 коп.“ — первую одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень, а вторую и третью допустить въ тѣ же библиотеки.

— Книгу: „Капитанская дочка Пушкина. Историко-критическій этюдъ *Н. И. Черняева*. Оттискъ изъ журнала „Русское Обозрѣніе“ 1897 года. М. 1897. 207+III. Цѣна 1 р.“ — рекомендовать для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ городскихъ училищъ, для учительскихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книгу: „*Титъ Ливій*. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей *П. Адрианова*. Томъ V-й. XXXI — XXXV. Изданіе наследниковъ А. Г. Кузнецова. М. 1897. IV+317+V. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Общепользная библиотека для самообразованія. Изданіе *М. В. Клюкина*. *Джонъ Лэббокъ*. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ англійскаго *Л. П. Никифорова*. Съ рисунками и 5-ю таблицами. М. 1898. 424. Цѣна 2. р.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ реальныхъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: „Популярная гигиена. (Общедоступное руководство здравохраненія). Составилъ по Эрисману, Доброславину и другимъ источникамъ *Ф. Г.* („Полезная библиотека“. Изданіе *П. Сойкина*). С.-Пб. 1896. 141. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ.

— Изданіе: „*Э. Гюфманъ*. Атласъ бабочекъ Европы и отчасти Русско-азиатскихъ владѣній. Обработалъ и дополнилъ примѣнительно къ русской фаунѣ *Н. А. Холодковскій*, профессоръ Императорской военно-медицинской академіи и доцентъ С.-Петербургскаго лѣснаго института. Съ 72 хромофотографированными таблицами и многими рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1897. Изданіе А. Ф. Девриена. XXXXII + 356. Цѣна 15 р.“ — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки реальныхъ училищъ.

— Книжку: „Астрономъ-любитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. *Евгенія Предтеченскаго*, дѣйствительнаго члена Русскаго астрономическаго общества. („Полезная бібліотека“. Изданіе П. П. Сойкина). С.-Пб. 1895. 198 + II. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и учебныхъ, старшаго возраста, бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальнъ.

— Книгу: „Начала космографіи. (Математическая и физическая географія). Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *К. Д. Краевичъ*. Изданіе четвертое, съ измѣненіями и дополненіями *Л. Г. Матиса*, хранителя астрономической обсерваторіи С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1897. Изданіе К. Л. Риккера. VIII + 272 + 5 таблицъ. Цѣна 1 р.“ — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Юридическая газета“ съ бесплатнымъ приложеніемъ „Сборника рѣшеній уголовнаго и гражданскаго кассационнаго департаментовъ и общаго собранія Правительствующаго Сената“ и „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ — разрѣшить къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. (Die Bakterien). Составилъ д-ръ *В. Мигула*, приватъ-доцентъ ботаники при высшей технической школѣ въ Карлсруэ. Съ дополненіями въ текстѣ и приложеніемъ статья „О борьбѣ организма съ болѣзнетворными бактеріями“ *Н. М. Книповича*. С.-Пб. 1892. (Популярно-научная бібліотека“. Изданіе Ф. Павленкова). VIII + 209. Цѣна 1 р.“ — допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*В. И. Виноградовъ*. Начальная химія для школъ и самообразованія. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. VI + 203. Цѣна 65 коп.“ — допустить въ фундаментальныя и учебныя, стар-

шаго возраста, бібліотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „*Антоаъ Лампа*. Силы природы и естественные законы. Переводъ съ нѣмецкаго Э. *Леслафтъ*. Часть I и II. Съ 15-ю портретами знаменитыхъ физиковъ. С.-Пб. 1898. („Образовательная бібліотека“. Изданіе О. Н. Поповой). 199 + 230. Цѣна 1 р.“ — признать заслуживающей особой рекомендаціи для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для фундаментальныхъ бібліотекъ женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

— Книжку: „*К. Вериниъ*, преподаватель Рыбинской гимназіи. Іоганнъ Гейнрихъ Песталоцци. Изданіе ж. „Гимназія“. Ревель. 1897. 140. Цѣна не обозначена“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, но съ тѣмъ, чтобы къ каждому экземпляру книжки былъ приложенъ печатный перечень опечатокъ.

— Книгу: „*Précis de grammaire française à l'usage des écoles russes, par A. Pachalery*. Troisième édition (Texte français correspondant au texte russe de la 2-e édition). Odessa. 1898. X + 156. Цѣна 90 коп.“ — одобрить для женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*А. М. Воронежскій*. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Третье исправленное изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1898. 124. Цѣна 80 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданныя П. Юргенсономъ сочиненія *В. С. Баскина*, подъ общимъ заглавіемъ „Русскіе композиторы“: „I. А. Г. Рубинштейнъ. (Очеркъ музыкальной дѣятельности). М. 1886. IV + 108. Цѣна 75 коп.“ — „II. М. Г. Мусоргскій. (Очеркъ музыкальной дѣятельности). М. 1887. 90. Цѣна 75 коп.“ — „III. А. Н. Сѣровъ. (Биографическій очеркъ). М. 1890. 127. Цѣна 75 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книги: „Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ *О. Петерсонъ* и *Е. Балабановой*. Въ трехъ томахъ. Томъ I. Романъ

скіе народы: I. Франція. II. Испанія. С.-Пб. 1896. VII+327.—Томъ II. Скандинавія. С.-Пб. 1898. XVI+308. Цѣна каждаго тома 2 р.—рекомендовать для ученическихъ. средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *М. Острогорскій*. Второе изданіе, значительно исправленное и дополненное. С.-Пб. 1897. IV+138. 60 коп.“—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ въ качествѣ руководства для III класса.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Австралія, Африка, Азія и Америка. Составилъ, примѣнительно къ программѣ гимназій и реальныхъ училищъ, преподаватель Кіевскаго реального училища *И. П. Матченко*. Кіевъ. 1897. 88. Цѣна 40 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга двѣнадцатая. С.-Пб. 1898. Изданіе А. Н. Мамонтова. X+543. Цѣна 2 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также допустить всѣ вышедшія до сего времени двѣнадцать книгъ означеннаго сочиненія въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „Курсъ законовѣдѣнія. Практическое руководство къ изученію законовъ и пользованію ими *В. А. Долбина*. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1896. XIII + 307. Цѣна 1 р.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: „Die Frithjof-Sage nach *Esaias Tegnér*. Bearbeitet mit Anmerkungen und einem Wörterbuch versehen von *R. Grethmann*. Mit fünf Abbildungen. Сказаніе о Фритіофѣ по *Исаи Тегнеру*. Обработалъ и снабдилъ примѣчаніями и словаремъ *В. Гретманъ*. Съ пятью политипажами. М. 1897. Изданіе книжнаго магазина И. Дейбнера. XIV+166. Цѣна 60 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Ливановъ*. Симбирскъ 1897. VIII + 206 + 11 + VIII. Цѣна 1 р.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Сочиненіе протоіерея *Сергія Модестова*: „Путь вѣры и благочестія христіанскаго по руководству Слова Божія и свято-отеческихъ примѣровъ и наставленій. М. 1898“. — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка. (Опытъ народной гигиены). Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. *С. А. Бобровскаго*. Изданіе пятое, исправленное и дополненное. М. 1896. IV + 110 + II. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: „*В. Гербачъ*. Прописи французскія. Со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи. 13-е вновь переработанное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1898. XI + 35. Цѣна 40 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русскій романъ и русское общество. *К. Головина*. С.-Пб. 1897. Изданіе типографіи А. А. Пороховщикова. VII + VIII + 472. Цѣна 3 р.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнь.

— Книгу: „О преподаваніи русской литературы. Сочиненіе *В. Я. Стоюнина*. Изданіе пятое. С.-Пб. 1898. 464 + VI. Цѣна 1 р. 60 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „Силы природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Четыре очерка, съ 14-ю рисунками въ текстѣ. *П. Бильдерлингъ*. С.-Пб. 1898.

X+276. Цѣна 1 р.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ *А. Гусевъ*. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М. 1897. VI+214. Цѣна 25 коп.“—одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книжку: „*А. Бывова*. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 5-ю рисунками въ текстѣ и съ географической картой. М. 1898. Изданіе *А. Муриновой*. V+201. Цѣна не обозначена.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальнъ.

— Книгу: „Добровольныя пожарныя дружины. Руководство къ образованію дружинъ и способы тушенія пожаровъ. Съ рисунками въ текстѣ. Составилъ *Ө. Э. фонъ-Ландвезенъ*, дѣйствительный членъ Соединеннаго русскаго пожарнаго общества. С.-Пб. 1898. 120. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры, составленныя поручикомъ *Д. Н. Ломаномъ*: 1) „Царь-Освободитель. Царь-Мученикъ Императоръ Александръ II. Чтеніе для народа. С.-Пб. 1898. 16. Цѣна 5 коп.“—2) „Воцареніе дома Романовыхъ. Разказъ про подвиги нижегородскаго гражданина Кузмы Минина-Сухорукова и Костромскаго крестьянина Ивана Сусанина. Чтеніе для народа. С.-Пб. 1898. 12. Цѣна 5 коп.“—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній, съ тѣмъ, что при слѣдующемъ ихъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Учебники, составленные преподавателемъ Московской шестиклассной прогимназіи и Мѣщанскихъ училищъ московскаго купеческаго общества *В. И. Васильевымъ*: 1) „Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 2-е, исправленное М. 1898. 66. Цѣна 25 коп.“—2) „Ариметика дробныхъ чиселъ. Изданіе 2-е, исправленное М. 1898. 72. Цѣна 25 коп.“—допустить въ качествѣ руководствъ при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книгу: „Словарь русскаго церковнаго пѣнія. *А. Преображенскій*. Москва. XVIII+192. Цѣна 1 р.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библіо-

текъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Брошюру: „*В. Беллюстинъ*, наставникъ учительской семинаріи въ с. Новомъ. Дневникъ занятій по ариметикѣ въ начальной школѣ. С.-Пб. 1898. 34. Цѣна 12 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Добрые люди древней Руси. *В. Ключевскаго*. Сергіевъ Посадъ. 1892. 20. Цѣна 25 коп.“—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книги, составленныя *П. Барышниковымъ*: 1) „Краткій учебникъ русской грамматики, заключающій въ себѣ элементарныя свѣдѣнія изъ синтаксиса и этимологіи, 210 задачъ для письменныхъ упражненій и справочный географическій указатель. Курсъ третьяго и четвертаго отдѣленій городскихъ училищъ. Изданіе второе, исправленное. М. 1896. VI+7—112. Цѣна 40 коп.“—2) „Учебникъ русской грамматики. Часть первая. Этимологія. Курсъ пятаго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1896. VI+7—86. Цѣна 35 коп.“—3) Учебникъ русской грамматики. Часть вторая. Синтаксисъ. Курсъ шестого отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1897. V+7—75. Цѣна 35 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищахъ.

— Изданія: 1) „*Михаилъ Нарскій*. Ручеекъ. Для школъ и народа. Изданіе второе. М. 1895. MI+337+IX. Цѣна 40 коп.“—2) „Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Выпускъ I. Завѣтъ Царя Миротворца. Рѣчь протоіерея *П. А. Смирнова*, произнесенная 26-го февраля 1897 года въ торжественномъ собраніи общества. С.-Пб. 1897. 16.—Выпускъ II. 1. Рѣчь графа *С. Д. Шереметева*. 2) Стихотвореніе *А. Н. Майкова*. 3. Стихотвореніе графа *А. А. Голеннищева-Кутузова*. Произнесенныя 26-го февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи общества. С.-Пб. 1897. 5.“—допустить для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Физика ежедневныхъ явленій. Составилъ для низшихъ учебныхъ заведеній *К. Краевичъ*. Третье изданіе, перепечатанное безъ всякихъ измѣненій съ изданія второго, пересмотрѣннаго и дополненаго покойнымъ авторомъ. С.-Пб. 1897. 136. Цѣна 70 коп.“—допустить къ классному употребленію въ тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается этотъ предметъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы были приняты къ руководству, при напечатаніи новаго, 4-го, изданія этого учебника. всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: „Краткій курсъ грамматики церковно-славянскаго языка. Для двухклассныхъ сельскихъ училищъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Ѳ. Соколовъ. М. 1897. VII+77. Цѣна 20 коп.“—одобрить для класснаго употребленія во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: „Дѣти, любите птичекъ! (Письмо къ дѣтямъ). Н. Гусевъ. Вятка. 1897. 31. Цѣна 3 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ.

— Книгу: „А. В. Кругловъ. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изданіе второе. М. 1898. Изданіе В. С. Спиридонова. VII+193. Цѣна 1 р.“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу профессора Пиннера: „*Повторительный курсъ органической химіи*“, переводъ съ нѣмецкаго изданія Александра Альмедингена, съ 11-ю рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ, 1896 годъ, изданіе Ф. В. Щепанскаго, X+314+X стр., въ 8^о; цѣна 3 р.—допустить въ библиотеки техническихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія опредѣленіемъ, утвержденнымъ 3-го февраля 1898 года его превосходительствомъ г. временно-управлявшимъ министерствомъ, постановилъ обязать авторовъ и издателей, ходатайствующихъ объ одобреніи ученымъ комитетомъ переводныхъ произведеній, представлять въ комитетъ при книжкахъ-переводахъ и самыя подлинники на тѣхъ языкахъ, съ которыхъ сдѣланъ переводъ на русскій языкъ.

ОТКРЫТІЯ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа. при Больше-Коровинецкомъ сахарномъ заводѣ Житомирскаго уѣзда. Волынской губерніи. 2-го октября минувшаго года состоялось открытіе однокласнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, при 37 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 26-го октября минувшаго года состоялось открытіе начальнаго народнаго училища въ с. Мало-Бѣловодскомъ, Челябинскаго уѣзда. Оренбургской губерніи, при 19 учащихся, а 6-го Ноября того же года—въ дер. Мишкиной, названныхъ уѣзда и губерніи, при 40 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа: 1) открыты въ Ноябрьѣ мѣсяцѣ минувшаго года въ Бессарабской губерніи училища: въ Оргѣвскомъ уѣздѣ—сельскія одноклассныя министерства народнаго просвѣщенія: 13-го Ноября Леушенское, при 65 учащихся, 14-го Трифештское, при 72 учащихся. 15-го Скита-Городшитское, при 66, и Митокское, при 28 учащихся, 16-го Индерепничское при 51 учащемся. 17-го Бошерничкое, при 72 и Попауцкое, при 70 учащихся; 18-го Парканское, при 55, и Глинженское при 64 учащихся и 24-го Матеуцкое, при 65 учащихся; сельскія общественныя: Семлитское, Оргѣвскаго уѣзда; 26-го октября того же года, при 36 учащихся, и Навырнецкое, Бѣлецкаго уѣзда. 2-го ноября, при 29 учащихся; 2) преобразованы: изъ одноклассныхъ училищъ въ двухклассныя: 28-го сентября Фалештское, Бѣлецкаго уѣзда, при 94 учащихся, 12-го октября—Бравичское, Оргѣвскаго уѣзда, при 86 учащихся и 4-го Декабря—Чеколтенское, того же уѣзда, при 126 учащихся; 3) преобразованы въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, изъ сельскихъ общественныхъ въ сельскія одноклассныя министерства народнаго просвѣщенія училища: Біештское, Булаештское, Стодольнянское, Онишканское и Кистельницкое.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа. 6-го ноября минувшаго года, состоялось открытіе начальнаго народнаго училища въ с. Закамалдинѣ, Челябинскаго уѣзда. Оренбургской губерніи, при 40 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, 8-го Января сего года состоялось преобразование Лукинскаго, Сентилеев-

скаго уѣзда, Симбирской губерніи, сельскаго начальнаго училища въ однокласное министерства народнаго просвѣщенія, при 42 учащихся.

— По донесенію г. управлявшаго Оренбургскимъ учебнымъ округомъ, 8-го минувшаго февраля состоялось преобразование Верхне-Авзяно-Петровскаго начальнаго училища, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, въ двухклассное министерства народнаго просвѣщенія по инструкціи 4-го іюня 1875 года, съ обученіемъ въ немъ ручному труду.

П РА В И Л А

о присужденіи преміи имени А. М. Кожевникова при Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія 18 мая 1896 года).

1) На проценты съ капитала въ десять тысячъ семьсотъ пятьдесятъ руб. мет. ¹⁾, оставленнаго Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности по духовному завѣщанію потомственного почетнаго гражданина дѣйствительнаго студента Александра Митрофановича Кожевникова, учреждается премія имени А. М. Кожевникова.

2) Согласно волѣ завѣщателя, размѣръ этой преміи, считая 4% годовыхъ, за вычетомъ расходовъ по храненію и затратъ при замѣнѣ вышедшихъ въ тиражъ погашенія билетовъ новыми билетами того же достоинства, не долженъ превышать четырехсотъ тридцати руб. мет.

3) Премія эта, согласно волѣ завѣщателя, выдается „за ученую разработку и изданіе небольшихъ, но замѣчательныхъ по древности и характеристичности рѣдкихъ памятниковъ славяно-русской письменности“, напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества, или предназначенныхъ къ печатанію въ тѣхъ же изданіяхъ.

4) Для присужденія преміи образуется особая коммиссія изъ членовъ комитета общества и трехъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу общества, по приглашенію комитета.

5) Коммиссія по присужденію преміи собирается за два мѣсяца до годоваго собранія общества.

6) Составленный въ означенной коммиссіи отчетъ о присужденіи преміи читается въ годовомъ собраніи общества.

7) Въ случаѣ неприсужденія преміи въ какомъ либо году, годовые проценты съ капитала, завѣщаннаго А. М. Кожевниковымъ, могутъ быть употребляемы на расходы по печатанію памятниковъ, признанныхъ заслуживающими преміи.

¹⁾ Означенный капиталъ заключается въ трехъ листахъ 4% облигаціи 2-й серіи консолид. займа російскихъ желѣзныхъ дорогъ по 3.125 руб. мет., въ одномъ листѣ въ 1250 руб. мет. и одномъ листѣ въ 125 руб. мет.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденного 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣеть цѣлю содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Премій—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемая на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первые должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непримированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно председателемъ комитета.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМЪ И ЕГО ФОРМЫ ВЪ ОТРАЖЕНІЯХЪ ПОЭТИЧЕСКАГО СТИЛЯ ¹⁾.

I.

Человѣкъ усваиваетъ образы внѣшняго міра въ формахъ своего самосознанія; тѣмъ болѣе человѣкъ первобытный, не выработавшій еще привычки отвлеченнаго, небразнаго мышленія, хотя и послѣднее не обходится безъ извѣстной сопровождающей его образности. Мы невольно переносимъ на природу наше самоощущеніе жизни, выражающееся въ движеніи, въ проявленіи силы, направляемой волей; въ тѣхъ явленіяхъ или объектахъ, въ которыхъ замѣчалось движеніе, подозрѣвались когда то признаки энергіи, воли, жизни. Это міросозерцаніе мы называемъ анимистическимъ; въ приложеніи къ поэтическому стилю, и не къ нему одному, вѣрнѣе будетъ говорить о *параллелизмѣ*. Дѣло идетъ не объ *отождествленіи* человѣческой жизни съ природною и не о *сравненіи*, предполагающемъ сознаніе раздѣльности сравниваемыхъ предметовъ, а о *сопоставленіи* по признаку дѣйствія, движенія: дерево хилится, дѣвушка кланяется, — такъ въ малорусской пѣснѣ. Представленіе движенія, дѣйствія лежитъ въ основѣ одностороннихъ опредѣленій нашего слова: одни и тѣ же корни отвѣчаютъ идеѣ напряженнаго движенія, прониванія стрѣлы, звука и свѣта; понятія борьбы, терзанія, уничтоженія выразились въ такихъ словахъ, какъ *mors*, *stage*, *marçai*, нѣм. *mahlen*.

¹⁾ Изъ чтеній по исторической поэтикѣ. Сл. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894, № 5, отд. 2. (Изъ введенія въ историческую поэтику); 1895, № 11, отд. 2. (Изъ исторіи эпитета); 1897, № 4, отд. 2. (Эпическія повторы, какъ хронологическій моментъ).

Итакъ параллелизмъ покоится на сопоставленіи субъекта и объекта по категоріи движенія, дѣйствія, какъ признака волевой жизнедѣятельности. Объектами, естественно, являлись животныя; онѣ всего болѣе напоминали человѣка: здѣсь далекія психологическія основы животнаго аполога; но и растенія указывали на такое же сходство: и они рождались и отцвѣтали, зеленѣли и клонились отъ силы вѣтра. Солнце, казалось, также двигалось, восходило, садилось; вѣтеръ гналъ тучи, молнія мчалась, огонь охватывалъ, пожиралъ сучья и т. п. Неорганическій, недвижущійся міръ невольно втягивался въ эту вереницу параллелизмовъ: онъ также жилъ.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи состоялъ изъ ряда перенесеній, пристроившихся къ основному признаку—движенія. Солнце движется и глядитъ на землю: у индусовъ солнце, луна—*глазъ*; Soph. Ant. 860: *ἱερὸν ὄμμα*; земля поростаётъ травой, лѣсомъ—*волосомъ*: у Гомера говорится о *κόμη* деревьевъ (сл. Vassh. 676: *πρὸς ἐλάτης... φόβη*, Eur. Hipp. 210: *ἐν κομήτῃ λακώων*); когда гонимый вѣтромъ Агни (огонь) ширится по лѣсу, онъ скашиваетъ волосы земли; земля—*невѣста* Одина, пѣль скальдъ Hallfrēdr (Hákonardrapa, до 968 г.), лѣсъ—*о* волосы, она—*молодая, широколистая, лѣсомъ обросшая* дочь Онара; „Vom Naage der Bäume troff Feuer auf mich“ (Schubart, Der ewige Jude).—У дерева *кожа*—кора (инд.), у горы *хребетъ* (инд.; сл. греч. *τράχηλος ὄρος*; сл. еще *χάρα, ποῦς, ῥάχις, χέρας*—о горѣ), какъ и у моря (*νῶτα θαλάσσης, ἀρχὴν πόντου*); *дерево* *пьетъ ногою*—*корнемъ* (инд.); его *вѣтви*—*руки, ланы* (сл. Plin. *brachia arborum*; франц. *branche*, ит. *branca*; наоборотъ, въ Atlm. 63,2: *палецъ на ногѣ* = *ножная вѣтка*) и т. д.

Въ основѣ такихъ опредѣленій, отразившихъ наивно, синкретическое представленіе природы, закрѣпощенныхъ языкомъ и вѣрованіемъ, лежитъ перенесеніе признака, свойственнаго одному члену параллели, въ другой. Это—*метафоры языка*; нашъ словарь ими изобилуетъ, но мы орудуемъ многими изъ нихъ уже безсознательно, не ощущая ихъ когда то свѣжей образности; когда „солнце садится“, мы не представляемъ себѣ раздѣльно самого акта, несомнѣнно живаго въ фантазій древняго человѣка: намъ нужно подновить его, чтобы ощутить рельефно. Языкъ поэзіи достигаетъ этого опредѣленіями, либо частичною характеристикой общаго акта, тамъ и здѣсь въ примѣненіи къ человѣку и его психикѣ. „Солнце движется, катится вдоль горы“—не вызываетъ у насъ образа; иначе въ сербской пѣснѣ у Караджича (I 742):

Што се сунце по край горе *краде?*

(См. Daudet, L'évangéliste ch. VI: un parc immense *grimpe* la côte).

Слѣдующія картинки природы принадлежать къ обычнымъ, когда-то образнымъ, но производящимъ на насъ впечатлѣніе абстрактныхъ формулъ: пейзажъ стелется въ равнинахъ, порой внезапно поднимаясь въ кручу; радуга перекинулась черезъ поляну; молнія мчится, горный хребетъ тянется вдаль; деревушка разлеглась въ долину; холмы стремятся къ небу. Стлаться, мчаться, стремиться—все это образно, въ смыслѣ примѣненія сознательнаго акта къ неодушевленному предмету, и все это стало для насъ—переживаніемъ, которое поэтический языкъ оживить, подчеркнувъ элементъ человѣчности, освѣтивъ его въ основной параллели:

Behaglich streckte dort das Land *sich*
In Eb'nen aus, weit, endlos weit.

.....
Hier *stieg* es *plötzlich* und *entschlossen*
Empor, stets *kühner* himmelan

(Lenau, Wanderung im Gebirge).

Sprang über's ganze Haideland
Der *junge* Regenbogen

(id. Die Haideschenke).

Doch es dunkelt tiefer immer
Ein Gewitter in die Schlucht,
Nur zuweilen über's Thal weg
Setzt ein Blitz in wilder *Flucht*

(id. Iohannes Ziska).

Fernhin *schlich* das *hagre* Gebirg, wie ein wandelnd Gerippe,
Streckt das Dörflein *vergnügt* über die Wiesen sich aus
(Hölderlin).

Der Himmel glänzt in reinstem Frühlingslichte,
Ihm schwillt der *Hügel* *sehnsuchtsvoll* entgegen.

(Möricke, Zu viel).

Равнина разостлалась уютно, молодая радуга перескочила черезъ поляну, *тощій* хребетъ *крадется*, словно ходячій скелетъ, а холмъ поднимается, растеть, точно *полный желанья*, на встрѣчу весеннему небу. Параллель оживилась, наполнившись содержаніемъ человѣческихъ симпатій; у Гомера камень Сизифа—безжалостный (Od. II, 598).

Накопленіе перенесеній въ составѣ параллелей зависитъ отъ

1) комплекса и характера сходныхъ признаковъ, подбравшихся къ основному признаку движенія, жизни; 2) отъ соответствія этихъ признаковъ съ нашимъ пониманіемъ жизни, проявляющей волю въ дѣйствіи; 3) отъ смежности съ другими объектами, вызывавшими такую же игру параллелизма; 4) отъ цѣнности и жизненной полноты явленія или объекта по отношенію къ человѣку. Сопоставленіе напримѣръ солнце=глазъ (инд. греч.) предполагаетъ солнце живымъ, дѣятельнымъ существомъ; на этой почвѣ возможно перенесеніе, основанное на внѣшнемъ сходствѣ солнца и глаза: оба свѣтять, видятъ. Форма глаза могла дать поводъ и къ другимъ сопоставленіямъ: греки говорили объ ὀφθαλμὸς ἀπὸ τοῦ, φῶτός; у малайцевъ солнце=глазъ дня, источникъ=глазъ воды; у индусовъ слѣпой колодезь=колодезь, закрытый растительностью; французы говорятъ объ oeil d'eau; итальянцы объ отверстіяхъ въ сырѣ: occhio del formaggio.

Последнія сопоставленія не давали повода къ дальнѣйшимъ, частичнымъ перенесеніямъ, тогда какъ сопоставленіе „солнце—глазъ“ смежно съ другими: солнце и смотреть, и свѣтять, и грѣть, палить и скрывается (ночью, зимой, за тучами); рядомъ съ нимъ луна, вызвавшая такую же игру перенесеній и, далѣе, смежное развитіе двухъ параллелей при возможности обоюднаго вліянія одной серіи на другую. Или другой примѣръ: человѣкъ жаждетъ крови врага, жаждетъ ея хищный звѣрь, далѣе: копье, сабля: δοῦρα λιλαίονερα χρῶς ἄσαι (сл. II. XI, 574; XV, 542, сл. ib. VIII, 111 и IV, 126); bítat teim varp né velir (Hávam. 146, 6); m'espée meurt de faim et ma lance de soi; Pri rojasu sablja ožednjela, Poželjela krvi od junaka. Эта жажда крови могла представиться роковой: таковъ разказъ о мечѣ Ангантира, приносившемъ смерть всякій разъ, когда вынуть его изъ ноженъ; въ нашей повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ мечъ Навуходоносора заложенъ въ городскую стѣну, заклать; когда царь Василій извлекъ его, онъ всѣхъ порубилъ и самому царю голову снялъ.

Далѣе подобнаго развитія идеѣ меча, жаждущаго крови, некуда было пойти. Иную вереницу сопоставленій вызывало, напримѣръ, представленіе огня: у индійскаго Агни языкъ, челюсти, ими онъ косить траву, но его значеніе болѣе сложное, чреватое жизненными отношеніями, подсказывавшими новыя параллели: огонь не только уничтожаетъ, но и живить, онъ податель тепла, очиститель, приносится съ неба, его поддерживаютъ въ домашнемъ очагѣ и т. п. Оттого съ одной стороны сопоставленія остановились на одной какой нибудь чертѣ, въ другихъ случаяхъ онѣ могли накопиться если не до цѣльнаго

образа, то до болѣе или менѣе сложнаго комплекса, отвѣчавшаго первымъ спросамъ познаванія. Мы зовемъ его *миеомъ*; такіе комплексы давали формы для выраженія религиозной мысли.

Если, какъ мы сказали выше, цѣнность и полнота выражаемой объектомъ жизненности способствуетъ такому именно развитію, то нѣтъ возможности предположить, чтобы оно изсякло и остановилось: видимый міръ постепенно раскрывается для нашего сознанія въ сферахъ, казавшихся когда то нежизненными, не вызывавшими сопоставленій, но теперь являющимися полными значенія, человѣчески суггестивными. Онѣ также могутъ вызвать сложеніе того комплекса жизнеподобныхъ признаковъ, который мы назвали *миеомъ*; укажу лишь на описаніе паровоза у Зола и Гаршина. Разуется, это сложеніе безсознательно отождествится въ формахъ уже упрочившейся *миеической* образности; это будетъ *новообразование*, которое можетъ послужить не только поэтическимъ цѣлямъ, но и цѣлямъ религиознымъ. Такъ въ новыхъ религіяхъ получили жизненный смыслъ символы и легенды, въ теченіи вѣковъ вращавшіеся въ народѣ, не вызывая сопоставленій, пока не объявился соответствующій объектъ, къ которому они примѣнились.

Указанныя точки зрѣнія заставляютъ осторожнѣе относиться къ обычному приему анализа, усматривающаго въ поэтическихъ образахъ продуктъ разложенія первичныхъ анимистическихъ сопоставленій, отложившихся въ метафорахъ языка и рамкахъ *миеа*. Въ общемъ это вѣрно, но необходимо имѣть ввиду и возможность *новообразованій* по присущему человѣку стремленію наполнить собою природу по мѣрѣ того, какъ она раскрывается передъ нимъ, вызывая все новыя аналогіи съ его внутреннимъ міромъ.

Возвращаюсь къ исторіи параллелизма—сопоставленія.

Когда между объектомъ, вызвавшимъ его игру, и живымъ субъектомъ аналогія сказывалась особенно рельефно, или устанавливалось ихъ нѣсколько, обуславливая цѣлый рядъ перенесеній, параллелизмъ склонялся къ идеѣ уравниенія, если не тождества. Птица движется, мчится по небу, стремглавъ спускаясь къ землѣ; молнія мчится, падаетъ, движется, живетъ: это параллелизмъ. Въ повѣрьяхъ о похищенія небснаго огня (у индусовъ, въ Австраліи, Новой Зеландіи, у сѣверо-американскихъ дикарей и др.) онѣ уже направляется къ отождествленію: птица приноситъ на землю огонь-молнію, молнія = птица.

Такого рода уравниенія лежатъ въ основѣ древнихъ вѣрованій

о происхожденіи людскаго рода. Человѣкъ считалъ себя очень юнымъ на землѣ, потому что былъ безпомощенъ. Откуда взялся онъ? Этотъ вопросъ ставился вполне естественно, и отвѣты на него получались на почвѣ тѣхъ сопоставленій, основнымъ мотивомъ которыхъ было перенесеніе на внѣшній міръ принципа жизненности. Міръ животныхъ окружалъ человѣка, загадочный и страшный; манила трепещущая тайна лѣса, сѣдые камни точно выросли изъ земли. Все это казалось, старо, давно жило и правилось, довлѣя самому себѣ, тогда какъ человѣкъ только что начиналъ устраиваться, распознавая и борясь; за нимъ лежали болѣе древнія, сложившіяся культуры, но онъ самъ пошелъ отъ нихъ, потому что вездѣ онъ видѣлъ или подозрѣвалъ вѣяніе той же жизни. И онъ представлялъ себѣ, что его праотцы выросли изъ камней (греческій мифъ), пошли отъ звѣрей (повѣрья, распространенныя въ средней Азіи, среди сѣверо-американскихъ племенъ, въ Австраліи), зародились отъ деревьевъ и растений. Генеалогическія сказки, образно выразившія идею тождества.

Выраженіе и вырожденіе этой идеи интересно прослѣдить: она провожаетъ насъ изъ глубины вѣковъ до современнаго народно-поэтическаго повѣрья, отложившагося и въ переживаніяхъ нашего поэтическаго стиля. Остановлюсь на людяхъ—деревьяхъ—растенияхъ.

Племена Сіу, Дамаровъ, Лени-Ленановъ, Юркасовъ, Базутовъ считаютъ своимъ праотцемъ дерево; Амазулу разказываютъ, что первый человѣкъ вышелъ изъ тростника; сходныя преданія можно встрѣтить у иранцевъ, въ Эддѣ, у Гезіода; праотець фригійцевъ явился изъ миндалеваго дерева; два дерева были родоначальниками пяти мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ, Букъ-ханъ, сталъ первымъ уйгурскимъ царемъ. Частичнымъ выраженіемъ этого представленія является обоснованный языкомъ (сѣмя-зародышъ), знакомый въ мифамъ и сказкамъ мотивъ объ оплодотворяющей силѣ растенія, цвѣтка, плода (хлѣбнаго зерна, яблока, ягоды, гороха, орѣха, розы и т. д.), замѣняющихъ человѣческое сѣмя.

Наоборотъ: растеніе происходитъ отъ существа живаго, особливо отъ человѣка. Отсюда цѣлый рядъ отождествленій: люди носятъ имена, заимствованныя отъ деревьевъ, цвѣтовъ (см. напр. собственныя имена у сербовъ); они превращаются въ деревья, продолжая въ новыхъ формахъ прежнюю жизнь, сѣтуя, вспоминая: Дафна становится лавромъ (Ovid. *Metamorph.* V, 97), сестры Фазтона, обращенныя въ деревья, проливаютъ слезы—янтарь (ib. VII, 396), Клитія, покинутая Сол'емъ, томится въ образѣ цвѣтка (ib. XXI, 99); припомнимъ

мины о Кипарисѣ, Нарциссѣ, Гиацинтѣ; когда вырываютъ кусты съ могилы Полидора, изъ нихъ каплетъ кровь (Virg. Aen. III, 22 слѣд.) и т. п. На пути такихъ отождествленій могло явиться представленіе о тѣсной связи того или другаго дерева, растенія съ жизнью человека; въ египетской легендѣ герой помѣщаетъ свое сердце въ цвѣтахъ акаціи; когда, по наущенію его жены дерево срублено, онъ умираетъ; въ народныхъ сказкахъ увяданіе деревьевъ, цвѣтовъ служить свидѣтельствомъ, что герой или героиня умерли, либо имъ грозитъ опасность. Послѣдовательнымъ развитіемъ идеи превращенія является другой сюжетъ, широко распространенный въ народных повѣрьяхъ, въ персидскомъ сказаніи. въ пѣсняхъ шведскихъ, англійскихъ, бретонскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ, греческихъ, сербскихъ, малорусскихъ: яворъ съ тополемъ выросли на могилѣ мужа и жены, разлученныхъ злою свекровью, на могилѣ мужа — зеленый яворъ, на могилѣ жены — тополь, и

Стали-жъ ихъ могилы та красуватися,
Ставъ явіръ до тополі та прихилатися.

Либо вмѣсто мужа и жены двое влюбленныхъ: такъ въ кавказской (цухадарской) пѣснѣ молодой казикумыкъ, вернувшись изъ отлучки, застаётъ свою милую умершей, велитъ показать ее себѣ: „трупъ отнялъ у него душу, ея глаза выпили его глаза и сердце проглотило его сердце“; „умершихъ отъ взаимной любви и скончавшихся отъ общей радости“ похоронили въ одной и той же могилѣ и въ одномъ саванѣ. „Изнутри этой могилы выросли два дерева, одно сахарное, а другое гранатное: когда дулъ сѣверный вѣтеръ, то они обнимались другъ съ другомъ, когда дулъ южный, оба расходились“. Такъ умираетъ, въ послѣднемъ объятіи задушивъ Изольду, раненый Тристанъ; изъ ихъ могилъ вырастаетъ роза и виноградная лоза, сплетающіяся другъ съ другомъ (Eilhard von Oberge), либо зеленая вѣтка терновника вышла изъ гробницы Тристана и перекинулась черезъ часовню на гробницу Изольды (французскій романъ въ прозѣ); позже стали говорить, что эти растенія посажены были королемъ Маркомъ. Отличіе этихъ пересказовъ интересно: въ началѣ, и ближе къ древнему представленію о тождествѣ человѣческой и природной жизни, деревья — цвѣты выросли изъ труповъ; это — тѣ же люди, живущіе прежними аффектами; когда сознаніе тождества ослабло, образъ остался, но деревья — цвѣты уже сажаются на могилахъ влюбленныхъ, и мы сами подсказываемъ, обновляя его, древнее представленіе, что и деревья продолжаютъ, по симпатіи, чув-

ствовать и любить, какъ покоющіеся подъ ними. Такъ въ лужицкой пѣснѣ влюбленные завѣщаютъ: „Похороните насъ обоихъ тамъ подъ липой, посадите двѣ виноградныхъ лозы. Лозы выросли, принесли много ягодъ; онѣ любили другъ друга, сплелись вмѣстѣ“. Въ литовскихъ причитаніяхъ идея тождества сохранилась свѣжѣе, не безъ колебаній: „Дочка моя, невѣста велей; какими листьями ты *зазеленеешь*, какими цвѣтами *зацвѣтеешь*? Увы, на твоей могилѣ я посадила землянику!“ Или: „О, еслибъ ты выросъ, посаженъ былъ деревомъ!“ Напомнимъ обычай, указанный въ вавилонскомъ Талмудѣ: садить при рожденіи сына кедровое, при рожденіи дочери — сосновое дерево.

Легенда объ Абельярѣ и Элоизѣ уже обходится безъ этой символики: когда опустили тѣло Элоизы къ тѣлу Абельяра, равнѣ ея умершаго, его остова принялъ ее въ свои объятія, чтобы соединиться съ нею навсегда. Образъ сплетающихся деревьевъ — цвѣтовъ исчезъ. Ему и другимъ подобнымъ предстояло стереться или поблѣднѣть съ ослабленіемъ идеи параллелизма, тождества, съ развитіемъ человѣческаго самосознанія, съ обособленіемъ человѣка изъ той космической связи, въ которой самъ онъ исчезалъ, какъ часть необъятнаго, неизвѣданнаго цѣлаго. Чѣмъ больше онъ познавалъ себя, тѣмъ болѣе выяснялась грань между нимъ и окружающей природой, и идея тождества уступала мѣсто идеѣ особенности. Древній синкретизмъ удалялся передъ разчленяющими подвигами знанія: уравненіе молнія — птица, человѣкъ — дерево смѣнились *сравненіями*: молнія, какъ птица, человѣкъ, что дерево и т. п.; *mons, mare* и т. п., какъ дробящіе, уничтожающіе и т. п., выражали сходное дѣйствіе, какъ *anima—ăvērōs* и т. п., но по мѣрѣ того, какъ въ пониманіе объектовъ входили новые признаки, не лежавшіе въ ихъ первичномъ звуковомъ опредѣленіи, слова дифференцировались и обобщались, направляясь постепенно къ той стадіи развитія, когда они становились чѣмъ то вродѣ алгебраическихъ знаковъ, образный элементъ которыхъ давно заслонился для насъ новымъ содержаніемъ, которое мы имъ подсказываемъ.

Дальнѣйшее развитіе образности совершилось на другихъ путяхъ.

Обособленіе личности, сознаніе ея духовной сущности (въ связи съ культомъ предковъ) должно было повести къ тому, что и жизненные силы природы обособились въ фантазіи, какъ нѣчто отдѣльное, жизнеподобное, личное; это онѣ дѣйствуютъ, желаютъ, вліяютъ въ водахъ, лѣсахъ и явленіяхъ неба; при каждомъ деревѣ явилась своя гамадриада, ея жизнь съ нимъ связана, она ощущаетъ боль,

когда дерево рубятъ, она съ нимъ и умираетъ. Такъ у Грековъ; Бастіанъ встрѣтилъ то-же представленіе у племени *Oschibwás*; оно существуетъ въ Индіи. Аннамъ и т. д.

Въ центрѣ каждаго комплекса параллелей, давшихъ содержаніе древнему мѣу, стала особая сила, *божество*: на него и переносится понятіе жизни, къ нему притянулись черты мѣа, однѣ характеризуютъ его дѣятельность, другія становятся его символами. Выйдя изъ непосредственнаго тождества съ природой, человѣкъ считается съ божествомъ, развивая его содержаніе въ уровень со своимъ нравственнымъ и эстетическимъ ростомъ: *религія* овладѣваетъ имъ, задерживая это развитіе въ устойчивыхъ условіяхъ культа. Но и задерживающіе моменты культа и антропоморфическое пониманіе божества недостаточно емки, либо слишкомъ опредѣленны, чтобы отвѣтить на прогрессъ мысли и запросы нарастающаго самонаблюденія, жаждающаго созвучій въ тайнахъ макроkozма, и не однихъ только научныхъ откровеній, но и симпатій. И созвучія являются. потому что въ природѣ всегда найдутся отвѣты на наши требованія суггестивности. Эти требованія присущи нашему сознанію, оно живетъ въ сферѣ сближеній и параллелей, образно усваивая себѣ явленія окружающаго міра, вливая въ нихъ свое содержаніе и снова ихъ воспринимаемая очеловѣченными. Языкъ поэзіи продолжаетъ психологическій процессъ, начавшійся на доисторическихъ путяхъ: онъ уже пользуется образами языка и мѣа, ихъ метафорами и символами, но создаетъ по ихъ подобію и новые. Связь мѣа языка и поэзіи нестолько въ единствѣ преданія, сколько въ единствѣ психологическаго приѣма, въ *arte renovata forma dicendi* (Quint, IX, 1, 14): переходъ лат. *extinguere* отъ понятія лозанія (острія) къ понятію тушенія—и сравненіе тѣмбра голоса съ кристалломъ, который надломленъ (Huysmans), древнее сопоставленіе: солнце=глазъ и женихъ=соколъ народной пѣсни—все это появилось на разныхъ стадіяхъ того же параллелизма.

Я займусь обзорѣніемъ нѣкоторыхъ изъ его поэтическихъ формулъ.

II.

Начну съ простѣйшей, народно-поэтической, съ 1) *параллелизма двучленного*. Его общій типъ таковъ: картинка природы, рядомъ съ нею таковая же изъ человѣческой жизни; онѣ вторятъ другъ другу при различіи объективнаго содержанія, между ними проходятъ созвучія, выясняющія то, что въ нихъ есть общаго. Это рѣзко отдѣ-

- 12 а Катилося яблычка съ замостья,
 б Просилася Катичка съ застоля.
-
- 13 а Липушка зелѣныя ўсю ночку шумѣла..
 Всю ноченьку шумѣла, съ листикымъ говорила:
 Листочикъ зелѣный, будетъ намъ разлука;
 б (Марьюшка всю ночь не спала, съ маткой говорила: бу-
 деть намъ разлука).
- 14 а Кленова листьина,
 Куды тебе вѣтеръ несе:
 Чи ў гору, чи ў долину,
 Чи назадъ ў кленину?
 б Молода диўчина,
 Куды тебе батька оддае:
 Чи ў турки, чи ў татары.
 Чи ў турецкую землю,
 Чи ў великую семью?
-
- 15 а Что висока, висока,
 Клѣнь дерива ать вады,
 Хуть же ина висока,
 Дакъ листочикъ отпадетъ,
 По морюшку папливетъ.
 б Што далѣка, далѣка,
 Родна маминька ать мине:
 Хуть жа ина далѣка,
 Ранѣшинька устанитъ,
 Тяжалѣшинька уздыхнитъ,
 Сильнѣшинька заплачитъ,
 Мине младу успумянитъ.
-
- 16 а Зеленая березонька, чему бѣла, не зелена?
 б Красна дзѣвочка, чему смутна, не весела?
-
- 17 а Тонкое дерево свирѣльчатое,
 Нѣтъ его тончѣ изо всей рощи,
 б Умная дѣвушка Еленушка,
 Нѣтъ ея умнѣ изо всей родни.
-
- 18 а Еиночка зиму и лѣто зелена,
 б Наша Маланка нешто дзень весела.
-
- 19 а Рябина, рябиушка,
 Рябина моя,
 Чему ты, рябиушка
 Рано отцѣла?

в Дѣвучина, дѣвучинушка,
 Дѣвучина моя,
 Чему ты, дѣвучинушка,
 Засмуцилася?

20 а Конопля, конопля зеленая моя,
 Что-же ты, конопля, не весело стоишь?
 Ахъ, какъ мнѣ, коноплѣ, веселой жить...
 в Дѣвка ты, дѣвушка красная,
 Что же, дѣвушка, не весело сидишь?
 — Мой батюшка хочетъ замужъ отдать.

21 а Ой гороше, гороше,
 Сіяно тебе хороше,
 При долу, при долинонці,
 И при ясному солнцу.
 в Ой, Марушко, ты Марушко,
 Сватаемъ тебе хороше,
 При роді, при родинонці,
 И при риднесеькой неньці.
 (варьянтъ: а Горошикъ мой сочный,
 Люблю тябе сѣить
 При пути дарошки,
 При бѣлый бярэзкы.
 в Митичка малалай,
 Ты любишь жанитца
 При роду, при племю,
 При роднэй матушки).

22 а Ой у поли крыныця безодна,
 Тече зъ ней и водыця холодна,
 в Якъ захочу, то напьюся,
 Кого люблю, обіймуся.

23 а Тихіе вѣтрики понавѣяли,
 в Любыя гостики понавѣхали,
 Абламили сѣни
 Новые,
 Выпили чару
 Винную.

24 а Ай па морю, па синему, волна бьетъ,
 в Ай па полю, па чистому, арда йдетъ.

25 а Не видать мѣсяца изъ за облака,
 в Не знать князя изъ-за бояровъ.

- 26 а Гуси лебеди видѣли въ морѣ утушку, не поймали, только подиѣтели, крылышки подрѣзали.—в Князи—бодрѣ-сваты видѣли Катичку, не взяли, подиѣтели, косу подрѣзали.
-
- 27 а Соколъ залетаетъ въ садъ, не здѣсь-ли его голубка? „Ина здѣсь была, гнѣздо вила“, пташки пособили ей его свить;
в Ивашечка прѣзжаетъ въ теремъ; гдѣ его Катичка? Дѣвочки пособиаютъ ей свить вѣнокъ.
-
- 28 а Узмитався рой надъ гумномъ,
в А навѣстуха къ намъ гримъ на дворъ
(Отець огребааетъ рой, встрѣчаетъ невѣсту).
-
- 29 а Выхвалялася берѣза,
У бярэзничку стоючи,
Сваимъ листикамъ шурокамъ,
Сваимъ кареннымъ глубокамъ.
Якъ зачуў—пачуў зелинъ дубъ:
„Не выхваляйси, бярѣза!
Ни сама листика шурочѣла,
Ни сама каренна глубачѣла:
Шурочіў листика дробинъ дождь,
Глубачіў каренна Гасподь Богъ“.
в Дарычка хвалится русою косою, „бѣлинькимъ личиннимъ“,
а Матвѣйка говоритъ, что косу растила матушка, „бѣлила личинна сясстрица“.
-
- 30 а Ой зеленъ кудрявый вишніў садъ!
Кали его марозы іспастигнуть,
Палавина вѣтъя атбудить,
Больше громысту прибудить,
Ну, ня громысту, хворысту.
в Красна, хароша Марьюшка!
Кали же сватоўа спастигнуть,
Палавина красы атбудить,
Больше заботы прибудить.
-
- 31 а Кукувала кукуша ў садочку,
Прилажіўши галоўку къ листочку;
Птицы спрашивають, отчего она кукуеть; то орель раззорилъ ее гнѣздо, самое ее взялъ;
в Дуня плачетъ въ свѣтличкѣ, приложивъ голову къ сестричкѣ; дѣвочки спрашиваютъ; отвѣтъ: она свила вѣнокъ, Ваньчка его разорвалъ, самое къ себѣ взялъ.
- 32 а Травка чернобылка прилегааетъ къ горѣ, пытаетъ ее о лютой зимѣ;

- b Дуничка прилегла къ сестрѣ, пытаеть о чужихъ людяхъ.
 33 a Лиса просить соболя вывести ее изъ бора, b Дуничка Ваничку—вывести ее отъ батьки.

(Сербскія).

- 34 a Tavna noći, tavna ti si!
 b Nevjestice, bleđa ti si.
 —
 35 a Tavna noći, puna ti si mraka,
 b Srce moje još punije jada.
 —
 36 a Naslonja se smilje na bosilje,
 b Svaka draga na svojega draga.
 —
 37 a Lepa ti je sjajna mesečina,
 b Još je lepša Jela udovica.
 —
 38 a Nač je v lozi borak, kī se ne zeleni,
 b Nač je majki sinak, kī se ne veseli?
 a Nač je v lozi drīvo, kō lišća ne rodi,
 b Nač je majki dcera, ka k tanci ne hodi?

(Польскія).

- 39 a A stoji lipka,
 Pod nią topola,
 b Ożeń się mój chlupalu (либо: moja mała).
 —
 40 a Wiroła rutka z jałowca,
 b Nie chodź, dziewczyno, za wdowca,
 a Gorzała lipka i jawór,
 b Gdzieżeś się, Jasiu, zabawiał?
 —
 41 a Zielony trawnicek
 Kręta rzécka struże,
 b Biedna ja sierota,
 Cale życie służe.
 —
 42 a Przykryło się niebo obłakami,
 b Przykryła się Marysia rąbkami,
 a Okrył się jawór zielonym listefkiem,
 b Młoda Marycia bielonym czepeńkiem.

(Чешскія).

- 43 a Koulelo se, koulelo
Červeno jabličko,
b Komu ty se dostaneš,
Má zlatá holčičko?
—
- 44 a Červená růžecko, co se nerozvíješ?
b Co k nám, můj Jeníčku,
Co k nám už nechodiš?
—
- 45 a Sil jsem proso na souvrati.
Nebudu ho žiti,
b Miloval jsem jedno děvče,
Nebudu ho miti.
—

(Моравскія).

- 46 a Travičko zelená,
Proč sa nezelenáš?
b Sňaháčeku švarný,
Proč sa na mně hněváš?
—
- 47 a Teče voda skokem
Kole našich oken,
Nemóžu ju zastavit';
b Rozhněvala sem si švarneho synečka,
Nemóžu ho udobřit'.
—
- 48 a Zpíval ptaček na karlatce,
b Žalovala cera matce.
—
- 49 a Aj zakukala zezulenka
V lese na javoře,
b Nařikala sobe moja najmilejší,
Chodici po dvoře.
—

(Литовскія).

- 50 a Придетъ теплое лѣто, прилетятъ лѣсныя кукушки, сядутъ на елкѣ и станутъ куковать, b а я матушка, стану имъ помогать; кукушка станеть куковать по деревьямъ, я, сирота, буду плакать по угламъ.
—
- 51 a Много въ деревнѣ клетей, а въ клетяхъ дѣвушекъ; какая изъ нихъ красивѣе, ту я за себя возьму; b много яблоней въ саду, а на яблоняхъ яблокъ; какое изъ нихъ порумяне, — я себѣ сорву.
—

(Латышскія).

- 52 а Много ягодъ и орѣховъ въ лѣсу, да некому ихъ брать; в много дѣвухекъ въ деревня, да некому ихъ взять.
-
- 53 а Рости макъ за кустомъ репейника, чтобы на тебя не дули сѣверные вѣтры; в рости, сестрица, за братцемъ, чтобы тебя не видѣли суровые чужіе люди.
-
- 54 а Гдѣ берутъ пчелы медъ? Съ тонкой крапивы, что у изгороди; в гдѣ берутъ братцы жень? Суровы дѣвушки у сосѣдей.
-
- 55 а Сердито течеть потокъ, сердито течеть Двина; в сердятся братья, что я такъ долго ношу (дѣвичій) вѣнокъ.
-

(Итальянскія).

- 56 а Fiore di canna!
Chi vo' la canna, vada a lo caneto,
Chi vo' la neve, vada a la montagna,
b Chi vo' la figlia, accarezzi la mamma.
-
- 57 а Ches montagnis scâris, scâris
E a lis bassis dutt nulâat.
b Il miò puem a mi fas mûze,
Cui sa mai ceo ch'a l' è stâat?
-

(Французская).

- 58 а Quand on veut cueillir les roses,
Il faut attendre le printemps,
b Quand on veut aimer les filles,
Il faut qu'elles aient seize ans.
-

(Испанскія).

- 59 а A la mar, por ser honda,
Se van los rios,
Y detras de tus ojos,
Se van los mios.
-
- 60 а Que alta que va la luna
Y el lucero en su compaña!
b Que triste se queda un hombre,
Cuando una mujer lo engaña.
-

(Нѣмецкія).

- 61 a Dass im Tannwald finster ist,
Das macht das Holz,
b Dass mein Schatz finster schaut,
Das macht der Stolz.
-
- 62 a Wie kloaner die Ros'n,
Wie grösser der Dorn,
b Wie kloaner das Dirndl,
Wie grösser der Zorn.
-
- 63 a Aufn Täuern thuets schauern,
Dass blau niedergeht,
b 's Diandle thuet trauern,
Weil der Bua von ihm geht.
-
- 64 a Die Kirschen sind zeitig,
Und die Weichsel sind braun,
b Hat an jeder a Diend'l,
Muss m'r a um oans schau'n.
-
- 65 a Schwimma zwa Antla in Wassa,
Schwimma zwa Antla in 'öi,
b Mo Schotz hant mi valoussa,
Tout mia ma Herzel sua wöi.
-
- 66 a Die Brännle-in die da fliessen.
Die soll man trinken,
b Und wer ein steten Buhlen hat,
Der soll ihm winken.
-
- 67 a Hätt mir ein Espeszweigelein (vap. Selbensträuchelein,
Waldbeerstrauch, Distelbaum),
Gebogen zu den Erden,
b Den liebsten Buhlen den ich hab',
Der ist mir leider allzu ferre.
-
- 68 a Wie schön ist doch die Lilie,
Die auf dem Wasser schwimmt,
b Wie schön ist doch die Jungfrau,
Die ihre Ehre behält.
-

(Грузинскія).

- 69 a Рѣчка бѣжить, волнуется, въ рѣчкѣ плывутъ два яблочка; б вотъ
и мой милый возвращается, вижу, какъ онъ шапкой машеть.
-

- 70 а У нашего дома цвѣтеть огородъ, въ огородѣ тамъ трава растетъ
Нужно траву свосить молодцу, б нуженъ молодець красной дѣ-
вицѣ.

—

(Турецкія).

- 71 а Два челнока ѣдутъ рядомъ, то замедляя путь, то скользя дальше;
б кому милая невѣрна, у того сердце истекаетъ кровью.

—

- 72 а Катится ручей, волна за волной, вода утолила мою жажду; б твоя
мать, носившая тебя въ утробѣ, будетъ мнѣ тещей.

—

(Арабская).

- 73 а Снѣгъ таетъ на горахъ Испгани; б какъ ты ни хороша, не будь
горделива. Аманъ! Аманъ! Аманъ!

—

(Китайскія).

- 74 а Молодое, стройное персиковое дерево много плодовъ принесетъ;
б) молодая жена идетъ въ свою будущую родину, все хорошо
устроить въ дому и покояхъ.

—

- 75 а Вылетѣла ласточка съ ласточкой, неровеньъ взмахъ ихъ крыль;
б Милая возвращается домой, долго шель я за нею слѣдомъ;
глядь, ее не видать, и мои слезы льются, что дождь.

—

(Новозеландская).

- 76 а На небѣ поднимаются облака и высоко выются надъ моремъ,
б а я сижу и плачу о моемъ дитяти, что носила подъ сердцемъ.

—

(Изъ Суматры).

- 77 а Къ чему зажигать свѣточъ. когда вѣтъ свѣтильня? б Къ чему
любовные взгляды, когда вѣтъ серьезныхъ намѣреній.

—

(Пракрить).

- 78 а Листья тростника облетѣли, остались одни стволы; б и наша
юность прошла, прошла любовь, вырвана съ корнемъ.

—

- 79 а Потокъ увлекаетъ цвѣтокъ кадамбы, путая и раздирая волною
его пестики. тогда какъ сидѣвшая на ней пчела, погружаясь и
снова выныряя, все еще льнетъ къ нему; б будешь ли ты, милай,
такъ же льнуть ко мнѣ?

—

(Татарскія).

- 80 а Пошелъ я на поле пшеницы,
Застрѣлили желтаго воробышка,
b День и ночь я прошу у Бога
Тебя, мою душеньку.

—

- 81 а На берегу рѣки вѣтвистый тисъ,
Сорви вѣтку и въ воду брось;
b Молодые годы назадъ не вернутся;
Покуда молодежь, пой пѣсни.

—

- 82 а Побѣжалъ я въ цвѣточный (фруктовый) садъ,
Покраснѣло, поспѣло одно яблочко;
b Тебя со мной, меня съ тобой,
Не соединить ли насъ Богъ?

—

- 83 а Желтый жаворонокъ садится на болото, чтобы пить прохладную
воду; b красивый молодецъ ходитъ по ночамъ, чтобы цѣловать
красивыхъ дѣвушекъ.

—

(Башкирская).

- 84 а Передъ моею дверью широкая степь,
Отъ бѣлаго зайца и слѣда нѣтъ;
Со мной смѣялись и играли мои друзья,
А теперь ни одного нѣтъ.

—

(Чувашскія).

- 85 а У начала семи овраговъ
Ягодъ много, да мѣста мало,
b Въ домѣ отца и матери
Добра много, да дней мало (то-есть, жить не долго).

—

- 86 а Вышла я за околицу накосить сѣна,
Между двѣнадцатю копнами
Выростила я ровную коровку;
b Въ домѣ отца и матери
Выростила я свой тонкій станъ.

—

- 87 а Маленькая рѣчка, золотая вода,
Не мости моста, а заставъ прыгнуть лошадей;
b Вотъ красивый молодецъ,
Не говори съ нимъ, а только мигни глазомъ.

—

Общая схема психологической параллели намъ извѣстна: сопоставлены два мотива, одинъ подсказываетъ другой, они выясняютъ другъ друга, причемъ перевѣсъ на сторонѣ того, который наполненъ человѣческимъ содержаніемъ. Точно сплетающіяся варьяціи одной и той же музыкальной темы, взаимно суггестивныя. Стоить пріучиться къ этой суггестивности—а на это пройдутъ вѣка—и одна тема будетъ стоять за другую.

Примѣры взяты мною отовсюду, можетъ быть, недостаточно широко и равномерно, но, полагаю, и въ моемъ подборѣ они дадутъ понятіе объ общности пріема, то удержавшагося въ простѣйшей формѣ, то развившагося, еще на почвѣ народной пѣсни, до нѣкоторой искусственности и психологической виртуозности. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною стихотворныхъ формулъ ходятъ, какъ самостоятельныя пѣсни (напримѣръ: нѣмецкія, итальянскія, испанскія и др.), русскія поются и отдѣльно, чаще онѣ встрѣчаются въ началѣ пѣсни, какъ ея вступленіе, запѣвъ или мотивъ. Въ основѣ—*парность* представлений, связанныхъ, по частямъ, по категоріямъ дѣйствія, предметовъ и качествъ. Въ нашемъ № 1, напримѣръ: вишня хилится, склоняется = дѣвушка кланяется: связь дѣйствія; въ слѣдующемъ № 2-мъ представлены всѣ три категоріи, при условіи вполне естественнаго сближенія: молодо = зелено, склоняться = повѣсить голову, опуститься, печалиться. Такимъ образомъ получается параллель: хилиться = журиться, яворъ = козакъ, зеленый = молодой. Но склоняться, хилиться можетъ быть понято и въ нашемъ значеніи: склонности, привязанности; такъ въ слѣдующихъ запѣвахъ:

Похилился дубъ на дуба, гильемъ на долину,
Липше тебе, любцю, люблю, якъ мати дитину.

—
Похилился дубъ на дуба, гильемъ на долинку,
Ой придется з села пійти черезъ чорнобрівку.

Тамъ и здѣсь формула: дубъ склоняется къ дубу, какъ парень къ дѣвушкѣ; свыкается, свивается съ нею, какъ трава съ повеликой (№ 8), какъ паутина, хмель и т. д. повились по тыну. Параллелизмъ покоится здѣсь на сходствѣ дѣйствія, при которомъ подлежащія могли мѣняться; это необходимо имѣть въ виду, чтобы изъ всякаго символическаго сопоставленія пѣсни не заключать непременно къ той тождественности, которую мы отмѣтили въ древней исторіи развитія параллелизма и которая будто бы пережила въ народно-поэтической, уже непонятной формулѣ. Дерево = человѣкъ принадлежалъ старому

вѣрованію, дѣвушка = паутина возможна лишь въ складѣ пѣсни.— Разберемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда формулы.

Любить = связаться, привязаться; рядомъ съ этимъ другія сопоставленія: утолить любовь = утолить жажду, напитокъ (№ 72), напоить коня, замутить воду. Или: любить = сѣять, садить (см. лат. *satus* = сынъ; *saeculum* = родъ, собственно посѣвъ; сл. литов. *sėklà*), но и топтать. Съ точки зрѣнія послѣдняго, реального пониманія, по сходству дѣйствія, дѣвушкѣ отвѣчаетъ въ параллельной формулѣ образъ сада—винограда, вишеня, льна, зелья, руты, васильковъ; ихъ топчетъ женихъ, поѣзжане, либо конь, олень, стадо и т. д. Но женихъ представлялся въ другой параллельной формулѣ соколомъ, бросающимся на лебедь бѣлую; между двумя формулами произошло смѣшеніе: образъ сада остался, но не конь его топчетъ, а соколъ перелетаетъ черезъ ограду и ломаетъ вѣтви (какъ въ малор. пѣсняхъ райскія птички обтрушиваютъ золотую росу съ дерева, въ сербской соколъ обломалъ тополь); далѣе исчезъ и садъ, вмѣсто него является дубъ и даже гора.—Въ западной народной поэзіи также извѣстенъ образъ виноградника, который кто-то попортилъ, обобралъ, сада, который топталъ олень (*In meinem Garten geht ein Hirsch, tritt nieder alle Blüthe*); либо срываютъ, рубятъ, ломаютъ деревцо, вѣтку:

Da brach der Reiter einen grünen Zweigs
Und machte das Mädchen' zu seinem Weib,

поется въ нѣмецкой пѣснѣ; въ польскихъ и литовскихъ: срубить деревцо—взять дѣвушку; „не вырѣвшей рябинушки нельзя заломать, не выросшей дѣвушки нельзя замужъ взять“. — Цвѣткомъ часто является роза:

Müeste ich noch geleben, daz ich die rôsen
Mit der minneelichen solde lesen,
Sô wold ich mich sô mit ir erkôsen,
Daz wiz iemer friunde müesten wesen.

(Walter v. d. Vogelweide).

Peut—on êtr' si près du rosier
Sans pouvoir en cueillir la rose?
Cueillez, mon cher amant, cueillez,
Car c'est pour vous que la rose est éclose.

См. латышскую формулу: Бѣлыя, красивыя розы цвѣли въ садикѣ моего брата; проѣзжали чужане, не смѣли сорвать ни одной; если-бъ сорвали, заплатили-бы пеню.

Щиплите роженку, стелите дороженку,
Отъ сельца до сельца, куда йхать отъ винца,

поется въ малорусской свадебной пѣснѣ; въ Каллимахѣ и Хризорроѣ чередуются въ такомъ смыслѣ роза и виноградная лоза (в. 2081 слѣд., 2457 слѣд.) и т. п. Въ сущности, цвѣтокъ безразличенъ, важенъ актъ срыванія; если въ западной народной поэзіи преобладаетъ въ этомъ сопоставленіи роза, то потому, что, какъ рѣдкій, холный цвѣтокъ, она вошла въ моду, какъ символъ красавицы.

Катятся слезы — катится жемчугъ; параллелизмъ дѣйствія и предметовъ: не даромъ жемчугъ зовется у насъ „скатнымъ“, въ русскихъ пѣсняхъ онъ и толкуется, какъ слезы. Но мы не скажемъ, что дѣвушка = яблоко, на основаніи № 11 и слѣдующаго двустишія:

Катись яблучко, куда катится,
И отдай, таточка, куда хочеться,

ибо параллелизмъ ограниченъ здѣсь дѣйствіемъ катиться = удалиться. (Сл. варьянтъ: Руби, руби, молодецъ, куда дерево клонится, Отдай, отдай, батюшка, куда замужъ хочется).

Образъ дерева въ народной поэзіи даетъ поводъ къ такимъ-же соображеніямъ. Мы видѣли, что оно хилится, но оно и скрипитъ: то вдова плачетъ: это параллелизмъ дѣйствія и, можетъ быть, предметный; сл. въ великорусскихъ заплачкахъ сравненіе горющей вдовы съ горькой осиною, деревиночкой и т. д.; образъ, принявшій впоследствии другія, болѣе прозаическія формулы: вдова—*сидитъ* подъ доревомъ. Или: дерево зеленѣетъ. распускается = молодецъ — дѣвушка распускаются для любви, веселья (сл. №№ 16, 18), помышляютъ о бракѣ. Сл. еще слѣдующія формулы: дерево „нахинулось“ (какъ бы въ раздумьи), дѣвушка „уздумыла“ (№ 4); либо дерево развернулось, развернулись и мысли:

Не стій, вербино, роскидайся,
Не сиди, Марусю, розмишайся.

Очевидно, типичность этой формулы вызвала такія параллели, какъ листь = разумъ, листьоньки = мислоньки; нѣтъ нужды восходить къ древнему тождеству листа = слова, разума, мысли.

Дерево сохнетъ = человекъ хирѣетъ; „листь опадае = милый покидае“, „листочекъ ся стелить — милый ся женить“, что предполагаетъ вторую (опущенную) половину формулы: милый покидае. Нѣчто подобное слѣдуетъ, быть можетъ, подсказать и въ такомъ примѣрѣ:

Висока верба, висока верба,
Широкий листь пусбае,
Велика любов, тяжка разлука.
Серденько зныбае.

Верба раскидывается широкимъ листомъ, моя любовь цвѣтетъ; (съ вербы листья унесены вѣтромъ), разлука тяжка.

Предшествующій анализъ, надѣюсь, доказалъ, что параллелизмъ народной пѣсни покоится главнымъ образомъ на категоріи дѣйствія, что всѣ остальные предметныя созвучія держатся лишь въ составѣ формулы и внѣ ея часто теряютъ значеніе. Устойчивость всей параллели достигается лишь въ тѣхъ случаяхъ, 1) когда къ основному сходству, по категоріи дѣйствія, подбираются болѣе или менѣе яркія сходныя черты, его поддерживающія, или ему не перечасія; 2) когда параллель приглянулась, вошла въ обиходъ обычая или культа, опредѣлилась и окрѣпла надолго. Тогда параллель становится *символомъ*. самостоятельно являясь и въ другихъ сочетаніяхъ, какъ показатель нарицательнаго. Въ пору господства брака черезъ увозъ женихъ представлялся въ чертахъ насильника, похитителя, добывающаго невѣсту мечомъ, осадой города, либо охотникомъ, хищной птицей; въ латышской народной поэзіи женихъ и невѣста являются въ парныхъ образахъ: топора и сосны, соболя и выдры, козы и листа, волка и овцы, вѣтра и розы, охотника и куницы, либо бѣлки, ястреба и куропатки и т. д. Къ этому разряду представленій относятся и наши пѣсенныя: молодець—козелъ, дѣвушка капуста, петрушка; женихъ стрѣлецъ, невѣста куница, соболю; сваты: купцы, ловцы, невѣста товаръ, бѣлая рыбаца, либо женихъ—соколъ, невѣста голубка, лебедь, утица, перепелочка; сербск. женихъ—ловець, невѣста—хитар лов и т. д. Такимъ-то образомъ отложились, путемъ подбора и подъ вліяніемъ бытовыхъ отношеній, которыя трудно услѣдить, параллели,—символы нашихъ свадебныхъ пѣсенъ: солнце — отецъ, мѣсяцъ — мать, или: мѣсяцъ—хозяйинъ, солнце — хозяйка, звѣзды—ихъ дѣти; либо мѣсяцъ—женихъ, звѣзда—невѣста; рута, какъ символъ дѣвственности; въ западной народной поэзіи—роза, не снятая со стебля, и т. п.; символы то прочныя, то колеблющіяся, постепенно проходящія отъ реальнаго значенія, лежавшаго въ ихъ основѣ, къ болѣе общему—формулѣ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ калина — дѣвушка, но основное значеніе касалось признаковъ дѣвственности; опредѣляющимъ моментомъ былъ красный цвѣтъ ея ягодъ.

Калина бережки покрасила,
Александринка всю родню повеселила,
Родня плашетъ, матушка плачетъ.

—
Да калинка наша Машинька,
Падъ калиной гүлялѣ,

Ножками калину тапала,
Падоломъ ноженьки вытирала,
Тымъ ина Ивана спадабала.

Красный цвѣтъ калины вызывалъ образъ каленія: калина горить:

Ни жарка гарить калина, (вар. лучина)
Ни жалка плачетъ Дарычка.

Калина—олицетворенный символъ дѣвственности:

Харошее дерева калина,
Па дарогѣ ишла, гримѣла,
Па балоту ишла, шумѣла,
Къ и двару пришла, зайграла;
„Атвари, Марычча, вароты“!
„Не кали, калина, не кали“,

отвѣчаетъ дѣвушка: я копаю черноземъ, посяю макъ; червонный цвѣтъ—это Ваничка, зеленая маковка—она сама.

Разгарслася калинка,³
Пиридь зарею стоючи;
Тушіў вѣтрикъ, не утушіў,
Па полю искры разнасіў.
Расплакалася Ликсандринка,
Пиридь матушкой сѣдючи;
Унимала матульча, не ўняла,
Болий жалости задала.

Горѣнью калины отвѣчаютъ во второмъ членѣ параллели слѣзы дѣвушки: *юрочилъ* слѣзъ не утушить, какъ вѣтеръ не унимаетъ пожаръ. Заря (звѣзда) = мать внесена въ пѣсню изъ другого ряда символическихъ сопоставленій; отсюда странный образъ: калина стоитъ передъ звѣздой. Тоже перенесеніе въ вариантѣ пѣсни, гдѣ, кажется, зарей (звѣздой) является отецъ, мѣсяць—мать.

Разгарѣлася калина,
Пиридь зарею стоючи,
Пиридь ясенькимъ мѣсицымъ;
Тушіў вѣтричекъ, не ўтушіў,
Больши искры разнасіў...
Мнѣ жъ табе, калина, ни утушить,
Утушить, ня ўтушить дробень дождь.
Якъ расплакалася Дарычка,
Пиридь батькою стоючи,
Пиридь роднымъ маткью.
Мнѣ табе, дочушка, ни ўняти,
Больши жалости пиддати:
Унимить, ня ўнимить Матвѣйка,

Сиванеть сярдечко пушкью,
Вытреть слезыньки хвусткою.

Въ третьемъ вариантѣ пѣсни нарастаетъ неорганически, непосредственно за послѣднимъ стихомъ:

Якъ стѣ (Ваничка) на каня, якъ жаўнеръ,
Узяў Марьючку за каўмеръ:
„Сяди, мня Марычка, ны дрыжи,
Пасабью табѣ усѣ брыжи;
Ня ў тья руки пупала,
Штобъ ты стоючи дримала;
Ня тья мужики дураки,
Што мняють кони бизъ цаны,
А бьютъ жопычигъ бизъ вины,
Бизъ вяликія прычины,
Не наскипаўши лучины“.

Въ слѣдующей пѣснѣ калина уже обозначаетъ дѣвушку.

Непраўдивая калина
Да казала:
Твисти не буду (bis),
Зялёнаго листвика
Не пуцу (bis),
Бѣлыга твяточка не люблю.
Якъ пришла висна, дакъ затвила,
Зялёнаый листвикъ пустила
И бѣленькій твятокъ злюбила.
Непраўдивая Катичка
Да казала:
Замужъ ни пайду,
Маладога Романа не люблю.
Якъ пришла пыра, дакъ пашла,
Маладога Романа злюбила,
И ў слядогъ въ яго ступила.

Въ вариантахъ этой пѣсни вмѣсто калины является зозуля: не хотѣла она полетѣтъ въ боръ, полюбить соловья, а полюбила.

Далѣе: калина = дѣвушка, дѣвушку берутъ, калину ломаютъ женихъ, что въ духѣ разобранной выше символики топтанья или ломанья. Такъ въ одномъ вариантѣ: калина хвалится, что никто ее не сломаетъ безъ вѣтру, безъ бури, безъ дробнаго дождя; сломали ее дѣвки; хвалилась Дуничка, что никто не возьметъ ее безъ пива, безъ мѣду, безъ горькой горѣлки; взялъ ее Ваничка.

И такъ: калина—дѣвственность, дѣвушка; она пылаетъ, и цвѣтетъ, и шумитъ, ее ломаютъ, она хвастается. Изъ массы чередующихся

перенесеній и приспособленій обобщается нѣчто среднее, расплывающееся въ своихъ контурахъ, но болѣе или менѣе устойчивое; калина—дѣвушка.

III.

Разборъ предыдущей пѣсни привелъ насъ къ вопросу о развитіи народно-пѣсеннаго параллелизма; развитіи, переходящемъ, во многихъ случаяхъ, въ искаженіе. Калина-дѣвушка: далѣе слѣдуетъ въ двухъ членахъ параллели: вѣтеръ, буря, дождь—пиво, мѣдъ, горѣлка. Удержано численное соотвѣтствіе, безъ попытки привести объ серіи въ соотвѣтствіе содержательное. Мы направляемся къ 2) *параллелизму формальному*. Разсмотримъ его прецеденты.

Однимъ изъ нихъ является — *умолчаніе* въ одномъ изъ членовъ параллели черты, логически вытекающей изъ его содержанія въ соотвѣтствіи съ какой нибудь чертой второго члена. Я говорю объ умолчаніи, не объ искаженіи: умолчанное подсказывалось на первыхъ порахъ само собою, пока не забывалось. Отчего ты рѣчка не всколыхнешся, не возмудишься? поется въ одной русской пѣснѣ: нѣтъ ни вѣтра, ни дробнаго дождика? Отчего, сестрица-подруженька, ты не усмѣхнешся? Нечего мнѣ радоваться отвѣчаетъ она, нѣтъ у меня тятиньки родимаго. (См. латышскую пѣсню: Что съ тобою, рѣчка, отчего не бѣжишь? что съ тобою, дѣвица, отчего не поешь? Не бѣжить рѣчка, засорена, не поетъ дѣвица, сиротинушка). Пѣсня переходитъ затѣмъ къ общему мѣсту, встрѣчающемуся и въ другихъ комбинаціяхъ, и отдѣльно, къ мотиву, что отецъ просится у Христа отпустить его поглядѣть на дочь. Другая пѣсня начинается такимъ запѣвомъ: Течетъ рѣчка, не всколыхнется; далѣе: у невѣсты гостей много, но некому ее благословить, нѣтъ у нея ни отца, ни матери. Подразумѣвается выпавшая параллель: рѣчка не всколыхнется, невѣста сидитъ молча, не весело.

Многое подобное придется подсказать въ приведенныхъ выше примѣрахъ: высоко ходитъ луна, звѣзды ей спутницы; какъ печально человѣку, когда женщина его обманываетъ (№ 60), то-есть не сопутствуетъ ему. Либо въ турецкихъ четверостишіяхъ №№ 71, 72: два челнока ѣдутъ рядомъ; у кого милая не вѣрна (не ѣдетъ съ нимъ рядомъ), у того сердце истекаетъ кровью; катится ручей, вода утолила мою жажду, — а твоя мать будетъ мнѣ тещей, то-есть ты утолишь мою жажду любви. См. еще татарское четверостишіе № 81:

Сорви вѣтку и брось въ воду, молодые годы назадъ не вернутся, то-есть они ушли безвозвратно, какъ брошенная въ воду вѣтка и т. д.

Иной результатъ являлся, когда въ одномъ изъ членовъ параллели, происходило *формально-логическое развитіе выраженнаго въ немъ образа или понятія*, тогда какъ другой отставалъ. Молодь: зеленъ, крѣпокъ; молодое и весело, и мы еще слѣдимъ за уравненіемъ: зелено-весело; но веселье выражается и пляской—и вотъ рядомъ съ формулой: въ лѣсу дерево не зеленѣеть, у матери сынъ не весель—другое: въ лѣсу дерево безъ листьевъ, у матери дочь безъ пляски. Мы уже теряемъ руководную нить. Или: хилиться (склоняться: о деревѣ къ дереву): любить; вмѣсто любить: вѣнчаться; либо изъ хилиться—согнуться, и даже *на двое*:

„Зогнулася на двое лециновька,
Полюбылася да зъ козакомъ дѣвчиновька“.

Или другая параллель: гроза, явленія грома и молніи вызывали представленіе борьбы, гулъ грозы=гулъ битвы, молотьбы, гдѣ „снопы стелятъ головами“, или пира, на которомъ гости перенились и полегли; отсюда—битва=пиръ и, далѣе, варенье пива. Это такое же одностороннее развитіе одного изъ членовъ параллели, какъ въ греческомъ *καλλιβλέφαρον φῶς*: солнце-глазъ, у него явились и рѣсницы.

Внутреннему логическому развитію отвѣчаетъ внѣшнее, обнимающее порой оба члена параллели, съ формальнымъ, несодержательнымъ соотвѣтствіемъ частей. Такъ въ нашемъ № 9: хмель-зять свился, сошелся съ овсомъ-тестомъ:

Ай за гумномъ асина,
Ай тепа зятя прасила.

Послѣдняя параллель не выдержана, какъ будто вызвана ассоциансомъ, желаніемъ сохранить кадансъ, совпаденіе удареній, не образцовъ, какъ въ характерномъ примѣрѣ, приведенномъ выше: вѣтеръ, буря, дробный дождикъ=пиво, мѣдъ, горѣлка, или въ нашемъ № 21: горохъ посѣянъ при долинѣ, при ясномъ солнцѣ=Марушку сватають при родѣ (=долина), при матери. Либо въ пинской свадебной пѣснѣ: ищуть голубки (утки), а она въ очереть ушла; ищуть дѣвушки, а она въ клѣтъ пошла (уже въ домѣ жениха),

Ключами забражджела,
А сувьямы зашастѣла.

Въ первой части параллели этимъ стихамъ отвѣчаютъ слѣдующіе:

Чертына похилилася,
Утоўка сторонилася.

Содержательный параллелизмъ переходитъ въ *ритмическій*, преобладаетъ музыкальный моментъ, при ослабленіи внятныхъ соотношений между деталями параллелей. Получается не чередованіе внутренне-связанныхъ образовъ, а рядъ ритмическихъ строкъ безъ содержательнаго соответствія. Вода волнуется, чтобы на берегъ выйдти, дѣвушка наряжается, чтобы жениху угодить, лѣсъ растеть, чтобы высокимъ, быть, подруга ростеть, чтобы большой быть, волосы чешеть, чтобы пригожей быть (чувашская).

Иногда параллелизмъ держится лишь на согласіи или *созвучіи* словъ въ двухъ частяхъ параллели:

Красычка хараща,
Валинка ў лозыи
Краши того,
Ваничка жанитца ѣдитъ.

А чія жь это пашавичевька,
Што долиа й гони,
А што долгиа гони?
А чія-жь эта дѣучиночка,
Што черныа брови?

А ю мѣсяца два рога.
У Матвѣйки два брата.

Дѣвушка—яблоня въ саду, за дѣвущкой ухаживаютъ двое, и милый печалится, но пѣсня (моравская) увлеклась созвучіемъ и говоритъ о *двухъ* яблоняхъ (Mat já jednu zahrádečku, dvě jablka v ní).

Ай *тмяно*, тмяно у лузи,
Тямный у свата на дворѣ,
Бьяре вароты обняли.

А ў маху, ў маху журавины *буйны*,
Ай буйны, буйны, да буйнѣшеньки.
Ай, у Данькови да—й робяты *дурны*,
Ай дурны, дурны, дай дурнѣшеньки.

На обѣихъ рукахъ у меня по зацястю,
Не будетъ-ли *тяжело* моимъ рукамъ.
Если я не пойду за милой,
Не будетъ-ли *тяжело* душѣ?

(Чувашская).

Я *кумилъ* разныхъ цвѣтовъ,
Чтобы посадить ихъ въ саду;

Но не *купить* счастья за деньги,
Если Богъ не дастъ его.

(Татарская).

Въ слѣдующемъ чувашскомъ четверостишіи намѣчено и соотвѣтствіе содержанія между двумя членами параллели, но держится она на римѣ: ринимаютъ по чувашски „не нужно слѣдить“ и „не должно перечить“:

За чернымъ лѣсомъ выпалъ снѣгъ,
Тамъ черная кунница проложила слѣдъ;
Не нужно слѣдить по слѣду черную кунницу,
Не должно перечить имени отца и матери.

Татарскія и тептярскія четверостишія — параллели также бываютъ построены на соотвѣтствіи римы во 2-мъ и 4-мъ стихѣ. Именно этотъ элементъ римы или созвучія слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи народно-пѣсенной символики: часто онъ ее прикрываетъ, и толкованіе вступаетъ на ложный путь, не принявъ его въ расчетъ. Намъ знакома параллель: горить калина — дѣвушка плачетъ (*юрючими*) слезами; дальнѣйшая параллель: *курится* — *журился* едва ли не поддержана римой, какъ *хмара* — *пара* въ слѣдующей пѣснѣ пинчуковъ:

За боромъ черна *хмара*,
За столомъ людіей *пара*,
Обое молодые,
Якъ квіеты ружовые.

Хмѣль вѣтся по тыну: дѣвушка льнетъ къ парню; но вьющійся хмѣль, можетъ быть, и парень: онъ лѣзетъ на тычину, дерево; въ русскихъ пѣсняхъ дѣвушка поетъ въ хороводѣ:

Хмель ты мой, хмелюшко, веселая головушка,
Перевейся, хмелюшко, на мою сторонушку.

Когда хмѣль просится почевать, гдѣ женушки молодья, повадилса къ дѣвушкамъ ходить — то это развитіе того же образа: виться — лнуть; но когда, въ малорусскихъ пѣсняхъ поется:

Хмель *вьется* - козакъ *вьется*,

рима уже заслонила образъ.

Изъ русскихъ пѣсенъ укажемъ еще на римы къ *косѣ*: образъ дѣвушки — *красы* вызвалъ понятіе *косы*; коса сравнивается съ коноплею: вѣтеръ ее разсыпалъ, не далъ ей постоять, женихъ расплелъ косу невѣстѣ, не далъ ей погулять. Либо коса — черный шелкъ. Рима: *роса* явилась

въ чередованіи другихъ образовъ; „новій вітре, дорогою. за нашою молодою; розмай її косу, якъ літнюю росу“; или „дівочька краса, якъ літняя роса“. Произошло смѣшеніе параллель—риемъ, обнявшее *красу, косу и росу*, либо *росу—и косу*, какъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Плавала вутца по росѣ.
Плакала Машинька по косѣ.

Въ свадебномъ обрядѣ приглянулась другая риема: красота—высота: „Гдѣ-же мы будемъ ихъ сводить“, спрашиваетъ жениховъ дружка у невѣстина, „подъ дѣвичьей красотой (то-есть въ избѣ), или небесной высотой“ (то-есть на улицѣ), иначе? И красота—лента въ косѣ невѣсты, коса (?): въ русской пѣснѣ она хочетъ бросить ее въ Волгу, къ бѣлымъ лебедушкамъ,

Отойду я, лягу, послушаю:
Не кипеть ли лебедь бѣлая,
Не плацетъ ли дѣвья красота
О моей буйной головѣ?

Миеологи могли усматривать въ красѣ—косѣ—росѣ нѣчто миеическое. архаично-тождественное; я уже отвѣтилъ на это сомнѣніемъ: неужели и дѣвушка представлялась, напримѣръ, паутиной? Въ послѣднемъ случаѣ передъ нами образъ, держащійся лишь въ связи параллели, въ первомъ все дѣло въ созвучіи. Риема, звукъ воспреобладалъ надъ содержаніемъ, окрашиваетъ параллель, звукъ вызываетъ отзвукъ, съ нимъ настроеніе и слово, которое родитъ новый стихъ. Часто не поэтъ, а слово повинно въ стихѣ:

Weil ein Vers dir gelingt in einer gebildeten Sprache,
Die für dich dichtet und denkt, glaubst du schon Dichter zu sein?

„Вмѣсто того, чтобы сказать: идея вызываетъ идею, я сказалъ бы, что слово вызываетъ слово“, говоритъ Ришэ; „еслибы поэты были откровенны, они признались бы, что риема не только не мѣшаетъ ихъ творчеству, но, напротивъ, вызывала ихъ стихотворенія, являясь скорѣе опорой, чѣмъ помѣхой. Еслибы мнѣ дозволено было такъ выразиться, я сказалъ бы, что умъ работаетъ каламбурами, а память—искусство творить каламбуры, которые и приводятъ, въ заключеніи, къ искомой идеѣ“.

Только риема Nodier: *amandier* вызвала у Мюссэ одно и самыхъ граціозныхъ его стихотвореній. Это параллель къ красѣ—косѣ—росѣ. Car le mot, qu'on le sache, est un être vivant (V. Hugo, Contemplations).

Параллель сложилась: содержательная, музыкальная; отложились изъ массы сопоставленій и перенесеній и такія, которыя получили болѣе или менѣе прочный характеръ символовъ: женихъ, свать=соколь; невѣста, дѣвица = калина, роза и т. д. Къ нимъ приучаются, они приобрѣтаютъ характеръ нарицательныхъ—и переносятся въ такія сочетанія, гдѣ ихъ не ожидаешь по связи образовъ. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ обыченъ образъ дерева и подъ нимъ источника: то и другое символъ дѣвушки; явился соколь, ломающій вѣтки сада, то-есть похищающій невѣсту; въ сербской пѣснѣ Маца даетъ розу сивому соколу: „Оно ни био сивы сокол, него младостина“; въ русской соколы (сваты) разсыпали крупень жемчугъ (слезы), распухли черный шолкъ (косу): такъ толкуется сонъ невѣсты; либо крупень „жемчугъ“ разсыпалъ „сизый орелъ“. Калина—дѣвушка стоитъ, плачется передъ звѣздой—матерью; или женихъ=мѣсяць, невѣста=звѣзда: выйдемъ оба разомъ, освѣтимъ небо и землю, то-есть сядемъ заразъ на посадъ (малор. пѣсня). Формула полюбилась: засвѣтимъ всѣ разомъ, говорить мѣсяць = женихъ звѣздамъ = поѣзжанамъ въ одной пинской пѣснѣ: это женихъ зоветъ свою родню — воевать съ тестемъ; въ латышской пѣснѣ мѣсяць съ звѣздами слѣпнуть на войну—на помощь молодымъ парнямъ.—Мы уже знаемъ, что косить, жать — символы любви; они понятны при женихѣ, косяцѣ и т. д., какъ въ нѣмецкихъ плясовыхъ пѣсняхъ (Naberstählen), не въ малорусской, гдѣ они перенесены на дѣвушку:

Было ж не іти жито жати,
 Було ж іти конопель брати.
 Було ж не іти, дівча, заміж,
 Було ж мене молодца ждати.

Языкъ народной поэзіи наполнился іероглифами, понятными не столько образно, сколько музыкально, не столько представляющими, сколько настроивающими; ихъ надо помнить, чтобъ разобраться въ смыслѣ. Кстати параллель изъ области христіанской символики: надо знать, что пѣтухъ — символъ Христа, левъ — дьявола, чтобы понять изображенія на порталахъ Альдорфской церкви во Пфорцгеймѣ: пѣтухъ въ борьбѣ со львомъ, затѣмъ онъ же стоитъ на лѣвѣ, связанномъ цѣпами.

За смѣшеніями явились созвучія, довлѣющія сами себѣ, какъ созвучія: коса—роса—краса; текстъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ инородческихъ пѣсень лишенъ всякаго смысла, слухъ ласкаеть рѣиома.

Это—декадентство до декаденства; разложеніе поэтического языка

началось давно. Но что такое разложение? Вѣдь и въ языкѣ разложение звуковъ и флексій приводитъ нерѣдко къ побѣдѣ мысли надъ связывавшимъ ее фонетическимъ знакомъ.

IV.

Припомнимъ основной типъ параллели: картинка природы, съ цвѣткомъ, деревомъ и т. д., протягивающая свои аналогіи къ картинкѣ человѣческой жизни. Та и другая половина параллели развертывается по частямъ, во взаимномъ созвучіи, анализъ порой разрастается, переходя въ цѣлую пѣсню; но объ этомъ далѣе. Порой параллельная формула стоитъ нѣсколько уединенно въ началѣ или за пѣвѣ пѣсни, лишь слабо связанная съ ея дальнѣйшимъ развитіемъ, либо не связанная вовсе.

Это переводить насъ къ вопросу о пѣсенныхъ *запѣвахъ* по отношенію къ параллелизму. Въ татарскихъ пѣсняхъ они нерѣдко состоятъ изъ бессмысленнаго подбора словъ, какъ часто въ народныхъ французскихъ *refrains*; ни тѣ, ни другіе не крѣпки извѣстной пѣснѣ, а поются и при другихъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда запѣвъ или припѣвъ не лишень реального значенія, обязывавшаго, казалось бы, къ нѣкоторому соответствію съ тѣмъ, о чемъ поется; татарская „сложная“ пѣсня состоитъ изъ протяжной и плясовой (такмакъ); послѣднія поются и отдѣльно, но въ составѣ сложныхъ онѣ играютъ роль припѣва, и эти припѣвы мѣняются при одной и той же пѣснѣ. И наоборотъ: литовскія и латышскія пѣсни несходнаго содержанія нерѣдко начинаются съ одного и того же запѣва, напримѣръ: *ѣду верхомъ*, *ѣду верхомъ* и т. п.

Послѣднее явленіе объяснили сноровкой пѣвцовъ: имъ нужно было расходиться, распѣться, чтобы имѣть время припомнить текстъ; въ такомъ случаѣ все дѣло было въ напѣвѣ, слова безразличны, либо являлись капризнымъ развитіемъ восклицанія, звукоподражаніемъ свирѣли, или какому нибудь другому инструменту, какъ часто во французскомъ *refrains*. Это открыло бы нашимъ запѣвамъ и припѣвамъ довольно почтенную историческую перспективу, въ ту сѣдую древность, когда въ синкретическомъ развитіи пляски — музыки — сказа ритмической элементъ еще преобладалъ надъ музыкальнымъ, а слова пѣсни намѣчались слабо, междометіями, отдѣльными фразами, медленно направляясь къ поэзіи. Точки зрѣнія, установленныя въ предыдущей главѣ, побуждаютъ меня видѣть въ бессмысленности и бродячести *refrains*, запѣвовъ явленіе позднее, отвѣчающее той же стадіи развитія, ко-

торое вызвало явленіе музыкальнаго параллелизма, игру въ рѣмѣ и созвучіи, обобщило символы и разметало ихъ въ призранныхъ, настраивающихъ сочетаніяхъ по всему пѣсенному раздолью. Въ началѣ запѣвъ могъ быть крѣпокъ пѣснѣ, и я не прочь предположить въ иныхъ случаяхъ, что въ немъ отразилась забытая формула параллелизма. Я привелъ тому два примѣра ¹⁾, къ которому подберется, быть можетъ, и нѣсколько другихъ: былинный запѣвъ: Глубоко, глубоко окіанъ море... Глубоки омуты Днѣпровскіе—построенъ на представленіи глубины и именно Днѣпра, по которому поднимается Соловей Будимировичъ въ открывающейся затѣмъ былинѣ; refrain одной французской пѣсни объясняется изъ знакомаго народной поэзіи параллелизма: любить—замутить—загрязнить. Когда такая формула обобщалась, ея реальный смыслъ блѣднѣлъ, но она уже успѣла стать выразительницей извѣстнаго настроенія въ составѣ той пѣсни, которую она открывала или къ которой вела. Въ запѣвахъ нашихъ пѣсень: Ходила калина, ходила малина, или: Калинушка, малинушка, розолевый цвѣтъ! какъ и въ припѣвѣ: Калина, малина! исчезли всякіе слѣды реального символизма.

Этимъ объясняется перенесеніе такихъ обобщенныхъ формулъ въ другія пѣсни сходнаго тембра и новая роль, въ которой начинаетъ выступать запѣвъ: онъ не поддерживаетъ память пѣвца, не вызываетъ пѣсни, а приготовляетъ къ ея впечатлѣнію, приготовляетъ и слушателей и пѣвца своею метрическою схемой. Такъ въ сѣверныхъ балладахъ: въ шведской пѣснѣ объ увозѣ Соломоновой женѣ refrain такой: Хочется мнѣ поѣхать въ лѣсъ! ²⁾. Между содержаніемъ пѣсни и припѣвомъ нѣтъ, видимо, ничего общаго, но припѣвъ настраиваетъ къ чему то далекому, на далекіе пути, по которымъ совершится умыканье.

Самостоятельно параллельныя формулы существуютъ, какъ я сказала, въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенокъ, чаще всего четверостишій, которыя представились мнѣ ³⁾ антифоническимъ сочетаніемъ пары двустистишій, либо развитіемъ одного, ибо его формами исчерпывалась психологическая парность образовъ. По новымъ наблюденіямъ именно къ

¹⁾ Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* СССР, отд. II, стр. 295, 1897, № 4.

²⁾ Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой женѣ, стр. 4 прим. 1 отдѣльнаго оттиска.

³⁾ Новая книга по народной словесности, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1886, мартъ, стр. 193.

двустистию восходятъ народныя латышскіе *quatrains*; тема извѣстнаго (малор., бѣлор., великор., польск.) четверостишія:

Зеленая рутонька, жовтый цвѣтъ,
Не піду я за нелюба, піду въ свѣтъ,

и т. п. дана въ первыхъ двухъ стихахъ. Варіантами этой формулы я занимался по другому поводу ¹⁾; варіантами и примѣненіями: рута была символомъ дѣвственности, отчужденія, разлуки и т. д.; ее топчуть; пѣсня о ней являлась естественно въ обиходѣ свадьбы, переносясь въ разные ея моменты, то отвлекаясь отъ обряда, то смѣняя традиціонный образъ руты—въ розу (Червоная рожухна, жоутый цвѣтъ). При этомъ образъ цвѣтка стирался: Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ—и, даже: Далекая дороженька, жовтыи цвѣтъ,—и первая часть параллели теряла постепенно свое соотвѣтствіе со второй, принимая значеніе запѣва, часто запѣва неустойчиваго, переходнаго, что и дало мнѣ поводъ освѣтить его аналогіей явленіе цвѣточныхъ запѣвовъ въ народныхъ итальянскихъ *stornelli*.

Это двустистиѣ или трехстишию, либо парѣ стиховъ предшествуетъ полустихъ съ названіемъ цвѣтка, причѣмъ первый стихъ или полустихъ не приготовляетъ, повидимому, къ содержанію слѣдующихъ. Я полагаю вѣроятнымъ, что связь была, но забылась ²⁾. Она ощущается напримѣръ въ нашемъ № 56: а) цвѣтъ тростины! Кто хочетъ тростины, пусть идетъ въ тростнякъ, б) кому приглянулась дѣвушка, пусть подладится къ маменькѣ.

Или.

Fior della canna!
La canna è lunga e tenerella,
La donna ti lusinga e poi t'inganna.

(Тростинка гибка, ей нельзя довѣряться; дѣвушка тоже, она обманетъ);

¹⁾ См. мой академическій отчетъ о сборникѣ *Чубинскаго*, стр. 38 слѣд.

²⁾ *Maspero* въ отчетѣ о книгѣ *Joret* (*Journal des Savants* 1897 Août, стр. 481, 482) вспоминаетъ объ итальянскихъ *stornelli* по поводу одного египетскаго текста, къ сожалѣнію, испорченнаго, каждый куплетъ котораго открывается названіемъ растенія, аллитерирующимъ съ слѣдующимъ глаголомъ. Дается это не безъ натяжекъ, и созвучіе исчезаетъ въ переводѣ. Образчикъ послѣдняго у *Maspero*: O armoises (чернобыльникъ, помынь) de mon frère, devant qui on se sent plus grand! Moi, la voeur, la première (de toutes), je suis comme un jardin où l'on fait pousser des fleurs et des plantes parfumées de toutes espèces, où j'ai creusé un canal pour y plonger ta main, au frais de l'aquilon; une place délicieuse où promener ta main sur ma main, le sein ému d'un doux souvenir.—Символика сада и утоленной жажды намъ извѣстны.

Fiore di grane!
 Che dde lu grane se ne viè lu fiore,
 Che bbelle ggiuvenitt'e ffa l'amore.

(пшеница даетъ цвѣтъ, дѣвушка цвѣтетъ любовью). Либо образъ тростника вызываетъ знакомую намъ параллель: склоняться: любиться:

Fiore di canna!
 Moviti a compassion, viemmi a piglia,
 Ora che gli è contenta la tua mamma,

тогда какъ въ слѣдующемъ stornello запѣвъ о тростникѣ очутился общимъ мѣстомъ, восклицаніемъ:

Fiore di canna!
 La madre del mio amore è una gran donna,
 Mi sa mill' anni di chiamalla mamma.

Съ каждымъ новымъ цвѣткомъ могли явиться новыя отношенія, новыя подсказванія; когда содержательный параллелизмъ пересталъ быть внятнымъ, одинъ цвѣтокъ могъ явиться вмѣсто другаго, безъ различія; лишь за немногими остался символическій смыслъ, напоминающій калину, руту нашихъ пѣсенъ. Такъ въ южной Италіи въ ходу сравненіе любимой дѣвушки съ рутой, но тотъ же цвѣтокъ означаетъ, какъ и у насъ, удаленіе, отчужденіе, разладъ:

E l'amor mio m' ha mando la ruta,
 E mi ha mandato a dir che mi rifiuta.

Дать отвѣдать чесноку — наглумиться надъ кѣмъ; корка (zagra) апельсина (горька, какъ) — ревность. Но въ общемъ цвѣтокъ запѣва утратилъ свою суггестивность, центръ тяжести лежитъ на общемъ понятіи *цвѣтка*, вмѣсто него — букетъ, листокъ, вѣтка, стебель, дерево (*fiore d'arcipresso, mazzo di viole, foglia, fronde d'ulivo*, и т. д.); цвѣты копяты въ одномъ и томъ же запѣвѣ (*gamerin et salvia*), прозаическіе, ничего не подсказывающіе (напримѣръ *fagiolo bianco, fagiogli sciutti* = бѣлый, сухой бобъ и др.), фантастическіе, причемъ выступаетъ отвлеченное понятіе *fiore*, какъ лучшаго, совершеннаго, „цвѣтъ чегонибудь“, напримѣръ юности. Оттуда такія формулы, какъ *fiore di farina, di miele, di penna, d'argento, di gesso, di piombo, di tarantola* (цвѣтъ муки, меда, травы, серебра, гипса, свинца, тарантулы), даже *fiore di guai* (цвѣтъ печали) и *fiore di gnente* (цвѣтъ ничего)!

Развитіе кончилось игрой въ привычную формулу, хотя лишенную смысла, порой съ оттѣнкомъ пародіа; игрой въ созвучія и риму, чему примѣры мы видѣли выше:

Fior d' erba *bella* !
 Più cresce il fiume e più legno va a galla,
 Più vi rimiro e più vi fate *bella*.

Fiore di *mora*!
 Tiettelo a mente, anima cara,
 Chi fortuna non ha, meglio è che *mora*.

Иначе цвѣточный запѣвъ обратился во внутренній refrain, съ измѣненіями, идущими на встрѣчу рижѣ; такъ въ прелестномъ тосканскомъ *rispetto*:

E lo mio amor me l'ha donato un nastro
 Tutto turchino e ramezzato d'oro;
 Che l'ha legato in mezzo d'un bracino,
 E quello mi sostiene ch'io non moro,
 Me l'ha legato in mezzo d'un deto,
 Fronde d'olivo e ramo d'abeto,
 Me l'ha legato in mezzo del petto,
 Fronde d'olivo e ramo di cipresso,
 Me l'ha legato in mezzo del cuore,
 Fronde d'olivo e rama di viole.

Припѣвы французскихъ *gondes*, кажуціеся чуждыми содержанію пѣсни, вѣроятно, того же происхожденія:

Petit grain de froment!
 Toi, qui vas, légèr' bergère,
 Petit grain de froment!
 Toi qui vas légèrement,
 Toi qui vas, légèr' bergère,
 Toi qui vas légèrement.

Или:

La belle fougère,
 La fougère grainera.

La violett' se double, se double,
 La violett' se doublera.

Въ румынской народной поэзіи цвѣточная параллель осталась за пѣвомъ, какъ въ Италіи, съ такимъ же формальнымъ характеромъ. Она только настраиваетъ, не протягивается въ пѣсню; господствуетъ образъ не цвѣтка, а зеленой вѣтки: *Frunđă verde alunică, Frunđă verde salbă mole, Frunđuliță de dudu* и т. д.

Происхожденіе италіанскихъ *fiore* искали на востокъ, въ селамъ—привѣтствіи красавицъ—цвѣтку; другіе устраняли востокъ, указывая

на общепозитическій приемъ, отождествленіе дѣвушки, милой, съ розой, лиліей и т. п. Но такое отождествленіе явилось не вдругъ, соколъ, калина и т. п. прошли нѣсколько стадій развитія, прежде чѣмъ стать символами жениха, дѣвушки, и этихъ стадій позволено искать въ отраженіяхъ народно-поэтическаго стиля; къ этому ведетъ и аналогія русскихъ четверостишій о рутѣ. Востокъ исключается и народнымъ характеромъ нѣкоторыхъ игръ, въ которыхъ подобные флогі могли слагаться. Южно-французскія серенады, *flougetas*, которыя парни даютъ дѣвушкамъ, кончаются куплетами, импровизованными на тотъ или другой цвѣтокъ. Извѣстно, что итальянскіе *stornelli* пѣлись амебейно, въ смѣнѣ вопросовъ и отвѣтовъ; въ рукописи XVI-го вѣка сохранился такой флог:

Voi siete un fiore? Che fiore?
 Un fior di mammoletta (фіалка),
 Qualche mercede il mio amore aspetta.

Въ Маркахъ игра въ „flore“ сопровождается пляской; передають другъ другу цвѣтокъ:

Questo è un fiore.
 Chi me l' manda? Amore.
 Amore ve lo manda
 E vi si raccomanda.

у Fortiguèrri (Ricciardetto XIII) игра описана такимъ образомъ:

86.

Ma quel che piacque più fu quel del fiore;
 Perchè una d'esse a un pescatore dicea:
 Tu se' un bel fiore. Ed egli pien d'amore:
 Che fior son io, fanciulla? rispondea...
 Ed ella co' begli occhi tutti ardore
 Guardandolo diceva e insieme ridea:
 Tu sei, se non isbaglio, un fior di pero,
 Dici d'amarmi, ma non dici il vero.

87.

E quegli rispondeva similmente:
 Voi siete un fior di rosa e di viola,
 E siete in beltà sola veramente.

Позже эта игра спустилась къ уровню салона, *jeu de société*; такъ въ Римѣ и въ Тосканѣ: руководитель зовется „il Bel Mazzo“, онъ раздаеть играющимъ по цвѣтку; когда всѣ разсѣлись, онъ говорить, напримѣръ:

Mentre qui solitorio il passo nuovo,
Cerco del gelsomino e non lo trovo;

тогда тотъ, у кого въ рукахъ жасминъ, отзывается:

Quel-vago fior son io?

Si, caro bene, addio, отвѣчаетъ руководитель, и они мѣняются мѣстами.

При этомъ значеніе цвѣтка не играетъ никакой роли, какъ и въ лорренскихъ *dayemens*, представляющихъ интересную параллель въ вырожденію итальянскаго пѣсеннаго запѣва. Дѣло идетъ о пѣсенномъ преніи, прежде обычномъ во французскихъ деревняхъ мозельскаго департамента. Во время зимнихъ посидѣлокъ, особенно по субботамъ, дѣвушка или парень стучались въ окно избы, гдѣ собралось для работы и бесѣды нѣсколько женщинъ, и предлагали: *voleue veu dayer?* Изнутри отвѣчали; слѣдовалъ обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ въ стихахъ съ римой: двустипія, чаще всего сатирическаго содержанія, съ цвѣтнымъ запѣвомъ по формулѣ: *Je vous vends:*

Je vous vends la blanche laitue!
Eh, faut-il que l'on s'esvertue
De bien aimer un bon ami!

—
Je vous vends la feuille de persil sauvage
Qui est dans votre menage.

Запѣвы разнообразятся: *Je vous vends la feuille de veigne; les gemoris; mon tablier de soie; l'or et la couronne*, наконецъ: *je ne sais quoi*, какъ въ итальянскомъ *fior di niente*. Игра эта зовется и *ventes d'amour*; у *Christine de Pisau* въ *Jeux à vendre* пѣсенки эти получили литературную обработку:

Je vous vends la passe rose:
Belle, à dire ne vous ose
Comment amour vers vous me tire,
Si l'apercevez tout sans dire ¹⁾.

Цвѣточные зачала *stornelli*, румынскихъ *frunđi* и *dayements* и игры въ „*fior*“ представляются мнѣ результатомъ развитія, точку отправленія котораго можно построить лишь гипотетически. Въ началѣ коротенькія формулы параллелизма въ стилѣ намъ извѣстныхъ; мо-

¹⁾ Формула: *Je vous vends*—напоминаетъ обмѣнъ шутокъ при раздачѣ свадебныхъ подарковъ на малорусской свадьбѣ: Даруюць хлопци... того кабана, що за Днипромъ ходиць, лычемъ оре, хвостомъ боронує, все тебе Бугъ поровнує; Дарую тобі коня, що по-полю ганя: якъ підмаеш, то твій буде.

жетъ быть. игровыя пѣсни, съ амебейнымъ исполненіемъ такихъ дву- или четверостишіи; съ одной стороны выработка болѣе постояннаго символизма, съ другой обветшаніе цвѣтовыхъ залѣвовъ въ формальныя, переходныя, свободно-примѣнимыя. На этой точкѣ развитія остановились *stornelli* и *dayemens*; когда эти измѣненія или искаженія проникли въ игровую пѣсню, получился *il giposo del fiore*.

Подтверженію предложенной гипотезы могли бы послужить слѣды народно-пѣсеннаго параллелизма въ средневѣковой художественной лирикѣ, но ихъ немного, и они ощутимы развѣ въ манерѣ, какъ усвоенъ былъ чужой поэтический приѣмъ. Лирика трубадуровъ, какъ и древнѣйшихъ труверовъ и миннезингеровъ предполагаетъ, разумѣется, народныя начала, но позывъ къ личному творчеству, сознание поэтического акта, какъ серьезнаго, самодовлѣющаго, поднимающаго, все это явилось не самостоятельно, не изъ импульса народной пѣсни, которая и нравилась и не цѣнилась, была дѣломъ, когда поминала славныя подвиги или призывала небожителей, либо любовнымъ бездѣльемъ, заподозрѣннымъ церковью, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не вызывая критеріи—поэзіи. Этотъ критерій явился, а вмѣстѣ ощутилась и цѣнность поэтического акта, подъ вліяніемъ классиковъ, которыхъ толковали въ средневѣковой школѣ, которымъ старались подражать на ихъ языкѣ. У Горация читали:

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni (Od. I, 4);
Diffugere nives: redeunt jam gramina campis
Arboribusque comae (Od. IV, 7);
Iam veris comites, quae mare temperant,
Impellunt animae lintea Thraciae;
Iam nec prata rigent, nec fluvii strepunt,
Hiberna nive turgidi (Od. IV, 12);

у Фортуната:

Tempora florifera rutilant distincta sereno,
Et majore poli lumina porta patet (III. 9)
Vere novo, tellus fuerit dum exuta pruinis,
Se picturato gramine vestit aër (VI, 1).

Веселые воганты прошли классическую школу, усвоили ея общія мѣста, ея миеологическія иллюзіи, полюбили аллегоріи и картинки природы, которыя они приводятъ въ соотношеніе съ внутреннимъ миромъ человѣка. Дѣлаютъ они это нѣсколько абстрактно, не останавливаясь на реальныхъ подробностяхъ, болѣе намѣчая настроеніе: такъ или иначе, они идутъ на встрѣчу тому народно-пѣсенному параллелизму, который зиждется на такомъ же совпаденіи, на созвучіи внѣш-

ней природы съ процессами нашей психики. Въ отрывкахъ старонѣмецкаго *Mîpensang*'а, не ощутившаго вліянія трубадуровъ и, черезъ ихъ посредство, классиковъ, параллелизмъ еще ощущается въ наивной свѣжести образовъ, какъ напримѣръ въ пѣсенкѣ о соколѣ—молодцѣ, съ которою мы встрѣтимся далѣе.

Такъ сплелась классическая традиція съ народно-пѣсеннымъ приѣмомъ и, начиная съ XII вѣка, поражаетъ насъ однообразіемъ тѣхъ запѣвовъ, которые нѣмцы называли *Natureingang*. Рядъ формулъ, банальныхъ отъ частыхъ перепѣвовъ: весна идетъ, все цвѣтеть въ природѣ, цвѣтеть и любовь; или, наоборотъ: впечатлѣнія осени и зимы сопоставляются съ грустнымъ настроеніемъ чувства. Вспомнимъ народныя параллели: дерево зеленѣетъ, молодецъ распускается для любви, или „листъ опадаетъ—милый покидаетъ“. Такихъ раздѣльныхъ аналогій въ средневѣковой художественной лирикѣ мы встрѣтимъ немного, интересъ исчерпывается общими мѣстами: весна, зима съ окружающими ихъ явленіями, съ другой стороны человѣческое чувство, то поднятое, то убитое; между отдѣльными членами параллели и ихъ образами не снуютъ нити образнаго параллелизма. Общія мѣста старофранцузской лирики, эпоса, фавліо построены по слѣдующей схемѣ: въ Апрѣлѣ

Que li tens est souez et douz
Vers toute gent et amoureux,
Li rossignols la matinée,
Chante si clair par la ramée
Que toute riens se muert d'amour.

En Avril après Mai, que la rose est florée,
Li temps se renouvelle et la jent est plus lie,
Li caudh revient et l'invers est cangie.

Ce fu el mois de Mai, ens le commencement,
Que l'erbe verde est née et la flor ensemment,
Que li rosigneus chante ens el bos hautement.
Et menu oiseillon par esbaudissement,
Que maintiennent amor bacheler de jovent.

Et on voit chez buisson florir et bourjonner,
Par chez près verdoians chez flouretes lever,
Pucheles et vallés danser et caroler,
Et toute rien fremist de joie demener.

Ближе къ стилю народной поэзіи нѣмецкая безыменная пѣсенка:

Die linde ist an dem ende nu járlane sleht und blöz.
Mich vèhet mfn geselle.

Grune stat der schöne walt.
Des suln wie nu ursen balt.

Ûf der linden obene dà sanc ein kleinez vogellin.
Vor dem walde wart ez lût:
Dô huop sich aber daz herze mfn
An eine stat, da'z ê dà was.
Ich sach die rôse bluomen stân,
Die manent mich der gedanke vil,
Die ich hin zainer frouwen hân (Dietm. von Eist 34, 3).

У Вольфрама фонъ-Эшенбахъ весеннее чувство просыпается въ параллель съ образомъ птицъ, баюкающихъ весною птенцовъ своими пѣснями (al des meigen zit si wegeten mit gesange ir kint.).

Такая отвлеченная формула параллелизма получила и другое развитіе, по идеѣ противорѣчія. Выше мы привели подходящий примѣръ, объяснивъ его умолчаніемъ одного изъ членовъ параллели: высокая верба пускаетъ широкій листь: велика моя любовь, а сердце изнываетъ въ разлукѣ (какъ листь отлетѣлъ отъ вербы. См. стр. 23 — 24). Можетъ быть, и здѣсь мы вправѣ говорить о сопоставленіи по противорѣчію: весна идетъ, моя любовь должна бы цвѣсти, но она увядаетъ; и, наоборотъ, блаженство любви окружается образами зимы, все кругомъ окончено, только не чувство. Эта игра контрастами, которую нерѣдко можно встрѣтить въ средневѣковой лирикѣ, указываетъ, что сопоставленія: весны = любви и т. д. уже сложились; они естественны, ихъ созвучія, ихъ соотвѣтствія—ожидаютъ, а его нѣтъ, и тѣ же образы сопоставляются по идеѣ противорѣчія; не на нихъ лежитъ центръ тяжести, а на анализѣ чувства, которому они даютъ виртуозное выраженіе.

Въ одномъ эпизодѣ старофранцузскаго Парсиваля Carados, застигнутый въ лѣсу бурей, спрятался отъ дождя подъ вѣтвистымъ дубомъ и предается печальнымъ думамъ о своей любви. Видитъ: на него движется что то свѣтлое, слышится пѣніе птичекъ, въ полосѣ свѣта ѣдетъ Alardin, рядомъ съ нимъ, на бѣломъ мулѣ—красавица; соловьи, жаворонки, дрозды весело несутся надъ ними, перелетая съ вѣтки на вѣтку и чирикаая, такъ что огласился весь лѣсъ. Парочка пробѣжала на разстояніи шага отъ Карадока; его привѣтъ не находитъ

отзвука; онъ мчится за удалявшимися на конѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ — и не можетъ ихъ нагнать, а они движутся впередъ, все въ томъ же сіяніи, подъ пѣніе птичекъ.

Параллель по контрасту — въ формѣ грѣзы. Очевидно, подобный приемъ могъ явиться лишь на относительно поздней стадіи развитія; весна — не въ весну — напоминаетъ и логическое построение отрицательнаго параллелизма, не сопоставляющаго, а выдѣляющаго сопоставленіемъ. Не бѣлая березка нагибается... Добрый молодець кручиной убивается.

V.

Развитіе обоихъ членовъ параллели могло быть разнообразное, смотря по количеству сходныхъ образовъ и дѣйствій; оно могло остановиться на немногихъ сопоставленіяхъ, и развернуться въ цѣлый рядъ, въ двѣ параллельныхъ картинки, взаимно поддерживающихъ другъ друга, подсказывающихъ одна другую. Такимъ образомъ изъ *параллели запѣва* могла выйти пѣсня — варьяція на его основной мотивъ. Когда хмѣль вьется по тыну, по дереву (парень увивается около дѣвушки), когда охотникъ (женихъ, свать) выслѣдилъ куницу (невѣсту), я представляю себѣ приблизительно, какъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе. Разумѣется, оно можетъ направиться и въ смыслѣ антитезы: вѣдь охотникъ можетъ настичь — или и не настичь куницу. Нѣсколько Schnaderhüpfel начинаются запѣвомъ: пара бѣлоснѣжныхъ голубковъ пролетаетъ надъ озеромъ, лѣсомъ, домомъ дѣвушки, и она раздумалась: и мой суженый — голубокъ скоро будетъ со мною! Или онъ не явится, и любви конецъ; одинъ варьянтъ развиваетъ именно эту тему; дѣвушка настроена печально; въ запѣвѣ другаго варьянта голуби даже не бѣлоснѣжные, а черные, какъ уголь.

Развитіе могло разнообразиться и иначе. Рѣчка течетъ тихо. не всколыхнется: у невѣсты-сироты гостей много, да некому ее благословить; этотъ знакомый намъ мотивъ анализуется такъ: рѣчка притихла. потому что поросла лозой, заплавали на ней челны; лозы и челны — это „чужина“, родня жениха. Пѣсенка о рутѣ, уже упомянутая нами развивается такимъ образомъ въ цѣлый рядъ варьянтовъ, вышедшихъ изъ одной темы: удаленія. разлуки. Тема эта дана въ запѣвѣ: зеленая рутонька, желтый цвѣтъ (объ ея искаженіяхъ см. выше стр. 35). Либо сама дѣвушка хочетъ удалиться, чтобы не выйти за немилаго, либо милый проситъ ее уйти съ нимъ, и этотъ варьянтъ

развивается отповѣдью: Какъ же мнѣ пойдти? Вѣдь люди будутъ дивоваться. Или невѣста не дождется жениха, матери, написала бы, да не умѣеть, пошла бы сама, да не смѣеть. Къ этому развитію примыкаетъ другое: ожидая жениха, дѣвушка свила ему вѣнки на зарѣ, сшила хустки при свѣчѣ, и вотъ она просить темную ночку помочь ей, зарю—посвѣтить. И пѣсня входитъ въ теченіе предыдущей: написала бы, да не умѣю, послала бы, да не смѣю, пошла бы, да боюсь.

Хорошимъ образцомъ цѣльной пѣсни, исключительно развившейся изъ основной параллели (соколя выбираетъ себѣ галку, Иванушка—Авдотьюшку), можетъ служить слѣдующая, записанная въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи:

- а Па надъ небисью имень соколя лятая,
 Сы палѣту чѣрныхъ галокъ выбирая,
 Онъ выбралъ сабѣ галушку сизуя,
 Онъ сизуя, сизуя, маладуя.
 Сизая галушка у сокола прашалась:
 „Атпусти мене, имень соколя, на волю,
 Охъ на волю, на волю въ чистая поля,
 Съ черными галками палатати“.
 — „Атпустилъ бы тебе, галушка, ня будишь,
 Пра мине, яснава сокола, забудишь“.
 „Права буду, имень соколя, ни забуду,
 Пра тебе ля, яснава сокола, усомню,
 Охъ, усомню, усомню, воспамяну“.
- б Па улицы, улицы шырѣкай,
 Па улицы Иванушка прашая,
 Съ карагоду красныхъ дѣвокъ выбирая,
 Онъ выбралъ себѣ дѣвушку любая,
 Охъ любая, любая, Авдотьюшку маладуя.
 Авдотьюшка у Иванушки прашалась:
 „Атпусти мине, Иванушка, у гости,
 Охъ у гости, у гости гаставати,
 А въ радимова батюшки пабывати,
 Съ подружками пагуляти“.
 — „Атпустилъ бы, тебе, Авдотьюшка, ня будишь,
 Пра мине ли, добрава молотца, забудишь“.
 „Права буду, Иванушка, ня забуду,
 Пра тебе-ли, добрава молотца, усомню,
 Охъ усомню, усомню, усомяну“.

Пѣсня развивается изъ запѣва, и запѣвъ можетъ снова вторгаться въ ея составъ, повторяясь, иногда дословно напоминая о себѣ, часто

вплетаясь въ ходъ пѣсни и согласно съ тѣмъ видоизмѣняясь, какъ въ слѣдующей моравской:

*Už ty vršky zeleňají, už to děvča namítávají,
Už ty vršky sú zelené, už je děvča namítavené;*

или въ пинской:

*Oxъ вишенька, черешенька,
Съ-нидъ кореня злывиенька,
Ой, за добрымъ жена мужемъ
Що дня вона вселенька.*

Но дерево подрублено, и пѣсня возвращается къ запѣву, варьируя его и настраиваясь на другую параллель:

*Oxъ, вишенька, черешенька,
Съ-нидъ кореня дай затаяя,
Ой, за благимъ жена мужемъ,
Що день—очи заплаканы.*

Порой измѣненія запѣва внутри пѣсни объяснимы лишь требова-
ніемъ созвучія, но при ослабленіи символическихъ отношеній трудно
опредѣлить, какая форма была первичною. Вотъ напримѣръ чешское
четверостишіе (плясовая):

*Záhon petržele
Záhon mrkve,
Nepudeme domů
Až se smrkně;*

въ другой пѣснѣ этотъ запѣвъ варьируется такъ:

*Záhon petržele,
Záhon maku,
Nechod'te k nám, hoši,
Do baraku.
Záhon petržele,
Záhon prosa,
Nechod'te k nám, hoši,
Když je rosa.
Záhon petržele
Záhon mrkve,
Ne chod'te k nám, hoši,
Až se smrkně.
Záhon petržele.
Záhon zeli,
Nechod'te k nám, hoši,
Až v nedeli.*

Ср. еще польскую пѣсенку:

*Wysoko, daleko,
Listek na jaworze,*

I ożeń się, kochanko,
 O jusci to mocny Boże.
 Wysoko, daleko,
 Listek na kalinie,
 Kto się s kim pokocha,
 To się już nie mienie.

Сходное впечатлѣніе получается, когда нѣсколько нѣмецкихъ Schnaderhüpfel, вышедшихъ изъ одного запѣва, сливаются вмѣстѣ въ одну пѣсню. Я выбралъ запѣвъ о голубкахъ:

Drei ¹⁾ schneeweiße Täuble
 Flieg'n über den Wald:
 Schön Schatz hab' ich g'hatten,
 War achtzehn Jahr alt.
Drei senecweisse Täuble
 Flieg'n hin und ä wieder:
 Die Lieb ist vergange,
 Kömmt nimmer wieder.

Къ этимъ четверостишіямъ пристраняются другія, развивающія ихъ настроеніе; отмѣчу третье:

Zu dir bin ich gange,
 Zu dir hat's mir gefreut,
 Zu dir komm ich nimmer
 'S war's letzte Mal heut.

Импровизія алтайцевъ и телеутовъ состоитъ изъ *парныхъ* четверостишій, начинающихся съ одного и того-же, нѣсколько видоизмѣннаго запѣва, что совершенно отвѣчаетъ типу спѣтыхъ вмѣстѣ Schnaderhüpfel о голубкахъ.

*Кто рассыпалъ золотые листья?
 Не бѣля-ли береза? Да, это она.
 Кто распустилъ по спивѣ волосы?
 Не жена-ли моя? Да, это она.*

*Кто рассыпалъ серебристые листья?
 Не синя-ли береза? Да это она.
 Кто распустилъ волосы на затылкѣ?
 Не моя-ли невѣста? Да, это она.*

„Бѣлый цвѣтокъ выросъ въ незнакомомъ мѣстѣ; ты, мой родной, идешь въ страну, гдѣ намъ съ тобой не поговорить“. Слѣдующее

¹⁾ Вѣроятно: Zwei, сл. выше стр. 43.

четверостишіе замѣняетъ бѣлый цвѣтокъ—синимъ, вмѣсто: погово- рить—повидаться.

Какъ исполняются эти пѣсенки, амебеино, или нѣтъ, мы не зна- емъ. Но два такихъ четверостишія, построенныхъ на тавтологіи или антитезѣ, сибѣтыя подѣ рядъ, дадутъ въ результатѣ пѣсню съ рядомъ повторяющихся *versus intercalares* — запѣвовъ: однихъ и тѣхъ-же, развивающихся, видоизмѣненныхъ, наконецъ запѣвовъ, разныхъ по содержанию, только поддерживающихъ общее настроеніе пѣсни. Съ точки зрѣнія нашей поэтики они какъ-бы сознательно возвраща- ютъ насъ къ основному мотиву, вызывая къ новому его анализу: стилистическій приемъ, выработавшійся, какъ я полагаю, изъ древ- няго чередованія хора и запѣвалы двухъ хоровъ, двухъ пѣвцовъ. Подхватывался послѣдній стихъ, либо повторялся запѣвъ; въ послѣ- довательности пѣсеннаго исполненія повторявшійся запѣвъ являлся на перебоѣ двухъ отдѣловъ, строфъ пѣсни, въ одно и то-же время и запѣвомъ и *refrain*'омъ. Ихъ исторіи другъ отъ друга не отдѣлится; къ *refrain*'у я еще вернусь въ другомъ отдѣлѣ поэтики.

Но развитіе пѣсни не остановилось въ границахъ ея основнаго мотива: психологической параллели запѣва; она нарастала новымъ со- держаніемъ, общими мѣстами, эпизодическими чертами и оборотами, знакомыми изъ другихъ пѣсень. Порой они являются у мѣста, иногда вторгаются механически, какъ вторгался символъ, развившійся въ другомъ кругѣ представленій. Иные стихи, группы стиховъ западали въ ухо, какъ нѣчто цѣлое, какъ формула, одинъ изъ простѣйшихъ элементовъ пѣсеннаго склада, и лирическая пѣсня пользуется ими въ разныхъ сочетаніяхъ, какъ эпическая тавтологіей описаній, сказка опредѣленнымъ кругомъ постоянныхъ оборотовъ. Изученіе подобнаго рода обобщенныхъ, бродячихъ формулъ положить основы народно-пѣсенной и сказочной морфологіи. Къ бродячимъ формуламъ принад- лежитъ напримѣръ третья строфа въ сводѣ изъ *Schnaderhüpfe!* ей о голубкахъ: она встрѣчается въ составѣ разныхъ нѣмецкихъ пѣсень; какъ и нѣкоторыя другія („изъ ручья напиться, дѣвушку любить“, „нѣтъ яблока безъ червя, нѣтъ дѣвушки, парня безъ обмана и др.“).

Сюда-же относятся и запѣвы, отставшіе отъ пѣсни, которую они начинали, которая изъ нихъ развилась. Слѣдующая одиночная строфа, носятъ всѣ признаки запѣва, въ родѣ нашей пѣсенки о руть:

Grüne Petersilie, du wunderschönes Kraut!
Ich habe mein Schätzel gar vieles vertraut,
Gar vieles vertraut und vieles verspricht.
Alte Liebe die rostet nicht.

Варьянты этой пѣсни начинаются жалобой дѣвушки: что такое сдѣлала я, что мой милый на меня гнѣвается?—и продолжается четверостишіемъ о Petersilie, нѣсколько измѣненнымъ, иногда ввиду дальнѣйшихъ, приставшихъ къ пѣснѣ строфъ. Въ пѣснѣ другого содержанія молодець обращается къ дѣвушкѣ: надень вѣнокъ, ты будешь мнѣ невѣстой (Rosel. pflück dir Kränzelkraut, Du sollst werden meine Braut); она отказывается, еще молода; коли такъ, отвѣчаетъ парень, то и я гордъ и не возьму тебя. Въ варьянтѣ этой пѣсни по-паль запѣвъ о Petersilie:

Petersilje, du schönes Kraut,
 Ich hab meinem Liebchen viel vertraut.
 Viel vertrauen thut selten gut,
 Ich wünsch mei'm Liebchen alles Gut.

Онъ еще явится, потому что Die alte Liebe rostet nicht. И милый дѣйствительно является, просить дѣвушку надѣть вѣнокъ: „Mädchen, pflück dein Kränzelkraut!“. Разрѣшеніе такое-же, какъ въ предъидущей пѣснѣ: дѣвушка отказывается,—а она вѣдь поджидала жениха! Едва-ли этотъ новый оборотъ мотивированъ психологически, проще объяснить его неумѣстнымъ вторженіемъ посторонняго мотива.

Образцомъ пѣсни, неорганически нарощей, могутъ служить нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше русскихъ пѣсенъ о калянѣ, либо слѣдующая:

Елычка ты сасонка,
 Ахнись и туды и сюды,
 На ўсѣ чатыри сторыны:
 Ти ўсѣ при табѣ
 Сучча—вѣтица?
 Ай, ўсѣ при мнѣ
 Сучча—вѣтица,
 Тольки нѣту макушечки,
 Залатэй вярхушечки.
 Марычка малодая,
 Пагляди на ўсѣ сторыны:
 Ти ўся при табѣ
 Твая родина?
 Ай, ўсѣ при мнѣ
 Мая родина,
 Тольки нѣту при мнѣ
 Маего батюшки.

Пѣсня разработана изъ параллели, но продолжается иногда тѣмъ, что покойный отецъ или мать просятъ у Бога поглядѣть на чадо. (см. выше, стр. 27).

Тема слѣдующей пѣсни такая: мѣсяць выводитъ зорю = звѣзду, велить ей свѣтитъ, какъ онъ свѣтитъ; женихъ приводитъ невѣсту въ отцовскій домъ, велить служить отцу, какъ онъ служить ему или служилъ тестю. Варьянтъ такой:

Уйзышоў мѣсячыкъ надъ избою,
 Юнь узвеў зориньку за сабою:
 Святи, мья зоринька, якъ я свячу,
 А ужъ мѣсячыкъ насвѣтїўся,
 Па тѣмнымъ облакамъ находїўся.
 А узѣхаў Ваньчка на батькинъ дворъ,
 Юнь узвеў Марьичку за сабою;
 Поставїў Марьичку передъ сабою:
 Стой, мья Марьичка, якъ я стаю,
 Служи маяму батюшки, якъ я служу.
 А ужъ я, молодець, васлужїўся,
 Па тѣмной ночушки наѣздїўся,
 Пригнѣнаў коника на гарамъ ѣздючи,
 Пришлѣнаў пужичку каня паганяўши,
 Я злымаў шапычку сымаючи,
 Усклычїў голоўку склыняючи,
 Устаў сапожечки скидаючи.

Одинъ варьянтъ развиваеъ, отчего усталъ женихъ:

Стой, мая Аўдуська,
 Якъ я стаю,
 Кланїйся майму батюшки,
 А я твайму (якъ я?).
 Пакланїўся я твайму батюшки;
 Стеръ—змяў шляпыншку,
 У рукахъ держалъ,
 Всѣ твайму батюшки
 Укланялсе,
 Всѣ да тебе, Аўдуська,
 Добывалсе.

Въ третьемъ варьянтѣ новыя подробности служатъ къ развитію уравненія: зори=звѣзды—невѣсты: мѣсяць вывелъ звѣзду за собою, поставилъ рядомъ,

Святи, мья зоринька, якъ я свячу.
 А ужъ ина маленька, дакъ ясенька,
 Мижъ усихъ зоричекъ ина знатненька.

Ваньчка вывелъ невѣсту, поставилъ рядомъ съ собою:

Хушъ ина хмарненька, дакъ красненька,
 Межъ усихъ дѣвычекъ ина знатненька,

Хушъ ина ниваличка, румяныя личва!

Кланійся, Дуничка, майму батюшки,
Я твайму батюшки пыклавіўся и т. д.

Если бы дѣло шло о разночтеніяхъ художественной пѣсни, записанной то въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, то съ опущеніями и развитіями, естественнѣе всего было бы предположить, что послѣдній изъ сообщенныхъ выше варьянтовъ сохранилъ болѣе цѣльный текстъ, другіе его сократили, забывъ ту или другую черту или оборотъ. Такой процессъ несомнѣнно существуетъ и въ народной пѣснѣ, чередуясь съ обратнымъ, знакомымъ и писанной поэзіи: приращеніями. Разница въ томъ, что въ послѣдней онъ всегда сознательнъ, совершается съ опредѣленною, напримѣръ, художественною цѣлью (итальян. *rifacimento*), въ народной пѣснѣ онъ настолько же служитъ ея искаженію, насколько сложенію. Я не рѣшусь, напримѣръ, сказать, какимъ изъ двухъ процессовъ объяснить лишнюю параллель нашего третьяго варьянта: А ужъ ина маленька—Хушъ ина хмарненъка; принадлежала ли она составу пѣсни, или вторглась въ него позднѣе, хотя бы и со стороны, но въ уровень съ ея образностью?

Развитіе пѣсни изъ мотива основной параллели принимаетъ иногда особья формы. Извѣстны португальскія двойныя пѣсни, собственно одна пѣсня, исполненная двумя хорами, изъ которыхъ каждый повторяетъ стихъ за стихомъ, только каждый на другія рѣимы. Иное впечатлѣніе производитъ слѣдующая лесбосекская пѣсня, также двойная. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду ея первую часть; построена она на извѣстномъ параллелизмѣ образовъ: утолить жажду=утолить любовь, дерево въ цвѣту = красавица; образы эти чередуются черезъ стихъ, такъ напримѣръ, что первый связанъ съ третьимъ (дерево), второй съ четвертымъ (дѣвушка) и т. д. Во второй части пѣсни, содержательно связанной съ первую лишь однимъ стихомъ (мои уста утолили жажду), то-же странное чередованіе, но параллелизмъ не ясенъ, господствуетъ внутренній, мѣняющійся refrain.

- 1 а Кто видѣлъ дерево въ цвѣту,
 б Дѣвушку черноглазую?
 а Дерево съ зеленой листвою,
 б Дѣвушку съ черными волосами и бровями,
 а Съ тройной вершиной,
 б Дѣвушку съ глазами, полными слезъ,
 а У подножья котораго находится
 б Ея сердце полно печали!

- а Студеный источникъ?
Кто видѣлъ такое диво?
- а Я склонился, чтобы напиться, наполнить мою чашу, —
b (Глаза, которые мнѣ милы, такіе черные!)
Чтсбъ поцѣловать ея черные глаза.
- 2 Мой платокъ упалъ,
Мои уста утолили жажду,
Шитый золотомъ,
(Какъ овъ прекрасенъ!),
Который вышили мнѣ
Три дѣвушки, распѣвая,
Какъ поютъ молодыя въ Маѣ:
Одна вышиваетъ орла
(Выйди, бѣлокурая моя, дай на себя поглядѣть!)
Другая - небо.
(Какъ сладокъ твой взглядъ!);
Одна изъ Галаты
(Не потерять бы мнѣ разсудка!),
Другая изъ новаго квартала:
То дочка хаджи Яна.

Сходная пѣсня, въ другомъ варьантѣ. поется на Олимпѣ.

VI.

Простѣйшая форма двучленного параллелизма даетъ мнѣ поводъ освѣтить, и не съ одной только формальной стороны, строеніе и психологическія основы *заговора*.

Параллелизмъ не только сопоставляетъ два дѣйствія, анализируя ихъ взаимно, но и подсказываетъ однимъ изъ нихъ чаянія, опасенія, желанія, которыя простираются и на другое. Липа всю ночь шумѣла, съ листикомъ говорила: будетъ намъ разлука—будетъ разлука и доча и съ маткой (см. нашъ № 13); либо: вишня хилится къ корню, такъ и ты, Маруся, поклонись матери, и т. д. Основная форма заговора была такая же двучленная, стихотворная или смѣшанная съ прозаическими партіями, и психологическіе поводы были тѣ же: призывалось божество, демоническая сила, на помощь человѣку; когда то это божество или демонъ совершили чудесное исцѣленіе, спасли или оградили; какое нибудь ихъ дѣйствіе напоминалось типически (такъ уже въ сумерійскихъ заклинаніяхъ),—а во второмъ членѣ параллели являлся человѣкъ, жаждущій такого же чуда, спасенія, повторенія такого же сверхестественнаго акта. Разумѣется, эта двучленность подвергалась измѣненіямъ, во второмъ членѣ эпическая канва усту-

пала мѣсто лирическому моменту моленія, по образность восполнялась обрядомъ, который сопровождалъ реальнымъ дѣйствомъ произнесенеіе заклинательной формулы. Извѣстный мерзбургскій заговоръ съ его многочисленными параллелями можетъ служить типическимъ представителемъ другихъ подобныхъ: Ъхали когда то три бога, у одного изъ нихъ конь поранилъ ногу, но богъ исцѣлялъ его; такого исцѣленія ожидаетъ и молящій объ унятіи крови. вмѣсто боговъ являлись святые, лица евангельской исторіи, каковыя событія которой, разцвѣченныя фантазіей апокрифовъ, давали порой схему заговора. Сотникъ Лонгинъ вынулъ гвозди изъ рукъ и ногъ Спасителя; пусть бы и у меня вышло изъ тѣла желѣзное острие: Longinus der jud der unserm herren Jesu Christo die nagel us zoch us henden und us füzzen—als war dis wort sien, als werlich geb mir Got hüt kraft und mach mir christenmenschen diez isen uf gän und us flaisch zö ziehen in gotes Namen. Иначе картина распятія дала образы для заговоровъ отъ кровотечеія. искажаясь до неузнаваемости: въ латышскомъ заговорѣ Іисусъ Христосъ идетъ по морскому берегу, три креста у него въ правой рукѣ: первый—вѣры, второй—повелѣнія, третій—исцѣленія. Кровь, я тебѣ повелѣваю,—остановись!

Порой заговоръ звучить, какъ пѣсенная параллель:

Какъ хмель вьется около кола по солнцу,

Такъ бы вилаась, обнималась около меня раба Божія (имя рекъ).

Въ печи огонь горить... и тлѣть дрова,

Такъ бы тлѣло и горѣло сердце у N;

но тотъ же огонь является грандіознымъ космическимъ богатиремъ, котораго молятъ укротить: а „Сядитъ багатырь огромный и магучій. Сядь, багатырь, ни кверху, ни книзу, ни на стырыну! Надъ табою стыять тучи грозныи, подъ табой стыять моря синія. агаражены вы зялѣзнымъ тыномъ.—b. Пумяни, Господи, царь Давыда, царь Кастьятина, вы укратели землю и воду, укратите этыга багатыга багатыря на етымъ мѣстѣ“.

Болѣзнь (чемерь) выбиваютъ:

а На мѣри, мѣри, на икани, staanь ракитывый кусть, на тымъ кусти ляжить голъ каминь, на тымъ камни сидять 12 молодцау, 12 багатыреу, диржать 12 малатоу, бьютъ. какъ день, какъ ночь, выбиваютъ чемиръ зъ рыжій шерсти. изъ буйный галавѣ, изъ яркыхъ вачей, изъ жилъ, изъ пажилъ, изъ лехкага вздыханія. b—Слѣдовало ожидать просьбы, чтобы изъ такого-то выбили немочь; вмѣсто того

молитва къ Богородицѣ: О. Господи! закрой и помилуй отъ усякыга упадку! Михаила, Архаила су ўсею небесною силою. Пумаги!

Пресвятая Дѣва родила безъ боли и мукъ; апокрифическая легенда знаетъ ея бабу Соломониду, ее-то могли представить себѣ собирающей лѣчебныя травы и цвѣты. но это дѣйствіе перенесли на Богородицу; мѣсто дѣйствія было на Иорданѣ, который какимъ-то образомъ смѣшанъ былъ съ Соломонидой—рѣкой, омывающей крутые берега и желтые пески. Таковъ могъ быть первоначально составъ заговора „отъ суроць“, перепутанный въ слѣдующихъ двухъ вариантахъ:

а. Присвятая Бугуродица Дѣва Марія, ты хадила и гуляла па ўсімъ па лугамъ и па райскимъ садамъ са сванмъ сынымъ Сусомъ Христомъ, съ ангилами, са архангилами и са ўсими апосталами. Вы разныя травы искали и ўси твѣты сабирали; ты, Присвятая Бугуродица, ўси твѣты тапила и ўсихъ бальныхъ лячила — палячитя и пасабитя отъ суроць (слѣдуетъ молитва І. Христу и Богородицѣ — помочь рабу Божію отъ сглаза, наговора, отъ колдуновъ, „отъ ураждѣнныхъ, отъ женскова роду“ и т. д.). Слаўная рика Ирданъ Саламанида, ты ишла па святымъ гарамъ, па жаўтымъ пискамъ, пы крутымъ биришкамъ, пу зяленымъ лужкамъ, пу махамъ, пу балотамъ, па гнилымъ калодамъ, ты змывала и мхи и балоты и гнилая калоды,—змый съ р. Б. (имя) суроць пириговорныя!—в. Ну, я пайду у рику Ирданъ воду брать, я ни самъ сабою, Божія Матирь са мною. Ава будетъ умувать, пилинами утирать, ўси яго балѣзни унимать ать видмавіщеу, ать учѣныхъ, ать ураждѣнныхъ, ать женьскихъ и т. д.

а Святая матерь Бугуродица Суса Христа парадилла, ни видала ни криви. ни боли, ни якія муки надъ сабою. Слаўна рика Вутя, слаўна рика Саламанида выхадилла зъ востока. съ биластока и са ўсихъ четырехъ сторонъ, атмывала крутыя бириги, аткрызала жаўтыя пяски. — в. Аткрый етакыму-та ать чирна глазу и сѣра глазу, сива глазу и крива глазу, желты глазу и каса глазу и ать ўсихъ разныхъ глазоу...

Къ однокленному параллелизму, о которомъ мы говоримъ далѣе, относятся тѣ формулы, въ которыхъ развита лишь первая, эпическая часть. Сличите, напримѣръ, слѣдующія заклятія отъ крови: три сестрицы прядуть шелкъ; выпрядайте его, на землю не роняйте, съ земли не поднимайте, „у раба Божія крови не бывать“; либо: „Пре-

святая мать Бугородица на залатую пряслицу прядла, нитку атарвала, кроу завязала. Сл. латышскіе заговоры: Святая Марія, Божія матеръ сидитъ на бѣломъ морѣ, держитъ въ рукѣ иголку съ бѣлою шелковою нитью, зашиваетъ всѣ жилы; либо за Иорданомъ три липы, у каждой девять вѣтвей, у каждой вѣтви по девяти дѣвушекъ, зашиваютъ, завязываютъ кровяную жилу. „Кровь остановись!“

Порой въ эту эпическую часть параллели переносится изъ второй человѣческая личность, какъ объектъ совершающагося на яву дѣйствія. Такъ въ русскомъ заговорѣ отъ жабы: „У горыди Русалими, на рикѣ Ирдани, стаить древа купаресъ; на томъ древи сядитъ птица арѣль, шипить и тирибить кактями и нахтями и падь щиками, и падь зябрами у раба Божія (имя) жабу“.—Отъ глазу. „На мыри, на кыяни, стьяу дубъ съ каринями; съ падь тога дуба бягитъ вадица кипучая и гримучая. Божескія матирь вадицу брала, на Солянської гарѣ посвещала, такога-то чиловѣка на галавѣ умывала“.

Формулы такого рода восходятъ къ двучленной и изъ нея объясняются: въ городѣ Іерусалимѣ орелъ сидитъ на деревѣ, теребитъ немочь-жабу; такъ-бы истребилась немочь у раба Божія и т. п.

VII.

Я коснусь лишь мимоходомъ явленія 3) *многочленного параллелизма*, развитаго изъ двучленного одностороннимъ накопленіемъ параллелей, добытыхъ при томъ не изъ одного *объекта*, а изъ *нѣсколькихъ*, сходныхъ. Въ двучленной формулѣ объясненіе одно: дерево склоняется къ дереву, молодець льнетъ къ милой, эта формула можетъ разнообразиться въ вариантахъ одной и той-же пѣсни: Не красно солнце выкаталоси (вѣрише: закаталоси)—Моему мужу занеможилось; вмѣсто того: Какъ во полюшкѣ дубъ шатается, какъ мой милый перемогается; либо: Какъ синь горючъ камень разгарается, А мой милый другъ размогается. — Многочленная формула сводитъ эти параллели подъ рядъ, умножаетъ объясненія и, вмѣстѣ, матеріалы анализа, какъ бы открывая возможность выбора:

Не свивайся трава со былинкой,
 Не ластися голубъ со голубкой,
 Не свикайся молодець съ дѣвицей.

Не *два*, а *три* рода образовъ, объединенныхъ понятіемъ свиванія, сближенія. Такъ и въ нашемъ № 3, хотя и не такъ ясно: хилится сосна отъ вѣтра, хилится галка, сидящая на ней, и я также хилюсь,

печалюсь, потому что далекъ отъ своихъ. Такое одностороннее умноженіе объектовъ въ одной части параллели указываетъ на бблшую свободу движенія въ ея составѣ: параллелизмъ сталъ стилистическо-аналитическимъ приѣмомъ, а это должно было повести къ уменьшенію его образности, къ смѣшеніямъ и перенесеніямъ всякаго рода. Въ слѣдующемъ сербскомъ примѣрѣ къ сближенію: вишня—дубъ: дѣвушка—юнакъ,—присоединяется и третья: шелкъ—бумбакъ, устраняющая въ концѣ пѣсни образы вишни и дуба:

Ој ти вишња, вишњица!
 Като ти се нагнула?
 — А ја сам се нагнула
 Ка бору зеленому.
 А ти, млада дѣвојка,
 К кому се привила?
 — А ја сам се привила
 К младому јунаку,
 Кот ми се привија
 И свила к бумбаку.
 Лѣпа ти је та свила,
 Још је лѣпша та мила,
 Лип ти ли је тај бумбак.
 Још је лѣпши млад јунак,
 Лѣпо ти је свилу тват,
 Још је лѣпши с милом спат,
 Лѣпо ти је с свилом шит,
 Још је лѣпше с милом бит.

Если наше объясненіе вѣрно, то многочленный параллелизмъ принадлежитъ къ позднимъ явленіямъ народно-поэтической стилистики; онъ даетъ возможность выбора, аффективность уступаетъ мѣсто анализу; это такой же признакъ, какъ накопленіе эпитетовъ или сравненій въ гомеровскихъ поэмахъ, какъ всякій плеоназмъ, останавливающаяся на частностяхъ положенія. Такъ анализируетъ себя лишь успокоившееся чувство; по здѣсь же источникъ пѣсенныхъ и художественныхъ *loci communes*. Въ одной сѣверно-русской заплачкѣ жена рекрута хочетъ пойти въ лѣсъ и горы и къ синему морю, чтобы избыть кручины; картины лѣса, и горь, и моря обступаютъ ее, но все окрашено ея печалью: кручины не избыть, и аффектъ ширится въ описаніяхъ:

И лучше пойду я съ великой кручинушки
 Я въ темны лѣсушки, горюша, и дремучи...
 И хоть въ этихъ темныхъ лѣсахъ дремучихъ
 И тамъ отъ вѣтрышка дерева шатаются

И до сырой земли деревца да приклоняются,
 И хоть шумять эти листочки зеленые,
 И поютъ да тамъ вѣдь птички жалобнѣшенько,
 И уже тутъ моя кручина не уходится...
 И стать на горюшки вѣдь мнѣ да на высокіи
 И выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью,
 Идутъ облачка оны да потихошеньку,
 И въ туманѣ пече красно это солнышко,
 И во печали я, горюша, во досадушкѣ,
 И уже тутъ моя кручина не уходится...
 И мнѣ пойти съ горя къ синему ко морюшку,
 И мнѣ къ синему, ко славному Онегушку...
 И на синемъ морѣ вода да сколыбается,
 П со желтымъ пескомъ вода да помутилася,
 И круто бьетъ теперь волна да непотѣрная,
 И она бьетъ круто во крутой этотъ бережокъ,
 И по камешкамъ волна да разсыпается,
 И ужъ тутъ моя кручина не уходится.

Это—эпическій Natureingang, многочленная формула параллелизма, развитая въ заплачку: вдова печалится, дерево клонится, солнце затуманилось, вдова въ досадушкѣ, волны расходились, расходилась и кручина.

Мы сказали, что многочленный параллелизмъ направляется къ разрушенію образности; 4) *одночленный* выдѣляетъ и развиваетъ ее, чѣмъ и опредѣляется его роль, въ обособленіи нѣкоторыхъ стилистическихъ формаций. Простѣйшій видъ одночленности представляетъ тотъ случай, когда одинъ изъ членовъ параллели умалчивается, а другой является его показателемъ; это—*pars pro toto*; такъ какъ въ параллели существенный интересъ отданъ дѣйствию изъ человѣческой жизни, которая иллюстрируется сближеніемъ съ какимъ нибудь природнымъ актомъ, то послѣдній членъ параллели и стоитъ за цѣлое.

Полную двучленную параллель представляетъ слѣдующая малорусская пѣсня: зоря (звѣзда)—мѣсяць—дѣвушка,—молодецъ (невѣста—женихъ):

- а Слава зоря до місяца:
 Ой, місяце, товаришу,
 Не заходь же ти раній мене,
 Изійдемо обое разомъ,
 Освітимо небо и землю...
- б Слава Марья до Иванка:
 Ой Иванку, мій сужений,
 Не сїдай же ти на посаду,
 На посаду раній мене и т. д.

Отбросимъ вторую часть пѣсни (b), и привычка къ извѣстнымъ сопоставленіямъ подскажетъ вмѣсто мѣсяца и звѣзды—жениха и невѣсту. Такъ въ слѣдующихъ сербскихъ и латышской пѣсняхъ павлинь водить паву, соколъ—соколицу (женихъ—невѣсту), липа (склоняется) къ дубу (какъ молодець къ дѣвушкѣ):

Paun žeta, vojno—le! na venčanje,
S sobom vodi, vojno—le, raunicu.

Ide soko, vodi sokolicu,
Blago majci! zlatna su joj krila?

Украшай, матушка, липу,
Которая посреди твоего двора;
Я видѣлъ у чужихъ людей
Разукрашенный дубъ (латышск.).

Въ эстонской свадебной пѣснѣ, приуроченной къ моменту, когда невѣсту прячуть отъ жениха, а онъ ее ищетъ, поется о птичкѣ, уточкѣ, ушедшей въ кусты; но эта уточка „обула башмачки“.—Либо: солнце закатилось: мужъ скончался; сл. олонецкое причитаніе:

Укатилось великое желанье
Оно во подушки, желанье, во глубокіи,
Въ дикіи темныя лѣса, да во дремучіи,
За горы оно, желанье, за толкучіи.

Въ моравской пѣснѣ дѣвушка жалуется, что посадила на огородѣ фіалку, ночью прилетѣли воробьи, пришли парни, все поклевали, потоптали; параллель къ знакомому намъ символу „топтанья“ умолчана. Особенно интересны въ нашемъ смыслѣ пѣсенки изъ Аннама: одночленная параллель, которая тотчасъ же понимается иносказательно: „иду къ плантаціямъ бетели и спрашиваю разсѣянно: поспѣли-ли гранаты, груши и коричневые яблоки“ (это значить: спросить у соседей, есть ли въ такомъ то домѣ дѣвушка на выданьѣ); „хотѣлось бы мнѣ сорвать плодъ съ этого лимоннаго дерева, да боюсь колючекъ“ (подразумѣвается ухаживатель, боящійся отказа).

Когда въ сербскихъ пѣсняхъ говорится о юнакѣ, ворвавшемся въ среду враговъ: Кака vatra izmedju nas dojde? либо Тале увозить Анѣлију и глумится надъ соперникомъ:

Siv sokole, dje si doletio,
Da hoćes—li zdravo izletiti
I iznjeti ticu prepelicu?

когда, обращаясь къ дѣвушкамъ, Анакреонъ представляетъ ее въ образѣ еракійскаго жеребенка, который косится на него и бѣжить,— все это отрывки сокращенныхъ параллельныхъ формулъ.

Выше было указано, какими путями изъ сближеній, на которыхъ построенъ двучленный параллелизмъ, выбираются и упрочиваются такія, которыя мы зовемъ *символами* (стр. 24 и слѣд.) ихъ ближайшимъ источникомъ и были короткія одночленные формулы, въ которыхъ лица стремились къ дубу, соколъ вель съ собою соколицу и т. п. Онѣ то и причинили къ постоянному отождествленію, воспитанному въ вѣковомъ пѣсенномъ преданіи; этотъ элементъ преданія и отличаетъ символъ отъ искусственно подобраннаго аллегорическаго образа: послѣдній можетъ быть точенъ, но не растяжимъ для новой суггестивности, потому что не покоится на почвѣ тѣхъ созвучій природы и человѣка, на которыхъ построенъ народно-поэтический параллелизмъ. Когда эти созвучія явятся, либо когда аллегорическая формула перейдетъ въ оборотъ народнаго преданія, она можетъ приблизиться къ жизни символа; примѣры предлагаетъ исторія христіанской символики.

Символъ растяжимъ, какъ растяжимо слово для новыхъ откровенной мысли. Соколъ и бросается на птицу, и похищаетъ ее, но изъ другаго. умолчаннаго члена параллели на животный образъ падаютъ лучи человѣческихъ отношеній, и соколъ ведетъ соколицу на вѣнчанье; въ русской пѣснѣ ясенъ соколъ—женихъ прилетаетъ къ невестѣ, садится на окошечко, „на дубовую причелинку“; въ моравской онъ прилетѣлъ подь окно дѣвушки, пораненный, порубаный: это ея милый. Сокола—молодца хоятъ. убираютъ, и параллелизмъ сказывается въ его фантастическомъ убранствѣ: въ малорусской думѣ молодой соколенокъ попалъ въ неволю; запутали его тамъ въ серебряныя путы, а около очей повѣсили дорогой жемчугъ. Узналъ объ этомъ старый соколъ, „на городъ—Царь-городъ наливавъ“, „жалобно квыльвѣ-проквыльвѣ“. Закручинился соколенокъ, турки сняли съ него путы и жемчугъ, чтобы разогнать его тоску, а старый соколъ взялъ его на крылья, поднялъ на высоту: лучше намъ по полю летать, чѣмъ жить въ неволѣ. Соколъ—казакъ, неволя—турецкая; соотвѣтствіе не выражено, но оно подразумѣвается; на сокола наложили путы; онѣ серебряныя, но съ ними не улетѣтъ. Сходный образъ выраженъ въ двучленномъ параллелизмѣ одной свадебной пѣсни изъ Пинской области: Отчего ты, соколъ, низко летаешь?—У меня крылья шелкомъ подшиты, ножки золотомъ подбиты.—Отчего ты, Яся, поздно пріѣхалъ?—Отецъ невырадливыи, поздно снарядилъ дружину.

Это напоминает одночленный параллелизмъ старо-нѣмецкой пѣсенки о соколѣ, котораго приручали, лелѣяли, перья котораго обвивали золотомъ (въ сербской пѣснѣ у соколицы золотыя крылья), а онъ снялся и улетѣлъ въ другія страны:

Ich zôch mir einen valken mêre danne ein jâr,
 Dô ich in gezâmete, als ich in wolte hân,
 Und ich im sîn geviedere mit golde wol bewant,
 Er huop sich ûf vil hohe und vloug in anderiu lant.

Образъ молодца подсказывается; о миломъ — улетѣвшей птичкѣ (соловьѣ, сойкѣ), которую снова заманиваютъ въ золотую, серебряную клетку, поютъ и другія народныя пѣсни; нѣмецкая отразила любовь феодальнаго общества къ охотѣ, къ соколу, какъ охотничьей птицѣ, уходомъ за которой занимались и дамы; на печатяхъ онъ нерѣдко изображается на рукѣ женской фигуры. Эти бытовые отношенія и дали всему окраску; молодець не просто ясный соколъ, а' соколъ охотничій, милая ухаживаетъ за нимъ, и горюетъ объ его отлетѣ.

Но тотъ же образъ могъ вызывать и другое развитіе, въ уровень съ абстракціями искусственной поэзіи и въ разрѣзъ съ требованіями прозрачности поэтическаго сопоставленія. Когда въ *Minne-Falkner* соколиное дѣло является аллегоріей любовныхъ отношеній, то это такъ же искусственно, какъ въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* сравненіе перстовъ, возлагаемыхъ на струны, съ десятью соколами, которыхъ напустили на стадо голубей. Съ нѣкоторыми вырожденіями символики сокола мы уже познакомились выше.

Роза представляетъ еще болѣе яркій примѣръ растяжимости символа, отвѣтившаго на самыя широкія требованія суггестивности. Южный цвѣтокъ былъ въ классическомъ мірѣ символомъ весны и любви и смерти, возстающей весною къ новой жизни; его посвятили Афродитѣ, имъ же вѣнчали въ поминальные дни, *Rosalia*, гробницы умершихъ. Въ христіанской Европѣ послѣднія отношенія были забыты, либо пережили въ видѣ обломковъ, суевѣрій, гонимыхъ церковью: наши русалки (души умершихъ, которыхъ поминали когда то жертвою розъ) и названіе Пятидесятницы: *Pascha Rosagum*—далекія отраженія языческихъ *Rosalia* ¹⁾. Но роза, какъ символъ любви, принялась на почвѣ западной народнои поэзіи, проникая частями и въ русскую пѣсню, вторгаясь въ завѣтную символику руты и калины. За то про-

¹⁾ Къ вопросу о русалияхъ-русалкахъ сл. теперь А. Панлова, *Номоканонъ при большомъ Требникѣ*, стр. 446 слѣд.

изошло новое развитіе, можетъ быть, по слѣдамъ классическаго мѣа о розѣ, разцвѣтшей изъ крови любимца Афродиты, Адониса: роза стала символомъ мученичества, крови, пролитой Спасителемъ на крестѣ; она начинаетъ служить иносказаніямъ христіанской поэзіи и искусства, наполняетъ житія, разцвѣтаетъ на тѣлахъ святыхъ. Богородица окружена розами, она сама зачата отъ розы, розовый кустъ, изъ котораго выпорхнула птичка—Христось. Такъ въ нѣмецкихъ, западно-славянскихъ и пошедшихъ отъ нихъ южнорусскихъ пѣсняхъ. Символика ширится, и символъ Афродиты разцвѣтаетъ у Данте въ гигантскую небесную розу, лепестки которой святыя, святая дружина Христова ¹⁾).

Вернемся еще разъ къ судьбамъ одночленнаго параллелизма. Выдѣляясь изъ народной формулы, онъ стоитъ за опущенную параллель. иногда смѣшиваясь съ ней—подъ вліяніемъ ли аффекта, привычки къ парнымъ, отвѣчающимъ другъ другу образамъ—или по забвенію? Когда въ свадебной пѣснѣ говорилось о желтомъ цвѣткѣ руты, символѣ дѣвственности, отчужденія, разлуки—и далѣе о пути—дорогѣ, образы сплачивались въ синкретическую формулу: „далекая дороженька, жовтій цвѣтъ“ ²⁾).

Но я имѣю въ виду другаго рода смѣшенія, когда параллельная формула проникается не только личнымъ содержаніемъ опущенной, но и ея бытовыми, реальными отношеніями. Соколь въ неволѣ—это казакъ въ неволѣ; онъ *ведетъ* соколицу, павлинъ паву—на *отнчаніе*. Такъ и въ слѣдующей хорватской пѣснѣ:

Dva cvijeta u bostanu rosła,
Plavi zumbul ³⁾ i zelena kada ⁴⁾;
Plavi zumbul ode na Doljane,
Osta kada u bostanu sama;
Posućuje zumbul za Doljana:
Dušo moja, u bostanu kada и т. д.

Поэтический символъ становится поэтической *метафорой*; ею объясняется обычный въ народной пѣснѣ приемъ, унаслѣдованный художественною поэзіей: обращаются къ цвѣтку, розѣ, ручью, но развитіе идетъ далѣе въ колеяхъ человѣческаго чувства, роза распускается для васъ, она вамъ отвѣчаетъ или вы ждете, что она отзовется.

¹⁾ См. мою замѣтку: Къ поэтикѣ розы, Привѣтъ 1898 г., стр. 1 слѣд.

²⁾ См. выше стр. 35.

³⁾ Гіацинтъ.

⁴⁾ Родъ нарцисса.

Примѣры взяты нами изъ новогреческихъ пѣсень. „По сосѣдству дерево, оно скрипитъ, и всякій скрипъ его отзывается въ моемъ сердцѣ (ἐδῶ 'ε τοῦτην τὴν γειτονίαν ἕναν δένδρο καὶ τρίζει, Κη ἀπὸ τὸ τρίσμα τὸ πολὺ εἰς τὴν καρδίαν μ' ἐγγίζει). Деревцо мое зеленое, студеныи ручей, какъ подумаю я о тебѣ, мои уста сохнутъ, ощущая жажду (Δένδρο μου χρυσοπράσινον καὶ δρυσερή μου βρύση, Ὅταν σε θέλω θυμηθῆ, τὸ στόμα μ' ἀποφρῶσσει). Апельсинное дерево, отягченное плодами, цвѣтушій померанецъ, ты предалъ меня, юношу, въ твои собственные терзанія (Ἐ νερανζιά με τὸν καρπὸν καὶ λειμονιά με τ' ἄνθη, Ποῦ ἔβλας ἔμεν τὸν νιὸ εἰς τα δικά σου πάθη). О цвѣтушая роза, цвѣтокъ изъ цвѣтовъ, пусть будетъ такъ, чтобы не видать было, что я не владѣю болѣе твоею любовью (Ἐ ῥόδο μου ξεφούντατο, λονλοῦδι μέσα τ' ἄνθη, Μηδὲν φανῆ ἢ ἀγάπη σου ὄτι ἀπὸ μένα ἔχθη). Густолиственное мое орѣховое дерево, желалъ бы я усьѣться подъ тобою и поцѣловать твои губки до крови (Δεφτοκαρυά μου φουντωτή, νὰ κάθομαιν σὺμά σου, Νὰ δάγκωνα τὰ χειλή σου, νὰ σταλαῖε τὸ αἷμα).—Пришелъ май, покрылась цвѣтами поляна и цвѣтеть въ моемъ сердцѣ роза, поется въ одной нѣмецкой пѣснѣ:

Ein edles röslen zarte
 Von roter Farbe schön
 Blüet in meins Herzens Garte,
 Für alle Blümlein ich's krön.

У Шота Руставели Автандилъ сиѣшить на свиданіе къ *розѣ* (Тинати-нѣ), онъ плачетъ о ней: кристаллы (глаза) росили о *розѣ*; завядшая *роза* вздыхающая между терній—это Таріэль. Восточный селамъ основанъ на подобныхъ перенесеніяхъ. Многія изъ этихъ формулъ естественно сводятся къ двучленному типу: дерево сохнетъ, гнется (трещить): печально мое сердце; липа говоритъ съ листомъ (дѣвушка съ матерью), калина отказывается цвѣсти (дѣвушка любить и т. д.). При невыраженности параллели, обращеніе къ цвѣтку—милый производитъ впечатлѣніе чего то антропоморфическаго. Но это не синкретизмъ древней *метафоры*, отразившій въ формахъ *языка* такое же синкретическое пониманіе жизни, и не антроморфизмъ стараго вѣрованія, населившаго каждое дерево гамадридой, а *поэтическая метафора*, новообразование, являющееся въ результатѣ продолжительнаго стилистическаго развитія; формула, оживающая въ рукахъ поэта, если въ образахъ природы онъ съумѣетъ найти симпатическій откликъ теченія своего чувства.

Формула *басни* входитъ въ ту-же историческую перспективу и

подлежитъ той же оцѣнкѣ: въ основѣ древнее анимистическое сопоставленіе животной и человѣческой жизни, но нѣтъ нужды восходить къ посредству зоологической сказки и мифа, чтобы объяснять себѣ происхожденіе схемы, которой мы такъ же естественно подсказываемъ человѣческую параллель, какъ не требуемъ комментарія къ образу розы—дѣвушки.

И такъ: поэтическая метафора — одночленная параллельная формула, въ которую перенесены нѣкоторые образы и отношенія умолчаннаго члена параллели. Это опредѣленіе указываетъ ея мѣсто въ хронологіи поэтического параллелизма. Аристотель не имѣлъ ввиду этого хронологическаго момента, когда говорилъ о метафорѣ по аналогіи (Поэтика, гл. XXI): „Аналогія возникаетъ, утверждаясь онъ, когда 2-ой членъ находится къ 1-му въ такомъ же точно отношеніи въ какомъ 4-ый—къ 3-му, ибо въ такомъ случаѣ вмѣсто 2-го можно поставить четвертый, а вмѣсто четвертаго — второй. Иногда прибавляютъ къ метафорѣ нѣчто, относящая не до нея, а до того, вмѣсто чего она стоитъ. Вотъ примѣръ: чаша находится въ такомъ же отношеніи къ Діонису, въ какомъ щитъ къ Арею. Слѣдовательно можно назвать щитъ—чашей Арея, а чашу щитомъ Діониса. Другой примѣръ: что старость для жизни, то вечеръ для дня. Слѣдовательно, вечеръ можно назвать старостью дня, а старость—вечеромъ жизни, или какъ у Эмпедокла употреблено: *βορρᾶς βίον*, заходъ жизни (вмѣсто старости). Для нѣкоторыхъ словъ нѣтъ установленной аналогіи, тѣмъ не менѣе употребляется соответственное метафорическое выраженіе. Такъ „сбѣять“ значитъ разбрасывать „сбѣмена“, но нѣтъ глагола, выражающаго распространеніе солнечныхъ лучей. Такъ какъ дѣйствіе разбрасыванія находится въ одинаковомъ отношеніи какъ къ сбѣменамъ, такъ и къ солнечному свѣту, то поэтъ имѣлъ право сказать: „сбѣявши божественный свѣтъ“.—Этимъ родомъ метафоры можно пользоваться еще и иначе, именно прибавляя слово, отрицающее какое нибудь существенное качество предмета; если напримѣръ, щитъ назвать не чашей Арея, а „чашею безъ вина“. Другіе примѣры метафоры даны въ Реторикѣ III, II: *τόσον = φόρμυξ ἄχουδος, ἐρείπιον = βᾶχος οἰχίας*.

Едва ли „чаша безъ вина“ будетъ поэтическимъ образомъ при Ареѣ, но такое формальное развитіе возможно, народная пѣсня знаетъ такія внѣшнія перенесенія, которыя можно продолжать напримѣръ и для Аристотелевскаго примѣра о Діонисѣ и Ареѣ: стоитъ только примѣнить нѣкоторые изъ атрибутовъ перваго ко второму,

или наоборотъ. Тучи находятъ=сваты идуть, поется въ малорусской свадебной пѣснѣ; отъ тучъ можно оборониться, со сватами поговорить отецъ. Въмѣсто того получается такая формула: отецъ поговорить съ тучей:

Ой чи не чуешь ти, Меласю,
Що съ синего моря туча йде?..
Я же тиі тучі не боююь,
Е в мене від тучі батенько,
Він з тиею тучею поговоре,
Він мене обороне.

Разумѣется, на этомъ пути можно было дойти и до тѣхъ искусственныхъ, вымышленныхъ сближеній, которые лежатъ въ основѣ нѣкоторыхъ сѣверныхъ *kenningar* и сродныхъ имъ выраженій, основанныхъ на одночленной параллели, сокращенной до значенія эпитета. Воинъ высится между другими въ битвѣ, дерево высится надъ другими въ лѣсу; отсюда названіе для воина: дерево битвы; вѣтеръ рветъ паруса, волкъ добычу: отсюда: вѣтеръ — волкъ парусовъ; корабль—морской жеребецъ, исполинъ—китъ поля (*hraunvalr*). Нѣчто подобное наблюдается въ метафорическомъ языкѣ Ригведы: солнечный конь (бьетъ какъ) стрѣла, прекрасенъ, какъ дѣва; отсюда: стрѣла=дѣва; либо: вмѣсто шума, молитвы употребляется метонимически: камень—и становится возможной формула: говорить, сказывать камень (=молитву) и т. п.

Это почти загадка, какъ пѣсенки изъ Аннама, приведенныя выше, но вѣдь и извѣстный типъ *загадки* покоится на одночленномъ параллелизмѣ, при чемъ образы сознательно умолчаннаго члена параллели, который приходится угадать, переносятся порой на тотъ, который и составляетъ загадку. (Сл. Аристотель, Риторика III, 2: загадка — „хорошо составленныя метафоры“). Перенесеній нѣтъ, напротивъ, въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Es kam ein Vogel federlos,
Dass auf dem Baume blattlos,
Da kam die Jungfer mundlos
Und frass den Vogel federlos
Von dem Baume blattlos.

(Солнце растопляетъ снѣгъ на безлиственномъ деревѣ).

Bjela njivo, crno sjeme, star bio tko ga sio; разгадка въ умолчанной параллели: бѣлая хартія, черныя письма; см. *Campro bianco e semenza nera, Due la guarda e cinque la mena*: бумага, письмо, глаза, перо (сходная загадка встрѣчается у литовцевъ, во Франціи и

Англи). Или: Jedna glava voska svemu svietu dosta (мѣсяць въ небѣ, свѣча въ дому). Но загадка: „что въ избѣ за бычій глазъ?“ указываетъ на перевесеніе: сучекъ въ стѣнѣ—глазъ у быка, какъ и слѣдующія: красная дѣвушка по небу ходитъ (солнце). „мѣсяць новецъ, днемъ на полѣ блещетъ, къ ночи на небо сметѣлъ“ (серпъ). Иныя загадки напоминаютъ образность пѣсенныхъ запѣвовъ: замутилася вода съ пескомъ (ссора мужа и жены); роса падаетъ на зарѣ, мѣсяць застаётъ ее, солнце сушитъ, крадетъ; вмѣсто того — одночленная параллель, загадка на тему росы: „заря заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяць видѣлъ, а солнце скрало“.—Иногда загадка построена на выключеніяхъ: рябо—да не песь, зелень, да не лукъ, вертится, какъ бѣсъ и повертка въ лѣсъ (=сорока); „Красна, да не дѣвка, зелена, да не дубрава“ (морковь).

VIII.

Загадка, построенная на выключеніи, обращаетъ насъ еще къ одному типу параллелизма, который намъ остается разобрать: 4) *къ параллелизму отрицательному*. „Крѣпокъ—не скала, реветъ—не быкъ“. говорится въ Ведахъ; это можетъ послужить образцомъ такого же построенія параллелизма, особенно популярнаго въ славянской народной поэзіи. Принципъ такой: ставится двучленная, или и многочленная формула, но одна или однѣ изъ нихъ устраняются, чтобы дать вниманію остановиться на той, на которую не простерлось отрицаніе. Формула начинается съ отрицанія, либо и съ положенія, которое вводится нерѣдко съ знакомъ вопроса.

Не бѣлая березка нагибается,
 Не шатучая осина разшумѣлася,
 Добрый молодець кручиной убивается.

Какъ не бѣлая березанька со липой свивалась,
 Какъ въ пятнадцать лѣтъ дѣвица съ молодцемъ свивалась.

Не березынька шатается,
 Не кудрявая свивается,
 Какъ шатается, свивается,
 Твоя молода жена.

Не бывать вѣтрамъ—да повѣяли,
Не бывать-бы боярамъ, да понаѣхали.

Не громъ гремитъ, не стукъ стучить,
Говорить тутъ Ильюшка своему батюшкѣ.

Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,
Не черный воронъ тутъ выпархивалъ.
Выѣзжаетъ тутъ злой татарченкокъ.

Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Выѣзжалъ Добрыня Никитичъ младъ.

Что не бѣлъ въ полѣ забѣлѣлася,
Забѣлѣлася ставка богатырская,
Что не синь въ поляхъ засинѣлася,
Засинѣлися мечи булатные,
Что не красъ въ полѣ закраснѣлася,
Закраснѣлась кровь со печенью.

Изъ-за горъ было, горъ высокиихъ,
Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
Не бѣла заря занималася,
Не красно солнце выкаталося,
Выѣзжалъ тутъ добрый молодець
Добрый молодець, Илья Муромецъ.

Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,
Слеталися, сходилися два удалые витязи.

Не орелъ подъ сѣни подлетѣлъ,
Ванька по сѣнямъ походилъ.

Ни въ тереми свѣчка ни жарка гарить,
Ни жарка, ни полыми въспыхивать,
Въ тереми Настасьюшка пичальна сидить,
Жалостна, пичальна рѣчи гаворить.

Ни трубушка трубить
Рано на зарѣ,
Плакала Марьюшка на русый каѣ.

Не ручей да бѣжитъ, быстра эта рѣченька,
Это я, бѣдна, слезами обливаюся,
И не гоубкая осина разстонулася.
Эта зла моя кручина расходилася.

Ой то не огни пылали, не туманы уставали,
 Якъ изъ города, изъ тяжкой неволи,
 Тры братки втикали.

Не вербы жъ то шумили и не галки закричали,
 Тожь казаки зъ ляхами пиво варить зачинали.

(Сербскія).

Dva su bora napređo rosla,
 Medju njima tankovrha jela;
 To ne bila dva bora zelena,
 Ni medj' njima tankovrha jela,
 Već to bila dva brata rođena,
 Medju njima sestrica Jelica

Ili grmi, il' se zemlja trese,
 Il' udara more u bregove?
 Niti grmi, nit' se zemlja trese,
 Već dijele blago svetitelji

Jali grmi, jal' se zemlja trese.
 Jal' se bje more o mramorje?
 Jal' se biju na Popina vile?
 Niti grmi и т. д.

Zakukala crna kukavica,
 Kad joj roka ni vremena njima...
 Ono nije crna kukavica,
 No je majka Beke Turčinova.

Šta se sjaji kroz gora zelenu?
 Da l' je sunce, da l' je jasen mesec?
 Nit' je sunce, nit' je jasen mesec,
 Već zet šuri na vojvodstvo ide.

(Чешская).

U našeho jazera,
 Stóji lipka zelena,
 A na téj lipé. na téj zelenéj,
 Zpívaju tři ptačkove;
 A nej-u ptačkove,
 To jsu šohajičkove,
 Rozmluvaju o švarnej děvčine,
 Keremu se dostane

Mit Lust thät ich ausreiten
 Durch einen grünen Wald,
 Darin da hört ich singen
 Drei Vöglein wohlgestalt;
 So sein es nit drei Vögelein,
 Es seín drei Jungfräulein.

Блѣють цвѣты на горѣ,
 Черемуха ли эта цвѣтетъ, или яблоня?
 Не цвѣтетъ ни черемуха, ни яблоня,
 А бѣѣтся сама братнина сестра (латышская).

Отрицательный параллелизмъ встрѣчается въ пѣсняхъ литовскихъ, новогреческихъ, рѣже въ нѣмецкихъ; въ малорусской онъ менѣе развитъ, чѣмъ въ великорусской. Я отличаю отъ него тѣ формулы, гдѣ отрицаніе падаетъ не на объектъ или дѣйствіе, а на сопровождающія ихъ количественныя или качественныя опредѣленія: не *столько*, не *такъ* и т. п. Такъ въ Иліадѣ, XIV, 394, но въ формѣ сравненія: съ *такою* яростью не реветъ, ударяясь о каменистый берегъ, волна, поднятая на морѣ сильнымъ дуновеніемъ сѣвернаго вѣтра; *такъ* не воетъ пламя, надвигаясь съ шипячими огненными языками; ни ураганъ, ... *какъ* громко раздавались голоса троянцевъ и данаевъ, когда съ страшнымъ кликомъ они свирѣпствовали другъ противъ друга. Или въ VII сестинѣ Петрарки: „Не *столько* звѣрей таитъ морская пучина, не *столько* звѣздъ видитъ надъ кругомъ мѣсяца ясная ночь, не *столько* птицъ водится въ лѣсу, ни злаковъ на влажной полянѣ, *сколько* думъ приходитъ ко мнѣ каждый вечеръ“ и т. п.

Можно представить себѣ сокращеніе дву—или многочленной отрицательной формулы въ одночленную, хотя отрицаніе должно было затруднить подсказываніе умолчаннаго члена параллели: не бывать вѣтрамъ, да повѣяли (—не бывать бы боярамъ, да понаѣхали); или въ Словѣ о Полку Игоревѣ: не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, (галичь стады бѣжать къ Дону великому).—Примѣры отрицательной одночленной формулы мы встрѣчали въ загадкахъ.

Популярность этого стилистическаго приѣма въ славянской народной поэзіи дала поводъ къ нѣкоторымъ обобщеніемъ, которыя придется если не устранить, то ограничить. Въ отрицательномъ параллелизмѣ видѣли что то народное или расовое, славянское, въ чемъ типически выразился особый, элегическій складъ славянскаго лиризма. Появленіе этой формулы и въ другихъ народныхъ лирикахъ вводить это объясненіе въ надлежащія границы; можно говорить развѣ

о большемъ распространеніи формулы на почвѣ славянской пѣсни, съ чѣмъ вмѣстѣ ставится вопросъ о причинахъ этой излюбленности. Психологически на отрицательную формулу можно смотрѣть, какъ на выходъ изъ параллелизма, положительную схему котораго она предполагаетъ сложившеюся. Та сближаетъ дѣйствія и образы, ограничиваясь ихъ парностью или накопляя сопоставленія: не то дерево хилится, не то молодецъ печалится; отрицательная формула подчеркиваетъ одну изъ двухъ возможностей: не дерево хилится, а печалится молодецъ; она утверждаетъ, отрицая, устраняетъ двойственность, выдѣляя особь. Это какъ бы подвигъ сознанія, выходящаго изъ смутности сплывающихся впечатлѣній къ утверженію единичнаго; то, что прежде врывалось въ него, какъ соразмѣрное, смежное, выдѣлено, и если притягивается снова, то какъ напоминаніе, не предполагающее единства, какъ сравненіе. Процессъ совершился въ такой послѣдовательности формулъ: человекъ: дерево; не дерево, а человекъ; человекъ, какъ дерево. На почвѣ отрицательнаго параллелизма послѣднее выдѣленіе еще не состоялось вполне: смежный образъ еще витаетъ гдѣ-то вблизи, видимо устранный, но еще вызывая созвучія. Понятно, что элегическое чувство нашло въ отрицательной формулѣ отвѣчающее ему средство выраженія: вы чѣмъ-нибудь поражены, неожиданно, печально, вы глазамъ не вѣрите: это не то, что вамъ кажется, а другое, вы готовы успокоить себя иллюзіей сходства, но дѣйствительность бьетъ въ глаза, самообольщеніе только усилило ударъ, и вы устраняете его съ болью: то не березынька свивается, то свивается, кручинится твоя молодая жена!

Я не утверждаю, что отрицательная формула выработалась въ сферѣ подобныхъ настроеній, но она могла въ ней воспитаться и обобщиться. Чередуваніе положительнаго параллелизма, съ его прозрачною двойственностью, и отрицательнаго, съ его колеблющимся, устраняющимъ утвержденіемъ, даетъ народному лиризму особую, расплывчатую окраску. Сравненіе на такъ суггестивно, но оно положительно.

На значеніе 5) *сравненія* въ развитіи психологическаго параллелизма указано было выше. Это уже прозаическій актъ сознанія, разчленившаго природу; сравненіе—та же метафора, но съ присоединеніемъ (частицъ сравненія?) говоритъ Аристотель (Rhet. III, 10); оно болѣе развито (обстоятельно) и потому менѣе нравится; не говорить: это = *то-то*, и потому умъ не ищетъ и *этого*. — Поясненіемъ можетъ служить примѣръ изъ 6-й главы: *левъ* (=Ахиллъ) ринулся—

и Ахиллъ ринулся, *какъ левъ*; въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ уравненія (это=то-то) и образъ льва (то-то) не останавливаетъ вниманія, не заставляетъ работать фантазію. Въ гомерическомъ эпосѣ боги уже выдѣлились изъ природы на свѣтлый Олимпъ, и параллелизмъ является въ формахъ сравненія. Позволено ли усмотрѣть въ послѣднемъ явленіи хронологическій моментъ, — я сказать не рѣшаюсь.

Сравненіе не только овладѣло запасомъ сближеній и символовъ, выработанныхъ предыдущей исторіей параллелизма, но и развивается по указаннымъ имъ стезямъ; старый матеріалъ влился въ новую форму, иныя параллели укладываются въ сравненіе, и наоборотъ, есть и переходные типы. Въ пѣснѣ о вишнѣ, напримѣръ ¹⁾, къ параллели: вишня и дубъ=дѣвушка: молодець третье сближеніе пристраивается уже какъ сравненіе (Кат се привија — И свила къ бумбаку). Такъ и въ слѣдующей пѣснѣ:

Jer se digla magla od Kotara,
A kroz maglu sijevaju munje.
Što se ona magla podignula,
To se digla praha ot kopita,
Što kroz maglu sijevaju munje,
To s'jevaju toke na junacim.

Выраженіе нашихъ былинь: „спѣла тетивочка“ не что иное, какъ отложеніе параллели: человѣкъ поетъ: тетива звенитъ, поетъ. Образъ этотъ можно было выразить и сравненіемъ, напримѣръ въ Ригведѣ: тетива шепчетъ, говоритъ, какъ дѣва; точно богиня заворковала натянутая на лукъ тетива (см. тамъ же: стрѣла, какъ птица, ея зубъ точно зубъ дикаго звѣря); луки щебещуть, словно журавли въ гнѣздѣ:

da begunden snateren die bogen
so die Storche im Neste (Нибелунги),

какъ и у Гомера:

δεξιτερῆ δ' ἄρα χειρὶ λαβὼν περὶ ἴσαστο νεύρης,
ἣ δ' ἄρα καλὸν ἄεισε γελιδόνι εἰκέλη αὐτῆν (Od. XXI, 410—11).

Въ олонецкомъ причитаніи вдова плачется, *какъ кукушка*, но сравненіе перемежается образомъ, выросшимъ изъ параллели: вдова = кукушка.

Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка,
Тосковать буду подь костѣватымъ окошечкомъ,

¹⁾ См. выше, стр. 55.

Коковать буду, горюша, подь околочкой,
 Какъ несчастная кокоша на сыромъ бору...
 На подсушней сижу на деревиночкѣ,
 Я на горькой сижу да на осиночкѣ.

Многочленному параллелизму отвѣчаетъ такая-же форма развитаго сравненія (напримѣръ у Гомера. въ англосаксонскомъ эпосѣ и т. д.), съ тою разницею, что, при сознательности самого акта, развитіе является болѣе синтаксически-сплоченнымъ, а личное сознание выходитъ изъ границъ традиціоннаго матеріала параллелей къ новымъ сближеніямъ, къ новому пониманію образовъ и виртуозности описаній, довлѣющихъ самъ себѣ. Въ Иліадѣ II, 144 слѣд. два сравненія идутъ подь-рядъ, заимствованныя отъ образа вѣтра; тамъ же 455 слѣд. впечатлѣніе ахейской рати и ея вождей выражено въ шести сравненіяхъ, взятыхъ отъ огня, птицъ, цвѣтовъ, мухъ, пастуховъ и быка. Позднѣе это накопленіе сравненій становится формулой, едва ли служащей цѣли единства впечатлѣнія (сл., напримѣръ, Макферсона, Шатобриана и др.). Эпическая обстоятельность, такъ называемая *retardatio*—поздній стилистическій фактъ. Слѣдующіе примѣры, взятые главнымъ образомъ изъ Гомеровскихъ поэмъ, отвѣтятъ за многіе другіе.

Какъ море, надвигаясь волна за волной, взволнованное зефиромъ, бьется объ утесистый, звонко отзывающійся берегъ, и сначала высоко вздымется, затѣмъ, разбившись о твердыню, громко реветъ, крутясь вокругъ мыса и далеко извергая соленую воду,—такъ шли Данаи (Ил. IV, 422). Безпокойство ахейцевъ сравнивается (Ил. IX, 4) съ бурнымъ моремъ, взволнованнымъ западнымъ и сѣвернымъ вѣтрами и выбрасывающимъ на берегъ морскую траву. Пенелопа плачетъ, что снѣгъ таетъ; это развито такимъ образомъ (Од. XIX, 205 слѣд.):

Какъ таетъ

Снѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплоноснымъ
 Эвромъ согрѣтый и прежде туда нанесенный Зефиромъ,
 Имъ-же растаяннымъ рѣки поливаютъ и льются быстро,
 Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лилися
 Слезы печали.

Битва сравнивается съ вихремъ, ломающимъ деревья, которыя по этому поводу и упоминаются раздѣльно: тутъ и питательный ясенъ. и дѣрець съ плотною корою (Ил. XVI, 765 слѣд. Сл. такія же реторически развитыя сравненія Ил. IV. 141 слѣд.; XVI 385 слѣд.). Бытовья впечатлѣнія, окружавшія пѣвца, вторгались въ его сравненія, и параллелизмъ обогащался сценами, всегда реальными, если не

всегда поэтичными. Тревожимый думами Одиссей не находитъ себѣ покоя на ложѣ, вращаясь, какъ кусокъ мяса на вертелѣ (Од. XX, 25 слѣд.):

Какъ на огнѣ, разгорѣвшемся ярко, вращаютъ полный
Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобы отовсюду
Могъ быть онъ вкусно и сочно обжаренъ, огнемъ непрожженный,
Такъ на постелѣ вращался онъ, безпрестанно тревожась
Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному съ жениховъ многочисленной
Шайкою сладить.

„Запѣвы“ сравненія облекаются порой въ одну и ту же форму (какъ сѣв. svâ er, sem): „Какъ человекъ даетъ мужамъ шкуру большого быка, текущую тукомъ, дабы они растянули ее, а они, разоидясь въ кругу, тянуть ее, пока не исчезнетъ сырость и не сойдетъ жиръ,—такъ на небольшомъ пространствѣ тянули оба въ ту и другую сторону тѣло Патрокла“ (Ил. XVII, 399 слѣд.), „Какъ человекъ, искусный объѣзжать коней, запряжетъ четверню и стремительно ѣдетъ по столбовой дорогѣ съ поля въ городъ, и многіе мужи и жены дивятся ему, а онъ попеременно скачетъ съ одного коня на другаго, пока они летятъ впередъ, — такъ, широко разставляя ноги, шагаль Аяксъ съ одной палубы на другую“ (Ил. XV, 679 слѣд.). Боли роженцы сравниваются съ болью отъ раны (Ил. XI 219); Одиссей, спрятавшійся въ ворохѣ листьевъ,—съ тлѣющею головней, которую мужъ спряталъ въ золѣ на краю поля, чтобы такимъ образомъ сохранить огонь и не искать его вдали, коли нѣтъ сосѣдей.

Многое отзывается искусственностью, придуманностью, тогда какъ въ другихъ случаяхъ вѣдетъ непосредственностью народно-поэтической параллели: героя со львомъ (Ил. XX, 164 слѣд.; сл. V, 782 слѣд.; IV, 253), или съ кабаномъ, какъ въ французскомъ эпосѣ; Одиссей сравниваетъ Навзикаю съ финиковою пальмою, видѣнною имъ въ Делосѣ у алтаря Аполлона (Од. VI, 162); красавица французской Chanson de geste алѣе розы на кустѣ, бѣлѣе снѣга; голова героя склоняется, какъ головка мака (Ил. VIII, 306):

Словно какъ макъ въ цвѣтникѣ наклоняетъ голову на бокъ,
Пышный, плодомъ отягченный и крупною влагой весенней,
Такъ онъ голову на бокъ склонилъ, отягченную шлемомъ.

Это напоминаетъ параллель: хилиться=склониться, какъ приближенію листа — дѣвочки по идеѣ удаленія, разлуки, данъ иной оборотъ, въ превосходномъ сравненіи:

Листьямъ въ дубравахъ древеснымъ подобны сыны человекъвъ:
Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,

Вновь разцвѣтая, рождаетъ, и съ новой весной возрастаютъ;
Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ. (Ил. VI, 146).

Сл. Ил. XXI, 464. „Я мала (безпомощна), какъ листокъ“ (nú em ek svá litil sem lauf sé opt jölstrum. Guð. I, 19, 5), говорится въ пѣсенной Эддѣ, одинока, какъ осина въ лѣсу, безъ вѣтвей и листьевъ (einstoett em ek ordin sem osp í holti, fallin at fraendum sem fura at kvisti, vaðin at vilja sem vider at laufi. Namð. 5),—какъ вдова русскаго причитанья, кукующая на осиночкѣ.

Радостныя слезы Одиссея и Телемаха въ сценѣ признанія (Од. XXVI, 216) вызываютъ въ памяти жалобный клехтъ птицъ, морскихъ орловъ или кривокогитыхъ ястребовъ, у которыхъ крестьяне похитили птенцовъ, еще не умѣвшихъ летать, тогда какъ заботы Ахилла о своихъ людяхъ подъ Троей, среди безсонныхъ ночей и бранныхъ подвиговъ, напоминаютъ образъ птицы, пекущейся о своихъ дѣтенышахъ, которымъ она приноситъ пищу, забывая себя.

Иные изъ этихъ образовъ намъ до сихъ поръ суггестивны, другіе понятны, но ихъ поэтическая суггестивность исчезла, потому что наше понятіе о героѣ стало болѣе исключительнымъ, чтобы не сказать салоннымъ, да и въ природѣ умалился элементъ свободы и героизма съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ овладѣлъ ею, пересадилъ въ свои сады и стойла. Мы не сравнимъ болѣе витязя съ гончимъ псомъ, какъ часто въ Иліадѣ (VIII, 338; X, 360; XV, 579; XVII, 725 слѣд.; XXII, 189), или въ пѣснѣ о Роландѣ:

Si com li cerfs s'en vait devant les chiens,
Devant Rolant si s'en fuient paiens.

Чѣмъ-то архаичнымъ вѣдетъ отъ сравненія Сигурда съ оленемъ (Guð. II, 2,5), Гельги съ оленьимъ теленкомъ, покрытымъ росой, рога котораго сіяютъ до неба, тогда какъ самъ онъ высится надъ всѣми другими звѣрями (Helgakv. N. II, 37,5); или Агамемнона съ быкомъ, выдающимся по величинѣ изъ всего пасущагося стада (Ил. II, 480); двухъ Аяксовъ, рядомъ стоящихъ въ битвѣ,— съ парой быковъ въ ярмѣ (Ил. XIII, 703), троянцевъ, слѣдующихъ за своими вождями— со стадомъ, идущимъ за бараномъ къ водопою. (Ил. XIII, 429 слѣд.), Одиссея съ тучнымъ бараномъ (Ил. III, 196 слѣд.). Стрѣла Гелена отскакиваетъ отъ латъ Менелая, какъ бобы и горохъ отъ тока (Ил. XIII, 588 слѣд.); мирмидоняне, мужественно стремящиеся въ битву, напоминаютъ ось, нападающихъ на мальчика, раззорившаго ихъ гнѣздо (Ил. XVI, 641 слѣд.); мужи, сражающиеся вокругъ тѣла Сарпедона (Ил. XVI, 641 слѣд., сл. II, 469 слѣд.)—что мухи, сле-

тѣвшіяся къ наполненному молокомъ сосуду; храбрость, внушенная Менелая Аэной (Ил. XVII, 570)—храбрость мухи, постоянно сгоняемой и все-же нападающей на человѣка, чтобы полакомиться его кровью, тогда какъ троянцы, бѣгущіе отъ Ахилла къ Ксану, сравниваются съ саранчей, спасающеюся въ рѣку отъ пожара, или съ рыбой, бѣгущею отъ дельфина (Ил. XXI, 12 слѣд., 22 слѣд.).

Одиссей злобствуетъ на служанокъ, потворствовавшихъ женамъ Пенелопы: таково озлобленіе пса, защищающаго своихъ щенятъ (Од. XX, 14); Менелай оберегаетъ тѣло Патрокла, готовый отразить нападеніе, какъ корова не отходить отъ своего перваго теленка (Ил. XVII, 14). Когда Аяксы, влекущіе тѣло Патрокла, напоминаютъ пѣвцу (Ил. XVII, 743) двухъ муловъ, что тащить мачтовое дерево съ горы, когда Аяксъ медленно уступаетъ передъ напоромъ троянцевъ, точно упрямый осель, забравшійся въ поле и туго уступающій передъ ударами, которыми осыпаютъ его мальчики (Ил. XI, 558)—мы не уяснимъ себѣ значенія этихъ образовъ, если не вспомнимъ, что въ гомеровскихъ поэмахъ осель еще не является въ томъ типическомъ освѣщеніи, къ которому мы привыкли, которое присваиваемъ напримѣръ, образамъ овцы и козы, тогда какъ въ Иліадѣ (IV, 433 слѣд.) говоръ троянскаго войска сравнивается съ блеяніемъ овецъ въ загонѣ богача, троянцы — съ блеющими козами, боящимися льва (Ил. XI, 383), радость товарищей при видѣ Одиссея, вернушагося отъ Кирки, — съ радостью телятъ, скачущихъ на встрѣчу матери, идущей съ поля, и бѣгающихъ вокругъ нея съ мычаніемъ (Од. XX, 410 слѣд.).

Ригведа пошла еще далѣе, сравнивая красоту пѣсни съ мычаніемъ молочной коровы, какъ и въ одномъ четверостишіи Hāla'ы говорится, что отвести глаза отъ красавицы также трудно, какъ малосильной коровѣ выбраться изъ ила, въ которомъ она завязла. Все это было такъ же естественно, какъ образы убиваемыхъ или околѣвшихъ животныхъ, которые вызываетъ у Гомера смерть того или другаго героя (Ил. XVII, 522; Од. XX, 389; Ил. XVI, 407), когда напримѣръ, спутники Одиссея, схваченные Скиллой, сравниваются съ рыбами, вытянутыми изъ воды и трепещущими на берегу (Од. XII, 251):

Такъ рыболовъ, съ каменстаго берега длинно-согбенной
Удой кидаящій въ воду коварную рыбамъ приманку,
Рогомъ быка луговаго ихъ ловить, потомъ, изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко—трепещущихъ быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.

Герой—осель, пѣсня—мычанье коровы и т. п.—все это далеко отъ нашего міросозерцанія, не въ нашихъ вкусахъ. Матеріаль сравненій сѣзился, ограничился выборомъ, подсказаннымъ измѣненіями быта. отдѣленіемъ художественной поэзіи отъ народной, увлеченіями моды, случайностью культурныхъ скрещиваній. Кто скажетъ, наприѣбрь, почему роза и соловей удержались на высотѣ нашихъ эстетическихъ требованій, и надолго ли они удержатся? Съ сравненіями произошло то же, что съ тѣми параллельными формулами, которыя и нарождались въ народной пѣснѣ, и забывались, тогда какъ немногія пережили, отложившись въ прочныя очертанія символа, опредѣленнаго и, вмѣстѣ, широко суггестивнаго. Новый подборъ можетъ рѣшить иначе; онъ выдвинетъ забытое, устранить, что нѣкогда нравилось, но перестало подсказывать; дастъ мѣсто и новообразованиямъ.

IX.

Метафора, сравненіе дали содержаніе и нѣкоторымъ группамъ *эпитетовъ*¹⁾; съ ними мы обошли весь кругъ развитія психологическаго параллелизма, на сколько онъ обусловилъ матеріаль нашего поэтического словаря и его образцовъ. Не все, когда-то живое, юное сохранилось въ прежней яркости, нашъ поэтический языкъ нерѣдко производитъ впечатлѣніе детритовъ, обороты и эпитеты полиняли, какъ линяетъ слово, образность котораго утрачивается съ отвлеченнымъ пониманіемъ его объективнаго содержанія. Пока обновленіе образности, колоритности остается въ числѣ *ria desideria*, старыя формы все еще служатъ поэту, ищущему самоопредѣленія въ созвучіяхъ — или противорѣчіяхъ природы; и чѣмъ полнѣе его внутренней міръ, тѣмъ тоньше отзвукъ, тѣмъ большею жизнью трепещутъ старыя формы. „Горнія вершины“ Гете написаны въ формахъ народной двучленной параллели:

Ueber allen Gipfeln ist Ruh,
In den Wipfeln spürest du
Kaum einen Hauch.
Die Vögel schweigen im Walde;
Warte nur, balde
Ruhest du auch!

¹⁾ О нихъ см. „Изъ исторіи эпитета“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895, № 11, отд. 2.

Другіе примѣры можно найдти у Гейне ¹⁾, Лермонтова ²⁾, Верлена ³⁾ и др.; „пѣсня“ Лермонтова—сколокъ съ народной, подражаніе ея наивному стилю:

Желтый листь о стебель бьется
Передь бурей,
Сердце бѣдное трепещеть
Предь несчастьемъ;

если вѣтеръ унесетъ мой листокъ одинокій, пожалѣетъ ли о немъ вѣтка сирая? Если молодцу рокъ судилъ угаснуть въ чужомъ краю, пожалѣетъ ли о немъ красна дѣвица?

Одночленную метафорическую параллель, въ которой смѣшаны образы двучленной. человѣкъ и цвѣтокъ. дерево и т. п., представляетъ Гейневское: „Ein Fichtenbaum steht einsam“ и, напр., Ленау:

Wie feierlich die Gegend schweigt!
Der Mond bescheint die alten Fichten,
Die schnuchtsvoll zum Tod geneigt
Den Zweig zurück zur Erde richten.

Подобные образы. уединившіе въ формахъ внѣчеловѣческой жизни человѣческое чувство, хорошо знакомы художественной поэзіи ⁴⁾. Въ этомъ направленіи она можетъ достигнуть порой конкретности міоа.

У Ленау (Himmelsstrasse) облака-- думы:

Am Himmelsantlitz wandert ein Gedanke,
Die düstre wolke dort, so bang, so schwer.

(Сл. Фофановъ, Мелкія стихотворенія: Облака плывутъ, какъ думы, Думы мчатся облаками). Это почти антропоморфизмъ Голубиной книги: „наши помыслы отъ облацъ небесныхъ“, но съ содержаніемъ личнаго сознанія.—День разрываетъ покровы ночи: хищная птица рветъ завѣсу своими когтями; у Вольфрама фонъ-Эшенбахъ все это слилось въ картину облаковъ и дня, пробившаго когтями ихъ мглу: *Sine klawen durch die wolkne sint geslagen* ⁵⁾. Образъ, напоминающій миѳическую птицу—молнію, сносящую небесный огонь; недостаетъ лишь момента вѣрованія.

¹⁾ Ein Lyrisches Intermezzo 23 (Warum sind denn die Rosen so blass?); 25 (Die Linde blühte, die Nachtigall sang), 59 (Es fällt ein Stern herunter) и др.

²⁾ Волны и люди; Стояла сѣрая скала и др.

³⁾ Il pleurt dans mon coeur, Comme il pleurt sur la ville.

⁴⁾ См. напримѣръ Heine, *Lyg. Intermezzo 10: Die Lotosblume*, Лермонтовъ: Парусъ, Утесъ: Ночевала тучка золотая; Бальмонтъ, Падучая звѣзда и др.

⁵⁾ *Lieder ed. Lachmann 4, 8 слѣд.* Сл. Ulrich von Türheim: dez diu wolken wären grâ und der tac sine clâ hate geslagen durch die naht.

Солнце—Гелиосъ принадлежитъ его антропоморфической порѣ; поэзія знаетъ его въ новомъ освѣщеніи. У Шекспира (советъ 48) солнце — царь, властелинъ; на восходѣ онъ гордо шлетъ свой привѣтъ горнымъ высямъ, но когда низменные облака искажаютъ его ликъ, онъ омрачается, отводитъ взоръ отъ потеряннаго міра и спѣшитъ къ закату, закутанный стыдомъ. У Вордсворта это — побѣдитель темной ночи (Hail, orient conqueror of gloomy night). Напомню еще образъ солнца — царя въ превосходномъ описаніи восхода у Короленка (Сонъ Макара): „Прежде всего, точно первые удары могучаго оркестра, изъ за горизонта выбѣжало нѣсколько свѣтлыхъ лучей. Они быстро пробѣжали по небу и потушили яркія звѣзды. И звѣзды погасли, а луна закатилась. И снѣжная равнина потемнѣла. Тогда надъ нею поднялись туманы и стали кругомъ равнины, какъ почетная стража. И въ одномъ мѣстѣ, на востокѣ, туманы стали свѣтлѣе, точно воины одѣтые въ золото. И потомъ туманы заколыхались, и золотыя волны наклонились долу. И изъ-за нихъ вышло солнце и стало на ихъ золотистыхъ хребтахъ, и оглянуло равнину. И равнина вся засіяла невиданнымъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ. И туманы торжественно поднялись огромнымъ хороводомъ и разорвались на западѣ и, колеблясь, понеслись кверху. И Макару казалось, что онъ слышитъ чудную пѣсню. Это была какъ будто та самая, давно знакомая пѣсня, которую земля каждый разъ привѣтствуетъ солнце“.

Рядомъ съ этимъ оживаютъ въ поэзіи древнѣйшія представленія. вродѣ солнце — глазъ, ликъ Божій (напримѣръ, въ Ведахъ) и т. п. Rückert говоритъ о золотомъ деревѣ солнца (Blüht der Sonne goldner Baum), Julius Wolf о деревьяхъ свѣта — лучахъ восходящаго солнца, вѣромъ разсѣянныхъ на востокѣ; ни тотъ, ни другой не зналъ, либо не припомнилъ мѣта о солнечномъ или свѣтовомъ деревѣ, но они видѣли его сами, это такая же образная апперцепція явленій внѣшняго міра, которая создала старые мѣта. — Золотой, ширококрылый соколъ витаетъ надъ своимъ лазурнымъ гнѣздомъ (Denn der goldne Falke, breiter Schwingen, Ueberschwebet sein azurnes Nest): такъ изображаетъ восходъ солнца одна восточная пѣсенка, пересказанная Гете. У Гейне (Die Nordsee, 1-er Cyclus: Frieden) солнце — сердце Христа, гигантскій образъ котораго шествуетъ по морю и сушѣ, все благословляя, тогда какъ его пылающее сердце шлетъ міру свѣтъ и благодать. У Юліуса Гарта солнце—это сердце поэта, самъ онъ разлитъ во все мѣ твореніи, вышелъ изъ него и продолжаетъ въ немъ участвовать. Оно

обновившейся весною земли онъ вѣнчаетъ розами своихъ пѣсенъ, привѣтствуя ее:

Bin nun wieder dein geworden,
 Deines Blutes dunkler Spross,
 Und der rothen Feuersonne
 Strahlenleuchtender Genoss.
 Diese Blumen sind mir Schwestern
 Und des Baumes Frühlingsaft
 Kreist auch hell in meinen Adern, —
 Und was meine Seele schafft,
 Schau ich rings durch alle Lüfte
 Ausgestrent auf Feld und Rain,
 In den Blumen glüht und blüht es
 Und der Vogel singt's im Hain...
 Ueber meinem Haupte kreisen
 Meine Träume und Gedanken,
 Jene Adler sind's, die droben
 In den grauen Wolken schwanken.
 Meines Ichs blutrote Welle
 Ueber alle Erden fließt,
 Du, o Sonne, bist's, die leuchtend
 Ihren Leib durchs Weltall giesst

(Pan 1897, № 3, стр. 142—143: Maerzenwelt).

Гдѣ-то вдали слышится наивная кантилена нашего стиха о Голубиной книгѣ: Наши кости крѣпкія отъ камня, кровь-руда наша отъ черна моря, солнце красное отъ лица Божьяго, наши помыслы отъ облацъ небесныхъ.

Итакъ: метафорическія новообразования и—вѣковыя метафоры, работанныя на ново. Жизненность послѣднихъ, или и ихъ обновленіе въ оборотѣ поэзіи зависитъ отъ ихъ ёмкости по отношенію къ новымъ сиротамъ чувства, направленного широкими образовательными и общественными теченіями. Эпоха романтизма ознаменовалась, какъ извѣстно, такими же архаистическими подновленіями, какія мы наблюдаемъ и теперь. „Природа наполняется иносказаніями и мѣами, говоритъ Rémi по поводу современныхъ символистовъ; вернулись феи; казалось, онѣ умерли, но онѣ только попрятались, и вотъ онѣ явились снова, феи поля, борозды и лѣса. ...тѣ, которыхъ крестьяне встрѣчаютъ порой на жнивѣ, въ тѣни былинки; фея, которую забыли пригласить, когда родился Оберонъ... феи жизни и смерти, властвующія нашей долей, почивающія въ нашей душѣ. Онѣ вернулись, настроенныя нѣсколько болѣе педантски, если хотите, болѣе ученныя: вѣдь нельзя же безнаказанно или безъ пользы прожить вѣкъ науки и позитивизма. Но такова ем-

кость символовъ: они—форма, служащая выраженію непознаваемаго; измѣняются постольку, поскольку положительныя науки опредѣляютъ и развиваютъ наше пониманіе таинственнаго⁴; но и вымираютъ, прибавлю я, когда между тѣмъ и другимъ теченіемъ прекращается живой обмѣнъ.

Интересно остановиться на нѣкоторыхъ формахъ поэтическихъ новообразованій, намѣченныхъ уже на почвѣ простѣйшей метафоры. Аристотель приводитъ въ образецъ „закатъ жизни“, какъ въ олонецкой заплачкѣ „закатилось“ солнышко—мужъ; старость—осень: „Довольно пожилъ я, дожилъ до сухаго, желтаго листа“ (my way of life—Is fall'n into the sear, the yellow leaf, Macbeth, V, 3)¹); мы говоримъ о волненіи страстей (хѣра, хлѣбъ и т. д.); романтики ввели въ оборотъ голубыя мысли и т. п. И вотъ, не человѣкъ переноситъ себя въ природу, въ дерево, листокъ, утесъ, а природа переносится въ человѣка, онъ самъ какъ бы отражаетъ процессы макроkozма.

У d'Annunzio встрѣчается такая картинка: Джульяна и Туллио сидятъ подъ вязами, онъ измѣнилъ ей, заставилъ ее страдать и болѣть, и жгучее сознаніе обновившагося чувства обуяло его всецѣло. Она сидитъ спокойная, добрая, на колѣняхъ книга „Война и миръ“, нѣкоторыя страницы отчеркнуты, напримѣръ та, гдѣ Лиза въ гробу, казалось, говорить: „Что вы со мной сдѣлали?“ А съ вязовъ непрерывно падали увядшіе цвѣты; то было неустанное, медленное паденіе лепестковъ, прозрачныхъ, почти не осязаемыхъ; они то останавливались въ воздухѣ, застывали, то дрожали, какъ крылышки стрекозъ, не то зеленоватыя, не то бѣлыя; и это безостановочное паденіе дѣйствовало галлюцинируя. Цвѣты все сыпались, безжизненные, точно не реальныя, производя невыразимое впечатлѣніе: будто все это совершается внутри, и самъ Туллио присутствуетъ при паденіи безчисленныхъ, бесплотныхъ тѣней гдѣ-то тамъ, на небѣ души, въ немъ самомъ. Что вы со мной сдѣлали? говорила, казалось, покойница, говорила, молча, Джульяна, что вы со мной сдѣлали?

Верленъ (Le rossignol) вводитъ насъ въ полную фантазмагорію: метафорическій параллелизмъ съ блестками аллегоріи, которые, впрочемъ, не портятъ образа. На дерево сбилась стая птицъ—горькихъ воспоминаній, сбилась на *желтую листву сердца*, созерцающаго *свой потнувшійся стволъ въ водахъ „Сожалтнй“*. Стая голосить, трево-

¹) Сл. King Henry VIII, 3: This is the state of man: to-day he puts forth—The tender leaf of hope, to-morrow blossoms и т. д.

жить сердце, но кличь постепенно замираетъ, и раздаются раскаты соловья, поющаго, какъ встарь, про нее, про первую любовь. Тусклая луна взшла надъ душною лѣтнею ночью и рисуеть на зыби силуэты трепещущаго дерева и сѣтующей птички.

Comme un vol criard d'oiseaux en émoi
Tous mes souvenirs s'abattent sur moi,
S'abattent parmi le feuillage jaune
De mon coeur mirant son coeur plié d'aune
Au tain violet de l'eau des Regrets
Qui mélancoliquement coule auprès;
S'abattent, et puis la rumeur mauvaïse
Qu'une brise moite en montant apaise,
S'éteint par degrés dans l'arbre, si bien,
Qu'au bout d'un instant on n'entend plus rien,
Plus rien que la voix célébrant l'Absente,
Plus rien que la voix—ô si languissante!—
De l'oiseau qui fut mon premier amour
Et qui chante encore comme au premier jour;
Et dans la splendeur triste d'une lune
Se levant blafarde et solennelle, une
Nuit mélancolique et lourde d'été,
Pleine de silence et d'obscurité,
Berce sur l'azur, qu'un vent doux effleure,
L'arbre qui frémit et l'oiseau qui pleure.

Въ такомъ исканіи созвучій, исканіи человѣка въ природѣ, есть нѣчто страстное, патетическое, что характеризуетъ поэта, характеризовало, при разныхъ формахъ выраженія, и цѣлыя полосы общественнаго и поэтическаго развитія. Элегическое увлеченіе красотами природы, интимность *Naturgefühl*'я, жаждущаго отголосковъ, наступало въ исторіи не разъ: на рубежѣ древняго и новаго міровъ, у средневѣковыхъ мистиковъ, у Петрарки, Руссо и романтиковъ. Франциску Ассизскому чудилась въ природѣ разлитая повсюду божественная любовь; средневѣковый аллегоризмъ, чаявшій во всемъ твореніи соотвѣтствія и совпаденія съ міромъ человѣка, далъ схоластическій оборотъ тому же строю мыслей; Петрарка искалъ тѣхъ же созвучій, но набрелъ на противорѣчія: онѣ лежали въ немъ самомъ. Такое настроеніе понятно въ эпохи колебаній и сомнѣній, когда назрѣлъ разладъ между существующимъ и желаемымъ, когда ослабѣла вѣра въ прочность общественнаго и религіознаго уклада и сильнѣе ощущается жажда чего-то другаго, лучшаго. Тогда научная мысль выходитъ на новые пути, пытается водворить равновѣсіе между вѣрой и знаніемъ,

но сказывается и старый параллелизмъ, ищущій въ природѣ, въ ея образахъ, отвѣта на недочеты духовной жизни, созвучія съ нею. Въ поэзіи это приводитъ къ обновленію образности, пейзажъ—декорація наполняется человѣческимъ содержаніемъ. Это тотъ же психическій процессъ, который отвѣтилъ когда-то на первые, робкіе запросы мысли; та же попытка сродниться съ природой, проектировать себя въ ея тайникѣ, переселить ее въ свое сознаніе; и часто тотъ же результатъ: не знаніе, а поэзія.

Александръ Веселовскій.

КЪ ИСТОРИИ ГОРОДОВЪ И ПУТЕЙ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНѢ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ ¹⁾.

Города „отъ Литовской украины“ Московскаго государства были расположены на верховьяхъ Днѣпра и Десны. Переходя съ этихъ рѣкъ на р. Угру, мы вступаемъ въ новую область — такъ называемыхъ „Заоцкихъ“ городовъ, бывшихъ стариннымъ достояніемъ южнорусскаго княжескаго рода, подпавшихъ затѣмъ литовской власти и перешедшихъ къ Москвѣ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Вмѣстѣ съ городами „Украинными“ и „Рязанскими“, эти города въ XVI вѣкѣ обращаются уже не противъ Литвы, а противъ татаръ. Съ успѣхами Москвы на западной границѣ противъ литовскихъ князей въ XV-мъ и началѣ XVI вѣка, съ приобрѣтеніемъ Москвою Смоленска, берега Угры и верхней Оки стали безопасны отъ нападеній со стороны Литвы, но въ то же время не были хорошо закрыты отъ нападеній татаръ. Здѣсь страхъ отъ литовцевъ смѣнился боязнью крымцевъ, и въ глазахъ Московскаго правительства „Заоцкіе города“ входили въ ту полосу земли, которую надо было укрывать съ юга. Поэтому и мы соединяемъ эту группу городовъ въ одномъ очеркѣ съ городами „отъ поля“. Какъ увидимъ ниже, есть для этого и нѣкоторыя другія основанія въ условіяхъ быта изучаемаго пространства.

Подъ именемъ „Заоцкихъ городовъ“ разумѣлись города, расположенные между верхнимъ теченіемъ Оки и рѣками Лужей (притокъ Протвы), Угрою и Жиздрюю; съ запада ихъ районъ ограничивался лѣвыми притоками верхней Десны (точнѣе, рѣкою Болвою). Въ этомъ

¹⁾ Настоящая статья имѣетъ цѣлью свести въ общемъ очеркѣ историко-географическія данныя о Московскомъ югѣ XVI вѣка, относящіяся главнымъ образомъ къ вопросу о такъ называемой государственной колонизаціи.

неправильномъ пятиугольникѣ, кромѣ главнаго и крупнѣйшаго города Калуги, находились города: Воротыньскъ, Козельскъ, Кременескъ, Лихвинь, Медынь, Мешовскъ (Мезецкъ), Мосальскъ, Опаково городище (съ Юхновымъ монастыремъ), Перемышль, Серпейскъ. Все это были небольшіе городки, но они лежали въ краю давно населенномъ, довольно плодородномъ и не лишенномъ торговаго оживленія. Черезъ Серпуховъ и Боровскъ было сухопутное сообщеніе съ Москвою; по Окѣ и притокамъ Десны возили товары и сплавливались въ Замосковье и на Сѣверу. О торговлѣ Калуги и о торговомъ рѣчномъ движеніи въ краѣ находимъ не одно извѣстіе отъ XVI—XVII вѣковъ. Въ военномъ же отношеніи большое число Заоцкихъ укрѣпленныхъ городовъ объясняется тѣмъ, что они прикрывали собою подступы къ рѣкѣ Угрѣ и переходъ на линію рѣки Поротвы (или Протвы). Значеніе р. Угры въ защитѣ Московскаго центра безспорно было очень велико: стоить только вспомнить, что именно здѣсь рѣшился исходъ татарскихъ нашествій 1480 и 1571 годовъ: въ первомъ случаѣ татары успѣли отбить на Угрѣ, во второмъ — татары, перейдя Жиздру и Угру, дошли до самой Москвы. Не даромъ русскій писатель XVI вѣка, говоря о Угрѣ, рѣшился „нареши ту рѣку—поясъ самыя Пречистыя Богородицы, аки твердь отъ поганыхъ защищающу Русскую землю“. При такихъ условіяхъ понятно, что Заоцкіе города сохраняли въ продолженіе всего XVI столѣтія свое военное значеніе; понятно затѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которые были обращены на западъ, къ Литовской границѣ, именно Медынь, Опаковъ и Кременескъ, скорѣе перестали быть „городами“ и обратились въ „городища“, чѣмъ крѣпости, обращенныя на югъ: съ запада уже не ждали вражеской грозы, съ юга она не затихала.

Берегами Оки и Жиздры ограничивалась съ востока область Заоцкихъ городовъ и начинались Тульскія мѣста—область Украинныхъ городовъ“. Эта послѣдняя область лежала по самой Окѣ, выше впаденія р. Жиздры, и по р. Упѣ съ ея притоками. Она представляла собою узкую полосу земли, протянувшуюся съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ Серпухова и Каширы до Карачева и Кромъ, и прикрывавшую отъ „поля“ верхнее и среднее (до Каширы) теченіе Оки. Здѣсь были города: Алексинъ, Болховъ, Бѣлевъ, Дѣдиловъ, Карачевъ, Крапивна, Одоевъ, Орелъ, Таруса и Тула. Сюда же впоследствии причислили и г. Кромъ, выстроенный въ 1595 году на лѣвомъ берегу Оки на рѣкѣ Кромѣ, на мѣстѣ стараго „Кромскаго городища“. Какъ среди Заоцкихъ городовъ первое мѣсто принадлежало Калугѣ, такъ среди Укра-

инныхъ главное значеніе имѣла Тула. Черезъ нее шла большая дорога отъ Москвы на Сѣверу и въ Кіевъ, черезъ Болховъ и Карачевъ; такъ называемая „Московская“, иначе „Посольская“ дорога направлялась отъ Тулы же на Мценскъ, Кромы и Курскъ; мимо Тулы на Оку проложенъ былъ и знаменитый Муравскій шляхъ, поднимавшійся отъ Ливенъ по водораздѣламъ къ Костомарову броду на рѣкѣ Улѣ. Находясь на линіи важныхъ сообщеній, Тула была торговымъ городомъ: значеніе ея рынка на Московской украинѣ было велико не для одного мѣстнаго населенія, но и для временно приходящихъ на Украину войскъ, которыя являлись сюда ежегодно для обороны южныхъ границъ. Въ изучаемое нами время, въ серединѣ и концѣ XVI столѣтія, Украинные города, можно сказать, только еще устраивались: Болховъ и Дѣдиловъ были укрѣплены въ 50-хъ годахъ XVI в., Крапивна и Орель—въ 60-хъ. Существовавшія за эти годы въ „полѣ“ сторожи были „поустроены“, то-есть, упорядочены и преобразованы въ 70-хъ годахъ, послѣ татарскихъ нашествій 1571—1572 гг. Всѣ предпринимаемыя здѣсь правительствомъ мѣры клонились къ тому, чтобы запереть для татаръ пути въ центръ Московскаго государства какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу Оки: Болховъ, Орель и Кромы охраняли лѣвый берегъ, Крапивна и Дѣдиловъ усиливали оборону праваго берега.

Тѣмъ же цѣлямъ должны были служить и „Рязанскіе“ города. Стариннымъ центромъ Рязанскихъ поселеній было пространство между рѣками Окою, Осетромъ и Пронею. Здѣсь находились города Переяславль Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ и Пронскъ. Съ запада близки были къ этому пространству городки Веневъ, Гремячей и Печерники. На югъ отъ Прони въ „Нагайскую сторону“ смотрѣли Ряжскъ, Сапожокъ и Шацкъ. Наконецъ, къ Рязани, по старой традиціи, тянули мѣста по верховьямъ Дона, гдѣ въ XVI вѣкѣ были города Епифанъ и Донковъ. Всѣ эти города и обозначались общимъ именемъ „Рязанскихъ“. Если Украинные города служили оплотомъ отъ крымцевъ, дороги которыхъ лежали на западъ отъ Дона, на „Крымской сторонѣ“ такъ называемаго „поля“, то Рязанскіе города охраняли Русь по преимуществу отъ „Ногайской стороны“, противъ нашествій съ юго-востока ногайскихъ отрядовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда предполагалось нападеніе крымцевъ черезъ Донскія верховья на Рязань и далѣе на Коломну или Владиміръ, Рязанскимъ городамъ выпадала главная роль и въ борьбѣ съ крымцами. По этой причинѣ въ продолженіе всего XVI вѣка Рязанскій край имѣлъ характеръ военнаго

округа. Главный городъ края—Переяславль Рязанскій—представлялъ собою сильную крѣпость; Зарайскъ съ 1533 года имѣлъ каменные стѣны, и всѣ прочіе города были укрѣплены. Черноземъ, доходящій съ верховьевъ Дона черезъ Проню почти до Оки, способствовалъ широкому развитію земледѣлія на Рязани, и украинныя Рязанскія мѣста, несмотря на военныя опасности, слыли за обильный и богатый край. По Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ черезъ Коломну къ столицѣ „добрѣ много“ шель изъ Рязани хлѣбъ и другіе припасы; въ смутное время на продовольствіе изъ Рязани разсчитывали всѣ стороны, дѣйствовавшія подъ Москвою. Были у Рязанскаго края и торговыя сношенія съ южными мѣстами, причеиъ, разумѣется, главное значеніе имѣлъ Донской путь. На Донъ ѣздили изъ Рязанскихъ мѣстъ или по рѣкамъ Пронѣ, Рановѣ и Хуптѣ на Ряжскъ и Рясское поле въ рѣки Рясы и Воронежъ, или же сухимъ путемъ на Донскую пристань Донковъ. Отъ Донкова черезъ Веневскія мѣста на Каширу существовалъ еще особый путь, которымъ могли пользоваться и жители Рязани ¹⁾).

Вотъ, въ краткомъ очеркѣ, составъ той части Московскаго государства, которая находилась на югъ отъ Оки и Угры и еще въ началѣ XVI вѣка считалась какъ бы за рубежами государства. Если на востокъ и западъ изучаемой нами теперь полосы подъ прикрытіемъ старинныхъ крѣпостей „верховскихъ“ и Рязанскихъ население чувствовало себя болѣе или менѣе въ безопасности, то между верхнею Окою и верхнимъ Дономъ, на рѣкахъ Упѣ, Пронѣ и Осегрѣ, русскіе люди до послѣдней трети XVI вѣка были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексинъ, Одоевъ, Тула, Зарайскъ и Михайловъ не могли дать приютъ и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на Тульскомъ и Пронскомъ черноземѣ. Не могли эти крѣпости и задерживать шайки татаръ въ ихъ быстромъ и скрытномъ движеніи къ берегамъ средней Оки. Надо было защи-

¹⁾ М. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства, М. 1892, стр. 47—56.—Сказанія Массы и Геркмана, стр. 235, 243.—Доп. А. И., V, стр. 223—225.—Буссовъ въ „Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Сам.“ I, стр. 88.—Рукопись Жолѣвскаго, изд. 2, стр. 91.—С. Середонинъ, „Наказъ кн. М. И. Воротыискому и роспись полкамъ 1572 года“ въ Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ., т. VIII, вып. I и II, стр. 54—58.—Карамзинъ, VI, прим. 233.—Книга Больш. Чертежу, изд. Языкова, стр. 88—90, 121.—Извѣтъ старца Варлаама (въ любомъ изданіи): „наняли подводы до Болхова, а изъ Болхова до Карачева, изъ Карачева до Новогородна Сиверскаго“. — Приправочная книга 124 года во „Временникѣ М. О. И. и Др.“, XIII, стр. 1—3.—А. И. II, стр. 299.—Русск. Ист. Библ. I, стр. 151.—Д. Иловайскій, Сочиненія. М. 1884, стр. 199.

тить надежнымъ образомъ и населеніе окраины и дороги внутри страны, въ Замосковье. Московское правительство беретя за эту задачу въ серединѣ XVI вѣка. Оно сначала укрѣпляетъ мѣста по верховьямъ Оки и Дона, затѣмъ укрѣпляетъ линію рѣки Быстрой Сосны, переходитъ на линію верхняго Сейма и, наконецъ, занимаетъ крѣпостями теченіе рѣки Оскола и верховье Сѣвернаго (или Сѣверскаго) Донца. Все это дѣлается въ теченіе всего четырехъ десятилѣтій, съ энергическою быстротою и по извѣстному плану, который легко открывается позднѣйшему наблюдателю, не смотря на скудость историческаго матеріала для изученія этого дѣла.

Очень извѣстенъ и не одинъ разъ излагался порядокъ обороны южной границы Московскаго государства. Для отраженія врага строились крѣпости и устранивалась укрѣпленная пограничная черта изъ валовъ и засѣкъ, а за укрѣпленіями ставились войска. Для наблюденія же за врагомъ и для предупрежденія его нечаянныхъ набѣговъ выдвигались въ „поле“ за линію укрѣпленій наблюдательные посты— „сторожи“, и разѣзды— „станции“. Вся эта сѣть укрѣпленій и наблюдательныхъ пунктовъ мало по малу спускалась съ сѣвера на югъ, слѣдуя по тѣмъ полевымъ дорогамъ, которыя служили и отрядамъ татаръ. Преграждая эти дороги засѣками и валами, затрудняли доступы къ бродамъ черезъ рѣки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крѣпостью, мѣсто для которой выбиралось съ большою осмотрительностью, иногда даже въ сторонѣ отъ татарской дороги, но такъ, чтобы крѣпость командовала надъ этою дорогою. Каждый шагъ на югъ, конечно, опирался на уже существовавшую цѣпь укрѣпленій; каждый городъ, возникавшій на „полѣ“, строился трудами людей, взятыхъ изъ другихъ „украинныхъ“ и „польскихъ“ городовъ, населялся ими же и становился по службѣ въ тѣсную связь со всею сѣтью прочихъ городовъ. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряженіями, но и всѣмъ складомъ боевой порубежной жизни. Между военными городами болѣе старыми, „украинными“, и новыми „польскими“ нельзя провести опредѣленной границы и очень трудно подмѣтить существенное различіе въ складѣ жизни. Это одинъ военный округъ; части его лучше изучаются въ ихъ совокупности и становятся понятнѣе тогда, когда будутъ поставлены изучающимъ въ связь съ направленіемъ полевыхъ дорогъ, по которымъ московскіе люди сознательно располагали группы укрѣпленныхъ городовъ, „помысля (по словамъ лѣтописи) поставить по сакмамъ татарскимъ городамъ“.

Нельзя сказать, чтобы вся сѣть полевыхъ дорогъ была намъ одинаково хорошо извѣстна. Муравскій шляхъ и его восточныя вѣтви, Изюмская и Калміусская сакмы, соединившіяся съ главнымъ шляхомъ недалеко отъ Ливенъ, изучены хорошо. Менѣе обращалось вниманія на западныя вѣтви, которыя отходили отъ Муравскаго шляха южнѣе рѣки Сейма и направлялись черезъ Сеймъ на верховья Оки, на ея лѣвый берегъ; это—дорога Пахнутцова (или Пахнуцкова) и Бакаевъ шляхъ, сѣвернѣе носившій названіе Свиной дороги. Не вполне ясно и направленіе восточныхъ путей, которыми отъ Муравской и Калміусской дорогъ, черезъ рѣки Красивую Мечу и Вязовню, выходили къ Донкову по дорогамъ Турмышской, Дрысинской и др. Наконецъ, на востокъ отъ верхняго Дона мы только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, для XVI вѣка, можемъ указать такъ называемую „Ногайскую“ дорогу, которая шла съ юга на верховья Воронежа по верховьямъ рѣки Битюка и рѣки Цны. Она или пересѣкала рѣку Воронежъ на Торбѣвомъ бродѣ (у нынѣшняго Козлова) и шла на Рязскія мѣста, или же оставляла рѣку Воронежъ влѣво и выходила на Шацкъ и Сапожокъ. Всѣ эти дороги, съ многочисленными ихъ развѣтвленіями, имѣло въ виду Московское правительство, подвигаясь на югъ по „дикому полю“.

Выше мы уже указали на важное значеніе р. Угры, къ берегамъ которой много разъ въ XVI вѣкѣ подходили татарскія войска. Въ 1571 году, ханъ, идя Пахнутцовой дорогою, „перелѣзъ“ Оку чрезъ Быстрый бродъ, верстъ на десять выше впаденія въ нее рѣки Цона (Окона), и направился на Болховъ, а оттуда на Угру. Въ этотъ годъ хана просто не устерегли, хотя и знали о существованіи дороги, которою онъ шелъ, знали, что близко верховья Цона, на водораздѣлѣ между рѣками Цономъ и Навлею (притокомъ Десны), на Молодовой рѣчкѣ „сошлись съ Семи и изъ Рыльска всѣ дороги“. Это были по опредѣленію Книги Большому Чертежу: „Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова“, „дорога Бакаевъ шляхъ“, которая „на Свиною дорогу пришла изъ-за Семи рѣки“, и „Пахнутцова дорога промежъ (рѣчкѣ) Лещина и Хону отъ рѣки Семи въ Мѣлевой бродъ“. Насколько можно сообразить по бѣглымъ упоминаніямъ документовъ, Бакаевъ шляхъ идя на востокъ между рѣками Сеймомъ и Псломъ, на ихъ верховьяхъ сплетался своими сакмами съ Муравскимъ шляхомъ. На ихъ соединеніи внослѣдствіи стояла сторожа, „а видѣтъ съ тое сторожи по Муравскому и по Бакаеву шляху въ поле верстъ съ 7 и до рѣки до Псла“. Но здѣсь же дороги и расходились, почему

мѣсто ихъ соединенія и называлось „на Ростанехъ“. Бакаевъ шляхъ отходилъ отъ Муравскаго на сѣверо-западъ, и его направленіе въ этой части опредѣлялось такъ: „сакма татарская лежитъ съ Изюмской и съ Муравской сакмы промежь Думчей курганъ и рѣки Псла къ Семи Пузатой въ Курскіе мѣста“. Приблизительно здѣсь же отдѣлялась отъ Муравской дороги и Пахнутцова дорога, а именно на верховьяхъ Донецкой Семицы, по лѣвому берегу которой она и уходила на сѣверъ къ рѣкѣ Сейму. Идя по Бакаеву шляху на Свиною дорогу, переходили черезъ р. Сеймъ „подъ Городенскимъ городищемъ ниже Курска верстѣ съ 40“, а идя Пахнутцовой дорогою, переходили Сеймъ выше Курска тоже верстахъ въ 40 отъ него. Располагая такими данными, Московское правительство устраиваетъ надзоръ за всѣми этими дорогами изъ Мценска, Карачева, Рыльска и вновь устроеннаго въ 60-хъ годахъ XVI вѣка города Орла. Изъ Орла сторожи стерегутъ и узелъ дорогъ на Молодовой, и извѣстные намъ броды на Сеймѣ, и Быстрый бродъ на Окѣ. Не довольствуясь этимъ, къ концу XVI вѣка на дорогахъ ставятъ города Кромы, Курскъ и Бѣлгородъ. Кромы построены были между Свиной (Бакаевой) и Пахнутцовой дорогами впереди соединенія ихъ на Молодовой; новый городъ прикрывалъ собою и подступы къ Молодовой и дальнѣйшіе пути отъ Молодовой къ Карачеву и Болхову; въ этомъ было его военное значеніе. Задачею Курска, поставленнаго среди тѣхъ же татарскихъ дорогъ, было защищать переправу черезъ рѣку Сеймъ, а Сеймъ былъ главною естественною преградой на этихъ дорогахъ. Наконецъ, Бѣлгородъ былъ поставленъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ отходили отъ Муравскаго шляха дороги и Бакаева и Пахнутцова; закрывая Муравскую дорогу, онъ закрывалъ и переходы съ нея на двѣ прочія, служа такимъ образомъ ключемъ ко всѣмъ къ нимъ. Съ построеніемъ Бѣлгорода путь къ Заоцкимъ городамъ, можно сказать, былъ совсѣмъ запертъ: всѣ сакмы съ „поля“ къ верхней Окѣ перешли въ черту государства.

Главная полевая дорога, Муравскій шляхъ, пройдя съ юга между верховьями Ворсклы и Сѣвернаго Донца, а затѣмъ между верховьями Сейма и Оскола направлялась къ рѣкѣ Быстрой Соснѣ, которую и переходила близъ впаденія въ нее рѣчки Ливны съ притокомъ Ливною же. Далѣе, идя между р. Зушею и р. Красивою Мечю, Муравская дорога подходила съ запада къ верховьямъ Упы, пересѣкала Упу на Костомаровомъ бродѣ и уже по правому берегу Упы подходила къ Тулѣ. Отъ Тулы же можно было идти въ любое мѣсто на среднемъ теченіи Оки. Почти до конца XVI вѣка

Московское правительство не занимало крѣпостями Муравскаго шляха южнѣ Тулы. Оно предпочитало прикрывать крѣпостями берега Упы (Крапивна, Одоевъ) и Зуши (Новосиль, Мценскъ, также Чернь), чтобы не допустить врага съ Муравской дороги подойти къ Окѣ и вернуться въ область Заоцкихъ городовъ; съ другой стороны, не рѣшаясь еще занять постоянными укрѣпленіями теченіе Красивой Мечи. оно болѣе близкими крѣпостями Епифанью, Веневою и Дѣдиловымъ закрывало Рязанскія мѣста и дорогу на Каширу и Коломну отъ нападенія со стороны Муравской дороги. Эти чисто оборонительныя линіи укрѣпленій создаются между 50-ми и 70-ми годами XVI вѣка. Въ послѣдней же четверти XVI столѣтія рѣшаются на болѣе смѣлую мѣру—укрѣпить теченіе Быстрой Сосны, представлявшей природную преграду на татарскихъ путяхъ. Къ этому рѣшенію привело, какъ кажется, открытіе новой татарской сакмы, именно Калміусской, шедшей съ юга на сѣверъ восточнѣ р. Оскола, параллельно его теченію, и выходившей на Быструю Сосну въ тѣхъ же приближенительно мѣстахъ, гдѣ и Муравская дорога. Если бы, какъ принято думать, Калміусская дорога соединялась съ Муравскою у Ливенъ на переправѣ черезъ Быструю Сосну, то она не имѣла бы никакого значенія для болѣе сѣверныхъ мѣстностей за Сосною. Но дѣло, кажется, было не такъ. Книга Большому Чертежу дважды отмѣчаетъ направленіе Калміусской дороги въ сторонѣ отъ Ливенъ, на востокъ; она говоритъ: „на устьѣ рѣки Чернавы на (Быстрой) Соснѣ бродъ: Калміюсская дорога“; и въ другомъ мѣстѣ: „на рѣкѣ Соснѣ на усть-рѣки Чернавы въ городкѣ стоятъ заставныя головы. сотнями перемѣняясь, на Калміюсской дорогѣ“. Изъ этого заключаемъ, что на Ливнахъ Калміюсская дорога лишь однимъ своимъ отрогомъ связывалась съ Муравскою, другими же продолжала идти на сѣверъ восточнѣ Муравской дороги и особо отъ послѣдней переходила черезъ Быструю Сосну на усть-Чернавскомъ. Талицкомъ и другихъ бродахъ. Перейдя Быструю Сосну по Калміюсской сакмѣ, непріятель могъ идти черезъ рѣчки Красивую Мечу и Вязовню, на которыхъ не было городовъ, а только сторожи, прямо на Рязанскія мѣста, къ Донкову, Ряжску и Пронску. Но онъ могъ держаться западнѣе и выйти на Куликово поле, къ истокамъ Упы и Непрядвы, на „верхъ Непрядвы на большую дорогу, которою дорогою царевичи приходили“, а отсюда были открыты пути и на Рязанскій край, и на Каширу черезъ Веневь. Для того, чтобы оборонить всѣ эти мѣста со стороны новой дороги надобно было защитить броды на Быстрой Соснѣ. Въ 1586 году и

слѣдующихъ возникаютъ на Быстрой Соснѣ города Ливны и Елецъ и „Чернавскій городокъ“. Ливны стали на соединеніи старой Муравской и новой Калміусской дорогъ; Елецъ сталъ на восточныхъ бродахъ черезъ Быструю Сосну, прикрывая собою Красивую Мечу; въ Чернавскомъ городкѣ была промежуточная застава.

Занятіе Быстрой Сосны сопровождалось занятіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ и по среднему теченію Дона. Одинъ и тотъ же государевъ указъ предписалъ (въ 1586 году) построеніе Ливенъ и города Воронежа „на Дону на Воронежѣ“. Назначеніе новаго Донскаго города было стеречь не только „Нагайскую сторону“ на востокъ отъ Дона, но и „Крымскую“ на западъ отъ него. Воронежъ высылалъ сюда сторожи именно для наблюденія за новою Калміусскою дорогою, которая шла „межъ рѣкъ: правыя рѣчки впади въ Донъ, а лѣвыя въ Донецъ“. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка (въ 1593—1600 гг.), наблюденіе за новою дорогою было еще усилено. Московскіе гарнизоны перешли на р. Осколь въ новые города: Осколь, Валуйки и Царевъ-Борисовъ, поставленные на мѣстахъ прежнихъ сторожъ. Отсюда они могли дѣйствовать не только на Калміусской дорогѣ, но и на Изюмской, такъ какъ эти города стали между обѣихъ дорогъ. Въ то же время основанъ былъ южнѣе Ливенъ на Муравскомъ шляхѣ и Бѣлгородъ, упомянутый нами выше. Совершенно ясна цѣль, съ которою такъ быстро захватывалось теченіе р. Оскола. По этой судоходной рѣкѣ всего легче было дойти до Сѣвернаго Донца и на его бродахъ пересѣчь татарскіе пути Изюмскій и Калміусскій. Но обстоятельства показали, что тогда съ этимъ дѣломъ черезчуръ поспѣшили: Царевъ-Борисовъ, выдвинутый слишкомъ впередъ, не устоялъ и въ смутное время былъ запустошенъ. Судьба Бѣлгорода была счастливѣе благодаря тому, что онъ не былъ такъ удаленъ отъ Сейма и Быстрой Сосны и былъ поставленъ на удачномъ мѣстѣ. Опираясь на города, защищавшіе теченіе Сейма и Быстрой Сосны, онъ былъ внѣ опасности отъ „поля“; а въ то же время онъ стоялъ на Донцѣ на такомъ мѣстѣ, котораго татарамъ нельзя было миновать, идя по Муравской дорогѣ. Въ одномъ документѣ, современномъ основанію Бѣлгорода, говорится, что „опричь Муравской дороги межъ Донца и Ворскла обходу царю Крымскому и большимъ людямъ (то-есть, значительному войску) иной дороги нѣтъ, опричь Изюмской и Калміюнской дороги“. Уклониться на западъ за Ворсклу было нельзя, потому что по Ворсклѣ здѣсь „пришли лѣса большіе, и ржавцы и болота есть“, а идти восточнѣе мѣшала Сѣверный Донецъ. Въ этомъ

то тѣсномъ мѣстѣ и построили Бѣлгородъ. Закрывая выходъ на сѣверъ изъ этого пространства между Донцомъ и Ворсклою, онъ, какъ мы уже указали, не позволялъ пользоваться ни Муравскою дорогою, ни дорогами, шедшими отъ нея на сѣверо-западъ, съ верховьевъ Ворсклы и Псла черезъ Сеймъ.

Такъ къ исходу XVI столѣтія Московское правительство овладѣло громаднымъ пространствомъ „дикаго поля“ между Дономъ, верхнею Окою и лѣвыми притоками Днѣпра и Десны.

На Ногайской сторонѣ „поля“, на востокъ отъ Дона, не было такой нужды въ крѣпостяхъ, какъ на Крымской сторонѣ: здѣсь были природныя „крѣпости“. По рѣкамъ Цны и нижней Мокшѣ залегали такіе лѣса, которые не имѣли нужды въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ и отлично прикрывали съ востока Шацкія и Рязанскія мѣста; а доступъ сюда съ юга между Дономъ и Цною затруднялся теченіемъ рѣкъ Воронежя, Битюка и Вороны. По документамъ XVI вѣка можно прослѣдить, кажется, только одну „Нагайскую дорогу“ на Рязанскій край. Она шла черезъ верховья Битюка къ водораздѣлу между Мотыремъ (или Матырою—притокъ Воронежя) и Липовицею (притокъ Цны) и отсюда или направлялась на Торбѣевъ бродъ на Воронежѣ (около г. Козлова) и далѣе на Донковъ и Ряжскъ, или же шла между р. Польнымъ Воронежемъ и Челною (притокъ Цны) на Шацкъ. На этой дорогѣ въ XVI вѣкѣ не ставили городовъ, а ограничивались только сторожами, которыя либо стояли на самой дорогѣ, либо наблюдали за нею со стороны, съ береговъ Дона и Воронежя. На самой дорогѣ были сторожи на Битюгѣ у впаденія въ него Чамлыка, наблюдавшія „сакмы, которыми сакмами ходятъ Заволжскіе ногаи изъ Казьева улуса и Азовскіе люди на государевы украины, на Рязанскія и на Ряжскія и на Шатцкія мѣста“. Эти сакмы предполагались отъ верховья Цны черезъ Битюкъ до верховьевъ Гавы (или Хавы), впадающей въ Усмань. Вторыя сторожи были на р. Липовицѣ между Цною и Мотыремъ; третья на Торбѣевомъ бродѣ и на востокъ отъ него до р. Челновой. Отъ Торбѣева брода Ногайская дорога круто поворачивала на западъ къ Дону, и здѣсь на ней стояли сторожи на р. Сквирнѣ (Сквернѣ) и р. Рясахъ, уже не далеко отъ Ряжска и Донкова.

Таковы были результаты работы Московскаго правительства на „дикомъ полѣ“. Можно удивляться тому, какъ много было здѣсь достигнуто въ такой короткій срокъ; но для объясненія дѣла слѣдуетъ помнить, что быстрое движеніе на югъ было возможно между вер-

ховьями Оки и среднемъ Дономъ лишь потому, что съ обѣихъ сторонъ фланги боевыхъ линій были надежно прикрыты. Слѣва самъ Донъ съ притоками и заросшія лѣсами Цна и Мокша служили такимъ прикрытіемъ; справа опорною была такъ называемая „Сѣвера“—старые города по рѣкамъ Деснѣ и нижнему Сейму. Эти города и составляли послѣдній районъ Московскаго юга. Приобрѣтенные въ началѣ XVI столѣтія отъ Литвы, не разъ бывшіе ареною борьбы, они носили опредѣленный отпечатокъ боевой жизни. Занимая теченіе двухъ крупныхъ рѣкъ, Десны и Сейма, они дѣлились естественнымъ образомъ на двѣ группы: городовъ по Деснѣ и городовъ по Сейму. На Деснѣ стояли Брянскъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и Моровескъ. Всѣ они имѣли значеніе крѣпостей, обращенныхъ на Литву. Впереди ихъ, еще ближе къ Литовскому рубежу расположены были Мглинъ, Почепъ и Стародубъ, а также мелкіе острожки и замки въ родѣ Дрокова (Дракова) и Поповой горы. Это была одна группа городовъ. Другую составляли Путивль и Рыльскъ, расположенные на Сеймѣ и обращенные къ „полю“, на которое они высылали сторожи противъ татаръ. На татаръ же былъ обращенъ и Сѣвскъ съ Комарицкою волостью, ему принадлежавшей; хотя онъ находился въ области Десны, а не Сейма, но онъ былъ укрытъ отъ Литвы лѣсами, шедшими по Деснѣ отъ Брянска, и смотрѣлъ на Свиную дорогу, которою пользовались татаре. Область Сѣверскихъ городовъ отдѣлялась отъ Смоленской большими лѣсами. Собщеніе Сѣверы съ Смоленскомъ было черезъ Брянскъ и Рославль; но тотъ же Брянскъ близокъ былъ къ Козельску, Карачеву и Бѣлеву и связывалъ Сѣверу съ Заоцкими городами. Въ этомъ заключалось его значеніе. Южнѣе первое мѣсто, принадлежало Путивлю: въ XVI вѣкѣ онъ былъ одинаково близокъ и къ „дикому полю“ и къ Литовско-польскому рубежу. Почти у стѣнъ Путивля сходились Московская и Польско-литовская границы и между ними клиномъ къ Путивлю врѣзывалось „поле“, еще не освоенное ни тѣмъ, ни другимъ государствомъ. Такое положеніе, лицомъ къ лицу съ двумя врагами, придавало Путивлю особенную военную важность: не даромъ онъ имѣлъ каменную крѣпость и считался главнымъ городомъ края. Изъ прочихъ городовъ крупнѣйшими были: Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій. Черезъ Сѣверу пролегали дороги, соединявшія Московскій центръ съ Киевомъ и Польшею; Сѣвера имѣла нѣкоторое торговое оживленіе, такъ какъ была богата лѣсомъ и медомъ, торговала коношлею, имѣла

каменоломни по рѣкамъ Неруѣ, Усожѣ и Свапѣ, гдѣ добывался „жерновой камень“¹⁾).

Мы закончили обзоръ южной части Московскаго государства XVI вѣка и представили перечень областей, на какія она дѣлилась. Не одинъ разъ мы называли все это пространство „военнымъ округомъ“. Дѣйствительно потребностями народной обороны обуславливались здѣсь всѣ правительственныя дѣйствія и опредѣлялся складъ общественной жизни и хозяйственной дѣятельности. Свойства врага, котораго надлежало здѣсь остерегаться и съ которымъ приходилось бороться, были своеобразны: это былъ степной хищникъ, подвижной и дерзкій, но въ то же время нестойкій и неуловимый. Онъ „искрадывалъ“ русскую Украину, а не воевалъ ее открытою войною; онъ полонилъ, грабилъ и пустошилъ страну, но не завоевывалъ ее; онъ держалъ московскихъ людей въ постоянномъ страхѣ своего набѣга, но въ то же время онъ не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли на которыя налеталъ внезапною, но короткою грозой. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организаціи, предназначенной на борьбу съ такимъ врагомъ. Рядъ крѣпостей стоялъ на границѣ; въ нихъ жилъ постоянный гарнизонъ и было приготовлено мѣсто для окрестнаго населенія, на тотъ случай, если ему при нашествіи врага будетъ необходимо и по времени возможно укрыться за стѣны крѣпости. Изъ крѣпостей разсылаются развѣдочныя отряды для наблюденія за появленіемъ татаръ, а въ опредѣленное время года въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ собираются большія массы войскъ въ ожиданіи крупнаго набѣга крымскаго „царя“. Всѣ мелочи крѣпостной жизни, всѣ маршруты развѣдочныхъ партій, вся „береговая“ или „польная“ служба, какъ ее называли,—словомъ вся совокупность оборонительныхъ мѣръ опредѣлена наказами и „росписями“. Самымъ

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, стр. 26.—Книга Больш. Чертежу, изд. *Львова*, стр. 4, 43, 108.—Авт. Моск. Гос. I, стр. 9 и 24; 12 и 22; 11.—Книга Больш. Чертежу, стр. 83, 113; 87, 108.—*Д. Бѣляевъ*, О сторож., станичн. и полевой службѣ, стр. 60, § 6.—*Д. Багалъй*, Матеріалы для ист. колонизаціи и пр., II, стр. 10; сравн. I, стр. 136.—Авт. Моск. Гос. I, стр. 11 и 27; сравн. № 38. — Авт. Моск. Гос. I, № 28, 31; также стр. 9, 10, 24, 25.—Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ. *Д. Артемьева*. С.-Пб. 1860 г. (Изъ *Ж. М. Вн. Д.*, ч. XL).—*Д. Багалъй*, Матеріалы I, № 1 и 2; II, № 1.—Спеціальная карта Европ. Россіи (10 верстъ въ дюймѣ), изд. Военно-топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба. — *Костомаровъ*, Очеркъ торговли, стр. 138, 318.—*Оглоблинъ*, Обзоръ ист.-географич. матеріаловъ, стр. 392—393.

мелочнымъ образомъ заботятся о томъ, чтобы быть „усторожливѣ“, и предписываютъ крайнюю осмотрительность. А между тѣмъ, не смотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впередъ, все южнѣе, земледѣльческое и промышленное населеніе; оно не только безъ разрѣшенія, но и безъ вѣдома власти осѣдаетъ на новыхъ земляхъ, въ своихъ „юртахъ“, пашенныхъ заимкахъ и звѣропромышленныхъ угодьяхъ. Стремленіе Московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предприимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ защитою поселенца была уже не засѣлка или городской валъ, а природныя „крѣпости“: лѣсная чаща и теченіе лѣсной же рѣчки. Недоступный конному степняку-грабителью, лѣсъ для русскаго поселенца былъ и убѣжищемъ и кормильцемъ. Рыболовство въ лѣсныхъ озерахъ и рѣкахъ, охота и бортничество привлекало поселенцевъ именно въ лѣса. Одинъ изъ изслѣдователей заселенія нашего „поля“ (г. Миклашевскій), отмѣчая расположеніе поселковъ на украинѣ по рѣкамъ и лѣсамъ, справедливо говоритъ, что „русскій человекъ, передвигавшійся изъ сѣверныхъ областей государства, не поселялся въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ; не лѣсъ, а степь останавливала его движеніе“. Такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною заимкою „поля“ происходила и частная. И та и другая, изучивъ свойства врага и средства борьбы съ нимъ, шли смѣло впередъ; и та и другая держались рѣкъ и пользовались лѣсными пространствами для обороны дорогъ и жилищъ; тѣмъ чаще должны были встрѣчаться и вліять другъ на друга оба колонизаторскіе движенія. И дѣйствительно правительство часто настигало поселенцевъ на ихъ юртахъ; оно налагало свою руку на частнозаимочныя земли, оставляло ихъ въ пользованіи владѣльцевъ уже на помѣстномъ правѣ и привлекало населеніе вновь занятыхъ мѣстъ къ официальному участию въ оборонѣ границы. Оно въ данномъ случаѣ опиралось на ранѣе сложившуюся здѣсь хозяйственную дѣятельность и пользовалось уже существовавшими здѣсь общественными силами. Но въ свою очередь вновь занимаемая правительствомъ позиція становилась базисомъ дальнѣйшаго народнаго движенія въ „поле“: отъ новыхъ крѣпостей шли далѣе новыя заимки. Подобнымъ взаимодействіемъ всего лучше можно объяснить тотъ изумительно быстрый успѣхъ въ движеніи на югъ московскаго правительства, съ которымъ мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ. Остерегаясь общаго врага, обѣ силы, и общество и правительство въ то

же время какъ бы наперерывъ идутъ ему на встрѣчу, и взаимною поддержкою умножаютъ свои силы и энергію.

Однако быстрота, съ какою правительство подвигало на югъ свои боевыя линии, стала къ концу XVI вѣка такъ велика, что предупредила свободную колонизацію верховьевъ Сейма, Сѣвернаго Донца и Оскола. За Быстрою Сосною на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ еще не было сколько нибудь замѣтнаго населенія внѣ новыхъ, только что возникшихъ крѣпостей; по крайней мѣрѣ Маржереть, одаренный хорошею наблюдательностью, отмѣтилъ, что въ сторону „поля“ Россія обитаема только до Ливень, а далѣе „жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ“. Чѣмъ южнѣ уходили въ „дикое поле“ московскія войска, тѣмъ менѣе, разумѣется, правительство могло рассчитывать на поддержку вольныхъ колонистовъ, которые за нимъ уже не поспѣвали, и тѣмъ искусственнѣ создавались штаты городскихъ гарнизоновъ и пограничной стражи. Различіе не только въ степени населенности, но и въ самыхъ типахъ населенія очень замѣтно между городами, ставшими на изстари населенныхъ мѣстахъ, и городами, построенными на новозаятыхъ земляхъ. Болѣе сѣверные города изучаемой полосы приближаются по составу своего населенія къ военнымъ городамъ, стоявшимъ на самой Окѣ и на Литовской границѣ. Въ массѣ ихъ жителей преобладаетъ служилый людъ съ своими „дворниками“; но рядомъ есть посадъ и торгъ, есть люди, живущіе отъ промысла и торговли. Городъ окруженъ густою сѣтью помѣстныхъ владѣній, въ которыхъ видимъ обычную картину хозяйства, основаннаго на крестьянскомъ трудѣ и поверженнаго въ кризисъ его неустойчивостью. Помѣстья эти, судя по „окладамъ“, принадлежать не мелкопомѣстному люду; въ его средѣ находимъ всѣ „статья“: и „выборъ“, и „дворовыхъ“, и просто „городовыхъ“ дѣтей боярскихъ. Словомъ, въ ближайшихъ къ центру государства городахъ мы попадаемъ въ обстановку, заставляющую насъ забыть, что мы уже на югѣ отъ Оки, въ украинскихъ мѣстахъ. Не то въ городахъ новыхъ, основанныхъ по стратегическимъ соображеніямъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше не было прочныхъ поселковъ и сколько-нибудь замѣтнаго осѣдлаго населенія. Здѣсь, на „дикомъ полѣ“, господствуетъ, и въ городахъ, и внѣ ихъ, та малоизученная, но очень интересная во многихъ отношеніяхъ среда, которую мы знаемъ подъ именемъ „приборныхъ“ людей: стрѣльцовъ, атамановъ, казаковъ, ѣзодковъ, сторожей, вожей и т. п. Служилые люди по роду своихъ обязанностей, они были земледѣльцами не только на

своихъ отъ правительства имъ данныхъ вблизи города земляхъ, но и на казенной государевой „десятинной“ пашнѣ, которая иногда съ лихвою замѣняла имъ боярскую пашню московскаго центра. Прикрѣпленные къ государевой службѣ и къ своей стрѣлцкой или казачьей слободѣ, эти люди вовсе не были похожи на служилыхъ людей центральной полосы, дѣтей боярскихъ, ни родомъ службы, ни характеромъ землевладѣнія, ни высотой общественнаго положенія. Если дѣти боярскіе и являлись среди нихъ, то въ роли ихъ начальниковъ и руководителей, или же какъ высшій привилегированный слой. Обыкновенные средняго разбора дѣти боярскіе казались крупными и льготными землевладѣльцами по сравненію съ украинными людьми, которыхъ можно лучше всего опредѣлять, какъ вооруженныхъ земледѣльцевъ, обязанныхъ государству не только ратною службою, но и земледѣльческимъ трудомъ. Между столь различными типами украинныхъ городовъ наблюдается и промежуточный типъ со всѣми особенностями переходныхъ формъ. Старинные привычные для московскаго челоуѣка элементы городского и уѣзднаго строя здѣсь на лицо: есть и служилый людъ, и посадскій, и крестьяне. Но рядомъ съ ними есть и новые слои—приборный людъ. При этомъ и старое и новое, вліяя одно на другое, одинаково отступаетъ отъ установившейся традиціи или нормы. Дѣти боярскіе, верстаные изъ казаковъ, выступаютъ въ качествѣ мелкопомѣстной крѣпостной пѣхоты. Служилые казаки, и не мѣняя своего названія, получаютъ помѣстья. Между дѣтьми боярскими и „помѣстными“ казаками стоятъ доселѣ загадочные „бѣломѣстные атаманы“, которые служатъ „атаманскую службу“. Города переходнаго типа по составу жителей сложнѣе прочихъ и потому изучаются не съ надлежащею отчетливостію и ясностію.

Далеко не обо всѣхъ южныхъ городахъ есть у насъ за XVI вѣкъ такія свѣдѣнія, которыя позволили бы дать полную и точную характеристику всѣхъ этихъ городовъ. Но тѣмъ не менѣе на основаніи данныхъ, которыми мы располагаемъ, можно представить примѣры всѣхъ трехъ указанныхъ выше типовъ.

Къ типу старыхъ городовъ, подходящихъ къ городамъ центра, прежде всего принадлежатъ Калуга, Тула и Переяславль Рязанскій—главные города изучаемой полосы. Въ каждомъ изъ нихъ, рядомъ съ „городомъ“, т-е-есть цитаделью, существовалъ посадъ. Въ 1626 году, вскорѣ послѣ смуты и разореній, пережитыхъ Калугою въ 1618 и 1622 годахъ отъ враговъ и пожара, на Калужскомъ посадѣ считали 171 дворъ тяглый, да 102 обнищавшихъ двора; въ 1654 году въ морѣ,

по официальному счету, въ Калугѣ умерло 1836 человекъ, а осталось 930. Такія цифры рисуютъ намъ Калугу съ значительнымъ населеніемъ въ XVII вѣкѣ и съ развитымъ посадомъ (не менѣе 250—300 дворовъ) въ XVI вѣкѣ. Отъ XVII вѣка сохранились указанія и на дѣятельность Калужской таможи, намекающія на существованіе торговаго движенія и товарныхъ складовъ въ Калугѣ. Тула, уже съ начала XVI столѣтія имѣвшая каменный кремль, была очень сильною крѣпостью. Въ ней въ 1588—1589 годахъ насчитывается не менѣе 440 дворовладѣльцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, за которыми было записано до 300 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ; на этихъ дворахъ жило не менѣе 325 дворниковъ. Сверхъ того въ Тульскихъ слободахъ были помѣщены ратные люди низшихъ разрядовъ, числа которыхъ точно опредѣлить нельзя. Въ Тульской книгѣ 1588—1589 годовъ находятся упоминанія приблизительно о 50 стрѣльцахъ, 50 затинщикахъ, 23 пушкаряхъ, 16 воротникахъ; но этимъ не ограничивалось число такихъ служивыхъ людей. Была въ Тулѣ и особая слобода „черкасъ“, то-есть выходцевъ изъ Польско-литовской украины; московскій обычай обращалъ такихъ выходцевъ въ особый „чинъ“ служивыхъ же людей. Размѣры Тульского посада въ XVI вѣкѣ неизвѣстны; для 1625 года имѣемъ цифры: 153 тяглыхъ двора, 62 бѣдныхъ дворишка и 33 пустыхъ двора. На небольшую торговую силу Тульского посада намекають данныя о состояніи Тульского рынка: на немъ около 300 лавокъ и до 150 меньшихъ торговыхъ помѣщеній (скамеекъ, шелашей и т. д.); но изъ общаго числа 450 помѣщеній чернымъ посадскимъ людямъ не принадлежитъ и сотни: они владѣють только 24% изо всего числа лавокъ и шелашей. Остальная же масса принадлежитъ ратнымъ людямъ изъ слободъ и дворникамъ. Въ рукахъ дворниковъ, а не посадскихъ людей, находилась и ремесленная дѣятельность Тулы: дворники въ числѣ ремесленниковъ въ Тулѣ составляли двѣ трети, даже болѣе. Какъ ни приблизительно эти числовыя данныя, онѣ однако убѣждаютъ въ томъ, что Тульскій посадъ, безотносительно крупный, не былъ хозяиномъ въ торгово-промышленной жизни своего города. Онъ испытывалъ ту же участь, какъ и военные города на средней Окѣ, въ которыхъ военная слобода угнетала и медленно уничтожала посадъ. Таково же было положеніе дѣль и въ Переяславлѣ на Рязани. Здѣсь на торгу въ 1595—1597 годахъ было 150 лавокъ, болѣе 100 „полковъ“ и около 80 иныхъ торговыхъ помѣщеній, а съ кузницами, харчевнями и т. п. всего до 400 торгово-промышленныхъ заведеній. Изъ нихъ только 65, или

16%, принадлежало чернымъ посадскимъ людямъ. Остальное сосредоточилось въ рукахъ или ратныхъ людей, или же людей завистѣвшихъ отъ служилыхъ и церковныхъ землевладѣльцевъ: дворниковъ и крестьянъ. Обиліе ратныхъ людей наблюдаемъ и въ Переяславлѣ Рязанскомъ: здѣсь есть стрѣльцы, затынщики и пушкарі; есть даже казаки. Словомъ, въ большихъ городахъ на Московской украинѣ мы видимъ то же, что въ Коломнѣ, Серпуховѣ и Можайскѣ: городъ служитъ одновременно цѣлямъ военно-административнымъ и культурно-хозяйственнымъ. Обращая его въ крѣпость, заботясь о ея усиленіи, правительство дѣлаетъ городъ средоточіемъ военного люда, который, обживаясь въ городѣ и входя въ условія городской жизни, принимаетъ участіе въ торгово-промышленной дѣятельности кореннаго посадскаго населенія. При этомъ посадская тяглая община или слабѣетъ и никнетъ, не выдерживая конкуренціи, или же играетъ въ городѣ послѣднюю роль въ ряду прочихъ существующихъ рядомъ съ ней организацій. Такова фizioномія главнѣйшихъ украинскихъ городовъ. Въ ихъ число можно включить и Зарайскъ съ его каменнымъ кремлемъ и значительнымъ посадомъ. На этомъ посадѣ въ 1595 году было болѣе 200 тяглыхъ и бобыльскихъ дворовъ и нѣсколько дворовыхъ мѣстъ пустыхъ; въ двухъ монастырскихъ слободахъ насчитывали 87 дворовъ; въ крѣпости и на посадѣ сверхъ того было 169 дворовъ помѣщиковъ Рязанскихъ и „Каширскихъ“, очевидно, помѣщенныхъ здѣсь послѣ разоренія Каширы крымцами. Въ помѣщичьихъ дворахъ записано было 198 человекъ „дворниковъ“; число это интересно потому, что оно почти равнялось числу тяглыхъ людей, которыхъ записали 208 (не считая бобылей; „бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены“). Къ сожалѣнію, нельзя точно опредѣлить, какъ распредѣлены были между городскими жителями 326 торговавшихъ лавокъ и скамей (изъ общаго числа 400 торговыхъ помѣщеній въ Зарайскѣ); но разумѣется, и здѣсь посадскіе тяглые люди не пользовались исключительнымъ правомъ на городской торгъ и промыселъ.

За этими, сравнительно большими городами слѣдуютъ менѣе крупныя, сохранившіе у себя остатки старыхъ посадовъ, или же образовавшіе вновь небольшія посадскія общины. Таковы Бѣлевъ, Веневъ, Воротынскъ, Дѣдиловъ, Епифанъ, Лихвинъ, Мещовскъ, Перемышль и Путивль. О Путивлѣ, къ сожалѣнію, имѣемъ свѣдѣнія не ранѣе 1626—1628 годовъ. Въ это время въ немъ было всего 60 тяглыхъ, да нѣсколько обнищавшихъ посадскихъ дворовъ. Изъ 150

слишкомъ торговыхъ помѣщеній на Путивльскомъ рынкѣ посадскимъ принадлежало всего около 25; въ остальныхъ торговали ратные люди. Посадъ Путивльскій былъ такимъ образомъ малъ и слабъ. Но населенность Путивля была, несомнѣнно, велика. Подъ стѣнами Путивльской крѣпости, кромѣ значительнаго гарнизона въ служилыхъ слободахъ, жили монастырскіе люди въ своихъ слободахъ, въ которыхъ число дворовъ считалось сотнями. Какъ старый военный городъ, Путивль, очевидно, испыталъ одну участь съ прочими подобными: господство на рынкѣ и въ промыслахъ перешло въ немъ отъ посадскихъ къ военнымъ и частно-зависимымъ людямъ. Изъ прочихъ названныхъ городовъ только въ Бѣлевѣ былъ, кажется, значительный посадъ, отъ котораго въ 1620 году осталось 24 жилыхъ посадскихъ двора, да 88 пустыхъ мѣстъ дворовыхъ. Новый городъ „Городенскъ на Веневѣ“ или Веневъ въ 1572 году имѣлъ 77 дворовъ крестьянъ и иныхъ людей, „которые садились на льготѣ ново“ и должны были образовать посадъ. Столько же было жилыхъ дворовъ черныхъ людей (72) и въ другомъ новомъ городкѣ Елифани. Въ прочихъ число посадскихъ тяглыхъ дворовъ не превышало трехъ-четырехъ десятковъ. Нѣкоторые же старые города къ серединѣ XVII вѣка уже вовсе лишились посадовъ. По воеводскимъ опискамъ 1651 года, въ Алексинѣ, Козельскѣ и Мценскѣ совсѣмъ не было посадскихъ людей; въ Пронскѣ ихъ не видно уже въ концѣ XVI вѣка. За то выросталъ въ нихъ служилый элементъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были стрѣльцы и прочіе гарнизонные люди, а со времени переустройства сторожевой службы на „полѣ“, съ 1571 года, въ эти города усиленно вербовали казаковъ. По Елифанской писцовой книгѣ 1572 года и по Дѣдиловской 1588—1589 годовъ мы можемъ прослѣдить, какъ это дѣлалось, какъ образовывались казачьи слободы около крѣпостей и какъ дворы посадскихъ людей сносились ради этого съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были, въ „черную слободу“. Приказная же справка 1577 года показываетъ намъ, что для каждаго города было даже опредѣлено необходимое число казаковъ: для Шацка 150, Ряжска 200, Елифани 700, Дѣдилова 500 и т. д. Такимъ образомъ происходило превращеніе стараго города въ постоянный лагерь пограничной милиціи подъ давленіемъ военныхъ мѣропріятій, направленныхъ на лучшее устройство народной обороны.

Что касается до уѣздовъ изучаемыхъ теперь городовъ, то мы можемъ судить о составѣ землевладѣнія и населенія въ нихъ по изданнымъ писцовымъ книгамъ XVI и отчасти XVII вѣка Бѣлевскимъ

Медынскимъ, Тульскимъ, Каширскимъ, Веневскимъ, Рязанскимъ. На всемъ пространствѣ отъ верхней Оки и до Прони наблюдаемъ развитіе помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія какъ на земляхъ давно занятыхъ, такъ и на новыхъ „займищахъ“. На украинное хозяйство садятся здѣсь не одни мелкіе люди, привязанные службой къ южному городу, но и московская знать. Въ Веневскихъ и Епифанскихъ мѣстахъ колонизаторомъ является князь И. Ѳ. Мстиславскій; въ Зарайскѣ помѣщиками сидѣли князья Волконскіе и Кропоткины; тѣхъ же Волконскихъ видимъ и въ Тульскомъ уѣздѣ; въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ была вотчина князей Голицыныхъ, въ Ряжскомъ — вотчина князя Т. С. Трубецкаго. Вообще же вотчинная собственность здѣсь мало замѣтна при широкомъ распространеніи помѣстья. Въ Каширскомъ уѣздѣ, большая часть котораго лежала на правомъ берегу Оки, насчитывается 546 помѣщичьихъ дворовъ, въ Тульскомъ—521; вотчинныя же земли встрѣчаются въ этихъ уѣздахъ въ единичныхъ случаяхъ, и то болѣе за монастырями. Монастыри здѣсь вообще не обладаютъ такими пространствами земли, какъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ. Крестьянство, не зависящее отъ помѣщика и вотчинника, замѣтно только въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ около Венева, но эти села и деревни взяты на государя изъ-за князя Мстиславскаго, изъ частной вотчины. Такимъ образомъ, какъ украинный городъ, такъ и украинный уѣздъ были одинаково мѣстомъ развитія служилаго землевладѣнія и дворовладѣнія. Во второй половинѣ XVI столѣтія служилое землевладѣніе на крайнѣ несомнѣнно дѣлаетъ успѣхи: украинныя мѣста наполняются „приходцами“ съ сѣвера и количество запашки возрастаетъ. Тульскія писцовыя книги даютъ намъ интереснѣйшія въ этомъ отношеніи показанія: въ Тульскомъ уѣздѣ съ 93 по 97 годъ (то-есть, съ 1585 по 1589 г.) прибыло „изъ пуста въ живущее“ 9.775 четей доброю землею. Значеніе этой цифры станетъ вполне ясно тогда, когда мы скажемъ, что въ 1585 году было всего „пашни паханой“ 7.969 четей, а въ 1589 г. стало ея 17.745 чети. Въ этотъ счетъ не входитъ „посадская“ пашня; монастырской земли кругомъ Тулы было мало; такимъ образомъ весь приростъ мы вправѣ отнести на успѣхи служилаго и по преимуществу помѣстнаго землевладѣнія.

Въ названныхъ уѣздахъ земельныя дачи „приборныхъ“ людей, именно „деревни казачьи“, едва замѣтны. Напротивъ, въ городахъ на „полѣ“ господствующій видъ землевладѣнія, даже почти единственный, представляютъ собою помѣстья приборныхъ людей и ихъ

свободныя займки, „юрты“, приравненные къ извѣстному помѣстному окладу. Трудями гг. Багалѣя и особенно Миклашевскаго достаточно разъясненъ порядокъ заселенія новыхъ мѣстъ на польской украинѣ, и намъ остается только собрать ихъ указанія въ краткій очеркъ. Мы уже отмѣчали не разъ, что какъ движеніе правительственныхъ отрядовъ, такъ и свободная займка земли въ „полѣ“ держались теченія рѣкъ. Новые города возникали обыкновенно при рѣкѣ, и близъ той же рѣки намѣчались и земли для служилыхъ городскихъ людей, такъ что область новаго уѣзда совпадала съ бассейномъ рѣки, на которой сталъ городъ. Московскіе воеводы съ отрядомъ служилыхъ людей являлись на мѣсто, гдѣ указано было ставить городъ, и начинали работы; въ то же время они собирали свѣдѣнія „по рѣчкамъ“ о томъ, были ли здѣсь свободныя займки земель. Узнавъ о существованіи вольнаго населенія, они приглашали его къ себѣ, „велѣли со всѣхъ рѣкъ атаманомъ и казакомъ лучшимъ быти къ себѣ въ городъ“; государевымъ именемъ „жаловали“ имъ, то есть, укрѣпляли за ними ихъ юрты; затѣмъ они составляли списокъ этихъ атамановъ и казаковъ и привлекали ихъ къ службѣ государственой по оборонѣ границъ и новаго города. Это и было первое зерно зарождавшагося здѣсь служилаго класса. Вторымъ былъ пришлый гарнизонъ новаго города. Мѣняясь въ извѣстные сроки въ своемъ составѣ, онъ служилъ какъ бы кадрамъ, съ помощью котораго устраивались по немногу постоянныя группы городского населенія: стрѣльцы, казаки, ѣздоки, вожи, пушкарни и т. п. Всѣ эти группы составлялись или путемъ перевода и перехода ратныхъ людей изъ другихъ городовъ на „вѣчное житье“ въ новый городъ, или же путемъ „прибора“ въ службу свободныхъ, „гулящихъ“ людей. Каждая группа устраивалась при крѣпости въ особыхъ „слободахъ“; слободы окружали первоначальную крѣпость, „городъ“, и сами бывали обнесены валомъ и стѣною, „острогомъ“. За предѣлами острога выросли впоследствии такія же слободы, „новоприборныя“ и иныя. Обеспечивался гарнизонъ новой крѣпости на первыхъ порахъ готовыми запасами, доставленными съ сѣвера, изъ другихъ городовъ, а затѣмъ—собственною пашнею на землѣ, которую ратные люди получали кругомъ своего города. Къ пашнямъ, отводимымъ въ очень небольшихъ количествахъ, присоединялись всякія угодыя. Земли обыкновенно давались каждой группѣ служилыхъ людей отдѣльно отъ прочихъ группъ, въ общей межѣ, въ количествѣ равномъ для всѣхъ лицъ данной группы. По обстоятельствамъ пахотная земля этихъ горожанъ иногда бывала отво-

дима не близко отъ города, и тогда ее обрабатывали „наѣдомъ“, выѣжая изъ города. Пользованіе угодьями, особенно же лѣсными пасѣками, также выводило служилыхъ людей изъ городскихъ стѣнъ. Городъ былъ устроенъ, словомъ, такъ, что его населеніе неизбѣжно должно было работать въ его уѣздѣ и поэтому колонизовало мѣста иногда очень далекія отъ городской черты. Въ свою очередь насельники края съ своими юртами обращались въ помѣщиковъ, служившихъ съ своей земли и тянувшихъ службою и землею къ тому же городу. Наконецъ, высылаемые сюда изъ сѣверныхъ городовъ на сторожевую службу дѣти боярскіе обзаводились здѣсь помѣстьями и вотчинами и составляли малочисленную сравнительно группу высшихъ по „чину“ и крупнѣйшихъ по количеству земли владѣльцевъ и собственниковъ. Такъ сплеталась въ уѣздѣ сѣть земельныхъ владѣній, или созданныхъ военно-административными мѣропріятіями правительства, или же пересозданныхъ изъ вольной заимки въ условную форму служилой собственности. Попадавшій въ эту сѣть крестьянинъ садился уже на частновладѣльческую землю, чаще же попадалъ въ ратную приборную службу. Крестьянскіе дворы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти отсутствовали; а въ Бѣлгородскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ, въ которыхъ наблюдалось въ началѣ XVII вѣка сравнительно большое число крестьянскихъ дворовъ, на одного помѣщика приходилось среднимъ числомъ не болѣе одного крестьянскаго двора и одного бобыльскаго, и едва ли не большинство помѣщиковъ обрабатывало землю личнымъ трудомъ. Врядъ ли такое отношеніе было благоприятнѣе для помѣщиковъ въ XVI вѣкѣ, когда на „полѣ“ только что возникали и устраивались города и шла усиленная вербовка въ нихъ гарнизоны ратныхъ людей. На помѣщичью пашню врядъ ли здѣсь охотно садились люди, приходившіе на украину искать земли: имъ лучше было сѣсть на свою служилую землю, если не удавалось просто „погулять на полѣ“ или „показаковать“. Крупнаго монастырскаго или боярскаго землевладѣнія на „полѣ“ въ XVI вѣкѣ не видимъ; здѣсь господствуетъ мелкопомѣстное хозяйство, и есть только одна крупная запашка—на „государевой десятинной пашнѣ“, которую пахали по наряду, сверхъ своей собственной, всѣ мелкіе ратные люди изъ городовъ. Эта пашня была заведена для пополненія казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Таковъ составъ южнаго Московскаго уѣзда. Онъ такъ же однороденъ, какъ и составъ сѣвернаго уѣзда; только тамъ населеніе сплошь промышленное, а здѣсь исключительно служилое, военно-земледѣль-

ческое. Южный уѣздъ такъ же, какъ и сѣверный крѣпко связанъ съ своимъ городомъ; но на сѣверѣ эта связь основана на отношеніяхъ экономическаго порядка, а здѣсь на военно-административныхъ. На сѣверѣ преобладающее значеніе имѣютъ представители крупнаго земельного и торговаго капитала; на югѣ, на „полѣ“.— мелкопомѣстный людъ, сильный военною организаціею. Трудно представить себѣ что-либо болѣе несоотвѣтственное одно другому, болѣе далекое одно отъ другаго по условіямъ общественнымъ и хозяйственнымъ.

Точно опредѣлить границы только что характеризованной полосы довольно трудно. Мы выше замѣтили, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка не только въ „польскихъ“, но и въ болѣе сѣверныхъ „украинныхъ“ городахъ, на ихъ посадахъ, образуются слободы приборныхъ людей и водворяется мелкопомѣстная форма служилаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, признакъ, по которому всего удобнѣе можно было бы отличить новый военный городъ, — именно, дѣленіе города на спеціальныя военныя слободы и отсутствіе посадской общины,—этотъ признакъ усваивается путемъ правительственныхъ мѣръ, и старымъ городамъ, въ уѣздахъ которыхъ поселены дѣти боярскіе „большихъ статей“ и давно налажено традиционное помѣстное хозяйство. Во всякомъ случаѣ къ городамъ новаго типа относятся Бѣлгородъ, Воронежъ, Осколь, Валуйка, Елецъ, Ливны, Кромы, Сѣвскъ, также Сапожокъ, Печерники, Гремячей и другіе острожки и городки на „полѣ“.

Къ такимъ же городамъ близко стоятъ и нѣсколько другихъ городовъ, изъ числа старыхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ формы служебной организаціи такъ сказать переходныя. Уцѣлѣвшія отъ XVI вѣка Ряжскія и Елифанскія десяти знакомятъ насъ лучше всего съ этими формами. Въ Елифани, по десятиѣ 1585 года, было поверстано изъ „казаконъ“ въ „дѣти боярскіе“ 300 человекъ на помѣстья въ 40 и 30 четвертей. Эти „дѣти боярскіе“ дѣлились въ 1606 году на три сотни и служили съ пищальми подъ начальствомъ головъ, не принадлежащихъ къ Елифанской служилой средѣ,—порядокъ, напоминающій обычай приборной службы. А рядомъ съ этими новоположенными мелкопомѣстными служаками видимъ Елифанскихъ же дѣтей боярскихъ, получающихъ въ 1604 году новичные оклады въ 200 и 150 четей. Такимъ образомъ въ Елифани какъ бы два разныхъ слоя служилаго люда: старый и новый. Въ Ряжскѣ существуетъ то же самое. Среди Ряжскихъ служилыхъ людей обычныхъ наименованій, окладовъ и служебъ видимъ дѣтей боярскихъ „ряшанъ въ служивыхъ

казацѣхъ“, читаемъ, что одни изъ нихъ „на полѣ казакують“, другіе „у казаковъ въ атаманѣхъ“, третьи сошли „на Донъ безвѣстно“. Мы готовы думать, что понимаемъ разницу между службою „въ служивыхъ казакахъ“ и уходомъ на „поле“ и на Донъ въ вольные казаки. Но далѣе мы теряемся въ догадкахъ, что значить уйти „въ охочихъ казакѣхъ съ Ив. Кобяковымъ“ или „сойти въ вольные казаки съ Вас. Биркинымъ“, теряемся потому, что и Кобяковъ и Биркинъ—люди испытанные на государственной службѣ и не могутъ никого свести безвѣстно, тѣмъ болѣе что и сами они и шедшіе съ ними люди, по десятинамъ, не считаются въ бѣгахъ. Не вполнѣ понятенъ для насъ и тотъ служебный „чинъ“, который называется „бѣломѣстными атаманами“, служить „атаманскую службу“, имѣть значительные оклады, до 200 четей. Если не согласиться съ указаніемъ одной Воронежской писцовой книги, что атаманы это тѣ, „которые взяты изъ дѣтей боярскихъ въ ѣздоки“, то врядь ли можно объяснить себѣ этотъ терминъ и самую службу ¹⁾).

Чтобы окончить нашу рѣчь о южной окраинѣ Московскаго госу-

¹⁾ *И. Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, М. 1894, стр. 102, 107—108, 116—117, 208 и вообще три первыя главы (стр. 21—64, 64—101, 101—140).—*Д. Багалъй*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства, М. 1887, стр. 108—135.—*Его же*, Разборъ труда И. Н. Миклашевскаго въ „Отчетъ о 37-мъ присужденіи награды гр. Уварова“ (С.-Пб. 1897), стр. 190—194, 208—221 и др.—Маржеретъ въ Связ. современниковъ о Дим. Самозванцѣ, I, стр. 251.—Городскія поселенія Россійск. Имперіи, т. II, стр. 344.—Ивѣстія Калужск. Архив. Комиссіи 1894, № 3, стр. 35—36.—Доп. А. И. III, стр. 513, 519 и № 27.—Тула. Матеріалы для исторіи города. М. 1884, стр. 1—2, 14—15.—*Н. Чечулинъ*. Города Моск. государства, стр. 258—260, 265, 280 (ср. 304), 288, 305.—Рязань, Матеріалы для исторіи города, М. 1884, стр. 1—5.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 289, 265.—Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города, М. 1883, стр. 1—2.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 263—266.—*И. Миклашевскій*, о. с., стр. 95—96.—Бѣлевъ. Матеріалы для исторіи города, М. 1885, стр. 3.—Писц. книги, изд. *Калачова*, II, стр. 1541, 1588—1595.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 260—263.—Доп. А. И., VIII, стр. 127, 135, 136; IX, стр. 247.—Статья *И. И. Дятлина* въ „Русск. Мысли“ 1883 г., XII, стр. 95 и *В. Латкина*, Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ. С.-Пб. 1884, стр. 93, 106, 113.—Писц. книги *Калачова*, II, стр. 1261 и слѣд., 1588 и слѣд.—Авт. Моск. госуд., I, № 23, стр. 36.—*С. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе, стр. 214—215.—Писц. книги *Калачова*, II, 1260 и Указатель, стр. XXXII—XXXV.—*Пискаревъ*, Древніе грамоты и акты Рязанскаго края. С.-Пб. 1854, № 23.—Временникъ М. О. И. и Др. XIII, Приправочная Рязанская книга 124 года, стр. 1 и слѣд.—*В. Сторожевъ*, Десятни. М. 1891, стр. 248, 307, 312, 316, 317, 346, 355, 357, 358 (ср. у *И. Н. Миклашевскаго* стр. 78).

дарства, намъ остается сказать только объ одной отмѣченной современниками особенности этого края. Авр. Палицынъ говоритъ, что въ XVI вѣкѣ для того, чтобы „наполнить воинственнымъ чиномъ“ окраины земли, правительство держалось обычая, „егда кто отъ злодѣйствующихъ осужденъ будетъ ко смерти и аще убѣжить въ тѣ города Польскіе и Сѣверскіе, то тамо избудить смерти своея“. Это сообщеніе похоже на правду. Хотя въ московскомъ законѣ мы и не находимъ выраженнаго такъ постановленія, но встрѣчаемъ за то указаніе, что правительству была не чужда мысль обратить украину въ мѣсто ссылки для неблагонадежныхъ людей: въ 1582 году было указано ябедниковъ и клеветниковъ, уличенныхъ на судѣ, „казнити торговою казню да написать въ казаки въ украинные города Сѣвскъ и Курскъ“. Если правительство находило, что на украинѣ можно терпѣть тѣхъ, кто неудобенъ въ центрѣ, то и сами тѣ, кому становилось неудобно жить въ государствѣ, уходили на украину, гдѣ былъ еще слабъ правительственный надзоръ и общественный порядокъ. Здѣсь была возможность или устроить свою жизнь по-новому, избѣгнувъ неудобныхъ сторонъ установившагося въ старомъ обществѣ режима, или же, если для этого не хватало силъ и умѣнья, можно было идти на государеву „приборную“ службу и успокоиться на мелкомъ служиломъ помѣстьѣ и въ гарнизонѣ пограничнаго городка. Палицынъ говоритъ, что этимъ выходомъ пользовались холопы, страдавшіе въ тискахъ частной зависимости или прогнанные своими господами. Можно думать, что пользовались этимъ выходомъ и крестьяне, недовольные тѣми условіями, въ какія становился въ исходѣ XVI вѣка крестьянскій трудъ. Всегда и вездѣ украина даетъ пріютъ обездоленному и недовольному люду; и въ Московскомъ государствѣ на украинѣ ютились тѣ, для кого московскіе порядки XVI вѣка оказались бѣдственными и невыносимыми ¹⁾.

С. Платоновъ.

¹⁾ *А. Палицынъ*, въ изд. 1822 г., стр. 14, и Русск. Ист. Библ., XIII. стр. 482.—А. И. I, № 154, стр. 271.

ЖИТІЕ АНТОНІЯ И ПЕЧЕРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Житіе Антонія принадлежитъ къ числу утраченныхъ для историка русской литературы памятниковъ. Если бы оно дошло до нашихъ дней, то несомнѣнно занимало бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди древнѣйшихъ произведеній нашей письменности. Важное само по себѣ, какъ одна изъ первыхъ попытокъ соединить въ одно цѣлое рядъ историческихъ и легендарныхъ преданій о возникновеніи Печерскаго монастыря, это житіе особенно любопытно потому, что служило источникомъ для многихъ сказаній о житіяхъ печерскихъ угодниковъ XI вѣка и о событіяхъ, связанныхъ съ исторіею славной обители; изъ него заимствовано въ Повѣсть временныхъ лѣтъ нѣсколько историческихъ и даже хронологическихъ данныхъ.

Невозградимая для науки утрата Житія Антонія была замѣчена въ Киевопечерскомъ монастырѣ уже въ XVI вѣкѣ. Въ семидесятихъ годахъ этого столѣтія король польскій посылаетъ въ Москву діакона Исаію съ порученіемъ испросить у царя и великаго князя нѣсколько книгъ для снятія съ нихъ списковъ и напечатанія. Между этими книгами Исаія въ своемъ отвѣтѣ на дѣлавшіеся ему въ Москвѣ допросы называетъ Житіе Антонія: „а хотя у царя государя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи отъ его царскія книгохранилища испросити библию по нашему языку рускому словенскому на списъ слово въ слово... да беседы еуангельскія... да житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего антонія киевскаго. а его житія у насъ въ Киевѣ во священней обители божія матере и преподобныхъ отецъ нашихъ антонія и еодосія киевскихъ въ печерскомъ монастыри нѣтъ. токмо о его жити въ патерикѣ печерскомъ намъ въ нѣкоторой богословной винѣ въ послушество приводитъ і сказываетъ

и пишетъ симонъ епископъ владимирскій“ (см. Описаніе церковно-слав. и русск. рукоп. сб. Имп. Публ. Библ. А. Θ. Бычкова, ч. I, с. 143 и Сырку, Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами, Извѣстія II Отд. I, 499 и 536). Въ слѣдующемъ вѣкѣ встрѣчаемся еще съ болѣе вѣскимъ свидѣтельствомъ о томъ, что и тогда Житіе Антонія не отыскивалось въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Составитель предисловія къ печатному Патерику (1661 г.) говоритъ между прочимъ ¹⁾: „Но, что не написано въ одной книгѣ—то обыкновенно пополняется другою, и св. Несторъ, кромѣ лѣтописи, означилъ подробности въ другой особой книгѣ Житіе преподобнаго отца нашего Антонія, и книга эта, содержащая его подробное житіе, упоминается часто въ заглавіяхъ древне написанныхъ Печерскихъ Патериковъ, но утрачена нами во время войнъ. Но извѣстный писатель св. Симонъ, епископъ владимирскій и суздальскій, — прочелъ ее и указалъ намъ и на годъ, и на мѣсяцъ и день преставленія этого преподобнаго первоначальника, и на погребеніе его у насъ въ пещерѣ, а не въ Римѣ“. Изъ этихъ словъ предисловія ясно, что находящееся въ печатномъ Патерикѣ „Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія“ ничего общаго съ древнимъ житіемъ его не имѣетъ: содержаніе этой статьи, какъ основательно замѣтилъ еще Кубаревъ, заимствовано изъ Симонова Слова о созданіи церкви, изъ Житія Θεодосія и другихъ извѣстныхъ намъ источниковъ. Симонъ и Поликарпъ въ своихъ сказаніяхъ, вошедшихъ въ Печерскій Патерикъ, нѣсколько разъ ссылаются на Житіе Антонія: отсюда слѣдуетъ, что въ началѣ XIII вѣка оно еще находилось въ Печерскомъ монастырѣ. Но то обстоятельство, что оба эти писателя считаютъ умѣстнымъ дѣлать изъ него обширныя извлечения, давать пересказъ его содержанія, наводитъ на мысль, что уже въ ихъ время это житіе было мало извѣстно, забыто. Поликарпъ прямо указываетъ на необходимость разказать о житіи тѣхъ угодниковъ, сказанія о которыхъ были внесены въ Житіе Антонія: иначе, говоритъ онъ, память о нихъ совершенно исчезнетъ (ср. ниже). Можно думать, что во времена Симона и Поликарпа было найдено это Житіе; раньше мало кто зналъ о немъ и, можетъ быть, оно совсѣмъ не подвергалось перепискѣ.

Итакъ, источниками для нашего знакомства и для возстановленія содержанія Житія Антонія оказываются сказанія Симона и Поликарпа.

¹⁾ Выписки изъ печатнаго Патерика привожу по исправному русскому переводу, сдѣланному съ изданія 1702 года Е. Поселяниномъ (М. 1897).

Но кромѣ того мы находимъ и въ Киевопечерскомъ патерикѣ и въ нашихъ лѣтописяхъ рядъ данныхъ, которыя съ большею или меньшею очевидностью можно связать съ этимъ утраченнымъ памятникомъ нашей древней письменности.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ главною цѣлю—установить связь между двумя недошедшими до насъ памятниками — Житіемъ Антонія и Печерскою лѣтописью. Для этого я, на основаніи дошедшихъ до насъ данныхъ, пытаюсь возстановить содержаніе и этого житія и этой лѣтописи, указать на зависимость лѣтописи отъ Житія и такимъ образомъ, установивъ источники Печерской лѣтописи перейти, къ очерку ея литературной исторіи.

Сказанія Симона и Поликарпа дошли до насъ не въ первоначальномъ видѣ: будущіе изслѣдователи Киевопечерскаго патерика несомнѣнно укажутъ, въ какихъ изводахъ его сохранился наиболѣе первоначальный текстъ этихъ сказаній. Но измѣненія, которымъ подверглись эти сказанія даже въ позднѣйшей рукописной редакціи патерика — Кассіановской 1462 года, не настолько существенны, чтобы могли служить препятствіемъ къ признанію тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о Житіи Антонія, прямыми свидѣтельствами самихъ авторовъ сказаній—Симона и Поликарпа. Приведу эти свидѣтельства, пользуясь списками Патерика Кассіановскихъ редакцій и редакціи такъ называемой Арсеніевской (Берсеневскій пергаменный списокъ Публичной библіотеки).

Житіе Антонія упоминается въ слѣдующихъ мѣстахъ Симонова Посланія къ Поликарпу и его Сказаній о созданіи церкви и о житіяхъ печерскихъ угодниковъ.

1. Сказавъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу о томъ, что многіе изъ иноковъ печерскихъ удостоились епископскаго сана и указавъ на Леонтія, епископа ростовскаго, Симонъ продолжаетъ: „иларіона же митрополита, и самъ чель еси *въ житіи святого антонія*. яко отъ того постриженъ бысть (и) тако священства сподобленъ“ (Румянц. № 305; изд. Яковлева с. 90; въ Арсен. ред. посланіе не помѣщено).

2. Въ концѣ статьи „Что ради имѣти тщаніе и любовь къ преподобнымъ отцемъ Антонію и Θεодосію печерскимъ“, статья, помѣщенной въ началѣ Симонова Сказанія о святыхъ черноризцахъ печерскихъ, мы читаемъ въ Кассіановскихъ редакціяхъ Патерика: „да быхъ точію положенъ былъ. въ божественной тои прѣсти. и малу отраду пріаль быхъ многыхъ ми грѣховъ. молитвъ ради святыхъ отецъ. о христвѣ

исусѣ господи нашемъ. ему же слава нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ“ и вслѣдъ затѣмъ киноварное заглавіе: „о блаженнѣмъ еоустратіи постници“, далѣе: „Нѣкии человекъ приде ис кіева въ пещеру хотя быти черноризецъ...“ (Румянц. № 305; изд. Яковлева с. 93). Между тѣмъ въ Арсеніевской редакціи (Берсен. сп.) послѣ словъ „молитвъ ради святыхъ отецъ“ находимъ: „и ина такова обрящеши брате поликарпе въ житии святаго антонія. Къ нему же ¹⁾ приде отъ кіева нѣкто хотя быти чернецъ“. Думаю, что въ этомъ случаѣ Арсеніевская редакція точнѣ сохранила первоначальный текстъ Симонова сказанія: вслѣдъ за заключительными словами первой статьи (молитвъ ради святыхъ отецъ) стояло не заглавіе слѣдующей статьи (о Евстратіи постницѣ), а переходная фраза, читаемая въ Арсеніевской редакціи (и ина такова обрящеши... въ житии святаго антонія). Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе сказанія объ Евстратіи заимствовано Симономъ изъ Житія Антонія (ср. къ нему же приде отъ кіева нѣкто). Составитель Кассіановской 2-й редакціи, имѣя подъ глазами измѣненный текстъ (ср. Кассіан. 1-ю редакцію въ изданіи Яковлева), уже не могъ заключить, что Евстратій пришелъ къ Антонію; вотъ почему послѣ словъ „хотя быти черноризецъ“ онъ вставилъ фразу: „и повелѣ игумень его пострици. и нарече имя ему еоустратіе“. Слѣдующій за сказаніемъ объ Евстратіи Симоновъ разказъ о Никонѣ черноризцѣ стоитъ въ тѣсной связи съ предыдущимъ сказаніемъ: Евстратій и Никонъ Сухій одновременно попали въ плѣнъ къ половцамъ, почему разказъ о Никонѣ начинается словами: „други же мнихъ, имяемъ никонъ. въ плененіи сы...“ (Румянц. № 305; Яковлевъ с. 95); этимъ объясняется и то, что оба сказанія оканчиваются однимъ общимъ заключеніемъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: „яко оного ради блаженнаго предреченнаго хрестова мученика герасима. жидове крестисася. сего же ради страсотерпца никона. половци же быша черноризци“ (Румянц. № 305; Яковлевъ с. 97). Любопытно при этомъ, что Евстратій (о которомъ выше было дѣйствительно разказано, что „окааннии же жидовѣ. видѣвшѣ происшедшее по его молитвѣ чюдо страшно и крестисася“) названъ здѣсь Герасимомъ, такъ же какъ и выше въ пророческихъ словахъ, вложенныхъ въ уста Никоу („такъ бо ми рече святии герасимъ. яко...“). Мнѣ кажется, отсюда слѣдуетъ заключить, что у Симона былъ письменный источникъ. гдѣ Герасимъ отождествлялся съ Евстратіемъ (мірское и мона-

¹⁾ Въ изданіи Яковлева с. 93, прим. 4 ошибочно: к сеому.

пешское имена), а такимъ источникомъ, какъ указано выше, могло быть именно Житіе Антонія ¹⁾).

3. Въ словѣ о святомъ Аѳанасіи затворникѣ Симонѣ, разказавъ объ исцѣленіи Вавилы отъ мощей св. Аѳанасія, продолжаетъ: „аще ли кому не вѣрно мнитъ написаное се да почитеть *житіе святаго антоніа* отца нашего, начальника рускымъ мнихомъ, и да вѣруеть“ (Берсен.). Тоже читается и въ Кассіановскихъ редакціяхъ, ср. Кассіан. 1-я: „аще ли кому невѣрно мнится се написанное, да почитеть житіе святаго отца нашего антоніа...“ (изд. Яковлева, 99), при чемъ въ Кассіановской 2-й вм. антоніа находимъ антоніа и еоодосіа: „да почитеть житіе святы(хъ) отецъ нашихъ, антоніа и еоодосіа, начальника рускымъ мнихомъ“; очевидно, что вставка имени Θεοδοσία позднѣйшая. Изъ этого мѣста Симонова сказанія нельзя заключать, чтобы чудо надъ Вавилой было заимствовано Симономъ изъ Житія Антонія (ср. статью Е. Н. Щепкина въ Archiv f. Sl. Ph. XIX, Zur Nestorfrage). Возможность необычайнаго чуда, исцѣленія разслабленнаго человѣка отъ прикосновенія къ тѣлу св. подвижника, подтверждается ссылкой на Житіе Антонія, гдѣ разказывалось объ аналогичномъ случаѣ исцѣленія больнаго отъ кости, вынутой изъ мощей Моисея Угрина (ср. ниже).

4. Разказавъ въ Словѣ о созданіи церкви о чудѣ, бывшемъ при основаніи каменной церкви Печерской, при чемъ на мѣсто, выбранное для закладки фундамента, сошелъ небесный огонь, Симонъ замѣчаетъ: „въ *житіи святаго антоніа* сего пространнѣе обрящеши, въ еоодосіевѣ же житіи всѣмъ явлена соуть, како столпъ огненъ явися отъ земля и до небеси, овогда же облакъ, иногда же аки дуга отъ верха оной церкви на сіе мѣсто, многожды же и иконѣ приходити, ангеломъ тоу носящимъ, на хотящее быти мѣсто“ (Кассіан. и Арсен.). Дѣйствительно, въ Житіи Θεοδοσία мы читаемъ то, что здѣсь указано; ясно, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что и ссылка на Житіе Антонія оправдалась бы, еслибы оно дошло до насъ. Изъ словъ Симона видно, что въ этомъ житіи еще пространнѣе, чѣмъ въ его

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что Симонъ расположилъ свои сказанія въ хронологическомъ порядкѣ. Послѣ первой правоучительной и вводной статьи (Что ради имѣти тшаніе...) слѣдуютъ сказанія о Евстратіи и Никонѣ, пришедшихъ въ монастырь еще во времена Антонія; далѣе о Кукшѣ и Пименѣ, о которыхъ онъ зналъ по преданію. Объ Аѳанасіи, Святошѣ и Еразмѣ разказывается на основаніи показаній очевидцевъ, свидѣтелей ихъ подвиговъ. Объ Ареѣ, Титѣ и Евагріи Симонъ самъ говоритъ какъ очевидецъ (и се видѣхъ; еже самъ видѣхъ).

Словѣ о созданіи церкви, разказывалось о чудесныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе церкви Успенія Божіей Матери, при чемъ Симонъ далъ намъ извлеченіе или пересказъ того, что нашель въ Житіи Антонія.

Въ сочиненіяхъ Поликарпа Житіе Антонія упоминается въ слѣдующихъ мѣстахъ:

5. Въ концѣ сказанія объ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, Поликарпъ выражаетъ удивленіе, „какъ это не нашли повѣствователя (како премолчана быша) великіе подвиги св. Антонія и Θεодосія (великаа исправленія святыхъ отецъ нашихъ. антоніа и еодосіа). Если такое свѣтило угасло вслѣдствіе небреженія, то какъ могутъ получить отъ него свѣтъ лучи (то аще толико свѣтило оугасе небреженіемъ. то како отъ него луча вссіяють)? Я разумѣю подъ лучами этихъ преподобныхъ отцовъ и братіевъ ¹⁾ (сихъ мню преподобныхъ отецъ нашихъ печерскихъ). Но, какъ сказалъ Господь, ни единъ пророкъ приятель есть во отечествіи своемъ (но яко же рече господь никоторыи же пророкъ приятель есть въ отечествіи своемъ). Далѣе, указавъ на то, что, если бы онъ (Поликарпъ) рѣшился написать ему (Акиндиану) о чудесахъ, подвигахъ, воздержаніи, пророчествахъ древнѣйшихъ (прежде назнменанныхъ) святыхъ преподобныхъ отцсвъ, при чемъ вѣра, знаменія и чудеса уже засвидѣтельствованы епископомъ Симономъ, то нѣкоторымъ эти повѣствованія покажутся невѣроятными вслѣдствіе величія описанныхъ дѣлъ (величества ради дѣлъ). Причиной ихъ невѣрія то, что они знаютъ про меня, Поликарпа, какъ я грѣшенъ. „Но (я готовъ это сдѣлать) если твое преподобіе повелитъ мнѣ написать о тѣхъ, которыхъ постигъ мой умъ и сохранила память; даже въ томъ случаѣ, если тебѣ это и не будетъ полезно (надо написать), чтобы оставить на пользу тѣмъ, которые будутъ жить послѣ насъ, подобно тому какъ и блаженный Несторъ написалъ въ лѣтописцѣ о блаженныхъ отцахъ Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исакии. Въ житіи же св. Антонія записаны всѣ ихъ житія, хотя и вкратцѣ (*въ житіи же святаго антоніа* вся житія ихъ въписана соуть, аще и въ кратцѣ речена); болѣе же пространно (разказаны тамъ житія) прежде упомянутыхъ черноризцевъ (но паче прежде реченніи черворизци). (Я же) буду говорить явно, а не тайно, какъ и раньше (явно реку а не втайне яко же и прежде). Ибо если я умолчу, послѣ меня они будутъ забыты и къ

¹⁾ „И братіи“ въ Кассіан. 1-й (изд. Яковлева); въ Кассіан. 2-й (Румянц. № 305) этихъ словъ нѣтъ.

тому же не будутъ даже поминаемы ихъ имена, какъ это и было до сего времени (аще бо азъ премолчу отъ мене забвена боудуть, а к тому не помянутся имена ихъ. яко же было и до сего дни). Это говорится въ 15-е лѣто твоего игуменства, и то, о чемъ не было упоминанія въ теченіе 160 лѣтъ, нынѣ благодаря твоей любви, говорится во всеуслышаніе (се же речеся. въ ̅ѐ̅. лѣто твоего игуменства. еще не бысть помяновеніа. ̅ѐ̅. и ̅ѡ̅. лѣтъ. нынѣ же твоя ради любви оутаеннаа слышана быша)“. Я сдѣлалъ такую обширную выписку и при томъ въ переводѣ на современный языкъ для того, чтобы нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ важномъ для насъ мѣстѣ Поликарпова сказанія. Прежде всего замѣчу, что въ первой фразѣ приведеннаго отрывка „отецъ нашихъ антоніа и еоодосіа“ стоитъ вмѣсто „отца нашего антоніа“, подобно тому какъ въ другомъ, приведенномъ выше, мѣстѣ, къ имени Антонія присоединено впослѣдствіи имя Θεодосіа. Это ясно изъ слѣдующей фразы: „аще толико светило оугасе небреженіемъ“. Отсюда видно, что Поликарпъ выражаетъ удивленіе тому, какъ это забылись подвиги и чудеса Антонія: слова „оугасе небреженіемъ“ показываютъ, что это, то-есть, очевидно забвеніе Антонія, произошло по небреженію, допустившему исчезновеніе, сокрытіе его житія. Въ Житіи Антонія, по словамъ Поликарпа, кратко разказаны житія древнѣйшихъ преподобныхъ черноризцевъ печерскихъ, но подробнѣе именно тѣхъ, о которыхъ онъ сказалъ прежде, то-есть, тѣхъ подвижниковъ, житія которыхъ были написаны Поликарпомъ раньше другихъ. Теперь мы не можемъ сказать, какія именно житія разумѣются при этомъ Поликарпомъ, такъ какъ ничто не доказываетъ, что теперешній порядокъ сказаній Поликарпа въ Кассіановскихъ или другой порядокъ ихъ въ Арсеньевской редакціи Патерика — первоначальный ¹⁾. Можетъ быть, разсматриваемый отрывокъ должно понимать, какъ окончаніе посланія Поликарпа къ Акиндину, при чемъ въ этомъ посланіи были разказаны житія только древнѣйшихъ (прежде на знаменаныхъ) подвижниковъ печерскихъ. Въ такомъ случаѣ дошедшая до насъ редакція этого отрывка измѣнила кое-что въ первоначальномъ текстѣ Поликарпа, а именно вмѣсто словъ: „аще быхъ ти написалъ“ (словъ непонятныхъ, такъ какъ въ текстѣ нѣтъ второй части

¹⁾ Указаніе Макарія въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов., V, 136 на первоначальность порядка въ Кассіановскихъ редакціяхъ мнѣ не совсѣмъ ясно, такъ какъ я не знаю списковъ, гдѣ находились бы въ Поликарповомъ Посланіи слова, приведенныя Макаріемъ.

условнаго предложенія), тамъ стояли, можетъ быть, слова: „написахъ же ти“; вмѣсто „но аще повелитъ твое преподобство написати“—„но яко же повелѣ“... и далѣе вмѣсто „нихъ же ми оумъ постигнеть и память принесеть“ ... „постиже ... принесе“. Если это такъ и если указанные измѣненія были сдѣланы при внесеніи разсматриваемаго отрывка въ середину между Поликарповыми сказаніями, слова „прежде реченніи черноризци“ могутъ относиться ко всѣмъ тѣмъ подвижникамъ, сказанія о которыхъ заимствованы Поликарпомъ изъ Житія Антонія; сюда могутъ принадлежать Григорій чудотворецъ, Лаврентій затворникъ, Моисей Угринъ, Іоаннъ затворникъ.

6. Разказавъ о подвижнической жизни Моисея Угрина, Поликарпъ говоритъ: „се же и въ житіи святого отца нашего антонія вписано есть о семь моисии. како приде и скончаса в добрѣ исповѣданіи о господѣ пребывъ. Ā. лѣтъ въ монастыри. Ё. лѣтъ въ плѣнѣ страдавъ окованъ. њ. лѣтъ за чистоту страдавъ въ страсти“ (Береен. сп.). Въ Кассіановскихъ редакціяхъ послѣднія слова нѣсколько измѣнены: „а въ плененіи страда въ оузахъ. Ё. лѣтъ. шестое лѣто за чистоту“; кромѣ того выше вмѣсто словъ „како приде“: „бѣ бо пришелъ блаженный въ дни святого антонія“ (Румянц. № 305). Изъ словъ Поликарпа видно, что разказъ о Моисей Угринѣ заимствованъ въ существенныхъ частяхъ своихъ изъ Житія Антонія.

7. Въ сказаніи о Ѳеодорѣ и Василии Поликарпъ влагаетъ въ уста Ѳеодора, поставленнаго на судъ передъ княземъ Мстиславомъ Святполковичемъ, который спросилъ его, много ли въ найденномъ имъ сокровищѣ золота, серебра и сосудовъ и извѣстно ли, кѣмъ оно сокрыто въ пещерѣ, слѣдующія слова: „въ житіи святого антонія повѣдается, варяжскіи поклажи есть. понеже съсоуди латиньстін соуть, и сего ради варяжская пещера зовется и до нынѣ. злата же и серебра бесчислено множество“. Изъ этихъ словъ видно, что въ Житія Антонія говорилось между прочимъ о какой-то варяжской пещерѣ, при чемъ объяснялось и происхождение самаго названія ея.

Указанныя здѣсь мѣста изъ Симоновыхъ и Поликарповыхъ сказаній даютъ намъ возможность возстановить въ общихъ чертахъ содержаніе Житія Антонія. Въ этомъ любопытномъ памятникѣ были изложены преданія, связанныя съ преподобнымъ Антоніемъ и съ основаніемъ Печерскаго монастыря. Поэтому здѣсь излагались и подвиги

первыхъ черноризцевъ святой обители; такъ здѣсь говорилось о прибытіи къ Антонію Моисея Угрина (ср. 6), объ Евстратіи и Никонѣ (2), о постриженіи Иларіона, будущаго митрополита, отъ Антонія (1); говорилось и о другихъ подвижникахъ (5), между прочимъ также о Іоаннѣ затворникѣ, исцѣлившемъ больнаго костью отъ мощей преподобнаго Моисея Угрина (3 и 6). Между прочимъ разказывалось о какой-то варяжской пещерѣ (7) и подробно излагались событія, относящіяся къ основанію каменной церкви св. Успенія (4). Изъ словъ Симона можно заключить, что записанныя имъ легенды заимствованы изъ Житія Антонія: кромѣ чудеснаго элемента въ этихъ разказахъ наше вниманіе останавливаетъ на себѣ стремленіе подчеркнуть связь святой русской обители съ Греціею, греческими святынями: церковь строятъ греческіе мастера, нанятыя въ Царьградѣ самою Богородицей и присланные ею въ Кіевъ съ мощами св. Артемія, Полиевкта и другихъ; одинъ изъ первыхъ иноковъ печерскихъ Моисей Угринъ представляется постриженникомъ Святогорскаго іеромонаха (въ ты же дни нѣкто поиниъ идыи отъ святыя горы. богоу наставльшю прииде къ блаженому. и остригъ и отъиде, Берсен. сп.). Это — черты, сближающія Житіе Антонія съ тѣми преданіями о началѣ Печерскаго монастыря, которыя говорили о постриженіи Антонія на Аѳонѣ и объ основаніи имъ обители по благословенію отъ Святой Горы.

Приведенныя изъ сочиненій Поликарпа ссылки на Житіе Антонія даютъ основанія для рѣшенія вопроса о времени составленія этого памятника. Изъ нихъ видно, что самъ Поликарпъ относилъ это житіе къ глубокой древности: монахъ Федоръ, отвѣчая на заданный ему княземъ Мстиславомъ Святополковичемъ вопросъ, ссылается на Житіе Антонія; допустивъ это, Поликарпъ очевидно предполагалъ, что Житіе существовало уже въ XI столѣтіи, такъ какъ Мстиславъ Святополковичъ, о смерти котораго онъ говоритъ черезъ нѣсколько страницъ, былъ убитъ въ 1099 году. Впрочемъ, въ отрывкѣ, помѣщенномъ за сказаніемъ объ Агапитѣ, Поликарпъ выражается о времени составленія Житія Антонія еще опредѣленнѣе: оно написано 160 лѣтъ до того года, когда онъ сочинилъ свое посланіе къ Акиндину, игуменствовавшему уже 15-й годъ. Такъ слѣдуетъ понимать приведенное выше мѣсто: „се же речеся. въ ѿг. ¹) лѣто твоего игуменства. еже не бысть помяновеніа .᠖. и .᠓. лѣтъ“. Если бы намъ было извѣстно, на

1) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Кассіан. 1-й ред. вм. 15-е находимъ 12-е лѣто (изд. Яковлева, стр. 186).

какія именно года падало игуменство Акиндина, мы могли бы заключить изъ этого мѣста, когда именно писалъ свое посланіе Поликарпъ и когда, по мнѣнію этого писателя, составлено Житіе Антонія. Но, какъ извѣстно, прошлое Печерской обители въ XIII и XIV вѣкахъ остается до сихъ поръ совершенно темнымъ. Знаемъ только, что Акиндинъ упоминается въ Лаврентьевской лѣтописи, какъ архимандритъ Печерскаго монастыря въ 1231 году, знаемъ также, что онъ игуменствовалъ послѣ Досиея, который въ свою очередь жилъ до 1226 года (смерть Симона епископа Владимирскаго), такъ какъ Симонъ въ своемъ Посланіи упоминаетъ о принесенномъ имъ съ Аеоначинѣ о пѣніи дванадцати псалмовъ (Макарій, Ист. русск. церкви, III, пр. 74) ¹⁾. Обращаясь къ приведеннымъ выше словамъ Поликарпа, нахожу возможнымъ, что промежутокъ въ 160 лѣтъ между временемъ, когда онъ писалъ свои сказанія, и временемъ составленія Житія Антонія заимствованъ имъ изъ какихъ-нибудь хронологическихъ данныхъ, указанныхъ составителемъ этого житія; но гораздо вѣроятнѣе допустить, что, не имѣя болѣе точныхъ данныхъ, Поликарпъ относилъ время составленія Житія Антонія къ году его смерти, приходившейся, какъ онъ легко могъ заключить изъ Симонова Слова о созданіи церкви, на 1072 годъ (слова Богородицы къ нанятымъ ею каменоздателямъ: „сіи антонія точію благословивъ отходить свѣта сего на вѣчныя, а сіи Феодосіи въ в. лѣта по немъ идетъ къ господу“). Слѣдовательно, при такомъ расчетѣ, придется допустить, что Посланіе къ Акиндину написано имъ въ 1232 году: это не противорѣчитъ тому, что мы знаемъ о времени игуменства Акиндина и согласуется съ вѣроятнымъ предположеніемъ о томъ, что Поликарпъ писалъ послѣ смерти епископа Симона ²⁾. Итакъ, мы выводимъ изъ словъ Поликарпа заключеніе, что онъ относилъ составленіе Житія Антонія къ 1073 году.

Уже давно утвердилось въ нашей исторической наукѣ убѣжденіе, что составленію свода Повѣсти временныхъ лѣтъ предшествовали работы надъ менѣе объемистыми лѣтописями, вошедшими въ составъ этого свода. Костомаровъ въ своихъ Лекціяхъ по русской исторіи (С.-Пб. 1861) указалъ на одну изъ такихъ лѣтописей — на лѣтопись Печер-

¹⁾ Неясно, откуда преосвященный Филаретъ могъ заключить о смерти Досиея въ 1219 году (ср. его Обзоръ дух. лит.³, стр. 46).

²⁾ Такъ, думаю, слѣдуетъ исправить то, что сказано о времени составленія Поликарповыхъ сказаній въ Извѣстіяхъ II Отд., т. II, стр. 797.

скаго монастыря. Изъ словъ Поликарпа о томъ что Несторъ лѣтописецъ написалъ житія преподобныхъ Даміана, Іереміи, Матеея и Исакія, а также изъ существованія преданія, приписывавшаго Нестору составленіе первоначальной лѣтописи, Костомаровъ заключалъ, что „Несторъ писалъ Печерскую лѣтопись и эта монастырская лѣтопись занесена была въ нашу (въ Повѣсть временныхъ лѣтъ), какъ одна изъ составныхъ частей ея... Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаній. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: подъ 1051 годомъ лѣтописецъ разказываетъ о себѣ, говорить о прибытіи своемъ въ Кіево-Печерскій монастырь и о постриженіи отъ Θεодосія. Прежде это мѣсто приписывали Нестору, но въ одномъ рукописномъ патерикѣ XVI вѣка (—проще было бы сослаться на Житіе Θεодосія) говорится, что Несторъ пришелъ не при Θεодосіи, а при его преемникѣ Стефанѣ, и слѣдовательно извѣстіе, помѣщенное подъ приведеннымъ годомъ, принадлежить не Нестору, а какому то другому лѣтописцу, писавшему прежде его“.

Мнѣніе Костомарова о Несторѣ и Печерской лѣтописи было поддержано и развито послѣдующими изслѣдователями. Основательность его становится очевидною, если мы согласимся съ тѣмъ, что въ основаніи Сильвестрова свода лежитъ тотъ лѣтописный сводъ, который въ повдѣйшей, измѣненной редакціи читается въ началѣ Новгородской 1-й лѣтописи по спискамъ Комиссіонному, Толстовскому и др. Въ этой лѣтописи, довольно точно сохранившей первоначальный разказъ отъ 1044 до 1074 года (ср. О Начальномъ Кіевскомъ сводѣ въ Читеніяхъ Общ. ист. и др. рос. за 1897 г.), мы не находимъ подъ 1051 годомъ Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря: слѣдовательно, оно не находилось и въ первоначальномъ лѣтописномъ сводѣ, а вставлено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ изъ *другаго* лѣтописнаго источника, который, вслѣдъ за Костомаровымъ, назовемъ Печерскою лѣтописью. Сравнительное изученіе Новгородской 1-й лѣтописи и Повѣсти временныхъ лѣтъ приводитъ насъ къ выводу, что въ первоначальномъ сводѣ подъ 1074 годомъ читалось то самое описаніе кончины Θεодосія, которое Сильвестръ сохранилъ и въ составленномъ имъ сводѣ. Отсюда съ большою вѣроятностью слѣдуетъ, что первоначальный лѣтописный сводъ составленъ въ Кіевопечерскомъ мона-

стырѣ и что уже въ немъ были статьи, относящіяся къ исторіи этого монастыря. Слѣдовательно, возстановить первоначальный объемъ и содержаніе Печерской лѣтописи должно сравнительное изученіе Повѣсти временныхъ лѣтъ и Кіевскаго Начальнаго свода (по позднѣйшей редакціи его въ Новгородской 1-й лѣтописи): всѣ статьи, относящіяся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ къ исторіи Печерскаго монастыря и не читавшіяся въ Начальномъ сводѣ, заимствованы Сильвестромъ изъ Печерской лѣтописи. Сюда относятся: Сказаніе, что ради прозвася печерскій монастырь (1051 г.), разказъ о подвижникахъ печерскихъ (1074 г.), извѣстіе объ основаніи и окончаніи церкви печерской (1075 г.), извѣстіе о смерти игумена Никона (1088 г.), извѣстіе объ освященіи церкви печерской (1089 г.), разказъ о перенесеніи мощей Ѳеодосія, объ исполненіи его пророчества и краткая похвала Ѳеодосію (1091 г.), разказъ о нападеніи Боняка на печерскій монастырь (1096 г.), извѣстія о смерти Яна, похороненнаго въ печерскомъ монастырѣ, и о постриженіи Святоши (1106 г.), упоминаніе объ обычаяхъ Святополка передъ каждымъ предпріятіемъ поклоняться гробу св. Ѳеодосія (1107 г.), извѣстія объ окончаніи трапезницы въ печерскомъ монастырѣ, о внесеніи Ѳеодосія въ синодикъ и объ окончаніи верха у св. Богородицы на Кловѣ, заложеной бывшимъ печерскимъ игуменомъ Стефаномъ (1108 г.), извѣстіе о смерти Евпраксіи Всеволодовны, положенной въ печерскомъ монастырѣ (1109 г.), извѣстіе о явленіи столпа надъ гробомъ Ѳеодосіевымъ (1110 г.). Въ этомъ перечнѣ помѣщены только тѣ извѣстія и разказы, которые читаются въ Лаврентіевскомъ и Ипатіевскомъ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Имѣя же въ виду, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ лѣтописи, содержащія въ себѣ Софійскій временникъ, точнѣе передаютъ первоначальный текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, чѣмъ указанные и сходные съ ними списки ¹⁾, мы можемъ присоединить къ числу заимствованій въ Повѣсть временныхъ лѣтъ изъ Печерской лѣтописи извѣстіе о смерти Антонія въ 1073 году (Новг. 4-я) и слѣдующее извѣстіе, читаемое вслѣдъ за словами: „начало печерскому манастырю отъ антоніа“ въ Софійскихъ, Софейской, Воскресенской и Тверской подъ 1052-мъ, въ Новгородской 4-й подъ 1051-мъ годомъ:

¹⁾ Ограничусь указаніемъ, на упоминаніе Антонія Поросскаго въ числѣ епископовъ, участвовавшихъ при перенесеніи мощей Ѳеодосія въ Соф. 1-й и 2-й, Софейской, Новгородской 4-й; это имя мы находимъ и въ Патерикѣ, но его нѣтъ въ Лавр., Ипат. и сходныхъ (Воскресенской, Никоновской).

„и въ киевъ триє пѣвци приидоша изъ грекъ, с роды своими“. Тѣсная связь между обоими извѣстіями—о началѣ Печерскаго монастыря и о прибытіи пѣвцовъ изъ Греціи устанавливается тѣмъ, что они помѣщены рядомъ не только въ названныхъ спискахъ, но также въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ и въ лѣтописи Аврамія, гдѣ подъ 1037 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ объ Антоніи печерскомъ (и принесенъ бысть Антоней Печерскій; при семъ и Антоній Печерскій бысть), читаемъ: „въ то же время пѣвци (Арханг.: краснопѣвци) три приидоша изъ Царяграда“. Ниже я вернусь еще разъ къ вопросу о связи этого извѣстія съ исторіею Печерской обители, а пока ограничусь выводомъ, что оно попало въ Повѣсть временныхъ лѣтъ изъ Печерской лѣтописи. Оставляя пока вопросъ о взаимномъ отношеніи всѣхъ приведенныхъ извѣстій, находившихся въ возстановляемой нами лѣтописи, обращаюсь къ другимъ памятникамъ, пользовавшимся ею, какъ источникомъ.

Связь между именемъ Нестора и Печерскою лѣтописью, указанная Костомаровымъ, несомнѣнна. Другой вопросъ, дѣйствительно ли Несторъ составилъ эту лѣтопись, все ли, что въ ней содержится, принадлежитъ перу Нестора; но ясно, что Несторовою называлась именно Печерская лѣтопись, причемъ лишь впоследствии это названіе получила Повѣсть временныхъ лѣтъ. Впервые усматривается связь между именемъ Нестора и лѣтописью въ сказаніяхъ Поликарпа.

Въ сказаніи о Никитѣ затворникѣ въ числѣ прочихъ прелодобныхъ отцовъ, пришедшихъ къ Никитѣ въ его пещеру и отогнавшихъ отъ него бѣсовъ, названъ *несторъ иже написа лѣтописецъ* (Берсен. сп. и Кассіановскія редакціи).

Въ концѣ своего сказанія объ Агапитѣ Поликарпъ, сравнивая свой трудъ съ предшествующими описаніями житій печерскихъ угодниковъ, говоритъ: „*якоже блаженнии нестеръ въ лѣтописци написа о блаженныхъ отцехъ, о даміане, иереміи и матеѣи и исакіи*“ (Румянц. № 305).

Вслѣдъ за Костомаровымъ думаю, что Поликарпъ не имѣлъ основанія называть Несторовою Повѣсть временныхъ лѣтъ и что слѣдовательно „лѣтописецъ“, написанный Несторомъ, — это Печерская лѣтопись. И такъ, Поликарпъ нашелъ въ Печерской лѣтописи житія Даміана, Иереміи, Матоея и Исакія; что эти житія дѣйствительно читались въ Печерской лѣтописи, мы заключили выше на основаніи данныхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что Поликарпъ

былъ знакомъ съ Печерскою лѣтописью и что тѣ мѣста, которыя онъ приводитъ изъ „лѣтописца“, не опредѣляемаго при этомъ ближе, заимствованы имъ именно изъ Печерской лѣтописи. Приведу мѣста, гдѣ онъ ссылается на лѣтопись.

Въ сказаніи о Моисей Угринѣ мы читаемъ: „въ одну оубо ночь болеславъ напрасно оумре и бысть мятѣжь великъ въ всеи лятской земли. и вѣставше людіе избѣша епископы своа и боляры своа, *яко же и въ лѣтописци повѣдаеть*. тогда и сію жену оубиша...“ (Румянц. № 305; Берсен. сп. и т. д.). Конечно, это извѣстіе тождественно съ тѣмъ, что мы читаемъ подъ 1030 годомъ въ Лавр. и другихъ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: „в се же время умре Болеславъ Великій въ Лясѣхъ, и бысть мятежь въ земли Лядскѣ; вставше люде избѣша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежь“. Но имѣя въ виду, что Поликарпъ былъ знакомъ съ Печерскою лѣтописью и что въ Повѣсть временныхъ лѣтъ вошелъ рядъ заимствованій изъ этой лѣтописи, я заключаю, что извѣстіе о смерти Болеслава и мятежъ въ польской землѣ и Сильвестръ и Поликарпъ нашли именно въ Печерской лѣтописи. Ниже я укажу на отношеніе этого извѣстія къ исторіи Печерскаго монастыря и на тѣ основанія, которыя ясно указываютъ, что источникомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ для этого событія должна быть необходимо признана Печерская лѣтопись.

Въ сказаніи о Пименѣ многострадальномъ Поликарпъ, дойдя до разказа о его смерти, говоритъ: „въ время же преставленія его явишася три столпы надъ трапезницею и оттудоу на верхъ церкви приидоша. *о нихъ же речено бысть въ лѣтописци*. свѣсть же Господь знаменіе сіе показавыи. или сего ради блаженнаго. или ино кое смотрѣніе Божіе (естъ) бысть“. Связь этого мѣста съ извѣстіемъ, читаемымъ подъ 1110 годомъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, очевидна: „явися столпъ огонь отъ земля до небеси... се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи,.. и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Феодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ акы ко востоку лицъ, и потомъ невидимъ бысть“. Но при этомъ оказывается, что въ „лѣтописцѣ“, на который ссылается Поликарпъ, говорилось о трехъ столпахъ, а въ Повѣсти временныхъ лѣтъ только объ одномъ. Думаю, что въ Печерской лѣтописи дѣйствительно говорилось о трехъ столпахъ (ср. ниже), а что Сильвестръ (или, быть можетъ, позднѣйшій редакторъ), признавшій чудесное явленіе за явленіе ангела, не точно передалъ извѣстіе своего источника, сказавъ объ одномъ столпѣ вмѣсто

трехъ (се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ... на 2-е бо лѣто не се ли ангелъ вождь бысть на иноплеменники и супостаты...).

Въ виду всего вышесказаннаго я принимаю, что Поликарпъ былъ знакомъ съ Печерскою лѣтописью и что эта лѣтопись служила источникомъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, приводимыхъ имъ въ своихъ сказаніяхъ. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія укажу на слѣдующее обстоятельство: въ сказаніяхъ Поликарпа нѣтъ ни одного извѣстія историческаго характера позже 1110 года, къ которому относится только что приведенная ссылка его на явленіе трехъ столповъ въ Печерскомъ монастырѣ ¹⁾. Думаю, что это не можетъ объясняться простою случайностью: всего вѣроятнѣе допустить, что источникъ историческихъ свѣдѣній Поликарпа—Печерская лѣтопись оканчивалась на 1110 году. Ср. указаніе, извлекаемое изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о томъ, что данныя о Печерскомъ монастырѣ, находившіяся въ распоряженіи Сидвестра (въ 1116 году), не переходили этого 1110 года.

Древнѣйшее извѣстіе, сообщаемое Поликарпомъ—это смерть Глѣба Святославича въ Заволочіи (1078 г. ср. Лавр., Ипат.); самое позднее—это явленіе трехъ огненныхъ столповъ въ Печерскомъ монастырѣ (1110 г.); древнѣйшее извѣстіе находимъ въ первомъ сказаніи Поликарпа о Никитѣ затворникѣ, позднѣйшее извѣстіе въ сказаніи о Пименѣ многострадальномъ—послѣднемъ въ сочиненіи Поликарпа ²⁾. Я не думаю, чтобы это обстоятельство могло объясняться простою случайностью. Если принять во вниманіе, что Печерская лѣтопись оканчивалась 1110-мъ годомъ, ясно будетъ, что Поликарпъ, излагая событія изъ жизни печерскихъ угодниковъ, руководствовался данною въ лѣтописи хронологическою основою, приурочивалъ къ ней то или другое извѣстное ему происшествіе изъ этой жизни и заимствовалъ изъ нея оживляющія его разказъ историческія событія. Исслѣдователь, изучающій

¹⁾ Исключеніемъ является упоминаемый въ сказаніи объ Алимпіи пожаръ, когда сгорѣло все Подоліе (Ипат. подъ 1124, Новг. 1-я подъ 1111, Соф. 1-я подъ 1112). Но объ этомъ пожарѣ Поликарпъ слышалъ, конечно, въ Ростовѣ, гдѣ онъ видѣлъ чудотворную икону, сохранившуюся въ этотъ Кіевскій пожаръ.

²⁾ Отдѣльно стоятъ историческія данныя, сообщаемыя въ сказаніи о Моисѣѣ Угринѣ: нельзя не замѣтить, что это сказаніе поставлено въ тѣсную связь съ разказомъ о Иоаннѣ затворникѣ, гдѣ упоминается Моисей и какъ бы дополняетъ его, объясняя, кто именно этотъ Моисей. Ср. начало сказанія: „оувѣдно бысть о семъ блаженемъ Моисѣѣ Угринѣ“ и конецъ его: „написахомъ. о мочѣѣ оугринѣ, мованѣ затворницѣ...“.

сказаніе Поликарпа, поражается тѣмъ, что съ одной стороны кругозоръ историческихъ его знаній какъ бы не переходилъ за 1110 годъ, между тѣмъ какъ съ другой — въ числѣ описанныхъ имъ житій есть такія, которыя принадлежатъ угодникамъ, жившимъ нѣсколько позже. Такъ Спиридонъ проскурникъ и Никодимъ жили въ дни игуменства Пимена, то-есть въ серединѣ XII вѣка, такъ какъ Пимень былъ, согласно даннымъ митрополита Евгенія, игуменомъ отъ 1132 до 1141 года, а служба Спиридона и Никодима въ пекарнѣ, куда ихъ поставилъ игумень, продолжалась тридцать лѣтъ (Берсен. списокъ, а въ Кассіановскихъ: за многа лѣта). Но соображалъ ли это Поликарпъ и не предполагалъ ли онъ, что Пимень игумень жилъ гораздо раньше? Названіе его постникомъ указываетъ какъ будто на отождествленіе личности этого игумена съ тѣмъ Пименомъ-постникомъ, который названъ (и при томъ третьимъ) въ числѣ отцовъ, посѣтившихъ во время игуменства Никона (умершаго въ 1088 году) одержимаго бѣсомъ Никиту затворника.

Какъ бы то ни было, но изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что историческія данныя, приводимыя Поликарпомъ въ его сказаніяхъ, заимствованы имъ изъ Печерской лѣтописи. Перечень этихъ данныхъ можетъ послужить къ восстановленію указанной лѣтописи.

а) Въ ней читались житія Даміана, Іереміи, Матѳея и Исакія (см. выше).

б) Упоминалась смерть Глѣба Святославича и занятіе Новгородскаго стола Святополкомъ Изяславичемъ. Сравните въ сказаніи о Никитѣ: „посылаетъ же никита къ князю изяславу глаголя. яко днѣсь оубиень бысть глѣбъ святославичъ. въ заволочіи. скоро послѣ сына своего святоплѣка. на столъ новугороду. и якоже рече тако и бысть“ (Румянц. 305). Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 1078 годомъ читаемъ: „все же лѣто убиень бысть Глѣбъ, сынъ Святославъ, въ Заволочии (въ Новг. 1-й прибавлено: мѣсяца мая въ 30)... сѣдѣящу Святополку въ него мѣсто Новѣгородѣ. сыну Изяславию... „Это извѣстіе въ Повѣсть временныхъ лѣтъ могло быть заимствовано изъ Печерской лѣтописи.

в) Разказывалось о походѣ Владимира и Ростислава Всеволодовичей противъ Половцевъ, о битвѣ при Треполѣ и погибели Ростислава при рѣчной переправѣ. Сравните сказаніе о Григоріи чудотворцѣ и Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1093 годомъ.

г) Говорилось о насиліяхъ Святополка во время его княженія въ Кіевѣ и о частыхъ нападеніяхъ Половцевъ, о голодѣ, постигшемъ

Кіевскую землю, о заточеніи Святополкомъ игумена Іоанна въ Туровъ, при чемъ вскорѣ, боясь Владиміра, онъ отпустилъ его въ Печерскій монастырь; о прекращеніи подвоза соли изъ Галича во время войны Святополка съ Володаремъ и Василькомъ изъ за ослѣпленія Василька, совершеннаго по наущенію Давыда Игоревича. Обо всемъ этомъ читается въ сказаніи о Прохорѣ Лебедникѣ: въ Повѣсти временныхъ лѣтъ не говорится ни о голодѣ, ни о прекращеніи подвоза соли, ни о заточеніи Іоанна. Но конецъ этого сказанія находитъ соотвѣтствіе и въ Повѣсти. У Поликарпа читаемъ, что св. Прохоръ разболѣлся, когда Святополкъ былъ на войнѣ; онъ послалъ за нимъ, напоминая ему объ обѣщаніи похоронить его и желая благословить его. Святополкъ тотъ же часъ пришелъ къ преподобному, получилъ отъ умирающаго благословеніе и похоронилъ его, положивъ во гробъ своими руками. Послѣ того онъ отправился въ походъ и одержалъ блестящую побѣду надъ погаными. „И се бо бысть Богомъ дарованнаа побѣда въ рускои земли. по прореченію преподобнаго. и оттоле оубо святополкъ. егда исхождаше или на рать или на ловы. и приходяше въ монастырь, съ благодареніемъ. поклоняяся святѣи Богородици и гробу ѳеодосіевоу и вхождаше въ печероу къ святому антонію. и блаженному прохороу. и всѣмъ преподобнымъ отцемъ поклоняяся. и исхождаше въ поуть свои. и тако добре строашася (строяшеся) Богомъ набдимое княженіе его“. Сравните Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1107 годомъ, гдѣ, послѣ разказа о блестящей побѣдѣ надъ Половцами у Лубна, случившейся 12-го августа, читаемъ: „Святополкъ же приде въ Печерскій монастырь на заутреню на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша и съ радостью великою, глаголюще, яко врази наши побѣжени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего ѳеодосія; такъ бо обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо ¹⁾, тоже поклонився у гроба ѳеодосіева и молитву вземъ у игумена, ту сушаго, таже идяше на путь свой“. Связь обоихъ отрывковъ очевидна, при чемъ въ общемъ источникѣ—Печерской лѣтописи, можетъ быть, дѣйствительно усердіе Святополка было объяснено тѣмъ, что, отправляясь въ этотъ походъ противъ Половцевъ, онъ получилъ благословеніе въ Печерской обители; представляется даже вѣроятнымъ, что въ этой лѣтописи говорилось о благословеніи, данномъ именно преподобнымъ Прохоромъ, скончавшимся въ это время ²⁾.

¹⁾ Не стоитъ ли инамо вм. наловы Печерской лѣтописи, сравните это чтеніе въ сказаніи Полякарпа.

²⁾ Если это такъ, то извѣстіе Густынской лѣтописи о смерти Прохора въ

д) Въ Печерской лѣтописи упоминалось, въ связи съ разказомъ о перенесеніи мощей Θεодосія, о Маркѣ печерникѣ. Ср. у Поликарпа: „и при семь изнесенъ бысть святыи отецъ Θεодосіе отъ пещеры въ святоую великую церковь“. Не упоминаль ли имя Марка самъ Несторъ въ своемъ повѣствованіи о перенесеніи Θεодосіевыхъ мощей? Можетъ быть, въ Печерской лѣтописи, куда внесено было это повѣствованіе, читалось не: „пояхъ с собою 2 брата“, а именно *Марка*. Что *2 брата* не принадлежить въ текстѣ, читаемомъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, первоначальной редакціи видно, какъ изъ того, что авторъ повѣствованія, по повелѣнію игумена, долженъ былъ взять съ собою не двухъ, а одного монаха (не мози повѣдати никомуже отъ братьи, да не увѣдаеть никто же; но поими его же хоцещи, да ти поможеть), такъ и изъ дальнѣйшаго разказа, гдѣ видно, что при повѣствователѣ былъ только одинъ помощникъ: ср. „утрудився вдахъ другому брату; азъ же вземъ рогалью, начахъ копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою“ и т. д. Этими другимъ братомъ могъ быть тѣмъ естественнѣе Маркъ, что онъ постоянно копалъ пещеры, приготовляя мѣста для погребенія брати.

е) Изъ Поликарпова сказанія о Θεодорѣ и Василии видно, что въ Печерской лѣтописи говорилось о сожженіи монастыря, очевидно Бонякомъ въ 1096 году (ср. Повѣсть временныхъ лѣтъ): „ѳеодоръ же старости ради ис пещеры исходитъ. кѣлю же себѣ поставити хотя. на вѣтхомъ дворѣ, бѣ бо тогда пожженъ монастырь“, ср. Повѣсть временныхъ лѣтъ: „се бо оскверниша и пожгоша святыи домъ твой,

1107 году могло попасть въ нее именно изъ Печерской лѣтописи. Откуда митрополитъ Евгенийъ приводитъ извѣстіе о смерти Прохора 10-го февраля 1103 года такъ же неясно, какъ источникъ сообщенія Сильвестра Косова о томъ, что Прохоръ зуі околю гоки раіѣскаго 1113 (вѣроятно, впрочемъ смѣшеніе съ игуменомъ Прохоромъ). Я думаю, что преданіе (которымъ руководился Евгенийъ) смѣшало дни смерти Пимена многострадальнаго (умеръ по преданію 7-го августа, „въ кое и служба ему поется съ полелеемъ“) и Прохора Лебедника (умеръ по преданію 10-го февраля). Пимень, какъ видно изъ словъ Поликарпа, умеръ во время явленія чудесныхъ столповъ надъ Печерской церковью, то-есть, согласно Повѣсти временныхъ лѣтъ (столпъ явился 11-го февраля въ 1 часъ ночи), 10-го февраля 1110 года; Прохоръ умеръ за нѣсколько дней до побѣды 12-го августа 1107 г., то-есть именно 7-го августа. Если предложенныя соображенія вѣрны, то связь лѣтописныхъ разказовъ о явленіи столповъ и о посѣщеніи монастыря Святополкомъ съ данными о житіяхъ печерскихъ подвижниковъ Пимена и Прохора окажется очевидною: ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что связь эта была дана въ какомъ-нибудь памятникѣ, а такииъ памятникомъ могла быть только Печерская лѣтопись.

и монастырь Матери твоея". Вѣроятно, тамъ же говорилось объ убіеніи монаховъ Феодора и Василя по повелѣнію князя Мстислава Святополковича, правившаго Кіевомъ, во время отлучки Святополка въ Туровъ: „бѣ бо тогда святополкъ в тоуровѣ". Послѣдняя подробность врядь ли могла сохраниться до Поликарпа въ устномъ преданіи. Въ этой же лѣтописи Поликарпъ прочелъ о смерти Мстислава Святополковича: „не по мнозехъ же днехъ. самъ мстиславъ застреленъ бысть. в володимери на забралѣхъ, по прореченію василіеву. біася съ давидомъ игоревичемъ". Ср. въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подь 1097 годомъ: „Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подь пазуху стрѣлю, на заборолѣхъ... и на ту ночь умре".

ж) Въ Печерской лѣтописи, какъ видно изъ сказанія о Пименѣ многострадальномъ, говорилось о явленіи трехъ огненныхъ столповъ надъ Печерскою церковью во время кончины преподобнаго. Это явленіе было поставлено въ связь съ кончиною въ одинъ и тотъ же день трехъ угодниковъ: Пимена многострадальнаго, Кукши и его ученика Никона. Что эти святые умерли въ одинъ день, видно изъ словъ Симона: „и тако рекъ (Пименъ блаженный постникъ) преставися во единъ день и часъ с тѣма святыма". Ср. празднованіе Пимена и Кукши въ одинъ день 27-го августа (память Пимена Великаго). А что Симоновъ „Пименъ постникъ" тожественъ съ Поликарповымъ „Пименомъ многострадальнымъ", видно изъ сопоставленія Симонова разказа о Пименѣ, который въ день смерти своей: „многая ина пророчествовавъ. недужныя исцѣли и посреди церкви велегласно рекъ...". и Поликарпова разказа о Пименѣ же, который въ день смерти сдѣлался здоровъ, исцѣлялъ больныхъ, пошелъ въ церковь, причастился и пророчествовалъ. Что въ Печерской лѣтописи было ясно сказано о томъ, что Пименъ умеръ во время (или наканунѣ) чудеснаго явленія столповъ, видно изъ того, что память о его смерти праздновалась, повидимому 10-го февраля, какъ это показано въ примѣчаніи на предшеств. стран.

Ниже я еще разъ вернусь къ нѣкоторымъ изъ указанныхъ свидѣтельствъ Поликарпа¹⁾, а теперь обращусь къ третьему источнику нашихъ свѣдѣній о Печерской лѣтописи.

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что сказанія Поликарпа расположены въ извѣстной хронологической послѣдовательности. Никита, въ сказаніи о которомъ упоминается событіе 1078 года, стоитъ на первомъ мѣстѣ, Пименъ, умершій въ 1110 году, на послѣднемъ. Нельзя ли заключить отсюда, что сказанія о болѣе раннихъ святыхъ

Такимъ источникомъ оказываются Кассіановскія редакціи Кіевопечерскаго патерика. Во II томѣ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности 1897 года, въ статьѣ, озаглавленной „Кіевопечерскій патерикъ и Печерская лѣтопись“, я попытался доказать, что рядъ добавленій, сдѣланныхъ уставщикомъ Кассіаномъ въ обѣихъ редакціяхъ Патерика 1460 и 1462 года, заимствованъ имъ изъ Печерской лѣтописи. Эта лѣтопись была ему извѣстна не въ той первоначальной редакціи, которою пользовались въ 1116 году игумень Сильвестръ, въ тридцатыхъ же годахъ XIII столѣтія Поликарпъ,—а въ болѣе поздней редакціи конца XII столѣтія: редакція эта соединила первоначальную лѣтопись Печерекаго монастыря, доходившую до 1110 года съ позднѣйшею лѣтописью того же монастыря, доведенною до восьмидесятыхъ годовъ XII столѣтія. Не стану повторять здѣсь доказательствъ этого положенія, а ограничусь лишь указаніемъ на то, что именно заимствовалъ Поликарпъ изъ той части Печерской лѣтописи, которая доходила до 1110 года, и какія соображенія навели меня на мысль, что источникомъ этихъ заимствованій могла быть Печерская лѣтопись.

Кассіановскія редакціи Патерика отличаются отъ всѣхъ предыдущихъ редакцій между прочимъ слѣдующими существенными вставками и дополненіями. 1) Въ Житіи Θεодосія читаемъ, что постриженіе Θεодосія отъ Никона по повелѣнію Антонія было „въ лѣто 6540 при князи благочестивемъ ярославѣ володимеровичи“ (Кассіан. 1-я и 2-я)¹⁾. 2) Сказаніе, что ради прозвася печерскій монастырь, въ за-

о Іоаннѣ и Моисеѣ, а также о болѣе позднихъ Спиридонѣ и Никонѣ (равно и объ Алимпіи) первоначально не входили въ основной рядъ сказаній? Въ видѣ предположенія высказываю слѣдующую догадку. Первыми были написаны сказанія о Іоаннѣ и Моисеѣ; они оканчивались тѣмъ обращеніемъ къ Акиндину, которое теперь читается въ концѣ сказанія объ Агаситѣ. Послѣ былъ написанъ рядъ сказаній, историческую основу которыхъ слѣдуетъ искать въ Печерской лѣтописи. Наконецъ отдѣльно были изложены сказанія о Спиридонѣ проскурниѣ и Алимпіи. Можетъ быть, это объяснитъ намъ обрывчатость послѣднихъ словъ сказанія о Моисеѣ (въ Кассіан. 1-ой: „тому слава нынѣ“, изд. Яковлева 151) и перестановку Поликарповыхъ сказаній въ Арсеніевской редакціи.

¹⁾ Исслѣдователи указывали и на другія вставки въ Житіи Θεодосія по Кассіановскимъ редакціямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ для насъ существеннаго значенія (напримѣръ, вставка о росѣ и сушѣ при назнаменованіи мѣста для церкви); а другія, какъ это видно изъ сопоставленія съ Арсеніевскою редакціею, древнѣе редакцій 1460—1462 г. Сюда относятся: названіе Θεодосія архимандритомъ всея Руси, указаніе что онъ родился въ Василевѣ, эпизодъ о посѣщеніи умирающаго Θεодосія Святославомъ (Ср. Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. II).

главѣмъ надписано именемъ Нестора (Нестера мниха, обители монастыря печерскаго, сказаніе...) (Кассіан. 1-я и 2-я). 3) Это сказаніе снабжено началомъ, свидѣтельствующимъ о двукратномъ путешествіи Антонія на Аеоны, при чемъ, въ первый разъ по своемъ возвращеніи, онъ поселился въ Варяжской пещерѣ. „Въ княженіи самодръжца рускіа земля. благовѣрнаго великаго князя владимера святославича. благоволи богъ явити свѣтлника роустей земли. и наставника иночествоующимъ. яже о немъ намъ сказаніе. Бысть оубо нѣкто благочестивый моужь отъ града любеча...“ Далѣе разказывается о путешествіи Антонія въ Царьградъ и во Святую Гору, гдѣ онъ и постригся. Черезъ нѣкоторое время игумень избраннаго имъ монастыря благословилъ его вернуться въ Россію. Антоній пришелъ въ Кіевъ, не пожелалъ жить въ находившихся тамъ монастыряхъ и поселился на Берестовомъ, напавъ на пещеру, которую нѣкогда ископали Варяги. Когда, по смерти Владиміра, Святополкъ началъ избивать братію, Антоній бѣжалъ опять въ Святую гору. Дальнѣйшій разказъ о благословеніи игумена вернуться въ Россію, о поселеніи въ Иларіоновой пещерѣ и т. д. вполне сходенъ съ лѣтописнымъ. (Эта вставка читается только въ Кассіан. 2-й). 4) Въ концѣ этого сказанія послѣ словъ „придохъ же и азъ къ нему худый и недостойный рабъ“ вставлено имя Нестора (только въ Кассіан. 2-ой). 5) Въ Слово о перенесеніи мощей преподобнаго Θεодосія вставлено нѣсколько разъ имя Нестора, а именно въ началѣ и концѣ краткой похвалы Θεодосію, приложенной къ этому слову, и кромѣ того это же имя сопровождаетъ слово „азъ“, которымъ говоритъ о себѣ авторъ, главный дѣятель при обрѣтеніи этихъ мощей (Кассіан. 1-я и 2-я). 6) Это Слово озаглавлено именемъ Нестора (нестера мниха монастыря печерскаго. о принесеніи мощемъ...) (только въ Кассіан. 2-й).—Итакъ, мы видимъ, что Кассіанъ въ первой редакціи сдѣлалъ меньше вставокъ, чѣмъ во второй: уже это обстоятельство наводитъ на мысль о томъ, что перечисленныя вставки обязаны своимъ появленіемъ въ трудѣ Кассіана не произволу и не случайности; редакторъ нашелъ нужнымъ дополнить текстъ нѣкоторыми данными, но успѣлъ осуществить вполне свое желаніе только при составленіи второй редакціи. Если бы Кассіанъ не привлекъ къ своей работѣ какого-либо новаго литературнаго источника, врядъ ли онъ, основываясь на данныхъ самого Патерика, могъ догадаться, что подъ авторомъ, говорящимъ о себѣ въ первомъ лицѣ въ Словѣ о перенесеніи мощей Θεодосія и въ Сказаніи что ради прозвася печерскій монастырь, слѣдуетъ разумѣть Нестора. Въ Патерикѣ, правда.

упоминается Несторъ лѣтописецъ и даже говорится, что Несторъ написалъ въ Лѣтописцѣ житія Даміана, Іереміа, Матея и Исакія (ср. выше), но изъ этихъ словъ Поликарпа трудно вывести, чтобы Несторомъ же были написаны указанные Сказаніе и Слово, тѣмъ болѣе, что, безъ знакомства съ Повѣстью временныхъ лѣтъ или другою лѣтописью, врядъ ли можно было бы догадаться, что и эти статьи читались въ Лѣтописцѣ. Основываясь на данныхъ Патерика, Кассіанъ могъ бы приписать Нестору „Слово о святыхъ блаженныхъ первыхъ черноризцехъ печерскихъ“, но онъ какъ разъ не сдѣлалъ этого ни въ первой, ни во второй своей редакціи. Наконецъ, если приписать Кассіану непремѣнное желаніе представить Несторовыми всѣ статьи, относящіяся до преподобнаго Θεодосія, то можно было бы ожидать вставки этого имени и въ заключительныхъ строкахъ Похвалѣ Θεодосію (нач. Похваляему праведнику...): „тѣмъ же о честнаа главо. святыи отче Θεодосіе не прогнѣвайся на мя грѣшнаго. но моли о мнѣ рабѣ твоемъ“ и т. д. Заключивъ же изъ того, что эта Похвала не приписана Нестору, о критическомъ отношеніи Кассіана къ переписываемымъ статьямъ Патерика, мы никакъ не могли бы ждать, чтобы онъ по своему домыслу вставилъ имя Нестора въ концѣ Сказанія, что ради прозвася печерскій монастырь, такъ какъ тамъ говорится о прибытіи автора Сказанія къ преподобному Θεодосію, между тѣмъ изъ Житія Θεодосія видно, что Несторъ пришелъ въ монастырь уже при игуменѣ Стефанѣ. Въ виду этихъ соображеній, я заключаю, что Поликарпъ, вставляя въ двухъ статьяхъ Патерика имя Нестора, руководился какимъ-нибудь литературнымъ источникомъ. Всего вѣроятнѣе, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи древнѣйшую редакцію Сказанія и Слова о перенесеніи мощей, гдѣ позднѣйшая переписка не успѣла стереть имени Нестора, столь охотно упоминавшаго свое имя въ составленныхъ имъ писаніяхъ (напримѣръ по два раза это имя приводится въ Чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ и въ Житіи Θεодосія); а такъ какъ, согласно предыдущему, древнѣйшая редакція указанныхъ статей находилась въ Печерской лѣтописи, то естественно предположить, что Кассіанъ пользовался именно этою лѣтописью. Изъ нея же онъ заимствовалъ хронологическую дату о времени постриженія Θεодосія (1032 годъ), такъ какъ выдумать эту дату или вывести ее изъ данныхъ Патерика Кассіанъ не имѣлъ возможности ¹⁾. Наконецъ, въ той же лѣто-

¹⁾ Объяснять 6540 (1032) годъ такъ, что онъ извлеченъ изъ Сказанія, что ради прозвася печерскій монастырь, причеъ въ основаніе положена дата

писи онъ могъ найдти разказъ о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ. Что разказъ о первомъ путешествіи не могъ быть придуманъ Кассіаномъ, помимо безцѣльности такой выдумки¹⁾, доказываетъ упоминаніе въ немъ о поселеніи Антонія въ пещерѣ, „уже ископаша Варязи“: о существованіи же Варяжской пещеры мы знаемъ изъ сказанія Поликарпа о Ѳеодорѣ и Василии (см. выше), при чемъ однако то, что о ней читается въ этомъ сказаніи, не могло дать основанія заключить о первоначальномъ поселеніи въ ней Антонія.

Въ виду этого я, на основаніи Кассіановскихъ редакцій Патерика, предполагаю, что въ Печерской лѣтописи: 1) читалось Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь, въ томъ его видѣ, гдѣ говорилось о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ, при чемъ изъ самого Сказанія (изъ заглавныхъ, а можетъ быть только изъ заключительныхъ его строкъ) видно было, что оно составлено Несторомъ, 2) помѣщалось слово о перенесеніи мощей Ѳеодосія съ указаніемъ въ самомъ текстѣ, а можетъ быть и въ заглавіи, что оно написано Несторомъ, 3) упоминался 1032 годъ, какъ годъ постриженія Ѳеодосія и принятія его въ пещеру. Нижеслѣдующее изслѣдованіе покажетъ, насколько допустимо такое предположеніе.

Итакъ, три дошедшіе до насъ памятника—Повѣсть временныхъ лѣтъ, Сказанія Поликарпа и Кассіановскія редакціи Патерика даютъ рядъ данныхъ для возстановленія утраченной Печерской лѣтописи.

смерти Антонія 1072 годъ (ее легко вывести изъ Симонова Слова о Созданіи церкви) и отъ нея отсчитано 40 лѣтъ уединеннаго подвижничества Антонія—нельзя. Кассіанъ впалъ бы при такомъ соображеніи въ явное противорѣчіе какъ со Сказаніемъ, относящимъ вначало подвижнической жизни Антонія ко времени, слѣдующему за поставленіемъ Иларіона митрополитомъ (1051), такъ и съ Житіемъ Ѳеодосія, изъ котораго ясно, что Ѳеодосій пришелъ къ Антонію при Изяславѣ Владимировичѣ; для согласованія цифры 40 (числа лѣтъ уединеннаго подвижничества Антонія) съ данными самого Сказанія и Житія Ѳеодосія, Кассіанъ разумѣется предпочелъ бы измѣнить ее на другую (какъ это сдѣлали напримѣръ составители Печатнаго Патерика, гдѣ находимъ цифру 16), чѣмъ сочинять 1032-й годъ и въ связи съ этимъ выдумывать разказъ о двухъ путешествіяхъ Антонія въ Святую Гору.

¹⁾ Объяснять эту вставку желаніемъ Кассіана оправдать цифру 40 (число лѣтъ уединеннаго подвижничества Антонія), разумѣется, было бы натяжкой, тѣмъ болѣе, что изъ самаго сказанія, даже въ той редакціи, которую читаемъ у Кассіана, видно, что Антоній удался отъ братіи уже послѣ 1051 года, а именно поставивъ игуменомъ Варлаама.

Ниже мы сгруппируемъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, а теперь, на основаніи ихъ, попытаемся опредѣлить литературные источники этой лѣтописи. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эта лѣтопись была сводомъ, то-есть заключала матеріалъ, собранный изъ другихъ, болѣе раннихъ произведеній. Это предполагалъ и Костомаровъ, замѣтившій, что не все въ Печерской лѣтописи принадлежало перу Нестора. Это ясно и изъ самаго поверхностнаго разсмотрѣнія данныхъ, приведенныхъ выше и опредѣляющихъ ея содержаніе. Извѣстія о томъ, что Антоній поселился въ Иларіоновой пещерѣ послѣ 1051 г. и о томъ, что онъ жилъ безвыходно въ пещерѣ 40 лѣтъ, не могутъ принадлежать одному автору, такъ какъ извѣстно, что Антоній умеръ въ 1072 или 1073 году; сообщеніе о томъ, что Антоній, удалившись отъ братіи, жилъ въ пещерѣ безвыходно не согласуется съ разказомъ, читавшимся въ той же Печерской лѣтописи (въ житіи Исакія печервика) о временномъ удаленіи Антонія на Болдины горы. Извѣстіе о постриженіи Θεодосія въ 1032 году не согласовано съ сообщеніемъ о началѣ Печерскаго монастыря въ дни Изяслава Владимировича и т. д. Кромѣ того данныя Печерской лѣтописи находились въ явномъ противорѣчій съ Несторовымъ Житіемъ Θεодосія: по Нестору постриженіе надъ братією, стекавшеюся къ Антонію, совершалъ Никонъ, по даннымъ Печерской лѣтописи (Сказаніе что ради прозвася...) — Антоній; по Нестору большая деревянная церковь и монастырь построены Θεодосіемъ, по указанію же Печерской лѣтописи (тамъ же) — Варлаамомъ; Несторъ говоритъ о полученіи Θεодосіемъ устава Студійскаго монастыря отъ Ефрема, Печерская лѣтопись передаетъ, что уставъ нашелся у Михаила грека и т. д. Между тѣмъ кое-что въ Печерской лѣтописи было написано Несторомъ, что дало Поликарпу основаніе назвать Нестора лѣтописцемъ.

Въ виду этого ясно, что отношеніе Печерской лѣтописи къ Нестору таково, что составитель лѣтописи пользовался трудами, сочиненіями Нестора, но не стѣснялся при этомъ въ пользованіи и другими источниками, даже вполне противорѣчившими повѣствованіямъ Нестора. Дѣйствительно, вѣское показаніе Поликарпа, затѣмъ самое преданіе, связавшее имя Нестора съ лѣтописью, наконецъ указанія, извлекаемыя изъ Кассіановскихъ редакцій Патерика, неопровержимо доказываютъ, что въ Печерской лѣтописи было нѣсколько данныхъ для признанія Нестора составителемъ всей лѣтописи: эти данныя могли заключаться въ неоднократномъ упоминаніи его имени, какъ автора нѣсколькихъ статей, вошедшихъ въ Печерскую лѣтопись. Между прочимъ,

какъ это видно изъ Кассіановскихъ редакцій Патерика, имя Нестора, какъ имя автора, находилось и въ Сказаніи, что ради прозвася Печерскій монастырь въ той редакціи Сказанія, которая читалась въ Печерской лѣтописи (см. выше). Это обстоятельство должно быть признано самѣ по себѣ достаточнымъ для того, чтобы приписать названное Сказаніе Нестору. Но какъ же понять тѣ рѣзкія противорѣчія, которыя мы находимъ между фактами, изложенными въ Сказаніи, и тѣмъ, что разказано о началѣ Печерскаго монастыря въ житіи Θεодосія? Я думаю, что необходимо допустить полную передѣлку Несторова Сказанія при внесеніи его въ Печерскую лѣтопись: первоначальный текстъ Нестора не дошелъ до насъ; въ Печерской лѣтописи онъ читался въ искаженномъ или исправленномъ видѣ; до насъ, путемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, заимствовавшей Сказаніе изъ Печерской лѣтописи, дошли обрывки первоначальнаго Несторова текста.

Бѣглый взглядъ на Сказаніе, даже въ томъ его видѣ, который оно приняло въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, показываетъ, что въ составленіи его участвовало нѣсколько авторовъ: оно заключаетъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. Такъ, согласно Сказанію, Антоній уединился отъ братіи, когда ее собралось 12 человекъ; при игуменствѣ Варлама, поставившаго малую церковь, „нача Богъ умножати черноризцѣ молитвами святяя Богородица“, и братія рѣшила построить монастырь и большую церковь; но когда игуменомъ сдѣлался Θεодосій, братія числилось, согласно Сказанію, всего 20 человекъ. Слѣдовательно, братія увеличилось только на 8 человекъ: было ли этого достаточно для того, чтобы сказать объ умноженіи черноризцевъ и о необходимости замѣнить малую церковь большой? Великъ за этимъ, читаемъ, что при Θεодосіи братія собралось до 100 человекъ: очевидно, умноженіе черноризцевъ. поставленіе монастыря и построеніе великой церкви должно относиться ко времени игуменства Θεодосія (какъ разказываетъ Несторъ въ Житіи Θεодосія). Виѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманія на противорѣчія между этимъ Сказаніемъ и другими лѣтописными разказами, внесенными въ Повѣсть временныхъ лѣтъ изъ Печерской лѣтописи. По Сказанію Антоній не выходилъ никуда изъ своей пещеры въ теченіе сорока лѣтъ; по житію Исакія, читавшемуся, какъ можно заключить изъ словъ Поликарпа, въ Печерской лѣтописи, Антоній скончался раньше игумена Никона, то-есть раньше 1088 года; слѣдовательно время его уединеннаго подвижничества не могло продолжаться сорокъ лѣтъ, такъ какъ только въ 1051 году начали собираться подвижники вокругъ Антонія; въ томъ же житіи

Исакія разказывается о временномъ удаленіи Антонія въ Черниговскую область и основаніи имъ тамъ монастыря на Болдыныхъ горахъ: это противорѣчитъ сообщенію Сказанія о томъ, что Антоній жилъ въ пещерѣ безвыходно. Наконецъ, въ той редакціи Сказанія, которая, читается въ Кассіановскомъ изводѣ Патерика 1462 г., при чемъ къ сокращенной редакціи, заимствованной изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. придѣлано начало на основаніи первоначальной редакціи, найденной въ Печерской лѣтописи, видимъ указаніе на то, что первоначальная редакція искусственно соединила два противорѣчивые разказа объ Антоніи—первый разказъ о поселеніи его въ Варяжской пещерѣ по возвращеніи съ Аэона и второй о поселеніи въ Иларіоновой пещерѣ.

Итакъ, указанныя противорѣчія и несообразности въ Сказаніи, что ради прозванія Печерскій монастырь, приводятъ насъ къ заключенію, что въ немъ соединены два или нѣсколько противорѣчивыхъ источниковъ, при чемъ основа Сказанія, основной текстъ его подвергся полной переработкѣ и предѣлкѣ.

Приведу соображенія, которыя приводятъ къ заключенію о томъ, что основной текстъ Сказанія принадлежалъ Нестору. *Во 1-хъ*, какъ это еще недавно подробно развилъ Е. Н. Щепкинъ въ своей статьѣ *Zur Nestorfrage* (*Archiv f. Sl. Ph.*, В. XIX), планъ Сказанія, расположеніе въ немъ матеріала почти тождественны съ тѣмъ порядкомъ въ изложеніи событій, относящихся къ первоначальной исторіи Печерской обители, который находимъ въ Несторовомъ Житіи Θεодосія; объяснять это совпаденіе, вслѣдъ за названнымъ авторомъ, тѣмъ, что Несторъ и составитель Сказанія руководились однимъ и тѣмъ же преданіемъ, выражавшемся въ опредѣленномъ устномъ разказѣ, — врядъ ли возможно. Гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе г. Щепкина, по которому авторъ Сказанія подражалъ ходу разказа Θεодосіева житія: но такое предположеніе весьма приближаетъ насъ къ утверженію, что въ основаніе Сказанія положенъ Несторовъ разказъ (существовавшій въ отдѣльномъ отъ Житія Θεодосія видѣ) о началѣ Печерскаго монастыря. *Во 2-хъ*, рядъ общихъ данныхъ между Житіемъ Θεодосія и Сказаніемъ легко объясняются именно тѣмъ, что Сказаніе основано на переработанномъ текстѣ не дошедшаго до насъ Несторова разказа. Какъ въ Житіи, такъ и въ Сказаніи Антоній удаляется, поставивъ игуменомъ Варлама, въ особую пещеру, изъ которой никогда не выходилъ (Житіе Θεодосія: „и оттуда на ны преселися на инъ холмъ антонии ископавъ пещеру живяше в неи не излая изъ нея идеже и доныня честное тѣло его лежитъ“ ср. въ Сказаніи: „а самъ

иде въ гору, и ископа пещеру, яже есть подь новымъ монастыремъ, въ ней же сконча животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ пещеры... вѣдѣ же, въ ней же лежать мощѣ его и до сего дне“). Братія съ игуменомъ Варлаомъ поставили малую церковь (Ж. Ө.: „тогда же божественны варламъ постави надъ пещерою малу церковьцю въ имя пресвятыа богородица, ср. въ Сказаніи: „и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыи Богородица Успенье“). Изяславъ Владимировичъ переводить Варлама въ монастырь св. Димитрія (Ж. Ө. „божественны варламъ... изведенъ бысть княжимъ повелѣніемъ въ монастырь святого мученика Дмитрея и ту игуменомъ поставленъ“, ср. въ Сказаніи: „и возведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрию“). Когда Θεодосія избрали игуменомъ братія стала значительно увеливаться (Ж. Ө.: „оттоле цветяше и оумножашеся мѣсто то... братіи множащися“, ср. въ Сказаніи: „и совокупляти нача многы черноризьци“); вслѣдъ за разказомъ о введеніи Студійскаго устава, читаемъ: онъ никому не отказывалъ въ пріемѣ въ монастырь (Ж. Ө.: „всякому же хотящему быти черноризьцю и приходящему къ нему не отрешаше ни оубога ни богата но вся пріимаше“, ср. въ Сказаніи: „и принимающю всякаго приходящаго къ нему“). Въ 3-хъ, принадлежность Сказанія Нестору доказывается и тѣмъ, что Печерской лѣтописи, какъ можно заключить изъ Кассіановскихъ редакцій Патерика, въ текстѣ Сказанія (а можетъ быть и въ заглавныхъ строкахъ) читалось имя Нестора¹⁾; ср. въ Кассіан. 2-й: „пріидохъ же і азъ къ нему хоудыи и недостойныи рабъ нестеръ“. Эти слова, какъ мы покажемъ ниже, въ Несторовомъ разказѣ относились къ Стефану игумену, въ позднѣйшей же передѣлкѣ Сказанія, вслѣдствіе искаженія текста и отнесенія словъ о Стефанѣ въ другое мѣсто (ср. ниже), они поставлены въ связь съ Θεодосіемъ.

Какое же имѣлъ основаніе составитель Печерской лѣтописи исказить и передѣлать Несторовъ разказъ о Печерскомъ монастырѣ? Очевидно онъ хотѣлъ согласовать и исправить его, пользуясь другими источниками, повѣствовавшими о началѣ Печерской обители. Однимъ изъ такихъ источниковъ, или вѣрнѣе такимъ источникомъ могло быть извѣстное лѣтописцу Житіе Антонія. Выше, восстанавливая содержаніе этого житія, мы видѣли, что въ немъ говорилось о древнѣйшихъ

¹⁾ Не лишено значенія и свидѣтельство рукописи XV в., гдѣ находится Переяславскій лѣтописецъ: противъ заключительныхъ словъ Сказанія на полѣ написано: нестеръ.

судьбахъ монастыря, основаннаго Антоніемъ, а также о послѣдующихъ событіяхъ, о жизни славныхъ подвижниковъ и даже объ основаніи большой каменной церкви. Понятно, что Печерскій лѣтописецъ долженъ былъ воспользоваться такимъ важнымъ для исторіи монастыря памятникомъ. Онъ сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что въ Несторовомъ разказѣ сообщались скудныя свѣдѣнія о началѣ монастыря; основаніе его, возвеличеніе святаго мѣста, построеніе большой деревянной церкви—все это приписывалось Θεодосію. Между тѣмъ Житіе Антонія, а можетъ быть, и устное преданіе, относили начало монастыря къ гораздо большей древности и признавали Антонія начальникомъ монашескаго житія въ Россіи. Чудесная и легендарная обстановка, въ которой представлялись событія въ Житіи Антонія, должна была поразить лѣтописца и онъ призналъ превосходство и большую достовѣрность именно за этимъ житіемъ, сравнивая его съ Несторовымъ сказаніемъ. Несторъ не зналъ, кто постригъ Антонія, кто благословилъ его на подвижничество. Житіе Антонія разказывало, какъ это можно предполагать, что онъ постриженникъ св. Горы и основаль монастырь по благословенію Святогорскаго игумена. Заключая свой разказъ о поставленіи монастыря, Несторъ въ своемъ Сказаніи, также какъ въ Житіи Θεодосія, говорилъ: „и бысть манастырь славенъ еже и доннѣ есть печерскыи наричемъ иже отъ святаго отца нашего феодосія съставленъ бысть“. Житіе Антонія выразилось бы иначе: монастырь поставленъ слезами и пощеніемъ, святою подвижническою жизнью Антонія, а пошелъ монастырь отъ благословенія святой Горы. Студійскій уставъ введенъ по Нестору Θεодосіемъ, доставшимъ его черезъ Ефрема каженника; по Житію Антонія, какъ я укажу ниже, его ввелъ Антоній, получивъ отъ Михаила грека. Монастырь и большая деревянная церковь выстроены по Нестору Θεодосіемъ; Житіе Антонія, какъ можно думать, не называя игумена, относило это построеніе къ болѣе раннему времени, къ эпохѣ перваго игумена, поставленнаго Антоніемъ. Каменная церковь по Нестору основана и начата была постройкой исключительно благодаря трудамъ Θεодосія; Житіе Антонія подробно разказывало о выдающемся участіи Антонія въ этомъ дѣлѣ и о тѣхъ чудесныхъ знаменіяхъ, которыя онъ при этомъ вызвалъ. Подвижничество Антонія, согласно его житію, началось со временъ Владимира Святославича, когда онъ поселился въ Варяжской пещерѣ; разказъ Нестора заставлялъ Антонія въ пещеркѣ, оставленной Иларіономъ, а о путешествіи его на Святую Гору ничего не сообщалъ.

Для составителя Печерской лѣтописи явилась такимъ образомъ необходимость слить оба разказа—Несторовъ и Антоніева житія, что оны и сдѣлалъ въ статьѣ, сохранившей Несторово заглавіе „Сказаніе, что ради прозвася печерскій монастырь“. Ниже я укажу на то, какъ отразились въ этомъ сказаніи оба его источника. Несторовъ разказъ и Житіе Антонія, а теперь обращусь къ указанію на другія заимствованія, сдѣланныя изъ Житія Антонія Печерскимъ лѣтописцемъ: эти указанія послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ доказательствомъ того, что названный лѣтописецъ пользовался Житіемъ Антонія.

Извлекая изъ Житія Антонія историческія данныя, Печерскій лѣтописецъ старался дать имъ хронологическое опредѣленіе, такъ какъ лѣтописный матеріалъ располагался имъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Древнѣйшимъ событіемъ въ исторіи Печерскаго монастыря было прибытіе Моисея Угриня къ Антонію, о чемъ говорилось въ Житіи Антонія. Печерскому лѣтописцу было важно опредѣлить годъ этого событія, такъ какъ этотъ годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ стеченія подвижниковъ въ пещеру на Берестовомъ холму и началомъ самаго Печерскаго монастыря. Житіе Антонія связало данныя о жизни Моисея Угриня съ опредѣленными историческими лицами и событіями: Моисей былъ взятъ въ плѣнъ Болеславомъ польскимъ, когда тотъ, разбитый Ярославомъ, бѣжалъ изъ Кіева (Пов. вр. лѣтъ подь 1018 годомъ: „Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его“; Сказанія Поликарпа: „възвращъ же ся болеславъ в ляхи. поятъ ссобою обѣ сестрѣ ярославлѣ. изыма же и бояръ его. с ними же и сего блаженного моисия“). Моисей протомился въ плѣну одиннадцать лѣтъ, страдая въ оковахъ пять лѣтъ, а шесть мучимый за свое цѣломудріе (Арсен. ред.: „се же и в житии святаго отца нашего антониа вписано есть о семъ моисии. како приде и скончася в добрѣ исповѣданни о господѣ. пребывъ. ꙗ̄. лѣтъ в манастыри. ѿ лѣтъ въ плѣнѣ страдалъ окованъ. ѿ лѣтъ за чистоту страдавъ въ страсти) ¹⁾.

¹⁾ Въ Кассіановскихъ редакціяхъ: „пребывъ в монастырѣ лѣтъ. ꙗ̄. а въ плененіи страда въ оузахъ. ꙗ̄ лѣтъ. шестое лѣто за чистоту“. Шестое вмѣсто шесть, очевидно, поправка, и при томъ основательная, того испорченнаго чтенія, которое находилось. можетъ быть, и въ подлинномъ Житіи Антонія (ѿ вмѣсто ѿ е.). Что въ Арсеніевской мы имѣемъ дѣло не съ опискою, видно изъ предыдущаго, гдѣ также читаемъ: „не довольно бысть емоу. ꙗ̄. лѣтъ оковану бывъшю отъ плѣнившаго отъ него же искулихъ и и. ѿ лѣтъ пребысть оу мене много мучимъ пре-

Такъ читалось въ Житіи Антонія, хотя, какъ увидимъ, Моисей освобожденъ отъ плѣна черезъ шесть лѣтъ послѣ 1018—1019 года. Освобожденіе Моисея въ Житіи Антонія было поставлено въ связь со смертью Болеслава и послѣдовавшимъ за нею мятежемъ, во время котораго была убита его госпожа (ср. выше въ разборѣ свидѣтельствъ Сказаній Поликарпа о Житіи Антонія). Но такъ какъ по расчету Печерскаго лѣтописца Моисей, захваченный въ плѣнъ въ 1018—1019 году (ср. этотъ годъ въ Начальномъ сводѣ, а можетъ быть и въ Іаковлевомъ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ), освобожденъ изъ него черезъ 11 лѣтъ, то указанное историческое событіе—смерть Болеслава и послѣдующій мятежъ были отнесены Печерскимъ лѣтописцемъ къ 1030 году ¹⁾. Весьма вѣроятно, что въ этой лѣтописи былъ сначала сообщенъ историческій фактъ и потомъ прибавлено: тогда же приде къ Антонію Моисии Угринъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ заимствовала извѣстіе о смерти Болеслава и мятежъ въ Польской землѣ изъ Печерской лѣтописи: вотъ почему мы читаемъ его именно подъ 1030 годомъ ²⁾; извѣстіе же о прибытіи Моисея Угриня редакторъ Повѣсти опустилъ, какъ опустилъ и многое другое въ своихъ заимствованіяхъ изъ Печерской лѣтописи ³⁾.

Итакъ, по соображенію Печерскаго лѣтописца къ Антонію начала стекаться братія около 1031 года: этотъ же годъ, какъ время прибытія Моисея къ Антонію, находимъ въ печатномъ Патерикѣ, ср. также позднѣйшую киноварную приписку при заглавныхъ строкахъ сказанія о Моисей въ Румянц. № 305: „приде къ пренодобному Антонію въ лѣто 6539“.

слушания ради“; въ Кассіановѣихъ и здѣсь исправлено: „и се шестое лѣто пребысть оу мене“. Въ печатномъ Прологѣ (26-го іюля) читаемъ, по указанію Макарія, Ист. русск. церкви, II пр. 86 такъ же, какъ въ Арсеніевской редакціи.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ Болеславъ умеръ въ 1025 году (слѣдовательно черезъ шесть лѣтъ послѣ плѣненія Моисея), а мятежъ имѣлъ мѣсто въ 1031 году при сынѣ его Мечиславѣ. Это замѣтилъ еще Татищевъ, относящій смерть Болеслава къ 1025 г., а мятежъ къ 1034 (II т., пр. 236).

²⁾ Только заимствованіемъ изъ Житія Антонія путемъ Печерской лѣтописи возможно объяснить соединеніе событій—смерти Болеслава и мятежа при Мечиславѣ и отнесеніе ихъ къ ошибочному 1030 году въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

³⁾ Въ Густынской лѣтописи подъ 1027 годомъ читаемъ о возвращеніи Антонія со Св. Горы въ Кіевъ: думаю, что составитель этой лѣтописи, зная изъ польскихъ источниковъ (напримѣръ, Длугоша), о томъ, что Болеславъ умеръ въ 1026 году и соображая, что около того же времени Антоній вернулся въ Кіевъ, такъ какъ вскорѣ къ нему прибылъ изъ польскаго плѣна Моисей, отнесъ именно поэтому возвращеніе Антонія къ 1027 году.

Вотъ почему и зная изъ Житія Θεодосія, что однимъ изъ первыхъ подвижниковъ, прибывшихъ къ Антонію, былъ Θεодосій, Печерскій лѣтописецъ призналъ 1032 годъ временемъ постриженія Θεодосія: изъ Печерской лѣтописи этотъ годъ, какъ мы видѣли выше, вставленъ въ Кассіановскихъ редакціяхъ въ текстъ Θεодосіева житія. Вскорѣ за прибытіемъ Θεодосія, а именно когда братіи собралось 12 человекъ (по Нестору 15). Антоній удалился въ другую пещеру: это, по расчету Печерскаго лѣтописца, случилось около 1033 года; вотъ почему и зная изъ Житія Антонія (вывода изъ словъ, сказанныхъ Богородицею нанимаемымъ ею мастерамъ), что Антоній умеръ въ 1073 году, онъ къ словамъ Нестора „не исходя ис пещеры николиже“ прибавилъ: „живъ в добродѣтели лѣтъ 40“.

Установивъ такимъ образомъ хронологію событій, связанныхъ съ исторіею Печерскаго монастыря на основаніи Житія Антонія, Печерскій лѣтописецъ не ограничился указанными выше заимствованіями изъ этого житія. Онъ нашелъ въ немъ рядъ данныхъ, помѣщенныхъ имъ частью въ передѣланное Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь, частью же въ видѣ отдѣльныхъ хронологическихъ сообщеній. Къ первымъ заимствованіямъ относятся: 1) *извѣстіе о томъ, что Антоній подвизался въ пещерѣ, юже ископаша Варязи*; ср. свидѣтельство Поликарпа о томъ, что Варяжская пещера упоминается въ Житіи Антонія. Что это извѣстіе перешло въ Печерскую лѣтопись, видно изъ того, что оно есть во 2-й Кассіановской редакціи Патерика. 2) *Извѣстіе о путешествіи Антонія до поселенія в Варяжской пещерѣ на Авонъ*: что въ Печерской лѣтописи говорилось объ этомъ, со словъ Житія Антонія, видно изъ начала Сказанія о печерскомъ монастырѣ, какъ оно читается въ Кассіановской 2-й редакціи. Но Печерскій лѣтописецъ, какъ увидимъ ниже, для согласованія Житія Антонія съ Несторовымъ разказомъ о поселеніи его въ Иларіоновой пещерѣ, сочинилъ второе путешествіе Антонія на Авонъ. Въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, при позднѣйшей переработкѣ Сказанія, внесено только это второе путешествіе. Что извѣстіе о путешествіи Антонія на Святую Гору попало въ Печерскую лѣтопись (а оттуда въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и въ Кассіановскую 2-ю редакцію Патерика) именно изъ Житія Антонія, можно заключить въ виду отчасти легендарности житія, отчасти стремленія его составителя связать исторію Печерской обители съ греческими святынями и благословеніемъ славнаго греческаго монастыря: ср. читавшееся въ Житіи Антонія извѣстіе о постриженіи Моисея Угрина отъ чудесно къ нему явившагося Святогор-

скаго монаха. 3) *Извѣстіе о томъ, что Антоній собственноручно постригалъ стекавшуюся къ нему братію:* что это извѣстіе перешло въ Печерскую лѣтопись, видно изъ Сказанія о началѣ печерскаго монастыря по Повѣсти временныхъ лѣтъ, гдѣ читаемъ: „и нача приимати и постригати я“. Несторъ прямо говорилъ, что Антоній поручалъ постриженіе Никону, какъ имѣвшему священнической санъ. Но что въ Житіи Антонія утверждалось обратное, видно изъ приведенныхъ выше словъ Симона: „идарюна же митрополита и самъ чель еси в житіи святаго антоніа. яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ“. 4) *Извѣстіе о томъ, что монастырь и деревянная церковь выстроены первымъ игуменомъ Печерскаго монастыря, а не вторымъ, то-есть Θεодосіемъ.* Въ Печерской лѣтописи (что видно изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ) это приписывается Варламу, предшественнику Θεодосія; но все относящееся собственно къ Варламу попало въ Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, читавшееся въ Печерской лѣтописи, изъ Несторова разказа. Житіе Антонія не называло игумена; вотъ почему и въ Печерской лѣтописи говорилось безлично: „игумень же и братья заложиха церковь велику и т. д.“. Несторъ относилъ построение церкви и монастыря ко времени игуменства Θεодосія и именно къ 1062 году; но Житіе Антонія вело исторію монастыря съ 1030 годовъ: ясно, что основаніе монастыря должно было быть отнесено ко времени болѣе раннему, но приурочить его къ Варламу нельзя было потому, что онъ пришелъ, по извѣстному преданію (записанному въ Житіе Θεодосія), въ дни Изяслава Ярославича; приписать же основаніе монастыря и церкви Θεодосію мѣшало то обстоятельство, что Θεодосій сталъ игуменомъ послѣ Варлама. 5) *Извѣстіе о томъ, что уставъ введенъ въ Печерскій монастырь по распоряженію Антонія, который получилъ его отъ Михаила зрека, пришедшаго изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ.* Это извѣстіе, какъ видно изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, внесено въ Сказаніе о томъ, что ради прозвася печерскій монастырь, Печерскимъ лѣтописцемъ. А что оно заимствовано именно изъ Житія Антонія, видно изъ соображеній, изложенныхъ ниже.

Ко второму ряду заимствованій, то-есть тѣхъ, которыя внесены въ Печерскую лѣтопись отдѣльно отъ Сказанія, кромѣ упомянутыхъ выше извѣстій 1030, 1032 и 1073 (смерть Антонія) года, относится *извѣстіе о прибытіи въ Кіевъ трехъ тѣлцовъ изъ Грекъ съ роды своими.* Что это извѣстіе читалось въ Печерской лѣтописи, заключаю изъ того (какъ это указано и выше), что во всѣхъ спискахъ Повѣсти

временныхъ лѣтъ, гдѣ оно помѣщено (Софійскія, Воскресенская, Тверская подь 1052 годомъ; Новгородская 4-я подь 1051 годомъ; лѣтопись Аврамія и Архангелогородская подь 1037 годомъ), передь этимъ извѣстіемъ читается: „того же лѣта начаю Печерскому монастырю отъ Антонія“ или: „при семъ и Антоний печерський (принесень) бысть (Авр. и Арханг.). Что это извѣстіе заимствовано въ Печерскую лѣтопись именно изъ Житія Антонія, заключаю изъ того, что во 1-хъ оно напоминаетъ его разказы о прибытіи къ Антонию и Ѳеодосію четырехъ мастеровъ съ ихъ ближиками изъ Греціи, во 2-хъ отразилось въ Сказаніи о началѣ печерскаго монастыря, гдѣ, какъ указано выше, замѣтно вліяніе двухъ источниковъ—Несторова разказа и Житія Антонія; а именно извѣстіе о прибытіи трехъ пѣвцовъ въ Кіевъ нельзя не сопоставить съ сообщеніемъ Сказанія о томъ, что уставъ Студійскаго монастыря полученъ отъ Михаила, пришедшаго изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ; основанія для такого сопоставленія слѣдующія: по даннымъ Степенной книги, а также по Татищеву, эти пѣвцы изучили русскихъ красному демественному пѣнію ¹⁾, между тѣмъ въ Сказаніи указано, что Ѳеодосій (вм. Антоній), найдя у Михаила уставъ Студійскихъ чернецъ, „устави въ монастыри своемъ, како пѣти пѣнья манастырская“; далѣе, по Татищеву, эти три пѣвца прибыли въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ; по Сказанію, Михаилъ также прибылъ изъ Грекъ съ этимъ митрополитомъ. При этомъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы думать, что Татищевъ замѣтилъ связь между обоими извѣстіями: иначе онъ оговорилъ бы ее въ примѣчаніи 258 (II-го тома). Итакъ, мы имѣемъ основаніе думать, что оба извѣстія—читаемое въ Сказаніи и сообщенное отдѣльно подь слѣдующимъ годомъ попали въ Печерскую лѣтопись изъ одного источника и притомъ именно изъ Житія Антонія. Повидимому, въ этомъ житіи говорилось,

¹⁾ Степ. кн.: Вѣры же ради Христолюбиваго Ярославя, придоша къ нему отъ Царяграда богоподвизаемы трие пѣвцы Гречестии съ роды своими. Отъ нихъ же начать быти въ Русѣи земли ангелоподобное пѣніе изрядное осмогласіе, наипаче же и трисостанное согласованіе и самое красное демественное пѣніе, въ похвалу и славу Богу и пречистѣй его Матере и всѣмъ святымъ, въ церковное сладкодушное утѣшеніе и украшеніе... У *Татищева* подь 1053 годомъ: Сегожь года пришесть митрополитъ Георгій изъ Царяграда и съ нимъ три человекъ съ роды своими Демественники, и учаху въ Руси пѣти на 8 голосовъ, отличаша церковное отъ мірскихъ пѣсень употребляемыхъ (ихъ) ко увеселенію. Ср. о Георгіи ниже. Въ Тверской лѣтописи передь извѣстіемъ о прибытіи пѣвцовъ заглавіе: О демественомъ пѣніи на Руси.

что Антоній уставилъ въ монастырѣ красное пѣніе, когда къ нему пришли три пѣвца и между ними Михайлъ, чернецъ Студійскаго монастыря; пѣвцы эти прибыли въ Кіевъ вмѣстѣ съ митрополитомъ (врядъ ли онъ былъ названъ). Печерскій лѣтописецъ, исправляя Несторово Сказаніе, внесъ изъ Житія Антонія имя Михаила чернца. „яже бѣ пришедь изъ Грекъ съ митрополитомъ“, котораго онъ назвалъ Георгіемъ по тому, что зналъ о томъ, что во время игуменства Θεодосія митрополія управлялась именно Георгіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтописецъ помѣстилъ извѣстіе о прибытіи трехъ пѣвцовъ вслѣдъ за сказаніемъ о началѣ Печерскаго монастыря въ видѣ самостоятельнаго сообщенія, прибавляя можетъ быть, что они явились къ Антонію, пріѣхавъ изъ Греціи съ митрополитомъ, и уставиши въ Печерскомъ монастырѣ церковныя пѣнія. Редакторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ сохранилъ это извѣстіе подъ 1051 или подъ 1052 годомъ, добавивъ, можетъ быть, что пѣвцы прибыли съ митрополитомъ *Георгіемъ* (вліяніе предыдущаго Сказанія) и выразившись болѣе общимъ образомъ о томъ, что они вообще (а не въ одномъ Печерскомъ монастырѣ) уставиши осмигласное пѣніе (ср. у Татищева и въ Тверской лѣтописи). Нѣкоторые списки Повѣсти временныхъ лѣтъ совсѣмъ опустили это извѣстіе (Лавр., Ипат. и др.), а Софійскій временникъ внесъ его въ сокращенномъ видѣ (ср. опущеніе въ немъ Сказанія, что ради прозвася печерскій монастырь). Намъ остается сказать еще о тѣхъ двухъ спискахъ, которые относятъ это извѣстіе къ 1037 году. Въ Архангелогородскомъ читаемъ: „въ лѣто 6545 князь великій Ярославъ Владимировичъ... и митрополію устави, и церкви многи постави, и принесенъ бысть (очевидно вм. при семь бысть) Антоній Печерскій. Въ то же время придоша изъ Царяграда три краснопѣвцы“. Въ лѣтописи Аврамія: „при семь и Антоній Печерскій бысть. В то же время пѣвцы три придоша изъ Царяграда“. Несомнѣнно, что это извѣстіе попало въ означенныя лѣтописи, а вѣрнѣе въ общій ихъ источникъ или въ протографъ ихъ, изъ какого-нибудь списка Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ какъ эти лѣтописи представляются сокращеніемъ Повѣсти. Отсюда слѣдуетъ, что были списки Повѣсти временныхъ лѣтъ, гдѣ объ Антоніи и устроеніи имъ Печерскаго монастыря разказывалось подъ 1037 годомъ. Ниже мы еще разъ вернемся къ этому нашему выводу.

Въ виду всего вышеизложеннаго я считаю доказаннымъ положеніе, что Печерская лѣтопись пользовалась между прочимъ двумя письменными источниками: 1) Несторовыми сказаніями о началѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи мощей св. Θεодосія, 2) Житіемъ Антонія.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о другихъ источникахъ этой лѣтописи, еще разъ повторю сдѣланные выше выводы объ отношеніи Печерскаго лѣтописца къ обимъ указаннымъ источникамъ его.

Для этого возстановлю на основаніи изложенныхъ уже выше и еще нѣкоторыхъ другихъ соображеній первоначальный текстъ Несторова сказанія о началѣ Печерскаго монастыря, а также тѣхъ частей Житія Антонія, которыми воспользовался Печерскій лѣтописецъ.

Несторъ въ своемъ разказѣ, повидимому, не измѣнилъ извѣстной намъ по его сочиненіямъ о Борясѣ и Глѣбѣ и о Θεодосіи склонности къ многорѣчивости и страсти начинать повѣствованіе издалека. Такъ Чтеніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба онъ начинаетъ съ Адама, а изложеніе русскихъ событій съ крещенія Руси; Житіе Θεодосія начинается рядомъ благочестивыхъ размышленій, заключающихся словомъ „аминь“. Если мы примемъ во вниманіе, что между сказаніемъ о началѣ Печерскаго монастыря и лѣтописнымъ разказомъ о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, помѣщеннымъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подь 1037 годомъ, замѣтна извѣстная связь—внутренняя (въ отрывкѣ 1037 года: „и бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризцѣ... и ныи церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ“; въ Сказаніи подь 1051 годомъ: „Боголюбивсму бо Ярославу любящю Берестовое и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю“) и внѣшняя (въ нѣкоторыхъ, указанныхъ выше спискахъ лѣтописи подь 1037 годомъ разказывается объ Антоніи и о томъ, что въ другихъ спискахъ изложено подь 1051 или 1052 годомъ), если эту связь мы не признаемъ случайною ¹⁾, то легко придемъ къ предположенію, что Несторовъ разказъ о началѣ Печерскаго монастыря начинался съ повѣствованія о просвѣтительной дѣятельности

¹⁾ Не рѣшаюсь долѣе останавливаться здѣсь еще на слѣдующемъ обстоятельстве, указывающемъ на тѣсную связь разказовъ подь 1037 и подь 1051 годомъ. Софійскій временникъ (Софійскія, Новгородская 4-я и др. лѣтописи) почти не знаетъ пропусковъ сравнительно съ Лавр.-Ипат. приблизительно до 1074 года. Это объясняется тѣмъ, что краткій разказъ Новгородской 1-й лѣтописи былъ дополненъ на основаніи списка Повѣсти временныхъ лѣтъ. Но разказъ подь 1037 годомъ представленъ лишь въ нѣсколькихъ начальныхъ строкахъ, а разказъ подь 1051-мъ опущенъ совсѣмъ (о началѣ Печерскаго монастыря и прибытіи пѣвцовъ сказано подь 1052, въ Новг. 4-й подь 1051). Вижу въ этомъ указаніе на то, что въ списокѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ, служившемъ источникомъ дополненій, оба разказа были еще соединены и приведены подь 1037 годомъ (ср. разказъ Архангелог. и лѣтописи Аврамія подь этимъ годомъ).

Ярослава, сохранившагося въ лѣтописномъ отрывкѣ 1037 года, а можетъ быть даже нѣсколько раньше, то-есть, съ крещенія Руси при Владимирѣ. Ср. въ указанномъ отрывкѣ сравненіе Ярослава съ Владимиромъ: одинъ вспахалъ землю, а другой посѣялъ сѣмя. Нестору же принадлежитъ читаемое здѣсь размышленіе о мудрости и о пользѣ чтенія книгъ. Разказавъ о любви Ярослава къ церквамъ и попамъ, Несторъ останавливался на особомъ расположеніи его къ Берестову, церкви св. Апостоль и Иларіону, священнику той церкви, будущему митрополиту. Иларіонъ ископалъ пещерку для молитвеннаго уединенія; но Богъ вложилъ князю поставить его митрополитомъ. Пещерка осталась свободною и вскорѣ въ ней поселился Любечанинъ Антоній. И онъ началъ жить тутъ, молясь Богу и предаваясь воздержанію. Многие благочестивые люди приходили къ нему принося ему пищу и испрашивая благословенія ¹⁾). По смерти Ярослава, принявшій великое княженіе Изяславъ, узнавъ о благочестивой жизни Антонія, посѣтилъ его съ дружиною, прося благословенія и молитвы. Къ Антонію стала стекаться братья: первыми пришли Никонъ и Θεодосій; по повелѣнію Антонія, Никонъ постригалъ приходившихъ. Далѣе упоминалось о прибытіи въ пещеру Варлама и Ефрема. Когда братія собралось 15 человекъ, они вырыли большую пещеру и устроили въ ней церковь и кельи. Тогда Антоній уединился въ одной изъ келій, а потомъ переселился въ другую пещеру, откуда никогда не выходилъ; мощи его лежатъ въ ней до сегодня. Братія же онъ поставилъ игуменомъ Варлама, который поставилъ небольшую церковь надъ пещерою. Вскорѣ, по повелѣнію князя, Варламъ былъ переведенъ на игуменство въ монастырь св. Дмитрія. Послѣ краткихъ размышленій по поводу того, что не богатство, а подвижничество Антонія (и Θεодосія) возвеличило Печерскій монастырь, Несторъ разказывалъ объ избраніи Θεодосія игуменомъ: братія было только еще 20 человекъ. Θεодосій, принявъ старѣйшинство, не измѣнилъ своимъ строгимъ правиламъ; онъ сталъ еще болѣе воздержаннымъ и подвижнымъ: братія стала умножаться, и собралось до 100 человекъ. Θεодосій, видя тѣсноту и неудобство въ пещерныхъ келіяхъ, посоветовался съ братією о построеніи монастыря. Выбравъ открытое большое мѣсто невдалекѣ отъ пещеры, онъ просилъ князя Изяслава уступить

¹⁾ Несторъ, вѣрный своему разказу въ Житіи Θεодосія, и здѣсь указываетъ, что подвижники, принимавшіе постриженіе стали стекаться къ Антонію уже въ княженіе Изяслава Ярославича.

его подь постройку монастыря. Изяславъ съ радостью исполнилъ эту просьбу. Тогда Ѳеодосій выстроилъ на томъ мѣстѣ большую церковь, много келій и монастырскую ограду. Онъ переселился въ новый монастырь въ 6570 (1062) году: такъ начался Печерскій монастырь, названный такъ потому, что братья жили сначала въ пещерѣ. Послѣ этого Несторъ, какъ и въ Житіи Ѳеодосія, рассказывалъ о введеніи Ѳеодосіемъ въ монастырь Студійскаго устава: онъ добылъ его черезъ Ефрема скопца. Ѳеодосій не отказывалъ никому въ приѣмѣ въ число братіи; обитель росла, мѣсто процвѣтало, братья все увеличивалась. Тогда Ѳеодосій рѣшилъ поставить большую каменную церковь. Послѣ краткаго разказа объ основаніи этой церкви, у Нестора вѣроятно читалось то же, что мы находимъ въ Житіи Ѳеодосія: „бѣаше же и самъ блаженный Ѳеодосіи по вся дни съ братіею подвизаяся и тружаяся о възъграженіи таковаго дому обаче аще и не свершивъ его живъ сы но се и по смърти того стефану приимшу игуменьство... свершено дѣло и домъ съграженъ. Къ нему же“, продолжалъ Несторъ (разумѣя Стефана) „и азъ придохъ худый и недостойный рабъ несторъ, и приять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ в кое лѣто (очевидно, Несторъ приводилъ въ своемъ разказѣ 1062 годъ) почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерскій“.

Вотъ, повидимому, въ общихъ чертахъ текстъ Несторова сказанія въ томъ видѣ, въ какомъ его нашелъ составитель Печерской лѣтописи. Бывшее у него подь руками Житіе Антонія рассказывало о началѣ Печерскаго монастыря совершенно иное.

Антоній, начавъ подвижническую жизнь въ пещерѣ близъ родного Любеча ¹⁾, отправился въ благочестивое странствованіе, во время котораго, достигъ Аона. Здѣсь онъ принялъ постриженіе, но по благословенію игумена вернулся въ Россію. Божій Промыселъ направилъ его на Кіевскія горы и здѣсь близъ Берестова онъ поселился въ Варяжской пещерѣ. Вскорѣ къ святому подвижнику начала стекаться братья: однимъ изъ первыхъ пришелъ Моисей Угринъ, потомъ Иларіонъ, Ѳеодосій. Когда братья собралось 12 человекъ, Антоній ушелъ

¹⁾ Объ этомъ можно заключить по преданію, восходящему, какъ видно изъ письменныхъ даже источниковъ (грам. архіеп. Барановича 1693 г.), къ древности: Антоній въ молодости ископалъ себѣ въ горѣ пещеру для удививныхъ молитвъ близъ города Любеча. На этомъ мѣстѣ основался монастырь, возобновленный въ 1692 г. (ср. *Милорадовичъ*, Любечъ Черниг. губ., М. 1871). Вѣроятно, Житіе Антонія упоминало объ этихъ первыхъ годахъ подвижничества Антонія.

въ другую пещеру, поставивъ игуменомъ одного изъ братьѣ. Этотъ игумень, подъ руководствомъ Антонія, выстроилъ церковь и монастырь. Первоначальное устройство монастыря принадлежало Антонію: Богъ чудесно помогаль ему въ этихъ заботахъ. Такъ по устройенію Божь къ Антонію пришли три пѣвца съ роды своими; они научили и оставили церковное пѣнье; между ними былъ Михаилъ, чернецъ Студійскаго монастыря, который помогъ Антонію ввести въ монастырь Студійскій уставъ. Когда игуменомъ сдѣлался Θεодосій, оба великіе начальника Печерскаго монастыря приступили къ постройкѣ большой каменной церкви. Основаніе ея сопровождалось необыкновенными чудесами. Но Антоній скончался, благословивъ только мѣсто для будущей церкви, а выстроена она и украшена трудами послѣдующихъ игуменовъ.—Печерскій лѣтописецъ, какъ мы говорили выше, рѣшилъ соединить оба разказа.

Сказавъ о желаніи Антонія постричься и сдѣлаться монахомъ, лѣтописецъ, согласно Житію, разказаль о его путешествіи въ Царьградъ и на Аѳонъ, о постриженіи его здѣсь и о возвращеніи въ Россію по благословенію Святогорскаго игумена. Придя на Берестовое, онъ поселился въ пещерѣ, юже ископаша Варязи. Замѣтивъ изъ Житія Антонія, что поселеніе это относилось къ глубокой древности, такъ какъ уже въ 1031 году къ св. подвижнику пришелъ Моисей Угриць, а что Несторъ говоритъ о прибытіи Антонія на Берестовое послѣ поставленія митрополита Иларіона, Печерскій лѣтописецъ, для того чтобы помирить оба разказа объясняетъ, что первое поселеніе относилось еще ко временамъ Владимира Святославича. Но смуты, возникшія послѣ смерти этого князя, принудили его бѣжать изъ Россіи: онъ отправился на Аѳонъ. Послѣ того Печерскій лѣтописецъ словами Нестора передаваль о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, о построеніи имъ церквей и монастырей, о его любви къ книгамъ и о пользѣ книжнаго чтенія. Затѣмъ онъ переходилъ къ любви Ярослава къ Берестову и, сказавъ объ Иларіонѣ и его пещеркѣ, передаваль о поставленіи его митрополитомъ. Пещерка осталась свободною, но вскорѣ вернулся съ Аѳона Антоній, который и поселился въ ней ¹⁾. Дальнѣйшій разказъ велся согласно съ Несторомъ до того мѣста, гдѣ говорилось о желаніи Антонія уединиться отъ прочей братіи. Здѣсь Антонію влагались слова, заимствованныя изъ его Жи-

¹⁾ Вселился въ не, то-есть въ мѣстце се, относится, конечно, къ пещерѣ, а не вообще къ холму, идѣже бѣ ископалъ Ларионъ пещерку.

тія: „Богъ собралъ васъ, братья, и на васъ благословеніе Св. Горы, такъ какъ меня постригъ игумень Св. Горы, а я постригъ васъ; да будетъ же на васъ благословеніе во первыхъ отъ Бога, а во вторыхъ отъ Святой Горы“; вспомнимъ, что Несторъ не зналъ о томъ, что Антоній постриженникъ Св. Горы и прямо утверждалъ, что постриженіе братіи совершалось не имъ, а Никономъ. Послѣдующее опять изъ Нестора, но къ словамъ его, что Антоній никуда не выходилъ изъ пещеры, Печерскій лѣтописецъ прибавилъ 40 лѣтъ: онъ очевидно руководствовался хронологією, установленною Житіемъ Антонія, по которой удаленіе Антонія отъ братіи случилось въ 1033 г. (см. выше), и не замѣтилъ того противорѣчія, въ которое онъ впалъ, допустивъ, вслѣдъ за Несторомъ, что окончательное поселеніе Антонія на Берестовомъ имѣло мѣсто послѣ 1051 года. Нестору принадлежитъ и дальнѣйшій разказъ Печерскаго лѣтописца—о построеніи Варламомъ малой церкви надъ пещерою. Но слѣдующій затѣмъ отрывокъ о томъ, какъ игумень (не названъ по имени) и братья пришли къ Антонію за разрѣшеніемъ поставить монастырь, какъ Антоній, благословивъ Бога, призвалъ на братію молитвы св. Богородицы и святогорскихъ отцовъ, послѣ чего игумень и братія выстроили церковь и монастырь, заимствованъ изъ Житія Антонія: Несторовъ разказъ объ основаніи монастыря уже въ игуменство Θεодосія слишкомъ рѣзко не согласовался съ другимъ источникомъ Печерскаго лѣтописца. Заключительныя слова этого отрывка: „есть же монастырь Печерскій отъ благословенья Святыя Горы пошелъ“, конечно также не Несторовы. Но слѣдующій разказъ о переводѣ Варлама въ монастырь св. Дмитрія и объ избраніи Θεодосія заимствованъ у Нестора. Тоже относительно дальнѣйшихъ отрывковъ — объ умноженіи братіи въ Печерскомъ монастырѣ и о введеніи Студійскаго устава, при чемъ между обоими отрывками опущенъ Несторовъ разказъ о построеніи монастыря и великой церкви, а въ повѣствованіе о Студійскомъ уставѣ внесена изъ Житія Антонія поправка, по которой уставъ полученъ не отъ Ефрема, а отъ Михаила чернца, пришедшаго изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ. Затѣмъ говорилось по Нестору, что Θεодосій никому не отказывалъ въ приѣмѣ въ монастырь ни убогому, ни богатому; слѣдующее затѣмъ мѣсто, гдѣ Несторъ разказывалъ объ увеличеніи братіи, основаніи каменной церкви Θεодосіемъ и окончаніи ея Стефаномъ, а также заключительныя, строки, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ, были также сохранены въ Печерской лѣтописи. Въ концѣ сказанія лѣтописецъ помѣстилъ извѣстіе

о прибытіи трехъ пѣвцовъ въ Кіевъ, извѣстіе, заимствованное изъ Житія Антонія: онъ не нашелъ возможности включить его въ самое сказаніе.

Ниже разсмотрю измѣненія, которымъ подверглось Сказаніе при внесении его въ Повѣсть временныхъ лѣтъ.

Вопросъ объ источникахъ Печерской лѣтописи при изложеніи дальнѣйшихъ событій врядъ ли можетъ найти удовлетворительное разрѣшеніе, пока не будетъ опредѣленъ первоначальный составъ и объемъ этой лѣтописи. На основаніи данныхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и Сказаній Поликарпа, я думаю, что вслѣдъ за Сказаніемъ, что ради прозвася Печерскій монастырь, слѣдоваль разказъ о подвижникахъ Печерскихъ—Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исакіи. Весьма вѣроятно, что житіямъ этихъ угодниковъ было предпослано то самое краткое введеніе, которое читаемъ и теперь въ Повѣсти временныхъ лѣтъ (Стеоану же предержажю монастырь и блаженое стадо—отъ нихже намѣню нѣколико мужъ чюдныхъ). Это введеніе, а также самыя житія составлены, повидимому, самимъ Печерскимъ лѣтописцемъ, частью на основаніи устныхъ преданій, а частью на основаніи Житія Θεодосія. Такъ житіе Даміана почти цѣликомъ заимствовано у Нестора: есть даже тожественныя мѣста. Житіе Θεодосія говоритъ, что Даміанъ былъ саномъ прозвутерь; Печерская лѣтопись: Демьянъ презвутерь; Житіе Θεодосія: тому же нѣколи болящю и при конци оуже сы; Печерская лѣтопись: единою же ему разболѣвшюся, ковецъ прияти лежащю ему въ болести; Житія Θεодосія: будетъ ти якоже ти ся обѣща ангелъ явивыйся во образѣ моемъ; Печерская лѣтопись: еже есмь обѣщаль, то ти буди. — Напротивъ, устное преданіе ясно отражается въ житіи Іереміи, о которомъ между прочимъ сказано, что онъ помнилъ крещеніе русской земли, а также въ житіи Исакія, гдѣ читаемъ: и ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидецъ быхъ.—Въ житіи Матѳея слово столпье, какъ названа монастырская ограда (яко давѣ скочилъ есть со столпя), напоминаетъ Сказаніе, что ради прозвася печерскій монастырь, гдѣ употреблено то же слово: и монастырь огородиша столпеемъ; это, повидимому, обличаетъ одного автора (Печерскаго лѣтописца) и можетъ подтвердить высказанное предположеніе о редакціонной работѣ этого лѣтописца надъ Несторовымъ сказаніемъ (Несторъ говорилъ: ограда). Опредѣляя время, когда написаны эти четыре житія, видимъ, что во всякомъ случаѣ

послѣ вступленія на игуменство Іоанна (1089 г.), такъ какъ игумень Іоаннъ упоминается въ разказѣ объ Исакіи.

Выше было указано, что именно въ лѣтописномъ разказѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ 1078—1110 годовъ можетъ восходить къ Печерской лѣтописи. Мы видѣли, что въ этой лѣтописи находился рядъ фактическихъ подробностей, имѣвшихъ то или другое, хотя бы отдаленное отношеніе къ Печерской обители. Можетъ быть, эта лѣтопись перешла изъ монастырской въ лѣтопись общерусскихъ или по крайней мѣрѣ кіевскихъ событій: въ такомъ случаѣ довольно вѣроятно, что большинство лѣтописныхъ разказовъ 1078—1110 г. въ Повѣсти временныхъ лѣтъ заимствовано именно изъ этой лѣтописи; выдѣливъ изъ нихъ разказъ Василька, разказъ о междоусобной войнѣ Святополка и Владимира съ Олегомъ, а также рядъ извѣстій о походахъ и битвахъ, мы, можетъ быть, получимъ тотъ первоначальный составъ Печерской лѣтописи, которымъ воспользовался игумень Сильвестръ. Впрочемъ, для рѣшенія этого вопроса требуются обширныя подготовительныя изслѣдованія.

Остановлюсь здѣсь на работѣ игумена Сильвестра и на отношеніи его къ своему источнику—Печерской лѣтописи.

Замѣчу прежде всего, что трудъ Сильвестра дошелъ до насъ не въ первоначальномъ видѣ: не только Радзивилловскій и Академическій списки, гдѣ сохранилась приписка, сдѣланная игуменомъ Михайловскаго монастыря послѣ извѣстія о чудесномъ явленіи огненного столпа въ Печерскомъ монастырѣ, но также и Лаврентьевскій, подверглись сильному вліянію позднѣйшей редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, редакціи, составленной, какъ можно думать, около 1118 года (Сильвестръ окончилъ свой трудъ, первую редакцію Повѣсти, въ 1116 году). Поэтому трудно опредѣлить первоначальный составъ Сильвестровской редакціи; тѣмъ дѣльнѣе указанія на источники, которыми могъ пользоваться Сильвестръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно онъ внесъ въ Повѣсть заимствованія изъ Печерской лѣтописи: это видно изъ той тѣсной (внѣшней) связи, которая существуетъ между послѣднимъ извѣстіемъ его редакціи—разказомъ о явленіи столпа подъ 1110 годомъ и его припискою 1116 г. Вотъ почему мы можемъ поставить вопросъ, какъ передавались заимствованія изъ Печерской лѣтописи именно въ Сильвестровской редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Прежде всего Сильвестръ придалъ общерусскій характеръ нѣкото-

рымъ извѣстіямъ Печерской лѣтописи, если они приводились въ ней въ качествѣ извѣстій монастырскихъ. Такъ, внеся подъ 1030 годъ извѣстіе о смерти Болеслава и мятежѣ въ Польской землѣ, Сильвестръ не повторилъ сообщенія Печерской лѣтописи о томъ, что послѣ этого къ Антонію явился Моисей Угринь. Разказавъ подъ 1107 годомъ о славной побѣдѣ Святополка надъ половцами и о посѣщеніи имъ Печерской обители, онъ опустилъ разказъ Печерской лѣтописи, что побѣдѣ способствовало благословіе Прохора, скончавшагося 7-го августа; передавъ о явленіи чудесныхъ столповъ ¹⁾ 11-го февраля 1110 года надъ Печерскою церковью, Сильвестръ опустилъ слѣдовавшій затѣмъ разказъ о смерти Пимена, Кукши и Никона, случившейся одновременно—наканунѣ или около этого дня.

Кромѣ того Сильвестромъ опущены нѣкоторыя извѣстія, относившіяся до внутренней исторіи монастыря: такъ, онъ не упомянулъ о заточеніи игумена Іоанна Святополкомъ въ Туровъ, объ убіеніи монаховъ Ѳеодора и Василья Мстиславомъ Святополковичемъ, а также, можетъ быть, о потопленіи Григорія, названнаго чудотворцемъ, по приказанію Ростислава Всеволодовича.

Въ разказахъ, заимствованныхъ изъ Печерской лѣтописи, Сильвестръ пропускалъ нѣкоторыя малоизвѣстныя имена: такъ имъ опущено имя Нестора въ сказаніи о началѣ Печерскаго монастыря, а также въ разказѣ о перенесеніи мощей Ѳеодосія и въ похвалѣ Ѳеодосію; имя Марка въ разказѣ о перенесеніи мощей замѣнено словами „два брата“.

Статьи Печерской лѣтописи подвергались Сильвестромъ и другимъ измѣненіямъ. Такъ въ сказаніи о началѣ Печерскаго монастыря то мѣсто, гдѣ говорилось о построеніи каменной церкви Стефаномъ на основаніи, начатомъ при Ѳеодосіи, перенесено имъ подъ 1075 годъ: „почата бысть церкы Печерская надъ основаньемъ Стеваномъ игуменомъ; изъ основанья бо Ѳеодосій почаль, а на основанье Стеванъ поча; и кончана бысть на третье лѣто, мѣсяца іуля 11 день“ ²⁾.

¹⁾ Передѣлка трехъ столповъ въ одинъ и благочестивыя размышленія по поводу его явленія принадлежатъ, думаю, второй редакціи. Ср. связь этихъ размышленій съ слѣдующими, не внесенными въ Лаврентьевскую лѣтопись, но читаемыми въ Ипатьевскомъ и многихъ другихъ спискахъ.

²⁾ Такъ въ Лавр., въ Радз. 3 день, Ипат. 1 день. Надо читать 2 день: ср. Житіе Ѳеодосія, гдѣ говорится о построенной Стефаномъ Влахернской церкви праздновавшей 2-го іюля. Печерская церковь была, повидимому, окончена въ день, посвященный памяти Влахернской Божіей Матери, такъ какъ въ монастырь была принесена чудотворная икона Влахернская (Сказанія Симона).

Такимъ образомъ слова Нестора, относившіяся къ Стефану: „къ нему же и азъ придохъ“..., были поставлены неправильно въ связь съ Θεодосіемъ, такъ какъ въ слѣдующей фразѣ говорилось именно о Θεодосіи.

Въ послѣдующихъ редакціяхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря подверглось новымъ измѣненіямъ. Оно было разбито на двѣ части: первая сохранена подъ 1037 годомъ (подъ этимъ годомъ Сказаніе внесено Сильвестромъ въ Повѣсть, можетъ быть, вслѣдствіе указанія въ немъ года постройки Софійскаго собора), а вторая перенесена подъ 1051 годъ. Въ первой говорилось о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, а во второй о началѣ Печерскаго монастыря по поводу поставленія Иларіона, оставившаго пещерку на Берестовомъ холму, въ митрополиты.

При этомъ перенесеніи должна была естественнымъ образомъ выпасть та часть Сказанія, гдѣ говорилось о первомъ путешествіи Антонія на Аeonъ и о поселеніи его въ Варяжской пещерѣ; но за то краткое упоминаніе о второмъ его путешествіи передъ поселеніемъ въ Иларіоновой пещерѣ распространено подробностями, заимствованными изъ перваго путешествія. Выше было указано на то, что Печерская лѣтопись, подробно разказавъ о путешествіи Антонія на Святыя горы во дни Владимира Святославича, должна была кратко сказать о второмъ его путешествіи для того, чтобы перейти къ Несторову разказу о поселеніи Антонія въ Иларіоновой пещерѣ послѣ 1051 года. Въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ, редакція, лежащей въ основаніи Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго и другихъ списковъ, подробный разказъ о путешествіи Антонія отнесенъ ко второму его путешествію, а упоминаніе о первомъ совершенно опущено.

Составитель Кассіановской 2-й редакціи Патерика положилъ въ основаніе разказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, дошедшій до него черезъ предыдущія редакціи Патерика, но подъ вліяніемъ Печерской лѣтописи онъ придѣлалъ къ нему начало, гдѣ говорится о первомъ путешествіи Антонія на Аeonъ. Такимъ образомъ въ этой редакціи получилось два длинныхъ разказа (съ повтореніями) о двухъ путешествіяхъ Антонія. Кромѣ того онъ вставилъ въ конецъ разказа въ заключительныя слова автора имя Нестора, выставленное имъ и въ

заглавныхъ строкахъ Сказанія. Тоже имя вставлено, на основаніи Печерской лѣтописи, въ разказъ о перенесеніи Θεодосіевыхъ мощей и въ слѣдующую за нимъ похвалу. Наконецъ, въ Житіе Θεодосія вставленъ 1032 годъ, какъ время его постриженія: этотъ годъ читался въ Печерской лѣтописи въ видѣ отдѣльнаго извѣстія, помѣщенного вслѣдъ за извѣстіемъ 1030 и 1031 годовъ о смерти Болеслава, мятежъ въ Польской землѣ и прибытіи къ Антонію Моисея Угрина.

Повторю вкратцѣ главнѣйшіе выводы предыдущаго изслѣдованія. Въ послѣдней четверти XI столѣтія было составлено обширное Житіе Антонія, гдѣ разказывалось о первыхъ подвижникахъ печерскихъ, объ устройствѣ Антоніемъ Печерскаго монастыря и объ основаніи церкви святой Богородицы. Въ концѣ XI столѣтія Несторъ, авторъ Житія Θεодосія, составилъ двѣ статьи, относящіяся до исторіи Печерскаго монастыря: Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь, и разказъ о перенесеніи мощей Θεодосія, къ которому онъ присоединилъ краткую похвалу святому подвижнику. — Въ началѣ XII столѣтія неизвѣстный намъ по имени монахъ собралъ письменныя свидѣтельства и устныя преданія, относящіяся до Печерскаго монастыря, и, помѣстивъ ихъ въ задуманную имъ монастырскую лѣтопись, продолжилъ ее цѣлымъ рядомъ погодныхъ записей: послѣдняя запись была сдѣлана въ 1110 году; между прочимъ въ Печерскую лѣтопись вошли названныя сочиненія Нестора и многія заимствованія изъ Житія Антонія; нерѣдкое упоминаніе имени Нестора, какъ автора, на страницахъ Печерской лѣтописи легло въ основаніе преданія о томъ, что вся лѣтопись написана Несторомъ. — Игуменъ Михайловскаго монастыря Сильвестръ пользовался этою лѣтописью въ числѣ другихъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ продолжилъ и дополнилъ лѣтописный сводъ, составленный еще до него, въ послѣдней четверти XI столѣтія: изъ нея онъ заимствовалъ между прочимъ Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь, разказъ о первыхъ черноризцахъ печерскихъ, разказъ о перенесеніи мощей Θεодосія, извѣстіе о явленіи огненнаго столпа въ 1110 году и т. д. — Послѣдующія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ измѣнили кое-что въ текстахъ, заимствованныхъ изъ Печерской лѣтописи: такъ редакція, лежащая въ основаніи Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго и сходныхъ списковъ, разбила Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря на два отрывка: первый читался подъ 1037 годомъ, а второй пере-

несенъ подъ 1051 годъ; при такомъ перенесеніи разказъ о древнѣйшихъ судьбахъ Печерской обители (первое путешествіе Антонія и поселеніе его въ Варяжской пещерѣ) былъ опущенъ.—Въ XIII вѣкѣ Житіемъ Антонія и Печерской лѣтописью воспользовались для своихъ Сказаній Поликарпъ, а отчасти и Симонъ (на знакомство его съ Печерскою лѣтописью не имѣемъ прямыхъ указаній). Историческую основу сказаній Поликарпа надо искать именно въ Печерской лѣтописи.—Въ XV вѣкѣ уже исчезло Житіе Антонія. Но Печерская лѣтопись была извѣстна въ Киевопечерскомъ монастырѣ и между прочимъ послужила источникомъ для вставокъ и дополненій, сдѣланныхъ уставщикомъ Кассіаномъ въ его редакціяхъ Патерика.

А. Шахматовъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОНЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

(По поводу академическаго изданія сочиненія Ломоносова съ примѣчаніями М. И. Сухомлинова).

Второе отдѣленіе Императорской академіи наукъ предпріяло новое изданіе сочиненій М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями, принадлежащими академику М. И. Сухомлинову. Съ 1891 г. вышло уже три тома: первый томъ вышелъ въ 1891 году и содержитъ въ себѣ стихотворенія Ломоносова въ хронологической послѣдовательности съ 1738 года по 1751 включительно; второй томъ вышелъ въ 1893 году и содержитъ въ себѣ стихотворенія автора съ 1752 года до 1765, то-есть, до послѣдняго года жизни Ломоносова. Третій томъ вошелъ въ 1895 году и содержитъ въ себѣ произведенія Ломоносова, относящіяся къ области языка и словесности: I. Письмо о правилахъ русскаго стихотворства—1739 г., II. Краткое руководство къ Риторикѣ—1744 г. и III. Краткое руководство къ краснорѣчію. Книга первая, въ которой содержится Риторика—1748 г.

Хотя изданіе еще не окончено, но уже теперь можно предсказать, что это, по истинѣ *академическое*, изданіе, приготовляемое по порученію Второго Отдѣленія М. И. Сухомлиновымъ и снабженное историко-литературными, историческими и критическими примѣчаніями, съ приведеніемъ всѣхъ извѣстныхъ варьянтовъ и, въ случаяхъ перевода или заимствованій для своихъ произведеній со стороны Ломоносова, также иностранныхъ подлинниковъ,—это изданіе даетъ полную возможность ученымъ образомъ изслѣдовать и творчество Ломоносова, и его общественное и научное значеніе, и его языкъ. Вотъ мы и остановимся на этомъ послѣднемъ вопросѣ—о языкѣ и произношеніи Ломоносова, воспользовавшись академическимъ

изданіемъ его сочиненій по плану и въ исполненіи академика Сухомлинова, и посмотримъ, что даетъ намъ это новое изданіе для занимающаго насъ вопроса.

Въ всякаго сомнѣнія, потребности современной филологіи и лингвистики налагаютъ на насъ обязанность при ученомъ изданіи каждаго нашего писателя считаться съ рукописями послѣдняго, съ его ореографіей, съ его черновыми набросками, съ его корректурными поправками, различными измѣненіями и варьянтами одного и того же произведенія въ рукописи автора: все это имѣетъ крупное значеніе въ глазахъ современной науки, и все это, конечно, принято во вниманіе ученымъ издателемъ и комментаторомъ сочиненій Ломоносова ¹⁾). Между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что потребности нашей науки растутъ и расширяются, и нужно усматривать поводъ для новаго изданія сочиненія Ломоносова, хотя они и издавались уже нѣсколько разъ: въ 1751 г.—самимъ авторомъ, въ 1757 году — при его участіи, наконецъ, послѣ его смерти — въ 1778 г., въ 1784—1787 и въ 1840 году ²⁾). Въ настоящее время и эти всѣ изданія, самыя лучшія, не могутъ уже насъ удовлетворять.

Правда, что не всегда въ распоряженіи издателя и комментатора могутъ быть *всѣ* рукописи издаваемаго автора, всѣ нужные матеріалы, такъ какъ собраніе и сохраненіе ихъ сопряжено со многими непреодолимыми трудностями и зависитъ отъ многихъ случайныхъ и счастливыхъ обстоятельствъ, поэтому *полное* воспроизведеніе и *точное* изображеніе историческаго дѣятеля со *всѣми* его особенностями, даже съ особенностями его индивидуальности, есть, собственно говоря, недостижимый идеалъ для его отдаленныхъ потомковъ, но *относительное* воспроизведеніе *живой* личности и его эпохи возможно и всецѣло зависитъ отъ количества сохранившихся подлинныхъ документовъ и остатковъ ея дѣятельности.

Въ числѣ рѣдкостей бібліотеки Академіи Наукъ *хранится рукопись*, по которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова 1751 г. Въ этой рукописи рукою самого Ломоносова писаны: четыре духовныхъ оды: переложенія псалмовъ 26, 34 и 70 и ода, выбранная изъ Іова; похвальная ода „На взятіе Хотина“; двѣ строфы изъ оды 1746 года на день рожденія императрицы Елизаветы Петровны

¹⁾ Предисловіе къ I тому, стр. VII, VIII, IX. Предисловіе ко II тому, стр. III, IV, V.

²⁾ См. Предисловіе къ I тому, стр. III—IV.

и всѣ надписи ¹⁾. „Въ настоящемъ изданіи“, говорятъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, „особенное вниманіе обращено на собственно-ручныя рукописи Ломоносова“ ²⁾.

Далѣ, въ академической библиотекѣ также находятся: рукопись № 112, заключающая въ себѣ *черновыя бумаги* Ломоносова, преимущественно матеріалы для грамматики; *Сборникъ рукописей* Ломоносова, принадлежавшій издателю *Отечественныхъ Записокъ* Свиньину, и *рукописи* Ломоносова, сохранившіяся въ фоліантахъ Архива Академической канцеляріи (въ Архивѣ Академіи Наукъ), между которыми есть и стихотворенія ³⁾. Въ Предисловіи ко II тому (стр. IV) М. И. Сухомлиновъ говоритъ: „Вѣрность оригиналу мы соблюдаемъ и въ правописаніи—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ печатаемъ или съ рукописи автора или съ печатнаго изданія, вышедшаго при его жизни. Ломоносовъ постепенно выработывалъ систему правописанія, и живые слѣды этой работы видны въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ и напечатанныхъ имъ въ разное время. Разнообразіе, отсутствіе строгой послѣдовательности — явленіе, весьма естественное въ періодъ образованія литературнаго языка. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и у Ломоносова встрѣчается: двойное окончаніе одного и того же прилагательнаго—на *ий* и на *ой*; употребленіе то *э*, то *ъ* послѣ шипящихъ; колебаніе между *ъ* и *е*, и т. п. Иногда это зависѣло отъ требованій рѣзны: для соотвѣтствія съ предыдущимъ стихомъ одинъ звукъ замѣнялся другимъ не только въ послѣднемъ, но и въ предпослѣднемъ слогѣ“.

Наконецъ, въ III томѣ сочиненій Ломоносова М. И. Сухомлиновъ даетъ намъ сочиненія Ломоносова: Письмо о правилахъ російскаго стихотворства 1789 г. и двѣ Риторикѣ 1744 и 1748 года; эти сочиненія изданы также по рукописямъ Ломоносова и по первому изданію, бывшему въ рукахъ самого автора ⁴⁾, при чемъ варьянты подведены по собственноручной рукописи Ломоносова, находящейся въ первомъ отдѣленіи библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго читатель видитъ, что новое изданіе сочиненій Ломоносова даетъ намъ возможность *изучать*

¹⁾ Предисловіе къ I тому, стр. IV.

²⁾ Ibid., стр. VII.

³⁾ Ibid., стр. VII—VIII.

⁴⁾ См. Предисловіе къ III тому, стр. III — IV. Примѣчаніе къ III тому, стр. 119 (пагинація внизу страницы).

⁵⁾ Ibid., примѣч къ III тому, стр. 119.

самыя рукописи Ломоносова и тѣ печатныя изданія, которыя были исправлены его рукою.

Изъ этого также видно, что мы теперь можемъ имѣть дѣло съ *правописаніемъ самого Ломоносова*, которое подлежитъ нашему изслѣдованію, благодаря трудамъ академика М. И. Сухомлинова.

Правописаніе нашихъ писателей XVIII вѣка представляетъ много любопытнаго не только для исторіи нашей орфографіи, но и для исторіи нашего языка, для характеристики произношенія старыхъ законодателей нашего литературнаго языка и слога. Академикъ Сухомлиновъ справедливо замѣчаетъ, что Ломоносовъ „постепенно выработывалъ систему правописанія“, и потому мы, конечно, въ его правописаніи имѣемъ дѣло съ такими образцами, которые носятъ на себѣ отпечатки его мыслей, его колебаній и сомнѣній. Эти мысли, эти сомнѣнія дороги намъ потому, что они обуславливались, съ одной стороны, книжными, искусственными соображеніями, начитанностью автора въ старыхъ книгахъ, съ другой,—и это самое главное,—свидѣтельствомъ его собственнаго, живаго, унаслѣдованнаго имъ произношенія и произношенія окружавшей его образованной среды Петербурга и Москвы того времени. Ломоносовъ явился, какъ извѣстно, новаторомъ и преобразователемъ языка и правописанія: онъ, слѣдовательно, думалъ, подыскивалъ основанія и оправданія для своего правописанія, и источникомъ его соображеній и оправданій или основаній былъ, какъ также извѣстно всякому занимающемуся исторіей русскаго языка, не столько книжный опытъ и свидѣтельство книжной старины, къ которому Ломоносовъ относился критически, сколько *самостоятельное* отношеніе къ современному ему русскому языку и вдумчивое его изученіе. Ломоносовъ, какъ человекъ книжный, не могъ, конечно, оставить безъ вниманія то правописаніе, которое было извѣстно ему изъ русской книжной старины: такъ или иначе Ломоносовъ находился подъ ея вліяніемъ, но она не могла быть *единственнымъ* его руководителемъ потому уже, что въ ней онъ не находилъ образцовъ правописанія *всѣхъ* нужныхъ для него словъ, и потому, что онъ, какъ историкъ своего времени въ своихъ одахъ¹⁾, являлся въ то же время *творцомъ литературнаго языка*, а,—какъ теоретикъ и ученый филологъ,—онъ въ то-же время необходимо являлся и *творцомъ правописанія*. Вотъ въ этихъ-то обстоятельствахъ, кажется намъ, и можно раскрыть путемъ научнаго изслѣдованія тѣ

¹⁾ См. Предисловіе, къ II тому, стр. IV.

причины, вслѣдствіе которыхъ Ломоносовъ обнаружилъ безсознательно передъ потомствомъ тѣ стороны своей личности, которыя отразились лишь въ его правописаніи, въ его языкѣ, и остались бы неизвѣстными безъ анализа этого правописанія.

То обстоятельство, на которое указываетъ академикъ Сухомлиновъ (см. выше), что „разнообразіе, отсутствіе строгой послѣдовательности (въ правописаніи) — явленіе, весьма естественное въ періодъ образованія литературнаго языка“, даетъ намъ право усматривать въ *разнообразномъ и непоследовательномъ* правописаніи разнообразныя теченія мысли, различныя основанія, повлекшія за собой и разнообразіе въ правописаніи; и если самъ писатель не скажетъ намъ о своихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ, о тѣхъ основаніяхъ, которыя являлись на смѣну другъ другу въ „*периодъ образованія литературнаго языка*“, то мы, его потомки, при нашихъ средствахъ науки, сами проникнемъ въ эти основанія и должны сами раскрыть, такъ сказать, психологію творчества въ языкѣ у Ломоносова, въ періодъ этого самаго творчества письменнаго языка. Вотъ почему и можно сказать, что Ломоносовъ, какъ и всякій другой писатель того періода, *безсознательно* оставляетъ для потомства слѣды своей индивидуальности *тамъ*, гдѣ онъ самъ менѣе всего могъ это предполагать: книжная ученость Ломоносова оберегала его отъ такихъ грубыхъ промаховъ въ правописаніи, какіе встрѣчаются у людей малограмотныхъ, происхожденіе и произношеніе которыхъ можетъ быть узнано по этимъ самымъ промахамъ, но *все-таки правописаніе Ломоносова* для насъ, его потомковъ, и съ точки зрѣнія установившагося уже *однообразнаго* и обязательнаго правописанія *является до нѣкоторой степени малограмотнымъ написаніемъ, въ которомъ помимо воли автора прорываются не грубые, а тонкіе промахи, по которымъ можно достаточно вѣрно судить и о произношеніи самого Ломоносова.*

Если Ломоносовъ подмѣтилъ, что: „выговоръ буквы *о* безъ ударенія, какъ *а*, много пріятнѣе, но отъ того московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читатъ учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи *а* вмѣсто *о*: *зачу* вмѣсто *хочу*, *язари* вмѣсто *говори*“ (Росс. Грамм. Глава 5. Наставл. II. § III) ¹⁾, то этимъ самымъ онъ насъ предупреждаетъ,

¹⁾ Цитирую эти слова Ломоносова по выдержкѣ въ статьѣ *Симони*. Изв. Отд. р. аз. и слов. Имп. А. Н. 1896. Т. I. Кн. 1. Стр. 124. Само собой разумѣется, что все сказанное мною послѣ этой выдержки изъ Росс. Грамм. Ломоносова имѣть

что онъ не сдѣлаеть такихъ промаховъ въ правописаніи, какъ чело-вѣкъ, много и внимательно учившійся читать по церковнымъ книгамъ и, наконецъ, какъ уроженецъ той мѣстности, гдѣ нѣтъ этого „приятнаго“, по мнѣнію Ломоносова, выговора буквы *о* безъ ударенія, какъ *а*. Но, не говоря уже о другихъ данныхъ произношенія и языка самого Ломоносова, о чемъ мы будемъ говорить ниже, и въ этомъ самомъ замѣчаніи Ломоносова кроется доказательство того, что отъ его вниманія и сознанія могли ускользнуть такія черты произношенія, которыя должны бы были найти себѣ выраженіе въ этой замѣткѣ о *правописаніи*. Такъ, напримѣръ, тотъ малограмотный москвичъ, который не выучился писать слово *зачу* съ буквой *о*, не можетъ подавно написать и букву *у* послѣ *ч*, то-есть, напишетъ: *зачю*, а не *зачу*, напишетъ такъ, какъ онъ говоритъ, а не такъ, какъ это написалъ Ломоносовъ. Доказательствомъ этого служатъ малограмотныя написанія, встрѣчающіяся и нынѣ у лавочниковъ и прочихъ полуграмотныхъ лицъ Москвы и другихъ мѣсть, гдѣ слышится такое же произношеніе мягкаго звука *ч*.

Итакъ, значить, въ этомъ замѣчаніи ¹⁾ Ломоносова сказалась, съ одной стороны, его наблюдательность по отношенію къ живой рѣчи москвичей того времени, съ другой, его невольный промахъ или погрѣшность противъ фонетическаго правописанія, которымъ онъ хотѣлъ передать произношеніе малограмотныхъ москвичей того времени, погрѣшность *въ пользу обыкновенно правописанія*. Сопоставляя это обстоятельство съ тѣмъ, что Ломоносовъ допустилъ немало погрѣшностей въ своихъ произведеніяхъ противъ московскаго (литературнаго) языка въ *лексическомъ* отношеніи, погрѣшностей *въ пользу своего роднаго, провинціального, архангельскаго нарѣчія*, мы приходимъ къ заключенію, что онъ этимъ самымъ невольно, безсознательно выдалъ себя и свое провинціальное происхожденіе, и на основаніи этого мы вправѣ ожидать, что онъ выдаетъ намъ свое произношеніе *и въ правописаніи*, такъ какъ это произношеніе „въ періодъ образованія литературнаго языка“, въ періодъ неустановившагося правописанія еще естественнѣе, еще скорѣе и легче должно обнаружиться, чѣмъ провинціализмы въ словахъ, отъ которыхъ онъ могъ уберечься путемъ внимательнаго

мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если Ломоносовъ дѣйствительно написалъ *зачу*. Рѣшеніе этого вопроса надо ожидать до появленія IV тома соч. Ломоносова подъ ред. Сухомлинова.

¹⁾ Кромѣ этого замѣчанія, какъ будетъ видно ниже, и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Ломоносовъ допустилъ погрѣшности въ пользу традиціоннаго правописанія, извѣстнаго ему *изъ книгъ*.

изученія тогдашней литературы; между тѣмъ какъ въ области правописанія онъ самъ часто долженъ былъ по необходимости являться и творцомъ и законодателемъ ¹⁾. Употребленіе Ломоносовымъ въ его произведеніяхъ провинціальныхъ словъ, извѣстныхъ ему, какъ уроженцу Архангельской губерніи, доказывается слѣдующими примѣрами изъ его сочиненій:

Въ одѣ, переведенной Ломоносовымъ изъ Фенелона и переписанной рукою самого Ломоносова въ 1738 году, найденной академикомъ Куникомъ въ академическомъ архивѣ ²⁾, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова и выраженія:

Гдѣ *лыва* вустовата
 По истокамъ вдоль ростѣтъ... (Т. I, стр. 5).
 Пустыня, гдѣ быстриною
Стрѣожъ моей рѣки шумить... (Ibid.).
 Гдѣ два острова прекрасны
 Какъ щастливы вѣтвми *рѣсны*... (Ibid.).
 Горь *порядокъ* чють синѣветъ
 Доли скрыты *далиной*... (Стр. 7).
 Тутъ луга рѣвѣ пріятны
 Въ островахъ цвѣтами *затны*... (Ibid.).
 Въ портахъ разумомъ острѣйшій,
 Въ буряхъ *непужливый* встѣтъ... (Стр. 11).

Всѣ подчеркнутыя слова изъ этой оды 1738 года представляютъ изъ себя провинциализмы, извѣстныя въ архангельскомъ говорѣ и вообще въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій.

Слово „лыва“ намъ извѣстно съ значеніемъ „поросли“ на топкомъ мѣстѣ, съ значеніемъ „лука“ или топкаго мѣста ³⁾; слово „стрѣожъ“, очевидно, передѣлалось въ такую форму въ произношеніи самого Ломоносова, это произношеніе *холмогорское*, такъ какъ въ прочихъ мѣстахъ сѣверной Россіи и Сибири это слово произносится „стрѣжь“, то-есть, со звукомъ *е*, а не *ѣ*, какъ я и самъ слышалъ, и какъ показано въ словаряхъ Даля, Подвысоцкаго и въ Дополненіи къ „Опыту“ Академіи Наукъ („держи самой стрѣжью“). Это слово означаетъ „глубокое мѣсто“, „русло“ („тутъ стрѣжь подъ самый ярь подошла“ — Даль, с. в. стрѣжь) („теперь самая стрѣжь пойдетъ“, сибирск.). Слово „рѣсны“ въ значеніи „густо, богато поросшія деревья“ и

¹⁾ Сравни въ одѣ 1788 года его изображеніе звука *ѣ* черезъ *јѣ*, написаніе слова *баіня* съ надстрочнымъ знакомъ смягченія въ этой же одѣ и ми. др. ниже.

²⁾ См. примѣчанія къ I тому, стр. 18.

³⁾ Ср. Словарь Подвысоцкаго с. в.

„рѣснѣй“ въ значеніи „богатый растительностью“ извѣстны въ говорахъ псковскихъ и вообще сѣверно-великорусскихъ. Слово „порядокъ“ — общерусское слово, извѣстное, однако, и въ Архангельской губерніи, какъ указалъ Подвысоцкій въ своемъ Словарѣ s. v. Слово „далина“ въ значеніи „даль“ тоже извѣстно псковскому и сѣверному говору вообще. Слово „знатный“ въ смыслѣ „примѣтный“, „извѣстный“ представляетъ изъ себя сѣверный и сибирскій провинціализмъ; равнымъ образомъ и слово: „непужливый“ — общерусское просторѣчіе ¹⁾).

Ломоносовъ не въ одной этой одѣ оставался вѣренъ своему родному нарѣчію: въ Одѣ на взятіе Хотина 1739 года мы опять читаемъ:

Изъ *лысъ* густыхъ выходитъ воинъ... (I, 14).

Изъ этого мѣста, между прочимъ, видно, что слово „лыва“ извѣстно было Ломоносову только съ тѣмъ значеніемъ, которое у насъ приведено выше на *первомъ* мѣстѣ.

Такими же сѣверными провинциализмами оказываются слова: *хлябъ* въ значеніи *насть*, *зѣвъ*; *быстрѣй*, *быстро* вмѣсто *быстрый*, *быстро* ²⁾

¹⁾ Ср. замѣчанія акад. Сухомлинова по поводу *нѣкоторыхъ* изъ этихъ словъ въ примѣчаніяхъ къ I-му тому, стр. 9. У *Подвысоцкаго* въ Словарѣ нѣтъ слова: *стрезжъ*, а есть *стрезжъ*, *стрезжѣ*, *стрѣжемъ*, какъ и теперь говорятъ.

²⁾ Интересно для исторіи нашей науки припомнить взглядъ академика Я. К. Грота, высказанный еще сравнительно недавно, на слово *быстро* у Ломоносова. Академикъ Гротъ рассуждалъ такъ: „Нѣкоторыя невѣрные ударенія, которыя допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, особенно Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ, *быстро* вмѣсто *быстро*)“. Фил. разысканія. 1876 ². Т. I. Стр. 404. Само собою разумѣется, что *теперь* никто уже не станетъ говорить о *стрносости* или *невѣрности* этого ударенія: это слово съ такимъ удареніемъ есть не больше и не меньше, какъ *диалектическая разность* роднаго для Ломоносова произношенія. Ср. *Колосова* Замѣтки... Сберины Отд. р. яз. и слов. А. Н. Т. XVII. С.-Пб. 1877 г. Стр. 28. Ср. также мое сочиненіе: Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Каз. 1896. Стр. 216—221 и приложение 2-ое. Сумарокову, какъ близко знавшему тогдашнее литературное *московское* нарѣчіе и *говорившему на немъ*, конечно, произношеніе Ломоносова казалось страннымъ: Сумароковъ неоднократно укорялъ Ломоносова за его провинціальное произношеніе. Напримѣръ, Сумароковъ говоритъ: „Г. Ломоносовъ родомъ не Москвитянинъ; такъ его произношеніе Московское часто обманывало и претворялъ онъ ради того литеру *і* въ литеру *е*, что у москвитянъ въ окончаніяхъ литеры *і* нѣсколько въ *е* претворяется, какъ еще больше литеры *о* въ литеру *а*; ибо вездѣ, гдѣ надъ литерою *о* нѣтъ силы, то-есть, ударенія, претворяется она въ произношеніи между *о* и *а*“. Соч. Сумарокова. Ч. X. М. 1787 г. ² Стр. 7.

въ стихахъ той же оды:

За холмы, гдѣ *паллица жальб*
 Дымъ, пепель, пламень, *смерть рыгаетъ...* (I, 14).
 Уже вашь къ Ней усердный жарь
Быстро проходить сквозь Татарь... (I, 14) ¹⁾.

Или ниже:

Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ... (I, 16).

Провинціальный, діалектическій лексиконъ Ломоносова обнаруживается и въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
 Учи́тъ Россійской вдатся власти... I, 18.
 Нимфы *око́ль* насъ кругами
 Танцовали поючи... I, 22.
 Веселя́ся *приотчали*... I, 22.
 О коихъ нынѣ нигдѣ *вечуть*... I, 26.
 Что страшны тѣ у всѣхъ *сосудогъ*... I, 26.
 Мой Императоръ громъ *примаеть*... I, 27.
 Которой *завсегда* журчить... I, 12.
 Которыя хотятъ *покрыти*...
 Претить съ пути себя *склонити*... I, 13.
Тяжчае бѣ Оивы обвинити...
 Они бѣ *тромае* возгласили... I, 20.
 Нашей *искренной* любви... I, 22.
Откуда вѣетъ хладной духъ... I, 24.

Или: „Равнобѣрно ввелъ г. Ломоносовъ и въ другихъ нѣкоторыхъ словахъ *провинціальное произношеніе*, какъ, напримѣръ: вмѣсто *лѣта лѣта*, вмѣсто *градозъ градозъ* и прочъ..., что г. Ломоносову, яко провинціальному уроженцу, простиительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но прочимъ... сіе извинено быть не можетъ“ (ibid.). Сумароковъ, какъ аристократъ по происхожденію и, повидимому, пуристъ въ языкѣ, знатокъ московскаго нарѣчія, да еще жившій личныя отношенія съ Ломоносовымъ, не пощадилъ послѣдняго, но для насъ это особенно важно: Сумароковъ въ виду всего вышесказаннаго обнаружилъ передъ нами *тогдашнее московское произношеніе образованнаго класса*, какъ это мы увидимъ ниже, а Ломоносовъ—свое діалектическое народное произношеніе и *то вліяніе* на него московскаго образованнаго произношенія, которое сказалось въ его правописаніи съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ сталъ предметомъ насмѣшекъ со стороны москвичей и, какъ человекъ чуткій, стоявшій во главѣ литературы, сталъ передѣлывать и свое произношеніе и свое правописаніе, примѣняясь къ господствовавшему литературному московскому выговору. Картина получается интересная и любопытная для исторіи нашего языка. Въ Сумароковѣ и Тредьяковскомъ мы имѣемъ цѣнныхъ свидѣтелей тогдашняго московскаго произношенія.

¹⁾ Ср. примѣч., стр. 30 и 38 о рукописи Л—ва.

Жарчатъ тѣмъ любовь пылаеть...

Къ Тебѣ сильнѣя той палюсъ... I, 25.

Дивнѣя нежъ Алцидъ чинилъ... I, 27.

Исчезли всѣ затѣи лишны... I, 28.

Вдругъ съ осенними плодами... I, 7.

Одно мое, чѣмъ я толь славна... I, 28.

(Читай: чѣмъ. Срв. ниже, такіе же примѣры). Сумарковъ говорить: „Ежели *е* въ простонародныхъ и въ употребительныхъ общихъ и благороднымъ людямъ рѣчахъ претворяется въ *йо*, такъ тѣ слоги иногда съ *ь* писаны быть не могутъ, а въ которомъ слогѣ *е* не претворяется въ *йо* въ разговорахъ, тамъ редко не *ь* пишется, какъ редко *е* въ *йо* не претворяется въ разговорахъ... *Ѣ* всегда нѣсколько въ *і* вшибается, а *е* ни когда, но нѣсколько въ *йо*, когда въ нево и не премѣняется“. Соч. *Сумарокова*, X, стр. 49. Московское произношеніе *ь* и *е* того времени совершенно сбило съ толку Ломоносова, который никогда бы въ этомъ не путался, руководствуясь своимъ роднымъ произношеніемъ; Ломоносовъ прибылъ въ Москву въ январѣ 1731 года, слѣдовательно, тогда, когда ему было уже около 20-ти лѣтъ, и *его родное крестьянское мѣстное произношеніе совершенно сложилось*. На такого человѣка, какъ Ломоносовъ, немногіе годы его пребыванія въ Москвѣ, вліяніе его учителей изъ духовнаго сословія, вліяніе товарищеской среды и московскаго говора должны были отразиться настолько сильно, насколько это не могло бы имѣть мѣсто въ другомъ случаѣ и у другаго человѣка. Все, что Ломоносовъ присылалъ въ Петербургъ изъ-за границы, носить на себѣ слѣды совершенно *другаго правописанія—произношенія*, чѣмъ то, что написано имъ позже, съ 1741 года, когда Ломоносовъ поселился въ Петербургѣ и сталъ писать и говорить, примѣняясь къ „благороднымъ“ людямъ тогдашняго литературнаго общества и измѣняя свое правописаніе, создавая *новое* для всего литературнаго русскаго міра. Мы ниже увидимъ, что Ломоносовъ въ своемъ правописаніи болѣе поздняго времени употреблялъ *ь* и *е* несогласно съ теперешнимъ нашимъ употребленіемъ и несогласно со старославянскою традиціей, которая, конечно, *ему была очень хорошо извѣстна*, изображая господствующее въ то время произношеніе русскаго образованнаго класса, и въ этой путаницѣ *ь* и *е* для насъ откроется много интереснаго, если мы прислушаемся къ тому, какъ говорятъ Сумарковъ и Тредьяковскій о тогдашнемъ произношеніи москвичей „благородныхъ“ и крестьянъ, или „подлой черни“. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія „О право-

писаніи“ Сумароковъ говоритъ: „Не имѣемъ мы литеры *йо*, которая намъ и не надобна, ибо мы превращаемъ только просторѣиѣмъ литеру *е* не сліянную (то-есть, не смягчающую предшествующей согласной, не јованную, не *ю*) въ *йо*“... X, стр. 8. (Курсивъ нашъ). Срв. прежнее правописание: *мѣжду* (ib., 12), но *цель* (ib., 14), гдѣ *ц*—твердое по выговору (= „тупая литера“); *предмѣтомъ*, *тѣсная* (ib., 14), *мѣнше* (ib., 19), *члнъ* (ib., 6) и многіе другіе. Для уясненія правописанія Ломоносова и ея произношенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ отклоняется отъ правописанія, изображавшию литературное московское произношеніе тою времени, интересно слѣдующее замѣчаніе того же Сумарокова: „Ежели *б* или *в* тупое (=не смягченное), такъ литера гласная къ нимъ ставится *а е ѵ о у*: ежели *острое* (=смягченное), такъ *непрѣмѣнно должно ради изображенія юлоса поставить я ѣ и ю*: а *йо* можетъ изображаться литерами *ѣ* и *о*; слѣдовательно, что въ такихъ обстоятельствахъ *я* и *ю* не сліянные литеры, но *а* и *у* послѣ острой согласной литеры“. Ibid., X, 19. (Курсивъ нашъ). См. здѣсь же ниже примѣры: *изба*, *любя*; *себе*, *себѣ*; *извести*, *извѣсти* и проч. — ib., стр. 19. Слѣдующее замѣчаніе особенно важно. „Когда которая литера остра и когда тупа, *сіе и самъ нѣжный слухъ являетъ*, напримѣръ: *медъ*, *мѣдъ*; въ одномъ словѣ *и м* и *д* тупыя, а въ другомъ *и м* и *д* острыя, хотя отъ неискusstва *е* во произношеніи, а *особливо въ Москвѣ* въ *ѣ* претворяется, а въ начертаніи отъ незнающихъ правописанія въ *е*“. Ibid., стр. 48. Тутъ, что ни слово, тѣ—вѣское данное для лингвиста: прочитавъ это замѣчаніе, мы понимаемъ, почему старая московская печать (и самъ Сумароковъ) изображаетъ: *члнъ*, *мѣнше*, *предмѣтъ*, но *цель* и проч. Очевидно, что тождество въ произношеніи образованныхъ москвичей стараго времени (XVIII вѣка) въ звукахъ *е* и *ѣ*, какъ смягчающихъ предшествующую согласную, породило и смѣшеніе этихъ буквъ въ письмѣ и печати; изъ этого очевидно также, что произношеніе *е*, какъ *ѣ*, было произношеніе *просторѣиѣ*, между тѣмъ какъ образованные люди того времени, начитавшіеся тогдашнихъ книгъ, произносили *е*, а не *ѣ*, тамъ, гдѣ простой народъ употреблялъ звукъ *ѣ*. Это „барское“ произношеніе до поры до времени переходило къ ближайшему потомству, и Ломоносовъ, какъ человѣкъ „изъ народа“, въ своихъ рукописяхъ отразилъ намъ и свое собственное произношеніе, и вліяніе на него образованныхъ москвичей, произношеніе которыхъ, конечно, перешло и въ Петербургъ. Провѣривъ свои предположенія мы можемъ по замѣчаніямъ и другаго литератора и ученаго того времени — Тредьяков-

скаго. Какъ разъ во время выхода въ свѣтъ „Риторика“ Ломоносова 1748 года, Тредьяковскій выпустилъ свой „Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ ортографіи“... С.-Пб., 1748 года. Въ этомъ „Разговорѣ“ мы находимъ слѣдующія цѣнныя для насъ замѣчанія, относящіяся къ разсматриваемому теперь нами вопросу о произношеніи звуковъ, изображавшихся буквами *ъ* и *е*. въ образованномъ обществѣ середины XVIII столѣтія; звукъ *е* въ этомъ произношеніи былъ по качеству тождественъ со звукомъ *ъ*, то-есть, *смягчалъ предшествующую согласную*, но не произносился, какъ *ѣ*, такъ что въ начертаніи одна изъ этихъ буквъ, по мнѣнію Тредьяковскаго, была совершенно излишнею и оставлена была имъ въ числѣ буквъ (именно, *ъ*) только изъ опасенія, „что во многихъ нашихъ словахъ чистота произношенія повредится“ (стр. 374, § 286), что „отъ презрѣнія его (*ъ*) воспослѣдуетъ превеликая гибель чистому нашему выговору“ (стр. 194, § 198). Изъ этого разсужденія мы заключаемъ, что значить разница въ произношеніи *ъ* и *е* была. Чего же опасался Тредьяковскій? Какая могла воспослѣдовать гибель чистому нашему (то-есть, образованному) произношенію? Вѣдь Тредьяковскій утверждалъ, что „буква *ъ* съ *е* никакія разности не имѣетъ въ голосѣ,... и потому одна изъ нихъ лишняя“! (Стр. 193, § 198). Однако на всѣ эти вопросы мы найдемъ отвѣты лишь при внимательномъ изученіи труда Тредьяковскаго, который рекомендовалъ намъ писать „по звонамъ“ почти такъ, какъ говоримъ, лишь съ нѣкоторыми изъятіями ¹⁾.

¹⁾ Тредьяковскій говоритъ: „Нѣжный дамскій выговоръ давно уже у насъ звоны наблюдаетъ... Писаніе по произведенію (то-есть, этимологическое) весьма есть вредно чистотѣ выговора, а въ чистомъ выговорѣ великая есть важность, знаютъ всѣ, кои часто въ превеликій стыдъ приходятъ за страшный свой выговоръ“... (Ореографія у меня современная). См. *ibid.*, стр. 415. Срв. 416, § 341. (Возраженіе чужестранца). Такъ, напримѣръ, на стр. 293 и слѣд. Тредьяковскій рекомендуетъ окончанія для прилагат. множ. ч.: *ы* и *и*—для муж. р., *е* и *іе*—для женск. р. и *ыя* и *ія* — для среднего, говоря: „Слышите, что выговоръ мой дѣлаетъ окончаніе мужескаго рода точно такимъ, какое употребляется въ церковномъ нашемъ языкѣ; окончаніе жъ женскаго рода у меня есть то самое“.. и проч., стр. 294. Свой выговоръ Тредьяковскій описываетъ на стр. 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410 и пишетъ: *квѣшкі*, *шчасливѣмъ*, *сверьхъ*, *нѣжнякъ*, *чашче*, *правникъ*, *обрасцы*, *рассужденіе*, *извѣснѣкъ*, *верьхъ*, *зашчѣтокъ*, *гущче*, *целая*, *никакова*, *цельная*, *скушно*, *лехваго* (это не *ѣ*), *коротинькая* (*ѣканье*, какъ и *ѣканье*, не допускаются въ печать, а послѣднее—даже въ образованное *произношеніе*), *тяшка*, *варошно*, *зашчѣщать*, *поряткомъ*, *излѣшнокъ*, *свѣдѣхъ* (=свѣтскихъ), *чесныя*, *бесцѣнная*, *радоснокъ*, *целью*, *труднѣкъ*, *мѣлочъ*, *целой*, *целому*, *чель* (твор. п. ед. ч.), *вовся*, *вресьяне*, *прошчай*, *сваски*, *втрѣскі* (=въ трескъ), *целості*, *обшчекъ*, *схот-*

Сопоставленіе замѣчаній Тредьяковскаго съ замѣчаніями Сумарокова раскроетъ намъ истину. Тредьяковскій опасался, что „ежели въ смѣшанныхъ складахъ согласными (въ смягченныхъ согласныхъ со слѣдующимъ узкимъ гласнымъ) ставить *Е* (см. примѣчаніе) вмѣсто *ъ*, то всеконечно всѣ оную выговаривать стануть, какъ *е* (см. примѣчаніе). Напримѣръ, слова: тебѣ, побѣда, вѣрная, пѣснь, крѣпка... ежели написать по разуму: теб*Е*, поб*Е*да, в*Е*рная, п*Е*снь, кр*Е*пка..., то не отмѣнно всѣ мы будемъ произносить (нужно прибавить: *со временемъ*) такъ: тебе, победа, верная, песнь, крепко“... Стр. 194—195 (§ 198). Иными словами, Тредьяковскій опасался, что въ такомъ случаѣ мы будемъ произносить всѣ согласные передъ *ъ* (*Е*) въ этихъ и подобныхъ словахъ съ *неполнымъ смягченіемъ*, то-есть, на подобіе нынѣшняго малороссійскаго выговора (приблизительно), или, какъ выражался Сумароковъ, будемъ произносить „туцья литеры“. (См. у Сумарокова: *себе* и *себѣ*—ч. X, стр. 19, какъ у Тредьяковскаго: *тебе* и *тебѣ*). Но замѣчательно, что Тредьяковскій не опасался могущаго въ такомъ случаѣ послѣдовать произношенія: тебѣ, побѣда и проч., хотя, по его мнѣнію, изъ *Е* (*ѣ*) только могло быть *ѣ* (стр. 369 — 370), но опасался

ство, ѣще, *церковномъ*, ѣсть, вешчамі, посретственника, створчетья, полотенцо, причасныхъ, рассудимъ, въ случаѣ, старающіися (имен. мн. ч., стр. 330), любящимъ, правосицомъ (твор. п. ед. ч. 348), *ѣздитъ* (неопр. н. 355), тягоснолекко, ортографшівамъ, бѣднѣнвѣѣ, глушакъ, свѣтляѣ, нѣскості, сходняѣ, махвѣѣ, сѣльняѣ, краѣ (предл. п. ед. ч. 389), дѣвнышними (твор. п. мн. ч. Съ такимъ удареніемъ это слово произносилось Тредьяковскимъ, какъ видно изъ его правописанія. Стр. 400), вотка, іновемцомъ (твор. п. ед. ч. 415), позно, раді (им. п. мн. ч.), шчасліва, тетратокъ (тетрадь—род. п. мн. ч.) и под. Мы выпишала образцы правописанія Тредьяковскаго, изъ которыхъ обнаруживается само собой, помимо его желанія, его произношеніе, это чистое московское произношеніе интеллигентныхъ людей того времени, произношеніе, которымъ Тредьяковскій хвастался не одинъ разъ въ своемъ трудѣ; если къ этому присоединить его фонетическія записи собственнаго выговора на вышеприведенныхъ страницахъ 404—410, а также выдѣлить то, что относится на долю „подлой черни“, и о чемъ мы будемъ говорить ниже, то мы получимъ то произношеніе кѣжныхъ москвичей, къ которому приноравлился, но не всегда успѣшно, крестьянинъ Ломоносовъ. Во всѣхъ выписанныхъ примѣрахъ мы позволили себѣ поставить знакъ *ѣ*, (славянское), гдѣ Тредьяковскій ставитъ *Е* въ отличіе отъ *е*, такъ какъ *Е* Тредьяковскаго означаетъ то же, что славянское *ѣ*, и слышится и пишется *съ началомъ слова и послѣ гласной*: *ѣздитъ*, *ѣще*, *сходная*, *общее* и под. Такимъ образомъ, мы видимъ, что ни *е*, ни *ѣ* у Тредьяковскаго не означаетъ звука *ѣ*, для котораго есть *ѣ*, а разница между ними лишь въ смягченіи предшествующей согласной, и *ѣ* по звуку равно *ъ*, какъ показываетъ написаніе *ѣздитъ*. Срв. вездѣ писано *цѣлымъ ѣ* и твердымъ.

только того, что будутъ произносить тамъ „тупыя литеры“, гдѣ въ его время произносили „острыя литеры“; о стихійной же силѣ русскаго произношенія „подлой черни“ тогда еще не догадывался и самъ Тредьяковскій, хотя онъ однажды обмолвился и обнаружилъ свою тонкую наблюдательность ученаго человѣка, сказавъ: „Однако сіе прітомъ примѣчается, что *простонародно Е произношеніе Е, которо Е ужé почítай становится обще Е, вмѣсто я неударя Емаго иногда про' износить Е^а*. Стр. 371. § 284. Подчеркнутыя нами слова намъ нужны будутъ впослѣдствіи: въ нихъ заключается отвѣтъ на вопросъ, какова судьба нашего литературнаго языка, и какова сила русскаго народнаго произношенія, которое измѣнило собой произношеніе интеллигентныхъ москвичей, говорившихъ въ половинѣ XVIII столѣтія скорѣе еще „по-церковному“, чѣмъ чисто по-русски.

Итакъ, значить, въ говорѣ образованнаго общества Москвы и, конечно, Петербурга въ XVIII столѣтіи наблюдалось различіе между слогами: *бе, ве...* и *бѣ, вѣ...* приблизительно такое, какъ между теперешними: *бэ и бе (бѣ)*. Припомнимъ, что еще недавно было то время (до введенія въ школы звуковаго метода обученія грамотѣ), когда насъ учили азбукѣ, заставляя произносить и называть буквы такъ: *а, бѣ, вѣ* и проч., хотя, конечно, это нисколько не походитъ на чисто русское произношеніе, которое въ то же время слышалось у семинаристовъ, учившихся произносить: *бе, ве...* Само собой разумѣется, что на этомъ традиціонномъ произношеніи, исковерканномъ въ интеллигентной средѣ подъ условіемъ различныхъ вліяній, основано и названіе въ старыхъ букваряхъ буквы *ѣ* „мягкимъ е“, а буквы *е* „простымъ“ или „твердымъ“ *е*. Къ сожалѣнію, эти названія до сихъ поръ удержались въ сельскихъ школахъ, и мнѣ ихъ не разъ приходилось слышать при моихъ діалектологическихъ экскурсіяхъ— въ школахъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, у простаго народа не различалось и прежде, какъ не различается и нынѣ, по звуку *е* Тредьяковскаго отъ его же *Е*: былъ *одинъ* звукъ, смягчающій предшествующую согласную и произносимый *чисто* лишь подъ удареніемъ¹⁾. Однако, тоже несомнѣнно,

¹⁾ Сумароковъ (Соч., ч. X, стр. 31) гнѣвается на подьячихъ за то, что они не наблюдаютъ разницы между *ѣ* и *е* (конечно, по собственному говору). Этимъ Сумароковъ констатируетъ разницу произношенія интеллигенціи отъ произношенія подьячихъ, а на стр. 42 онъ говоритъ: „*Мнѣ труднае мноихъ научитъся было отличать ѣ отъ е, ибо въ прекрасномъ произношеніи московскомъ, которое почти одни только приближенныя къ Москвѣ крестьяня употребляютъ, не шпн-*

что Тредьяковскій съ своей точки зрѣнія былъ правъ и послѣдователенъ, если *ни разу* не написалъ послѣ звука *ц*—*н*, напримѣръ, въ словахъ: целый, бесценный, цель и много другихъ (см. примѣчаніе), такъ какъ вездѣ въ этихъ словахъ въ его „московскомъ“ произношеніи слышалось *ц* твердое, а потому и *е*—„тупая литера“, а не *Е*, и *Ѣ* тутъ быть не могло, хотя и указывалось старыми церковными книгами.

Конечно, такимъ же качествомъ согласныхъ *ж* и *ш* объясняется то, что Тредьяковскій пишетъ послѣ нихъ *е* „простое“, а не „мягкое“: жестокъ, а не жѣстокъ; шесть, а не шѣсть... Стр. 409 (VIII); прижогъ, ушолъ... *ibid.* Что же касается звуковъ *ч* и *щ*, то насчетъ послѣдняго Тредьяковскій ясно говоритъ нѣсколько разъ, что звукъ этотъ „въ нашемъ выговорѣ“ есть *шч*, какъ онъ и пишетъ во всѣхъ словахъ (см. примѣч.), стр. 45 (§ 46), стр. 68 (§ 80), стр. 207 (§ 206), стр. 407 (VI). О звукѣ же *ч* (какъ и о прочихъ шипящихъ) говорятъ намъ хорошо Сумароковъ (X, 36, 40), называя ихъ средними по „остротѣ и тупости“.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія свидѣтельствъ Тредьяковскаго и Сумарокова мы видимъ, во-первыхъ, что произношеніе интеллигенціи рѣзко отличалось отъ произношенія черни въ рассматриваемомъ отношеніи; во-вторыхъ, что интеллигентное произношеніе уже къ ихъ времени стало приближаться къ простонародному, а изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что Тредьяковскій совершенно *напрасно* опасался развитія „тупого“ произношенія и желалъ сохранить „чистый выговор“, то-есть, „острое“ произношеніе удержаніемъ буквы *н* въ алфавитѣ: возвратъ къ старинѣ, къ церковному произношенію, не-

кую языка своего чужими словами, и не премѣняя древняго произношенія, мы находимъ то, что благородныя люди, наши предки, многія тупыя слова въ острейшемъ предѣлѣ“. Подчернутыя мною слова подтверждаютъ выше высказанную мною догадку: произношеніе московской интеллигенціи прошлаго вѣка, еще при предкахъ Сумарокова, отличалось отъ произношенія московскихъ крестьянъ не только въ лексическомъ отношеніи, но и въ фонетическомъ, но ко времени Сумарокова (примѣрно, скажемъ во второй половинѣ XVIII столѣтія), по его заявленію, стало трудно различать слухомъ *е* „мягкое“ (*н*) и *е* „простое“, или „твердое“ (*е*); въ этомъ надо видѣть опять вліяніе народнаго произношенія на произношеніе „благородныхъ людей“, которые, однако, еще не дошли до простонароднаго *ѣканья*, то-есть, начиная, произносить „кладѣть“ вм. болѣе раняго *кладѣтъ*“, еще не дошли до „подлога“ произношенія „кладѣтъ“. Наше время для Сумарокова могло бы, конечно, показаться чѣмъ-то невообразимымъ, еслибы ему кто либо могъ тогда сказать о будущемъ.

возможенъ былъ даже въ интеллигентномъ выговорѣ, несмотря на всю галломанію литературнаго класса, галломанію, которая могла бы подержать „тупое“ произношеніе.

Однако, все-таки для пониманія произношенія Ломоносова и его современниковъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ литературномъ обществѣ, намъ не хватаетъ еще свѣдѣній о томъ, было ли вообще произношеніе ударяемаго *ѣ* въ этомъ обществѣ, или нѣтъ. Для рѣшенія этого вопроса обращаемся опять къ Тредьяковскому и находимъ у него слѣдующія замѣчанія.

„Но всего народа (въ противоположность собственно „московскому“), а сей есть niskій и почитай могу сказать самый простой выговоръ, такое у насъ свойство имѣть, что едва не всѣ, или по самой большой части, *е* ударяемая произносятъ четвертою двугласною *іо*. Напримѣръ: *везіотъ* вмѣсто *везѣтъ*; *кладіотъ* вмѣсто *кладѣтъ*; *віодро* вмѣсто *вѣдро*; *спасіонный* вмѣсто *спасѣнный*“. Далѣе Тредьяковскій уже для правописанія думаетъ: ... „исправнѣе полагать *е* и *Е* ударяемыя противнымъ образомъ, именно-жъ: *кладѣтъ* нынѣшнее за *кладѣтъ* коренное. То-есть, что гдѣ мы нынѣ имѣемъ *е* ударяемое, произносимое двугласною *іо*, тамъ было *Е*, а гдѣ не за *іо*, тамъ оно само собою“.

Стр. 369—371 (§ 284).

Перелагая это замѣчаніе на современный намъ языкъ, мы видимъ, что во время Тредьяковскаго лишь самый простой и niskій выговоръ крестьянъ допускалъ произношеніе: *ведѣтъ*, *кладѣтъ*, *вѣдро*, *спасѣнный*, между тѣмъ какъ интеллигенція такимъ образомъ не говорила; далѣе, въ интересахъ показанія того, что слово „кладѣтъ“ и под. въ произношенія интеллигенціи звучали, какъ „острыя“ слова, то-есть, со смягченнымъ согласнымъ передъ *ѣ*, слѣдуетъ, по его мнѣнію, писать *кладѣтъ*, чтобы показать, что здѣсь было ударяемое *Е* (*е*—„мягкое“, „двугласное“), а не *е* (*е*—твердое, соединяемое съ „тупыми“ литерами). Такимъ образомъ, московскій и петербургскій литературный кругъ говорилъ въ XVIII вѣкѣ: *кладѣтъ*, *везѣтъ*, *завѣтъ* и проч. (чит. *е*, а не *ѣ*), а не *кладѣтъ*, *везѣтъ*, *завѣтъ* и проч., какъ теперь говорятъ и народъ, и аристократія. Ср. у Тредьяковскаго *ibid.*, стр. 399 (§ 322: *зовѣтъ*—*зовѣтъ*), а также стр. 398, 368, 371, 148 (примѣчаніе: *аканье* въ моск. языкѣ), 149 (примѣч.), 380 (московское *ѣ* есть *h*; только передъ *а*, *о*, *у* оно=*g*), 381 („гусь“), 386, 393 (алфавитъ: *ѣ*=*h*; *Г*=*g*...). На этихъ страницахъ разсужденія Тредьяковскаго находятся указанія на то, что произношенія *Василей*, *чистой*, *знатной*, *пшечей*, *начинаней*, *оной*, *которой*, *извѣсной*, *сказываютъ*

и проч. суть произношенія „простонароднаго“, „самаго простаго нашего выговора“. Здѣсь же (стр. 398—399) мы находимъ и московское *аканье*, которое, однако, не отнесено къ „самому простому“ выговору ¹⁾, и произношеніе: *кмиія* вмѣсто *кмяія* (стр. 399), которое обнаруживаетъ звукъ *h* того времени ²⁾.

Сопоставленіе послѣднихъ замѣчаній Тредьяковскаго съ замѣчаніями объ этихъ же вопросахъ Сумарокова доказываетъ намъ, что въ общемъ Тредьяковскій вѣрно охарактеризовалъ и московское просторѣчіе и литературное произношеніе того времени, хотя и подвергся злымъ нападкамъ со стороны Сумарокова, который обрушился ѣдкою насмѣшкой и на простолюдина гениальнаго Ломоносова. Такъ, Сумароковъ считаетъ провинциализмомъ со стороны Ломоносова употребленіе послѣднимъ окончаній *-ой* и *-ей* въ прилагательныхъ и собственныхъ именахъ ³⁾. На стр. 16, 38 и 49 Сумароковъ въ своемъ сочиненіи „О правописаніи“ (ч. X. Изданіе Новикова, М., 1787 г.) упрекаетъ Ломоносова словами: „не зная нѣжности Московскаго наречія, г. Ломоносовъ“... и проч., стр. 16. „Онъ Московское нарѣчіе въ Коломогорское превратилъ“...—стр. 38; а на 49 стр. самъ говоритъ: „*i* вшибается нѣсколько въ *ъ*, что и побудило сіе странное не москвитянину ввести правило, чтобы писать *летней* и проч.“. Такимъ образомъ, Сумароковъ самъ объясняетъ намъ причины, побудившія Ломоносова писать: бывшей, лѣтней, синей, Василей и т. п. Что же касается окончанія *-ой*, то и Тредьяковскій и Сумароковъ сами писали такъ (насколько можно судить объ этомъ по имѣющимся у меня подъ руками изданіямъ ихъ сочиненій), а Тредьяковскій даже объяснялъ это окончаніе, хотя и не защищалъ его въ письмѣ: „чтожъ иногда нынѣ ставятъ вмѣсто сіехъ двухъ буквъ, то-есть, *ы* и *і* букву *о* предъ *й*, какъ вмѣсто *великій*—*великой*, вмѣсто *добрый*—*доброй*; то *всякъ*, примѣнившійся къ природѣ славеншзны, скажетъ, что *сімь нѣкоторыи* подражаютъ, изъ числа *которыхъ i* себя я не выключаю,

¹⁾ Ср. примѣчаніе къ стр. 148—149, гдѣ Тредьяковскій говоритъ объ *аканьи* московскаго говора, какъ о такомъ явленіи, которое не только не портитъ произношенія, но придаетъ ему „высокость“ и „громогласіе“—стр. 368. Очевидно, и интеллигенція въ Москвѣ и Петербургѣ въ то время *акала*.

²⁾ Сумароковъ говоритъ: „*Г* во славенскихъ реченіяхъ произносится, какъ латинское *H*, а во простонародныхъ,—какъ латинское *G*“. Соч., ч. X, стр. 49. Ср. *ibid.*, стр. 44. Само собой разумѣется, что образованное общество того времени избѣгало *простонароднаго* произношенія и говорило *h*.

³⁾ См. Сочиненіе Сумарокова, X, стр. 6, 16, 17, 24, 37, 49.

самому нікому нашему выговору... і потому, нѣжнѣйшій московскій выговоръ необходимо произноситъ такій о, какъ а, для того, что они не ударяемыі, то-есть, вмѣсто доброй — добрай, вмѣсто великой — великай. Но какъ то ні есть, однако сіе не ложно, что *вся славеншизна природа требуетъ предъ ѣ въ сіихъ единственнаго числа іменахъ ілі и ілі і*" . Стр. 305—306. Подчеркнутыя нами слова Тредьяковскаго показываютъ, что простонародное произношеніе было съ ой („самый низкій выговоръ“), но „нѣжнѣйшій“ московскій выговоръ произносилъ здѣсь -ай (конечно, звуки не чистые, а такіе, которые мы теперь изображаемъ въ фонетической транскрипціи знаками: въ первомъ случаѣ—*ǫ*, во второмъ—*ǣ*. „Въ половину литеры а претворяется“; „между о и а“. Сочиненія Сумарокова, X, стр. 7 и 17). Такимъ образомъ, за это напрасно Сумароковъ нападалъ на Ломоносова и Тредьяковскаго, будучи и самъ въ этомъ виновенъ, такъ какъ, желая въ теоріи сохраненія „славеншизны“, на практикѣ нвогда невольно уступалъ родному произношенію, которое, однако, по вышесказанному отличалось отъ простонароднаго произношенія Ломоносова, и потому послѣднему въ раннихъ его литературныхъ опытахъ было труднѣе воздержаться отъ уступокъ своему произношенію, чѣмъ Сумарокову, какъ увидимъ ниже. Кромѣ того, въ другомъ своемъ трудѣ¹⁾ мы доказали, что окончанія -ой и -ей были въ произношеніи *общевеликорусскими* до раздѣленія великорусскаго нарѣчія на говоры, въ которыхъ развилось частью -ай, -ей, частью сохранилось старое -ой, -ей, какъ, напримѣръ, въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, къ которому принадлежалъ и Ломоносовъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ окончаніи сравнительной степени на—*ѣ*, примѣры которой мы видѣли въ достаточномъ количествѣ у Тредьяковскаго²⁾. Такіе примѣры имѣются въ большомъ количествѣ и у Сумарокова³⁾, и у Ломоносова, и у другихъ писателей XVIII и, кажется, даже начала XIX столѣтія⁴⁾.

¹⁾ „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“, Казань, 1896 г., стр. 216—221.

²⁾ См. выше примѣчаніе съ примѣрами ореографіи Тредьяковскаго.

³⁾ „Простительнае“—X, 13, „немыслинае“—ib., 21, доле—ib., 22, тоняе—ib., 24, дагае—ib., 24, скромнае—ib., 25, смѣшнае—ib., 27, маловажнае—ib., 31, пристойнае—ib., 35, почтѣннае—ib., 38, полезнае ib., 38, нужнае—ib., 41, труднае—ib., 42, нѣжнае—ib., 48, бодряе—ib., 11 и мн. др.

⁴⁾ Въ *Трутнѣ* Новикова мы имѣемъ напримѣръ, „глушае“; въ „Письмо, вникѣ“ Курганова 1769 года находимъ: „труднае“; въ 4-мъ изданіи „Письмовника“ 1790 года мы находимъ „труднае“, „зрѣлае“, „честнае“, „скорая“, „рѣза-

Сумароковъ (Соч., ч. X, стр. 43), возражая противъ вводившагося тогда правописанія сравнительной степени на *яе*, говоритъ: „По чему бы надлежало писать *болѣе*, *прелѣстнѣе* и пр., а не *болѣе* и не *прелѣстнѣе*, я не знаю; мы сокращаемъ тогда таковыя рѣченія, да и много мы такихъ вольностей къ украшенію нашего языка имѣемъ, хотя тѣмъ и мало пользуемся; такъ, говоримъ мы *милай*, а не *мильтй*, *складняе*, а не *складнѣй* и прочее“. Изъ этого видно, что формы на *яе* были *разговорными* въ образованной средѣ русскаго общества второй половины XVIII вѣка. Сумарокова, какъ кичливаго боярина, мы не можемъ заподозрить въ провинціализмахъ и въ незнаніи „нѣжнѣйшаго“ московскаго произношенія, за что онъ упрекалъ крестьянина Ломоносова, который, однако, употреблялъ тѣ же формы на *яе*. Современная диалектологія русскаго языка говоритъ намъ, что этими формами на

ые“ и мн. др. Въ I части этого четвертаго изданія „Письмовника“ (С.-Пб. 1790 г.), въ отдѣлѣ „Грамматикѣ“, мы находимъ (отд. IV, стр. 17) слѣдующія указанія „О степеняхъ уравниенія именъ“: „Онѣя имена происходятъ отъ женскаго именительнаго чрезъ перемѣну *а* на *яе*, а лучше на *яе*; *весела*, *веселѣе*, *веселѣе*“. Слѣдовательно, мы *значительно* позже Ломоносова встрѣчаемъ еще въ литературномъ произношеніи и правописаніи москвичей и петербуржцевъ окончаніе сравнительной степени на — *яе*. Сейчасъ не имѣю подъ рукой, но помню, что гдѣ-то въ сочиненіяхъ Крылова встрѣтилось маѣ такое же окончаніе. Изъ предыдущаго также слѣдуетъ, что примѣчаніе *Буслаева* (Историч. Грамм. 1875⁴. I т., стр. 149, примѣчаніе 8) *неверно*; онъ пишетъ: „Вмѣсто *яе* въ древне-русскомъ языкѣ *до времени Ломоносова* (ссылка на его грамм. § 218) было въ употребленіи окончаніе — *яе* или *яе...* согласно съ сѣвернымъ, новгородскимъ нарѣчіемъ, гдѣ и доселѣ слышатся: *сибѣе*, *веселѣе*, *громчае*, *корочае* и проч“. Еще болѣе неправильно повторять это примѣчаніе Буслаева безъ указанія имени автора, которому принадлежитъ это примѣчаніе, какъ это сдѣлалъ *В. Истоминъ* въ своей статьѣ: „Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Михаила Васильевича Ломоносова“ (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1896 г., № 1, Педагогическій отдѣлъ, стр. 29, примѣчаніе 1. Здѣсь перепечатаны слова Буслаева безъ показанія имени автора). Эта статья *Истомина* специально посвящена обзорнѣю особенностей языка и слога Ломоносова; слѣдовательно, налагаетъ на автора обязанность или ограничиться *только* характеристикой языка и слога Ломоносова (въ Педагогическомъ отдѣлѣ), или, если дѣлаются примѣчанія *общаго* характера по отношенію къ нашему языку и нашей ореографіи, то не слѣдуетъ *повторять* *неверныя* *своденія*, такъ какъ тогда мы будемъ стоять на одномъ мѣстѣ въ изученіи нашего языка. Наша наука и безъ того имѣетъ такъ мало специальныхъ изслѣдованій и словарей, что за какой нибудь формой сравнительной степени на *яе* въ нашемъ литературномъ языкѣ нужно просидѣть довольно долго, чтобы сказать что нибудь опредѣленное: такъ мало у насъ средствъ для справокъ, которыми, однако, богаты другія отрасли языковѣдѣнія, не русскаго.

яе отличается народный сѣверно-великорусскій говоръ, въ частности говоръ *архангельскій*. Слѣдовательно, Ломоносовъ, передѣлывая и свое произношеніе, и свое правописаніе согласно, съ одной стороны, фонетическому началу, примѣняясь къ московскому „нѣжнѣйшему“ выговору, съ другой — къ этимологiи русскаго языка, долгое время употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ параллельно обѣ формы сравнительной степени: на — *яе* и на — *яе*, такъ какъ этимъ онъ не оскорблялъ нѣжнаго слуха образованныхъ москвичей и, конечно, петербуржцевъ, потому что произношеніе послѣднихъ, какъ мы теперь знаемъ, *сопало* въ этомъ отношеніи, какъ и въ прилагательныхъ на — *ои*, (*ай*), *ей* (им. пад. ед. ч. муж. р.), съ произношеніемъ, прирднымъ для Ломоносова.

Теперь, что касается такихъ написаній, какъ: первыи, верьхъ, сверьху, черпать и подобныя у Тредьяковскаго. Сумарокова и позднѣйшихъ писателей даже въ первой половинѣ XIX столѣтія (не выключая и ученыхъ: Калайдовича, Строева и др.), то въ этомъ Ломоносовъ идетъ за произношеніемъ чисто-московскимъ, которое намъ по діалектологическимъ даннымъ извѣстно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ и *донинѣ*, между тѣмъ какъ въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, въ архангельскомъ говорѣ, такое произношеніе не указывается наблюдателями.

Намъ необходимо было это большое отступленіе отъ прерваннаго нами разбора языка Ломоносова, чтобы разъ навсегда установить точку зрѣнія на правописаніе послѣдняго. Итакъ, все то, что не будетъ объясняться въ правописаніи Ломоносова вышеприведенными положеніями и особенностями московскаго выговора, перечисленными въ трудахъ Тредьяковскаго и Сумарокова, должно имѣть другое объясненіе и служить матеріаломъ для характеристики произношенія самаго Ломоносова или его ученаго творчества.

Выше уже достаточно выяснился провинціальный языкъ Ломоносова въ *лексическомъ* отношеніи: мы узнали въ немъ сѣверно-великорусскаго провинціала, въ частности уроженца Архангельской губерніи по лексикону.

Вотъ еще нѣсколько интересныхъ, съ этой точки зрѣнія, примѣровъ:

- „Войну едва дерзалъ *начати*,
 Весь свѣтъ побивъ, не могъ *стояти*“... I, 28.
 „Съ Синавомъ *три князя* у насъ“... ib.
 „Устроилъ внуку меня *краснае*.“

- Открылъ мнѣ полдня свѣтъ *ясня*“...
 „Ревнивъ Донской что *Дмитрей дѣветь*“... *ib.*
 „*Оттуду жъ нынѣ* ¹⁾ *взошло Свѣтло,*
Откуду прежде *щастье было*“... I, 29.
 „Монарха тѣхъ *держимъ* другою“... *ib.*, 30.
 „Искусствомъ *чѣмъ* ²⁾ *описавъ былъ*“... *ib.*, 30.
 „Скончатъ *некрасной* стихъ *пора*“... *ib.*, 31.
 „Внезапно тихъ къ себѣ *почулъ*
 Приходъ Венеры и Дианы“... *ib.*, 33.
 „Въ шерсти овечьей *знатемъ* *волежъ*“... *ib.*, 34. (Ср. выше это слово
 въ томъ же значеніи).
 „Хотятъ намъ желчи быть *юрчае,*
 То воску сердце ихъ *мяччае*“...
 „*Колочей* тернъ, сухой тростникъ“... *ib.*, 35.
 „Не *хочутъ* естьли брань пресѣчь“... *ib.*, 40.
 „Желаеть кто Петра *смотреть*“...
 „Тебя *смотреть* ³⁾ *теснится* всякъ“... *ib.*, 45.
 „Имѣли вдругъ *согласной* ⁴⁾ *тонъ*“... I, 49.
 „Пограбилъ всѣ мѣста, твое добро *злотилъ*“... I, 63. (Образованіе
 однократнаго вида при словѣ: „слонуть“).
 „Понеже *всякой* чинъ *пособы* ждеть себѣ“... I, 65.
 „Отрада *пѣйдетъ* въ слѣдъ *отрадѣ*“... I, 103.
 „Стихи ярость *укрочайте*“... I, 104.
 „Стада въ травѣ воловъ *толстыхъ*“ ⁵⁾... I, 108.
 „Но тѣ *стпляе* ⁶⁾ *веселятся*“... I, 108.
 „*Крпччае* мрамора, рубина много краше“... I, 143.
 „О немъ, пока могу *дыхатъ*“... I, 153. (Въ народномъ говорѣ: „дѣ-
 хать“, но и „дыхатъ“).
 „Въ *дожжѣ чать* ⁷⁾ *повредился;*
 И съ словомъ *стрѣлимъ* ⁸⁾ *вдругъ*“... I, 158.
 „*Подрослме* въ лѣсахъ всегда звѣрей гоняютъ“... 163.
 „Тебя въ началѣ дня, тебя пѣлъ въ *позмый* ⁹⁾ *вечеръ*“... *ib.*

¹⁾ Словарь *Подвысоцкаго*, в. ч. нынѣ.

²⁾ См. мою брошюру о Казанскомъ народномъ говорѣ. Варшава. 1894. Стр. 27—28. Такія формы очень распространены въ сѣверномъ нарѣчій, между прочимъ, и въ вятскомъ говорѣ.

³⁾ Срв. произношеніе. См. *Колосовъ*, *Замѣтки*... Стр. 242, 293, 322, 323 (Сборникъ отд. р. яз. и слов., томъ XVII. С.-Пб. 1877).

⁴⁾ *Колосовъ*, *ibid.*, стр. 319.

⁵⁾ Словарь *Подвысоцкаго*, в. ч. Срв. II т. стр. 266, „толстыми“.

⁶⁾ *Колосовъ*, *ibid.*, стр. 323.

⁷⁾ См. мою брошюру о казанскомъ говорѣ. Стр. 29. Въ словѣ „дожжѣ“ удержано даже *произношеніе* самого *Ломоносова*.

⁸⁾ *Колосовъ*, *ibid.*, стр. 339. См. *Подвысоцкаго*, в. ч.

⁹⁾ *Колосовъ*, *ibid.*, 329. Срв. II, 287, „давныхъ“.

- „Онъ *облакъ* рукой едва успѣлъ *давнѣтъ*“... 165.
 „Въ *тополовой* тѣни гуляя муравей“... 169.
 „Я *вытти* за жену богатую боюсь“... 169.
 Срв.: „Что бь *взотти* ¹⁾ небесь ко верьху“... I, 3.
 „Раздался въ рощѣ *волчей* вой“...
 „Пастухъ свой *сладкой* ²⁾ сонъ покинулъ“... I, 175.
 „То истинно теперь о томъ не *сумпываюся*“... 177.
 „Коль блиско ходитъ рокъ при *робкомъ* ³⁾ и при смѣломъ“... 273.
 „И стрѣлы падали *дождевыми* ⁴⁾ гуще тучь“... 287.
 „И *ратовище* ⁵⁾ злясь къ себѣ зубами рветъ“... 290. (Читай: рветъ,
 а не рвѣт. См. выше).
 ручная ркп. Л—ва, № 145).
 „Когда ты *пдидеши* въ путь на немъ между валовъ“... 318. (Ср. выше)
 „Ты *трудной* нуть сама должна была *протти*“... 319. (Примѣчаніе
 седьмое).
 „Лишь только *дойдетъ* вѣсть къ *сосѣдямъ* чрезъ Понть“... II, 9.
 (Есть и форма „сосѣдамъ“—его родная форма).
 „Пребудеши знатнѣйшій въ *сосѣдахъ*“... II, 242 и др., II, 251.
 „Но *въ чемъ* надежду я еще имѣть могу“... II, 55. (Чит. „ф чѣмъ“,
 „И ставя *нынѣ* ⁶⁾ столпы съ Твоею похвалою“... 292. (Собственно-
 а не: „ф чѣмъ“. См. выше).
 „Пылають парусы, валяются *раймы* ⁷⁾ въ море“... II, 72.
 „Не погнушался Онъ на малой шаръ *сотти*“... II, 100.
 „*Чезо* не могъ *дотти* по онымъ человекъ“?... II, 100.
 „То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не *размыслъ*“?... II, 102.
 (Это сѣверно-великорусское произношеніе).
 „Поля въ *прекрасной* *лѣтней* день“... II, 118. (См. выше).
 „Что въ Правнукъ Своемъ *дыхаетъ*“... II, 122. (Ср. выше неопр. н.).
 Ср. также II, 281.
 Постоянное произношеніе: *обойхъ*, *обоѣй*, *обоймъ*... Напримѣръ,
 II, 213, 214, 246.
 „Но нынѣ къ *обоймъ* вы, Нимфы, собирайтесь“...
 „И равно *обоѣй* музыкой услаждайтесь“... II, 114.
 „Мы долго *обойхъ* желали“... II, 122, и много др. II, 195.
 „Исполни то надъ *позднимъ* свѣтомъ“... II, 125. (См. выше).
 „Дабы на буквѣ *А* всѣхъ далѣ *остоятся*“ ⁸⁾... II, 132.

¹⁾ Также „дотти“ у него: это свр. произношеніе, извѣстное и въ Казанской и въ Ватской губерніяхъ.

²⁾ Примѣчаніе 1-е. Прежде (Ода 1738 г.) Ломоносовъ писалъ: *сладкой* — I, стр. 9.

³⁾ Срв. рукопись Л—ва. Примѣч. *Сухомлинова*, I, 431.

⁴⁾ См. примѣч. 4.

⁵⁾ Словарь *Подвысоцкаю*, в. в. Пешня, *ратовище* (рукоять копьа...).

⁶⁾ См. примѣчаніе выше. Срв. у *Сухомлинова*, I, 443.

⁷⁾ См. словарь *Подвысоцкаю*, часть матчи (Кольск. у.).

⁸⁾ См. словарь *Подвысоцкаю*, в. в. =остановиться неподвижно (о глазахъ).

- „И для ради того противъ любви воссталъ“... II, 134. (Собственно-ручныя бумаги Л—ва).
- „Но плюемъ мы на стражъ твоихъ поганыхъ врагъ“...
 „И къ пьянству твоему потребныхъ красоулъ“... ¹⁾ II, 142.
 „Тамъ смертну хлябъ разинулъ адъ“... (См. выше).
 „И волны въ мысляхъ укрочаетъ“... II, 166. (См. выше).
 „...Судьбой дана, протти покрыту льдами воду“... II, 188. (См. выше).
- „Другихъ съ площадими бородъ не признавають“... II, 141, 218, 253.
 „Блажать свой *внутренный* покой“... II, 165. (Ср. выше).
 „Когда она себя *найшитъ*, гдѣ есть, не знаетъ“... II, 174.
 „Теперь въ гости я сидѣть ко льву собираюсь“... II, 175.
 „Безъ сна быть злобной *скопъ* ²⁾, не затворяя ока“... II, 195.
 „Когда *убивецъ* злой вертѣлъ въ гортани жало“... II, 198.
 „Поставивъ знамена на высотѣ *стрѣльницъ*“... II, 207, 219.
 „Тамъ знаютъ *напрячись* ³⁾ колѣномъ и *бедромъ*“... II, 219.
 „Сломивъ *уразину* ⁴⁾ нагіе члены рвутъ“... II, 219.
 „При *накрахъ* движуть духъ свирѣли, барабаны“... II, 219.
 „Безмѣрно больше трудъ *напредки* настоеитъ“... II, 220.
 „Во время смутно, *неспособно*“... II, 242. (Ср. „*способной* вѣтръ“ II, 66, 265).
- „*Осмадцать* лѣтъ Ты украшала“... II, 253.
 „Въ избытокъ принесуть *осенной*“... II, 262. (Ср. выше).

Списокъ словъ и выражений, извѣстныхъ въ области сѣверно-великорусскаго поднарѣчія, въ частности въ архангельскомъ говорѣ, а равно словъ, извѣстныхъ Ломоносову, какъ рыбаку (напримѣръ, „скопъ“, „стамуха“ (бѣломорск.=льдина), „райна“ и мн. др.), можно было бы значительно увеличить (напримѣръ, „спой“,=спай, спайка: слово, которое мнѣ извѣстно и изъ вятскаго говора (Вятск. уѣздъ, село Черкасы Вожгальской волости); но изъ опасенія приписать *ювору Ломоносова* болѣе, чѣмъ онъ самъ внесъ изъ *своего* говора въ свои произведенія, мы этого не дѣлаемъ; опасеніе наше растеть еще болѣе потому, что мы до сихъ поръ не имѣемъ *полныхъ* и *подробныхъ* лексическихкихъ матеріаловъ и словарей для каждаго отдѣльнаго русскаго говора: словарь *Подвысоцкаго* оказывается въ отдѣльныхъ случаяхъ менѣе полонъ, чѣмъ словарь *Даля* или *Опытъ* и *Дополненіе* II-го от-

¹⁾ Словарь *Подвысоцкаго*, в. в.=родъ грибовъ. (Шенк. у.).

²⁾ См. словарь *Подвысоцкаго*, в. в. *скопа* = хищная птица, питающаяся рыбой (Кем.). Слѣдовательно, зло для рыболововъ. Въ г. Скопинѣ, Рязанской губ., ходитъ легенда о происхожденіи названія этого города отъ имени этой птицы.

³⁾ Словарь *Подвысоцкаго*, в. в. *напрячи*.

⁴⁾ Словарь *Подвысоцкаго*, в. в. *уразъ* (орудіе).

дѣленія Академіи Наукъ, именно въ области архангельской лексической сокровищницы, хотя и посвященъ спеціально архангельскому нарѣчію. Кроме того, многія слова (напр., „стрѣжь“), не помѣщенные въ словаряхъ, извѣстны мнѣ по моимъ записямъ съ живаго говора („скопъ“ муж. р. при „скоба“—женск. р., которое одно показано въ словарѣ Подвысоцкаго и Даля). Но все-таки и по отношенію къ лексическому составу языка Ломоносова, не говоря уже про фонетическій, въ настоящее время можно сказать уже значительно больше и многое опредѣлить гораздо точнѣе, чѣмъ это можно было въ 1871 г., когда Будиловичъ издалъ свое изслѣдованіе: „Ломоносовъ, какъ писатель“, С.-Пб., 1871 г. Поэтому наша работа, при современныхъ успѣхахъ русской діалектологіи, никакъ не можетъ быть повтореніемъ работы Будиловича ¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ *произношенію* самого Ломоносова, то есть, къ фонетической сторонѣ его языка, скажемъ, что Ломоносовъ, какъ видно изъ предыдущаго, является передъ нами съ точки зрѣнія лексикологіи *писателемъ провинціальнымъ*. Не безъ основанія столычные литературные кружки того времени смѣялись надъ его языкомъ, а Сумароковъ говорилъ, что онъ обратилъ московское нарѣчіе „въ колмогорское“; особенно интересно для исторіи нашего литературнаго языка то, что „провинціализмы“ Ломоносова не привились къ языку. а если мы увидимъ ниже, что и въ *фонетическомъ отношеніи* „нѣжнѣйшій московскій выговоръ“, о которомъ Ломоносовъ говорилъ:

„Великая Москва въ языкѣхъ толь нѣжна,
Что А произносить за О велить она“... II, XXV, 132.

настолько подчинилъ себѣ Ломоносова, что онъ съ теченіемъ времени передѣлалъ и свое произношеніе на московскій ладъ, то намъ придется заключить, что главнымъ факторомъ развитія нашего литературнаго *современнаго* языка явился все-таки простой народный элементъ, просторѣчіе Москвы, съ стихійною силой подѣйствовавшее на книжную рѣчь образованныхъ москвичей прошлаго вѣка.

Ломоносовъ въ своей литературной дѣятельности обнаруживаетъ передъ нами *два* періода: *первый*, когда онъ приблизительно до 1744 года идетъ независимо отъ законодателей литературной рѣчи, отъ

¹⁾ Его списокъ „Провинціальныя слова“ (Сборникъ II отд. А. Н. Томъ 8. С.-Пб. 1872. Стр. 146—151) теперь уже долженъ быть значительно измѣненъ и дополненъ.

образованныхъ кружковъ Москвы и Петербурга, когда онъ пишетъ, не стѣсняясь своимъ произношеніемъ, употребляетъ слова: *мва*, *стрѣожъ* и друг., и является передъ нами въ полномъ смыслѣ слова архангельскимъ провинціаломъ; *второй*,—когда онъ измѣняетъ себѣ: начинаетъ говорить „по-московски“ и употребляетъ слова: *быстрима*, *пучина*, *стремнина*, забывая о своемъ словѣ *стрѣожъ* (см. II, 59, 209, 228). Если мы возьмемъ правописание перваго періода, то мы увидимъ: *шумящы*, *гремящы* (указаніе на то, что въ его говорѣ *щ*=шш, а не *шч*, какъ говорилъ Тредьяковскій о московскомъ произношеніи)—I, 3, *скачють*—I, 5, *ростѣють*—I, 5, *льютъ*—I, 7, *чють*—I, 7, *лжы*—I, 9, *лжывыя*—I, 11, *чюжался*—I, 11, *салдатску*—I, 21, *салдаты*¹⁾—I, примѣч. 48, *чѣшь*—I, 30, *хочуть*—I, 40, *смотреть*—I, 45, въ *дождѣ*—I, 158 и друг.²⁾

Но уже и въ это время онъ постоянно контролируетъ себя показаніями московскаго говора, съ которыми онъ познакомился еще въ 1781 году. *Поэтому мы найдемъ у него*: *верхи*, къ *верху*, *зеркало*, *волынкахъ*, *почерпати*, *скорьби*, *вверхъ*, *отвергають* (I, 93), *сперьва* (I, 160), *первому*; *сверькаеть*—I, 290, 293, *церьквахъ*—I, 318. См. также: II, 17, 28, 49, 81, 191, 192 (церьковной), 199, 245, 250; III, 19, 74, 76, 219 и друг.

Глаголы 3-го лица ед. числа принимаются со звукомъ *ъ*, а не *ѣ* передъ окончаніемъ—*тъ*, какъ бы должно было быть по произношенію Ломоносова, но какъ не допускало „нѣжнѣйшее“ произношеніе Москвы (см. выше): *трясеть*—*свѣтъ*, *идеть*—*лѣтъ*; (срв. *медомъ*—*слѣдомъ*, I, 101. Припомнимъ „тупыя литеры“ Сумарокова); *течь*—*Елисаветъ*; *рветъ*—*хребетъ*—290, *растеть*—*лѣтъ*; *даеть*—*Драшеть*—II, 33, *несеть*—II, 61, *прольеть*—*цвѣтъ*—II, 78, *зоветъ*—*свѣтъ*—II, 121 (срв. выше у Тредьяковскаго: *зовѣтъ*), *зоветъ*—*совѣтъ*—II,

¹⁾ См. *Колосовъ*, указ. соч., стр. 339—340. Ср. *салдатовъ*—III, 157.

²⁾ Благодаря любезному разрѣшенію II-го отдѣленія Академіи Наукъ, мы могли воспользоваться рукописными отвѣтами на Программу Академіи для собранія особенностей народныхъ говоровъ сѣвернаго нарѣчія, присланными свящ. *Грандалевскимъ* изъ мѣста родины М. В. Ломоносова, изъ с. Курострова, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губ., и многія изъ нашихъ указаній находятъ для себя здѣсь новыя подтвержденія. См., напримѣръ, страницы: 6 о звукѣ *ѣ* въ этомъ говорѣ Ломоносова; стр. 8 о произношеніи *скрызь*; стр. 9 о прил. на—*ой*; стр. 12 о сл. *примать*; стр. 18 о *ж* и *ш* твердыхъ; стр. 19 о мягкомъ произношеніи *ч* и о *ш*=*шиш*; стр. 25 и 26 объ удареніи въ им. прил.; стр. 28 о род. пад. ед. ч. на—*у*; стр. 39 о неопр. н. на *чи* Окончаніе неопр. н. на—*ти* у Ломоносова, можетъ быть, и представляетъ собой форму церковнаго языка.

194 (срв. полѣты—примѣты—II, 241. Вообще, въ этомъ корнѣ *ѣ* согласно произношенію Москвы. Срв. выше) и др.

Произносимое въ Москвѣ ѣ мы видимъ у Ломоносова въ буквѣ *о* послѣ *ч*: черной понть—I, 73, предпочоль—II, 27. несчетныхъ—II, 99, расчосы—II, 140, черны—II, 280, старичокъ—II, 279. Послѣ *ш* примѣры съ *о* (твердое *ш*) см. ниже: пошоль, ушоль; также шolkъ—II, 231. Въ другихъ случаяхъ онъ не пишетъ *о* и произноситъ *е*, не *ѣ*. Это нельзя разсматривать, какъ *искусственный высокий штиль*, какъ дѣлали прежде. Это есть живое произношеніе *столичной* интеллигенціи того времени, и встрѣчается не въ однѣхъ „одахъ“, но во *всѣхъ* произведеніяхъ Ломоносова, напримѣръ, II, 284 и друг. Фонетическое правописаніе особенно выдаетъ случаи *ассимиляціи*: съ ней—I, 75, мерской ковъ—I, 85, восстануть—I, 95. объемлетъ—I, 101, вѣтви—I, 115, познаешь, заплачешь—I, 26, збѣжала—I, 195, збиралъ—I, 205, щитая—I, 207 (ср. въ первый періодъ), лучъ, тучъ—I, 287, збери—I, 310. вопрошаешь, знаешь, чаешь и мн. др.—II, 4, 5, 6, 7, 15, 41, 45, 52 (возмутися); лишь—II, 66, мечъ—II, 23, 184, 185, 190, 201, 202, 215, 219, 229, 232, 236, 260 и друг.

Ломоносовъ пишетъ также согласно произношенію: мяжкой, умячить—II, 39 и мн. др. Въ этомъ случаѣ его произношеніе и въ ранній періодъ совпадало съ московскимъ. Нѣкоторыя формы и образцы *роднаго* произношенія проходятъ чрезъ всѣ произведенія Ломоносова обѣихъ періодовъ; къ такимъ относятся: *или тѣ случаи*, въ которыхъ родное произношеніе Ломоносова совпадало съ произношеніемъ Москвы (напримѣръ, прилагат. съ окончаніемъ *ой*, —*ей*—II, 46, 74, 76, 114, 121, 124, 162, 189, 199, 204, 207 и друг., напримѣръ, 264, 273, 290. См. выше и замѣчанія Тредьяковскаго; ево—II, 130, нагово—II, 218, ср. 225, 265—сравнительная степень на *е*—*ае*; II, 24, 155, 187, III, 114; случаи *ассимиляціи*, какъ: сердца—II, 187, умячить—II, 39, блиская—II, 60, нискими—II, 120, здѣлалъ, II, 29, 48, 214 (задача), збросилъ, збираетъ—II, 167, восстемалъ—II, 79, восстать—II, 38, 188; случаи твердаго *ш*: пошоль—II, 62, 74, вышшую—II, 128 (мягкаго *ч* и проч.), *или тѣ случаи*, гдѣ Ломоносовъ *невольнo* обнаруживалъ свое произношеніе, напримѣръ, скрипять—II, 195, разъѣжжаетъ—II, 195, сотти, дотти—II, 100, 188. позднымъ—II, 125, признають—140; въ *удареніяхъ* (всегда: найдетъ—II, 205, дбйдетъ—II, 9, толстѣми—II, 266, обояхъ—II, 122, 246 и проч. см. выше) и въ *лексикологii*: завтре—II, 197... Впрочемъ Ломоносовъ *примѣнялся* къ „нѣжнѣйшему“ вы-

говору Москвы (напримѣръ. мягкое *p* не передъ твердой зубной, звукъ *щ* = *шч*, *e* = *не ё*).

Такимъ образомъ, новое академическое изданіе сочиненій Ломоносова, по моему мнѣнію, даетъ намъ возможность, во-первыхъ, установить произношеніе московской образованной среды прошлаго вѣка при посредствѣ сочиненій Сумарокова и Тредьяковского, а, во-вторыхъ, найти отличія роднаго произношенія Ломоносова отъ произношенія Москвы и тѣмъ установить опредѣленный взглядъ на рѣчь геніальнаго литератора и ученаго.

До сихъ поръ Ломоносову приписывалось „созданіе“ новаго литературнаго русскаго языка; теперь, мнѣ кажется, въ эти наши свѣдѣнія необходимо внести слѣдующую поправку: Ломоносову, именно, не удалось внести *почти ничего своего* въ самый составъ русскаго языка: ни въ лексическомъ, ни, тѣмъ болѣе, въ фонетическомъ отношеніи въ литературный русскій языкъ. Ломоносовъ, *изучивъ тонко* московскій выговоръ интеллигенціи того времени, изобразилъ намъ его въ своихъ произведеніяхъ, *внесъ*, такъ сказать, *живую рѣчь* своихъ образованныхъ современниковъ въ литературу. Источникомъ его языка является, такимъ образомъ, болѣе „живой“ говоръ, чѣмъ его какія бы то ни было „теоретическія“ положенія, которыхъ мы однако не отрицаемъ вовсе, но придаемъ имъ ничтожное значеніе.

Казалось бы намъ теперь мало вѣроятнымъ, что наши образованные предки полтора-два вѣка тому назадъ въ столицахъ говорили: скорѣе, ярчѣе, завѣтъ, течеть ¹⁾, доброй, лѣтней, гороть, но храт; гусь, губа, гарá, но: хрѣп, хрусть и проч.; однако, приходится допустить, что это такъ. Ломоносова самого затрудняло произношеніе „московскаго“ ²⁾:

„Скажите, гдѣ быть *за* и гдѣ стоять *лазюлю*“. II, 286. (См. примѣчанія къ этому мѣсту, II, 388).

Еслибы наши предки слышали нашъ теперешній говоръ, то навѣрное, признали бы его говоромъ „подлой черни“.

Е. Будде.

¹⁾ Вѣроятно, старыми воспоминаніями истиннаго народника по языку Крылова можно объяснить себѣ и его рѣму:

„Когда въ товарищахъ согласья *итъ*,
На ладъ ихъ дѣло не *пойдетъ*“.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Востокъ христіанскій. Путешествіе въ Метеорскіе и Осолимпійскіе монастыри въ Фессаліи архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Пб. 1896. Стр. XXX+614.

Въ богатѣйшемъ учено-литературномъ наслѣдствѣ, оставленномъ византійской наукѣ знаменитымъ русскимъ богословомъ-византологомъ, епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ († 1885 г.), его „Путешествіе въ Метеорскіе и Осолимпійскіе монастыри въ Фессаліи“ должно занять одно изъ видныхъ мѣстъ. Книга представляетъ первый научный опытъ изученія исторіи Метеорскихъ и Осолимпійскихъ монастырей, о которыхъ въ византологіи до послѣдняго времени существовали весьма скудныя свѣдѣнія, и составлена на основаніи подлинныхъ документовъ, открытыхъ приснопамятнымъ путешественникомъ въ бібліотекахъ указанныхъ монастырей и опубликованныхъ въ приложеніи къ его изслѣдованію. Отличаясь новизной предмета и документальностью изслѣдованія, книга весьма богата содержаніемъ и даетъ читателю не только обширный матеріалъ изъ исторіи Метеорсины и Осолимпійскихъ монастырей, оказавшійся въ ихъ книгохранилищахъ во время путешествія автора и отчасти сохранившійся въ немногихъ греческихъ изданіяхъ, но и многія постороннія и второстепенныя свѣдѣнія.

„Путешествіе въ Метеорскіе и Осолимпійскіе монастыри“ изложено въ формѣ дневника, столь обычной въ ученыхъ трудахъ епископа Порфирія и хорошо знакомой читателямъ его сочиненій. Изодня въ день путешественникъ записывалъ свои наблюденія и впе-

чтлѣнія, сообщалъ о сдѣланныхъ имъ научныхъ открытіяхъ и вообще работахъ, излагалъ исторію тѣхъ или иныхъ монастырей на основаніи изученныхъ имъ документовъ, описывалъ встрѣчи съ представителями церковнаго общества на Востоцѣ, передавалъ разговоры съ ними, дѣлалъ характеристики разныхъ лицъ и т. п.,—и въ результатѣ получилась живо, умно и научно составленная книга, интересная и не для специалистовъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей и приложений: въ первой части описывается путешествіе епископа Порфирія въ Метеорскіе монастыри, а во второй—въ монастыри Осолимпійскіе; въ приложеніи представлены тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ составлена книга.

Первая часть разсматриваемой книги занимаетъ большую половину изслѣдованій (стр. 1—257) и состоитъ изъ шестнадцати главъ. Первые шесть главъ этой части описываютъ путь епископа Порфирія отъ Аэона до Метеорскихъ монастырей. Желаніе посѣтить Метеорскіе монастыри возникло у нашего паломника еще въ 1846 году, подъ вліяніемъ разказовъ аэонскихъ монаховъ, но осуществилось лишь въ 1859 году. 16-го марта этого года онъ съ двумя спутниками отправился изъ пристани Руссика на Аэонѣ въ Солунь, куда и прибылъ черезъ два дня (глава *первая*, стр. 1—4). Въ Солунѣ епископъ (тогда архимандритъ) Порфирій прожилъ восемь дней и въ это время осмотрѣлъ нѣкоторыя его древности и достопримѣчательности, о чемъ и разказывается во *второй* главѣ (стр. 5—31). Прежде всего онъ посѣтилъ храмъ во имя св. Антонія Великаго, у восточной стѣны города, гдѣ имѣется чудотворная икона этого угодника, а затѣмъ осмотрѣлъ Святую Софію, обращенную турками въ мечеть. Храмъ св. Софіи снаружи некрасивъ, но внутренность его поражаетъ зрителя и не столько красотой и величіемъ, сколько особеннымъ своимъ расположеніемъ и убранствомъ. Св. Софія солунская построена по образцу константинопольской, но въ меньшемъ размѣрѣ и съ малыми окнами. Она имѣетъ форму правильнаго четырехугольника, раздѣленнаго на три продольныя части колоннами и устоями, которые поддерживаютъ куполь. Всѣхъ колоннъ шесть, по три съ каждой стороны; онѣ изваяны изъ зеленого мрамора и имѣютъ замѣчательныя наглавія—въ видѣ широкихъ каменныхъ листьевъ, отклоняющихся отъ верхняго ствола каждой колонны и вокругъ него ребристо заворачивающихся какъ будто отъ вѣтра. Надъ этими колоннами, въ верхнемъ ярусѣ, водружены другія подобныя имъ, но въ меньшемъ размѣрѣ. Средняя продольная часть храма красива и доста-

точно освѣщена изъ открытаго алтаря и купола, а боковыя части, за колоннами, сумрачны. Между третьею колонной на лѣвой сторонѣ и крайемъ соленъ стоитъ красивая каеэдра, изваянная изъ цѣльнаго куска зеленого мрамора вмѣстѣ съ ступенями; на лицевой ея сторонѣ изображенъ змѣй, символъ мудрости проповѣдника. Поодаль отъ каеэдры стоитъ высокая бѣломраморная сѣнь, поддерживаемая такими же колонночками. Алтарь храма, возвышающійся надъ уровнемъ его пола на шесть вершковъ, глубоокъ и очень свѣтелъ. Иконостаса не было, и его замѣнялъ такъ называемый темплумъ, или дистилонъ, то-есть, рядъ небольшихъ мраморныхъ колоннъ, съ сквозными между ними просторами, утвержденныхъ на мраморныхъ устояхъ и тумбахъ и покрытыхъ карнизами. Однако иконы въ церкви были и висѣли на стѣнахъ ея и въ паперти и стояли близъ темпла на особыхъ аналояхъ. Весь алтарь вывершенъ коробовымъ сводомъ, который сверху до половины, на обѣихъ вогнутыхъ сторонахъ, покрытъ золотистою весьма яркою мозаикою, съ половины же до карнизовъ, на обѣихъ прямыхъ своихъ сторонахъ, облицованъ квадратами, въ конхъ изъ разноцвѣтной мусии выработаны кресты, цвѣты и деревца. Тутъ золото и цвѣта очень ярки, а общій отливъ ихъ — зеленоватъ. Подъ этимъ сводомъ, надъ горнимъ мѣстомъ, сохранилось мозаическое изображеніе Богоматери. Она сидитъ на сѣдалищѣ съ высокою спинкою и у персей своихъ держитъ божественнаго Младенца. Лица ихъ сглажены или закрашены турками. Имѣется сіяніе около головы Пресвятой Дѣвы Маріи, а ножки ея покоятся на подставкѣ. По обѣ ея стороны горитъ золотистая мозаика, изображеній же не было. На всемъ поясѣ всего свода, подъ упомянутыми квадратами и у подножія Богоматери, видится мозаичная надпись со многими монограммами, нѣсколько попорченная и содержащая лишь слѣдующія слова: „Христе, помоги и утверди домъ сей... епископъ...“. На лицевой приподкупольной дугѣ алтарнаго свода, по зеленому полю, черными крупными буквами изъ мозаики выработана надпись изъ псалма LXIV, 5—6. Опредѣлить время устройства мозаическихъ украшеній алтаря невозможно. Куполъ св. Софіи солунской построенъ на подобіе купола св. Софіи цареградской—въ формѣ глубоковатой чаши, опрокинутой на круглооткосную шею, въ которой прорѣзаны узкія окна. Въ самомъ небѣ его, на радужномъ облакѣ, видны только стопы возносящагося на небо Богочеловѣка, да два летящіе ангела, а пониже облака, на всей вогнутой части купола, изображены разноцвѣтлою мусією двѣнадцать апостоловъ и евангелистовъ, Божія Матерь и два ангела. Въ изображеніи много

движенія и красоты, но оно, къ сожалѣнію, попорчено мусульманами, разсыпалась и мозаическая надпись на поясѣ купола, такъ что нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить время устройства украшеній. Епископъ Порфирій предполагаетъ, что всѣ мозаическія изображенія въ св. Софіи произведены въ царствованіе Юстиніана (527—565 г.) или послѣ него, но въ шестомъ вѣкѣ. Изъ св. Софіи епископъ Порфирій отправился въ храмъ св. Дмитрія, также обращенный въ мечеть. Храмъ отличается особою красотою устройства и поэтому подробно описывается нашимъ паломникомъ (стр. 15—20). Къ особенностямъ этого храма относится кувуклій св. Дмитрія, находящійся въ сѣверной его стѣнѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, св. Дмитрій былъ пронзенъ копьемъ. Кувуклій состоитъ изъ двухъ малыхъ, невысокихъ покоевъ, вывершенныхъ полукупольными глухими сводами изъ кирпича. Первый покой пустъ, а во второмъ показываютъ гробницу великомученика, представляющую каменный ящикъ, врытый въ землю и нѣсколько возвышающійся надъ нею, накрытый обломками мраморныхъ плитъ и цѣльною квадратною тумбою. Время построенія кувуклія неизвѣстно, но сохранились свѣдѣнія, что солунскіе митрополиты держали особыхъ сановниковъ-кувуклісievъ, которые стояли у мощей св. Дмитрія и хранили ихъ. Однимъ изъ солунскихъ кувуклісievъ былъ Іоаннъ Каменіать, описавшій нападеніе на Солунь агарянъ въ 904 году. Кромѣ указанныхъ храмовъ, нашъ паломникъ осмотрѣлъ въ Фессалоникѣ кафедральный соборъ во имя св. Григорія Паламы, обновленный въ 1699 году, и храмъ св. великомученика Георгія. Послѣдній храмъ имѣетъ круглую форму, вывершенъ куполомъ особаго устройства—на подобіе купола римскаго Пантеона, и испещривъ (особенно куполь) мозаическими украшеніями, которыя и описываются въ книгѣ. На основаніи нѣкоторыхъ свойствъ мозаическихъ изображеній преосвященный Порфирій относитъ ихъ ко времени Константина Великаго, а самый храмъ, по его мнѣнію, былъ построенъ при римскомъ императорѣ Неронѣ, служилъ сперва языческимъ капищемъ, при Константинѣ Великомъ обращенъ въ христіанскую церковь, а теперь тамъ читается арабскій коранъ... Изъ Солуны епископъ Порфирій ѣздилъ въ сосѣднее село Перистерія для обзоренія мѣстныхъ древностей, о чемъ сообщается въ третьей главѣ (стр. 31—45). Село это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ IX вѣкѣ подвизался инокъ Евоній, удалившійся съ Аэона вслѣдствіе набѣговъ сарацинъ, и построилъ около 863 года церковь и монастырь. Надежда нашего паломника найдти въ селѣ остатки

Евѣміева монастыря не оправдалась: отъ него не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Отъ IX вѣка въ Перистеріи сохранилась лишь приходская церковь, построенная по старинному плану — въ видѣ четвероконачнаго креста съ закругленными концами. Здѣсь нашъ паломникъ нашелъ греческую надпись на мраморномъ камнѣ въ одной изъ стѣнъ храма и мраморный барельефъ съ изображеніемъ Артемиды-Діаны. Надпись представляла казначейскую перепись, хозяевъ, платившихъ подать римлянамъ, и относится къ эпохѣ дохристіанской. Что касается барельефа, то онъ имѣетъ слѣдующій видъ. Въ срединѣ находится жертвенникъ, по правую сторону котораго стоитъ Діана. Лице ея сѣчено, голова обхвачена серповидною луною, руки обнажены. Одѣтая въ длинное платье и въ короткую тунику, она въ правой своей рукѣ держитъ посохъ, а въ лѣвой стрѣлу надъ головой смотрящей на нее серны. Изъ-за праваго плеча ея видна другая стрѣла въ колчанѣ. Предъ нею, по лѣвую сторону жертвенника, стоятъ мужъ, жена и дѣти ихъ и молятся богинѣ. Ниже ихъ служанка держитъ на головѣ своей корзину, а подлѣ нея стоятъ серна и волъ или буйволица. По предположенію епископа Порфирія, это изваяніе было сдѣлано послѣ завоеванія Солуня римлянами (около 198 года до Р. Х.), почитавшими Діану.

Въ селѣ Перистеріи нашъ паломникъ нашелъ и другую надпись, представляющую надгробное языческое свидѣтельство; надпись относится къ III вѣку послѣ Р. Х. Возвратившись въ Солунь, преосв. Порфирій 31-го марта отправился чрезъ Воло въ Новую Димитріаду (глава *четвертая*, стр. 45 — 58). Онъ проѣхалъ мимо острова Скопело, гдѣ имѣется монастырь Іоанна Предтечи съ мощами нѣкогда святительствовавшаго здѣсь епископа Ригина († ранѣе 363 г.), и мимо острова Скиаѳо, въ главномъ городѣ котораго также есть монастырь — Благовѣщенскій, съ двадцатью монахами. Съ тѣмъ же наименованіемъ существуетъ монастырь и на островкѣ въ Волскомъ заливѣ, близъ города Трикери. Въ г. Новой Димитріадѣ нашъ паломникъ осмотрѣлъ церковь св. Николая Чудотворца, построенную въ 1856 году и имѣющую въ своихъ стѣнахъ надгробныя мраморныя плиты съ греческими надписями, привезенныя съ кладбища древней Димитріады. Всѣхъ надписей—одиннадцать, и на нихъ читаются одни языческія имена и отчества умершихъ и названія ихъ родинъ. Надписи изсѣчены правильно и красиво. Въ старой Димитріадѣ преосв. Порфирій нашелъ слѣды бывшаго здѣсь христіанскаго храма, отъ котораго уцѣлѣли только узорчатый помостъ и цистерна, а въ древней

крѣпости Волю видѣлъ мечеть съ мраморнымъ карнизомъ и колонною коринтскаго ордена, которые представляютъ единственные остатки нѣкогда существовавшаго здѣсь Аполлонова храма. Дальнѣйшій путь епископа Порфирія лежалъ къ городу Лариссѣ, столицѣ Фессаліи, и описывается въ слѣдующей (*пятой*) главѣ (стр. 59 — 78). По дорогѣ въ Лариссу паломникъ видѣлъ городокъ Велестино и по этому поводу разказываетъ его краткую исторію. Въ Лариссѣ епископъ Порфирій познакомился съ мѣстнымъ митрополитомъ Стефаномъ, узналъ отъ него и отъ другихъ лицъ нѣкоторыя свѣдѣнія о церковно-общественной жизни въ Фессаліи и сообщаетъ ихъ въ своей книгѣ. Но больше всего просвѣщеннаго путешественника интересовали остатки древностей въ Лариссѣ, которыхъ оказалось немного. Онъ осмотрѣлъ высокій, красивый и прочный мостъ чрезъ рѣку Пивіи и небольшое возвышеніе, на которомъ въ древности красовался ларисскій акрополь; здѣсь, за нѣсколько дней до пріѣзда преосв. Порфирія, были выкопаны огромные мраморные камни, на одномъ изъ которыхъ читалось имя Аполлона, и открыты дзѣ верхнія ступени исполинской мраморной лѣстницы. Ступени построены изъ толстыхъ и весьма длинныхъ мраморныхъ камней безъ цемента и безъ всякихъ связей; поверхность ихъ гладка, а края закруглены и къ низу подтесаны наискось для красоты и удобства. На поверхности нижней ступени читается слово: *τευχετας*, вѣроятно, относящееся къ дѣлой надписи, которою зодчіе увѣковѣчили свои имена. Лѣстница была полукруглая и, можетъ быть, примыкала къ языческому капищу Аполлона. Близъ этой лѣстницы сохранилась древняя мостовая, по которой, вѣроятно, еще пеласги, нѣкогда здѣсь обитавшіе, восходили въ свой акрополь. Она составлена изъ большихъ и очень толстыхъ мраморныхъ квадратовъ и положена по косоугору наклонно. Ширина ея около двухъ аршинъ, а высота надъ уровнемъ земли не менѣе трехъ четвертей. Эта мостовая представляла тотъ священный путь (*ὁδός*), который древніе греки и римляне любили прокладывать къ своимъ святилищамъ. Кромѣ того, въ ларисской митрополіи нашъ паломникъ видѣлъ двѣ древнія эллинскія надписи на мраморныхъ плитахъ, одна изъ коихъ вставлена въ наружную стѣну алтаря тамошней церкви, а другая находится въ оградѣ митрополіи внутри ея двора; обѣ надписи содержатъ имена гражданъ Лариссы, внесшихъ деньги въ казначейство. Иная надпись поэтическаго содержанія открыта на ларисскомъ кладбищѣ и отнесена нашимъ ученымъ къ четвертому вѣку, а одинъ грекъ показывалъ преосв. Порфирію подлинную грамоту царя Алексѣя Ми-

хайловича, пожалованную Рендинскому монастырю въ Ларисской митрополи на имя архимандрита Тимоея съ братією въ 1647 году, 31-го мая, на право сбора милостыни въ Россіи чрезъ каждые десять лѣтъ. Въ главѣ *шестой* (стр. 78 — 106) описывается путь епископа Порфирія отъ города Лариссы до Метеорскихъ монастырей въ Эстіотійской области Тессалии. Онъ, прежде всего, посѣтилъ село Зарку, гдѣ живетъ гардикійскій епископъ Анѳимъ, сообщившій нашему паломнику нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи его епархіи, и гдѣ не оказалось ничего достопримѣчательнаго ни въ археологическомъ, ни въ историческомъ отношеніи, а затѣмъ достигъ Триккской равнины или древней Эстіотіи, поразившей ученаго путешественника красотой и величественностью своего вида. Здѣсь епископъ Порфирій осматрѣлъ замѣчательныя развалины города Гардики, которыя и описалъ въ своемъ „Путешествіи“. Древнѣйшій городъ Гардики былъ сначала построенъ на крутомъ склонѣ горы, высоко надъ уровнемъ Триккской равнины, и со всѣхъ сторонъ укрѣпленъ каменными твердынями. Впослѣдствіи къ этому вышгороду пристроился нижній городъ на самой равнинѣ и былъ гораздо больше его. Восточная стѣна вышгорода снесена, равно какъ южная и сѣверная; сохранились лишь основанія ихъ, толщиною болѣе сажени, состояція изъ длинныхъ и толстыхъ камней, необтесанныхъ снаружи и положенныхъ въ два параллельные ряда, безъ извести и безъ всякихъ связей; размѣръ камней и ихъ кладка внушили нашему паломнику мысль, что стѣна построена пеласгами. Въ этой мысли онъ утвердился, когда увидѣлъ западную стѣну вышгорода и часть облицовки башни внѣ его. Верхніе ряды этихъ твердынь снесены, и потому невозможно опредѣлить прежней высоты ихъ, а толщина стѣнъ измѣняется двѣнадцатю аршинами. Онѣ съ обѣихъ сторонъ облицованы многоугольными и кривоотесанными камнями различной длины, высоты и ширины, которые искусно пригнаны одинъ къ другому и положены безъ извести и цемента. Все пространство между облицовками наполнено щебнемъ и дикаремъ и залито известью. Внутри вышгорода не сохранилось никакихъ остатковъ человѣческихъ жилищъ, уцѣлѣла лишь часть церкви св. Параскевы, построенной, по предположенію русскаго путешественника, сербскими деспотами въ XIV вѣкѣ. На стѣнахъ церкви по мѣстамъ видны священныя изображенія довольно посредственной работы. Живопись нѣкогда была закрыта слоемъ извести, который потомъ отвалился отъ стѣнъ, и тогда обнаружились свѣтлые лики; вѣроятно, стѣны церкви были оштукатурены самими христіанами послѣ

завоеванія Гардики турками въ XV вѣкѣ, изъ-за страха предъ магометанами. За сѣвѣрною стѣною вышгорода находится глубокая пропасть въ холмѣ, имѣющая видъ чаши, греческаго *κράτηρ*а и происшедшая вслѣдствіе вулканическихъ причинъ; каменные глыбы, взорванныя силою подземнаго огня, послужили потомъ матеріаломъ для мѣстной пеласго-циклопической постройки. Отъ нижняго города Гардики не сохранилось никакихъ остатковъ. Осмотрѣвъ замѣчательныя гардикійскія развалины, епископъ Порфирій отправился въ городъ Трикку. И здѣсь ученому паломнику посчастливилось: отъ мѣстнаго епископа Авѣима онъ получилъ старинный кодексъ, въ которомъ описывалось внутреннее и вѣшнее состояніе трикко-ларисской митрополи и другихъ епархій Фессаліи. Епископъ Порфирій давно желалъ найти такой кодексъ и былъ обрадованъ необычайно, когда его желаніе осуществилось. „Благодарю васъ отъ всего сердца,—сказалъ онъ въ избыткѣ признательныхъ чувствъ Авѣиму:—благодарю отъ лица всѣхъ російскихъ богослововъ и духовныхъ писателей“ (стр. 92).

Въ городѣ Триккѣ епископъ Порфирій осмотрѣлъ мѣстныя церкви, а именно: кафедральный соборъ, возобновленный ларисскимъ митрополитомъ Пареніемъ въ 1691 году, по повелѣнію султана Сулеймана, храмъ свв. безребренниковъ Козьмы и Даміана, возстановленный въ 1573 году при митрополитѣ Даніилѣ, церкви Іоанна Предтечи отъ 1674 года, св. Николая и Рождества Богородицы. Въ архитектурѣ церквей не оказалось ничего достопримѣчательнаго, а ихъ иконы были позднѣйшей и посредственной работы. Изъ Трикки 9-го апрѣля нашъ паломникъ отправился въ Метеорскіе монастыри, которые служили главною цѣлью его путешествія. Монастыри расположены на дикихъ и величественныхъ метеорскихъ утесахъ причудливой формы, представляютъ дивную картину и производятъ сильное впечатлѣніе на путешественниковъ своимъ необычайно красивымъ и рѣдкимъ видомъ. Вотъ какъ описываетъ метеорскіе утесы преосвященный Порфирій. „На зеленомъ полѣ вверхъ дномъ одиноко стоитъ огромный корабль. Бока его, корма и носъ—цѣлы и поросли дерномъ, а обнаженный киль зазубренъ и поколотъ. Синебагровый цвѣтъ его лоснится. Но корабль ли это? Корабль, только не деревянный. Могучія силы природы, маніемъ Всесильнаго, играючи, слѣпили его тутъ изъ каменстаго раствора и оставили на удивленіе человѣку. И есть чему дивиться! Стоитъ огромнѣйшій утесистый холмъ, а походить на морское судно. Стоитъ каменная гора, а кажется, будто опрокинутъ Декаліоновъ корабль...“⁴. Напротивъ этой картины наблюдается дру-

гая. Тамъ виденъ обрывистый уголь Пинда, утесистый, дикій, полуобнаженный, синебагровый. „Между этимъ угломъ Пинда и корабелевиднымъ холмомъ въ поперечной глуби пространства стоитъ громадная куца. Къ ней примыкаетъ длинная ставка. Рядомъ же со ставкою помѣщается высокій остроконечный утесъ, словно монахъ исполинскаго роста въ синемъ клобукѣ и въ синей мантии, согбенно сидящій на креслѣ, какъ бы въ воротахъ монастырской ограды; подлѣ него видны какъ бы развалины... Куца—это гора Куклюли (вся кукла), ставка—скала Алисо, каменный монахъ—пирамидальный утесъ св. апостоловъ, развалины—другой меньшій зубчатый утесъ“. „Долго я любовался этими картинками,—пишетъ о себѣ ученый путешественникъ,—и не могъ налюбоваться. Душевное наслажденіе мое смѣнялось славословіемъ Бога, а славословіе—созерцаніемъ. Я говорилъ самъ себѣ: „дивна дѣла Твоя, Господи! Дивно отсвѣчаешь Ты отъ горъ вѣчныхъ... Спутники мои такъ же, какъ и я. были въ восторгѣ отъ видѣнія величественно изящныхъ предметовъ. На ихъ лицахъ выражалась духовная радость (стр. 101—103)“. Но чѣмъ ближе подвигались наши путешественники къ метеорскимъ утесамъ, тѣмъ болѣе восхищались ихъ очаровательнымъ видомъ. Исполинскій каменный монахъ превратился въ пирамидальный утесъ, а клобукъ его въ слоистую грудю камней. Громадная ставка отдѣлилась отъ горы куклы и преобразилась въ отвѣсную скалу (Алисо) желтобагроваго цвѣта; на ней показалось уродливое лицо съ длинными бровями, циклопскимъ глазомъ, урѣзаннымъ носомъ и двумя клыками. Гора Кукла удержала видъ куцы, но на сторонахъ ея оказались разныя куклы исполинскихъ размѣровъ, въ видѣ огромнѣйшаго мужчины, совы, женщины, одѣтой въ мантилью и съ высокимъ головнымъ уборомъ и т. п. Всѣ куклы изображены очеръ правильно, какъ будто изваяны рѣзцомъ Праксителя. Близъ горы Куклы лежитъ громадный двусоставный камень, похожій на просфору, на которомъ и помѣщается одинъ изъ метеорскихъ монастырей—св. Стефана, куда прежде всего и прибыли наши паломники...

Съ седьмой главы разсматриваемой книги и до шестнадцатой и идетъ рѣчь о Метеорскихъ монастыряхъ, которые посѣтилъ преосвященный Порфирій, начиная съ монастыря св. Стефана. Въ этотъ монастырь нашъ паломникъ прибылъ 10-го апрѣля, въ великій пятокъ. Онъ скоро расположилъ къ себѣ игумена Константія и получилъ отъ него нѣкоторые документы касательно обители, такъ что нашелъ возможнымъ описать и прошлую судьбу монастыря, и настоящее его состояніе (главы *седьмая* и *восьмая*, стр. 106—133). Метеорскій утесъ, занятый

теперь монастыремъ св. Стефана, не былъ обитаемъ до половины XIV вѣка. Первымъ его обитателемъ былъ инокъ Антоній Кантакузинъ, водворившійся здѣсь между 1358 и 1367 годами. Этотъ Антоній былъ внукъ деспота Іоанна, управлявшаго Этолійскою областью въ Эпирѣ въ царствованіе византійскаго императора Андроника Старшаго (1282—1328), и племянникъ сербскаго царя Симеона Уроша Палеолога (1365—1371), женатаго на его теткѣ Ѳомаидѣ. Неизвѣстно, по какой причинѣ Антоній Кантакузинъ сдѣлался монахомъ, но несомнѣнно, что именно онъ былъ ктиторомъ монастыря во имя св. архидіакона и первомученика Стефана, въ честь коего онъ и построилъ на утесѣ храмъ, вѣроятно, не безъ помощи Симеона и Ѳомаиды. Ближайшими преемниками Антонія по управленію Стефановскимъ монастыремъ были — Митрофанъ (1444—1455 г.), при которомъ былъ украшенъ живописью монастырскій храмъ и получены въ даръ отъ угровлахійскаго воеводы Іоанна Владислава св. мощи, и Георгій (1503—1545 г.). Вторымъ ктиторомъ монастыря и игуменомъ его былъ Филовей, который, при помощи іеромонаха Герасима и прочихъ братій, обновилъ и украсилъ храмъ св. Стефана, снабдилъ его церковными сосудами, ризами и книгами, построилъ новыя кельи для братіи, устроилъ монастырское подворье въ Салатенскомъ околоткѣ и пожертвовалъ въ его пользу виноградники и земли. Снабдивъ обитель всѣмъ необходимымъ и учредивъ въ ней общежитіе по началамъ киновіи, Филовей съ братіей письменно просилъ вселенскаго патріарха Іеремию признать ее ставропигіальною и независимою отъ мѣстнаго стагонскаго епископа и отъ другихъ Метеорскихъ монастырей. Патріаршая грамота касательно этого была дана въ февралѣ мѣсяцѣ 1545 года. Права Стефановскаго монастыря были и вторично подтверждены въ 1605 году сигилліемъ патріарха Рафаила на имя игумена Іоасафа. Въ первой половинѣ XVII вѣка монастырь св. Стефана, вмѣстѣ со всѣми Метеорскими обителями, крайне обдѣлалъ и впалъ въ тяжкіе долги, а монахи его подверглись истязаніямъ и пыткамъ отъ турокъ. Въ такомъ тяжеломъ состояніи монастырь обращался за матеріальною помощію къ молдавскому господарю Іоанну Василю воеводѣ. Изъ послѣдующей исторіи монастыря не сохранилось извѣстій о крупныхъ событіяхъ его внутренней жизни. Во время пребыванія здѣсь епископа Порфирія монастырское братство состояло лишь изъ пяти человекъ, при монастырѣ была школа для пяти малолѣтнихъ сиротъ изъ города Стагона; обитель владѣла виноградниками, пашнею, скотомъ и Бутойскимъ имѣніемъ въ Валахія. Въ монастырскомъ храмѣ не оказалось

какихъ либо древностей. Въ библиотекѣ нашлось не болѣе 60-ти рукописей, въ числѣ коихъ оказался написанный Антоніемъ Кантакюзиномъ въ 1404 году кодексъ съ литургіями Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ. Близъ Стефановскаго монастыря, на отдѣльномъ утесѣ, находится Святотроицкій монастырь, исторія котораго разказывается въ *девятой* главѣ (стр. 133—139). Монастырь получилъ начало около 1364 года и сначала именовался кельею, какъ и прочіе Метеорскіе монастыри, а около 1520—1525 года былъ превращенъ въ обитель. Въ XVI вѣкѣ монастырь сгорѣлъ дотла, но вскорѣ былъ возстановленъ инокомъ Анеимомъ съ братією, которыми была изсѣчена въ утесѣ и церковь Іоанна Предтечи. Въ XVII вѣкѣ монастырь получалъ милостыни изъ Москвы и Молдавіи. Монастырь всегда зависѣлъ отъ стагонскаго епископа. Во время путешествія Порфирія въ немъ было лишь два монаха. Главнымъ Метеорскимъ монастыремъ почитается монастырь Преображенскій, находящійся на совершенно отвѣсномъ Метеорскомъ утесѣ, куда поднимаются на канатѣ въ сѣткѣ при помощи вѣрота. Съ большимъ страхомъ нашъ паломникъ поднялся въ эту обитель, былъ встрѣченъ здѣсь радушно и получилъ въ свое распоряженіе старинныя дѣписанія монастыря, на основаніи которыхъ составилъ слѣдующую его исторію (глава *десятая*, стр. 139—183). Первымъ обитателемъ утеса Метеоро былъ аеонскій инокъ Аѳанасій. Онъ удалился съ Аѳона въ царствованіе императора Андроника Старшаго, когда морскіе разбойники, каталонцы, часто нападали на св. Гору и грабили тамошніе монастыри и скиты. Аѳанасій, ушедшій съ Аѳона вмѣстѣ со своимъ учителемъ Григоріемъ, сперва подвизался въ Веррійскомъ скитѣ, близъ македонскаго города Веррии, потомъ въ скитѣ Стагонскомъ и, наконецъ, около 1334 года взошелъ на утесъ Метеоро, предварительно испросивъ благословеніе у стагонскаго епископа и скитскаго прота. Здѣсь онъ построилъ церковь во имя Богоматери, а потомъ и келіи, когда къ нему стали стекаться ученики. Со временемъ монастырь приобрѣлъ виноградники и пашни, которыя были утверждены за нимъ и духовною, и свѣтскою властью. Аѳанасій скончался въ 1383 году. Его преемникомъ по управленію Метеорскимъ монастыремъ былъ Іоасафъ. Онъ былъ сынъ этолійскаго деспота Симеона Уроша Палеолога и его супруги Ѳомаиды, назывался Іоанномъ и родился въ 1340 году. Въ дѣтствѣ князь Іоаннъ ушелъ въ Ватопедскій монастырь на Аѳонѣ и тутъ постригся въ монахи. Около 1380 года онъ ушелъ съ Аѳона въ Стагонскій скитъ и поселился на Метеорскомъ утесѣ. При пособіи

своей сестры Ангелины Іоасафъ увеличилъ метеорскій храмъ Богоматери и келіи для братіи, снабдилъ его утварью и приобрѣлъ по сосѣдству Пантократорскій метохъ. Третьимъ „отцемъ“ Метеора былъ Макарій (1388 — 1401 г.), выигравшій въ пользу монастыря тяжёлое дѣло о келіи во имя Пресвятой Богородицы, а послѣднимъ— Іоасафъ II (1500—1517 г.), который, по благословенію ларисскаго митрополита Діонисія, первый изъ метеорскихъ „отцевъ“ былъ почтенъ саномъ игумена, а его Преображенскій монастырь получилъ первенство среди всѣхъ Метеорскихъ монастырей и власть протата. Въ послѣдующее время Метеоропреображенскій монастырь постепенно развивался и богатѣлъ, подъ управленіемъ своихъ игуменовъ-протовъ. Такъ, при игуменѣ Неофитѣ онъ впервые былъ признанъ свободнымъ и независимымъ отъ стагонскаго епископа, по силѣ грамоты вселевскаго патріарха Іеремія I отъ 1540 года, и упрочилъ за собою права на владѣніе стагонскимъ скитомъ и окрестными келіями: Микани, Каллисту, Бунилу и святыхъ Θεодоровъ, укрѣпленными за нимъ стагонскими епископами. При игуменѣ Симеонѣ, въ 1545 году, метеорцы, въ виду увеличенія братіи монастыря, своимъ иждивеніемъ и трудомъ построили соборный храмъ во имя Преображенія Господня и украсили его живописью. Къ XVII вѣкѣ монастырь сильно обѣднѣлъ и въ это время пользовался вспомошествованіемъ изъ Россіи, но затѣмъ нѣсколько оправился отъ постигшихъ его бѣдствій. Во время пребыванія въ монастырѣ епископа Порфирія его братство состояло лишь изъ четырехъ человѣкъ. Монастырь имѣеть метохъ въ Валахіи, но большая часть его доходовъ идетъ въ уплату долговъ. Соборный храмъ монастыря вообще имѣеть хорошую стѣнную живопись, часть коей (въ алтарѣ) была произведена въ 1484 году, а другая—позднѣе, но гораздо лучше. Въ храмѣ почиваютъ св. мощи многихъ (14) угодниковъ Божіихъ. Въ монастырской библіотекѣ нашлось до 600 рукописей, писанныхъ на пергаментѣ и бумагѣ, отъ X-го и до XVI-го столѣтій, представляющихъ большею частью списки книгъ священнаго писанія и святоотеческихъ твореній. Изъ нихъ самыми замѣчательными оказались: 1) Ветхій Завѣтъ XIV вѣка съ разночтеніями 70-ти толковниковъ, Акилы, Симмаха и Θεодотіона, то-есть, перенесанный съ ученаго изданія Библии, исправленной св. Лукіаномъ, и содержащій, между прочимъ, краткія сказанія о пророкахъ (стр. 516—519); 2) Дѣянія и Посланія св. апостоловъ съ миниатюрами отъ 1118 года, 3) творенія монаха Кассіана отъ X-го вѣка и 4) твореніе греческаго цара Льва Мудраго — подъ заглавіемъ: *Ἡ ἀνεστῆθη ψυχῶν*

ὁτοτόπος, то-есть, „Врачеваніе душ“, представляющее сборникъ аскетическихъ изреченій съ толкованіями друга царя, монаха Евеміа. Въ слѣдующей, *одинадцатой*, главѣ (стр. 183—191) излагается исторія запусѣвшихъ монастырей—Димитріевскаго, основаннаго Каллиникомъ въ 1358 году, и Срѣтенскаго (Ἰταπαιτή), возникшаго между 1358 и 1363 годами, а въ *двенадцатой* главѣ (стр. 191—211) рѣчь идетъ о Всесвятскомъ монастырѣ на столпѣ Варлаама. Этотъ монастырь помѣщается на базальтовомъ столпѣ, вышиною въ 24 сажени. Первымъ обитателемъ этого утеса былъ столпникъ Варлаамъ, жившій въ XIV вѣкѣ и прибывшій сюда съ Аеона. Онъ построилъ на столпѣ маленькую церковь во имя Трехъ Святителей съ кельями для пяти братій, но эти постройки, послѣ его смерти, были разрушены до основанія, и столпъ оставался не обитаемымъ до 1518 года, однако и до сего времени удержалъ имя Варлаама. Въ 1518 году на столпъ взошли два родные брата, Теофанъ и Нектарій, и построили тутъ монастырь, который существуетъ и теперь. Теофанъ и Нектарій происходили изъ знатнаго рода Аспарадовъ въ Іоаннинѣ и еще въ дѣтствѣ подвизались въ одной кельѣ на островѣ Іоаннинскаго озера вмѣстѣ со своими родителями и подъ руководствомъ монаха Саввы. Около 1505 года они удалились на Аеонъ въ монастырь преподобнаго Діонисія, а затѣмъ возвратились на прежнее мѣсто своего подвижничества, поселились въ кельѣ св. Пантелеймона, построили храмъ во имя Предтечи и основали около 1507 года свой монастырь. Въ 1508 году, вслѣдствіе притѣсненій со стороны іоаннинскаго архіерея и архонтовъ, Теофанъ и Нектарій удалились въ Метеоры и сперва жили въ обители Предтечи на одномъ изъ утесовъ, а въ 1518 году перемѣстились на столпъ Варлаама. При помощи Преображенскаго монастыря, новые пришельцы построили храмъ во имя Трехъ Святителей и кельи, а съ теченіемъ времени приобрѣли метохъ въ Копринѣ, виноградники, сады, мельницы и скотъ. Въ 1542 году въ монастырѣ было до тридцати монаховъ, для которыхъ Теофанъ начерталъ краткій церковный уставъ и завѣщаніе. Въ 1544 году монастырскій храмъ былъ перестроенъ, и вскорѣ скончался блаженный Теофанъ. Нектарій въ 1545 году испросилъ у вселенскаго патріарха Іереміа грамоту на право владѣнія всеми имѣніями и, кромѣ того, исклѣпоталъ своей обители независимость отъ стагонскаго епископа и всѣхъ метеорскихъ монастырей. Въ 1550 году Нектарій скончался, а въ 1585 году его монастырь, по ходатайству игумена Неофита, получилъ отъ патріарха Теолипта права ставроуигіи. Въ дальнѣйшее время Всесвятскій мо-

настырь то процвѣтала до извѣстной степени, то приходилъ въ упадокъ. Въ соборномъ его храмѣ, возобновленномъ въ 1790 году, чествуются св. мощи, стѣнная живопись довольно хороша, и въ ризницѣ хранятся замѣчательные предметы, напримѣръ: вериги блаженнаго Теофана, серебряное блюдо московской работы XVI вѣка, эпитрахили и плащаница, шитыя шелкомъ и золотомъ. Въ монастырской библиотекѣ рукописей оказалось очень немного; въ числѣ ихъ имѣется житіе Нектарія и Теофана. Послѣ Всесвятскаго монастыря епископъ Порфирій обозрѣлъ монастырь, Русанскій, находящійся на одномъ изъ утесовъ. Этотъ монастырь, по предположенію нашего изслѣдователя, построенъ былъ кѣмъ-то изъ жителей ессалійскаго села Русаны, а потомъ увеличенъ въ срединѣ XVI вѣка иноками Максимомъ и Іоасафомъ. Построенный ими храмъ въ честь Преображенія Господня былъ расписанъ въ 1561 году. Въ 1614 году Русанскій монастырь сильно запустѣлъ, и по этой причинѣ его братство добровольно передало обитель въ распоряженіе Всесвятскаго монастыря. Въ монастырской церкви чествуются св. мощи, а стѣнная ея живопись не представляетъ особенностей. Въ монастырѣ подвизаются три монаха (глава *тринадцатия*, стр. 211—219). Наконецъ, изъ Метеорскихъ монастырей нашъ паломникъ осмотрѣлъ такъ называемый темничный монастырь—Филаки, нѣкогда служившій мѣстомъ заключенія монаховъ, нарушавшихъ правила монастырской жизни, а теперь находящійся въ запустѣніи,—монастырь св. Николая Анапавсійскаго, возникшій въ XIV вѣкѣ, и полуразрушенныя обители — Агіа-Мони, Ипсилотера и св. Предтечи, краткія историческія свѣдѣнія о которыхъ онъ и сообщаетъ въ *четырнадцатой* главѣ (стр. 219—229). 2-го мая преосвященный Порфирій отправился въ сосѣдній городъ Стагонъ для обозрѣнія тамошнихъ древностей, о чемъ разсматривается въ главѣ *пятнадцатой* (стр. 229—239). Здѣсь онъ осмотрѣлъ прежде всего кафедральный соборъ въ честь Успенія Богоматери, построенный, вѣроятно, византійскимъ императоромъ Мануиломъ Комниномъ (1143—1180 г.); особенностью собора является высокій мраморный амвонъ, сооруженный на самой его срединѣ для чтенія св. писанія и для проповѣди; въ притворѣ собора, на сѣверной его стѣнѣ, изображены два хрисовула, данные стагонскому епископу императоромъ Андроникомъ Палеологомъ въ 1332 году и вселенскимъ патриархомъ Антоніемъ въ 1393 году касательно его владѣній, а въ южную стѣну собора, снаружи, вставлены двѣ древнія греческія надписи и мраморныя изваянія змѣя и женщины. Въ стѣнѣ другой церкви, Предтеченской, преосвященный

Порфирій видѣлъ мраморный барельефъ, изображающій охоту. Близъ Стагона, на Дупіанійскомъ утесѣ нашъ паломникъ осмотрѣлъ запустѣвшій Павтократорскій монастырь, основанный монахомъ Неофитомъ около 1350 года и пользовавшійся до половины XVI вѣка значеніемъ и властью протата. Въ XVII вѣкѣ монастырь уже опустѣлъ. Въ развалинахъ лежатъ близъ села Кастраки и монастыри: Каллиста, св. Духа и другіе. Въ *послѣдней* (XVI) главѣ первой части (стр. 240—257) излагается историческое сказаніе о Стагонскомъ скитѣ и вообще о метеорскомъ монашествѣ. Стагонскій монашескій скитъ получилъ начало въ XI вѣкѣ и первоначально зависѣлъ отъ стагонскаго епископа. Главнымъ и общимъ для скитниковъ храмомъ была церковь во имя Богоматери, находившаяся близъ Дупіанійскаго утеса. При немъ жилъ протъ, который, подобно проту аеонскому, завѣдывалъ всѣми окрестными кельями скитниковъ, а самъ подчинялся стагонскому епископу, въ силу хрисовуловъ императоровъ: Никифора Вотаниата (1078—1081), Алексѣя I Комнина (1081—1118) и Мануила Комнина (1143—1180). Власть стагонскаго епископа въ отношеніи къ протату была подтверждена и хрисовуломъ Андроника младшаго на имя прота Макарія, владѣвшаго кельею съ церковью Богоматери (εις τὸ πηγάδιον), которую онъ потомъ передалъ метеорскому иноку Аванасію. Преемникъ Макарія Нилъ усилилъ власть стагонскаго прота путемъ приобрѣтенія новыхъ келлій и пещеръ, утвержденнаго въ 1358 году хрисовуломъ царя Симеона Уроша Палеолога, и построилъ въ пещерахъ четыре храма для защиты скитниковъ отъ нападенія разбойниковъ. Въ концѣ XIV вѣка протъ Стагонскаго скита сталъ жить въ монастырѣ Павтократорскомъ, а Дупіанійскій монастырь былъ признанъ метохомъ Стагонской епископіи. Послѣднимъ протомъ былъ Акакій, подъ властью котораго было сосредоточено до четырнадцати обителей. Власть прота была уничтожена ларисскимъ митрополитомъ Діонисіемъ въ началѣ XVI вѣка и замѣнена властью игумена монастыря Метеоропреображенскаго. Съ этого времени начался упадокъ Стагонскаго скита. Что касается общаго сужденія о метеорскомъ монашествѣ, составленнаго преосв. Порфиріемъ на основаніи изученныхъ имъ подлинныхъ документовъ, то оно излагается въ заключеніи первой части его книги въ слѣдующемъ видѣ: въ Фессаліи, близъ Трикки и Стагона, монашество возникло въ началѣ XI вѣка. Монахи жили въ пещерахъ и кельяхъ и составляли Стагонскій скитъ съ дупіанійскимъ храмомъ Успенія Богоматери въ центрѣ и съ властью прота во главѣ. Въ XIV вѣкѣ на утесахъ метеорскихъ появились столп-

ники. Въ 1334 году на столпѣ Метеоро поселился святогорець Аванасій, въ 1358 году Антоній Кантакузинъ основалъ монастырь Стефановскій, вскорѣ (1358 — 1363 г.) возникли и монастыри Срѣтенскій и Дмитріевскій. Между 1358 и 1367 годами противъ Нилъ, охраняя келліотовъ и скитниковъ отъ разбойниковъ, построилъ на утесахъ монастыри Георгіевскій, Святодуховскій, св. Модеста и Алисо. Въ XIV вѣкѣ основаны и обители св. Григорія, св. Антонія и св. Николая въ долинѣ между Пиксари и Амбарія Бадова, а также обители Пантократорская и Ипсилотерская. Въ XV вѣкѣ возникли монастыри Русанскій и Николо-Анапавскій, а въ первой половинѣ XVI вѣка основанъ монастырь Всесвятскій на столпѣ Варлаама. Между 1526 и 1566 годами, по смерти прота Акакія, Метеорскія обители испытали много бѣдъ отъ лжебратіи Метеоропреображенскаго монастыря, получившаго среди нихъ первенство. Однако, изъ числа ихъ сохранились четырнадцать. Въ XVII столѣтіи существовало двѣнадцать большихъ монастырей, игумены коихъ обращались за помощію къ молдавскому господарю Василию, а въ 1859 году ихъ было лишь семь, да и тѣ „полумертвые“, по выраженію епископа Порфирія, а именно: Стефановскій, Святотроицкій, Метеоропреображенскій, Варлаамовсесвятскій, Русанскій, Николоанавскій и Агіамонійскій. Таковы были результаты ученыхъ изысканій нашего путешественника касательно метеорскихъ монастырей.

Вторая часть книги епископа Порфирія (стр. 261—348) занята описаніемъ его путешествія въ Дмитріевскій монастырь на горѣ Осетъ и въ монастыри Олимпа въ Фессалии. Путь въ Дмитріевскій монастырь совершенъ нашимъ паломникомъ изъ Лариссы черезъ Темпейскую долину, отличающуюся особою красотою и разнообразіемъ видовъ. 10-го мая преосв. Порфирій уже былъ въ Дмитріевскомъ монастырѣ, прозываемомъ Икономіонъ, или Кономне, и занялся изученіемъ его исторіи. По его сообщенію, на мѣстѣ Дмитріевскаго монастыря съ шестаго вѣка и по девятому существовало военное экономическое укрѣпленіе (Икономіонъ), построенное, быть можетъ, византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна вплоть до конца XV вѣка. Въ 1492 году петрійскій епископъ Акакій „возобновилъ укрѣпленіе Богоматери и ворота его ради спасенія души своей“ и, вѣроятно, основалъ здѣсь монастырь. Съ конца XV вѣка сохранились отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ и идутъ вплоть до нашего времени, но уже съ конца XVI столѣтія оный сталъ именоваться Дмитріевскимъ. Такъ, въ 1583 году все-

ленскій патріархъ Іеремія далъ честному *монастырю св. великомученика Дмитрія, называемому Икономіонъ*, свободу и независимость отъ мѣстнаго архіерея съ условіемъ держаться общежитія. Переимѣна названія, по мнѣнію нашего путешественника, произошла отъ того, что во второй половинѣ XVI вѣка монастырь Икономіонъ опустѣлъ. а потомъ былъ возстановленъ монахами изъ какой либо Дмитріевской обители. Въ 1792 году монастырь опять былъ реставрированъ. Во время пребыванія здѣсь епископа Порфирія монастырь, по его словамъ, находился „при послѣднемъ издыханіи“. Зданіе его полуразвалилось, храмъ растрескался отъ землетрясенія, въ монастырѣ жилъ одинъ только монахъ. Въ Дмитріевскій монастырь русскаго путешественника влекло главнымъ образомъ желаніе видѣть рукописное евангеліе, принадлежавшее будто бы ларисскому епископу св. Ахиллію, который въ 325 году присутствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, и находящееся будто бы въ библіотекѣ монастыря. Но желаніе это не оправдалось: драгоценной рукописи въ монастырѣ не оказалось. Въмѣсто того, нашлось четвероевангеліе на пергаментѣ отъ XI вѣка съ росписью недѣльныхъ и ежедневныхъ евангельскихъ чтеній. съ мѣсяцесловомъ и схоліями (стр. 261—278).

Изъ Дмитріевского монастыря епископъ Порфирій отправился къ горѣ Олимпу для обозрѣнія тамошнихъ монастырей. Изъ нихъ онъ прежде всего посѣтилъ монастырь св. Діонисія, основанный въ 1543 году. Его ктиторъ Діонисій родился въ Фанарійской епархіи около 1474 года, подвизался сперва въ Метеорской пустыни, а потомъ на Аѳонѣ, гдѣ состоялъ инокомъ Карейской лавры, Каракальскаго и Филоеевскаго монастырей, удалился затѣмъ въ Предтеченскую обитель близъ Верріи, въ Македоніи, и прекрасно устроилъ ее съ внѣшней и внутренней стороны. Стремясь однако къ уединенію и покою, Діонисій оставилъ Веррійскій скытъ и ушелъ на Олимпъ, гдѣ и основалъ монастырь во имя Св. Троицы, привлеکشій многочисленное братство. Діонисій написалъ для своего монастыря уставъ и скончался около 1563 года, когда его обитель была вполнѣ благоустроена. Въ 1753 году монастырь пользовался правами ставропигіи, какъ давно уже имъ пріобрѣтенными и вновь за нимъ утвержденными грамотой патріарха Кирилла V. Въ 1797 году патріархъ Григорій со своей стороны подтвердилъ грамотой ставропигіійское достоинство монастыря и изложилъ въ ней десять правилъ касательно его благосостоянія. Во время путешествія епископа Порфирія монаховъ въ монастырѣ было немного, хотя средства матеріальныя у него были достаточныя.

Изъ его метоховъ извѣстны: монастырекъ Св. Троицы у вершины Олимпа, церковь св. пророка Ілія на самой вершинѣ этой горы, метохъ Скала вблизи монастыря, метохъ св. Матроны въ селѣ Литохорѣ съ церковью св. Параскевы, метохи въ Катерини, Верріи и въ селѣ Пасакіа; кромѣ того, монастырь имѣлъ нѣсколько водяныхъ мельницъ и много скота. Библиотека монастырская погибла во время пожара 1829 года. Второй Олимпійскій монастырь—въ честь Рождества Богородицы—находится близъ села Лептокари, въ Платамонской епархіи, и прозывается Канади. По предположенію нашего паломника, осмотрѣвшаго монастырь, онъ основанъ въ XI вѣкѣ монахами Даміаномъ и Іоакимомъ, но судьба его становится нѣсколько ясною лишь съ XVII вѣка. Во время пребыванія Порфирія, монастырь съ виду былъ невзраченъ и имѣлъ немного монаховъ. Въ немъ не оказалось никакихъ достопримѣчательностей, лишь его красивыя окрестности навела просвѣщеннаго путешественника на воспоминанія изъ классической эпохи о Ливіорѣ, составлявшей часть олимпійской области Піеріи (стр. 302—305). Дальнѣйшій путь епископа Порфирія лежалъ въ монастырь Елассонскій, но по дорогѣ его привѣтствовалъ игуменъ Олимпійскаго монастыря Св. Троицы, прозываемаго Климентовымъ и незадолго предъ тѣмъ сгорѣвшаго. Съ игуменомъ этого монастыря нашъ паломникъ имѣлъ разговоръ по поводу грамоты императора Петра Великаго, данной въ 1692 году одному изъ Святотроицкихъ монастырей на Олимпѣ на право сбора подаяній въ Россіи. Дѣло въ томъ, что подлинникъ этой грамоты утраченъ; о ней имѣется упоминаніе лишь въ сигилліи патріарха Кирилла VI отъ 1814 года и при томъ какъ о документѣ спорномъ, который приписывается себѣ каждымъ изъ Святотроицкихъ монастырей на Олимпѣ—Діонисіевымъ и Климентовымъ. Спорное дѣло можетъ быть рѣшено лишь послѣ справки въ архивѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Путь нашего путника въ Елассонскій монастырь шель по классической области перевіевъ, что даетъ епископу Порфирію поводъ раскрыть свои литературно-историческія свѣдѣнія о нихъ. Монастырь находится на крутомъ холмѣ близъ города Елассона, построенъ въ царствованіе императора Андроника I (1183 — 1185 г.) и посвященъ Богоматери. Въ 1342 году онъ былъ уже патріаршимъ и ставропигіальнымъ, какъ видно изъ сигилліи патріарха Іоанна. И послѣ не разъ подтверждалось его ставропигіальное достоинство. Въ началѣ XVIII вѣка монастырь значительно обѣднѣлъ, такъ что вынужденъ былъ обратиться къ общественной благотворительности. Любопытны двѣ грамоты нѣ-

мецкаго императора Рудольфа, оказавшіяся въ архивѣ монастыря: одна изъ нихъ (отъ 1730 г.) утверждаетъ за монастыремъ всё его метохи, издавна принадлежавшіе обители, а другая (1735 г.) дана монаху Симеону Такклассу на право игуменства въ монастырѣ до конца его жизни и съ привилегіями епископа. Рудольфъ почиталъ себя потомкомъ византійскихъ императоровъ и наслѣдникомъ Византійской имперіи, почему и признавалъ за собою право распоряжаться въ чужомъ государствѣ, жалуя инвеституру греческому архимандриту; но какихъ либо матеріальныхъ пожертвованій въ пользу монастыря онъ не сдѣлалъ... Во время путешествія епископа Порфирія Елассонскій монастырь владѣлъ многими метохами, а братство его состояло изъ двадцати иноковъ. Соборный храмъ монастыря расписанъ знаменитымъ живописцемъ Панселиномъ; въ немъ чествуется чудотворный образъ Олимпійской Богоматери, коей составлена особая служба. Въ библіотекѣ оказалось нѣсколько рѣдкихъ рукописей, изъ коихъ нашимъ паломникомъ приобрѣтено одиннадцать. Обозрѣвши монастырь, епископъ Порфирій посѣтилъ и городъ Елассонъ, гдѣ отыскалъ нѣсколько древнихъ греческихъ надписей. и затѣмъ въ своемъ дневникѣ излагаетъ древнюю исторію этого города, а также города Тирнава, села Царицани и горы Олимпа. 20-го мая епископъ Порфирій выѣхалъ изъ Елассона, а 25-го былъ уже въ Θεσσαλονικῆς. Здѣсь онъ осматрѣлъ церковь Лагудіани, освященную во имя Живоноснаго Источника, и въ ней замѣчательную икону Богоматери Ходатайницы (Μεσάιτρα) отъ XIV вѣка. Эта церковь принадлежитъ Влантіонъ-Чаушскому монастырю, основанному ранѣе 980 года. Въ X вѣкѣ монастырь именовался Леонтійскимъ и принадлежалъ Иверскому монастырю на Аѳонѣ, отъ котораго онъ получилъ независимость лишь въ 1430 году, благодаря покровительству султана Мурата, приставившаго къ монастырю стражу изъ чаушей. Теперь монастырь бѣденъ и управляется епитропомъ-міряниномъ. Послѣднія страницы второй части (342—347) заняты историческими свѣдѣніями о городѣ Θεσσαλονικῆς. 3-го іюня епископъ Порфирій отправился на Аѳонъ, закончивъ свое путешествіе въ Метеорскіе и Осоолимпійскіе монастыри.

Вторая половина книги епископа Порфирія (стр. 351—556) заключаетъ въ себѣ прибавленія, приложения и дополненія различнаго содержанія. Въ „прибавленіяхъ и приложенияхъ“ содержится семнадцать нумеровъ различныхъ археологическо-историческихъ памятниковъ, легшихъ въ основу научныхъ изысканій нашего ученаго о Метеорскихъ и Осоолимпійскихъ монастыряхъ. Въ виду крупнаго на-

учнаго значенія этихъ матеріаловъ, необходимо войти въ подробное ихъ разсмотрѣніе.

Въ прибавленіи подъ *первымъ* номеромъ (стр. 351—352) помѣщены надгробныя надписи до-христіанской эпохи, найденныя русскимъ паломникомъ на мраморныхъ плитахъ, вставленныхъ въ стѣны церкви св. Николая въ Новой Дмитriadѣ близъ Воло. Всѣхъ надписей оказалось двѣнадцать: семь въ южной стѣнѣ снаружи, три въ восточной стѣнѣ и двѣ въ сѣверной. Надписи содержатъ только одни имена и отчества умершихъ лицъ и названія ихъ родинъ. Эти надписи однажды уже были изданы, именно въ книгѣ французскихъ археологовъ *Heusey et Daumet—Mission archéologique de Macédoine*, р. 422—423 (Paris, 1876), гдѣ онѣ читаются нѣсколько иначе, чѣмъ въ книгѣ епископа Порфірія; разночтенія отмѣчены г. редакторомъ рассматриваемаго изданія.

Подъ *вторымъ* номеромъ „Путешествія“ (стр. 353—355) находятся три надписи, открытыя нашимъ паломникомъ въ городѣ Лариссѣ. Первая изъ нихъ еще ни разу не была издана и содержитъ поэтическую надгробную надпись отъ IV вѣка христіанской эры, трогательно говорящую о правой вѣрѣ, любви и жизни непорочной. Вторая надпись найдена въ наружной стѣнѣ алтаря каедральной церкви во имя св. Ахиллія. Она уже неоднократно издавалась, какъ сообщаетъ въ примѣчаніи къ ней академикъ В. В. Латышевъ, и гласить, что, по изволенію благой судьбы, при квесторѣ Лариссы, Лититіѣ Онисимѣ, въ казначейство этого города за второе полугодіе внесли статыры граждане: Мафрій, Телесфоръ и пр. И третья надпись, найденная въ оградѣ ларисской митрополи, внутри двора ея, также издана нѣсколько разъ, какъ сообщается въ примѣчаніи. Нашъ издатель неправильно прочиталъ эту надпись и невѣрно передаетъ, будто она содержитъ имена тѣхъ гражданъ Лариссы, которые содѣйствовали постройкѣ клуба Лесхи въ царствованіе римскаго императора Траяна Адриана, при квесторѣ Пнеогорѣ (стр. 67). Въ надписи этого нѣтъ, а сообщается лишь, что въ означенное время въ казначейство города внесли статыры за второе полугодіе такіе-то граждане,— и далѣе слѣдуютъ имена гражданъ, внесшихъ въ казначейство деньги въ мѣсяцы: *Λεσυχάριος*, *Ἄφριος* и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Duchesne et Bayet*, Mémoire sur une mission au mont Athos, р. 122—123. Paris. 1876. В. В. *Латышевъ*, О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ жалендарахъ, стр. 79 и д. С.-Пб. 1883.

Подъ *третьимъ* номеромъ (стр. 355—356) перечисляются надписи, открытыя епископомъ Порфиріемъ въ кафедральномъ соборѣ Стагонѣ. Всѣхъ ихъ указывается шестнадцать, но большая часть изъ нихъ—позднѣйшаго происхожденія (отъ XVI вѣка и до XIX) и представляетъ надписи на иконахъ и церковныхъ зданіяхъ, не имѣющія особаго историческаго значенія. Указываются здѣсь и два мраморныя изваянія, а также двѣ древнія записи, открытыя въ кафедральномъ соборѣ Стагона и въ Предтеченской церкви (см. выше). Въ томъ же соборѣ епископъ Порфирій, какъ извѣстно, нашелъ два хрисовула касательно париковъ и метоховъ Стагонской епископіи, одинъ изъ коихъ данъ императоромъ Андроникомъ Палеологомъ въ 1332 году, а второй—вселенскимъ патріархомъ Антоніемъ въ 1393 г. Хрисовулъ Андроника Палеолога помѣщенъ ниже подъ № 6, а сигиллій патріарха въ подлинникѣ не изданъ, а лишь кратко излагается въ первой части „Путешествія“ (стр. 230, 233). Было бы лучше ознакомиться съ этимъ памятникомъ въ оригинальномъ текстѣ.

Четвертый и *пятый* номера (стр. 356—405) составляютъ выписки, сдѣланныя епископомъ Порфиріемъ изъ кодекса лариссо-триккской митрополіи, написаннаго въ 1688 году лариссо-триккскимъ митрополитомъ Пареніемъ, а также и другія замѣтки, извлеченныя нашимъ паломникомъ изъ разныхъ рукописей, книгъ и дѣписаній. Кодексъ былъ полученъ преосвященнымъ Порфиріемъ отъ триккскаго епископа Анеяма и оказался весьма цѣннымъ источникомъ, обильнымъ свѣдѣніями о церковно-общественной жизни Фессаліи. Нашъ ученый представилъ его въ своемъ сочиненіи большею частью въ русскомъ переводѣ и лишь наиболѣе важныя свидѣтельства привелъ въ греческомъ подлинникѣ. „Выписки“ изъ кодекса раздѣляются на шестнадцать главъ. Въ главѣ первой (стр. 356—361) рѣчь идетъ о епископахъ города Гардики, перемѣщенныхъ потомъ въ селеніе Зарко. Здѣсь прежде всего помѣщена копія съ греческаго документа отъ 1542 года касательно самостоятельности гардикійской епископіи, найденная въ скевофилакіи монастыря Дусико. Послѣ завоеванія Лариссы турками въ 1490 году, разказывается въ этомъ документѣ, ларисскіе митрополиты находились въ весьма затруднительномъ положеніи. Дабы выйдти изъ него, ларисскій митрополитъ Θεодосій, съ разрѣшенія вселенскихъ патріарховъ и въ частности Θεоплпта (1514—1520), лишилъ самостоятельности епископіи триккскую, гардикійскую и перистерійскую и присоединилъ ихъ къ своей митрополіи; гардикійскій епископъ Крибавъ былъ переведенъ въ городъ Фанари. Но

недолго гардикійская епископія составляла часть ларисской митрополіи и платила обычные взносы въ пользу ларисскаго митрополита: въ ней произошли смуты и беспорядки, заставившіе митрополита Неофита обратиться за помощью къ вселенскому патриарху Іереміи I (1520—1545 г., съ перерывами). Послѣдній нашелъ необходимымъ возвратить самостоятельность гардикійской епископіи. Къ 1542 году ларисскій митрополитъ Неофитъ созвалъ соборъ изъ 14 архіереевъ, который и возстановилъ гардикійскую епископію въ прежнихъ ея правахъ и точно опредѣлилъ ея границы. Тогда епископомъ Гардики былъ Неофитъ; при немъ епархія состояла изъ 16 селеній. Его преемникъ Митрофанъ (около 1621 г.), вѣроятно, первый перемѣстился изъ разоренной турками Гардики въ село Зарко. Далѣе слѣдуетъ рядъ епископовъ до Анеима (съ 1839 г.), съ краткими свѣдѣніями о нихъ, заимствованными изъ разныхъ источниковъ. Во второй главѣ „выписокъ“ изъ лариссо-триккскаго кодекса (стр. 361—362) перечисляются, съ краткими историческими замѣтками, епископы Димитриады, начиная съ Виссаріона, который въ 1490 году былъ перемѣщенъ въ Лариссу, и оканчивая Дороеемъ (съ 1859 г.); особо важныхъ свѣдѣній тутъ не сообщается. Въ третьей главѣ (стр. 362—363) перечисляются немногіе епископы литцо-аграфійскіе, а въ четвертой (стр. 363—368)—епископы стагонскіе, начиная съ XIII вѣка; свѣдѣнія, сообщаемыя о нѣкоторыхъ изъ нихъ, не лишены значенія и для общей исторіи стагонской епископіи (стр. 363—364). Въ главѣ пятой (стр. 369) рѣчь идетъ о епископахъ лидорикійскихъ, въ шестой (стр. 369—371) — оамвійскихъ, въ седьмой (стр. 371) — зитунійскихъ, въ восьмой (стр. 372—373) — радовиздійскихъ, въ девятой (стр. 373) — объ епископахъ острова Скіава и въ десятой (стр. 373—374) — фанарійскихъ. Въ одиннадцатой главѣ (стр. 374—382) сообщаются свѣдѣнія о триккскихъ епископахъ. Первымъ изъ нихъ указывается „блестящій романистъ IV вѣка“ Иліодоръ, извѣстный своимъ романомъ „Еюіопская исторія“, а послѣ него—св. Икуменій († около 945 г.), отъ котораго сохранился сборникъ толкованій его и древнихъ писателей на всѣ посланія апостола Павла, сборныя посланія, дѣянія св. апостоловъ и апокалипсисъ. Экзегетическими трудами на нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги извѣстенъ и триккскій епископъ Олимпіодоръ. Въ 1539 году триккская епархія была присоединена къ ларисской митрополіи, снова же получила самостоятельность лишь въ 1739 году, при патриархѣ Неофитѣ, какъ это видно изъ патриаршаго сѣгиллія и грамоты епископа Константія,

въ подлинникѣ находящихся въ приложеніи (стр. 375—380). Въ патріаршемъ сигилліи заявляется, что выдѣленіе триккской епископіи въ самостоятельную епархію вызвано административными затрудненіями для ларисскаго митрополита и прямою пользою для триккской паствы, нѣкогда имѣвшей своего епископа... Въ концѣ главы и перечисляются епископы триккскіе послѣ 1739 года и до половины текущаго столѣтія. Въ главѣ двѣнадцатой (стр. 382—393) рѣчь идетъ о митрополитахъ ларисскихъ, начиная съ Антонія, который въ приказѣ сербскаго царя Стефана отъ 1358 года названъ καθολικός κρητής τῶν Ῥωμαίων. Въ 1490 году при митрополитѣ Виссаріонѣ Ларисса была завоевана турками, а въ 1539 году митрополичья кафедра была перенесена Неофитомъ изъ Лариссы въ Трикку, откуда снова была перенесена въ Лариссу въ 1739 году при митрополитѣ Іаковѣ. Послѣднимъ ларисскимъ митрополитомъ въ списокѣ указывается Стефанъ (съ 1853 г.). Глава тринадцатая (стр. 393—401) сообщаетъ о церковномъ управленіи въ Фессалии, именно: о епископскихъ соборахъ областныхъ и частныхъ, о церковныхъ сановникахъ духовнаго и мірскаго званія и о производствѣ административныхъ дѣлъ. Для иллюстраціи представлены слѣдующіе греческіе документы: грамота триккскаго епископа Константія отъ 1744 года касательно избранія церковныхъ сановниковъ, его же завѣщаніе отъ 1765 года, грамота ларисскаго митрополита Іакова отъ 1735 года о товариществѣ мыловарницъ и распоряженіе епископа Константія отъ 1742 года о содержаніи училища въ городѣ Триккѣ. Въ главѣ четырнадцатой (стр. 401—402) сообщаются данныя о состояніи греческихъ школъ въ Фессалии въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, въ главѣ пятнадцатой (стр. 402—404) рѣчь идетъ о доходахъ и расходахъ приходскихъ церквей въ Триккѣ, а въ шестнадцатой и послѣдней (стр. 405)—о вкладахъ и сборахъ въ приходскихъ церквахъ Трикки на призрѣніе больныхъ, бѣдныхъ, нищихъ и странниковъ.

Закончивъ свои „выписки“ изъ лариссо-триккскаго кодекса, епископъ Порфирій восклицаетъ: „Благодареніе Богу! Кодексъ разсмотрѣнъ. Выписки изъ него сдѣланы... Драгоценное стяжаніе!“ (стр. 405). Дѣйствительно, свѣдѣнія, заимствованныя изъ этого кодекса, разнообразны и интересны. Дополненныя данными изъ иныхъ греческихъ дѣписавій, съ которыми хорошо былъ знакомъ нашъ ученый паломникъ, эти выписки могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для исторіи церковно-общественной жизни въ Фессалии, тѣмъ болѣе, что снабжены подлинными греческими документами и въ другомъ изданіи неизвѣстны. Но въ настоящее время находящіеся здѣсь матеріалы, конечно, мо-

гутъ быть пополнены и новыми данными. Такъ, въ число зитунійскихъ епископовъ можно включить Савву, который въ 1396 году былъ лишенъ сана и удаленъ на Аеонъ за свою недостойную жизнь ¹⁾. Къ исторіи ларисской митрополиі относится грамота константинопольскаго патріарха Іоанна XIII отъ 1318 года, которою повелѣвалось ларисскому митрополиту, по случаю бѣдствій отъ войны, временно перенести кафедрѣ въ епископію τῆς Χαρμαίνης ²⁾. Въ томъ же году константинопольскій священный синодъ особою грамотою возстановилъ права патріаршаго монастыря τῶν Μαρμαριαντῶν, находившагося въ ларисской митрополиі ³⁾. Въ 1371 году патріархъ Филоеѣ далъ ларисскому митрополиту грамоту въ удостовѣреніе его права надъ 16 подчиненными ему епископіями ⁴⁾. Наконецъ, ларисскій митрополитъ Іоасафъ (?) въ 1396 году былъ призванъ патріархомъ Антоніемъ IV на судъ за избраніе и посвященіе недостойнаго зитунійскаго епископа Саввы ⁵⁾.

На слѣдующемъ мѣстѣ (6а) въ прибавленіяхъ находится греческій хрисовулъ императора Андроника Младшаго, данный въ 1332 году стагонской епископіи (стр. 405—408). Въ этомъ документѣ сообщается, что епископы и клирики стагонской епархіи представили императору хрисовулы Никифора Вотаніата и Алексѣя Комнина на право владѣнія париками съ землей и метохомъ въ мѣстечкѣ Κουβέλτσιον, мельницами близъ Палеокастро, тремя монастырями во имя Пресвятой Богородицы—Δουλιάνη, въ мѣстности Λαμπόχορον и въ Аспропотамѣ и другими метохами,—кромѣ того, съ точностью указали границы стагонской епархіи, на основаніи письменнаго свидѣтельства, и просили Андроника выдать имъ хрисовулъ на всѣ эти владѣнія. Императоръ исполнилъ эту просьбу. Означенный документъ уже неоднократно издавался. Впервые онъ былъ опубликованъ Ставраки Аристархомъ въ 1867 году ⁶⁾, затѣмъ А. И. Панадопуло-Керамевсомъ ⁷⁾, французскимъ археологомъ Heuzey ⁸⁾, Миклошачемъ и Мюллеромъ ⁹⁾ и Н. Гианно-

¹⁾ Miklosich et Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi, t. II, p. 270—271.

²⁾ Ibidem, t. I, p. 79—80.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem, p. 587—589.

⁵⁾ Ibidem, t. II, p. 270—271.

⁶⁾ Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σύλλογος, III, σ. 32—34.

⁷⁾ Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐν Σμύρνῃ βιβλιοθήκης τῆς Εὐαγγελικῆς σχολῆς. Σμύρνη, 1877, с. 66—68.

⁸⁾ Mission archéologique de Macédoine, p. 453—454.

⁹⁾ Acta et diplomata graeca, t. V, p. 270—273.

пуломъ ¹⁾). Лучшимъ изданіемъ слѣдуетъ признать то, которое находимъ у Миклошича и Мюллера, воспользовавшихся изданіемъ Heuzeu, значительно ими исправленнымъ. Сопоставляя Порфириевскій текстъ съ этимъ изданіемъ, мы находимъ, что онъ довольно правиленъ и лишь въ немногихъ случаяхъ требуетъ исправленія. Такъ:

Πορφύριῳ, στρ. 406, 3—6:

ὡσαύτως ἐνεφάνησαν τῇ ἐμῇ βασιλείᾳ ὁ αὐτὸς ἀρχιερεὺς μετὰ τῶν ἐκεῖσε κληρικῶν προσταγματικὸν βασιλικὸν καὶ αὐθεντικὸν ἡμῶν διάφορον ἐπικυρωτικόν, ὃ τις φαίη εἶναι τῶν ἀναγεγραμμένων ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων...

Πορφύριῳ, στρ. 406, снизу:

Περιεῖλε δὲ τὸ τοιοῦτο πρακτικὸν διοικεῖσθαι τὴν ἐπισκοπὴν εἰς τὸ Παλαιόκαστρον, διακρατοῦσαν αὐτὸ καὶ... λοετρὸν..., ἔτι δὲ καὶ... τὸ ἐμπόριον, ἐν ᾧ ἐδήλον τὸ αὐτὸ πρακτικόν, ὡς εἶχεν ἡ αὐτὴ ἀγιωτάτη ἐπισκοπὴ, ...ἐνοίκους ἐνουποστάτους... καὶ μυλῶνας ὀλοκαιρίους δύο· ἔτι δὲ εὗρομεν ἐν τῷ αὐτῷ πρακτικῷ καὶ τὰ ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ αὐτῆς μονῶδρια εἰς μετόχια ὄντα τῆς αὐτῆς ἀγιωτάτης ἐπισκοπῆς, ἥ τε μονὴ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου ἢ Δουπιανῆ καὶ ἡ μονὴ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου εἰς τὸ Λαμπόχοβον, καὶ ἡ μονὴ...

Miklosich et Müller, t.V, p. 270:

ὡσαύτως ἐνεφάνισεν τῇ ἐμῇ βασιλείᾳ ὁ αὐτὸς ἀρχιερεὺς μετὰ τῶν ἐκεῖσε κληρικῶν πρόσταγμα βασιλικὸν καὶ αὐθεντικὸν ἡμῶν καὶ διάφορα ἐκικυρωτικὰ (σιγίλλια) ἀποφαινόντα εἶναι (αὐτοὺς δεσπότας) τῶν ἀναγεγραμμένων ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων...

Miklosich et Müller, p. 271:

Περιεῖληφε δὲ τὸ τοιοῦτο πρακτικόν, διοικεῖσθαι τὴν ἐπισκοπὴν εἰς τὸ Παλαιόκαστρον (γῆν) διακρατοῦσαν αὐτὸ καὶ... λοετρὸν..., ἔτι δὲ καὶ τὸ ἐμπόριον, ἐν ᾧ, ὡς ἐδήλον τὸ αὐτὸ πρακτικόν, εἶχεν ἡ αὐτὴ ἀγιωτάτη ἐπισκοπὴ ... ἐνοίκους ἀνουποστάτους... καὶ μυλῶνας ὀλοκαιρινούς δύο... ἔτι δὲ εὗρομεν ἐν τῷ αὐτῷ πρακτικῷ καὶ τὰ ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ αὐτῇ μονῆδρια εἰς μετόχια ὄντα τῆς αὐτῆς ἀγιωτάτης ἐπισκοπῆς, τὴν τε μονὴν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου ἐπιλεγομένην ἢ Δουπιάνη καὶ τὴν μονὴν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου εἰς τὸ Λαμπόχοβον καὶ τὴν μονὴν...

Имѣются и другія различія Порфириевской редакціи хрисовула сравнительно съ изданіемъ Miklosich'a и Müller'a (напримѣръ: καὶ

¹⁾ Νεολόγου Ἐβδομ. Ἐπίδωρ., III, σ. 557—559.

ἐτέρων ἀναγραφῶν (П., 406, 12) вм. καὶ ἕτερα (πρακτικὰ) ἀναγραφῶν; Ἐτηρὸ ρεῦμα (П., 406, 35) вм. ξηρόρευμα; Σολικούς (П., 407, 12) вм. Σολικούς; ἔχει (П., 407, 25) вм. ἔχης; διαληφθεῖς (П., 407, 36) вм. εἰς τὴν διαληφθεῖσαν и др.), но они не умаляютъ научной цѣнности этого документа, особенно если имѣть въ виду, что нашъ ученый собственно первый открылъ этотъ документъ и впервые привлекъ его къ научному изслѣдованію въ одной изъ лучшихъ его редакцій.

Слѣдующіе нумера (7 и 6) приложений (стр. 408—427) составляютъ извлечения изъ рукописной исторіи Стагонскаго скита, написанной во второй половинѣ XVI вѣка стагонскимъ епископомъ и найденной епископомъ Порфиріемъ въ библиотекѣ Всесвятской обители на утесѣ Варлаама ¹⁾). Первый изъ нихъ (стр. 408—422) озаглавляется такъ: Σύγγραμμα ἱστορικὸν ὡς ἐν συνόψει συντεθέν, δηλοῦν περὶ τῆς σκῆτης, ὅτι τε ἐστὶ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Δοουπιανοῦ καὶ Σταγῶν, καὶ πῶς τὴν σήμερον λέγεται τοῦ Μεταώρου. Въ этомъ краткомъ историческомъ описаніи, переведенномъ нашимъ ученымъ и на русскій языкъ, разказывается, какъ возникъ Стагонскій скитъ съ храмомъ Дупіанійскимъ, и какова была его судьба до половины XVI вѣка. Находящіяся здѣсь историческія свѣдѣнія нашли себѣ мѣсто и въ „Путешествіи“, шестнадцатая глава коего написана главнымъ образомъ на основаніи этого важнаго документа. Но нашъ ученый оказывается не единственнымъ издателемъ указанной исторической записки: она дважды была издана французскимъ археологомъ Heuzeу'емъ, сперва въ *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France*, 1875, p. 232—251 (Paris), гдѣ, кромѣ греческаго текста, предложенъ его переводъ съ небольшимъ предисловіемъ, а потомъ въ его книгѣ *Mission archéologique de Macédoine* (p. 441—447). Сопоставляя Порфиріевскую редакцію документа съ послѣднимъ изданіемъ Heuzeу, можно указать лишь немногія и незначительныя въ нихъ разночтенія, напримѣръ: φασκόντων (П., 408, 6) = φάσκοντες (Н.), ὡς πρωτάτων ὄν, ἔχον... (П., 408, 19) = ὡς πρωτάτων, ἀνέχον, συναπτισμών (П., 408, 23) = συνασπισμὸν, ἐχρήτο (П., 409, 14) = ἔχρητο, καθόπου (П., 409, 20) = καθάπερ;... κύρ Ἀνθίμων, οἵπερ οὗτο λέγουσι σὺν φόβῳ Θεοῦ καὶ ἀληθείᾳ λέγομεν, ὅτι ἐφθάσαμεν τὸν τιμιώτατον ἐν ἱερομονάχοις κύρ Αχάκιον τὸν ἡρούμενοντης... (П., 409, 26—27), а у Heuzeу'я: κύρ Ἀχακίον, τὸν

¹⁾ Второй списокъ этой рукописи находится въ библиотекѣ метеорскаго монастыря св. Стефана, что на горѣ Кузлѣ.

ἡγούμενον τῆς..., Θεσσαλονικίτης (П., 410, 12)=τῆς Θεσσαλονικῆς, κατὰ-
 κουν (П., 410, 17)=ἑκατόκουν, τὸν ἐπονομαζόμενον Στόλον (П., 410,
 23)=τοῦ ἐπονομαζομένου Στόλου, ἠῆξεσε (П., 410, 33)=αὔξεσε, μεγίστου
 (П., 411, 10)=μεγάλου, ὀλιγοστήν (П., 411, 13)=ὀλιγίστην, παλαιγενῆ
 (П., 411, 11)=παλαιγένη, τοῦ Κοφινᾶ (П., 411, 15)=τοῦ Κοφινού, ἐτό-
 λων (П., 411, 15)=ἐούλων, παριστώσι (П., 411, 28)=παρίστωσι, τῶν κα-
 τοίκων (П., 412, 7)=τῶν κατοικῶν, οἱ φθάνοντες (П., 413, 8)=οἱ φθο-
 νοῦντες, μετ' ἄχθους (П., 413, 19)=μετ' ἄχθος, ἤρχει (П., 413, 21)=
 ἤρχε, ποιούσι (П., 413, 29)=ποιούσι и многія другія. Большая часть
 разночтеній говоритъ въ пользу нашего издателя. Къ означенному
 документу у епископа Порфирія приложены въ греческомъ текстѣ
 съ русскимъ переводомъ нѣсколько приписокъ, извлеченныхъ изъ той
 же рукописи и сообщающихъ свѣдѣнія касательно разныхъ бого-
 мольцевъ и невольныхъ обитателей Варлаамова столпа въ XVII —
 XIX вѣкахъ.

Изъ той же рукописи Порфирій сдѣлалъ и другое извлеченіе,
 озаглавленное такъ: Σύγγραμμα ἱστορικόν, ὡς ἐν συνόφει συντεθέν δηλοῦν
 τοὺς ἀπὸ τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως κοροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου κατάρ-
 ξαντας (№ 6, стр. 422 — 426). Эта „выметка“ представляетъ часть
 Эпирской хроники, уже неоднократно изданной. У насъ эта хроника
 прекрасно издана покойнымъ Г. С. Дестунисомъ, который воспользо-
 вался греческимъ ея текстомъ въ Аѳинскомъ журналѣ Ἑλληνομνήμων
 (вып. 8 и 9), изданнымъ извѣстнымъ греческимъ филологомъ и исто-
 рическимъ критикомъ Андреемъ Мустоксиди, и снабдилъ русскимъ
 переводомъ и объясненіями ¹⁾. Извлеченіе епископа Порфирія содер-
 житъ сокращенный разказъ объ эфирскихъ деспотахъ—Симеонѣ Уро-
 шѣ Палеологѣ, братѣ сербскаго краля Стефана Душана, Прелумбѣ
 (Прелюбѣ), Ѡмѣ и Изаѣ и соотвѣтствуетъ первымъ девяти парагра-
 фамъ Эпирской хроники въ изданіи Г. С. Дестуниса, а потомъ (стр.
 425—426) параграфамъ 28, 29, 30, 37 и 38. Сравнивая объ эти ре-
 дакціи, мы находимъ, что редакція Порфиріевская значительно отли-
 чается отъ изданія Г. С. Дестуниса. Кромѣ многихъ разночтеній въ
 отдѣльныхъ словахъ и фразахъ, въ редакціи Порфирія встрѣчаются
 большіе пропуски, изъ коихъ нѣкоторыя мы здѣсь и отмѣтимъ:

¹⁾ Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла о разныхъ деспо-
 тахъ эфирскихъ и о тираннѣ Ѡмѣ Прелумбовѣ Комнинѣ, деспотѣ. Съ греческаго
 переверелъ и объяснилъ *Гавриилъ Дестунисъ*. С.-Пб. 1868 Стр. V+45. Въ пре-
 дисловіи къ „сказанію“ указываются и различныя изданія Эпирской лѣтописи.

1. Епископъ Порфирій, стр. 422.

Τοῦ μακαρίτου ἐκείνου βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου πρὸς τὰς ἀκηράτους μεταστάντος μονάς καὶ τὴν τῶν Ῥωμαίων βασιλείαν ἐπὶ παιδὶ νέφ καταλείψας, καὶ ὑπὸ ἐπιτρόπων τὴν ἅπασαν διακείσθαι Ῥωμαῖδα θεσπίσας, ἄδειαν ὁ τῶν Σέρβων κατάρχων εὐρηκῶς ἐπιπηδᾷ τὰ τῶν Ῥωμαίων ὄρια. Στέφανος δ' οὗτος κατωνομάζετο, ὁ καὶ κράλης Σερβίας ἀπάσης. διὰ δὲ τὰ τε ἐν αὐτῷ περιτίθεται.....

2. Епископъ Порфирій, стр. 423, 31—33.

οὕτω δὲ τῷ ποδὶ τῇ τῆς Σερβίας ἀρχῇ προσήρεισε καὶ ὁ τοῦ δεσπότης θάνατος προσαγγέλλεται τούτῳ, ὑπάρχοντος ἔτους τότε ῥωξ' (1358).

Г. С. Дестунисъ, § 1.

Τοῦ μακαρίτου ἐκείνου βασιλέως Κυρίου Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου πρὸς τὰς ἀκηράτους μεταστάντος μονάς, καὶ τὴν τῶν Ῥωμαίων βασιλείαν ἐν παιδὶ καταλείψαντος νέφ, καὶ ἅπασαν τὴν Ῥωμαῖδα διοικεῖσθαι θεσπίσαντος ὑπὸ τοῦ Κυρίου τοῦ Καντακουζηνοῦ, ἀνδρὸς συνετοῦ. καὶ περὶ τὰ πολεμικὰ μαχιμωτάτου, καὶ τῶν εὐγενῶν, ὡς ἂν εἴποι τις, ἀνθους εὐόσμου (τοιοῦτον γὰρ ὄντα καὶ ὁ προβεβασιλευκῶς Ἀνδρόνικος κατὰ πάντα ὡς ἀδελφὸν ἠγεῖτο, καὶ τὴν βασιλείαν, σὺν τῷ παιδὶ τελευτῶν αὐτῷ ἀνέθετο, ὁ τῶν Σερβῶν τότε ἄρχων ἄδειαν εὐρηκῶς ἐπιπηδᾷ τὰ τῶν Ῥωμαίων ὄρια. Στέφανος δ' οὗτος κατωνομάζετο, ὁ καὶ Κράλης Σερβίας ἀπάσης, καὶ τῷ ῥωνή' (1350) διὰ δὲ τὰ τε ἐαυτῷ περιτίθεται...

Г. С. Дестунисъ, § 4.

Οὕτω δὲ τὸν πόδα τῇ ἀρχῇ προσερείσας τῆς Σερβίας καὶ ὁ τοῦ δεσπότης Νικηφόρου θάνατος αὐτῷ προσαγγέλλεται. οὗτος γὰρ ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐλθὼν, ὡς ἔφαμεν, καὶ τῶν δύο ἐπαρχιῶν τὴν ἀρχὴν σφετερισάμενος и т. д.... Разказъ о Никифорѣ заканчивается такъ: Ἐλθὼν δὲ εἰς Ἀχελῶν καὶ πόλεμον συγκροτήσας κατὰ τῶν Ἀλβανιτῶν, κατακρατεῖται ὑπ' αὐτῶν καὶ ἀναιρεῖται, τρετῖαν μόνην ἄρξας ἐπὶ μηνὶ δύο καὶ ἡμέραις τισίν, ἔτους ὑπάρχοντος ῥωξ' (1358).

3. Епископъ Порфирій, стр. 424,
13—18.

Ἐθνικός γάρ ὁ Прελιοῦμος ἐκαῖνος ὤν, κατέλιπε ταύτην ἐν τῇ τῶν πολυθρόλλητον τῶν Ἰωαννινοῦπολιν, καὶ τὸ λάμβδα ἐκ ταύτης ἀφελόντος καὶ νῦ ἀντὶ τοῦ λάμβδα προσθέντος ἐν αὐτῇ. Τὸ γὰρ πολυθρόλλητον εἶναι ταύτην καὶ λέγεσθαι μὴ ἀνεχόμενος, πολυθρήνητον ταύτην πεποιήκεν.

Ἄ μακαρίτης ἐκεῖνος...

Г. С. Дестунисъ, § 6.

Τεθνηχῶς γάρ ὁ Прέλιομπος ἐκεῖνος κατέλιπε ταύτην ἐν τῇ Τρικάλων πόλει μετὰ τῶν οὐῶν ἐνόος τοῦ ὕστερον τυραννήσαντος τὴν πολυθρόλλητον τῶν Ἰωαννίνων πόλιν, καὶ τὸ λάβδα ταύτης ἀφελόντος, καὶ νῦ ἀντὶ τοῦ λάβδα προσθέντος αὐτῇ· τὸ γὰρ πολυθρόλλητον εἶναι ταύτην καὶ λέγεσθαι μὴ ἀνεχόμενος, πολυθρήνητον πεποίηκεν. Ἄλλὰ ταῦτα μὲν διηγησόμεθα πρόσω καὶ ἐν καιρῷ ἰδίῳ. ἄρτι δὲ ὁ λόγος τὸν εἰρμὸν ἐχέτω τῆς διηγήσεως.

Ἄ γὰρ μακαρίτης ἐκεῖνος... (§7).

Вообще „выметка“ епископа Порфирія изъ Эпирской хроники представляет большія уклоненія отъ изданія Г. С. Дестуниса, пользовавшагося лучшею редакціей лѣтописи; особенно много сокращеній во второй половинѣ „выметки“ (стр. 425—426), кратко передающей параграфы 28, 29, 30, 37 и 38 въ изданіи Г. С. Дестуниса; кромѣ того, въ редакціи епископа Порфирія опущенъ обширный разказъ о жестокомъ правленіи деспота Θομῆ (§§ 10—27 въ изданіи Г. С. Дестуниса).

Наконецъ, изъ той же рукописи епископъ Порфирій издалъ приказъ Синана-паши, визиря султана Мурата, отправленный въ 1430 году митрополиту іоаннинскому и архонтамъ съ требованіемъ безусловной покорности, въ противномъ же случаѣ угрожалось провозвести полный разгромъ города (стр. 426—427).

Нумеръ *восьмой* приложеній (стр. 428—446) содержитъ надписи въ метеорскихъ монастыряхъ и приписки на тамошнихъ рукописяхъ и книгахъ, служащія къ объясненію исторіи этихъ монастырей. Помѣщенные здѣсь надписи и приписки касаются слѣдующихъ монастырей: св. архидіакона Стефана (18 нумеровъ), св. Троицы (6), Преображенскаго (21), Всѣхъ Святыхъ (40), Русана (6), св. Николая Анапавсійскаго (6) и Агіа-Мони (5). Приписки и надписи представлены преимущественно въ греческомъ текстѣ съ русскимъ перево-

домъ, и только немногія—въ русскомъ изложеніи. Большая часть этихъ документовъ издана въ книгѣ нашего паломника впервые и имъ же въ первый разъ утилизированы въ качествѣ научнаго матеріала. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются въ книгѣ Нейзеу'я и у архимандрита Антонина („Поѣздка въ Румелію“, т. II, С.-Пб., 1886 стр. 324 и слѣд.). у коихъ иногда читаются иначе, чѣмъ у епископа Порфирія. Эти разночтенія обязательно сообщены г. редакторомъ разсматриваемаго изданія въ примѣчаніяхъ къ надписямъ и припискамъ.

Подъ номеромъ *девятымъ* (стр. 446—458) помѣщены „разныя дѣписанія о Стагонскомъ скитѣ и о другихъ монастыряхъ“. Сюда вошли слѣдующіе документы: 1) Приказъ царя Симеона Уроша Палеолога отъ 1358 года касательно принадлежности проту Стагонскаго скита, іеромонаху Нилу, пещеры Кирилла въ Миканѣ, которую Нилъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родныхъ. 2) Приказъ того же царя и отъ того же года стагонскому проту Нилу,—коимъ за скитомъ утверждалось право владѣнія монастырькомъ во имя Пресвятой Богородицы Дупіанійской со всѣми его святынями, имѣніями, постройками, виноградниками и париками. 3) Грамота, данная между 1358 и 1363 годами стагонскимъ протомъ Ниломъ іеромонахамъ Иларіону, Іакову и Гервасію въ удостовѣреніе того, что они приобрѣли отъ метеорскаго „отца“ Аеавасія одинъ изъ сосѣднихъ утесовъ для постройки келіи и учрежденія здѣсь общежитія; грамота опредѣляетъ и отношеніе келіи къ Метеоропреображенскому монастырю, а также условія общежитія въ ней; изъ келіи потомъ образовался Срѣтенскій монастырь. 4) Приказъ царя Симеона отъ 1362 года,—которымъ повелѣвалось монахамъ Стагонскаго скита владѣть всѣми имѣніями и вкладами, издавна имъ принадлежащими, жить въ мирѣ и согласіи, подчиняться законно избранному изъ ихъ среды проту и вообще подвизаться по тѣмъ правиламъ иноческой жизни, которыя прежде установлены въ скитѣ; кромѣ того, грамота признаетъ за келіями Преображенской и Свято-Троицкой права на владѣніе разными имѣніями. 5) Сигилладная грамота прота и игумена Дупіанійскаго монастыря іеромонаха Нила, данная въ 1363 году монахамъ Калинику и Игнатію, основателямъ монастыря во имя св. великомученика Димитрія, на право владѣнія смежнымъ участкомъ земли, взамѣнъ коего они обязаны ежегодно вносить въ Дупіанійскій монастырь два фунта воску. 6) Духовное завѣщаніе іеромонаха Неофита, ктитора Пантократорской обители въ скалѣ Дупіанійской, съ историческими свѣ-

дѣніями о самомъ ктиторѣ и его монастырѣ, который былъ завѣщанъ настоятелю Метеорской обители Іоасафу; завѣщаніе написано послѣ 1383 года. 7) Прошение (въ сокращенномъ видѣ) всѣхъ Метеорскихъ монастырей о помощи, поданное молдавскому господарю Іоанну Василію воеводѣ (1634—1654 г.). Означенные документы имѣютъ важное значеніе для исторіи Стагонскаго скита, касаясь различныхъ сторонъ въ его устройствѣ и исторической судьбѣ; другія ихъ редакціи неизвѣстны.

Въ составъ *десятаго* нумера (стр. 459—489) вошли царскіе хрисовулы и приказы, патріаршія грамоты и другія дѣписанія, найденныя въ Метеорскихъ и иныхъ Фессалійскихъ монастыряхъ. Документы расположены въ слѣдующемъ порядкѣ. На первомъ мѣстѣ находятся различныя грамоты, найденныя въ монастырѣ св. архидіакона Стефана на метеорской горѣ Куклѣ, а именно: 1) подлинная грамота вселенскаго патріарха Іереміа отъ 1545 года, данная іеромонаху Филовею, который, снабдивъ обитель всѣмъ необходимымъ и установивъ въ ней правила киновіи, просилъ патріарха Іереміа признать Стефановскій монастырь независимымъ отъ епископа стагонскаго и отъ прочихъ метеорскихъ монастырей. Патріархъ исполнилъ ихъ просьбу, при чемъ въ своей грамотѣ изложилъ наставленія о монашескомъ общежитіи, запретилъ отчуждать отъ монастыря его имѣнія, а стагонскому епископу разрѣшилъ только посвящать игуменовъ для обители и духовно заботиться о спасеніи иноковъ. 2) Подлинная грамота вселенскаго патріарха Рафаила отъ 1605 года, данная игумену Іоасафу въ подтвержденіе права независимости Стефано-Харалампіевскаго монастыря, съ указаніемъ его владѣній, церковныхъ вещей и вкладовъ. Обѣ эти грамоты изданы въ первый разъ. Кромѣ того, въ числѣ документовъ Стефановскаго монастыря представлены въ краткомъ русскомъ изложеніи слѣдующія грамоты, касающіяся его независимости и владѣній: угровлахійскаго митрополита Евеніа отъ 1488 года, іерусалимскаго патріарха Паисія отъ 1641 года, вселенскихъ патріарховъ—Самуила отъ 1720 года, Паисія отъ 1743 и Григорія отъ 1838 года. Далѣе слѣдуютъ документы Преображенскаго монастыря, предложенные частью въ греческомъ, еще неизвѣстномъ, текстѣ, частью въ русскомъ изложеніи. Къ первымъ относятся слѣдующіе: 1) отрывокъ изъ документа, приблизительно отъ 1334 года, касательно передачи земли въ Дупіанійскомъ околоткѣ монастырю Богородицы Маріи, называемому Метеорскимъ; эта передача была сдѣлана христіанами города Стагона, въ виду бѣд-

ности монастыря. 2) Подлинная грамота царицы Маріи Ангелины, княгини Палеологины, данная въ 1386 году метеорскому „отцу“ Іоасафу въ удостовѣреніе того, что она получала отъ него всѣ свои сокровища, бывшія у него на храненіи, кромѣ церковной утвари, которая отдана ею въ полное распоряженіе Іоасафа. 3) Рѣшеніе кесаря Алексѣя Ангела отъ 1388 года по спорному дѣлу метеорскихъ монаховъ съ архимандритомъ Ананіемъ изъ-за келии во имя Пресвятой Богородицы у колодца (εις τὸ πηγάδιον); келия со всѣми ея владѣніями была присуждена Метеоропреображенскому монастырю. 4) Грамота ларисскаго архіепископа Іоасафа отъ 1492 года относительно возвращенія Метеорскому монастырю виноградника, отданнаго иноками Ипсилотерской келии, безъ согласія своего монастыря, священнику Θεόδору. 5) Сигиллій ларисскаго митрополита Неофита отъ 1542 года, коимъ за Метеорскимъ монастыремъ утверждались слѣдующія келии, издавна ему принадлежавшія: Панагія, свв. Апостоловъ, св. Іоанна Богослова и свв. Θεοδωροῦ, съ обязательствомъ платить въ пользу монастыря обычный годовой взносъ. 6) Сигиллій вселенскаго патріарха Ιερεμίου, данный въ 1576 году Русанской обители на право владѣнія метохомъ Капрена, который былъ купленъ у одного магометанина. 7) Отрывки изъ сигиллія патріарха Митрофана отъ 1580 года относительно ставропигиальныхъ правъ и независимости Преображенскаго монастыря. 8) Отрывокъ изъ сигиллія патріарха Ιωαννικίου отъ 1651 года касательно того же.

Остальные документы (изъ 21), касающіеся преимущественно владѣній Преображенскаго монастыря, представлены въ краткомъ русскомъ изложеніи. На третьемъ мѣстѣ находятся документы изъ монастыря Всѣхъ Святыхъ на столпѣ Варлаама. Здѣсь прежде всего помѣщено извлеченіе изъ рукописнаго житія основателей Всесвятскаго монастыря, братьевъ Нектарія и Θεοφάνου, съ ихъ уставомъ и завѣщаніемъ, а также съ хронологическими дополненіями изъ рукописнаго Паноекта отъ 1511 года, найденнаго въ библиотекѣ того же монастыря. Житіе ктиторовъ Всесвятскаго монастыря извѣстно въ печати ¹⁾. Сравнительно съ этимъ изданіемъ Порфирьевская редакція

¹⁾ Ἀκολουθία τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν καὶ αὐταδέλων Νεκταρίου καὶ Θεοφάνου, τῶν κτιτόρων τῆς σεβασμίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ Βαρλαάμ τῆς ἐν τῷ Μετεώρῳ, τῶν ἐξ Ἰωαννίνων, τὸ γένος Ἀψαράτες, ἐκδοθεῖσα καὶ διορθωθεῖσα ἀπὸ τῆς ἐπισκόπου ἁγίου Σταγῶν κυρίου Γαβριήλ. Ἐν Βενετία. 1815. Σελ. 17—32. Кромѣ житія, въ этой книгѣ напечатаны служба св. Нектарію и Θεοφάνу.

жизня представляется очень краткою, хотя, впрочемъ, почти все существенное въ этомъ извлеченіи имѣется, опущены же главнымъ образомъ риторическія прикрасы и общія мѣста. Уставъ и завѣщаніе (τάξις καὶ διαθήκη) изложены и тамъ, и здѣсь кратко, сравнительно съ аналогичными памятниками византійской литературы. Но, во всякомъ случаѣ, историческія преимущества—на сторонѣ полного житія преподобныхъ Нектарія и Теофана. Вслѣдъ за отрывкомъ изъ житія у Порфирія помѣщена грамота вселенскаго патріарха Іеремія отъ 1545 года, которою за Всесвятскимъ монастыремъ признавались его владѣнія, опредѣлялись отношенія монастыря къ стагонскому епископу и другимъ метеорскимъ обителямъ и утверждалось духовное завѣщаніе игуменовъ Теофана и Нектарія касательно строя иноческой жизни въ ихъ обители. И эта грамота извѣстна въ другой редакціи ¹⁾, съ которою Порфиріевская редакція вполне сходна. Кромѣ этихъ документовъ, въ подлинномъ (греческомъ) текстѣ представлены краткія хронологическія замѣтки, найденныя епископомъ Порфиріемъ въ румынской книгѣ „Часословъ церковный (1710 г.)“ и сообщающія различныя свѣдѣнія о монастырѣ. Остальныя грамоты (5), принадлежащія большею частью вселенскимъ патріархамъ и касающіяся имущественной стороны монастыря, представлены въ краткомъ русскомъ изложеніи. Въ монастырѣ св. великомученика Георгія, называемомъ Кѣрбово, а прежде Завлантіонъ, и находящемся близъ города Трикки, епископъ Порфирій нашелъ слѣдующіе греческіе документы, впервые имъ опубликованные: 1) копию хрисовула царя Андроника Палеолога отъ 1336 года, коимъ утвержались всѣ имѣнія монастыря, его права и независимость отъ триккскаго епископа, и 2) хрисовулъ царя Симеона Уроша Палеолога, которымъ разрѣшалось монастырю св. Николая Чудотворца, близъ Трикки, построить башню въ мѣстности Завлантіонъ для безопасности монаховъ и убѣжища окрестнаго бѣднаго населенія. Остальные документы (6) только кратко излагаются по-русски. Изъ помѣщенныхъ далѣе (V) документовъ монастыря Пресвятой Богородицы Ликусадской (близъ Фанари-Тѣрсала) три, касающіяся правъ и имѣній этого монастыря, представлены въ русскомъ изложеніи, а четвертый—подлинный хрисовулъ царя Андроника Па-

5—16), ихъ прославленіе, небольшое стихотвореніе въ честь Богородицы, написанное епископомъ Гавріиломъ, и списокъ св. Мошея, находящихся въ Всесвятской обители (стр. 36—39).

¹⁾ Тамъ же, стр. 33—35.

леолога отъ 1289 года—напечатанъ въ оригинальномъ текстѣ. Хрисовуль укрѣпляетъ за монастыремъ многочисленныя его метохы и деревни. На послѣднемъ мѣстѣ (VI) находятся краткія выписки и замѣтки, касательно монастыря во имя Спасителя, называемаго Дусико и находящагося близъ Оермопиль; самая ранняя замѣтка относится къ 1677 году.

Подъ номеромъ *одинадцатымъ* приложений (стр. 489) помѣщено извлеченіе изъ духовнаго завѣщанія трикальскаго гражданина Димитрія Филиппа, которое напечатано въ изданіи: libro de Dimitri Filippi da Tricala per li capitali assignati alla veneranda Chiesa e Scola de 5 Georgio de Greci (1677 an.). Въ отрывкѣ сообщается, что Димитрій Филиппъ сдѣлалъ денежные вклады, на вѣчное поминовеніе своей души, въ монастыри: Варлаама, Русани, Метеорскій. св. Стефана и Дусико.

Слѣдующіе два номера (12-й и 13-й, стр. 489 — 490) содержать извлеченія изъ кодекса Триккской епископіи: одно отъ 1712 года о денежномъ долгѣ триккскихъ монастырей іоаннинскимъ, а другое отъ 1816 года касательно имѣній триккскихъ и стагонскихъ обитателей.

Подъ *четырнадцатымъ* номеромъ (стр. 491—495) помѣщены надписи на зданіяхъ и приписки на книгахъ и рукописяхъ, найденныя епископомъ Порфиріемъ въ оссолимпійскихъ монастыряхъ и служащія къ объясненію исторіи этихъ монастырей. Въ частности, въ монастырѣ Икономіонъ, во имя св. великомученика Димитрія на еессалійской горѣ Оссеѣ, нашимъ паломникомъ открыто тридцать надписей и приписокъ, въ олимпійскомъ монастырѣ св. Діонисія—двадцать четыре, въ Каналонскомъ монастырѣ Рождества Богородицы на Олимпѣ—одиннадцать и въ Елассонскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы Олимпійской—десять. Нѣкоторыя изъ этихъ надписей и приписокъ представлены здѣсь, въ приложеніи, а большею частью помѣщены въ текстѣ „Путешествія“.

Въ составъ *пятнадцатаго* номера (стр. 495—510) входятъ царскіе хрисовулы, патриаршія грамоты и другія дѣписанія въ олимпійскихъ монастыряхъ, Діонисіатскомъ и Елассонскомъ. Въ частности, въ Діонисіатскомъ монастырѣ Св. Троицы самымъ изслѣдователемъ найдены слѣдующіе подлинныя документы, еще неизвѣстные ученымъ: 1) Сигиллій вселенскаго патриарха Кирилла V отъ 1753 года, подтверждающій ставропигіальныя права Діонисіева монастыря со всѣми его метохами и владѣніями. 2) Синодальная грамота патриарха Григорія отъ 1796 года о томъ же, съ подробнымъ разъясненіемъ (въ

десяти пунктахъ) правъ и обязанностей монастыря и условій его внутренняго благоустройства. 3) Сигилліи патріарха Кирилла VI отъ 1814 года касательно ставропигіальныхъ правъ монастыря, съ указаніемъ на грамоту, данную русскимъ императоромъ Петромъ I въ 1692 году одному изъ Святотроицкихъ монастырей на Олимпѣ на предметъ сбора милостыни въ Россіи (см. выше). Въ Елассонскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы Олимпійской оказались слѣдующіе подлинныя документы, также въ наукѣ неизвѣстные: 1) латинскій хрисовуль императора Рудольфа отъ 1730 года, подтверждающій за Елассонскимъ монастыремъ всѣ его преимущества и права на владѣнія; 2) дипломъ того же императора отъ 1735 года, коимъ настоятельство въ монастырѣ передавалось монаху Симеону Такклассѣ съ усвоеніемъ ему епископскихъ преимуществъ; 3) грамота вселенскаго патріарха Іоанна отъ 1342 года къ елассонскимъ властямъ и народу о содѣйствіи аскетическому подвижничеству иноковъ ставропигіальнаго монастыря во имя Богородицы...; 4) отрывокъ изъ сигилліи патріарха Митрофана отъ 1570 года касательно правъ и обязанностей Елассонскаго монастыря. Изъ другихъ документовъ Елассонскаго монастыря, содержаніе коихъ кратко излагается по-русски, особаго вниманія заслуживаетъ хрисовуль императора Андроника Младшаго Палеолога отъ 1336 года, коимъ за монастыремъ укрѣплялись различные его метохи и земли. Остальные документы (9) представляютъ преимущественно патріаршія грамоты позднѣйшей эпохи, подтверждающія ставропигіальныя права монастыря.

Подъ номеромъ *шестнадцатымъ* (стр. 511) помѣщены четыре пѣснопѣнія изъ греческой службы Олимпійской Божіей Матери, славянскій переводъ коихъ находился на 321—322 стр. „Путешествія“.

Наконецъ, подъ номеромъ *семнадцатымъ* (стр. 511—512) находятся греческіе стихи, написанные въ честь епископа Порфірія учителемъ села Царицани, близъ Елассоны, 19-го мая 1859 года.

Кромѣ „прибавленій и приложеній“, въ книгѣ епископа Порфірія находятся два „дополненія“. *Первое* изъ нихъ (стр. 515—548) содержитъ каталогъ замѣчательныхъ рукописей, хранящихся въ монастыряхъ Метеорскихъ и Киссаво-Олимпійскихъ. Книги расположены по слѣдующимъ стдѣламъ: 1) Священное Писаніе Завѣта, а) Ветхаго и б) Новаго, 2) богослужбныя книги, 3) толкованія св. Писанія и творенія святыхъ отцевъ и учителей церкви, 4) творенія аскетическія, 5) житія святыхъ, 6) номоканоны, 7) лѣтописи и исторіи, 8) письма, 9) панеекты, то-есть, сборники, 10) ботаника и зоологія, 11) меди-

цина, 12) классическіе писатели и 13) языковѣдніе. Наибольшее число рукописей относится къ первымъ отдѣламъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ особо замѣчательныя, обстоятельно описываются нашимъ ученымъ, напримѣръ, *Παλαιά διαθήκη* XIV вѣка изъ Метеоропреображенскаго монастыря, Четвероевангеліе XI вѣка изъ Икономнійскаго монастыря на Оссѣ, Апостоль 1101 г. въ Преображенскомъ монастырѣ, *Ἡ ἀρεσκὴ ψυχῶν ὑποτόκωσις* императора Льва Мудраго, каноны въ честь Богородицы, написанные Маркомъ, митрополитомъ ефесскимъ и хранящіеся въ монастырѣ Варлаамскомъ, творенія св. Максима, написанныя въ XIII вѣкѣ, и монаха Кассіана отъ X вѣка (въ Преображенскомъ монастырѣ), краткая рукопись святогорца Іакова объ Аѳонѣ, написанная въ 1847—1848 годахъ, съ разказомъ о господствѣ сербовъ въ Фессаліи (тамъ же), письма (169) дядаскала Анастасія Гордія къ разнымъ лицамъ отъ 1683 до 1724 года (въ Стефановскомъ монастырѣ), панеекты (сборники) Варлаамскаго монастыря и нѣкоторыя другія рукописи.

Второе добавленіе (стр. 548—556) сообщаетъ о живописцахъ въ Фессаліи, туземныхъ и пришлыхъ, и о произведеніяхъ ихъ кисти. Здѣсь кратко передается, кто, гдѣ и когда написалъ ту или иную икону, и гдѣ она хранится. Въ началѣ, между прочимъ, находится греческое сказаніе объ иконѣ Богоматери, называемой Хрисовица—*ΧρISOVITCZA*, составленное въ 1485 году Германомъ, монахомъ Хрисовицкой обители. Икона Хрисовица написана ранѣе 533 года неизвѣстнымъ по имени живописцемъ, до 1480 года находилась въ Хрисовицкомъ монастырѣ, потомъ чудесно исчезла и переходила изъ одного монастыря въ другой, напримѣръ, въ Каналійскій, *Βουζά* и др., и наконецъ осталась въ деревнѣ Палеомилѣ, въ Іоаннинской епархіи, гдѣ отъ нея были чудесныя явленія. Гдѣ эта икона находится въ настоящее время, неизвѣстно. Сказаніе открыто епископомъ Порфиріемъ въ библиотекѣ Метеоро-Варлаамскаго монастыря, именно въ концѣ службы преподобнымъ Нектарію и Теофану, написанной мирейскимъ митрополитомъ Матеемъ. Въ печатномъ изданіи этой службы (Венеція, 1815) такого сказанія нѣтъ.

Въ концѣ книги епископа Порфирія (стр. 557—614) помѣщенъ указатель собственныхъ именъ и названій, сперва русскихъ, а потомъ греческихъ, латинскихъ и иныхъ, а въ началѣ ея—предисловіе (стр. XIX—XXII), касающееся происхожденія и изданія этого труда. Таково содержаніе разсматриваемой книги.

Главную часть книги епископа Порфирія составляютъ документы,

помѣщенные въ приложеніи и послужившіе автору матеріаломъ для исторіи Метеорскихъ и Осолимпійскихъ монастырей. Разсматривая эти документы, мы находимъ, что просвѣщенный паломникъ собралъ ихъ въ большомъ количествѣ. Онъ не только обозрѣлъ библіотеки и архивы метеорскихъ и осолимпійскихъ монастырей и церквей и извлекъ изъ нихъ непосредственно относящіеся къ исторіи мѣстнаго монашества акты, но и воспользовался археологическими надписями, а равно разнообразными историческими приписками и замѣтками на рукописяхъ, открытыми имъ во время путешествія по Фессалии. Любопытный изслѣдователь не пренебрегалъ никакими письменными данными и все, заслуживающее вниманія ученаго, заносилъ въ свой дневникъ. Въ результатѣ получилось обширное собраніе документовъ, относящихся къ исторіи монашеской жизни въ Фессалии. Исторія почти каждаго изъ метеорскихъ и осолимпійскихъ монастырей представлена здѣсь въ видѣ патриаршихъ грамотъ, царскихъ хрисовуловъ, историческихъ сказаній, надписей, приписокъ и замѣтокъ. Большая часть ихъ издана въ греческомъ подлинникѣ, и лишь менѣе важные документы передаются въ русскомъ изложеніи. Имѣется и обширное извлеченіе касательно епархіальнаго управленія въ лариссо-триккской митрополіи, сдѣланное изъ одного очень цѣннаго кодекса, а равно—сообщеніе объ иконописцахъ въ Фессалии и ихъ произведеніяхъ; наконецъ, все цѣнное въ рукописныхъ собраніяхъ монастырей метеорскихъ и осолимпійскихъ обстоятельно описывается въ „Каталогѣ“. Но, несмотря на это обиліе и разнообразіе матеріала, въ немъ однако замѣчаются нѣкоторые дефекты. Напримѣръ, въ числѣ литературныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Метеоропреображенскаго монастыря, мы не встрѣчаемъ житія перваго его „отца“. инока Аванасія, извлеченіе изъ коего находимъ въ книгѣ Нейзеу¹⁾. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что житіе Аванасія содержитъ много цѣннаго историческаго матеріала, касающагося первыхъ подвиговъ Аванасія на Афонѣ, основанія имъ Метеорскаго монастыря и устройства въ немъ иноческой жизни²⁾. При пособіи этого житія преосвященный Порфирій могъ бы дать болѣе содержательный и интересный разсказъ о первомъ „отцѣ“ Метеора (стр. 147—149). Далѣе, въ собраніи до-

¹⁾ Mission archéologique de Macédoine, p. 451—452.

²⁾ Нейзеу, *ibid.* Срав. Δουκάκης, Μέγας Συναξαριστής..., ἀπρίλιος, ἡμέρα 20: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ Μεταφωρίτου (σελ. 297—303). Здѣсь помѣщена и служба св. Аванасію. (Ἐν Ἀθῆναις. 1892).

кументовъ изъ Всесвятскаго монастыря на столпѣ Варлаама нѣтъ дѣписанія инока Нектарія отъ 1549 года, которымъ онъ приписываетъ къ Всесвятскому монастырю, въ качествѣ метоховъ, монастырекъ во имя Іоанна Предтечи близъ города Іоаннины и храмъ святаго Николая въ Лепенѣ и опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія¹⁾. Имѣются и другіе недочеты въ обширномъ собраніи матеріаловъ въ книгѣ епископа Порфирія²⁾.

Изъ опубликованныхъ въ трудѣ епископа Порфирія греческихъ документовъ лишь весьма немногіе были извѣстны византійской наукѣ прежде его появленія въ свѣтъ. Одни изъ нихъ были изданы лучше, чѣмъ въ разсматриваемой книгѣ (напримѣръ, отрывокъ изъ Эпирской хроники), другіе же—хуже (напримѣръ, Συγγραμματα ιστορικόν). Большая же часть помѣщенныхъ здѣсь документовъ появляются, въ печати въ первый разъ. Въ этомъ заключается безспорная и громадная заслуга приснопамятнаго русскаго іерарха византійской наукѣ. Онъ открылъ и оповѣстилъ такіе акты, которые были совершенно неизвѣстны ученымъ и благодаря которымъ предъ пытливыми взорами людей науки возникли новыя научныя перспективы, явились новыя проблемы и новыя ихъ рѣшенія. Онъ присоединилъ къ многочисленнымъ византійскимъ документамъ такое ихъ собраніе, которое привнесло въ сокровищницу византологіи много цѣнныхъ знаній. Правда, метеорскіе и осоолимпійскіе документы по своему происхожденію относятся преимущественно къ позднѣйшей эпохѣ, но это объясняется тѣмъ, что самыя-то монастыри эти стали основываться лишь въ XIV вѣкѣ, и возникновеніе, а потомъ и расцвѣтъ ихъ совпадаютъ со временемъ сильнаго ослабленія государственнаго организма Византіи, изнемогавшей подъ бременемъ постоянныхъ вражескихъ набѣговъ, гибельно отражавшихся и на благосостояніи метеорскихъ монастырей; тяжелое внѣшнее состояніе, время и бѣдность сдѣлали первоначальную исторію этихъ монастырей сравнительно скудною въ отношеніи документовъ. Но какъ въ общемъ высока научная цѣнность греческихъ документовъ въ книгѣ епископа Порфирія, объ этомъ можно

¹⁾ Это завѣщаніе, начинающееся словами — 'Επειδὴ κατὰ Νεκταρίου ὁ ἐν ἱεροπόλει καὶ πνευματικῶς ἐλάχιτος..., впервые было напечатано въ книгѣ: *Duchesne et Bayet, Mémoire sur une mission au mont Athos*, p. 234—236, откуда заимствовано *Miklosich*'омъ и *Müller*'омъ (*Acta et diplomata graeca*, t. V, p. 285—288).

²⁾ См. указатель документовъ Метеоропреображенскаго монастыря въ книгѣ *Архимандрита Антонина „Поѣздка въ Румелию“*, II, стр. 395—404. С.-Пб. 1886.

судить по первой ея части, представляющей, такъ сказать, историческій комментарий ко второй ея половинѣ.

Предъ нами весьма интересный и оригинальный трудъ, излагающій совершенно темную и неразработанную исторію метеорскаго и осолимпійскаго монастыря. До появленія въ печати книги епископа Порфирія, о Метеорѣ въ византологіи существовали весьма скудныя свѣдѣнія. Кромѣ немногихъ сообщеній въ трудахъ архимандрита Антонина ¹⁾, Благовѣщенскаго ²⁾, Неузеуя ³⁾ и др., да немногочисленныхъ житій метеорскихъ и олимпійскихъ подвижниковъ, которыя можно было отыскать въ различныхъ греческихъ агиографическихъ изданіяхъ, мы ничего не имѣли о Метеорѣ. А между тѣмъ любопытно было ознакомиться съ исторіей этого весьма виднаго монашескаго пункта въ средневѣковой Византіи, прослѣдить его внѣшнюю судьбу и изслѣдовать свойства и особенности внутренней организаци. Интересъ возбуждался тѣмъ болѣе, что въ XIV—XV вѣкахъ монашеская жизнь въ Византіи сосредоточивалась, какъ предполагалось, почти исключительно на святой горѣ Аѳонской, — и изслѣдователю судебъ византійскаго иночества отраднo теперь узнать, что тогда былъ и иной центръ аскетическаго подвижничества, затерявшійся среди дикихъ и уединенныхъ метеорскихъ утесовъ. На пытливые запросы историка касательно жизни и судьбы этого монашескаго пункта и даетъ разносторонніе отвѣты книга епископа Порфирія. Здѣсь мы встрѣчаемъ исторію почти каждаго изъ Метеорскихъ и Осолимпійскихъ монастырей, составленную на основаніи подлинныхъ документовъ, и общіе взгляды на судьбу всего метеорскаго монашества. Возникновеніе монастыря, его первые дѣятели, дальнѣйшая судьба и современное состояніе, экономическая жизнь и владѣнія, архитектура зданій, бібліотеки, — все это и подобное документально излагается въ книгѣ епископа Порфирія. Просвѣщенный авторъ не пренебрегалъ никакими документальными свѣдѣніями и наполнилъ свою книгу богатѣйшими и разнообразными историко-археологическими данными. Но, конечно, какъ первый трудъ по исторіи метеорскихъ монастырей и притомъ составленный почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, книга епископа Порфирія не всегда можетъ удовлетворить читателя. Могутъ возбуждать сомнѣніе нѣкоторые гипотетическіе

¹⁾ Поѣздка въ Румелію, II, стр. 324—436. С.-Петербургъ. 1886 г.

²⁾ Среди богомольцевъ. С.-Петербургъ. 1872 г.

³⁾ Mission archéologique de Macedoine, p. 440.

взгляды нашего автора (напримѣръ, объ основателѣ Стефановскаго монастыря Антоніа Кантакузинѣ, стр. 120 — 121), недостаточнымъ можетъ показаться лѣтописный разказъ объ иныхъ монастыряхъ (стр. 223, 225 и др.), желательна была бы другая композиція матеріаловъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но такіе недостатки по преимуществу неизбѣжны въ подобныхъ трудахъ. Вообще же книга епископа Порфирія представляетъ первый, весьма важный и полезный научный трудъ о Метеорскихъ и Осолимпійскихъ монастыряхъ, составленный весьма старательно и умѣло на основаніи почти исключительно новыхъ греческихъ документовъ. Не скоро еще наступитъ время, когда настоящая книга, написанная почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, будетъ замѣнена иною, съ бѣльшими научными достоинствами. Для этого нуженъ „второй Порфирій“. Но — „ожидайте его“! — скажемъ вмѣстѣ съ знаменитымъ авторомъ „Путешествія“ (стр. 228).

И. Сенеювъ.

К. К. Случевскій. По Сѣверо-Западу Россіи. Т. I. По Сѣверу Россіи. Съ картою Сѣвернаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 146 рисунками. С.-Пб. Стр. 456+XX. Т. II. По Западу Россіи. Съ картою Западнаго края, отпечатанною въ 6 красокъ и 159 рисунками. С.-Пб. 1898. Стр. 608 + XXII. Цѣна за оба тома 7 рублей.

„Въ лѣтніе мѣсяцы 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годовъ я имѣлъ счастье“, говоритъ авторъ въ предисловіи, „сопутствовать Великому Князю Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ по Сѣверу и Западу Россіи, а также по нѣкоторымъ центральнымъ губерніямъ. Я описывалъ эти путешествія въ корреспонденціяхъ, которыя помѣщались своевременно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и, наконецъ, въ 1886 и въ 1888 годахъ появились двумя отдѣльными изданіями, не имѣющимися уже нынѣ въ продажѣ, подъ заглавіями: „По Сѣверу Россіи“ и „Балтійская сторона“.

„Въ настоящемъ второмъ изданіи“, продолжаетъ К. К. Случевскій, „исключены всѣ подробности, касавшіяся интересовъ дня и имѣвшія въ свое время высокое, иногда политическое значеніе. Сохранены и отчасти пополнены свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія и проч. Несомнѣннымъ пробѣломъ въ описаніяхъ надо считать то, что не всѣ замѣчательности того или другого города, той или другой мѣстности описаны; причина этого въ томъ, что не всѣ

онѣ были посѣщены Августѣйшимъ путешественникомъ, и поэтому войти въ описаніе не могли“.

Въ первый томъ вошли 3 путешествія 1884—1885 годовъ. Въ первое изъ путешествій, на разстояніи 2.000 верстъ, путь шелъ на Грузино, Боровичи, Устюжну, Череповецъ, Кирилловъ, Бѣлозерскъ, Вытегру, Петрозаводскъ, Вознесенье, Лодейное Поле, Новую Ладугу и Шлиссельбургъ. Во второе путешествіе, на разстояніи 6.200 верстъ.— на Островъ, Новоржевъ. Холмъ, Демянскъ, Валдай, Вышній Волочекъ, Бѣжецкъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Вологду, Тотъму, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры, Архангельскъ и Соловки. Изъ Соловецкаго монастыря путешественники плавали по Бѣлому морю и Ледовитому океану и осмотрѣли Мурманскій берегъ вплоть до Колы и далѣе до Норвежской границы и посѣтили прибрежные города Бѣлаго моря: Кемь, Онегу и Мезень, Сумскій посадъ, Повѣнецъ, Пудожъ и во второй разъ Лодейное Поле и Шлиссельбургъ.

Въ третье путешествіе—на Нижній-Новгородъ и Владимиръ.

Во второй томъ, озаглавленный не совсѣмъ, впрочемъ, точно „По западу Россіи“, вошли 4-е, 5-е и 6-е путешествія.

Въ четвертое путешествіе, обнимающее 3.000 верстъ, были посѣщены главные и лежащіе между ними пункты: Транзундъ, Вильманстрандъ, Имата, Выборгъ, Ревель, Балтійскій портъ, Гапсаль, Перновъ, Аренсбургъ, Виндава, Либавъ, Митава, Рига, Усть-Двинскъ, Дубельнъ, Икекюль, Штокмангофъ, Якобштадтъ, Крейцбургъ, Двинскъ, Псковъ, Гдовъ, Юрьевъ, Вейсенштейнъ, Везенбергъ, Нарва, Усть-Нарова, или Гунгербургъ, и Ямбургъ.

Въ пятое путешествіе—Луга, Порховъ, Опочка, Невель, Великія Луки, Торопецъ. Старая Русса, Крестцы, Тихвинъ. Столбово, Александро-Свирскій монастырь, Олонецъ, Валаамъ. Маріинская система и т. д.

Въ шестое путешествіе, на протяженіи болѣе 3.000 верстъ—Ковна, Юрбургъ, Гродна, Осовецъ, Варшава, Новогеоргіевскъ, Ивангородъ. Брестъ-Литовскъ, Полѣсье, Несвяжъ, Минскъ, Смоленскъ, Калуга, Тула и Троице-Сергіева лавра.

На стр. 204, II тома авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Описаніе путешествія одна изъ самыхъ удобныхъ литературныхъ формъ для того, чтобы касаться вопросовъ, наиболѣе разнообразныхъ; ничто не мѣшаетъ говорить на одной и той же страницѣ о молочномъ хозяйствѣ, солнечномъ лучѣ и историческомъ фактѣ“. Дѣйствительно,

удобствомъ этой формы нашъ почтенный авторъ воспользовался до такихъ размѣровъ, что если бы пришлось распредѣлить матеріалъ по-опредѣленнымъ категоріямъ, то это сдѣлать было бы не легко. Но къ чести автора нужно сказать, что, за самыми незначительными исключениями, весь матеріалъ имѣетъ высокую цѣну. Благопріятныя обстоятельства, въ которыя былъ поставленъ К. К. Случевскій во время своего путешествія, дали ему возможность наблюдать многое, недо-ступное другому путешественнику, и бесѣдовать со свѣдущими въ краѣ людьми, съ которыми при другихъ, не столь счастливыхъ обстоя-тельствахъ, онъ могъ бы и не встрѣтиться. Но, кромѣ личныхъ наблюденій, авторъ внесъ въ свой трудъ многое изъ разныхъ исто-рическихъ сочиненій, какъ то: Карамзина, Костомарова, Иловайскаго, Гильфердинга, Кояловича, а равно изъ путевыхъ очерковъ, какъ на-примѣръ: изъ Муравьева, Литке, Шевырева, Кушелева и, сверхъ того, изъ разныхъ мѣстныхъ литературныхъ монографій и изслѣдо-ваній, официальныхъ отчетовъ, статистическихъ сборниковъ, а порою изъ лѣтописей и рукописей, хранившихся въ архивахъ мѣстныхъ церквей или у туземныхъ жителей. Сверхъ того, на страницахъ книги мы встрѣтили имена ученыхъ: Озерецковскаго, Янжула, Гримма и т. д. Знакомство съ такого рода пособіями, вмѣстѣ съ личною наблюда-тельностью, богатою фантазіею и описательнымъ талантомъ, дали воз-можность К. К. Случевскому внести интересъ и оживленіе даже въ описаніе мѣстностей глухихъ, забытыхъ, какъ наприимѣръ, отда-леннаго, или, какъ выражается К. К. Случевскій, „деревяннаго сѣвера“.

Выдающуюся особенность книги составляетъ обиліе историческихъ данныхъ, которыми освѣщается прошлое описываемаго цѣлаго края. или же какого-нибудь города, учрежденія, храмовъ, монастырей и другихъ архитектурныхъ сооружений, водяныхъ сообщеній и т. д.

Наиболѣе поводовъ къ углубленію въ прошлое, конечно, даютъ посѣщенные мѣстности внутренней Россіи и западной, такъ что предъ читателемъ оживаютъ воспоминанія, если не въ полномъ видѣ, то въ отдѣльныхъ эпизодахъ и картинахъ о смутномъ времени въ Рос-сіи и войнахъ съ Польшею, о Великой Сѣверной войнѣ, о 1812 годѣ, появленіи, характерѣ и господствованіи Ливонскаго ордена въ Прибалтійскомъ краѣ и черты изъ жизни и дѣятельности разныхъ историческихъ личностей. Но, вдаваясь въ исторію, нашъ авторъ имѣлъ въ виду не одно только усиленіе въ читателѣ интереса къ описываемой мѣстности, но главное—выясненіе своего правильного

трезваго взгляда на тѣ общественныя отношенія, которыя должны бы въ интересахъ государственности образоваться, съ одной стороны, между великороссійскимъ племенемъ, какъ строителемъ государства, а съ другой стороны, съ иноязычными и иновѣрными народностями Прибалтійскаго и Привислинскаго краевъ. „Исторія“, говоритъ К. К. Случевскій, „должна быть для насъ поучительнымъ урокомъ, въ особенности, если прошедшіе факты сопровождались немалыми для интересовъ русскаго дѣла бѣдами“ (Т. II, стр. 470).

Для ознакомленія съ подробностями и характеромъ содержанія книги мы представляемъ только приблизительный перечень рубрикъ, подъ которыя можетъ быть подведенъ разнообразный матеріаль, внесенный авторомъ въ очерки городовъ, какъ главныхъ пунктовъ, посѣщенныхъ высокимъ путешественникомъ. При этомъ необходимо оговориться, во-первыхъ, что подробности о нѣкоторыхъ городахъ заключаются не подъ соответствующимъ только заглавіемъ, но и въ общихъ главахъ подъ названіемъ „очерки пути“, въ которыхъ авторъ характеризуетъ мѣстности, подлежащія посѣщенію въ томъ или другомъ году. И во-вторыхъ, что подробности при описаніи городовъ иногда зависятъ не только отъ административнаго, экономическаго и культурнаго современнаго положенія ихъ, но и отъ литературныхъ пособій, касающихся того или другаго города; поэтому въ книгѣ мы находимъ больше характерныхъ и интересныхъ подробностей при описаніи городовъ прибалтійскихъ, Западнаго и Привислянскаго краевъ, чѣмъ при описаніи, напримѣръ, городовъ сѣверныхъ и отчасти нѣкоторыхъ внутреннихъ, литературныхъ свѣдѣній о которыхъ или вовсе нѣтъ или таковыя очень скудны. При описаніи городовъ прежде всего сообщаются историческія данныя, а мѣстами и преданія о времени возникновенія города, о судьбѣ его и если это былъ городъ русскій, но находившійся подъ властью Польши или Нѣмецкаго ордена, то съ особенною рельефностью отмѣчаются слѣды подобной перемѣны, отразившіеся на вѣрѣ, языкѣ и составѣ населенія. Далѣе описывается соборный храмъ, съ котораго обыкновенно начиналось обозрѣніе города, время его постройки, архитектура, особенности въ живописи и достопримѣчательности. будутъ ли то чудотворныя иконы или какіе-либо другіе священные предметы. При описаніи соборовъ въ Прибалтійскомъ, въ Западномъ и Привислинскомъ краяхъ мѣстами они сравниваются весьма картинно съ таковыми же соборами—лютеранскими и католическими. За соборомъ описываются и другіе наиболѣе достопримѣчательные, особенно древніе, храмы, а если ихъ

много, какъ, напримѣръ, въ Устюгѣ Великомъ, то такыя только поименовываються. Кромѣ церквей мѣстами описываются остатки древнѣйшихъ какихъ-либо построекъ, крѣпостей, архіерейскіе дома и губернаторскіе. Далѣе идутъ описанія общественныхъ учреждений, какъ-то: благотворительныхъ, учебныхъ, частныхъ обществъ, фабрикъ, заводовъ, разныхъ сооруженій, въ родѣ водопроводовъ, фильтровъ, мостовъ и т. п. По отношенію къ нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ. особенно въ Прибалтійскомъ краѣ, авторъ не ограничивается только общими мѣстами, но, какъ напримѣръ въ Митавѣ, входитъ въ подробности о числѣ учащихся по вѣроисповѣданіямъ и народностямъ. указываетъ на обширность и внѣшній роскошный видъ зданія гимназій. Юрьевскому же университету посвящено около 15-ти страницъ (171—186, т. II), при чемъ на-ряду со многими интересными для всякаго русскаго подробностями, которыхъ трудно найти въ какихъ-либо другихъ книгахъ. сообщаются характеристики нѣкоторыхъ профессоровъ, напримѣръ Ширрена, и всѣхъ попечителей Учебнаго Округа, заботившихся объ обособленіи университета и объ обогащеніи его учебно-вспомогательными учрежденіями на счетъ государственнаго казначейства. Мѣстами упоминается о посѣщеніи города Государями и другими Высочайшими особами и при этомъ отмѣчаются разныя подробности и, между прочимъ, представляется *in extenso* рѣчь Великаго Князя Владиміра Александровича, сказанная имъ при посѣщеніи Дерпта и рядомъ съ нею авторъ выставляетъ замѣчательную рѣчь. произнесенную Императоромъ Александромъ II въ Ригѣ 14-го іюня 1867 года. Далѣе при губернскихъ городахъ почти всюду даются свѣдѣнія о намѣстникахъ, губернаторахъ, епископахъ, и свѣдѣнія. всегда достаточно освѣщающія благо или зло, принесенныя поименованными лицами краю; если же дѣло касается общественныхъ дѣятелей краевъ Прибалтійскаго, и Привислинскаго западной Россіи, то заслуги ихъ оцѣниваются не съ точки зрѣнія на интересы мѣстныя, а на государственныя. Далѣе мѣстами перечисляются съ достаточными замѣтками бытописателя города, прежніе, современные, а равно писатели, ученые, поэты, родившіеся или жившіе въ томъ городѣ или умершіе въ немъ, и при томъ не одни русскіе, но и польскіе, нѣмецкіе и литовскіе. Также перечисляются заводчики, изобрѣтатели, если такыя были, и благотворители; изъ числа послѣднихъ не позабытъ латышскій учитель Пличъ, завѣщавшій въ 1880 г. нѣсколько тысячъ рублей на учрежденіе въ Венденѣ черезъ 150 лѣтъ „крестьянскаго университета“. Упоминается болѣе или менѣе по-

дробно объ осадахъ городовъ, о сраженіяхъ при нихъ, о какихъ-либо случайныхъ мѣстныхъ неурядицахъ, какъ напримѣръ о началѣ бунта военныхъ поселеній въ Старой Руссѣ, а мѣстами описываются героическіе, не вошедшіе въ исторію подвиги кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, какъ напримѣръ подвигъ въ Калугѣ, 1812 г., канцеляриста Бѣляева предъ битвою при Малоярославцѣ. Хозяйственная часть городовъ, по крайней мѣрѣ главныхъ, также не оставлена безъ вниманія и случается, что по связи съ вопросами этой категоріи авторъ затрогиваетъ вопросъ высокой государственной важности, какъ, напримѣръ, о наплывѣ въ Привислинскій край нѣмецкихъ рабочихъ, которые не только отнимаютъ заработки у мѣстныхъ жителей, но и распространяютъ разныя нѣмецкія идеи. Не опущены также особенности, свойственныя исключительно только нѣкоторымъ городамъ, какъ напримѣръ пожарная команда въ прусскомъ одѣянніи въ Лябавѣ или церковный музей въ Тулѣ.

По поводу нѣкоторыхъ городовъ даются еще свѣдѣнія о временныхъ явленіяхъ, какъ то о выставкахъ, бывшихъ въ Боровичахъ, Великомъ Устюгѣ, Холмогорахъ и особенно интересно описана выставка въ Митавѣ.

При описаніи городовъ Гдова, Ревеля, Митава, Вейсенштейна, Везенберга, независимо отъ общихъ топографическихъ очерковъ, даются нѣкоторыя черты изъ организаціи общественнаго быта Прибалтійскихъ губерній и изъ отношеній ихъ къ центральной власти. Къ такому матеріалу относятся: трезвыя доказательныя сужденія автора на счетъ политическихъ притязаній прибалтійскаго дворянства (Митава. Т. II, стр. 90—92); сообщеніе о матрикулованныхъ мѣстныхъ дворянахъ въ Прибалтійскомъ краѣ и о русскихъ семьяхъ возведенныхъ въ матрикулованное дворянство (Гдовъ и Ревель, стр. 42, 168, Т. II); краткія, но характерныя, свѣдѣнія о кульминаціонномъ пунктѣ борьбы православія и лютеранства (Вейсенштейнъ. Стр. 193, Т. II); далѣе, сообщеніе автора о курляндской администраціи, дѣйствующей безконтрольно со стороны центральной власти, и свѣдѣнія о судьбѣ крестьянскаго населенія какъ въ Курляндіи, такъ и въ Эстляндіи и, наконецъ, о мѣрахъ правительства къ улучшенію прибалтійскаго крестьянства (Вейзенбергъ, стр. 200—210, т. II).

Къ этому надо еще прибавить, что въ очеркѣ нѣкоторыхъ городовъ г. Случевскій вводитъ свѣдѣнія о сосѣднихъ селахъ, имѣющихъ преимущественное значеніе или въ хроникѣ дворянъ, или же въ исторіографіи. Такъ, напримѣръ, при Калугѣ описывается село Ромода-

ново, бывшее нѣкогда помѣстьемъ князя кесаря Ромодановскаго; при г. Невелѣ—село Иваново, подаренное императрицею Екатериною II Михельсону за успѣшную борьбу съ Пугачевымъ. Къ Гроднѣ приурочивается описаніе западныхъ крѣпостей съ извлеченіемъ мнѣній о стратегическомъ значеніи ихъ изъ нѣмецкаго сочиненія вышедшаго въ 1887 году и принадлежащаго неизвѣстному автору (Т. II, стр. 434—437). Къ городу Брестъ-Литовску отнесено описаніе Полѣсья съ довольно подробными очерками, извлеченными изъ юбилейнаго изданія Министерства Государственныхъ Имуществъ объ осушеніи Пинскихъ болотъ (Т. II, стр. 492). При Юрбургѣ сообщаются статистическія данныя о таможенныхъ сборахъ на Вержболовской таможнѣ отъ 1886 года (стр. 426, т. II) и т. д. Наконецъ, въ матеріалѣ, касающемся городовъ, можно выдѣлить еще рубрику для фактовъ мелкихъ, но важныхъ для истории культуры и которые могутъ затеряться въ большихъ книгахъ, въ официальныхъ сочиненіяхъ, или въ мало-распространенныхъ путеводителяхъ. Сюда относимъ инцидентъ при буровленіи артезіанскаго колодца въ Старой Руссѣ (стр. 285, т. II); цифровыя данныя о стоимости поверстно шоссеиной дороги въ Витебской губерніи, проведенной въ царствованіе императора Николая I, равно о стоимости нѣкоторыхъ станцій по этой дорогѣ (стр. 256, т. II); или краткія и характерныя изреченія государей, какъ, на примѣръ, изреченіе императора Николая I при осмотрѣ возобновленной башни крѣпостной стѣны въ Смоленскѣ (стр. 539, т. II); или, на примѣръ, резолюція, положенная императоромъ Александромъ II на отчетѣ черниговскаго губернатора, говорившаго о пользѣ расселенія евреевъ (стр. 517, т. II). И, наконецъ, разнаго рода обстоятельства, относящіяся къ Прибалтійскому краю, и которыя авторъ называетъ несообразностями „колющими глаза и оскорбляющими чувство православнаго русскаго человѣка“.

Но кромѣ описаній городовъ, въ книгу, за исключеніемъ упомянутыхъ очерковъ пути, вошли еще очерки промежуточныхъ мѣстностей. Таковы на примѣръ: „Волга отъ Рыбинска до Ярославля“, „Отъ Тихвина до Новой Ладого“, „Отъ Торопца на Холмъ до Старой Руссы“, „По древнему Заволочью“, „Отъ Устюга до Сольвычегодска“, „Рѣка Сухона до Тотьмы“. Очерки эти составляютъ необходимыя звенья въ общемъ описаніи и болѣе или менѣе содержательны. Особенно важны отдѣльныя статейки, пополненныя разнаго рода данными, относящимися уже къ послѣднему времени; такова, между прочимъ, монографія „Прибалтійскій край за послѣднее десятилѣтіе“,

содержаніе которой доставляетъ читателю нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, такъ какъ въ ней очерчиваются успѣхи православія и русской школы въ этомъ краѣ. Другая статья подобнаго рода „Маринская система и Обонежье за послѣднее десятилѣтіе“, въ которой сообщаются подробности описательныя, цифровыя данныя о переустройствѣ этой системы въ царствованіе Императоровъ Александра III и Николая II и статистическія данныя о движеніи судовъ.

Описаніе отдаленнаго, глухаго сѣвера имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ описанія западной и средней Россіи. Исторія тутъ почти нѣтъ или очень мало, матеріальная культура бѣдна, однообразна, памятниковъ, какъ выражается авторъ, „железныхъ и каменныхъ“ вовсе нѣтъ, даже усадьбы не часто встрѣчаются; поэтому авторъ и останавливается, по преимуществу, на описаніи природы, а изъ быта населенія, помимо краткихъ правоописаній, — на источникахъ пропитанія населенія, мѣстами это сдѣлано довольно обстоятельно; такъ, напримѣръ, не только описывается процессъ китоловнаго промысла поморовъ, но и развитіе его, сравнительно съ промысломъ англійскимъ, норвежскимъ. Встрѣчающаяся и въ другихъ мѣстахъ чуткость автора къ нуждамъ населенія, особенно выражается въ этихъ частяхъ очерковъ. Разказавъ „объ одномъ“, какъ выражается авторъ, „изъ чудесъ Русской земли“, именно объ уступкѣ норвежцамъ незамерзающей гавани, авторъ описываетъ спаваніе норвежскимъ одуряющимъ ромомъ нашихъ поморовъ, говоритъ о хозяйничаньи норвежцевъ у нашихъ береговъ въ то время, какъ русскіе, остаются безъ работы, о дороговизнѣ соли, о первобытныхъ способахъ ловли сельдей и т. д. и т. д.

Монастырямъ нашимъ авторъ придаетъ значеніе, одинаковое вообще съ нашими учеными историками и въ частности историками православной церкви. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ во II томѣ, на стр. 334: „Наши монастыри—характернѣйшія страницы нашей исторіи; въ каменныхъ оградахъ монастырскихъ остаются неподвижными и замкнутыми какъ бы особыя сферы былаго времени, какъ бы островки былаго представительства того или другого столѣтія; въ этомъ смыслѣ монастыри наши—это лаги, брошенные въ пучину морскую съ двигающагося судна; не трогаясь съ мѣста, они опредѣляютъ быстроту хода судна, съ котораго брошены. Сказанное вовсе не значитъ, конечно, чтобы при быстромъ шествіи Державы Русской къ тому, что ей назначено въ будущемъ, монастырская жизнь, оставаясь неподвижною въ каменныхъ кольцахъ своихъ стѣнъ, являлась

отсталую. чуждою жизни народной, вѣчно двигающейся впередъ; нѣтъ, тутъ происходитъ нѣчто совершенно своеобразное, исключительное. Не допуская колебаній въ древнихъ уставахъ, придерживаясь неуклонно преданій, въ полной преемственности церкви Христовой, какою была она до рокового раздробленія на части, монастыри наши всегда откликались на живыя нужды народныя“. Число монастырей, осматрѣнныхъ путешественниками, простирается до 80. Нѣкоторые изъ нихъ только поименовываются, о другихъ сообщаются краткія свѣдѣнія, какъ напримѣръ объ Оптинской пустыни, о монастыряхъ валдайскихъ, ростовскихъ; но монастырямъ тихвинскимъ, Соловецкому, Валаамскому, Кирилловскому и Троице-Сергіевой лаврѣ посвящены цѣлыя главы, и о прошломъ и о настоящемъ положеніи ихъ сообщается много интереснаго.

Изложеніе хорошее, живое, мѣстами поэтическое. Не смотря на разнохарактерность матеріала, переходы отъ одного предмета къ другому легки и естественны.

Книга богато снабжена рисунками, изображающими виды городовъ, заслуживающихъ вниманія городскихъ зданій, монастыри, церкви снаружи и внутри, памятники замѣчательныхъ людей, виды пристаней, образцы деревянныхъ построекъ, ландшафты, виды водопадовъ, остатки древнихъ сооружений, мостовъ, типы поморевъ, и т. п. и т. п. Вообще рисунки, за небольшимъ исключеніемъ, выполнены прекрасно и хорошо подобраны, а мѣстами даже приспособлены къ подробностямъ текста; такъ напримѣръ, нашъ авторъ нерѣдко говоритъ объ убожествѣ или невыгодномъ топографическомъ положеніи нашихъ храмовъ въ Западномъ краѣ, и это свѣдѣніе достаточно иллюстрируется видами православнаго минскаго собора и костела (Т. II, стр. 512 и 514).

Кромѣ рисунковъ къ каждому изъ томовъ приложено по 1 картѣ, отпечатанной въ 6 красокъ и на которыхъ обозначены всѣ путевыя станціи, посѣщенныя высокимъ путешественникомъ.

Въ книгѣ съ такимъ разнообразнымъ содержаніемъ, какъ разсматриваемая, нельзя обойтись безъ промаховъ и недосмотровъ. Для примѣра, укажемъ на слѣдующіе:

Томъ I. Стр. 33—35, говорится, что рукопись объ оборонѣ Устюжны въ Смутное время дошла до насъ только въ копіи XVII вѣка. Но въ дѣйствительности она сохранилась во многихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ писанъ на оборотной сторонѣ иконы, находящейся въ соборной церкви г. Устюжны (*Русск. Истор. Библ.* II, стр. 793—794).

Стр. 38. Замѣчаніе о мѣстности Ирма на рѣкѣ Шекснѣ неправильно. Рѣка Ирдомка и старый погостъ „Ирдома“, „Ирдма“ или „Ирма“ съ Борисоглѣбскою церковью находится на правомъ берегу Шексны, а новый погостъ Ирма (а не село Ирма) находится на лѣвомъ. У автора наоборотъ.

Стр. 47. Іосифъ Волоколамскій, говоритъ нашъ авторъ, „былъ челоуѣкъ чисто формальнаго направленія. для котораго оказывались равно святы, равно истинны и законъ Моисеевъ и Евангеліе“. Слова „формальнаго направленія“ непонятны, а дальнѣйшія слова, что для него „были равно святы законъ Моисеевъ и Евангеліе“, не вѣрны сами по себѣ, такъ какъ не только православная и католическая церковь, но и протестантская признаютъ законъ Моисеевъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію историковъ и въ числѣ ихъ профессора Никитскаго, Іосифъ, не будучи богословомъ, придавалъ одинаковое значеніе книгамъ каноническимъ, слѣдовательно и закону Моисееву, и разнымъ апокрифамъ, какъ то: Палеямъ, Сказанію объ Енохѣ Праведномъ и т. п. Далѣе, на той же страницѣ, читаемъ: „У Нила (Сорскаго) самодержавны и полновластны только Священное Писаніе и Канонъ“. Что авторъ подразумѣваетъ подъ Канономъ догадаться трудно и тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нимъ стоитъ Священное Писаніе.

Стр. 179 — 180. О Тотмѣ сообщаются маловѣроятныя свѣдѣнія и не выяснено ея значеніе на Сухонѣ, какъ пристани и какъ посредницы между Галицкимъ и Волжскимъ краемъ.

Стр. 224—225. Родина Ломоносова давно уже официально называется Ломоносовскою, а не Денисовкою, какъ въ книгѣ.

Стр. 451 — 452. Сказаніе о Талычѣ, Патрикіи и Карамышевѣ отнесено почему то къ 1485 году, что совершенно невѣроятно. Въ лѣтописяхъ оно разказано подъ 1410—1411 годомъ.

Томъ II. Стр. 4. „Сохранилось краснорѣчивое извѣстіе о томъ, что и Псковъ былъ членомъ гордаго Ганзейскаго союза“. Псковъ не былъ членомъ Ганзейскаго союза, а въ немъ, какъ и въ Новгородѣ, находилась контора Ганзейскаго союза, какъ это уже доказано не въ одномъ русскомъ изслѣдованіи и, между прочимъ, въ сочиненіи проф. Бережкова.

Стр. 324. „Въ семинаріи (при Александрo-Свирскомъ монастырѣ, открытой въ 1799 году) имѣлось пять классовъ, носившихъ характерныя названія: фары, инфимы, синтаксис, піитики и риторика“. Но эти названія существовали въ духовныхъ училищахъ, основанныхъ гораздо раньше.

Стр. 335. Мнѣніе автора, что Валаамская обитель возникла въ 960 году (?), то-есть въ княженіе Святослава, мнѣніе основанное на житіи Авраамія Ростовскаго и на „Вселѣтникѣ“ митрополита Иларіона, находится въ полномъ противорѣчій съ мнѣніями нашихъ авторитетнѣйшихъ историковъ церкви, митрополита Макарія и профессора Голубинскаго. Если пользоваться выводами „Исторіи русской церкви“ Голубинскаго, то противорѣчіе касалось бы только хронологіи, такъ какъ нашъ авторъ начатки монастыря Валаама называетъ „монастырскимъ братствомъ“; профессоръ же Голубинскій признаетъ существованіе такихъ братствъ отъ времени Владиміра Св. до второй половины царствованія Ярослава, и братства эти профессоръ называлъ монастырями *несобственными*, находившимися при приходскихъ церквахъ, въ отличіе отъ монастырей организованныхъ и которые онъ называетъ *собственными*. Но бѣда въ томъ, что г. Случевскій допускаетъ, что только Кіево-Печерскій монастырь, по времени происхожденія, можетъ соперничать съ Валаамомъ или, какъ онъ говоритъ, что „только Кіевъ по плечу Валааму“; но, по мнѣнію проф. Голубинскаго, кіевскій монастырь былъ первымъ монастыремъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Стр. 531. Бородино причислено къ Смоленской губерніи.

Стр. 589. „Неизвѣстно, какая это „вновь проложенная на востокѣ столбовая дорога мимо Сергіевой обители“—отъ Москвы на Оку, къ Коломнѣ!?

Стр. 599. По поводу осмотра усыпальницы Годуновыхъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ К. К. Случевскій выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ А. Муравьева. „Сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностью Θεодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока!“ Далѣе самъ авторъ говоритъ: „Чудесныя слова полныя глубокаго смысла!“ Когда писалъ свое путешествіе А. Муравьевъ, объ этомъ мѣстѣ можно было бы такъ отозваться, но при настоящемъ положеніи нашей исторіографіи его нельзя уже назвать чудеснымъ, потому уже, что мать Θεодора и Ксеніи, Марія Григорьевна, не представляется теперь добродѣтельною „совершающею исключительно благотворенія“, какъ говорилъ о ней Карамзинъ.

Стр. 600. День смерти Борисовой“ (Годунова) былъ не 1-го мая, а 13-го апрѣля.

Присоединимъ къ этому еще слѣдующіе редакціонные недосмотры. Въ перечнѣ рубрикъ нѣкоторыхъ главъ, поименовываются иногда

такія, соотвѣтствующаго содержанія, которыхъ въ текстѣ уже нѣтъ, а было въ прежнемъ изданіи. Напримѣръ въ статьѣ „Рига“ упоминаются рубрики: „Кѣмъ и какъ соборы посѣщаются. Вольная пожарная команда. Вечерняя прогулка по Двинѣ“. Въ текстѣ ничего подобнаго нѣтъ, равно какъ и отвѣтовъ на рубрики: „О Реконской обители. Странникъ Шапошниковъ“ въ статьѣ „Тихвинъ“.

Въ текстѣ авторъ употребляетъ: Вильна, Ковна, Гродна, съ основательнымъ объясненіемъ, почему онъ это дѣлаетъ; на картѣ же остаются: Вильно, Ковно, Гродно. Точно также на соотвѣтствующей картѣ мы не нашли Юрбурга, хотя о немъ много говорится въ текстѣ.

Но всѣ эти и подобные имъ неточности и недосмотры какъ бы исчезаютъ въ массѣ разнообразныхъ, интересныхъ и точныхъ свѣдѣній, здравыхъ сужденій и патріотическихъ мнѣній и доброжелательныхъ совѣтовъ.

И. Б.

GRUNDRISS DER VERGLEICHENDEN GRAMMATIK DER INDOGERMANISCHEN SPRACHEN. IV Band. Syntax von B. Delbrück. Zweiter Theil. Strassburg 1897. (8^e стр. XVIII+560).

Вторая часть „Синтаксиса“ индоевропейскихъ языковъ, появившаяся лѣтомъ 1897 года, представляетъ, несомнѣнно, выдающееся явленіе въ современной литературѣ языкознанія. Первая часть этого труда, появившаяся еще въ 1893 году, содержитъ синтаксисъ именныхъ формъ (съ нарѣчіями) и предлоговъ. Основные вопросы синтаксиса падежей (главная часть перваго тома) были выяснены въ главныхъ чертахъ, благодаря работамъ преимущественно того же Дельбрюка и его ученика Гедике, уже около 30 лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ синтаксисъ индоевропейскаго глагола, представляющій гораздо больше трудностей, былъ изслѣдованъ сравнительно очень мало. Въ послѣднее время все чаще и чаще появлялись работы, направленные на изученіе видовыхъ значеній глагольныхъ формъ, того, что разумѣется подъ нѣмецкимъ терминомъ Aktionsart. Но изслѣдованіе относящихся сюда вопросовъ по большей части только развивало мысль, высказанную еще Курціусомъ, что различіе между *imperfectum*, аористомъ и *perfectum*—видовое, а не временное, такъ какъ прошедшее время не выражалось глагольною формою, а заключалось въ такъ называемомъ приращеніи. И развитіе этой мысли не было особенно пло-

дотворно. Оставались неразрѣшенными многіе самыя существенныя вопросы. Если видовое различіе сказывается въ *imperfectum* и аористѣ, то-есть въ прошедшихъ временахъ отъ основъ настоящаго времени и аориста, то необходимо признать и въ значеніи формъ настоящаго времени какое-либо видовое значеніе. Между тѣмъ существенной разницы между основами настоящаго времени и аориста не существуетъ. Однѣ и тѣ же формы часто въ одномъ языкѣ относятся по значенію къ аористу, въ другомъ къ основѣ настоящаго времени. Въ виду этого теорія, выдвигающая на первый планъ видовое значеніе различныхъ основъ, требовала подробнаго разбора формъ, образующихся отъ основъ настоящаго времени, такъ какъ выясненіе ихъ значенія должно было пролить свѣтъ и на формы аористическаго образованія. Вотъ эту-то задачу и взялъ на себя Дельбрюкъ и выполнилъ ее въ первыхъ главахъ своего новаго труда. Я изложу здѣсь главные выводы его изслѣдованія.

Въ санскритскомъ и отчасти въ греческомъ языкѣ сохранилось довольно много глаголовъ, допускающихъ нѣсколько различныхъ образованій основы настоящаго времени. Воплѣ естественно является предположеніе, что эти различныя образованія имѣли первоначально и различныя значенія; а такъ какъ временнаго различія между этими основами не существуетъ, то естественно предположить, что различіе ихъ значенія заключается въ различныхъ видахъ дѣйствія, представляемаго значеніемъ глагольнаго корня. Такихъ видовъ дѣйствія Дельбрюкъ различаетъ четыре: 1) *моментальный* (терминъ Дельбрюка: *punctuell*), выражающій, что „дѣйствіе оканчивается вмѣстѣ съ его наступленіемъ“. Значеніе этого вида присуще, по мнѣнію Дельбрюка, большинству корней; 2) *итеративный*, выражающій, что „дѣйствіе состоитъ изъ повторяющихся однородныхъ актовъ“. Напримѣръ, шагаетъ; 3) *курсивный*, то-есть такой, который выражаетъ только, что „дѣйствіе протекаетъ, при чемъ не различаются ни отдѣльные акты въ этомъ дѣйствіи, ни его начальный или конечный пунктъ“, напримѣръ, летаетъ; 4) *терминативный*, которымъ выражается, что дѣйствіе протекаетъ, при чемъ имѣется въ виду начальный или конечный пунктъ его. Разницу между курсивнымъ и терминативнымъ видомъ Дельбрюкъ иллюстрируетъ нѣмецкими глаголами *tragen* „нести“ и *bringen* „приносить“ (14 сл.).

Далѣе разбирается значеніе различныхъ образованій настоящаго времени. Дѣйствіе глаголовъ, образующихъ настоящее время помощью *удвоенія*, Дельбрюкъ признаетъ *итеративнымъ*. Такъ скр. *jigāmi*,

тождественное съ βίβαμι, означаетъ „шагаю, хожу“. Особенно ясно указываетъ на итеративное значеніе греческое употребленіе этого глагола. Цитата изъ Поллукса, гдѣ сохранилась единственная личная форма этого глагола, слѣдующая: χίλι' ἄδα πόχα βίβατι πλαίστα τῶν πύποχα „она (танцовщица) дѣлаетъ тысячу ударовъ ноги, больше, чѣмъ когда-либо дѣлала другая“. Гом. ἤε μαχρὰ βίβάς „онъ шель, широко шагая“. Точно также скр. bibharti никогда не имѣетъ терминативнаго значенія. Скр. rīpartī „наполняетъ, насыщаетъ“, въ противоположность терминативному rīpātī, представляетъ дѣйствіе слагающимся изъ послѣдовательныхъ однородныхъ актовъ. То же значеніе имѣетъ и греч. πύπλημι. Скр. iyartī значить „двигать туда и сюда“ напримѣръ о вѣтрѣ, движущемъ дымъ. Скр. rībatī „пьетъ (глотаешь)“, лат. bibo. Скр. bibhēti „бится“, др.-вр.-нѣм. bibēm „дрожу (отъ страха)“. Скр. bapsati „жуется“, mīmāti „мѣрять“, śīcatī „точить“ и др.

Дѣйствіе глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени помощью суффикса -jo-,—*курсивное*. Эти глаголы Дельбрюкъ дѣлитъ на 3 группы: 1) глаголы, обозначающіе явленія и въ особенности душевныя и тѣлесныя ощущенія, какъ напримѣръ скр. hīsyati, mādyati „радоваться“, tusyati „быть довольнымъ“, úsyati „находить удовольствие“, kṛsyati,—te, kṛudhyati „сердиться“ и др. Изъ греческихъ сюда относятся: χαίρω „радуюсь“, γαίω „горжусь“, μαίνομαι „бѣснуюсь“, κλαίω „плачу“ и др. 2) глаголы, обозначающіе явленія или состоянія болѣе внѣшняго характера; таковы скр. kṣúdyati „голодать“, tīsyati „жаждать“, svidyati,—te „потѣть“, rṇsyati „быть здоровымъ, процвѣтать“, суáyati „мерзнуть, зябнуть“ и много другихъ. Таковы и греческіе: βρίζω „дремлю“, δαίνομαι „пылаю“. φαίνομαι „являюсь“, καίνομαι „горю“ и др. Наконецъ, 3) сравнительно небольшое количество глаголовъ, означающихъ дѣйствія, какъ скр. gáyati,—te „пѣть“, gáyati „лаять“, tapyati „гремять“, rácyati,—te „смотрѣть“, dīyati „летать“ и др. Изъ греческихъ сюда относятся: κλάζω „кричу“, λέωσσω „смотрю“, βαινω „иду“, ἄλλομαι „прыгаю“, πλάζομαι „блуждаю“ и др. Изъ этого обзора видно, что глаголы этого класса обозначаютъ дѣйствіе или состояніе въ его непрерывномъ теченіи, то-есть имѣютъ курсивное значеніе.

Глаголы, образующіе основу настоящаго времени помощью суффиксовъ со звукомъ -p-, имѣютъ *терминативное* значеніе. Таковы скр. gṇóti „приводить въ движеніе“, тождественное по формѣ съ греч. ὀρνομι „подымаю“, асṇóti,—pate „достигать“, tṛpṇóti „насы

щаться“, *vḡpóti* „покрывать“, *supóti* „выжимать“, *ārpóti* „достигать“, *krīpāti* „покупать“, *grbhñāti* „схватывать“, *rpñāti* „наполнять“ и много других. То же значение и въ греческихъ глаголахъ: *ἀνομι* „ломаю“, *οἴνομι* „открываю“, *ἐνομι* „одѣваю“, *ζεύνομι* „запрягаю“, *δύλομι* „гублю“, *ὀμόρονομι* „вытираю“, *δαμνομι* „побѣждаю“, *ἀμαρτάνομι* „промахиваюсь“ и др.

Для глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени помощью суффикса *-sko-*, Дельбрюкъ устанавливаетъ то же *терминативное* значение, не отличая его отъ значенія, предыдущаго класса глаголовъ.

Переходя затѣмъ къ разбору глагольныхъ формъ, образованныхъ непосредственно отъ корня, Дельбрюкъ указываетъ на то, что здѣсь нельзя установить одного опредѣленнаго вида дѣйствія. Это обстоятельство находится въ зависимости отъ значенія глагольнаго корня: въ одномъ случаѣ дѣйствіе представлялось моментальнымъ, въ другомъ — не моментальнымъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно прошедшее время, образованное отъ чистаго корня при помощи приращенія, получаетъ значение аориста, во второмъ — *imperfeci*. Разница между курсивнымъ и моментальнымъ значеніемъ корней сказывается въ томъ обстоятельствѣ, что корни, имѣющіе моментальное значение, очень часто образуютъ только аористы, а образующіеся отъ корня *praesentia* имѣютъ въ такомъ случаѣ значение будущаго времени, какъ *εἶμι*. Въ большинствѣ случаевъ настоящее время такихъ глаголовъ образуется не непосредственно отъ корня. Таковы, на примѣръ, аористы *ἔβη*, скр. *ágāt*; *ἔστη*, скр. *ásthāt*; *ἔφο*, скр. *ábhūt*.

Что касается глаголовъ, образующихъ настоящее время помощью суффиксовъ *-o-*, *-e-*, то дѣйствіе, ими выражаемое, бываетъ различно. Часто одинъ и тотъ же глаголъ (на примѣръ скр. *grāvati*) имѣетъ то курсивное („течь“), то терминативное значение („растекается“). Съ другой стороны есть несомнѣнные слѣды и значенія моментальнаго дѣйствія. Такъ на примѣръ *zendск. bavati* иногда имѣетъ значение будущаго времени; точно такъ же и *гомер. νόομι* въ изъявительномъ склоненіи обыкновенно значить „возвращусь“.

Для типа *tudāti* Дельбрюкъ предполагаетъ первоначальное значение моментальнаго дѣйствія, что ясно, по его мнѣнію, изъ многочисленныхъ греческихъ аористовъ, принадлежащихъ къ этому типу, хотя въ санскритскомъ глаголы этого класса имѣютъ терминативное значение.

Весьма интересны наблюденія Дельбрюка надъ глаголами, образующими настоящее время помощью суффикса *-eio-*. Онъ различаетъ

два рода значеній этого образованія: 1) значеніе дѣйствія безцѣльно-повторяющагося (*iterativ-ziellose*) и 2) каузативное значеніе. Къ первому роду относятся напримѣръ *ποτέομαι*, скр. *patáyati* „порхать“. То же значеніе наблюдается въ глаголахъ *φορέω*, при *φέρω*; *ὄξέομαι* „ѣздить“ и др. То же самое и въ славянскомъ возити—вести, носить—нести, водити—вести, влачити—влѣшти и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ глаголахъ такого образованія наблюдается интензивный оттѣнокъ, который, быть можетъ, стоитъ въ связи со значеніемъ итеративнымъ. Каузативное значеніе глаголовъ того же образованія развилось, по предположенію Дельбрюка, не изъ значенія безцѣльно-повторяющагося дѣйствія, а изъ противоположенія значенія этой формы значенію другихъ формъ. Онъ иллюстрируетъ возникновеніе каузатива на слѣдующемъ примѣрѣ: „скр. *várdhate* значить „расти“; рядомъ съ нимъ стояло *vardhayate* „спльно расти“. Въ противоположность къ *vardhate* образовалось каузативное *várdhati* и *vardhayati*. Сначала послѣдняя форма имѣла еще интензивный оттѣнокъ, который съ теченіемъ времени исчезъ, и такимъ образомъ эта форма стала служить каузативомъ. Отсюда можно было бы объяснить, почему каузативъ первоначально употреблялся только въ формѣ настоящего времени и только постепенно присоединились къ нему и другія времена“ (118 сл.).

Затѣмъ интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Дельбрюкъ относительно перфективированія значенія глаголовъ путемъ сложенія съ предлогами. Явленіе это характеризуется тѣмъ, что предлогъ, входящій въ составъ сложнаго глагола, подъ вліяніемъ перфективнаго значенія слова часто совершенно теряетъ свое первоначальное значеніе. При этомъ часто бываетъ возможно наблюдать, какимъ образомъ сложный глаголъ теряетъ свое первоначальное значеніе, и на первый планъ выдвигается его перфективное значеніе. Явленіе это, хорошо намъ извѣстное изъ славянскихъ языковъ, Дельбрюкъ иллюстрируетъ примѣрами изъ латинскаго языка, въ особенности на предлогѣ *com-*. Онъ часто соединяется съ глаголами, означающими соединеніе, какъ *conjungere* „соединять“, *concludere* „запирать“; въ сложеніи съ глаголами движенія онъ означаетъ соединеніе, а потомъ просто достиженіе конца дѣйствія, то-есть терминативный оттѣнокъ; напримѣръ *convenire* „сходиться“, *confugere* „сбѣгаться, бѣжать, находить приубжище“, *conscendere* „взойдти, сѣсть“; *considerare* „сидиться вмѣстѣ, сѣсть“; *comprehendere* „схватывать“, *concidere* „упасть“ и т. д.

Основное значеніе *perfecti* Дельбрюкъ формулируетъ словами „до-

стигнутое состояніе“. Но нѣкоторые глаголы (преимущественно греческіе) по своему значенію не могутъ обозначать состоянія въ стро-гомъ смыслѣ слова и потому въ perfectum имѣютъ значеніе дѣйствія, переходящаго изъ прошедшаго въ настоящее. Таковы въ особенности глаголы, означающіе „издавать какой-либо звукъ“; напримѣръ κηλη-γῶς „закричавшій и кричащій“ (у Гомера по большей части встрѣ-чается только причастіе perfecti такихъ глаголовъ).

Чтобы представить себѣ, какимъ образомъ perfectum могло въ санскритскомъ сдѣлаться формою, употребляемою въ разказѣ о про-шедшемъ, а въ латинскомъ слиться съ аористомъ, нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ его значеніи можно различить два элемента: 1) дѣйствіе законченное въ прошедшемъ и 2) продол-жающееся въ настоящемъ состояніи. Если второе значеніе по какой-либо причинѣ отступаетъ на задній планъ, то центръ тяжести пере-ходитъ на заключающійся въ perfectum элементъ прошедшаго дѣй-ствія, и такимъ образомъ оно приближается по значенію къ аористу. Зачатки этого значенія perfecti можно наблюдать и въ греческомъ языкѣ. Такъ оно, по выраженію Дельбрюка, „объединяетъ дѣйствіе въ его теченіи до настоящаго времени“; напримѣръ II. II 272: ἦ δὲ μῦρ' Ὀδυσσεὺς ἐσθλὰ ἔοργεν... ὡν δὲ τότε μέγ' ἄριστον... ἔραξεν „мно-жество благородныхъ подвиговъ совершилъ Одиссей..., но это дѣло. (которое) онъ теперь совершалъ, гораздо лучше всѣхъ другихъ“. Въ этомъ примѣрѣ прекрасно отбѣняется различіе значенія аориста и perfecti: аористъ ἔραξεν употребленъ относительно единичнаго факта, а perfectum ἔοργεν объединяетъ всѣ предшествующіе подвиги Одис-сея; но и то, и другое одинаково разказываетъ о прошедшемъ.

Различнымъ видовымъ значеніемъ различныхъ глагольныхъ основъ и корней прекрасно объясняется, почему многіе глаголы образуютъ настоящее время отъ одного корня, а аористъ — отъ другого. Про-шедшее время корней курсивнаго вида имѣетъ значеніе imperfecti, и такіе корни сами по себѣ не способны образовывать аориста. На-оборотъ, корни моментальнаго вида въ формѣ прошедшаго времени съ приращеніемъ получаютъ значеніе аориста и не способны сами по себѣ образовывать imperfectum; ихъ настоящее время обыкно-венно имѣетъ значеніе будущаго. Такимъ образомъ корни различнаго видоваго значенія, но приблизительно однозначущіе сливаются въ одинъ парадигмъ, при чемъ настоящее время со своимъ прошедшимъ (imperfectum) образуется отъ корня курсивнаго вида, а аористъ — отъ корня моментальнаго вида. Такъ напримѣръ скр. dhāvati, —te „бѣ-

жить“ встрѣчается только въ настоящемъ времени; къ нему аористъ отъ корня *zag-* : *ásarat*. Въ греч. *θέω* у Гомера почти всегда въ настоящемъ времени, аористъ *ἔδραμον*.

Разбирая далѣе употребленіе изъяснительнаго склоненія, Дельбрюкъ съ особенной подробностью останавливается на аористѣ. Онъ раздѣляетъ случаи его употребленія на двѣ группы: дѣйствіе аориста опредѣляется 1) съ точки зрѣнія настоящаго времени говорящаго лица и 2) съ точки зрѣнія условнаго, произвольно предполагаемаго настоящаго времени. Особенно интересенъ второй случай употребленія аориста. Къ нему относятся такъ называемый гномическій аористъ и близкій къ этому типу аористъ въ гомеровскихъ сравненіяхъ. Дельбрюкъ начинаетъ со сравненій и указываетъ на то обстоятельство, что аористъ въ нихъ употребляется тогда, когда въ слушающемъ нужно вызвать представленіе или совершившагося факта, или дѣйствія моментальнаго, начало и конецъ котораго совпадаютъ. Часто онъ имѣетъ оттѣнокъ быстроты или легкости, съ которою совершается дѣйствіе. Затѣмъ изъ этого значенія развивается оттѣнокъ легко, обыкновенно совершающагося дѣйствія, и такимъ образомъ получается возможность употребленія аориста въ сентенціяхъ. Необходимость выводить гномическій аористъ изъ обыкновеннаго, а не изъ инъюнктива, Дельбрюкъ видитъ въ томъ, что гномическій аористъ почти всегда у Гомера имѣетъ превращеніе. Этотъ ходъ развитія можно иллюстрировать слѣдующими примѣрами: II. XIII, 389: „Паль онъ (*ῥίπε*), какъ *падаетъ* (*ῥίπευ*) дубъ или тополь серебрянолистный, или огромная сосна, которую съ горъ дровосѣки острыми вокругъ топорами *ссткнутъ* (*εἰέταρον*), корабельное древо“. (Гнѣдичъ) или II. XI, 548 сл.: „Словно какъ жаркаго льва отъ загона воловъ тяжконогихъ *юняютъ* (*ἔσσεύαυτο*) сердитые псы и отважные мужи селяне, звѣрю они *не дадутъ* (*οὐκ εἰῶσι*) тука отъ стады ихъ похитить, цѣлую ночь стерегутъ ихъ, а онъ, насладиться имъ жадный, *мечется* *прямо* (*ἰθύει*), но тщетно *ярится* (*οὐ τι κρήσσει*); изъ рукъ дерзновенныхъ съ шумомъ *летятъ* (*αἰέσουσι*) устремленному въ срѣтенье частыя копыя, главни горящія: ихъ *устрашается* (*τρέϊ*) онъ и свирѣпый и со свѣтомъ зари *удаляется* (*ἔβη*) сердцемъ печальный,— такъ Теламонидъ печальный душой, негодующій сильно, всячь *отошелъ* (*ῥε*)“. II. XXII, 490: „День сиротства *мишаетъ* (*τιθήσι*) ребенка товарищей дѣтства: онъ *улетенъ* (*ὀπερνήμοκε*), и щеки *заплаканы* (*δεδάχρυσται*). Въ нуждѣ *придетъ* (*ἔλθει*) ребенокъ къ друзьямъ своего отца, коснется одежды того или другаго; сжалившись, *под-*

несетъ (ἐπέσχευ) ему кто-нибудь изъ нихъ кубокъ, а онъ только губы *омочитъ* (ἐδίηνε), даже пѣба не *омочитъ* (ἐδίηνε); а то и *прогонитъ* (ἐστορέλειεν) его богачъ отъ стола, ударивъ рукою и преслѣдуя бранью“. Отсюда недалеко уже до гномическаго аориста. Напримѣръ Гезіодъ Theog. 86: „рѣшительно говорящій быстро умѣло *уладитъ* (κατέτασε) и крупную ссору“.

Если мы ближе рассмотримъ это толкованіе гномическаго аориста, то увидимъ, что оно не вполне послѣдовательно. Аористъ гомеровскихъ сравненій Дельбрюкъ хочетъ объяснить изъ его первоначальнаго значенія, какъ прошедшаго времени, но поневолѣ долженъ главное вниманіе обратить на его видовое значеніе, такъ какъ въ сравненіяхъ значеніе времени сильно сглаживается. Отсюда онъ переходитъ къ гомеровскимъ изображеніямъ „типическихъ явленій“, какъ вышеприведенный примѣръ положенія сироты. Но вѣдь и сравненія представляютъ изъ себя тоже такія „типическія явленія“: поэтъ, приводя сравненіе, очевидно имѣетъ въ виду уяснить слушателю описываемую имъ картину и для этого напоминаетъ ему какой-нибудь хорошо знакомый, часто встрѣчающійся фактъ. И изъ такихъ, „типическихъ явленій“ Дельбрюкъ хочетъ объяснить гномическій аористъ, который опять-таки по существу ничѣмъ отъ нихъ не отличается. Кромѣ того трудно предположить, чтобы употребленіе аориста распространилось на сентенціи изъ сравненій или изображеній „типическихъ явленій“. Я по крайней мѣрѣ не вижу возможности перенесенія этого употребленія аориста по аналогіи на выраженія общихъ сужденій. Однимъ словомъ, по моему мнѣнію, мы должны объяснить всѣ эти различные виды аориста изъ одного общаго источника, то-есть объяснить, какимъ образомъ аористъ можетъ употребляться въ изображеніи „типическихъ явленій“, къ которымъ въ сущности сводятся всѣ эти типы его употребленія.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что аористъ постоянно чередуется съ настоящимъ временемъ, и самъ собою является вопросомъ, почему въ подобныхъ случаяхъ допускается только аористическое прошедшее время, и не употребляется imperfectum. Само по себѣ оно было бы возможно съ точки зрѣнія Дельбрюка. Какъ бы мы ни объясняли происхожденіе гномическаго аориста, мы должны во всякомъ случаѣ признать, что временнаго значенія онъ въ этихъ случаяхъ вовсе не имѣетъ: тамъ гдѣ дѣйствіе должно представляться курсивнымъ, употребляется настоящее время, а аористъ мы постоянно находимъ тамъ, гдѣ дѣйствіе представляется моментальнымъ. Этимъ,

по моему мнѣнію, объясняется то обстоятельство, что этотъ аористъ мы часто можемъ передать по русски будущимъ, или точнѣе, настоящимъ совершеннаго вида. Между употребленіемъ аориста и нашего настоящаго совершеннаго вида въ этомъ отношеніи существуетъ замѣчательный параллелизмъ. Какъ мы, употребляя въ подобныхъ случаяхъ настоящее совершеннаго вида, вовсе не соединяемъ съ нимъ представленія будущаго времени, точно такъ же и греки, очевидно, не соединяли съ этимъ аористомъ представленія прошедшаго времени. Такимъ образомъ мнѣ представляется возможнымъ и даже болѣе удобнымъ объяснять гномическій аористъ непосредственно изъ его видоваго значенія. Дельбрюкъ, слѣдуя своей теоріи, приходитъ къ необходимости объяснять употребленіе въ русскомъ будущаго времени въ подобныхъ случаяхъ изъ значенія будущаго времени. Но и это мнѣ кажется неестественнымъ, такъ какъ остается непонятнымъ, почему будущее сложное никогда, насколько я знаю, подобнаго значенія не имѣетъ. Неестественность этого объясненія представится намъ еще значительнѣе, если мы вспомнимъ, что самое будущее время Дельбрюкъ производитъ отъ настоящаго совершеннаго вида.

Изъ дальнѣйшаго изложенія употребленія наклоненій я отмѣчу только одно объясненіе происхожденія повелительнаго значенія инъюнктива. Древнѣйшимъ типомъ употребленія инъюнктива Дельбрюкъ признаетъ соединеніе его съ частицей запрещенія * *mē* (скр. *mā*, греч. *μή*), которая собственно и была носительницей повелительнаго значенія. Отсутствіе приращенія въ глагольной формѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что приращеніе, имѣя значеніе прошедшаго времени, заключало въ себѣ также и значеніе осуществленія дѣйствія. Поэтому она являлась лишней въ выраженіи желанія, чтобы дѣйствіе не осуществлялось. Такимъ образомъ по этой гипотезѣ инъюнктивъ является не самостоятельнымъ наклоненіемъ, а отдѣлившимся отъ изъявительнаго. Затѣмъ изъ этого отрицательнаго типа развился и инъюнктивъ безъ отрицанія въ смыслѣ повелительнаго наклоненія.

Послѣ обзора всѣхъ глагольныхъ формъ Дельбрюкъ излагаетъ употребленіе частицъ усиливающихъ и отрицаній. Этимъ заканчивается второй томъ „Синтаксиса“. Третій томъ долженъ содержать ученіе о предложеніи и общій указатель ко всѣмъ тремъ томамъ.

Въ заключеніе я постараюсь представить картину вѣроятнаго развитія системы формъ индоевропейскаго глагола. Если принять во вниманіе то, что аористъ по своему образованію ничѣмъ не отличается отъ *imperfectum*, что и въ той, и въ другой формѣ прошедшее время

выражалось не самой глагольной формой, а приращеніемъ и что будущее время различныхъ индоевропейскихъ языковъ по формѣ представляетъ очень разнообразныя образования, то естественно приходишь къ предположенію, что грамматическая категорія времени есть явленіе далеко не первоначальное. Ядро индоевропейскаго глагола составляетъ такъ называемая система настоящаго времени. Различныя образования его представляютъ не что иное, какъ выраженія различныхъ видовъ дѣйствія. Это и составляетъ древнѣйшее употребленіе индоевропейскаго глагола: онъ выражалъ только то, какимъ образомъ протекаетъ дѣйствіе, обозначаемое глагольнымъ корнемъ. Относительно первоначальнаго значенія суффиксовъ этихъ различныхъ образований мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ, но, повидимому, первоначально они распредѣлялись между глаголами въ зависимости отъ реальнаго значенія глагольнаго корня. Они присоединялись къ корню для болѣе точнаго указанія, какимъ должно представляться дѣйствіе: они были носителями видоваго значенія глагола. Если корень по своему значенію допускалъ различныя видовыя значенія, то къ такому корню могли присоединяться различныя суффиксы. Когда къ видовому значенію присоединилось значеніе прошедшаго времени въ формахъ, соединенныхъ съ приращеніемъ, то стали различаться двѣ категоріи прошедшаго времени: 1) прошедшее отъ основъ курсивнаго значенія — *imperfectum* и 2) прошедшее отъ основъ моментальнаго значенія—*аористъ*. Соединившись въ одномъ парадигмѣ, эти времена послужили исходною точкою для образования тѣхъ же формъ отъ корней, которые первоначально не были способны къ образованию того или другаго вида. Въ какой степени эта система спряженія глагола развилась уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ, объ этомъ мы пока не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Но много фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что грамматическая категорія времени еще не установилась вполне. Отдѣльныя индоевропейскіе языки образовывали различныя описательныя формы для выраженія прошедшаго и будущаго времени, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ въ пользу того, что категорія времени прочтѣ всего утвердилась въ такъ называемыхъ вспомогательныхъ глаголахъ, означающихъ существованіе.

Въ дальнѣйшемъ развитіи глагольныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ мы наблюдаемъ въ общемъ два различныхъ теченія. Большинство языковъ развиваетъ грамматическую категорію времени, создавая различныя формы, выражающія даже всевозможные отбѣнки прошедшаго и будущаго (*plusquamperfectum* и *futurum exactum*), при чемъ ви-

довое значеніе формъ постепенно сглаживается. Въ такихъ языкахъ въ большей или меньшей степени развивается такъ называемое *consecutio temporum*, зачатки котораго Дельбрюкъ находитъ и въ греческомъ языкѣ. Другіе языки, именно славянскіе, напротивъ развиваютъ видовое значеніе глагольныхъ формъ, при чемъ постепенно утрачиваютъ *imperfectum* и аористъ, какъ напримѣръ русскій языкъ.

Развитіе категоріи будущаго времени, повидимому, нужно относить къ періоду самостоятельнаго существованія отдѣльныхъ языковъ. Единственную форму будущаго, образуемаго суффиксомъ—*sio*—въ санскритскомъ и литовскомъ языкахъ, удобнѣе, мнѣ кажется, не возводить къ индоевропейской древности, не въ томъ смыслѣ, что бы этой формы не существовало въ индоевропейскомъ праязыкѣ, а въ томъ, что значеніе будущаго времени присоединилось къ этой формѣ уже въ періодъ отдѣльнаго существованія этихъ языковъ.

Представленная здѣсь картина развитія системы индоевропейскаго глагола представляется мнѣ не болѣе, какъ вѣроятною. Мнѣ казалось необходимымъ представить ее для того, чтобы въ ней одной, какъ въ моемъ личномъ выводѣ изъ книги Дельбрюка, не только соединить болѣе или менѣе достовѣрные результаты, добытые до настоящаго времени, но и намѣтить тѣ точки зрѣнія, изъ которыхъ, мнѣ кажется, нужно исходить при постановкѣ вопросовъ и задачъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ этомъ отношеніи книга Дельбрюка должна сослужить не малую службу. Она возбуждаетъ много вопросовъ относительно развитія системъ спряженія отдѣльныхъ языковъ: только такія изслѣдованія могутъ пролить свѣтъ на хронологию развитія индоевропейскаго глагола. Самъ Дельбрюкъ во многихъ частяхъ своей книги даетъ прекрасный примѣръ того, какъ слѣдуетъ вести такія изслѣдованія, и часто указываетъ на тѣ вопросы, которые должны быть подвергнуты болѣе точному анализу.

Д. Кудрявскій.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. І. Мандельштама.

Разборъ труда г. В. Миллера г. І. Мандельштамъ закончилъ выраженіемъ сожалѣнія, что я въ своемъ докладѣ о „Пушкинѣ и Руссо“, читанномъ въ Неофилологическомъ обществѣ увлекся „модой“ и неосторожно нашелъ сходство между двумя писателями тамъ, гдѣ его нѣтъ. Въ доказательство своихъ словъ г. І. Мандельштамъ при-

вель изъ *газетнаго* отчета о моемъ докладѣ нѣсколько фразъ и общилъ читателямъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, что эти фразы были для моихъ слушателей „сюрпризомъ“. Конечно, лучше всего могъ бы я возразить г. I. Мандельштаму, напечатавъ *цѣликомъ* мою статью, но я *пока* отложилъ ея обнаруженіе въ виду необходимости внести въ нее нѣкоторыя разъясненія, а потому пишу эти строки только для того, чтобы защитить себя отъ тѣхъ нареканій, которыя я рискую услышать отъ всякаго, повѣрившаго г. I. Мандельштаму такъ, какъ онъ повѣрилъ „Новостямъ“, не ознакомившись самостоятельно съ моей статьей.

Среди *цѣлаго ряда* основаній, приведенныхъ мною для доказательства близости между Пушкинымъ и Руссо, есть, дѣйствительно, и тѣ, на которыя указалъ г. I. Мандельштамъ. Мое возраженіе сведется только къ восстановленію этихъ искаженныхъ и до неузнаваемости сокращенныхъ доказательствъ въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ моемъ докладѣ.

Я сказала, что два мѣста изъ письма Татьяны не понятны безъ сопоставленія съ „Новой Элоизой“, именно:

Что значать слова: „не знала-бъ горькаго мученья? О какомъ „мученьи“ говоритъ Татьяна? Я утверждаю, что смыслъ этихъ словъ совершенно тождествененъ съ слѣдующей фразой изъ „Новой Элоизы“: „*Sans toi, beauté fatale, je n'aurais jamais senti ce contraste insupportable de grandeur au fond de mon âme et de bassesse dans ma fortune; j'aurais vécu tranquille et serais mort content.*“ (N. H., P. I, l. XXVI) „Мученья“, о которомъ говоритъ Татьяна, не было „мученьемъ любви“, что становится яснымъ, когда мы, вчитаемся въ слѣдующія слова:

Зачѣмъ Вы посѣтили насъ?
 Въ *глуши забытаго* селенья
 Я никогда-бъ не знала Васъ
 Не знала-бъ горькаго мученья...

 Была-бы вѣрная супруга
 И добродѣтельная мать.

Другими словами, еслибы не явился Онѣгинъ, Татьяна сжилась бы съ окружающей ее обстановкой, надѣла бы такъ же, какъ ея маменька, „на ватѣ шлафоръ и чепецъ“, привыкла бы и „довольна стала“. Но Онѣгинъ явился—и внесъ разладъ въ ея душу, „*contraste insupportable de grandeur au fond de mon âme et de bassesse dans*

ma fortune". Положеніе любовниковъ такимъ образомъ совершенно одинаково... Едва-ли это покажется случайностью, въ особенности, если знать всѣ другія доказательства близости Пушкина и Руссо, приводимыя мною въ моей статьѣ.

Другое мѣсто изъ письма Татьяны также непонятно безъ Руссо: Татьяна обращается къ Онѣгину съ просьбой:

Твоей защиты умоляю...

О какой *защитѣ* идетъ рѣчь? Посмотримъ въ письмо Юліи... Она обращается къ С. Прѣ съ такою-же просьбой, но говоритъ вполне ясно: „Tes vertus sont le dernier refuge de mon innocence... Tu protégeras ma personne contre mon propre coeur... (N. H., P. I, l. IV)... Tu dois être mon unique défenseur contre toi"... (ibid.) Татьяна, *начитавшись Руссо*, проситъ именно той-же защиты: она вообразила себѣ, что страсть отняла у нея всѣ силы для борьбы съ собой, и только самъ Онѣгинъ, этотъ „идеальный“ человѣкъ, можетъ ее спасти... Онѣгинъ былъ „тронуть“ посланьемъ Тани и рѣшилъ, что дѣвушка отдается ему, что ея судьба зависить только отъ него... И вотъ онъ, войдя въ роль Грандиссона, читаетъ ей нотацію: „учитесь властвовать собой“... и т. д.

Цѣлымъ рядомъ біографическихъ и историко-литературныхъ данныхъ доказываю я прекрасное знакомство Пушкина съ Руссо... Сличеніе письма Татьяны и Онѣгина съ письмами Юліи и С. Прѣ убѣждаетъ меня, что вліяніе стиля Руссо на стиль любовныхъ писемъ Пушкина было значительно. И, наконецъ, два приведенныя сопоставленія доказываютъ, по моему, что, когда Пушкинъ сочинялъ свои „письма“ образы Юліи и С. Прѣ носились передъ нимъ, такъ какъ онъ повторилъ нѣкоторыя ихъ мысли...

Въ виду недостатка данныхъ я оставляю открытымъ вопросъ о томъ, было ли *заимствование* у Руссо для Пушкина *безсознательнымъ* или *сознательной* поддѣлкой подъ „языкъ любви“, которымъ могла говорить дѣвушка, начитавшаяся Руссо и др. романовъ.

Въ заключеніе скажу, что мой докладъ для нѣкоторыхъ очень почтенныхъ ученыхъ оказался убѣдительнымъ. И хочется мнѣ утѣшить себя мыслью, что, хотя онъ и не всѣхъ убѣдилъ, но только лицамъ, привыкшимъ судить съ чужаго голоса, онъ показался совсѣмъ пустою выходкой.

В. Сиповскій.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Д-ръ *Л. Грецъ*, профессоръ физики Мюнхенскаго университета. Электричество и его примѣненія. Книга для изученія и для чтенія. Перевели съ 6-го нѣмецкаго изданія *А. Л. Гершунъ* и *В. К. Лебедикскій*. Съ 398 рисунками. IV + 538 стр. Изд. *Ф. В. Щепанскаго*. Цѣна 3 р. 50 коп.—Въ обширной книгѣ учебной литературѣ по электричеству занимаетъ весьма видное мѣсто книга *Л. Грета* (*L. Graetz*), выдержавшая въ Германіи въ теченіе немногихъ лѣтъ шесть изданій. По ясности и сравнительной элементарности изложенія и по обилію матеріала книга Грета можетъ быть превосходить всѣ ей подобныя сочиненія. Притомъ изложеніе строго научное, теоріи и практикѣ удѣлены примѣрно одинаковыя по объему части. Не опущены и новѣйшія открытія въ области электрическихъ явленій и ихъ примѣненій. Книга снабжена большимъ числомъ прекрасныхъ рисунковъ. Она раздѣлена на два отдѣла, теоретическій и практический. Въ первомъ изложено въ обычномъ порядкѣ ученіе о статическомъ электричествѣ и объ электрическомъ токѣ. Второй отдѣлъ раздѣленъ на XIII главъ, въ которыхъ разсмотрѣны: динамомашинныя, аккумуляторы, трансформаторы, электрическое освѣщеніе, электрическіе двигатели, передача работы, электрохимическія явленія, гальванопластика, телеграфія и телефонія. Послѣдняя глава посвящена явленіямъ, которыя обнаруживаются при прохожденіи электричества черезъ газы, въ томъ числѣ явленіямъ, открытымъ Рентгеномъ. Русскій переводъ въ научномъ отношеніи вполне правильный. Что же касается языка, то мѣстами замѣчаются нѣкоторыя шероховатости, которыя желательно было бы устранить въ слѣдующемъ изданіи. Такъ, напримѣръ, на стр. 13 читаемъ: „.... то въ каждомъ мѣстѣ проводника долженъ быть тотъ же потенциалъ“, вмѣсто „одинъ и тотъ же потенциалъ“. „Мы мѣряемъ“ на стр. 15. „Слишкомъ неудобна по своей величинѣ“ (стр. 15) выражено неясно; должно быть „по своей слишкомъ большой величинѣ“. „Дѣйствовало явленіе“ на стр. 145. Такихъ примѣровъ можно привести еще нѣсколько.

Проф. *Генри Друммондъ*. Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Переводъ съ англійскаго *Л. Никифорова*. Изд. *Кюкича*. 1897. Цѣна 60 коп. 237 стр.—Генри Друммондъ принадлежитъ къ числу талантливыхъ современныхъ писателей. Его книга объ Африкѣ, книга „Самое великое въ мірѣ“ и „Прогрессъ и эволюція человѣка“ переведены на многіе языки съ англійскаго. Но наибольшимъ успѣхомъ пользуется его книга, которую перевелъ г. Никифоровъ, опустивъ предисловіе, введеніе и всѣ литературныя указанія, которыми изобилуетъ оригиналь. Въ предисловіи авторъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія и объясняетъ исторію возникновенія книги. Авторъ одновременно читалъ два различныхъ курса двумъ различнымъ аудиторіямъ: студентамъ онъ читалъ общій курсъ естествознанія, рабочимъ—проповѣди религіозно-нравственнаго содержанія. Сначала онъ старался раздѣлять мысленно эти двѣ столь различныя области, но мало-по-малу онъ пришліи въ соприкосновеніе и онъ сталъ замѣчать, что между религіей и наукой нѣтъ той

принципіальной разницы, которую обыкновенно предполагают; напротивъ того, одинъ и тотъ же законъ господствуетъ во всемъ мірозданіи и этотъ законъ полнѣ всего выразился въ христіанской религіи, представляющей раскрытіе духовнаго міра. Эта, можетъ быть, нѣсколько рискованная тема и послужила предметомъ для разсужденій автора. Разсматривая явленія природы, по преимуществу органической, авторъ отъ нихъ переходитъ къ основнымъ вопросамъ христіанской религіи, находя въ нихъ полную аналогію съ первыми. Можетъ быть, что съ точки зрѣнія чисто догматической, нѣкоторыя мысли автора и покажутся не совсемъ справедливыми, но несомнѣнно, что авторомъ руководило искреннее религиозное чувство; притомъ онъ касается самыхъ общихъ вопросовъ христіанства, независимыхъ отъ конфессіональных различій, — имѣющихъ по преимуществу нравственный характеръ — касается весьма умѣло и разъясняетъ ихъ весьма оригинально и удачно; я думаю, что чтеніе книги г. Друммонда можетъ быть смѣло рекомендовано всякому и ничего кромѣ пользы отъ этого чтенія произойти не можетъ. Конечно, на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, какъ это христіанство „можетъ опереться на біогенезъ“ (стр. 7), какъ ученіе о вѣчной жизни можетъ вытекать изъ современной науки (біологія) (стр. 96 и далѣе), но въ сущности авторъ пользуется лишь аналогіями, заимствованными изъ естествознанія, чтобы этимъ путемъ выяснить значеніе христіанскаго ученія; ущерба для христіанства отъ этого никакого нѣтъ; напротивъ того, и можетъ быть авторъ въ большей мѣрѣ теологъ, чѣмъ представитель естествознанія. Мѣстами въ книгѣ замѣчается оптимистическій и утилитаристическій оттѣнокъ мысли, столь свойственный англичанамъ-писателямъ вообще, но это нисколько не нарушаетъ общаго приподнятаго тона, въ коемъ написана вся книга. Что касается русскаго перевода, то онъ сдѣланъ не вполне удовлетворительно; я уже указалъ на то, что переводчикъ опустил почему-то предисловіе и введеніе, не помѣстивъ оглавленія и опустилъ литературныя указанія, дагѣ онъ соединилъ двѣ главы IX и X въ одну, сокративъ содержаніе ихъ. Всего этого не слѣдовало дѣлать. Хотя въ общемъ языкъ перевода удовлетворителенъ, но самый переводъ сдѣланъ очень неточно, мѣстами же встрѣчаются и неопытныя фразы: (напримѣръ, на стр. 47) или просто-таки неправильности: авторъ говорить о борьбѣ, а г. Никифоровъ переводитъ „противорѣчіе“ стр. 49. Г. Друммондъ говорить объ англійскомъ писателѣ „Бутлерѣ“ стр. 97, а г. Никифоровъ превращаетъ его въ знаменитаго русскаго химика „Бутлерова“. Врядъ ли такіе переводы и изданія желательны и хотѣлось бы видѣть книгу г. Друммонда въ полномъ и тщательномъ переводѣ.

„По Бѣлу—свѣту“. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта доктора *А. В. Елисева*. Съ иллюстраціями художниковъ: В. П. Овсяникова, А. А. Писемскаго, Ф. П. Ризниченко, акад. Н. С. Самовишъ, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина. Т. III. С.—Пб. 1896. Изданіе *И. Сойкина*. Стр. IV + 397, въ 4-ку. Цѣна 3 рубля.—Озаглавленный 3-й томъ путешествій доктора Елисева содержитъ въ себѣ описаніе двухъ путешествій. Первое было совершено въ 1884 году по Сиріи и по сѣверо-западной Африкѣ, именно по Тунисіи, Алжиріи и затѣмъ по Сахарѣ до горъ Гадамесъ. Второе путешествіе по Малой Азіи предпринято было въ 1886 году на сред-

ства Палестинскаго общества. Это путешествіе докторъ Елисеѣвъ предполагалъ начать съ Кавказа и пройти весь тотъ путь отъ границъ Русской земли до Палестины, которымъ въ прежнее время прошло нѣсколько древнихъ русскихъ паломниковъ; но намѣренія этого, вслѣдствіе происходившихъ въ то время волненій въ Курдистанѣ, онъ не могъ осуществить, и поэтому началъ свое путешествіе не съ Кавказа, а съ противоположной стороны Малой Азіи, именно: изъ Александреттской гавани на Алеппо, надѣясь пройти черезъ Курдистанъ въ зимнее, болѣе спокойное время; но снѣжные заносы на горныхъ проходахъ и на этотъ разъ помѣшали нашему путешественнику идти по намѣченному пути, и онъ былъ вынужденъ пройти поперекъ Малой Азіи болѣе вѣрнымъ путемъ, именно большою дорогою черезъ города: Сивась, Токать и Амосію до Самсуна, порта Анатолиі на Черномъ морѣ. 3-й томъ путешествій доктора Елисеѣва производитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ и первые два тома. Сообщая массу разнородныхъ свѣдѣній изъ физической природы, быта и нравовъ жителей, докторъ Елисеѣвъ попутно вставляетъ многія научныя свѣдѣнія, и все это излагаетъ просто и картинно. Особенность описаній доктора Елисеѣва состоитъ въ томъ, что онъ, главнымъ образомъ, сообщаетъ только видѣнное имъ самимъ и это придаетъ особую живность его разказамъ; мѣстами же эти разказы являются увлекательными вслѣдствіе тѣхъ приключеній, которыя приходилось испытывать путешественнику во время своихъ экскурсій, совершаемыхъ большею частью въ одиночку или въ компаніи одного и много трехъ проводниковъ. Таковы, для примѣра, въ первомъ путешествіи описанія селеній современныхъ троподитовъ Туниса, гдѣ путешественникъ провелъ цѣлую ночь среди не особенно гостепріимныхъ номадовъ съ однимъ проводникомъ; экскурсія въ горы, въ хижину одного изъ немродовъ Алжири, и участіе въ охотѣ на льва; затѣмъ отважное путешествіе вглубь Сахары въ сопровожденіи трехъ спутниковъ. Последнее описаніе Сахары важно, впрочемъ, не какъ свидѣтельство только отваги нашего путешественника, но, главнымъ образомъ, потому, что сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, совершенно противоположныхъ установившимся понятіямъ географовъ о Сахарѣ. Въ путешествіи по Малой Азіи среди интереснаго матеріала вниманіе читателя особенно остановится на описаніи русской казачкой Майносской колоніи, въ 25 верстахъ отъ берега Мраморнаго моря; о колоніи этой встрѣчаются извѣстія въ нашей географической литературѣ, но безъ тѣхъ интересныхъ подробностей, которыхъ касается путешественникъ. Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ интересно сообщеніе о тѣхъ симпатіяхъ, которыя питаютъ къ Россіи православные сирійцы, арабы, армяне, выселившіеся съ Кавказа, черкесы и даже мусульмане, но при этомъ высказывается обычное для путешественниковъ сожалѣніе, что Россія недостаточно соперничаетъ съ иностранными миссіями въ обработкѣ или вообще въ усиленіи этихъ симпатій. 3-й томъ, подобно первымъ двумъ, снабженъ многочисленными освѣщающими текстъ иллюстраціями, за прекрасное выполненіе которыхъ ручаются уже имена художниковъ, работавшихъ надъ ними, какъ-то: Самокиша, Овсяникова и др.

Великорусъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, овычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы собранные и приведенные въ порядокъ

П. В. Шейномъ. Томъ I, выпускъ 1-й. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1898. XXVII + 376 стр. Цѣна 3 руб.—Просвѣщенное содѣйствіе Императорской Академіи Наукъ дадо нашему извѣстному этнографу П. В. Шейну возможность обнародовать тѣ богатѣйшіе матеріалы, которыя явились результатомъ болѣе чѣмъ сорокалѣтнихъ наблюденій его надъ жизнью и поэзіей русскаго народа. Въ составъ настоящаго сборника вошли всѣ его прежнія собранія великорусскихъ пѣсень, печатавшіяся въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ въ 1859, 1868, 1869, 1870 и 1877 гг. Пѣсни, вошедшія въ составъ этого изданія, записаны въ самыхъ разнообразныхъ углахъ Великороссіи; самъ г. Шейнъ, главнымъ образомъ, собиралъ въ губерніяхъ Московской, Тверской, Рязанской, Симбирской и Тульской, а его многочисленные корреспонденты записывали пѣсни въ губерніяхъ Вятской, Вологодской, Новгородской, Владимирской, Самарской, Псковской, Тульской, Пермской, Курской, Смоленской и др. Помогли г. Шейну и этнографическія отдѣленія Императорскаго Общества Русскаго Географическаго и Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, удѣлившія почтенному издателю нѣкоторые интересные матеріалы. Въ результатъ получился трудъ, который, судя по 1 выпуску I тома, обѣщаетъ быть однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ русскую науку. Одно изъ главныхъ достоинствъ сборника г. Шейна заключается въ томъ, что собиратель предложилъ въ достаточномъ количествѣ всѣ доселѣ извѣстные роды и виды народныхъ пѣсень; притомъ пѣсни собраны во всѣхъ почти великорусскихъ губерніяхъ. Собранный г. Шейномъ матеріалъ распадается по формѣ и содержанію на двѣ части: а) стихотворную пѣсенную и б) прозаическую, въ которую кромѣ сказокъ, легендъ и т. п. произведеній отнесены также описанія народныхъ обычаевъ, вѣрованій и воззрѣній на природу. Отдѣлъ пѣсень въ свою очередь распадается на заключающій а) пѣсни, отражающія въ себѣ главные моменты жизни человѣка и б) пѣсни, характеризующія переходъ отъ личной жизни къ общественной, государственной, исторической. Эти два крупныя подраздѣленія опять имѣютъ цѣлый рядъ мелкихъ дѣленій. Такъ, пѣсни, отражающія личную жизнь народа распадаются на слѣдующія виды: 1) дѣтскія (колыбельныя и потѣшныя, прибаутки и приговоры, жеребьевыя (копанья), дѣтскія игры), 2) хороводныя (наборныя, игровыя, разборныя), 3) плясовыя, 4) бесѣдныя (любобныя, семейныя, юмористическія). „Обрядовыя“ пѣсни (Отдѣлъ II) распадаются на святочные, игрища, подблюдныя, масляничныя, веснянки, пѣсни волочебниковъ, вознесенскія, завиванья вѣнковъ, наряжанье березки и др. Такая сложная система, внесенная въ богатый матеріалъ русской народной поэзіи, конечно, не могла быть выдержана строго, потому что самъ народъ, по словамъ г. Шейна, сплутывалъ и смѣшивалъ роды и виды своихъ пѣсень, а потому собирателю при распредѣленіи матеріала являлись такія затрудненія, что ему приходилось „распутать спутанное“,—въ результатъ и при „перетасовкѣ“ пѣсень въ новые роды“ у него могли оказаться нѣкоторыя „сомнѣнія“ (стр. IX пред.).

Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы. Т. II, изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1898. Цѣна 3 р. 50 к. 638 стр.—Давно ожидаемый I томъ названнаго сочиненія, наконецъ, поступилъ въ продажу. Мы искренне

привѣтствуемъ этотъ симпатичный трудъ, написанный живо, увлекательно, — качество, такъ рѣдко встрѣчаемое въ компилятивныхъ сочиненіяхъ. Судя по библиографическимъ даннымъ, приложеннымъ къ каждой главѣ вышедшаго тома, видно, что Лансонъ пользовался послѣдними по времени историко-литературными изслѣдованіями. Указываемъ на эту библиографію, какъ тоже на одно изъ достоинствъ книги г. Лансона. Начинаящему заниматься французскою литературой, подъ руководствомъ библиографическихъ указаній г. Лансона, легко будетъ ознакомиться съ цѣлымъ рядомъ наиболѣе важныхъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ. Очень цѣнны также приложенныя къ этому тому хронологическія таблицы главнѣйшихъ произведеній французской литературы XVII и XVIII вѣковъ, причемъ надо замѣтить, что авторъ подъ „литературой“ понимаетъ не только беллетристику, но и политику, юридическія науки, теологію, философію, мораль, критику, исторію, мемуары, письма и т. п. Жаль, что при такой широкой постановкѣ вопроса, г. Лансонъ только 638 стр. отвелъ на обзоръ литературы съ XVIII вѣка до нашихъ дней. Начинаетъ авторъ свой трудъ съ указанія культурной связи между XVII и XVIII вѣками; затѣмъ онъ обращается къ переходной литературѣ начала XVIII вѣка; довольно много говоритъ о Вольтерѣ и Монтескье, Дидро, Руссо, и затѣмъ переходитъ къ эпохѣ романтизма, начало которой видитъ въ до-революціонной литературѣ. Говоря о революціонной эпохѣ, онъ цѣлую главу отводитъ „политическому краснорѣчію“, и переходитъ къ Сталь и Платобриану. Эпоха романтизма разработана особенно обстоятельно. И затѣмъ послѣдняя эпоха въ жизни французской литературы — „натурализмъ“ разсмотрѣна до 1890 года. Къ сочиненію приложенъ указатель именъ.

А. Н. Неустровъ. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. С.-Пб. 1898. XVI + 808, стр. Цѣна 6 р.—Нынѣ вышедшій въ свѣтъ трудъ г. Неустрова представляетъ вторую часть обширной работы его, посвященной историческому изученію русской журналистики за 100 лѣтъ со времени ея зарожденія. Г. Неустровъ началъ заниматься библиографическимъ описаніемъ русскихъ повременныхъ изданій съ 1868 года, и вѣнцемъ этого долготѣяго труда является алфавитный указатель къ тому содержанію, которое въ нихъ заключается. Такимъ образомъ настоящій трудъ г. Неустрова даетъ русской публикѣ ключъ къ недоступной почти сокровищницѣ русской мысли прошлаго вѣка, и потому сочиненіе его будетъ настольной книгой всякаго ученаго, занимающагося исторіей XVIII вѣка. Можно сказать, что, благодаря г. Неустрову, цѣлый рядъ любопытныхъ статей и произведеній, скрытыхъ въ журналахъ, забытыхъ и затерянныхъ по разнымъ бібліотекамъ, дѣлается теперь общимъ достояніемъ. Въ предисловіи къ своему труду почтенный изслѣдователь приводитъ исторію библиографическихъ работъ касательно русскихъ повременныхъ изданій и объясняетъ, чѣмъ онъ руководился, предпочтя алфавитный порядокъ въ своемъ „Указателѣ“ систематическому. „Систематизація, говоритъ онъ, такого необозримаго матеріала, какимъ является журналистика за сто лѣтъ, представляется слишкомъ сложной и слишкомъ разнообразной, чтобы составители указателей и лица, пользующіеся ими могли прійти къ какой-нибудь одной, не терпящей измѣненій, системѣ. Этотъ

недостатокъ устроенъ въ Указателѣ, составленномъ по алфавиту. Въ этомъ последнемъ, пользующійся книгой долженъ уже самъ намѣтить себѣ всѣ тѣ статьи, которыми онъ интересуется и разъ имъ это сдѣлаво съ должнымъ вниманіемъ и аккуратностью, то въ его поискахъ не окажется пробѣловъ, возможныхъ при болѣе подготовленномъ, но опасномъ по своему произвольному скрытію статей въ систематическомъ порядкѣ“. Конечно, многое можно сказать и противъ алфавитнаго порядка, но, во всякомъ случаѣ, трудъ г. Неустрова, повторяемъ, представляетъ большую цѣнность.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Созоновичъ, И.*, проф. Императорскаго Варшавскаго университета. Къ вопросу о западномъ влияніи на славянскую и русскую поэзію. Варшава. 1898.

— *Барсуковъ, Николай.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга двѣнадцатая. С.-Пб. 1898.

— *Оглоблинъ, Н. Н.* Обзоръ столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть вторая. Документы таможеннаго управленія. Съ дополненіями къ I части. М. 1898.

— *Флоринскій, Тимофей*, ординарный профессоръ университета Св. Владимира. Лекція по славянскому языковѣданію. Кіевъ. 1897.

— *Нидерле, д-ръ Люборъ*, проф. Чешскаго университета въ Прагѣ. Человѣчество въ доисторическія времена.—Доисторическая археология Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго *Ѡ. К. Волкова* подъ редакціей *Д. Н. Амучина*. Съ 459-ю рисунками и картою. С.-Пб. 1898.

— *Мижуевъ, П. Г.* Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англии. С.-Пб. 1898.

— *Шмурло, Е.* Отчетъ о заграничной командировкѣ осенью 1897 года. Юрьевъ. 1898.

— *Маккаевъ, А. Ф.*, преподаватель С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I. Проекціонное черченіе съ натуры. Посobie при изученіи графической грамоты. Съ атласомъ изъ 19 таблицъ чертежей. С.-Пб. 1898.

— *Беллюстинъ, В.* Дневникъ занятій по арифметикѣ въ начальной школѣ. С.-Пб. 1898.

— *Донуревичъ, Т.* Свѣтъ Азии. Распространеніе христіанства въ Сибири. (Дешевая библіотека русскаго паломника. Изданіе *П. П. Сойкина*). С.-Пб. 1897.

— Въ дѣвряхъ Азии. (Очерки путешествія генераль-маіора Пѣвцова). По подлиннику обработалъ *Н. Соколовъ*. (Полезная библіотека. Изданіе *П. П. Сойкина*). С.-Пб. 1897.

— *Эсперовъ, Николай.* Состоянія тмѣ и естественныя дѣленія тмѣ. Варшава. 1897.

— *Murko, M.*, Dr. SAN KOLLÁR. 1897.

— Album pamiątkowe z pobytu Ich Cesarskich Mości w Królestwi Polskiem. 1897.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1898 г. Тома III-го книжка I-я. С.-Пб. 1898. Содержание: *А. А. Шахматовъ*, Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ; *В. В. Сноповскій*, Къ литературной исторіи Писемъ русскаго путешественника; *А. А. Шахматовъ*, „*Eugen Sčerkin. Zur Nestorfrage*“; *П. А. Сырку*, „*Sava Chilandages*“; *Е. Ѡ. Будде*, Забѣтка о городѣ Коновѣ нашей лѣтописи; *А. И. Яницирскій*, Мелкіе тексты и забѣтки по старинной славянской и русской литературѣ; *В. Н. Щепкикъ*, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги и пр. Библиографія.—Приложенія: *А. А. Шахматовъ*, Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ (л. 1-3) и пр.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ VII. №№ 4—5. 1897. ноябрь—декабрь (Bulletin. V-e série, t. VII, №№ 4—5). С.-Пб. 1897.

— Записки Императорской Академіи Наукъ. (Mémoires) VIII-e série. По историко-филологическому отдѣленію. Т. II. № 1. Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Съ 2 картами. С.-Пб. 1897.

— Тоже, т. II. № 2. *С. Г. Рыбаковъ*. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. 204 мелодіи съ текстами и русскимъ переводомъ.—Характеристики музыкантовъ и очерки путешествія.—Два приложенія. Съ картою Уфимской и Оренбургской губерній и съ портретомъ башкира музыканта. С.-Пб. 1897.

— Тоже, по физико-математическому отдѣленію. Томъ V, № 9. Отчетъ по главной физической обсерваторіи за 1896 г., представленный Императорской Академіи Наукъ *М. Рыкачевымъ*, директоромъ главной физической обсерваторіи. С.-Пб. 1897.

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 63-й. С.-Пб. 1897. Содержание: извлеченіе изъ протоколовъ отдѣленія за 1894 г. — Отчетъ о десятомъ присужденіи премій имени Пушкина.—Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Академіи Наукъ.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. *П. А. Ровинскаго*.

— Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою Академіею Наукъ, подъ редакціею академика *Н. Ѡ. Дубровина*. Томъ V. Годъ 1715. Книга II. Іюль—декабрь. С.-Пб. 1897.

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ. 1898 годъ. Книга первая. 184-ая. Издана подъ завѣдываніемъ *Е. В. Барсова*. М. 1898. Содержание. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ пред. *А. А. Титова*.—Россия и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ съ предисловіемъ *К. И. Якубова*.—Откровенія Мееодія Патарскаго, *В. М. Истрина*.—Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа *Н. Н. Ошоблина*.—Очерки по исторіи грузинской словесности. *А. С. Хаханова*. Смѣсь—сообщ. *А. Чумиковъ*.

— Годи́чный а́кътъ. Отче́тъ о состо́яніи и дѣя́тельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1897 годъ, составленный ординарнымъ профессоромъ *В. К. Ермишtedомъ*, съ приложеніемъ рѣчи ординарнаго профессора *С. П. фонъ-Глазенапа*. С.-Пб. 1898.

— Рѣчь и отчетъ, читанные на торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1898 года. М. 1898.

— Отче́тъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1895 годъ, съ приложеніемъ рѣчи и рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1897.

— Отче́тъ о дѣя́тельности Ярославской губернской ученой архивной комиссіи за 1897 годъ. Ярославль. 1898.

— Памятная книга дирекціи народныхъ училищъ Бессаравской губернии на 1898 годъ. Кишиневъ. 1898.

ПО ПОВОДУ ГОДОВЩИНЫ КОНЧИНЫ А. Н. МАЙКОВА.

I.

Одинъ за другимъ сходятъ со сцены „последніе могиканы“ стараго поколѣнія русскихъ писателей, дѣятели, полвѣка или болѣе тому назадъ выступившіе со своими первыми опытами, встрѣченные при своемъ появленіи на литературной аренѣ проникательною критикою Бѣлинскаго. Теперь уже нетрудно пересчитать по пальцамъ заслуженныя имена русской писательской семьи, имена тѣхъ ея ветерановъ, которые начали свое активное служеніе родному слову даже не ранѣе пятидесятихъ или шестидесятихъ годовъ истекающаго вѣка, не говоря уже о тѣхъ, которые стали писать въ концѣ тридцатыхъ, а выпускать въ свѣтъ свои произведенія въ теченіе сороковыхъ годовъ. Прошедшій годъ унесъ въ могилу еще одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ представителей исчезающаго поколѣнія, одного изъ наиболѣе видныхъ служителей родной литературы—А. Н. Майкова, дѣятельности котораго мы посвящаемъ нашъ нѣсколько запоздалый отзывъ, предупреждая заранѣе, что не имѣемъ въ виду писать обстоятельную характеристику этой дѣятельности. Не задаваясь цѣлью всесторонне оцѣнить поэзію Майкова, мы считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя историко-литературныя справки, могущія, по нашему мнѣнію, послужить къ освѣщенію личности поэта и его творчества.

II.

Припомнимъ прежде всего въ общихъ чертахъ характеристику поэзіи Майкова, данную Бѣлинскимъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1842 г. въ обстоятельной статьѣ, посвященной вышедшимъ въ пре-

дыдущемъ году *Стихотвореніямъ* молодого автора. Пусть знаменитый критикъ говорить самъ.

„Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются въ глазахъ читателя на два разряда, не имѣющіе между собою *ничего общаго*, кромѣ развѣ *хорошаго стиха*, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона—хорошій стихъ“ (Сочиненія Бѣлинскаго, ч. 6, стр. 107).

Изъ дальнѣйшаго хода статьи явствуетъ, что, восторгаясь антологическими произведеніями Майкова и будучи вынужденъ къ собственному сожалѣнію болѣе порицать, чѣмъ хвалить стихотворенія, отнесенныя имъ ко второму разряду, Бѣлинскій отнюдь не хочетъ сказать, что сфера начинающаго поэта разъ навсегда ограничена тѣмъ родомъ, въ которомъ онъ съ самаго начала явилъ себя искусственнымъ мастеромъ. Разсмотрѣвъ не-антологическія стихотворенія Майкова, критикъ говоритъ въ заключеніе своей статьи: „Однакожь и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до сихъ поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою“ (ibid., 131—133). Такими пьесами оказываются помѣченная въ сборникѣ номеромъ LV, затѣмъ извѣстная маленькая вещица „*Жизнь безъ тревогъ — прекрасный саттлйй день*“, въ особенности же два „перла“ — *Ангель и Демонъ* и *Раздумье*,—„верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ“, „поражающее въ антологической, роскошно художественной формѣ содержаніемъ изъ другой сферы“...

Слѣдовательно, передъ молодымъ поэтомъ открывалась въ будущемъ достаточно широкая перспектива; но талантъ его раскрывался не вдругъ. Годъ спустя послѣ появленія указаннаго критическаго разбора при обзорѣннн движенія русской литературы за 1842 г. Бѣлинскій вновь возвращается къ Майкову и, попрежнему ставя антологическія его стихотворенія наряду съ однородными твореніями Пушкина, если не выше ихъ, продолжаетъ: „Но жаль было бы, еслибы только на этомъ *остановился* г. Майковъ. Антологическія стихо-

творенія, какъ бы ни были хороши, не болѣе, какъ пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ... Сверхъ того, *исключительная преданность* древнему міру (и притомъ *далеко невольнъ понятому*), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Къ этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряетъ и свою цѣну... Покоряясь требованіямъ справедливости, мы не можемъ не повторить здѣсь уже сказаннаго нами въ статьѣ о стихотвореніяхъ г. Майкова, что *почти всѣ* его не-антологическія стихотворенія пока не общаются въ будущемъ ничего особеннаго. Намъ было бы очень пріятно ошибиться въ этомъ приговорѣ, и мы первые вспомнили бы съ радостью о своей ошибкѣ, еслибы г. Майковъ подарилъ русскую публику такими стихотвореніями, которыя обнаружили бы въ немъ столь же примѣчательнаго и столь же много общающаго въ будущемъ современнаго поэта, сколько и антологическаго". Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится одно изъ вновь появившихся стихотвореній Майкова въ античномъ духѣ (*Барельефъ*) и рядомъ съ нимъ другое, доказывающее, что, чуть только поэтъ выйдетъ изъ сферы антологическаго созерцанія, какъ изъ его стихотворенія тотчасъ же ничего не выйдетъ (*ibid.*, ч. 7, 32—34).

И въ послѣдующихъ обзорахъ Бѣлинскій неоднократно упоминаетъ, хотя бѣгло, о новыхъ мелкихъ стихотвореніяхъ Майкова на ряду съ первыми стихотворными опытами Тургенева, Некрасова, Полонскаго, Фета; но не ранѣе 1845 г. ему представился желанный случай измѣнить свой прежній приговоръ, — и великій критикъ поспѣшилъ сдѣлать это со всегдашнимъ своимъ прямушіемъ. Въ статьѣ, посвященной русской литературѣ за истекшій 1845 годъ, мы читаемъ: „Прошлый литературный годъ дебютировалъ вдругъ двумя весьма замѣчательными поэмами въ стихахъ. Первая *Разговоръ*—г. Тургенева... Поэма г. Майкова *Дѣя Судьбы* доказала, что его талантъ *не ограниченъ* исключительно тѣснымъ кругомъ антологической поэзіи, и что ему предстоитъ въ будущемъ богатое развитіе. Несмотря на *явную небрежность*, съ какою написаны многіе стихи въ этой поэмѣ, несмотря на то, что нѣкоторыя мѣста въ ней отзываются юношескою незрѣлостью мысли, — поэма чрезвычайно замѣчательна въ цѣломъ и блеститъ удивительными частностями, исполненными ума и поэзіи“ (*ibid.*, ч. 10, 282 — 283). Этой „были“ Майкова Бѣлинскій посвятилъ даже отдѣльную, хотя краткую замѣтку при самомъ ея по-

явленіи въ 3-ей книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* за 1845 годъ. Въ слѣдующемъ году въ *Петербургскомъ Сборникѣ* Некрасова появилась вторая, „прекрасная“, по отзыву Бѣлинскаго, поэма Майкова, — *Машенька*, изъ которой критикъ сдѣлалъ довольно длинную выписку „не для показанія красотъ поэмы“, такъ какъ „для этого ее нужно было бы перепечатать всю“, а для поясненія и подтвержденія высказанной мысли о томъ, что лучшую сторону этой поэмы составляетъ „соединеніе патетическаго элемента съ комическимъ, которое въ сущности есть не иное что, какъ умѣнье представлять жизнь въ ея истиннѣ“... „Этой истиннѣ мною въ поэмѣ. Особенно порадовала насъ въ ней прелесть комическаго разговора, который даетъ надежду, что для таланта молодого поэта предстоитъ еще въ будущемъ богатое развитіе въ такомъ родѣ поэзіи, къ которому въ началѣ ея поприща никто не считалъ его способнымъ“ (ibid., ч. 10, 360—362).

III.

Таковы были первые шаги Майкова на литературномъ поприщѣ. Въ дополненіе къ приведеннымъ вкратцѣ выдержкамъ изъ критическихъ оцѣнокъ Бѣлинскаго мы полагаемъ интереснымъ указать на то вниманіе, съ какимъ относился молодой поэтъ къ мнѣніямъ авторитетнаго цѣнителя, и вообще на ту строгость, какую проявлялъ Майковъ по отношенію къ своимъ раннимъ произведеніямъ. Такъ, въ позднѣйшія собранія его стихотвореній не включались даже обѣ названныя выше поэмы, удостоившіяся, какъ мы видѣли, вполне лестныхъ отзывовъ со стороны критика, не слишкомъ щедро на похвалы,—не говоря уже о пьесахъ, напечатанныхъ въ первомъ изданіи и безусловно осужденныхъ, каковы *Воробьева Гора*, *Два Гроба*, *Истинное Благо*, *Мститель*, *Кладбище*, *Два Моря*, пьесы, въ которыхъ Бѣлинскій „рѣшительно не узнаетъ“ Майкова, говоря, что подъ ними смѣло могли бы подписаться гг. Кропоткинъ, Гогниевъ, Романовичъ и имъ подобные стихотворцы. Вообще, еслибы Бѣлинскій дожилъ до позднѣйшихъ изданій стихотвореній Майкова, онъ не могъ бы повторить по ихъ адресу сказаннаго имъ про первое изданіе, въ которомъ наряду со многимъ хорошимъ и превосходнымъ оказалось кое-что и такое, „что неприятно встрѣтить въ печати и что бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ“ (Сочин. Бѣлинскаго, ч. 6, 129—130). „Явно, что пьесы въ родѣ *Воробьевыхъ Горъ*

и *Кладбища* написаны г. Майковым давно уже и милы ему, может быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музыки; но мы судимъ о нихъ, какъ чужіе и посторонніе имъ" (ibid.). Это указаніе не прошло даромъ для поэта. Но въ особенности поучительно прослѣдить въ отдѣльныхъ мелочахъ чуткость Майкова къ мнѣніямъ Бѣлинскаго. Такъ, въ не разъ цитированной нами критической статьѣ мы читаемъ: „*Горный Ключъ* принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, еслибы въ немъ ручьи (не были названы *рѣзвыми нитями земли*“.

Возьмемъ въ руки одно изъ позднѣйшихъ изданій нашего поэта (хотя бы изданіе 1872 г.) — и тамъ мы уже найдемъ не понравившееся критику выраженіе замѣненнымъ другимъ:

„Откуда ты, о ключъ подгорный,
Катяшь звенящія струи?
Кто вызывать васъ изъ бездны черной,
Вы, слезы чистыя земли?“ (*Горный Ключъ*).

То же самое мы замѣтимъ при чтеніи пьесы *Ангель и Демонъ*, про которую Бѣлинскій, приведя ее цѣликомъ, сказалъ: „Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду — не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достаетъ, что-то не договорено; эпитетъ *пышный* неудовлетворителенъ: мы думаемъ, что даже *гордый* больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы“ (ibid.). Въ позднѣйшемъ изданіи забракованный эпитетъ замѣненъ рекомендованнымъ:

„Но *гордый* демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!“

Равнымъ образомъ изъ поэмы *Таргетъ* исчезли съ теченіемъ времени отмѣченныя Бѣлинскимъ изысканныя выраженія: „*миръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія горы — юрдыя врата Европы*“ (хотя на нашъ взглядъ въ этой поэмѣ уцѣлѣло не мало другихъ выраженій такого же достоинства).

Но и не только тамъ, гдѣ дѣло касается отдѣльныхъ выраженій, мы можемъ подмѣтить такое внимательное отношеніе поэта къ мнѣніямъ критика. Говоря о широко задуманной, но слабо выполненной юношеской драматической поэмѣ Майкова *Олиноэ и Эсмеръ*, должествующей изобразить „контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра“, Бѣлинскій находитъ, что поэтъ неудачно выбралъ героя для своего произведенія:

его Олинеъ „только эпикуреецъ и больше ничего; собственно—онъ образъ безъ лица“,—тогда какъ въ противоположность христіанству слѣдовало бы избрать „*послѣдняго Римлянина*, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы, сколько стоицическою жизнью и трагическою смертью, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ“ (соч. Бѣлинскаго, ч. 6, 124). Достаточно извѣстно, какъ указанная задача была впоследствии приведена въ исполненіе Майковымъ; въ лирической драмѣ *Два Мира*, несомнѣнно ведущей свое происхожденіе отъ ранняго опыта поэта, вмѣсто безличнаго эпикурейца Олинеа представителемъ умирающаго языческаго Рима является достойный потомокъ древнихъ квиритовъ, „*послѣдній Римлянинъ*“ Децій, боготворящій идею вѣчнаго города и безтрепетно осушающій чашу съ ядомъ, оставаясь до послѣдней минуты „на своемъ посту“.

IV.

Теперь посмотримъ, вполнѣ ли былъ правъ Бѣлинскій, проводя рѣзкую демаркаціонную линію между антологическими и не-антологическими стихотвореніями Майкова, появившимися въ первомъ изданіи его произведеній. Несомнѣнная преданность молодаго поэта древнему міру оказалась еще при жизни Бѣлинскаго, еще болѣе впоследствии далеко не такую „исключительно“, какою могла показаться съ перваго взгляда: объ этомъ свидѣтельствуетъ уже немалое количество хотя бы и слабыхъ (за указанными выше блестящими исключеніями) пьесъ не-антологическаго характера, о которыхъ самому же Бѣлинскому пришлось говорить при самомъ первомъ знакомствѣ съ поэзіею Майкова. Но всмотримся въ дѣло поглубже: не окажется ли возможнымъ установить извѣстныя аналогическія черты между различными категориями стихотвореній Майкова, найти между ними нѣкоторое сродство въ самой внѣшней формѣ, отдѣлкѣ стиха и затѣмъ усмотрѣть внутреннюю нить, связующую воедино имѣющія между собою, повидимому, такъ мало общаго различныя стадіи въ развитіи міросозерцанія и идеаловъ поэта.

Начнемъ съ внѣшней отдѣлки, при чемъ намъ придется не разъ останавливать наше вниманіе на частностяхъ и мелочахъ, не всегда бросающихся въ глаза при бѣгломъ чтеніи. Рискую утомить читателей

цитатами, мы, однако, считаемъ нужнымъ для нашей цѣли привести еще одинъ отзвъвъ изъ критической статьи Бѣлинскаго: „Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова стихъ—просто Пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишннихъ словъ, *натянутыхъ или изысканныхъ выражений*, нѣтъ полутона фальшиваго; въ нихъ онъ—истинный, глубокій и при томъ опытный, искушенный художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова“... (ч. 6, 131).

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Согласимся ли мы съ этимъ отзвъвомъ безусловно, или придемъ къ заключенію, что Бѣлинскій, восхищенный и подкупленный высокими поэтическими достоинствами антологическихъ стихотвореній Майкова, проглядѣлъ въ нихъ нѣкоторыя погрѣшности (конечно, рѣдкія и незначительныя), *однородныя* съ тѣми, которыя онъ поставилъ поэту на видъ, говоря о другихъ его произведеніяхъ, менѣе удачныхъ и вовсе неудачныхъ?

Укажемъ прежде всего на тотъ фактъ, отмѣченный и Бѣлинскимъ по поводу поэмы *День Судьбы*, что внѣшняя отдѣлка стиха у Майкова далеко не всегда является безукоризненно тщательною. Въ нѣсколькихъ случаяхъ мы найдемъ у него небрежное отношеніе къ риму, неприятно поражающее слухъ: такъ, напр., въ поэмѣ *Ляфетъ* римаются слова *мулы* и *овны*, *выборъ* и *рыбарь*. Положимъ, эта поэма принадлежитъ далеко не къ лучшимъ произведеніямъ Майкова; но иногда то же мы замѣтимъ и въ пьесахъ, которыя Бѣлинскій причислилъ къ перламъ его поэзіи. Такъ, въ стихотвореніи *Ангелъ и Демонъ* мы прочтемъ риму *мира—порфирой*; въ чисто антологической *Вакханкѣ* встрѣчаемъ римы *груди—струи*, *нея—огня*. Эти мелочи не вредятъ красотѣ цѣлаго; но все же мы въ правѣ видѣть въ нихъ, вопреки Бѣлинскому, нѣсколько „произвольный“ художественный штрихъ. Далѣе: иногда, правда, въ немногихъ случаяхъ въ жертву стиху приносится грамматическая правильность выраженія, совершается маленькое насиліе надъ языкомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *Призывъ* мы читаемъ такой стихъ:

„Какъ сладокъ духъ отъ *соснъ* смолястыхъ!“

То же въ стихотвореніи, озаглавленномъ *Е. П. М.*:

„Разсыянно гляжу на дремлющія воды
Лѣснаго озера и верхи *соснъ* густыхъ“.

Подобная же рѣзущая ухо вольность допущена и въ начальныхъ стихахъ упомянутой выше *Вакханки*:

„Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и *рощей* потрясали“.

Намъ кажется, въ этомъ также позволительно уемотрѣть нѣкоторую небрежность поэта къ отдѣлкѣ своихъ произведеній: у читателя появляется такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ не могъ справиться съ метромъ, не допустивъ легкаго искаженія языка, — тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ тѣ же самыя формы употребляются въ правильномъ видѣ, напр.: „*рощъ* коралловыхъ“ (*Жизнь*), „*рощъ* покровителю Пану“ (*Муза, боиня Олимпа*), „зеленю *сосенъ*“ (*На мыслъ семь дикомъ*). Не желая навлекать на себя упрековъ въ придирчивости, мы не будемъ ставить поэту на счетъ такихъ часто употребительныхъ поэтическихъ вольностей, какова, напримѣръ, форма „дальныхъ“, допущенная ради рѣимы (*кристалльныхъ*). За то мы относимъ къ числу неособенно удачныхъ словообразованій такой эпитетъ, какъ „*гранитовый* осколокъ“ (*Плющъ*), такое измѣненіе обычной формы, какъ „*одновѣрцы*“ (*Клермонтскій Соборъ*); нѣсколько шероховато звучить, по нашему мнѣнію, такая усѣченная форма, какъ „*недоконченны* мечты“ (*Горы*). Несвободна также поэзія Майкова и отъ изысканныхъ выраженій, каковы, напримѣръ, такія слова и цѣлыя фразы: „*чинопоклонствуе*“ (*Послѣ Бала*), „*провиднню*“ (*Капуцинъ*), „*молчанье цѣпнеть*“ (*Вхожу съ смущеніемъ...*), „*мнѣ утро грудь животворитъ*“ (*Призывъ*), „*обезсмысленныя* щепки побѣдоносныхъ кораблей“ (*Три Смерти*), „*оружеборцевъ молмъекрыльяхъ*“ (*Еврейскія Пѣсни*, I, — хотя въ данномъ случаѣ библейскій колоритъ до нѣкоторой степени смягчаетъ необычность выраженія), „*юга воскормленцмъ*“ (*Иафетъ*), „*полузвѣрственныя* людей *обожествилъ*“ (*ibid.*), — наконецъ, такая фигурная тирада подъ покровомъ античной мѣологии:

.....„Любовница Кефала,
Облокотясь на *рдянныя* врата
Младого дня, изъ востъ своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и онала
На синіе долины и лѣса“ (*Я съ вротъ ждалъ тебя*).

Небрежность по отношенію къ самой фактурѣ стиха, какъ намъ кажется, едва ли не всего ярче сказалась у Майкова именно въ той лирической драмѣ, идея которой занимала его въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій: мы говоримъ о *Двухъ мірахъ*, гдѣ размѣръ то и дѣло является невыдержаннымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь одного лица

прерывается на серединѣ стиха, и остальная часть послѣдняго составляетъ реплику (имѣемъ въ виду редакцію поэмы по изданію 1872 года). Эта недодѣланность придаетъ всему произведенію какъ бы нѣсколько черновой характеръ. Что же касается изысканныхъ выражений, то съ этой стороны особенно любопытно обратить вниманіе на поэтическіе *эпитеты* у Майкова, тѣсно связанные съ духомъ и колоритомъ именно антологической поэзіи, представляющей собою такой крупный активъ въ наслѣдіи покойнаго поэта.

V.

Эти эпитеты, являющіеся обыкновенно своего рода поэтическою роскошью, *embarras de richesse*, преслѣдуютъ цѣль приданія поэтическому изображенію болѣе яркаго мѣстнаго колорита, *couleur locale*. какъ было въ свое время основательно замѣчено еще въ Погодинскомъ сборникѣ *Утро* (1859 г.) въ критической статьѣ Б. А.; таковъ именно „рыжій Бритъ“, поставленный рядомъ съ „тяжелымъ Швабомъ“ и „отважнымъ сибаритомъ Галломъ“ въ *Клермонтскомъ Соборѣ*. Но это эпитеты простые; насъ же наиболѣе интересуютъ эпитеты, искусственно составленные въ духѣ древней эллинской музыки, специально въ духѣ поэзіи Гомера, каковы, напримѣръ, у нашего поэта „орелъ широкобѣжннй“ (*Раздумье*), „гротъ темнотуственный“ (*Все думаю тайную въ души моей питаешь*), „Спяня румянорожай“ (Барельефъ), „плодъ сладкосочный“, „ключъ свѣтловодный“ (*Приану*). Подобные эпитеты, иногда смѣло созданные, несомнѣнно гармонируютъ съ общимъ тономъ антологическихъ стихотвореній, усиливаютъ разлитый въ нихъ греческій колоритъ, и созданіе такихъ образныхъ терминовъ, необычныхъ въ повседневной рѣчи, составляетъ неотъемлемое право поэта, — однако, нужно сознаться, право отчасти опасное, легко доводящее до рискованныхъ злоупотребленій, до изысканности. Такой несомнѣнный, простой эпитетъ, какъ „серпъ полукруглый“ (*Приану*), — можетъ показаться иному читателю излишнею роскошью, признакомъ погони за античнымъ колоритомъ, во что бы то ни стало; такое же впечатлѣніе могутъ иной разъ произвести и эпитеты искусственные, съ тою лишь разницею не въ пользу ихъ, что самая ихъ затѣйливость окажется трудно совмѣстимою съ чувствомъ художественной мѣры, простоты. Едва ли какой читатель съ развитымъ поэтическимъ вкусомъ одобритъ эпитетъ въ родѣ *полузвѣрственнаго*. Бѣлинскій сожалѣлъ, что размѣры его

статьи не позволяютъ ему выписать цѣликомъ всѣхъ антологическихъ стихотвореній Майкова, въ особенности *Гезиода* и *Вакха*. Оба стихотворенія дѣйствительно принадлежатъ къ числу наиболѣе удачныхъ; однако во второмъ изъ нихъ мы находимъ такое выраженіе: „чашей *среброзвонкой*“. Спрашивается: не напоминаетъ ли это слово Державинскаго эпитета *среброзовый*, и не сродни ли оно *среброкосматому* (шелому) въ другой пьесѣ Майкова *Два Моря*, — эпитету, по справедливости осужденному Бѣлинскимъ? Насколько трудно уловима черта, отдѣляющая художественную образность отъ изысканности, видно хотя бы по слѣдующимъ примѣрамъ: эпитетъ „*дополусная* воды“ въ совершенно неудачномъ юношескомъ произведеніи Майкова *Воробьева Горы* Бѣлинскій призналъ (какъ и всю пьесу) достойнымъ Бенедиктова; но его не смутилъ, повидимому, какъ не смущаетъ, вѣроятно, и никого изъ читателей, „*подоблачный* эфиръ“ въ отрывкѣ *Монастырь*. Въ ближайшемъ родствѣ съ послѣднимъ эпитетомъ состоитъ другой, — „*дооблачныя* палаты“ (*Древній Римъ*), а отъ *дооблачнаго* до *дополуснаго* не болѣе, какъ одинъ шагъ, и невольно возникаетъ вопросъ: много ли одинъ эпитетъ лучше или хуже другого?

Видно во всякомъ случаѣ, насколько опасны для поэта пристрастіе къ выразительнымъ эпитетамъ и вольность по отношенію къ неологизмамъ (иногда и архаизмамъ); видно также, что именно то и другое увлекаетъ порою поэта на скользкій путь изысканности, напыщенности (вспомнимъ хотя бы „*свѣтлостеклянные* струи Языкова, отмѣченные Бѣлинскимъ, какъ образецъ поэтическаго безвкусія). И, пожалуй, всего сильнѣе эта опасность какъ разъ въ антологической поэзіи, въ которой искусственные эпитеты особенно напрашиваются на языкъ, какъ неизбѣжная и законная принадлежность, освященная вѣкъ тономъ этой поэзіи, возрождающей древній міръ. Въ результатѣ всего сказаннаго намъ кажется, что пропасть, отдѣляющая первые не-антологическіе опыты Майкова отъ его же твореній въ античномъ духѣ, хотя и весьма замѣтна, однако не настолько велика, чтобы между тѣми и другими нельзя было усмотрѣть ничего общаго въ отношеніи ихъ внѣшней формы: пьесы втораго разряда не безусловно свободны отъ *тѣхъ же* недостатковъ, которые въ гораздо большемъ количествѣ и въ сильнѣйшей степени бросаются въ глаза въ пьесахъ первой категоріи; съ другой стороны, между послѣдними съ самаго начала наряду со многими плохими является достойное меньшинство, — хорошія и даже превосходныя пьесы, по оцѣнкѣ Бѣлинскаго и всякаго другаго критика, понимающаго дѣло.

VI.

Обратимся теперь къ содержанию поэзіи Майкова, придерживаясь и здѣсь того же руководящаго начала,—стремленія прослѣдить внутреннюю связь между настроеніемъ молодаго поэта 40-хъ годовъ и идеалами, представлявшимися умственному взору зрѣлаго писателя позднѣйшихъ десятилѣтій. Достаточно бѣгло взгляда на произведенія Майкова, чтобы убѣдиться, насколько расширились рамки его творчества сравнительно съ первыми годами его литературной дѣятельности. Впечатлѣнія, навѣваемые на душу природою родной страны, картины текущей русской жизни и отголоски минувшихъ историческихъ эпохъ, пережитыхъ русскимъ народомъ, поэтическія думы по поводу свершающихся событій великаго значенія и грядущихъ судьбъ отечества,—все это чередуется съ отраженіемъ Запада и Востока, съ образами древняго міра, средневѣковой Европы, славянства и скандинавскаго сѣвера. *Три Смерти* и *Два Міра* стоятъ рядомъ съ переложеніями изъ Апокалипсиса, славянскія былины о Любушѣ и Премыслѣ, царѣ Вукашинѣ и королевичѣ Маркѣ съ пѣснью о Бальдурѣ, заимствованною изъ Эдды, и поэтическимъ пересказомъ Слова о Полку Игоревѣ, чисто русская *Дурочка* — съ неаполитанскимъ *Пульчинеллемъ*, стрѣлцкое сказаніе о царевнѣ Софѣѣ съ *Савонаролой*, *Клермонтскимъ Соборомъ* и *Исповѣдью Королевы*. Извѣстно, какое видное мѣсто въ поэзіи Майкова занимаютъ современный новый Римъ и Неаполь: классическая почва Италіи не могла не оставить глубокаго слѣда въ творествѣ поэта, искони тяготѣвшаго инстинктивно къ древнему міру. Равнымъ образомъ едва ли мы ошибемся, предположивъ нѣкоторую генетическую связь между эллинизмомъ Майковской музы въ первые годы дѣятельности поэта и его позднѣйшимъ пристрастіемъ къ новогреческимъ народнымъ пѣснямъ. При отиѣченной разносторонней художественной отзывчивости Майковъ не могъ не откликаться и на поэтическіе мотивы иностранныхъ великихъ мастеровъ: укажемъ на переводы или пересказы изъ Лонфелло (*Сонъ Негра*), крымскихъ сонетовъ Мицкевича (*Аккерманскія степи*, *Байдарская долина*, *Алушта днемъ*), въ особенности на переводы трехъ перловъ поэзіи Гете, проникнутыхъ духомъ древняго міра и восторженнымъ тяготѣніемъ къ волшебному краю лавровъ и миртовъ (*Поэтъ и Цветочница*, *Алексисъ и Дора*, *Миньона*). Но едва ли не наиболѣе сильное вліяніе, хотя и одностороннее на поэзію Майкова оказали произведенія

Гейне, чего, собственно говоря, трудно было бы ожидать, имѣя въ виду первоначальные опыты нашего поэта. Обаяніе причудливаго, безпокойнаго генія автора *Книги Писенъ* и *Романцеровъ* выразилось настолько сильно, что, повидимому, безмятежный художникъ-классикъ передалъ на родномъ языкѣ даже нѣкоторые (правда, немногія) гѣсны, отиѣченныя печатью сарказма, специально присущаго Гейне; кромя того, влияніе того же образца несомнѣнно сказалось на нѣкоторыхъ оригинальныхъ произведеніяхъ Майкова, какъ мелкихъ (*Миссъ Мери*, — неаполитанскій альбомъ), такъ и крупныхъ (*Привозоръ*, *Исповѣдь Королевы*). Не особенно легко разобратъ сразу посреди такого разнообразія темъ и мотивовъ; однако, если мы съ особеннымъ вниманіемъ всмотримся въ произведенія послѣдней эпохи дѣятельности Майкова, той эпохи, когда его взгляды опредѣлились и установились окончательно, мы придемъ къ заключенію, что складъ убѣжденій поэта принялъ мало-по-малу довольно специфическую окраску. Объективный пѣвецъ красоты становится субъективнымъ, тенденціознымъ писателемъ въ духѣ извѣстной политико-философской доктрины; поэтъ, наиболѣе чувствовавшій себя какъ дома въ мірѣ античной миеологии, обращается въ націоналиста-славянофила; прежняя отзывчивость на всѣ поэтическіе голоса, откуда бы они ни раздавались, уступаетъ мѣсто исключительному тяготѣнію къ православному, византійско-славянскому востоку, неизбѣжно связанному съ принципиально отрицательнымъ отношеніемъ къ германо-романскому, католическому и протестантскому западу. Какъ мы должны отнестись къ такой метаморфозѣ? имѣемъ ли мы право видѣть въ ней полную перемѣну фронта, рѣшительный разрывъ поэта съ его прошлымъ, отреченіе отъ прежнихъ идеаловъ? Разъясненію этого интереснаго вопроса мы и постараемся посвятить наше дальнѣйшее изложеніе.

VII.

Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ стихотвореній Майковъ, какъ извѣстно, самъ называетъ блѣднымъ „солнце своихъ юныхъ дней“, то солнце поэтического идеала, которое освѣщало тропу его юности, по выраженію Шиллера. Въ виду такого признанія, конечно, мы имѣемъ основаніе говорить о сожженіи прежнихъ кумировъ, о сознательномъ поворотѣ поэта на иной путь. Однако поворотъ далеко не былъ внезапнымъ, и наша задача заключается именно въ томъ, чтобы прослѣдить ту постепенную эволюцію, въ результатъ которой яви-

лось указанное отречение отъ своего во всякомъ случаѣ достаточно яркаго поэтическаго прошлаго.

Основнымъ, неоспоримымъ фактомъ въ поэзи Майкова, первую стадію въ ея развитіи является близость его художественнаго духа къ древнему міру, внутреннее сродство съ поэтическимъ міросозерцаціемъ эллиновъ. Выше мы отмѣтили, что Бѣлинскій, характеризуя именно съ этой стороны музу начинающаго поэта, счелъ однако нужнымъ указать, что древній міръ является въ его произведеніяхъ понятнымъ „далеко не вполне“. Остановимся еще разъ на подлинныхъ словахъ великаго критика: „Однакожь тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова полное выраженіе древней поэзи или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностью и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцація. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И, если со стороны идилліи и пѣсни жизнь грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то со стороны трагедіи она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,—и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзи“ (Сочин. Бѣлинскаго, ч. 6, 117). Отмѣчая по долгу критика то, что есть и чего нѣтъ у поэта, и не спрашивая, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого, Бѣлинскій думаетъ, что причина указанной имъ односторонности заключается не столько въ характерѣ таланта поэта, сколько въ его молодости, „еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою въ духѣ древнихъ. Но придетъ время,—и, можетъ быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра, — міра нравственнаго, міра судьбъ человѣка, народовъ и человѣчества“... (ibid., 122). Критикъ готовъ почестъ себя счастливымъ, если его слова смогутъ „послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени“ (ibid.), пока же еще разъ констатируетъ, что, „какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ *наивнаго* и *природнаго*, такъ чуждъ элементъ *трагическаго* въ древней поэзи“ (ibid., 123). Между тѣмъ оказывается тутъ же, что Майковъ былъ очень близокъ къ этому элементу и даже, можетъ

быть, думалъ исполнѣ его выразить въ своей драматической поэмѣ *Олиозъ и Эсоиръ*, но выполнилъ свою задачу неудовлетворительно по причинамъ, разъясненнымъ Бѣлинскимъ и приведеннымъ нами выше, несмотря на то, что самая тема была выбрана чрезвычайно удачно, и оба „міра“, выведенные поэтомъ на сцену,—умирающій языческій Римъ и побѣждающее христіанство,—полны трагическаго величія. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ вопроса о выполненіи, для насъ важно подчеркнуть, что уже въ ту отдаленную эпоху въ духѣ Майкова пробудился интересъ къ явленіямъ *высшаго міра*, судебъ человѣчества, хотя бы и чисто головной, обязанный своимъ происхожденіемъ не вдохновенію, а рефлексіи. Еще важнѣе, быть можетъ, для насъ отмѣтить самый историческій моментъ, на которомъ остановилось съ самаго начала и напряженно сосредоточилось вниманіе Майкова,—моментъ столкновенія *двухъ міровъ*, разложенія и смерти того изъ нихъ, который далъ столько пищи для вдохновенія поэту, любившему переноситься въ пору его младенчества и полного юношескихъ силъ расцвѣта. Не менѣе свѣтлой, жизнерадостной Эллады, обѣтованной земли для всякаго жреца чистаго искусства, приковывалъ къ себѣ воображеніе Майкова вѣчный городъ, объединившій міръ подъ своею властью, великій и въ самомъ своемъ паденіи:

„Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній,
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищѣ душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой
И школьныхъ риторовъ созданіемъ твой геній!..
Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ негнѣнный на земли,
Великіе въ бѣдахъ и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ, какъ жилъ... Въ паденіи своемъ
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровь и домъ,
И кланялся сенатъ строптивому народу...
Такимъ же кончилъ ты“... (*Древній Римъ*).

„Умѣніе умирать“ является надежнымъ мѣриломъ величія человѣческаго духа, и въ этомъ отношеніи едва ли кѣмъ нибудь превзойдено отечество Катона и Брута: Горацио у Шекспира недаромъ называетъ себя „древнимъ Римляниномъ“, готовясь мужественно осушить недопитый Гамлетомъ стаканъ съ ядомъ. Издыхающій Римъ, по словамъ Майкова, искалъ достойнаго его забвенія для своего мощнаго духа, и древняя римская гордость продолжала жить въ душѣ старика, учащаго своихъ сыновъ *за чашей яду*:

„Покуда молоды,—плюща и винограду,
 Дооблачныхъ палатъ, танцовщицъ и пѣвицъ!
 И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
 Позорищъ ужаса и крови, и мученій!
 Взирая на скелетъ, поставленный на пирь,
 Гдѣ конецъ исчерпай все, что можетъ дать намъ миръ!
 И, выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
 Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
 Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы —
 И, вокругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
 Учи вселенную, какъ должно умирать“ (ibid.).

Мы уже замѣтили выше, что Бѣлинскій по поводу *Оливеа и Эсоури* рекомендовалъ поэту для достойнаго выполненія задуманной имъ темы попытаться изобразить „последняго Римлянина“, который воплотилъ бы въ себѣ всю суть древняго римскаго духа. Такихъ именно „последнихъ Римлянъ“ (по подлинному выраженію одного изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ) выводитъ Майковъ въ своей лирической драмѣ *Три Смерти*: какъ ни различны по своей индивидуальности поэтъ Луканъ, эпикуреецъ Люцій и стоикъ Сенека,—все три находятъ въ себѣ достаточно силы духа, чтобы умереть поримски и дать въ этомъ отношеніи поучительный урокъ вселенной, въ особенности, конечно, послѣдній изъ трехъ, идущій по стопамъ Сократа и видящій въ смерти „зарю иного бытія“. Выражая мысль, что иные люди, пришедшіе на смѣну отживающему поколѣнію, принесли съ собою инныя чувства и понятія, Сенека, изображаемый Майковымъ, пророчески предвидитъ появленіе новаго свѣта, грядущаго въ миръ:

„Быть можетъ, вѣруя упорно
 Въ преданья юности своей,
 Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворный,
 Жизнь обновленную людей.
 Быть можетъ... истина не съ нами!
 Нашъ умъ ея уже нейметъ
 И ослабѣвшими очами
 Глядитъ назадъ, а не впередъ,
 И свѣта истины не видитъ.
 И вопіетъ: „спасенья нѣтъ!“
 И, можетъ быть, иной придетъ
 И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“ (*Три Смерти*).

Эти пророческія слова, вложенныя въ уста лучшему представителю языческаго Рима, являются звеномъ, соединяющимъ *Три Смерти* съ *Двумя Мирами*. Въ послѣднемъ произведеніи Майковъ вновь возвращается къ своей старой темѣ, намѣченной еще въ юные годы:

отжившій міръ рушится, послѣдніе достойные „сыны вѣка“, упорно не хотящіе видѣть свѣта новаго дня, сходятъ со сцены, добровольно лишая себя жизни; но новая жизнь возникаетъ изъ мрака катакомбъ, могилы становятся колыбелью, и лучи истины озаряютъ всю землю. Этотъ апопееозъ торжества христіанства, можно сказать, знаменуетъ собою прощаніе поэзіи Майкова съ древнимъ міромъ и наступленіе новаго момента въ послѣдовательномъ развитіи идеаловъ поэта.

VIII.

Въ свое время нѣкоторые критики, относившіеся непріязненно къ характеру поэзіи Майкова вообще, находили въ ней клерикальную струю въ смыслѣ тяготѣнія къ средневѣковому идеалу папской власти. Мы очень затрудняемся указать какое нибудь произведеніе Майкова, которое могло бы послужить опорой для такого утвержденія: нельзя же серьезно упрекать поэта въ сочувствіи къ сожженію Гуса на основаніи поэмы *Притворь* или къ учрежденію испанской инквизиціи на основаніи *Исповѣди Королевы*.

Если Майкова вдохновило средневѣковое религиозное возбужденіе, вызвавшее къ жизни крестовые походы, и это вдохновеніе выразилось въ его *Клермонтскомъ Соборѣ*, то первое же внимательное чтеніе этой поэмы убѣдитъ насъ, что въ ея основѣ лежитъ идея общности всего христіанскаго міра, *противопоставленнаго исламу*, безъ различія (въ виду именно этого противопоставленія) между Востокомъ и Западомъ и безъ всякаго намека на ультрамонтанскіе идеалы. Въ поэмѣ „латинецъ“ и „грекъ“, *породненные чужбиною*, обнимаются и клянутся страдать, „какъ сыны семьи единой“, въ виду достигнутыхъ ими стѣнъ Іерусалима; однако, пожалуй, еще болѣе достопримѣчательно, что именно *грехъ* даетъ всѣмъ собратьямъ-паломникамъ великій примѣръ мученичества за вѣру,—указаніе на то, въ какую сторону направляется симпатія поэта по преимуществу. Какъ поэтъ-художникъ, Майковъ, какъ мы видѣли, привязанъ крѣпкими узами къ новому Риму, не только какъ къ обширному музею античныхъ воспоминаній; его привлекаютъ также наравнѣ съ чудною природою Італія проявленія своеобразной народной жизни, на которыхъ римскій католицизмъ налагаетъ свою специфическую окраску; но это именно отношеніе художника, находящаго обильный матеріалъ для пластическаго воспроизведенія. Что же касается идейной стороны вопроса, то осуществленіе христіанскаго идеала Майковъ находитъ не

въ Римѣ: недаромъ въ посланіи къ Я. П. Полонскому, предаваясь поэтическимъ воспоминаніямъ о своихъ юныхъ скитаніяхъ по вѣчному городу, который навѣки ему по душѣ „величіемъ своимъ и грязью животисной“, поэтъ упоминаетъ, какъ онъ и его друзья-земляки, пируя въ радушной остеріи, кричали „ура!“ Россіи, „ругая Ватиканъ и вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ“... Здѣсь уже какъ бы проскальзываетъ антикатолическая и вообще антизападная тенденція, приближающаяся къ славянофильству. Прочтемъ поэму *Послѣдніе Язычники*, гдѣ Майковъ еще разъ касается темы о торжествѣ христіанства надъ древнимъ міромъ, — и мы увидимъ, что классическій Римъ уступаетъ мѣсто новому, „второму“ Риму — Византіи; городъ Константина является истинною столицей Христовой вѣры, раскрывающею „роскошь новой славы“ передъ глазами послѣднихъ эпитимовъ отжившей религіи.

Дальнѣйшій ходъ эволюціи идеаловъ Майкова, кажется намъ, становится достаточно понятнымъ, разъ установлено, что предыдущій процессъ привелъ его поэзію именно въ Константинополь. Отъ *сторою* Рима легкокъ и естественъ переходъ къ *третьему*, который долженъ стоять вовѣки, и послѣ котораго „четвертаго не будетъ“, по горделивому заявленію русскихъ книжниковъ XV—XVI вѣковъ. Какъ всякій мыслящій русскій человѣкъ, горячо привязанный къ родному краю, Майковъ былъ всегда убѣжденъ въ грядущемъ величіи своего народа, въ его великомъ мировомъ призваніи, хотя бы оно и рисовалось пока еще въ неясныхъ, туманныхъ очертаніяхъ. Молодой паренящикъ не находить опредѣленнаго слова въ отвѣтъ на негодующій вопросъ вздыхающаго по крѣпостнымъ временамъ старика-двороваго, утверждающаго, что воля — „одинъ развратъ“, и не понимающаго, чего хотять ея сторонники; но вмѣсто отвѣта представитель освобожденной народной массы пускаетъ своихъ коней впередъ, въ необъятную ширь, въ безконечную даль (*Поля*). Цѣль этого мощнаго порыва еще не выяснилась; поэтической образъ, созданный Майковымъ, напоминаетъ аналогичные образы „гордаго коня“ у Пушкина, къ которому недоумѣвающій поэтъ обращается съ вопросомъ, куда онъ скачетъ и гдѣ опуститъ копыта, и „Руси-тройки“ у Гоголя, также точно не дающей отвѣта на вопросъ, куда она неудержимо стремится. Несомнѣнно пока одно, что воля представляетъ собою первую ступень „въ царство мысли, гдѣ сіяетъ вѣковѣчный день“ (*Картинка*), и что будущность народа зависить отъ „духовнаго хлѣба“, собираемаго съ нивы, гдѣ насажены сѣмена мысли (*Нива*). Майковъ вѣрить,

что „въ полномъ расцвѣтѣ“ его народу суждено явить чудеса духа; предтечею этихъ чудесъ является поэтъ, ликъ котораго „уже воздвигся во всемірномъ пантеонѣ“, то-есть, Пушкинъ. Всѣ эти заявленія сближаютъ, повидимому, настроеніе Майкова съ образомъ мыслей всякаго русскаго человѣка, вѣрящаго въ свой народъ, безъ различія лагерей. Но особенность созерцанія поэта сказывается въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ связываетъ настоящее и будущее Руси съ ея прошедшимъ, ища въ послѣднемъ залога для временъ грядущихъ. Погружаясь въ думы о судьбахъ своей родины, поэтъ переносится въ давно минувшіе вѣка, воскрешаетъ образы прошлаго и въ этомъ созерцаніи почерпаетъ вѣру въ великое будущее Руси.

„Терпи!... и выдержи ты,
 „Святая Русь, что посылаю
 „Тебѣ Господь,— всѣ тяготы
 „Насильствъ и казней, и опалъ...
 „Тяжелый млатъ ковалъ тебя
 „Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка,—
 „Но отъриши ты, что Богъ, любя,
 „Тебя каралъ,— и тѣмъ крѣпка!“

(Упраздненный монастырь).

Итакъ, святая Русь крѣпка своею вѣрою, помогшею ей вытерпѣть всѣ тяжкія историческія невзгоды; *кари, въ теченіе вѣкохъ испосылавшіяся на нее свѣтше, являются очистительнымъ испытаніемъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что она—страна, излюбленная, избранная Богомъ.* Послѣдняя провиденціальная точка зрѣнія представляетъ ту опасность, что можетъ легко привести къ національной исключительности, къ воззрѣнію на свой народъ, какъ на „новой Израиль“ между прочими племенами и расами, населяющими землю. Нельзя сказать, чтобы Майкову удалось избѣгнуть этой Харибды. Если Русь является „Богоносницею“, если въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній Майковъ называетъ тысячу кратъ счастливымъ готъ народъ, въ нѣдрахъ котораго „царить во вѣки чистый духъ Христовъ“, разумѣя подъ этимъ народомъ ту же святую Русь, — то въ этихъ заявленіяхъ, конечно, не высказывается прямо высокоумное отношеніе къ иноплеменникамъ, но его трудно не предполагать, хотя бы въ формѣ лишеннаго враждебной окраски сожалѣнія; видимое смиреніе такихъ заявленій во всякомъ случаѣ довольно близко граничить съ гордостью. Одно изъ двухъ: или избранному народу предназначена исключительная судьба, тогда какъ остальные безвозвратно

осуждены, или ему предстоит мессіанская задача спасеніи остальныхъ путемъ уподобленія ихъ себѣ, если только самъ „новый Израиль“ останется до конца вѣренъ своему возвышенному жребію. Какъ бы то ни было, мы здѣсь отмѣтили еще одинъ моментъ въ постепенномъ развитіи идеаловъ поэта: *Русь является хранительницею истиннаго христіанскаго духа, заимствовавшей свой свѣтъ изъ Константинополя и занявшей его мѣсто въ качествѣ свѣточа міру.* Третій Римъ долженъ положить конецъ господству мусульманъ надъ вторымъ Римомъ и возвратить его христіанству: самъ султанъ по невѣдѣнію посылаетъ въ подарокъ московскому царю святыни, на которыхъ держалось его царство.—ризы Іоанна Златоуста, *золотой венецъ царя Константина*, посохъ Саввы Нѣманича и знамя краля Лазаря, — къ которымъ оставалось бы только приложить ключи отъ Стамбула, такъ какъ, все равно, послѣ придется съ позоромъ отдать ихъ (*Какъ отдалилъ турецкій султанъ московскаго царя*). При такомъ взглядѣ на предназначеніе Руси вполне естественнымъ является сосредоточеніе *исключительныхъ симпатій на Москву*, какъ на прямой преемницѣ Византіи, создавшей единое и могущественное православное государство, къ которому обращены взоры всего греко-славянскаго Востока. Такъ именно и смотритъ на дѣло Майковъ, называя себя москвичемъ *par excellence*, у котораго всегда на умѣ Москва съ ея златоглавымъ Кремлемъ, куда бы судьба ни забросила поэта. Это тяготѣніе къ Москвѣ приводитъ его въ концѣ концовъ даже къ реабилитациіи и возвеличенію памяти того грознаго царя, образъ котораго возсталъ передъ нимъ въ стѣнахъ древняго *упраздненнаго монастыря*,—того царя Івана, который олицетворилъ собою для цѣлаго полувѣка „тяжелый млатъ“, ковавшій Русскую землю водино. Сравнимъ указанное стихотвореніе съ позднѣйшимъ,— *У гроба Грознаго*, — для нагляднаго убѣжденія въ томъ, какъ мистическій взглядъ на міровое призваніе Руси, выросшей изъ Москвы, побуждаетъ не только къ примиренію съ кровавою тѣнью Іоанна, но и къ преклоненію передъ нимъ, какъ передъ наиболѣе полнымъ, яркимъ выразителемъ московской идеи единовластія. Идеализація своего народа, взятаго въ цѣломъ, какъ носителя высшаго идеала, имѣющаго воплотиться въ будущемъ, легко преобразуется въ апофеозъ народа и отдѣльныхъ крупныхъ его представителей, какъ они суть, въ оправданіе и прославленіе темныхъ сторонъ народной жизни, — процессъ, быть можетъ, не совсѣмъ логическій, но психологически вполне объяснимый. Въ поэзіи Майкова этотъ процессъ не дошелъ до крайняго

своего выраженія, но нельзя сказать, чтобы поэтъ совершенно не ступилъ на указанный опасный путь.

На этомъ мы заключаемъ нашъ краткій, далеко неполный очеркъ поэтической личности Майкова въ предѣлахъ задуманныхъ нами тѣсныхъ рамокъ. Литературная дѣятельность Майкова представляетъ собою во всякомъ случаѣ замѣтный фактъ въ исторіи русской поэзіи, надъ которымъ еще не разъ остановятся будущіе историки родной литературы. Въ нашу задачу входило лишь посильное выясненіе генетической связи между началомъ, продолженіемъ и завершеніемъ этой дѣятельности; не намъ судить, насколько выполненіе этой задачи намъ удалось. Позволимъ себѣ еще одно сопоставленіе: отмѣченное выше москвофильство не помѣшало Майкову увлечься „Словомъ о Полку Игоревѣ“ и въ предисловіи къ своему перекладу этого памятника изложить взглядъ на древнюю Кіевскую Русь, вполне напоминающій отношеніе къ ней другаго художника русскаго слова, А. К. Толстого. Но, сходясь въ этомъ пунктѣ, воззрѣнія обоихъ поэтовъ затѣмъ далеко расходятся по отношенію именно къ позднѣйшему періоду русской народной жизни. Извѣстная тенденція не овладѣваетъ поэтомъ непремѣнно сразу и всецѣло, но постепенно складывается себѣ дорогу и проявляется наконецъ въ полной силѣ; дѣло критики заключается между прочимъ въ томъ, чтобы доискаться до основныхъ корней тенденціи, указать на ея первоисточникъ. Тогда только получится у насъ руководящая нить, при помощи которой мы не заблудимся въ лабиринтѣ, повидимому, измѣнчивыхъ настроеній поэта.

Н. Аммонъ.

ОБОЗРѢНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ ЧАРОНДСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИЗБЫ.

(Къ исторіи крестьянскихъ общинъ въ XVII вѣкѣ).

Наша историческая литература не богата матеріалами по внутренней исторіи крестьянскаго „міра“ и особенно такими, которые оставлены самими крестьянскими общинами: дѣлопроизводство послѣднихъ почти безслѣдно исчезло, а уцѣлѣвшіе отрывочные образцы его можно насчитывать десятками. Тѣмъ большую цѣнность приобретаетъ сохранившееся по какой-то счастливой случайности среди столбцовъ Сибирскаго приказа (въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи), но совершенно чуждое послѣднему—собраніе около 250 документовъ *земской избы* посада (назывался и городомъ) *Чаронды*¹⁾ и его „округа“, въ составъ которой входило нѣсколько десятковъ волостей Чарондскаго уѣзда. Этотъ сборникъ земскихъ документовъ (столбецъ № 622), очень цѣнныхъ для характеристики жизни и внутреннихъ распоряжковъ крестьянскаго „міра“, относится къ 1662 и 1663 годамъ (и отчасти къ 1660—1661 гг.), Многіе документы оказываются неизвѣстными доселѣ и единственными представителями мірскихъ актовъ XVII вѣка, а все вообще собраніе содержитъ массу данныхъ для обрисовки многихъ сторонъ дѣятельности Чарондской земской избы. Вообще, столбецъ № 622 заслуживаетъ полнаго изданія и тѣмъ болѣе, что отъ времени онъ приходитъ въ ветхость, листы расклеились, и не пагинированы, документы разбиты и перепутаны. Но пока мы дождемся изданія этихъ любопытныхъ актовъ, не лишнимъ будетъ и сдѣланное мною обозрѣніе ихъ.

На заглавномъ листѣ столбца № 622 находится помѣта: „*Денеж-*

¹⁾ Нынѣ село Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи, при озерѣ Воже или Чарондскомъ.

ною стола“, то-есть, Новгородскаго или Разряднаго приказовъ. Денежные столы были и въ другихъ приказахъ, но посадь Чаронда могъ принадлежать къ области указанныхъ двухъ приказовъ, скорѣе всего Новгородскаго. Можетъ быть, документы были представлены въ послѣдній приказъ въ качествѣ приложений къ финансовому отчету Чарондской земской избы за 1662—1663 годы.

Но возможно и другое предположеніе. Значительная часть чарондскихъ документовъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ Чарондскому воеводѣ того времени—Тимоею Осиповичу *Челищеву*. Не производилось ли въ Разрядѣ какое либо „розыскное дѣло“ объ этомъ воеводѣ и, можетъ быть, даже по челобитьямъ на него крестьянскаго „міра“? Возможно, ибо Т. О. Челищевъ слишкомъ часто фигурируетъ въ чарондскихъ „мірскихъ приговорахъ“ въ роли большаго охотника до мірскихъ подношеній „въ почестъ“...

Съ другой стороны, Т. О. Челищевъ могъ быть родственникомъ Ѳедора и Василя Максимовичей Челищевыхъ и быть прикосновеннымъ къ какому-то сыску о нихъ, несомнѣнно производившемуся въ Разрядномъ приказѣ около 1674 года и раньше ¹⁾. Могло быть у Т. О. Челищева отношеніе и къ сибирскому воеводѣ (въ Туринскѣ и Илимскѣ) Богдану Аениноновичу Челищеву, о злоупотребленіяхъ котораго сохранились въ Сибирскомъ приказѣ два сыскныхъ дѣла конца XVII вѣка ²⁾.

Нижеслѣдующее обзорѣніе разсматриваетъ документы Чарондской земской избы въ 8 группахъ: 1) „мірскіе приговоры“, 2) „разводы“, 3) „мірская челобитнія“, 4) „челобитняя міру“, 5) „памяти“, 6) „мірскія кабалы“, 7) „мірская счетная роспись“, 8) „отписи“. Послѣдній отдѣлъ самый многочисленный (болѣе 200 документовъ) и очень цѣнный въ бытовомъ отношеніи, но по размѣрамъ это самыя мелкіе документы—въ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ склейки и меньше, рѣдко больше. Самые крупныя документы—„разводы“ въ 15—20 и болѣе склеекъ.

I.

„Мірскіе приговоры“.

Въ главѣ документовъ Чарондской земской избы слѣдуетъ поставить „мірскіе приговоры“, равныя по ихъ доминирующему значенію

¹⁾ См. мое „Обозр. столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“, I, 269, 271.

²⁾ I *ibid.*, I, 365, 367.

другимъ „приговорамъ“ XVII вѣка — царскимъ, боярской думы, московскихъ приказовъ, воеводскихъ избъ и проч. Къ сожалѣнію, „приговоры“ Чарондскаго міра сохранились всего въ количествѣ 6 — два за 1662 годъ и четыре за 1663 года.

Правда, характеръ приговоровъ носятъ и документы второй группы — „разводы“, но въ виду ихъ спеціальнаго значенія о нихъ слѣдуетъ говорить отдѣльно. „Приговоры“ же въ собственномъ смыслѣ, приближаясь по формѣ къ „разводамъ“, рѣзко отличаются отъ нихъ по содержанию. Притомъ, „разводы“ обязательно такъ и называются въ самомъ текстѣ этихъ документовъ. Въ текстѣ же „приговоровъ“, какъ и въ рукоприкладствахъ на нихъ, эти документы всегда называются именно „приговорами“, а въ другихъ земскихъ документахъ при ссылкѣ на эти приговоры прибавляется эпитетъ — „мірскіе приговоры“. Очевидно, если практика мірскаго дѣлопроизводства, строго различала „мірскіе приговоры“ отъ „разводовъ“, то того же различія должны и мы придерживаться.

Мірскіе приговоры носятъ характеръ протоколовъ *мірскихъ сходокъ*, собиравшихся для обсуждения разныхъ дѣлъ Чарондскаго міра. Конечно, терминъ „протоколъ“ нельзя принимать въ его современномъ смыслѣ: въ мірскихъ приговорахъ мы не найдемъ ни преній членовъ сходки по поводу обсуждавшихся дѣлъ, ни другихъ подробностей сходки. Эти приговоры излагаютъ собственно результаты сходки, или краткое резюме дѣятельности собранія. Характеръ протокола особенно придаютъ обязательные въ приговорахъ именные перечни *присутствовавшихъ* на сходкѣ лицъ (въ началѣ текста) и ихъ рукоприкладства (на оборотной сторонѣ текста).

Эти именные перечни членовъ сходки очень цѣнны для опредѣленія состава мірскихъ сходокъ Чарондской округи. Въ одномъ приговорѣ (6-го декабря 1662 г.) указанъ *предсѣдатель* сходки — „Чарондскаго посаду *земской судейки* Василей Дмитреевъ“. Въ остальныхъ приговорахъ эта подробность не отмѣчается: документы начинаются перечнемъ присутствовавшихъ на сходкѣ волостныхъ старостъ, но кто изъ нихъ былъ предсѣдателемъ — остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ не будетъ казаться ошибкою признать, что за отсутствіемъ земскаго судейки предсѣдательство на мірскихъ сходкахъ принадлежало старостѣ Коротецкой волости, такъ какъ именно этотъ староста всегда фигурируетъ во главѣ перечня волостныхъ старостъ.

Но во всякомъ случаѣ предсѣдателемъ сходки не могъ быть глава Чарондскаго міра — „*земской округской староста*“ (въ 1662 году это

быль Степанъ Авакумовъ, а въ 1663 году Никифоръ Тимоѣевъ, „прозвище *Бекетъ*“). Нигдѣ въ приговорахъ ни С. Авакумовъ, ни Н. Тимоѣевъ не стоятъ во главѣ перечня членовъ сходки и вообще ихъ имена отсутствуютъ въ этомъ перечнѣ. Съ другой стороны, всѣ приговоры представляютъ приказы отъ имени міра своему исполнительному органу—земскому окрскому старостѣ: вездѣ говорится, что члены сходки „приговорили есми и *велѣли* земскому окрскому старостѣ“ исполнить такіа-то рѣшенія міра. Несомнѣнно, что земскій староста обязательно присутствовалъ на сходкахъ, докладывалъ міру текуція дѣла, давалъ по нимъ объясненія, участвовалъ въ преніяхъ, но руководящая роль принадлежала не ему, какъ исполнительному органу міра, но земскому судейкѣ, или одному изъ волостныхъ старостъ.

Послѣдніе были обязательными членами мірскихъ сходокъ, но никогда не являлись въ полномъ составѣ, что объясняется неудобствомъ географическаго положенія Чаронды и отдаленностью селеній отъ своего посада. Чаронда лежитъ въ болотистой мѣстности и доступъ къ ней и теперь не легокъ, а въ XVII вѣкѣ при ея примитивныхъ „путяхъ сообщенія“ былъ гораздо затруднительнѣе. И теперь около Чаронды нѣтъ селеній ближе 10 — 15 верстъ и больше (къ югу до 40 верстъ). Притомъ, многія волости лежали за озеромъ Воже (или Чарондскимъ), а переплыть это значительное озеро (болѣе 50 верстъ въ длину и около 5—15 верстъ въ ширину) не всегда было удобно и возможно, объѣздной же путь былъ слишкомъ длиненъ. Все это нужно имѣть въ виду, чтобы не винить чарондцевъ въ индифферентизмѣ къ своимъ мірскимъ дѣламъ.

Установить точную цифру волостей Чарондской округи, то-есть, количество обязательныхъ членовъ мірскихъ сходокъ, невозможно по разсматриваемымъ документамъ, въ виду ихъ ветхости, разбитаго состоянія и перепутанности. Въ „разводахъ“ дается полный перечень волостей, но именно разводы всего болѣе и разбиты, и разобраться въ нихъ съумѣетъ развѣ глубокой знатокъ мѣстности. При моихъ попыткахъ установить количество волостей—въ одномъ разводѣ могъ подсчитать болѣе 30 волостей, въ другомъ болѣе 40 и т. д. Рѣдкія волости состояли изъ нѣсколькихъ селеній, большинство же только изъ одного—двухъ селеній. Притомъ же, всѣ большія волости дѣлились на „приходы“, и каждый приходъ имѣлъ отдѣльнаго старосту, а общаго волостнаго старосты уже не было въ такихъ волостяхъ. Напримѣръ, въ Вещезерской волости было 4 прихода (Пречистовскій.

Рожеественскій, Петровскій и Воскресенскій) и четыре старосты въ волостяхъ Ротковской и Кемской — Шангѣ по 2 прихода, съ 2 старостами и т. д. Все это увеличиваетъ трудность подсчета волостныхъ старость.

Во всякомъ случаѣ, судя по приговорамъ и разводамъ, приходится сказать, что никогда волостные старосты не собирались на мірскія сходки въ полномъ составѣ. Самую высшую цифру наличныхъ старость указываетъ одинъ „разводъ“ (31-го мая 1663 г.), когда собралось ихъ 29 человекъ. Но что это были не всѣ старосты округа, ясно отмѣчаетъ „разводъ“, когда послѣ перечня наличныхъ старость прибавляетъ— „и естъ волостные старосты“ приговорили то-то. Что въ приговорахъ и разводахъ перечислялись только наличные на сходкѣ старосты, это подтверждаетъ какъ обязательная во всѣхъ этихъ документахъ фраза о „всѣхъ волостныхъ старостахъ“, такъ и слѣдующее обстоятельство: въ приговорѣ 11-го января 1663 года среди именнаго перечня присутствовавшихъ старость встрѣчаемъ около нѣкоторыхъ волостей *пробѣлы* — отсутствіе именъ старость. Очевидно, эти старосты ожидались на сходкѣ 11-го января, общались на ней присутствовать, но почему-то не явились. А „земскій дьячекъ“, подготавливая протоколъ сходки, заранѣе написалъ обычное начало „приговора“ и внесъ въ него перечень волостей, старосты которыхъ ожидались на сходкѣ, но именъ старость онъ заранѣе не вписывалъ, ожидая ихъ появленія. Такимъ образомъ около нѣкоторыхъ волостей и оказались пробѣлы.

На сходкахъ, составившихъ мірскіе приговоры, количество наличныхъ старость сильно колеблется: ихъ собиралось отъ 9 до 25 человекъ. Любопытно, что самое скромное количество ихъ (9 человекъ) собралось на очень важной сходкѣ 26-го іюня 1463 года, обсуждавшей вопросъ о посылкѣ въ Москву „мірскихъ челобитчиковъ“. Но слабое участіе старость въ этой сходкѣ объясняется, очевидно, присутствіемъ на ней особыхъ депутатовъ отъ волостей — „выборныхъ людей“. Разъ извѣстная волость была представлена своими выборными людьми, староста той волости могъ и не присутствовать на этой сходкѣ.

Приговоръ 24-го іюня не говоритъ, сколько и кого именно волости послали „выборными людьми“ на мірскую сходку. Вообще, этотъ приговоръ самый краткій изъ всѣхъ сохранившихся, какъ составленный, очевидно, на скорую руку. Но участіе выборныхъ намъ извѣстно по другому приговору—6-го декабря 1662 года, гдѣ находимъ имен-

ной переченьъ выборныхъ людей. Участіе послѣднихъ въ этой сходкѣ также вызвано необходимостью для Чарондскаго міра вступить въ сношенія съ Москвою, что всегда вызывало очень чувствительныя для міра расходы, какихъ не имѣлъ права утвердить обычный составъ сходокъ изъ однихъ волостныхъ старостъ. На сходкѣ 6-го декабря, председателемъ которой былъ вышеупомянутый „земскій судейка“ Чарондской округи, рѣчь шла о посылкѣ въ Москву „мірской рыбы“ для поднесенія ея „въ почестъ“ боярину Семену Лукьяновичу *Стрешневу* и какимъ-то (именъ нѣтъ) „дьякомъ подьячимъ“ московскихъ приказовъ (вѣроятно, Новгородскаго). Было ли у міра какое дѣло къ С. Л. Стрешневу, или не былъ ли бояринъ мѣстнымъ вотчинникомъ и помѣщикомъ—изъ документовъ не видно, но несомнѣнно, что тутъ были какія-то особенныя отношенія. Въ январѣ 1663 года пріѣзжалъ въ Чаронду по какимъ-то дѣламъ „заказщикъ“ отъ того же боярина С. Л. Стрешнева, и міръ (см. приговоръ 11-го января) не мало на него израсходовался.

На сходку 6-го декабря 1662 года прибыли — „земской судейка“ Василей Дмитреєвъ, Чарондской округи всѣхъ волостей волостные старосты и *выборные люди*—Коротецкой (волости) Олферъ Ильинъ (староста), *выборные* Андрей Васильєвъ, Михаилъ Власовъ, Шанги-Бодуновы Прокопей Парфеновъ (староста), выборной Прокопей Ѳомигъ, Коннобойской—Олферъ Евдокимовъ, выборной Илья Антоновъ“, отъ волостей Мунской и Роскомской по 1 старостѣ и 1 выборному, отъ 2-хъ приходовъ волости Шанги-Кемской также по 1 старостѣ и 1 выборному и т. д. отъ большинства волостей и приходовъ, только отъ немногихъ, болѣе крупныхъ волостей прибыло съ старостою по 2 выборныхъ.

Такъ какъ въ приговорѣ 24-го іюня 1663 года нѣтъ именъ выборныхъ людей, то нельзя рѣшить вопроса: тѣ ли это были выборные, какіе участвовали въ сходкѣ 6-го декабря 1662 года, или другіе? то-есть, избирались ли выборные люди на извѣстный срокъ, подобно волостнымъ старостамъ, или на каждую сходку отдѣльно? Но вѣроятнѣе послѣднее предположеніе, такъ какъ сходки съ выборными людьми были очень рѣдки.

На всѣхъ сходкахъ — какъ съ выборными людьми, такъ и съ одними волостными старостами—мірскіе приговоры постановлялись не отъ имени этихъ излюбленныхъ людей міра, но обязательно отъ имени всего міра—„во *всѣхъ крестьянъ* мѣсто“.

Приговоры скрѣплялись рукоприкладствами наличныхъ членовъ мірской сходки, за безграмотныхъ подписывались грамотные. Про-

центъ послѣднихъ довольно великъ для крестьянской общины такого медвѣжьяго угла XVII вѣка: такъ, на приговорѣ 7-го марта 1663 года изъ 26 старостъ оказались грамотными и подписались за себя и за остальныхъ 7 человекъ. Нѣкоторые рукоприкладства писаны бойкою и правильною скорописью, то-есть, людьми, для которыхъ письмо было „за обычай“.

Все приговоры, какъ и „розводы“, и большинство другихъ документовъ чарондскаго міра, составлены и написаны „земскимъ дьячкомъ“ Иваномъ Ермолаевымъ.

Каждый изъ 6 сохранившихся приговоровъ говорить о нѣсколькихъ дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ и рѣшенныхъ на мірскихъ сходкахъ. Если судить по этимъ приговорамъ и по большинству остальныхъ чарондскихъ документовъ, то главная дѣятельность чарондскаго міра заключалась именно въ неустанныхъ заботахъ о пресловутомъ „воеводскомъ кормленіи“... Главный предметъ обсуждения на всѣхъ 6 мірскихъ сходкахъ и главное содержаніе приговоровъ міра—смысла предстоящихъ расходовъ, или утверженіе экстренно произведенныхъ „окрускимъ земскимъ старостою“ расходовъ не только на воеводу и подьячихъ воеводской избы, но и на семью воеводы и на его дворовую челядь... даже такое чисто мірское дѣло, какъ обсуждавшаяся на сходкѣ 24-го іюня 1663 года отправка „мірскихъ челобитчиковъ“ въ Москву—и это дѣло неизбежно связалось съ кормленіемъ воеводы Т. О. Челищева: постановивши израсходовать на мірскихъ челобитчиковъ 100 р., міръ вынужденъ былъ такую же крупную для того времени сумму и еще съ прибавкою коровы (цѣною въ 28 р.) отдать „въ почестъ“ воеводѣ... Связь между этими двумя постановленіями міра очевидна: воевода не отпустилъ бы въ Москву мірскихъ челобитчиковъ безъ внушительнаго подарка отъ міра. Конечно, воевода сильно рисковалъ, что въ числѣ разныхъ „мірскихъ нуждъ“ Чаронды челобитчики могутъ представить и такую свою нужду, какъ необходимость освобожденія міра отъ воеводы съ сильно развитымъ аппетитомъ на счетъ „мірскихъ денегъ“... За этотъ-то рискъ воевода и получилъ съ міра такую крупную взятку.

Но Челищевъ вообще не церемонился съ міромъ и щедро черпалъ изъ его казны то деньги, то разные припасы, подъ различными наименованіями („въ почестъ“, „на поклонъ“, „на столъ“ и пр.) и предлогами, а часто и безъ всякихъ предлоговъ. Ни одинъ праздникъ не проходилъ безъ мірскихъ подношеній не только воеводѣ, но и его „боярину“ („Пелагеѣ Никитичнѣ“), „сыну воеводскому“, „дочерямъ

воеводскимъ“, его племянникамъ, затѣмъ дворовымъ людямъ воеводы—его „дворянамъ съ дворянками“, какимъ-то „верховымъ робитамъ“ и т. д. Очевидно, Челищевъ жилъ на широкую ногу и держалъ большую дворню, также кормившуюся на счетъ міра.

Подношенія дѣлались не только въ общіе праздники—церковные и гражданскіе (въ царскіе „ангелы“, „на новый годъ“ и пр.), но и въ семейные праздники Челищевыхъ—„на именины“ его жены, дочерей и пр. Вообще, міръ обязательно принималъ участіе, конечно, только подношеніями, во всѣхъ событіяхъ жизни Челищевыхъ, на примѣръ: въ мартѣ 1663 года пріѣхали къ воеводѣ погостить два его племянника, и Чарондскій міръ сейчасъ же поднесъ имъ „на пріѣздъ хлѣбъ“ въ 25 алтынъ, да деньгами 23 алтына съ 2 деньгами... Подношенія принимались, вѣрнѣе требовались не только въ праздники, но и въ будни, то-есть, когда вздумается или понадобится воеводѣ деньги или съѣстные припасы. Очень характерна въ этомъ отношеніи одна запись приговора 6-го декабря 1662 года: міръ постановилъ на этотъ Николинъ день поднести воеводѣ свѣжей рыбы на 60 алтынъ, женѣ его 1 рубль и старшему подьячему Ѳедору Брянцову 1 рубль, „да послѣ Николина дни на другой день“ дать воеводѣ рыбы на 10 рублей, его женѣ деньгами 10 рублей и т. д. Словомъ, будни оказались убыточнѣе праздника... О размѣрѣ всѣхъ этихъ подношеній будетъ сказано ниже—въ детальномъ обзорѣни приговоровъ.

Воеводская семья такъ жестоко обирала мірскую казну, что на долю подьячихъ оставались крохи. Еще сравнительно достаточно получалъ отъ міра „старой подьячій“ Ѳ. Брянцевъ, имѣвшій, кромѣ того, привиллегію требовать подношеній для своего сына (не подьячаго) и на свои семейные праздники, но остальные 2 подьячихъ этой привиллегіей не пользовались, а на свою долю получали обычныхъ даровъ много меньше Брянцева.

Если затѣмъ исключить вышеупомянутыя постановленія міра о расходахъ по сношеніямъ общины съ Москвою (о посылкѣ мірскихъ челобитчиковъ, объ отиракѣ рыбы боярину С. Л. Стрешневу и московскимъ дьякамъ съ подьячими, о расходахъ на пріѣзжаго „заказчика“ боярина Стрешнева), то въ „мірскихъ приговорахъ“ найдемъ всего 2 постановленія по мірскимъ дѣламъ, не связаннымъ съ „кормленіями“ воеводѣ и Москвы: одно (въ приговорѣ 7-го марта 1663 г.) говоритъ о расходѣ на какого-то „мірскаго посыльщика“ (куда и затѣмъ—неизвѣстно), другое (въ приговорѣ 6-го декабря 1662 г.) о дачѣ денежной „подмоги“ мірскимъ „хлѣбнымъ цѣловальникамъ“.

Конечно, не въ этихъ отрывочныхъ постановленіяхъ и не въ массѣ постановленій на счетъ воеводскаго и остальныхъ „кормленій“ выражалась вся сущность жизни Чарондской крестьянской общины. Съ другими сторонами дѣятельности какъ всего „міра“ вообще, такъ и его исполнительныхъ органовъ—„земской избы“ и „земскаго округскаго старосты“ съ товарищи („земскими цѣловальниками“, „земскимъ дьячкомъ“ и др.)—познакомимся отчасти изъ остальныхъ сохранившихся документовъ Чарондскаго міра.

Перехожу къ обозрѣнію всѣхъ 6 „мірскихъ приговоровъ“ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, выбирая изъ нихъ все существенное содержаніе и отбрасывая второстепенныя подробности.

1) Приговоръ 27-го августа 1662 года выпиываю для примѣра дѣлякомъ (кромя ветхихъ, попорченныхъ и вырванныхъ мѣстъ):

„170 году, августа въ 27 день, Чаронской округи всѣхъ волостей волостные старосты—Коротецкой (волости) Илья Ивановъ, Шанги-Бодуновы Прокопей Парфеньевъ... (вырвано) ... и всѣ волостные старосты во всѣхъ крестьянъ мѣсто Чаронской округи *приговорили* есмь и велѣли земскому округскому старостѣ Никифору Тимофееву *дати въ почесть* воеводѣ Тимофею Осиповичу Челищеву, за *солодъ* и за *хмль* 8 рублевъ, да емужъ воеводѣ дати въ почесть нашихъ мірскихъ денегъ 40 *рублевъ*, да *сыну* его дати 1½, рубли, да *дворянамъ* его дати 16 алтынъ 4 деньги. Да Чаронской приказной избы *подъячимъ*—Федору Викулову Брянцову дати въ почесть пол-туши *мяса* говядины, да емужъ дати денегъ 3 р., да *сыну* его 2 р., да *подъячему* Данилу Никитину сыну Кунашеву дати въ почесть четверть *мяса* говядины, да емужъ дати 3 р. денегъ, да *подъячему* Михайлу Никитину дати 2 р. денегъ, да четверть *мяса* говядины. А куплено все то *мясо*, что дано чаронскимъ *подъячимъ*, у чаронца у Никифора Селуянова, цѣны дано 5 р.—Да мы жъ волостные старосты *приговорили* и велѣли земскому округскому старостѣ Н. Тимофееву, *на поклонъ въ новой юдѣ...*“ (вырвано) отнести воеводѣ Челищеву „*хмль*, цѣна рубль, да... денегъ“, да сыну воеводы гривну, воеводскимъ „дворянамъ“ гривну, *подъячимъ* Д. Никитину 5 алтынъ и М. Никитину гривну.—„Да мы жъ волостные старосты *приговорили*: дати воеводѣ *на празники* — на Семень день, на Рождество Богородицы, на Златоустовъ день, на Николинъ день, на Дмитреевъ день,—на всѣ тѣ *празники* нести по полтинѣ на день, всего 2 р. съ полтиною. — Въ томъ ему старостѣ и приговоръ дали. А *приговоръ* всѣ волостные старосты велѣли написати земскому дьячку Ивашку Ермолаеву“.

2) Начало приговора 6-го декабря 1662 года, съ участіемъ „выборныхъ людей“ отъ волостей, приведено выше. Дальнѣйшее изложеніе этого приговора: „земскій судейка“, волостные старосты и выборные люди „приговорили есмь и велѣли земскому округскому старостѣ Микифору Тимофееву дати въ почесть“ воеводѣ Челищеву „на празникъ на *Николинъ* осенней“ свѣжей рыбы на 60 алтынъ, „да боярынъ его дати рубль“, подъячему Ѳеодору Викулову (Брянцеву) 1 р., „да послѣ Николина дни *на другой день*“ дати воеводѣ свѣжей рыбы на 10 р., подъячимъ Брянцеву и Д. Кунашеву рыбы на 6 р., „да боярынъ Пелагеи Никитишнѣ дати впочесть 10 р.“, „*саму* воевоцкому“ 2 р., „*дочерямъ* воевоцкимъ“ 4 р., „дворяномъ съ дворянками“ 2 р., „верховымъ робятамъ“ 2 гривны.—Воеводѣ на *Рождество* Христово дати „*тушу* мяса говядины“ въ 16 р., подъячему Брянцеву „*стмя* мяса говядины“ въ 6 р., воеводѣ „рыбу свѣжую *нельму*“ на 8 р. („куплена рыба у округского старосты у Никифора“), да подъячему Д. Кунашеву деньгами 6 р.—„Да мы же, волостные старосты и выборные люди, приговорили“ и велѣли земскому старостѣ „купить *рыбу* свѣжіе шукъ и лещей и судаковъ и окуней *три воза*, и послать та рыба къ Москвѣ впочесть боярину Семену Лукьяновичу *Стреиневу*, да *дьякомъ* и *подъячимъ*“. Стоимость рыбы не опредѣлена, а велѣно земскому старостѣ „имать отписи“ у продавцовъ, „а по тѣмъ отписямъ деньги ему старостѣ въ расходъ на счетъ класть“ (см. VIII главу). Но другіе расходы на московскую посылку точно опредѣлены: „да *выборнымъ* людямъ Ивану Кѣмину съ товарищи троемъ чловѣкамъ дати на 2 мѣсяца *60 рублевъ*“, да имъ же на подводу 20 р. и „на издержку“ 10 р. Кромѣ того: чарондцямъ Петру Зобову и Ивану Соломѣ, за 3 подводы до Москвы „подъ мірскою рыбою“ дати 85 р. съ полтиною.—„*Хлѣбнымъ* *црловальникамъ*“ Савину Михайлову съ товарищи „на подмогу подъ платежные отписи дати въ издержку“ 20 р.

3) Приговоръ 11 января 1663 г.: старосты волостей Коротецкой Михайлъ Власовъ, Мунской Киприанъ Павловъ, Роскомской Харитонъ Васильевъ, Вещезерской волости Пречистовскаго прихода Еремѣй Ивановъ, той же волости Петровскаго прихода Иванъ Ѳеодоровъ, Рождественскаго прихода Роспута Ильинъ и Воскресенскаго прихода Ѳеодоръ Акинфеевъ, Чепецкой волости Томило Игнатъевъ и другіе присутствовавшіе на мірской сходкѣ старосты (именно здѣсь, около нѣкоторыхъ волостей встрѣчаются пробѣлы—нѣтъ именъ ожидавшихся на сходкѣ старостъ) и „всѣ волостные старосты во всѣхъ крестьянъ

мѣсто приговорили“ и велѣли земскому старостѣ Н. Тимофееву дать воеводѣ Челищеву „на *Васильевъ* день Кисаринского“ 3 р., его „боярынь“ 1 р., сыну полтину, дочерямъ 1 р., „дворянамъ съ дворянками“ полтину, „верховымъ робятамъ“ 4 алтына.—Подьячему Ѡ. Брянцеву поднести „на *именины* тушицу баранины“ въ 2 р.—Затѣмъ, сходка утвердила произведенный земскимъ старостою экстренный расходъ на поднесеніе Брянцеву, на 2 день Рождества Христова, „мяса говядины“ на 21 алтынъ: „и тѣ деньги положить ему старостѣ въ расходъ“.—„*Заказщику* боярина С. Л. Стрѣшнева“ Якову Лягушкину дать 1 пудъ свѣжей рыбы на 5 р., „четвертку овса“ и возъ сѣна (стоимость ихъ не опредѣлена, такъ какъ то и другое выдано изъ мірскихъ запасовъ), да отпустить ему 4 подводы (съ Чаронды на Вологду) и 6 человѣкъ „провожатыхъ“.

4) Приговоръ 7 марта 1663 г.: старосты волостей—Коротецкой Михаилъ Власовъ, Шанги-Бодуновы Прокофій Парфеновъ, Коннобойской Савва Ивановъ, Роскомской Харитонъ Васильевъ, 2 старосты волости Шанги-Кемской (приходы не названы), 4 старосты 4 приходовъ Вещезерской волости, староста Чепецкой волости и другіе наличные старосты и „всѣ волостные старосты“ приговорили и велѣли Н. Тимофееву „дати въ почестъ“ воеводѣ Челищеву „на праздникъ *ангела*“ царевича Алексѣя Алексѣевича 2 р., женѣ его полтину, сыну 2 алтына. „да *племяннику* его Ильѣ дати 5 алтынъ, дворянамъ воевоцкимъ 10 денегъ“.—Затѣмъ утвержденъ расходъ земскаго старосты „на праздникъ на *Евдокимъ* день“, когда воеводѣ и подьячимъ дано свѣжей рыбы на 4 р. 5 алтынъ. да „боярынь“ поднесено 8 алтынъ 2 деньги, „да *дочери* его на *именины*“ дано 10 алтынъ.—Утвержденіе смѣты предстоящихъ расходовъ по „кормленію“: воеводѣ, „заговѣвъ, великого посту на первое *сборное* воскресенье“ дать рыбы на 4 р. 20 алтынъ (которая „куплена у *пристава* у Родіона Юрьева“); „да на другой недѣлѣ великого посту въ субботу“ дать воеводѣ рыбы на 4 р.—На „*ангелъ*“ *царя* выдать Челищеву и подьячимъ рыбы на 17 р. 5 алтынъ. да деньгами поднести—воеводѣ 2 р., женѣ 1 р., сыну 16 алтынъ 4 деньги, „да дочерямъ его“ 1 р., „да людямъ его и дворянамъ“ полтину, „верховымъ робятамъ“ 4 алтына.—„Да *племянникамъ* его Матвѣю съ братомъ Челищевымъ дать впочестъ на *прѣздъ* хлѣбъ“ въ 25 алтынъ (отмѣчено—у кого купленъ) и деньгами 23 алтына 2 деньги.—На *Благовѣщенье*, „на *Великъ* день“ и на весенній *Николинъ* день дать воеводѣ 10 рублей.—„Да ему жъ (воеводѣ) приговорили: Свидцкой волости и Боровской и Хотѣновской и

Коротецкой на *большіе суды кортому давать*, въ которыхъ судахъ великого государя по указу и по подорожнымъ посланники ѣздятъ, а что кортомы на суды даютъ, и въ томъ имать отписи, и къ *отчету* отписи класть.—Да воеводѣ дать „нашего *мірскаго хлѣба*“ по 6 четвертей безъ четверика ржи и овса, да подьячему Ѡ. Брянцеву по четверти того и другого.—„*Мірскому посалыцику* Аксену Иванову за перестойные мѣсяцы дати 17 рублей“. Очевидно, Аксень Ивановъ былъ куда-то посланъ по мірскимъ дѣламъ (можетъ быть, въ Москву), получивши отъ міра деньги на путевые расходы въ теченіе извѣстнаго срока времени, но прожилъ тамъ больше, сверхъ опредѣленной міромъ нормы и израсходовалъ свои деньги на эти „перестойные“, лишніе мѣсяцы.

5) Приговоръ 27 мая 1663 г.: тѣ же волостные старосты, которые присутствовали и на мартовской сходкѣ (Коротецкой Михайлъ Власовъ и т. д.) „приговорили“ дать воеводѣ Челищеву „въ почесть нашихъ мірскихъ *мѣдныхъ* денегъ“ 55 р., боярынѣ 20 р., сыну 10 р., дочерямъ 10 р., „людемъ его и дворянкамъ“ 5 р.—„На праздникъ государыни царевны Феодосіи Алексѣевны“ дать воеводѣ рыбы на 5 р.—Утвердить произведенные земскимъ старостою расходы—„положить ему въ отчетъ“.—1) на *Пасху*, когда воевода получилъ отъ міра 25 р. и „тушу баранью яловичью“ („дать за тое тушу 3 четвертки овса“, то-есть, мірскаго), боярыня съ дочерьми 1½ рубля, подьячій Брянцевъ 10 р., сынъ его 2 р., подьячій Кунашевъ 6 р.; 2) поднесенные старостою боярынѣ съ дочерьми 2 рубля на 2 праздника—„на именины“ царицы Марьи Ильиничны и царевны Ирины Михайловны; 3) выдачу пріѣзжему „*московскому* подьячему“ Ивану Софонову, „въ почесть, мѣры ржи“; 4) „да что онъ староста воеводѣ же далъ на *Николинъ* день вешной рыбы на 4 рубли..., и тѣ деньги ему старостѣ положить *въ отчетъ*, въ расходъ его“.—„Да мы жъ волостные старосты приговорили“ дать воеводѣ „въ почесть *отъ стола* на 3 р. рыбы“ и деньгами 5 р., да „боярынѣ“ 2 р.

6) Приговоръ 24-го іюня 1663 г.: старосты волостей—Коротецкой Томило Марковъ, Шанги-Бодуновой и Коннобойской (тѣ же старосты, что въ мартовскомъ приговорѣ), Мунской Бажень Павловъ, Роскомской и 4-хъ приходовъ Вещезерской волостей (тѣ же старосты, кромѣ новаго въ Петровскомъ приходѣ—Оксена Иванова) и „всѣ волостные старосты и *выборные люди* во всѣхъ крестьянъ мѣсто приговорили есми и велѣли земскому округному старостѣ Никифору Тимофееву—послати къ *Москву* съ нашими *мірскими челобитчиками* съ Федоромъ Аникіевымъ съ

товарищи, для нашего челобитья, на издержки 100 *рублевъ* нашихъ мірскихъ денегъ. Да мы жъ, волостные старосты и выборные люди, во всѣхъ крестьянъ мѣсто приговорили“ земскому старостѣ—дать *воеводу* „впочеть 100 *рублевъ*“ и „нетѣль“ въ 28 рублей.

II.

„Розводы“.

Какъ уже замѣчено выше, „розводы“ представляютъ въ сущности тѣже „мірскіе приговоры“ и по формѣ, и по обстоятельствамъ составления, но отличаются отъ нихъ своимъ специальнымъ содержаніемъ. Тогда какъ приговоры говорятъ о всякаго рода дѣлахъ, обсуждавшихся на мірскихъ сходкахъ, розводы содержатъ мірскіе приговоры только объ одномъ предметѣ, о которомъ не говорятъ „приговоры“ въ собственномъ смыслѣ. Именно, розводы представляютъ—а) приговоры міра о *разверсткѣ* между „тяглыми вытими“ округы *денежныхъ сборовъ* на разные „мірскіе расходы“ и б) записи самой разверстки по волостямъ и селеніямъ округы. Собственно первая часть—приговоры—и аналогична до буквальности „мірскимъ приговорамъ“, но вторая часть документовъ—самые „розводы“—представляетъ совершенно новое содержаніе и иную форму.

Первая же часть розводовъ до того близка къ „мірскимъ приговорамъ“, что, напримѣръ, помѣта на заглавномъ листкѣ, предшествующемъ розводамъ, прямо называетъ послѣдніе „приговорами“: „тогожъ 171 году *приговора* всей Чаронской округы старостъ и всѣхъ волостныхъ крестьянъ, кому что изъ сборныхъ денегъ давать выборному старостѣ“ (то-есть, земскому окрускому). Въ нѣкоторыхъ рукоприкладствахъ эти документы называются „*приговорнымъ розводомъ*“ (см. розводъ 31-го мая 1663 г.)—терминъ очень мѣткій и вполне выражающій сущность документа. Но въ самомъ текстѣ документовъ они называются „розводами“ и „пріемами“. Первый терминъ слѣдуетъ установить для этихъ документовъ, какъ болѣе характерный.

„Розводы“, подобно „мірскимъ приговорамъ“, также представляютъ рѣшенія мірскихъ сходокъ, но собиравшихся специально только для того, чтобы „розводъ розвестъ“ по волостямъ и селамъ и, въ виду сложности этого дѣла, уже не занимавшихся другими мірскими дѣлами. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что даты мірскихъ сходокъ, трактовавшихъ о розводахъ, ни разу не совпадаютъ съ датами

тѣхъ сходокъ, которыя постановили „мірскіе приговоры“. А между тѣмъ, даты тѣхъ и другихъ сходокъ очень близки, напримѣръ, въ 1663 г. „разводы“ постановлены на мірскихъ сходкахъ 18-го марта. 31-го мая и 5-го іюля, а „мірскіе приговоры“ — на сходкахъ 11-го генваря, 7-го марта, 27-го мая и 24-го іюня. Кромѣ январьской, всѣ остальные сходки очень близки по времени и всѣ второго рода сходки предшествовали первымъ, какъ и слѣдовало быть, то-есть, сначала міръ рѣшалъ о необходимости произвести тѣ или другіе расходы, а затѣмъ занимался раскладкою по волостямъ „сборныхъ денегъ“ на эти расходы.

На мірскихъ сходкахъ о разводахъ участвовали больше одни волостные старосты, а „выборные люди“ встрѣчаются только въ одномъ декабрьскомъ разводѣ 1662 г. Въ двухъ разводахъ нѣтъ именныхъ перечней присутствовавшихъ на сходкѣ старость и документы глухо составлены отъ имени „всѣхъ волостей волостныхъ старость (и выборныхъ людей—въ одномъ разводѣ) во всѣхъ волостныхъ крестьянъ мѣсто“. Последняя прибавка о заочномъ участіи въ приговорѣ о разводѣ „всѣхъ волостныхъ крестьянъ“ — обязательна во всѣхъ разводахъ. Но въ другихъ разводахъ также обязательна именная перечень присутствовавшихъ на сходкѣ старость, дѣйствовавшихъ за „всѣхъ (то-есть, и за отсутствовавшихъ) волостныхъ старость“. Такъ, на сходкѣ 31-го мая было 29 старость, на сходкѣ 5-го іюля 18 старость и т. д. Во главѣ волостныхъ старость (какъ и въ „мірскихъ приговорахъ“) всегда стоитъ староста Коротецкой волости, повидимому — предсѣдатель сходокъ.

Всѣ „разводы“ (кромѣ декабрьскаго) также носятъ характеръ приказовъ отъ имени міра своему исполнительному органу — „земскому окрускому старостѣ“ — о производствѣ сбора денегъ съ волостей и сель, соответственно произведенной міромъ разверсткѣ по „тяглымъ вытямъ“ общины. Самый мелкій сборъ встрѣчаемъ въ разводѣ 5-го іюля 1663 г., когда міръ постановилъ брать „по 5 алтынъ съ выти“. Въ другихъ разводахъ размѣръ сборовъ много крупнѣе: въ разводѣ 18-го марта „по 20 алтынъ съ выти“, въ разводѣ 31-го мая „по рублю съ выти“, самый крупный — „по 2 р. съ выти“ — въ разводѣ 8-го декабря 1662 г.

Цѣль денежныхъ сборовъ почти во всѣхъ разводахъ указана одинаково: деньги назначались на выдачу „руи“ ружнымъ людямъ Чарондской округи, на уплату „издержекъ“ какихъ-то мірскихъ „челобитчиковъ“ (вѣроятно, тѣхъ, что были посланы міромъ въ Москву—

см. „мірскіе приговоры“) и вообще на „всякіе *мірскіе расходы*“. Но въ разводѣ 18-го марта встрѣчаемъ новое назначеніе сбора, въ другихъ разводахъ не встрѣчающееся—„на *казенной отпускѣ*“. Что здѣсь разумѣется — отправка ли въ Москву собранной въ округѣ „казны“, то-есть, разныхъ „государевыхъ“ податей и сборовъ, или что другое—изъ документа не видно.

Какъ и „мірскіе приговоры“, „разводы“ также скрѣплены рукоприкладствами наличныхъ на сходкѣ волостныхъ старостъ, напримѣръ (на оборотѣ развода 31-го мая): „къ сему приговорному разводу Можеской волости староста Митька Сергіевъ, да вмѣсто старосты Патчеварской волости Бажена Филипова, да вмѣсто старосты Липенской волости Афонася Надѣжина, по ихъ велѣнью и въ свое мѣсто руку приложилъ“. На этой сходкѣ изъ 29 старостъ грамотныхъ оказалось всего 4 человекъ, на сходкѣ 5-го іюля изъ 18 старостъ было 3 грамотныхъ.

Полныхъ „разводовъ“ сохранилось въ Чарондскомъ столбцѣ всего три за 1663 годъ—отъ 18-го марта, 31-го мая и 5-го іюля и одинъ отъ 8-го декабря 1662 г. Но и здѣсь въ цѣломъ видѣ сохранились собственно первыя части разводовъ—приговоры міра, а вторыя части документовъ — самые „разводы“ — такъ перебиты и перепутаны, что разобраться въ нихъ теперь очень трудно. Притомъ же, путаницу еще больше увеличиваютъ сохранившіеся *отрывки* нѣсколькихъ другихъ разводовъ 1662 и 1663 гг. Въ этихъ отрывкахъ не достаетъ первой части—приговоровъ о разводѣ, а уцѣлѣвшія вторыя части—самые разводы, перебиты еще сильнѣе, чѣмъ въ первыхъ четырехъ разводахъ.

Обозрѣніе послѣднихъ начинаю съ „развода“ 5-го іюля 1663 г., лучше другихъ сохранившагося. Начало его выписываю цѣликомъ:

„171 году, іюля 5-го числа, Чаронской округи всѣхъ волостей волостные старосты — Коротецкой Томила Марковъ, Вещезерской волости Пречистовского приходу староста Емельянъ Ивановъ, Петровского приходу староста Оксенъ Ивановъ, Рождественского приходу Герасимъ Михайловъ, Воскресенского приходу Ѳедоръ Акинфовъ, Печенской (волости) Первой Епимаховъ, Чепецкой Томила Игнатъевъ, Хотѣновской Козьма Тимофеевъ, Шанги-Большой Григорей Молчановъ, Шанской Елизаръ Михайловъ, Еротповской волости Родіонъ Тимофеевъ да Григорей Лукинъ, Тавенской Ѳедоръ Ивановъ, Тигинской Ѳедосій Клементъевъ, Вожеской Дмитрей Сергіевъ, Липенской Ерофѣй Андреевъ, Калинской Павелъ Григорьевъ, Пунемской Ѳедоръ Мат-

вѣвъ и всѣ волостные старосты во всѣхъ крестьянъ мѣсто *приворотимъ*: окрускому старостѣ Никифору Тимофееву во всю Чаронскую округу *розводъ розвестъ* по всѣмъ нашимъ *тялымъ вытамъ*—по 5 алтынъ съ выти, ружнымъ людемъ *въ руку* и челобитчикамъ (мірскимъ) *въ издержки* и во всякіе *мірскіе расходы*“.

Далѣе слѣдуетъ самый „розводъ“: „171 году, іюля въ 5 день, розводъ по 5 алтынъ съ выти серебряными деньгами: съ Чаронды *посаду* взять 27 алтынъ 3 деньги. Чаронскаго *посаду* *денежной сборицы* Иванъ Дементьевъ заплатилъ сполна 27 алтынъ 3 деньга.— Съ Коротецкіе волости взять 2 рубли 14 алтынъ 3 деньга. Староста Томило Марковъ уплатилъ рубль денегъ. Онъ же староста доплатилъ рубль 14 алт. 3 деньга. И *отписъ* дана.—Съ Шанги-Бодуновы взять 2 руб. 5 алтынъ пол-три деньга“. Уплатилъ староста также въ два приема.— Съ Коннобойской волости староста уплатилъ сразу 1 р. 1 алт. 2 деньга.

Затѣмъ—такія же записи о раскладкѣ и сборѣ денегъ съ другихъ волостей, приходовъ и отдѣльныхъ селеній. Почему послѣднія выдѣлены изъ своихъ волостей—неясно. Напримѣръ, долю Тигинской волости внесъ ея староста Ѳеодосій Клементьевъ. А рядомъ стоитъ такая записъ: „съ Долгово (села) взять 4 алтына 3 деньга. Ѳеодосій Клементьевъ платилъ 4 алтына 3 деньга“. Очевидно, Долгово тянуло къ Тигинской волости. Такой же случай встрѣчаемъ въ Воженской волости, изъ состава которой почему-то выдѣлено с. Лохты. Встрѣчаются эти примѣры и въ другихъ волостяхъ.

Всѣ эти записи розвода очень цѣнны и въ прямомъ своемъ значеніи, какъ матеріалъ къ исторіи мірскихъ финансовъ и вообще къ исторіи внутренней дѣятельности крестьянскихъ общинъ XVII вѣка. Но цѣнно и другое значеніе записей розвода: по нимъ нетрудно сдѣлать точный и подробный (по волостямъ) подсчетъ „тяглыхъ вытей“ Чарондской общины, игравшихъ такую важную роль въ финансовыхъ и другихъ отношеніяхъ общины къ государству и помѣстнымъ владѣльцамъ, въ земельныхъ и податныхъ распорядкахъ самой общины и проч.

По розводу 5-го іюля деньги собиралъ (очевидно, тутъ же, на мірской сходкѣ) земскій окрускій староста Никифоръ Тимофеевъ, вручая волостнымъ старостамъ свои „отписи“ въ приемъ денегъ. Впрочемъ выдача „отписей“ не всегда отмѣчается. Деньги вносились большею частію сразу, въ одинъ приемъ, но иногда въ два приема. Чѣмъ объяснить послѣднее явленіе, разъ деньги собирались на сходкѣ?

Можетъ быть, у нѣкоторыхъ старость возникали сомнѣнія въ правильности раскладки на ихъ волости, и они не давали сразу всѣхъ требуемыхъ міромъ денегъ, не провѣривши мірской разверстки, или же просто у иныхъ старость не хватило всѣхъ денегъ, и они доплачивали ихъ потомъ.

Очевидно также, что на сходкѣ 5-го іюля были собраны деньги только съ присутствовавшихъ старость, а отсутствовавшіе вносили деньги за свои волости позже — или приѣзжая лично въ посадь, или вручая деньги на мѣстѣ посланнымъ по волостямъ „мірскимъ посыльщикамъ“. Такимъ образомъ, „розводъ“ 5-го іюля не былъ окончательно составленъ именно въ этотъ день, но составлялся въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ 5-го іюля, пока не были внесены старостами всѣ деньги со всѣхъ волостей округи.

Судя по записямъ розвода 5-го іюля, волости Чарондской округи были не велики: чаще всего встрѣчаемъ такіе сборы съ волостей („по 5 алтынъ съ выти“, то-есть съ „живущей выти“) — 21 алтынъ (то-есть $4\frac{1}{2}$ выти въ волости), 22 алтына ($4\frac{2}{3}$ выти), 32 алтына ($6\frac{2}{3}$ выти и т. д.), рѣже—1, 2, 3 рубля съ алтынами. Едва ли не самую „живущую“ была Ротковская волость, съ 2 приходовъ которой взято 7 рублей 17 алтынъ 5 денегъ.

Выписываю первую часть и начало второй (въ извлеченіи) другаго „розвода“—31-го мая 1663 года, гдѣ также сдѣланъ именной перечень присутствовавшихъ на мірской сходкѣ волостныхъ старость:

„171 году, мая въ 31 день, Чаронской округи всѣхъ волостей волостные старосты—Коротецкой Михайло Власовъ“ и т. д. — имена старость волостей Шанги-Бодуновы, Коннобойской, Вещезерской (3 приходовъ, а староста 4 прихода не явился), Роскомской, Мунской, Шанги-Кемской (2 старость), Печенской, Полченской, Чепецкой, Ротковской (2 старость) и еще 14 волостей—„и всѣ волостные старосты, во всѣхъ крестьянъ мѣсто, приговорили и велѣли земскому старостѣ Никифору Тимофееву: Чаронского посаду и всее Чаронскіе округи по всѣмъ нашимъ тяглымъ вытямъ розводъ развестъ *по рублю* съ выти, мѣдными деньгами, на наши *мірскіе расходы*, и челобитчикамъ *въ мѣсечину* и въ издержки, и ружнымъ людямъ въ ругу. А что съ которой волости взять, и то написано *въ семъ розводѣ* порознь, своими статьями“.

Первая запись второй части „розвода“: „съ Чаронды съ посаду взять 5 рублей 16 алтынъ 4 деньги“. Съ волостей „взять“: съ Коротецкой 16 рублей 6 алтынъ $1\frac{1}{2}$ деньги, Бодуновой-Шанги 13

рублей 21 алтынъ 5 денегъ, Солонской 2 рубля 30 алтынъ 3¼ деньга, Полченской 6 рублей 16 алтынъ съ „полуденьгою“, съ Рождественскаго и Петровскаго приходовъ Вещезерской волости 61 рубль 15 алтынъ 2½ деньга, съ Воскресенскаго прихода той же волости 11 рублей 16 алтынъ 2½ деньга, съ Боровской волости 9 рублей 13 алтынъ 1¼ деньга и т. д.

Такимъ образомъ, на майской сходкѣ была произведена только разверстка сбора, но самого сбора не происходило, вѣроятно въ виду значительныхъ разиѣровъ его, неожиданныхъ для старостъ, не приготовившихъ такихъ крупныхъ денегъ.

Нѣкоторыми особенностями отличается и третій „розводъ“—18-го марта 1663 г., собственно его первая часть, гдѣ отсутствуетъ именной перечень наличныхъ старостъ. Вотъ начало его:

„171 году, марта въ 18 день, Чаронскаго *посаду* и Чаронской *округи* всѣхъ волостей волостные старосты, во всѣхъ волостныхъ крестьянъ мѣсто, *посоветовавъ*, приговорили: земскому округскому старостѣ Никифору Тимофееву *пріемъ розвестъ* по 20 алтынъ съ выти, на *казенной отпускѣ*, и ружнымъ людямъ въ ругу, и на нашъ мірской расходъ. А собрать ему съ Чаронды съ *посаду* и со всей Чаронской округи съ *живущихъ* съ тяглыхъ вытей. А что съ Чаронды и со всей Чаронской округи *по сему пріему* денегъ взяти, и то написано въ семь пріемѣ порознь, *поволостно*, своими статьями“: съ *посаду* взять 3 р. 10 алтынъ, деньги внесъ „денежный сборщикъ“ Иванъ Дементьевъ,—съ Коротецкой волости 9 р. 23 алтына 5 денегъ внесъ ея староста и т. д. о слѣдующихъ волостяхъ. Такимъ образомъ и на этой сходкѣ, какъ на іюльской, происходила не одна разверстка сбора „поволостно“, но и самый сборъ съ наличныхъ представителей волостей и *посада*.

Представителемъ послѣдняго былъ, повидимому, „денежный сборщикъ“, такъ какъ другихъ земскихъ властей *посада* не встрѣчаемъ. Странно, однако, что этотъ представитель не фигурируетъ въ именномъ перечнѣ членовъ сходки (напримѣръ въ мѣйскомъ и іюльскомъ „розводахъ“, гдѣ есть эти перечни). Мало того: только мартовскій и декабрьскій „розводъ“ составлены отъ имени „*посада*“ и „всѣхъ волостей округи“, а остальные два розвода—отъ имени однихъ волостей, хотя въ записяхъ и этихъ розводовъ сборъ денегъ начинается именно съ *посада*, съ его 5 (съ дробями) „*живущихъ вытей*“. Странность такого положенія *посада*—одной изъ самостоятельныхъ единицъ составлявшихъ Чаронскую общину, увеличивается еще тѣмъ обстоя-

тельствомъ, что только въ „розводахъ“ мы и встрѣчаемъ хотя косвенное указаніе на участіе посада въ мірскихъ дѣлахъ, а въ „мірскихъ приговорахъ“ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что бы на тѣхъ мірскихъ сходкахъ, гдѣ составлены эти приговоры, присутствовали представители посада. Объясняется это, вѣроятно, ничтожными размѣрами посада, состоявшаго (см. слѣдующій разводъ) изъ „пашенныхъ крестьянъ“ и „посадскихъ людей“. Но послѣдніе не входили въ составъ Чарондской крестьянской общины, къ которой принадлежали одни „пашенные крестьяне“ посада.

Привожу начало 4 развода—8-го декабря 1662 г., гдѣ также нѣтъ именнаго перечня членовъ сходки, на которой кромѣ волостныхъ старость участвовали и „выборные люди“ отъ волостей. По формѣ изложенія этотъ разводъ, называемый въ текстѣ „пріемомъ“, рѣзко отличается въ своей первой части отъ всѣхъ предыдущихъ разводовъ. Крупную особенностъ его составляетъ еще и та подробностъ, что здѣсь во главѣ міра поставленъ его исполнительный органъ—„земскій окрускій староста“, а затѣмъ уже идутъ „волостные старосты“ и „выборные люди“. Какъ мы знаемъ, ничего подобнаго не встрѣчалось ни въ другихъ „розводахъ“, ни въ „мірскихъ приговорахъ“: всѣ они говорятъ о томъ, что міръ „велѣлъ“ исполнить своему земскому старостѣ. Чѣмъ объяснить это странное явленіе въ декабрьскомъ разводѣ 1662 г.—не знаю. Во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ эти особенносты, документъ несомнѣнно принадлежитъ по своему содержанию и значенію именно къ группѣ „разводовъ“. Вотъ этотъ исключительный разводъ:

„171 году, декабря въ 8 день, *пріемъ по 2 рубли* съ выти Чаронского посаду и Чаронской округи *земскою окрускою старосты* Никифора Тимофеева и всѣхъ *волостныхъ старостъ* и *выборныхъ людей*, во всѣхъ крестьянъ мѣсто, на мірскіе издержки во всю Чаронскую округу. А что съ которой волости взято, и то въ семь пріемѣ написано порознь, своими статьями: съ Чаронды посаду взять 11 рублевъ. Чаронского посаду денежной сборщикъ Иванъ Дементьевъ заплатилъ съ Чаронского посаду *съ пашенныхъ крестьянъ* сполна 11 рублевъ. Отписъ дана.—Съ Коротецкіе волости взять 32 р. 4 алтына съ деньгою“. Деньги внесъ староста.—Съ в. Шанги-Бодуновы 27 р. 11 а. 1 д.—Съ Вещезерской волости: съ Рождественскаго и Петровскаго приходовъ (почти всегда эти приходы вносили общую съ нихъ сумму сбора, а не по каждому приходу отдѣльно, какъ слѣдовало бы при двухъ старостахъ) 122 р. 30 а. 5 д., съ Пречистовскаго 14 р.

11 а. 2 д., съ Воскресенскаго 22 р. 32 а. 5 д. — Съ волостей: съ Печенской 90 р. 29 а. 1 д., Полченской 12 р. 32 а. 1 д., съ 2 приходовъ волости Шанги-Захарьиной 27 р. 7 а. 5 д., съ Роскомской волости 18 р. 30 а. 4 деньга и т. д. Почти вездѣ отмѣчается, что „отпись дана“. Деньги вносили старосты или сразу, или въ нѣсколько приемовъ.

III.

„Мірскія челобитныя“.

Въ литературѣ хорошо извѣстны и очень цѣнятся подававшіяся царю (то-есть, въ московскіе приказы) челобитныя „отъ всего міра“, равныя по значенію челобитнымъ „отъ всего города“. Всѣ онѣ болѣе или менѣе носятъ характеръ петицій отъ посадскихъ и крестьянскихъ общинъ къ высшей власти по поводу разныхъ настоятельныхъ и крайнихъ нуждъ общинъ, а главнымъ образомъ по поводу столкновений общинныхъ интересовъ съ злоупотребленіями мѣстной администраціи. Много этихъ челобитныхъ напечатано, но еще большая масса ихъ лежитъ въ архивахъ и ждетъ изслѣдователей.

Въ Чарондскомъ столбцѣ нѣтъ такихъ челобитныхъ „отъ всего міра“, хотя онѣ могли бы сохраниться въ видѣ черновиковъ. Зато здѣсь мы находимъ другаго рода „мірскія челобитныя“, кажется, довольно рѣдкія, такъ какъ мѣста ихъ храненія—воеводскіе архивы—почти безслѣдно исчезли. Это—тѣ челобитныя отъ міра, которыя касались текущихъ, повседневныхъ интересовъ общины и, какъ таковыя, подавались мѣстнымъ воеводамъ (хотя писались на имя царя) и оставались въ учрежденіяхъ воеводскаго управленія, не доходя до московскихъ приказовъ. Эти челобитныя рисуютъ будничную и нормальную жизнь общины, и нельзя не пожалѣть, что этихъ документовъ сохранилось вообще мало.

Не богатъ ими и Чарондскій столбецъ: здѣсь мы находимъ всего 2 „мірскихъ челобитныхъ“—одну 1662 г., другую 1663 г. Обѣ онѣ касаются „розводовъ“, то-есть, содержатъ просьбы міра о разрѣшеніи произвести извѣстную разверстку по волостямъ округи денежныхъ сборовъ на разные „мірскіе расходы“. Челобитныя указываютъ, сколько именно предполагается сбора съ каждой „живущей выти“, и на что именно предназначается сборъ. Такимъ образомъ, эти челобитныя обязательно предшествовали розводамъ: первая—розводу 8-го декабря 1662 г., вторая—розводу 18-го марта 1663 г.

Итакъ, мірскія сходки о разводахъ могли собираться только съ воеводскаго разрѣшенія, для чего требовалась подача воеводѣ письменной челобитной отъ міра. Но, съ другой стороны, самая подача „мірской челобитной“ необходимо предполагаетъ мірскую сходку, рѣшившую подать воеводѣ челобитную. И, дѣйствительно, обѣ сохранившіяся челобитныя поданы отъ имени міра, то-есть, составлены на мірскихъ сходкахъ. Правда, мартовская челобитная 1663 г. глухо составлена отъ имени „земскаго окрускаго старосты“, „всѣхъ волосныхъ старость и крестьянъ“. За то въ декабрьской челобитной 1662 г. находимъ полный именной перечень всѣхъ членовъ сходки— „волостныхъ старость“ и „*выборныхъ людей*“, участвовавшихъ, какъ мы знаемъ, въ разводѣ 8-го декабря. Послѣдній, очевидно, потому и не привелъ именъ членовъ сходки, что они приведены въ „мірской челобитной“, предшествовавшей „разводу“.

Но разъ состоялась безъ особаго разрѣшенія воеводы декабрьская мірская сходка, составившая „мірскую челобитную“ о предстоящемъ разводѣ, то-есть, просьбу — собрать еще разъ ту же самую сходку, то очевидно, что эта просьба представляла одну пустую формальность, не имѣвшую никакого реального значенія. Что именно такъ смотрѣло на эти челобитныя само воеводское управленіе — ясно изъ того, что на обѣихъ „мірскихъ челобитныхъ“ нѣтъ никакой воеводской помѣты или приговора о разрѣшеніи міру собрать сходку и „разводъ развестъ“. Не выставлена даже дата подачи челобитныхъ. Обѣ онѣ „подписныя“—съ рукоприкладствами (на оборотѣ) членовъ сходки.

Привожу (съ сокращеніями) обѣ „мірскія челобитныя“:

1) Декабрьская 1662 г.: „царю государю и великому князю Алексію Михайловичу... бьютъ челомъ сироты твои Чаронского посаду и Чаронской округи земской окруской старостишко Никифорко Тимофеевъ, Чаронской округи всѣхъ волостей волостные старостишка — Коротецкой Олферко Ильинъ, *выборные* Андрюшка Васильевъ, Мишка Власовъ“—и т. д. имена старость и выборныхъ людей слѣдующихъ волостей, „и всѣ волостные старостишка и выборные людишка, во всѣхъ крестьянишекъ мѣсто: милосердый государь!... пожалуй насъ сиротъ своихъ..., вели, государь“, съ посаду и округи „по всѣмъ тяглымъ вытямъ *развестъ* по 2 рубли съ выти, *московскимъ посальщикомъ* въ издержки, и на наши *мірскіе рыбные покупки*, и ружнымъ людямъ въ ругу“...

2) Мартовская 1663 г.: „царю государю... бьютъ челомъ сироты

твою Чаронской округи земской округской старостишко Никифорко Тимофеевъ во всѣхъ волостныхъ старостишекъ и крестьянишекъ мѣсто: милосердый царь!... пожалуй насъ сиротъ своихъ, Чаронского посаду и Чаронской округи старостишекъ, во всѣхъ крестьянишекъ мѣсто, вели, государь, Чаронского посаду и Чаронской округи по всѣмъ нашимъ тяглымъ вытямъ *розвестъ* по 29 алтынъ съ выти, на *казенной отпускъ* и ружнымъ людямъ въ ругу, а что съ которой волости взяти, и тому написать разводъ и дать мнѣ сиротѣ округскому старостѣ. Царь-государь, смилуйся!“

IV.

„Челобитныя міру“.

Небольшая группа этихъ очень рѣдкихъ документовъ цѣнна какъ въ бытовомъ отношеніи вообще, такъ особенно для исторіи внутреннихъ, домашнихъ и вполне самостоятельныхъ распорядковъ крестьянскихъ общинъ, зависѣвшихъ только отъ самого „міра“ и свободныхъ отъ всякой воеводской опеки и руководства. Въ области этихъ внутреннихъ распорядковъ міръ былъ полновластнымъ и единственнымъ инициаторомъ и вершителемъ своихъ дѣлъ.

„Челобитныя міру“ подавались разными лицами именно на мірскихъ сходкахъ, тутъ же дѣлавшихъ свои „приговоры“ по челобитнымъ. Такимъ образомъ, эти документы говорятъ о новомъ (неизвѣстномъ изъ „мірскихъ приговоровъ“ и „разводовъ“) и едва ли не самомъ существенномъ проявленіи власти мірскихъ сходокъ, которыя въ одной челобитной характерно называются „*советами*“ волостныхъ старостъ о „всякихъ мірскихъ дѣлахъ“. „Челобитныя міру“ тѣмъ особенно цѣнны, что даютъ нѣкоторыя данныя къ характеристикѣ взглядовъ самихъ членовъ міра на значеніе своего „міра“ и его руководящаго органа—мірскихъ сходокъ. Въ этомъ отношеніи очень характерна челобитная, поданная чарондскому міру „земскимъ дьячкомъ“ того же самаго міра „Ивашкою“ Ермолаевымъ, то-есть, едва ли не самымъ интеллигентнымъ (по требованіямъ и мѣркѣ того времени) человѣкомъ среди міра... Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что въ Чарондскомъ столбцѣ сохранилось всего 8 „челобитныхъ міру“.

Необходимо, однако, оговориться, что этотъ терминъ — „челобитныя міру“—въ рассматриваемыхъ документахъ не встрѣчается ни въ

текстѣ ихъ, ни въ приговорахъ міра (на оборотѣ). Но этотъ терминъ слѣдуетъ признать самымъ подходящимъ какъ по содержанію, цѣли и формѣ документовъ, такъ и для отличія ихъ отъ массы аналогичныхъ челобитныхъ, подававшихся царю, воеводамъ и проч.

Любопытно, что самъ міръ, принимая челобитныя и считая это своимъ неотъемлемымъ и естественнымъ правомъ, ни разу, однако, не назвалъ эти документы „челобитными“, а всегда упорно называетъ ихъ „памятями“. Сказалась ли въ этомъ обстоятельстве какая-то мірская мысль, которую трудно уловить, или это свойственное XVII вѣку пренебреженіе къ формѣ въ письменныхъ актахъ и смѣшеніе разныхъ видовъ актовъ—трудно рѣшить.

Во всякомъ случаѣ, принятый міромъ терминъ рѣшительно не можетъ быть взятъ уже по тому одному, что ни по формѣ, ни по содержанію „челобитныя міру“ совсѣмъ не похожи на тотъ установившійся видъ актовъ, который въ XVII вѣкѣ назывался „памятями“, какъ *приказами* отъ учреждений и лицъ другимъ учреждениямъ и лицамъ. Этотъ общераспространенный видъ актовъ, какъ въ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частной практикѣ, встрѣчаемъ именно въ томъ же значеніи и въ Чарондскомъ столбцѣ (см. V главу): смѣшать эти несомнѣнныя „памяти“ отъ земскаго старосты волостнымъ старостамъ съ челобитными, поданными міру, то есть, „всѣмъ волостнымъ старостамъ“ было бы грубою ошибкою.

Всѣ 8 „челобитныхъ міру“ рѣзко раздѣляются по своей формѣ на 2 вида: а) 4 челобитныя какъ по содержанію, такъ и по формѣ совершенно тождественны установившемуся типу „челобитныхъ“ вообще XVII вѣка и б) 4 челобитныя по формѣ совсѣмъ не похожи на челобитныя, но по содержанію и цѣли аналогичны имъ. Челобитныя перваго вида въ текстѣ не носятъ никакого названія, а въ приговорахъ міра называются „памятями“. Челобитныя же втораго вида и въ текстѣ и въ приговорахъ всегда называются „памятями“.

Всѣ 4 челобитныя перваго рода относятся къ 1663 г. и поданы міру слѣдующими лицами: двѣ поданы должностными лицами міра—„земскимъ дьячкомъ“ Иваномъ Ермолаевымъ и „земскимъ цѣловальникомъ“ Родиономъ Юрьевымъ, а двѣ поданы лицомъ, не принадлежавшимъ къ крестьянскому міру—„*посадскою* вдовою“ Ефимьей Ермоловой. Правда, мы знаемъ, что въ Чарондскомъ посадѣ жили и „пашенные крестьяне“, составлявшіе въ количествѣ 5 вытей одну изъ земскихъ единицъ Чарондскаго міра. Но еслибы Ермолова была вдовою пашеннаго крестьянина, то она такъ бы и называла себя въ че-

любитныхъ, а не „Чаронского посаду вдовою“, то-есть, вдовою одного изъ тѣхъ „посадскихъ людей“, которые также жили въ Чарондѣ и не входили въ составъ крестьянской общины. Въ этомъ убѣждаетъ и то мелкое, но очень характерное обстоятельство, что когда даже „земскій дьячекъ“ Иванъ Ермолаевъ, то-есть, правая рука земскаго старосты, приниженно называетъ себя въ челобитной міру „Ивашкою“, Ефимья Ермолова, какъ свободная отъ всякой подчиненности міру и принадлежавшая по житейской практикѣ къ высшему „чину“ людей, не безъ достоинства величаетъ себя полнымъ именемъ— „Офимьей“, а не „Офимьейцей“, какъ бы слѣдовало, еслибы она была крестьянкой.

Оказывается, что именно въ избѣ Ермоловой происходили мірскія сходы (или—какъ она называетъ — „сѣзды“ и „совѣты“) и за эти приемы міра въ своей „избѣ и во дворншкѣ“ она „бьетъ челомъ“ міру о вознагражденіи. Въ мартовской челобитной Ермолова проситъ за „два сѣзда“, а въ июньской—„за нынѣшнюю сѣзду“.

„Земскій приставъ“ Родіонъ Юрьевъ проситъ міръ возмѣстить его расходы во время посылки на Бѣлоозеро, а „земскій дьячокъ“ — о вознагражденіи за письменную работу (точно имъ указываемую) въ воеводской „приказной избѣ“ и за увеличеніе „письма въ вашихъ мірскихъ дѣлахъ“. Собственно только послѣднюю работу земскаго дьячка міръ былъ обязанъ оплачивать, ради нея только и держалъ своего дьячка. Но міръ не отказался удовлетворить челобитные полезнаго ему человѣка и тѣмъ болѣе, что дѣлалъ здѣсь большую любезность воеводѣ. Просьбы остальныхъ челобитчиковъ также были удовлетворены міромъ.

Что всѣ эти челобитныя поданы именно „міру“, а не одному его представителю „земскому старостѣ“, ясно говорятъ сами челобитныя, адресованныя именно „господамъ старостамъ — земскому округному старостѣ.. и всѣмъ волостнымъ старостамъ“. Земскій дьячокъ еще правильнѣе относился къ понятію „міръ“ и, кромѣ старостъ, билъ челомъ „и крестьяномъ“.

О томъ же свидѣлствуютъ и *приговоры* міра на челобитныхъ: здѣсь уже совсѣмъ отсутствуетъ имя земскаго старосты и вмѣсто него фигурируютъ „всѣ волостные старосты“ (или „волостные старосты“, а въ одной челобитной — и „выборные люди“), которые-де „приговорили“ исполнить такое-то мірское постановленіе именно своему земскому старостѣ.

Даты этихъ приговоровъ міра говорятъ, что челобитныя подава-

лись именно на мірскихъ сходкахъ: первая челобитная посадской вдовы и челобитная земскаго пристава поданы на сходкѣ 16-го марта. Тогда же, вѣроятно, подана міру и челобитная земскаго дьячка: въ датѣ приговора стоитъ „мартъ“, а для числа оставлень пробѣлъ. Вторая челобитная Ермоловой, гдѣ она проситъ вознагражденія „за нынѣшней съѣздъ“ волостныхъ старостъ, подана на сходкѣ 1-го юнія.

Приводя далѣе всѣ эти 4 „челобитныя міру“ въ ихъ полномъ объемѣ, обращаю вниманіе на тѣ выраженія, которыя въ своей совокупности присущи только „челобитнымъ“ XVII вѣка (какъ — „челомъ бью“, „и вамъ бы пожаловать“, „господа! смилуйтесь“ и т. п.) и рѣшительно не позволяютъ причислить рассматриваемую группу земскихъ документовъ къ какому либо другому виду актовъ.

1) Челобитная земскаго дьячка:

„Господамъ округскому старостѣ и всемъ волостнымъ старостамъ и крестьяномъ земской дьячекъ Ивашко Ермолаевъ челомъ бьетъ:

„Въ прошломъ во 170-мъ году великого государя по указу, а по приказу воеводы Дмитрея Голенищева да подьячаго Емельяна Прокофьева писалъ я Ивашко на Чарондѣ въ приказной избѣ два росписные списка, 45 столбцовъ (то-есть, склеекъ, листовъ), да по ихъ же приказу отписокъ писалъ 15 столбцовъ, да другою росписного списка писалъ 25 столбцовъ, что росписывался воевода Тимофей Осиповичъ Челищевъ съ подьячимъ Емельяномъ Прокофьевымъ. Да по воеводцкому же приказу отписокъ и списковъ съ дѣлъ писалъ 25 столбцовъ. Да по воеводцкому жъ приказу воеводы Тимофея Осиповича Челищева на Чарондѣ въ приказной избѣ подрядчика Якова Лягушкина съ его приѣмныхъ книгъ списывалъ списокъ, таковы же книги, 2 тетради 16 листовъ, и тое книгу воевода къ себѣ взялъ. Да съ тѣхъ же книгъ писалъ другой списокъ — двѣжъ тетради 16 листовъ, и та книга отдана округскому старостѣ. И въ вашихъ мірскихъ дѣлахъ письма есть при прежнихъ годѣхъ вдвое. А хлѣбу цѣна большая! И вы, юспода, за работишко мое что пожалуете, а я вамъ челомъ бью!“

Приговоръ міра (на об.): „171 году, марта въ (пробѣлъ) день, по сей памяти счелось 7 рублей, а у счету были волостные старосты, а взять деньги у округско старосты“.

Въ этомъ приговорѣ нѣтъ термина „приговорили“, но онъ встрѣчается въ другихъ челобитныхъ.

2) Челобитная пристава:

„Господамъ моимъ земскому округскому старостѣ Никифору Тимо-

Февичю и *всѣмъ* волостнымъ старостамъ бьетъ челомъ Чаронской приставъ *Родька* Юрьевъ: былъ язь посланъ къ Бѣлузеру, съ отписками, а на подъемъ мнѣ староста округской *не далъ ничего*. И *вы, господа, пожалуйста*—не поскиньте моеи работишка! *пожалуйте—приговорите*, что дать округскому старостѣ. А язь вамъ, господамъ своимъ, *всѣмъ* челомъ бью *до лица земного!*“

Приговоръ міра: „171 году, марта въ 16 день, по сей памяти *волостные старосты приговорили*—положить 20 алтынъ, а взять тѣ деньги на округскомъ старостѣ“.

Эта челобитная имѣетъ характеръ жалобы пристава міру на земскаго старосту, который долженъ былъ дать ему деньги „на подъемъ“, но почему-то „ничего не далъ“. Міръ призналъ жалобу справедливою и велѣлъ приставу взять деньги „на округскомъ старостѣ, то-есть, повидимому, изъ тѣхъ денегъ, которыя были ему даны на подобные расходы, или язь его земскаго содержанія, если только оно было (данныхъ въ Чаронскомъ столбцѣ нѣтъ). По крайней мѣрѣ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (см. другія челобитныя) міръ указываетъ другой источникъ для удовлетворенія челобитчиковъ — „наши мірскія деньги“. Къ выраженію „на округскомъ старостѣ“ близко выраженіе предыдущей челобитной — „взять деньги у округскаго старосты“. Но разница между этими предлогами существенная: „у“ старосты могли быть и были на рукахъ и „мірскія деньги“, которыми распоряжался только „міръ“, а „на“ старостѣ можно было взять и деньги, если не его личныя, то отданныя міромъ въ его личное распоряженіе.

3) Челобитная Е. Ермоловой:

„*Господамъ* старостамъ—земскому округскому старостѣ Микифору Тимофееву, да *всѣмъ* волостнымъ старостамъ *сряду и безвыборно*, челомъ бьетъ вдова *Офимья* Ермолова дочь: былъ *вашъ* весь *согнать* всякой, о всякихъ мірскихъ дѣлѣхъ, по *два създа*, у меня *въ избѣ*. И вамъ бы пожаловать—положить мнѣ за тотъ *вашъ простой*, сколько пожалуете—положите, господа! *Всѣмъ* вамъ *сряду и безвыборно* челомъ бьетъ“...

Здѣсь Ермолова не опредѣляетъ своего званія, но оно видно изъ слѣдующей ея челобитной. Характерно это настойчивое (употребленное три раза въ обѣихъ челобитныхъ) выраженіе посадской вдовы, что она бьетъ челомъ „*всѣмъ* волостнымъ старостамъ *сряду и безвыборно*“, то-есть, не однимъ только наличнымъ, присутствовавшим на съѣздѣ въ ея избѣ, но *всѣмъ* поголовно, подрядъ старостамъ всего

Чарондскаго „міра“. Здѣсь сказывается и широкое понятіе о „мірѣ“ какъ совокупности всѣхъ земскихъ единицъ округа, и нарочитое уваженіе къ постановленіямъ именно въ этомъ смыслѣ понимаемаго „міра“, а не наличной только кучки его представителей.

Приговоръ міра: „171 году, марта въ 16 день, по сей памяти *волостные старосты приговорили: за подворное* положить два рубля. А у покладки были волостные старосты и *выборные люди*. А деньги по сей подписной памяти взять на окрускомъ старостѣ“.

Почему Ермолова не адресовала своей челобитной „и выборнымъ людямъ“? Очевидно, это не практиковалось въ „челобитныхъ міру“, такъ какъ на мірскихъ сходкахъ выборные люди были случайными и не частыми представителями своихъ волостныхъ міровъ, обязательно представляемыхъ на сходкахъ всего міра только волостными старостами.

4) Вторая челобитная Е. Ермоловой:

„*Господамъ старостамъ—земскому окрускому старостѣ Никифору Тимофееву и всѣмъ волостнымъ старостамъ сряду и безвыборно* челомъ бьетъ Чаронскаго *посаду* вдова Офимья Ермолова дочь: чтобъ вамъ пожаловать, сколько изволите положить, *за вашу приходъ* ко мнѣ во *дворишко* и въ избу, за нынѣшной *сѣздъ*. Господа, *смилуйтесь!*“

Приговоръ міра: „171 году, юня въ 1-й день, по сей памяти *всѣ* волостные старосты *приговорили: положить 2 рубля 16 алтынъ 4 деньги, а взять тѣ деньги на окрускомъ старостѣ Никифорѣ (изъ) нашихъ мірскихъ денегъ*“.

Перехожу ко втораго рода челобитнымъ, которыя, называясь „памятями“, совсѣмъ не похожи на этого рода документы, но по содержанию и своей цѣли представляютъ такія же „челобитныя міру“, какъ и выше разсмотрѣнныя 4 челобитныя. Различіе же между тѣми и другими „челобитными міру“ чисто, внѣшнее: тогда какъ первыя челобитныя тождественны по формѣ со всякими вообще „челобитными“ XVII вѣка, вторыя челобитныя со стороны формы совсѣмъ не похожи на общій типъ челобитныхъ. Это скорѣе всего по своему изложенію *памятныхъ* (докладныхъ) *записки*, представленныя міру въ цѣляхъ подтвержденія и объясненія *словеснаго челобитья* міру. Въ самихъ документахъ нѣтъ выраженій, которыя прямо говорили бы о предшествовавшемъ появленію документовъ словесномъ челобитьѣ, но оно само собою разумѣется, ибо иначе невозможно объяснить мотивовъ появленія этихъ памятныхъ записокъ. Наконецъ и приговоры міра на послѣднихъ, совершенно аналогичные приговорамъ на челобитныхъ перваго рода, даютъ право поставить въ одну группу оба эти вида земскихъ актовъ.

Именно, въ приговорахъ по двумъ челобитнымъ 2 рода находимъ нормальную формулу: „по сей памяти всѣ волостные старосты *примоворили*“ учинить то-то. Въ третьей челобитной („мірскаго челобитчика“ Ѳедора Аникіева) нѣтъ этой формулы, но приговоръ ясно говоритъ, что онъ состоялся по постановленію „волостныхъ старостъ“. Только въ 4-й челобитной (П. Исакова) нѣтъ ни того, ни другаго, а стоитъ неопредѣленное выраженіе — „по сей памяти *счелось*“ дать Исакову столько-то изъ „мірскихъ денегъ“. Значить и здѣсь участие „міра“ въ постановленіи приговора несомнѣнно. Съ другой стороны, именно это неопредѣленное выраженіе („счелось“) встрѣчаемъ въ приговорѣ міра на несомнѣнной „челобитной міру“, поданной земскимъ дьячкомъ Иваномъ Ермолаевымъ (см. выше). А въ послѣднемъ приговорѣ ясно сказано, что „у счету были волостные старосты“. Словомъ, и всѣ челобитныя 2 рода несомнѣнно адресовались „міру“, обсуждались и рѣшались на мірскихъ сходкахъ.

Изъ 4 челобитныхъ 2 рода, или „челобитныхъ памятей“, какъ ихъ можно назвать, одна относится къ 1662 г., а три къ 1663 г. Первая—самая любопытная въ бытовомъ отношеніи: это—челобитная „земскаго цѣловальника“ Дмитрія Данилова (составлена имъ въ мартѣ. но подана міру на сходкѣ 26-го августа), возившаго въ Москву „государеву казну“ и просившаго міръ возмѣстить его дорожные расходы и, особенно, крупные расходы по „московской волокити“, какъ характерно называлъ челобитчикъ свое порученіе въ Москвѣ. Любопытенъ сообщаемый имъ перечень — „на Москвѣ кому что *гостинецъ*“ дано. Казну онъ сдавалъ въ приказѣ *Устюжской Четверти* и здѣсь именно всего болѣе оставилъ „гостинца“ у дьяка Александра Анисимова, у подьячихъ и сторожей приказа, даже у дьяческихъ „дворянъ“.

Къ расходамъ міра на „московскую волокиту“ относятся и остальные челобитныя памяти 1663 г., особенно—„мірскаго челобитчика“ въ Москвѣ Ѳедора Аникіева и старосты Коротецкой волости Михаила Власова. Первый просилъ объ уплатѣ денегъ, истраченныхъ имъ въ Москвѣ за „перестойные мѣсяцы“ (см. аналогичный случай въ „мірскомъ приговорѣ“ 7-го марта 1663 г.). Коротецкій же староста просилъ о возмѣщеніи произведеннаго имъ расхода по провозу чрезъ волость московскаго подьячаго Ивана Софопова (см. „мірскаго приговоръ“ 27-го мая 1663 г.).

Послѣдняя челобитная память — „земскаго цѣловальника“ Павла Исакова, просившаго вознаграждать его расходы въ разныхъ служебныхъ посылкахъ, въ томъ числѣ и за „московскую ѣзду“. Всѣ эти

словесныя челобитья міру, подкрѣпленныя письменными памятными записками челобитчиковъ, были удовлетворены міромъ. Привожу эти „челобитныя памяти“ (первую въ извлеченіи):

1) Челобитная память земскаго цѣловальника Дм. Данилова:

„170 году, марта въ (пробѣль) день, память земскаго цѣловальника Дмитрея Данилова ¹⁾ въ издержкѣ и въ расходѣ, что великого государя съ казною ѣдучи до Москвы наймовалъ подводы, и что на Москвѣ кому что *гостинецъ* и отъ *счета* дано, и то въ сей памяти написано: на волоку на Словинскомъ на 2 подводы до Вологды дано 60 алтынъ. Съ Вологды до Обнорсково и до Ухорсково и до Ярославля подъ государеву казну на одну подводу дано 3 рубли. Изъ Ярославля до Переславля-Залисково подъ казну же на одну подводу дано 2 рубли“. Далѣе до Москвы столько же уплочено.

„Да на Вологдѣ *въ приказъ* (то-есть, въ приказную избу) ходилъ— билъ челомъ о памяти ямщикомъ о отпускѣ, и отъ памяти *подьячье* *чисчево* взяли 8 алтынъ, да *сторожъ придверново* и *восково* взялъ 2 алтына“. И въ Ярославлѣ ради такой же памяти Д. Даниловъ „въ приказъ ходилъ“ и „издержалъ 7 алтынъ, да сторожъ взялъ 4 девьги“. Въ Переславлѣ-Залѣскомъ „издержалъ отъ памяти и сторожамъ 2 гривны“.

По прїѣздѣ въ *Москву*, какъ „великого государя казну въ *Четверть* (*Устюжскую*—см. VIII главу) поставили и (съ) *сторожами срядился* — дано имъ 2 рубли, да *подьячему* Дмитрею Шипулину *гостинецъ* несъ—*пирогъ* въ рубль, да 40 алтынъ денегъ“. Затѣмъ Даниловъ еще два раза былъ у Шипулина, всегда съ „гостинцомъ“ — „несъ гостинецъ два пирога, пирогъ по рублю, да 1½, рубли денегъ“.

Два же раза ходилъ онъ во дворъ *дьяка* Александра Анисимова— снесъ два рублевыхъ пирога и денегъ 2 рубля, да „*дворяномъ* ево (дьяка) дано 4 гривны“.

При „счетѣ“ въ приказѣ Чарондской казны Даниловъ далъ другому подьячему Ивану Григорьеву „отъ *счета* 11 *рублевъ*“ (то-есть, больше, чѣмъ самому дьяку). Тогда же у него не приняли — „выметали“ негодныхъ денегъ на 35 руб.: „и я тѣ деньги проминилъ на *добрыя* деньги“, за что „придалъ 5 руб. Да изъ *серебряныхъ* денегъ выметали *полуженыхъ* да *жестяныхъ* и *укладныхъ* 8 алтынъ“. — По видимому, этотъ промѣвъ негодныхъ денегъ на „добрыя“ происхо-

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ явная ошибка — „память земскому цѣловальнику Дм. Данилову“, но я исправляю согласно другимъ „челобитнымъ памятямъ“.

диль въ томъ же приказѣ и, очевидно, принадлежалъ къ числу доходныхъ операций подъячихъ приказа.

Послѣдніе расходы Данилова въ Москвѣ: „да отъ платежные грамоты подъячому Ивану Григорьеву писчево дано рубль. Да 5 рублей *учету* во всей казнѣ“.

Этимъ и заканчивается собственно „память“ Данилова, но на оборотѣ онъ сдѣлалъ еще слѣдующую приписку относительно расчета съ своимъ товарищемъ по московской поѣздкѣ: „по сей памяти язь земской цѣловальникъ Дмитрей Даниловъ съ земскимъ же цѣловальникомъ съ Осиномъ Алимпіевымъ *счелся въ московской волокитъ*, и въ издержкѣ, и въ учетѣ, и во всей *его долъ*, что съ него довелось, и деньги взялъ, и впредь мнѣ Дмитрею до него Осипа дѣла нѣтъ. А на памяти я Дмитрей велѣлъ подписать земскому цѣловальнику Афонькѣ Исакову“.

Приговоръ міра: „170 году, августа въ 26 день, по сей памяти *всѣ волостные старосты приговорили*: положить 8 рублей 26 алтынъ 4 деньги, а деньги взять на округномъ старостѣ. А у *покладки* были *всѣ* волостные старосты“.

Если это не описка въ приговорѣ—„8 рублей“, то значить міръ выдалъ Данилову только $\frac{1}{6}$ часть понесенныхъ имъ расходовъ (всего около 45 руб.). уплативши, повидимому, одинъ расходъ на подводы (къ этому именно расходу подходитъ цифра положенной міромъ выдачи). Очевидно, только этотъ расходъ міръ считалъ для себя обязательнымъ, находя, что всѣ остальные расходы Данилова (на провинціальныхъ и московскихъ приказныхъ людей за промѣнъ и „учетъ“ (недостачу) денегъ) обязано уплатить воеводское управление Чаронды. такъ какъ именно оно собирало и отправляло въ Москву „государеву казну“, а міръ давалъ только провожатыхъ и подводы подъ казну. Даниловъ не могъ не знать такихъ взглядовъ міра, но, вѣроятно, нерѣдки бывали примѣры, когда міръ изъ угожденія предъ воеводами и подъ ихъ влияніемъ принималъ на себя нѣкоторые расходы воеводскаго управленія: на этомъ основаніи и Даниловъ рискнулъ выступить съ своимъ челобитьемъ міру, но потерпѣлъ неудачу. Домогался, ли онъ еще разъ выступить предъ міромъ съ своимъ челобитьемъ, поддержанный воеводою, который, вѣроятно, и натолкнулъ Данилова на взысканіе денегъ съ міра, а не съ воеводскаго управленія, имѣли ли Даниловъ успѣхъ и проч.—въ документахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, если въ приговорѣ нѣтъ описки въ „8 рубляхъ“, то приговоръ ясно намекаетъ на какое-то столкновеніе

„міра“ съ воеводскимъ управленіемъ, которое усердно пользовалось работою „земскихъ“ должностныхъ лицъ (вспомнимъ, напримѣръ, челобитную „земскаго дьячка“, работавшаго въ воеводской приказной избѣ), но не желало участвовать въ оплатѣ ихъ работы.

2) Челобитная память „мірскаго челобитчика“: „171 году, марта въ (пробѣль) день, память Пунемской волости (крестьянина) мірскаго челобитчика Ѳедора Аникіева, что посланъ былъ къ Москвѣ *выборнымъ* и челобитчикомъ: и язъ *перестоялъ* за два мѣсяца (то-есть, сверхъ этихъ 2 мѣсяцевъ еще)—мѣсяць 1½, недѣли, да подвода съ Чаронды до Пунемы“.

Приговоръ міра: „171 году, іюня въ 24 день, *волостные старосты считали* московскаго челобитчика Ѳедора Аникіева въ его *помѣсечинъ* за *переслугу*. И причелось ему Ѳедору за переслугу его и за подводу донати *на міру* 12 рублей 11 алтынъ 2 деньги. Взять деньги съ округско старосты“.

3) Челобитная память волостнаго старосты: „171 году, маія въ 12 день, память Коротецкіе волости старосты Михаила Власова: ѣхалъ на Чаронду (московской) подьячей Иванъ Софоновъ, взялъ съ Коротково подводу до Чаронды — *подвозокъ* съ гребцы, и язъ далъ на подвозокъ *кортомы* 60 алтынъ патриаршу крестьянину Марку Андрееву (изъ своихъ, то-есть, волостныхъ) *ручницъ* денегъ. И *вамъ бы старостамъ пожаловать* — память велѣтъ *подписать* и въ расходы старостѣ округскому завести“.

Послѣднее выраженіе—„и вамъ бы старостамъ пожаловать“—совершенно челобитнаго характера.

Приговоръ міра: „171 году, маія въ 31 день, по сей памяти *всѣ волостные старосты приговорили*: коротецкому старостѣ Миханлу Власову на судно *кортомы* дать 60 алтынъ, а взять тѣ деньги на округскомъ старостѣ (изъ) *мірскихъ* расходныхъ денегъ“.

4) Челобитная память земскаго цѣловальника П. Исакова:

„171 году, память въ прогонѣхъ земсково цѣловальника Павла Исакова: какъ меня *выбрали* въ цѣловальники и язъ ѣхалъ креста цѣловать—подвода была лотка съ гребцы на 40 верстѣ, съ Липника до Чаронды. И послѣ крестнаго цѣлованья, какъ меня воевода сталъ за казною посылать къ Москвѣ, и у меня запасу съ собою не было, что *московскіе ѣзды* не знали (то-есть, не предвидѣлъ московской посылки), и язъ по запасъ ѣздилъ — *наймывалъ* съ Чаронды лотку съ гребцы до Липника и назадъ до Чаронды. Да какъ язъ шелъ съ Москвы, и мнѣ въ Заельникахъ подводы не дали, и язъ до берегу

шелъ пѣшь 10 верстъ. Да отъ Коротецкіе волости отъ Гостина берегу лотку нанялъ и съ гребцы до Чаронды на 40 верстъ. — Да ѣхалъ *приставъ* Иванъ Дементьевъ—*высылалъ старостъ* къ Чарондѣ съ подрядными деньгами, а подвода моя была подъ пристава съ Чаронды до Пунемы, на 30 верстъ. — Да проѣхалъ *приставъ* Василей Дмитреевъ — *высылалъ старостъ* къ Чарондѣ съ четвертными деньгами, и у меня жилъ $1\frac{1}{2}$ дни, да ночь ночевалъ, *толь три выти*, что старосты и *дьячка* дома не было. — Да ѣхалъ *приставъ* Иванъ Струнинъ въ Пунемскую *треть*—*высылалъ старостъ* къ Чарондѣ за стрѣлецкіе запасы съ деньгами, а лотка была моя съ гребцы отъ Чаронды до Пунемы, на 30 верстъ. — Да я же цѣловальникъ для государева дѣла ѣздилъ къ Вагѣ, а назадъ отъ Липинскіе волости взялъ подводу на 40 верстъ до Чаронды“.

Эта челобитная память содержитъ многія любопытныя подробности относительно „службы“ при воеводскомъ управленіи „земскихъ цѣловальниковъ“, которыхъ миръ „выбиралъ“ на какой-то срокъ и оплачивалъ часть ихъ служебныхъ расходовъ. Характерны эти постоянные разъѣзды „приставовъ“ по волостямъ для высылки въ городъ старостъ съ деньгами въ государеву казну. Оригинально упоминаніе объ одномъ изъ приставовъ, что онъ за $1\frac{1}{2}$ дня „ѣлъ (въ подлинникѣ стоитъ—„елъ“) три выти“. Разумѣется ли здѣсь, что онъ съѣлъ разныхъ припасовъ, поставленныхъ „3 вытиями“, то-есть, извѣстнымъ количествомъ дворовъ, или же здѣсь „выть“ употреблена въ какомъ-то специальномъ значеніи относительно ѣды и ея размѣровъ—трудно сказать. Не ясно также—гдѣ это кормленіе пристава происходило: въ посадѣ, гдѣ была служба Исакова или въ Липинской волости, гдѣ находился дворъ челобитчика? Повидимому, рѣчь идетъ о послѣднемъ, тогда значить челобитчикъ разумѣетъ волостнаго старосту и „*волостнаго дьячка*“, когда замѣчаетъ, что кормилъ пристава за отсутствіемъ „старосты и дьячка“. Что волостные дьячки существовали въ Чарондскомъ мирѣ—это показываютъ „отписи“: многія изъ нихъ написаны именно волостными дьячками, напримѣръ, одну „отпись писалъ Печенскіе волости *дьячекъ* Андрюшка Яковлевъ“ и т. п.

Приговоръ міра: „171 году, мая въ 28 день, по сей памяти *счелось* 3 рубли 2 алтына 4 деньга, а взятъ тѣ деньги на округскомъ старостѣ *мірскихъ* расходныхъ денегъ“.

Любопытны даты приговоровъ міра на этихъ „челобитныхъ міру“ и на „челобитныхъ памятяхъ“ 1663 г. Онѣ говорятъ, что мірскія

сходки собирались очень часто, особенно лѣтомъ, на примѣръ, въ маѣ сходки происходили 28-го и 31-го числа, а въ іюнѣ — 1-го и 24-го числа. Близость по времени первыхъ трехъ сходокъ несомнѣнно говоритъ о цѣлой *sessio* мірскаго съѣзда, продолжавшейся нѣсколько дней. Перерывъ между 28-го и 31-го мая объясняется просто отсутствіемъ у насъ документальныхъ данныхъ за промежуточные дни — 29-е и 30-е мая, если это не были праздничные дни (можетъ быть, Троицынъ и Духовъ дни).

V.

„Памяти“.

Ставлю рядомъ двѣ сохранившіяся въ Чарондскомъ столбцѣ „памяти“ 1662 г., чтобы показать рѣзкое отличіе этихъ несомнѣнныхъ „памятей“ отъ „челобитныхъ міру“, ошибочно называющихъ себя также „памятями“. Обѣ „памяти“ представляютъ именно приказы отъ земскаго окрускаго старосты (одна отъ Степана Аввакумова, другая отъ его преемника Никифора Тимофеева) волостнымъ старостамъ (а первая — „и всѣмъ *крестьяномъ*“) о сборѣ съ волостей денегъ по двумъ „розводамъ“ мірскихъ сходокъ. Мартовская память С. Аввакумова адресована 4 старостамъ 3 волостей (при чемъ земскій староста называетъ волостныхъ старостъ только по именамъ, безъ прозвищъ), а октябрьская память Н. Тимофеева относится къ старостѣ волости Шанга-Бодунова. Первая требуетъ отъ 3 волостей взноса денегъ „по десятиалтынному розводу“ на удовлетвореніе мірскаго челобитчика Тимофея Савина. Вторая память приказываетъ старостѣ собрать деньги, слѣдующія съ волости по послѣднему „розводу“ міра и вручить деньги подьячему Данилѣ Кунашеву. Вѣроятно, этотъ сборъ шелъ или въ государеву казну, или на воеводское кормленіе, почему и былъ порученъ подьячему приказной избы. Впрочемъ, изъ помѣтъ, находящихся на оборотѣ памяти, видно, что подьячій не былъ въ волости и деньги были вручены старостѣ сосѣдней волости и приходскому попу Фалелѣю, для передачи въ Чаронду. Тамъ же, на оборотѣ, памяти, находимъ рукоприкладства земскихъ старостъ: оба они были безграмотныи и за нихъ подписались другія лица.

Привожу обѣ „памяти“:

1) „170 году, марта въ 9 день, *память* отъ земскаго окрускаго старосты Степана Аввакумова Ротковскимъ (то-есть, 2 приходовъ

Ротковской волости) *старостамъ* Федору и Григорью, Кленовскому Терентью, Тавенскому Ивану и *всѣмъ крестьяномъ*, чтобъ вамъ по сей памяти—по десятиалтынному розводу заплатить челобитчику Тимофею Савину, по ихъ (то-есть, вѣроятно, было нѣсколько „мирскихъ челобитчиковъ“, представившихъ одну „челобитную („подписную“) память“ о расходахъ своихъ по мирскому дѣлу) *подписной памяти*, въ помѣсечину и въ расходъ, 23 рубли 1 алтынъ. А въ тѣхъ деньгахъ по росчету взять у него отписи на мое старостино имя, и тѣ отписи и сію память принести ко мнѣ, а я съ вами во всемъ розочтусь. А сей вамъ памяти *вѣритъ*. А память писалъ земской дьячекъ Ивашко Ермолаевъ“. — Рукоприкладство Ст. Аввакумова (на об.), за котораго росписался его сынъ.

2) „Память съ земского округского старосты отъ Никифора Тимофеева Шанги-Бодуновы старостѣ Прокофью Парфенову въ томъ, что по розводу всѣхъ волостныхъ старостѣ по рублю съ выти—и въ тотъ розводъ причелось съ *ваше волости* взять 14 рублей 13 алтынъ пол-четыре деньга, и тебѣ бы тѣ деньга заплатить (подьячему) Данилѣ Никитину сыну Кунашеву, и какъ заплатишь, и ты съ нимъ и *памятцу* пришли, а ево память держи у себя въ отписи мѣсто. А сей памяти *вѣри*. А память писалъ, по старостину вельѣнью, чаронецъ Алимко Ермолаевъ. Лѣта 7171-го году, октября въ 9 день“.

Рукоприкладство (на об.) земскаго старосты: „къ сей памяти вмѣсто старосты Никифора Тимофеева, по его вельѣнью, прошлой дѣловальникъ Осипко Алимпіевъ руку приложилъ“.

Помѣты (на об.): 1) „по сей памяти Шанги-Бодуновы староста Прокофей *уплатилъ* 7 рублей (старостѣ) Мунскіе волости Василю Попову“. — 2) „По сей памяти *доплатилъ* язъ староста Прокопей попу Фалилию пол-сема рубли денегъ, и подписалъ самъ попъ своей рукой“.

VI.

„Мірскія кабалы“.

Не буду распространяться объ этомъ достаточно извѣстномъ видѣ земскихъ документовъ XVII вѣка. Въ Чарондскомъ столбцѣ сохранились 2 „мірскія кабалы“ 1661 г. и одна 1660 г. Всѣ онѣ говорятъ о займѣ денегъ земскимъ старостою на „мірскіе расходы“, но „во *всѣхъ* волостныхъ *старостѣ и крестьянъ* мѣсто“. Вопросъ о займѣ

денегъ рѣшался и мірскія кабалы составлялись на мірскихъ сходкахъ, о чемъ свидѣлствуютъ рукоприкладства волостныхъ старостъ на этихъ документахъ.

Для примѣра привожу въ извлеченіи одну мірскую кабалу 1661 г.: „се язь Чаронского посаду и Чаронскіе округи земской округской староста Степанъ Аввакумовъ во всѣхъ волостныхъ старостъ и крестьянъ мѣсто занялъ“ у „земскихъ цѣловальниковъ“ Ивана Демидова съ товарищи „великого государя казенныхъ таможенныхъ денегъ 40 рублевъ, а заплатить“ ихъ „на строкъ на Рождество Исусъ Христово нынѣшняго 170 году. А случить Богъ мнѣ займицику смерть, ино ся кабала выкупать Чаронскіе округи всѣмъ волостнымъ старостамъ и крестьяномъ, что тѣ деньги заняты на ихъ *мірской* расходъ во всю Чаронскую округу“. При займѣ были „послуси“ — старосты Тигинской волости Феодосій Клементьевъ и Липинской волости Павелъ Исаковъ. „Кабалу писалъ земской дьячекъ Ивашко Ермолаевъ, лѣта 7170-го, сентября въ 20 день“.—Рукоприкладства (на об.) земскаго старосты (за него росписался его сынъ Семень) и волостныхъ старостъ.—Одна изъ „отписей“ 171 года говоритъ объ уплатѣ міромъ этого долга въ государеву казну.

Другая „мірская кабала“ 1661 г., отъ 25-го сентября, говоритъ о займѣ 30 руб. также изъ „таможенныхъ денегъ“, срокомъ до Богоявленья.

„Мірская кабала“ отъ 3-го марта 1660 г. говоритъ о займѣ земскимъ старостою Степаномъ Аввакумовымъ у „земскихъ цѣловальниковъ“ Бажена Родіонова съ товарищи „17 рублевъ денегъ *московскихъ ходячихъ*“ изъ „казенныхъ денегъ таможенного сбору“. Деньги понадобились міру „на казенной отпускъ“. Кабалу писалъ, „по отцову велѣнью, Сенька Степановъ“, то-есть, сынъ земскаго старосты. „Вмѣсто займицика“ земскаго старосты росписался (на об.) „земской дьячекъ“ Ивашъ Ермолаевъ.

VII.

„Мірская счетная роспись“.

Земскій документъ этого типа имѣетъ въ Чарондскомъ столбцѣ единственнаго представителя: это — любопытный протоколъ мірской сходки о „счетъ“ своего „прошлаго“ земскаго округскаго старосты Никифора Тимошеева въ его „*людовомъ староуцѣнѣ*“. Актъ соста-

вленъ на мірской сходкѣ 27-го августа 1663 г., когда собралось для такого важнаго мірскаго дѣла 20 старостъ (имена ихъ приведены въ текстѣ документа), дѣйствовавшихъ за себя и за „*всѣхъ* волостныхъ старостъ во *всѣхъ* крестьянъ мѣсто“. Наличный на сходкѣ міръ провѣрялъ приходъ и расходъ мірскихъ денегъ по документамъ земской избы. Оказавшіяся на земской старостѣ „начетныя деньги“—123 рубля, были тутъ же, на сходкѣ, имъ внесены и приняты міромъ.

Кромѣ разныхъ подробностей этого акта мірскаго контроля надъ своимъ главою, касающихся самого учета земскаго старосты, любопытна одна сторонняя подробность о перерѣшеніи міромъ одного изъ своихъ прежнихъ приговоровъ. Именно, мы знаемъ изъ „мірскаго приговора“ 6-го декабря 1662 г., что крестьянину Ивану Кѣмину, одному изъ 3 „выборныхъ людей“, возившихъ „мірскую рыбу“ въ Москву, присуждено міромъ уплатить его издержки въ роли „московскаго ходока“. Но на сходкѣ 27-го августа 1663 г. міръ отказался возмѣстить расходы Кѣмина, такъ какъ у него „объявилось *челобитіе о своемъ дѣлѣ*“, ради котораго онъ и хотѣлъ проѣхаться въ Москву на мірской счетъ. Очень характерно это строгое отношеніе міра къ такимъ неблагоприятнымъ покушеніямъ своихъ сочленовъ на мірскую казну... Подробность эта очутилась въ актѣ въ виду отношенія ея къ учету земскаго старосты.

Привожу „мірскую счетную роспись“ въ ея полномъ видѣ (кромѣ одного неразобраннаго слова):

„171 году, августа въ 27 день, Чаронскаго посаду и всеѣ Чаронскіе округи *прошлою земского округского старосту* Никифора Тимофеева Чаронскіе округи всѣхъ волостей *волостные старосты*—Коротецкой Томило Марковъ, Шанги-Бодуновы Прокопей Парфеновъ, Вещезерскіе волости старосты (то-есть, 3 приходовъ) Оксенъ Ивановъ, Емельянъ Ивановъ, Герасимъ Михайловъ, Печенской Первой Епиматовъ, Чепецкой Томило Игнатьевъ, Свидцкой Никонъ Софоновъ, Боровской Бажень Степановъ, Хотѣновской Михайло Дементьевъ, Шанги-Большей Григорей Молчановъ, Вырской Елизаръ Михайловъ, Ротковскіе (старосты) Иванъ Афанасьевъ да Григорей Лукинъ. Таренской Ѳедоръ Ивановъ, Тигинской Ѳедосій Клементьевъ, Патчеварской Бажень Филиповъ, Вожеской Дмитрей Сергіевъ, Липенской *Гостило* ¹⁾

¹⁾ Любопытно частое употребленіе среди Чаронскихъ крестьянъ *прозвищъ* вмѣсто личныхъ христіанскихъ именъ: „Гостило“ — очень рѣдкое прозвище, но остальные довольно распространенныя — „Томило“, „Бажень“, „Первой“ и т. п.

Ивановъ, Пунемской Оедоръ Матвѣевъ и всѣ волостные старосты, во *всѣхъ крестьянъ мѣсто*, меня прошлаго округского старосту Никифора Тимофеева въ моемъ *годовомъ старощеньѣ*, въ приходѣ по 5 приемамъ въ мѣдныхъ деньгахъ, и въ расходѣ по *оттысямъ*, и по *приговорамъ*, и по *книжѣ*, и во всемъ моемъ приходѣ и въ расходѣ по приходнымъ и по расходнымъ *памятамъ* за нынѣшней за 171 годъ—*счели въ правду*. И сверхъ моего расходу *причелось* ихъ мірскихъ денегъ мѣдныхъ 123 рубли, и тѣ *начетные деньги* они всѣ волостные старосты у меня Никифора *взяли въ міръ*... всѣ еполна. А что у меня старосты по приемамъ дочтетца на которой волости мѣдныхъ денегъ *доняти*, и тѣ деньги *добирить* мнѣ старостѣ и платить ружнымъ людямъ въ ругу по долговой росписи прошлыхъ лѣтъ. И сверхъ того имъ всѣмъ волостнымъ старостамъ и ихъ волостей крестьяномъ до меня Никифора въ моемъ годовомъ старощеньѣ, въ мѣдныхъ деньгахъ, впредь *дѣла нѣтъ*. А мнѣ старостѣ Никифору до нихъ волостныхъ старостъ и до всѣхъ крестьянъ въ томъ моемъ годовомъ старощеньѣ впредь *дѣла нѣтъ*, что они волостные старосты, во всѣхъ крестьянъ мѣсто меня прошлаго старосту Никифора въ моемъ годовомъ старощеньѣ, во всемъ приходѣ и въ расходѣ, *счели въ правду* и сверхъ счету *взяли въ ру*, что за мною Никифоромъ ихъ мірскихъ расходныхъ мѣдныхъ денегъ, сверхъ тѣхъ начетныхъ денегъ, *нѣтъ ничего*. А что *по мірскому велѣнію* подписана *память* у *московского ходока* у Ивана Тимофеева сына Кѣмина, и по той подписной памяти денегъ ему Ивану Кѣмину они волостные старосты приговорили *не платить*, что у того Ивана *о своемъ дѣлѣ челобитѣ объявилось* (на Москвѣ). А память его Ивана подписана въ расходѣ мѣдныхъ денегъ. А *счетную роспись* писалъ земской дьячекъ Ивашко Ермолаевъ“.

Рукоприкладство (на об.): „къ сей счетной росписи вмѣсто земского округского старосты Никифора Тимофеева, по ево велѣнію, земской цѣловальникъ Афонька Исаковъ руку приложилъ“.

VIII.

„О т и с и“.

Перехожу къ послѣднему и самому обширному отдѣлу документовъ Чарондской земской избы—къ „оттысямъ“ 1662 и 1663 гг. (за первый годъ очень немного, а большинство за второй годъ), сохранившимися въ количествѣ болѣе 200 актовъ. Не смотря на ихъ

краткость, сухость и кажущуюся мелочность фактовъ, документы въ своей массѣ очень цѣнны богатымъ бытовымъ содержаніемъ, сплошь относящимся къ тѣмъ или другимъ сторонамъ земской жизни Чарондскаго „міра“. Здѣсь мы находимъ любопытныя данныя о пресловутомъ „воеводскомъ кормленіи“, „о московской волокитѣ“, о расходахъ міра на воеводское управленіе, на свою „земскую избу“ и на земскихъ должностныхъ лицъ и проч. „Отписи“ рисуютъ такія стороны земской жизни, о которыхъ мы ничего почти не знаемъ, или только догадываемся по разнымъ историческимъ намекамъ. Не беру на себя задачи извлечь изъ отписей весь матеріалъ, годный для обрисовки дѣятельности Чарондской общины въ данное время: этотъ матеріалъ такъ великъ, что можетъ быть предметомъ specialнаго изслѣдованія. Ограничиваю свою задачу извлеченіемъ изъ отписей лишь самого существеннаго и выдающагося матеріала.

Но предварительно сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о внѣшней сторонѣ „отписей“. Документы этого типа и названія были въ большомъ ходу въ XVII в., какъ въ московскихъ и провинціальныхъ приказныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ частной жизни. „Отписями“ назывались росписки въ полученіи денегъ, хлѣба и разныхъ предметовъ. Въ томъ же значеніи употреблялись отписи и въ практикѣ Чарондской земской избы, то-есть, какъ росписки въ полученіи мірскихъ денегъ отъ земскаго округскаго старосты, за исполненную для міра работу, или за какое либо мірское порученіе, или же за проданныя міру разные предметы. Отписи точно указываютъ: когда (дата очень рѣдко отсутствуетъ), кто именно, за что и сколько получилъ отъ земскаго старосты мірскихъ денегъ. Отпись требовала рукоприкладства получателя денегъ и присутствія „послуха“. Въ текстѣ нерѣдко стоитъ фраза— „а на то послуси“ хотя далѣе указывается обыкновенно имя только одного „послуха“: очевидно. это упоминаніе о „послусяхъ“ было переживаніемъ старой формы, когда требовалось присутствіе нѣсколькихъ послуховъ.

Большинство Чарондскихъ отписей составлено отъ имени получателей мірскихъ денегъ, а нѣкоторыя—отъ имени земскаго старосты. Для примѣра приведу нѣсколько отписей той и другой разновидности:

1) „Се язъ Чаронской *приставъ* Дмитрей Баженовъ далъ еси *отпись* старостѣ округскому Никифору Тимофееву въ томъ: я *приставъ* отпущень къ Москвѣ съ отписками, а на *подмону* мнѣ староста далъ 2 рубли денегъ, и тѣ меня деньги дошли, въ тѣхъ деньгахъ я *приставъ* и отпись далъ, а на то *послуси* — чаронецъ Дмитрей Панфи-

ловъ. А отпись писалъ цѣловальникъ Афонька Исаковъ. Лѣта 7171-го году, декабря въ 18-й день“. — Рукоприкладство (на об.): „къ сей отписи Воскресенской (то-есть, Воскресенскаго прихода Вещезерской волости) староста Ѳедька Акинѣевъ вмѣсто Чаронскаго пристава Дмитрея Баженова, по его велѣнью, руку приложилъ“.

2) „Се язъ Чаронскаго посаду Афонасей Елизаровъ далъ есми отпись земскому окрускому старостѣ Никифору Тимофееву въ томъ, что былъ я приговоренъ (то-есть, договоренъ) къ *тюрьмъ въ сторожи* во 170-мъ году, а *найму* отъ сторожи ряжено 10 рублей, и тѣ деньги до меня дошли всѣ сполна, въ томъ ему и отпись далъ, а на то послухъ чаронецъ Орееей Васильевъ, а отпись писалъ хотѣновецъ (то-есть, крестьянинъ Хотѣновской волости) Кодемка Тимофеевъ. Лѣта 7171-го году, генваря въ 27-й день“. — Рукоприкладство чарондца Остафья Филипова, вмѣсто безграмотнаго тюремнаго сторожа.

3) Отпись, свидѣтельствующая объ очень оригинальномъ обычаѣ міра — *нанимать* иногда „мірскихъ челобитчиковъ“ для Москвы: „се язъ Яковъ Евсегнѣевъ (крестьянинъ) Печенской волости, далъ есми отпись земскому окрускому старостѣ Никифору Тимофееву, что я *на-нялся ото всей Чаронской окрочи*, и отъ старосты окрусково, и отъ всѣхъ волостныхъ старостъ, *итти къ Москвѣ въ челобитчики*—бить челомъ великому государю *о мірскихъ бѣдностяхъ*, и онъ староста далъ мнѣ на мірскую издержку 10 рублей, въ томъ я ему и отпись далъ, а на то послуи — Тавенской волости староста Иванъ Дементіевъ, а отпись писалъ Вожеской волости староста Митка Сергіевъ. Лѣта 7171 году, маія въ 30-й день“. — За мірскаго челобитчика росписался земскій цѣловальникъ Афанасій Исаковъ.

Отписи втораго типа, то-есть, написанныя отъ имени земскаго старосты, рѣзко отличаются отъ первыхъ по своей формѣ, напри- мѣръ: „171 году, марта въ 15-й день, староста окрускаго и земскаго Никифоръ Тимофеевъ *платилъ* великаго государя по грамотѣ и противъ челобитья прошлыхъ годовъ старосты окрусково и всѣхъ волостныхъ старостъ, по *книжъ площадного письма* рубль платилъ, при- нели земскіе цѣловальники Ларивонъ Андроновъ съ товарища великаго государя въ казну“.

Слѣдуетъ еще отмѣтить отписи съ *приговорами міра*, напри- мѣръ: 1) 23-го августа 1662 г. „мірскіе московскіе челобитчики“ (выборные, а не наняты) Оксень Ивановъ и Ѳедотъ Остафьевъ дали „от- пись“ земскому старостѣ Степану Авакумову „въ томъ, что *отпу-*

стали насъ всѣ волостные старосты къ Москвѣ въ челобитчики „для *мірскихъ бѣдностей*“, на что выдали „на мірской расходъ“ 30 р.— Приговоръ міра (на об.): „170 году, августа въ 27-й день ¹⁾, сеѣ отписи взяли всѣ волостные старосты у *прошлою* старосты Степана Аввакумова и отдали *новому* старостѣ Никифорову Тимофееву, и положить ему Никифору въ отчетѣ. Да сверхъ сеѣ отписи челобитчикамъ Аксену съ товарищемъ дано 4 алтына 2 деньги, положить въ отчетѣ“.

2) Въ маѣ 1663 г., вернувшійся изъ Москвы Аксень Ивановъ (крестьянинъ Вещезерской волости) далъ земскому старостѣ „отписъ“ въ полученіи 20 р.—„заплатилъ онъ староста мнѣ помѣсечныхъ денегъ за перестойные мѣсяцы“ (въ Москвѣ).—Приговоръ міра: „171 г., іюня въ 1-й день, *всѣ* волостные старосты по сеѣ отписи *присоворили*: московскому посольщику Оксену Иванову, за переслугу за 2 мѣсяца, положить на счета 20 рублевъ, а взять ему тѣ деньги на округомъ старостѣ нашихъ мірскихъ денегъ“.

3) „Отписъ“ крестьянина Пунемской волости Федора Аникіева, который „посланъ былъ отъ всея Чаронскіе округи въ *выборныхъ челобитчикахъ*, въ нынѣшнемъ во 171 году, и отъ старосты Никифора (Тимофеева) за переслугу мою, что я былъ въ челобитѣхъ больши двухъ мѣсяцевъ на Москвѣ“ получилъ 2 р. 12 алтынъ.— Приговоръ міра: „171 году, мая въ 31-й день, *всѣ* волостные старосты по сеѣ отписи помѣсячные деньги *всѣми* заплатить и въ отчетѣ ему положить“.

Изъ остальной массы „отписей“ дѣлаю наиболѣе цѣнныя выборки, располагая ихъ въ 4 рубрикахъ:

а) Расходы на „*воеводское кормленіе*“. Матеріалы по этому предмету, заключающіеся въ „отписяхъ“, частію являются дополненіями и разъясненіями къ даннымъ „мірскихъ приговоромъ“, но больше говорятъ о другихъ сторонахъ воеводскаго кормленія, именно о тѣхъ повседневныхъ, обычныхъ расходахъ міра на воеводу, которые велись земскимъ старостою и не требовали приговоромъ мірскихъ сходокъ. Но сначала отмѣчу нѣсколько фактовъ о праздничныхъ и другихъ чрезвычайныхъ подношеніяхъ отъ міра воеводѣ, о которыхъ говорятъ и „мірскіе приговоры“. Послѣдніе указываютъ только сумму расхода

¹⁾ Сопоставленіе этой даты съ датой „мірской счетной росписи“ 171 года показываетъ, что мірскія сходы для учета стараго земскаго старосты и для выбора новаго происходили именно 27-го августа.

на каждый праздник или особый случай, а „отписи“, кроме того, сообщают такія подробности, какъ, напримѣръ, породу поднесенной воеводѣ рыбы, у кого она куплена и т. п. Иногда, впрочемъ, и отписи говорятъ глухо о подношеніяхъ, напримѣръ: „на праздник архистратига Гаврила“ куплено для поднесенія „въ почеть“ воеводѣ Т. О. Челищеву „рыбы свѣжіе на 5 алтынъ съ копейкою“. Но вотъ примѣры болѣе подробныхъ „отписей“: 1) 7-го іюня 1663 года посадскій человекъ Титъ Ларіоновъ продалъ земскому старостѣ „рыбы свѣжей *лещей* на 60 алтынъ“, для поднесенія въ Троицынъ день. 2) Раньше, на вербное воскресенье староста снесъ воеводѣ „щуку и хлѣбъ“, за все заплатилъ 2 р. 10 алтынъ. Какъ узнаемъ изъ другой „отписи“—хорошая щука, достойная поднесенія воеводѣ, стояла на Чарондѣ 20 алтынъ.—Не привожу другихъ подобныхъ отписей, такъ какъ ихъ слишкомъ много, и едва ли не большинство отписей говорить именно объ этихъ мірскихъ „гостинцахъ“ воеводѣ.

Изъ особыхъ случаевъ подношеній слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе: 1) одно по случаю семейной радости у воеводы — пріѣзда „родниковъ“: у одного посадскаго человека земскій староста купилъ за 25 алтынъ „хлѣбъ *ржаной* печеной—снесъ воеводскимъ родникамъ Матвѣю Васильевичу Челищеву“ (вѣроятно, прибывшему съ семьей, почему и упомянуты „родники“). 2) Другой случай говорить о взяткѣ, принятой воеводою отъ міра, за какое-то нарушеніе служебнаго долга въ интересахъ міра: 1-го декабря 1662 г. староста купилъ у посадскаго Петра Зобова *сигозъ* на 4 рубля—„снесъ воеводѣ Т. О. Челищеву о Дмитреевъ день, билъ челомъ о строкѣ (отстрочкѣ), чтобъ къ Москвѣ *не посылалъ* отписки и хлѣбныхъ росписей“...

Перехожу къ будничнымъ расходамъ міра на содержаніе воеводскаго двора. Оказывается, что на мірѣ лежала обязанность поддерживать въ цѣлости всѣ строенія двора, отоплять и освѣщать жилища постройки его, покупать посуду для воеводской кухни, набивать ледникъ, уваживать огородъ и пр. и пр. Представителемъ міра на воеводскомъ дворѣ былъ „воевоцкой дворникъ“, нанятый міромъ изъ посадскихъ людей, за 6 р. „годовой руги“. Онъ докладывалъ земскому старостѣ о необходимыхъ передѣлкахъ и поправкахъ въ воеводскихъ строеніяхъ, о покупкѣ разныхъ предметовъ для двора, онъ же наблюдалъ за чистотою его и прочее. Многія отписи специально говорить о закупкѣ массы „вѣниковъ на воеводской дворъ“: однажды было куплено 150 вѣниковъ за полтину, въ другой разъ—100 вѣниковъ и т. д.

Воеводскій дворъ былъ обширный, съ массою разныхъ построекъ, починка которыхъ постоянно производилась на счетъ міра. Нерѣдки отписи по закупкѣ лѣса на разныя подѣлки во дворѣ, на примѣръ, одна говорить о покупкѣ земскимъ старостою Никифоромъ Тимоеевымъ у Чарондскаго крестьянина Степана Аввакумова (то-есть, у прошлаго земскаго старосты) 2 „тесницъ“ за 8 алтынъ 2 деньги. Но другія отписи опредѣленно говорятъ, въ какихъ именно строеніяхъ производилась починка, или что для нихъ покупалось, или какія строенія вновь возводились. Такъ, одному посадскому человѣку дано 12 р. за то, что онъ „на боярскомъ (то-есть, воеводскомъ) дворѣ *мшаникъ* поставилъ“. Тотъ же посадскій заработалъ полтину—„починивалъ на томъ же боярскомъ дворѣ въ *банѣ* печь“. Другой получилъ одинъ рубль, подрядившись въ банѣ „полки мостить и на печи *каменницу* класть“, да еще поставить „*загороды*“ вокругъ воеводскаго огорода. Закупавшіеся массама вѣники, очевидно, назначались главнымъ образомъ для воеводской бани.

Изъ другихъ построекъ упоминается *ледникъ* очень обширныхъ размѣровъ, такъ какъ за набивку его льдомъ—за „ледяную возку“ міръ заплатилъ цѣлыхъ 30 рублей. Была на воеводскомъ дворѣ и *мельница*, для которой староста купилъ „жернова“ за 5 рублей.

Поражаетъ громадное количество *юршковыхъ*, требовавшихся на воеводскую кухню и безпрекословно покупаемыхъ міромъ... Дворня ли у Челищева была громадная, или Чарондскіе гончары такъ плохо работали, но горшки покупались для воеводы цѣлыми возами. На примѣръ, у земскаго дьячка Ивана Ермолаева куплено „два воза горшковъ—числомъ большихъ горшковъ 50, да среднихъ и малыхъ горшковъ числомъ 170“, всего на 7¹/₂ р. Въ другой разъ куплено „на рубль горшковъ на воевоцкой дворъ“, еще какъ-то куплено ихъ на 2 алтына и т. д. Для кухни же, вѣроятно, назначался и купленный за 1¹/₂ р. „*щанъ*“ (чанъ).

Отопление и освѣщеніе воеводскаго двора также входило въ мірскую повинность. О заготовкѣ дровъ нѣтъ отписей, но одна говорить о раздѣлкѣ ихъ: двое посадскихъ людей „наймывались на воеводскомъ дворѣ *сечь* дровъ сырыхъ, и по рядѣ мы тѣ дрова изсекли и *исполтели* все, а найму отъ того дровяного сѣченья ряжено 6 рублей“.

На освѣщеніе кухни и людскихъ избъ шла *лучина*, а для воеводскихъ хоромъ употреблялись *сальныя свѣчи*. Такъ, за „сто полѣнъ лучины“ заплачено (вмѣстѣ съ 100 вѣниковъ) 23 алтына 2 деньги.

Въ другой разъ куплено „150 полѣнъ лучинъ“ за 15 алтынъ. Сальныя свѣчи стоили очень дорого — сотня 5 рублей. Одна сотня куплена „въ приказную избу и на воеводской дворъ“, другая сотня для одного послѣдняго и т. д.

Немало было возни міру и съ воеводскими двумя *огородами*. Выше упомянуто о поставленной на мірской счетъ „загородѣ“ около одного огорода. Но были и другіе расходы, напримѣръ: въ февралѣ наняты двое посадскихъ людей, за 40 алтынъ—„возить съ воеводскаго двора *навозъ*, скотинной соръ, на воеводцкой же огородъ“. Въ маѣ посадскій человекъ Ерошей Титовъ „рознилъ навозъ на воеводцкихъ на двѣ огородѣхъ“, за 1 рубль. За „*оранье* воеводцкаго огорода“ заплачено 9 рублей.

Отмѣчу еще одинъ расходъ на воеводу: за 3¼ рубля куплено „5 *окончинъ* съ желѣзомъ, на воеводской дворъ“.

„Отписей“ съ данными о кормленіи воеводскихъ *подьячихъ* встрѣчается сравнительно очень мало. Двѣ отписи говорятъ о поднесеніяхъ старшему подьячему Ѳедору Викулову Брянцеву, который въ декабрѣ получилъ „стягъ мяса говядины“, стоившій 6 р., а „на Рождество Христово и на именины“ принялъ отъ міра „тушицу баранью“, цѣною въ 2 р. Но всего любопытнѣе случай поднесенія міромъ мяса всѣмъ 3 подьячимъ по поводу „Семеновскаго (то-есть, около 1-го сентября) съѣзда“ волостныхъ старостъ: въ октябрѣ 171 г. посадскій человекъ Никифоръ Селуяновъ получилъ 5 р. за „тушу говядины“, которую „въ прошломъ во 170 году о *Семеновскомъ съѣздѣ* всѣ волостные старосты... снесли къ подьячимъ Ѳедору (Брянцеву) и Данилу (Кунашеву) и Михайлу“ (Никитину). „Семеновскій съѣздъ“, происходившій въ послѣднихъ числахъ августа, былъ годовымъ собраніемъ волостныхъ старостъ, на которомъ міръ учитывалъ стараго земскаго старосту и производилъ выборы новаго старосты. За это-то чрезвычайное собраніе міра подьячіе и потребовали особаго подношенія.

б) Расходы на „*московскую волокиту*“. Многія отписи говорятъ о непосредственныхъ сношеніяхъ Чарондскаго міра съ Москвою чрезъ своихъ „мірскихъ челобитчиковъ“, какъ „выборныхъ“, такъ и „наемныхъ“. Относительно первыхъ приведу отпись извѣстнаго (см. „мірскую счетную роспись“) „*выборного человека* всеѣ Чаронскіе округи“, крестьянина Ротковской волости Ивана Тимоеева Кѣмина, давшаго въ декабрѣ 1662 г. отпись въ томъ, что „противъ великаго государя указу и грамоты изъ *Устюжскіе четверти*, за приписью дьяка Але-

ксандра Анисимова, выбранъ я Ивашко всею Чаронскою округою въ выборные—итти къ Москвѣ на подлинной договоръ и для челобитья“, а „мѣсечины“ положено мѣть міромъ по 10 рублей, 20 р. за 2 мѣсяца получено отъ земскаго старосты, да, кромѣ того, 10 руб. „на подводу и на издержки“.

Въ началѣ настоящей главы приведена отпись „наемнаго“ мірскаго челобитчика Якова Евсегиіева въ полученіи 10 рублей „на мірскую издержку“ въ Москвѣ. Сохранилась и другая его отпись о полученіи отъ міра „мѣсечины“: 29-го мая 1663 г., крестьянинъ Печенской волости Яковъ Евсегиіевъ „нанялся“ итти въ „мірскихъ челобитчикахъ“ въ Москву—бить челомъ государю „о мірскихъ бѣдностяхъ, по заручнымъ челобитнымъ“ отъ всего міра и получилъ впередъ за 2 мѣсяца 32 рубли. Товарищами его были крестьяне волости Шанги-Ведуновой Сидоръ Петровъ и волости Каликинской Обросимъ Михайловъ, также нанятые міромъ. Они дали 3 „отписи“: общая (28-го мая) отъ С. Петрова и О. Михайлова въ полученіи отъ земскаго старосты 30 р. „на мірскую издержку“, что „мы нанялись итти къ Москвѣ отъ всей Чаронской округи, и отъ округскаго старосты, и отъ всѣхъ волостныхъ старостъ—бить челомъ великому государю о мірскихъ бѣдностяхъ“. 2) Отпись О. Михайлова въ полученіи „мѣсечины“ 24 р.: „найму рядилъ (земскій староста) на мѣсяць по 12 рублей“. 3) Отпись С. Петрова въ полученіи той же „мѣсечины“ 30 р.: „рядилъ язъ найму себѣ у мірскихъ людей на мѣсяць по 15 рублей“.—Такимъ образомъ, 3 мірскихъ челобитчика, нанятыхъ для одной и той же московской посылки, получали мѣсячное содержаніе не одинаково (16 р., 15 р. и 12 р.), вѣроятно, въ виду разности по мірской оцѣнкѣ ихъ способностей и достоинствъ.

Немало данныхъ встрѣчаемъ въ отписяхъ о закупкѣ и отправкѣ въ Москву цѣлаго обоза съ мірскою рыбою, назначавшагося (см. „мірской приговоръ“ 6-го декабря 1662 г.) для поднесенія „въ почестъ“ боярину С. Л. Стрешневу и московскимъ дьякамъ и подьячимъ. Закупка рыбы началась въ декабрѣ, когда для начала было куплено у одного крестьянина на 10 рублей „рыбы свѣжіе *шукъ* и *лещей*, на *мірскіе юстинцы* къ Москвѣ“. Вторая партія была значительнѣе. 24-го декабря у посадскаго человѣка Петра Зобова куплено свѣжей рыбы 90 шукъ и 210 *окуней*, за 68 р. Того же Зобова договорили „свести до Москвы“ купленную у него рыбу, а за „извозъ“ назначили ему 28½ р. Въ январѣ купили у крестьянина „въ московскую посылку рыбы въ гостинцы“ на 137 р. и еще разъ куплена „рыба

въ московскую посылку на 120 рублей“. Всего міръ израсходоваль на закупку рыбы громадную для того времени сумму—335 р. Кромѣ того, куплены „2 бочки рыбныя“ за 26 алтынъ 4 деньги и, помимо подводы П. Зобова, наняты у другаго посадскаго человѣка 2 воза, на 2 лошадахъ, за 57 рублей; „подъ мірскую посылочную рыбу къ Москвѣ“. Сюда же, наконецъ, нужно прибавить расходы на „мірскихъ челобитчиковъ“, сопровождавшихъ рыбу въ Москву (см. выше).

Почтительное отношеніе міра къ боярину С. Л. Стрешневу выразалось не разъ и помимо посылки этой рыбы, главнымъ образомъ значавшейся для поднесенія „въ почестъ“ именно боярину. Такъ, въ декабрѣ 1662 г. земскій староста купилъ „рыбы свѣжей щукъ и лещей и *сиювъ*“, на 6 р. 2 гривны и „отнесъ, *по мірскому велѣнью, заказицику* боярина Семена Лукьяновича Стрешнева Якову Васильеву“. Въ 1663 г. староста купилъ барана за 4¹/₂ р. и „снесъ *пропозжему попу* боярина С. Л. Стрешнева“. Кажется, отсюда можно заключить, что бояринъ принадлежалъ къ помѣщикамъ или вотчинникамъ Чарондской округи: иначе трудно объяснить появленіе на Чарондѣ этого попа изъ какого-то помѣстья боярина. А еслибы попъ былъ „крестовымъ попомъ“ у боярина, то „отпись“ такъ бы и назвала его.

Къ расходамъ міра на „московскую волокиту“ слѣдуетъ отнести большую массу „отписей“ по найму подводъ и провожатыхъ у денежной „государевой казны“ разныхъ наименованій, отправляемой въ Москву. Напримѣръ, 20-го января 1663 г. крестьянинъ Сидоръ Исаковъ „нанялся къ Москвѣ итти — проводить *подъемные деньги*“, за 2 рубля; 21-го января крестьянинъ Афанасій Надежинъ „нанялся въ проводники проводить подъемные деньги съ Чаронды до Вологды“, за 2 рубля и т. п.

Отмѣчу еще одинъ случай мірскаго расхода на Москву: въ мартѣ 1663 г. староста Хотѣновской волости Михаилъ Дементьевъ получилъ отъ земскаго старосты „*кортомы* на суды 2 рубли съ гривною: *ѣхаль сыщикъ* (московскій) Захарей Сергіевъ, да другое судно съ *лебедьми лебедчика* Мирономъ зовуть“. Лебеди, конечно, шли ко двору государя.

в) Расходы на *воеводское управленіе*. Изъ этихъ расходовъ міра, помимо „воеводскаго кормленія“, встрѣчаемъ нерѣдко „отписи“ о разныхъ подѣлкахъ въ воеводской „приказной избѣ“, въ Чарондской тюрьмѣ и въ другихъ „государевыхъ“ учрежденіяхъ. Напримѣръ: староста Поченской волости Федоръ Ивановъ Рюминъ взялся за 20 алтынъ и 1 гривну произвести „въ приказной избѣ“ и) „на земскомъ

дворѣ“) разныя мелкія плотничныя „подѣлки“ — „надъ крыльцемъ кровлю перекрывать и *курум* (рѣзныя украшенія) править“.

На обязанности же міра лежало освѣщеніе и отопленіе приказной избы и тюрьмы. Выше упомянуто о покупкѣ сальныхъ свѣчей „въ приказную избу и на воеводской дворѣ“. Объ отопленіи говорить отписъ одного посадскаго человѣка, у котораго земскій староста купилъ „онбарышко на дрова къ приказной избѣ и къ тюрьмѣ“, за 60 алтынъ.

Мірѣ же нанималъ „приказнаго сторожа“ и „тюремнаго сторожа“. Первымъ былъ въ 1663 г. Дмитрій Перфирьевъ, получившій въ мартѣ „ружныхъ годовыхъ наемныхъ денегъ 10 рублей“. Столько же получалъ въ годъ „найму тюремнаго“ и тюремный сторожъ посадскій человѣкъ Антипъ Игнатьевъ.

Перехожу къ разнымъ должностнымъ лицамъ, которыя состояли при воеводскомъ управленіи, но избирались міромъ на срокъ изъ мірскихъ людей и получали отъ него „подмогу“, или годовое содержаніе, хотя они всецѣло находились въ распоряженіи воеводы и исполняли только его порученія по „государевымъ дѣламъ“. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить „Чаронскихъ *приставовъ*“, которые ниразу не встрѣтились съ эпитетомъ „земскіе“, значитъ — состояли не при земской избѣ, а при воеводской приказной избѣ. Ихъ было по нѣсколько человѣкъ, мѣнявшихся — кажется — ежегодно. Главная обязанность ихъ была — развѣзжать по своему уѣзду, съ разными порученіями отъ воеводы, на примѣръ (см. IV главу) — собирать волостныхъ старостъ въ городъ съ разными денежными сборами въ государеву казну и т. п. Но часто имъ приходилось дѣлать дальнія поѣздки — въ Москву, Вологду и др., на каковыя міръ давалъ имъ „подмогу“. Именно о послѣдней говорятъ „отписи“, на примѣръ: „Чаронской приставъ“ Иванъ Дмитріевъ, посланный воеводою „къ Москвѣ, съ отписками“, получилъ отъ земскаго старосты на дорогу 3 рубля. Приставъ Осипъ Левонтьевъ, посланный туда же, „съ отписками“, получилъ 2 рубля. Приставу Тимоѣею Оферову, посланному воеводою „въ провозатые за дворовою казною, къ Москвѣ“, дано земскимъ старостою 2 рубля „на московскую *ходу*“. Тотъ же приставъ Тимоѣей Оферовъ, отправленный „съ отписками“ въ Вологду, получилъ отъ міра 4 гривны „на кормъ“.

Далѣе слѣдуютъ должностныя лица таможеннаго управленія, подчиненнаго высшему надзору воеводы — „*таможенные цѣловальники*“ и „таможенной *коморникъ*“. Они получали отъ міра „годовую ругу“,

но въ очень скромномъ размѣрѣ: таможенный цѣловальникъ Третьякъ Фодосіевъ получилъ 2 рубля „руги“ за 170-й годъ; „таможенной цѣловальникъ прошлаго году“ Трофимъ Аксентьевъ получилъ въ сентябрѣ отъ земскаго старосты „руги своей 2 рубли денегъ на 170 г.“. „Коморникъ“ получалъ еще меньше: въ августѣ „таможенной коморникъ“ Осипъ Ивановъ далъ „окрускому“ старостѣ Никифору Тимоѣеву „отпись“ въ полученіи „руги своей на 170 годъ 60 алтынъ“.

При воеводскомъ же управленіи состояли выбранные міромъ „хлѣбные цѣловальники“, которые получали отъ міра „подмогу“ только за поѣздки въ Москву, какъ свидѣтельствуемъ рядъ „отписей“ объ одной изъ московскихъ посылокъ (въ декабрѣ 1662 г.): „выборной хлѣбной цѣловальникъ“ Савинъ Михайловъ „отпущенъ къ Москвѣ за хлѣбною казною и на Москвѣ хлѣбъ принимать, великого государя въ казну платить и отписи привести на Чаронду въ приказную избу, а на подмогу“ Михайловъ получилъ отъ земскаго старосты 6 рублей 22 алтына 1 деньгу. Другой „выборной хлѣбной цѣловальникъ“ получилъ немного меньше — 6 рублей 21 алтынъ 4 деньга, „за московскую ѣзду, что мнѣ цѣловальнику міромъ положили на Чарондѣ, съ совѣту, ѣхать къ Москвѣ за хлѣбомъ“. Въ этой же московской посллкѣ были еще и другіе хлѣбные цѣловальники, также получившіе отъ міра подмогу.

Къ воеводскому управленію отношу и чиновъ „губнаго дѣла“. Хотя въ разсматриваемое время самостоятельные и независимые отъ воеводъ „губные старосты“ продолжали мѣстами существовать, но не вездѣ— въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губное дѣло находилось въ рукахъ воеводъ. Относительно же Чаронды не имѣю данныхъ — принадлежала ли она къ первой, или второй категоріи уѣздовъ.

Изъ Чарондскихъ губныхъ чиновъ упоминаются въ „отписяхъ“— „губные цѣловальники“ и „губной мастеръ“ (палачъ). Изъ первыхъ извѣстно двое за 1663 годъ: 1) „губному цѣловальнику“ изъ „жильцовъ“ Пунемской волости Неустрою Михайлову земскій староста выдалъ 18 алтынъ на починку „тюремныхъ замковъ и ключей“. 2) 0 другомъ цѣловальникѣ упоминается по случаю совершенно стороннему, не относящемуся къ его губнымъ обязанностямъ, именно: „губной цѣловальникъ“ Филимонъ Кононовъ „наймывался дровъ скласть“ (гдѣ — не сказано, вѣроятно, на воеводскомъ дворѣ и т. п.), за что получилъ 5 алтынъ 2 деньга.

„Губной мастеръ“ получалъ отъ міра „ругу“ значительныхъ размѣровъ, о чемъ говорятъ 3 „отписи“ въ полученіи имъ руги 171 года,

по частямъ: 1) „чаронецъ губной мастеръ“ Григорій Кондратьевъ получилъ отъ земскаго старосты „за нынѣшной 171 годъ *наемныхъ* ружныхъ денегъ 8 рублей“; 2) въ другой разъ тотъ же „губной мастеръ“ получилъ „руги на нынѣшной на 171 годъ 7 рублей“; 3) въ сентябрѣ тотъ же Кондратьевъ получилъ еще „ружныхъ денегъ 5 рублей“ за 171 годъ. Очевидно, дѣла у губнаго мастера было немало, если онъ получалъ такую солидную для того времени сумму.

Приведу одну отпись, свидѣтельствующую о существованіи на Чарондѣ одной оригинальной должности, о которой трудно сказать—принадлежала ли она къ воеводскому управленію, или къ земскому. Это—„*бобыльской* *судейка* Чаронскаго посаду“. Чарондскіе „бобыли“ могли принадлежать и къ посадской общинѣ города, и къ тѣмъ „пашеннымъ крестьянамъ“, которые жили на посадѣ и входили въ составъ крестьянскаго міра Чарондской округи. „Отпись“, упоминающая о „бобыльскомъ судейкѣ“, говоритъ о частномъ случаѣ, не объясняющемъ ни обязанностей судейки, ни его отношеній къ крестьянскому міру: повидимому (отпись очень краткая и неясная), рѣчь идетъ о продажѣ міру „двороваго мѣста“, принадлежавшаго судейкѣ, или о сдачѣ этого мѣста въ аренду на какія-то надобности міра. Вотъ эта „отпись“, на которой нѣтъ ни даты (она находится среди „отписей“ 1663 г.), ни рукоприкладства: „се язъ Чаронскаго посаду *бобыльской* *судейка* Петръ Кондратьевъ далъ еси отпись округскому старостѣ Никифору Тимофееву въ томъ, что язъ Петръ взялъ у него гривну зъ дворово мѣста все сполна, въ томъ ему и отпись далъ“.

г) Расходы на *мірское управленіе*. По сравненію съ расходами на воеводское кормленіе и управленіе, вмѣстѣ съ расходами на „московскую волокиту“, чисто земскіе расходы міра на свою администрацію были незначительны. Какъ мы знаемъ, во гдавѣ ея стоялъ „*земскій округскій староста*“, избираемый округомъ на годъ. Но получалъ ли онъ отъ міра „годовую ругу“, или какую денежную „подмогу“—изъ „отписей“ (какъ и изъ остальныхъ земскихъ документовъ Чаронды) не видно. Мы знаемъ только имена двухъ старостъ, послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга, знаемъ отчасти условія и обстановку ихъ дѣятельности на мірской службѣ, можемъ судить и о результатахъ послѣдней. Но была ли это служба міру платною или почетною и бесплатною—сказать нельзя.

Отмѣчу изъ „отписей“ нѣсколько фактовъ о личностяхъ двухъ земскихъ старостъ. Именно одна изъ отписей сообщаетъ о старостѣ Никифорѣ Тимофеевѣ (къ его „старощенью“ относится большинство

документовъ Чарондской земской избы), что у него было „прозвищо *Бекетъ*“. О его предшественникѣ Степанѣ Аввакумовѣ извѣстно изъ одной его „отписи“ 1663 года (когда онъ уже не былъ старостою), что онъ былъ изъ „пашенныхъ крестьянъ“, жившихъ на посадѣ Чарондѣ („се язъ *чаронецъ* Степанъ Аввакумовъ далъ есми отпись“ и проч.) и занимался между прочимъ торговлею: у него новый земскій староста Никифоръ Тимоѣевъ купилъ лѣсъ на подѣлки въ воеводскомъ дворѣ, сальные свѣчи и горшки туда же. „А отпись писалъ по отцову велѣнью Сенька Степановъ“ (почеркъ бойкой, увѣренной, привычной къ письму руки, начертанія буквъ правильныя). Какъ мы знаемъ, и Н. Тимоѣевъ былъ безграмотенъ.

Письменная часть въ земской избѣ всецѣло лежала на единственномъ „земскомъ дьячкѣ“, каковымъ былъ въ 1660—1663 годахъ Иванъ Ермолаевъ, изъ посадскихъ людей, служившій крестьянскому міру по найму, за опредѣленную „годовую ругу“. Точно установить размѣръ послѣдней нельзя, такъ какъ руга давалась по частямъ и въ неопредѣленные сроки, а среди „отписей“ только одна говоритъ объ уплатѣ Ермолаеву части руги, именно въ ноябрѣ 1662 года онъ получилъ отъ земскаго старосты 6 рублей въ уплату „годовой руги“.

Сохранилась еще одна „отпись“ Ивана Ермолаева, говорящая о полученіи имъ отъ міра особой суммы, какъ „подмоги“, а не какъ части „годовой руги“. Эта отпись 1663 года состоитъ изъ 3 частей, и первая двѣ свидѣтельствуютъ, что Ермолаевъ занимался между прочимъ и торговлею: 1) у „Чаронского посаду и Чаронскіе округи земскаго дьячка“ Ивана Ермолаева земскій староста купилъ „2 возы горшковъ“ для воеводы (см. выше); 2) у него же староста купилъ „15 мѣшковъ великаго государя подъ казну“, за 26 алтынъ 4 деньги.—Послѣдняя покупка могла быть случайною, но продажа горшковъ цѣлыми возами говорить если не о гончарномъ заводѣ Ермолаева, то о его торговлѣ гончарными издѣліями; 3) „Да онъ же (земскій) староста по *двумъ подписнымъ памяткамъ*, волостныхъ старость по подпискѣ (то-есть, по приговору), мнѣ Ивашку и сестрѣ моей заплатилъ 9 рублей, и тѣ деньги дошли (до меня), въ тѣхъ ему деньгахъ отпись далъ...“

Нельзя не остановиться на этомъ упоминаніи о „сестрѣ“ Ермолаева, получившей вмѣстѣ съ нимъ деньги отъ міра за какую-то работу для него. По первому впечатлѣнію можно подумать, что разъ земскій дьячекъ получаетъ деньги за свою письменную работу, то за ту же работу вознаграждается и сестра его, поставленная въ доку-

ментъ съ нимъ рядомъ и нераздѣльно. Но это предположеніе о женщинѣ-подьячемъ было бы чрезчуръ смѣло для XVII вѣка, съ его своеобразными, домостроевскими взглядами на женщину... Дѣло объясняется проще.

Сестра Ивана Ермолаева—это та посадская вдова „Офимья Ермолова дочь“ (имя мужа неизвѣстно), которая подала двѣ „челобитныхъ міру“, или „подписныхъ памяти“ (см. IV главу) объ уплатѣ ей денегъ за пріемъ въ своей избѣ трехъ мірскихъ сходокъ. Хотя Ефимья въ обѣихъ челобитныхъ называетъ себя „Ермоловой“, а земскій дьячекъ въ десяткѣ документовъ неизмѣнно называетъ себя „Ермолаевымъ“, но разница здѣсь ничтожная и несущественная, особенно для XVII вѣка, когда отчества и прозвища варьировались очень свободно и разнообразно.

Но и помимо этого сходства въ имени, всѣ обстоятельства, разъясняющія „отпись“ о 9 рубляхъ, ясно говорятъ, что отпись имѣеть въ виду именно Ефимью Ермолу и ея мартовскую „подписную память“, равно какъ и мартовскую же „подписную память“ ея брата Ивана Ермолаева (см. IV главу). Еслибы послѣдній получилъ 9 рублей, какъ часть „годовой руги“, то онъ такъ бы и назвалъ въ отписи эту получку, какъ назвалъ „годовою ругою“ 6 рублей, полученные имъ по ноябрьской отписи 1662 года (см. выше). Очевидно, въ отписи 1663 года Ермолаевъ разумѣеть подъ 9 рублями не годовую ругу, а какую-то денежную „подмогу“, то-есть, какую-то экстраординарную получку денегъ отъ міра, ради которой онъ подавалъ міру особую „подписную память“, что совсѣмъ не требовалось для полученія опредѣленной годовой руги. А намъ извѣстна „подписная память“ Ермолаева, въ мартѣ 1663 года, гдѣ онъ просилъ у міра „подмоги“ за необязательную для него письменную работу въ воеводской приказной избѣ. Изъ приговора міра на этой челобитной Ермолаева мы знаемъ, что міръ далъ ему „7 рублей“. По мартовской же челобитной Ефимьи Ермоловой міръ приговорилъ выдать ей за 2 „сѣзда“ въ ея избѣ „2 рубли“. Обѣ эти выдачи и составляютъ тѣ „9 рублей“, которые даны земскимъ старостою „Ивашкѣ и сестрѣ“ его, и въ полученіи которыхъ Ермолаевъ далъ „отпись“ за себя и за сестру свою.

Перехожу къ „земскимъ цѣловальникамъ“, состоявшимъ при земской и приказной избахъ для особыхъ порученій. О дѣятельности ихъ мы уже знаемъ изъ „челобитныхъ памятей“ (см. IV главу) земскихъ цѣловальниковъ Павла Исакова и Дмитрія Данилова, просившихъ

о денежной „подмогѣ“ отъ міра за поѣздки въ Москву и за другія порученія. О томъ же говорятъ и „отписи“, напримѣръ: тотъ же „земской округской цѣловальникъ“ Павелъ Исаковъ получилъ отъ земскаго старосты 12 рублей за то, что взялся „на 2 подводахъ до Вологды вести *провозные* деньги“. Онъ же получилъ 30 рублей „на московской отпускъ, что ѣхать мнѣ цѣловальнику къ великому государю къ Москвѣ съ *дворовою* и *пятые денги* казною“. Другой земскій цѣловальникъ Ларіонъ Андроновъ, отправленный въ Москву „съ великаго государя казною съ *четвертными* денежными доходами“, получилъ отъ міра 35 рублей „на подмогу“.

Но получая отъ міра подмогу за экстренныя порученія отъ земской и приказной избы, земскіе цѣловальники брали „годовую ругу“ за свою обычную, рядовую дѣятельность въ земской избѣ, то-есть, состоя при ней для исполненія разныхъ мелкихъ порученій въ посадѣ и своемъ уѣздѣ. Такъ, тотъ же Ларіонъ Андроновъ получилъ въ 1663 году отъ земскаго старосты „за ругу 2 рубля“. Что это была полная годовая руга земскихъ цѣловальниковъ, показываетъ другой примѣръ: въ декабрѣ 1662 года крестьянинъ Печенской волости, „прошлой земской цѣловальникъ“ Матвѣй Левонтьевъ далъ „отпись“ въ томъ, что „прошлого 170 году былъ язъ въ земскихъ цѣловальникахъ на Чарондѣ въ приказной избѣ, и тотъ староста (земскій) мнѣ руги и *другой* рубль заплатилъ весь сполна“. Очевидно, первый рубль изъ своей годовой руги Левонтьевъ получилъ раньше.

Обращаетъ на себя вниманіе его выраженіе, что онъ былъ земскимъ цѣловальникомъ не въ земской избѣ, а „въ приказной избѣ“. Конечно, Левонтьевъ имѣлъ право такъ выразиться, такъ какъ приказная изба слишкомъ усердно пользовалась услугами земскихъ цѣловальниковъ. Но уже одно названіе „земскіе“ ясно говоритъ о близкихъ отношеніяхъ этихъ цѣловальниковъ къ земской избѣ. Этого названія не носятъ, напримѣръ, „пристава“, специально состоявшіе при воеводской избѣ для особыхъ порученій. Разница между тѣми и другими еще въ томъ, что пристава получали отъ міра одну „подмогу“ на дальнія посылки, а земскіе цѣловальники—не только подмогу, но и „годовую ругу“.

Отмѣчу еще нѣсколько расходовъ собственно на „земскую избу“. Всего болѣе тратился здѣсь міръ на покупку *писчей бумаги*, стоявшей тогда очень дорого, напримѣръ: а) у посадскаго человѣка Кирилла Данилова Кунашева (сына подьячаго Данилы Кунашева) земскій староста купилъ 2 *стога* бумаги за 45 рублей, б) у посадскаго

Тита Ларионова куплена стопа бумаги за 22 рубля, в) у „прошлого“ земскаго старосты Степана Аввакумова куплена „стопа бумаги, а цѣны по рядѣ заплатилъ 40 рублей денегъ“. но это не за одну бумагу, а еще и за купленные у него же 100 сальныхъ свѣчей, за горшки на воеводскій дворъ и проч.

Освѣщалась земская изба сальными свѣчами, такъ однажды было куплено „свѣчь сальныхъ на 6 рублей“ (количество не указано), въ другой разъ земскій староста купилъ „на мірской расходъ“ 400 сальныхъ свѣчей за 20 рублей.

Были еще слѣдующія покупки для земской избы: у земскаго цѣловальника Павла Исакова куплены „столъ съ доскою, да коробья съ пробой“, за 3 рубля 8 алтынъ 2 деньги; за 1^{1/2} рубля купленъ „замокъ висячій и съ ключемъ“ и т. п.

Закончу эти извлеченія изъ „отписей“ однимъ характернымъ случаемъ: въ сентябрѣ 1662 года земскій староста Никифоръ Тимофеевъ купилъ хлѣбъ въ 4 алтына, „а снесъ тотъ хлѣбъ *старцу*, что *посланъ* великаго государя по указу *въ Соловки...*“. Еслибы этотъ старецъ ѣхалъ въ Соловецкій монастырь съ какимъ либо царскимъ порученіемъ, то міръ не отдѣлался бы только 4 алтынами. Очевидно, это былъ „*смыльной* старецъ“, посланный на житье въ Соловки, которому земскій староста поднесъ хлѣбъ, какъ милостыню отъ міра...

Н. Оглоблинъ.

СНОШЕНИЯ ШВЕЦИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА (1648—1700) ¹⁾.

Въ донесеніи шведскихъ пословъ отъ 25-го октября 1657 года ²⁾ излагаются причины, побудившія московскаго царя объявить Швеціи войну. Этихъ причинъ семь: 1) шведскій король умалялъ титулъ царя; 2) умаленіе царскаго титула магистратомъ Ревеля и торговья стѣсненія ревелъцевъ; 3) попытки короля склонить на свою сторону царскихъ подданныхъ ³⁾; 4) вмѣшательство короля въ польскую войну, не взирая на увѣренія посла его Ödhlа, что этого вмѣшательства не послѣдуетъ. Русскіе были уже близки къ взятію Вильны, какъ король подкупомъ склонилъ Радзивилла передаться на его сторону; съ Радзивиломъ и вся Литва отдалась подъ покровительство короля; 5) задержка королемъ царскаго посланника подъ разными ничтожными предлогами; 6) вторженіе въ царскія земли ингерманландскаго дворянина съ его людьми, что и послужило поводомъ къ началу враждебныхъ дѣйствій царя ⁴⁾; 7) нарушеніе слова секретаремъ шведскаго посольства Гюльденкранцемъ, который, отпущенный въ Швецію, не вернулся въ Москву ⁵⁾.

¹⁾ *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Ihrer K. M. zu Schweden unsers allergnedigsten Königs undt Herrn Grossen Abgesanten an Ihre Zaar. M. in Muscow Summarische Relation. — Dero abgefertigten Expressen vorgelesen A^o—1657, 25 oct. undt von demselben hernacher der meynung nach so viel er dieselbe begriffen können aufgesetzt in Revel den 2 decemb. 1657.

³⁾ Между прочимъ den Slotorenko von Zahr. M. durch ein schreiben wollen abspentzig machen.

⁴⁾ Wehre ein Ingermanländischer Adellman seinen leuten über grantzte feindtlich eingefallen, undt dadurch zur feindseligkeit den anfang gemachet.

⁵⁾ Dass der Secretarius Legationis Güldencrantz den die Legaten abgeschicket sich nicht wieder eingestället hette.

Всѣ эти причины, пишутъ Карлу X его послы, разумѣется, не могли бы никогда вызвать войны между двумя соедѣнными государствами; всѣ 7 причинъ—скорѣе поводы къ войнѣ; настоящія причины русскіе скрываютъ, а онѣ, насколько послы могли проникнуть въ намѣренія московскаго двора, сводятся къ слѣдующимъ.

1) Московскій царь прекрасно понималъ, что *Portum Eridos* съверныхъ государей—это Балтійское море. Когда-то и Москва стояла твердою ногою на его побережьѣ, владѣя Нарвою и Ингерманландіей; лишила ея этихъ владѣній—Швеція, Швеція—исконный врагъ ея, и вотъ государь московскій *quovis modo* положилъ себѣ вернуть столь важныя въ интересахъ его государства области; 2) недоволенъ царь и тѣмъ, что Христина выговорила за шведскихъ перебѣжчиковъ уплату 380.000 риксдалеровъ тѣмъ болѣе, что это всегда можетъ служить шведской коронѣ „*causa belli*“. Царь съ трудомъ подчинился этому пункту договора съ Христиной, считаетъ его теперь унижительнымъ и рѣшилъ разомъ „*par force*“ положить предѣлъ такимъ притязаніямъ; 3) отъ вниманія царя не укрылось и намѣреніе шведскаго правительства убить архангельскую торговлю, перенеся стапель изъ Бѣлаго въ Балтійское море.

Вотъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, московское правительство въ послѣдніе годы всячески и стѣсняло шведскихъ торговцевъ и рѣшило къ нимъ примѣнить тѣ же мѣры, какія практикуются относительно другихъ иностранцевъ. Перенесеніе торговли въ Балтійскія гавани—это событіе, затрагивающее въ одинаковой мѣрѣ какъ сердце, такъ и казну царя; онъ, какъ извѣстно, первый купецъ своего государства, архангельская торговля приносить ему нѣсколько тысячъ. „Такое деликатное блюдо онъ не позволитъ вырвать изъ своихъ рукъ“. Перенесеніе стапеля въ Балтійскія гавани поставило бы царя въ зависимость отъ шведской короны какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Русскіе давно слѣдятъ съ сильнымъ неудовольствіемъ за успѣхами шведовъ въ Польшѣ; такія событія, какъ переходъ Литвы подъ шведскій протекторатъ, союзъ шведскаго короля съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ и занятіе первымъ важнѣйшихъ прусскихъ городовъ — также содѣйствовали усилению безпокойства царя; а тутъ еще постоянныя интриги австрійскихъ дипломатовъ, яркими красками представляющихъ опасность для Россіи отъ возрастающаго могущества шведовъ. Все это вызвало рѣшеніе царя—*non expectare primum ictum*.

Кромѣ Австріи, Россію подстрекала къ войнѣ и Данія, и съ боль-

шимъ искусствомъ. Она добивалась снова захватить *dominium maris Baltici* и предлагала съ этою цѣлью московскому царю заключить союзъ противъ Швеціи; Данія обѣщала доставить царю значительную помощь въ войнѣ его съ шведами. Наконецъ *causa impulsiva*, двигавшая все дѣло, лежитъ въ патріархѣ, который надѣется во время войны укрѣпить свое господство „*dominatum ecclesiasticum*“. Онъ указываетъ царю на примѣръ Александра Невскаго и Грознаго, перечисляетъ ему всѣ обиды шведовъ, настаиваетъ на необходимости вернуть къ Россіи тѣ земли, которыя такъ неправо отняты у нея шведами. Силы у Россіи въ избыткѣ; слава царя возрастетъ, если онъ утвердитъ свою власть въ приморскихъ областяхъ. Сосѣднія державы сочувствуютъ идеѣ войны, онѣ не оставляютъ царя безъ помощи ¹⁾.

1) 1. Siehet der grossfürst wohl dass Pomum Eridos darumb sich die Nordische Potentaten in der Ostsee einen festen undt breiten fuess haben will. Solchen fues hatt der Grossfürst auch gehabt wie Er Ivanogrod undt Ingermanlandt possediret, alleine durch die Chron Schweden ist er seine meinungh nach davon gebracht undt lieget Ihm also in gedanken wie er quovis modo das Landt recuperiren undt sein Reiches interesse in vorigen Stadt setzen möge.

2. Piqviniren Ihn annoch die 380.000 Rd. welche an vorigen K. M. Königin Christina der überleuffer halber zahlen müssen vmb desto mehr, weilu.

3. Solche praetensionen der überleuffer halber die Chron Schweden allezeit pro causa belli dienen kan. Er schliesset Ihn die nothwendigkeit halber aufgeleget undt weder satisfaction zu thun, so ihm unmöglich oder ia gar zu verkleinerlich bedänckt oder auch solche aufgabe auff ein mahl per force abzuschaffen.

4. Siehet der Grossfürst die intention Ihre K. M. undt der Chron Schweden die Commerciën betreffendt wie man biss daher durch die Pacta undt darauff dem frembden maner bereitete commoditeten den handell auff schwedischen Cousten zu=undt von Archangel abzuleiten, gearbeitet, undt wan solches geschehen solte. gedencket er hiedurch gezwungen zu werden, sich seinen nachbahren durch dessen lande er seine naturfft in frieden undt kriegeszeiten hohlen muss gar zu seher zu neigen.

Eben der uhrsachen halber hatt er diese Jahren die schwedische kauffleute auff alle manier undt mitt aller handt pressuren auffgedrungen undt incommodiret, damit sie die freyheit gleich andern frembden nicht geniessen möchten. Wie nun dadurch die handlung gestützet ist g-enbahr undt bezeugen der unterthanen sonderlich der lijffländische stätte vielfeltige querelen, diese der Chron Schweden undt des tzaren intention versiren in meris (?) contradictionis, also sie nicht bey einander subsistiren können. Dan die Commerciën auff diese cousten zu bringen ist eine solche sache die sein hertz undt schatz tuschiret, weilen Er der grösseste kauffman in seinem Lande auch viele $\frac{m}{100}$ Rd. die Ihme die Archangelsche-Portus einbringet eine gar delicate speise ist, die Er Ihm gerne nicht will vermindern, viel weniger endtziehen lassen. Zu geschweigen dass Er in kriegszeiten

Таковы, пишутъ Карлу шведскіе послы. настоящіе мотивы. заставившіе царя нарушить миръ. Народъ противъ войны, онъ указываетъ на миролюбіе шведовъ, обнаружившееся между прочимъ изъ доставки ими русскимъ оружія и военныхъ снарядовъ: этого шведы

ein ander massen mechtigen nachbarn wie die Chron Schweden ist nicht in die hände geben will.

5. Diese undt dergleichen impressiones hatt diese argwohnische nation lange gehabt, allein I. K. M. gluckliche progressen in Pohlen, die dedition der Littawer (eines den Muscow. von alters her exitiosen nachbarn), die conjunction mitt dem Churfürst von Brandenburgh undt occupation der vornehmsten Preussischen Städte, undt dan der Keys. Abgesanten täglich zu diesem feuer zugelegetes zünder, haben der bey den Zahren endtstandene suspicjon noch grösser gemachet, das er vermeinet, wan Ihrer K. M. desseing mitt den anderen nachbahren abgethan, so würde die reiche an Ihn kommen, undt Er also ad quisquis conditionis gezwungen werde. Den vorzukommen hatt Er rathsam geachtet non expectare primum ictum.

6. Die Resolution dess Grossf. zu den waffen zu greifen, welche die keyserliche an ihren orte moviret, haben die dehnen meisterlich promoviret, die wegen dess Dominium Maris Baltici undt die Direction der Commerciens (welche sie vorgeben dass I. K. M. undt die Chron Schweden beynahe in handen hetten, da man nicht bey seiten vigiliren wolte) undt wass so wohl Muscow als Dehne mark daran gelegen, dass man dem vorbeuge der massen hefftig eingedrungen, dass sie den Tzaren auff Ihre seite gebracht, undt eine offentliche Alliance mitt derselben geschlossen, welche Alliance undt die dabey missgelassene hohe promessen der dehnen den Muscowiter zu fortsetzung dieses Krieges sehr animiret. Hier zu kompt

7. Die rechte causa impulsiva und der ratt so das gantz wärk treibet, dass ist des Patriarchen grausamme undt listige natur, die Ihn zu allen mitteln reizet, durch welche Er dominatum Ecclesiasticum stabilire. Weiln nun derselbe sein vorhaben nicht besser, als per manum militarem erreichen kan, gebrauchet er den Grossfursten executore suae libidinis. Damit er aber den Zahren platt mache undt willig halte, streuet er vor dem Grossfürsten auss die grosse macht undt reichthum seines Reiches, die Ehre der Wäldt, so er solche macht zu erweiterung seiner lande anwände, dehnen die exempel dess Ivan Wassilowitz auch wohl dess Grossen Alexanders, derer grosse thaten überschritten zu haben, er den Grossfursten einbildet, wieder die Chron Schweden, siehet er an dero den Muskowitern bey voriger Regierung abgenommene importante Länder undt Schlösser, undt die necessitet seinen formidablen nachbarn ieder zeit zu begothe zu sehen, die Ihn die Chron Schwedens progressen, so sie Ihren gang haben, auflegen wurden die hoffnung eines guthen aussschlages versicherte den Grossfursten nechst dessen eigner macht durch die confoederation undt die interesse anderer Potentaten, auch musen die Teutsche undt andere aussländische officirern mittelst vieler anschlegen undt promessen die Ihnen vi aut dolo Patriarche extorcuiret werden, von aller anstalt dass beste rathen undt reden undt scheidnt weiter, damitt ja der Grossfurst auss furcht einheimischer undt so woll uns frembder nachstellung undt aufrur stetes in waffen gehalten werde, dass Er der Patriarch eben darumb res novas in verenderung der sitten, ceremonien undt geistlichen sachen, welches die

не стали бы дѣлать, еслибы имѣли въ виду войну съ Россіей¹⁾. Въ заключеніи своего любопытнаго письма послы говорятъ о рѣзкой перепискѣ, какую обмѣнялись царь и англійскій посоль; боясь разрыва съ Англіей, царь принялся укрѣплять Архангельскъ и снабжать его гарнизономъ. Не дурно было бы, прибавляютъ еще послы, еслибы король въ виду такихъ отношеній Москвы и Англіи убѣдилъ протектора совсѣмъ порвать сношенія съ Москвой и отправить нѣсколько отрядовъ войска къ Архангельску, den Archanglischen Porth infestiren. Слухъ объ этомъ вызвалъ бы еще большее неудовольствіе народа противъ царя и патріарха, а каждая новая внутренняя смута парализовала бы успѣхъ войны.

nation sonderlich appraehendiret undt hasset, wofüre undt den Grossfürsten samp sich verdecktig mache, egendtligh zu kein andern ände den der Grossfürst sich manus lege zu maintainiren allewege genöthiget undt das absehen hatt, massen es den ob merke der Grossfürst diese archanum dess Patriarchen die weilen Er vor kurtzer zeit dess Consilij halber *dass Er zu den Schwedischen Krieg gerathen* mitt denselben harte worte gewechselt undt praesumptive zu reden denselben en particulier verwiesen haben muss, dass Er den Legaten so gefeert undt wiederlich, d. H. Legaten ein umgehen von 100 rubbeln praesentiren liess, nebst erbietung seiner cooperation zu allen friedlichen vorschlage die zu hinlegung der angesponnenen hostilitet beyder grossen potentaten undt dero Reiche dienen möchten. Also die H. Legaten getrawen diese repriment auch ändtlich zu beforderung dieser lengst difficul. absendung mechtig geholffen habe. Dan ein mahl ist gewiss dass der Pristaf durch des Patriarchen die H. Legaten veranlasset eine schriftt in öffentlicher paucquette den Grossfürsten einzuliffern darinnen die friedens intention beyder Potentaten dero nötig und nutzbarkeit nach eröffnet undt gerühmet, welche der Grossfürst selbstn seinen unterthanen publice vorlesen lassen undt seine guthe gedancke darüber zu befriedigung des gemeinen mannes angedeutet, darnach ob schon an Muskowitische seiten man nicht hatt wollen den nahmen haben, das man das negocium pacis undt die absendung beforderung thate so versichern doch Ihre K. M. die H. Legati, dass eben der Patriarch die Pristaven zu diesen offeren instruiret, undt dass der Grossfürst doch sie die absendung dieses expressen tecte getrieben die causa proxime aber dieser absendung undt die vorgebung ietzigen friedens gedancken die sie kurtz vor dess abgeschickten abreise erwügeten wahren, des gemeinen mannes (der bey dieser nation tam facilis ad praeuptam contumatiam quam de forme obsequium ist) querelen aber den gehemmeten commercien undt endtgegener nahrung, welche querelen den gemeinen geschrey nach dermassen ausgebrochen, dass der Pöbel öffentlich in versamblung darüber lamentiret undt von solcher Lamentation endlichen zu den Steinen grieffen undt mitt demselben auff den Patriarchen der von Ihm pro autore huius mali proclamiret zufahren wollen.

¹⁾ welches sie nicht würden gethan haben, da sie feindtlichen gedancken wieder Muscov gehabt hetten.

Наблюдая въ Москвѣ за внутреннимъ состояніемъ Россіи, шведскіе послы вынесли впечатлѣніе ея совершенной слабости.

Въ спеціальной запискѣ королю Филиппъ Крузеншерна представилъ положеніе дѣлъ въ Россіи такимъ критическимъ, что король не хотѣлъ и вѣрить въ возможность войны со стороны Москвы. Дѣйстви-тельно, въ войнѣ съ Польшей Россія понесла тяжелыя потери, въ особенности при осадахъ городовъ. „Армія Бутурлина пришла въ такое состояніе, что, боясь немилости царя, онъ покончилъ съ собою“ (sic!). Пало и большое число иностранныхъ офицеровъ. Внутри Россіи не-истовствовала чума, въ особенности въ Москвѣ, Казани и Астрахани. Съ юга на Россію поднимаются враги со всѣхъ сторонъ. Руководители русской арміи люди безъ знаній и патріотизма; между ними нѣтъ единства, нѣтъ согласія: каждый думаетъ исключительно о себѣ самомъ. Иностранные офицеры ропщутъ, грозятъ вовсе покинуть русскіихъ. Плоха конница, еще хуже инфантерія. Въ первой ощущается недостатокъ въ лошадяхъ (онѣ безъ корму), во вторую набираютъ со всѣхъ концовъ Россіи чуть ли не съ 14-лѣтняго возраста. Въ новобранцахъ нѣтъ ни привычки къ полевой жизни, ни дисциплины. Новые наборы вызываютъ сильное неудовольствіе въ населеніи. Отчаянно и положеніе финансовъ въ Московскомъ государствѣ, несмотря на распускаемые слухи о царскихъ сокровищахъ. Стали чеканить худшую монету, въ употребленіе вошли мѣдныя деньги. Десятинные поборы вызываютъ повсемѣстно ропотъ, съ подданныхъ тянутъ послѣднее. А стоитъ теперь подняться возстанію въ какой нибудь части государства, и оно съ легкостью распространится на всѣ царскія земли.

При такомъ положеніи дѣлъ — русскіе попрежнему дерзки и горды по отношенію къ сосѣдямъ. Въ народѣ распространяютъ вѣсти о великихъ побѣдахъ русскаго оружія. Царь въ зависимости отъ патріарха. Онъ щедро вознаграждаетъ своихъ воеводъ, какъ бы ни незначительны были ихъ побѣды.

Королю нечего бояться русскіихъ, напротивъ, при желаніи, онъ могъ бы теперь многого отъ нихъ добиться — таково заключеніе автора донесенія ¹⁾.

¹⁾ Kurtzer undt Gründlicher Bericht undt Delineation wie es mit dem Militar undt Publiquen Estat in Russlandt anitzo bewandt. Dass die Russische macht in fast undencklichen Jahren niemahlss in so schlechten undt gefehrlichen zustande als itzo begriffen gewesen, oder auf so schwachen füssen gestanden, solches ist auss folgenden bestendig abzunehmen.

1. Ist die grosse vor zweyen Jahren wie auch vorm Jahr aussgeführte Macht

Вторженіе русскихъ въ Ливонію и Ингерманландію застало эти области совершенно неподготовленными. Губернаторъ Ингерманландіи такъ характеризуетъ положеніе страны: крѣпости Нотебургъ, Кексгольмъ, Ивангородъ и Нарва полуразрушены; у многихъ крестьянъ

ohn einiges rechtschaffenes Rancontra durch selbst eigene mit fewer undt schwerdt verübte grausamkeit, ruinir=devastir=undt desolirung der eingenommenen Lender, städte undt Dörffer verödung aller Lebens mittel, undt daraus erfolgten hunger, kranckheiten undt seuchen fast gantz zerschmolzen.

2. Hat die Attaquir: undt Einnehmung der Städte, insonderheit aber die langwirige Belegerung, der wieder verlassenen Festung Pichaw, ein sehr gross Volck an Russen undt Cosaggen, sambt dieser General, Solotoroneck, undt vielen frembden Officirern aufgeessen.

3. Die von Butterlin geführte Armee, nach dem Sie Lublin wieder Accord ausgeplündert aussgebrandt undt wieder verlassen, ist von den Pohlen, wie auch denen tartarn dermassen geschwacht, dass Er Butterlin, *wie man sagt*, sich selbst auss besorgter Ungnade mit gift vergeben, undt dessen Corper von Ihrer Zaar. M. nicht anhero wollen gestattet werden.

4. Gleicher gestalt auch Urusoff General zur Wilda, neulich in dem mit dem Sapia gehaltenen Conflictu, viel tausendt man undt darunter die besten Regimenter von Onositz (?), sambt Ihrem Förnembsten Obriesten Karr Michel undt andern in die 16 besten frembden Officiren verlohren, undt eine dem Victori plus quam luctuosam victoriam zu hausse gebracht.

5. Immittelst hat auch die Pest nicht gefeyert, besondern in undt umb der Residentz stadt Moscow, jngleichen zu Cassan, Astrakan, undt Terckij viel ⁰⁰⁰/₁₀₀ weggeessen, also gar, dass so wohl Tercki, welches dazu aussgebrant, guten theiles, als Astrakan fast gar aussgestorben, an der einen Seiten, von denen zwischen Terckij undt Derbent, lengst der Caspischen See liegenden, jitzo dem Könige in Persien parirenden Togestanern, oder Camucken, (welche gute soldaten undt vor 2 Jahren bey Terckj in die 500 Russen, darunter auch Knees Jacob Gudenokowitz bruder, geschlagen undt niedergehauen), von der andern seiten aber von den Calmucken, die über die Jaick biss über Bucharen an Cataja sich erstrecken, dergestalt attaquirt werden, dass hoch zu besorgen, es dürfften diese beide Völcker sodane Orter Ihrer Zaare M. entweltigen, Welcher verlust deroselben nicht allein die Asiatische Handlung abschneiden, sondern auch viele, von der Cassan=undt Astrakanschen debellirten Könige nach verhandene Posteros, die alle Turkischer Religion sein, sich in Ihrer Vorfahren Standt wieder zu heben, zu allerhandt Machinationen aufrischen dürffte.

6. Die Russische, so wohl hohe Generalen, als andere hohe undt niedere Officirer betreffende, ist unter Ihnen allen vor diesem kein einiger zu Felde gewesen, undt haben von Einricht=für=undt Commandirung einer so grossen Armee (mag nicht sagen von 2 oder 3000 man), weniger von Formirung einer Bataglie, gantz keinen Verstandt noch wissenschaft.

Welches darauss unlaugbar, dass wann sie etwa über einen Pass marchiren undt auff die voran gehende Pagagie stossen, steigē die Officirer über die Wagen

ворота домовъ ихъ много лучше воротъ коронныхъ крѣпостей. Въ Швеции набросано множество проектовъ на бумагѣ, но ни одинъ не осуществлень. Солдаты босы, почти нагіе; въ девять мѣсяцевъ имъ выдано жалованье только за одинъ мѣсяць. Денежные недочеты гро-

von einem zum andern steigen, die Soldaten aber müssen unten hindurch kriechen, undt also hinüber fliren, in campiren werden keine posten wahr genommen, keine schildt wachen aussgesetzt, undt gehet ein jeder von seinem Regiment oder Fehnlein, wohin es ihme beqwem düncht undt beliebt, also dass dess folgenden morgens die Officirer Ihre Soldaten in 8 à 7 stunden kaum können wieder zusammen suchen undt zum Fehnlein bringen. Wirdt etwa insonderheit gegen die Nacht, oder gegen morgen im Lager ein Alarm gemacht, ist Ihnen unmöglich in 4 oder 5 stunden ein Regiment zu Ross oder zu fuss zustellen, welches für einen Allarten feindt, der mit guter Ordre gehet, undt geübte Soldaten hat, ein gefunden fressen.

7. Die noch wenige frembde Officierer, unter denen doch keiner, der ein new Corpus recht zu formiren bastandt, sint mal content, wolten gerne hinweg, undt weill man Sie nicht erlassen will, werden bey erster occasion sich davon machen.

8. Ihre Reuterey belangende, ist dieselbe an Pferden, die alle von hunger hingefallen, dermassen abkommen, dass auch theilss der Grossen Herren sambt denen oficirern von Smolensky vor bey undt nach Ihrer Zaar. M. zurückkunfft, als dero selbst von hinnen Pferde müssen entgegen gesandt werden, gar miserabel zu fuss anhero marchiren müssen, da Einer der mit 25 a 30 Pferden zu felde gegangen, kaum ein oder 2 welche seine Pagagie getragen, wieder gebracht, undt weill sie von Ihren gütern Sich ausserhalb erhalten, alles nachführen müssen, undt also nichts zum besten haben, ist ihnen unmöglich wieder ins feldt zu kommen.

9. Wie nun die Recreuten, undt newer Feldzug mit der Reuterey uber alle masse schwer fallen werden, also wirdt es auch mit der Infanterie sehr schlecht ablaufen, da man anders nichts als unerfahrne Bauren fischer undt fuhrleute darunter viel jungen, von 14 a 15 Jahren, hier undt umb Moscow, und nach Westen, Nort, Westenwerts, undt ins osten, bis Nisi Nowgorod undt zwar lauter malecontenten mit grosser mühe wirdt zusammen lesen undt ausspressen, Nachdemahl, auss obigen Ursachen, von Cassan undt Astrakan, undt zwar von den Nagajern, von denen man vor diesen in 40000 Pferde aufzubringen gerühmet undt die ohne dass von sich selbst anders nichts, als mit Jacob gegen Pharao, deine knechte sindt Viehirten, rühmen können. nichts zu hoffen, undt selbige Orte, da sie obgedachter massen nicht sollen verlehren werden, einen grossen succurs bedürffen.

10. Dass auch ein so grosser Vorrath an Gelde, wie man wohl vermeinet, nicht verhanden, solches bezeuget 1. die gemachte undt gestempelte geringe Münzte, welche gleich der Kupperey vor Jahren in Teutschlandt, die unzerthanen, sampt handel undt wandel mechtig verderbet. 2. die continuirliche, in die lenge unerregliche Aussforderung dess zehenden Pfennings, welches alles die Gemeine, welche inniglich nach den frieden seuffzet undt wieder welche auch sonst privatim sehr

мадны—до 36.000 риксдалеровъ. Распатавъ весь общественный строй; между мірянами и духовными—постоянныя ссоры, законы въ пренебреженіи, царить всеобщій хаосъ ¹⁾).

saeviret wirdt sehr schwerig, ungedultig undt murmeln macht, warümb man sich wiederumb zu des landes Ruin ausrüste, da man doch keinen feindt mehr haben? Undt dass man mit diesen biss hero geführten Kriege mehr verlohren alls gewonnen, dass Landt verwüstet, handel undt wandel verdorben, undt jedeman dabey verarmet.

11. Lesset sich also alles zu einer gewissen Revolte, wan nur ein unglücklicher harter streich, an einem Orte erfolgen solte, ansehen.

12. Wie nun dieses alles denen grossen nicht unbekant, undt darümb insonderheit wegen Ihrer K. M. Gott Lob, glücklichen Progressen, considerablen Armeen, undt weitern starcken Werbungen, auff, wie man sagt 70 Regimentern, zusamt deas Chmilnitzky besorgenden Abtritt, weill von dessen Cosaggen in 600 auss Pichow eigenwillig auss undt zuhauss gezogen, nicht in geringer verwirrung, undt inter spem et metum stehen, so wollen sie doch weder bey frembden, noch der Gemeine, dafür angesehen sein, halten sich eusserlich frech, muthig undt stoltz, spargiren unter der Gemeine, durch gewisse dazu dienenden leuten, von grossen victorien, Ihre Z. M. gibt, auff Rath des Patriarchen, der mit Danilo-witz alles regiret, undt der Schweden Abgesagter Feindt ist, denen Woywodon, ob sie noch so viel verlohren, grosse verehrungen, welchs auch von denen, die ad clavum sitzen, ad nebulam globi obducendam, geschicht. Suchen unter dessen durch den Römischen Keyser eine Mediation zwischen Ihrer Z. M. undt dem Könige in Pohlen, zu stifften, in hoffnung, die zeit dadurch zu gewinnen, Ihrer K. M. einen mechtiger Feindt, damit sie von dero nicht mögen oder können angegriffen werden, auf den halss zu woltzen, sich zugleich von dem, wass sie nach laut dess Ewigen Friedens schuldig zu eliberiren, undt dagegen dassjenige, wass unter dem Praetext tag täglich vermehrenden Tituls von Ihnen gesucht wirdt, zu obtiniren, Wann aber an den Momentis temporum auch die Momenta rerum hangen, höchst gedachte Ihre K. M. aber, von Ihnen, bey so gestalten sachen, durch glimpflich handlung, wess sie begehren, undt wozu sie ex pactis juratis, omnique naturae et gentium jure höchst befügt, nicht erhalten werden, so ist dafür zu halten, wann Ihre K. M. sich in Pohlen undt denen Orten genug versichern, dabey mit einer ziemblichen macht, die Ihnen formidabel an gewissen undt unterschiedenen Orten zeigen, undt Ihre Z. Mt. zu einsendung Ihrer Gesanten, zwingen könnten, Es wehre anitzo die rechte undt gewünschte Zeit, alles wass man begehrt von Ihnen, undt zwar ausser Ihren grenzten sub acie Novacul. undt alda weit besser als in Wlosow (?) zue tractiren, zu erhalten, da hingegen, wann Ihnen zu respiriren nur 6 oder 10 Jahr solten gelassen werden, Es schwerlich, oder doch mit grosserer mühe undt weitleufftigkeit geschehen würde.

Ihre K. M.

Moscow dec. 22.
Jan. 1656.

Unterthenigs: gehorsambster
Diener.
Philip v. Krusenstiern.

¹⁾ Carlson, I, 192.

Передовые отряды русскихъ перешли шведскія границы уже въ апрѣлѣ.

Весною 1656 года русскіе сдѣлали вторженіе въ Кексгольмскую и Нотебургскую области. 4-го іюня русскіе подступили къ Нотебургу, въ надеждѣ безъ сопротивленія занять его; встрѣтивъ сопротивленіе, они блокировали Нотебургъ, при чемъ въ ихъ распоряженіи было 130 лодокъ и 7.000 человекъ²⁾, во время осады много людей было убито³⁾. Наготовѣ имѣлось въ Новгородѣ еще 350 лодокъ, которыя при первомъ же попутномъ вѣтрѣ должны были поплыть къ Нюену и финскимъ шхерамъ⁴⁾. Нюенъ былъ ими сожженъ, при чемъ сгорѣло 60.000 бочекъ зерна, много соли; жителей избили и сожгли⁵⁾. За Нюеномъ занятъ былъ небольшой городъ Тайпале; здѣсь къ православнымъ шведамъ русскіе относились съ большимъ сочувствіемъ, склоняя ихъ перейти въ русское подданство. Въ Кексгольмской области русскіе подымали крестьянъ противъ помѣщиковъ. Защита Финляндіи была

¹⁾ Den 3 Juni hade Ryssen nederhuggit wår grenzwacht, den 4 med en hoop lodior gånge för Notheborgh. Notheborgh skall han med 130 lādior hålla bloquerat.

²⁾ Och till äfwenturs wela där medh infestera finska skärigården. Ср. донесеніе изъ Выборга Арона Іогансона Клеввершельда, отъ 13-го іюня 1656 года.

³⁾ Relation huad en Duderhofsbonde ifrån Pölkola Ante Käppo bem. inhemptath den 17 Juni 1656.... men deraf (изъ 7.000 чел.) nägre lodior i grund skutne af befästningen, och at dee skoola medh all mackt kasta op een skantz der sammastedes på Lappis sydan, män hwadh dee om natten opkasta blifwer om dagen igen nederskutith af befästningen, hwarigen Ryssen en stoor hoop folk skall mist hafwa. Att ifrån Ryssens lager skall wara 200 man uthgånge på ströfweri i landet. sä och at taga an och försterkia deres macht af ryssar och finnar och alle ryssar af denne sydan skole försambla Profviant till hopa och beställa för dem i wägen hwar dee hålla nattläger, säsom i förleden söndags hafwa dee beredt dem quarter uthi H. Ex. praesidentens gods och Kusanmoisioby.

⁴⁾ ...och det igenom fyrkulors inkastande af fienden, hwilke ähro räkade uthi det fourage af hö och halm, som dhe där inne hafua församlat i förråd och elden deraf straxt itändt. af hwilckens heeta soldaterna på alla sydhör sä hårdt äre trängde wördne, att dhe hafua måst sine präster förlöpa, hwar emot Commendanten dem till standhaftigheet nogsampt förmanat hafwer, men dermedh inthet stätt till utträtta, uthan seendes orthen alldeles wara förlorat, hafuer han resolverat heller springa in i elden, än råka fienden i händer, huilcket ähr högst till beklaga sä wäl för hans egen persohn skull, som för det godha folcket jagh dyt in betraktande af orthens impartance hafwer förlagdt.

⁵⁾ Staden med 50 a 60 tusende tunnor spanmähl och mycket salt oprändt och i aska lagdt, sampt sä många menniskor dhe hafwa öfwerkommit nederhuggit och iemmerligen opbrändt.

вѣрена графу Густаву Лейонгувуду. Вторженія сдѣланы были въ Норботнію и Кайану. Въ Ливонію русскіе вторглись съ двухъ сторонъ: со стороны Нейгаузена и Дерпта и со стороны Динабурга. Въ Ливоніи дѣла русскіихъ шли значительно лучше, и здѣсь защита была самая слабая; въ Ревелѣ стоялъ, напрімѣръ, всего одинъ полкъ; насталъ *fatalis periodus* Ливоніи; въ августѣ русскіе взяли Динабургъ. Отъ русскіихъ снарядовъ въ городѣ начался пожаръ, разказываетъ очевидецъ; загорѣлось въ фуражныхъ магазинахъ. Всѣ старанія коменданта Виллигмана—удержать солдатъ на стѣнахъ города были напрасны, началось отступленіе, бѣгство ихъ. Храбрый защитникъ крѣпости былъ безсиленъ противъ общей паники, овладѣвшей людьми. Русскимъ пришлось бы еще долго простоять у Динабурга, еслибы къ нимъ на помощь не пришелъ пожаръ въ городѣ. За Динабургомъ русскіе перешли къ осадѣ Кокенгузена и другихъ крѣпостей Ливоніи.

Въ Швеціи говорили, что борьба съ Россіей идетъ изъ-за владѣнія Ливоніей—*de possessione totius Livoniae*.

Русскіе почти не встрѣчали сопротивленія, Кексгольмская и Нотбургская области были почти цѣликомъ въ ихъ власти ¹⁾.

3-го іюня русскіе въ числѣ 2.500 человекъ приступили къ осадѣ Кексгольма.

Въ Швеціи дѣятельно занялись приготовленіемъ къ борьбѣ съ русскими. Ежедневно собирались рейхсратманы, они отдавали приказанія губернаторамъ и комендантамъ немедленно снаряжать флотъ, снабдить его провіантомъ, аммуниціей и людьми; флотъ долженъ двигаться въ трехъ направленіяхъ, къ берегамъ Финляндіи, Лифляндіи и Ингерманландіи. Запечатаны были всѣ русскія лавки, подозрительныя заключены въ тюрьмы ²⁾.

¹⁾ Och åhr altså heele desse Kexholm och Nothenborgs Lehnen vnder Fien-dens Devotion.

²⁾ Stockholm, 21 Juni 1656. Nachdem alhier die Zeitungen von der Russen einfallen in Ingermanland erschollen, als ist man itzo ernstlich im werck begriffen alle dienliche anstellung dargegen zu machen, zu welchem ende dann von dem alhier itzo anwesenden Collegio der Herren Reichsräthe, so desswegen täglich zusammenkommen, nothwendige ordres an alle gouverneurs und Commandanten abgehen, auf eine zimliche anzahl schiffe in aller eyl aussgerüstet worden umb volck, Proviand und munitio zu providirung der Plätze in Finland, Lieff = und Ingermanland, wo dessen vonnöthen seyn kan, damit überzuführen. Man hat auch vor gestriges tages in den Russischen Krahmbuden alle Russische güter annotiret und biss auf weitem bescheid die buden versiegelt, auch etliche Russen, bey denen etwa einfige verdächtige dinge gefunden worden, in gefengliche haft genom-

Въ Швеціи знали, что русскіе требуютъ себѣ Корелію и Ингерманландію — ихъ наслѣдственныя земли, ради этого они начали и настоящую войну.

13-го августа Горнъ двинулся изъ Нарвы на соединеніе съ Лейонгувудомъ къ Ніену; по дорогѣ онъ узналъ, что русскіе строятъ укрѣпленія у Ингриса въ 8 миляхъ отъ Нотебурга. Не доходя трехъ миль до Ніена, онъ услышалъ, что Лейонгувудъ двинулся къ Кексгольму, почему онъ повернулъ къ Ингрису. Приступъ русскихъ былъ отбитъ, и они отступили къ Нотебургу. Русскіе надѣялись сначала на добровольную сдачу Кексгольма и обратились къ коменданту крѣпости съ побужденіемъ сдаться безъ боя, за что обѣщали сохранить за городомъ все его привилегіи (*promitterade han alla goda privilegier*). Комендантъ отвергъ предложеніе русскихъ. Второе воззваніе ихъ имѣло столь же неудачный результатъ. Тогда они приступили къ правильной осадѣ, возвели нѣсколько укрѣпленій съ сѣверной стороны и на островѣ Калліосари принялись строить блокгаузы, но шведы помѣшали этому ихъ намѣренію рядомъ удачныхъ вылазокъ.

15-го августа русскіе сдѣлали приступъ, но были отбиты. Снова обратились они тогда съ воззваніями о сдачѣ. Прежній гордый отказъ! 30-го августа на помощь къ городу явился Лейонгувудъ; русскіе потеряли много людей во время осады и къ сентябрю (25 ч.) вынуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Они ушли къ Нотебургу; все укрѣпленія, построенныя ими, были разрушены шведами.

21-го августа русскіе въ числѣ 90.000 подошли къ Ригѣ; въ городѣ было не болѣе 5.000 человекъ войска. Попытка удержать предмѣстья была оставлена; сжегши ихъ, все заключились въ стѣнахъ города. Русскіе сдѣлали нападеніе съ двухъ сторонъ: со стороны крѣпости и со стороны рѣки. Дѣйствія ихъ въ общемъ были и неуклюжи и неудачны. Осажденные ожидали, что враги прежде всего займутъ Дюнамунде, дабы отрѣзать шведамъ сообщеніе съ моремъ, или же направить все вниманіе на важный Кобронскій сканць по ту сторону Двины ¹⁾. Но ни того, ни другаго русскіе не сдѣлали.

men. Ob nun die sachen zu einem offentlichen Krieg ausbrechen mochten (въ Швеціи, стало быть, еще вполнѣ не знали намѣренія Россіи), kan man woll sogar eigentlich noch nicht wissen, unterdessen stellet man sich billig nicht anders an als dass man uf allen fall mit der hilfe Gottes zur gegenwehr gefast seyn, und so man ja an Russischer seiten über verhoffen etwas ernsliches im sinn habenn möchte, Jhn durch Gottes Beistand begegnen können.

¹⁾ Carlson, I, 199.

Самое нападеніе ихъ на Ригу сдѣлано было „безъ порядка и безъ руководящаго плана“. Осажденные говорили въ насмѣшку надъ русскими, что послѣдніе держатъ ихъ „подъ почетнымъ арестомъ“. Къ концу сентября, когда прошелъ слухъ о приближеніи королевскихъ войскъ на помощь осажденнымъ, русскіе послѣ шести-недѣльной осады отступили, потерявъ до 14.000 человекъ.

Такимъ образомъ и эта осада, какъ и осада Нотебурга и Кексгольма, окончилась неудачно. Русскимъ удалось только послѣ десяти-недѣльной осады капитуляціей занять Дерптъ, потеря этого города имѣла для хода войны самыя серьезныя послѣдствія, такъ какъ порваны были сношенія Риги съ Ревелемъ.

Къ концу года мѣстность между Кексгольмомъ и Нотебургомъ представляла картину самага ужаснаго опустошенія.

Въ разгаръ войны съ Швеціей—24-го октября—заключено было перемиріе Россіи съ Польшей въ Вильнѣ, что было крайне нежелательно для Карла: теперь Россія могла съ еще большими силами добиться своего въ Ливоніи. Воинственное настроеніе московскаго царя изъ всѣхъ силъ поддерживала Австрія. Осенью 1656 года ухудшаются и отношенія Швеции къ Бранденбургу. Ноябрьскій трактатъ въ Лабіау, заключенный между королемъ и курфюрстомъ, обезпечивалъ за послѣднимъ суверенитетъ надъ Пруссіей, но въ силу этого же договора курфюрстъ обѣщалъ королю помощь противъ Польши и свсе содѣйствіе къ тому, чтобы на будущемъ мирномъ конгрессѣ за Швеціей признаны были западная Пруссія, Кошубія, Ливонія, Курляндія, Семигаллія и Самогитія. Изъ этихъ громкихъ обѣщаній курфюрстъ, какъ извѣстно, не сдержалъ ни одного. Карлъ X съ конца 1656 года дѣлаетъ рядъ попытокъ примириться съ своими врагами, онъ желалъ съ каждымъ заключить отдѣльный договоръ и началъ съ Россіей.

Въ послѣднихъ числахъ мая 1656 г. русскіе послы прибыли въ Копенгагенъ; они извѣстили короля о рѣшеніи царя объявить войну Швеціи изъ опасенія чрезмѣрнаго могущества короля Карла X на Балтійскомъ морѣ. Алексѣй Михайловичъ просилъ Фридриха III соединиться съ нимъ противъ общаго врага. Дѣйствуя заодно съ Россіей противъ Швеции, король могъ бы возвратить себѣ потерянные въ 1645 году провинціи. Это предложеніе короля неоднократно обсуждалось въ королевскомъ совѣтѣ, но тамъ нашли слишкомъ еще рискованнымъ союзъ съ Москвою противъ Швеции. Русскихъ пословъ отпустили, не давъ имъ никакого опредѣленнаго отвѣта; съ ними,

однако, въ Москву Фридрихъ отправилъ маіора Германа Коса (Kaas), который долженъ былъ тамъ присматриваться къ положенію дѣлъ и позже, при болѣе благоприятныхъ конъюнктурахъ, можетъ быть, и заключить антишведскую лигу. Для Фридриха III возможность наступательнаго и оборонительнаго союза съ Габсбургами и Россіей противъ Швеціи представлялась наиболѣе надежною гарантіей противъ шведскаго домината на Балтійскомъ морѣ. Задача внѣшней политики Даніи теперь уже ясно обозначилась; возвращеніе потерянныхъ провинцій въ южной Швеціи и гарантія европейскихъ державъ противъ вторженій шведовъ въ Зундъ — вотъ два важнѣйшихъ момента датской дипломатіи ¹⁾).

Въ 1657 году война съ Россіей велась крайне вяло, она прерывалась многочисленными попытками мирныхъ переговоровъ. И со стороны русскихъ не замѣтно было прежней энергіи и настойчивости. Обманутые Польшей, они колеблются между стремленіемъ къ захвату Балтійскихъ гаваней и желаніемъ отомстить полякамъ. Данія старалась поддержать въ нихъ надежду на возможность общими усиліями урѣзать Швецію, оторвать отъ нея значительныя приморскія территоріи; союзъ казаковъ съ Швеціей парализовалъ воинственный пылъ царя. Англія и Франція въ то же время, каждая въ своихъ интересахъ, усердно предлагали воевавшимъ державамъ свое посредничество ²⁾).

Въ началѣ 1657 года Делагарди предпринялъ вторженіе внутрь Россіи, сжегъ Петчору, разбилъ небольшой отрядъ русскихъ въ 1.000 человекъ; въ сентябрѣ онъ возобновилъ попытку вторженія въ предѣлы Московскаго государства, но былъ разбитъ при Гдовѣ. Съ русской стороны сдѣлана была попытка съ значительными силами вторгнуться въ Ливонію (Шереметевъ съ 10.000 человекъ), но русскіе были отбиты при Валькѣ. Другой отрядъ ихъ въ 30.000 человекъ направился къ Кокенгузену. Въ концѣ года Делагарди смѣнилъ Густава Эвертсонъ Горня, къ которому и перешла забота объ оборонѣ Ливоніи, Эстляндіи и Ингерманландіи.

Между тѣмъ блестящіе успѣхи Карла въ Даніи и искательство Австріей польской короны все болѣе склоняли Россію къ мирному разрѣшенію шведскаго конфликта. Ни Польша, ни Данія не оказы-

¹⁾ Ср. Fridericia, III; *Щербачевъ*, №№ 154 и 155, стр. 795 и д.

²⁾ Ср. *Carlson*, I, 340.

вали царю помощи. Союзъ Польши съ Австріей дѣлалъ небезопасными русскія завоеванія въ Польшѣ: вотъ почему царь и рѣшилъ возобновить войну съ Іоанномъ Казиміромъ и искалъ мира съ Швеціей. Такое настроеніе еще усилилось, когда до Алексѣя Михайловича дошла вѣсть о Роскильдскомъ мирѣ между Даніей и Швеціей. Правда весною 1658 года сдѣланы были новыя вторженія русскихъ въ Ингерманландію, но тѣмъ не менѣе царь сталъ рѣшительно за мирное разрѣшеніе шведскаго конфликта и всѣ силы своего государства готовился направить на Польшу, казаковъ и татаръ. Балтійскія мечтанія такъ и остались мечтаніями въ виду настоятельной необходимости расправиться съ болѣе опаснымъ врагомъ.

Въ іюнѣ 1657 года шведское правительство обратилось съ манифестомъ къ дворянамъ и къ другимъ сословіямъ Эстляндіи и Ливоніи, убѣждая ихъ всѣ силы свои положить для борьбы съ москвитами. Магнусъ Габріэль Деллагарди въ яркихъ краскахъ представилъ имъ грозившую шведскимъ владѣніямъ на восточномъ побережьи Балтики опасность отъ русскихъ.

12-го августа тотъ же Деллагарди отправилъ королю донесеніе, въ которомъ доказывалъ необходимость уничтожить большое число незначительныхъ крѣпостей и укрѣпленій, которыя не въ состояніи выдержать продолжительной осады, а въ рукахъ русскихъ будутъ служить удобными пунктами для сбора войска, откуда они затѣмъ будутъ дѣлать вылазки на сосѣдніе города и мѣстечки ¹⁾. Далѣе Деллагарди въ мрачныхъ краскахъ рисуеъ отчаянное положеніе нѣкоторыхъ крѣпостей, лишившихся своихъ гарнизоновъ, благодаря заразнымъ болѣзнямъ, въ нихъ свирѣпствовавшимъ. Щадить такія укрѣпленія нечего: надо всѣ ихъ разрушать, чтобы русскіе, подвигаясь впередъ, не находили себѣ нигдѣ безопаснаго пристанища. Удержатъ слѣдовало бы Перновъ ²⁾, важный и какъ крѣпость, и какъ га-

¹⁾ Söka at ruinera och så mycket mögeligit fienden obrukelige att göra och ey till sidsta timman där medh bespara, då fienden dem kunde för hastigt komma på halsen och sedan här i inthet stode at giöra.

²⁾ Pernow belagende såsom det een ohr̄t af consideration är och een siöhamn måste dät alleryttersta användas den att mentinera, men där det aldeles blefwe omogeligt, först emedan Major Eusenber̄g den gamb̄la defensionen aldeles ruinerat hafuer i förhopning den nya at perfectionera dät nu ej föllia kan och på dess hårda försvar ankommer, sedan effter manskapet aldeles utdhödt är och man ey kan wetta hwadan at förmoda något folck till ohr̄tens mentien, då wore bättre in hoc extremo casu necessitatis at läta till Refle heller Arensbor̄g förföra ar-

вань, но старыя укрѣпленія его были уничтожены самими шведами, а новыя, которыя принялся возводить майоръ Ейзенбургъ, только на половину готовы, поэтому-то — нечего удерживать и эту крѣпость, слѣдуетъ отвести артиллерію въ Ревель или Аренсбургъ, а укрѣпление разрушить. Тогда, если русскіе и займутъ ее, они должны потратить много силъ и времени для возстановленія ея, и городъ, важный какъ портъ и какъ раздѣльный пунктъ между Эстляндіей и Ливоніей, окажется для нихъ совершенно бесполезнымъ. То же слѣдуетъ сдѣлать, думаетъ Делгарди, и съ Вольмаромъ ¹⁾, Венденомъ, Руненборгомъ, Эрмесомъ, Гельметомъ, Фелиномъ, Оберпаленомъ и нѣсколькими другими.

Король только частью одобрилъ проектъ Делгарди; онъ не могъ примириться съ мыслью объ оставленіи Пернова и предписалъ Делгарди эту крѣпость сохранить во что бы то ни стало ³⁾.

Много и горячо выступали въ Швеціи противъ неоднократно выдвигавшагося дипломатами проекта шведскаго протектората въ Курляндіи ²⁾. Указывали на большую опасность для Швеціи отъ такого протектората. Границы Курляндіи открыты какъ со стороны моря, такъ и со стороны Литвы. Расчитывать на дружбу послѣдней нельзя, а укрѣпить границу герцогства съ этой именно стороны совершенно невозможно. Враги Швеціи, какъ, напримѣръ, голландцы, могутъ всегда безпрепятственно задерживать на пути къ Курляндскимъ гаванямъ торговцевъ, да и преградить доступъ туда шведскаго флота. Что удержаться въ Курляндіи въ высшей степени трудно, видно изъ попытокъ герцога Магнуса. Густавъ Адольфъ также никогда не думалъ объ оккупациі герцогства, онъ предпочиталъ полный нейтралитетъ его. Населеніе герцогства не многочисленное, такъ что нельзя разсчитывать и на прибыльную контрибуцію. Стоило бы только Швеціи провозгласить свои притязанія

telleriet och sedan at ohrtens halwe förfärdigade defension ruinerades och fienden altså een så considerabel ohrt som både een portum maris gifwer och Estlandh ifrån Lyflandh afsker, så och Ösell och alla öyar som landtmannens eudeste retirade för denna tyden äre osäker giör, giordes onyttigh och inconsiderabel.

¹⁾ Medh Wolmar som ligger i hiertat af landet är samma beskaffenheet och, alla samma conditioner medh at observera. Dhe öfrige säsom och föga wärda demolieras tiänligast at icke säsom och Adsele Rofnästen i landet där at blifwa.

²⁾ Perno mäste för all tingh sökias at maintineras och ingalunda abandoneras.

³⁾ Cp. Das die von Kön. Schwed. Seiten angebotene Protection so woll der Crohn als dem Herzogthumb nicht ersprüsslich, ist auss folgenden zu ersehen.

на протекторатъ, какъ враги бы поднялись со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ сомнѣнія, этого бы не допустили ни Москва, ни императоръ германскій. Королю слѣдуетъ поэтому сохранить съ Курляндіей прежнія дружескія отношенія, герцогство должно оставаться въ положеніи незаинтересованной нейтральной державы. Такой политики держались Густавъ Адольфъ и Христина, результатомъ ея явилась искренняя признательность со стороны самихъ герцоговъ. Во время войнъ шведскія войска всегда будутъ имѣть возможность стать квартирою въ герцогствѣ, въ немъ они будутъ вполне безопасны при нейтральности герцога. Населеніе Курляндіи также съ признательностью оцѣнитъ такую политику короля ¹⁾).

1) 1. Ex situ des orths, welche in der lenge zur einer seiten am Meer, zur andern an Littawen belegen, undt von dieser Seiten weder mit Natürlichen gegenwehr als ströhme noch sonsten mit festung versehen.

2. Ex facilitate infestionis, die Littawer können wegen des, dass das Landt länglich undt nicht breit belegen, auch wie erwehnet mit der gegenwehr nicht versehen werden kan, von der Infestation nicht abgewehret werden; und obgleich anjetzo man sich einer Freundschaft zwischen Schweden undt Littawen vermutet, selbige auch vor beschlossenen geachtet wirdt, so ist dennoch von derselben insonderheit von gantz Littawen noch nicht gewiss, auch ist man von perpetuirung derselben nicht versichert, absonders bey itzigen bewandtnüss, da etwa die Holländer zur See sich in diesem Krieg mischen würden, können sie dieses landt allenthalben infestiren, welches an allen Orth zu besetzen unmöglich.

Woraus dan 3. die difficultas conservandi leicht zu ermessen, welches auss vorigen kriegten, so nach ableibung Hertzog Magni vorgangen, zu erweisen, in deren betrachtung auch K. Gustavus selbiges landt nicht occupiren wollen, besondern nur in Neutralität zu verhütung schadens und seinen dessein zum vortheil erhalten.

Wie dan 4. selbiges gantze Land wenig volckes aufbringen, auch gantz wenig contribuiren oder seinem Herren vorthuille schaffen kan, vielmehr die weit leufige besatzung andere länder mehr ohn Nütz enerviren würden. Ihrer K. M. 5. zu Schweden gebühret unsterblicher Danck wegen der bey dem Moscowieter beförderten Neutralität, selbige aber würde durch angenommene protection der Chron Schweden zerrücktet werden, undt dem Moscowieter anderer besorgligkeit zugeschweigen das Landt zu überziehen anlass geben, welches keinesweges zuerwehren stünde.

6. Es ist nichts weniger zu besorgen, der Röm. Keyser möchte auch auss seiner praetension das landt zu infestiren anheben, undt dadurch das unglück vermehren.

Diese und dergleiche incommoda mehr, sein auss der Protection zu besorgen; zu geschweigen das die annehmung derselben bey solcher bewandtnüss speciem defectionis nach sich ziehe, die Neutralität hingegen rühmlicher undt vortheilhaftiger.

1. Auss vorigem gebrauch welcher auch bey diesem zustande in sonderheit

Алексѣй Михайловичъ объявилъ Карлу X войну въ самый критическій для послѣдняго моментъ, когда враги одновременно поднимались со всѣхъ сторонъ. Шведскій король въ виду этого съ самаго начала войны уже думалъ о средствахъ къ скорѣйшему ея окончанію: ему не доставало силъ дѣйствовать одновременно на нѣсколько фронтовъ. Съ начала 1657 года Карлъ постоянно повторяетъ въ письмахъ къ своимъ посламъ въ Москвѣ, чтобы они всѣми мѣрами старались возстановить прежнія дружескія отношенія къ царю. Добиться мира съ Россіей, писалъ Карлъ 14-го февраля, слѣдуетъ во что бы то ни стало. Пусть послы ничѣмъ не вызываютъ неудовольствія русскихихъ; въ особенности должны они съ уваженіемъ относиться къ духовенству въ виду того, что австрійскіе іезуиты распускали въ Москвѣ недѣльные слухи, будто шведы имѣли въ виду искоренить православную вѣру. Король убѣждаетъ пословъ также не особенно настаивать на возвращеніи Дерпта и Кокенгузена ¹⁾.—Въ іюлѣ король пишетъ: необходимо quocumque modo et quibuscumque conditionibus отдѣлаться отъ русскихихъ и обезпечить себя со стороны Москвы. Послы должны въ точности исполнить намѣреніе короля и не смущаться никакими посторонними соображеніями, собственными страстями и интересами. Выслѣживайте за всѣми случаями, какіе только могутъ представиться къ заключенію мира; чѣмъ скорѣе мы отдѣла-

biss zum ausschlage des Krieges oder bestendigkeit der littaivischen Freundschaft gahr woll kan observiret werden, insonderheit da 2) Königin Christina perpetuam Neutralitatem conservato praesenti Ducatu statu gegönnet, selbige auch von itzigen K. M. bestetiget worden.

2. Dass die schwedische Armee suo modo dieses landt zur aufenthalt undt zur Sicherheit habe, ohne ienige besorgligkeit, wie solches bey vorigen kriegien mit guten Nützen erspühret worden.

4. Es viel ersprüsslicher das S. F. D. per Neutralitatem gleichsamb sequester pacis verbleiben, wie die vorigen Cautiones bekandt.

5. Was die Chron Schweden des Landes undt ihre commodität in demselben vorgewissert sein können, insonderheit des in allem fall nötigen recursus, massen S. F. D. sich in dero Resolution zum honorario als vor deme gegeben undt andern Neutralität Pacten sich erkläret, nur allein Muster Plätze undt andere dinge, welche klährlich eine subjection erweisen, undt zu des landes ruin gereichen, sich nicht verstehen können; dahero auch der hoffnung leben I. K. M. werden sie darbey conserviren undt mit gnädigen annehmung der Resolution alle wiederwerligkeit einstellen lassen, jnmassen solches undt was mehr ersprüsslich sein mag zu bewircken, Ihre hohe Gräff.—Excell-Assertion erweisen werden.

¹⁾ Sä wille wy för samma armistitij tractat icke sä härdt stå på Dorpts och Kokenchusens restitution.

емя отъ этого врага, тѣмъ лучше въ виду осложнившихся конъюнктуръ съ другими сосѣдями“¹⁾).

Не знаю, отвѣчалъ королю на такія убѣжденія его Перъ Браге, вѣрить или нѣтъ въ серьезность мирныхъ стремленій русскихъ; казалось бы, они должны были желать мира, такъ какъ отношенія ихъ къ полякамъ весьма не прочны, да и казаки уже не такъ привержены Москвѣ, какъ раньше; слышно, что они предлагали Rakotzy стать ихъ покровителемъ и защитникомъ. Не исполнили своихъ обѣщаній ни Данія, ни Австрія. У самого царя недостатокъ въ войскѣ—слишкомъ много занято осадами городовъ; надѣяться на успѣшную борьбу съ шведами, послѣ того какъ онъ „стукнулся головою о Ригу“, ему едва ли ужъ придется²⁾).

Къ концу 1657 года и русскіе стали обнаруживать желаніе окончить неудавшуюся войну съ Карломъ X. Въ это время явилось разсужденіе, „какъ смотрѣть на мирныя предложенія русскихъ, считать ли ихъ искренними или нѣтъ“. „Rationes pro et contra. Wass

¹⁾ Anlangande tractaten säsom i aff närwarande tyders beskaffenheet nogsampt kunnen judicera att quocunque modo et quibuscunque conditionibus nödwendig måste göra oss aff medh dhen fienden och försäkra oss af den sydan, altså weler i tillfölie af alle wære och så titt och ofta repeterade ordre pure noga och till pricka föllia wår intention och sentimen effter och consequenter sequestrera alle andre considerationer, egna passioner och privat affecter, och innehålla medh att allenast aff bläth hämbegirugheet till formalisera Eder i Eder breff och handlingar öfwer weder sydan och dess genio actioner och förehafwande och säsom wy nu mehra spöria mediatorerne begynna ankomma, altså hafwen i så mycket mehr medh all flyt at invigilera alle momenter och occäsioner, som någon sin tiäna kunna till att fordra och främia wärcket på det at wy förmedelet tractaten och dess lijckelige fortsettiande och uthslag mäge iu förr iu heller blifwa aff medh fienden och således medh dhenne conjunctur och concurrentie aff så många andre fiender openbare och hemblige. märckeligen soulagerade och lysade blifwa; dhetta i således Eder till efterrättelse stellen.

²⁾ 20-го января 1657. Hwad åter Ryssen wedkommer weet jag icke wist at dömma om han rätt alfwär har till fredh medh E. K. M., men troor lykwäll at han så klok är at märckia Polackernes list och oppehåldning med sikh, så och att han finner Cossaquerne inthet wydare wara till sin devotion som förr, uthan sökia at befrya sikh ifrån hans slawery, begerandes Ragotzi till dherass skytzherre. är och aff Keysaren och Denmarck illuderad wedh sitt infall i Lyfland och Rygas belägring, skall och finna hooss sig stoor brist på folck, ty han medh befestningar har griipit een stoor tract aff dem han har inkräcktat, aff Pählen kan icke heller stärckia sig medh wärfning som andre Potentater, kan och see sig icke mycket uthretta mot E. K. M. sedan han stöte hufwudet wedt Ryga, och dhe andre E. K. M. orter äre wäll besatte, iämpte een volant Armee, måste och befahra Rygas confect aliquando.

von iletzigen friedens vorschläge des Muskowiters zu halten, ob die woll gemeint undt Ihm ernst sein oder nicht. Aufgesetzt in Reval. A—o 1657, 16 Dec.“. Главнымъ мотивомъ царя къ миру со Швеціей, такъ начинается наше разсужденіе, долженъ бы служить тотъ фактъ, что поляки и австрійцы его провели ¹⁾, никакой помощи не оказали и соединились только для поддержки и распространения католической церкви. Данія—также союзникъ весьма ненадежный. Всего прочнѣе могли бы быть отношенія Россіи къ Швеціи, у обѣихъ общіе враги; шведы всегда готовы были бы стать съ русскими подъ одни знамена— mit dem Zaaren adversus communem hostem pari passu gerne gehen werden. Въ интересахъ обоехъ государствъ — уменьшить могущество Австріи.

Склонны къ миру съ Швеціей и казаки; они нѣсколько разъ („разъ десять“) склоняли и царя къ переговорамъ съ королемъ. У царя руки всегда будутъ связаны внутренними беспорядками и мятежами, затѣмъ и поколебавшимися отношеніями къ Англии. Первый купецъ своего государства, царь и въ экономическихъ интересахъ долженъ искать мира съ Швеціей.

Къ мирному разрѣшенію дѣла склоняетъ царя еще опасеніе разрыва съ Оттоманскою имперіей respectus Ottomanicae domus. Нельзя рассчитывать и на продолжительность и прочность перемирія съ Польшей.

Человѣкъ по природѣ мстительный. царь доволенъ теперь тѣмъ, что гдовскимъ пораженіемъ шведовъ смылъ неудачи подъ Ригой, Эдзелемъ и Валькомъ ²⁾.

Предвидя дальнѣйшіе успѣхи шведовъ, царь опасается, какъ бы въ концѣ концовъ его не заставили принять мирныя условія короля, тогда пришлось бы играть послѣднюю роль въ трагедіи, чего онъ вовсе не желаетъ ³⁾.

1) Huru Pohlen och Osterrykerne honom wedh näsan fördr.

2) Ist der Zaar natura undt ex genio gentis Barbarae vindicatif undt hat genug vermerken lassen, wie Ihn der vor Ryga angelegter schimpf verdrosse. Wie dan auch die wiederlage vor Adsel undt Walk in Lifflandt ihm hefftig nach gegangen. Vermeinet aber numehr (gleich solches auch der Pristaf aussgesaget), das er revange habe an der Audoufschen vermeinten victoria massen er solches selbstn durch seine leute bey den conferencen den H. Legaten andeuthen lassen.

3) Apprehendirt der Grossfurst ausser zweifell die progressen Ihrer M. undt befürchtet das ein oder ander necessitet treiben werden, den frieden zu begehen, undt so dass geschehe, dictirt Ihm sein gewissen, wass er verdienet, undt wie schwer Ihm sein würde ultimam personam in hac tragaedia zu agiren. Dahero er dafür helt potior quam prior den letzten beyssen die hunde.

Это все мотивы про, теперь слѣдуетъ 19 §§ contra. Всѣ они сводятся къ тому, что довѣриться русскимъ вообще нельзя, что царь едва ли отступить отъ своего намѣренія утвердиться на Балтійскомъ морѣ; онъ не дождется ужъ никогда лучшихъ конъюнктуръ. Войнственное настроеніе царя поддерживается врагами Швеции, — Голландіей, Даніей и Курляндіей. Польша также предлагаетъ союзъ противъ Карла. Что царь намѣренъ продолжать войну и добиться своего, видно изъ цѣлага ряда фактовъ, а всего болѣе изъ того, что онъ теперь совершенно равнодушенъ къ спорамъ о титулахъ, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Литву онъ склоняетъ принять русскій протекторатъ. Вообще же царь такъ увлекается чтеніемъ сочиненій по исторіи Грознаго и его войнъ, что навѣрное захочетъ идти по его стопамъ и всѣмъ пожертвовать для мести шведамъ и водворенію въ Ливонію ¹⁾).

¹⁾ См. другой документъ Стокгольмск. архива, гдѣ про и contra противопологаются.

Deductio rationum Pro et Contra, wessen sich jn Ihr. K. M. lender bey dess Zaren und Grossfursten in der Moscau anpraesentirten Friedens vergleich und seinem allgemeinen Aufboth zuvermuthen oder zu befahren sey. (Dec. 1657).

Pro.

1. Ist genugsam zu schliesen dass nunmehr der Zar so wohl der Pohlen Machinationen, als des Hauses Osterreichs arglistigen betrug verstehen, und wie er wegen der Polnischen Cron verleytet sey, genugsam in der that verspüren werde, dazumahl Polen an Osterreich nebenst der Catholischen liga sich recht hart verbunden vndt scepter und Cron, worzu vordem dem Zaren die hofnung gemacht werden ist, an den Hauss Osterreich transferiret haben.

2. Welche Meinung den wegen einiger Rache gegen Pohlen zubehaupten stehet, weil der Grossfurst des haus Osterreichs Gesandten, nachdem sie auf die Grentze kommen nicht admittiren und gantz und gar repudiren wollen.

3. Muss sich der Zar befürchten dass da die Pohlen wieder zu Kräffte kommen, und die union mit dem Haus Oester-

Contra.

Im Gegentheil stehet auch ein neuer Ruisischer überfall zu befahren.

1. Ob genium gentis, weilen dem Moscowiter gantz nicht zu trauen stehet, wan er sich schon an besten und redlichsten anstellt mala mens, mala animus, welche diese nation bey alle zeiten erwiesen, mit sonderbahrer listigkeit.

2. Hatt er anitzo die occasion die vornehmste städte, vndt einen fuss an der Ostsee zu bekommen, da der krieg und nunmehr die Pest alle Manschaft der vnstrigen consumiret hat.

3. Geschieht gegen den 6 Dec. eine allgemeiner aufboth mit dem er seinen desseing im winter effectuiren will, und

Въ специальной запискѣ къ королю (января 1657 г.) Беръ Браге характеризуетъ отношенія къ Швеціи европейскихъ государей. Одни изъ нихъ открыто порицаютъ политику шведскаго правительства,

reich und der gantzen Catholischen liga wurtzeln gewinnen möge, er an Pohlen nicht allein einen alzumächtigen nachbahren, sondern auch wie einen Erbfeind haben werde, und unfehlbar ist dass die Chron Pohlen, ohne dessen ruin diese demacabirung nicht erdulden kan und die perto von weiss Russlandt und Littauen.

4. Der Ursachen den zu seiner des Zarens Statsversicherung, kan er keine bessere undt avantagieuxere alliance, als mit I. K. M. und der Cron anitzo schliessen, contra Communem hostem.

5. Wozu ihn den zu 10 unterschiedlichen mahlen, und zwar auch mit harten dreuungen die cossaquen anhalten, ohne welche hülffe er nicht bestehen kan.

6. Gestaltsam des Zaren unterthanen, welche bey allen Zeiten tumultuando alles erhalten, selbsten nach einem allgemeinen frieden mit I. K. M. und der chron Schweden gar sehlich ruffen und denselben begehren, auch den Patriarchen als den anfänger heftig drauen, dass auch dem Zaren vor eine Generalrevolte nicht wenig bange gewesen, die ungedult der Unterthanen vermehret der Tartersche einfall auch nicht wenig.

7. Ist das interesse gleich so die Chron Schweden vnd der Zar wieder dass Haus Österreich in unione mit Pohlen und Catholischen dannenhero desto besser sie sich mit einander vereinigen können,

also einen desseing haben muss, den er besser in dem winter, als Sommer verrichten kan. Gegen Polen und Churland kan er besser im Sommer als winter kriegen, im winter aber gegen unsere örter seine grössere avantage haben, bey den Vestungen in sonderheit an die befroerne graben, ist also zu dubitiren, ob er nicht vns vnd einen solchen desseing meinert.

4. Weiss der Zar recht wohl dass Er I. K. M. genugsamb offendiret habe, dannenhero Er diese tortien, als ein so genereuser Potentat, der so viel victorien erlanget hatt, nicht vergessen noch unvindiciret lassen werde, wessen er sich alle zeit befürchten muss vndt nunmehr erachtet besser zu seyn, nebenst den andern feinden auch sein Heyl zu gleich zuversuchen praestat praevenire quam praevenirj.

5. Wozu Ihn den Holland, Denne-marck und vielleicht Churlandt desiderio Pacis Polon; instigiret.

6. Und gleich wie Polen dem Moscoviter ein formidabel nachbahr bleibet, also nicht minder auch schweden, da I. K. M. durch seine herrliche victorien, einen nachbahren nach den andern überwindet.

7. Die erlaubung so den H. Legaten gestehen einen Expressen an I. K. M. abzusenden, und dass derselbe so spetios allenthalben ist durchgebracht worden cum contestatione summa desiderij

другіе втайнѣ поднимають враговъ противъ него. Эти „скрытые враги“ Швеція опаснѣ ей и Даніи, и Польши. Всѣ они группируются около германскаго императора. Швеція всего важнѣ порвать союзъ Гол-

vmb zeitig vorzukommen hanc potentiam, welche beyden Kronen formidabel wehre.

8. Kan der Zar mit der Cron Schweden einen harten Krieg, aber wenig avantage haben, welches er schon also befunden.

9. Wie den vielen contestationes und proceduren, im gleichen die importanten conferenzen die so begierig mit den H. Legaten gehalten, remarquable momenten bezeigen, welche genugsamb conferiren können dass es redlich gemeinet sey.

10. Besonders da die starcken reproche dess Zaren gegen dem Patriarchen vorgegangen nach welchen er sein comportement gegen die H. legaten alsbaldt geendert und einige tesmoignaige eines favorablen gemühts ihnen hett erzeigen wollen.

11. Es ist auch nicht wenig considerable dass der Zar ohne Mediatoren zu tractiren sich anerbeut und zu I. K. M. belieben locum tractatum aussetzet.

12. Solches auch straxt gethan hat, damals also balde Er vermercket dass

Pacis, köndte auch eine List sein des Zaren. Weilen er dadurch denen unterthanen und Cossaquen suchet seine begierde zu vergleich zu versichern und ins gemühte zu imprimiren pro praesenti umb sie zu allen willig zuerhalten. Und da er doch den krieg mit I. K. M. meynet, kan er hinführo ihnen einbilden lassen, dass alle seine offeren von seiten I. K. M. sindt verworffen worden, welches denn sie nicht allein zufrieden stellen würde, sondern auch verhüten ihre fernere ungedult vndt sie animiren in die stelle ad bellum gegen uns.

8. Und weil es gewiss dass der Zar gegen Churl. gehen will, so muss sich die nachbarschafft mit befürchten billig

9. Da Er dazu alle seine stücke noch in Kokenhusen zurück behalten hatt.

10. Unsere gefangene auch scharff peinigen läst, damit Er die wahre beschaffenheit der Neumündisten Schanze recht erfahren möge.

11. Wie den in dem vorjahr schon auch die Rede bey den gefangenen in secreto gangen, dass der Zar gegen den winter den Krieg fortsetzen wolle gegen Riga aus einrahten eines grichen, welcher eine zeit bey unss gewesen, und sich mit der flucht nach stoltitz salviret.

12. Ein starcker rencour bleibt stets bey dem Zaren, dass er Riga für 1 Jahr

ландія съ Даніей я первую привлечь на свою сторону. Разъ торговые интересы ея будутъ удовлетворены, она откажется контролировать поступки шведскаго короля въ Польшѣ. Союзъ Карла съ Бранден-

der Englische gesandter disgoustiret sey und sich der Zar ein gefahr der revange befürchtet, wesswegen er Archangell in Augusto fortificiren lassen.

13. Nunmehr auch da des Haus Österreichs instigation promessen, wie auch der Chron Dennemark cooperation, die dem Zaren in dem werck animiret haben, aufhören, so wirdt auch vermuthlich der Zaar wohl sein auch gemachten desseing fallen lassen, cessante enim causa cessat effectus.

14. Hat der Zar den Tapffern praetext und die imaginirte victorie bey Audowa arripiren wollen, dadurch er zu einem reputirlichen vergleich gleichsam zuerlangen vermeinen wirdt. Wie er den solches in denen Conferentzen der H. Legaten hat andeuten lassen, dass er nunmehr nach erlangter revange vernügen wehre.

15. Die Polen als auch die Russen bekennen, dass zwischen ihnen nichts gründliches oder vestes geschlossen sey, und dass der Stillestandt gegen den 1 Januarij expirire und man auf beyden seiten die Waffen parat halte.

16. Bey diesem Kriege so mit I. K. M. der Zar fuhret, erreugt für die Commercien die höchste verhinderung, welches den Zaren dazumahl da der selbst in seinem Reiche der Gröste Kaufman ist, unleidlich fället seinem landt und leuten auch den grösten schade zufüget, auch eine total ruin verursachen könnte, da man einen Sommer ihme die Archangelsche pfort sperren könnte.

17. Ingleichen sindt viel, Zeit wehrendem Krieg von dem Zaren bester Manschaft blieben, als auch vornehme

vergeblich angegriffen hat in Person. Solte also insonderheit sein gemüht kühlen wollen an der art cum sit more barbara vindictae cupidus.

13. Behält annoch die Herren Legaten bey sich, vndt hatt sie nicht in voriger freyheit nach gesetzet.

14. Ess wirdt nicht mit einen wort gedacht, dass der Zar eine volmacht zu den Praeliminarien an Nasschokyn gegeben habe, woraus abzunehmen, dass man dieses expressen reise nur angetrieben hat ob alias causas.

15. Im verlaufenen Augusto vndt biss hieher hat der Zar eine Considerable macht wieder diese provincien zubereitet gehabt, und ist die einzige ursach, dass diesen Sommer nichtes von seiter des Zaren haubtsachliches ist tentiret worden, wie allen Boyaren dieses Jahr ruhe hat müssen versprochen werden.

16. Bekennet es der gemeine man, gleich es auch der Strelitzen unbedachtam auf der Reise in beysein des K. Hoffjunkers gedacht, dass es gegen Riga angesehen wieder sey nach diesen winter.

17. Ist der littausche unterfeldtherr Gonsiewsky mehr Moscovitisch als Polnisch, weswegen da Pohlen wieder in

бургомъ помозеть ему раздѣлаться съ притязаніями Голландіи. Торговль послѣдней грозить и союзъ, заключенный между Англійей, Франціей и Португаліей противъ Испаніи. Собственные интересы заставятъ голландцевъ въ концѣ концовъ искать возобновленія интимной дружбы съ Швеціей ¹⁾).

Boyaren, der wegen des angefangenen Krieges noch wenig Nutzen, und des wegen einiger ergetzlichkeit nicht gehabt hatt, und kein grosse lust den unterthanen dazu sein wirdt.

18. Ist die höchste gefahr undt gewisse krieg mit der Ottomannischen porten den Zaren verhanden.

19. Die conquesten so der Zar in Weissruslandt hatt, sindt höher importance, als alle das andere, wass er sonst effectuiren möchte, gestaltsam er auch dieselbe nicht zu manuteniren vermag, wofern er mit I. K. M. nicht ein alliance schliesset.

20. Muss der Zar vermuthen dass da Er bey Zeiten mit I. K. M. nicht den vergleich suchet, dass sich höchstgedacht I. K. M. mit den anderen Feinden vertragen, welches endtlich über den Zaren undt sein Reich ausgehen dürfte, welches Er wohl vermercken und absehen kan, vnd desswegen der letzte zu sein reformidiret.

¹⁾ Om Hollenderne hoppas iagh at dhe komma endtligen till at ratificera Elbingsche slutet, och der emot förhopning skulle stutsa på några öfrige deras desiderater, om dee icke aldeles wore E. K. M. och Chronan till desto större skada, at E. K. M. them der med för denne tyd till freds, tyden kunde lära fram bättre annorlunda och sälunda draga them till det närmaste ifrån Danmarch dee skulle och änteligen afstå at controlera E. K. M. fortun i Pohlen när dhee såge at E. K. M. med alfwarsamheet continuerar. at sättia det wärcket fort och befara den total devastation af det landet, een oundwikeligh undergångh i längden af Dantzigh stadh och ett sualgh af många barbariske nationer, som nu alla hoota och deels in procinctu äre, at invadera Pohlandh, hwarigenom hela deras handel ä ortherne skulle studsas, der till hielper och dhen alliancen med Churf, af Brand. så och dhen fahra dhe Hollender bära af den förknippelse Engellandh

voriger Noht gerahten solte. dieser wohl umsattlen möchte, und also geschehen kan, dass die Rigische itzige bloquade zum besten des Moscowiter reichen könnte.

18. Dazumahl sich littauen auch lieber unter dess Zaren bottmessigkeit giebet, als sich mit der Chron Schweden reconcilijrend, welches auch gar leicht mit Churland geschehen kan.

19. Über diess ist des Zaren natur ambiticus tamen more barbaro, crudell, vndt also zu allem capabel, soll sich in dess Iwan Wassiliwitz Historien und dessen Tyraney erzehlung sehr delectiren.

20. Hatt der Zar in allen conferencen kein difficultet wegen der Titulatur gemacht, welches er doch gemeiniglich zu thun pflegt, dannenhero dieses nicht unbillig für ein Suspect werck zu schetzen ist, Weilen der H. Legaten remonstration mit dem gewöhnlichen titull versehen sindt.

Revall, Dec. 1657.

Что касается до Россіи, то трудно еще опредѣленно сказать. искренны ли ея заявленія миролюбія по отношенію къ Швеціи.

Королю необходимо внимательно слѣдить за дѣйствіямъ императора и оцѣнить алліансъ, предлагаемый ему противъ Австріи Франціей ¹⁾).

Къ письму Браге присоединенъ и отрывокъ разсужденія о томъ, какой политики Швеція держаться въ Литвѣ. Положеніе Швеціи затруднительно. Стремясь привлечь литовцевъ на свою сторону, она вынуждена въ Литвѣ же воевать противъ русскихъ, осаждать крѣпости, опустошать страну и т. д., чѣмъ вызываетъ къ себѣ въ литовцахъ сильное озлобленіе. Въ виду этого москвитамъ будетъ легко завлечь литовцевъ въ свои сѣти. Шведское правительство должно по возможности шадить населеніе и предупредить сближеніе съ Москвою.

Въ Западной Европѣ съ безпокойствомъ слѣдили за мирными переговорами, начавшимися между Россіей и Швеціей. Дѣйствительно, ничего не могло быть нежелательнѣе мирнаго настроенія Россіи въ тотъ именно моментъ, когда противъ Швеціи составлена была уже коалиція изъ Даніи, Бранденбурга, Голландіи и Австріи. Атаковать Швецію съ запада и юга было недостаточно; диверсія съ востока въ предѣлы Ливоніи заставила бы Карла еще болѣе раздробить свои силы, справиться бы съ нимъ при такой комбинаціи не представляло затрудненій. Западныя державы ничего такъ не желали, какъ скорѣйшаго примиренія Россіи съ Польшей, дабы и эта послѣдняя получила возможность болѣе активнаго участія въ войнѣ. Критическій моментъ для Швеціи! Враги подымались со всѣхъ сторонъ, на Францію разсчитывать было нечего: у нея были свои счеты съ Испаніей. Въ Москву пріѣзжали посланники и изъ Бранденбурга, и изъ Даніи, и изъ Голландіи. Штаты точно забыли свои торговые интересы, они увлекались, какъ и Бранденбургъ, и Австрія, мыслью о возможности вполне сокрушить тяжелый для всѣхъ нихъ доминать Швеціи на Балтійскомъ морѣ. Понятно, какъ желателенъ былъ и штатамъ такой союзникъ, какъ московскій царь. Предъ нами любопытная меморія голландскаго посла къ московскому правительству. Онъ долженъ въ

gör medh Franckeryke och Portugall emot Spanien, hemmandes sälunda deras handel och i wäster med odrägelige visitationer af Contrebande wahror iag menar wist at the j längden måste sökia E. K. M. intime wänskap och det ratione suae conservacionis.

¹⁾ Hafwandes sitt ögne märkie på Huus Osterrrike huarest E. K. M. med tyden kan hafua största swalg at förwänta och den Alliance som E. K. M. i så mätto biudes af Frankryk och dess Adherenter.

яркихъ краскахъ представить царю все своекорыстіе шведской политики, всё стремленія которой клонятся къ поддержкѣ постоянныхъ смутъ и войнъ на Сѣверѣ. Данія выставялась жертвою алчной политики Швеціи. За эту державу и вступились Штаты въ предупрежденіе окончательной гибели ея. Уже и императоръ, и король польскій, и курфюрстъ Бранденбургскій соединились противъ общаго врага и направили свои силы на Голштинію и другіе пункты, занятые шведами. Шведскій король отвергаетъ всё предложенія мира, дѣлаемыя ему императоромъ и другими, онъ продолжаетъ воевать и съ Польшей, стремясь къ полному ея подчиненію.

Въ виду такого положенія дѣлъ Штаты и взываютъ къ царю съ просьбою не прекращать войны съ королемъ Швеціи и не склоняться ни на какія предложенія послѣдняго къ миру. Царь, какъ и другія европейскія державы, долженъ продолжать войну съ нимъ, направиться къ Ригѣ или Ревелю. Только такимъ согласнымъ дѣйствіемъ всѣхъ державъ и возможно будетъ достигнуть общаго мира на Балтійскомъ морѣ. Державы приложить все стараніе къ тому, чтобъ Москва добилаь выгоднаго мира и съ Польшей.

Важно, чтобъ ни одна изъ державъ не заключала отдѣльнаго мира съ общимъ врагомъ, чтобъ въ будущей мирной конференціи всѣ онѣ участвовали чрезъ своихъ представителей.

Только въ заключеніи этого любопытнаго меморандума въ двухъ-трехъ словахъ упоминается о торговыхъ дѣлахъ, которыя, какъ видно, теперь въ виду общей опасности отъ Швеціи отступаютъ на второй планъ предъ вопросами политическими ¹⁾.

¹⁾ *Memoire pour l'Envoyé de M-rs les Etats en Moscovie* (1658). Qu'il aura particulièrement à représenter à Sa M. Z. les troubles et guerres dans les quartiers du Nord commencez depuis trois années par le Roy de Suede, qui a rompu n'agrees le traité, qu'il a fait avec le Roy de Dennemarc et qui donne de l'empêchement et du trouble au cours de libre commerce de la mer Balthique. Que Messieurs les Etats avoient appris avec un grand desplaisir la guerre en ces quartiers, et qu'ils avoient vus le Roy et le Royaume de D. si pressé par les armes de Suede, qu'ils avoient esté obligez par des traittés d'alliance de luy non seulement envoyer à son secours une grande flotte de vaisseaux de guerres, mais aussi des gens de guerres, pour l'assister et le delivrer de ces ennemis, de quoy M. les Etats n'ont pas voulu manquer d'en faire part à Sa Z. M.

Il sera sans doute aussi bien cogneu à Sa dite Zaar M. que les troupes de l'Empereur, du Roy de Pologne et de l'Electeur de Brandenbourg s'estants joint ensemble comme des allies, attaquent les Suedois comme leur commun Ennemy dans le Holstein et allieur, ou ils les pourront rencontrer.

Et comme le Roy de Suede continue toujours la Guerre sous les injustes

Бранденбургъ энергичнѣе другихъ государей Европы старался о примиреніи Швеции съ Москвою. Осенью 1656 года курфюрстъ отправилъ съ этою цѣлью въ Москву своего посланника — Эйленбурга. Письмо его къ Магнусу Делагарди свидѣтельствуетъ объ искреннемъ желаніи Фридриха-Вильгельма выступить посредникомъ для примиренія короля съ царемъ. Эйленбургъ не сомнѣвается въ томъ, что въ Москвѣ съ радостью согласятся на перемиріе, послѣ чего уже возможно приступить и къ переговорамъ объ окончательномъ мирѣ¹⁾.

pretensions contre le Roy de Pologne, sans se vouloir accommoder à des equitables et sociables conditions, que Sa Majesté et la Republique de Pologne de son temps ont offert pour sortir d'une si dommageable et ruineuse guerre.

En cette consideration ils auront de bien faire comprendre par toutes raisons à Sa Dite M. Z. et ils prieront et feront de jstances affin d'avoir une finale et favorable resolution de sa dite Majesté de Moscovie, tendant à cette fin, que Sa M. Z. ne face des alliances avec le Roy de Suede, ny de cessation des armes, mais de continuer la guerre avec cette nation.

Et que pour cette fin que le dict Grand Duc commande ses Armées de marcher en Livonie pour attaquer la ville de Riga ou Revel ou des autres places, qu'il jugera à propos, affin que les Suedois soient par ce moiен attaquées par toutes les forces des alliés et divers costez soient portees à une paix générale avec tous ceux, qui dependent de la Mer Balthique.

Et pour venir à la but ils travailleront avecq tous moiens possibles, affin que le Grand Duc de Moscovie l'accomode avec le Roy de Pologne et qu'il soit donné satisfaction suivant le traité cy devant fait dans le Vilna.

Et que cette paix generale dans les quartiers du Nord ne soit ny faite ny commencée sans connaissance de cause, et en presence des parties et alliez de ceux dont les Principaux sont la Republique de Pologne, le Roy de Suede, S. M. Zaar et M-r l'Electeur de Brandebourg.

Il a aussy a demander de Sa M. Z. pour les Marchands sujet de ce pays, qui demeurent en ces Estats les libertez comme ser propres sujets en la navigation et commerce, sans aucun trouble ou empeschement.

¹⁾ О письмѣ Eilenburg'a къ Делагарди упоминается въ 8 томѣ Urkunden und Briefe zur Gesch. des Grossen Kurf., но оно цѣликомъ тамъ не приведено. Оригиналъ въ Сток. арх. „A son Excellence, Monsieur le Comte de la Gardie, Gen. des finances du Roy de Suede. Erlaucher Hochgebohrner Graff. Weil meiner verrichtung nicht das geringste theil gewesen, umb eine interposition zwischen Tzaar. Maytt. und Königl. Maytt. zu Schweden mich zu bemühen undt nach anderen guten verrichtungen ich endtlich so viel erhalten, dass wegen Tzaar. Maytt. dero Rächte sich aussgelassen Tzaar. Maytt. dörfte wol, umb Christenblutes zu verschonen es geschehen lassen, dass Churfürstl. Durchl. in Gottes nahmen die interposition anstellen möchte; als habe ich mich noch weiter bearbeitet, angemercket, dass zu glücklicher interposition nicht mehrers militiren könnte, denn also vor mehrer verbieterung der Gemüther ein anstandt der Waaffen gemacht, undt zum Anfang die Gefangenen gegen einander aussgewechselt wer-

Делагарди благодарилъ Эйленбурга за участіе, выражалъ благодарность и курфюрсту, указывалъ, какъ его государь испробовалъ уже всё мѣры къ прекращенію войны съ русскими. но послѣдніе не внимали его голосу, продолжая огнемъ и мечемъ разорять шведскія земли. Если царь теперь будетъ склоненъ принять посредничество курфюрста, Делагарди тотчасъ же прекратитъ военныя дѣйствія, отпустить плѣнныхъ и заключить перемиріе ¹⁾.

den mögen. Demnach denn auch Tzaar. Maytt. verstattung, dieses an E. Excell. dienstlichen berichten sollen, des Versehens, wie auss befehl undt guter intention Churfürstl. Dl. ich dieses so erspriesslichen werckes ein guten anfang gemachet, E. Excell. werden gerne in einen anstandt der Waaffen willigen, undt Churf. Durchl. so wie beedes die Tzaar. Maytt. als Königl. Maytt. zu Schweden sich erkläret, die ehre geben, dass Churf. Dl. die interposition ins werck richte. Dem Anstand der Waaffen wird E. Excell. hierauff wol maass und weise finden, wie Ich denn auch wegen Tzaar. Maytt. nach meiner vielfältigen bearbeitung hingegen nicht zu zweiffeln habe, so baldt nun E. Excell. willen ich werde vorstanden haben, welches ich bey diesem erwarte, soll Ich alsofort voran zu Churf. mit behandlung eines anstandes Königl. Maytt. zu Schweden nichts missfälliges machen werden, Churf. Dl. aber wird sich solche interposition zur sonderbahren Ehre, Ich den anfang derselben mir zu einem grossen glück nehme, E. Excell. im übrigen Göttlicher maintainentz treulich empfehlende. Gegeben an der Düne nach Mietau werts, den

5 octobris Anno 1656

Ewer Excellence

willigster Diener

I. Casimir freyherr von
Eulenburgh.

¹⁾ Письмо М. Делагарди къ Эйленбургу отъ 26-го сент. 1656. (Тоже подлинное).

Wollgebohrner Herr Baron, insondera hoch geehrter H. Legat.

Auss Ew. Excell.: mir woll eingereichtem Schreiben habe ich mit mehrem vernommen, Wassmassen, vnter andern guten verrichtungen Ew. Excell. bey Ihrer Zarschen Maytt. erhalten, dass Sie nicht alleyn die zwischen Ihrer König. Maytt. Meinem aller gnädigsten Könige undt Herrn undt Ihrer Zarschen Maytt. vor Ihrer Churfürstl. Durchleuchtigkeit offerirte Interposition, sondern auch zu besserer fortstellung derselben einen anstand der Waffen nebenst der Gefangenen ausswechselung beliebet, dannen hero Ew. Excel. auch meine Meinung darüber zu vernehmen für rathsamb befunden: Wie nun Ew. Excell. zu Ihrer erhaltenen, glücklicher affertigung ich hertzlich congratulire. Also ist numehr gnugsamb kund undt offenbahr, welcher gestalt höchstgedachte Ihre Königl. Maytt. so woll durch dero abgesandten, undt erfolgte unterschiedliche ausführliche schreiben, als auch durch die mir jungat ertheilte undt Ihrer Zarschen Maytt. durch S. Fürstl. Hoheit zu Churland insinuirte vollmacht, Ihr eusserst haben angelegen sein lassen, Licht allein den ewigen Friedens vertrag mit Ihrer Zarschen Maytt. wo immer

Въ письмахъ Делагарди къ Нашокину приводится рядъ фактовъ въ подтвержденіе миролюбиваго настроенія шведскаго правительства. Такъ перваго декабря 1656 г. Делагарди пишетъ: дабы вы могли судить о нашей искренности, мы отпускаемъ всѣхъ находящихся у насъ плѣнныхъ, даже больше, чѣмъ отмѣчено въ вашемъ меморандумѣ; ритмейстеръ Fiedor Fenesko можетъ быть освобожденъ только съ условіемъ общаго его на нѣсколько нашихъ плѣнницъ. Желательно, чтобы плѣнные сопровождались сильнымъ конвоемъ ¹⁾. Король пре-

mtiglich ferner zu erhalten, undt zu dem ende allen mishelligkeiten durch billige mittele undt wege abzuhelffen sondern auch sich mit Ihrer Zarschen Maytt. zu Ihrer beyden mehrer Sicherheit näher undt fester zu verbinden; dass aber hochgedachte Ihre Zarschen Maytt. solches ewigen Frieden vortrags undt aller wollmeintlich gethanen vorschläge ungeachtet lieber zu den Waffen greiffen, Ihrer Kön. Mtt. lande undt leute mit Feuer undt schwerdt uberziehen wollen, solches wirdt dem gerechten undt höchsten Richter anheimb gestellet; immittelst ist gewisslich Rühmens undt Danckens wehrt, dass Ihre Churfürstl. Durchleuchtigkeit zu verhütung mehrer bluttvergiessung dero hochgültige Interposition undt umb solche besser fortzusetzen, einen anstand der Waffen nebenst der Gefangenen auswechselung christlich undt sorgfältig vorschlagen lassen. Ich meines orts erkläre mich hiemit gleicher gestaltdt nicht vngeneigt zu sein, die Gefangene alsfort ausszuwechselln, auch einen Stilstandt der Waffen einzugehen, daferne nur derselbe auff billige art undt weise getroffen, auch auffrichtig undt vnverbrüchlich von gegentheil gehalten werden möchte: wünsche auch hiebey von dem allerhögsten dass Er Ihrer Churfürstl. Durchl. gantz löbliche undt Christliche Intention nebenst Ew. Excell. ferner mühe waltung gesegnen, undt zu einem glücklichen effect auschlagen lassen wolte. Ew. Excel. Ich hiemit zu allem selbst erwünschten wollergehen Gottes Schirm waltung empfohlen thue, verbleibe

Ew. Excell. Dinstwilligster Magnus Gabriel
Delagardie. Riga, den 26 sept. Anno 1656.

¹⁾ Ich habe dem durch unseren gefangenen mir zuegesandten letzten brieff erhalten: und damit du in der that erspüren mögest, das wir auffrichtig handeln, als thue dir hiemit zue wissen, das Ich alle Ewere bey uns verhandene gefangene unnd mehr als in der übersandten designation specificiret. aussbenommen den einen Rittmeister Fiedor Fenesko dem Ich biss du an dessen Stelle des Adam von Felitzen Tochter, Wilhelm Tiesenhausens Wittwe, welche zue Drujen seyn soll unnd des Thile Kahlen Riegischen bürgers Frau unnd Töchtere frey vnnnd loss geben wirst behalten, gegen den 5 Dec. nacher Keggun liefern und versenden thue; wirst du also die Unserige des Orts mit eben starcker Convoe des Orts hinschicken, damit die Ausswechselung vor sich gehen Unnd das Werck befodert werden könne; und weil ich den Officier, welchen ich bey den Gefangenen commandiret order gegeben, die eines unnd ander antragen zulassen; als wollestu bey unsern Gefangenen einen Ewer Officier gleichfals orden, mit dem Er Unterredung halten könne unnd wirstu dessen anbringen wollen glauben geben und mir drauff die Antwort wissen lasse. Womit ich dir der göttlichen Obhutt empfehle. Riga. 1 dec. 1656.

исполненъ самаго искренняго миролюбія, — читаемъ мы въ слѣдующихъ письмахъ Делагарди, — ему пріятно вспомнить о тѣхъ временахъ, когда обѣ сѣверныя державы жили въ мирѣ, какая польза была отъ этого для нихъ обѣихъ. Шведское правительство неоднократно обнаруживало свои дружескія чувства къ Москвѣ, предостерегая ее отъ поляковъ, помогая ей противъ нихъ. Настоящая война возгорѣлась изъ-за самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ; общіе враги, безъ сомнѣнія, воспользовались ею. Съ поляками заодно Габсбургскій домъ; за нимъ обезпечена и польская корона послѣ смерти настоящаго короля; какъ опытный дипломатъ, Нащокинъ долженъ понять, какая опасность грозитъ Швеціи и Россіи отъ такого новаго расширенія могущества императорскаго дома; теперъ болѣе чѣмъ когда либо Россія и Швеція должны бы были дѣйствовать заодно: ихъ связываютъ общіе интересы, задача ихъ политики одна — не допустить утвержденія въ Польшѣ Габсбурговъ, да и вообще препятствовать росту этого государства.

За такимъ вступленіемъ шведскій дипломатъ пускаетъ въ ходъ угрозы: Польша давно предлагаетъ шведамъ примириться съ нею; въ настоящее время и Франція и Голландія предлагаютъ свое посредничество къ примиренію обоеихъ королевствъ, и нѣтъ сомнѣнія, Польша скорѣе согласится на миръ съ Швеціей, чѣмъ на миръ съ Россіей, въ виду того, что Швеція не изъявляетъ никакихъ притязаній на польскую корону, а затѣмъ и въ виду признанія безусловнаго преимущества Швеціи въ военномъ отношеніи. Не говоря уже о значительныхъ военныхъ и морскихъ силахъ, Швеція въ дружбѣ со многими нѣмецкими княжествами, съ Siebenburgen и казаками, помощь ей шлютъ Франція и Англія, она имѣетъ возможность закрыть устье Вислы, и тогда прекратится подвозъ сѣстныхъ припасовъ въ Польшу. Со стороны Польши Швеція совершенно обезпечена. Пусть Нащокинъ не вѣритъ ложнымъ слухамъ, распускаемымъ о Швеціи: авторы ихъ — подчиненные Польшѣ князья и господа, боящіеся подпасть подъ власть Швеціи.

Будущее не трудно предугадать: русскіе будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ на миролюбіе поляковъ. Въ мирѣ съ Швеціей они легче достигнутъ своихъ цѣлей — присоединять Бѣлую Русь, и будутъ обезпечены со стороны поляковъ.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній русскіе не должны бы были отвергать мирныхъ предложеній короля, посредники всегда най-

дутся. Курфюрсть Бранденбургскій уже изъявил согласіе взять посредничество на себя ¹⁾).

¹⁾ 22-го декабря 1656. Es wirdt der H. Assessor Albrecht Bylow sonderlichst nach dem Newen Städtchen begeben vnd von dannen durch einen Trommelschläger vnd vermittelst seinem schreiben sich beym Woywoden Nasszokyn anmelden vnnnd von Ihm schriftlich begeren, das, weiln Er von vns schreiben vnnnd einige Commission mit Ihm zue reden hätte, Er ihm einen schriftlichen geleitsbrief in optima forma überschicken wolle; so bald er nun denselben erhalten, kan er sich zue ihm nacher Kockenhausen begeben, Ihm unser Schreiben überreichen vnnnd dabey vermelden wie das wir dieser tagen schreiben von S. Churfürstl. Durl. zue Brandenburg erhalten, darin derselbe vermeldet, was massen Er zuefolge seiner von Ihrer K. M. sowoll als Ihr Z. M. acceptirter interposition ein goniec namhens Gutseff an Ihr Z. M. abgefertiget hätte, de loco et tempore tractatum zwischen beyden hohen Potentaten einen Vorschlagk zue thun; vnnnd weiln solchem nach auch höchstgedachte Ihr K. M. auffm Fall die von S. Churf. Durchl. gethane vorschläge von S. Z. M. beliebt werden solten, uns eine vollige vollmacht zue solchen Tractaten auffs new zuegeschicket, welche Er der Abgeschickter gelesen vnnnd vorgezeyget werden könte, so hätten wir solches Ihm Nasszokijn wissen, vnnnd dabey von Ihm begehren lassen wollen, das, dafern Ihm von des gedachten Goniec Verrichtung etwas kundt werden solte, Er uns solches zeytig wissen lassen möchte; sonsten kan der Abgeschickter als von Ihm selbstn bezeugen das Er von Ihr K. M. anders nicht, als von grosser inclination zum billigen Christlichen Frieden, vernehme, vnnnd das J. K. M. das grausahm blutvergiessen so vieler unschuldigen Armen leute hertzlich beklagten vnnnd desswegen nicht so sehr sie die Muscowiter als die jenige Lermblässer beschuldigen, welche sie die Muscowiter wieder uns angehitzt, umb dadurch das Bandt der Nachbarlichen Eynigkeit vnnnd guten Vertrawens zue zerreißen, worin sie mehr auff Ihrem eygenem als auff Ihre der Muscowiter Vorthail gesehen hätten, wie sichs mit Dennemarcken unnd Hollandt albereit ziemblich erwiesen hätte vnnnd die künftige Zeit es noch mehr bezeugen werde; das aber J. K. M. dagegen des Orts zue aufrichtiger Erhaltung des ewigen friedens mit dem Muscowiter allewege geneygt vnnnd bereit sich erwiesen, unnd zue solchem blutvergiessen keine ursache gegeben, noch vorsetzlich oder wisentlich geben wollen, solches wehre unter andern auch daraus klarlich zusehen, das J. K. M. noch diese Stunde, ungeachtet so schwerer vorgegangenen real injurien, demnach beyden Reichen für zuträglicher hielten, einen forderlichsten Frieden zue tractiren unnd wo möglich zue schliessen; welches J. K. M. Friedens begierde unnd meynung zue behaupten, kan der H. abgeschickter den zuzustandt beyder reiche durch die praeterita tempora Ihm Nasszokijn mit mehrem vor Augen stellen unnd wie woll unnd gluckseelig beyde Reiche sich bey dem Edlen Frieden befunden, wie derselben unterthanen an einkünfften floriret, wie insonderheit die Crohn Schweden denen Muscowitern in vorigen zeiten auch wieder die Pohlen assistiret unnd dieselben auss Ihrer gewalt zue retten Ihr Blut vergossen bis endlich solche Ihre Trewe Ihnen hat wollen übel belohnet werden, zuedem sey ihm selbstn wissend, wie sehr die itzige K. M. so woll durch Ihre schreiben unnd vorgeschlagene Mitteln als auch durch Ihre Abgesandten den

Frieden zwischen Ihnen zuebestätigen bemühet gewesen; dagegen sey unerweysshlich, das sie einen Fuss breit von dem, so Ihr Z. M. unstreittiges Landt gewesen, haben begehren unnd einnehmen lassen, besondern dass man über dasjenige was dem dritten als Ihrem gemeinen Feinde den Pohlen zugestanden sey über alles vermuthen streittig worden, solches hätte durch eine freundliche zuesammenkunft dazue man sich disseits allewege erbohten, in Fried unnd Lieb woll beygelegt worden können; zuemahlen die streittige Örter an sich gering unnd gar nicht von solcher importantz, das man darüber zue einem so blutigen Kriege hätte kommen dürfen; das praesens stünde in den terminis, das zwar sie die Muscowiter vermeynten einen Frieden mit Pohlen zutreffen, Ihre Grentze dadurch zuerweitern unnd Ihren Zaaren nebenst dessen Printzen dermahleins auff den K. Pollnischen Stuel zue setzen, worin sie aber sehr irreten, zuemahlen sie versichert seyn könnten, das die Pollnische Stände albereit durch eine solenne legation die Crohn Pohlen nebenst dem Grossfürstenthumb Littawen dem Römischen Käyser unnd seinem sohn dem Ungarischen unnd böhmischen Königsantragen liessen, die Er auch zweiffels ohn mit beyden händen entgegen nehmen würde, massen solches aus dem Extract des Schreibens aus Wien, wo ich den hollendisch gedruckten advisen welche Er dem Woywoden zeygen kan, zueersehen unnd ferner leichtlich abzunehmen hätten was die Muscowiter alls dan würden zue hoffen haben, wen ein solcher mächtiger Potentat, als der Käyser unnd dessen sohn Könige in Pohlen werden solten unnd was für einen Frieden man allsdan mit Ihnen den Muscowitern schliessen oder auch wie man den geschlossenen Frieden halten würde, zuemahlen die Pohlen den Schweden, so sie die Muscowiter nebenst den Kosacken Ihnen zuegefüget nimmermehr vergessen, sondern zue revangiren wie schon geschicht, alle mittel unnd wege suchen würden, zuedem kan der abgeschickter Ihm Nasszokijn versichern, das durch interposition der Frantzösischen unnd holländischen Abgesandten die Sache zwischen beyden Kön. Mayt. zue Schweden vnd Pohlen numehr so weit sey gebracht worden, das zwischen Ihnen die Friedens tractaten zue Dantzick, alwo der König in Pohlen nebenst deren vornehmsten Ständen sich anitzo befinden, erstes tages vorgenommen werden sollen, unnd das Ihr. K. M. zue Schweden gänzlich resolvirt sey den Frieden mit einem von Jbnen zu schliessen, auch das die Pohlen lieber, nützlicher vnd leichter mit der Crohn Schweden, als mit Ihnen den Muscowitern schliessen würden; zuemahlen Ihre K. M. in Schweden die Crohn Pohlen, die sie sonst in händen gehabt, nicht begehrete, dero armeen aber den Pohlen das March aus den Beiuen, ja das Blut von Hertzen anitzo säugen thäten, in dem sie durch schliessung des Weichselstromes vnd der See den Pohlen alle ab=unnd zuefuhr benommen und vermittelst Krackaw unnd Posen auch so vieler vornehmen Festungen in Preussen, wie auch durch die confoederation mit dem Fürsten in Siebenbürgen unnd denen Kosacken, wieder die Pohlen den Kriegk mit Ihrem äusserstem Untergange continuiren könnten; dagegen bliebe die Crohn Schweden ausser aller gefahr wegen der Pohlen vnd hätten Ihre K. M. in Schweden über $\frac{m}{90}$ Mann in Teutschlandt unnd Schottlandt zue werben Patenta newlich aussgegeben, wozue Ihr so woll von Franchreich als Engellandt grosse Geld-Hülffe offeriret würden, das sie auch au allem falle beyden Ihren Partheyen, zuegeschweigen nur einer die stange wo würden halten können, insonderheit wehren Ihre K. M. bemühet künftigen vorja

mit einer sehr starcken Schiffsflotte in die see zue kommen unnd dieselbe Ihren Feinden je länger je mehr zue sperren, welchs obige zeytungen Er Nasszokyn nur gewiss glauben, unnd sich von den Churländern, Littawen unnd andern keine andere ungegründete Meinungen einbilden lassen wolte, dan die leute als welche unter Pohlen gesessen, sich sehr besorgeten, das Ihre K. M. mit Ihrer Z. M. einen Frieden schliessen, unnd sie dadurch im stich bleiben möchten; dahero sie die Muscowiter alles widrigen beredeten, von der K. M. in Schweden alle böse zeytungen ausssprangeten, nur sie die Muscowiter von alle Friedens gedancken mit der Crohn Schweden abzuhalten unnd Ihren Feinden mit Ihr. K. M. zu Schweden desto vortheilhafter zue machen.

Das futurum wehre aus obigem allem leichtlich abzuenehmen, das sich nemblich die Moscowiter in Wahrheit endlich würden betrogen befinden mit Ihren Einbildungen vom Pollnischen Frieden, welchen die Pohlen, wan er gleich geschlossen werden sollte, nimmermehr halten würden, zuemahlen sie catholisch unnd dem Ewangelischen keinen glauben hielten; dagegen könnte zwischen Schweden unnd Muscaw leichtlich ein solches Friede geschlossen werden, wodurch die Muscowiter viel ehe Ihre intention mit Weiss-Reusslandt erlangen, unnd Ihr possess desselben durch zuethuen der Crohn Schweden viel sicher seyn unnd verbleiben könnte

Sonsten wirdt der H. Assessor Ihn Nasszokijn auch zueverstehen geben, wie das der hertzog auss Churlandt unsern bürgern hätte anbieten lassen, Ihnen eynige Reussische waaren, so Er von Ihnen den Muscowitern gehandelt hätten oder noch handeln würde, zue überlassenn; wesswegen man sich bey Ihm Nasszokijn erkündigen vnnd dabey vernehmen wolte, ob nicht unter uns ein solch mittel getroffen werden könnte, dadurch ohne dem Hertzogen in Churlandt wir immediaete unter einander traffiquiren, unnd handeln könnten, welches unserer meynung nach dergestalt füglich geschehen könnte; wan ein gewisser Ort an der Düna von beyden hohen Potentaten also privilegiret würde, das daselbst die traffiquirenden mit Ihren Waaren in Sicherheit zuessamen kommen, unnd von beyden Seiten alda eine Persohn zum Richter eingesetzt werde, welche die streitigen Parten alsofort entscheiden, auch alle Sicherheit erhalten möchten; wegen der Gefangenen Frauen Tiesenhausischen H. Adam von Felitzen Tochter wolle sich der H. Abgeschickter zue erkündigen, unnd umb dero Erledigung zue sollicitiren unvergessen seynn.

Was nun er vom Woywoden auff obiges alles in Antwort vernehmen wirdt, aus aussführlich zue referiren bemühet seyn wirdt. Ihm hiemit eine glückliche Reyse von Gott anwünschend. Datum Riga den 22 Dec. Anno 1656.

Г. Форетень.

(Продолжение слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новый сборникъ памятниковъ средневѣковой публицистики.

MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA. Libelli de lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI et XII conscripti. Edidit Societas aperiendis fontibus regum Germanicarum medii aevi. Tomus III. Hannoverae. 1897. VIII + 775 стр.

Уже Штенцель обратилъ вниманіе на публицистическую литературу, выросшую на почвѣ столкновения властей въ XI вѣкѣ, и отвелъ возрѣвнѣямъ публицистовъ нѣсколько страницъ въ своей извѣстной „Исторіи Германіи при франконскихъ императорахъ“. (В. I. р. 496—516. Leipzig. 1827 г.). Его примѣру послѣдовалъ Флото (Kaiser Heinrich der Vierte. В. II, р. 283—304, Stuttgart. 1856), впервые привлечшій къ изслѣдованію неизданное сочиненіе одного изъ самыхъ своеобразныхъ полемистовъ, Манегольда Лаутенбахскаго, которымъ не воспользовался авторъ первой монографіи о полемическихъ произведеніяхъ времени Григорія VII, Яковъ Гельфенштейнъ. (Gregors VII Bestrebungen nach den Streitschriften seiner Zeit. Первое изданіе 1855 г., второе 1870). Огромной помѣхой для прежнихъ изслѣдователей являлось отсутствіе точныхъ, критическихъ изданій изучаемыхъ памятниковъ, которые или оставались въ рукописяхъ или выходили въ свѣтъ изуродованными многочисленными пробѣлами и погрѣшностями, въ неисправныхъ и малодоступныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій. Стало быть научная разработка была лишена надежной точки опоры, а потому и не могла дать правильной оцѣнки одному изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ проявленій умственной жизни среднихъ вѣковъ. Знаменитому Вайтцу принадлежитъ честь перваго

толчка къ устраненію такого огромнаго неудобства: онъ задумалъ собрать въ одномъ строго провѣренномъ по сохранившимся рукописямъ изданіи произведенія полемистовъ XI—XII вѣковъ, „отставившихъ какъ папу, такъ и императора“. Стремленіе къ полному и всестороннему освѣщенію прошлыхъ судебъ нѣмецкаго народа дало Вайтцу опытныхъ помощниковъ и необходимыя средства: за осуществленіе его замысла взялось „Общество открытія источниковъ для исторіи Германіи въ средніе вѣка“; въ различныхъ углахъ Европы начались тщательные поиски рукописей для сличенія, повѣрки и исправленія недостатковъ прежнихъ изданій; изъ пыли архивовъ и монастырскихъ библіотекъ были извлечены новыя, еще не подвергавшіеся изслѣдованію памятники. Желая возможно быстрѣе ввести въ научный обиходъ произведенія полемистовъ, Вайтцъ не сталъ ожидать полнаго установленія наличности сохранившихся до нашего времени публицистическихъ сочиненій, посвященныхъ борьбѣ властей: онъ рѣшилъ выпускать отдѣльно важнѣйшіе памятники въ дешевомъ изданіи „in usum scholarum“, но ему удалось лишь издать „Liber de unitate ecclesiae conservanda“, подготовленный къ печати Швенкенбехеромъ (1883 г.).

Продолжателемъ дѣла Вайтца послѣ его смерти сдѣлался извѣстный ученый Дюмлеръ, который рѣшилъ обнародовать творенія полемистовъ, написанныя по поводу столкновенія властей съ XI вѣка и до времени Фридриха I и папы Александра III. Такимъ образомъ при „Monumenta Germaniae“ возникъ особый отдѣлъ, объединенный общимъ заглавіемъ: „*Libelli de lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI et XII conscripti*“. Первый его томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1891 году; въ слѣдующемъ 1892 г. былъ уже выпущенъ второй, что не замедлило самымъ благотворнымъ образомъ отразиться на научной разработкѣ охваченнаго ими времени Григорія VII. Уже одно появленіе обширной работы Мирбта, ¹⁾ *Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII Leipzig. 1894.* показываетъ, насколько выиграло въ точности и обстоятельности изслѣдованіе полемической литературы XI вѣка въ сравненіи съ предшествующими изысканіями, именно благодаря новому сборнику. Ему обязаны также многими цѣнными выводами и наблюденіями прекрасныя труды Сакура (*Die Cluniacenser. V. I; Halle. 1892* и *V. II, Halle. 1894*), Лангена (*Geschichte der*

¹⁾ См. *А. Вязигинъ*, Новѣйшія изслѣдованія по исторіи Григорія VII и его времени. Харьковъ. 1896.

römischen Kirche von Gregor VII bis Innocenz III. Bonn. 1893) и Гаука (Kirchengeschichte Deutschlands Dritter Teil. Leipzig. 1896). Зато однимъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ книгъ Мартенса (Gregor VII, sein Leben und Wirken. B. I и II. Leipzig. 1894) слѣдуетъ признать отсутствіе надлежащаго освѣщенія возрѣній Григорія VII путемъ сопоставленія съ взглядами современныхъ ему публицистовъ, хотя имъ и отведена особая глава. (B. II, p. 137—189). Наконецъ, „Libelli“ послужили важнѣйшимъ источникомъ для цѣннаго изслѣдованія князя Е. Н. Трубецкаго ¹⁾ („Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ—его современниковъ“. Киевъ. 1897), который сумѣлъ найти объединяющее начало въ многочисленныхъ полемическихъ произведеніяхъ, ускользнувшее отъ предшествующихъ изыскателей, даже отъ Мирбта.

Такимъ образомъ, новый сборникъ послужилъ опорной точкой для крупныхъ новинковъ въ области изученія такъ называемой „борьбы за инвеституру“. И это совершенно понятно, если принять во вниманіе выдающіяся достоинства изданія, редактируемаго первокласснымъ знатокомъ, проф. Дюмлеромъ, окруженнымъ рядомъ талантливыхъ и энергичныхъ помощниковъ, каковы Сакуръ, Франке, Танеръ и Бернгеймъ. Главное вниманіе было обращено на установленіе точнаго и очищеннаго отъ наслоеній текста, равно какъ на облегченіе изученія полемическихъ произведеній. Съ этой цѣлью были привлечены къ дѣлу по возможности всѣ уцѣлѣвшія рукописи, снабжены введеніями и пояснительными примѣчаніями, сохранившими разнотченія отдѣльныхъ списковъ, сдѣланы попытки опредѣлять авторовъ полемическихъ трактатовъ, время ихъ составленія и цѣли, ими преслѣдуемая; затраченъ огромный трудъ на установленіе многочисленныхъ заимствованій изъ твореній отцовъ церкви, соборныхъ постановленій, св. Писанія, историческихъ памятниковъ, въ такомъ изобиліи доставлявшихъ полемистамъ доказательства для отстаиванія излюбленныхъ положеній; составленъ довольно обширный личный и предметный указатель, необходимое и драгоцѣнное подспорье въ изданіяхъ подобнаго рода. Благодаря всѣмъ этимъ огромнымъ и несомнѣннымъ преимуществамъ старья изданія, переполненныя ошибками, пропусками, неправильно понятыми мѣстами, почти не снабженныя примѣчаніями, отошли далеко на задній планъ и „публицистика XI

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897 г., августъ, стр. 410—436.

и XII вѣковъ“ сдѣлалась доступной для научнаго изслѣдованія и изученія, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ твореній полемистовъ были изданы впервые въ „*Libelli*“: такъ первый томъ далъ огромный трудъ Манегольда Лаутенбахскаго ¹⁾, тогда какъ второй—стихотворный трактатъ Рангерія Лукксккаго ²⁾ „О посохѣ и перстѣ“.

Но, къ сожалѣнію, новый сборникъ нельзя признать вполне безукоризненнымъ, такъ какъ и ему присущи довольно значительныя недостатки. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить полное отсутствіе строго выдержаннаго плана изданія: памятники, здѣсь помѣщенные, не расположены въ хронологическомъ порядкѣ, чрезвычайно важномъ для уясненія постепеннаго разростанія предметовъ полемики; не былъ опредѣленъ заранѣе кругъ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщенію въ „*Libelli*“, а потому второй томъ одновременно и дополняетъ и продолжаетъ первый; редакция затратила значительное число страницъ на повтореніе, почти безъ всякихъ сколько-нибудь важныхъ измѣненій, уже бывшихъ прекрасно изданными памятниковъ: такъ повторены общедоступныя и критическія изданія Яффе, „*Bonizonis, Liber ad amicum*“ (*Libelli* I, p. 568—620) и „*Excerpta ex Widonis Osnabrugensis libro de controversia inter Hildebrandum et Heinricum Imperatorem*“ (*Libelli* I, p. 461—470), Вильманса „*Wido episcopus Ferrariensis de scismate Hildebrandi*“ (*Libelli* I, p. 529—567) и Швенкенбехера „*Liber de unitate ecclesiae conservanda*“ (*Libelli* II, p. 173—284). Не было никакой необходимости перепечатывать въ новомъ сборникѣ эти памятники, не внося существенныхъ улучшеній и поправокъ. Тѣмъ болѣе, что они въ прежнихъ изданіяхъ были помѣщены почти все въ другихъ отдѣлахъ „*Monumenta Germaniae historica*“, да и единственная рукопись Видона Феррарскаго затерялась и не могла быть привлеченной къ дѣлу. Между тѣмъ такая излишняя роскошь, какъ простая перепечатка ради объединенія однородныхъ памятниковъ, помѣшала удовлетворенію насущной потребности: сочиненія полемистовъ XI вѣка, имѣющія первостепенное значеніе, не были приняты въ новый сборникъ. Такъ извѣстный трудъ Бенциона, епископа Альбскаго „*Ad Heinricum IV libri VII*“, буквально изуродованъ неумѣлой рукой Карла Пертца: Лемгрюбнеръ въ своемъ дѣльномъ изслѣдованіи (*Benzo von Alba, ein Verfechter der Kaiserlichen Staatsidee unter*

¹⁾ Manegoldi ad Gebhardum liber ed. K. Francke, p. 300—430.

²⁾ Rangerii episcopi Lucensis liber de annulo et baculo ed. Ernestus Sackur, p. 505—533.

Heinrich IV. Berlin. 1887) отмѣтилъ рядъ вопіющихъ его промаховъ и крупныхъ погрѣшностей, доказавъ съ полнѣйшей очевидностью недостаточное изученіе рукописи Бенцона ея издателемъ. Словомъ, и здѣсь К. Пертцъ, какъ и при изданіи „Diplomata“ оказался не на высотѣ своей задачи, а потому критическое изданіе труда Бенцона остается въ высшей степени желательнымъ. Равнымъ образомъ, изъ многочисленныхъ произведеній одного изъ самыхъ вліятельныхъ полемистовъ XI вѣка, Петра Даміани, въ новомъ сборникѣ помѣщены лишь два, да и то не самыя важныя, „Liber Gratissimus“ (Libelli I, p. 15—75) и Disceptatio synodalis (Libelli I, p. 76—94). Издатель же ихъ, Гейнеманнъ не привлекъ къ дѣлу всѣхъ рукописей и не далъ даже критически установленнаго текста. (См. замѣчанія Шеффера Бойхорста въ Mittheilungen d. Instituts für Oesterreich. Geschichtsforschung. V. XIII, p. 129—137). Стало быть, изслѣдователю для ознакомленія съ воззрѣніями Даміани на браки духовенства, инвеституру, отношенія властей и т. д. приходится прибѣгать или къ изданію Кайетана 1602 г. или къ его позднѣйшимъ перепечаткамъ Бассани и Миня. Здѣсь о критикѣ почти нѣтъ и рѣчи: время написанія отдѣльныхъ произведеній не установлено; многія лица, коимъ писалъ Даміани, или совсѣмъ не открыты или опредѣлены совершенно неправильно; многочисленныя погрѣшности искажаютъ смыслъ и безъ того витиеватыхъ выраженій; пояснительныхъ примѣчаній нѣтъ; указатель составленъ случайно, безъ надлежащаго подбора. Все это до крайности затрудняетъ изученіе тѣмъ болѣе, что нельзя положиться на полную добросовѣстность прежнихъ издателей: опустили же они, между прочимъ, 29 главу въ „Liber Gratissimus“, гдѣ Петръ Даміани говоритъ, что получилъ посвященіе отъ запятаннаго симоніей архіепископа (Libelli I, p. 60). Для правильнаго пониманія значенія Петра Даміани, какъ выразителя воззрѣній извѣстнаго направленія, очень важно сочиненіе Алгерія Люттихскаго „Liber de misericordia et justitia“, который, стоя на почвѣ чисто грегорианскихъ убѣжденій, полемизируетъ съ старымъ кардиналомъ Остійскимъ и тѣмъ самымъ даетъ драгоцѣнное доказательство принципиальной розни въ средѣ самыхъ поборниковъ церковныхъ преобразованій. Къ сожалѣнію, старое изданіе Мартеня и Дюрана, воспроизведенное Минемъ, страдаетъ обычными недостатками и погрѣшностями. Само собою понятно, что такіе крупные пробѣлы, не говоря уже о менѣ важныхъ, какъ напримѣръ, пропускъ „Decretale“ Бонитона, дѣлаютъ новый сборникъ совершенно недостаточнымъ подспорьемъ для изученія публицистики

XI и XII вѣка въ полномъ ея объемѣ. Исслѣдователь и теперь обреченъ на пользованіе старыми, ненадежными и неудовлетворительными изданіями. Несравненно было бы полезнѣе не перепечатывать труды Бонитона, Видона Феррарскаго, неизвѣстнаго автора „De unitate ecclesiae conservanda“, а затратить время и средства на переизданіе сочиненія Бенцона Альбскаго, едва ли не самаго своеобразнаго полемиста „борьбы за инвеституру“, и хотя бы только важнѣйшихъ изъ писемъ Петра Даміани. Внимательное изученіе рукописей, несомнѣнно, привело бы въ данномъ случаѣ къ очень плодотворнымъ выводамъ и наблюденіямъ, дало бы въ руки историковъ какъ разъ то, въ чемъ они наиболѣе нуждаются.

Вторымъ недостаткомъ, умаляющимъ научное значеніе новаго сборника, является неравномѣрность обработки помѣщенныхъ здѣсь памятниковъ. Иные изъ нихъ сопровождаются цѣлыми изслѣдованіями, представляющими огромный интересъ, тогда какъ введенія къ другимъ состоятъ всего изъ нѣсколькихъ строчекъ и не отвѣчаютъ на возникающіе при чтеніи вопросы. Пояснительныя примѣчанія вообще составлены очень скупо и не ставятъ полемистовъ въ надлежащую связь съ проявленіями умственной жизни времени, почти каждый памятникъ котораго носить явный отпечатокъ возрѣній авторовъ на волновавшіе общество вопросы. Вотъ почему, для полнаго воспроизведенія полемическихъ соображеній изучаемой эпохи необходимо было бы въ примѣчаніяхъ указывать на соответствующія мѣста въ чисто историческихъ современныхъ произведеніяхъ и въ частной перепискѣ. Сохранившіяся письма Григорія VII, старавшагося оказать воздѣйствіе на общественное мнѣніе, равно какъ посланія епископовъ, короля, другихъ лицъ несомнѣнно преслѣдуютъ полемическія цѣли и вводятъ въ кругъ борющихся возрѣній. Стоитъ припомнить хотя бы письмо Генриха IV къ Альвину Бриксенскому, излагающее знаменитую теорію двухъ мечей. Между тѣмъ изданіе Зюдендорфа (*Registrum I—III*) очень рѣдко и неисправно. Этотъ пробѣлъ отразился и на цѣнной книгѣ Мирбта, который исключилъ изъ своего разсмотрѣнія несомнѣнно публицистическія вылазки анналистовъ и хронистовъ, равно какъ полемическую дѣятельность папы, короля, легатовъ и епископовъ.

Затѣмъ, неясные для отдаленнаго потомства намеки на современныя событія нуждаются въ болѣе полномъ освѣщеніи; въ особенности необходимо было бы помочь разобраться въ терминологіи писателей, довольно темной и запутанной: она находится въ тѣсной

связи съ общими воззрѣніями авторовъ, ярко окрашенными богословскими понятіями времени. Между тѣмъ указатель не имѣетъ такихъ словъ какъ „*regnum Dei, civitas Dei*“, къ водворенію котораго были направлены всѣ помыслы средневѣковья, „*unitas*“, въ коей видѣли необходимый признакъ боговластія, *paх, discordia, gratia, justitia, suberbia, idolatria* и т. п., тогда какъ точное установленіе смысла, связаннаго съ подобными выраженіями, имѣетъ огромное значеніе для воспроизведенія связи съ наслѣдіемъ предшествующихъ вѣковъ. Отсутствіе слова „*ratio*“ до чрезвычайности затрудняетъ опредѣленіе значенія „*разума, какъ доказательства для полемистовъ*“, что и отразилось на невѣрномъ утвержденіи Мирбта, будто они ограничиваются „*ссылками на св. писаніе и данныя церковнаго права*“ (см. Замѣтки по исторіи полемической литературы стр. 93. Харьковъ. 1896). Подобные пробѣлы указателя составляютъ огромную помѣху при изслѣдованіи, обрекая на тщательное перечитываніе всѣхъ памятниковъ полностью, разъ понадобится какая либо справка болѣе общаго характера.

Наконецъ, нельзя назвать издателей достаточно безпристрастными и вполне внимательными изслѣдователями: они дѣлаютъ неосмотрительныя предположенія, произносятъ рѣшительныя утвержденія безъ всякихъ порою данныхъ (Замѣтки стр. 5) придерживаются традиціонныхъ воззрѣній, хотя издаваемые ими памятники даютъ достаточно доказательствъ ихъ неосновательности (Замѣтки стр. 19 сл.) неточно передаютъ содержаніе полемическихъ сочиненій (Замѣтки, стр. 30) и при общей оцѣнкѣ писателей не всегда побуждаютъ свои личныя симпатіи, какъ ярко показываетъ жестокой и суровой приговоръ, совершенно несправедливо обрушившійся на голову Манегольда Лаутенбахскаго (Замѣтки 46—47; 66—73; 95—96).

Такимъ образомъ, при ближайшемъ и непосредственномъ ознакомленіи съ вышедшими въ свѣтъ томами новаго сборника приходится отказаться отъ преувеличенныхъ ожиданій и сознаться, что онъ наряду съ многими положительными сторонами, выгодно отличающими его отъ предшествующихъ изданій, страдаетъ значительными пробѣлами и не стоитъ на безукоризненной высотѣ современнаго изслѣдованія, представляющаго быть можетъ строгія, но и безусловно справедливыя требованія къ совмѣстному труду крупныхъ научныхъ силъ Германіи.

Правда, можно было надѣяться, что подготовляемый третій томъ „*Libelli*“, сообразно обѣщаніямъ редакціи, внесетъ необходимыя дополненія и тѣмъ самымъ облегчитъ задачу „*проникновенія въ дебри средневѣковой публицистики*“. (Замѣтки стр. 98). Этотъ томъ недавно

вышелъ въ свѣтъ и потому представляетъ особый интересъ. Къ сожалѣнію, редакторъ его, проф. Дюмлеръ прямо говоритъ, что выполненіе указанныхъ существенныхъ пробѣловъ двухъ первыхъ томовъ отложено на неопредѣленный срокъ въ виду разросшихся размѣровъ третьяго (Praef. p. VII). Лишь въ концѣ его даны ссылки на изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, произведены нѣкоторыя мелкія исправленія благодаря привлеченію новыхъ рукописей и указаніямъ критики; большинство поправокъ относится къ сочиненію Видона „De scismate Hildebrandi“, затерянная рукопись котораго была неожиданно вновь найдена. (См. Addenda et emendanda ad Tomum I p. 729—733; ad Tomum II p. 733—735). Стало быть, лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ можно рассчитывать на приведеніе памятниковъ средневѣковой публицистики въ состояніе, необходимое для точнаго и всесторонняго изслѣдованія одной изъ любопытѣйшихъ сторонъ давно минувшаго прошлаго: Дюмлеръ ставитъ переизданіе уже извѣстныхъ, но дурно изданныхъ памятниковъ въ зависимость отъ открытія новыхъ, ускользнувшихъ отъ изслѣдователей произведеній полемистовъ XI и XII вѣка. Есть основаніе думать, что тщательные поиски въ различныхъ углахъ Европы доставятъ немало новаго матеріала, такъ какъ въ третьемъ томѣ *Libelli* отведено много мѣста доселѣ неизданнымъ, частью даже неизвѣстнымъ произведеніямъ, каковы „Tractatus de scismaticis“ (*Libelli* III p. 109—130), „Dialogus de pontificatu Sanctae Romanae ecclesiae“ (p. 526—546), „De fine schismatis vaticinium“ (p. 561—570), „Fragmentum Merseburgense de caelibatu cleri“ (p. 584—587), „Tractatus pro clericorum conubio“ (p. 588—596), „Bernaldi libellus de vitanda excommunicatorum communione“ (p. 597—601), „Sattra in Mettenses“ (p. 618—621), „Apologia pro filiis sacerdotum et concubinarum“ (p. 649—655), „Apologia Archiepiscopi Rotomagensis“ (p. 656—662), „De consecratione pontificum et regum“ (p. 662—679), „De Romano pontifice“ (p. 679—686), „De obediendo Romano pontifice“ (p. 686—687), „De sepultura eorum qui falso excommunicati dicuntur non turbanda“ (p. 688—690), *Hugonis Metelli opuscula* (p. 711—719) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній публицистическаго характера. Необходимо, однако, отмѣтить, что очень многіе изъ помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ „*Libelli*“ памятниковъ извлечены изъ архивовъ еще старѣйшимъ поколѣніемъ сотрудниковъ „*Monumenta Germaniae historica*“, Пертцемъ, Вайтцемъ, Бетманномъ, Ваттенбахомъ за десятки лѣтъ до обнародованія въ новомъ сборникѣ. Есть и дословныя перепечатки изъ старыхъ изданій д'Ашери,

Мартеня и Дюрана, Мабилльона; не мало облегчилъ трудъ издателя и Шдралекъ своимъ критическимъ сборникомъ памятниковъ („Wolfenbüttler Fragmente“, *Analekten zur Kirchengeschichte des Mittelalters aus Wolfenbüttler Handschriften*, Münster 1891). Слѣдовательно, пятилѣтній промежутокъ между выходомъ въ свѣтъ второго и третьяго томовъ можно было затратить на болѣе тщательное изученіе издаваемыхъ памятниковъ, на снабженіе ихъ обстоятельными введеніями и примѣчаніями, такъ какъ труды предшественниковъ оказали самую существенную подмогу при разборѣ и сличеніи рукописей. Къ сожалѣнію, прежняя неравномѣрность обработки сказывается и въ третьемъ томѣ: предисловія Дитриха и Бёмера представляютъ собой цѣлыя изслѣдованія, тогда какъ Дюмлеръ ограничивается нѣсколькими строками. Указатель попрежнему страдаетъ отмѣченными пробѣлами, тогда какъ политическія воззрѣнія средневѣковья коренятся въ богословскихъ представленіяхъ и для правильной оцѣнки первыхъ необходимо изученіе вторыхъ; стало быть при составленіи указателя необходимо принимать во вниманіе исходную точку всѣхъ публицистовъ, ихъ общія понятія о церкви и ея задачахъ, первоюродномъ грѣхѣ и благодати, о божескомъ царствѣ и его признакахъ и т. д. Хронологическій порядокъ расположенія памятниковъ и тутъ невыдержанъ: послѣдній томъ Libelli распадается на два отдѣла; въ первомъ изъ нихъ (р. 1—570) помѣщены полемическія произведенія, возникшія послѣ вормесскаго конкордата и посвященныя вопросамъ, волновавшимъ общественное сознаніе въ промежутокъ между этимъ примиреніемъ папства и имперіи и венеціанскимъ миромъ, закончившимъ распрю между Фридрихомъ I и Александромъ III; второй отдѣлъ разнаго рода „прибавленія“. Главное мѣсто въ первомъ отдѣлѣ отведено „избраннымъ сочиненіямъ“ Гергоха Рейхерсбергскаго (р. 131—525), извѣстнаго поборника аскетическихъ идеаловъ, продолжателя дѣла Петра Даміани и папы Пасхалия. Сакуръ выбралъ изъ многочисленнѣйшихъ произведеній Гергоха, откликавшася на всѣ запросы времени, лишь „касающіяся жизни клириковъ и борьбы за инвеституру“, равно какъ привелъ отрывки подобнаго же содержанія и изъ остальныхъ. Полностью творенія Гергоха остаются все еще неизданными, стало быть проникновеніе во всѣ тайники его воззрѣній представляется удѣломъ будущаго. Но и напечатанныя въ разсматриваемомъ томѣ „Libelli“ обрисовываютъ довольно ярко своеобразныя убѣжденія самаго плодovitаго писателя XII вѣка: отрывки изъ „Liber de aedificio Dei“ знакомятъ съ идеа-

ломъ „церкви“, по представленію Гергоха, и рисуютъ, каковы должны быть служители алтаря. „*Epistola ad Innocentium papam*“ подробно устанавливаетъ различіе между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, отдавая преимущество послѣднему, и проситъ папу поддержать уставы восстановленіемъ церковной дисциплины. „*Liber de simoniacis*“, обращенный къ знаменитому Бернарду Клервоскому, вновь разсматриваетъ столь важный для общественной совѣсти вопросъ о дѣйствительности совершенныхъ симонистами таинствъ: въ виду колебаній Бернарда Гергохъ приводитъ длинный рядъ выдержекъ изъ твореній отцовъ и различнаго рода соображенія съ цѣлью доказать полную недѣйствительность таинствъ совершенныхъ „еретиками“. Обширное введене „*epistola dedicatoria*“ къ все еще остающемуся неизданнымъ „*Libellus de ordine donorum sancti spiritus*“, касается инвеституры епископовъ, принесенія ими „*hominium*“, вопроса о церковныхъ имуществахъ, борьбы между папствомъ и имперіей, завершеной вормскимъ конкордатомъ. Слѣдующій трактатъ „*Liber contra duas hereses*“, также изданъ въ извлеченіи: опущена первая часть, опровергающая еретическое воззрѣніе, будто „Христосъ менѣе Отца“, и приведена вторая половина, устраняющая мнѣніе о дѣйствительности таинствъ, совершенныхъ отлученными. Равнымъ образомъ, оставлены въ рукописномъ видѣ мѣста „книги о новшествахъ времени сего“, („*Liber de novitatibus hujus temporis*“) „имѣющія интересъ только для богослововъ“, тогда какъ обнародованы мнѣнія Гергоха о преобразованіи блага духовенства, церковныхъ имуществъ, десятинахъ, легистахъ и римскомъ правѣ. На такихъ же основаніяхъ помѣщена лишь первая книга едва ли не самаго важнаго для историковъ сочиненія Гергоха „*De investigatione Antichristi*“: не удостоены принятія вторая и третья книги, какъ отведенныя теологическимъ и догматическимъ спорамъ современниковъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ пробѣлѣ, такъ какъ преніе объ Антихристѣ стоитъ въ неразрывной связи съ общими устоями средневѣковаго міровоззрѣнія и имѣетъ рѣшающее значеніе для раскрытія побужденій преобразователей и ихъ настроенія (см. *Е. Трубецкой*, *Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII.* стр. 326 сл.). Поэтому приходится обращаться къ не вполне удовлетворительному изданію Шейбельбергера, *Gerhohi Reichersbergensis opera hactenus inedita. Libri tres de investigatione Antichristi*, Lincii 1875. Полезнымъ подспорьемъ при разсмотрѣніи взглядовъ Гергоха на историческія событія недавняго прошлаго и ему современныя, какъ на признаки пришествія Антихриста,

можетъ послужить работа Штурмгёфеля. *Geschichtlich. Inhalt des ersten Buches von Gerhoh, Leipzig 1887.* Изъ трактата „*De gloria et honore filii hominis*“ извлечены только біографическія данныя о Гергохѣ и его отношеніяхъ къ панамъ, тогда какъ извѣстное посланіе „Къ кардиналамъ“ (*Opusculum ad Cardinales*), гдѣ ярко сказываются патріотическія чувства автора, напечатано почти полностью: исключены мѣста богословскаго характера. Огромный „Комментарій на псалмы“ даетъ множество любопытныхъ сопоставленій изреченій псалмопѣвца съ современными Гергоху явленіями, важными для воспроизведенія состоянія церкви и общества XII вѣка. Последнимъ словомъ Гергоха о положеніи церкви и имперіи является діалогъ между „учителемъ“ и „ученикомъ“, озаглавленный „*De quarta vigilia noctis*“. Здѣсь развитъ рядъ очень своеобразныхъ мыслей: обѣ стороны признаются виновными въ происшедшихъ осложненіяхъ: папы посягнули на права имперіи, объявивъ ее бенефицией апостольскаго престола, стремясь получать отъ императоровъ ленную присягу; императоры, съ своей стороны, изъ-за регалій присвоили себѣ вмѣшательство въ избраніе епископовъ. Оба противника должны сдѣлать уступки, но для прекращенія смуть, открывшихъ алчности доступъ въ римскую церковь, необходимо вмѣшательство Христа: Его пришествіе близко, ибо уже настала „четвертая стража ночи“ и Антихристъ свирѣпствуетъ уже давно.

Такимъ образомъ, новое изданіе избранныхъ сочиненій Гергоха знакомить лишь съ его, такъ сказать, „политическими“ воззрѣніями и добровольно избѣгаетъ воспроизведенія его богословскихъ и философскихъ взглядовъ. Вотъ почему обликъ убѣжденнаго противника Абеяра и „еретиковъ“ всякаго рода остается тусклымъ и односторонне представленнымъ. Редакція *Libelli* оказала бы наукѣ несравненно большую услугу, если бы вмѣсто перепечатки, хотя бы и свѣренной съ рукописями, уже доступныхъ общему пользованію произведеній Гергоха издала бы остающіяся необнародованными, такъ какъ выкраиваніе различныхъ обрѣзковъ изъ цѣлаго, проникнутаго мыслью автора, нельзя признать научнымъ приѣмомъ, благотворнымъ средствомъ для установленія прочныхъ и надежныхъ заключеній: „политическія“ воззрѣнія Гергоха, какъ и другихъ публицистовъ, вытекали именно изъ ихъ богословскихъ представленій, а потому исключеніе „мѣсть богословскаго характера“ ведетъ къ непониманію самой основы побужденій и стремленій полемистовъ, къ искаженію всей ихъ дѣятельности.

Однако и принципъ исключенія теологическихъ трактатовъ редація не провела съ строгой послѣдовательностью и тѣмъ самымъ еще разъ доказала отсутствіе общаго выдержаннаго руководящаго плана въ своемъ изданіи. Такъ она перепечатала трактаты „*De vitanda missa uxoratorum sacerdotum*“ (р. 1 — 11) и „*De sacramentis hereticorum*“ (р. 12 — 20), прекрасно изданные уже Шдралекомъ (*Wolfenbüttler Fragmente* р. 148 — 162 и 162 — 174) и имѣющіе „чисто богословское содержаніе“: въ первомъ изъ нихъ рѣчь идетъ о необходимости для всѣхъ истинъ сыновъ церкви уклоняться самымъ тщательнымъ образомъ отъ посѣщенія служеній, совершаемыхъ женатыми или впавшими въ плотской грѣхъ священниками, тогда какъ второй доказываетъ, что хотя еретики и отступники, переставъ быть членами церкви, утратили связь съ Христомъ и не имѣютъ силы совершать освященіе Тѣла и Крови Господнихъ, однако вѣрующіе получаютъ духовно изъ ихъ рукъ Евхаристію, если не знаютъ объ ихъ отпаденіи отъ церковнаго единства. Что же касается крещенія, совершеннаго еретикомъ, то неизвѣстный авторъ, ссылаясь на Августина, утверждаетъ, что, находясь внѣ церкви, нельзя имѣть Духа Святаго, а потому необходимо вернуться въ ея лоно не для повторенія таинства, а для приобрѣтенія жизни вѣчной, такъ какъ спасеніе только въ „единствѣ“, къ которому и „призываетъ Духъ святой всякаго, разъ предвидитъ, что это ведетъ къ миру въ единствѣ“.

Огромный культурный интересъ представило бы научное изданіе произведеній Гонорія, автора широко распространенныхъ всемірной исторіи („*Summa totius*“) и своего рода географіи („*Imago Mundi*“), продолжателя литературно-біографическихъ трудовъ Іеронима и Исидора („*Liber de luminariis ecclesiae*“). Лишь немногіе изъ многочисленныхъ трактатовъ Гонорія помѣщены въ *Libelli* („*De offendiculo*“, *De apostatis* и *Summa gloria* р. 29—80); остальные или разсѣяны по старымъ малодоступнымъ изданіямъ (напримѣръ, *De vita cloustroli*) или ждутъ еще своего обнародованія („*Quod monachis liceat praedicari*“, „*Quid vasa honoris et quid vasa contumelliae*“). Между тѣмъ случайно напечатанное, какъ добавленіе къ трактату „*De offendiculo*“, „изслѣдованіице“ Гонорія, „*Utrum sit peccatum nubere vel carnes comedere*“, доказываетъ явственно связь между общими запросами аскетическаго міровоззрѣнія и предметами публицистическаго обсужденія. Къ сожалѣнію, издатели не поставили своей задачей прослѣдить преемство волнующихъ умы вопросовъ и способы ихъ разрѣшенія; доказательства, выдвигаемыя

болѣ ранними полемистами при повтореніи ихъ продолжателями остаются безъ отмѣтки ¹⁾). Выписки и соображенія переходили, такъ сказать, по наслѣдству и установленіе промежуточныхъ звеньевъ имѣеть крупный научный интересъ. Какъ истинный затворникъ, аскетъ Гонорій возстааетъ противъ брачной жизни духовенства (*De offenculo*) и придерживается обычнаго аллегорическаго толкованія мѣстъ писанія, какъ наиболѣ убѣдительнаго доказательства. Монашескія воззрѣнія проводятся и въ трактатѣ „*De apostatis*“, гдѣ рѣчь идетъ о монахахъ, „попирающихъ свои обѣты, сбрасывающихъ рясу, берущихъ на себя управление церквями (приходскими), обзаводящихся женами и превосходящихъ мірянъ своимъ рвеніемъ по всеѣмъ мірскимъ дѣламъ“. Однимъ словомъ, два изъ напечатанныхъ въ *Libelli* трактатовъ Гонорія имѣють чисто богословское содержаніе, не касаются той самой „борьбы папъ съ императорами“, которая привлекаетъ главное вниманіе редакціи новаго сборника. Несравненно большее къ ней отношеніе имѣеть третій трактатъ Гонорія: „*Summa gloria*“, посвященный разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній властей. Тутъ Гонорій раздѣляетъ точку зрѣнія поборниковъ преобладанія папства. Онъ доказываетъ, что „какъ солнце превосходитъ луну, духъ душу, созерцательная жизнь дѣятельную, такъ священство стоитъ выше царства“. (р. 80) Аллегоріи подкрѣпляютъ его мысли: онъ утверждаетъ, что Авель, Симъ, Исаакъ и Іаковъ являются прообразомъ священства, Каинъ, Іафетъ, Измаиль и Исавъ—царства. Потомокъ Неврода, глава тиранства, Нинъ первый присвоилъ себѣ монархическую власть и насиліемъ подчинилъ сыновъ Сима и Іафета. Первенство Нина и его преемниковъ не находило опоры въ божественномъ авторитетѣ, а потому является не царствомъ, а тиранніей. Царство и священство ведутъ свое начало отъ Авраама въ лицѣ двухъ его сыновей Измаила и Исаака. Настаивая на подчиненіи царей священникамъ, доказанномъ библейскими примѣрами, Гонорій, однако, признаетъ и за царями извѣстныя права надъ священнослужителями: король, хотя и мірянинъ, но по своему священническому долгу (*sacerdotale officium*) стоитъ во главѣ всеѣхъ мірянъ; онъ во всеѣмъ божественномъ долженъ подчиняться главѣ церкви и въ свою очередь

¹⁾ Напримѣръ Гонорій опровергаетъ возраженіе канониковъ Готфрида Бодатаго Петру Даміани приблизительно его же доводами. См. *Lib.* р. 35 и *Op.* 18, с. 4 р. 392—3; *Epis. Lib.* V № 13, р. 363. См. также *Honorii De offenculo* с. 19 р. 43 и *Petri Damiani Op.* 18 с. 2 р. 399—400.

папѣ и всему клиру надлежитъ въ мірскомъ покорствовать королю. Папа ведетъ въ царство небесное клиръ, король—народъ. Ихъ взаимныя отношенія упорядочены императоромъ Константиномъ и папой Сильвестромъ „со времени которыхъ церковь установила обычаи имѣть ради свѣтскаго суда царей или судей, отражающихъ оружіемъ враговъ церкви извнѣ, а внутри подчиняющихъ ей страхомъ наказаній возстающихъ противъ божественныхъ законовъ“. Такъ какъ царство установлено церковью, то оно и находится въ подчиненіи ей; всякій пресвитеръ по своему сану стоитъ выше царя. Главная обязанность царей—защита церкви: „царь-слуга церкви, дабы подавлять мятежниковъ, и воздаятель гнѣва божьяго, дабы покарать нечестивыхъ“. Богъ для управленія церковью счелъ необходимыми два меча, одинъ духовный, то-есть слово Божье, конимъ священство пользуется для пораненія грѣшниковъ, другой матеріальный, служащій царству для наказанія упорствующихъ во злѣ. Королю должно повиноваться только въ томъ случаѣ, если онъ покорствуеетъ римской церкви и выполняетъ возложенныя ею на него обязанности. Какъ мірянинъ онъ не имѣетъ права раздавать духовныя должности и храмы, но только свѣтскія. Ссылка на помазаніе, получаемое при возложеніи вѣнца королевскаго, ничего не доказываетъ въ глазахъ Гонорія: „имѣющій жену, носящій мечъ, не могущій совершать богослуженіе, какъ не входящій въ церковную іерархію, король не долженъ вмѣшиваться въ чисто духовныя дѣла. Лишь въ видѣ особой привилегіи папа Левъ даровалъ Карлу право, въ качествѣ своего замѣстителя, назначать епископовъ. Въ Галліи и Германіи это преимущество распространялось и на его преемниковъ, удостоившихся такой чести за свое благочестіе и покорность, да и безвозмездно избравшихъ достойныхъ пастырей. Когда же императорскій престолъ захватили, помимо избранія римской церковью, люди не знающіе Бога и посягающіе на честь церкви, когда они попрали ея миръ и начали нарушать апостольскіе статуты и эдикты прежнихъ государей, продавая саны церковныя, возлюбивъ раздоръ въ средѣ клира и народа и всякое нечестіе, церковь желаетъ сама распоряжаться своими правами“. Таковы въ сжатыхъ словахъ теоретическія воззрѣнія Гонорія на отношенія властей. Они показываютъ, какъ мало отличаются теоріи публицистовъ XII вѣка отъ построеній ихъ предшественниковъ.

Съ стремленіями императорства и папства, равно какъ съ примыряющими попытками представителей высшей церковной іерархіи знакомить прекрасно уже изданный Яффе небольшой „отчетъ“ схола-

стика Гессона о реймскомъ соборѣ 1119 года (*Hessonis scholastici relatio de concilio Remensi* p. 21—28), важный по своимъ фактическимъ указаніямъ и помѣщенный ранѣе въ отдѣлѣ *Scriptores* (т. XII, p. 422—428).

Совершенно инымъ характеромъ отличается *Arnulfi Sagiensis Archidiaconi Investiva* (p. 81—168). Новѣйшіе изслѣдователи, Жигонъ, Шеллертъ, Мюльбахеръ установили съ неоспоримой ясностью, что этотъ памятникъ переполненъ лживыми вымыслами и не можетъ имѣть существеннаго значенія, какъ фактическій свидѣтель. Однако ему нельзя отказать въ культурномъ интересѣ, какъ показателю средствъ, къ которымъ прибѣгали публицисты для доставленія торжества своей партіи. Но этого слишкомъ мало, чтобы почти буквально („*ad litteram fere secuti*“) повторять изданіе д'Ашери, тѣмъ болѣе, что это уже разъ было сдѣлано Пертцемъ, помѣстившемъ „инвективу“ въ XII т. *Scriptorum* (p. 707—720). Не представляетъ особой важности и впервые изданный „*Tractatus de scismaticis*“ (p. 109—130), авторъ котораго примыкаетъ къ воззрѣніямъ Гергоха и даже прибѣгаетъ къ одинаковымъ доводамъ, чтобы доказать недействительность таинствъ, совершенныхъ отступниками, повинными суровому осужденію. Слѣдуетъ отмѣтить, что неизвѣстный составитель трактата прибѣгаетъ къ содѣйствію „здраваго смысла“, какъ одного изъ свидѣтелей въ свою пользу. Къ своеобразнымъ логическимъ умозаключеніямъ прибѣгаетъ и другой современникъ, оставившій также впервые изданный въ *Libelli „Dialogus de pontificatu sanctae Romanae ecclesiae“* (p. 526—546)¹⁾. Этотъ памятникъ посвященъ уясненію, кто изъ двухъ папъ²⁾ боровшихся въ то время за санъ, долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ главою церкви. Авторъ разбираетъ три рѣшенія поставленнаго вопроса: сначала онъ доказываетъ, что единая церковь имѣетъ единаго жениха, намѣстникомъ котораго считается римскій первосвященникъ. Стало быть не можетъ быть и рѣчи о двухъ папахъ. Отвергнуть обонхъ соперниковъ, какъ думали нѣкоторые, тоже нельзя, такъ какъ не слѣдуетъ принимать точное рѣшеніе сомнительнаго дѣла

¹⁾ См. обстоятельную статью Бемера въ N. A. B. XXI „*Der dialogus de pontificata Sanctae Romanae ecclesiae*“, p. 635—684.

²⁾ Виктора IV (1159—1154) и Александра III. (1159—1181). Подробныя свѣдѣнія о „двойныхъ выборахъ“ 1159 г. можно найти у *Reuter*, *Geschichte Alexanders des Dritten*. I, p. 487 слѣд. *Langen* *Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII bis Innocenz III*, p. 439 сл. Монографическая литература, см. *Jaffe-Lowenfeld*. II, p. 146.

до его всесторонняго обслѣдованія. Вотъ почему авторъ сосредоточивается на разсмотрѣніи доводовъ, приводимыхъ борющимися сторонами въ свою пользу, причемъ прибѣгаетъ къ очень выгодному для его цѣлей приему: подобно Даміани, онъ заставляетъ говорить представителей обѣихъ сторонъ—Виктора и Александра. Въ сильныхъ и яркихъ выраженіяхъ этотъ „разговоръ“ рисуетъ картину избранія обоихъ папъ, знакомитъ съ упреками, которыми они осыпали другъ друга, и въ концѣ концовъ сквозящая склонность поддержать Александра завершается отлученіемъ его противника, подробно перечисляющимъ обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, тогда какъ анагема, вложенная въ уста Виктора, слабо мотивирована. Разсматриваемый памятникъ является очень искусной защитой папы Александра, такъ какъ, сохраняя видимое безпристрастіе и предоставляя рѣшеніе дѣла нелицепріятному суди — Богу, авторъ его опровергаетъ доводы не только сторонниковъ Виктора, но и оставшихся нейтральными. Доказательствами служатъ діалектическія соображенія и уловки, историческія данныя, римское право и постановленія церковныхъ каноновъ, выдержки изъ произведеній классической древности и выписки изъ твореній христіанскихъ писателей. Разнообразіе привлекаемаго къ дѣлу матеріала, прекрасное построеніе и искусное развитіе діалога дѣлаютъ новый памятникъ очень интереснымъ и для историковъ литературы.

Противъ Виктора же и его сторонниковъ направлены три небольшихъ „стихотворенія“ (р. 547 — 554), изданныя Бемеромъ и принадлежащія перу ярыхъ поборниковъ іерократическихъ идеаловъ. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Гвалтерій въ своихъ стихотвореніяхъ „*Contra statum ecclesiae depravatam*“ и „*Quod papa sit summus et imperator sub ipso*“ (р. 555 — 560). Рядъ памятниковъ, посвященныхъ уясненію основательности притязаній борющихся сторонъ при папѣ Александрѣ, замыкаетъ впервые изданное извлеченное изъ британскаго музея „пророчество о концѣ раскола“, „*De fine schismatis vaticinium*“ (р. 561—570); оно было, однако, извѣстно покойному Вайтцу, да и В. Ваттенбахъ уже полстолѣтія тому назадъ нашель одинъ изъ его списковъ въ Вѣнѣ. Памятникъ распадается на двѣ неравныхъ части: первая состоитъ изъ десяти стиховъ, написанныхъ въ крайне темныхъ выраженіяхъ; вторая является истолкованіемъ cadaго слова этого стихотворенія, „продиктованнаго ангеломъ“ „нѣкому пустыннику“. Расколъ, по толкованію неизвѣстнаго автора, закончится низложеніемъ борющихся папъ на „собрѣіи всей каволи-

ческой церкви“; въ общемъ, истолкованіе сочувствуетъ дѣлу императора и осуждаетъ іерократическія притязанія папства.

Вотъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ содержаніе памятниковъ, помѣщенныхъ въ первой половинѣ разсматриваемаго тома Libelli. Строго говоря, нѣтъ никакой возможности вкратцѣ передать средне-вѣковой трактатъ, обыкновенно богатый очень характерными отступленіями и рѣдко отличающійся выдержанностью плана. Но и сдѣланныя бѣглыя указанія знакомятъ съ наиболѣе выпуклыми чертами публицистическихъ произведеній XII вѣка, вошедшихъ въ Libelli: огромное большинство ихъ принадлежитъ перу поборниковъ папства, повторяетъ и видоизмѣняетъ доводы своихъ предшественниковъ.

Зато во второмъ отдѣлѣ, отведенномъ „добавленіямъ къ первому, второму и третьему томамъ новаго сборника“, изслѣдователь встрѣчается съ крайне своеобразными проявленіями рѣшительнаго отпора папскимъ притязаніямъ.

„Добавленія“ начинаются двумя посланіями клириковъ Камбре и Нойона по поводу безбрачія духовенства (*Cameracensium et Novionensium clericorum epistolae* p. 573—583). Здѣсь клирики самымъ непреклоннымъ образомъ выступаютъ въ защиту „исконнаго обычая“ и выражаютъ безповоротное рѣшеніе не соглашаться съ новшествами; замѣчательна предпринятая посланіями попытка организовать (начало 1078 г.) сплоченное сопротивленіе клира требованіямъ высшаго духовенства, дѣйствовавшаго подъ сильнымъ давленіемъ Рима. Оба посланія были уже изданы Мабиллономъ и Дюраномъ, а потому уже вошли въ кругъ научнаго изслѣдованія: Мирбтъ, Коши и Тейнеръ говорятъ о нихъ съ достаточной подробностью. Къ этимъ посланіямъ примыкаетъ „*Defensio pro filiis presbyterorum*“ (p. 579—583), небольшое произведеніе составленное, повидимому, около 1095 г. неизвѣстнымъ авторомъ, горячо защищающимъ потомство духовенства отъ ограниченій, которымъ его подвергали ревнители преобразованій. „Защита сыновей священниковъ“ была уже издана Букэ и Дюраномъ и ею пользовался м. п. Мирбтъ. Къ неизвѣстному времени относится и принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора открытый еще въ 1842 г. Вайтцемъ отрывокъ, трактующій о безбрачіи духовенства (*Fragmentum Merseburgense de caelibatu cleri*), впервые изданный въ нашемъ сборникѣ (p. 584—587). Отвергая приводимыя въ пользу брачной жизни духовенства доказательства, авторъ, между прочимъ, говоритъ и объ извѣстномъ посланіи „Ульриха Ауесбургскаго къ папѣ Николаю“, превосходной апологіи браковъ священнослужителей (см. Замѣтки стр. 24—26): „во времена св. Ульриха не было

папы, носящаго имя „Николай“, а потому посланіе нельзя приписывать св. епископу; кромѣ того оно влагаетъ въ уста папы Григорія изреченія, о которыхъ не упоминаетъ ни его жизнеописаніе, ни его регистръ, ни какое либо другое его произведеніе или сочиненіе о немъ“. Эти проблески исторической критики заставляютъ сожалѣть, что отъ разсматриваемаго памятника сохранился лишь небольшой отрывокъ, обрывающійся на полусловѣ. Совершенно противоположныя воззрѣнія проводитъ изданный Дюмилеромъ „Tractatus pro clericorum concubio“ (р. 588—596). Здѣсь сторонники безбрачія изображаются „лицемѣрами“, „извратителями каноновъ“, „нарушителями мира церковнаго“. Опираясь на постановленія Никейскаго, Халкедонскаго, Картагенскаго и Толедскаго соборовъ, на „всеобщія постановленія учителей“, Сириція, Льва, Григорія неизвѣстный авторъ старается доказать законность браковъ духовенства. Авторитетъ Августина защищаетъ дѣйствительность совершаемыхъ женатыми клириками таинствъ и избавляетъ ихъ отъ нареканій „патаровъ“. Наконецъ, рядомъ примѣровъ изъ прошлой исторіи римской церкви и указаніемъ на многихъ современныхъ епископовъ опровергается запрещеніе доступа сыновьямъ клириковъ къ духовнымъ санамъ. Къ сожалѣнію, памятникъ не даетъ никакихъ основаній для опредѣленія личности автора, мѣста и времени написанія трактата: предположенія Дюмилера совершенно голословны и выражены въ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ. Точно также совершенно бездоказательно утвержденіе, будто „*Libellus de vitanda excommunicatorum communiōne*“ (р. 596—601) принадлежитъ извѣстному полемисту XI вѣка Бернальду. Что же касается до основной мысли этого трактата, то она сводится къ слѣдующему положенію: единая церковь имѣетъ своимъ корнемъ апостольскій престолъ, а потому отдѣлившіеся отъ вселенской церкви неисполненіемъ римскихъ предписаній не входятъ въ составъ тѣла Христова и не могутъ совершать таинствъ; вѣрные сыны подѣ страхомъ „вѣчныхъ мукъ съ дьяволомъ и ангелами его“ должны избѣгать церковнаго общенія съ отщепенцами, Вибертомъ и его сторонниками. Такимъ образомъ, содержаніе сводится къ чисто богословскому заключенію и ничѣмъ не выдѣляется изъ оставшихся не напечатанными трактатовъ. Да и „*Theobaldi Stampensis epistola ad Roscelinum*“ (р. 603—607), дословно перепечатанное изъ сборника д'Ашера разсужденіе въ защиту правъ на священство дѣтей священнослужителей, строго говоря, разсматриваетъ вопросъ, лежащій внѣ непосредственной области борьбы властей, тогда какъ прямое отношеніе къ ней имѣетъ сборникъ выдержекъ изъ каноническихъ постановленій и произведеній

церковныхъ писателей „De penitentia regum et de investitura regali collectanea“ (р. 608—614). Нѣтъ возможности опредѣлить ни время написанія, ни личность автора этого сборника. Бемеръ, впервые его обнаруживавшій въ Libelli, устанавливаетъ несомнѣнное сходство выраженій и доводовъ сборника и извѣстнаго посланія Венриха (Замѣтки стр. 31—37), но отсюда, конечно, нельзя вывести никакихъ прочныхъ заключеній. Неизвѣстный авторъ является убѣжденнымъ поборникомъ имперіи и подборомъ свидѣтельствъ отцовъ церкви показываетъ, что покаяніе не роняетъ королевскаго достоинства, тогда какъ избраніе священнослужителей царями обосновывается библейскими примѣрами и выписками изъ писемъ Григорія Великаго, анналь франкскаго государства, посланій папъ Льва IV, Стефана V, Льва Великаго, сочиненій Фортуната, Исидора и другихъ документовъ. Авторъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, но они сами собою вытекаютъ изъ собраннаго имъ матеріала. Особаго значенія этотъ памятникъ не имѣетъ, представляя интересъ, лишь какъ опредѣлитель круга литературныхъ источниковъ, откуда полемисты императорскаго лагеря черпали свои данныя.

„Carmen de simoniaca haeresi“ (р. 615 — 617), „Satira in Metenses“ (р. 618—621) и „Opusculum de calamitatibus ecclesiae Leodiensis“ (р. 622 — 641) были извѣстны и ранѣе, возникли по частнымъ поводамъ и даютъ очень мало для уясненія общихъ основъ спора, хотя и указываютъ на широкое распространеніе публицистики, какъ средства къ направленію общественнаго мнѣнія въ ту или другую сторону. Всѣ эти три произведенія написаны неизвѣстными авторами, приблизительно въ концѣ XI вѣка, облеченными свои мысли съ большимъ или меньшимъ искусствомъ въ стихотворную форму.

Наибольшій интересъ между „прибавленіями“ представляютъ Tractatus Eboracenses (р. 642—687), найденные въ Кембриджскомъ университетѣ; изъ 31 трактата доселѣ напечатанъ былъ всего лишь одинъ. Авторъ неизвѣстенъ, такъ какъ догадка Бемера не даетъ безусловно точнаго опредѣленія. Очень возможно, однако, что этотъ сборникъ составленъ въ началѣ XII вѣка Жирардомъ, клирикомъ Вильгельма, архіепископа Руанскаго, въ 1101 г. занявшимъ санъ архіепископа Йоркскаго. Жирардъ, подобно многимъ своимъ современникамъ, мѣнялъ свои убѣжденія и это отразилось на рассматриваемыхъ трактатахъ. Первый изъ нихъ, рассматривающій вопросъ, позволительно ли священнослужителямъ вступать въ бракъ („An liceat sacerdotibus inire matrimonium“ р. 645—648), былъ напечатанъ еще въ первой половинѣ XVII

вѣка и даетъ отвѣтъ утвердительный, такъ какъ Богъ установилъ бракъ священнослужителей и отъ Его предопредѣленія зависитъ посѣять въ душѣ однихъ стремленіе къ дѣвству, въ сердцѣ другихъ желаніе вступить въ бракъ, ибо если бы всѣ были дѣвственниками, то не рождались бы и святые. Брачный союзъ заключается не ради плотской страсти, но для рожденія дѣтей, дабы умножилась земная церковь. образовалось населеніе царства небснаго и исполнилось число избранныхъ. Такимъ образомъ, не ссылки на авторитеты, а разсужденія, вытекающія изъ самой глубины средневѣковаго міровоззрѣнія, являются главнымъ доказательствомъ для автора. Къ разсматриваемому произведенію по содержанію близко примыкаетъ второй изъ „Йоркскихъ трактатовъ“ „*Apologia pro filiis sacerdotum et concubinarum*“, сохранившійся въ двухъ редакціяхъ. Болѣе распространенная помѣщена въ текстѣ *Libelli* (р. 649—655); разночтенія краткой даны въ примѣчаніяхъ. Авторъ не видитъ основаній, почему сыновьямъ воровъ и убійцъ не закрывается доступъ въ духовное званіе, если его запрещаютъ для дѣтей священнослужителей. Всякое размноженіе людей по природѣ законно и благословенно Богомъ. Родители, состоятъ ли они въ законномъ или незаконномъ бракѣ, являются орудіями божественной воли и на дѣтей переходить лишь первородный грѣхъ, смыаемый, одинаково съ законныхъ и незаконныхъ, благодатью крещенья. Порочашіе незаконныхъ дѣтей посягаютъ на Бога, сынами Котораго являются люди независимо отъ ихъ происхожденія. Качества отдѣльныхъ лицъ, а не ихъ происхожденіе, дѣлаютъ ихъ достойными священства. Всѣ христіане суть члены тѣла Христова — церкви, независимо рождены ли они въ законномъ или незаконномъ супружествѣ. Если же имъ даруется участіе не только въ благодати, но даже въ самой божественной природѣ Спасителя, то какъ же ихъ можно устранять отъ священства? Ссылку на „запрещеніе канонѣвъ посвящать таковыхъ“ авторъ опровергаетъ словами апостола Павла: „если Вы духомъ водитесь, то вы не подѣ закономъ“. Это противопоставленіе законническимъ требованіямъ духа христіанскаго ученія въ высшей степени знаменательно тѣмъ болѣе, что не выписки изъ излюбленныхъ авторитетовъ, а своеобразное толкованіе и сочетаніе новозавѣтныхъ реченій служатъ единственными доводами автора, который привлекаетъ только одно мѣсто изъ Августина какъ промежуточное звено въ развитіи своихъ доказательствъ. Въ этомъ трактатѣ уже слышится броженіе зародышей духовнаго христіанства, возставшаго противъ мертвящаго законничества и формализма курии. Тѣ же черты еще рѣзче

выступаютъ въ „Апологін руанскаго архіепископа“ (*Apologia archiepiscopi Rotomagensis* р. 656—662). отрѣшеннаго отъ должности папой. Авторъ разсматриваетъ, существуютъ ли достаточныя основанія для осужденія архіепископа руанскаго, и послѣдовательно снимаетъ съ него обвиненія въ невѣріи, неповиновеніи и пренебреженіи къ обязанностямъ своего сана, могущія послужить единственнымъ законнымъ поводомъ къ его отлученію. Особенно цѣнны разсужденія о неповиновеніи римскому первосвященнику. Здѣсь авторъ съ удивительной силой и ясностью опровергаетъ римскія притязанія на главенство въ церкви: папа не долженъ пользоваться надъ руанскимъ епископомъ иною властью, инымъ господствомъ, кромѣ тѣхъ, какими пользуется надъ нимъ самимъ Петръ, такъ какъ и руанскій епископъ заступаетъ мѣсто Петра—имѣетъ ту же благодать св. Духа, ту же власть вязать и разрѣшать и получилъ тѣ же ключи царства небеснаго отъ Христа, какъ Петръ и его намѣстникъ, римскій епископъ. „Однако не три Петра, Симонъ Петръ, римскій и руанскій епископы, но одинъ Петръ, ибо одинъ во всѣхъ духъ, одна власть, одна вѣра и сообразно этому одно сердце и одна душа“. Всѣ апостолы и всѣ епископы, вся святая церковь въ этомъ смыслѣ—одинъ Петръ. На такомъ основаніи ни римскій ни руанскій епископы не должны возноситься другъ передъ другомъ, ни судить другъ друга: какъ можно одного раздѣлить такъ, что онъ будетъ и выше и ниже себя самого? Какъ Христосъ не подсуденъ никому, такъ и архіепископъ руанскій подлежитъ суду только одного Бога. Папа обвиняетъ его въ неповиновеніи за отказъ называть вьенскаго архіепископа своимъ наставникомъ, но Спаситель говоритъ: „не называйтесь наставниками; ибо одинъ у васъ наставникъ—Христосъ“. „Должно же больше повиноваться Христу, чѣмъ вьенскому архіепископу или римскому первосвященнику“. Да и вообще наставленія ихъ или излишни, если они думаютъ наставлять въ возвѣщенномъ апостолами и уже извѣстномъ, или подлежатъ анаемѣ, если они говорятъ противное. Въ своемъ стремленіи быть наставниками они приносятъ не пользу, а вредъ, такъ какъ требуютъ отъ другихъ то, чего сами не исполняютъ. Но прикрытіемъ властолюбивыхъ поползновеній служила ссылка на постановленіе св. отцовъ, что римская церковь—мать и наставница всѣхъ церквей и ея епископъ—глава всѣхъ епископовъ. Авторъ возражаетъ: „не такъ было въ началѣ, при зарожденіи церкви. Христосъ не постановлялъ ничего подобнаго, не освящали это апостолы, не опредѣляли ни 72 ученика, ни первомученикъ Стефанъ и его товарищи. Кто не слѣдуетъ ихъ ученью, правамъ, дѣяніямъ и примѣру

тоть—невѣрующій безумецъ. Несправедливо и неприлично, чтобы дочери оказывали предпочтеніе передъ матерью, наставницѣ предпочитали ученицу. Нельзя упускать изъ виду, что по божественному установленію іерусалимская церковь—мать всѣхъ церквей. Римская же церковь возвышена не Христомъ и апостолами, а людьми; хотя они и святы, но мы должны слѣдовать Христу и его апостоламъ. Вѣдь, какъ свидѣтельствуя сами св. отцы, „римская церковь получила преимущества вслѣдствіе могущества имперіи и достоинства города, дабы столица міра и глава заблужденія сдѣлалась главою религіи“. Но въ этомъ установленіи людей нѣтъ нашего спасенія, какъ нѣтъ и гибели, еслибы не было этого предпочтенія. Если же кто-либо не желаетъ подчиняться римской церкви, то онъ не заслуживаетъ кары передъ Богомъ. Расколы послужили причиной возвышенія римскаго первосвященника, но онъ самъ вводитъ въ церковь расколъ, дѣля ея на высшую и нисшую, нарушая ея единство. Папа не выполняетъ лежащихъ на немъ обязанностей, „ибо не является ученикомъ Христа тотъ, кто желаетъ обогащаться тамъ, гдѣ Онъ былъ бѣденъ и не можетъ быть Его ученикомъ желающій имѣть власть господина тамъ, гдѣ Онъ принялъ видъ раба; равнымъ образомъ не ученикъ Христа тотъ, кто желаетъ не служить, а пользоваться услугами и возсѣдать на томъ трибуналѣ, передъ которымъ былъ осужденъ Спаситель. Не будучи же ученикомъ Его нельзя быть членомъ Христовымъ, а кто—не членъ Христа, тотъ—членъ дьявола“. Съ полнымъ правомъ Бемеръ говорить, что въ этихъ смѣлыхъ рѣчахъ неизвѣстнаго автора виденъ уже предтеча Марсилія Падуанскаго и Виклефа. Дальнѣйшее развитіе взгляды такого убѣжденнаго противника римскаго преобладанія получаютъ въ трактатахъ „De romano pontifice“ (р. 679—686) и „De obediendo Romano pontifici“ (р. 686—687). Въ послѣднемъ прямо говорится, что „нелѣпо утверждать, будто слѣдуетъ повиноваться зданіямъ и камнямъ“. Поэтому мы должны покорствоваться не римской церкви, а лицу, исполненному святости и соблюдающему веленія Господни; римская же церковь имѣетъ немногихъ избранныхъ и сыновъ Божіихъ, но много негодяевъ и сыновъ дьявола. Ихъ можно назвать церковью Сатаны, а не Христа. Церковь же Христа никоимъ образомъ не должна находится въ подчиненіи у Сатаны. Однако на насъ лежитъ обязанность оказывать уваженіе немногимъ избраннымъ и святымъ сынамъ Божіимъ, пребывающимъ въ Римѣ, уваженіе въ силу любви, а не принужденія, ради Бога, а не ради мірскаго высокомерія. „De Romano pontifice“ раскрываетъ нѣкоторыя новшества, введенныя папой въ церковь вопреки завѣту

Апостола (Галат. I, 8—9) Римскій первосвященникъ побуждаетъ клятвеннымъ обязательствомъ епископовъ ежегодно посѣщать гробницу Апостоловъ безъ всякой необходимости и разумнаго основанія, но единственно въ угоду собственному желанію и изъ жажды господства. Между тѣмъ епископамъ приходится во время этихъ поѣздокъ выносить опасности и невзгоды, даже переодѣваться въ платье мірянь, чтобъ избѣжать плѣна и не быть узанными. Отсутствие пастьрей пагубно отражается на спасеніи душъ вѣранныхъ имъ овецъ, влечетъ за собой продажу церковнаго достоянія, предназначеннаго для раздачи милостыни и прокормленія бѣдныхъ, ради утоленія алчности приближенныхъ папы, которая хорошо извѣстна всѣмъ, кто былъ вынужденъ по какому-либо дѣлу идти въ Римъ. Вопреки слову Спасителя, папа отлучаетъ неповинующихся его требованіямъ и тѣмъ самымъ попираетъ любовь между братьями во Христѣ. Отлученный папою за неповиновеніе не долженъ бояться за свое спасеніе, если только во всемъ остальномъ повинуется Богу: „папа своимъ освобожденіемъ отнюдь не можетъ сдѣлать членъ дьявола членомъ Христовымъ, такъ и своимъ отлученіемъ не можетъ достигнуть обратнаго“. Но папа, вдобавокъ, нарушаетъ узы церковнаго мира и согласія, сѣя раздоры между церквями, епископами и аббатами своими привилегіями. Такое поведеніе папы стоитъ въ явномъ противорѣчій съ его обязанностями, какъ ихъ понимали св. римскіе первосвященники, постановленія коихъ нельзя ни нарушать, ни измѣнять, не подвергаясь опасности осужденія. Въмѣсто того чтобы отпускать братьямъ, согрѣшившимъ передъ нимъ, папа поражаетъ ихъ проклятіями и анаемами и тѣмъ самымъ готовитъ себѣ участь раба, вверженнаго въ „тѣму внѣшнюю“, за жестокосердіе къ должнику своему. Наконецъ, „папа причиняетъ величайшій ущербъ церкви, стремясь отодвинуть царскую власть отъ управленія всѣми церквями, тогда какъ ей вмѣстѣ съ святительскимъ авторитетомъ принадлежитъ первенство въ св. церкви“. Такимъ образомъ, авторъ признаетъ обоюдныя права властей и въ этомъ отношеніи приближается къ сторонникамъ единенія папства и имперіи. Болѣе обстоятельно объ отношеніяхъ царства и священства говоритъ послѣдній изъ напечатанныхъ въ *Libelli „Йоркскихъ трактатовъ“*, „*De consecratione pontificum et regum*“ (р. 662—679). Тутъ проводятся крайне своеобразныя теорія о сущности и правахъ свѣтской власти: „по божественному авторитету и установленію св. отцовъ цари поставлены въ св. Божьей церкви и получаютъ у св. алтаря священное помазаніе и благословеніе, дабы они имѣли власть управлять христіан-

скимъ народомъ, народомъ Господнимъ, то-есть св. церковью Божьей, ибо церковь есть ничто иное какъ собраніе вѣрующихъ христіанъ, обятающихъ въ домѣ Божьемъ въ одной вѣрѣ, надеждѣ и любви. При своемъ посвященіи цари получаютъ власть управлять церковью, оберегать и защищать ее. Для той же цѣли установленъ и санъ епископовъ, получающихъ также св. помазаніе и благословіе. „Итакъ. въ семь мірѣ, то-есть въ святой церкви, имѣють первенство священнаго управленія—святительскій авторитетъ и царская власть. Нѣкоторые раздѣляютъ это первенство, оставляя за святителями управленіе душами, за царями—власть надъ тѣлами, какъ будто можно управлять душами безъ тѣла и наоборотъ. Да и апостоль называетъ тѣла наши—храмомъ Божьимъ. Отсюда ясно, что царь имѣетъ преимущество управлять и обладающими святительскимъ саномъ. Стало быть, царей нельзя исключать отъ управленія св. церковью, то-есть народомъ христіанскимъ, ибо такимъ образомъ раздѣлится и будетъ опустошено царство церкви; цари христіанскіе отразили владыкъ языческихъ отъ церкви, осудили еретиковъ и искоренили ихъ соблазнительное ученіе внутри церкви. Все это было не подъ силу однимъ святителямъ и потому царская власть необходима для святителей, дабы служить имъ оплотомъ и защитой и сохранять миръ и безопасность въ церкви. Такимъ образомъ святитель и царь имѣють образъ и полномочія Христа. Помазаніе, получаемое царями, преобразуетъ ихъ: у царя двѣ природы, одна, свойственная ему какъ обыкновенному человѣку, другая въ силу таинства помазанія стоящая далеко выше остальныхъ. Съ одной стороны, онъ человѣкъ по естеству, съ другой Христосъ по благодати, то-есть царь-богочеловѣкъ. И царь и святитель-помазанники Божьи, но св. писаніе чаще называетъ такъ царей, чѣмъ святителей. Царь и святитель приобщаются къ божеству и освящаются по благодати помазанія и въ силу благословія при посвященія, ибо, если примѣнить греческую этимологию, посвященіе, то-есть „апоеозъ“, означаетъ приобщеніе къ божеству. На святителѣ лежитъ управленіе народомъ въ духѣ Христовомъ, но и царь имѣетъ право приносить жертвы въ духѣ. Если святитель приносить видимо жертвы, царь же невидимо. то это происходитъ отъ нѣкоторыхъ отличій въ обрядѣ ихъ посвященія: царь знаменуетъ собой Бога, святитель-Христа, а потому царь имѣетъ власть и господство надъ святителями. (Ср. Hugonis Floriacensis Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate. Libel. II, p. 468, Lib. I. c. 3). Священное писаніе обѣщаетъ вѣрнымъ царство небесное, а не святительство.

отсюда явствует, что во Христѣ царская власть больше и превосходитъ святительской настолько, насколько божество Его больше и превосходитъ человѣческаго естества. Если царь назначаетъ святителя, то не въ силу человѣческой власти, а божественной. Царь, какъ намѣстникъ Божій, творитъ епископовъ дарованіемъ имъ пастырскаго посоха. Но возвышаемый въ епископы получаетъ отъ царя не санъ, не право священствовать, но обладаніе имуществами, охрану церкви и власть управлять народомъ божьимъ". Къ сожалѣнію, этотъ крайне интересный памятникъ изданъ лишь въ извлеченіи, такъ что нѣтъ никакой возможности прослѣдить шагъ за шагомъ ходъ соображеній неизвѣстнаго автора. Приходится отмѣтить лишь наиболѣе своеобразныя его воззрѣнія: онъ полагаетъ, что царь имѣетъ такіе же знаки своего достоинства, какъ и епископъ, то-есть жезлъ и перстень. Жезлъ передаетъ въ руки царей управленіе церковью, перстень дѣлаетъ ихъ причастными епископскому служенію. Царь можетъ отпускать грѣхи и приносить хлѣбъ и вино какъ безкровную жертву. Онъ имѣетъ право созывать соборы, предсѣдательствовать и принимать въ нихъ участіе, анаеоматствовать еретиковъ и по своему приговору разрѣшать церковныя дѣла. Какъ умилователь и миротворецъ христіанскаго народа онъ можетъ выступать какъ замѣститель Христа, отпуская грѣхи, оправдывая и спасая людей. Всѣ эти полномочія вытекаютъ, по автору, изъ особенностей помазанія на царство и символическаго значенія совершаемыхъ при этомъ обрядовъ. Какъ видно, по признанію священнаго характера за царской властью неизвѣстный авторъ имѣетъ предшественниковъ, каковы, на примѣръ, Григорій Катявскій и Гугонъ Флоріакскій, нѣкоторые доводы которыхъ онъ и повторяетъ, но никто не доводилъ до такихъ крайнихъ послѣдствій ученіе о царѣ-святителѣ и божьемъ помазанникѣ: „намѣстникъ Христа“ „сдѣлавшійся святымъ по благодати“, воспринятой при помазаніи, онъ представляется носителемъ тѣхъ же полномочій, какія, по убѣжденію папистовъ, принадлежали только римскому первосвященнику. Такимъ образомъ „Юрскіе трактаты“ по своему содержанію представляютъ глубокий интересъ и заслуживаютъ самаго тщательнаго изученія. Вемеръ обѣщаетъ посвятить имъ обстоятельную статью въ „Zeitschrift für Kirchengeschichte“ и, быть можетъ, познакомитъ съ неизданными въ Libelli трактатами того же автора оставшимися въ рукописи.

Дальнѣйшія „прибавленія“ представляютъ собой рядъ мелкихъ произведеній разнообразнаго содержанія. Такъ небольшой отрывокъ.

озаглавленный Дюммлеромъ „*De sepultura eorum qui falso excommunicati dicuntur non turbanda*“ (р. 688 — 690), возстаетъ противъ „яростнаго безумія“ исторгавшихъ изъ гробницъ прахъ усопшихъ, объявляя ихъ отлученными безъ всякихъ основаній, тѣмъ болѣе, что рядъ авторитетовъ отстаиваетъ покой умершихъ. „*Marbodii episcopi Redonensis opuscula aliquot*“ (р. 691—696), перепечатаны съ изданія Мабилльона безъ свѣрки съ рукописями. Марбодъ слылъ „царемъ галльскаго краснорѣчія“ и оставилъ разнообразныя сочиненія, изъ коихъ Бемеръ выбралъ два письма къ Ингильгерію, направленные противъ крайностей и произвола при преслѣдованіи женатыхъ клириковъ, къ бракамъ которыхъ авторъ относится вообще отрицательно, да стихотворное восхваленіе борьбы кардинала Милона противъ симоніи. Съ симоніей же и подкупностью Рима борется рядъ мелкихъ стихотвореній, объединенныхъ Бемеромъ подъ общимъ заглавіемъ: „*Carmina in simoniam et Romanorum avaritiam*“ (р. 697—710). Они принадлежатъ перу различныхъ авторовъ, написаны разновременно, но прекрасно обрисовываютъ прочно сложившееся мнѣніе объ алчной продажности римлянъ.— „*Hugonis Metelli opuscula*“ (р. 711—719) опять являются нѣсколько произвольнымъ выборомъ изъ многочисленныхъ произведеній уроженца г. Туля, Гугона Метелла: Бемеръ приводитъ лишь письмо въ защиту сыновей священнослужителей и стихотворенье „*Sertamen pape et regis*“, въ видѣ діалога между папой и королемъ излагающее борющіяся воззрѣнія на инвеституру, ея знаки, феодальныя отношенія церковниковъ, права и обязанности соперниковъ. Тому же вопросу объ инвеститурѣ посвящены и послѣднія полемическія произведенія, вошедшія въ составъ разсматриваемаго сборника: „*Hunaldi, carmen de anulo et baculo*“ (р. 720—722). „*De anulo, baculo gladio diademate versus*“ (р. 723 — 725) и „*De anulo et baculo versus*“ (р. 726—728). Гунальдъ, о которомъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго, писалъ незадолго до Вормесскаго соглашенія съ цѣлью побудить обѣ стороны къ примиренію, такъ какъ онѣ въ сущности борятся изъ за недоразумѣнія, легко устранимаго. Въ томъ же примирительномъ духѣ составлены и стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ „о перстнѣ, посохѣ, мечѣ и діадемѣ“ и „о посохѣ и перстнѣ“. Они проводятъ отдѣленіе областей приложенія власти свѣтской и духовной, признаютъ священный характеръ передачи посоха и кольца, а потому возстаютъ противъ назначенія епископовъ путемъ свѣтской инвеституры: „священное должно остаться за священнослужителями, король же пусть прилагаетъ заботы о дѣлахъ имперіи“. Повидимому,

эти произведенія возникли также въ началѣ XII вѣка и вводятъ насъ въ настроеніе общества передъ Вормскимъ конкордатомъ.

Таково въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ содержаніе памятниковъ, вошедшихъ въ III томъ *Libelli*. Въ краткой библиографической замѣткѣ нѣтъ никакой возможности исчерпывающимъ образомъ рассмотреть ихъ, тѣмъ болѣе что свѣжій еще неизученный матеріалъ нуждается въ годахъ усиленной совмѣстной работы изслѣдователей для всесторонней оцѣнки. Но и эти краткія указанія способны, кажется, возбудить въ историкахъ, юристахъ и богословахъ извѣстную долю интереса къ запросамъ, волновавшимъ умы отдаленныхъ вѣками поколѣній; публицистическіе трактаты имѣютъ, безспорно, огромное культурно-историческое значеніе, такъ какъ раскрываютъ полнѣе міръ идей средне-вѣковья, знакомятъ съ его приемами изслѣдованія и доказательства, свидѣтельствуютъ о кипучей умственной дѣятельности, мало по малу сбрасывающей яго преклоненія, слѣпаго и неразумнаго, передъ укorenившимися предрасудками. Самыя крайности, въ какія впадали публицисты, имѣютъ значеніе какъ яркое предостереженіе отъ увлеченій односторонними теоріями, отъ проведенія ихъ въ строгой послѣдовательности. Освѣщая лишь одинъ уголокъ культурной жизни средне-вѣковья, публицистическія произведенія, порожденныя борьбой папъ съ императорами, показываютъ, однако, что и эту пору нельзя считать царствомъ умственной спячки, косности и застоя: не съ эпохи возрожденія и реформаціи начинается духовное обновленіе западно-европейскаго міра, а съ момента пробужденія общественнаго сознанія, ясно почувствовавшаго необходимость уяснить себѣ происходящія событія и разобратъ во все расширяющіеся вопросахъ и недоумѣніяхъ. Правда, многое еще остается недостаточно изслѣдованнымъ вслѣдствіе малой доступности рукописныхъ памятниковъ и старыхъ сборниковъ, но *Libelli* хотя отчасти устраняютъ это затрудненіе и въ этомъ ихъ безспорная заслуга передъ наукой. Но эта заслуга была бы несравненно значительнѣе, еслибы редація приступила къ изданію съ заранѣе строго обдуманымъ планомъ, принимала бы во вниманіе насущныя потребности даннаго положенія дѣлъ, сосредоточила бы всѣ силы на изданіи остающихся въ рукописяхъ произведеній или напечатанныхъ съ крупными погрѣшностями. При томъ исключеніе „чисто богословскихъ трактатовъ“, невыполнимое по самой природѣ средне-вѣковыхъ памятниковъ, и составленіе извлеченій, такъ часто примѣняемое именно въ разсматриваемомъ томѣ, оказываются существенной помѣхой при изслѣдованіи, такъ какъ устраняютъ возможность ознакомленія съ воз-

зрѣніями авторовъ въ надлежащей полнотѣ и тѣмъ самымъ не позволяютъ дѣлать прочныхъ выводовъ. Основываясь на матеріалѣ, доставленномъ новымъ сборникомъ, можно написать цѣнное изысканіе по поводу отдѣльныхъ вопросовъ, но нельзя уяснить всесторонне глубочайшія основы борьбы властей и постичь отношеніе къ ней общества, такъ какъ ключъ къ полному и яркому воссозданію средневѣковой публицистики въ общемъ и цѣломъ, къ правильному пониманію ея особенностей кроется въ богословскихъ и философскихъ трактатахъ, еще ждущихъ своихъ издателей.

А. Вязигинъ.

Новый сборникъ произведеній латинской эпиграфической музы.

CARMINA SEPULCRALIA LATINA COLLEGIT *Johannes Chlodniak*. Petropoli 1897, pagg. IV+626. (Эпиграфъ: O miseros homines! vivont qui vivere nolunt, vivere qui debent, fato moriuntur acerbo. C. V, 7917).

Въ концѣ прошлаго года русская филологическая литература обогатилась солиднымъ томомъ, заглавіе котораго выписано выше.

Изъ предисловія узнаемъ, что авторъ, И. И. Холоднякъ (профессоръ Петербургскаго историко-филологическаго института), сталъ собирать матеріалы для *полнаго* сборника латинскихъ надгробныхъ надписей уже лѣтъ одиннадцать тому назадъ („non sane ut cuspis hirundo contenderem“, скромно поясняетъ онъ р. I, — „sed pro parte virili ut rei pernecessariae consulere“). Познакомившись затѣмъ во время своей заграничной командировки съ Бюхелеромъ, авторъ узналъ отъ него, что тотъ уже съ давнихъ поръ занимается собираніемъ матерьяловъ для полнаго свода всѣхъ вообще произведеній латинской эпиграфической музы; благодаря любезности боннскаго профессора авторъ имѣлъ возможность болѣе или менѣе подробно ознакомиться съ тѣмъ, что уже было сдѣлано въ данномъ отношеніи первымъ.

Неожиданная конкуренція нѣмецкаго ученаго, который — между прочимъ по своимъ связямъ съ собирателями и издателями грандіознаго *Corpus'a Inscriptionum Latinarum* — несомнѣнно, находился въ несравненно болѣе благоприятныхъ условіяхъ для исполненія задуманнаго труда, не отклонила автора отъ начатаго имъ предпріятія — по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что какъ по количеству, такъ и по содержанію латинскихъ метрическихъ надгробныхъ надписей соединеніе ихъ въ одинъ специальный сборникъ явля-

лось, по убѣжденію автора, дѣломъ весьма желательнымъ; во-вторыхъ, потому, что онъ уже давно задаясь мыслью написать исторію латинской метрической эпитафій. Къ этимъ двумъ причинамъ онъ могъ бы прибавить еще и третью—безъ всякаго нарушенія своей pietas по отношенію къ боннскому учителю: несмотря на то, что уже большая часть *Corpus'a Inscriptionum Latinarum* опубликована, сведеніе въ одинъ *corpus* и вмѣстѣ съ тѣмъ интерпретація произведеній латинской эпиграфической музы оказываются дѣломъ на столько сложнымъ и кропотливымъ, что отъ совмѣстной или параллельной работы нѣсколькихъ ученыхъ въ данномъ отношеніи дѣло это могло только выиграть. Довольно убѣдительнымъ доказательствомъ этого является, какъ увидимъ ниже, и разбираемый сборникъ.

Слѣдуетъ однако пожалѣть, что авторъ въ прямой ущербъ дѣлу и—какъ кажется, по крайней мѣрѣ, намъ,—безъ достаточнаго основанія съузиль первоначальныя рамки своего сборника или, выражаясь точнѣе, заблагоразсудилъ разбить его на три части, изъ которыхъ основною является разбираемый томъ, а остальными—два „Дополненія“, которыя авторъ намѣревается издать впослѣдствіи. Въ разбираемый томъ онъ включилъ только тѣ эпитафій, которыя уже находятся въ опубликованныхъ до сего времени томахъ *Corpus'a Inscriptionum Latinarum*, и обѣщаетъ издать первый „*Supplementum*“ (около 100 метрическихъ эпитафій, найденныхъ въ Германіи и Лугдунской, Аквитанской и Бельгійской Галліяхъ) по выходѣ въ свѣтъ XIII-го тома *Corpus'a*, а второй „*Supplementum*“ (тоже около сотни эпитафій)—нѣсколько позже. „*Aliquatenus ab incepto recessi*“, говоритъ онъ р. II, „*quod hoc volumine eos tantum titulos comprehendi qui in Corpore iam locis suis leguntur: nam etsi omnes fere qui Corporis plagulis nondum mandati per ephemeridas scriptaque epigraphica sparsi sunt circiter CC collectos ad manum habeo, maximam tamen eorum partem non qua par erat diligentia descriptos collatos castigatos esse cuius apparet nec posse sane molem illam emendandi ab uno homine a titulis ipsis procul degente suscipi, quae a centum fere in Corpore conficiendo occupatis soleat sustineri. Quorum magnum admodum numerum in syllogem suam Buecheler recepit certe operis plenitudini prospiciens: equidem id cepi consilii, ut voluminis XIII quod mox publici iuris factum iri constet carmina sepulcralia plus minus C peculiari prodeant supplemento, reliqua autem suo tempore in alterum supplementum coacta*“.

Если и вообще разныя *Supplementa*, *Addenda*, *Corrigenda* и т. д.

терпимы лишь какъ неизбежное зло, то вдвойнѣ досадны такія Supplementa, которыхъ можно было бы безъ особеннаго труда избѣжать путемъ включенія ихъ главнаго матеріала въ основной томъ,—и наконецъ втройнѣ неприятны эти послѣднія (*evitabilia*) Supplementa, если ихъ только обѣщаютъ—хотя бы въ сравнительно близкомъ будущемъ,—а не даютъ сейчасъ же. Намъ думается, что обѣщанныя авторомъ первыя Supplementa (эпитафій—изъ XIII-го тома *Corpus'a*) и большую часть вторыхъ—слѣдуетъ отнести именно къ категоріи Supplementorum *evitabilium*. Ниже мы постараемся доказать путемъ приведенія соотвѣтствующихъ справокъ изъ сборника Бюхелера, что утрачившая автора „*moles illa emendandi*“ оказывается на самомъ то дѣлѣ довольно проблематичною или, по крайней мѣрѣ, едва ли превышающею ту *moles*, которую онъ рѣшилъ поднять на свои плечи, принимая составленіе разбираемаго тома,—а теперь продолжимъ общій обзоръ содержанія этого сборника.

Послѣ нѣсколькихъ краткихъ поясненій „*de operis totius ratione*“ (р. II sq.), которыхъ мы коснемся въ своемъ мѣстѣ ниже, авторъ обѣщаетъ опубликовать „въ свое время“ почти законченное имъ собраніе метрическихъ эпитафій, извлеченныхъ имъ изъ латинскихъ авторовъ ¹⁾,—и заключаетъ предисловіе выраженіемъ невыразимой благодарности („*quantum habeam gratiae habiturusve sim plane nequeo profari*“, р. III) историко-филологическому факультету петербургскаго университета за напечатаніе этого труда и теплыми словами по адресу „*ille vir, cuius auspiciis ante hos annos XVII primum ad studia epigraphica accessi cuiusque ductu benevolo ad hanc usque horam iuvare non destiti*“. По имени этотъ *ille vir* почему то не называется.

Далѣе идутъ эпитафій, распределенныя на 15 слѣдующихъ отдѣловъ: I *Coniuges* (стр. 1), II *Parentes et liberi* (стр. 126), III *Fra- tres et sorores* (стр. 261), IV *Familia promiscua* (стр. 273), V *Familia incerta* (стр. 304), VI *Domini servi liberti* (стр. 317), VII *Amici et sodales* (стр. 341), VIII *Mausolaea et vivorum monumenta* (стр. 355), IX *Tituli narrativi* (стр. 383), X *Tituli autobiographi* (стр. 437), XI *Adloquia* (стр. 490), XII *Epitheta* (стр. 499), XIII *Vota et preces*

¹⁾ Не мѣшаетъ замѣтить, что, такъ какъ разбираемый сборникъ носитъ названіе „*Carmina sepulcralia latina*“, а не „*Carmina sepulcr. lat. epigraphica*“, то обѣщанное авторомъ собраніе метрическихъ эпитафій изъ области литературы, являясь вслѣдствіе только что указаннаго обстоятельства интегральнымъ элементомъ разбираемаго сборника, является въ то же время и *третьимъ дополненіемъ* послѣдняго.

(стр. 504), XIV Sententiae (стр. 525) и, наконецъ, XV Fragmenta (стр. 543).

Затѣмъ слѣдуютъ Addenda (стр. 554), Adnotationis auctarium (стр. 562), Adnotationis auctarium alterum (стр. 573) и указатели: Index carminum (стр. 580), Index metrorum (стр. 608), Index numerorum: numeri Corporis Inscriptionum Latinarum cum nostris collati (стр. 612) и numeri sylloges Buechelerianae cum nostris collati (стр. 620).

Слѣдуетъ пожалѣть, что къ этимъ указателямъ авторъ не присоединилъ общаго оглавленія (только что приведеннаго нами выше): такое оглавленіе могло бы отлично умѣститься на одной изъ оставшихся пустыми страницъ (IV-ая и 626-ая) и было бы пріятно въ томъ отношеніи, что не мало облегчило бы ориентировку въ книгѣ, насчитывающей болѣе шестисотъ страницъ.

Покончивъ съ общимъ обзоромъ разбираемаго труда, приступимъ къ детальному критическому изслѣдованію его содержанія, причемъ, естественно, будемъ повсюду исходить изъ сопоставленія этого сборника съ однороднымъ сборникомъ Бюхелера ¹⁾).

Свой критическій разборъ мы поведемъ въ систематическомъ порядкѣ, послѣдовательно касаясь—1) состава разбираемаго сборника, 2) распредѣленія эпиграфическаго матерьяла, 3) самого текста эпиграфій—какъ съ чисто внѣшней стороны, такъ и съ внутренней (принципы критическаго установленія текста),—и наконецъ 4) комментарія.

I. Составъ.

Относительно *состава* разбираемаго сборника авторъ—кромѣ уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ сообщеній о будущихъ „дополненіяхъ“—даетъ два слѣдующихъ указанія (въ предисловіи р. II sq.): „Qui tituli ad carminis formam vel parte saltem aliqua accedunt vel prosa oratione compositi metrico quodammodo colore fucati videntur, recepi omnes non aliam ob causam qua et Buecheler syllogae suae capitulum cui commaticis nomen est inseri maluit quam omnino omitti: sunt enim id genus multa admodum ubi metrum a pedestri sermone aegre quidem possit discerni, archetypa tamen poetica a scriptoribus esse adhibita satis constet; itaque ne omitterentur curavimus.

¹⁾ Carmina latina epigraphica conlegit *Franciscus Buecheler*, fasc. I, Lps. 1895; fasc. II, Lps. 1897 (послѣсловіе этого втораго выпуска помѣчено „idibus Nouembr. anni MDCCCIVC“).

E christianae notae titulis eos tantum admisi, qui pagana exemplaria aliquatenus imitantur quamquam plures etiam potuisse recipi infitias non eo“.

Не будемъ останавливаться на послѣднемъ недочетѣ, такъ какъ его признаетъ самъ авторъ, — только подчеркнемъ фактъ, что изъ христіанскихъ эпитафій принято въ разбираемый сборникъ *слишкомъ мало*, и что выборъ ихъ не вездѣ можетъ быть признанъ удачнымъ ¹⁾, — и ограничимся замѣчаніемъ, что несравненно лучше поступилъ Бюхелеръ, включивъ въ свой сборникъ *in extenso* всѣ ставшія ему извѣстными христіанскія эпитафіи. О томъ, что для нѣкоторыхъ изъ этихъ эпитафій разбираемый сборникъ послужилъ какъ бы прокрустовымъ ложемъ, у насъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ ниже.

Обращаясь къ вопросу о *количественномъ составѣ разбираемаго сборника*, замѣтимъ, что послѣдній содержитъ 1423 №№, изъ которыхъ 23 — если только нашъ счетъ правиленъ, — вставныхъ (875^a, 940^a, 940^b, 940^c и т. д.).

Путемъ детальнаго сличенія съ сборникомъ Бюхелера мы насчитали въ сборникѣ И. И. Холодняка около трехсотъ новыхъ эпитафій ²⁾. Подчеркиваемъ этотъ пріятный фактъ, признавая не подлежащимъ сомнѣнію, что уже само по себѣ столь значительное количество обогащеніе матерьяла является весьма краснорѣчивымъ доказательствомъ умѣстности существованія разбираемаго сборника на ряду съ бюхелеровскимъ. Правда, изъ 282 новыхъ эпитафій почти половина относится либо къ „prosa ad instar carminis“ ³⁾, либо къ имѣющимъ „metrum incertum“ ⁴⁾, или, наконецъ, къ такимъ, гдѣ „metrum evasit fortasse casu“ ⁵⁾, — то-есть въ сущности къ довольно таки сомнительнымъ „carmina“, которыхъ, быть можетъ, и намѣренно

¹⁾ Для примѣра укажемъ п. 1399 (у Бюхелера п. 786), помѣщенный въ *Ad-denda*: „elogium christianum saeculi ut videtur VII incipit a solita locutione *hic situs* (остальной текста не приводится). Этотъ № (быть можетъ, попавшій только на затычку — для округленія общей суммы 1400) мы замѣнили бы римскою эпитафіей Bueschel. 1429, о которой Бюхелеръ говоритъ: „christianum nihil video nisi vero *Bontii* nomen“ etc.

²⁾ Именно 282.

³⁾ Для примѣра укажемъ nn. 3, 43, 57, 61, 62, 73, 82, 84, 121, 171, 178, 191, 192, 194, 202, 274, 342, 356, 372, 399, 418, 485, 487, 493, 566, 568, 572, 616, 643, 647, 724, 742, 773, 774 и т. д.; ср. указатель стр. 610 и слѣд.

⁴⁾ Для примѣра укажемъ nn. 215, 224, 288, 291, 357, 426, 436 и т. д.; ср. указатель стр. 610.

⁵⁾ Ср. nn. 371, 570, 681, 768, 804^a, 1096, 1196 и т. д.

не включилъ въ свой сборникъ Бюхелеръ ¹⁾, — но и это обстоятельство ничуть не ослабляетъ вышеупомянутаго *raison d'être* новаго сборника.

Слѣдуетъ однако пожалѣть, что по случайнымъ ли недосмотрамъ автора или по какимъ другимъ причинамъ его сборникъ не можетъ претендовать на желательную полноту даже по отношенію къ тѣмъ томамъ *Cogrus'a*, которыми ояъ ограничился при составленіи разбираемаго выпуска (С. I. L. II, III, V—XI, 1, XII, XIV).

Доказать это мы можемъ двояко,—обращаясь, съ одной стороны, къ сборнику Бюхелера, съ другой—непосредственно къ *Cogrus'у*.

Въ разбираемомъ сборникѣ мы не нашли болѣе *сорока* эпитафій, которыя помѣщаются въ вышеупомянутыхъ томахъ *Cogrus'a* и включены Бюхелеромъ во *второй* выпускъ его собственнаго труда, а именно—

изъ II-го тома—пп. 1453. 1454 ²⁾. 1556. 1598.

изъ III-го—пп. 1675. 1682. 1688. 1692. 1779. 1781.

изъ V-го —пп. 1747. 1772. 1852.

изъ VI-го—пп. 1062. 1518. 1573. 1575. 1660. 1670. 1712. 1776. 1782. 1796. 1799. 1819 ³⁾).

изъ VIII-го—пп. 1615. 1616. 1679. 1680. 1722.

изъ IX-го —пп. 1517. 1691.

изъ X-го —пп. 1569. 1706. 1711. 1777 (двѣ надписи).

изъ XI, 1-го—п. 1718 и наконецъ

изъ XII-го тома—пп. 1596. 1674. 1733. 1771. 1784.

При этомъ мы принимали въ расчетъ только языческія эпитафіи. *Первую* выпуска бюхелеровскаго труда мы не сличали съ разбираемымъ сборникомъ, но и въ немъ имѣются нѣкоторыя эпитафіи, которыя заслуживали бы болѣе радушнаго гостепрѣимства И. И. Холодняка: для примѣра укажемъ примѣчаніе Бюхелера къ п. 162 (эпитафіи изъ VI-го и II-го тома *Cogrus'a*; правда, и ихъ цитуетъ г. Холоднякъ, но только „*ad sententiam*“—въ примѣчаніи къ п. 748).

Обращаясь непосредственно къ *Cogrus'у*, находимъ, на примѣръ, въ X-мъ томѣ слѣдующія *болѣе или менѣе метрическія* (тоже все языческія) эпитафіи, которыя ничѣмъ не хуже весьма и весьма многихъ, попавшихъ въ разбираемый сборникъ.

¹⁾ Ср. его замѣтку въ п. 1851; не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію и примѣчаніе къ п. 1455.

²⁾ *Четыре* надписи, а то и *пять*,—если считать и С. II 3186, упомянутую И. И. Холоднякомъ только въ примѣчаніи къ п. 1202.

³⁾ Оставляемъ въ сторонѣ пп. 1717 и 1775.

1) С. X 168 *facere* | Tymele Damallini fi[1]la[e] s[u]ae |
tu mihi d[e]bu[isti].

2) ib. 185 („ex schedis Barresianis“) Q. Dinius Veimes et Clodia Amicissime (!) mater et pater Q. Dinio Amicissimo filio carissimo, q(ui) vixit annos XI menses X.

[haud] sero q[ui]evit].

Haud вставили мы; вмѣсто *quievit* можно, напримѣръ, и *quiesti*; ad sententiam ср., напримѣръ, Ovid. *Met.* 10,33 *serius aut citius sedem propegamus ad unam*. Мыслимы, конечно, и совершенно другія возстановленія, какъ, напримѣръ

[meritum honorem], sero q[uam]vis, reddimus],

ср. Chol. 516,4 *meritumque honorem, sero quamvis, reddidit*, — или (превращая Q въ D)

[parentibus] sero [datus],

ср. Chol. 468,1 sqq. *Di manes, manes sitis: iam morte misellis Prae-propera senibus sero datum rapitis. Hic etenim puer etc.*, — или (превращая Q въ O)

[maesti m]sero [posuere],

ср. Chol. 850,4 *supremum munus misero posuere sodales*, и т. д.

3) ib. 193 *Bigilia fecit, quo[d] debuit filius*, ср. Chol. 812,2. 572. 521. 522. 529. 453. 1380.

4) ib. 246 *quod filius matri debuit facere;*
mater fecit filio.

5) ib. 257 *mater filio,*
quod fil(ius) matri facere debuit.

6) ib. 484 *pater filio,*
quod filius patri facere debuerat.

7) ib. 747 *bonus patronus Pistidi l(ibertae) suae suisq(ue) omnib(us) et quibus Neronia lite(m) dederunt* et M. Sittio Sp. f. Onomasto.

8) ib. 1.089 *Hic est posita Allta Blesilla rari exempli femina, quae vixit annis XXVI, m(ens) duo, d(ies) XII. Dulcissime (!) coniugi fecit.*

Ср., напримѣръ, Chol. 109 *Superam uxorem, rari exempli feminam; 682, B, 3 et tu, Valeria, rari exempli femina; 213,2, а также 10,7 has tibi fundo dolens lachrimas, carissime coniunx; 46,6 coniugi[us] hic ille tacet castissime (!) fame; 355,2 и т. д.*

9) ib. 1167 *quod miserrimum est, mater fecit.*

10) ib. 1268 *quod filius patri facere debuit,*
pater fecit filio.

11) ib. 1517 *Have, Vettia Sabina!—Bene valeas, quisquis es!*

Ср. Buech. 65 bene baleas, quisquis es, qui me salutas; Chol. 1.287,2 „Primitiva, have“ et tu, quisquis es, vale! 371. 1245. 35,9.

12) ib. 1909 vs. 1 *Admetis*, [*have et* ¹⁾ *vale*].

vs. 4—6 *hae[c nul]la[e] feminae reliquit [lo]cum, quo illam praecederet.*

vs. 15—17 *talem titulum si vere sola Admetis habebit, vale, sanctissima, et bene quiesce.*

Ср. Chol. 1270 tu qui legis, have et vale; 1192,2 sq. sei quicquam sapiunt infori, Ut ossa eius, quae hic sita sunt, bene quiescant; по поводу остального можно сопоставить примѣчанія къ Chol. 73.82 и т. п.

13) ib. 1962 L. Faenius L. l. Alexander thurarius Puteolanus, *vir optumus vixit bene.*

Ср. Chol. 64,1 Iulia Erotis femina optima hic sitast; 1189,1 M. Artorius M. l. Auctus, homo optumus, hic concidit; 1371 cum quod (!) vixit bene; 1011 vixit honeste.

14) ib. 1993 D. M. M. Acili Proculi filii optimi
inferna coluntur.

15) ib. 2070 Antipatra dulcis tua *hic so et non so* ¹⁾.

16) ib. 2333 L. Cornelius L. f. Sab. Rusticus pater filio, *quod miserrimu (!) est.*

17) ib. 2377 D. M. Doto, vixit ann. XXVII, *parvulo superstite filio Aridelus, coniugi rari exempli feminae ben(e) mer(enti).*

Ср. выше п. 8, а также Chol. 667, 10 coniux cara mea relicta cum parvulo filio.

18) ib. 2610 *virgo deceptrix, vale!*

19) ib. 2641 Labeo Thyrsos:

Rogo te, expedi mi hospitium, nam quod hic ad superos mi dedisti, eiectus sum.

Thyrsus Labeoni:

Veni: omnia parata sunt ad me.

„Cf. notum Labeonis Thyrsique colloquium, X, 2641“, говорят г. Холоднякъ въ примѣчаніи къ п. 144, 3 (praecesti hospitium dulce parare tuis), — но въ свой сборникъ онъ не включилъ этой надписи, вѣроятно, не замѣтивъ, какъ и Бухелеръ и другіе, несомнѣнно метрической ея оболочки.

20) ib. 2780 *it (!) quod miserrimum est, mater fecit filiae.*

¹⁾ Это et вставили мы.

21) ib. 2875 Q. Pomp. Petronian.

*sei fieri potuisset,
aeternam incolumit(atem) Musae donassent.*

22) ib. 2956 *dulcissimae et carissimae*

*coniugi bonae piae fideli in me et in natos suos.
sid (!) tibi terra levis!*

cp. Chol. 681 sanctissimae et piissimae Vivi fec(erunt) et suis.

23) ib. 3003 D. M. Tertio fratri soror benemerenti fecit; vixit annis plus minus XXXI

orco peregrino.

24) ib. 3010 *vixit usque quo potuit.*

cp. Chol. 496 vixit annis quod potuit; 638 vixi, quad (!) potui, semper bene, pauper honeste.

25) ib. 3030 Turrania Anna

*annos meos mecum tuli sine dolore.
rogo vos, superi, ni (!) me contumelietis.*

Ср. Chol. 984, 1 [bis] denos vita [sine crimine] pertulit [annos]; 488, 3 subito ra[pt]us sine crimine si[ne] dolore; 1238, 2 rogo per superos, qui estis, ossa mea tueatis.

26) ib. 3116

castae pudicae domine (!) coniugi incomparabili.

Ср. Chol. 236 casta pudica pudens coluge cara suo; 52. 189. 1378; 894, 3 sq, et coniugi suae Rarissime (!) et in[c]omparabile (!).

27) ib. 3258 [*have e]t vale, mater!*

28) ib. 3720 Dis Manib. Cossinae Asies [C]ossinius Hesperus maior, vir eius,

cum quo vixit ab virginitate sua ad finem vitae suae.

29) ib. 3868

virtute sapientia ingenioque pollenti.

Если не хотим ограничиться одной clausula hexametri, то ученикъ Бюхелера, шествуя по стопамъ учителя ¹⁾, безъ особеннаго труда могъ бы причислить вышеприведенную фразу къ сатурніямъ, прибавляя въ примѣчаніи: „archetypus: *pollens*“ и, пожалуй, сопоставляя, напримѣръ, Chol. 943, 1.

30) ib. 3952 *fecit memoriae mortis suae.*

Ср. выше п. 28, а также, напримѣръ, Chol. 875а.

¹⁾ Ср. напримѣръ, Виеch. 15

31) ib. 4014 *Anthus Svetti vixit annos (quindecim) frugi pudens.*
 Ср. Chol. 1381, 2 *vixit mensib(us) octo* ¹⁾.

32) ib. 4022

*linque iam, Pi[r]re marite,
 lacrimas, quoniam me tibi tullit (1) genesis iniqua
 et p(ost) m(ortem) nihil.*

Pi[r]re, то-есть, *Pyrrhe*,—наша конъектура вмѣсто PIF|RE, стоящаго на камнѣ; Моммзень предложилъ читать *Pi[e]re*; менѣе вѣроятно было бы чтеніе *P[et]re*; совсѣмъ неудачнымъ намъ кажется исправленіе, предложенное Борманомъ: *[fle]re*. Ср. Chol. 397, 2 *desine iam, mater, lacrimis renovare querellas*; 340, 7 *desine iam de me, dulcis [mater mea], flere*; 435, 9 и т. п.; затѣмъ Chol. 23, 5 *invida fatorum genesis mihi sustulit illam*; 1291, 3 *ulterius nihil est morte neque utilius*, и наконецъ, 791, 12 sqq. *sed tu, adulescens, quem Phry[g]ia edidit tellus, Desiste lamentis me exiere: Namque tua officia grata mihi in luce fuerunt, Et nunc demum ad cinerem* ²⁾.

33) ib. 4053

rogo te, viator, ni (!) nocias (!) meo [monumento]

ср. Chol. 1273 *rogo te, mi viator, noli mi nocere* — надпись изъ того же тома *Corpus'a* (С. X 4352),—а также Chol. 950, 3 *rogo te, viator, monumento huic nil male feceris*.

34) ib. 4132 vs. 4—6 *uxori i[n]nocentis]simae et obsequent[issimae, cu]m qua vixi annis VI sine u[lla querella], in qua nec unum crimen c[onsistere] potuit, quam optima aut piissima....*

„Архетипъ“: *nullum crimen consistere posset*.

Ibid. vs. 9—12 *filiae o[ptimae], quae me post obitorem tum[ulare] et ad] finem mortis sequi volu[isset, nisi fata] obstitissent in[pla]?*

„Архетипъ“: *post obitum*; ср. Chol. 73 (и примѣчаніе); 680, 4. 745, 3. 1138, 7 и т. д.

35) ib. 4167 *vixit annos XXII*

amans domini, opsequens amicis.

¹⁾ „Propter numerum exscriptum metri particulam puto“, говоритъ г. Холоднякъ въ примѣчаніи,—но ср. напримѣръ, Chol. 1322, 2.

²⁾ Толкованіе послѣдняго стиха, предложенное Бюхелеромъ („et nunc gratissima sunt mortuae“), которому слѣдуетъ и г. Холоднякъ („supple *grata* sunt“), намъ кажется не совсѣмъ правильнымъ. Составляя конецъ вышеприведенной эпитафій *et post mortem nihil*, мы предложили бы понимать разбираемую фразу слѣдующимъ образомъ: *et (= sed) nunc demum ad cinerem (scil. qui nihil sentit, lamentaris)*; ср. также Chol. 1229, 3 *aut nil doleto: nil mali est, ubi nil est*; 600, 5 *desine iam flere: poenam non sentio mortis*.

Ср. Chol. 265, 2 fui parens domineis senibus, huic autem ope-
quens; 957 iucunda suels, gratissima amiceis, omnibus officiosa fuit;
959, 4; 809, 3 и т. д. Кромѣ того желающіе могутъ возстановить
„архетипъ“: vixit bis *denos* annos...

36) ib. 4327 *Salviae Novi*

frugi castae probae pudentis

os(sa) s(ita) h(ic) s(unt).

ср. Chol. 756 probus pudens amans parentis.

37) ib. 4787

cuius dolorem accepi aliut (!) nullum nisi mortis eius

ср. Chol. 37 и Buech. 162.

38) ib. 4923 *Agresti vita felix fuit.*

Дополняя два слова, получимъ сносный гексаметръ:

agresti vita felix fuit [ille quieta].

39) ib. 5018 C. *Vivi(us) P. f. Ter.*

Iustae concubinae [et] hospitae

iusta fecit.

40) ib. 5252 D. M. T. *Iu[l(ius)] Zoticus; Faustus f(ilius) p(osuit).*

Qui vivus [sa]epem (!) monuit.

„Descrpsi; sed lectio parum certa est“, замѣчаетъ Моммзенъ. Въ
виду этого, быть можетъ, мыслимо слѣдующее чтеніе:

Qui vivus [sa]epe m[e] monuit.

41) ib. 5589 *laboribus tuis curarum (!) par(entes) tui titulum tibi facere.*

Желающій можетъ сдѣлать эту фразу метричнѣе, читая напримѣръ:

[pro] laboribus

tuis par(entes) curaru[nt] tui

titulum tibi facere.

42) ib. 6720 L. *Fabius Octavianus (!)*

.in agellulis meis secessi.

ср. Chol. 1322.

43) ib. 7149 *Memoria Dominici Macedontis.*

lege et recede!

[a]mici, nolite tristare (!), quia [o]mnes morituri sumus.

ср. Chol. 1257 le[ge] et recede; 1253, 1 lege et crede; 868, 16 homo,
violare noli, si te moriturum putas.

44) ib. 8189

quod ego isperabi, ut tu mih(i) faceres, b(ene) m(erenti) f(eci).

Ср. Chol. 661, 4 aego mi aps te speraba, nunc tibi feci; 326, 9
optaver(am) tumul(um) tu mihi ut faceres.

45) ib. 8402 D. M. mat(er) pientissima

non merues scelus

fec(it) filio suo carissimo Iulio Marco.

„Debuit esse *non merens scelus*“ замѣчаетъ Моммзенъ ad tit., тогда какъ въ указателѣ (р. 1186 col. 1) цитуетъ *non merue(n)s scelus*; намъ кажется болѣе вѣроятнымъ признать, это MERVES просто опиской рѣзчика вмѣсто MERENS. Желаящій можетъ расширить стихъ, включая въ него и два предшествующихъ слова:

mater pientissima non mer[en]s scelus,

причемъ второе слово придется скандовать четырехсложно (pientissima).

Къ вышеприведеннымъ эпитафіямъ можно присоединить еще слѣдующія:

46) ib. 31 (надпись сохранилась только рукописнымъ путемъ)

Maria Velania.....

floruit non.....

Ср. Chol. 1370. 1057.

47) ib. 1154 C. Lucius C. l. Bithus Mercurialis vivo Velleiae
O. l. Philuminae.

quid ad te?

Ср. Chol. 1165, 4 curiose, quit (!) at (!) te?

48) ib. 1951 *hoc est amasse.*

49) ib. 4885 Munatiae L f. Caedian(ae) uxori,

incognitae castitatis feminae.

Ср. выше п. 8, а также Chol. 228. 183.

50) ib. 7143 D. M. Anni Anthimi.

homo optume, have!—have et tu!

Ср. Chol. 505. 504. 1245. 128, 5.

Всѣ эти надписи мы нашли *при помощи указателя* („Notabilia varia“), причемъ ограничивались только языческими эпитафіями и пропускали мелочи—въ родѣ наприимѣръ С. X 388 (ихор?) *bona proba frugei, salve* (ср. Chol. 505, 2. 1245, 2), или С. X 2906 *fili, vale* (ср. Chol. 128, 4 *dulcis, vale*). Присоединяя къ этимъ пять бюхелеровскихъ, отмѣченныхъ нами выше (стр. 387), получимъ довольно круглую цифру (55)—желательныхъ дополненій разбираемаго сборника изъ (взятаго нами на удачу) X-го тома Corpus'a.

Правда, врядъ ли можно рассчитывать на столь же богатую жатву дополненій съ каждаго изъ остальныхъ десяти томовъ Corpus'a (II. III. V—IX. XI, 1. XII. XIV), доставившихъ матерьялы для разби-

раемаго сборника,—но все же въ общей сложности можно смѣло расчитывать, по крайней мѣрѣ, на три сотни дополненій.

Теперь перейдемъ къ другому вопросу.

Выше мы выразили сожалѣніе, что авторъ смалодушествовалъ предъ „*moles illa emendandi*“, которая, по его убѣжденію, предстояла бы ему въ случаѣ включенія въ разбираемый сборникъ эпитафій, еще не вошедшихъ въ *Corpus*,—и тамъ же мы обѣщали попытаться доказать большую или меньшую призрачность этой „*moles*“.

Прежде чѣмъ представить эти доказательства считаемъ не лишнимъ посвятить нѣсколько строкъ принципиальному обсужденію вопроса, имѣлъ ли авторъ (нравственное) право уклониться отъ подъятія на свои рамена упомянутой „*moles*“—даже въ случаѣ реального существованія послѣдней.

На этотъ вопросъ мы не колеблемся отвѣтить *отрицательно*. Иное дѣло, если бы г. Холоднякъ являлся однимъ изъ тѣхъ странныхъ рыцарей безъ страха (но не безъ упрека), какіе, *не обладая даже умънъемъ читать надписи*, тѣмъ не менѣе считаютъ себя въ полномъ правѣ совершать наѣзды въ область эпиграфики и съ безшабашною удалью людей, которымъ рѣшительно нечего терять (въ данной области), учиняють „эмендаціи“ направо и налево. Будь г. Холоднякъ однимъ изъ такихъ „эпиграфистовъ“ *sui generis*, тогда, конечно, нельзя было бы не привѣтствовать его уклоненія отъ пресловутой „*moles illa emendandi*“. Но въ лицѣ автора разбираемаго сборника русская филологическая наука обладаетъ опытнымъ эпиграфистомъ, прошедшимъ серьезную школу въ Россіи и за границей,—а потому и не находитъ себѣ оправданія его уклоненіе отъ нравственной обязанности всякаго эпиграфиста *pro parte virili* облегчать гигантскую работу собирателей и издателей *Corpus'a*, не отступая ни предъ какой „*moles emendandi*“.

Это малодушіе или излишняя скромность автора рисуется въ еще болѣе странномъ свѣтѣ, если принять къ свѣдѣнію всю *проблематичность пресловутой „moles illa emendandi“* въ данномъ случаѣ.

Припомнимъ сначала, что говоритъ авторъ въ предисловіи (р. II): „*etsi omnes fere qui Corporis plagulis nondum maadati per ephemeridas scriptaque epigraphica sparsi sunt circiter CC collectos ad manum habeo, maximam tamen eorum partem non qua par erat diligentia descriptos collatos castigatos esse cuivis apparet nec posse sane molem illam emendandi ab uno homine a titulis ipsis procul degente suscipi quae a centum fere in Corpore conficiendo occupatis soleat sustineri.*

*Quorum magnam admodum numerum in syllogen suam Buecheler recepit certe operis plenitudini prospiciens*¹⁾.

Провѣримъ теперь на сборникѣ Бюхелера правильность фразы, отмѣченной первымъ курсивомъ, причѣмъ будемъ принимать въ соображеніе *только языческія* эпитафій.

Въ результатѣ детальной провѣрки оказывается, что изъ разсѣянныхъ по разнымъ другимъ сочиненіямъ и періодическимъ изданіямъ эпитафій, включенныхъ Бюхелеромъ въ его сборникъ, но еще ждущихъ себѣ мѣстечка въ *Corpus*'ѣ, *совсѣмъ не подходятъ* подѣ замѣчаніе г. Холодняка, отмѣченное первымъ курсивомъ, слѣдующія: пп. 52. 72. 107. 117. 124. 125. 149. 170. 183. 194 (двѣ). 198. 207. 216. 219. 226. 373. 374. 379. 386. 392. 397. 402. 407. 424. 429. 434. 439. 444. 446. 455. 474. 479. 481. 486. 518. 520. 544. 547. 602. 612. 614. 618. 621. 624. 631. 645. 646. 654. 803. 825. 827. 828. 841. 848. 857. 877. 922. 967. 993. 1005. 1006. 1007. 1010. 1088. 1100. 1102. 1116. 1169. 1178. 1182. 1200. 1226. 1243. 1245. 1249. 1251. 1264. 1268. 1272. 1278. 1290. 1314. 1321. 1323. 1326. 1331. 1339. 1463. 1473. 1512. 1539. 1542. 1548. 1563. 1590. 1593. 1594. 1597. 1599. 1648. 1654. 1687. 1696. 1698. 1708. 1719. 1735. 1770. 1778. 1780. 1787. 1814. 1827. 1828. 1829. 1832. 1833. 1834, всего *сто девятнадцать (119)* эпитафій, по большей части опирающихся на надежныя копіи (Гюльзена, Бормана, Барнабеи, Гатти, Юг. Шмидта, Брамбаха, Генцена, Паиса и др.) и уже опубликованныхъ въ такихъ солидныхъ изданіяхъ, какъ *Ephemeris epigraphica*, *Notizie degli scavi*, *Revue épigraphique*, *Archäol.-epigr. Mittheilungen*, *Bullettino* и *Annali dell' Istituto di corrisp. archeologica*, *Corporis Inscr. Latinarum supplementa Italica*, *Inscriptiones Sassinates* Бормана, *Inscriptions de Lyon* Буасьё, *Corpus inscr. Rhenanarum* Брамбаха и т. п.,—не говоря уже о сборникѣ самого Бюхелера.

Затѣмъ пп. 65. 104. 105. 154. 162. 192. 201 (двѣ). 400. 416. 534. 986. 1098. 1152. 1167. 1198. 1252. 1277. 1294. 1302. 1306. 1458. 1545. 1813. 1822,—*двадцать пять (25)* эпитафій²⁾—извѣстны до сихъ поръ лишь изъ старинныхъ сборниковъ, какъ напримѣръ Грутера, Фабретти, Маффеи, Муратори, Гори и другихъ, и слѣдовательно не имѣютъ за собою такихъ авторитетовъ, какіе были упомя-

¹⁾ Оба курсива—наши.

²⁾ Эта цифра ниже дѣйствительной, такъ какъ подѣ вторую рубрику могутъ подойти еще нѣсколько надписей, которыя Бюхелеръ цитуетъ по С. XI, 2.

нуты выше ¹⁾, но и ихъ нельзя огульно аттестовать, какъ „(titulos) non qua par erat diligentia descriptos collatos castigatos“, и ужъ во всякомъ случаѣ „moles illa emendandi“ по отношенію къ нимъ оказывается не Богъ вѣсть каковъ.

Въ итогѣ получаемъ 144 языческихъ эпитафій, — то-есть, очевидно, тотъ самый „magnum admodum numerum“, о которомъ говорить въ предисловіи г. Холоднякъ; но эти эпитафій не подходятъ подъ его квалификацію ²⁾—и слѣдовательно могли бы быть приняты въ разбираемый сборникъ безъ особенныхъ затратъ умственной энергіи на исправленіе текста.

Независимо отъ всего вышеуказаннаго не стоило откладывать этихъ надписей до опубликованія остальныхъ томовъ *Corpus'a* еще и потому; что, попавъ въ Бюхелеровскій сборникъ, онѣ уже ео ipso прошли чрезъ главное горнило эпиграфической премудрости (по отдѣлу *carmina*) на грандіозной фабрикѣ *Corpus'a*, и врядъ ли много новаго дастъ по этой части въ ожидаемыхъ XI, 2 и XIII-омъ томахъ *bonnensis Meister*. Остается добавить, что по справкамъ, наведеннымъ нами (чрезъ любезное посредство М. И. Ростовцева) въ римскомъ отдѣленіи германскаго археологическаго института, выходъ въ свѣтъ XIII-го тома *Corpus'a* ожидается еще не такъ то скоро („шох“), какъ это полагаетъ г. Холоднякъ ³⁾.

II. Распредѣленіе матеріала.

Выше, при общемъ обзорѣни содержанія разбираемаго сборника, мы уже сообщили читателю, подъ какими рубриками распредѣленъ въ немъ матеріалъ. Здѣсь остается лишь замѣтить, что въ предѣлахъ отдѣльныхъ рубрикъ эпитафій приводятся въ географическомъ порядкѣ, по мѣстамъ нахождения соотвѣтствующихъ надписей, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ изъ одной и той же мѣстности или общины имѣется по нѣскольку эпитафій, послѣднія—по мѣрѣ возможности — размѣщаются въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ сборникѣ Бюхелера, какъ извѣстно, произведенія эпиграфической музы распредѣлены по метрамъ (*saturni, iambi, trochaei, hexametri* и т. д.), а въ каждой изъ отдѣльныхъ главъ эти надписи раз-

¹⁾ Надписи со скрѣпой Смета („vidit“ или „descripsit Smetius“) — какъ на примѣръ нп. 198. 386. 397—мы, натурально, отнесли къ первой рубрикѣ.

²⁾ См. первый курсивъ въ вышеприведенной выпискѣ изъ предисловія.

³⁾ Ср. предисловіе стр. II.

мѣщены по характеру содержанія (посвященія, надгробія и т. д.), наконецъ въ рамкахъ этихъ послѣднихъ подраздѣленій сопоставляются въ спеціальныя группы надписи болѣе или менѣе тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ или однородностью сюжетовъ, внѣшней формы и т. д., причемъ соблюдается въ большинствѣ случаевъ и хронологическій порядокъ, а христіанскія надписи выдѣляются въ особыя группы. Въ общемъ система распредѣленія матеріала въ сборникѣ Бюхелера отличается болѣею сложностью ¹⁾ и, особенно на первыхъ порахъ, бываетъ не такъ то легко ориентироваться въ этомъ сборникѣ.

Обѣ системы имѣютъ, конечно, свои достоинства, но въ то же время отличаются и спеціальными недостатками. Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе тѣхъ и другихъ, замѣтимъ, что распредѣленіе по метрамъ съ успѣхомъ можетъ быть замѣнено спеціальнымъ index metrorum, — какъ это и сдѣлалъ авторъ разбираемаго сборника. Что же касается неудобствъ системы, принятой самимъ г. Холоднякомъ, то изъ нихъ позволимъ себѣ отмѣтить очевидную искусственность размѣщенія довольно значительнаго количества эпитафій подъ вышеуказанными рубриками, что въ большинствѣ случаевъ обусловливается случайностью критеріевъ, лежащихъ въ основѣ принятой имъ классификаціи.

Такъ напримѣръ, одна и та же эпитафія

dic, rogo, qui transis: „sit tibi terra levis!“

фигурируетъ и въ первой главѣ („Coniuges“) — п. 6 ²⁾, и во второй („Parentes et liberi“) — п. 299 ³⁾, и въ тринадцатой („Vota et preces“) — 1202 (te rogo, praeteriens dicas: sit tibi terra levis!) и др. — и все это почему? — да потому, что п. 6 заключаетъ собою надпись, поставленную мужемъ *uxori* *pietissimae*, п. 299 поставленъ родителями *filio* *pietissimo*, а п. 1202 предпосылаетъ вышеприведенному стиху только: *C. Camerius Claranus mensum XI h(ic) s(itus) e(st)*, — безъ упоминанія, кто именно похоронилъ этого младенца.

Другой примѣръ. Въ п. 303 читается:

*Didia T. l. Salvia mater in meo dolore
in hoc sepulcro <viva> nomen inscripsi meum:
haec est domus (aeterna) cum meis (mihi).*

¹⁾ Не слѣдуетъ впрочемъ упускать изъ виду, что въ этотъ сборникъ включены не одиѣ только эпитафіи, но и всякія другія произведенія латинской эпиграфической музыки.

²⁾ Ср. вариантъ, п. 3: *dic qui legis: sit tibi terra levis!*

³⁾ Ср. вариантъ, п. 302: *te rogo, praeteriens, dicas: sit tibi terra levis!*

Метрическая эпитафія выражаетъ мысли общаго характера, — но слово *mater* заставляетъ г. Холодняка помѣстить эту надпись подъ второй рубрикой: „Parentes et liberi“.

Третій примѣръ. Въ п. 424 читаемъ:

dis manibus istis
Geminiae Caumae C. Billienus Fructus
ossibus ossa dedit
coniugi perpetuae; quos aetas iunxerat olim,
nunc mortis iuncti facent, qui vixerunt una
annis continuis LII sine lite molesta.

filius hunc tumulum posu(it) plen(us) pietate parentu(m).

Почему эта надпись относится ко второй рубрикѣ, къ которой ее приурочилъ г. Холоднякъ, а не къ первой („Coniuges“), — для насъ не совсѣмъ понятно.

Равнымъ образомъ п. 396:

d. m.

Ti. Claudius Esquilina, Aug. [I.], Tiberinus
hic situs est. fecit Tampia Hygia mater filio plentissimo
tu, quicumque mei veherts prope limina busti,
supprime festinum, quaeso, viator, iter:
perlege! sic numquam doleas pro funere acerbo!
invenies titulo nomina fixa meo.
Roma mihi patria est, media de plebe parentes;
vita fuit nullis tunc violata malis.
gratus eram populo quondam notusque favore,

и проч.

— по содержанию своему, очевидно, гораздо болѣе подходитъ къ десятой рубрикѣ („Tituli autobiographi“) ¹⁾ или же къ девятой („Tituli paggativi“), нежели ко второй, гдѣ помѣщаетъ его г. Холоднякъ подъ давленіемъ помѣтки: Tampia Hygia *mater filio*.

Аналогичныхъ примѣровъ можно привести не мало, но, полагаемъ, достаточно только что указанныхъ для того, чтобы понять нѣкоторую нецѣлесообразность классификаціи принятой авторомъ разбираемаго сборника. Правда, и бюхлеровская классификація не лишена того же недостатка, такъ какъ попадаются надписи съ неопредѣленною метрическою оболочкой — не то это сатурній, не то ямбическій

¹⁾ Ср. для примѣра п. 1108 Tibur mihi patria, и проч.,—или п. 1130.

сенарій, а то такъ и *versus quadratus* можно выкроить, — но этому то горю можно хотъ помочь путемъ выдѣленія соответствующихъ надписей въ особую главу „*metrum incertum*“, тогда какъ для исправленія классификаціи, принятой г. Холоднякомъ, подобной панацеи, пожалуй, не съищешь ¹⁾).

На мѣстѣ гг. Холодняка и Бюхелера мы приняли бы нѣсколько иное распредѣленіе эпиграфическаго матеріала, — какъ кажется, менѣе сложное и вообще болѣе удобное, чѣмъ ихъ собственныя. Мы раздѣлили бы произведенія эпиграфической музы всего только на *три* отдѣла, а именно:

1. Carmina.
2. Carminum fragmenta.
3. Commatica.

Содержаніе послѣдняго отдѣла, конечно, не нуждается въ спеціальныхъ разъясненіяхъ; что же касается двухъ остальныхъ, то къ первому отдѣлу мы отнесли бы кромѣ стихотвореній, сохранившихся цѣликомъ, еще и такія изъ пострадавшихъ отъ времени или людей, которыя несмотря на большую или меньшую фрагментарность дають возможность читателю возстановить ихъ содержаніе на основаніи самой уцѣлѣвшей части *безъ всякой посторонней помощи*. Во второмъ отдѣлѣ мы помѣстили бы тѣ carmina, отъ которыхъ уцѣлѣло слишкомъ мало для того, чтобы можно было возстановить ихъ съ полною увѣренностью. что возстановляешь подлинную мысль поэта или quasi-поэта, а не преподносишь читателю плоды собственного вдохновенія.

Въ каждомъ изъ вышеупомянутыхъ трехъ отдѣловъ матеріалъ мы расположили бы въ географическомъ порядкѣ, — то-есть такъ же, какъ это сдѣлано и въ разбираемомъ сборникѣ, но только кромѣ надписей изъ Согрис'а мы включили бы въ свой сборникъ и всѣ тѣ, которыя разсѣяны по всѣмъ другимъ эпиграфическимъ собраніямъ и періодическимъ изданіямъ. Соответствующіе указатели (метровъ и сюжетовъ), конечно, съ успѣхомъ замѣнили бы классификаціи, принятыя въ сборникахъ гг. Холодняка и Бюхелера.

Выше мы не безъ намѣренія затронули вопросъ объ отрывкахъ. Дѣло въ томъ, что и по отношенію къ этимъ послѣднимъ разбираемый сборникъ нельзя признать вполне безупречнымъ ²⁾).

¹⁾ Рубрики въ родѣ „*Familia promiscua*“, конечно, не могутъ претендовать на роль такой панацеи.

²⁾ Грѣшить въ этомъ отношеніи и Бюхелеръ, но менѣе г. Холодняка.

Въ немъ есть специальная рубрика „Fragmenta“ (стр. 543—553), но фрагментовъ эта глава заключаетъ въ себѣ немного (всего 37), большая же часть ихъ разсѣяна по 14 предшествующимъ главамъ, тогда какъ лучше было бы собрать ихъ во-едино. Чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о количествѣ такихъ фрагментовъ, укажемъ, что изъ одной только первой главы („Coniuges“) пришлось бы переселить въ XV-ую („Fragmenta“) не менѣе 22 эпитафій¹⁾.

Одни изъ этихъ фрагментовъ приводятся, такъ сказать, *au naturel*,—какъ, напримѣръ, п. 13:

ortus in alta Ephyra

или п. 160:os mihei es

.....e fundere ia[m]

.....es de me iam

другіе—въ замаскированномъ дополненіи видѣ, какъ, напримѣръ, п. 5:

.....L. O. l. Optata, *dulci[ssima] coniunx*,
[cuius relliquiae placide in tumulo hoc re]quiescunt²⁾,

или, напримѣръ, п. 30: [d] m

[siste gradum, tumulum cernis quicumq]ue viator:

[hic iaceo] *tui* [carissima coni]ux.

[casta, pudica fui, perstans in amor]e *m[ari]ti*,

[qui caruit vita, quom care]t [hac ani]ma.

Слѣдуетъ впрочемъ оговориться по поводу нецѣлесообразности размѣщенія фрагментовъ въ разбираемомъ сборникѣ: вина въ данномъ случаѣ падаетъ не на самого автора непосредственно, а на избранный имъ критерій классификаціи, на нецѣлесообразность и искусственность котораго мы уже указали выше. Такъ, помѣстить въ первой главѣ („Coniuges“) п. 13 заставило г. Холодняка то — въ сущности случайное — обстоятельство, что надпись эту поставила *supra* покойнаго³⁾; поставь ее отецъ или мать или дѣти, фигури-

¹⁾ Надписей въ родѣ п. 116. 118. 134. 238. 240. 296 мы не принимали въ расчетъ, хотя и ихъ не мѣшало бы помѣстить въ XV-ой главѣ (ср. особенно п. 240).

²⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что эта эпитафія пропущена въ *index carminum*.

³⁾ „Calocsaego gubern[atori] | Nic[e] car[i]s(sima) coniunx po(suit) | etc.“ приводитъ изъ первой части надписи г. Холоднякъ, замѣчая: „NICARVS traditur; emendavi“. Съ этой эмендаціей мы не согласны: *carissima coniunx* въ данномъ случаѣ неумѣстно,—ожидали бы *carissimo coniugi*. Равнымъ образомъ несогласны мы и съ Бюхлеромъ, который аттестуетъ прозаическую часть этой эпитафій

ровала бы она во второй главѣ; поставь сестра или братъ, пришлось бы ей перейти въ третью главу, и т. д. Равнымъ образомъ п. 160 помѣщенъ въ первой же главѣ потому, что, какъ гласить примѣчаніе, „maritus uxori posuisse videtur“¹⁾.

III. Текстъ эпитафій.

Обращаясь сперва къ чисто внѣшней сторонѣ, мы должны отмѣтить, что въ данномъ отношеніи сборникъ г. Холодняка въ очень многихъ мѣстахъ существенно отличается отъ Бюхелероваго.

Въ то время какъ Бюхелеръ—за крайне рѣдкими исключеніями²⁾—выдѣляетъ *carmina* изъ прозаическаго контекста надписей, приводя послѣдній въ примѣчаніяхъ, г. Холоднякъ вездѣ, гдѣ только уцѣлѣлъ прозаическій контекстъ, соединяетъ его въ одно цѣлое съ метрическою частью надписи (въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не выдѣляя этой метрической части въ особыя строки: ср. пп. 43. 62. 109. 288).

Такимъ образомъ одна и та же эпитафія (С. X 4728) у Бюхелера (п. 813) цитруется въ слѣдующемъ видѣ:

quem non virtutis egentem

abstulit a luce atra dies et funere mersit acervo.

praecedit d. M. M. Cocceio Nepoti Cocceia Celerina mater filio rarissimi exempli pietatis erga se fecit, qui hospitio lucis fruius est annis XXXVIII m. IIII, quem eqs.,

какъ „titulus admodum corruptus“ (Buech. 408). Надпись эта (С. III 615, „Cyrilius servavit“) не представляетъ особенныхъ трудностей: Calocaeo GVBERNI | NICARVS coniunx po(suit), | Valerius Secundus, | Cassia Eurudica memoriae | amici prodendae | impens(am) omnem de suo | tribuerunt. По мнѣнію Моммзена, „lacunae videntur celari versuum divisione neglecta, unde 2 scr. POSUIT, 3 fin. ins. ET. 5 fin. CAUSA“, но ни одного изъ этихъ дополненій нельзя признать настоятельно необходимымъ. „Principio“, продолжаетъ онъ, „num gubernator intellegendus sit an GVBERNI nomen sit domini, NICARVS uxoris corruptum utrumque, non definitio“. Мы предложили бы читать Calocaeo G. V[*s*]be[*n*]ni Nicar[*s*]s[*t*e], ср. Chol. 652,2 Palinuro L. Aroni и проч. О Кóберис (ср. *Pape-Benseler* s. v.), какъ имени отца Калокэра, и Nicaris (= *Nixaris) врядъ ли стоитъ думать, какъ и о Calocaeo gubern|AT(ori) Icar[*s*]s и проч.

¹⁾ Замѣчаніе это ничѣмъ не мотивировано и врядъ ли находить себѣ точку опоры въ уцѣлѣвшей части эпитафій.

²⁾ Для примѣра уважемъ п. 407. *Commatica*, натурально, оставляемъ въ сторонѣ.

а у г. Холодняка (п. 585)—въ слѣдующемъ:

d m

M. Cocceio Nepoti | Cocceia Celerina | mater filio | rarissimi exempli | pietatis erga se fecit, | qui hospitio lucis | fruitus est | annis XXXVIII m. III |

quem non virtutis egentem

abstulit (a luce) atra dies et funere mersit aervo.

Нѣтъ надобности доказывать преимущества Бухелеровскаго способа приводить текстъ эпитафій, и врядъ ли самъ авторъ разбираемаго сборника рѣшится утверждать, что его собственный способъ является въ какомъ либо отношеніи болѣе практичнымъ или цѣлесообразнымъ. Не въ пользу новаго способа, конечно, говорить и превращеніе *второго стиха* метрической эпитафій въ *шестую строку* даннаго нумера.

Мимоходом отмѣтимъ и нѣкоторую непослѣдовательность въ счетѣ такихъ строкъ или стиховъ. Въ только что приведенномъ п. 585 счетъ строкъ начинается съ первой строки (*d. m.*), такъ же ведется онъ и въ большинствѣ прочихъ надписей, но, напримѣръ, въ пп. 67. 83. 85. 112. 253. 255. 263. 272. 283. 355. 396. 401. 408. 514. 569. 649. 693. 1001. 1157. 1166 и т. д. прозаическая часть надписи не принимается въ расчетъ и считаются только стихи ¹⁾.

Повидимому, слѣдую примѣру Бухелера, авторъ разбираемаго сборника слишкомъ скупится на употребленіе (угловатыхъ) скобокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда исправляется преданіе. Кое-гдѣ онъ является въ этомъ же отношеніи непослѣдовательнымъ даже въ предѣлахъ одного и того же стиха или строки: такъ въ п. 21,2 [ex] Nic[1]a civis Byth(inicae) originis orta, онъ корректно даетъ [e]x, такъ какъ въ копіи читается LX, но утрачиваетъ корректность по отношенію къ предпоследнему слову: копія даетъ originis (о чемъ г. Холоднякъ умалчиваетъ въ комментарий), а потому слѣдовало бы поставить въ текстѣ orig[1]nis или orig(1)nis; равнымъ образомъ въ п. 39,3 читаемъ vi[x]sit m[ec]um plus m[inus app. . .], но слѣдовало бы читать [minus app. . .], такъ какъ вмѣсто M копія даетъ остатокъ вертикальной черты (|), которую Бухелеръ (п. 1728,3) превращаетъ въ E, читая ui[te] sit multum ²⁾, plus e[st in morte salutis (или beati)].

¹⁾ Въ пп. 490 и 502, вѣроятно, опечатки.

²⁾ Слѣдовало бы поставить mu[1]tum, такъ какъ копія даетъ MVITVM.

Изъ внѣшнихъ мелочей можно отмѣтить еще отсутствіе *арех'овъ*¹⁾; почему авторъ счелъ ихъ излишними, этого онъ нигдѣ не объясняетъ; можно однако предположить, что ихъ отсутствіе обусловливается желаніемъ автора избѣжать смѣшенія ихъ съ удареніями, которыми снабженъ текстъ большинства эпиграфій, написанныхъ не дактилическимъ и не элегическимъ размѣрами. Мы говоримъ *большинства*, такъ какъ и въ этомъ отношеніи приходится констатировать нѣкоторую непоследовательность автора: не мало эпиграфій обдѣлено удареніями (для примѣра укажемъ nn. 682. 703. 704. 711a. 712. 713. 780), а въ п. 779 первый стихъ снабженъ ими, а второй обдѣленъ.

Обращаясь къ другимъ вопросамъ, касающимся текста эпиграфій, мы должны остановить вниманіе читателя на довольно варварской операци, которой подверглись въ разбираемомъ сборникѣ не мало христіанскихъ эпиграфій. Изъ нихъ вырѣзаются куски, находящіе себѣ откликъ въ языческихъ эпиграфійхъ²⁾, и приводятся въ послѣдовательномъ порядкѣ стиховъ подѣ соответствующими нумерами сборника. Такимъ образомъ, напримѣръ, верцельская эпиграфія (Vuesch. 779), насчитывающая 10 стиховъ, фигурируетъ въ разбираемомъ сборникѣ (п. 940c) въ видѣ слѣдующихъ трехъ *disiecta membra*:

„v. 1: discite, qui legitis d. m. r. ³⁾“

„v. 5: septies hic quinos transe[g]it corporis annus

„v. 10: ad dominum meliore via requiemque mereri“.

Другой примѣръ—п. 1044a:

„ex paganis desumpta haec:

v. 4: sed traxit Fortuna diem nec distulit horam

5 fin.: tempora vitae; 6. nomen Alexander...“

Ср. еще nn. 933a⁴⁾. 939a. 940a. 940b. 1027a. 1045b. 1286a. 1399⁵⁾ и т. д.

¹⁾ Въ сборникѣ Бюхелера они указываются.

²⁾ Ср. предисловіе, стр. III: „E christianae notae titulis eos tantum admisi, qui pagana exemplaria aliquatenus imitantur“.

³⁾ Сокращенія г. Холодняка вмѣсто *divino munere reddi*.

⁴⁾ Къ стихамъ, приведеннымъ г. Холоднякомъ изъ этой медиоланской эпиграфіи, можно было бы присоединить vs. 3 *Arsacius, domino reddens, laudabile munus*, находящій себѣ откликъ въ медиоланской же языческой эпиграфіи, *Chol. 364,3. 4 quod immatu[r]um laudabile cernas. Hic iacet triste [et mis]erabile funus*.

⁵⁾ По поводу этого нумера ср. выше стр. 388, прим. 1.

Тутъ же кстати можно коснуться и *tituli bilingues*: въ п. 777 напрасно, думается намъ, выпустилъ г. Холоднякъ „*epigramma Graecum trium versuum*“:

π]αῖδά με πενταέτη ὀλίγη ἐχρόψατο κρωσσός;
 ἄλλίστου ταχέως ἀντίσταντ' Αἶδεω·
 ο[ῦ]νομα δὴ δίζησαι; ἐνὶ πρώτοισι με μῆσ. . . .

а равно и „*titulus graecus quattuor hexametris conceptus*“ въ п. 404; ср. также п. 1187 съ Buech. 585 и п. 620 съ Buech. 1072.

По отношенію къ орографическимъ особенностямъ оригиналовъ эпитафій была бы также желательна бѣльшая послѣдовательность со стороны автора сборника. Проще и лучше всего было бы, на нашъ взглядъ, оставить въ текстѣ всѣ эти орографическія особенности, давая въ примѣчаніяхъ соотвѣтственныя поясненія, если оригинальная орографія затемняетъ смыслъ текста или же даетъ поводъ къ разнымъ его толкованіямъ,—но г. Холоднякъ поступаетъ нѣсколько иначе. Иногда онъ удерживаетъ орографію подлинника, какъ напримѣръ 46 *anime innocentissime* и *castissime fame*, (такъ и 355, 2), 96, 3 *toru* maritalе; 490, 4 *illu*, 650, 3 *meu* ¹⁾); 104 *Venaeri, funaere, suppreum, Letthaeo*, 355, 3 *quen*, 429 *cot*, 992 *ebo*, 1135 *scribsi, pincsi*, и т. д.,—но въ большинствѣ случаевъ исправляетъ ее, иногда отмѣчая, а иногда и не отмѣчая этихъ исправленій соотвѣтствующими скобками. Такъ въ п. 28 *coiugi* исправляется въ *co(n)iugi* ²⁾), *familiamque* въ *familiamque*, *aem* въ *aevum* ³⁾); въ п. 33, 3 *comples* въ *comple(n)s*; п. 35, 5 *meses* („*quod sane retineri potest*“, резонно замѣчаетъ авторъ въ комментарий) въ *menses*,—даже не въ *me(n)ses*; п. 40 *sancte* (вм. *sanctae* оригинала), *op(p)ressa, h(a)ec, t(h)alamosque* ⁴⁾), *quat(t)uor, com(m)uni*; 266, 12 *conse(n)suque*; 514, 2 *postque* вмѣсто *postquae*; *pare(n)ti*; 733, 3 *iu(v)enem* и 1217 *iu(v)enis* ⁵⁾), 1061, 8 *iu(v)at* 1162, 7 *struxitque* вмѣсто *struxidque* ⁶⁾); 1325, 3 *(h)eus* ⁷⁾ и т. д.

¹⁾ Но ср. пп. 1 *gradu(m)*, 426 *die(m)* и т. д.

²⁾ Но ср. ниже прим. 4.

³⁾ Но ср. напримѣръ 149, 1 *iuenes*; 569, 5 *iuenis*; 636, 2 *iuenta*, а также 562, 1 *aus* и т. д.

⁴⁾ Ср. однако *coiugi* 77, 2; *coiux* 84, 2. 104, 2; *coiuge* 236; 925; *foresis* 1186, 2 и т. д.

⁵⁾ Но ср. напримѣръ 114,5 *Cloto*.

⁶⁾ Но ср. 1135, 5 *scribsi*.

⁷⁾ Но ср. напримѣръ 1186, 9 *abet*; 1122, 4 *oc*; 649, 11 *aduc* и т. д.

Иногда въ *предлагахъ* однихъ и тѣхъ же *эпитафій* авторъ сборника удерживаетъ орфографію подлинника въ однихъ словахъ и исправляетъ въ другихъ. Такъ напримѣръ въ п. 53 находимъ съ одной стороны *quot* (=quod) дважды, съ другой—*infern(a)e* и *vestr(a)e*, въ п. 1138 съ одной стороны—*fydes*, *cun* и *venitae*, съ другой—*mea(m) vita(m)*, *sancta* вмѣсто *sanctam*, *membra relinquat* вмѣсто *membra reliquat*; въ п. 1326 съ одной стороны *quat*, *habebes*, *heris*, *beneficia*, *ilic*, съ другой — *(h)abeas*, *ad(d)uxerit*, *il(l)e*, *es(t)*, *a(d)cliva*, *(i)tu. no(n)*, *(h)est*, да еще въ обѣ эти стороны смотрятъ *(h)aliquit* и *(h)ilic*.

Не совсѣмъ послѣдовательнымъ является авторъ разбираемаго сборника и по отношенію къ просодическимъ вольностямъ *эпитафій*. Было бы, разумѣется, желательно, чтобы въ его сборникѣ были отмѣчены *все* такія вольности, но у г. Холодняка онѣ отмѣчаются, повидимому, лишь случайно, кое-гдѣ ¹⁾, а въ нѣкоторыхъ *эпитафіяхъ* онъ отмѣчаетъ только часть этихъ вольностей, оставляя другія безъ вниманія: для примѣра укажемъ пп. 41, 136, 207, 275, 284, 296, 424, 667, 908, 1160.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наконецъ (правда, очень рѣдкихъ) просодическія помѣтки излишни, какъ напримѣръ въ п. 240, 8:

durat et infixus noster dolor ab[sque remissā].

Тутъ же можно упомянуть и о п. 223, 4:

iniqua fata, quae nos (tam) cito disiúnxerunt.

Выбрасывая *tam*, г. Холоднякъ зачисляетъ этотъ стихъ въ *ямбическіе сенаріи* ²⁾, для чего и принужденъ объявить предпоследній слогъ краткимъ. Ничто однако не помѣшало бы оставить этотъ слогъ въ его естественномъ состояніи, относя данный стихъ къ *хольямбамъ* (ср. пп. 569, 691, 1229), но еще лучше—не насиловать текста *эпитафии* ради стремленія непременно уложить ее въ рамки *сенарія* или *хольямба* и, памятуя, что имѣешь дѣло съ безыскусственнымъ стихотворствомъ ³⁾, не мудрствуя лукаво, скандовать

iniqua fata, quae nos tām cito disiúnxerunt,

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно перечисловать хотя часть разбираемой книги.

²⁾ Ср. *index metrorum*, стр. 608.

³⁾ Намѣренно избѣгаемъ термина „*поэзія*“.

ограничиваясь констатированіемъ „color iambicus“ или еще болѣе общимъ замѣчаніемъ (Cholodu. ad. n. 18): „ad metra tendere videtur“¹⁾.

Отъ разбора этой эпиграфы естественно перейти къ специальному обсужденію отношенія автора къ установленію текста эпиграфій путемъ прибавокъ или усѣченій.

Это отношеніе можно охарактеризовать въ немногихъ словахъ: г. Холоднякъ—ученикъ и послѣдователь Бюхелера, а Бюхелеръ въ большинствѣ случаевъ смотритъ на произведенія эпиграфической музы, такъ сказать, сквозь очки музы художественной (литературной) поэзіи. Отсюда—стремленіе подогнать *carmina epigraphica* подъ рамки художественной поэзіи, ради чего приходится укладывать эпиграфическую музу на своего рода прокрустово ложе.

Не мѣшаетъ познакомить читателя и съ результатами подобныхъ операцій. Вотъ на пробу два весьма краснорѣчивыхъ примѣра.

Chol. 1111. = Corp. VI 21975.

Θ²⁾ Manlia T. l. Gnome.

haec est, quae vixit semper natura proba:
 clientes habui multos, locum hoc unum optinui mihi;
 itaque quoad aetatem volui exsegi meam,
 5. nemine unquam debui, vixi quom fidé.
 ossa dedi terrae, corpus Vólchanó dedi
 ego, ut supréma mortis mándata edidí.

„pressimos iambos“ замѣчаетъ г. Холоднякъ въ комментарий „in hanc formam cogere conatus est Buecheler [въ Corpus'ѣ, предпосылая поясненіе: „*Disiecta carminis membra, ex senariis conlectae dicendi formulae, vix unus et alter senarius recte procedit. Quae scripta sunt, eis hanc fere sententiam exprimere voluit auctor*“], sane exempli causa:

haec est, quae vixit semper natura proba,
 [amicos multos, inimicum habui neminem].
 locum [paravi, ubi ossa mea quiescerent
 post mortem condita]: hoc unum optinui mihi;
 [probe]que aetatem quoad volui, exsegi meam,
 (vel: itaque, quoad voluit, aetatem exsegit suam)
 [multos adiuvi], nemin[i] unquam debui,

¹⁾ Ср. Buecheler n. 16 (p. 11) „Barri Caecilius Felicio de Phoebe coniuge erepta dolorem sic testatur CIL. IX 292: *iniqua fata, quae nos tam cito disiunxerunt non quidem extra numeros sed ut ipsum Saturnios percepisse negem*“.

²⁾ Эту тету почему то пропускаетъ г. Холоднякъ.

[*viro pudica summa*] vixi quom fide.
 [*nunc*] ossa Terrae, corpus Volcano [*datumst*],
 [*sic*] ut suprema mortis mandata edidi.

idem in Anth. [п. 67] correxit nonnulla hoc modo:

v. 3: *post mortem monumentum* hoc unum optinui mihi ¹⁾;

v. 5: *adiuvi multos*, nemini u. d. ²⁾.

Почему то оставилъ безъ упоминанія г. Холоднякъ бюхелеровское „исправленіе“ 4-й строки (debit (!) ad hunc modum“):

probeque aetatem quad volui, exsegi meam.

Отъ себя г. Холоднякъ прибавляетъ слѣдующее: „*restitui poterat*
 v. 3 etiam hoc modo:

clientes habui multos, sedem unam optinui“.

Читатель видитъ, что въ результатѣ вышеуказанныхъ „возстановленій“, „исправленій“ и тому подобной отсебятны получается полное искаженіе оригинальнаго текста, которое едва ли искупается тѣмъ обстоятельствомъ, что читатель узнаетъ отсюда, какъ бы передѣлалъ Бюхелеръ эпитафію Манліи Гномы, если бы родственники покойной попросили его исправить просодическія и метрическія вольности (дошедшаго до нашего времени) произведенія лапидарнаго стихотворца, а также добавить нѣчто и отъ себя, по собственному вкусу и вдохновенію.

Въ силу этого вдохновенія боннскій профессоръ и не задумывается совершенно исказить мысли оригинала, навязывая ему свои собственныя. Такъ, во второмъ стихѣ:

clientes habui multos, locum hoc unum optinui mihi

авторъ эпитафіи, очевидно, хотѣлъ выразить мысль: „была я богата и пользовалась уваженіемъ, но по смерти все же пришлось удовольствоваться однимъ этимъ мѣстомъ“ ³⁾, а Бюхелеръ изъ этого дѣлаетъ нѣчто другое:

amicos multos, inimicum habui neminem.

locum paravi ubi ossa mea quiescerent

post mortem condita: hoc unum optinui mihi,

¹⁾ „Nos voluit exprimere *post mortem monumentum, hoc unum opt. m.*“ говоритъ Бюхелеръ.

²⁾ Разрядкой мы отмѣтили бюхелеровскія перестановки словъ, а курсивомъ—его же дополненія и другія измѣненія текста.

³⁾ Это *locum hoc unum* (средн. р.) не мѣшало бы отмѣтить г. Холодняку въ комментарий.

причемъ нарушается и внутренняя взаимная связь обѣихъ половинокъ разбираемаго стиха.

Не говоримъ уже о томъ, что Бюхелеръ выдаетъ Манлію замужъ, хотя ничто въ эпитафій не оправдываетъ подобнаго поступка боннскаго профессора; что *vixi quom fide* не заключаетъ въ себѣ намека на супружескую жизнь Манли, это, конечно, знаетъ и Бюхелеръ, если цитуетъ въ комментарий С. II 3449: Сп. Atellius Сп. I. Theopragst(us) *vixit cum fide* ¹⁾.

Не менѣе поучителенъ и второй примѣръ. Въ немаузской эпитафій Chol. 908 = Buech. 579.

Hoc monumentum maesoleumque monumentorum caussaеque paratum,

Manibus addictum sacrisque priorum,
ut aequе frui liceat, qui dominus fuerit huius,
vendere ne liceat, caveo adque rogo per numina divom,

5 vendere si velit, emptorem littera prohibet.—

первые пять стиховъ „in iustos versus coegit Buecheler“ — правда. только въ примѣчаніи—слѣдующимъ образомъ:

hoc maesoleum mortis caussaеque paratum,
ut nos usque frui liceat, dominus qui erit huius,
vendere ne liceat iubeo per numina divom.

Не безынтересно отмѣтить и примѣчаніе Бюхелера къ 5 стиху: „In 5. pronuntiatuе quasi *vell*“... Открыто констатировать (какъ это и сдѣлалъ г. Холоднякъ) просодическую вольность лапидарнаго стихотворца (*vellit*) почтенный боннскій профессоръ, очевидно, не рѣшился.

Въ слегка замаскированномъ видѣ та же самая тенденція подводить произведеніи эпиграфической музы подъ строгія метрическія и просодическія нормы художественной поэзіи нерѣдко проявляется и въ „возстановленіи“ такъ называемыхъ „архетиповъ“.

Мы охотно соглашаемся съ Генценомъ, когда онъ объявляетъ двустихіе

filius hunc titulum posuit pietatis honorem,
aeternum matri muneris officium

архетипомъ метрической части римской эпитафій (Chol. 694): D. M.

¹⁾ Эту надпись г. Холоднякъ цитуетъ только въ примѣчаніи къ п. 1111 (стр. 462), но не мѣшало бы принять ее и въ текстъ сборника.

Iunia Sabina... cui bene merenti de suis sibi ¹⁾ Iunii Callistratus coniux, item Maratho et Callistratus filii fecerunt

et hunc titulum posuerunt pietatis honorem,
aeternum coniugi et matri muneris officium;

соглашаемся и съ г. Холоднякомъ, когда онъ по поводу п. 1202:

te rogo, praeteriens, dicas: „s(it) t(ibi) t(erra) l(evis)!“

замѣчаетъ: „corruptum archetypum hoc:

dic, rogo, praeteriens: <s. t. t. l.>;

согласны мы и съ Бюхелеромъ, когда онъ (п. 145) восстанавливаетъ архетипъ

noli dolere, mater, eventum meum.
properavit aetas, hoc dedit Fatum mihi

для цѣлаго ряда аналогичныхъ эпиграфій,—но, когда намъ говорить, напримѣръ, что Chol. 419, 2 (mater et pater Daphno filio bimulo donum dedit) ²⁾ „revocat Buecheler ad archetypum fere tale:

hoc mater nato bimulo donum dedit“,

или по поводу Chol. 509, 1 hoc tumulo positum ³⁾ est Ingenui filia Flora, что „fuit in archetypo:

hoc tumulo positum est corpus — — — puellae,
vel ut mavolt Buecheler:

hoc t. positum est infantis corpus Amatae“,

или по поводу Chol. 675, 9 (geminatque dolorem

Filia matri simul fratre iacen(s) filio),

что „Buecheler... archetypum hoc fere:

matri cum nato nata quoque ipsa iacet“,

¹⁾ Мы предпочли бы [et] sibi.

²⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что по нашему мнѣнію это — versus quadratus, а по мнѣнію г. Холодняка (стр. 610) — „prosa ad instar carminis“.

³⁾ Ср. Chol. 101, 4 non aequos, Parcae, statuistis stamina vitae, гдѣ „pro stamina habuisse poetam in mente dies vel fusos putat Buecheler, — на нашъ взглядъ совершенно справедливо (aequa, о Мейеръ, aequae vos eergore tralaticio“ г. Холоднякъ). Ср. также Chol. 264, 5 pluria, si potuisse(m), in hoc titulo proscribere(m) laudes.

или по поводу Chol. 1260 (sis felix, qui dixeris: „Ammoni, have! perpetuo sit tibi terra levis!“), что „archetypum potest fuisse huius modi:

sis felix, qui praeteriens „havē“ dixeris, hospes,
„perpetuoque obito s. t. t. l.“,

или по поводу Chol. 1325 eus tu, viator, veni hoc et quiesci pusilu. Innuis et negitas? tamen hoc redeudus tibi ¹⁾, что „archet. potest fuisse fere tale:

heus tu, praeteriens, v. h., requiesce p.
innuis et negitas? mox tamen huc venies!“ ²⁾,

или по поводу Chol. 338, 5 Parcae crudeles! nimium properastis rumpere fata mea, что „versus pentameter apte sane ad sententiam, prosodiae tamen monitis prorsus neglectis contaminatus mihi esse videtur vel ex disticho hoc:

crudeles Parcae! nimiam properastis iniquis
funeribus miserae rumpere fata mea,
vel ex pentametro hoc:

crudeles Parcae fata rūpere mea

ab illius aetatis arte non prorsus abnormi, verbis *nimium properastis* ex alio archetypo perperam intrusis*,—

или по поводу Chol. 184 iugumque coniugalem pudicum piissimo Marito exhibui in diem vitae meae ³⁾. Vos, superi, bene facite, diu vivite et venite, что „revocat Buecheler ad archetypum tale:

iugumque coniugale pia piissimo
marito exhibui usque in diem mortis meae;
tu dum licet bene facito, diu vive et veni!“

¹⁾ Удерживаемъ орфографію подлинника, безъ нужды исправляемому г. Холодникомъ. Неправильно овъ исправляетъ *redeudus* (такъ, стоитъ на вамъ, а не *redeundus*, какъ отмѣчаетъ г. Холодникъ въ своемъ комментарий)—въ *redeundu[m]*: уже Бюхелеръ (п. 120) правильно пояснилъ: „i. redeundumst“.

²⁾ Ср. однако Chol. 1290 *heus tu, viator lasse, qui me praeteris, Cum diu ambulareis, tamen hoc veniundum est tibi*; 230,4 *bene vive, propera: hoc est veniundum tibi*; 1328 *hospitium tibi hoc. invitus venio: veniundum est tamen*,—надпись, уже сопоставленная Бюхелеромъ по поводу разбираемой выше. Къ нимъ мы присоединимъ еще слѣдующую: Chol. 1303, 5 *si perlegisti, venias licet et requiescas: Abnuis et refugis? frustra [es (мы бы предпочли est): immobile fatum est]: Haec domus, haec requies omnibus una manet: Huc veniundum, in qua [retineberis, hospes, in aetum]*.

³⁾ Весьма правдоподобнымъ намъ кажется объясненіе г. Холодника: „in diem mihi videtur dictum esse pro *in diebus*, h. e. dum vita manebat“.

и т. д. и т. д.,—то невольно возникает подозрѣніе, что подъ фирмой такихъ „архетиповъ“ скрываются совершенно праздыя „исправленія“ или „возстановленія“ безхитростнаго лапидарнаго текста, который рѣжетъ уши гг. Холодняка и Бюхелера своими просодическими или метрическими вольностями.

И удивительное дѣло! тотъ же самый г. Холоднякъ врядь ли рѣшился бы устранять подобнымъ образомъ. напрымѣръ, метрическія несообразности отечественныхъ эпитафій или „исправлять“ напрымѣръ извѣстное двустишіе:

Вѣтры сѣверныя ду-
Ють, гулять я не пойду,—

если бы ему вздумалось издавать творенія Тредьяковскаго, — а по отношенію къ твореніямъ латинской эпитафической музы онъ продѣлываетъ все это, ничто же сумняся: какъ будто эти лапидарные Тредьяковіусы писали свои стихи только по трафарету или какъ будто и для нихъ были писаны законы метрики и просодіи, обязательныя для художественной поэзіи ¹⁾).

Впрочемъ въ похвалу г. Холодняку будь сказано, что онъ (какъ и самъ Бюхелеръ) и въ данномъ отношеніи оказывается далеко не послѣдовательнымъ: такъ, съ одной стороны, мы видимъ у него не мало „исправленій“ или „возстановленій“ лапидарнаго текста, по большей части, сообщаемыхъ въ комментаріѣ ²⁾, — съ другой оставленіе такого же текста *au naturel* съ поясненіями въ родѣ: (п. 38) „2. *fui—bono in senariorum formam cogi possunt facile; 3—4 difficilius nec videntur urgenda*“; (п. 47) „2. *ad pentametrum adspraviv qui composuit*“; (п. 61) „*iambicum colorem prae se ferunt casu fortasse*“ (п. 72) „*pauca si transponas, fit senarius; noli tamen mutare*“; (п. 520) „*redolent sane iambos, sed praestat non attingere*“; (п. 791) „*corrigit possunt numeri, quod Buecheler fecit; sed operae pretium non est*“; (п. 1138) „*possunt sane <versus> isti ad hexametri normam taliter qualiter dedolari, malui tamen non attingere*“ и т. п.

Остается замѣтить, что отъ послѣдовательнаго проведенія принципа „*non attingere*“ разбираемый сборникъ могъ бы только выиграть.

¹⁾ Ср. по этому поводу наши *Эпитафическіе этюды* (С.-Пб. 1893), стр. 114—116.

²⁾ Для примѣра укажемъ нп. 37, 59, 149, 171, 175, 254, 291, 317, 325, 326, 338, 339, 351, 390, 413, 422, 449, 455, 488, 501, 573, 687, 616, 867, 883, 905, 978, 1003, 1145.

Въ заключеніе, прежде чѣмъ перейдемъ къ оцѣнкѣ комментарія, считаемъ не бесполезнымъ сказать два слова по поводу восстановленій слишкомъ фрагментарныхъ эпиграфій.

Въ дѣлѣ восстановленія такихъ надписей г. Холоднякъ подчасъ выказываетъ излишнюю отвагу. Наиболее яркою иллюстраціей является п. 1360:

- [quisquis praeteriens monumentum hoc adspicis, hospes,
percipito ex nostris, quid fuerim, titulus].
et bello fuerat quaesita interque togas
gloria magna mihi, nec minor et patriae.
5. providus extruxi sedem hanc iam grandior aevo:
artus et sensus sunt tamen incolumes.
discite, mortales, vestram sic conderet famam,
ut functis aevo nomen item vigeat,

гдѣ курсивами мы отмѣтили все то, что уцѣлѣло на камнѣ. Подобныя „восстановленія“, конечно, свидѣтельствуютъ объ остроуміи, а равно и о версификаторскомъ талантѣ автора, но—врядъ ли особенно умѣстны въ сборникѣ произведеній *античныхъ* эпиграфическихъ, а не новѣйшихъ, поэтовъ.

IV. Комментарій.

„In titulorum ipsorum crisi emendatione explicatione restitutione, говоритъ авторъ въ предисловіи (стр. III), quae secutus sim praeserta e libro evolvendo credo apparebit: nam et comparandi rationi quae hucusque si non principem tamen inter principes locum tenet debita solvenda esse duxi et in unoquoque fere carmine quidnam voluisset ipsius auctor persequi, quantum certe in me fuerit, mihi proposui“.

Въ сравненіи съ Бюхелеровскимъ комментарий г. Холодняка отличается меньшею обстоятельностью съ одной стороны и большею неровностью съ другой. Критическій элементъ значительно преобладаетъ надъ экзегетическимъ и въ обоихъ есть не мало лишняго, но съ другой стороны есть и крупныя пробѣлы.

Вопіющимъ недостаткомъ является отсутствіе указаній, на чьи копии опирается текстъ сообщаемыхъ эпиграфій. Рѣшительно не понимаемъ, почему это г. Холоднякъ не послѣдовалъ примѣру Бюхелера, который, какъ и подобаетъ критическому издателю, дѣлаетъ соотвѣт-

твующія указанія („descripsit Mommsen“, „contulit Dressel“, „ad ecturum“, „ex schedis quas possidere se narrat Zarattini Castellini“, „ex Ruardo qui bonas fuisse litteras lapidis tradidit“, „Coloniae effossum periit“ и т. п.),—лишь въ рѣдкихъ случаяхъ упуская это помѣтить. У г. Холодняка, наоборотъ, чуть ли не единственнымъ исключеніемъ такого рода является замѣтка, сопровождающая п. 933 а: „ex sylloge Palatina n. 833 s. XI n. 6“. Нѣтъ надобности, конечно, разъяснять, насколько важно знать, на чью копию опирается текстъ данной эпитафій,—хотя бы для оцѣнки предлагаемыхъ конъектуръ или передѣлокъ, производимыхъ издателемъ въ текстѣ той или иной эпитафій.

Изъ мелочей критическаго балласта можемъ отмѣтить напримѣръ примѣчаніе къ п. 649,4 (*aspicies, quantas liquerimus lacrimas*): „*liquerimus* Henzen in carmine emendato: errore typhotetae opinor; *liquerimus lapis*“. Или въ п. 1,4: „*gradu* (*lapis*)“, п. 31,2: „*memoria* (*lapis*)“, п. 76,3: „*M. lapis*“, п. 82,4: „*negotias lapis*“, и т. д.: эти сообщенія лишни потому, что уже въ текстѣ соответствующихъ эпитафій дается: *gradu(m)*, *memoria(m)*, *M(arcus)*¹⁾, *negotia(n)s* и т. д.

Наоборотъ, въ примѣчаніи къ п. 943,5 (*annos gnatus XX is [div]eis mandatus*) въ дополненіе къ тому, что поясняетъ г. Холоднякъ: „*locus vexatissimus; displicet sane Mommseni LOCEIS, nec Buechelero DIVEIS ab omni parte perfectum*“, было бы не дурно прибавить и чтеніе оригинала. То же самое слѣдуетъ сказать напримѣръ и по поводу п. 217,1 (стоятъ только точки, сопутствуемыя примѣчаніемъ: „*cernuntur vestigia litterarum septem quibus uti nescio*“),—и по поводу п. 209,4 [*bis den]os annos [tr]es ad[vi]xi[t me]ns[es....]*], гдѣ г. Холоднякъ ограничивается примѣчаніемъ: „4. *quae post NS sequuntur non intellego*“,—и по поводу п. 1260,3 (дано только многозначіе, съ поясненіемъ въ комментарий: „v. 3 *non intellegitur*“), и т. д. Не мѣшало бы привести эти непонятныя г. Холоднякомъ мѣста, такъ какъ, быть можетъ, кому либо другому и удалось бы разгадать эти тайны; ср. къ тому же п. 769,6; 682 C, 9 и т. д.

Изъ неровностей экзегетическаго комментарія отмѣтимъ слѣдующія.

Съ одной стороны видимъ массу объясненій такихъ элементарныхъ вещей, какъ въ п. 14,7 (*inmeritae prope solvntem fila dearium*); „*inmeritae non est adverbium* [ну, еще бы!], *sed iungendum*

¹⁾ Ср. п. 133,4.

cum *Aeliae* v. 4⁴, или въ п. 22,7 (hic facet in tumulo Aur(elia) Sabina piensissima coniux annor. XXV¹).... Marcus Aur. Attianus dec. ale I Trhacum et Aur. Sabinilla filia eorundum vivi sibi faciendum curarunt): „*eorundum* (sic) nomen matris subintellegitur“. или въ п. 24,4 (unicuba, uniuga): „versus non perfectus ab auctore“. или въ п. 41,3 (tunc desertus dulce est coniugali vinculo): „*dulce* ablativus“, или въ п. 41,10 (hic ducenae dignitate inter lectos meruerat viros): „*ducenae=ducenariae*, pro *ducenaria*“, или въ п. 84,7 (educatrix clarissimi viri et mihi in conuivio per annos XXXX): „*in conuivio=in conubio*; supplendum *iuncta*“, или въ п. 93,7 (cui formam Paphie, Charites tribuere decorem): „Paphie erit nominat.=Пафиг“, или въ п. 138,2 (bis quinos denos et sex provecta per annos): „vixit marita igitur an. XXXVI“, или въ п. 150,5: „*propio hec=proprio haec*“, или въ п. 150,6: „*fame=famae*“, или въ п. 191,3 (mater omnium hominum, parens omnibus subveniens): „*omnibus subveniens=omnibus subvenies*“, или въ п. 191,5 (tristem fecit nemine): „*nemine=neminet*“, или въ п. 224 (bene fideliterque laborabit et fato cessit): „*laborabit=laboravit*“, или въ п. 251,2: „*fabet=favet*“, или въ п. 253,3 (quid nomen scire laboras, Quae fuerim, quo(i) nupta viro, libertave quotus, Annos quod tulerim mecum): „*quod=quot*“, или въ п. 264,5 (pluria, si potuisse, in hoc titulo proscribere laudes): „*pot., proscr.=potuissem, prosciberem*“, или въ п. 264,8 (Lupercus amice Merenti fecit memoratus amorem): „*amice=amicae*“, или въ п. 267, IV, 4 (o celeres at mala vota dei): „*at=ad*“, или въ п. 286,4: „*dicabit=dicavit*“, или въ п. 295,4: „*Dafne est Daphne*“, или въ п. 348,2 (infelices parentes filiae testantur amorem): „h. e. *testantur*“, или въ п. 356 (C. Gavius Menodorus filio piissimo pater infelix.

aequus enim fuerat vos hoc mihi fecisse
et sibi):

„4. et sibi noli cum praecedentibus iungere“, или въ п. 408, 2 (et lege, quod nomen hic titulus teneat): „h. e. discere legendo“, или въ п. 429, 4 (cot debuit facere filius): „*cot=quod*“, или въ п. 533, 3 (cui mors acerva cessit): „*acerva=acerba*“²), или въ п. 587, 5 (nuc moror in tenebris deserta luce peracta): „*nuc=nunc*“. или въ п. 587, 6 (hoc omnes veniunt): „*hoc=huc*“, или въ п. 967, 3. 4 (que nucquam

¹) Это annor(um) XXV лучше было бы выдѣлять въ особую строку.

²) Такъ же и въ п. 1296, 3; 586, 6 и т. д.

tetricos egit sibi lucis honores, Set magi lascivos, suaves): „3. = *quae nunquam*; 4. = *mage (magis), suaves*“; п. 1265, 4: „*Arphocratis erit Нарпократис*“ или въ п. 1291, 2: „*Crhestus est Chrestus*“ и т. п., или—по части метрики—напримѣръ въ п. 44 (*quae duxit secum, honos et gloria, Aeternum meum vale solacium*): „*sunt pentapodiae iamb.*“; въ п. 49, 5 (*o nefas! quam floridos cito, mors, eripis annos*): „*est hexameter male factus*“; въ п. 218, 3 (*qualis nec fuit, nec esse potest, monumentum*): „*est hexameter male dolatus*“; въ п. 235, 5 (*set mecum, coniunx, si vivere nolueras*): „*pentameter vitiosus*“; въ п. 300, 5 (*Valerius Avitus hoc scripsi, Conimbricâ natus*): „*pessumdatum propter nomina propria*“; въ п. 566 (*omni pietate repleto*): „*est clausula hexametri*“; въ п. 724, 3 (*hic est ille situs*): „*exordium dactyllicorum, ср. VI, 6275. 25570; 10081; XIV 3838, all.*“; въ п. 773, 1 (*hic cubat ille bonus*): „*initium hexametri*“; въ п. 988, 1 (*his terris tegitur*): „*initium hexametri*“, и т. д. и т. д. Трудно опредѣлить, для какихъ читателей предназначаются эти и подобныя имъ поясненія: если для странныхъ „эпиграфистовъ“, о которыхъ мы упоминали выше и которые, дѣйствительно, въ состояніи смѣшать (*mors*) *acerva* съ *acervus* („куча“) или пожалуй совсѣмъ не понять слово „*cot*“ въ п. 429, 4,—въ такомъ случаѣ почему же оставлены безъ поясненій для этихъ же почтенныхъ личностей напримѣръ 264, 7 *que vixit*, 419, 2 *Daphino filo*, 456, 14 *vibam*, 471, 2 *nuncqua[m]*, 631, 4 *apstulit atra dies et acervo funere mersit*, 639, 3 *requisi*, 667, 6 *quam pene iam esse[m]* *app. XXVI m. VI d(ierum)que VIII ¹⁾*, 667, 13 *pibi parentes*, 706, 3 *lacrimasque reliquit*, 952, 2 *philosopo*, 1045b, 9 *hoc tomolo cuius tantum nam membra quiescunt*, 233, 2 *nuc*, 233, 3 *cu* и т. д. и т. д. ?... Если г. Холоднякомъ руководила въ подобныхъ случаяхъ хотя слабая надежда на собственную *сообразительность* вышеупомянутыхъ „эпиграфистовъ“, то смѣемъ его увѣрить, что онъ жестоко ошибается: эти „эпиграфисты“ совершенно безнадежны.

Возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе въ читателѣ и такія примѣчанія, какъ напримѣръ къ п. 647 (*Zetes et Calais, duo fratres gemelli, obierunt amantes*): „*similia fratrum paria habes VI, 9199.*

¹⁾ Примѣчаніе г. Холодняка: „*quam rustice dictum pro quom*“, не сопровождаемое поясненіемъ, что это *quom* не предлогъ (ср. Chol. 1111, 5 *vixi quom fide* или *ib. 852, 6 summa quom castitate in discipulos suos*), еще недостаточно для того, чтобы предупредить всякое недоразумѣніе, могущее возникнуть у означенныхъ „эпиграфистовъ“.

10104. 10124. 10819. 11569. 11570. 11571. 29633; IX, 6112 (Amphion—Zethus); VI, 15160 (Niciates—Nice); X, 2872 (Rhenus—Danuvius); VI, 10545 (Acontius—Sagitta); VI, 19012 (Geminus—Gemellus), all.“

Съ другой стороны, видимъ полное отсутствіе экзегетическаго комментарія къ *elogia Scipionum* (пн. 941—944 и 1171), что особенно бросается въ глаза при сопоставленіи съ сборникомъ Бюхелера; отсутствуютъ—указываемое Бюхелеромъ (п. 408)—объясненіе Моммзена къ п. 13 (*ortus in alta Ephyra...*); оставляется безъ объясненія *аси* въ п. 382, 5 *tan cito pictor аси Stygia(s) delatus ad umbras*, (ср. Buech. 1150);—не поясняется *ia* какъ въ п. 78, 7, такъ и въ п. 540, 4,—*Coporus* въ лошадиной эпитафії п. 1170, 1, *finibus Maeseis* въ п. 331 и не мало другихъ именъ, за объясненіемъ которыхъ надо обращаться къ Бюхелеру или въ другія мѣста. И вообще реального комментарія почти нѣтъ въ разбираемомъ сборникѣ.

Что касается „*comparandi ratio*“, о чемъ авторъ упоминалъ въ предисловіи, то нельзя отрицать, что по части фразеологическаго сопоставленія эпитафій съ произведеніями художественныхъ поэтовъ комментарий г. Холодняка богаче бюхелеровскаго—отчасти благодаря собственнымъ наблюденіямъ автора, отчасти благодаря работамъ другихъ ученыхъ—особенно Гозіуса ¹⁾ и Веймана ²⁾. Слѣдуетъ однако пожалѣть, что въ большинствѣ случаевъ эта часть комментарія остается какъ бы мертвымъ капиталомъ,—именно потому, что г. Холоднякъ предпочитаетъ сообщать только цифры цитатъ, а не приводить послѣднія *in extenso*: чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно примѣръ перелистовать его *adnotationis auctarium* (стр. 562). Было бы несравненно лучше, если бы такія цитаты приводились *in extenso* и, полагаемъ, что для г. Холодняка это было бы тѣмъ легче сдѣлать, что—судя по примѣчанію его къ п. 884, 3 (исправляется опечатка въ бюхелеровской цитатѣ изъ Вергилія)—онъ провѣрялъ цитаты, указываемыя другими, по подлинникамъ. Онъ можетъ, правда, сослаться на то, что приведеніе цитатъ *in extenso* болѣе или менѣе значительно увеличило бы и безъ того уже почтенные размѣры его сборника,—но на это мы возразили бы, что въ крайнемъ случаѣ слѣдовало бы лучше

¹⁾ C. Hosijs, *Römische Dichter auf Inschriften* въ *Rhein. Museum* 1895, p. 286—300.

²⁾ C. Weyman, *Studien zu den Carmina latina epigraphica* въ *Blätter für das bayer. Gymnasial-Schulwesen*, 1895.

пожертвовать разными бюхелеровскими „архетипами“, дополненіями и догадками—для того, чтобы очистить мѣсто болѣе полезному матеріалу. Рекомендую такую „очистку“, мы вовсе не хотимъ сказать, что эти *Buecheleriana* менѣе цѣнны чѣмъ дополненія или другія конъектуры прочихъ эпиграфистовъ, упоминаемыхъ г. Холоднякомъ въ его комментарий; совсѣмъ нѣтъ,—мы хотимъ только сказать, что, такъ какъ разбираемый сборникъ отнюдь не упраздняетъ бюхелеровскаго (г. Холоднякъ, конечно, никогда и не претендовалъ на это), то вмѣсто того, чтобы сообщать въ своемъ комментарий всѣ „архетипы“, восстановленія и дополненія, предлагаемыя Бюхелеромъ, было бы вполне достаточно ограничиться лишь самыми необходимыми *Buecheleriana*, отсылая за прочими къ самому сборнику Бюхелера. Такое отношеніе къ послѣднему было бы тѣмъ рациональнѣе, что, съ одной стороны, и въ настоящемъ своемъ видѣ комментарий г. Холодняка въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются мнѣній или объясненій Бюхелера, при всей своей полнотѣ по этой части, не можетъ замѣнить собою бюхелеровскаго комментарія ¹⁾, съ другой стороны самъ Бюхелеръ какъ бы намѣренно игнорируетъ г. Холодняка, ни разу не цитируя послѣдняго въ своемъ комментарий, не цитируя его даже и тамъ, гдѣ боннскій профессоръ безусловно долженъ былъ бы это сдѣлать ²⁾.

Возвращаясь къ затронутому выше вопросу о „*comparandi ratio*“, мы должны замѣтить, что по части фразеологическаго сопоставленія текста эпиграфій съ другими эпиграфіями разбираемый сборникъ не прогрессируетъ въ сравненіи съ бюхелеровскимъ, но находится въ той же самой стадіи развитія, которую въ сущности можно назвать эмбриональной. Кое-что сдѣлано, правда, г. Холоднякомъ и въ этомъ направленіи, но только слишкомъ мало, а между тѣмъ не подлежитъ

¹⁾ Ограничимся одною иллюстраціей: въ примѣчаніи къ п. 101, 4 (*non aequos, Parcae, statuistis stamina vitae*) г. Холоднякъ говоритъ: *pro stamina habuisse poetam in mente dies vel fusos putat Buecheler*“, а Бюхелеръ допускаетъ и другое толкованіе (п. 493, 1): „*cogitavit scriptor aut fusos, dies prius quam in stamina incideret, aut denique se et coniugem non aequatos sorte*“.

²⁾ Укажемъ Chol. 319, 3 (*condidit hic miseri mater duo funera par[rtus]*): „*supplevi in Ephem. Min. Publ. Instr. a. 1894; rescipit Buecheler*“, а послѣдній сообщаетъ въ примѣчаніи только слѣдующее (п. 1060, 1): „*patris ediderat Steinbuechel de suo ut videtur, nec enim quadrat in verba priora. pa... tantum Mommseno apparuit isque misere et parva scribi posse „adnotavit*“,—и въ *Corrigenda* (p. 857) нѣтъ оговорокъ: „*excidit memoria Cholodniakii*“.

никакому сомнѣнію громадная польза такихъ сопоставленій для болѣе или менѣе устойчивыхъ дополненій фрагментарныхъ надписей. Быть можетъ, г. Холоднякъ приберегаетъ эту часть своей работы для „исторіи латинской метрической эпиграфіи“,—но во всякомъ случаѣ не мѣшало бы обогатить съ этой стороны и комментарий въ разбираемомъ сборникѣ. Не говоримъ уже о *rius desiderium*—видѣть соответствующія сопоставленія и изъ области произведеній греческой эпиграфической музы: мы видѣли уже, какъ сурово обходится г. Холоднякъ даже съ *bilingues tituli*.

Тутъ же мимоходомъ отмѣтимъ одну не совсѣмъ пріятную для читателя особенность г. Холодняка при указаніи параллельныхъ мѣстъ: онъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ цитуетъ по номерамъ своего сборника, предпочитая указывать цифры *Corpus'a* и этимъ путемъ заставляя лишній разъ справляться въ *index numeorum* читателя. желающаго воспользоваться предлагаемымъ указаніемъ. Такъ, напримѣръ, въ примѣчаніи къ п. 338, 5 вмѣсто: „*cf. III, 2341*“, гораздо пріятнѣе было бы читать: „*cf. n. 321, 1*“; въ примѣчаніи къ п. 339, 5 вмѣсто: „*III, 2183—n. 320, 5*“; въ примѣчаніи къ п. 396, 16 вмѣсто: „*cf. VI, 6319—cf. n. 384, 4*“, и т. д.

При всѣхъ вышеуказанныхъ недостаткахъ и пробѣлахъ комментарий г. Холодняка заключаетъ въ себѣ не мало и новаго и цѣннаго матеріала по части какъ возстановленія испорченныхъ мѣстъ оригиналовъ, такъ и экзегезы темныхъ или превратно понятыхъ его предшественниками мѣстъ. Кое-гдѣ оспариваетъ г. Холоднякъ правильность объясненій, предложенныхъ Бюхелеромъ, и нерѣдко выходитъ изъ такихъ состязаній побѣдителемъ: для примѣра укажемъ пп. 40, 4. 78, 4. 89. 728. 853, 3 и 5 sq. ¹⁾). Особенно интересенъ въ данномъ отношеніи п. 589, на которомъ мы и позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя, хотя объясненіе самой эпиграфіи здѣсь играетъ въ сущности второстепенную роль.

noli dolere, mater, factui meo

гласить Chol. 589, 2=*Buech. 148, 1; factus quid valeat*, говоритъ Бюхелеръ, *perspicitur ex superioribus (145, 1 noli dolere, mater), eventum meum et (147 dolere noli, matrem), faciendum fuit, hinc vero explicari videtur indignantis multantis exclamatio Henzen 7306 iste mulus me ad factum dabit*“, а г. Холоднякъ весьма остроумно и убѣ-

¹⁾ Въ пп. 20 и 101, наоборотъ, скорѣе правъ Бюхелеръ.

дительно доказаль, что это *me ad factum dabit* значить *me casare faciet* ¹⁾.

Весьма приятнымъ, хотя и крайне рѣдкимъ, элементомъ критическаго комментарія являются указанія г. Холодняка по поводу чтенія оригиналовъ надписей, почерпаемыя имъ изъ собственныхъ эстампажей: ср. напримѣръ, п. 74 (стр. 564), 81, 941.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ по поводу указателей.

Въ *index carminum* было бы желательно видѣть отдѣленіе уцѣлѣвшихъ частей оригинала отъ дополненій, то-есть, напримѣръ, вмѣсто

hostibus ille ego nunc post tempora longa subactis 849

слѣдовало бы дать

[hostibus ille ego nunc post tempora longa subactis 849,

или вмѣсто

praeteriens moneoque petoque resiste viator 550

слѣдовало бы сообщить

[praeteriens mone]oque pet[oque resiste viator] 550,

а вмѣсто

quisquis praeteriens monumentum hoc adspicis hospes 1360

даже слѣдующимъ образомъ:

[quisquis praeteriens monumentum hoc adspicis hospes] 1360 ²⁾.

Единственнымъ исключеніемъ является у г. Холодняка—

quandocumque [levis] tellus mea conteget ossa 219.

На стр. 587 три *principia carminum* попали не на свое мѣсто (*fratres c....s liqui*, 708, и слѣдующія).

Въ *index metrorum* было бы очень приятно видѣть рубрику гиперметра съ соответствующими подраздѣленіями,—ср. напримѣръ, гептаметръ, п. 728, 1

arg cui summa fuit, fabricae studium doctrina pudorque,

или тессарескайдекасиллабъ (среди гекдекасиллабовъ) п. 514, 3:

tres nati tibi iam figimus probo parenti,

и т. д. ³⁾.

¹⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что вся эта интересная надпись имѣетъ метрическую форму (*versus quadrati*), чего не замѣтили ни Бюхелеръ, ни Моммзенъ, ни г. Холоднякъ, ни другіе. Послѣдній стихъ мы предложили бы возстановить слѣдующимъ образомъ: *iam proficiscar,—iste mulus me[met] ad factum dabit*.

²⁾ Ср. выше стр. 412.

³⁾ Ср. наши *Эпиграфическіе этюды*, С.-Пб. 1893, стр. 115 и слѣд.

Въ pendant къ этимъ hypermetra не мѣшало бы отмѣтить и deficientia metro, ср. напримѣръ, п. 682, C, 5

nec tu potuisti eos attendere

— среди сенаріевъ ¹⁾).

Далѣе отмѣтимъ, что въ рубрикахъ „metrum incertum“ и „prosa ad instar carminis“ не все обстоитъ благополучно. Къ первой безвѣнно отнесены, напримѣръ, п. 154 (гексаметры), п. 161 (тоже), п. 215 („nescio an trimetros iambicos ut faceret, in animum induxerit poeta poster“), а ко второй—напримѣръ, п. 3 (*dic, qui legis: sit tibi terra levis!*), п. 18

(*vivas, qui dixeris: „vivit*

Elysiis“

п. 43 (*quem maris apstulit undis*,—очевидно, clausula hexametris, ср. напримѣръ, Chol. 388, 15 quod tenerae aetati spes fallax apstulit annos), п. 62

vix(it) ann(is) L, uno conten[ta] viro

—очевидно, versus quadratus, хотя и male factus ²⁾), п. 178

*et si qui praeteriens legeris, peto dicas: „Manilia dulcis,
sit tibi terra levis!“*,

п. 419 ³⁾ и т. д.

Второй *index numerorum* ⁴⁾—„numeri sylloges Buechelerianae cum nostris collati“—составленъ довольно небрежно, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ пропусковъ:

	Buech. ad 162	= Cholodn.	748
	„ 698	= „	1048
	„ 742	= „	1044a
	„ 786	= „	1399
5.	„ 1019	= „	474
	„ 1396	= „	630
	„ 1443 A	= „	1055
	„ 1536	= „	673

¹⁾ Ср. *Эпиграфическіе этюды*, стр. 53.

²⁾ „*Uno contenta viro sumptum e carminibus*“, говоритъ г. Холодный въ примѣчаніи къ этой надписи.

³⁾ Ср. выше стр. 409.

⁴⁾ Перваго мы не провѣрили за недостаткомъ времени.

	Vuesch. ad 1574	=	Cholodn. 374
10.	" 1580	=	" 1158
	" 1637	=	" 893
	" 1640	=	" 1316
	" 1645	=	" 707
	" 1647	=	" 1352
15.	" 1648	=	" 1348
	" 1652	=	" 1332
	" 1655	=	" 1131
	" 1662	=	" 152
	" 1672	=	" 478
20.	" 1684	=	" 931
	" 1685	=	" 154
	" 1686	=	" 1132
	" 1689	=	" 1133
	" 1690	=	" 209
25.	" 1699	=	" 987
	" 1700	=	" 550
	" 1703	=	" 912
	" 1710	=	" 1366
	" 1714	=	" 1178
30.	" 1720	=	" 812
	" 1767	=	" 163
	" 1769	=	" 472
	" 1773	=	" 580
	" 1774	=	" 787
35.	" 1797	=	" 307 и
	" 1853	=	" 357

Мы сочли не лишнимъ приложить этотъ списокъ цѣликомъ, такъ какъ онъ можетъ пригодиться тѣмъ, кто будетъ пользоваться сборникомъ г. Холодняка, — тѣмъ болѣе что и оба *Annotationis auctaria* хранить по отношенію къ вышеуказаннымъ надписямъ почти гробовое молчаніе.

Съ внѣшней стороны изданіе отлично, и корректура ведена исправно ¹⁾, только слишкомъ часто пошаливаютъ скобки: онѣ то сое-

¹⁾ Изъ замѣченныхъ опечатокъ можемъ указать напримѣръ 26642 вмѣсто 29642 на стр. 616; 572 вмѣсто 575 на стр. 618, III столб., 4 строка снизу; Vuesch. 57=Chol. 806 (вм. 896) на стр. 620; В. 236=Chol. 1068 (вм. 1058) на стр. 621 и т. п.

диняютъ разныя слова воедино, какъ напримѣръ 68,3 *iudica[t]id* вмѣсто *iudica[t] id*, или 763,1 *[ossa]sunt*, и т. д., то разчленяютъ одно слово на части. какъ напримѣръ 763,2 *[fes] tivitare* или 730,4 *[ux] sor[em]*.

Конецъ рецензіи мы намѣревались посвятить критическому разбору наиболѣе интересныхъ эпиграфій. въ восстановленіи текста которыхъ или въ интерпретаціи мы не сходимся съ авторомъ разбираемаго сборника,—но размѣры, какіе приняла наша рецензія, заставляютъ насъ отказаться отъ выполненія первоначальнаго плана. Не можемъ однако же не обратить вниманія читателя на небезынтересное примѣчаніе г. Холодяка къ п. 1079:

deinde hoc elogium breve:

diu viven]do multa vidi incom(m)od(a),

5 apto requievi f]essus aevo tempore,—

„disputavit de titulo Krašeninnikow, Eph. Min. P. I. 1895 sect. phil. class. p. 78, qui lascivo nimis sermone in Buechelerum nostrum invectus carmen putat a vocabulo *breve* incipere, quamquam verba *deinde*—*breve* teste Mommseno in lapide omnino alia ac maiore ceteris scriptura sunt insculpta, suppletque hoc modo:

breve [vixi, at oppi]dō m. v. i.

ut nunc moriar iam f]essus a. t.

oppidoque adverbium ducit non ab *oppidi* vocabulo ut adsolet, sed ab *ope* seu potius ab adiectivo *opidus* a se ficto, qua occasione usus etiam Woelfflinum prosternit, qui contra sentire audent“.

Въ указанномъ мѣстѣ мы говоримъ по поводу своего восстановленія данной эпиграфій слѣдующее (стр. 88 и слѣд.): „Бюхлеріанцы, конечно, возмутятся просодическою погрѣшностью и отвернутся отъ перваго стиха, но, быть можетъ, сердца ихъ смягчатся, когда они прочитаютъ ниже о нашей этимологіи слова, являющагося *coprus delicti*. Ревнителі „чистоты“ языка, пожалуй, отдадутъ тотъ же стихъ подъ судъ ну хоть Вѣльфлину, поучающему, что „ist doch bekannt genug, dass *oppido* gerade nicht mit *multus* und *magnus* verbunden wird, sondern mit *pauci*, *parvus* u. ä.“ (Archiv für lat. Lexikographie u. Gram. 1889, p. 194. ср. его же *Lat. und roman. Comparation*, Erlangen 1879, p. 21); но отъ этихъ то quasi — пуритовъ можно отдѣлаться тѣмъ, что укажешь имъ на возможность отнесенія *oppido* къ *incommoda*. Мы лично однако стоимъ за отнесеніе *oppido* къ *multa*, хотя, какъ можно заключить изъ вышеприведен-

ныхъ замѣтокъ Вёльфлина, ему сочетаніе *oppido multa* не очень то по сердцу.

— — — Если же правильна наша этимологія, то—да утѣшатся бюхлеріанцы!—стихъ

breve vixi, at oppido multa vidi incomod(a)

становится корректнымъ въ просодическомъ отношеніи^с.

Предоставляя читателю судить, насколько точно и правильно резюме г. Холодняка по отношенію къ Бюхелеру и Вёльфлину, съ своей стороны отмѣтимъ, что почтенный авторъ разбираемаго сборника смѣшалъ Бюхелера съ бюхлеріанцами—не то въ ослѣпленіи своимъ столь трогательнымъ по безкорыстію піэтетомъ по отношенію къ боннскому профессору, — не то въ пылу собственной защиты¹⁾. Должно быть, это же ослѣпленіе или этотъ пылъ помѣшали ему познакомиться своихъ читателей съ *главнымъ моимъ аргументомъ*²⁾. Не вдаваясь въ антикритику, не можемъ однако же не высказать своего изумленія, что изъ устъ такого почтеннаго эпиграфиста, какъ г. Холоднякъ, приходится слышать такое легкомысленное возраженіе, какъ: „*quamquam verba deinde — breve teste Mommseno in lapide omnino alia ac maiore ceteris scriptura sunt insculpta*“. Какъ будто г. Холоднякъ не случалось находить въ *Corpus*’ѣ другихъ надписей, которыхъ начальныя строки вырѣзаны болѣе крупными буквами чѣмъ прочія,— какъ это видимъ и въ разбираемой эпитафіи. Изъ массы примѣровъ такого рода напомнимъ ему веронскую эпитафію С. V 3653 (= *Chol.* 45): *Laellae Clementine(!) | uxori incomparabili | Q. Furius Secundus mar|tus et sibi vivus fecit*, и проч., гдѣ болѣе мелкое письмо начинается съ 4 строки (*tus* и проч.). Или г. Холоднякъ думаетъ, что вслѣдствіе разной величины буквъ *MARI* не слѣдуетъ соединять съ *TVS*?...

Это будь сказано *pro domo mea*, а теперь остается только поже-

¹⁾ Наша рецензія въ достаточной мѣрѣ показала, что г. Холоднякъ является однимъ изъ самыхъ завядлыхъ бюхлеріанцевъ.

²⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1. с. стр. 79, а также мою брошюру: *Странный ученый или какъ и какъ иногда пишутся „ученныя“ рецензии. Ответъ г. Вагденъ Зѣлинскому*, Юрьевъ, 1896, стр. 82.—По поводу фразы „писецъ могилъ о похороненномъ человѣкѣ“, оказавшейся выше сообразительности г. Зѣлинскаго (*Странный ученый*, стр. 80), можемъ теперь дополнить цитату изъ Дзбродюбова (стр. 81) цитатой изъ Бюхелера п. 1290,4 *cara viro vixi, moria(r ut placide)*.

лать почтенному автору разсмотрѣннаго сборника, чтобы онъ поскорѣе подарилъ русской филологической литературѣ всѣ три обѣщанныхъ имъ въ предисловіи „Дополненія“, не дожидаясь выхода въ свѣтъ недостающихъ томовъ *Corpus*'а.

М. Крашенинниковъ.

Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὁρθόδοξου Παλατιοῦ Συλλόγου, συνταχθεῖσα δὲ ὑπὸ Ἀ. Παπαδόπουλου - Κεραμέως. Τόμος γ'. Ἐν Πετροῦπόλει. 1897.

Богатый рукописями востокъ продолжаетъ вскрывать передъ нами свои книжныя сокровища. Новый томъ „Иерусалимской библиотеки“ такъ же изобилуетъ разнообразными историко-литературными данными, какъ и первые два тома этого превосходнаго труда ¹⁾. Въ лицѣ г. Пападопуло-Керамевса библиотека іерусалимскаго патріархата имѣетъ изслѣдователя вдумчиваго и воодушевленнаго, не останавливающагося ни передъ какими палеографическими затрудненіями, но осторожно и настойчиво ихъ преодолюющаго ради сообщенія своей работѣ возможно полной и всесторонней обстоятельности.

Въ настоящій томъ вошелъ обзоръ рукописей монастыря Честнаго Креста, нынѣ патріаршей высшей богословской школы, рукописей, пожертвованныхъ въ центральную іерусалимскую библиотеку покойнымъ патріархомъ Никодимомъ, рукописей патріаршей ризницы, наконецъ нѣсколько кодексовъ, найденныхъ составителемъ описанія порознь и въ разныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ здѣсь заканчивается описаніе собственно іерусалимскихъ библиотекъ патріархіи; остается для *четвертаго* тома обзоръ обширной (свыше 850 рукописей) библиотека Константинопольскаго Святогробскаго подворья ²⁾, но этотъ послѣдній трудъ г. Керамевсу приходится пока отложить на неопредѣленное время.

Исторія рукописей выясняется со всею полнотою какъ помѣтками на отдѣльныхъ кодексахъ, такъ и тщательно внесеннымъ въ приложенія къ описанію обзоромъ тѣхъ святогробскихъ рукописей, которыя разсѣялись по разнымъ другимъ библиотекамъ ³⁾; сверхъ того

¹⁾ Ἐν Πετροῦπόλει 1891—1894.

²⁾ Изъ русскихъ изслѣдователей этой библиотекой занимался проф. А. А. Дмитриевскій; см. его „Путешествіе по Востоку“. Киевъ, 1890 г.

³⁾ VII и VIII приложенія.

составитель описанія перепечаталъ изъ греческихъ журналовъ содержательный очеркъ исторіи іерусалимскихъ библіотекъ, составленный въ 1881 году мѣстнымъ архимандритомъ, Кирилломъ Аванасіадоу¹⁾).

Много потерпѣвши отъ разорявшихъ монастыри сарациновъ и арабовъ, библіотеки іерусалимскія едва ли меньше пострадали отъ ученыхъ хищниковъ, оставившихъ много невознагражденныхъ пробѣловъ на книжныхъ полкахъ и въ отдѣльныхъ рукописяхъ Святаго Гроба. Въ этомъ отношеніи недобрую память по себѣ оставилъ въ Іерусалимѣ и нашъ ученый паломникъ, архимандритъ (позднѣе епископъ) Порфирій Успенскій. Рядъ рукописей Крестовскихъ и Саввинскихъ носить на себѣ слѣды его своеобразнаго „изученія“ іерусалимскихъ библіотекъ²⁾. Въ особенности досталось отъ любознательности русскаго паломника библіотекѣ лавры св. Саввы, въ которой преосв. Порфирій проживалъ дважды, въ 1844 и 1860 годахъ³⁾. Въ послѣдней книжкѣ мюнхенскаго византійскаго журнала мы встрѣтили крайне рѣзкое осужденіе нашего покойнаго епископа за подобный образъ дѣйствій. Правда, строго говоря, это далеко не красивая манера ознакомленія съ чужими книгохранилищами. Мы думаемъ, однако, что такое „изученіе“ находитъ все же нѣкоторыя оправданія въ историческихъ судьбахъ монастырей и монастырскихъ библіотекъ Востока. Стоитъ сопоставить слѣдующіе факты. Порфирій Успенскій въ послѣдній разъ посѣтилъ Саввинскую лавру болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Но и послѣ него, и до самыхъ послѣднихъ, можно сказать, дней іерусалимскія рукописи продолжаютъ пропадать и расточаться самымъ неопозволительнымъ образомъ. Укажемъ на старинный сборникъ, содержащій между прочимъ иписимъ молебнаго пѣнія отъ нападенія сарацинъ; въ 1864 году сборникъ еще видѣлъ изслѣдовавшій святогробскія библіотеки архимандритъ Кириллъ, но теперь сборникъ приходится занести въ число безслѣдно пропавшихъ⁴⁾. Упомянемъ собраніе разныхъ дѣлъ и рѣшеній Священнаго Синода патріархія съ 1698 по 1738 годъ, до послѣдняго времени хранившееся въ Іерусалимѣ, а нынѣ оказывающееся уже среди рукописей париж-

1) См. X приложение къ книгѣ.

2) Кромѣ помѣтокъ на отдѣльныхъ рукописяхъ, ср. въ особенности приложение V къ III тому и приложение VIII ко II т. „Іерусалимской библіотеки“.

3) См. его „Книгу“ бытія моего“, во многихъ мѣстахъ II и слѣд. томовъ.

4) См. X приложение къ III тому „Іерусалимской библіотеки“, стр. 279.

ской національной библіотеки ¹⁾. Какъ сберегались рукописи на мѣстѣ, въ Іерусалимѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, прежде всѣхъ прочихъ примѣровъ, недостойная судьба драгоцѣннаго Годуновскаго евангелія ²⁾, не далѣе, какъ въ 1858 году открытаго въ углу патриаршей ризницы, подъ пылью и щебнемъ! И потомъ, даже тамъ, гдѣ рукописи хранились болѣе или менѣе заботливо, ихъ древніе тексты зачастую лежали въ рукахъ своихъ ближайшихъ владѣльцевъ мертвымъ и бесполезнымъ капиталомъ: профессоръ Тишендорфъ, посѣтившій Саввинскую лавру въ 1840-ыхъ годахъ, замѣчаетъ, что сопровождавшіе его при осмотрѣ книгъ два молодыхъ монаха-библіотекаря оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно значительности и важности многихъ древнѣйшихъ рукописей ³⁾; нѣсколько ранѣе нашъ русскій поклонникъ, А. С. Норовъ, отбираетъ изъ той же библіотеки 24 рукописи X—XIII вѣковъ, „увѣрясь въ бесполезности этихъ книгъ для монастыря“ ⁴⁾. Такъ цѣнились старыя рукописи въ Іерусалимѣ. Съ другой стороны, возвращаясь къ Порфирію Успенскому, достаточно припомнить, какъ много цѣнныхъ ученыхъ трудовъ возникло на основѣ такъ называемаго Порфирьевскаго собранія Императорской Публичной Библіотеки, какъ могущественно воздѣйствовали „заимствованныя“ пресвященнымъ Порфиріемъ изъ св. земли рукописи и листы рукописей на оживленіе издательской дѣятельности нашего Палестинскаго общества,—и мы едва ли рѣшимся слишкомъ настойчиво тревожить память нашего ученаго паломника за его свободное хозяйничанье въ покояхъ Саввинской библіотеки. Должны же мы признать за фактъ несомнѣнный, что и пресвященный Порфирій, и другіе ученые хищники того же типа—сплошь и рядомъ оказывались и *спасителями* для науки дорогихъ историческихъ памятниковъ.

Не будемъ долго останавливаться на рукописяхъ богословскаго содержанія. Для читателя-спеціалиста эта часть описанія откроетъ цѣлый кладъ святоотеческихъ, житейскихъ и апокрифическихъ твореній, или вовсе еще неизданныхъ ⁵⁾, или изданныхъ неисправно.

¹⁾ См. VII приложение къ разбираемой книгѣ; въ Парижѣ же — свыше 50 рукописей изъ одного Святогробскаго подворья въ Константинополѣ (прил. X, стр. 285, прим. 1).

²⁾ Объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ будемъ говорить и ниже.

³⁾ См. II приложение въ разбираемой книгѣ.

⁴⁾ См. приложения IX и X въ II тому „Іерусалимской библіотеки“.

⁵⁾ Житіе Павла Фиванскаго, слово на возвращеніе мощей Іоанна Златоуста (Крестовск. монаст. № 5, X—XI вѣковъ); житіе Арсенія Великаго, ижеющеся

либо только въ латинскомъ переводѣ ¹⁾, или наконецъ отнесенныхъ въ изданіяхъ къ трудамъ другихъ авторовъ ²⁾. Мы намѣрены обозрѣть здѣсь нѣсколько подробнѣе только чисто-историческія данныя, отмѣченныя нами въ третьемъ томѣ „Іерусалимской бібліотеки“.

Исторія Іерусалимской патріархіи представлена въ III томѣ „Іерусалимской бібліотеки“ цѣлымъ рядомъ сочиненій мѣстныхъ авторовъ. Такова „Іерусалимская исторія“ патріарха Досіеоя, съ предисловіемъ его племянника и преемника, патріарха Хрисанеа, и письмомъ его къ другому племяннику Досіеоя, архимандриту Неофиту Нотарѣ (Крест. № 11) ³⁾. Такова „Исторія и описаніе св. града Іерусалима“ патріарха Хрисанеа (Крест. № 12) ⁴⁾. Къ новѣйшимъ трудамъ въ этомъ родѣ принадлежатъ „Священная исторія града Божія, Іерусалима“, архимандрита Максима Симея ⁵⁾, и многочисленныя работы Саввинскаго монаха, Анеима Анхіальскаго, вліятельнаго секретаря Іерусалимскаго синода ⁶⁾; назовемъ его сочиненіе: „О предѣлахъ апостольскаго патріаршаго іерусалимскаго престола и о подвластныхъ ему епархіяхъ“, вышедшее въ 1840 году въ Петербургѣ въ русскомъ переводѣ ⁷⁾. Таково же сочиненіе другаго патріаршаго грамматика,

и въ рукописи Московской синодальной бібліотеки, *ὁμιλία* о пророкѣ Іліи (Крест. № 35, XV вѣка); слово Хумна на Преображеніе Господне и рядъ словъ историка Нивифора Григоры, не указанныхъ въ жизнеописаніи его при Боннскомъ изданіи, томъ I, 1820 г. (патр. Никодима № 12, XIV столѣтія).

¹⁾ Житіе Іоанна, Христа ради убогаго, живущее въ греческомъ спискѣ и въ Московской синодальной бібліотекѣ (Крест. № 5, X—XI вѣка).

²⁾ Напримѣръ Іосифа архіепископа Фессалонискаго, слово на Честной и Животворящій Крестъ, изданное у Мниа въ числѣ словъ I. Златоуста, *сf. Lambros, Κατάλογος ἀγιωγραφικῶν κειμένων*, № 95, XVI вѣка; Григорія Чудотворца на Воскресеніе Христово— у Мниа подъ Григоріемъ Антиохійскимъ (Крест. № 35, XV вѣка) и проч.

³⁾ Помѣты читателей на рукописи: „Смиранный Іонгъ архимандритъ читалъ книгу сію и радовался духовно. 1842 г., октября 19“. (Томля, бывшаго игумена Архангельскаго монастыря въ Іерусалимѣ, упоминаетъ пр. Порфирій: „Книга бытія моего“, т. II, стр. 517). Подобная же помѣта іеродіакона Теоκληста, отъ 1847 года.

⁴⁾ То же—Іерусалимская бібліотека, т. I, № 101.

⁵⁾ Крест. монаст., № 56.

⁶⁾ „Руль синода, палицы котораго боятся всѣ архіереи“, по отзыву пр. Порфирія („Книга бытія моего“, II, 369). О вліятельности монаха Анеима свидѣтельствуютъ привѣтственныя рѣчи и даже *τροπάρια*, посвященныя ему, простому монаху, наряду съ митрополитами (Іер. библ., т. II, № 702).

⁷⁾ Г. Керамевъ не упоминаетъ, что это—не отдѣльная брошюра, а только приложеніе ко II тому 4-го изданія извѣстнаго „Путешествія по святымъ мѣстамъ“ А. Н. Муравьева.

Неофита Киприянина: „Двадцатилѣтіе“ (Εικοσαετηρίς), въ которое вошелъ обзоръ судебъ патриархіи за время съ 1822—1842 годы ¹⁾.

Въ частности, о миссіонерскихъ вліяніяхъ патриархіи на окрестныхъ арабовъ могутъ свидѣтельствовать такіе памятники, какъ сохранившееся въ Крестовомъ монастырѣ (№ 26) евангеліе XI вѣка на греческомъ и *арабскомъ* языкахъ, точно также какъ имѣющіяся въ нѣсколькихъ экземплярахъ на Аѳонѣ, напримѣръ, греко-турецкія евангелія. Крестовское евангеліе предназначено очевидно для обращенія между новопросвѣщаемыми арабскими читателями. А вотъ и подпись одного изъ такихъ читателей: „Читалъ книгу сію смиренный и грѣшный отрокъ (παίδιον) Халилъ, сынъ Ибрагима, изъ мѣстечка Бетжала“ ²⁾. А въ типикѣ храма Воскресенія XII вѣка ³⁾ интересна помѣта красными чернилами, гласящая: „и затѣмъ второй диаконъ переводить сіе слово (огласительное, пасхальное I. Златоуста) на арабскій языкъ, дабы огласить его и незнающимъ читать по-ромейски, и дабы была радость и веселіе всему народу и великому и малому“; ниже находимъ и подпись арабскаго діакона Халила Коракскаго—XIV вѣка.

Извѣстно, что въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія мѣстныхъ туземцевъ Іерусалимское православіе встрѣчало опасныхъ и опытныхъ враговъ въ лицѣ миссій католическихъ и лютеранскихъ. Отсюда ожесточенная противъ нихъ полемика, отразившаяся и въ патриаршей библиотекѣ въ такихъ сочиненіяхъ, какъ „Отповѣдь (Απόκρισις) православнога къ брату нѣкоему, вопросившему о власти католиковъ и о томъ, кто такіе схизматики. и о варварски-именуемой уніи и уніатахъ (Ουνιτών), и о томъ, какъ слѣдуетъ православнымъ отражать тираннію католиковъ“. Это списокъ съ печатной книжки, вышедшей въ 1775 году, въ Галле (ἐν Χάλλῃ). Если авторъ этого сочиненія (а не переводчикъ только)—дѣйствительно Никифоръ Θεοτοки, священствовавшей потомъ въ Россіи на кафедрахъ Славонской и Херсонской ⁴⁾ и Астраханской и Ставропольской,—то онъ назвалъ свое полемическое писаніе въ

¹⁾ Рукопись патриаршей ризницы, № 21; напечатана въ III томѣ 'Ανάλεκτα τῆς Ἱεροσολιμιτικῆς Σταχυολογίας.

²⁾ Объ этомъ арабскомъ мѣстечкѣ, въ которомъ въ половинѣ текущаго столѣтія сильно была *уніатская* пропаганда, см. у преосв. Порфирія, „Книга бытія моего“, томы I—II.

³⁾ Крестовск. ркп. № 43; напечатана г. Керамевсомъ во II т. 'Ανάλεκτα.

⁴⁾ Привѣтственное слово его съ этой кафедрой къ императрицѣ Екатеринѣ II, см. въ „Іерусал. библ.“, т. I, № 287.

очевидное подражаніе знаменитому Брестскому „Апокризису“, которымъ западно-русскіе православные отвѣчали на притязанія униатовъ¹⁾.

Тѣми же непримиримыми чувствами дышетъ другая полемическая книга Іерусалимской бібліотеки, подъ заглавіемъ: „Сожженіе древняго закона, сирѣчь отвѣдъ на посланіе Лютерокальвиновъ къ намъ, православнымъ Еллинамъ, именуемое Древнимъ закономъ (Παλαιονομία)“⁴⁾. Рукопись представляетъ автографъ вышеупомянутаго секретаря патріархія, Неофита съ о. Кипра. Въ предисловіи сказано, что Лютерокальвины „напечатали столько книженокъ (βιβλίονα), содержащихъ ихъ зловѣріе“, и на разныхъ языкахъ разсѣяли по всей землѣ, забросили много книгъ и сюда, въ Іерусалимъ. „Прочитавъ ихъ,—продолжаетъ авторъ,—и обозрѣвъ содержащіяся въ нихъ ереси, богохульства и обвиненія истинныхъ догматовъ непорочной нашей вѣры, мы не замедлили осудить ихъ и возбранить чтеніе таковыхъ всѣмъ вѣрнымъ“ (ркп. ризницы, № 17). Уже самая неумѣренность выражений явственно свидѣтельствуетъ, что полемика возникла на почвѣ особливыхъ и нежеланныхъ успѣховъ протестантской пропаганды во Св. землѣ²⁾.

Замѣчательно, что грамматикъ же, то-есть одинъ изъ значительнѣйшихъ администраторовъ патріархія, высказывается и по поводу другой церковной распри, распри, вспыхнувшей въ средѣ самого православія, между представителями разныхъ народностей. Неприглядныя основы этого раздора хорошо выясняются выдержками изъ „Сжатой исторіи лавры св. Саввы“, принадлежащей перу уже упоминавшагося монаха и секретаря, Анеима. „До паденія ромѣйской державы,—пишетъ между прочимъ этотъ монастырскій историкъ:—монастыремъ Архангела³⁾ полновластно управлялъ блаженнѣйшій

¹⁾ Русскій переводъ—Кіевъ, 1870; ср. Костомарова „Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій“ въ I отд. „Русск. истор. въ жизнеописан.“, с. 542.

²⁾ „Schon stehen über Tausend arabische Männer auf den Höhen des Heiligen Landes als mehr oder minder geeignete Pioniere der evangelischen Kirche“, — пишетъ пасторъ Шнеллеръ въ 1874 году о результатахъ дѣятельности Сирійскаго сиротскаго дома, одного изъ вліятельнѣйшихъ учреждений протестантской миссіи въ Палестинѣ (*Schneller, Apostelfahren, Leipzig, 1896, Anhang, S. 424*).

³⁾ Въ самомъ Іерусалимѣ. „Сербы построили сей монастырь: Я видѣлъ въ церкви сербскія иконы съ славянскими буквами. Половиною сей обители завѣдуетъ игумень или экономя Свято-Саввинскаго монастыря,... другою—патріаршій монахъ“,—пишетъ въ 1844 г. преосв. Порфирій („Книга бытія моего“, II 320—1).

Ипекскій ¹⁾); въ какое время и на какомъ основаніи и отъ кого получилъ онъ обитель, я не могъ найти. Но монахи Архангельскіе, не имѣя силы выплатить тогдашнія очень тяжкія дани сборщикамъ, сошлись въ одно общежитіе со святосавцами, бывшими также болгарями, и такъ оказались виновниками двухъ золъ. Во-первыхъ. они не хотѣли подчиниться патриарху, но даже подати выплачивали сборщикамъ особо и искали получить отдѣльное мѣсто во храмѣ Св. Гроба; игумень же ихъ являлся къ патриарху съ посохомъ. И вотъ они отправляются въ Царьградъ къ патриархамъ жалуюсь, что терпятъ обиды отъ іерусалимцевъ. Итакъ, получивъ грамоту отъ константинопольскаго патриарха, они приглашаютъ антиохійскаго и александрійскаго, чтобы судиться у нихъ съ іерусалимскимъ. Оба патриарха удостовѣряютъ, что они, иноки, остаются независимы, и такъ то эти патриархи, то ли прельстясь взяткою, то ли по невѣжеству своему, отняли у патриарха право на монастыри, лежащіе въ самомъ его кафедральномъ городѣ, поступивъ противу священныхъ правилъ; тогда то надмались гордостію (ἐκτῆραν τῶν ὀφρῶν) архангельцы и святосавцы. Во-вторыхъ, когда приходили паломники, они выходили къ нимъ на встрѣчу и приводили въ свой монастырь, *а патриархъ оставался съ пустыми руками* "... Оставляемъ заключеніе извѣстія, повѣствующее, какъ іерусалимскимъ патриархамъ удалось въ концѣ концовъ воротить себѣ непокорные монастыри (Іер. библ., т. II, № 294).

Третій томъ „Іерусалимской бібліотеки“ не даетъ большихъ подробностей объ учено-литературныхъ занятіяхъ іерусалимскихъ монаховъ. Однако за процвѣтаніе нѣкоторыхъ высшихъ интересовъ въ нихъ средѣ говоритъ наличность въ патриаршей бібліотекѣ такихъ рукописей, какъ списокъ хроники Пахимера (XV вѣка, Крест. рукоп. № 4), какъ *древнѣйшій* изъ доселѣ извѣстныхъ кодексовъ хроники

¹⁾ Ипекская (Печская) автокефальная сербская патриархія уничтожена послѣ паденія Сербіи, въ 1459 г., восстановлена въ половинѣ XVI вѣка, и вторично и окончательно упразднена султанскимъ фирманомъ 1766 г., по мнѣнію славянскихъ писателей,—составленнымъ подъ вліяніемъ *греческихъ* дѣателей константинопольскаго патриархата (*Костадинъ*, Цареградская патриархія и православіе въ Европейской Турціи, переводъ съ сербскаго Д. Никольскаго, С.-Пб. 1896, стр. 18, со ссылкой на Л. С. Ястребова, податци за Историју Српске цркви. Београд, 1877 г.). „Греки,—писалъ послѣдній Ипекскій патриархъ Василій въ 1771 г.:—умѣютъ ловко устраивать свои дѣла, но весьма завистливы относительно другихъ народностей“ (*Костадинъ*, стр. 25). Вотъ голосъ другой стороны въ греко-славянской церковной распрѣ...

Франдзи (начало XVI вѣка, Крест. № 38), четвертый изъ древнѣйшихъ списковъ номоканона Фотія (около X вѣка, Крест. рукоп., № 2), отрывокъ неизвѣстнаго доселѣ историка объ Александрѣ Македонскомъ ¹⁾ и тому подобныя сочиненія. Сюда же надо отнести списки философскихъ изслѣдованій: труды извѣстнаго мыслителя XVI вѣка Теофила Коридалева ²⁾, „Введеніе въ философію“ (XVIII вѣка, Крест. рукоп. № 10) и „Логика“—послѣдняя со школьными объясненіями дидаскала Спандонаки, пожертвованная патриархомъ Кирилломъ II (1845—1872 гг.) въ бібліотеку высшей школы для употребленія учащихъ и учащихся въ ней (Крест. рукоп., № 33). Упомянемъ еще многочисленныя математариі, сборники школьнаго характера съ темами для упражненій въ переводахъ и подобнымъ содержаніемъ. О собственныхъ историческихъ трудахъ іерусалимскихъ монаховъ мы говорили. Отмѣтимъ теперь работы этнографическаго и филологическаго характера: въ одной Крестовской рукописи (XVIII вѣка, № 89) находимъ собраніе пословицъ, составленное іеромонахомъ Пареніемъ Каціули изъ Янины. Въ предисловіи собиратель заявляетъ, что пословицы подобраны имъ по многимъ книгамъ: Свидѣ, Барину, Дидиму, Апостолю, а многія онъ заимствовалъ изъ простонародной рѣчи, „переложивъ ихъ въ старинную красоту еллинскаго языка“. „Вскорѣ,—добавляетъ Пареній,—Богъ дастъ, я представлю вамъ и другое собраніе изреченій“. Послѣдній сборникъ изданъ въ Венеціи въ 1728 году.

Наконецъ, какъ въ самомъ составѣ сборниковъ, такъ и въ отдѣльныхъ помѣтахъ на нихъ намъ попадается немало образцовъ поэтическаго творчества іерусалимскихъ отцовъ. Приведемъ, для примѣра, недурное по образности четверостишіе, посвященное святому Игнатію ³⁾.

Столь частое обращеніе писцовъ и читателей рукописей къ стихотворной формѣ возбуждаетъ даже въ одномъ кодексѣ XIII вѣка

¹⁾ Изданъ авторомъ описанія въ *Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія* 1892 года и Рейнахомъ въ *Revue des études grecques* того же года.

²⁾ Переведенъ патриархомъ Кирилломъ Лукарисомъ изъ Закияна въ Константинополѣ (*Σαχκελίωσ, Πατριαρχή Βιβλιοθήκη*, с. 313).

³⁾ Приложение XI къ III тому „Іерусалимской бібліотеки“.

„Звѣзды восходятъ, когда къ заката склоняется солнце,
А при восходѣ его меркнетъ сіяніе звѣздъ.

Сходить Игнатій во гробъ, и звѣзды надъ гробомъ зардѣлись;
Какъ же и намъ не назвать солнцемъ, Игнатій, тебя?“

нѣкоторую полемику по вопросу о неумѣстности стиховъ въ иныхъ случаяхъ. Подъ стихотворною поимѣтою писца другая рука, и опять такъ стихами, прибавила, что недостойно „мудрыхъ перстовъ“ писателя—пускаться въ эти старушечьи сказки, „въ болтливые ямбы“ (λήρος ἰαμβων), навлекающіе на автора проклятіе и осуждающіе стихоплетовъ (στυγιάς), какъ пустыхъ болтуновъ (Іерусалимская бібліотека, т. II, № 96).

Изъ данныхъ, относящихся къ исторіи отдѣльныхъ патриарховъ, надобно упомянуть прежде всего слѣдующую поимѣту на рукописи XVI вѣка (Крест. № 28); „Гавріилъ, бывшій Фессалоникскій (патріаршествовалъ въ Константинополѣ въ 1596 году), умеръ отъ яда; послѣ же Карикъ, бывшій Аѳинскій, и онъ умеръ, какъ и Гавріилъ“. Вторая половина извѣстія объясняетъ нынѣ впервые, почему такъ недолго продолжалось патриаршество талантливаго Теофана Карика¹⁾.

Письма іерусалимскаго патриарха Досеоя (1669—1707 гг.) изъ разныхъ мѣстъ къ временнымъ намѣстникамъ патриархіи²⁾ рисуютъ личность святителя, со всею искренностью преданнаго интересамъ литературы и просвѣщенія. Посмотрите, съ какою любовною бережностью охраняетъ онъ отъ всякихъ досадныхъ случайностей свои дорогія рукописи: „пришлите мнѣ,—пишетъ онъ въ 1696 году изъ Константинополя,—рукопись Августина о Троицѣ, тщательно заверните ее и предупредите отцовъ, что, если, не дай Богъ, случится съ ними какое несчастіе, пусть все гибнетъ, но не погибнетъ книга“³⁾. Патриарха, видимо, глубоко возмущаетъ небрежность и лѣность одного писца, нѣкоего попѣ—Капитона⁴⁾. „Номоканонъ и Амфилохія,—пишетъ Досею:—о которыхъ мы вамъ писали, пусть Капитонъ переписываетъ изящно и безъ помарокъ (παστρικά καὶ καθαρά); а если ни-

¹⁾ Опубликованный Саккеліономъ изъ Патмосской рукописи „Списокъ патриаршествовавшихъ послѣ взятія Константинополя при Агарянской тиранніи“ перечисляетъ названныхъ патриарховъ въ такомъ порядкѣ: „Гавріилъ Фессалоникскій [патріаршествовалъ] мѣсяцевъ 7.—Теофанъ Аѳинскій мѣсяцевъ 7.—[Теофанъ] Карикъ, ὁ μοισχότατος καὶ καλλίφωνος...“ Сколько патриаршествовалъ послѣдній, не показано (Πατριακή βιβλιοθήκη, с. 313). Рукопись работы Ф. Карика—„Іерусалимская бібліотека“, т. II, № 127.

²⁾ Хранятся въ канцеляріи Іерусалимскаго патриархата; выдержки напечатаны въ IX приложеніи къ III тому „Іерусалимской бібліотеки“.

³⁾ Ὅλα ἄν καθαῖον, ἀμὴ τὸ βιβλίον καὶ μὴ χαθῆ.

⁴⁾ Грѣшный Капитонъ іеромонахъ подписался подъ одной рукописью 1674 года (Іерусалимская бібліотека, т. II, № 406).

чего не писать, извергните его, яко язычника и мытаря“; и въ позднѣйшемъ письмѣ прибавляетъ: „пришлите мнѣ Амфилохіи Фотія, такъ какъ Капитонъ ихъ переписалъ скверно (ἐχαιόγραφε), и мы желаемъ сдать ихъ въ новую переписку“. Въ заботахъ объ утверженіи православія, патріархъ предлагаетъ выслать ему переписанное его бывшимъ секретаремъ сочиненіе Панарета противъ чистилища, предполагая издать эту книгу. И тутъ же блаженнѣйшій Досноей увѣдомляетъ своихъ намѣстниковъ, что занять сейчасъ изданіемъ во Влахіи достойной книги, которую по отпечатаніи поспѣшить доставить въ Іерусалимъ, въ количествѣ десяти экземпляровъ. Онъ рекомендуетъ далѣе тѣмъ же лицамъ цѣлый рядъ практическихъ указаний, клонящихся къ возможному сохраненію его іерусалимскаго книгохранилища... Заботливо слѣдитъ онъ въ отсутствіи и за судьбою іерусалимскихъ школъ. „Если,—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ:—мальчики, которыхъ вы воспитываете, будутъ проситься учиться пѣнію, пусть не учатся; но пусть изучаютъ покуда только общія образовательныя науки (γράμματα κοινὰ καλὰ), а когда почеркнѣтъ ихъ подбородокъ (μαορίστῃ τὸ σαγὸν τοῦς), и они будутъ приходить въ патріархію, пусть учатся тогда и пѣнію“. Патріархъ не забываетъ и трудностей, выпадающихъ на долю молодыхъ пѣвцовъ, и предлагаетъ угощать ихъ какою-нибудь закуской ¹⁾ въ патріархіи, послѣ службы, по воскресеньямъ и праздникамъ, а если тяжело, то хотя бы только въ праздники. Послѣднія слова указываютъ на тяжелое матеріальное положеніе патріархіи, иногда страдавшей прямо голодовкой ²⁾. Патріархъ Досноей очень озабочивается и просвѣщеніемъ арабовъ: „заботьтесь и объ арабской школѣ,—пишетъ онъ:—и если придутъ нѣкоторые дѣти еретиковъ, чтобы поучиться арабской грамотѣ, не отвергайте ихъ; напротивъ, скажите, чтобы кто хочетъ посылать дѣтей, пусть приводитъ, потому что, если они и не сдѣлаются православными, то никогда не будутъ и врагами нашими, а сіе полезно, по слову изрекашаго: „кто не противъ насъ, тотъ за насъ“ ³⁾. Какъ непохожи приведенныя замѣчательныя слова на узкую нетерпимость

¹⁾ ψωμάκι—отъ ψωμί, ψωμί—хлѣбъ (см. средне-греч. словарь Дюканжа s. v.).

²⁾ См. замѣтку о великомъ голодѣ и великихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ городѣ Іерусалимѣ въ 1583—1584 гг., Крест. рукоп. № 28.

³⁾ Кстати сказать, едва ли не школьную выходку одного изъ такихъ „отроковъ“ представляетъ девятистишіе, воспѣвающее τὸν ἀκτινοχρῶσοφατῆροχροτο—λαμπροφροφωτοστόλιστον ψαλτήρα (сохранилось въ одной Псалтири XVI вѣка, Προσθήκαι, с. 349).

многихъ представителей греческаго духовенства, на это „азіатское остервенѣніе вѣры противъ вѣры“, по выраженію преосвященнаго Порфирія!... Въ тѣхъ же видахъ укрѣпленія православія рядомъ съ иновѣрными вліяніями, Досвеей указываетъ слѣдить за судьбою православныхъ арабовъ за Іорданомъ и въ другихъ мѣстахъ, раздавать имъ старыя иконы, имѣющіяся во множествѣ въ патриархіи, и т. п.

Іерусалимскій патриархъ Досвеей—личность памятная и въ нашей исторіи. Выѣстѣ съ русскимъ патриархомъ Іоакимомъ (1674—1691 гг.) онъ усиленно озабочивается расширеніемъ греческаго типографскаго училища въ Москвѣ и, въ связи съ этимъ, обогащаетъ бібліотеку молодого училища многими полемическими сочиненіями противъ латиновъ. Нѣсколько подобныхъ рукописей, внесенныхъ въ училище отчасти самимъ Досвееемъ, отчасти его племянникомъ и преемникомъ, патриархомъ Хрисанеомъ, — и доселѣ хранится въ Московской синодальной бібліотекѣ¹⁾.

Не мало интересныхъ и характерныхъ данныхъ находимъ мы и въ обзорахъ судебъ отдѣльныхъ монастырей Іерусалима. Таково, напримеръ, собраніе „Собственноручныхъ замѣтокъ блаженнаго архимандрита и духовника лавры св. Саввы, Іоасафа Критянина²⁾, о томъ, какіе братья почли во дни наши, съ 1819 года, декабря 29-го, до нынѣшняго 1845 года, ноября 20-го“. Это простодушнѣйшія, въ духѣ и тонѣ лѣтописей, погодныя записи, не лишеныя, однако, мѣстами выразительныхъ картинокъ изъ внутренней жизни монастырской. Такъ объ Іаковѣ критянинѣ игуменѣ замѣчаетъ, что онъ былъ каллиграфомъ (*καλογράφος*) и переписалъ много рукописей; объ Ага-ѡангелѣ, въ мірѣ называвшемся Азаріей, — „онъ зналъ хорошо арабскій языкъ и сдѣлался младшимъ драгоманомъ и кандилаптомъ патриархіи, и игуменомъ монастыря Честнаго Креста“; о старцѣ Са-

¹⁾ См. прилож. VIII въ разсматриваемой книгѣ. О сношеніяхъ патриарха Досвеея съ русскимъ правительствомъ есть изслѣдованіе Н. Ѳ. Каптерева въ „Чтеніяхъ Общества истор. и древн. Росс.“ за 1891 г. (по даннымъ центрального архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

²⁾ Старожилъ лавры, прожившій въ ней съ 1819—1875 гг. О немъ преосв. Порфирій занесъ въ свой дневникъ подъ іюнемъ 1844 г. слѣдующее: „Смиранный духовникъ Саввинской обители, о. Іоасафъ, родомъ критянинъ, давно подвизается на трудномъ поприщѣ духовной жизни; и за его святость почитаютъ его не только греки, но и арабы-мусульмане. Онъ знаетъ по-русски, и иногда служить обѣдни на славянскомъ языкѣ для русскихъ иноковъ. Онъ выучился русскому языку у русскаго монаха, которому онъ порученъ былъ на послушаніе, искусъ и обученіе“ („Книга быт. моего“, II, 117).

муилѣ: „когда его дядя, Михаилъ, сдѣлался игуменомъ лавры, при-
быль и онъ сюда, и былъ здѣсь очереднымъ (ἐφθήμερος) двадцать
лѣтъ. Но такъ какъ онъ пилъ табакъ (ἔπινε ταμπάχον) ¹⁾, то хотѣлъ,
чтобы почаще бывала литургія преждеосвященныхъ, а тогдашній
экономъ не согласился и позмѣялся надъ нимъ; тогда, разсердив-
шись, онъ отказался отъ чреды... Былъ же тотъ папа — Самуилъ
простодушнѣйшій и незлобивый человекъ, и служилъ съ великимъ
смирениемъ своему дядѣ Михаилу, который былъ хромою (χοντζός) и
совершалъ всѣ нужды въ келии. И на общихъ службахъ онъ былъ
первымъ, и на церковномъ послѣдованіи, и жилъ съ нами болѣе 35
лѣтъ. И заболѣвъ тяжело и принявъ схиму, отошелъ ко Господу“.

Иную, и совсѣмъ не такую безмятежную жизнь рисуетъ харатей-
ный листокъ, сохранившійся въ игуменскихъ кельяхъ одной грече-
ской лавры ²⁾. Это записъ о своей жизни бывшаго Мосхонезійскаго
епископа, Каллиника. Около 1818 года пришелъ онъ на Аѳонскую
гору и постригся въ великой лаврѣ; здѣсь встрѣтился онъ съ буду-
щимъ вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ, въ 1821 году сдѣлав-
шимся жертвою турецкихъ (и еврейскихъ) неистовствъ. Во время
греческаго возстанія Каллиникъ жилъ въ одномъ изъ святогорскихъ
подворій въ Пелопонесѣ. Когда возстаніе стихло, ему захотѣлось
увидать свой родной городъ, сильно и тяжело пострадавшій въ эти
несчастные годы. Затѣмъ, по общему выбору своихъ согражданъ, онъ
отправляется въ качествѣ ихъ полномочнаго посланника (ἀπόστολος
πληρεξούσιος) въ Константинополь, чтобы просить турецкое прави-
тельство о возвращеніи мосхонезійцамъ отнятыхъ за участіе въ воз-
станіи имѣній. Каллинику удалось добиться этого отъ турокъ, и от-
правленный спустя два года въ родной городъ, онъ ѣхалъ туда уже
не простымъ монахомъ, а епископомъ Мосхонезійскимъ. „На родинѣ,—
продолжаетъ епископъ Каллиникъ,— я жилъ и архіерействовалъ пят-
надцать лѣтъ. Затѣмъ, прибывъ по дѣламъ въ Константинополь и
познавъ сладость пастырства (τὴν γλύχα τῆς πατερικίας), подалъ церкви
отреченіе отъ кathedры... И прибывши на св. гору, доселѣ здѣсь пре-
бываю на покоѣ. Все суета суетъ!“—заканчиваетъ свою записъ 97-ти-
лѣтній старецъ-епископъ.

Въ эти дни испытаній греческая народность и хотя слабые от-

¹⁾ Обычай, такъ смутившій въ 1743 году нашего благочестиваго поклонника.
старца Леонтія („табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ“).

²⁾ Ἑτεροί κώδικες, № 6.

блески греческой образованности могли уцѣлѣть только съ постороннею помощью. Находились и внѣ Греціи люди, оказывавшіе посильное вспомошествованіе павшей и затмившейся цивилизаціи Еллады. Путевыя замѣтки ессалоникскаго монаха Паренія отъ 1792—1793 годовъ (рукопись патріарха Никодима, № 13) рассказываютъ о владѣльцѣ икрянаго промысла (? *κόριος τῶν χαβιαρίων*) въ Астрахани, Дмитріи Варваки, пожертвовавшемъ 500 *πουγγεῖα*¹⁾, на наши деньги приблизительно 18 тысячъ рублей, — въ пользу школы въ Псарѣ, и проценты съ другихъ 36 тысячъ рублей—ва мѣстныхъ учителей.

Такими же меценатами греческаго просвѣщенія оказывались государи молдавскіе. Передъ нами—письмо нѣкоего патмосскаго монаха къ игумену монастыря Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ. Монахъ передаетъ своему владыкѣ-настоятелю просьбу свѣтлѣйшаго воеводы Мих. Григ. Судзы,—прислать ему имѣющіеся въ Патмоской библиокѣ старинныя схоліи къ Григорію Богослову и автографы императора Алексія Комнина. Воевода предполагаетъ издать въ Яссахъ полное собраніе твореній великаго отца церкви по возможно точному списку; монахъ проситъ настоятеля поручить двумъ образованнымъ братьямъ (*δύο πεταδεομένους ἀδελφούς*) сличеніе рукописей и стараго изданія Григорія Богослова, и этотъ исправленный печатный текстъ прислать для руководства типографу. „Я увѣрилъ его свѣтлость,—заключаетъ свое письмо монахъ: — что, памятуя благодѣтеля и защитника (*θεφευδαυτήν*) ихъ монастыря, въ Бозѣ почившаго дѣда, Михаила воеводу²⁾, иноки охотно исполняютъ желанье его свѣтлости“. Это письмо помѣчено февралемъ 1820 года; другое, отъ апрѣля того же года, представляетъ прошеніе къ господарю отъ Ясскихъ членовъ *Φιλῆτης Ἐταρίας* объ изданіи въ свѣтъ по древнѣйшимъ кодексамъ сочиненій Іоанна Златоуста. Просители горячо умоляютъ господаря издать Златоуста въ эту „по истинѣ золотую и всеполезнѣйшую эпоху богохранимаго вашего высочества и въ типографіяхъ вашей богоспаваемой столицы“. И далѣе тотъ же сборникъ заключаетъ переписку

¹⁾ *Πουγγεῖον* = 500 піастрамъ (cf. *Meyer*, Haupturkunden für d. Gesch. d. Athosklöster; S. 68, со ссылкой на книгу Людеке, пастора на о. Смирнѣ въ 1759—1768 гг.: *Glaubwürdige Nachrichten aus d. Türkisch. Reich.*); піастръ = 0,18 Марки (ebd. S. 87).

²⁾ Михаилъ Раковица, господарь молдавскій и валахскій, 1704—1727 гг. (съ промѣжутками). Въ сборникѣ Есфигменскаго монастыря на Афонѣ (№ 2231 по каталогу С. Ламброса) есть листы рѣдвой печатной книжки въ стихахъ: „Ἄν δραγαθείαις τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ ἀνδρειωτάτου Μιχαῆλ Βοεβόδα“.

по этому поводу молдавскаго господаря съ митрополитомъ никоимъ дѣйскимъ и патріархомъ константинопольскимъ (рукопись патріарха Никодима, № 12).

Мы упоминали выше уже нѣсколько разъ объ іерусалимскихъ рукописяхъ, имѣющихъ отношеніе къ нашей исторіи. Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на замѣчательнѣйшей изъ такихъ рукописей, свидѣтельствующей о давнихъ сношеніяхъ нашей родины съ іерусалимскимъ патріархатомъ. Это—евангеліе, которое пожертвовали во Всесвятой Гробъ русскій правитель (δῆκᾰτωρ) Борисъ Годуновъ и сынъ его Феодоръ Борисовичъ. Надпись на окладѣ евангелія гласитъ: „Лѣта 7104 (=1596) сию св. книгу отъ пречистыхъ и божественныхъ оустъ самымъ Господемъ глаголимое евангиліе положилъ во св. церковь пресвѣтлаго и тридневнаго Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа на святій превысокій престолъ надъ божественнымъ его гробомъ еже есть во святемъ граде Іерусалиме многогрѣшный Борисъ и Феодоръ“. Евангеліе одинаково замѣчательно и художественной работой оклада,—на доскахъ чистаго золота, осыпанныхъ дорогими каменьями, и каллиграфскимъ исполненіемъ текста, и прекрасными иллюстраціями. Таково, на оборотѣ 1-го листа, изображеніе евангелиста Іоанна, въ экстазѣ обратившаго взоръ къ небу, откуда падаютъ на него три луча. Пасхальное евангеліе начинается прекраснымъ изображеніемъ окрыленнаго льва, держащаго раскрытое евангеліе, съ головой, увѣнчанной лучами. Великолѣпную страницу этой замѣчательной рукописи, обрамленную тончайшей работы широкимъ бордюромъ, воспроизводитъ фототипическій снимокъ къ 221-ой страницѣ описанія (рукоп. ризницы, № 18).

Другое евангеліе патріаршей ризницы написано въ Москвѣ, въ 1596 году рукою Арсенія, митрополита елассонскаго. памятнаго въ исторіи русскаго православія, какъ перваго устроителя дѣлъ братской школы во Львовѣ¹⁾. Отмѣтимъ здѣсь изображеніе евангелиста Маттея со свиткомъ въ рукахъ, въ которомъ начало евангелія писано

¹⁾ *А. Папковъ*, Эпоха преобразованій западно-русскихъ церковныхъ братствъ, *Богословскій Вѣстникъ* 1897, ноябрь, стр. 235. Митрополитъ Арсеній долго состоялъ въ вѣдомствѣ московскаго патріарха, не имѣя особой епархіи и именуясь то елассонскимъ, то архангельскимъ, такъ какъ въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ ему поручено было служить по усопшимъ русскимъ князьямъ; въ 1589 году участвовалъ въ избраніи перваго русскаго патріарха (см. въ богатомъ содержаніемъ и новымъ архивнымъ матеріаломъ изслѣдованіи И. М. Покровскаго. „Русскія епархіи въ XVI—XIX вѣкахъ. Томъ I, Казань, 1897, стр. 57, 385).

славянскими буквами. Нельзя ли здѣсь предполагать вліянія московскаго подлинника? ¹⁾).

Здѣсь можно упомянуть еще третье евангеліе той же ризницы, пожертвованное первоначально въ храмъ Богородицы, „именуемой Варяжскою“ (Βαράγγιότης). Если слѣдовать мнѣнію Шлумбергера, этотъ храмъ также имѣетъ отношеніе къ русской старинѣ: французскій изслѣдователь утверждаетъ, что эта Константинопольская церковь принадлежала специально русскимъ, находясь въ непосредственномъ соудствѣ со св. Софіей, на западъ отъ нея ²⁾). Упомянутая рукопись относится къ XII-му вѣку (рукоп. ризницы, № 11).

Изъ ближайшаго къ намъ времени сохранилась поэма о Чесменскомъ сраженіи, оставившемъ столько неизгладимыхъ воспоминаній и на материкѣ Греція, и на греческихъ островахъ (рукоп. патр. Николая. № 13).

Иерусалимской же бібліотекѣ принадлежала прежде, оказавшаяся впоследствии въ Самосскомъ монастырѣ Живоначальнаго Источника, рукопись, содержащая, между прочимъ, „Достовернѣйшее описаніе раздора русскихъ и ляховъ (Λεχῶν) и войны ихъ, которая произошла за православіе“. На Самосѣ же эта повѣсть и издана въ 1891 году (см. приложенія VIII).

Тщательно-составленные указатели заключаютъ III-й томъ, какъ и предыдущія книги „Иерусалимской бібліотеки“, и довершаютъ прекрасное впечатлѣніе, оставляемое разобраннымъ трудомъ.

Д. Шестановъ.

ГРАММАТИКА ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ. (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. Ѡ. Карскій*, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. Шестое изданіе, безъ перемѣнъ. Вильна. 1897 г. IV+111. Цѣна 60 коп.

Имя профессора Карскаго пользуется извѣстностью въ ученомъ мірѣ, благодаря особенно его трудамъ по бѣлорусскому нарѣчію. Тѣмъ досаднѣе встрѣчатъ промахи въ его книгѣ, которой заглавіе выпи-

¹⁾ Ср. въ Годуновскомъ евангеліи ангела, пишущаго славянскими буквами евангеліе отъ Маттея.

²⁾ „Частный фактъ, представляющій большой интересъ для исторіи русско-византійскихъ отношеній, если онъ подтвердится“,—по отзыву Ѡ. И. Успенскаго (см. его замѣтку о книгѣ Шлумбергера *L'Érорée Byzantine à la fin du X siècle*, Paris, 1896—въ *Русской Мысли*, сентябрь, 1897 г.).

сано выше. Повидимому, эта книга расходится довольно бойко: въ промежутокъ времени отъ 1889 года, когда вышло второе изданіе. до 1897 года она выдержала уже четыре изданія. Желательно, чтобы съ ея распространеніемъ соединялось и дальнѣйшее ея улучшение. Внимательно разсмотрѣвъ послѣднее шестое изданіе, я нахожу, что, несмотря на тѣ исправленія, о которыхъ авторъ говоритъ въ предисловіяхъ ко второму и пятому изданіямъ, книга нуждается еще въ исправленіи. Въ виду этого я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о книгѣ, которая авторъ найдетъ, можетъ быть, не бесполезными для своихъ послѣдующихъ изданій. Нѣкоторыя замѣчанія вызваны преимущественно тѣмъ, что рассматриваемая книга есть руководство, предназначаемое для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; а въ руководствѣ, какъ извѣстно, все должно быть опредѣленно, ясно, точно и вѣрно относительно фактическихъ данныхъ. Съ этой точки зрѣнія я и дѣлаю свои замѣчанія на книгу проф. Карскаго, къ изложенію которыхъ и приступаю.

Прежде всего бросается въ глаза, что языкъ, который служить главнымъ предметомъ грамматики, называется въ ней то *древнимъ церковно-славянскимъ*, то *старославянскимъ*, то *староцерковнымъ*, то *церковнославянскимъ*. Подобная измѣнчивость въ терминахъ для обозначенія одного и того же понятія не должна имѣть мѣста въ учебникѣ, и нѣтъ никакой надобности говорить о томъ, что *древній церковно-славянскій* языкъ „называютъ *староцерковнымъ* въ отличіе отъ *новоцерковнаго*“ (см. стран. 3). Мало ли какъ называютъ его?—его называютъ еще языкомъ *славянскимъ* и языкомъ *словѣнскимъ* и пр. Но въ учебникѣ онъ долженъ называться однимъ опредѣленнымъ терминомъ.

На страницѣ 3-й есть, между прочимъ, слѣдующее положеніе о новомъ церковно-славянскомъ языкѣ: „*есть* его формы имѣютъ въ *основѣ* своей *свойства* языка древняго церковнославянскаго“. Это—неясно. Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ разумѣть подъ *основою* формъ новаго церковнославянскаго языка и что слѣдуетъ разумѣть подъ *свойствами* языка древняго церковно-славянскаго? Извѣстно, напимѣръ, что сочетаніе заднеязычныхъ согласныхъ (Г, К, Х) съ гласнымъ звукомъ *ы* есть одно изъ главныхъ свойствъ древняго церковнославянскаго языка; однако этого свойства не имѣютъ въ своей основѣ формы языка новаго церковно-славянскаго. Далѣе на той же страницѣ: „Дойдя до насъ только въ древнихъ памятникахъ письма, этотъ языкъ (то-есть древній церковно-славянскій) не могъ измѣнить сво-

ихъ формъ, чѣмъ и сохранилъ намъ самое близкое отраженіе языка общеславянскаго“. Опять непонятно: вѣдь, изъ того, что древній церковно-славянскій языкъ дошелъ до насъ въ древнихъ памятникахъ письма, положимъ X—XI вѣковъ, вовсе не слѣдуетъ, что этимъ онъ сохранилъ намъ самое близкое отраженіе языка общеславянскаго, котораго время и образъ опредѣляются учеными только гадательно. А слѣдующая фраза: „*Благодаря этому обстоятельству*“ (то-есть, что въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ есть самое близкое отраженіе общеславянскаго языка) „*формы различныхъ новославянскихъ языковъ основательно объясняются и становятся понятными только благодаря староцерковному языку*“—построена неудачно: благодаря чему же именно формы различныхъ новославянскихъ языковъ основательно объясняются и становятся понятными: *благодаря ли обстоятельству, или благодаря языку?*

На стран. 6-й и на другихъ странно читать въ книгѣ, написанной профессоромъ, ученіе о *произношеніи* (не звуковъ, а буквъ! Такъ, на стр. 7-ой въ § 4-мъ: „*Буква ѣ, передающая*“ (а не обозначающая?) „*въ настоящее время въ русскомъ языкѣ*“ (! а не въ русской азбукѣ?) звукъ тождественный съ е, въ древнее время *имѣла свое произношеніе*“ (! а не обозначала особый звукъ?).—Или, далѣе, „*Думаютъ, что ѣ передавалъ звукъ—широкое е (нѣмецкое ä, французское è) притомъ довольно мягкое*“ (!). Языкъ—непригодный для учебника. Притомъ, мало ли что *думаютъ* о звукѣ ѣ;—въ учебникѣ это „*думаютъ*“—неумѣстно.

На стран. 8-й, § 5 въ концѣ 3-го положенія читаемъ: „*Въ русскомъ языкѣ подъ удареніемъ они*“ (то-есть глухіе гласные ѣ и ъ) „*замѣняются чистыми гласными о и е; иногда это бываетъ и безъ ударенія: брѣтець, сладокъ*“. Во-первыхъ, для ясности необходимо при русскихъ формахъ поставить древнія церковно-славянскія формы; во-вторыхъ, положеніе выражено крайне неопредѣленно: если въ русскомъ языкѣ древніе церковно-славянскіе глухіе гласные ѣ и ъ замѣняются чистыми гласными о и е и *подъ удареніемъ, и безъ ударенія*; то когда же именно происходитъ эта замѣна? Неизвѣстно. Но автору учебника должно быть извѣстно, что эта замѣна бываетъ тогда, когда открытый слогъ съ глухимъ гласнымъ въ словахъ древняго церковно-славянскаго языка становится слогомъ закрытымъ въ русскомъ языкѣ; напримѣръ, древне-церковно-славянское сла-дѣ-кѣ, русское сла-док-(ѣ).

На стран. 8-й въ § 6: „1) Въ староцерковномъ языкѣ при нѣкоторыхъ условіяхъ (передъ гласными) вмѣсто юсовъ являются гласные *чистые* въ соединеніи съ н или м: дѣ-ти—дѣмъ-ѣ, жа-ти—жѣмъ-ѣ“. Здѣсь, во-первыхъ, слова „при нѣкоторыхъ условіяхъ“—совершенно лишніи и могутъ только сбивать съ толку; во-вторыхъ, примѣры приведены такіе, которые противорѣчатъ положенію; потому что въ нихъ вмѣсто юсовъ являются не *чистые гласные*, а *мужіе* (ѣ, ѣ) въ соединеніи съ м. Очевидно, что положеніе выражено не точно.

На стран. 9-й § 6 оканчивается слѣдующимъ вопросомъ: „Изъ чего образовались у и я въ словахъ: уголъ (angulus), узокъ (angustus, eng), суть (sunt), десять (decem), ягненокъ (agnus), уста (os), ухо (auris), юнъ (jung), зять (genet), взять (возьму). декабрь (δεκεμβριος)“? Во-первыхъ, вѣрнѣе, или по крайней мѣрѣ, осторожнѣе было бы вмѣсто „изъ чего образовались“ спросить „чему соотвѣтствуютъ русскіе звуки у и я въ словахъ“ и пр.; во-вторыхъ, лучше вовсе не предлагать этого вопроса, такъ какъ онъ по своей формѣ относится къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, а не къ учебнику древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ.

На стран. 9-й § 7, напечатанный мелкимъ шрифтомъ „для цѣлостности курса“, заключаетъ въ себѣ физиологическія объясненія „происхожденія“ гласныхъ крайне недостаточныя и совершенно лишнія; потому что продѣлывать ртомъ, зубами, языкомъ и пр. ту работу, которая указывается въ этомъ параграфѣ, и притомъ продѣлывать ее такъ, какъ указывается, для произнесенія всѣхъ гласныхъ звуковъ чрезвычайно трудно и бесполезно. Изъ всей этой работы, напримѣръ, совершенно непонятно, почему „три, такъ сказать, крайніе звуки—а, і, у называются *основными гласными звуками*“, а не *крайними*, если всѣ „остальные гласные занимаютъ между ними *середину*“. При существованіи *серединки* необходимо предполагается существованіе *краевъ*. Почему же звуки а, і, у, будучи „такъ сказать, крайними“, называются не *крайними*, какъ бы слѣдовало по физиологическимъ объясненіямъ, а *основными*? На это нѣтъ отвѣта въ 7-мъ параграфѣ.

На стран. 12-й въ § 11 говорится о сокращеніи гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ и, между прочимъ, о сокращеніи звука и въ ѣ слѣдующее: „Таково сокращеніе... и въ ѣ (это на письмѣ, а въ произношеніи j, или онъ (кто?) совершенно опускается съ сохраненіемъ однако мягкости согласнаго звука): пюю изъ пюю, копее изъ копее,

станъ изъ стани, оставъ изъ остави⁴. Ни въ одномъ изъ этихъ примѣровъ ѣ не произносится, какъ j, вездѣ ѣ служитъ знакомъ мягкости предыдущаго согласнаго звука, которою обуславливается мягкость слѣдующаго гласнаго, выражающаяся въ йотациі послѣдняго. Далѣе читаемъ: „Также и появленіе такихъ формъ, какъ тобой, своей изъ тобою, своею, моею изъ моея, женой изъ женою слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ: двусложныя окончанія, въ подражаніе другимъ (какимъ же?), совершенно естественно (ну, конечно!) замѣнились односложными“. Очевидно, авторъ и это явленіе относитъ къ *сокращенію гласныхъ* на томъ основаніи, что въ формахъ тобой, женой вмѣсто тобою, женою двусложныя окончанія замѣнились односложными. Но какимъ образомъ звуки ю и я могли „совершенно естественно“ сократиться въ j, подобно тому, какъ звукъ и совершенно естественно сокращается въ ѣ, этого проф. Карскій не объясняетъ. Дѣло въ томъ, что явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, объясняется не *сокращеніемъ гласныхъ*, а *отпаденіемъ* въ концѣ словъ чистыхъ гласныхъ звуковъ; въ данномъ случаѣ:— звуковъ у и а. (См. лекціи по исторіи русскаго языка ³ проф. Соболевскаго 1891 г. стран. 90): женою=женоюу—женой; моея==моеја—моей.

На стран. 13-й къ § 12, въ которомъ рѣчь идетъ о чередованіи гласныхъ: оу и ов; ю и єв; ѣ и оj; љи и зѣ; ѡ и ѡм, ѡн, єн; ѡ и ѡн и зм, он, проф. Карскій дѣлаетъ такое замѣчаніе для цѣлостности курса: „Такимъ образомъ получается какъ бы распаденіе одного звука на два, чего въ сущности не было, такъ какъ уже искони, еще въ *общеславянскомъ языкѣ* передъ *гласными* были только цѣлые слоги, напримѣръ єм-он, изъ которыхъ *значительно позже* (когда же? въ историческую пору?) передъ *согласными* и на концѣ словъ явились юсы. Держась противнаго взгляда, нѣкоторые называютъ разсматриваемое явленіе *разложеніемъ гласныхъ*“. Пусть передъ *гласными* искони были только цѣлые слоги (ем-он) въ *общеславянскомъ языкѣ*, какъ это видимъ и въ историческое время; пусть изъ этихъ слоговъ *значительно позже* передъ согласными и на концѣ словъ явились не только юсы, но и звукъ ѣ; спрашивается: въ такомъ ли точно отношеніи находятся въ извѣстныхъ случаяхъ и звукосочетанія ов, єв, оj, зѣ къ гласнымъ звукамъ оу, ю, ѣ, љи въ *общеславянскомъ языкѣ*, въ какомъ находились слоги єм-он къ юсамъ? то-есть образовались ли и гласные звуки оу, ю, ѣ, љи значительно позже изъ слоговъ ов, єв, оj, зѣ подобно тому, какъ образовались юсы изъ гласныхъ въ соедине-

ни съ м, н; или формы съ звуками оу, ю, ѣ, зѣ передъ согласными существовали въ одно время съ формами, заключающими въ себѣ соотвѣтствующіе звукамъ оу, ю, ѣ, зѣ слоги ов, ев, ој, зѣ передъ гласными? Въ замѣчаніи на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта; поэтому оно представляется неяснымъ и даже совершенно лишнимъ въ учебникѣ. Вообще всѣ гипотезы, относящіяся къ общеславянскому языку, то-есть къ доисторическому состоянію языка, въ учебникѣ для средней школы неумѣстны.

Когда рѣчь идетъ о звукахъ древняго церковно-славянскаго языка, тогда въ учебникѣ необходимо отличать ихъ въ печати *кириллицею*. Этого требуетъ ясность изложенія. Въ противномъ случаѣ, читая, напримѣръ на стран. 13 въ § 13-мъ слѣдующее положеніе: „Изъ появленія на мѣстѣ ы въ однихъ случаяхъ ѣ въ другихъ ен явствуетъ, что онъ былъ двоякаго происхожденія: ы *простой* и *носовой* (по звуку они, вѣроятно, ничѣмъ не различались)“, гдѣ буквы, обозначающія собою звуки древняго церковно-славянскаго языка, напечатаны обыкновеннымъ гражданскимъ шрифтомъ, ученикъ можетъ думать, что рѣчь идетъ о русскихъ звукахъ и вслѣдствіе этого перепутать фонетическія явленія древняго церковно-славянскаго языка съ фонетическими явленіями русскаго языка. Притомъ въ положеніи термины „*простой*“ и „*носовой*“ не исключаютъ другъ друга: вѣдь, звукъ *носовой* есть также звукъ *простой*, а не сложный, — и если ы простой и ы носовой въ произношеніи ничѣмъ не различались, то-есть, если ы носовой, подобно ы простому, не произносился подобно юсамъ; то, значить, въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ и не было носоваго ы; а слѣдовательно и говорить о немъ въ учебникѣ нѣтъ надобности.

На стран. 14-й § 15 о вставочномъ j: „1) j давати вмѣсто даати, сѣнати вмѣсто сѣати, куда j зашелъ изъ настоящаго времени: даж, сѣж (то-есть даж, сѣж)“. Почему же? Если въ давати вмѣсто даати звукъ *в* зашелъ не изъ настоящаго времени, то и j въ давати могъ появиться самостоятельно.

На стр. 17-й § 17: „Смягченіе перваго рода, состоящее въ томъ, что согласный звукъ, такъ сказать, *насквозь пропитывается йотомъ*, называется *непереходнымъ*“. Трудно понять, какъ согласный звукъ насквозь пропитывается йотомъ. И почему согласный звукъ, насквозь пропитавшійся йотомъ, относится къ явленіямъ *непереходнаго* смягченія?

На стран. 18-й: „Что касается губныхъ согласныхъ, то они передъ j не измѣняютъ своего характера, но *вставляютъ* л, чѣмъ и

уничтожаютъ *необычное сочетаніе свое съ j*“. Какъ это губные согласные вставляютъ л и куда? Почему сочетаніе ихъ съ j — названо *необычнымъ*? — Встрѣча губныхъ согласныхъ съ j въ древнемъ церковно-славянскомъ и въ русскомъ языкѣ такъ же обычна, какъ и встрѣча съ j другихъ согласныхъ. Смягченіе же губныхъ согласныхъ посредствомъ j выражалось вставкою не одного только л, но и вставкою ь, а иногда и совсѣмъ не выражалось.

На стран. 19-й въ положеніи о звукѣ ѣ въ словообразованіи вѣсто формы: „крѣпчан изъ крѣпчѣи“ должна быть форма: крѣпчан изъ *крѣпчкѣи.

На той же страницѣ читаемъ: „Если звукамъ к и г предшествуетъ с и з, то ск и зг смягчаются не въ сц и зз, а въ ст и за: азска—азстѣ, дрѣзга (лѣсъ)—дрѣзѣ“. Это невѣрно. Въ Остромировомъ евангеліи встрѣчаются формы съ звукосочетаніемъ сц изъ ск, напримѣръ: въ ерданьсцѣи рѣпцѣ л. 254, в. Матв. III, 6; старьци людьсци л. 162а. Матв. XXVI, 57; на синансцѣи горѣ л. 262а.—Въ Зограф. ев. горѣ елеоньсцѣ—Марка XI, 1; елеонсцѣ—Марка XIII, 3; старьци людьсци—Матв. XXVII, 1; Луки XXII, 66.—Въ Маріинск. ев. горѣ елеоньсцѣ—Матв. XXI, 1; Марка XI, 1; Матв. XXIV, 3 и др. Извѣстно, что ск измѣняется въ сц, потомъ въ ст; а звукосочетаніе зг измѣняется въ зс (а не въ зз) то-есть зѣз потомъ въ за.

На стран. 20-й въ § 19: „Въ церковно-славянскомъ языкѣ з переходитъ въ с 1) въ приставкахъ: вѣз-, из-, низ-, раз-, бѣз- (*всѣ эти приставки оканчивались на согласный звукъ*), если имъ приходится стоять передъ безгласными: испечѣши и пр.“. Опять невѣрно: нельзя сказать, что *всѣ эти* приставки оканчивались въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на *согласный* звукъ. Вотъ примѣры изъ Остромирова ев., въ которыхъ приставки: из- и низ-—оканчиваются на гласный ѣ: изъшѣдъ л. 755, Матв. XVIII, 28; изъжтрѣдоу л. 2756. Лук. XI, 7; низъвѣсишѣ л. 91а, Луки V, 19; низъринжли 277а. Лук. IV, 29; низъходѣшѣ л. 76. Иоан. I, 51. Въ другихъ древнихъ памятникахъ тоже.

Въ томъ же параграфѣ выраженіе: „измѣненія з въ с на письмѣ не бываетъ“—очень странно.

На стран. 21-й подъ буквою В: „Въ русскомъ языкѣ, въ произношеніи, а въ старо-церковномъ *иногда и на письмѣ*, соблюдается еще слѣдующій законъ: *передъ шипящими свистящія переходятъ въ*

шипящие и наоборот; причемъ два одинаковые звука сливаются въ одинъ. Такимъ образомъ изъ бесчисльнѣ имѣемъ бѣшчисльнѣ (!), изъ ишшѣдѣ—ишѣдѣ (причемъ переходною ступеню было ишшѣдѣ), ишчѣхѣ—ишѣхѣ, тоже видимъ въ русскомъ произношеніи: проишшество (пишется проишество), бежжалостный (пишется безжалостный), несесся (пишется несешся) и т. п.⁴. Во-первыхъ, изъ бесчисльнѣ имѣемъ форму бѣштисльнѣ или бѣшисльнѣ, но не бѣшчисльнѣ; во-вторыхъ, переходъ свистящихъ въ шипящія предполагается въ одномъ случаѣ, а именно, когда приставка оканчивается звукомъ *ж*, а слово начинается звукомъ нѣбнымъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, и притомъ, когда за звукомъ *ж* непосредственно слѣдуетъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ. Въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ получаются въ результатѣ или тѣ же согласные нѣбные (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*), или звуко сочетанія: *жд* и *шт* (*щ*). Въ русскомъ языкѣ образованнаго общества звуки свистящія обыкновенно въ данномъ случаѣ не переходятъ въ шипящія, лишь изрѣдка слышатся формы въ родѣ *проишшество*, *бежжалостный* съ двумя шипящими звуками; но такое произношеніе вовсе не имѣетъ значенія закона въ русскомъ языкѣ; въ-третьихъ, обратный переходъ, то-есть шипящихъ въ свистящія передъ свистящими, мнѣ, по крайней мѣрѣ, совершенно неизвѣстенъ, потому что непосредственныхъ сочетаній звуковъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* съ слѣдующимъ за ними звукомъ *ж* не встрѣчается. Форма послушество вмѣсто послушество, на которую указываетъ Миклошичъ (Lautlehre³ 1878, стр. 292), говоря о переходѣ шшс въ с, сюда не относится. Что же касается до формы *несесся*, на которую указываетъ проф. Карскій, вмѣсто *несешся*, то она возможна лишь въ бѣлорусскихъ говорахъ и у тѣхъ людей, которые не произносятъ шипящихъ звуковъ, а потому и не можетъ служить примѣромъ того закона перехода шипящихъ въ свистящія, который будто бы въ русскомъ языкѣ наблюдается въ произношеніи. По крайней мѣрѣ, люди, правильно говорящія по-русски, не произносятъ: *стараесся*, *напѣсся*, *напшся*, *увидисся* вмѣсто *старашся*, *напѣшся*, *напшшся*, *увидишся* и т. п. Очень жаль, что проф. Карскій не подкрѣпилъ своего закона измененія шипящихъ передъ свистящими въ свистящія болѣе вѣскими примѣрами, чѣмъ „*несесся*“; особенно доказательными въ этомъ случаѣ были бы формы изъ языка древняго церковно-славянскаго, въ которомъ, по словамъ автора, этотъ законъ наблюдается не только въ произношеніи, какъ въ русскомъ, но иногда и на письмѣ.

На стран. 23-й неизвѣстно, по какой причинѣ § 22-й начинается прямо союзомъ „наконецъ“: „§ 22. *Наконецъ* въ русскомъ языкѣ бываетъ *отпаденіе согласныхъ* на концѣ словъ и пр.“. А это *отпаденіе согласныхъ* ограничивается лишь отпаденіемъ одного звука и послѣ другихъ согласныхъ въ причастіяхъ муж. рода, напримѣръ: *могъ* вмѣсто *могъ*, *несъ* вмѣсто *несъ* и т. п.

На стран. 24-й въ § 23 проф. Карскій, представивъ примѣры русскаго полногласія, говоритъ: „Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ (вранъ—р. воронъ, брѣгъ—р. берегъ, клада—р. колода и др.), полногласныя формы *возможны лишь въ томъ случаѣ*, когда слогамъ ла-ра, лѣ-рѣ предшествуетъ согласный звукъ; въ противномъ случаѣ полногласія не бываетъ: *радость, рѣка, ласкать, льняной*“. И тотчасъ же продолжаетъ: „Не всегда однако бываютъ полногласныя формы, если и предшествуетъ указаннымъ слогамъ согласный звукъ; достаточно отмѣтить такія формы какъ *братъ, кладъ, вѣтъ, глѣбъ*, которыя свойственны и русскому и церковно-славянскому языкамъ“. Ясно, что этимъ вторымъ положеніемъ опровергается первое; а затронутый въ нихъ вопросъ: когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно, — оставленъ безъ отвѣта, который однако необходимъ; потому что имъ объясняется такое свойство русскаго языка, которымъ онъ отличается не только отъ языка древняго церковно-славянскаго, но и отъ другихъ языковъ славянскихъ. Притомъ этотъ отвѣтъ имѣетъ значеніе закона и, какъ извѣстно, данъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ П. А. Лавровскимъ въ его изслѣдованіи „О русскомъ полногласіи“. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что о полногласіи въ русскомъ языкѣ удобнѣе говорить въ отдѣлѣ морфологіи, чѣмъ фонетики.

На стран. 26-й въ § 24 рѣчь идетъ о составныхъ частяхъ слова. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Если мы будемъ разсматривать цѣлое семейство словъ и расчленять каждое изъ нихъ на части, то увидимъ, что всякое слово содержитъ въ себѣ такую часть, которая не можетъ быть уже дальше расчленяема; эта часть слова, *обыкновенно неизмѣняемая*, называется *корнемъ*. Тѣ же звуки производственные, которые присоединяются къ слову сначала, называются *префиксами*, или приставками, и которые прибавляются къ концу (чего? слова?) — *суффиксами*, или наставками“. Въ этомъ объясненіи многое неясно: что слѣдуетъ разумѣть подъ *цѣлымъ семействомъ словъ*? Какъ расчленять каждое слово на части? И на *какія части*? Одну ли такую часть, которая не можетъ быть дальше расчленяема,

содержитъ „всякое“ слово, или не одну, а нѣсколько? Если же одну, то почему именно одну? и пр. Самое изложеніе не отличается точностію. Такъ, напримѣръ, выходитъ, что *суффиксами* называются „звуки, которые прибавляются къ концу“ а чего?—не сказано. Судя по предыдущему опредѣленію *префиксовъ*, нужно было бы добавить такъ: „къ концу слова“. Но тогда получается нѣчто въ родѣ безсмыслицы: суффиксы не прибавляются къ концу слова. Наконецъ, и опредѣленіе *корня*, какъ части слова, *обыкновенно неизмѣняемой*, — невѣрно. Правда, ниже самъ авторъ дѣлаетъ оговорку относительно предложеннаго имъ опредѣленія *корня*; но эту оговоркою опредѣленіе не столько оправдывается, сколько опровергается. Онъ говоритъ: „Если выше было сказано, что *корень* не подвергается измѣненію, то тамъ разумѣлось только то, что *корень* не можетъ больше расчленяться и подвергаться *особенно значительнымъ перемѣнамъ*“. Но это не такъ. Въ вышеприведенномъ опредѣленіи указывается мѣстоименіемъ „*эта*“ на *корень*, какъ на нерасчленяемую дальше часть слова, а словами „*обыкновенно неизмѣняемая*“ ясно указывается на другой, особый признакъ *корня*, какъ части слова дальше нерасчленяемой, именно, на неизмѣняемость *корня*. А что слѣдуетъ разумѣть подъ „*особенно значительными перемѣнами*“ *корня*? Неизвѣстно. Самъ авторъ приводитъ далѣе примѣры на такія „*перемѣны*“ въ звукахъ *корня*, которыя по всей справедливости должны быть признаны „*особенно значительными*“. Онъ говоритъ: „Вообще же какъ гласные, такъ и согласные *корня* могутъ измѣняться; напримѣръ погоня (?), гзнати женѣши—слова, имѣющія одинъ и тотъ же *корень* гзн—; также одинъ *корень* и въ словахъ *ХОДИТИ* и *ШЬДЪ* и т. д.“. Спрашивается: позволительно ли признать „*перемѣны*“ въ *корняхъ* гзн и жен, *ХОД* и *ШЬД* „*особенно значительными*“, или нѣтъ? Далѣе относительно русскаго языка читаемъ слѣдующее: „Особенно въ русскомъ языкѣ *корни* часто становятся неузнаваемыми вслѣдствіе потери въ произношеніи глухихъ гласныхъ *ѣ* и *ь* или слитія гласныхъ“. Итакъ: если въ русскомъ языкѣ *корни* подвергаются такимъ измѣненіямъ, что „*часто становятся неузнаваемыми*“; то не справедливо ли признать, что *перемѣны* въ нихъ могутъ быть „*особенно значительными*“? Ясно, что оправданіе вышепредложеннаго опредѣленія *корня* въ учебникѣ такъ же неудачно, какъ и самое опредѣленіе.

На стран. 27 — 31 въ § 27-мъ излагается ученіе о суффиксахъ, въ которомъ суффиксы древняго церковно-славянскаго языка перемѣшаны съ суффиксами русскаго языка, — что, конечно, можетъ по-

вести къ смѣшенію ихъ и въ головѣ учащихся. Вотъ, напримѣръ, на стран. 30-й встрѣчается такое положеніе: „Изъ суффиксовъ ласкательныхъ особаго вниманія заслуживаетъ со стороны правописанія суффиксъ — енѣкъ, гдѣ ен считаютъ (?) замѣной а передъ ѣкъ: „*Васенька, Оленька* и т. д., а не *Васинька, Олинька, такъ какъ они произошли* отъ *Васа, Ола*“. Можно подумать, что въ памятникахъ древняго церковно-славянскаго языка собственныя имена *Василій* и *Олга* встрѣчаются въ формахъ *Васа* и *Ола*.

На стран. 31-й въ § 28-мъ предлагаются такія опредѣленія для склоненія и спряженія, которыя заставляють думать, что формы языка образуются не органически, а механически; а именно: проф. Карскій говоритъ, что „*прибавленіе* къ именнымъ основамъ флексій называется *склоненіемъ*, а присоединеніе флексій къ глагольнымъ основамъ называется *спряженіемъ*“. Опредѣленія, повидимому, — чрезвычайно простыя, но, къ сожалѣнію, совершенно непримѣнимыя къ образованію формъ въ языкахъ флексивныхъ, даже на основаніи тѣхъ понятій, которыя сообщаются грамматикою проф. Карскаго о составныхъ частяхъ слова. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы прибавлять, или присоединять флексію къ основамъ, необходимо знать, что такое флексія и что такое основа по ученію проф. Карскаго. На стран. 26-й читаемъ: „*Флексіей* или окончаніемъ называется та часть извѣстнаго слова, которая, для показанія разныхъ отношеній слова къ другому, *измѣняется*“. Но что же такое эта *измѣняемая* часть извѣстнаго слова, или что же такое *измѣняемое* окончаніе слова, которое, или которую можно было бы прибавлять къ основамъ *именнымъ*, или присоединять къ основамъ *глагольнымъ*, чтобы получить склоненіе или спряженіе? Неизвѣстно. Болѣе опредѣленное понятіе о флексіяхъ, но только глагольныхъ, выражается въ § 50 на стран. 57 въ слѣдующемъ положеніи: „Спряженіе состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ съ флексіями, показывающими *лицо, число, время и наклоненіе*“. Поэтому, если бы требовалось указать флексію въ формѣ, напримѣръ, прошедшаго несовершеннаго времени *бѣахъ* отъ глагола *быти*, то, принимая въ соображеніе ученіе проф. Карскаго объ образованіи формы прошедшаго несовершеннаго времени въ древне-церковно-славянскомъ глаголѣ, изложенное на страницѣ 64-й въ § 52, а именно, что „*прошедшее несовершенное* такъ же, какъ и *аористъ*, имѣетъ *прямѣтою* *χ* но“ что „здѣсь *χ* присоединяется къ основѣ при посредствѣ другихъ гласныхъ“ и что такимъ „*соединительнымъ гласнымъ* прошедшаго несовершеннаго служитъ *ѣа*“ и пр. необходимо признать въ формѣ *бѣахъ* флек-

сією слоги *ѣауѣ*, а звук *ѣ*—*глагольною основою*“. Пусть будетъ такъ: Пойдемъ далѣе. Проф. Карскій на стран. 57-й въ § 50-мъ совершенно справедливо учить, что въ славянскомъ глаголѣ различаются *дѣтъ основы: неопредѣленную наклоненія и настоящаго времени*. Первая получается, если отбросить въ глаголѣ окончаніе неопредѣленного наклоненія—*ти*, а вторая—если отбросить окончаніе 3-го лица единственнаго числа—*ть*“. На стран. 59-й мелкимъ шрифтомъ напечатано, „*отъ основы неопредѣленного наклоненія образуются слѣдующія глагольныя формы: 1) неопредѣленное наклоненіе, 2) достигательное наклоненіе или супинъ, 3) аористъ, 4) у нѣкоторыхъ глаголовъ — прошедшее несовершенное, 5) причастія прошедшаго времени. Отъ основы настоящаго времени производятся: 1) настоящее время, 2) повелительное наклоненіе, 3) прошедшее несовершенное, 4) причастія настоящаго времени*“. Въ древнемъ церковно-славянскомъ глаголѣ *БЪТИ* основа неопредѣленного наклоненія есть *БЪ*—, основа настоящаго времени *Бѣдѣ*.—Въ формахъ же прошедшаго несовершеннаго времени *бѣауѣ*, какъ мы видѣли выше, основою оказывается одинъ звукъ *ѣ*. Ясно, что отъ какой бы основы ни образовалась форма прошедшаго несовершеннаго *бѣауѣ*, отъ основы ли неопредѣленного наклоненія *бѣ*, или отъ основы настоящаго времени *бѣдѣ*, въ томъ и другомъ случаѣ основа прошедшаго несовершеннаго времени звукъ *ѣ* представляетъ собою видоизмѣненіе той глагольной основы, отъ которой образовалась форма *бѣауѣ* посредствомъ присоединенія *флексіи ауѣ*. Поэтому необходимо признать, что когда *флексіи* присоединяются къ глагольнымъ основамъ въ спряженіи, то эти послѣднія могутъ подвергаться измѣненіямъ. Это ясно изъ самаго простаго спряженія глагола *късмь*, въ которомъ флексіями служатъ личныя окончанія, а основою звукоочетаніе *къс*. Это послѣднее, соединяясь съ личными суффиксами, измѣняетъ свою форму, а именно, во 2 л. ед. числа принимаетъ форму одного гласнаго звука *къ*, а въ 3 л. мн. ч. форму согласнаго *съ*. Подобное же явленіе, то-есть измѣненіе основы отъ присоединенія къ ней *флексіи*, можно наблюдать и въ *склоненіи*. Слѣдовательно, ни *спряженіе глаголовъ*, ни *склоненіе именъ* не ограничиваются однимъ только присоединеніемъ или прибавленіемъ *флексій* къ основамъ глагольнымъ и именнымъ, но обуславливаются и измѣненіемъ самихъ основъ, корней, а иногда даже и префиксовъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ сравненія русскихъ формъ: *взять* и *возьму*, входящихъ въ спряженіе одного и того же глагола. Поэтому и про-

тивополагать флексію, какъ *часть измѣняемую* слова, основѣ, какъ *части неизмѣняемой* слова въ склоненіи и спряженіи, значить внести въ грамматику флексивнаго языка нѣчто совершенно несообразное съ его природою. Очевидно, что опредѣленія, предложенныя проф. Карскимъ въ § 28 учебника для склоненія и спряженія, не могутъ быть признаны удовлетворительными.

На стран. 31—32 по поводу сложныхъ словъ читаемъ слѣдующее нѣсколько сбивчивое примѣчаніе: „Слова, получившіяся путемъ посредственнаго сложенія, вообще любимы языкомъ церковнославянскимъ и русскимъ, и многія изъ нихъ восходятъ къ глубокой древности (*Дажьбогъ, Стрибогъ, Царьградъ* и др.). *Менѣе свойственны* духу русскаго языка слова, образованныя *путемъ посредственнаго сложенія*, особенно представляющія переводъ греческихъ и нѣмецкихъ словъ, какъ: *первообразный* (ἀρχέτυπος), *единомыслие* (ὁμόνοια), *естествоиспытатель* (Naturforscher) и под. Однако этого нельзя сказать относительно словъ чисто русскаго сложенія, отличающихся тѣмъ свойствомъ, что вторая ихъ часть представляетъ сокращеніе простаго слова и внѣ сложенія не употребляется, каковы, напримѣръ, слова: *краснобай, душеубка, людодъ, ночлезь, рукодълье, пароходъ* и т. д. Эти слова вполне свойственны духу русскаго языка“. Прекрасно! Но, вѣдь, всѣ эти слова, исключая слова *ночлезь*, образованы *путемъ посредственнаго сложенія*, для чего же выше сказано, что *слова, образованныя путемъ посредственнаго сложенія, менѣе свойственны духу русскаго языка*, чѣмъ слова образованныя путемъ непосредственнаго сложенія?—Кромѣ того, въ словѣ „пароходъ“ вторая его часть „ходъ“ развѣ представляетъ собою „сокращеніе простаго слова и внѣ сложенія не употребляется“? Точно также въ словѣ „рукодълье“ развѣ вторая часть „дълье“ есть сокращеніе простаго слова? какого же? „бездълье“?—Нельзя не видѣть, что авторъ недостаточно обдумываетъ то, что считаетъ нужнымъ внести въ учебникъ въ качествѣ научнаго положенія, и мало заботится о точности выраженія. Поэтому вышеприведенное примѣчаніе представляется совершенно бесполезнымъ.

На стран. 34-й § 33-й начинается такъ: „Переходя къ разсмотрѣнію въ отдѣльности каждаго изъ склоненій *церковно-славянскихъ* и сравненію ихъ съ соответствующими *русскими*, сдѣлаемъ *нѣсколько общихъ замѣчаній, касающихся всѣхъ вообще склоненій*“. Такой приступъ, годный на лекціяхъ въ университетскихъ аудиторіяхъ, въ учебникѣ можетъ быть замѣненъ съ большею пользою простымъ заглавіемъ: *общія замѣчанія о склоненіяхъ*. Но кромѣ этого нельзя не

замѣтить, что изъ числа нѣсколькихъ (всего 4-хъ) замѣчаній пропущено въ § 33-мъ одно весьма важное замѣчаніе, что въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ въ именахъ на *a*, а также и на *ь* женскаго рода форма винительнаго падежа множественнаго числа заступила мѣсто формы именительнаго падежа того же числа и потому формы именительнаго и винительнаго падежей множественнаго числа выше указанныхъ именъ сходны между собою.

На стран. 43-й въ § 39 проф. Карскій, сравнивая „образцы 4-хъ староцерковныхъ склоненій съ русскими“, находитъ во многихъ случаяхъ значительную разницу, которую объясняетъ тѣмъ, „что *русскій языкъ стремится къ единообразію въ склоненіяхъ*“. „Дѣйствительно“, говоритъ онъ, „многія формы“ (то-есть древне-церковно-славянскія) „замѣнились одною“ (то-есть русскою). Но какъ же это произошло? Вѣдь многое предлагаетъ исторія языка для объясненія той значительной разницы во многихъ случаяхъ между древними церковно-славянскими и русскими склоненіями, о которой говоритъ авторъ. Такъ, напримѣръ, въ подтвержденіе того, что въ русскихъ склоненіяхъ многія формы древне-церковно-славянскихъ склоненій замѣнились одною проф. Карскій на стран. 43-й говоритъ между прочимъ, что „*Именит. и винит. падежи совпали въ одной формѣ: столы = столы и столы; корабли = корабли и корабли*“. Здѣсь слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, объяснить, что же собственно представляютъ собою русскія формы „*столы*“ и „*корабли*“, то-есть формы какихъ именно падежей; но никакихъ объясненій по этому вопросу въ учебникѣ нѣтъ.

На стран. 44-й по поводу *родительнаго падежа* читаемъ: „Во II-мъ склоненіи (на *a* и *я*) у словъ мягкаго различія на мѣстѣ *a* находимъ окончаніе *и*. Тоже видимъ и въ именительномъ падежѣ множ. числа“. Не совсѣмъ точно: слова: *книга, рука, соха* принадлежать не къ мягкому различію, а имѣютъ въ род. ед. ч. и именит. мн. окончаніе *и*: *книги, руки, сохи*. Но чѣмъ же объясняется замѣна *a* русскимъ окончаніемъ *и* въ этихъ формахъ? Неизвѣстно.

Подобная же неточность встрѣчается и въ положеніи объ именительномъ падежѣ множественнаго числа отъ именъ 1-го склоненія. то-есть, кончающихся на *ъ, ь, и, о, е*. Проф. Карскій говоритъ: „Въ I склоненіи въ мужескомъ родѣ древнее окончаніе *-и* удержалось только въ словахъ: *сосѣди, черти*, (холопы), обыкновенно же *именительный совпалъ съ винительнымъ въ общей формѣ*, оканчивающейся въ твердомъ различіи на *-ы*, а въ мягкомъ на *-и*. Но кромѣ этихъ окончаній, есть въ русскомъ языкѣ и много другихъ, въ основѣ ко-

торыхъ лежать тѣ или другія особенности старо-церковнаго языка: такъ окончаніе *-я* выводится изъ *-иѣ -ыѣ*: *мужья* = *мѣжыѣ*; *-овья* изъ *-овнѣ*: *синовья* = *синовыѣ* и пр. Во-первыхъ, не всѣ имена мужескаго рода твердаго различія имѣютъ въ именительномъ падежѣ множ. числа форму на *-ы*, какъ напримѣръ, *врагъ, пророкъ, грѣхъ* и т. п. — слова твердаго различія; однако въ именит. п. множ. ч. имѣютъ формы на *-и*: *враги, пророки, грѣхи*. Слѣдовательно, положеніе выражено неточно. Во-вторыхъ, не объяснено, что же это за общая форма, въ которой именительный падежъ совпалъ съ винительнымъ, то-есть, какого именно падежа эта общая форма. Въ-третьихъ, форма древне-церковно-славянская *синовыѣ* до сихъ поръ никѣмъ не была указана въ какомъ-либо памятникѣ древне-церковно-славянской письменности. И форма *мѣжыѣ* весьма сомнительна, несмотря на то, что форма *мѣжыѣ* встрѣчается. Въ всякомъ случаѣ въ учебникѣ подобныя формы не должны имѣть мѣста, равно и объясненія на нихъ основанныя.

На стран. 49 — 50 въ § 43 по поводу сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ полныхъ проф. Карскій говоритъ, между прочимъ, что „2) начальное *ѣ* мѣстоименія послѣ *а—я, оу—ю*, а иногда и *и* можетъ переходить въ *а, оу* и *и*, то-есть, уподобляться имъ:

добраго—добраго, синнаго—синнаго и пр.

въ другихъ случаяхъ оно *сливается* съ предыдущимъ гласнымъ, или *совершенно выпадаетъ*:

добрѣи+ѣи—добрѣи, новѣи+ѣи—новѣи и др.⁴.

Въ какихъ же случаяхъ *ѣ* *сливается* съ предыдущимъ гласнымъ и въ какихъ совершенно выпадаетъ? неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что это *ѣ* въ сложномъ склоненіи именъ прилагательныхъ полныхъ женскаго рода вовсе не участвуетъ: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности не встрѣчается формъ въ родѣ: добраго *ѣи*, добрѣи *ѣи* и др. тогда какъ формы въ родѣ добраго, доброу *ѣмоу* встрѣчаются нерѣдко.—Далѣе, послѣ примѣра: „новѣи+ѣи—новѣи+ѣи“ профессоръ Карскій говоритъ: „а послѣ слитія двухъ юсовъ въ одинъ—новѣи *получается форма сходная съ именною*“ (!) Развѣ форма творит. пад. ед. ч. отъ именъ существительныхъ на *-а*, напримѣръ, водоѣ есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ тоѣ)?

На стран. 53-й § 45-й въ началѣ, гдѣ говорится объ образованіи формъ сравнительной степени именъ прилагательныхъ въ древнемъ

церковно-славянскомъ языкѣ, изложенъ весьма неясно. Такъ, напримѣръ: „Въ именительномъ падежѣ единств. ч. мужескаго и средняго рода сравнительная степень не имѣеть *особаю окончанія* (какого же особаго?), *вслѣдствіе этого ш отпадаетъ*“. Неясно! Какая связь между какимъ-то особымъ окончаніемъ въ именит. п. ед. ч. муж. и средн. род. и звукомъ ш (конечно, суффикса -ьш-, или -ѣиш-)? — „Чтобы придать формѣ родовое отличіе, въ мужескомъ родѣ прибавляютъ (къ чему?) -и, предъ которымъ ъ темы можетъ переходить въ и (ѣи—ни), а въ среднемъ родѣ дается (опять къ чему?) *только одно—и (е)*“ (для чего это „только одно“? вѣдь, и въ мужескомъ родѣ дается „только одно“ и; однако этого „только одно“ выше не было сказано); въ женскомъ же родѣ, гдѣ сравнительная степень имѣеть *особое* окончаніе и“ (что же это за *особое* окончаніе? безъ сомнѣнія это *родовое* окончаніе, какъ и въ причастіяхъ на -щи и -ши) „удерживается и ш“. Если въ женскомъ родѣ и есть родовое (вм. ѣ) и при немъ звукъ ш суффикса сравнительной степени удерживается; то почему же въ муж. и среднемъ родѣ при родовыхъ окончаніяхъ и и ѣ согласный ш отпадаетъ? Очевидно, что вышеизложенное образованіе формъ муж. и средн. рода сравнит. степени не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго представляетъ не мало трудностей. Поэтому лучше было бы вовсе не пускаться въ объясненіе образованія формъ сравнительной степени въ языкѣ древнемъ церковно-славянскомъ, а, указавши на суффиксы сравнит. степени, познакомить на примѣрахъ съ образованіемъ ея формъ.

На стран. 58-й проф. Карскій объясняетъ „форму *ветзшати* изъ ф. *ветзхѣти*“. Это невѣрно: ф. *ветзшати*, подобно формѣ *слоушати* имѣеть суффиксомъ звукъ а, а не ѣ, и образовалась чрезъ ф. *ветзшити* отъ *ветзхѣ* точно такъ же, какъ ф. *напримѣръ хаждати* чрезъ ф. *ходити* отъ сущ. *ходъ*.

На стран. 62-й образованіе *формъ повелительнаго наклоненія* объясняется слѣдующимъ образомъ: „Для того, чтобы получить единственное число“ (а не формы ед. числа повелит. наклоненія?) „къ основамъ“ (то-есть настоящаго времени) „на гласные“ (очевидно, е и и), „прибавляется -и, которое сливается съ окончаніемъ темы: *неси люби*; для образованія же двойств. и множ. ч. суффиксомъ служить -ѣ, который во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ и“ (а ф. *ицате*? Остр. ев. л. 275, в); „кромѣ того, прибавляются личныя окончанія для двойств. ч. -вѣ и -та, а для множ.

-мъ и -тѣ^а. Неясно! На основаніи этого объясненія можно думать, что формы повелительнаго наклоненія въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка I и II спряженія характеризуются двумя суффиксами: для единств. числа суффиксомъ и, а для двойственнаго и множ. чиселъ суффиксомъ ѣ; что первый сливается въ одинъ звукъ съ окончаніемъ темы (то-есть съ гласнымъ е или и), судя по примѣрамъ: неси и люби въ звукъ и (то-есть несе+и=неси, люби+и=люби); но что происходитъ съ другимъ суффиксомъ ѣ, то-есть, къ чему онъ присоединяется въ темѣ настоящаго времени на гласные звуки е и и и что происходитъ вслѣдствіе его присоединенія, обо всемъ этомъ нѣтъ ни слова въ объясненіи. Въ виду этого можно думать и такъ, что формы повелительнаго наклоненія характеризуются собственно однимъ суффиксомъ, но суффиксъ этотъ въ единственномъ числѣ принимаетъ форму и, а въ двойственномъ и множеств. числахъ форму ѣ, но который изъ нихъ основной, неизвѣстно. Словомъ, объясненіе—крайне неясно. Впрочемъ, изъ него видно, по крайней мѣрѣ, то, что основы или темы настоящаго времени въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка I и II спряженій *оканчиваются на гласные звуки е или и*, которые поэтому представляются *тематическими* окончаніями настоящаго времени. Но на стран. 57 въ § 50 читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „*основа настоящаго времени* получается, если отбросить окончаніе 3 л. ед. числа -тъ^а“. Слѣдовательно если мы отбросимъ отъ формъ 3 л.: несе^{тъ} и любите^{тъ} окончаніе -тъ, то получимъ основы настоящаго времени несе и любите. Однако въ учебникѣ далѣе говорится, что „къ *основѣ настоящаго времени* обыкновенно присоединяются е — о (соединительные гласные), чѣмъ она и отличается отъ основы неопредѣленнаго наклоненія и пр.“ Слѣдовательно, въ морфемѣ несе за основу настоящаго времени собственно должно признать звуко сочетаніе несе, а звукъ е, слѣдующій за этимъ звуко сочетаніемъ, есть не тематическій, а *соединительный гласный*, который въ парадигмахъ настоящаго времени на стр. 61 проф. Карскій и отдѣляетъ отъ основы. Итакъ, что же слѣдуетъ признать за основу настоящаго времени въ глаголѣ нести: звуко сочетаніе несе, или несе^ѣ? Очевидная сбивчивость въ изложеніи.

На стран. 63-й въ § 52-мъ читаемъ: „Въ русскомъ языкѣ для выраженія прошедшаго дѣйствія существуетъ только одинъ способъ—*измѣняемая по лицамъ и числамъ форма глагола на -лъ*, которая, какъ увидимъ ниже, есть не что иное, какъ одно изъ прошедшихъ

временъ, нѣсколько только упростившееся“. Какъ же форма на лъ въ русскомъ языкѣ измѣняется по лицамъ? Такъ измѣняться по лицамъ, какъ измѣняется форма на лъ, можетъ въ русскомъ языкѣ любое существительное имя, или прилагательное. Далѣе проф. Карскій говорить: „всѣ тѣ отгѣнки времени совершенія дѣйствія, которые по русски выражаются *видами* глагола, тамъ (то-есть въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ) выражались особыми формами“. Какъ будто бы въ древне-церковномъ языкѣ не было формъ видовыхъ; припомнимъ: бзти—бзвати; лѣшти—лѣжати—лѣгати; сѣсти—сѣдѣти—сѣдати; ходити—хаждати; просити—прашати и мн. др. И какъ будто бы *видами* глагола въ русскомъ языкѣ выражаются *отгѣнки времени*. Такъ ли это?

На стр. 65-й: „Отъ описательныхъ временъ въ русскомъ языкѣ остались 1) прошедшее совершенное на -лъ, единственная форма для выраженія прошедшихъ временъ, да и оно нѣсколько отступило отъ своей первоосновы и пр.“ Какъ это понять? *Прошедшее совершенное на -лъ, единственная форма для выраженія прошедшихъ временъ!* Если есть разныя прошедшія времена, то какимъ образомъ именно прошедшее совершенное на -лъ можетъ быть единственною формою для ихъ выраженія? Понятно, что такой смыслъ приняло вышеприведенное положеніе отъ небрежности въ выраженіи. Но въ учебникѣ подобная небрежность не можетъ быть терпима.

Н. Некрасовъ.

Проф. А. А. Царевскій. Счастье чловѣческое и его источники. Казань. 1897. 38 стр. Цѣна 35 коп.

Рѣчь проф. Царевского представляетъ собою не столько философское разсужденіе, сколько ораторское произведеніе, съ нѣсколько декламационнымъ характеромъ.

Рѣчь состоитъ изъ двухъ частей; въ первой, отрицательной, говорится о томъ, въ чемъ люди обыкновенно ищутъ счастья, но въ чемъ его искать не слѣдуетъ; вторая часть (отъ стр. 26 до 38) доказываетъ, что „единственно только одно христіанство существенно можетъ облегчить скорбный удѣлъ чловѣка на землѣ“. Къ сожалѣнію это положеніе не вытекаетъ непосредственно изъ первой части рѣчи, а лишь внѣшнимъ образомъ пристегнуто къ ней.

Въ первой части говорится, что всѣ люди ищутъ счастья и от-

сюда дѣлается выводъ, „что счастье есть“ (стр. 6). Хотя всѣ люди искали счастья, „но счастье бѣжало отъ нихъ“ (стр. 7). Прогрессъ человѣчества тоже не ведетъ къ счастью, напротивъ „общая сумма счастья въ наше прогрессивное время не только не растетъ, а какъ будто видимо даже понижается“ (стр. 9). Нѣкоторые думаютъ, „что всѣ теперешніе недостатки и все несчастье нашего настоящаго происходятъ именно отъ несовершенства еще цивилизаціи человѣческой“ (стр. 12), но авторъ думаетъ, что страданія и бѣдствія обусловлены самою земною жизнью и поэтому никогда не исчезнутъ.—Далѣе авторъ пытается критиковать воззрѣніе, которое въ трудѣ усматриваетъ залогъ человѣческаго счастья. Авторъ съ этимъ не согласенъ, онъ находитъ, что „трудъ всегда болѣе или менѣе изнуряетъ организмъ, утомляетъ силы, ломаетъ человѣка“ (стр. 17—18). Отъ этихъ теорій авторъ почему-то обращается къ социалистамъ и доказываетъ безумность ихъ попытокъ исканія счастья человѣчества путемъ реорганизаціи общества.

Авторъ несомнѣнно имѣетъ въ виду вполне похвальную цѣль, но нельзя сказать, чтобы онъ выполнилъ ее удачно и я, по крайней мѣрѣ, не стану оспаривать его собственной характеристики рѣчи (стр. 3: „неинтересныя слова“ „о столь интересномъ предметѣ“). Главный недостатокъ рѣчи г. Царевскаго, столь симпатичной по цѣли, заключается въ томъ, что, несмотря на свой малый объемъ, она содержитъ въ себѣ большія противорѣчія, а именно, указавъ на то, что „трудъ есть искупительное наказаніе, еще въ лицѣ прародителей нашихъ опредѣленное Богомъ согрѣшившему человѣку“ (стр. 17), проф. Царевскій все-таки находитъ, что это „отнюдь не унижаетъ“ человѣческаго труда (стр. 18). Указавъ на то, что культура не уменьшаетъ, а скорѣе усугубляетъ человѣческія бѣдствія, авторъ утверждаетъ, что „тѣмъ не менѣе значеніе и польза цивилизаціи неоспоримы и непререкаемы“ (стр. 24—25). Указавъ на стр. 13, что медицина не въ состояніи уничтожить „удрученнаго состоянія человѣчества“, авторъ на стр. 25 говоритъ: „лишить насъ врачей и аптекъ, гигиеническихъ и санитарныхъ мѣропріятій, не значило-ли бы отдать насъ на жертву безопазднымъ заразамъ, эпидеміямъ, болѣзнямъ“. Наконецъ, главная мысль автора о томъ, что счастье зависитъ отъ жизненности въ насъ христіанскихъ идей, о томъ, что Царство Божіе „внутри васъ есть“! (стр. 27)—мысль прекрасная и глубокая—противорѣчитъ всему тому, что г. Царевскій сказалъ въ защиту цивилизаціи. Дѣйствительно, какъ-то странно читать рядомъ съ упомина-

ніемъ о царствѣ Божіемъ слѣдующую фразу: „Лишить, напримѣръ, очковъ человѣка цивилизованнаго... не значило-ли бы обречь его на бездѣйствіе и самое жалкое, несчастное существованіе“? стр. 25; точно также странно читать, что къ числу злѣйшихъ враговъ человѣческаго счастья авторъ причисляетъ сутуловатость, отсутствіе зубовъ и присутствіе лысины (стр. 13), что онъ, перечисляя трудъ отвратительный и отталкивающій, сопоставляетъ очистку нечистотъ съ уходомъ за заразными болѣзнями (стр. 18—19).

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить совершенно невѣрныя утвержденія автора: напримѣръ, на стр. 22 онъ говоритъ: „А кому неизвѣстно, что всё нынѣшнія социальныя и либеральныя доктрины прогресса человѣческаго во главу своего жизненнаго катехизиса поставляютъ именно матеріалистическое мировоззрѣніе и вѣроисповѣданіе“. Первымъ коммунистомъ былъ Платонъ; современные социалисты родоначальникомъ своимъ признаютъ Фихте стар. и Лассалья гегеліанца. На стр. 21-й говорится: „Наконецъ, великая французская революція, съ такимъ безпримѣрнымъ шумомъ явившая себя міру, принесла-ли какое счастье странѣ своей? Исслѣдованія по этому вопросу Тайнэ и др. доказали, что — никакого“. Если авторъ имѣетъ въ виду историка Тэна, то исслѣдованія его вовсе не касались вопроса о счастья, а вопроса о возникновеніи современной Франціи. На стр. 36 авторъ о Ренанѣ говоритъ слѣдующее: „Наконецъ, самъ печально-извѣстный Ренанъ, поставившій цѣлюю своей преступной дѣятельности лишить людей христіанства, и тотъ, противъ воли и какъ бы инстинктивно, сказалъ ту сущую правду о христіанствѣ, противъ которой такъ упорно и нагло вооружался“. Если г. Царевскій говоритъ объ историкѣ, членѣ академіи Э. Ренанѣ, то врядъ-ли онъ этому человѣку даетъ подходящую характеристику: Ренанъ былъ человѣкомъ религіознымъ и внутренней переломъ, произошедшій въ немъ, описанъ имъ весьма трогательно въ прекрасной книгѣ: „Souvenir d'enfance et de jeunesse“. Наглости въ Э. Ренанѣ вовсе не было, точно также врядъ-ли можно назвать преступной дѣятельностью попытку, можетъ быть и не удачную, написать исторію возникновенія христіанства. Г. Царевскій имѣлъ полное основаніе отнестись снисходительно, въ духѣ христіанскаго ученія, къ заблужденіямъ Ренана, такъ какъ выписка, дѣлаемая г. Царевскимъ изъ Ренана, вовсе не подтверждаетъ вышеприведенной характеристики строгаго судьи.

P.

Проф. А. А. Царевскій. Идеализмъ, какъ насущная потребность нашего времени, и поэзія, какъ средство къ подъему идеализма. Казань 1897 г., 61 стр. Цѣна 45 коп.

Эта рѣчь проф. Царевского содержитъ почти тѣ же самыя мысли, съ какими мы познакомились изъ другой его рѣчи, трактующей о счастья. Въ началѣ авторъ заявляетъ, что „отнодъ не беретъ на себя претензіи сказать что-либо новое, доселѣ неслыханное, всѣмъ намъ уже (!) въ большей или меньшей степени неизвѣстное; но вѣдь въ умственномъ запасѣ есть такія вещи, (!) которыя не мѣшаетъ какъ можно чаще вспоминать и освѣжать, чтобы онѣ крѣпче держались въ сознаниі“ (стр. 4—5). Авторъ не вполне точно придерживается этой программы, ибо хотя, дѣйствительно, не сообщаетъ ничего „доселѣ не слыханнаго“ и вспоминаетъ, дѣйствительно, свои „вещи“, то есть покончивъ изложеніе своихъ мыслей на стр. 48, почему-то считаетъ нужнымъ на стр. 48 по 61 вновь повторить ихъ, хотя онѣ вовсе незамысловаты; однако объ освѣженіи своихъ „вещей“ онъ, очевидно, забылъ.

Начинаетъ авторъ съ несомнѣнной истины: „Переживаемое нами время“ говоритъ онъ, „есть конецъ текущаго столѣтія; не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ мы будемъ жить уже въ XX вѣкѣ“. Наше время авторъ рисуетъ весьма черными красками; это время господства пессимизма, который проникъ даже въ литературу: „Минскій, Фругъ“, говоритъ авторъ, „Андреевскій, Фофановъ, Голенищевъ-Кутузовъ и др. составляютъ одну, такъ теперь и обозванную семью поэтовъ скорбныхъ, ноющихъ“ (стр. 10). Причину пессимистическаго настроенія общества авторъ видитъ въ упадкѣ религіознаго чувства. Пессимизмъ авторъ отождествляетъ съ отсутствіемъ идеализма. „Считаю неудобнымъ, а пожалуй и лишнимъ“ говоритъ онъ, „доказывать ту думаю всѣмъ очевидную истину, что идеализмъ, дѣйствительно, не растетъ въ нашей жизни, какъ бы это естественно было ожидать съ ростомъ прогресса научнаго, а именно убываетъ, ступшевывается, падаетъ“. Очень жаль, что авторъ не остановился на доказательствѣ этой мысли, ибо она вовсе не такъ безспорна, какъ она кажется г. Царевскому. „Идеализмъ, какъ богатство нравственныхъ, гуманныхъ убѣжденій, какъ непоколебимая вѣра въ торжество правды и добра и самоотверженное стремленіе къ нимъ, идеализмъ, какъ вообще возвышенный строй нашихъ нравственныхъ силъ, — всегда въ большей или меньшей степени присущъ человѣку и т. д. и т. д.“ (стр. 19). Этотъ идеализмъ исчезаетъ, по мнѣнію автора; для подъема идеализма нужно обра-

тяться къ христіанской религіи и къ поэзіи, „которая всегда рождалась изъ религіи (стр. 30). „Изъ всѣхъ духовныхъ средствъ, которыми располагаетъ человѣкъ, только поэзія, послѣ религіи, въ состояніи совершать нравственные перевороты, даже, можно сказать, нравственные чудеса въ человѣкѣ“ (стр. 35). „Существенная сторона значенія и пользы истинной поэзіи“, по мнѣнію автора, „заключается именно въ томъ, что она ведетъ насъ къ самопознанію“ и къ самоусовершенствованію. Но это способна сдѣлать только истинная поэзія. Вотъ тѣ мысли, которыя высказываетъ г. Царевскій, и въ общемъ, я думаю, онѣ вполнѣ справедливы, хотя авторъ не столько доказываетъ ихъ, сколько повторяетъ на разныхъ ладахъ. Главный недостатокъ рѣчи г. Царевскаго заключается въ неопредѣленности тѣхъ терминовъ, которыми пользуется авторъ. Трудно, напримѣръ, сказать, что разумѣетъ г. Царевскій подъ идеализмомъ, подъ поэзіей и т. д. Даваемые имъ опредѣленія столь общи, что вовсе не схватываютъ характера явленія. Авторъ и не очень заботится о точности въ опредѣленіяхъ: напримѣръ, онъ говоритъ на стр. 16: „Практицизмъ, реализмъ, утилитаризмъ или вообще матерьялизмъ—вотъ что замѣняетъ собой возвышенныя, идеальныя стремленія“ и т. д. Здѣсь авторъ подъ матерьялизмъ подводитъ весьма различныя и неопредѣленныя понятія.

Въ общемъ стремленіе г. Царевскаго къ подъему идеализма, конечно, заслуживаетъ полнаго уваженія, хотя можетъ быть г. Царевскій оказалъ бы идеализму болѣе реальную услугу, еслибъ не назначалъ сравнительно столь высокой цѣны за небольшую брошюру.

Р.

Д. Петражицкій. Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы и значеніе добросовѣстности для гражданскаго законодательства съ точекъ зрѣнія догмы и политики гражданскаго права.—Приложенія: I. Модные лозунги юриспруденціи. II. Обязанности юриспруденціи въ Россіи. С.-Пб. 1897.

I.

Ислѣдованіе г. Петражицкаго, заглавіе котораго выписано выше, представляетъ собою, (не считая приложеній, которыя появляются въ печати впервые), переводъ (значительно впрочемъ дополненный) второй части его труда „die Fruchtvertheilung beim Wechsel der

Nutzungsberechtigten. Berlin 1892". Оно состоитъ (не считая опять-таки приложений), изъ трехъ частей. Первая часть посвящена догматическому изложенію института приобрѣтенія плодовъ добросовѣстнымъ владѣльцемъ по римскому праву. Вторая часть пытается дать объясненіе института съ точки зрѣнія теории (конструкціи), исторіи и политики гражданскаго права. Третья часть разсматриваетъ права добросовѣстныхъ владѣльцевъ на доходы съ точки зрѣнія современной гражданской политики и новыхъ гражданскихъ уложеній.

Въ первой части авторъ прежде всего разрѣшаетъ преюдиціальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ квалифицировать отношеніе добросовѣстнаго владѣльца къ плодамъ вещи, составляющей объектъ его владѣнія. Онъ доказываетъ, что добросовѣстный владѣлецъ приобрѣтаетъ плоды въ собственность, ссылаясь при этомъ не столько на общія изреченія источниковъ, сколько на фрагменты, въ которыхъ проведены послѣдствія права собственности; въ качествѣ таковыхъ онъ указываетъ на l. 1 § 2 D. d. pign. 20, 1 и l. 4 § 19 D. de usuc. 41, 3. Тотъ фактъ, что собственникъ вещи тѣмъ не менѣе при помощи виндикаціи можетъ вытребовать fructus extantes, непотребленные добросовѣстнымъ владѣльцемъ плоды, не противорѣчитъ вышеуказанному положенію: „обязанность выдать наличные продукты есть одна изъ разныхъ *praestationes personales*, которыя связаны съ вещными исками“ (стр. 11).

Установивъ основное свое положеніе, авторъ засимъ переходитъ къ анализу условій приобрѣтенія плодовъ въ собственность. Онъ отмѣчаетъ, что обыкновенно „отношеніе добросовѣстнаго владѣльца къ доходамъ сопоставляя и сопоставляютъ съ *condicio usucapiendi* главной вещи“ (стр. 16). Это не вѣрно: „приобрѣтеніе плодовъ добросовѣстнымъ владѣльцемъ юридически не имѣетъ ничего общаго съ *condicio usucapiendi*“, (стр. 17), ибо *плодъ есть самостоятельная вещь*. Поэтому во 1-хъ для приобрѣтенія его требуется самостоятельный титулъ. „Въ случаѣ добросовѣстнаго владѣнія титуломъ является отдѣленіе плода отъ плодоносной вещи во время *b. f. possessio*. Требуется еще титула для *bonae fidei possessio* плодоносной вещи означало бы требовать двухъ титуловъ для приобрѣтенія плодовъ, а иногда и пѣлаго ряда титуловъ, напримѣръ въ случаѣ нѣсколькихъ поколѣній животныхъ“ (стр. 19). „Техническое названіе для титула приобрѣтенія владѣнія и собственности на плоды есть *pro suo*“ (тамъ-же).

Далѣе изъ самостоятельности плодовъ и ихъ приобрѣтенія слѣдуетъ, что и другія условія *condicio usucapiendi* главной вещи не имѣютъ никакого юридическаго значенія для приобрѣтенія плодовъ.

Въ частности, по общему правилу—„безразлично, годна ли плодоносная вещь для приобрѣтенія по давности или нѣтъ“. (l. 48 pr. D. de a. r. d. 41,1; l. 48 § 1 eod.) (стр. 20).—Что касается засимъ bona fides, то опять-таки, „bona fides, требуемая для приобрѣтенія плодовъ, независима отъ bona fides, требуемой для приобрѣтенія главной вещи“ (стр. 21). Для приобрѣтенія плода, какъ и каждой вещи, требуется bona fides въ моментъ начала владѣнія этою вещью (стр. 22). Въ подтвержденіе этого положенія авторъ ссылается на l. 48 § 1 D. 41,1. Правда, Юліанъ былъ иного мнѣнія, какъ явствуетъ изъ l. 25 § 2 D. de usur. 22,1. Но его взглядъ не встрѣтилъ сочувствія среди другихъ римскихъ юристовъ, которые признали болѣе правильнымъ взглядъ Помпонія, сформулированный въ указанной l. 48 § 1 D. de a. r. d. 41,1.—Наконецъ, авторъ останавливается на вопросѣ о томъ, какіе добросовѣстные владѣльцы приобрѣтаютъ плоды, только ли путативные собственники, или также путативные обладатели другихъ вещныхъ правъ? Онъ высказывается за вторую альтернативу, ссылаясь на l. 54 § 3. D. de a. r. d. 41,1, l. 40 eod., l. 4 § 2,9 D. fin. reg. 10,1.

Покончивъ съ вопросомъ объ условіяхъ приобрѣтенія плодовъ, авторъ переходитъ засимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ добросовѣстный владѣлецъ освобождается отъ обязанности возвращать плоды виндицирующему собственнику. Такъ какъ источники говорятъ, что bona fidei possessor fructus consumptos suos facit, то прежде всего надлежитъ установить, что слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ consumptio? слѣдуетъ ли подводить подъ понятіе consumptio и отчужденіе плодовъ или только уничтоженіе въ физическомъ смыслѣ? Авторъ высказывается за распространительное толкованіе понятія consumptio, аргументируя слѣдующимъ образомъ: „предположимъ, что понятіе fr. extantes обнимаетъ и эквивалентъ за отчужденные плоды. Тогда на основаніи l. 22 § 2 D. de pign. act. 13,7, l. 3 C. de cond. ex l. 4,9, l. 4 § 2 C. de crim. exp. her. 9,32 и другихъ мѣсть, которыя собственнику даютъ vindicatio fructuum extantium противъ недобросовѣстнаго владѣльца, слѣдуетъ, что собственникъ можетъ виндицировать у недобросовѣстнаго владѣльца эквивалентъ за отчужденные плоды. Но этотъ выводъ представляетъ юридическій абсурдъ. Если mala fidei possessor отчуждаетъ плоды и получаетъ за нихъ эквивалентъ, то онъ по traditio приобрѣтаетъ *право собственности на этотъ эквивалентъ*... Во всякомъ случаѣ собственникъ вещи, плоды которой продаетъ mala fidei possessor, не приобрѣтаетъ права

собственности на переданный владѣльцу эквивалентъ. Стало быть, онъ не можетъ никоимъ образомъ обосновать по поводу эквивалента *vindicatio fructuum extantium*. Слѣдовательно... понятие *fructus extantes* никоимъ образомъ не можетъ обнимать эквивалентъ за проданные плоды" (стр. 29). И такъ, добросовѣстный владѣлецъ возвращаетъ только продукты *in natura*, а отнюдь не вырученный за нихъ эквивалентъ.—Установивъ понятие *consumptio*, авторъ дальше по поводу возбужденнаго Чилияржомъ вопроса о томъ, требуется ли въ качествѣ одного изъ условій, освобождающихъ владѣльца отъ обязанности возврата, *bona fides* въ моментъ *consumptio*,—замѣчаетъ, что слѣдуетъ возражать противъ самой постановки вопроса. „При обсужденіи освобождающаго дѣйствія *consumptio* слѣдуетъ говорить не о *bona* или *mala fides* владѣнія, а о *dolus, culpa* и *casus*“, ибо „обязанность возвращать *fructus extantes* есть *обязательственное отношеніе* и должна подчиняться правиламъ обязательствъ“ (стр. 30).—Обращаясь засимъ къ *fructus extantes*, авторъ доказываетъ, что они подлежатъ возврату лишь постольку, поскольку они образуютъ чистую прибыль владѣльца. Въ этихъ предѣлахъ обязанность возврата была признана и классическими юристами, чему не противорѣчатъ рѣшенія Папиніана въ l. 48 D. de rei vind., 6.1 и l. 65 eod., ибо въ этихъ фрагментахъ имѣются въ виду случаи такъ называемаго *superfluous sumptus*, то-есть случаи, въ которыхъ расходы владѣльца превысили его доходъ отъ вещи.—Что касается вопроса о томъ, подлежатъ ли возвращенію такъ называемые гражданскіе плоды, то авторъ отвѣчаетъ на него отрицательно по соображеніямъ, однороднымъ съ тѣми, по которымъ онъ отрицаетъ обязанность владѣльца возвращать вырученный за отчужденные натуральные плоды эквивалентъ.

Въ заключеніе авторъ останавливается специально на вопросѣ о приобрѣтеніи черезъ рабовъ, доказывая, что приобрѣтенія добросовѣстнаго владѣльца раба римское право подчиняетъ общимъ правиламъ.

Этимъ заканчивается первая догматическая часть изслѣдованія.

Вторая часть начинается съ обзора литературы, посвященной объясненію института съ точки зрѣнія конструктивной и исторической. Авторъ различаетъ три группы конструктивныхъ теорій: „первая группа устраняетъ юридическій прыжокъ (отъ добросовѣстнаго владѣнія главной вещью къ праву собственности на плоды) тѣмъ, что низводитъ отношеніе добросовѣстнаго владѣльца къ плодамъ тоже до уровня *bonae fidei possessio*; вторая группа—тѣмъ, что возводитъ от-

ношеніе владѣльца къ главной вещи тоже до высотъ собственности (бонитарной, фиктивной); третья группа разсматриваетъ право собственности на плоды, какъ особую льготу, предоставленную добросовѣстному владѣльцу въ виду его добросовѣстности“, характеризуя притомъ это право какъ временную (провизорную, интеремистическую) собственность (стр. 47). Ни одна изъ этихъ теорій по мнѣнію автора не выдерживаетъ критики: всѣ онѣ не только несогласны съ изреченіями источниковъ, но страдаютъ и внутренними противорѣчіями.

Иначе пытается объяснить кажущіяся аномаліи института историческая или интерполяціонная теорія. Она увѣряетъ, что „классическіе юристы дали добросовѣстному владѣльцу право собственности на плоды безъ всякой обязанности возвращенія. Ограниченіе его правъ произошло лишь путемъ императорскаго законодательства, что повлекло за собою многочисленныя интерполяціи въ дигестахъ“ (стр. 48). Авторъ очень подробно разбираетъ доводы сторонниковъ этой теоріи и блистательно опровергаетъ ихъ.

Вслѣдъ за симъ авторъ вкратцѣ отмѣчаетъ встрѣчающіяся въ литературѣ попытки оправдать занимающій его институтъ иными соображеніями, нежели конструктивными (соображеніями справедливости, моментами *sic et cultura*, потраченными владѣльцемъ на производство, интересами третьихъ пріобрѣтателей и т. д.). Доказавъ неудовлетворительность подобныхъ объясненій, авторъ переходитъ къ выясненію задачи, которую онъ себѣ поставилъ, и своего метода разрѣшенія ея.

Подлежащая разрѣшенію задача формулируется слѣдующимъ образомъ: „намъ слѣдуетъ исходить изъ того основнаго положенія современнаго частно-правнаго строя, что *собственнику капитала принадлежитъ и доходъ* отъ этого капитала, и что *нашъ институтъ представляетъ исключеніе изъ этого общаго принципа* современнаго капиталистическаго строя. Требуется объясненіе и отвѣтъ, стало быть, отнюдь не на вопросъ, почему добросовѣстный владѣлецъ не получаетъ всѣхъ плодовъ, а, напротивъ, на обратный вопросъ, а именно, почему ему предоставляется *исгнм* потребленныхъ плодовъ, *почему права собственника ограничиваются только наличными плодами*“ (стр. 120).

Что касается засимъ метода разрѣшенія поставленной задачи, то авторъ замѣчаетъ:

„Чтобы отыскать функцію института, чтобы опредѣлять потребность, вызвавшую его къ жизни, какъ его оправданіе и причина, мы

обращаемся къ методу опредѣленія причинъ, то есть къ индукціи. Ближайшій матерьялъ для примѣненія индуктивнаго метода, а именно метода различій, дають намъ сами римскія правила:

1) Они относятся къ плодамъ, но не относятся къ прочимъ приращеніямъ; слѣдовательно причины слѣдуетъ искать въ отличіи плодовъ отъ прочихъ приращеній.

2) Они относятся къ добросовѣстному владѣльцу, но не относятся къ недобросовѣстному; слѣдовательно причина коренится и въ отличіи bona отъ mala fides.

3) Они иначе относятся къ fructus extantes, нежели къ fructus consumpti; слѣдовательно причина коренится и въ отличіи fructus extantes отъ consumpti“ (стр. 118, 119).

Такимъ образомъ, „въ окончательномъ результатѣ кроется одновременное вліяніе трехъ причинъ. Задача состоитъ въ опредѣленіи того участія, которое слѣдуетъ приписать въ институтѣ каждому изъ трехъ факторовъ“ (тамъ же).

Только такимъ путемъ мы можемъ придти къ рациональному объясненію какъ матеріальной, такъ и формальной стороны института. Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній авторъ переходитъ къ детальному выясненію значенія трехъ факторовъ, опредѣляющихъ институтъ. Что касается прежде всего bona fides, то онъ доказываетъ, что ее нельзя отождествлять съ честностью, добросовѣстностью, какъ съ другой стороны mala fides не есть синонимъ безнравственности, недобросовѣстности: первая означаетъ только *незнаніе* (*извинительное заблужденіе*), вторая—знаніе (стр. 132). Таковъ, по мнѣнію автора, былъ и взглядъ римскихъ хористовъ. А если это такъ, то „мы должны попытаться объяснить правила о b. f. possessor изъ его незнанія, не предполагая съ его стороны никакихъ нравственныхъ заслугъ“. И дѣйствительно: „изъ извинительнаго незнанія слѣдуетъ невозможность вмѣненія вины“. Поэтому „о fructus percipiendi не можетъ быть и рѣчи“. Поэтому „и разные виды consumptio извлеченныхъ плодовъ не могутъ повлечь за собою отвѣтственности владѣльца за соотвѣтственные поступки“, ибо „эти поступки являются по отношенію къ собственнику вещи ничѣмъ инымъ, какъ casus“ (стр. 131). Невыясненнымъ остается только, „почему собственникъ не имѣетъ права потребовать отъ незнающаго владѣльца выдачи всего обогащенія“. Для этого необходимо установить значеніе, какое имѣютъ остальные два фактора.

Прежде всего: какое значеніе имѣетъ моментъ consumptio? При

разсмотрѣннн этого вопроса авторъ замѣтно отступаетъ отъ строгой послѣдовательности въ ходѣ своихъ разсужденій.

Онъ начинается съ нѣкоторыхъ примѣровъ физиологической и механической консумпціи, долженствующихъ иллюстрировать то положеніе, что разъ что потреблено, оно не можетъ быть возвращено безъ нанесенія несоразмѣрнаго вреда тому организму, который совершилъ актъ потребления. За симъ авторъ переходитъ къ констатированію того факта, что частное имущество въ періодъ развитой экономической жизни составляетъ очень сложный хозяйственный организмъ, съ строгой дифференціацией органовъ и функций. Вслѣдствіе этого всякое внезапное непредвидимое изъятіе какого либо хозяйственного органа „влечетъ за собою несоразмѣрный вредъ, который можетъ многократно превысить цѣнность недостающаго органа“ (стр. 139). Наоборотъ, „изъятіе это не дѣйствуетъ смертельно, если оно было предусмотрено въ хозяйственномъ планѣ“. Это потому, что части имущества „соединены планомъ будущаго производства. предусмотрительностью“ (стр. 140). Возвращаясь затѣмъ къ *bona fides*, авторъ говоритъ: „съ этой народно-хозяйственной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія честности или нечестности слѣдуетъ обсуждать и объяснять правила о *bona* или *mala fides*, о знаніи или незнаніи о чужомъ правѣ“. „*Bonae fidei possessio* есть опасное и вредное явленіе въ народномъ хозяйствѣ, потому что она ведетъ необходимо къ ошибочному хозяйственному плану“. Вредъ отъ *bona fides* гражданское право должно нейтрализовать ограниченіемъ осуществленія тѣхъ правъ, къ которымъ *bona fides*, какъ незнаніе, относится. И дѣйствительно, римское право содержитъ систему нормъ, исполняющихъ эту экономическую функцію“ (стр. 140, 141). Въ подтвержденіе послѣдняго положенія слѣдуютъ засимъ указанія на римскія постановленія о давности владѣнія и о возмѣщеніи издержекъ, произведенныхъ владѣльцемъ чужой вещи на эту вещь. Что же касается непосредственной темы, значенія хозяйственной консумпціи, въ особенности поскольку она сопровождается приобрѣтеніемъ извѣстнаго эквивалента взаимнъ уступки первоначальнаго блага, то объ ней не говорится ни слова!

Покончивъ указаннымъ сокращеннымъ порядкомъ съ понятіемъ консумпціи, авторъ въ заключеніе выясняетъ хозяйственное значеніе плодовъ. „Существо плодовъ (*fructus*), говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что они представляютъ *потребительный фондъ boni patris familias*“ (стр. 148). Съ этой точки зрѣнія нетрудно понять, почему римское право въ извѣстныхъ случаяхъ, (авторъ специально указываетъ на

actio hypothecaria), ограничиваетъ отвѣтственность отвѣтчика обязанностью выдать одни fructus extantes. „Правило, говоритъ авторъ въ примѣненіи къ закладному иску, по которому въ искѣ залогопринимателя къ залогодателю рѣчь можетъ идти только о fructus extantes... санкціонируетъ лишь нормальное хозяйство, дѣлая возможнымъ залогодателю, несмотря на залогъ имѣнія, поступать съ доходами сообразно съ ихъ назначеніемъ, то есть потреблять ихъ“ (стр. 149).

Охарактеризовавъ значеніе моментовъ bona fides, fructus и consumptio, авторъ переходитъ къ объясненію матеріальной стороны интересующаго его института.

„Соотвѣтственно нашему плану, говоритъ онъ, мы должны сперва отвѣтить на матеріально-правовой вопросъ: почему право оставляетъ незнающему владѣльцу lucrum плодовъ, если они подверглись consumptio? Отвѣтъ гласитъ: потому что иное отношеніе къ плодамъ, то есть хозяйственнымъ благамъ, которыя съ точки зрѣнія нормальнаго хозяйства предназначены къ свободному потребленію и издержанію, вело бы къ потрясенію и разрушенію хозяйствъ“. „Restitutio fructus consumpti вмѣстѣ съ капитальной вещью означало бы именно, что добросовѣстный владѣлецъ *неожиданно* долженъ извлечь изъ своего собственнаго имущества и хозяйства известную сумму денегъ“ (стр. 151). Освобождая его отъ этой обязанности, „римское право гарантируетъ добросовѣстному владѣльцу цѣлость его собственнаго хозяйства“ (стр. 152).

Совсѣмъ инымъ представляется отношеніе владѣльца къ fructus extantes. „Для того, чтобы выдать fructus extantes, нѣтъ владѣльцу необходимости продавать составныя части собственнаго хозяйства и этимъ нарушать правильное функционированіе собственнаго имущества; достаточно открыть склады, гдѣ находятся наличные продукты“ (стр. 153). Уже съ этой точки зрѣнія нѣтъ основанія лишать собственника этой части дохода съ его вещи. Но этого мало: „fructus extantes представляютъ естественные сельско-хозяйственные продукты“, часть которыхъ „образуютъ тѣ продукты, которые необходимы для дальнѣйшаго хозяйства“, (какъ то навозъ, солома, сѣно, зерно для посѣвовъ и т. д.), и которые поэтому сохраняются для этихъ необходимыхъ потребностей хозяйства. „И вотъ, если дѣйствительный собственникъ имѣнія неожиданно поставитъ владѣльца въ положеніе mala fides и пожелаетъ констатировать количество fructus extantes, то въ обыкновенномъ, среднемъ случаѣ, который именно должно принимать во вниманіи право, (курсивъ автора), онъ най-

детъ свое имѣніе въ нормальномъ, хозяйственномъ состояніи, то-есть онъ найдетъ тамъ именно тѣ *fructus* въ видѣ *fructus extantes*, которые необходимы для дальнѣйшаго хозяйства. И вотъ *эти плоды представляютъ для владѣльца, который дальше не будетъ хозяйничать въ имѣніи, гораздо меньшую цѣнность, нежели для собственника, къ которому переходитъ хозяйство*“ (стр. 162). Другими словами: „оставляя *fructus consumpti* владѣльцу и предоставляя *fructus extantes* собственнику, римское право распредѣляетъ плоды между этими двумя субъектами такъ, что *какъ fructus extantes, такъ и consumpti достаются ихъ экономически правильнымъ дестинатарамъ*, и что предупреждается разрушеніе и разстройство въ обоихъ хозяйствахъ“ (стр. 164).

Въ заключеніе авторъ останавливается на возраженіяхъ, предъявленныхъ противъ изложенной теоріи Эртвагомъ и Пернисомъ. Изъ этихъ возраженій самымъ серьезнымъ является замѣчаніе Перниса, что теорія автора подходитъ только къ виндикаціи участковъ, а не движимыхъ вещей, что и въ отношеніи недвижимостей она предполагаетъ виндикацію цѣлыхъ имѣній, и что наконецъ, если даже принять объясненіе автора съ этимъ двойнымъ ограниченіемъ, она все-таки не представляется безупречной. „Время, говоритъ Пернисъ, въ которое плоды должны быть на лицо, избрано произвольно и его наступленіе зависитъ отъ произвола виндиканта. Потому нѣтъ никакой гарантіи, что цѣль будетъ правильно достигнута“: иногда подѣ видомъ *fructus extantes* весь сборъ можетъ достаться собственнику, иногда же въ имѣніи не окажется никакихъ *fructus extantes*. Авторъ признаетъ что эти замѣчанія Перниса „вполнѣ основательны по своему непосредственному содержанию“, что „дѣйствительно, *fructus extantes* имѣютъ указанное имъ значеніе только при виндикаціи недвижимостей и здѣсь не всегда“ (стр. 186). Онъ въ этомъ отношеніи настаиваетъ лишь на томъ, что случаи виндикаціи, подходящіе подѣ его, автора, теорію, суть именно нормальные, средніе случаи: „право же, особенно обычное право (кристаллизація массоваго опыта) примѣняется къ тѣмъ явленіямъ, которыя имѣютъ значеніе въ важнѣйшей для жизни по вѣсу и количеству массѣ случаевъ“ (тамъ же).

Послѣ этого авторъ переходитъ къ объясненію формальной стороны института. На вопросъ: „почему ограниченіе правъ собственника капитальной вещи проведено въ той формѣ, что незнающій владѣлецъ получилъ на плоды право собственности?“—авторъ отвѣчаетъ другимъ вопросомъ: „кто можетъ предложить лучшее и болѣе простое средство. нежели юридическая санкція хозяйственнаго плана владѣльца, то-есть

норма, по которой чужіе плоды, положенные въ основаніе хозяйственнаго плана владѣльца, какъ его собственные, и со стороны права признаются за его "собственность?" (стр. 189). Въ частности авторъ указываетъ, что благодаря такой постановкѣ вопроса право избѣгаетъ необходимости предвидѣть и устранять всевозможные регрессы противъ незнающаго владѣльца, что благодаря ней владѣлецъ пріобрѣтаетъ всѣ обыкновенные иски собственника уже на время до овладѣнія отдѣленнымъ плодомъ и т. д. Эти выгоды не парализуются к тѣмъ, что на владѣльцѣ лежитъ обязательство возратить fructus extantes, ибо „это обязательство не лишаетъ добросовѣстнаго владѣльца возможности устанавливать дѣйствительныя вещныя права, пользоваться полной защитой права собственности“, и т. д. (стр. 191).

Объяснивъ матеріальную и формальную сторону института, авторъ въ заключеніе останавливается на нѣкоторыхъ вопросахъ историческаго свойства. „Изъ предыдущаго видно, говоритъ онъ, что положеніе bonae fidei possessor fructus consumptos suos facit осуществляетъ въ своей области важный народно-хозяйственный постулатъ относительно правильнаго гражданско-правоваго распредѣленія благъ... Возможно ли, чтобы римскіе юристы въ эпоху, когда еще не существовало экономической теоріи и научной хозяйственной политики, эту теоретическую и отвлеченную идею уразумѣли, оцѣнили и сознательно осуществили въ институтѣ пріобрѣтенія плодовъ?“ (стр. 192). Авторъ даетъ на это отрицательный отвѣтъ: „римскіе юристы сами не понимали экономической значенія нашего института, тѣмъ не менѣе на практикѣ они правильно осуществили изложенный постулатъ“ (стр. 193). „Если римское право развивалось удачно путемъ конкретныхъ рѣшеній, говоритъ онъ дальше, то это слѣдуетъ объяснить вовсе не соображеніями римскихъ юристовъ по поводу конкретныхъ случаевъ, а *массовымъ воздѣйствіемъ житейскихъ фактовъ*, ведущимъ къ торжеству и жизнеспособности рѣшеній, удачныхъ въ массѣ случаевъ, и устраняющимъ положенія, можетъ быть, удачныя въ конкретныхъ дѣлахъ, ихъ породившихъ, но дискредитируемыя преобладающею массою опыта“ (стр. 196).

Это не значитъ конечно, оговаривается засимъ авторъ, чтобы римскіе юристы вообще не размышляли надъ отдѣльными правовыми институтами и не создавали соотвѣтственныхъ общихъ теорій. Но только „эти теоріи оказывались обыкновенно безсильными, если онѣ вели къ рѣшеніямъ, противнымъ внушительной, хотя и безсознательной тенденціи массоваго опыта“ (стр. 196). Между прочимъ, и „нашъ ин-

ститутъ принадлежитъ къ числу такихъ, для которыхъ римскіе юристы создали (весьма неудачную) объяснительную и оправдательную теорію, и притомъ теорія эта играла въ свое время извѣстную роль при рѣшеніи частныхъ вопросовъ, но въ концѣ концовъ институтъ достигъ правильного развитія вопреки ложной теоріи“ (стр. 197). Теорія, о которой здѣсь говорится, есть теорія *sua et cultura*; ее защищали, между прочимъ, Помпоній, который проводилъ ее и въ частныхъ своихъ рѣшеніяхъ; противъ нея возражалъ Юліанъ; ко времени Павла она уже утратила всякій кредитъ и не оказывала болѣе вліянія на практику.

Въ заключеніе авторъ указываетъ, что „право приобрѣтенія плодовъ первоначально римскіе юристы распространяли только на самый частный и важный случай *bonae fidei possessio*, на владѣніе въ видѣ собственности“. Лишь позднѣе оно было примѣнено и къ путативнымъ вещнымъ правамъ пользованія (стр. 203).

Мы переходимъ къ заключительной, третьей части изслѣдованія г. Петражицкаго. Въ началѣ ея авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя „положительныя цивилильно-политическія предложенія“, которыя сводятся къ тому, что „тѣ хозяйственно-политическія соображенія, которыми мы старались оправдать и объяснить римскія правила о *fructus suos fructus*, сохраняютъ свое значеніе и для современнаго общественнаго быта, такъ что, принимая ихъ во вниманіе, сознательная современная цивилильная политика приводитъ къ требованію тѣхъ же юридическихъ нормъ, которыя путемъ безсознательнаго развитія возникли въ римскомъ правѣ“ (стр. 228).

Засимъ идетъ „критическій очеркъ отношенія новыхъ законодательствъ къ вопросу о правахъ добросовѣстнаго владѣльца на плоды“. Предварительно авторъ даетъ общую характеристику отношенія новыхъ гражданскихъ уложеній къ римскому праву. Характеристика получается очень нелестная. Новые кодексы уже не представляютъ собою „естественной кристаллизаціи безсознательной народной эмпирики“. Но ихъ нельзя назвать и „продуктомъ сознательнаго, научнаго цивилильно-политическаго мышленія“. Они составляютъ какое то *mixtum compositum* изъ разныхъ, не всегда правильно понятыхъ, положеній римскаго и германскаго права, смѣшиваемыхъ въ различныхъ пропорціяхъ, причемъ „компиляція составляется подчасъ вообще или отчасти не столько на основаніи первоисточниковъ—римскаго и германскаго права, сколько по болѣе или менѣе искаженнымъ копіямъ этихъ первообразовъ“ (стр. 252), а именно по учебникамъ римскаго

права съ одной стороны, по другимъ уже составленнымъ раньше уложеніямъ-компиляциямъ съ другой.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній авторъ переходитъ къ критикѣ постановленій французскаго, италянскаго, австрійскаго и прусскаго гражданскихъ уложеній (§ 26). Далѣе, особый параграфъ (§ 27) посвященъ правиламъ новаго общегерманскаго гражданскаго уложенія, которыя разбираются авторомъ чрезвычайно подробно. Наконецъ, послѣдній параграфъ (§ 29) рассматриваетъ распредѣленіе доходовъ между собственникомъ и добросовѣстнымъ владѣльцемъ по 1-й части X т. Св. Зак.

Что касается приложений къ книгѣ, то въ первомъ, озаглавленномъ „модные лозунги юриспруденціи“, авторъ возстаетъ противъ „пріобрѣтшей въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій господство практическо-догматической школы романистической юриспруденціи“. Онъ обвиняетъ ее въ тенденціознымъ перетолковываніи источниковъ, оправдываемомъ гласно или негласно соображеніями практической пользы или цѣлесообразности, въ скептическомъ и даже враждебномъ отношеніи къ юридической „логикѣ“, къ „понятіямъ“, къ „последовательности мышленія“, и, въ связи съ этимъ, въ фальсификаціи—благодаря употребленію различныхъ софистическихъ приѣмовъ, юридическаго метода.

Ближайшую причину этихъ нежелательныхъ и ненаучныхъ тенденцій авторъ усматриваетъ „въ смѣшеніи логики, логической переработки извѣстныхъ данныхъ и логическихъ процессовъ, съ тѣми данными, изъ которыхъ мы исходимъ“ (стр. 382): лозунги практической школы „сводятся къ тому, чтобы *дѣлать юридическіе выводы изъ неюридическихъ посылокъ* и выставлять юридическія положенія безъ обоснованія ихъ юридическими данными“ (стр. 383). Такому смѣшенію понятій въ свою очередь содѣйствуютъ два момента: во 1-хъ, отсутствіе самостоятельной науки гражданской политики, которая, исходя, въ противоположность позитивной юриспруденціи, не изъ легальнаго матеріала, а изъ психологическихъ, экономическихъ и др. данныхъ, систематически подготавливала бы сознательную реформу положительнаго права, и во 2-хъ, алогическій, чисто эмоціональный характеръ большинства тѣхъ явныхъ или скрытыхъ неюридическихъ соображеній, по которымъ представители названнаго направленія отступаютъ отъ строгой последовательности въ ходѣ своихъ разсужденій: авторъ имѣетъ въ виду частыя ссылки на такъ называемый юридическій тактъ, юридическое чутье, чувство справедливости, практическій инстинктъ и т. д., которыми нерѣдко оправдываются тен-

денціозные выводы въ области толкованія и разработки положительнаго права.

Мрачными красками рисуеъ авторъ далѣе тотъ вредъ, который влекутъ за собой подобныя тенденціи и приемы. Онѣ подрываютъ въ общественномъ сознаніи принципъ законности, подкапываются подъ два главные устои всякой науки: 1) основной субъективный принципъ науки — принципъ правдивости, и 2) основной объективный принципъ, — принципъ достаточнаго основанія, — онѣ ведутъ наконецъ къ апатіи въ области политики права, возбуждая „ложное представленіе, будто для развитія гражданскаго права не требуется законодательной реформы его..., а достаточно перетолковыванія дѣйствующаго права сообразно съ появляющимися новыми интересами, достойными защиты“ (стр. 401).

Въ заключеніе авторъ, останавливаясь на облюбованной имъ новой наукѣ, замѣчаетъ, что лозунги модной юриспруденціи конечно не являются единственной причиной низкаго уровня гражданской политики. какъ законодательной дѣятельности, и отсутствія ея какъ теории, какъ самостоятельной науки. „Политика права существовала и развивалась прежде въ видѣ дисциплины такъ называемаго естественнаго права. Паденіе школы естественнаго права означаетъ прекращеніе развитія политики права и въ частности науки гражданской политики“ (стр. 419). Паденію этой школы способствовали отчасти причины, виѣ ея лежащія, но въ весьма значительной степени и причины, коренящіяся въ ней самой, — и прежде всего „отсутствіе строго научнаго метода разработки положеній этой науки“ (стр. 420). „Проповѣдь въ пользу возвращенія къ рѣшенію задачъ школы естественнаго права и основанія науки политики права останется пустымъ словомъ, пока не будетъ выработанъ научный методъ, путемъ котораго мы можемъ въ области политики права достигнуть прочныхъ результатовъ, и пока не будетъ доказана плодотворность и дѣйствительная научная сила этого метода“ (стр. 421). Ближайшая задача и заключается въ выработкѣ такого научнаго гражданско-политическаго метода.

Второе приложеніе озаглавлено: „обязанности юриспруденціи въ Россіи“. Авторъ въ немъ доказываетъ, что въ виду весьма неудовлетворительнаго состоянія нашего гражданскаго законодательства и въ виду приближенія реформы его программа науки политики права и ея осуществленіе по мѣрѣ силъ и возможности получаетъ у насъ особенное значеніе, и что поэтому все вниманіе русской юриспруденціи должно быть направлено именно въ эту сторону.

II.

Приступая къ критической оцѣнкѣ труда г. Петражицкаго, мы прежде всего не можемъ не отмѣтить двѣ характерныя особенности его: богатство идейнаго содержанія съ одной стороны и избытокъ полемическаго задора съ другой. Въ томъ и другомъ отношеніи настоящій трудъ отражаетъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки ученой фізіономіи высокоталантливаго автора, имя котораго еще съ первыхъ шаговъ его на ученомъ поприщѣ успѣло приобрѣсти заслуженную извѣстность за границей и у насъ: съ одной стороны—смѣлое новаторство на почвѣ большой эрудиціи, острая и тонкая критика, живая научная интуиція, — съ другой стороны глубокая, даже прямо фанатическая вѣра въ непогрѣшимость собственныхъ взглядовъ, идущая рука объ руку съ нѣсколько заносчивымъ тономъ по отношенію къ его предшественникамъ и вообще всѣмъ несогласно мыслящимъ или даже просто допускающимъ „фигуру умолчанія“ въ отношеніи затрогиваемыхъ авторомъ новыхъ проблемъ и методологическихъ приѣмовъ: онъ даже не прочь обвинить таковыхъ въ скудоуміи, завистливости, недобросовѣстности (ср. примѣч. на стр. 285 о *jalousie de stétier*, а также примѣч. на стр. 424 объ отношеніи русскихъ юристовъ къ пропагандируемой имъ новой наукѣ гражданской политики).

Мы не имѣемъ основанія по поводу даннаго труда автора, центръ тяжести котораго заключается въ разработкѣ спеціальнаго вопроса изъ области римскаго права, входить въ подробную оцѣнку общахъ его научныхъ взглядовъ. Замѣтимъ лишь, что мы считаемъ созданіе особой науки гражданской политики дѣломъ неосуществимымъ.

Прежде всего, о такой наукѣ не можетъ быть рѣчи уже потому, что объекты науки и политики нетождественны: наука имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что есть, политика (какъ отрасль искусства)—съ тѣмъ, что должно быть. Отсюда вытекаетъ другое, весьма важное различіе: научныя положенія поддаются объективной провѣркѣ, мы всегда въ большей или меньшей степени въ состояніи удостовѣриться въ правильности дедуктивныхъ выводовъ, дѣлаемыхъ изъ допущенныхъ нами предположеній, путемъ сличенія ихъ съ фактами. Въ области политики это невозможно. Ея построенія, впредь до проведенія ихъ въ жизнь, всегда остаются гадательными. Отсюда слѣдуетъ, что въ этой области недостижима объективная достовѣрность, а въ лучшемъ случаѣ глубокая субъективная увѣренность въ себѣ, своихъ приѣмахъ и выводахъ.

Этимъ объясняется третья, характерная особенность политики: рѣшающее вліяніе, которое оказываютъ на ея построенія личные, субъективные идеалы, убѣжденія и увлеченія изслѣдователя; съ этими моментами конечно приходится считаться и въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но тамъ ихъ вліяніе умѣряется логикою фактовъ.

Если все это такъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что чѣмъ сложнѣе и измѣнчивѣе область интересующихъ изслѣдователя явленій, тѣмъ менѣе возможнымъ становится учесть всѣ тѣ факторы, которыми обусловливается правильность дѣлаемыхъ нами выводовъ. Вотъ почему мы и считаемъ, что о гражданской политикѣ въ смыслѣ сколько нибудь цѣлостной *системы* идеальнаго гражданскаго права, претендующей на научную обоснованность, ни въ ближайшемъ, ни въ болѣе отдаленномъ будущемъ рѣчи быть не можетъ.

Не о новой наукѣ гражданской политики, а о новомъ гражданско-политическомъ *методѣ* разработки права, который дополнял бы методы догматическій, историческій и сравнительный, слѣдуетъ заботиться. Что такой методъ необходимъ, и что примѣненіе его при разработкѣ вопросовъ права *de lege ferenda* способно привести къ самымъ плодотворнымъ результатамъ,—этому блестящимъ доказательствомъ служить какъ настоящій, такъ и прежніе труды нашего автора даже въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ не приходится соглашаться съ нимъ. Тѣмъ не менѣе и въ этой области слѣдуетъ остерегаться увлеченій. Формулировать новые методическіе принципы очень нелегкое дѣло. Авторъ въ настоящемъ трудѣ дѣлаетъ попытку подобнаго рода. Онъ устанавливаетъ два такихъ принципа: *принципъ годнаго destinatара* и *принципъ мотиваціи и этическаго воздѣйствія*. Первый гласитъ: „Такъ какъ всякая норма имущественнаго права ведетъ къ извѣстному перемѣщенію хозяйственныхъ благъ, то при оцѣнкѣ послѣдствій каждой нормы имущественно-гражданскаго права слѣдуетъ обращать вниманіе, не оказываетъ ли она положительнаго или отрицательнаго вліянія на народное благосостояніе вслѣдствіе того, что перемѣщеніе блага является въ то же время увеличеніемъ или уменьшеніемъ его цѣнности“ (стр. 223, 224). Второй формулируется слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ люди примѣняютъ свое поведеніе къ дѣйствующему праву и въ частности въ послѣднемъ находятъ мотивы для такихъ или иныхъ поступковъ, то для оцѣнки каждой позитивной или проектируемой нормы права слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какіе мотивы она создаетъ, какое поведеніе (полезное или вредное въ частности для народнаго хозяйства) она вызываетъ и какъ она при посто-

стоянномъ воздѣйствіи на народъ отражается на его характерѣ“ (стр. 224).

Нетрудно убѣдиться, что эти принципы не только чисто формальные (иными методологическіе принципы конечно и не могутъ быть), но и до крайности неопредѣленные. Въ особенности этотъ упрекъ относится ко второму принципу. Какое поведение полезно, какое вредно. — это вопросъ, на который даются самые разнообразныя отвѣты, смотря по субъективной точкѣ зрѣнія заинтересованныхъ лицъ. Выработка соответствующихъ объективныхъ критеріевъ,—дѣло отдаленнаго будущаго. Пока таковыя не будутъ установлены, личные, субъективные взгляды изслѣдователя, его симпатіи и антипатіи и въ этой области должны будутъ играть первенствующую роль.

Что при такихъ условіяхъ примѣняемый авторомъ цивилизно-политическій методъ не составляетъ панацеи противъ всѣхъ золъ современной цивилистики, что и при примѣненіи его ошибки, и даже крупныя ошибки, неизбежны,—это настолько ясно, что пожалуй не стоило бы и говорить объ этомъ, еслибы побѣдный тонъ автора не заставилъ насъ остановиться на этомъ пунктѣ. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ долгомъ замѣтить, что мы сказаннымъ отнюдь не желаемъ умалять заслугъ г. Петражицкаго, которыя мы высоко цѣнимъ, мы только предостерегаемъ отъ слѣпой вѣры въ единоспасительность и неогрѣшимость его метода. Что подобная вѣра была бы неумѣстна, тому лучшимъ доказательствомъ служить настоящій его трудъ, при оцѣнкѣ котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ является въ свѣтъ не впервые.

Мы начнемъ нашъ критическій разборъ этого труда съ указанія тѣхъ пунктовъ, по которымъ мы присоединяемся къ взглядамъ автора. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не указать на превосходный догматическій анализъ римскаго института приобрѣтенія плодовъ добросовѣстнымъ владѣльцемъ. Не менѣе удачна глубокая и тонкая критика конструктивныхъ, интерполяціонной и трудовой теоріи института. Наконецъ, мы не можемъ не выразить своего полнаго сочувствія и основной, руководящей мысли автора о необходимости примѣненія къ данному институту при обсужденіи его *de lege lata* и *de lege ferenda* цивилизно-политической точки зрѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако мы должны замѣтить, что на нашъ взглядъ спеціальнѣе народно-хозяйственный постулатъ, съ точки зрѣнія котораго долженъ быть обсуждаемъ нашъ институтъ, формулированъ авторомъ неправильно. Онъ полагаетъ, что этотъ постулатъ воплощенъ въ

соотвѣтствующихъ постановленіяхъ римскаго права, восторгается ими, осуждаетъ современныя законодательства за допущенныя ими уклоненія отъ римскаго права и требуетъ возстановленія этихъ постановленій въ будущихъ гражданскихъ кодексахъ.

Мы считаемъ всё эти утвержденія автора продуктомъ увлеченія и надѣмся доказать, что, исходя изъ его же посылокъ, мы необходимо должны придти къ совершенно иному цивильно-политическому постулату, нежели тотъ, который пропагандируется авторомъ, а именно къ принципу ограниченія отвѣтственности добросовѣстнаго владѣльца наличнымъ обогащеніемъ его.

Независимо отъ этого мы имѣемъ представить и рядъ другихъ возраженій, касающихся частью самихъ методологическихъ приѣмовъ автора, частью результатовъ, достигаемыхъ ими.

Что касается прежде всего перваго пункта, то мы выше подробно изложили ходъ аргументаціи автора. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что нашъ институтъ составляетъ исключеніе изъ того основнаго положенія современнаго частноправнаго строя, согласно которому собственнику капитала принадлежатъ и доходъ отъ этого капитала. Въ частности основаніе, по которому римское право оставляетъ незнающему владѣльцу *lucrum* плодовъ, если они подверглись *consumptio*, заключается въ томъ, что „иное отношеніе къ плодамъ, то есть хозяйственнымъ благамъ, которыя съ точки зрѣнія нормальнаго хозяйства предназначены къ свободному потребленію и издержанію, нело бы къ потрясенію и разрушенію хозяйствъ“ (стр. 151); освобождая добросовѣстнаго владѣльца отъ обязанности возвращенія *fructus consumpti*, римское право гарантируетъ ему цѣлость его собственнаго хозяйства.

Это разсужденіе было бы безукоризненно, еслибы не своеобразное пониманіе авторомъ понятія консумпціи. Дѣло въ томъ, что онъ подъ *consumptio* понимаетъ не только потребленіе плодовъ въ тѣсномъ смыслѣ, но также изъятіе ихъ изъ хозяйства съ полученіемъ взамѣнъ этого какого-нибудь денежнаго или иного эквивалента. Съ точки зрѣнія позитивнаго римскаго права противъ этого ничего нельзя возразить. Но оправдывается ли такое пониманіе *consumptio* и съ точки зрѣнія цивильно-политической?

Обратимся къ аргументаціи автора и посмотримъ сначала, какъ онъ устанавливаетъ понятіе консумпціи. Еслибы, говорить онъ на страницѣ 29, понятіе *fructus extantes* обнимало собою и эквивалентъ за отчужденныя плоды, то, въ виду допущенія источниками *vindicato*

fructum extantium противъ недобросовѣстнаго владѣльца, пришлось бы признать, что собственникъ можетъ виндигировать у недобросовѣстнаго владѣльца эквивалентъ за отчужденные плоды. Но этотъ выводъ представляетъ юридическій абсурдъ, такъ какъ *malae fidei possessor*. отчуждая плоды, приобретаетъ по *traditio* право собственности на соответствующій эквивалентъ. А если это такъ, то понятіе *fructus extantes* никоимъ образомъ не можетъ обнимать эквивалентъ за проданные плоды.

Вотъ собственно и все, что мы находимъ у автора по вопросу объ объемѣ понятія консумпціи. Правда, онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 132 и сл.), возвращается къ этому понятію, пытаясь разъяснить хозяйственное значеніе консумпціи, но дѣло ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ физиологической и механической консумпціи. Самый же интересный вопросъ, — о хозяйственномъ значеніи консумпціи въ смыслѣ возмезднаго отчужденія плодовъ, — даже не затрогивается. Въмѣсто этого мы встрѣчаемъ пространныя разсужденія о взаимной зависимости частей развитаго хозяйства, о различіи между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ, о вредѣ внезапнаго изъятія какой-нибудь отдѣльной составной части изъ хозяйственной машины, — разсужденія настолько общія и неопредѣленные, что ими можетъ быть оправдано невозвращеніе не только *fructus consumpti*, но и *fructus extantes*, и даже главной вещи, составляющей объектъ спора.

Такимъ образомъ, объемъ консумпціи всецѣло выводится изъ особенностей римскаго процессуальнаго строя. Подобный приемъ прежде всего противорѣчитъ тому, что самъ авторъ говоритъ на страницѣ 222. Здѣсь онъ замѣчаетъ, что „весьма часто (особенно въ послѣднее время) различныя положенія и институты римскаго права или ихъ историческое развитіе объясняются съ точки зрѣнія особенностей римскаго процесса и его измѣненій. Подчасъ крупныя и существенныя принципы римскаго права выводятся изъ мелкихъ особенностей римскаго процесса, и такое кажущееся или дѣйствительное соответствіе считается достаточно глубокимъ объясненіемъ принциповъ матеріальнаго права. И въ этой области научныя приемы современнаго романизма нуждаются въ критической провѣркѣ, и многія изъ современныхъ теорій этого рода необходимо устранить и опровергнуть вслѣдствіе ихъ поверхностности“.

Это совершенно справедливо, какъ справедливо и дальнѣйшее замѣчаніе автора, что „на самомъ дѣлѣ процессъ есть только одно изъ средствъ осуществленія матеріальныхъ принциповъ права,

и какъ правила процесса, такъ и матеріальныя положенія права, равно измѣненія тѣхъ и другихъ представляютъ функцію и послѣдствія лежащей глубже (въ народномъ опытѣ и воздѣйствіи его на народную психологію) причины“.

Но почему же г. Петражицкій самъ не избѣгаетъ приемовъ, которые онъ такъ рѣзко осуждаетъ въ другихъ? Почему не указываетъ онъ намъ той внутренней причины, которая оправдываетъ подведеніе подъ понятіе *fructus consumpti* не только плодовъ потребленныхъ и отчужденныхъ на безвозмездномъ основаніи, но и тѣхъ плодовъ, взятѣи которыхъ владѣлецъ получилъ тотъ или иной эквивалентъ? Развѣ хозяйственное значеніе консумпціи въ томъ и другомъ случаѣ одинаково? Достаточно, думается намъ, поставить вопросъ въ такой формѣ, чтобы дать на него отрицательный отвѣтъ. Мы съ своей стороны по крайней мѣрѣ рѣшительно отказываемся понимать, почему возвратъ натуральныхъ *fructus extantes* не подрываетъ цѣлости собственнаго хозяйства владѣльца, а возвратъ цивильныхъ *fructus* или эквивалента, полученнаго при отчужденіи натуральныхъ плодовъ (поскольку то и другое ко времени предъявленія иска еще находится на лицо), — долженъ оказать разрушительное вліяніе на хозяйство его. Если же никакой разницы между тѣми и другими въ указанномъ смыслѣ не существуетъ, то значитъ римское понятіе *fructus consumpti* не можетъ быть оправдываемо тѣми цивильно-политическими соображеніями, изъ которыхъ исходитъ авторъ. Напротивъ, руководствуясь этими соображеніями, мы *de lege ferenda* должны требовать исключенія изъ понятія *consumptio* случаевъ возмезднаго отчужденія плодовъ. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться даже на слова самаго автора, который на страницѣ 231, впадая въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, слѣдующимъ образомъ оправдываетъ *de lege ferenda* освобожденіе добросовѣстнаго владѣльца отъ обязанности возмѣщенія потребленныхъ плодовъ: „*Вопae fidei possessor* по извинительному заблужденію былъ убѣжденъ въ своемъ правѣ на извлеченіе и потребленіе доходовъ, и освобожденіе его отъ неожиданной и подчасъ весьма жестокой необходимости *добыть и возмѣститъ* соотвѣтственную цѣнности потребленныхъ плодовъ сумму не можетъ оскорблять правосознанія участниковъ и публики: „*на нѣтъ суда нѣтъ*“.

До очевидности ясно, что здѣсь авторъ самъ исключаетъ изъ понятія потребленія случаи возмезднаго отчужденія плодовъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эти слова абсолютно не вяжутся съ защитой римскаго принципа.

Приведенное возраженіе однако не единственное, которое можно сдѣлать противъ этого принципа. Мы до сихъ поръ разсматривали только первую половину его, гласящую, что *bonae fidei possessor fructus consumptos suos facit*. Остановимся теперь на второй его половинѣ, согласно которой *fructus extantes* во всякомъ случаѣ подлежатъ выдачѣ собственнику. Авторъ оправдываетъ это правило двумя соображеніями. Во-первыхъ, возвратъ *fructus extantes* не ложится тяжелымъ бременемъ на владѣльца, ибо „для того, чтобы выдать *fructus extantes*, нѣтъ владѣльцу необходимости продавать составныя части собственного хозяйства и этимъ нарушать правильное функционированіе собственного имущества; достаточно открыть склады, гдѣ находятся наличные продукты“ (стр. 153). Во-вторыхъ, „въ обыкновенномъ, среднемъ случаѣ, который именно должно принимать во вниманіе право,... эти плоды представляютъ для владѣльца, который дальше не будетъ хозяйничать въ имѣніи, гораздо меньшую цѣнность, нежели для собственника, къ которому переходитъ хозяйство“ (стр. 162).

Мы не будемъ останавливаться на второмъ изъ этихъ соображеній. весьма условное значеніе котораго уже въ достаточной мѣрѣ выяснено Пернисомъ. Замѣтимъ только, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ объектомъ виндикаціи являются какъ отдѣльныя животныя, такъ въ особенности цѣлыя стада, — еще большой вопросъ, для кого изъ заинтересованныхъ лицъ, для собственника ли или владѣльца, соотвѣтствующіе *fructus extantes*, какъ-то приплодъ, шерсть, молоко, жиръ, „въ среднемъ случаѣ“ имѣютъ большую цѣнность, притомъ не съ частно-хозяйственной, а именно съ народно-хозяйственной точки зрѣнія: допустимъ, на примѣръ, что владѣлецъ ведетъ молочное хозяйство, или торгуетъ мясомъ или шерстью... Авторъ, считаясь исключительно со случаями виндикаціи недвижимостей, повидимому считаетъ указываемые нами случаи величайшей рѣдкостью, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что „*fructus extantes*, какъ естественные сельскохозяйственные продукты, сами по себѣ имѣютъ почти исключительное значеніе въ поземельныхъ отношеніяхъ и спорахъ, что доходы движимыхъ вещей въ громадномъ большинствѣ случаевъ *sразу* относятся къ категоріи *fructus consumpti*“ (стр. 186). Намъ кажется, что авторъ въ данномъ случаѣ нѣсколько увлекся.

Обращаясь засимъ къ утвержденію его, что выдача наличныхъ естественныхъ плодовъ нисколько не обременительна для собственного хозяйства владѣльца, мы и съ этимъ положеніемъ не можемъ согласиться. Авторъ упускаетъ изъ виду всѣ тѣ случаи, въ которыхъ вла-

дѣлецъ по поводу имѣющихся у него наличныхъ продуктовъ успѣлъ уже войти въ сношенія съ третьими лицами: допустимъ, на примѣръ, что весь урожай, сложенный въ амбарахъ, уже проданъ, быть можетъ даже подъ неустойкой, но только еще не переданъ; быть можетъ, и деньги за него были уже получены владѣльцемъ и въ значительной мѣрѣ израсходованы имъ. Все это не лишаетъ вѣдь соответствующіе плоды характера *fructus extantes*, ибо третій контрагентъ не успѣлъ еще приобрести спасительнаго вещнаго права на нихъ. Съ другой стороны обязанность возврата этихъ плодовъ не освобождаетъ владѣльца отъ его договорныхъ обязанностей по отношенію къ его контрагенту. Какъ можетъ онъ исполнить ихъ, не дѣлая заимствованій изъ собственного имущества? И какъ можно восторгаться цивильно-политическою мудростью правила, которое упускаетъ изъ виду такіе, постоянно встрѣчающіеся на практикѣ случаи?

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ выводу, что римскій принципъ объ удержаніи *fructus consumpti* и о возвратѣ *fructus extantes* не согласуется съ началами здравой цивильной политики и въ частности не можетъ быть оправданъ тѣми цивильно-политическими соображеніями, изъ которыхъ исходятъ авторъ. Притомъ онъ противорѣчить не только „принципу годнаго дестинатара“, но и „принципу мотиваци и этическаго воздѣйствія“.

Дѣло въ томъ, что возврату подлежатъ лишь *fructus extantes tempore litis contestatae* (l. 4 § 2 D. fin. reg. 10,1, l. 22 C. de R. V. 3,32). Но литисконтестація не совпадаетъ съ моментомъ дѣйствительной *scientia* отвѣтчика о томъ, что къ нему предъявленъ искъ, или, какъ выражаются обыкновенно, съ моментомъ инсинуаціи. Литисконтестація въ классическомъ правѣ составляла заключительный моментъ производства *in jure*, въ юстиніановскомъ правѣ *lis contestata est post narrationem propositam et contradictionem objectam* (l. 14 § 1 C. de jud. 3,1). Вслѣдствіе этого отвѣтчику открывалась широкая возможность воспользоваться промежуточнымъ временемъ между инсинуаціей и литисконтестаціей въ своемъ интересѣ и во вредъ интересамъ истца. Какой соблазнъ для добросовѣстнаго владѣльца поторопиться превращеніемъ на всякій случай всѣхъ *fructus extantes* въ *consumpti*, то есть, продать ихъ до наступленія момента литисконтестаціи! — Быть можетъ, авторъ намъ на это возразитъ, что корень зла въ данномъ случаѣ заключается не въ матеріально-правовой, а въ процессуальной сторонѣ института, что этой стороны вопроса онъ намѣренно не касался и т. п. Нельзя однако не замѣтить, что безпристрастная оцѣнка

римскаго правила немыслима безъ всесторонняго освѣщенія его не только съ матеріально-правовой, но и съ процессуальной стороны. Въдѣ въ жизни одного отъ другаго нельзя отдѣлить. Могъ ли бы, напримѣръ, авторъ, еслибы онъ принялъ во вниманіе указанную сторону вопроса, написать слѣдующія строки: „наконецъ, а ргіогі и безъ статистическихъ данныхъ можно утверждать, что въ массѣ случаевъ въ имѣніи въ видѣ *fructus extantes* найдутся главнымъ образомъ, почти исключительно тѣ продукты, которые имѣютъ значеніе для дальнѣйшаго хозяйства“ (стр. 186).

Мы полагаемъ, что въ виду изложеннаго это утвержденіе нѣсколько рискованное, въ особенности, если принять во вниманіе, что, по замѣчанію самого же автора, „*bona (и mala) fides* представляютъ явленія этически безразличныя, безцвѣтныя“ (стр. 126), такъ-что „въ среднемъ случаѣ“ не приходится уповать на „добросовѣтность“ добросовѣтнаго владѣльца.

Итакъ, римскій принципъ ни съ какой точки зрѣнія не мирится съ началами здоровой гражданской политики. Возникаетъ двоякій вопросъ: во-первыхъ, въ силу чего этотъ принципъ получилъ признаніе въ положительномъ римскомъ правѣ, и во-вторыхъ, какимъ инымъ принципомъ, съ точки зрѣнія гражданской-политической, онъ долженъ быть замѣненъ. Мы не имѣемъ конечно возможности въ настоящемъ критическомъ разборѣ дать подробный отвѣтъ на эти оба вопроса. Отмѣтимъ лишь вкратцѣ нашъ взглядъ на дѣло.

Что касается прежде всего втораго вопроса, то мы полагаемъ, что единственный принципъ, вытекающій изъ гражданской-политическихъ посылокъ, формулированныхъ г. Петражицкимъ, есть принципъ ограниченія отвѣтственности добросовѣтнаго владѣльца наличнымъ обогащеніемъ. Принятіемъ этого принципа устраняется та двойная несообразность, къ которой приводятъ на практикѣ римское начало: во-первыхъ, изъ числа *fructus consumpti* исключаются наличные гражданскіе плоды и наличный эквивалентъ, полученный при отчужденіи натуральныхъ плодовъ, или иначе, владѣлецъ сохраняетъ только плоды, дѣйствительно потребленные или безвозмездно отчужденные имъ, то-есть, тѣ именно плоды, возмѣщеніе которыхъ дѣйствительно было бы для него невозможнымъ безъ нарушенія цѣлости собственнаго (въ матеріальномъ, а не формально-юридическомъ смыслѣ) имущества, тогда какъ наличный эквивалентъ и наличные *fructus civiles* подлежатъ выдачѣ собственнику. Противъ этого пожалуй можно бы было возразить, что это не всегда удобно, напримѣръ, если наличный экви-

валентъ состоятъ въ домашней утвари и т. п. Но для такихъ случаевъ всегда есть исходъ: стоитъ только предоставить владѣльцу альтернативное право выдать либо самую утварь etc., либо денежную стоимость ея, какъ это *mutatis mutandis* было установлено въ римскомъ правѣ для отвѣтчика по а. *Faviana* и *Calvisiana* (1 1 § 12 и 13 D. de bon. libert. 38,2). Во-вторыхъ, натуральные *fructus extantes* подлежатъ безоговорочной выдачѣ лишь постольку, поскольку владѣлецъ по поводу нихъ не вступилъ въ какія нибудь обязательственныя отношенія съ третьими лицами, связанныя съ правомъ регресса этихъ лицъ противъ владѣльца; поскольку же возникли подобныя отношенія, они остаются въ силѣ, и владѣлецъ обязанъ лишь цедировать собственнику свои иски противъ указанныхъ третьихъ лицъ. Къ этому остается прибавить, что указанная льготная отвѣтственность добросовѣстнаго владѣльца должна прекратиться во всякомъ случаѣ не позже момента инсинуаціи, то-есть, того момента, когда онъ оповѣщенъ о предъявленіи къ нему иска.

Сверхъ того необходимо замѣтить, что указанный принципъ долженъ быть положенъ въ основаніе разрѣшенія не только вопроса о распредѣленіи плодовъ между собственникомъ и владѣльцемъ, но и остальныхъ вопросовъ, порождаемыхъ отношеніемъ между указанными лицами. Въ частности, мы при этомъ имѣемъ въ виду вопросъ о возмѣщеніи добросовѣстному владѣльцу *ex causa onerosa* эквивалента, уплоченнаго имъ въ свое время за спорную вещь. Огромное практическое значеніе этого вопроса, съ которымъ стоитъ въ неразрывной связи вопросъ о правѣ регресса добросовѣстнаго владѣльца противъ его правопредшественника, не можетъ конечно подлежать никакому сомнѣнію. Авторъ и на этомъ пунктѣ совершенно не останавливается.

Подобное умолчаніе, наравнѣ съ игнорированіемъ момента литисконтестаціи, составляетъ не простой пробѣлъ, а *крупную ошибку въ самомъ планѣ изслѣдованія*, свидѣтельствуя о томъ, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ разницу между догматическимъ и цивильно-политическимъ изученіемъ институтовъ гражданскаго права. Догматикъ можетъ безъ ущерба для дѣла подвергнуть изслѣдованію какую нибудь одну сторону даннаго института, не затрогивая, по крайней мѣрѣ *ex professo*, остальныхъ его сторонъ. Положеніе цивильнаго политика совсѣмъ иное: онъ обязательно долженъ имѣть въ виду *все жизненное отношеніе въ цѣломъ*, которое регулируется данною совокупностью нормъ, такъ какъ на практикѣ всѣ стороны его неразрывно связаны между собою, неотдѣлимы другъ отъ друга. Въ

виду этого цивильно-политическая оцѣнка одной какой нибудь стороны даннаго института внѣ связи съ остальными должна быть признана съ методологической точки зрѣнія неправильною, а по существу добываемыхъ такимъ путемъ результатовъ по меньшей мѣрѣ неубѣдительною, такъ какъ только случайно можетъ привести къ правильнымъ выводамъ. Въ данномъ случаѣ она, какъ мы видѣли, къ таковымъ не привела.

Обращаясь засимъ ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ, къ вопросу о томъ, въ силу чего разбираемый нами принципъ получилъ признаніе въ положительномъ римскомъ правѣ, мы должны замѣтить, что на нашъ взглядъ главнымъ основаніемъ для выработки этого принципа послужило именно то обстоятельство, что владѣлецъ не могъ требовать отъ собственника возмѣщенія уплаченнаго въ свое время за спорную вещь эквивалента. Отказаться отъ этого, изстари установившагося правила, консервативная римская юриспруденція не рѣшилась. Но за то она, (сознательно или безсознательно, этого мы не беремъя рѣшить), попыталась *смягчить* тѣ экономически невыгодныя послѣдствія, которыя должно было повлечь за собою строгое проведеніе этого начала для хозяйства добросовѣстныхъ владѣльцевъ. Этой именно тенденціей объясняется во-первыхъ, широкое толкованіе понятія *fructus consumpti*, и во-вторыхъ, установленіе правила, что выдачѣ подлежатъ только *fructus extantes tempore litis contestatae*. Сохраняя эквивалентъ за отчужденные плоды и *fructus civiles*, добросовѣстный владѣлецъ легче можетъ помириться съ тѣмъ, что ему не возвращается уплаченный въ свое время эквивалентъ за спорную вещь,—возвращая только плоды, имѣющіеся на лицо въ моментъ литисконтестации, онъ получаетъ возможность ликвидировать свои отношенія къ третьимъ лицамъ по поводу этихъ плодовъ, возникшія, но еще на закончившіяся до предьявленія иска, и тѣмъ избѣгнуть отвѣтственности предъ ними за неисполненіе своихъ договорныхъ обязанностей.

Въ подтвержденіе сказаннаго мы можемъ даже сослаться на историческое свидѣтельство, именно на l. 54 D. de a. r. d. 41, 1,—фрагментъ, который цитируется и г. Петражицкимъ въ доказательство того, что на первыхъ порахъ „институтъ приобрѣтенія плодовъ признавался только по отношенію къ *bonae fidei emptores*“ (стр. 204). Въ пользу этого предположенія говорить также „то характерное обстоятельство, что и въ прочихъ мѣстахъ источниковъ, относящихся къ нашему институту, римскіе юристы обыкновенно традиціонно говорятъ

bonae fidei emptor, а не bonae fidei possessor, такъ что защищаемо нами предположеніе не является простымъ гаданіемъ безъ основаніе и объяснительной пользы, а обладаетъ легитимацией научной гипотезы“ (тамъ же). — Къ сожалѣнію, г. Петражицкій не использовалъ надлежащимъ образомъ свое вѣрное наблюденіе.

Съ другой стороны, сказанному не противорѣчить в то обстоятельство, что въ одномъ случаѣ, — именно при hereditatis petitio, льготная отвѣтственность добросовѣстнаго владѣльца кончается уже съ момента инсинуаціи (I. 20, § 11, I. 25, § 7. D. de H. P. 5, 3) Это исключеніе напротивъ подтверждаетъ правильность нашего взгляда: оно объясняется тѣмъ, что bonae fidei possessor hereditatis отвѣчаетъ только наличнымъ обогащеніемъ (I. 25, § 11—16, D. eod.). При такихъ условіяхъ не было основанія давать ему отсрочку для ликвидаціи его отношеній съ третьими лицами.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Быть можетъ намъ возразятъ, что защищаемый нами принципъ и римское правило, какъ явствуетъ изъ нашихъ же разсужденій, въ практическомъ результатѣ очень близко подходятъ другъ къ другу, что обоими достигаются однѣ и тѣ же цѣли, только различнымъ путемъ. Такое возраженіе было бы неосновательно. Защищаемый нами принципъ безусловно обезпечиваетъ въ лицѣ добросовѣстнаго владѣльца интересы народнаго хозяйства, успѣхъ же римскаго принципа зависитъ отъ массы непредвидимыхъ случайностей. Допустимъ, что владѣлецъ успѣлъ провладѣть спорной вещью въ теченіи лишь незначительнаго срока времени, что запродаанные имъ плоды ко времени предъявленія иска еще составляютъ fructus pendentes, и т. д., и т. д., — во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ римскій принципъ не спасетъ его хозяйства отъ серьезнаго урона. Съ другой стороны, этотъ же принципъ для владѣльцевъ ex causa lucrativa создаетъ ничѣмъ не оправдываемую привилегію. Такимъ образомъ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ принципу ограниченія отвѣтственности добросовѣстнаго владѣльца наличнымъ обогащеніемъ.

Покончивъ съ основнымъ тезисомъ автора, мы остановимся теперь на крупномъ промахѣ, допущенномъ имъ при методологической формулировкѣ *thema probandum*. Мы говоримъ о разсужденіяхъ автора на стр. 118 и сл., озаглавленныхъ: „наша задача и методъ рѣшенія“. Въ указанномъ мѣстѣ авторъ, желая установить причины, породившія институтъ приобрѣтенія добросовѣстнымъ владѣльцемъ въ безпоротную собственность *fructus consumpti*, замѣчаетъ: „чтобы оты-

скать функцію института, чтобы опредѣлить потребность, вызвавшую его къ жизни, какъ его оправданіе и причина, мы обращаемся къ методу опредѣленія причинъ, то-есть къ индукціи. Ближайшій матеріалъ для примѣненія индуктивнаго метода, а именно метода различій, даютъ намъ сами римскія правила: 1) они относятся къ плодамъ, но не относятся къ прочимъ приращеніямъ; слѣдовательно причины слѣдуетъ искать въ отличіи плодовъ отъ прочихъ приращеній; 2) они относятся къ добросовѣстному владѣльцу, но не относятся къ недобросовѣстному; слѣдовательно причина коренится и въ отличіи bona отъ mala fides; 3) они иначе относятся къ fructus extantes, нежели къ fructus consumpti; слѣдовательно причина коренится и въ отличіи fructus extantes отъ consumpti.—Напротивъ, основанія института не слѣдуетъ искать во владѣніи въ видѣ собственности, въ давностномъ владѣніи, въ titulus verus или putativus.. и т. д., потому что присутствіе или отсутствіе этихъ обстоятельствъ, какъ мы убѣдились, остается безъ вліянія на институтъ. Несмотря на упрощеніе задачи вслѣдствіе устраненія этихъ осложненій негоднымъ матеріаломъ, вопросъ остается очень сложнымъ въ виду взаимодѣйствія трехъ указанныхъ факторовъ. Въ окончательномъ результатѣ кроется вліяніе трехъ причинъ. Задача состоитъ въ опредѣленіи того участія, которое слѣдуетъ приписать въ институтѣ каждому изъ трехъ факторовъ. Для этой цѣли мы должны привлечь такія явленія гражданскаго права, въ которыхъ названные факторы въ другихъ комбинаціяхъ и сочетаніяхъ проявляютъ различное или аналогичное дѣйствіе“ (стр. 118—119).

Все это разсужденіе производитъ очень странное впечатлѣніе. Прежде всего, оно грѣшитъ явнымъ смѣшеніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, характеризующихъ изслѣдуемый институтъ, съ причинами, вызвавшими этотъ институтъ къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, откуда авторъ взялъ, что причинъ института именно три, а не больше, и что ихъ слѣдуетъ искать: 1) въ отличіи плодовъ отъ прочихъ приращеній; 2) въ отличіи bona отъ mala fides, и 3) въ отличіи fructus extantes отъ fructus consumpti? Этотъ матеріалъ, говоритъ онъ, доставили ему сами римскія правила. Выходитъ, значить, что въ правилѣ bona fidei possessor fructus consumptos suos facit причинами suos facere или lucrari являются: 1) bona fides; 2) fructus и 3) consumptio. Это идеально просто, но абсолютно невѣрно. Bona fides, fructus и consumptio конечно не суть причины или факторы нашего института, а представляютъ собою только: первый моментъ—внутренній, а остальные два — внѣшніе признаки или критеріи, при налич-

ности которых *признается* существованіе того правоотношенія, которое составляетъ сущность даннаго института. Римское правило говоритъ намъ: если владѣлецъ извлекъ какія нибудь выгоды изъ спорной вещи, то онъ сохраняетъ ихъ за собою, не будучи обязанъ возмѣстить ихъ стоимость: 1) разъ онъ дѣйствовалъ *bona fide*; 2) разъ эти выгоды заключаются въ извлеченіи плодовъ, и 3) разъ эти плоды были консумированы. Другими словами, указанные моменты суть лишь *условія примѣненія даннаго правила* на практикѣ, а не причины, вызвавшія соотвѣтствующій институтъ. Отсюда ясно, что правильная формулировка того вопроса, который желаетъ разрѣшить авторъ, должна гласить: мы знаемъ, что нашъ институтъ характеризуется тремя критеріями: *bona fides*, *fructus* и *consumptio*. Надлежитъ указать причины, по которымъ именно эти моменты, а не какіе либо иные были выдвинуты на первый планъ. При такой постановкѣ вопроса само собою отпадаетъ конечно и произвольное ограниченіе причинъ института тремя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и кажущаяся почва для примѣненія индуктивнаго метода различій. Непонятно, какъ авторъ могъ вообще заговорить объ этомъ методѣ и допустить мысль о примѣнимости его въ области изслѣдованія социальныхъ явленій. „Правило, говоритъ Милль, которое выражаетъ руководящее начало метода разницы, можетъ быть выражено такъ: „если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, *совпадаютъ во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося только въ первомъ случаѣ, то обыкновенно, составляющее единственную разницу двухъ случаевъ, есть дѣйствіе, или причина, или необходимая часть причины явленія*“. Дальше, Милль поясняетъ, что „методъ разницы есть преимущественно методъ искусственнаго опыта (эксперимента)“, такъ какъ „два случая, которые предстоитъ сравнить, должны быть совершенно сходны во всѣхъ обстоятельствахъ, за исключеніемъ того, которое мы пытаемся изслѣдовать“, природа же, благодаря сложности ея явленій, „обыкновенно не представляетъ намъ опыта того рода, какой требуется методомъ разницы“. (Милль, *Логика*, пер. Лаврова, т. I, стр. 447, 448).— Достаточно принять во вниманіе эти соображенія, и вспомнить, что социальные явленія принадлежатъ къ числу самыхъ сложныхъ явленій, не допускающихъ притомъ, примѣненія экспериментальнаго анализа, чтобы уже а priori признать мысль автора о возможности примѣненія къ нимъ метода разницы крупной методологической ошибкой.

Этимъ мы конечно не отрицаемъ пользы дѣлаемыхъ авторомъ со-

поставленій между изслѣдуемымъ имъ институтомъ и другими, „въ которыхъ названные факторы (то-есть bona fides, fructus, consumptio) въ другихъ комбинаціяхъ и сочетаніяхъ проявляютъ различное или аналогичное дѣйствіе“. Но только такія сравнительныя сопоставленія ничего общаго съ индуктивнымъ методомъ различій не имѣютъ. Если бы на этотъ счетъ могло существовать еще какое нибудь сомнѣніе, то достаточно взглянуть на тѣ результаты, которыхъ авторъ достигаетъ своими сопоставленіями: они представляютъ полную *reductio ad absurdum* его взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ (на стр. 119) отмѣчаетъ, что правило о томъ, что одни *fructus extantes* подлежатъ выдачѣ, примѣняется не только къ добросовѣстному владѣльцу, но и къ дарителю, который послѣ перенесенія (*per mancipationem*) права собственности удерживаетъ въ своемъ владѣніи подаренный участокъ (l. 41 § 1 D. de re jud. 42,1), а также къ отвѣтчику по закладному иску (l. 16 § 4 D. de pign. 20,1), несмотря на то, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ bona fides не играетъ никакой роли, что авторъ самъ и отмѣчаетъ (стр. 149, 155). Какой же изъ этого, съ точки зрѣнія самого автора, вытекаетъ выводъ? Очевидно тотъ, что bona fides въ выработкѣ правила объ удержаніи *fructus consumpti* не играетъ никакой роли. Дѣйствительно, разъ это правило примѣняется и въ такихъ случаяхъ, гдѣ имѣется на лицо bona fides, и въ такихъ, гдѣ bona fides отсутствуетъ, то значитъ, по правиламъ индуктивнаго метода, bona fides представляетъ собою моментъ безразличный, то-есть никакой связи между этимъ моментомъ и удержаніемъ *fructus consumpti* ни въ какомъ случаѣ не существуетъ. Но такой выводъ въ примѣненіи къ *bonae fidei possessio* составляетъ явную нелѣпость и опровергается всѣмъ тѣмъ, что самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своей книги говоритъ о важномъ значеніи bona fides для уразумѣнія нашего института. Въ чемъ же тутъ дѣло? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ принципиально неправильной точкѣ зрѣнія автора. Разъ мы уяснили себѣ, что bona fides и остальные, упоминаемые авторомъ, моменты не суть причины *suos facere*, и что индуктивный методъ различій въ данномъ случаѣ непримѣнимъ, то всѣ затрудненія отпадаютъ.

Дѣйствительно, съ нашей точки зрѣнія нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одно и то же право удержанія консумированныхъ плодовъ признается и за добросовѣстнымъ владѣльцемъ, и за донаторомъ, и за отвѣтчикомъ по закладному иску, хотя соответствующіе институты въ остальномъ, (то-есть кромѣ моментовъ *fructus* и *con-*

sumptio), характеризуются различными признаками: ибо разъ причины, порождающія тѣ или иные институты права, не тождественны съ внѣшними и внутренними признаками, характеризующими эти институты, то тѣмъ самымъ указанный нами фактъ теряетъ всю свою загадочность: мало ли какія соображенія могли привести къ признанію желательности однороднаго разрѣшенія вопроса о распредѣленіи плодовъ въ примѣненіи къ различнымъ институтамъ.

Подводя итоги сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что „методъ рѣшенія“ проблемы, предлагаемый авторомъ, абсолютно не выдерживаетъ критики, и что г. Петражицкій совершенно напрасно извиняется за свой яко бы „методологическій педантизмъ“ (стр. 119 прим.). Мы къ сожалѣнію должны констатировать, что онъ обнаружилъ въ данномъ случаѣ не методологическій педантизмъ, а методологическій абсентеизмъ.

Намъ остается сдѣлать еще два замѣчанія по поводу романистической части изслѣдованія автора. Одно касается его утвержденія, будто „ни римскіе юристы (ихъ теоретическія воззрѣнія и изреченія, что менѣе важно), ни римское положительное право не находятъ въ случаѣ *malae fidei possessio* ничего безнравственнаго, достойнаго порицанія или наказанія“ (стр. 122). Мы полагаемъ, что это утвержденіе не согласно съ источниками. Послѣдніе явно свидѣтельствуютъ о томъ, что ни римскіе юристы, ни римское положительное право не уяснили себѣ, что простая *scientia*, простая возможность предвидѣнья извѣстныхъ обстоятельствъ какъ таковая вовсе не содержитъ въ себѣ ничего нравственно предосудительнаго, а напротивъ постоянно смѣшивали эти два момента. Въ пользу этого говоритъ во-первыхъ частое употребленіе источниками термина „*praedo*“ для обозначенія *malae fidei possessor* (ср. напримѣръ цитируемые самимъ авторомъ на стр. 127 и 128 l. 31 § 3,4 D. de her. ret. 5,3 и l. 40 pr. eod.). Во-вторыхъ слѣдуетъ указать на то обстоятельство, что со времени литисконтестации *malae fidei possessor* отвѣчаетъ даже за *casus*. Самъ авторъ по поводу этого замѣчаетъ, что указанное правило „съ точки зрѣнія цивильной политики не заслуживаетъ одобренія. Если кто либо сомнѣвается въ своемъ правѣ, то начало процесса его еще не всегда убѣдитъ, что право принадлежитъ истцу. Въ такихъ случаяхъ создаваемый строгій отвѣтственностью въ случаѣ проигрыша процесса *metus periculi* производитъ вредное вліяніе“ (стр. 130). Въ-третьихъ, нельзя не отмѣтить и того, что, обяывая недобросовѣстнаго владѣльца къ возврату всѣхъ *fructus percepti* и *percipiendi*, римское

право не устанавливаетъ никакого льготнаго срока, въ теченіи котораго владѣлецъ постепенно могъ бы собрать сумму, потребную для возмѣщенія потребленныхъ плодовъ и *fructus percipiendi*. Между тѣмъ самъ авторъ по поводу аналогичнаго случая, именно по поводу возвращенія приданаго мужемъ, отмѣчаетъ желательность и цѣлесообразность подобной разсрочки платежа (стр. 156). Наконецъ, въ четвертыхъ, не мѣшаетъ вспомнить, что со времени литисконтестаціи *mala fidei possessor* обязанъ возмѣстить такіе плоды, которыхъ онъ самъ даже при всемъ своемъ желаніи не могъ извлечь, (не обладая напримѣръ достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ или необходимыми знаніями), разъ собственникъ былъ бы въ состояніи это сдѣлать (ср. l. 62 § 1 D. de rei vind. 6,1, l. 4 Cod. unde vi 8,4).—Всѣ эти правила необъяснимы съ точки зрѣнія автора, но становятся вполне понятными, разъ мы признаемъ, что римскіе юристы столь-же основательно смѣшивали *mala fides* съ нечестностью, какъ это практикуется и теперь. Но если это такъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого основанія думать, что они не смѣшивали *bona fides* съ честностью. Правда, въ конечномъ результатѣ это довольно безразлично, ибо хозяйственное значеніе *bona fides* вовсе не измѣняется отъ того, смѣшивали ли или не смѣшивали римскіе юристы это понятіе съ честностью. Но именно потому то автору и не слѣдовало выставлать то сомнительное положеніе, которое мы только что разобрали. Упустивъ это изъ виду, онъ несомнѣнно допустилъ методологическую ошибку. Быть можетъ, онъ намъ возразитъ, что нельзя же было не отмѣтить того, что хозяйственное значеніе *bona fides* было вѣрно схвачено римскими юристами, что и отразилось въ ихъ рѣшеніяхъ. Но вѣдь авторъ въ другихъ мѣстахъ своей книги самъ признаетъ, что римскіе юристы нерѣдко приходили къ правильнымъ конкретнымъ рѣшеніямъ, несмотря на неудовлетворительность общихъ ихъ теоретическихъ воззрѣній. Все говоритъ въ пользу того, что такъ было и въ данномъ случаѣ. А потому и нашъ упрекъ остается въ полной силѣ: авторъ въ данномъ случаѣ оставляетъ въ тѣни то, что единственно имѣетъ значеніе, и вмѣсто этого останавливается на пунктахъ, которые, если бы даже они были вѣрно подмѣчены, непосредственно не идутъ къ дѣлу.

Второе наше замѣчаніе касается утвержденія автора, что истецъ по закладному иску „получаетъ отъ третьяго владѣльца залога (путемъ *Serviana*—*rei vindicatio utilis*) все то, что получилъ бы отъ него собственникъ-залогодатель путемъ *vindicatio directa*, и въ частности

онъ можетъ получить большую сумму доходовъ, хотя *ipsa res sufficit* для погашенія его требованія“ (стр. 77). Авторъ доказываетъ, что 1) это положеніе согласно съ источниками, и 2) гражданско-политически въ высшей степени рационально, тогда какъ господствующій взглядъ, согласно которому третій владѣлецъ не обязанъ выдавать плодовъ, *si ipsa res sufficit*, противорѣчитъ источникамъ и крайне несообразенъ съ гражданско-политической точки зрѣнія. Все это очень сильно сказано, но совершенно невѣрно.

Разсмотримъ сначала гражданско-политическую сторону вопроса. Авторъ въ этомъ отношеніи исходитъ изъ совершенно ложнаго предположенія, будто отвѣтчикъ *possessor* по закладному иску есть *possessor* не только по отношенію къ кредитору по залому, но непременно вмѣстѣ съ тѣмъ и *possessor* по отношенію къ залогодателю. Между тѣмъ онъ по отношенію къ послѣднему въ громадномъ большинствѣ случаевъ не есть вовсе *possessor*, а *dominus*! Въ самомъ дѣлѣ, одна изъ характерныхъ особенностей римскаго закладнаго права заключалась именно въ томъ, что должникъ-закладчикъ сохранялъ право распоряжаться заложенной вещью и въ частности переуступать ее третьимъ лицамъ, каковыя въ такомъ случаѣ разумѣется приобрѣтали ее не во владѣніе, а на правѣ собственности (l. 12 Cod. de distract. pign. 8, 27). Насколько широко пользовались на практикѣ этимъ правомъ, лучше всего явствуетъ изъ того обстоятельства, что его пришлось ограничить въ примѣненіи къ специально ипотечированнымъ движимостямъ: продажа таковыхъ безъ согласія кредитора по залому была квалифицирована какъ *furtum possessionis* (l. 19 § 6 D. de furtis 47, 2); тѣмъ не менѣе продажа и въ такомъ случаѣ не считалась недѣйствительной (ср. Dernburg. Pandekten, изд. 5-е, т. I, стр. 683 прим. 5). Но если это такъ, то ни о какой виндикаціи должника закладчика противъ третьяго приобрѣтателя *при нормальныхъ условіяхъ* рѣчи быть не можетъ. О таковой можно говорить лишь въ примѣненіи къ тѣмъ сравнительно рѣдкимъ случаямъ, когда третье лицо приобрѣло заложенную вещь во владѣніе помимо воли должника-собственника. Если не считать подобныхъ исключительныхъ случаевъ, то въ остальномъ положеніе дѣла какъ разъ обратное тому, которое рисуется авторъ: не должникъ закладчикъ имѣетъ право иска противъ третьяго приобрѣтателя, а напротивъ третій приобрѣтатель, bona fide приобрѣтшій у него вещь, не зная о залогѣ ея, можетъ предъявить къ нему эвикціонный искъ объ убыткахъ по случаю отнятія вещи кредиторомъ по залому. Если таковъ нормальный „средній случай“, то нечего

и доказывать, сколь нецѣлесообразно съ цивильно-политической точки зрѣнія было бы установленіе того правила, которое авторъ яко бы открылъ въ римскихъ источникахъ: въ самомъ дѣлѣ. оно означало бы, что сначала плоды (*do litis contestatio fructus extantes*, со времени нея сверхъ того *fructus percipiti* и *percipiendi*) выдаются добросовѣстнымъ третьимъ пріобрѣтателемъ кредитору по залогу, послѣдній за-нимъ, *si res sufficit*, возвращаетъ ихъ должнику залогодателю. а тотъ въ свою очередь, когда третій пріобрѣтатель предъявляетъ къ нему искъ объ эвикціи, обязывается вернуть ихъ или стоимость ихъ этому самому третьему пріобрѣтателю!

Въ виду вышензложеннаго мы уже а priori можемъ рѣшить, что такого, ни съ чѣмъ несообразнаго правила римскіе юристы не могли установить. Намъ предстоитъ теперь опровергнуть автора а posteriori. Съ этой цѣлью мы обратимся къ его догматической аргументаціи.

Г. Петражицкій ссылается прежде всего на l. 16 D. de servit. 8, 1 и l. 18 D. de pign. 20, 1. Первый фрагментъ гласитъ: *ei qui pignori fundum accepit, non est iniquum utilem petitionem servitutis dari, sicuti ipsius fundi utilis petito dabitur*. Во второмъ говорится: *si ab eo, qui Publiciana uti potuit, quia dominium non habuit, pignori accepit, sic tuetur me per Servianam praetor, quemadmodum debitorem per Publicianam*. Итакъ, оба фрагмента даютъ только общую характеристику различныхъ функцій *actio hypothecaria*. Изъ нихъ вытекаетъ только тотъ выводъ, что этотъ искъ замѣняетъ для кредитора по залогу одновременно и *rei vindicatio*, и *a. confessoria* и *a. Publiciana*. Ничего другаго изъ этихъ фрагментовъ при всемъ желаніи выжать нельзя. Въ частности, остается открытымъ вопросъ о томъ, не существуютъ-ли наряду съ аналогіей въ общемъ отдѣльные пункты различія. Авторъ и не придаетъ цитированнымъ фрагментамъ рѣшающаго значенія. Въ дополненіе къ нимъ онъ указываетъ еще на l. 21 § 3 D. de pign. 20, 1. Этотъ фрагментъ гласитъ: *Si res pignerata non restituatur, lis adversus possessorem erit aestimanda, sed utique aliter adversus ipsum debitorem, aliter adversus quemvis possessorem: nam adversus debitorem non pluris, quam quanti debet, quia non pluris interest, adversus ceteros possessores etiam pluris, et quod amplius debito consecutus creditor fuerit, restituere debet debitori pigneraticia actione*. На первый взглядъ приведенное изреченіе Ульпіана какъ будто дѣйствительно говорить въ пользу автора. Но именно только на первый взглядъ. Для надлежащей оцѣнки его необходимо вспомнить, что *litis aestimatio* приравнивается римскими юристами къ куплѣ-продажѣ (ср. l. 1, 3 D.

pro emptore 41, 4; l. 46, 47 D. de r. v. 6, 1). Съ этой точки зрѣнія вполне естественно, что кредиторъ, удержавъ изъ полученной суммы то, что необходимо для покрытiя его обязательственнаго требованiя, возвращаетъ должнику свободный излишекъ: вѣдь къ этому онъ былъ бы обязанъ и въ томъ случаѣ, если бы третiй владѣлецъ вернулъ ему самую вещь и онъ засимъ продалъ ее постороннему. Это одно. Съ другой стороны, нѣтъ основанiя церемониться въ данномъ случаѣ съ третiимъ владѣльцемъ: вѣдь *litis aestimatio* предполагаетъ въ лицѣ послѣдняго либо *contumacia*, неповиновение судейскому *arbitrium de restituendo*, либо *dolo malo desinere possidere*, либо *liti sese offerre*. Наконецъ,—и это самое пикантное,—данное правило потому уже не могло быть продиктовано тѣми соображенiями, на которыя ссылается авторъ на стр. 77. („залогоприиматель могъ бы путемъ предъявленiя иска и полученiя владѣнiя вещью лишить залогодателя-собственника возможности осуществленiя всѣхъ тѣхъ правъ противъ владѣльца его вещи, которыя осуществляются только путемъ *vindicatio*“), — что въ данномъ случаѣ должникъ залогодатель, если только онъ вообще имѣлъ виндикацiю противъ владѣльца, не терялъ вовсе права на предъявленiе ея, такъ какъ *ответчикъ оставался владѣльцемъ*, а судебное рѣшенiе, состоявшееся по спору между кредиторомъ по залому и владѣльцемъ, конечно имѣло силу только *inter partes*.

Такимъ образомъ, и этотъ фрагментъ теряетъ свою доказательную силу. Остается еще разсмотрѣть l. 16 § 4 D. de pign. 20, 1. Въ этомъ фрагментѣ ужъ прямо говорится: *Interdum etiam de fructibus arbitrari debet iudex, ut ex quo lis inchoata sit, ex eo tempore etiam fructibus condemnet. Quid enim, si minoris sit praedium, quam debetur, — nam de antecedentibus fructibus nihil potest pronuntiare, nisi extent, et res non sufficit*. Авторъ утверждаетъ, что это правило относится только къ случаю *actio adversus ipsum debitorem*. „Это видно, говоритъ онъ на страницѣ 78, не только изъ всего приведеннаго матеріала, но и изъ самой l. 16 de pign. cit. (ср. слова предъ § 4 *quid proderat in rem actio, cum et in personam agendo idem consequetur*; далѣе § 5, § 6, въ частности слова „*si pluris condemnatus sit debitor*“). Объ остальномъ матеріалѣ, приведенномъ авторомъ, мы уже поговорили. Обратимся же къ анализу самой l. 16 cit. Авторъ своими ссылками на § 3, 5 и 6 фрагмента желаетъ доказать, что изъ всего контекста слѣдуетъ необходимость ограничительнаго толкованiя выписаннаго выше § 4. Это невѣрно. Что касается прежде всего словъ *quid proderat in rem actio* и т. д., то они прямо говорятъ

противъ автора. Въ § 3 фрагмента, изъ котораго взяты эти слова, трактуется между прочимъ о *litis aestimatio* въ случаѣ *dolo malo desinere possidere* отвѣтчика. Соответствующее мѣсто гласить: *Sin vero dolo quidem desit possidere, summa auctem ope nisus non possit rem ipsam restituere, tanti condemnabitur, quanti actor in litem iuraverit, sicut in ceteris in rem actionibus; nam si tanti condemnatus esset, quantum deberetur, quid proderat in rem actio, quum et in personam agendo idem consequeretur?* Достаточно сопоставить это мѣсто съ вышеприведенной l. 21 § 3 D. h. t., чтобы убѣдиться въ полной невозможности того толкованія этихъ словъ, которое предлагаетъ авторъ: l. 16 § 3 cit. говоритъ о случаѣ, въ которомъ *litis aestimatio* направляется на нѣчто большее, чѣмъ *quantum debetur*, а въ l. 21 § 3 cit. прямо сказано, что требовать *pluris, quam interest*, можно только *adversus ceteros possessores*. Слѣдовательно, l. 16 § 3 cit. и въ частности слова *quid proderat in rem actio* никакъ не могутъ относиться къ случаю *actio adversus ipsum debitorem*. Истинный смыслъ инкриминированныхъ словъ слѣдующій: если бы третій владѣлецъ, *qui dolo malo desit possidere*, отвѣчалъ бы только за *id, quod debetur*, то его бы не постигло никакое наказаніе за его недобросовѣстный образъ дѣйствія, подвергающій кредитора опасности лишиться предоставленнаго ему реального обезпеченія: въ самомъ дѣлѣ, какая бы польза была для кредитора отъ предоставленія ему вещнаго иска противъ третьяго владѣльца, разъ онъ въ случаѣ *dolo malo desinere possidere* послѣдняго не могъ бы добиться отъ него больше того, что онъ всегда можетъ получить отъ должника залогодателя при помощи личнаго иска, вытекающаго изъ обезпеченнаго залогомъ требованія, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ онъ освобождается отъ сложной процедуры доказыванія своего вещнаго залоговаго права на заложенную вещь. И такъ, ссылка на слова *quid proderat in rem actio* не только не подтверждаетъ взгляда автора, а напротивъ въ корнѣ подрываетъ его взглядъ, ибо изъ этихъ словъ ясно слѣдуетъ, что нашъ фрагментъ отнюдь не говоритъ только о предъявленіи залоговаго иска противъ самого должника залогодателя. Столь же мало убѣдительно ссылка на § 5 фрагмента, въ которомъ говорится: *creditor hypothecam sibi per sententiam adjudicatam quemadmodum habiturus sit, quaeritur, nam dominium ejus vindicare non potest. Sed hypothecaria agere potest*. Автора очевидно смутили слова: *dominium ejus vindicare non potest*, такъ какъ по его мнѣнію подъ собственникомъ можно подразумѣвать только залогодателя. Но мы уже видѣли,

что этотъ взглядъ основанъ на явномъ недоразумѣніи. Что касается наконецъ § 6, то въ немъ дѣйствительно говорится о случаѣ предьявленія *a. hypothecaria* къ самому должнику залогодателю, — но это запоздалое упоминаніе уже не въ состояніи спасти теорію г. Петражицкаго, ибо послѣдній предполагаетъ, что въ разбираемомъ фрагментѣ рѣчь идетъ не между прочимъ только, а *исключительно* объ отношеніяхъ между кредиторомъ и залогодателемъ. Этого нѣтъ, а тѣмъ самымъ падаетъ и весь выводъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній аргументъ противъ общепринятаго толкованія l. 16 § 4 cit.

Мы закончили разборъ романистической части изслѣдованія г. Петражицкаго. Мѣсто не позволяетъ намъ вдаваться въ оцѣнку третьей части его труда, посвященной современнымъ законодательствамъ. Да и особой нужды въ этомъ нѣтъ, ибо послѣ всего, сказаннаго нами о римскомъ принципѣ распредѣленія плодовъ между добросовѣстнымъ владѣльцемъ и собственникомъ, мы конечно не можемъ сочувствовать той руководящей идеѣ, которая положена авторомъ въ основу критической оцѣнки современныхъ законодательствъ: это—идея о желательности рецепціи римскаго принципа новыми уложеніями. Идея эта, какъ мы подробно доказали, не можетъ быть апробована. А отсюда само собою слѣдуетъ, что и критика подлежащихъ постановленій новыхъ кодексовъ, опредѣляемая такой невѣрной руководящей идеей, должна быть признана односторонней и пристрастной. Доказывать это въ подробностяхъ,—трудъ довольно неблагодарный, и мы отъ него воздерживаемся, тѣмъ болѣе, что въ свое время (въ первомъ выпускѣ нашихъ „Очерковъ по ученію объ обогащеніи“), мы постарались освѣтить соответствующія постановленія новыхъ кодексовъ съ точки зрѣнія того принципа, который мы защищаемъ и въ настоящей нашей замѣткѣ: это—принципъ ограниченія добросовѣстнаго владѣльца наличнымъ обогащеніемъ.

Что касается наконецъ приложений къ книгѣ г. Петражицкаго, то мы уже выше имѣли случай выяснитъ свое отношеніе къ пропагандируемой имъ наукѣ гражданской политики и къ гражданско-политическому методу. Останавливаться же на полемической сторонѣ этихъ приложений мы не видимъ основанія: явное отсутствіе чувства мѣры въ нихъ само по себѣ бьетъ въ глаза.

Мы пришли къ концу. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, мы во многихъ принципиальныхъ пунктахъ расходимся съ авторомъ. Отдавая должное гражданско-политическому методу какъ таковому, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждены были констатировать, что ни конкретный гражданско-политическій идеаль, устанавливаемый авторомъ въ примѣне-

ніи къ занимающему его институту и заимствуемый имъ изъ римскаго права, — ни конкретная методологическая постановка вопроса, на которую оказали фатальное вліяніе съ одной стороны смѣшеніе задачъ догмы и гражданской политики, съ другой стороны смѣшеніе внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, характеризующихъ институтъ, съ причинами, вызвавшими его, — не могутъ быть признаны удовлетворительными. Тѣмъ не менѣе мы еще разъ считаемъ долгомъ замѣтить, что несмотря на отмѣченные нами крупныя и мелкія недостатки, настоящее изслѣдованіе г. Петражицкаго заслуживаетъ полнаго вниманія и благодаря богатству мыслей и талантливости разработки ихъ представляетъ серьезный вкладъ въ науку.

Д. Гринишъ.

Schürer, Die Juden im Bosphoranischen Reiche und die Genossenschaften der εβραίοι μενοι θεόν ὕψιστον daselbst. Berlin. 1897.

Изслѣдованіе Шюрера, представляющее собою докладъ, читаемый въ Берлинской Академіи Наукъ и помѣщенное въ *Sitzung-Berichte* ея за 1897 годъ, вып. XII — XIII, стр. 200—225, посвящено вопросу, который не рѣдко ставится русскими учеными по поводу объясненія отдѣльныхъ надписей, найденныхъ на территоріяхъ древнихъ городовъ Черноморскаго побережья. Неоспоримый фактъ присутствія еврейскаго элемента въ населеніи древней Пантикапеи засвидѣтельствованъ надписью съ датой 377 годъ боспорской эры, то-есть 81 по Р. X. (Латышевъ, *Insc. R. Bospr.*, № 52). Помимо этого прямаго свидѣтельства, есть цѣлый рядъ другихъ, которыя возбуждали споръ въ нашей ученой литературѣ. Тогда какъ Стефани былъ склоненъ видѣть въ упоминаніи слова *προσευχή* свидѣтельство о синагогѣ и тѣмъ самымъ объ евреяхъ, другіе, и въ томъ числѣ авторитетный издатель надписей нашего юга, В. В. Латышевъ, отстаивали языческій характеръ культовъ, о которомъ свидѣлствуютъ надписи, заключающія въ своемъ текстѣ это слово. Таково же было отношеніе и къ тѣмъ эпиграфическимъ текстамъ, въ которыхъ упоминается культъ „Всевышнему Богу“, θεῷ ὑψιστῷ. Цѣлый рядъ надписей, найденныхъ на территоріи Танаиса, составлявшего цвѣтушій торговый центръ на сѣверѣ Боспорскаго царства въ первые вѣка нашей эры, свидѣлствуютъ о существованіи религиозныхъ обществъ (*θῖασι*), посвященныхъ культу этого божества. Профессоръ Помяловскій въ своемъ интересномъ рефератѣ, читанномъ на Одесскомъ археологическомъ

съѣздѣ (Труды О. А. С., т. II, стр. 24—28) „О Танаитскихъ коллегіяхъ“ коснулся вопроса о божествѣ, которое обозначалось именемъ θεός ὕψιστος и призналъ въ немъ Зевса—„но не того, который царилъ на Олимпѣ, а одного изъ многочисленныхъ Зевсовъ, возникшихъ путемъ позднѣйшаго синкретизма и такъ распространенныхъ на востокѣ въ первые вѣка нашей эры, таковы: Ζεὸς σωτήρ, Ζεὸς στρατός, Ζ. Δαβραῦδας, Ζ. Χρυσοαρεός и т. д.“ При этомъ профессоръ Помяловскій отстранялъ мнѣніе Стефани, перваго издателя надписей о танаитскихъ коллегіяхъ, который готовъ былъ видѣть въ безымянномъ обозначеніи верховнаго божества влияніе христіанскихъ понятій.—Достаточно указать на то, что древнѣйшая танаитская надпись, въ которой названъ θεός ὕψιστος, относится къ 41 году нашей эры (Латышевъ, № 400), чтобы опровергнуть допущеніе Стефани. Акад. Латышевъ, издавшій танаитскія надписи въ 1890 году во второмъ томѣ своего „сборника“, отстаивалъ въ своемъ комментарий принадлежность танаитскихъ религіозныхъ обществъ къ языческимъ культамъ (ср. его-же „Исслѣдованія объ Ольви“. С.-Пб. 1887, стр. 270 и сл.).

Шюреръ, не касаясь литературы предмета, разбираетъ тексты памятниковъ и на основаніи многочисленныхъ эпиграфическихъ и литературныхъ свидѣтельствъ о культѣ „Всевышняго Бога“ приходитъ къ выводу, что танаитскія религіозныя общества состояли изъ іудейскихъ прозелитовъ. Варварскія имена членовъ обществъ, чтившихъ „Всевышняго Бога“ въ Танаисѣ въ первые вѣка нашей эры, свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о широтѣ и силѣ іудейской пропаганды.—Мы лично считаемъ тезисъ Шюрера вполне доказаннымъ и полагаемъ, что онъ не лишень историческаго значенія. Утвердившись въ предѣлахъ нынѣшней Южной Россіи еще въ первые вѣка нашей эры, евреи уцѣлѣли тамъ въ періодъ тяжкихъ переворотовъ и погромовъ, которые переживала эта страна, начиная съ половины III вѣка, и въ началѣ VII вѣка, какъ свидѣтельствуетъ Теофанъ (Chron. p. 357 ed. de Boog), составляли замѣтный элементъ въ населеніи Фанагоріи, гдѣ былъ интернированъ изгнанный императоръ Юстиніанъ II. „Городомъ евреевъ“ называлъ Фанагорію Ибнъ-Хордабегъ (de Goeje, Bibl. geogr. arab. VI стр. 115=Васильевскій, Рус.-Виз. Иссл., II, р. XXVIII). Самая возможность обращенія хазарской правящей династіи въ іудейство во второй половинѣ VIII вѣка заставляетъ предполагать прочность и силу еврейскаго населенія на юго-востокѣ нашей территоріи въ тѣ времена.

Ю. К.

Ө. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. С.-Пб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

„Историческая монографія“ г. Уманца состоитъ изъ восьми главъ. каждая съ своимъ особымъ названіемъ, не безъ претензіи на нѣкоторую оригинальность; напримѣръ, глава IV названа „Быть или не быть?“ (въ ней рѣчь идетъ объ измѣнѣ Мазепы Петру); глава VI—„Поздняя любовь“, глава VII—„Шведская инкурсія“... Слѣдя за жизнью Мазепы отъ времени его „происхожденія“ до посмертныхъ его портретовъ, авторъ, однако, не излагаетъ послѣдовательно совершившихся при Мазепѣ событій, а пользуется ими въ прежнемъ изложеніи Соловьева, Устрялова и Костомарова, съ цѣлю защитить, облить Мазепу. Ему не нравятся изслѣдованія о Мазепѣ всѣхъ прежнихъ историковъ; „въ нихъ Мазепа является какимъ-то Францемъ Моромъ или Яго, вѣчно думающимъ, какъ погубить своего друга и благодѣтеля“ (стр. 77). Признавая, что „много пятенъ на Мазепѣ“ и что „общая молва стусила темныя краски“, онъ считаетъ своимъ долгомъ „выдѣлать свѣтлыя точки его (Мазепы) политической и частной жизни“ (стр. 78).

Задавшись такою цѣлю, г. Уманецъ прежде всего отвергаетъ прежнее воззрѣніе, что Мазепа измѣнилъ Польшѣ тогда, когда пребываніе въ Варшавѣ стало для него невыгоднымъ (стр. 78), хотя самъ же говоритъ выше, что „Мазепа отсталъ отъ Польши... извѣрился въ нее и пересталъ надѣяться устроить въ ней свое личное положеніе и счастье родины“ (?)... и что „поляки относились къ нему не только свысока, но и подозрительно“ (стр. 17—19). Также точно, по мнѣнію автора, Мазепа оставилъ Дорошенко „вслѣдствіе непредвидѣннаго (?) стеченія обстоятельствъ“ (стр. 47), хотя еще самъ Дорошенко говорилъ Мазепѣ: „знатно, что Ромодановскій собольми тебя прельстилъ“ (стр. 43). Далѣе, чтобы доказать, что гетманъ вовсе невиновенъ въ изложеніи Самойловича и что выборъ палъ на него, какъ на самаго популярнаго и достойнаго, даже едва ли не помимо его воли, г. Уманецъ на 20 страницахъ (III гл.) разоблачаетъ всѣ дѣйствія Самойловича и его сыновей, преимущественно, Григорія, называетъ гетмана „гордымъ“, „стяжательнымъ“, „заискивающимъ“ предъ Москвою, порицающимъ московское правительство по поводу его крымскаго похода и, наконецъ, даже обвиняетъ его въ пожарѣ степи. Слова Устрялова, что „Мазепа составилъ доносъ на гетмана“ („Исторія Петра Великаго“, т. I, стр. 308), онъ отвергаетъ тѣмъ, что „судя по слогу и принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, надо думать, что доносъ составленъ дьяками Голицына и предложенъ къ подписи старшинамъ“

(стр. 73). Отвергая и обстоятельства подкупа Мазепю Голицына и считая въ то же время, что дышащее благодарностью письмо Мазепы къ Голицыну, написанное послѣ его избранія, „противно читать“ (стр. 74), г. Уманецъ для убѣдительности въ законности избранія пускается „въ разсмотрѣніе теоріи государственнаго права Малороссіи“ (стр. 70), но на самомъ дѣлѣ оправдываетъ случаи избранія въ гетманы одною казацкою радою.

Въ IV главѣ, названной авторомъ „анатомическимъ театромъ и залой вивисекціи“ (стр. 242) и посвященной вопросу объ измѣнѣ Мазепы Петру, болѣе трактуется: объ исторіи и историкахъ (въ чисториторическомъ стилѣ), о Софѣ, которую г. Уманецъ слишкомъ сопоставляетъ съ Екатериною II и львомъ (стр. 81—90); о В. В. Голицынѣ, молодомъ Ордынѣ-Нащокинѣ, о Петрѣ Алексѣевичѣ (стр. 100—105), о безграмотности малороссійскихъ старшинъ (стр. 106—109), о возстаніи Петрика (110—119), о реформахъ Петра I (126—162), о Паткулѣ, о настроеніи малороссійскихъ старшинъ и т. п.; главному же вопросу посвящается сравнительно немного страницъ, но за то довольно занимательныхъ и оригинальныхъ. Сущность заключающихся въ нихъ измышленийъ автора сводится къ тому, что „чистая душа“ Мазепы, прежде расположеннаго къ Петру, должна была возмутиться и отпасть отъ Москвы и ея представителя, главнымъ образомъ изъ-за преобразовательной дѣятельности, въ которой онъ дѣйствуетъ, „какъ врачъ, дающій женщинѣ, которая итакъ правильно родить, *secale cognitum*, чтобы вызвать бурныя родовыя потуги“ (стр. 145), и какъ „царь на подкладкѣ Базарова“ (стр. 158), и рассуждалъ, „какъ тотъ котъ, который, получая пойманную мышеловкой мышъ, думаетъ, что самъ мышей ловить“ (стр. 131). Мало того, г. Уманецъ утверждаетъ, что „Мазепа былъ только олицетвореніемъ извѣстной патріотической мысли..“, онъ „былъ увлеченъ“ всеобщимъ „теченіемъ...“ (стр. 222) и „его склонность измѣнить Москвѣ была слабѣй, чѣмъ у большинства старшинъ и казаковъ“ (стр. 217). А то обстоятельство, что впослѣдствіи Мазепа остался почти одинъ на сторонѣ Карла, онъ развязно объясняетъ одною „неудачей похода Карла въ Малороссію“ (стр. 389). Въ томъ же духѣ трактуетъ авторъ и объ его гражданской дѣятельности.

Таковы главнѣйшія доказательства и выводы г. Уманца; что касается способа ихъ изложенія, то онъ отличается расплывчатостью, обрывочностью и смахиваетъ на средней руки фельетонъ. Приведемъ хоть нѣсколько примѣровъ: „Богданъ Хмѣльницкій поступилъ

иначе: продолжалъ походить, сыну же — о ужасъ! — поручилъ расправиться съ мачихой“ (стр. 35); — „Хотя политическая измѣна является не вдругъ, какъ Венера изъ пѣны морской, и не составляетъ сущность (!) человѣка, какъ порокъ сущность Фальстафа, Яго или Франца Мора. но отъ людей, стоящихъ на вулканической почвѣ, всегда можно ожидать нечаянное движеніе въ ту или другую сторону...“ (стр. 52);—„Итакъ Александръ Македонскій (рѣчь же до того шла о параллели между Петромъ I и Іоанномъ IV) могъ бы не жечь Вавилонъ (!) и оставить жизнь Каллисфену; въ свою очередь прогрессъ Россіи ничего не потерялъ бы отъ болѣе огромной и гуманной обстановки преобразованія. Вообще—къ свѣдѣнію, какъ большихъ, такъ и меньшихъ преобразователей—хотя Александръ Македонскій герой, тѣмъ не менѣе можно и даже должно не ломать казенныхъ стульевъ“ (стр. 153);—„отовсюду дохнуло его (!) молодостью“ (стр. 356) и т. п.

Послѣ описанія портретовъ Мазепы, г. Уманецъ въ „Приложеніи“ приводитъ въ видѣ матеріала универсалы Дорошенко, Самойловича, Мазепы, письма, грамоты царскія и нѣкоторые другіе документы, заимствованные, главнымъ образомъ, изъ бібліотеки П. Дорошенко.

В. Р.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Антонъ Лапта. Силы природы и естественные законы. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Лесгафта. Часть I и II. съ 15 портретами знаменитыхъ физиковъ. 199 + 230 стр. С.-Пб. 1898. Цѣна 1 р. („Образовательная бібліотека“. Изданіе *О. Н. Поповой*). Мы не находимъ словъ, чтобы достойно охарактеризовать эту замѣчательную книгу, которая оставляетъ далеко за собою наилучшее, что намъ приходилось имѣть въ рукахъ по части книгъ популярнаго содержанія. Въ ней съ безупречной научной точностью и съ удивительною ясностью и простотой разсмотрѣны важнѣйшіе вопросы физики и нѣкоторые, находящіеся съ ними въ связи, вопросы астрономическіе. Авторъ не стѣсняется разсматривать самые трудные и сложные вопросы, напримѣръ, второе начало термодинамики, потенциалъ, діэлектрики, электромагнитную теорію свѣта и т. п. Вотъ перечень главъ, содержащихся въ двухъ частяхъ, на которыя распадается книга. Часть I: матерія, величина молекулъ, познаніе природы, принципъ сохраненія матеріи, тяжесть, свободное паденіе тѣлъ, что такое работа? зависимость между работой и энергіей механическихъ силъ, природа тепла, различныя физическія состоянія тѣлъ, второй законъ механической теоріи теплоты, законъ сохраненія энергіи, энергія солнца, возникно-

веніе планетной системы по Канту и Лапласу, кометы, метеориты, метеоры, и падающія звѣзды, конецъ міра, система міра, основныя ученія электростатики. Часть II: О потенциалѣ, объ атмосферномъ электричествѣ, объ электрической емкости, о возвращеніяхъ Фарадея, служащихъ основаніемъ новѣйшей теоріи электричества, о діэлектрикахъ, о магнетизмѣ, объ электрическомъ разрядѣ, объ электрическомъ токѣ, о законахъ Ома и Джоуля, объ опытахъ Гальвани и Вольты, о гальваническомъ элементѣ, о термоэлектричествѣ, объ электромагнитныхъ и электродинамическихъ явленіяхъ; объ индукціи, о свѣтѣ, о спектрѣ и лучистой теплотѣ, объ электромагнитной теоріи свѣта; заключеніе. Переводъ безукоризненный. Нельзя не поблагодарить переводчика и издательницу за обогащеніе русской популярной литературы этой прекрасной книгой, которой слѣдовало бы сдѣлаться настольной для вѣждаго образованнаго человѣка и которой мы отъ души желаемъ самаго широкаго распространенія. Въ книгѣ находится весьма недурно исполненные портреты 15-ти знаменитыхъ физиковъ, которые однако распределены безъ всякой видимой связи съ текстомъ. Нельзя не пожалѣть, что переводчикъ не добавилъ статьи о лучахъ Рентгена, тѣмъ болѣе, что портретъ Рентгена помѣщенъ на стр. 224 второй части. Предисловіе автора помѣчено январемъ 1895 г., то-есть, какъ разъ тѣмъ мѣсяцемъ, въ теченіе котораго великое открытіе Рентгена сдѣлалось извѣстнымъ.

Е. Соловьевъ. Г. Гегель, его жизнь и философская дѣятельность. (Жизни замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека *Ф. Павленкова*). С.-Пб. 1891. Стр. 113. Цѣна 25 коп.—Черезъ всю книгу г. Соловьева проходитъ двойственный взглядъ на Гегеля: съ одной стороны Гегель—гениальный человѣкъ, съ другой (*venia sit dicto*) — Гегель автору кажется совершенно глупымъ. Это противорѣчивое возрѣніе автора явствуетъ изъ многихъ мѣстъ его книги. Ср. стр. 5 „Несмотря на свою несомнѣнную туманность (философія Гегеля), была какъ бы откровеніемъ для русской интеллигенціи“; стр. 6 „Несмотря на все свое остроуміе, чтеніе его книгъ вызываетъ въ насъ совершенно основательную скуку и недоумѣніе“ (*et passim*). Читатель, по всей вѣроятности, будетъ тщетно искать ключа къ истинному мнѣнію автора о Гегелѣ; дѣло, въ томъ, что ни то, ни другое возрѣніе на Гегеля не составляетъ истиннаго мнѣнія автора, а такового, по всей вѣроятности, у него вовсе и нѣтъ. Авторъ прочелъ двѣ біографіи Гегеля: Розенкранца—біографію, имѣющую апологетическій характеръ,—и Гайма, относящагося, какъ извѣстно, весьма сурово къ Гегелю, и по этимъ книжкамъ составилъ біографію Гегеля. Самого же Гегеля авторъ не читалъ, и въ перечнѣ пособій даже не дѣлаетъ ссылки на сочиненія Гегеля; зато есть ссылка, какъ на „главнѣйшее пособие“, на книгу г. Beaussire'a *Antécédents de l'hégélianisme*, которую авторъ, конечно, также не видѣлъ, ибо если бы онъ привелъ и вторую половину заглавія книги, то догадался бы, что въ ней не можетъ быть ничего относящагося до біографіи Гегеля („dans la philosophie française. Dom Deschamps son système et son école d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVII. siècle). Гаймъ и Розенкранцъ настолько въ представленіи г. Соловьева заслонили Гегеля, что ему кажется иногда, что не Гегель сочинилъ свою философію, а двое названныхъ писателей, по крайней мѣрѣ VII главу онъ.

начинаеть такъ: „Тутъ ваши біографы, Гаймъ и Розенкранцъ, подошли наконецъ къ созданію системы“. Однако, и Гайма и Розенкранца авторъ изучилъ не съ достаточною тщательностью, ибо въ противномъ случаѣ онъ не впалъ бы въ цѣлый рядъ ошибокъ довольно элементарнаго характера. У названныхъ авторовъ г. Соловьевъ не могъ найти свѣдѣнія, что „пифагорейцы самоотверженно умолкали при знаменитомъ magister dixit“ (стр. 8), ибо имъ, какъ вообще всѣмъ получившимъ гимназическое образованіе, извѣстно, что пифагорейцы были (по крайней мѣрѣ первые пифагорейцы) греками; названные авторы знали, что не Шопенгауеръ, какъ думаетъ г. Соловьевъ (стр. 33), замѣтилъ разницу между 100 гульденами въ идеѣ и 100 гульденами въ карманѣ, а что эта мысль о ста талерахъ находится въ критикѣ чистаго разума Канта, въ критикѣ онтологическаго доказательства бытія Бога. Разказывая извѣстный случай съ диссертацией Гегеля, г. Соловьевъ вводитъ на память знаменитаго философа клевету, которая впервые сочинена г. Соловьевымъ (стр. 50). Какъ извѣстно, наканунѣ защиты диссертациа была открыта Церера, но г. Соловьевъ добавляетъ то, что никому неизвѣстно, а именно: „Нисколько этимъ (то-есть, открытіемъ) не смущаясь, Гегель остался при своемъ презрѣніи къ телескопу“. Само собой разумѣется, что Гегель не зналъ объ открытіи Цереры, когда писалъ свою книгу. Для характеристики способа автора, коего онъ придерживается при составленіи біографіи, приведу нѣсколько словъ изъ 4-й главы. Гегель въ теченіе 7 лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ. „Передъ нами семилѣтній періодъ въ которомъ какъ будто бы ничего не было“, говоритъ г. Соловьевъ. За исключеніемъ фактовъ г. Соловьевъ прибѣгаетъ къ довольно смѣлымъ предположеніямъ. „Надо думать, что въ домѣ Гугъ Гегель чувствовалъ себя не особенно хорошо“ (стр. 37). „Вѣроятно, онъ страшно одинокъ, вѣроятно эти де Гуги относятся къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ“ (ibid.)... „Но эти занятія, за исключеніемъ рѣдкихъ писемъ къ Шеллингу, происходили въ одиночествѣ, безъ живаго общенія мыслями вдали отъ жизни вообще“. Последняя изъ приведенныхъ мною фразъ можетъ служить и образчикомъ того, какъ пишетъ г. Соловьевъ; но это образчикъ далеко не самый характерный; приведу болѣе характерные. Стр. 43. „Онъ энергично читаетъ лекціи въ университетѣ, работая своей гениальной головой на глазахъ у публики и у слушателей; удивляя тѣхъ и другихъ своими быстрыми скачками отъ одного предмета къ другому, отъ недописаннаго сочиненія къ новому“. Стр. 11. „Кромѣ отца и матери, у Гегеля была еще сестра“... Стр. 17. „Такое нравственно-поучительное, картофельно-селедочное произведеніе пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу нашему философу“. Стр. 30. „Быть можетъ ему“ (рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Гельдерлина къ Гегелю) нравилось раскачивать это тяжелое тѣло своими одушевленными полными восторга рѣчами“. „Ранняя смерть сначала невѣсты, потомъ горячо любимой жены“ etc. Выходитъ, что Августа Бемеръ дважды умерла, сначала невѣстой Шеллинга, потомъ его женой. „Кромѣ развитія системы, въ жизни Гегеля есть еще другой фактъ“ и т. д. Главный недостатокъ книги г. Соловьева заключается, однако, не въ томъ, что авторъ незнакомъ съ предметомъ, о коемъ пишетъ, и не въ томъ, что онъ пишетъ, что онъ пишетъ того, что онъ написалъ, а въ томъ вулгарномъ тонѣ, коимъ г. Соловьевъ говоритъ о лицахъ, которыя такого отношенія вовсе не заслуживаютъ. Въ біографіи Гегеля его

особенно интересуют отношенія философа къ дѣвицамъ и женщинамъ; причѣмъ авторъ задается совсѣмъ невѣроятными вопросами, напримѣръ, на стр. 36 говорится: „Мы знаемъ лишь, что ему (Гегелю) приходилось играть иногда въ бостонъ, что на вечерахъ бывали барышни, но какія и зачѣмъ — неизвѣстно“. Неужели г. Соловьеву неизвѣстно, зачѣмъ на вечерахъ бывають барышни, и какое отношеніе этотъ вопросъ можетъ имѣть къ биографіи Гегеля.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека *Ф. Павленкова*. Иванъ IV Грозный *Е. А. Соловьева*. Цѣна 25 коп.—Изученіе XVI вѣка въ послѣдніе годы сдѣлало успѣхи. Правительственная система и государственная организація Московскаго царства XVI вѣка стали яснѣе, а потому и дѣятельность Грознаго царя можетъ быть изучаема основательнѣе, чѣмъ прежде, въ болѣе понятной и лучше изученной исторической обстановкѣ. Трудъ г. Соловьева слѣдуетъ устарѣвшей традиціи. Въ немъ нѣтъ не только оригинальности, которую авторъ (кстати сказать) считаетъ печатью гения (стр. 1), но и простаго умѣнія подобрать источники и должнымъ образомъ передать ихъ содержаніе. Пересчитывая свои пособія, авторъ указываетъ лишь нѣсколько общихъ сочиненій и специальныхъ статей, и то небрежно, называя несуществующія заглавія трудовъ *Е. А. Бѣлова* и *И. Д. Бѣльева* („Дворянство на Руси“ вмѣсто „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ Бѣлова и „Исторія крестьянъ“ вмѣсто „Крестьяне на Руси“ Бѣльева). Вмѣсто точныхъ цитатъ изъ памятниковъ, авторъ приводитъ „документальный разказъ“ Карамзина со всѣми условностями его риторики и притомъ не всегда приписываетъ цитату ея дѣйствительному владѣльцу: на стр. 21 вмѣсто Карамзина названъ Курбскій, а на стр. 18 и 19 никто не названъ. И все изложеніе ведется съ большою небрежностью: на стр. 65 сказано, что Баторій требовалъ отъ Грознаго уступки „сѣверныхъ городовъ“ и „Пензы“ вмѣсто „Сѣверскихъ“ городовъ и „Искова“ (сравн. Карамзина, изд. 5-е, т. IX, стр. 188). На стр. 85 вмѣсто *Nakluyt* явилось *Nakwyt*. Соотвѣтственно съ этими описками и опечатками, обличающими небрежное отношеніе къ тексту, ясно легкое отношеніе и къ самому сюжету. Древнюю Русь г. Соловьевъ считаетъ „ровнымъ полемъ“ (стр. 8—9), а Грознаго — больнымъ человѣкомъ, страдающимъ „нравственнымъ помѣшательствомъ“ (стр. 83—84). Для спеціалиста этихъ указаній вполнѣ достаточно, чтобы признать всю безплодность труда г. Соловьева. Книжка его, можетъ быть, и интересна своею бойкостью и развязностью, но она совершенно бесполезна.

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ второй. Русская литература XVII и XVIII вѣковъ. Москва. 1898, стр. 375 + 68 (прим.). Цѣна 7 р. 50 к. (за всѣ томы; подписка прекращена). — Вышедшій томъ сочиненій Тихонравова составленъ подъ редакціей г. *М. Сперанскаго* при участіи г. *А. А. Ен. Грузинскаго*. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ, рядъ статей и изслѣдованій покойнаго ученаго, касающихся исторіи русской литературы конца XVII и начала XVIII вѣка. Начинается второй томъ со вступительной лекціи, прочитанной Н. С. Тихонравовымъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 25-го сентября 1859 г. Эта статья представляетъ огромный интересъ, такъ какъ въ ней высказанъ взглядъ Тихонравова на исторію литературы.

Прекрасный знатокъ литературы XVII вѣка, покойный ученый придавалъ ей огромное значеніе для новой русской литературы; онъ широко смотрѣлъ на исторію литературы, и въ его пониманіи область этой науки опредѣлялась гораздо шире, чѣмъ у многихъ менѣе глубокихъ историковъ. „Исторія новой русской литературы, говоритъ Тихонравовъ въ концѣ своей „Вступительной лекціи“ должна начаться обзорѣніемъ второй половины XVII вѣка. Выяснивши себѣ содержаніе литературы этого времени, она осмыслитъ все историческое развитіе нашей словесности... Ставши живою картиною *всего* русскаго общества XVIII столѣтія (а не высшаго только слоя его), она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его переливы одинъ въ другой“ (10—11). Съ обычною у Тихонравова простотою, ясностью, и въ то же время научностью изложены далѣе біографіи и характеристки изъ русской жизни XVII—XVIII вѣка „Боярыня Морозова“ (12), „Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка“ (156), „Квиринъ Кульманъ“ (305). Исторія русскаго театра, которую, такъ внимательно изучалъ покойный Тихонравовъ, представлена въ трехъ статьяхъ извѣстныхъ русскимъ историкамъ: „Начало русскаго театра“ (52), „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра“ (93) и „Трагедокомедія Теофана Прокоповича „Владиміръ“ (120). Всѣ эти статьи, какъ извѣстно, ранѣе были напечатаны самимъ авторомъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, но теперь появились въ нѣсколько исправленномъ и дополненномъ видѣ: такъ, рукописи, оставшіяся послѣ Тихонравова, позволили редактору и его сотруднику исправить и доислѣдить печатный текстъ статьи „Квиринъ Кульманъ“, продолжить неоконченную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статью „Московскіе вольнодумцы“; дѣяныя примѣчанія къ этой статьѣ извлечены также изъ рукописей.

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Томъ II. Древняя письменность. Времена Московскаго царства. Канунъ преобразованій С.-Пб. 1898. 566 стр. Цѣна съ подпискою 10 р. Отдѣльно каждый томъ 3 рубля.—Русская читающая публика будетъ искренне признательна нашему извѣстному исторiku литературы А. Н. Пыпину за его новое сочиненіе: онъ собралъ въ немъ всѣ свои многочисленныя интересныя статьи и изслѣдованія по русской литературѣ, печатавшіяся ранѣе въ повременныхъ изданіяхъ (главнымъ образомъ, въ „Вѣстникѣ Европы“); обширныя знанія памятниконъ и прекрасное знакомство съ изслѣдованіями помогли А. Н. Пыпину начать и быстро вести свой трудъ. Начинается вышедшій томъ съ обзора легендъ о московскомъ царствѣ и древнихъ русскихъ повѣстей (1—70), затѣмъ авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ дѣятельности Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго (71—119) и характеристикѣ московскаго общества въ XVI вѣкѣ (120—225); далѣе слѣдуютъ главы о паломничествѣ съ XV вѣка (226—269), объ исправленіи книгъ (270—318), о кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ и о вліяніи ихъ на Московскую Русь (319—368); охарактеризовавъ дѣятельность Сильвестра Медвѣдева, патріарха Іоакима, Дмитрія Ростовскаго (369—423) и Григорія Котошихина (424—461), авторъ переходитъ къ лѣтописи и исторіи XVI вѣка (462—491) и заключаетъ свое сочиненіе главой, въ которой мы встрѣчаемъ изслѣдованіе поздней повѣсти (492—563). Каждая глава снабжена богатыми бібліографическими указаніями.

Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ *А. И. Соболевскимъ*. Томъ IV. С.-Пб. 1898. 722 стр. Цѣна 3 рубля.—Средства, дарованныя Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, дали возможность нашему извѣстному ученому проф. А. И. Соболевскому приняться за гигантскій трудъ собиранія всѣхъ нашихъ народныхъ пѣсень. Изданіе это уже давно привлекло на себя вниманіе всѣхъ русскихъ этнографовъ и было встрѣчено въ русской критической литературѣ большими похвалами. Роскошная внѣшность и богатѣйшее содержаніе, дѣйствительно, выгодно выдѣляютъ трудъ А. И. Соболевскаго отъ другихъ подобныхъ работъ. Вышедшій теперь IV томъ „содержитъ въ себѣ первую половину любовныхъ пѣсень. Однѣ изъ нихъ рисуютъ идеалъ возлюбленнаго или возлюбленной; другія посвящены богѣе или менѣе счастливой любви и говорятъ о признаніяхъ, свиданіяхъ, подаркахъ и т. д.“ (Пред.). Всѣхъ пѣсень вошло въ IV томъ 855 №№; къ нему приложенъ алфавитный списокъ пѣсень, указатель пѣсенныхъ сюжетовъ и словарь мѣстныхъ словъ.

Einiges über LERMONTOVS „Dämon“. Ein Beitrag zur russischen Litte-raturgeschichte. *Sigismund Szymanski*. Posen. 1897, 61s.—Это любопытное изслѣдованіе представляетъ изъ себя докторскую диссертацию, защищенную авторомъ при философскомъ факультетѣ Бреславльскаго университета. Тема, избранная авторомъ, указываетъ на тотъ интересъ, который возбужденъ на Западѣ русскою литературой: отъ Тургенева, Достоевскаго, Л. Толстаго этотъ интересъ, какъ видно, переходитъ и къ ихъ великимъ предшественникамъ: не такъ давно въ Парижѣ защищалась диссертация, темой для которой послужилъ Карамзинъ, теперь г. Шыманьскаго заинтересовалъ Лермонтовъ. Вотъ почему работа этого иностранца для насъ должна быть особенно любопытна. Начинаетъ свое произведение авторъ съ небольшого введенія, въ которомъ кратко обобщаетъ вопросъ о дьяволѣ въ литературѣ вообще. Для этой главы пользовался онъ, главнымъ образомъ извѣстными изслѣдованіями: Roskoff, „Geschichte des Teufels“, „Dyabel w poezyi“ (Ateneum Jahrgang 1893, 13. LXI., LXX), „Geschichte der Hexenprozesse“, Wessely, „Die Gestalten des Todes und des Teufels in der darstellenden Kunst“ и нѣк. др. Самое изслѣдованіе начинается съ сравненія Лермонтовскаго „Демона“ съ Гетевскимъ „Мефистофелемъ“ и Байроновскимъ „Люциферомъ“, причемъ, конечно, особенно останавливается авторъ на второмъ сближеніи. Демонъ въ толкованіи г. Шыманьскаго является какъ бы продолженіемъ Люцифера. Очень внимательно авторъ подчеркиваетъ различіе и сходство между этими образами, пользуясь и психологическимъ и литературнымъ анализомъ. Говоря затѣмъ о фабулѣ Лермонтовскаго произведенія авторъ указываетъ на произведеніе Байрона „Небо и Земля“ (Haven and Eart) и „Елоа“ Альфреда Винья, какъ произведенія, имѣющія въ этомъ отношеніи очень большое значеніе. Заканчиваетъ г. Шыманьскій свой трудъ небольшою главой о кавказскихъ преданіяхъ (die Kaukasussage). Изслѣдователь очень внимательно отнесся къ тексту „Демона“, но, повидимому, съ русскою литературой о Лермонтовѣ онъ незнакомъ, по крайней мѣрѣ, ссылокъ не дѣлаетъ и многое, что для насъ, русскихъ, является уже рѣшеннымъ, высказываетъ какъ нѣчто новое.

В. Н. Харузина. Сказки русскихъ иногородцевъ, съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.—Начинается названная

книжка краткимъ предисловіемъ В. М. Михайловскаго о значеніи сказокъ вообще и о дѣли и характерѣ редактированнаго имъ сборника; цѣль послѣдняго доставить не только забаву для дѣтей, но и „пробудить въ читателяхъ общечеловѣческія симпатіи и укрѣпить интересъ къ знанію, къ наукѣ“. Для этого приходилось „производить самый осторожный выборъ сказокъ“, устранять все могущее „оскорбить нравственное чувство дѣтей“ и въ то же время „сохранить наивное“, что представляло весьма значительныя затрудненія. И дѣйствительно, читая сказки, можно сказать, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ничего оскорбительнаго, грубаго и вообще ничего, не удовлетворяющаго самымъ строгимъ требованіямъ педагогій. Изложены сказки правильнымъ русскимъ языкомъ, вполне вразумительнымъ и для младшаго возраста дѣтей. Кромѣ того, выборъ ихъ сдѣланъ настолько удачно, что почти всюду можно усмотрѣть національныя особенности народнаго творчества. Много этому помогаютъ и краткіе бытовые очерки, снабженные иллюстраціями. При составленіи своего сборника составительница В. Н. Харузина воспользовалась почти всеми главнѣйшими пособіями разросшейся въ послѣдніе годы этнографической литературы, которая указана и въ текстѣ книжки, послѣ изложенія сказки, и въ концѣ ея. Вотъ перечень инородцевъ, сказки которыхъ вошли въ сборникъ: самоѣды, лопари, финляндцы, эсты, латыши, мордва, вотяки, остяки, башкиры, киргизы, калмыки, сибирскіе татары, буряты, якуты, гялики, гольды, сарты, кабардинцы, чеченцы, лезгини, осетины, грузины, имеретинцы, армяне и курды. Обыкновенное число сказокъ каждой народности—2, но есть и по одной. Принимая, наконецъ, во вниманіе, что это первая попытка выпустить въ свѣтъ собраніе сказокъ нашихъ инородцевъ, притомъ выполненная довольно хорошо и съ вѣстной стороны, можно смѣло, не боясь строгой критики, могущей усмотрѣть кой-какіе пробѣлы, рекомендовать книжку г-жи В. Н. Харузиной, какъ одну изъ полезныхъ и пріятныхъ литературныхъ новинокъ.

Іоанна Шерръ. Историческія женщины. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Н. Есипова*. С.-Пб. 1898.—Извѣстнымъ нѣмецкимъ историкомъ *І. Шерромъ* представлены въ переведенномъ г. Есиповымъ трудѣ характеристики слѣдующихъ женщинъ: Аспазіи, Туснельды, Мессалины, Элоизы, Іоанны д'Аркъ, Елизаветы англійской и Маріи Стюартъ, Ниноны де Ланкло, Матильды Датской, Маріи Антуанеты (описанъ одинъ моментъ казни ея) и Каролины Англійской. Не смотря на нѣкоторую пристрастную оцѣнку автора и иногда излишній распространеніи объ эпохѣ, въ которую жила описываемая особа, особенно въ виду незначительныхъ свѣдѣній о послѣдней, напримѣръ объ Аспазіи, эти характеристики привлекаютъ читателя бойкостью и выпуклостью изложенія. Жаль только, что большинство изъ нихъ занято описаніемъ дѣйствій, свидѣтельствующихъ только объ одномъ развратѣ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества, правда, жестоко бичуемомъ авторомъ. Переводъ исполненъ весьма удачно; къ сожалѣнію, только попадаетъ не мало опечатокъ.

А. О. Гернетъ. Законодательство о приобрѣтеніи дворянскаго достоинства Россійской Имперіи. С.-Пб. 1898.—На основаніи Полнаго собранія законовъ, авторъ прослѣдилъ историческое движеніе законодательства о приобрѣтеніи

дворянства Россійской Имперіи, главнымъ образомъ, по чинамъ и орденамъ и дошелъ до позднѣйшихъ узаконеній, такъ что названная его брошюрка можетъ служить, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и справочнымъ руководствомъ для просителей. Приведенныя узаконенія касаются преимущественно великороссійскъ и чиновъ казачьихъ войскъ; хотя рассматриваемая книжка и довольно краткая, — она много бы выиграла, еслибы основывалась кромѣ Полнаго собранія законовъ на другихъ постановленіяхъ, мнѣніяхъ и распоряженіяхъ, заключающихся въ сенатскихъ опредѣленіяхъ и дѣлахъ, и была бы пополнена подробными указаніями, требуемыми департаментомъ герольдіи отъ просителей—но, во всякомъ случаѣ, благодаря точности цитатъ и ссылокъ, а также легкому русскому языку, можетъ служить для желающихъ хорошимъ пособіемъ и избавляетъ отъ необходимости рыться по Полному собранію законовъ—въ указанныхъ размѣрахъ.

Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ Великой. Составилъ штабсъ-капитанъ А. Е. Ильинко похъ редакціей, съ предисловіемъ и объяснительною запиской проф. П. А. Геймана. С.-Пб. 1898. — Главное содержаніе названной книжки составляютъ матеріалы, извлеченные изъ московскаго отдѣленія общаго Архива Главнаго Штаба, изъ Военно-ученаго Архива того-же Штаба и изъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и относящиеся къ 1763 и 1764 г., первымъ годомъ борьбы съ Польшею. Состоятъ они изъ указовъ Высочайшихъ, Военной коллегіи, рапортовъ и другихъ документовъ, посылаемыхъ и получаемыхъ отъ русскихъ представителей и военачальниковъ въ Польшѣ. Среди нихъ помѣщены также и маршруты войскъ. Этими матеріалами, собранными и напечатанными г. Ильинко, профессоръ Гейманъ желаетъ, какъ видно изъ его предисловія, воспользоваться для своего большаго труда, посвященнаго изслѣдованію первой польской войны при Екатеринѣ II Въ объяснительной запискѣ, проф. Гейманъ вначалѣ приводитъ взгляды историковъ на Польшу, между прочимъ дѣлаетъ нѣсколько упрековъ въ историческѣй профессору Н. И. Карѣеву; затѣмъ трактуетъ о „положеніи Польши въ общей политической системѣ Европы“; далѣе сообщаетъ довольно подробный „историческій очеркъ отношеній между Россіей и Польшею до 1764 г.; за нимъ говоритъ объ операціяхъ русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1764 г.“, о реформахъ Чарторыйскихъ, объ избраніи въ короли Станислава Понятовскаго, и заключаетъ свою записку „оцѣнкой политической программы Россіи по отношенію къ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины II“. Эту „программу“, составленную какъ извѣстно, при участіи Н. И. Панина (въ оцѣнкѣ дѣятельности котораго кстати сказать, онъ не соглашается съ новѣйшимъ изслѣдователемъ внѣшней политики Екатерины II—Н. Д. Чечулиннымъ) онъ считаетъ „не соответствовавшей дѣйствительнымъ интересамъ Россіи, съ точки зрѣнія не только нашего времени и вообще временъ послѣдовавшихъ, но и временъ предшествовавшихъ рассматриваемой эпохѣ и особенно временъ Іоанна III и Іоанна IV“; говоритъ, что она вызвала поправки самой императрицы и опоздала противъ правильной, исторической программы на 30 лѣтъ (стр. LVII и LVIII). Въ своихъ заключительныхъ строкахъ проф. Гейманъ высказываетъ даже увѣренность, основываясь на свѣдѣніяхъ печа-

таемыхъ матеріаловъ, что дѣло 1796 г. по отношенію къ Польшѣ Россія могла бы съ успѣхомъ выполнить въ 1764 г. (стр. LVIII). Не входимъ пока въ оцѣнку матеріаловъ и провѣрку взглядовъ автора, которыя, пожалуй, и преждевременны до выхода въ печати его изслѣдованія.

Проф. К. Ярошъ. Психологическая параллель. Іоаннъ Грозный и Петръ Великій. Харьковъ. 1898.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Ковалевскимъ была сдѣлана психологическая или вѣрнѣе психіатрическая характеристика Іоанна Грознаго. Авторъ пришелъ къ убѣжденію, что Грозный параноикъ, душевно-больной челоуѣкъ, и собственно вся его книжка заключалась въ сообщеніи фактовъ, подтверждающихъ его главную мысль. Историческая критика въ свое время указала на многія неточности автора, да и общій взглядъ его на царя врядъ-ли находилъ многіхъ сторонниковъ. Не удовлетворила, повидимому характеристика г. Ковалевскаго и профессора Яроша, который вооружился иною точкой зрѣнія и провелъ довольно удачно „психологическую параллель“ между Грознымъ и Петромъ Великимъ. Предпославъ своей параллели нѣсколько словъ о „психологіи“ „практика“ и „теоретика“ (кстати сказать эта „психологія“ очень близко напоминаетъ того и другаго царя), авторъ приступаетъ на основаніи извѣстныхъ уже историческихъ фактовъ къ характеристикѣ Іоанна Грознаго, какъ „теоретика“, и затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ „практика“ Петра. Нельзя не сознаться, что избранная авторомъ точка зрѣнія и удачный подборъ фактовъ проливаютъ свѣтъ на личность Грознаго. Изъ его изложенія читатель во многомъ убѣдится, какъ пристрастны и несправедливы историки и писатели, рисующіе Грознаго кровожаднымъ звѣремъ и челоуѣкомъ, лишеннымъ государственныхъ способностей. По нашему мнѣнію вполне справедлива основная точка зрѣнія проф. Яроша, что Іоаннъ былъ и умственно даровитъ, и не лишень извѣстной дальновзоркости, и образованъ, но не имѣлъ „твердости характера и практическаго умѣнія проводить свои идеи въ жизнь“ и былъ „крайне безволеенъ“; рядъ неудачъ, разочарованій и душевныхъ мукъ, естественно, долженъ былъ вызвать и подозрительность въ такомъ челоуѣкѣ. Довольно справедливо является у проф. Яроша и краткая характеристика Сильвестра, во взглядѣ на котораго онъ не принадлежитъ къ прославителямъ знаменитаго священника. Что же касается характеристики Петра Великаго, то въ ней, по нашему мнѣнію, авторъ слишкомъ узко взглянулъ на великаго преобразователя, которому онъ вовсе отказываетъ въ „охотѣ уноситься мыслью въ высь и даль“, приписываетъ „крайнюю односторонность“ и даже „презрѣніе“ къ русскому народу (въ послѣднемъ случаѣ онъ ссылается на показанія одного только Бергольца, стр. 41). Въ то же время онъ находитъ многія дѣяствія и мѣры Петра весьма непрактичными, главнымъ образомъ, вслѣдствіе „горячности“ Преобразователя и „излишней простоты его взгляда на жизнь и людей“. Видно, проф. Ярошу образъ теоретика болѣе пріятенъ, чѣмъ практика. Въ заключительной главѣ авторъ обращается къ „продуктамъ юмора Петра“ и главнымъ образомъ къ „всепьянѣйшему собору“ (послѣдній называетъ „типичнѣйшимъ дѣломъ ультрапрактическаго императора“, стр. 55), въ которыхъ видитъ, кажется небезосновательно, новыя средства борьбы царя съ суевѣріемъ и ханжествомъ народа и духовенства.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Ключевскій, В. О.* Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка. (Историко-психологическій очеркъ).—Оттискъ изъ „Вопросовъ философіи и психологіи“. Москва. 1897.

— *Лаппо-Данилевскій, А. С.* Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіи императрицы Екательрины II. С.-Пб. 1898. (Извлечено изъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1897 г.“).

— *Лаппо-Данилевскій, А.* Очеркъ внутренней полетики императрицы Екательрины II. С.-Пб. 1898.

— *Шахматовъ, А. А.* Отзывъ о сочиненіи: „Eugen Šcerkin, Zur Nertorfrage“. С.-Пб. 1898.

— *Корниловъ, И. П.* Князь Адамъ Чарторижскій. (Отд. отт. изъ журн. Русское Обозрѣніе). М. 1896.

— Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ второй. Русская литература XVII—XVIII вѣковъ. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1898.

— Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціей Я. К. Грота. Томъ третій. С.-Пб. 1896.

— Труды Я. К. Грота. I. Изъ Скандинавскаго и Фінскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изданы подъ редакціей проф. Я. К. Грота. С.-Пб. 1898.

— Сочиненія князя М. М. Щербатова. Томъ второй. Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воробова. Изданіе князя Б. С. Щербатова. С.-Пб. 1898.

— Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Т. IV. С.-Пб. 1898.

— Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. IV. Древне-тюрескіе памятники въ Кошо-Цайдамъ. В. В. Радловъ и П. М. Меморанскій. С.-Пб. 1897.

— Описаніе документовъ архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ. 1470—1700. (С. Г. Рункевича). Томъ первый. С.-Пб. 1897.

— *Рудометовъ, М. Д.* Опытъ систематическаго курса по графическимъ искусствамъ. Типографія. Литографія. Металлографія. Фотографія. Изданіе Е. А. Ездокимова. С.-Пб. 1897.

— *Нечаевъ, Александръ*, прив.-доцентъ. Поэзія А. Н. Майкова. Критическій очеркъ. Изданіе журнала „Русскій Начальный Учитель“. С.-Пб. 1898.

— „Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія“. Выпускъ I. — П. О. Каптеревъ.—Задачи и основы семейнаго воспитанія. 1898.

— *Порфиревъ, П.*—Кв. Гораций Флаккъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями. С.-Пб. 1898.

— *Луговской, П. М.* — На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по нѣкоторому вопросу. Новгородъ. 1896.

— *Ванъ-Мюйденъ.* Исторія швейцарскаго народа. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Э. Л. Радлова. Т. I, съ 41 политипажемъ. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. С.-Пб. 1898.

— *Менге, Вид.* Исаба. Переводъ съ нѣмецкаго *Leucostis Vesnicki*. Съ картою о. Исаки. Изданіе журнала „Гимназія“. Ревель 1898.

— Л. Э.—Новыя теченія въ польскомъ обществѣ. Очеркъ. С.-Пб. 1898.

— *Варте, Петръ* (Э. И. Пилль). Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Три статьи. Переводъ съ польскаго. С.-Пб. 1897.

— *Гейфдинъ, Г.*, проф.—О принципахъ этики. Переводъ съ нѣмецкаго. (Международная бібліотека. № 50. Изданіе Г. Юровскаго). Одесса. 1898.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. С.-Пб. 1898. Выпускъ I. Содержаніе: Торговля Германіи за 1897, А. *Вестманъ*; Торговля сношенія Россіи съ Бухарою, В. *Иматьевъ*; Стачки англійскихъ механиковъ, И. *Бруннеръ*; Эмиграціонное движеніе въ Италиі, П. *Сиплякъ*; Новый личный подоходный налогъ въ Австріи, Л. *Ислаевъ*; Морскіе звѣринные и вытковые промыслы въ Норвегіи въ 1896 г., В. *Березниковъ*; Почтовые сообщенія между Англіей и Индіей черезъ Бриндизи, А. *Федоченко*; Мукомольное дѣло въ Венгріи, И. *Петерсонъ*; По вопросу о совершеніи и засвидѣтельствovanіи актовъ, С. *Горликовъ*; Краткій очеркъ Афганистана, И. *Дычечко*.

— Сводный балансъ учрежденій мѣлкаго кредита на 1-е января 1897 г. (Изданіе особенной канцеляріи по кредитной части). С.-Пб. 1898.

— Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки за 1897. Одесса. 1898.

— Отчетъ по народнымъ чтеніямъ въ Самарѣ за 1897 годъ. Самара. 1898.

— Акты, издаваемые виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIV. Акты о боярахъ. Вильна. 1897.

— Описание рукописнаго отдѣленія Виленской публичной бібліотеки. Выпускъ третій. Вильна. 1898.

— Памятная книжка Виленскаго учебнаго округа на 1897—1898 учебный годъ. Вильна. 1897.

— Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей В. Г. Васильевскаго и В. Э. Ротеля. Т. V, вып. 1 и 2.— *Βασίτιχα χρονικά. Τ. πέρικτος, τεύχος α' καὶ β'.* С.-Пб. Содержаніе: Исслѣдованія и матеріалы. Христіанство у Алабъ. Ю. *Кулаковскаго*; О рукописяхъ Симеона Логовета. С. *Шестакова*; Повѣсть объ императорѣ Θεодосίῳ II. Хр. *Лопарева*; Продромы. С. *Пападимитріу*; Хронографы въ русской литературѣ. В. *Истрина*; Часть Равеннскаго диптиха въ собраніи графа Крауфорда. Съ 2 табл. Д. *Айналова*. Критика.—Статьи о сочиненіяхъ: А. *Пападопуло-Керамеосъ*. Святѣйшаго патріарха Фотія XLV неизданныхъ писемъ; W. B. *Let-*

haby and *H. Swainson*. The church of Sancta Sophia Constantinople; *Charles Diehl*. L'Afrique Byzantine; *Г. Халатълици*. Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго; *Jean Paul Richter*. Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit; *Franz Hanna*. Das byzantinische Lehrgedicht Spanea; *Σπυρ. Π. Δάμπρος*. Ἀγιογραφικά ἀπογραφα τοῦ Σπανέα. БИБЛИОГРАФІЯ: Мелкія замѣтки и извѣстія.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Дж. Г. Льюис. История философии. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія съ приложеніемъ статьи *В. Д. Вольфсона*, о жизни и ученіи Шопенгауера и Гартмана. Изданіе третье. Съ полнымъ указателемъ. С.-Пб. 1897. Цѣна 3 руб. Стр. VIII+689.

Книга г. Льюиса пользуется среди русской публики большимъ успѣхомъ. Первый переводъ ея подъ редакціей В. Д. Спасовича появился въ 1865 г.; въ 80-хъ годахъ появился переводъ г. Чуйко; наконецъ, переводъ г. В. Д. Вольфсона появляется теперь уже третьимъ изданіемъ. Такой успѣхъ книги весьма понятенъ: она написана популярно и точка зрѣнія автора, съ которой онъ разсматриваетъ исторію философіи, какъ разъ по силамъ большинству читающей публики. Я не стану отрицать того, что книга Льюиса принесла извѣстнаго рода пользу русской публикѣ; она заинтересовала читателей и, можетъ быть, побудила нѣкоторыхъ ерейдти къ болѣе серьезному чтенію. Но въ свое время книга Льюиса принесла и не мала вреда, ибо послужила распространенію поверхностныхъ взглядовъ позитивной философіи: „Въ Cours de philosophie positive Конта“ говоритъ г. Льюисъ „мы находимъ величайшую по своей глубокой истинности философскую систему, которую когда либо создавалъ человѣческій умъ“.

Огюсть Контъ былъ человѣкъ съ глубокимъ пониманіемъ исторіи и онъ бы не одобрилъ книги Льюиса, несмотря на возданную ему хвалу; дѣло въ томъ, что Льюисъ пишетъ не объективную исторію философіи, а тенденціозное сочиненіе, желая доказать предъ

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

взятую мысль, что всѣ попытки создать философію кончаются скептицизмомъ (стр. 673) и что такимъ образомъ философія должна уступить мѣсто точной наукѣ. Но чтó авторъ разумѣетъ подѣ точной наукой, существуетъ-ли дѣйствительно тотъ антагонизмъ между философіей и наукой, который онъ предполагаетъ и что такое „метафизика“, о которой постоянно упоминаетъ авторъ, этого онъ нигдѣ ясно не высказалъ, да врядъ-ли онъ имѣетъ насчетъ этого ясныя представленія. Особенно неприятно въ книгѣ Льюиса то, что онъ не объективно излагаетъ мнѣнія философовъ, а подѣ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, при чемъ часто переноситъ понятія изъ новѣйшей философіи въ древнюю, не замѣчая рискованности такого приѣма, напр., говорить о ноуменахъ по поводу Платоновской философіи и т. д. Отрицательная точка зрѣнія г. Льюиса оказывается особенно непригодною, когда онъ имѣетъ дѣло съ такими геніями какъ, напримѣръ, Платонъ или Кантъ. Напримѣръ, поистинѣ убого изложеніе философіи Платона; задаваться такими вопросами, какъ, напримѣръ, тотъ, о которомъ говоритъ Льюисъ на стр. 203—204 („Наиболѣе затруднительный пунктъ теоріи идей, это участіе внѣшнихъ (?) предметовъ въ дѣлѣ образованія идей“) не означаетъ ли полного непониманія Платона. Кто кромѣ г. Льюиса можетъ сказать о Платонѣ, что „по его понятію, абстрактный человѣкъ существуетъ точно также, какъ существовали конкретные люди?“ (стр. 201—202). Такое же непониманіе встрѣчаемъ мы и въ изложеніи Канта. Напротивъ того, гдѣ г. Льюисъ имѣетъ дѣло съ конгеніальными мыслителями, какъ, напримѣръ, Кабанисомъ или Гартлейомъ, дѣло идетъ гораздо лучше. Я не стану однако отрицать того, что изъ книги Льюиса можно почерпнуть свѣдѣнія о жизни и ученіи многихъ философовъ, хотя, конечно это можно сдѣлать лучше изъ болѣе новыхъ и болѣе солидныхъ сочиненій какъ, напримѣръ: сочиненія Эрдмана, или Куно-Фишера, или Фалькенберга.

Опасная сторона книги г. Льюиса. то-есть, его отрицательные взгляды, теперь не играетъ уже большой роли. Слова, которыми онъ начинаетъ свою книгу „Повсюду въ Европѣ философія утратила кредитъ“ были справедливы въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и совершенно не справедливы теперь. Интересъ къ философіи очень усилился, а значеніе позитивизма совершенно пало.

Русскій переводъ книги г. Льюиса не всегда удовлетворителенъ; напримѣръ, на стр. 148 переводчикъ пишетъ: „У Сократа индукція нѣсколько болѣе, чѣмъ *inductio per enumerationem simplicem*“, между

тѣмъ какъ слѣдовало сказать „не многимъ болѣе“ и т. д. Знаменитую надпись надъ вратами въ Академію Платона переводчикъ передаетъ такъ „Пусть никто не входитъ сюда кромѣ геометровъ“, между тѣмъ правильнѣе было бы сказать, „пусть не входятъ сюда не знающіе геометрію“. На стр. 200 сказано: „Философія Платона есть собственно не члено-раздѣльная рѣчь любопытная для историка; но какъ рѣшеніе задачи, не имѣющая никакой цѣны“. Почти навѣрное можно сказать, что Льюисъ имѣлъ на столько вкуса, чтобы не назвать философіи Платона „не члено-раздѣльной рѣчью“. Стр. 201 сказано: „Но Сократъ не приписывалъ *опредѣленно* бытія ни общимъ терминамъ, ни опредѣленіямъ“. Это совершенно непонятно; и можетъ быть разъяснено только тѣмъ, кто, посмотрѣвъ въ примѣчаніе, увидитъ, что слово *χωριστός* переведено „опредѣленный“ вмѣсто отдѣльный. На стр. 236 сказано: „Опредѣленіе есть совершенно безразличное предложеніе“. Къ счастью въ скобкахъ прибавлено (*identical*); замѣнивъ слово „безразличное“ словомъ тождественное, получаемъ смыслъ. Слово *Anschauung* переводится то „чувствительностью“, то „воспріятіемъ“. Слѣдовало перевести „созерцаніе“. На стр. 615 читаемъ: „Можно указать также на изложеніе философіи Шеллинга съ толкованіями Бруно,—*Principes des choses*“. Выходитъ, что Бруно написалъ толкованіе на Шеллинга, между тѣмъ Шеллингъ написалъ діалогъ, озаглавленный „Бруно“, „*sur les principes des choses*“, въ которомъ даетъ толкованія философіи Джордано Бруно. На стр. 660 Жюффу названъ Томасъ вмѣсто Теодоръ. На стр. 589 извѣстное сочиненіе Фихте „*Kritik aller Offenbarung*“ названо „Критикой всевозможныхъ откровеній“. Развѣ г. Вольфсону не извѣстно, что откровеніе было одно. Можно было бы указать еще на многіе промахи, но и указанныхъ достаточно. Слѣдуетъ только указать на то, что многія цитаты приведены съ ошибками, напримѣръ, на стр. 232 въ двухъ греческихъ цитатахъ я нашелъ 10 ошибокъ; это ужъ слишкомъ много! Транскрипція греческихъ именъ неправильная, смотри стр. 195 (Лахъ, Эвтифръ и т. д.), стр. 44: Оцеллія вмѣсто Окелла.

Г. Вольфсонъ снабдилъ книгу Льюиса біографіей и изложеніемъ ученія Шопенгауера и Гартмана. Лучше бы онъ этого не дѣлалъ, ибо его изложеніе неточно, а критика очень рѣзка, но не справедлива. Напримѣръ, г. Вольфсонъ различаетъ у Шопенгауера (на стр. 680) этику отъ пессимизма, но развѣ не именно въ этикѣ выразился пессимизмъ Шопенгауера? Вотъ образчикъ критики г. Вольфсона: „Но здѣсь“.

говоритъ онъ, „въ своей космогоніи, Гартманъ запутывается въ та-

кихъ дѣбрыхъ, что мы не считаемъ нужнымъ передачею хода развитія его мыслей подвергать читателя пыткѣ. То же самое мы должны сказать о его „феноменологіи нравственнаго сознанія и о его религіи духа“, въ которой онъ старается примирить христіанское вѣроученіе со своимъ „безсознательнымъ“ и о его „Эстетикѣ“. Такая суммарная критика тѣмъ болѣе несправедлива, что авторъ всюду говоритъ о Карлѣ Гартманѣ, а не объ известномъ философѣ Эдуардѣ Гартманѣ онъ, слѣдовательно, настолько невнимательно читалъ Гартмана, что не обратилъ даже вниманія, какъ его зовуть.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на корабль „Фрамъ“ къ сѣверному полюсу Ч. I. Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова. Ч. II. Полный переводъ съ англійскаго. Подъ редакцію Н. Березина С.-Пб. Изданіе О. Н. Поповой. 1897. Стр. 337+304. Цѣна за обѣ части 4 рубля.

Изъ 641 страницы, заключающихся въ обѣихъ частяхъ. 580 принадлежатъ самому Нансену, а остальные 60 страницъ — одному изъ 12-ти спутниковъ его, капитану Свердрупу.

Въ введеніи коротко перечисляются экспедиціи, предпринимавшія къ сѣверному полюсу ранѣе Нансена, пути и способы путешествія, которыхъ онѣ держались; затѣмъ излагается планъ путешествія самого Нансена, обнародованіе его, перечисляются противники и защитники этого плана въ Англіи, въ Германіи и въ Америкѣ.

Послѣ введенія первая глава посвящена приготовленію къ экспедиціи, и, между прочимъ, сообщаются подробности о средствахъ экспедиціи, откуда они добыты, объ особенностяхъ конструкціи корабля „Фрама“, о провіантѣ и, наконецъ, короткое *succiculum vitae* всѣхъ 12-ти храбрецовъ, принявшихъ участіе въ экспедиціи. Всего въ 1-й части 10 главъ, въ которыхъ описывается двухлѣтнее плаваніе „Фрама“, сначала самостоятельное, а затѣмъ съ сентября 1893 года на движущейся льдинѣ, къ которой „Фрамъ“ примерзъ не безъ воли, однако-же, предводителя экспедиціи.

Вторая часть посвящена описанію путешествія Нансена съ однимъ изъ его спутниковъ Югансеномъ на саняхъ и лыжахъ съ 83° 30' с. ш. до 86° 13' 36" с. ш., а затѣмъ обратное движеніе ихъ на югъ до открытой воды и плаваніе въ каякахъ до архипелага Франца Юсіфа. Наконецъ, встрѣча на мысѣ Флора съ англійскимъ изслѣдователемъ Джексономъ и возвращеніе Нансена въ Норвегію.

Въ концѣ 2-й части содержится отчетъ капитана Свердрупа о

плаваніи „Фрама“ съ 14-го марта 1895 года, то-есть со дня отдѣленія Нансена отъ экспедиціи, до возвращенія „Фрама“ въ Норвегію.

Наконецъ, на 4-хъ послѣднихъ страницахъ 2-го тома Нансенъ излагаетъ результаты экспедиціи.

Къ сочиненію приложены 3 карты. Одна изъ нихъ схематическая, представляетъ землю Франца Іосифа и составлена Нансеномъ на мысѣ Флора на основаніи его личныхъ наблюденій и по даннымъ, сообщеннымъ экспедиціею Джексона. Вторая карта представляетъ путь „Фрама“ и путь санной экспедиціи Нансена и Югансена и, наконецъ, третья карта, самая большая и приложенная къ концу второй части, представляетъ границы неизслѣдованныхъ полярныхъ областей сѣвернаго и южнаго полушарій.

Кромѣ трехъ картъ, къ сочиненію приложены портреты всѣхъ участниковъ экспедиціи и 64 рисунка на отдѣльныхъ листахъ, изображающіе виды сѣверной природы, а чаще всего эпизоды изъ жизни на „Фрамѣ“ и изъ путешествія Нансена по льдамъ. Рисунки эти воспроизведены, видимо, фототипическимъ способомъ съ фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ во время самой экспедиціи. Сверхъ этихъ крупныхъ рисунковъ, въ книгѣ находится еще множество мелкихъ.

Переводъ обѣихъ частей безукоризненный и читается такъ легко, какъ будто сочиненіе составлено на русскомъ языкѣ. Мѣстами оно снабжено полезными замѣчаніями редактора Березина.

Книга вообще можетъ быть названа интереснѣйшею и читается какъ романъ. Въ первой части очерчивается какъ горсть людей, составляющихъ какъ бы одну семью, исполняющихъ поровну всю тяжелую и грубую работу на кораблѣ, безъ различія между матросомъ, капитаномъ и самимъ главою экспедиціи, повторяемъ, какъ эта горсть людей умѣло, разумно и дружно проводила время на кораблѣ, дѣля его между всевозможнаго рода работами, прежде всего, совершавшимися въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, астрономическими, метеорологическими и гидрографическими наблюденіями, затѣмъ разными работами въ мастерскихъ: механической, столярной, кузнечной, сапожной, парусной, канатной, и между развлеченіями, къ числу которыхъ относились: катаніе на лыжахъ, на собакахъ, охота, чтеніе, разныя игры, празднества національныя и въ честь дня рожденія каждаго члена экспедиціи и т. д. и т. д. Все это представлено, живо, образно, при чемъ картины изъ бытовой жизни на „Фрамѣ“ иногда смѣняются размышленіями самого Нансена, вызываемыми то отчаяніемъ въ успѣхъ

экспедиціи, то надеждою, то стремленіемъ высвободиться изъ бездѣйствія и, хотя бы подѣ страхомъ смерти, достигнуть большихъ результатовъ, чѣмъ можетъ дать спокойное движеніе со льдомъ на „Фрамъ“ и т. д. и т. д.

Но для юнаго читателя, по нашему мнѣнію, еще болѣе интереса представить вторая часть, въ которой почти на каждой страницѣ разказывается и притомъ съ эпическою простотою и безъ всякой рисовки и самохвальства объ опасностяхъ и приключеніяхъ, мужественно перенесенныхъ Нансеномъ и Югансеномъ во время ихъ путешествія вдвоемъ.

Русскому читателю должно быть лестно то, что Нансенъ, пережившій самъ страшныя опасности утверждаетъ, однако же, какъ въ текстѣ путешествія, такъ и въ введеніи (стр. 7), что русскіе путешественники по Ново-Сибирскимъ островамъ и сѣвернѣе ихъ переносили больше лишений и обнаруживали больше настойчивости, чѣмъ кто-либо изъ европейскихъ путешественниковъ.

Но нельзя не пожалѣть, что редакція не смягчила нѣкоторыхъ неудобныхъ выраженій, находящихся въ 1-й части на стр. 61 о православныхъ монахахъ въ селѣ Хабаровѣ и затѣмъ на стр. 67, при описаніи праздника въ день пророка Іліи.

Русская классная библіотека, издаваемая подѣ редакцію А. Н. Чудинова. *Серія вторая.* Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей.

- 1) *Выпускъ третій.* Поэмы Оссиана Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1897 г. Стр. III+103. Ц. 35 коп.
- 2) *Выпускъ четвертый.* Старшая Эдда (Семунда Мудраго). Сборникъ мифологическихъ, гномическихъ и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1897 г. Стр. III+129. Ц. 40 к.

Г. Чудиновъ издалъ 25 выпусковъ первой серіи „Русской классной библіотеки“, которая должна составить „пособіе при изученіи русской литературы“. Серія выходила отдѣльными выпусками. Объ отдѣльныхъ выпускахъ высказывались въ педагогической критикѣ отрывочныя замѣчанія... И только когда серія вышла вся, стало ясно, что, при массѣ лишняго матеріала, при очень дорогой цѣнѣ (болѣе 11-ти рублей) она всетаки далеко не отвѣчаетъ всѣмъ запросамъ гимназическаго курса V — VII классовъ, не избавляетъ учени-

ковъ отъ необходимости имѣть двѣ историческія хрестоматіи по русской словесности (хотя бы хрестоматіи Буслаева и Галахова), да еще заглядывать въ какую нибудь „Исторію литературы“... Оказалось кромѣ того переизданнымъ то, что было уже не разъ издано и не хуже, и дешевле; а кое что изъ того, чего недоставало, въ дешевыхъ, школьныхъ изданіяхъ не достаетъ и теперь.

Оцѣнка этой первой серіи г. Чудинова, впрочемъ, не составляетъ предмета настоящей рецензіи. Мы сочли не лишнимъ напомнить о ней только потому, что г. Чудиновъ теперь приступилъ ко второй серіи „классной бібліотеки“, которая должна составиться изъ классическихъ произведеній иностранныхъ литературъ въ переводѣ русскихъ писателей;—приступилъ, не предпославъ и ей никакого общаго плана, не пояснивъ читателю, что имъ задумано? Между тѣмъ въ данномъ случаѣ такой предварительный планъ не только желателенъ, но, при оцѣнкѣ годности отдѣльныхъ выпусковъ второй серіи для классныхъ цѣлей, прямо необходимъ.

Когда издавалась серія памятниковъ русской литературы, мы *болѣе или менѣе*, хоть сколько *нибудь* могли судить, насколько каждый отдѣльный выпускъ пригодится для классныхъ занятій, такъ какъ учебные планы точно опредѣляютъ, что и въ какомъ размѣрѣ должно изучать въ каждомъ классѣ гимназіи или реальнаго училища. Отдѣльные выпуски критикой пріурочивались къ отдѣльнымъ требованіямъ учебныхъ плановъ. Для сужденія же о пригодности серіи произведеній иностранныхъ литературъ никакой руководящей нити у насъ нѣтъ. Когда, при какомъ курсѣ г. Чудиновъ полагаетъ возможнымъ занять учениковъ чтеніемъ Эдды, Оссіана, Нибелунговъ, пѣсни о Роландѣ? ¹⁾ Въ VIII-мъ-ли классѣ при изученіи теоріи словесности? Ранѣе-ли при заданіи ученикамъ письменныхъ работъ? Или онъ просто думаетъ снабдить ученическія бібліотеки хорошими книгами для чтенія въ свободное время?

Каждая изъ этихъ цѣлей предъявляетъ изданію свои требованія. Если вторая серія предназначается служить пособіемъ при курсѣ теоріи словесности—предлагаемые отрывки слишкомъ велики, объяснительныя статьи недостаточны, и носятъ характеръ совсѣмъ не принаровленный къ цѣли. Кромѣ того чрезвычайно важное значеніе полу-

¹⁾ „Нибелунги“ и „Пѣснь о Роландѣ“ составляютъ содержаніе двухъ первыхъ выпусковъ второй серіи.

часть въ такомъ случаѣ соотношеніе избранныхъ отрывковъ. Если вторая серія предназначается для библіотекъ, объяснительныхъ статей къ предлагаемымъ произведеніямъ должно быть много больше, онѣ должны быть рассчитаны на извѣстную, довольно скудную литературную подготовку, должны быть изложены живо, привлекательно.

Короче—нѣтъ возможности высказаться о пригодности предлагаемой серіи для учебныхъ цѣлей, пока г. Чудиновъ не дастъ подробнаго, ясно мотивированнаго плана задуманнаго изданія или пока серія не будетъ закончена и не дастъ возможности точно опредѣлить ея назначеніе.

Это не мѣшаетъ, однако, теперь же *допустить* предлагаемые выпуски въ ученическія библіотеки; хотя и сомнительно, чтобы Нибелунги, пѣснь о Роландѣ, Оссіанъ, Эдды нашли много читателей въ нашемъ юношествѣ при той скудости объяснительныхъ статей, которыя даны въ книжкахъ г. Чудинова. Еще къ Эддѣ подборъ сдѣланъ обстоятельнѣе, да и то до того небрежно, что г. Чудиновъ не потрудился даже (на стр. 109-й) выпустить или нѣсколько перефразировать совсѣмъ неподходящія строки статьи проф. Буслаева о томъ, какъ Магнусъ, сынъ Олафа святаго, посягалъ на дочь хозяина, у котораго остановился на ночлегъ, какъ Кануть датскій посягалъ на замужнюю женщину...

Къ Оссіану же даны только одни объяснительныя статьи, написанныя г-жею Балабановой совсѣмъ не для юношества. Она занимается почти исключительно извѣстными вопросами о подлинности Оссіановыхъ поэмъ, вовсе не заботится о достаточномъ разъясненіи самихъ пѣсень. Статья ея предполагаетъ извѣстными читателю имена Клопштока, Гердера, Томсона, Ричардсона, Поппа, врядъ ли извѣстные гимназисту.

Басни И. А. Крылова съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ф. Кевевичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова *II. Смирновскаго*. С.-Пб. 1897. 332 стр. (Ц. 1 руб.).

Басни Крылова, какъ художественно-поэтическіе отвѣты здраваго русскаго ума на разнообразныя вопросы житейскаго обихода, представляютъ такую книгу, занимательность и польза которой невольно чувствуются и сознаются каждымъ читателемъ русскимъ, несмотря на различіе возраста, пола и общественнаго положенія. Заученныя въ дѣтствѣ, онѣ служатъ потомъ для заучившаго ихъ не только луч-

шимъ по мѣткости и художественнымъ по формѣ выраженіемъ смысла многихъ явленій, происшествій и событій, но и правильнымъ добрымъ руководствомъ въ жизни. Поэтому, если каждое новое изданіе басенъ Крылова, какъ признакъ постоянного, неослабнаго распространенія ихъ въ обществѣ, способно возбуждать сочувствіе къ себѣ всякаго образованнаго русскаго человѣка, которому дороги успѣхи отечественнаго просвѣщенія, то еще ббльшаго сочувствія заслуживаетъ такое изданіе ихъ, которое предназначается главнымъ образомъ для учащейся молодежи съ цѣлью облегчить для ней пониманіе художественности басенъ Крылова. ихъ нравственной и поэтической прелести. Таково изданіе басенъ Крылова, предпринятое г. Панафидинымъ при содѣйствіи г. П. Смирновскаго, благодаря которому оно снабжено „матеріаломъ, освѣщающимъ произведенія нашего баснописца“. „Сочувствуя цѣли издателя“, говоритъ г. Смирновскій, „я, исполняя его просьбу, сдѣлалъ слѣдующее: 1) приложилъ къ баснямъ біографію ихъ автора, написанную П. А. Плетневымъ, (стр. 1—44); 2) составилъ къ нимъ примѣчанія на основаніи труда В. О. Коневича (стр. 251—274), прибавивъ въ концѣ два объяснительныхъ словаряка (стр. 274—276), и 3) присоединилъ пять составленныхъ мною статей, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г., (стр. 45—53), а въ остальныхъ рѣчь идетъ о степени оригинальности его басенъ (стр. 277—295), о ихъ историческомъ и общечеловѣческомъ значеніи (стр. 296—312), о ихъ народности (стр. 313—324) и художественности“ (стр. 325—329). Далѣе г. Смирновскій говоритъ: „въ виду помѣщенія этихъ пяти статей, я изъ статьи Плетнева выпустилъ все то, что касается самыхъ басенъ, такъ какъ краткія замѣтки о нихъ Плетнева замѣнены въ составленныхъ мною статьяхъ болѣе полными очерками“. Это не совсѣмъ вѣрно. Изъ статьи Плетнева совершенно выпущены главы: I, II, III, X, XXI, XXII и XXIII, содержаніе которыхъ составляютъ не однѣ краткія замѣтки, касающіяся самихъ басенъ: въ нихъ находится гораздо больше мыслей и свѣдѣній, относящихся къ личности самого Крылова, чѣмъ собственно къ его баснямъ; такъ, между прочимъ, въ нихъ говорится о его домашней жизни, о его литературномъ кружкѣ писателей, о его извѣстности за границей, особенно въ Парижѣ, благодаря почитательницѣ его произведеній, графинѣ Орловой и т. п. Нѣкоторыя главы изъ статьи Плетнева значительно сокращены, какъ, напримѣръ, XII и XXVIII. Изъ послѣдней выпущена, между прочимъ, рѣчь Жуковскаго на 70-лѣтнемъ юбилеѣ Крылова,

бывшемъ 2-го февраля 1838 года. Тѣмъ не менѣе все то, что удержано г. Смирновскимъ изъ статьи Птетнева, можетъ считаться вполне достаточнымъ для пониманія жизни и характера Крылова. Въ примѣчаніяхъ къ баснямъ, составленныхъ по извѣстному труду В. Кеневича „Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова“, С.-Пб. 1868 г., г. Смирновскій прежде всего говоритъ о каждой баснѣ,—оригинальна она или заимствована; въ послѣднемъ случаѣ указываетъ, откуда она заимствована, приводитъ иногда или отдѣльныя мѣста изъ произведеній другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ, сходныя по мысли или содержанію съ баснями Крылова, или даже цѣлыя произведенія. Такъ, на примѣръ, по поводу басенъ: „Обезьяна“ (№ 41) и „Лжець“ (№ 49) г. Смирновскій выписываетъ вполне двѣ притчи Сумарокова: „Пахарь и Обезьяна“ и „Хвастунъ“;—приводитъ также иногда болѣе важные варианты къ какому либо мѣсту басни;—сообщаетъ случаи, происшествіе, событіе, по поводу которыхъ написана та или другая басня, если только они извѣстны, и нерѣдко ссылается на пословицы, собранныя Далемъ, и т. п. Словомъ, примѣчанія къ баснямъ составлены г. Смирновскимъ удовлетворительно; несмотря на ихъ краткость, ничего важнаго для пониманія басенъ Крылова въ нихъ не опущено.

Въ „Объясненіи нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова“ на стр. 275 слово „трусъ“, которое встрѣчается въ баснѣ „Безбожники“ (№ 65 стр. 130) въ стихѣ: „Или потопъ, иль съ трусомъ громъ“ г. Смирновскій объясняетъ такъ: „Трусъ—старин. слово, означающее: 1) сильное колебаніе, буря, 2) землетрясеніе“. Трусъ=древне-церковно-славянскому тръсъ отъ глаг. тръсти едва ли значить „буря“, тръсъ—terrae motus, землетрясеніе.

Въ слѣдующемъ словарѣ подъ заглавіемъ „Имена и образы, заимствованные изъ классической древности“, г. Смирновскій говоритъ: „Какъ ни народны басни Крылова, но и онъ отдалъ нѣкоторую дань своему времени—и, подобно другимъ тогдашнимъ писателямъ, прибѣгалъ къ заимствованію изъ классической древности: имена и образы, оттуда взятые, встрѣчаются у него не только въ басняхъ переводныхъ, но и въ оригинальныхъ. Правда, этотъ чуждый русскому народу элементъ, разбѣянный по баснямъ Крылова, не бросается въ глаза, но все-жъ-таки онъ есть“ (стр. 275). Эта мысль, какъ мнѣ кажется, нѣсколько вредитъ надлежащему пониманію народности не только басенъ Крылова, но и другихъ произведеній нашихъ писателей. Она даетъ поводъ думать, что народность произведеній должна

исключать ихъ нихъ все, что только не народно, даже, напимѣрь, слова и образы иностраннаго происхожденія. Но это—уже крайность. Народность произведеній какого либо писателя заключается, главнымъ образомъ, въ его образѣ мыслей, въ его чувствахъ, вѣрованіяхъ, взглядахъ на вещи и въ правилахъ жизни, а вовсе не въ томъ, что въ его произведеніяхъ не встрѣчается словъ и образовъ, заимствованныхъ у другихъ народовъ. Поэтому лучше было бы, по моему мнѣнію, сказать, что въ басняхъ Крылова, несмотря на ихъ народность, встрѣчаются имена и образы, заимствованные изъ классической древности. Изъ словъ г. Смирновскаго необходимо заключить, что эти имена и образы нѣсколько умаляютъ народность басенъ Крылова,—что въ сущности было бы невѣрно. Эта замѣченная мною нѣкоторая односторонность взгляда г. Смирновскаго въ вышеприведенныхъ словахъ его яснѣе обнаруживается въ его статьѣ подъ заглавіемъ „Народность басенъ Крылова“ (стр. 313—324). Въ ней авторъ, сказавъ, что „народность басенъ Крылова заключается какъ въ содержаніи, такъ и въ языкѣ“, разсматриваетъ ее сначала въ содержаніи, потомъ въ языкѣ. Различая въ содержаніи басни два элемента: аллегорію и мораль, г. Смирновскій относительно аллегоріи басенъ Крылова говорить слѣдующее: „Несмотря на то, что Крыловъ черпалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержаніе для своей аллегоріи не изъ русской жизни, несмотря на то, что онъ вводилъ въ нее иногда нерусскихъ животныхъ и вносилъ имена и образы, заимствованныя изъ міра классическаго,—все-таки у него цѣлыхъ 134 басни, вполнѣ свободныхъ отъ всякаго чуждаго нашей народности элемента, причѣмъ аллегорія очень многихъ изъ нихъ не только отличается указаннымъ отрицательнымъ признакомъ, но носить на себѣ и положительныя черты, указывающія, что она взята прямо изъ жизни русскаго народа. Такова, напимѣрь, аллегорія въ басняхъ: „Червонецъ“, „Крестьянинъ въ бѣдѣ“, „Крестьянинъ и Лисица“, „Крестьянинъ и Змѣя“ (все три подъ этимъ заглавіемъ?!), „Крестьянинъ и Смерть“, „Мельникъ“, „Крестьянинъ и Овца“, „Крестьянинъ и Лошадь“, „Крестьянинъ и Собака“, „Два Мужика“, „Три Мужика“ и т. п. (Замѣчу мимоходомъ, что г. Смирновскій пишетъ имена дѣйствующихъ лицъ въ басняхъ строчными буквами въ заглавіяхъ басенъ, если они не стоятъ въ началѣ). Очевидно, что г. Смирновскій полагаетъ народность содержанія басенъ Крылова въ томъ, что во многихъ изъ нихъ дѣйствующія лица берутся изъ русскаго простонародья. Онъ самъ говоритъ далѣе: „Русская же обстановка и русскіе люди видны и въ такихъ басняхъ, какъ

„Музыканты“, „Муха и Дорожные“. „Откупщикъ и Сапожникъ“, „Мотъ и Ласточка“. „Миронъ“, „Бѣлка“ (№ 190), „Хозяинъ и Мыши“, „Лисица и Сурокъ“ и многія другія“. Слѣдовательно, если въ аллегорію или въ самый разказъ басни входятъ русская обстановка и русскіе люди, то, по мнѣнію г. Смирновскаго, басня отличается народностью. Но вѣдь, русская обстановка, русскіе люди и русскіе мужики въ баснѣ представляютъ собою лишь внѣшніе признаки народности аллегоріи, и потому не могутъ сами по себѣ свидѣтельствовать вообще о народности послѣдней; потому что внутренняя сторона аллегоріи, то-есть самое изображеніе въ разказѣ дѣйствующихъ лицъ, ихъ обстановки, ихъ характера, ихъ образа мыслей и дѣйствій, можетъ оказаться совершенно чуждою или чуждымъ русской народности. Вѣдь и русскому мужику можно приписать въ баснѣ такія мысли и дѣйствія, которыя несвойственны ему ни какъ мужику, ни какъ русскому. Съ другой стороны, можно ввести въ аллегорію басни имена и образы хотя бы и изъ классической древности и сообщить ей (то-есть аллегоріи) такой смыслъ и такой видъ въ разказѣ, который вполне соотвѣтствуетъ требованіямъ русскаго народнаго ума и чувства; доказательствомъ могутъ служить басни Крылова: „Алкидъ“, „Ахиллесъ и Осленокъ“, „Лягушка и Юпитеръ“ и „Парнасъ“. Ясно, что народность басенъ Крылова въ ихъ содержаніи со стороны аллегоріи выяснена г. Смирновскимъ нѣсколько одно-сторонне, — и мнѣ кажется, что самъ авторъ чувствовалъ это, какъ показываютъ слѣдующія слова его (на 314 стр.): „Лишь желаніе дать отчетливое представленіе о народности аллегоріи Крылова“, говоритъ г. Смирновскій, „заставило насъ педантически отобразить всѣ тѣ басни, въ которыхъ есть хотя малѣйшая черта, не имѣющая отношенія къ русской жизни и природѣ“ (такихъ басенъ 66). „Но если взглянуть на дѣло безъ педантизма, то число отобранныхъ басенъ должно значительно уменьшиться. И въ самомъ дѣлѣ: неужели можно басню „Крестьянинъ и Работникъ“ признать лишленною народнаго колорита изъ-за того только, что Крыловъ сравнилъ русскаго силача съ *Геркулесомъ*? „Намъ кажется“, продолжаетъ г. Смирновскій, „что можно лишь сказать, что басня эта выиграла бы въ народности, если бы Крыловъ употребилъ какое либо иное сравненіе въ чисто русскомъ духѣ—и только; но признать ее чуждою нашей народности невозможно“. Правда! Но почему же именно нельзя „признать ее чуждою нашей народности“?—Вотъ этотъ-то вопросъ и не находить для себя отвѣта во взглядѣ г. Смирновскаго на народность басенъ Крылова.

По моему мнѣнію, если взглянуть на дѣло не то, чтобы „безъ педантизма“, какъ говорить г. Смирновскій, а—поправильнѣе, чѣмъ онъ взглянулъ на него, то, во-первыхъ, трудъ отбирания 66 басенъ Крылова отъ остальныхъ 134 по ихъ народности со стороны аллегоріи оказывается совершенно напраснымъ; во-вторыхъ, нельзя сказать даже и того, что басня „Крестьянинъ и Работникъ“ выиграла бы въ народности, если бы Крыловъ вмѣсто имени *Геркулеса* употребилъ въ ней имя совершенно въ русскомъ духѣ, хотя бы, напримѣръ, *Митьки*, парня силача, жившаго во времена Ивана Грознаго по свидѣтельству романа графа А. К. Толстаго „Князь Серебряный“, или имя другого какого либо русскаго силача, извѣстнаго какимъ нибудь образомъ Крылову: народность басни нисколько бы отъ этого не выиграла. Народность художественныхъ произведеній въ русской литературѣ опредѣляется не тѣмъ только, что въ содержаніе ихъ входятъ русская природа, русскіе люди и русская обстановка; а тѣмъ, что въ нихъ чувствуется выраженіе русскаго ума, русскаго чувства, словомъ, русской души писателя; поэтому народность произведеній обуславливается, съ одной стороны, силою личныхъ природныхъ дарованій писателя, съ другой, его русскимъ міросозерцаніемъ. Напримѣръ, какъ въ стихахъ Пушкина, написанныхъ въ 1821 году по поводу кончины Наполеона, бывшаго врага Россіи:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣчанную тѣнь!
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщавъ.

Чувствуется выраженіе русской души поэта, умѣющей великодушно прощать врагу причиненныя ей обиды; такъ и въ баснѣ Крылова „Осель и Соловей“ въ стихахъ:

Осель, уставясь въ землю лбомъ,
— „Изядно“, говорить: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ плѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился“.

Чувствуется выраженіе русской фантазіи поэта, создавшей въ нихъ образъ тупоумія именно русскаго невѣжды, который, не понимая того,

о чемъ задумалъ произнести свой судъ, съ глупою важностію добродушно указываетъ въ немъ, какъ на образецъ, на то, что обличаетъ въ критикѣ только его глупость и невѣжество.

Разсматривая далѣе народность басенъ Крылова относительно втораго элемента ихъ содержанія, или морали, г. Смирновскій говоритъ, что „она (то-есть мораль) является въ нихъ съ совершенно народнымъ характеромъ и въ этомъ отношеніи она вполнѣ сходна съ моралью нашихъ пословицъ: какъ тутъ, такъ и тамъ мораль основывается не на теоретическихъ соображеніяхъ, а на данныхъ пережитаго опыта. Какъ въ пословицахъ, такъ и въ басняхъ Крылова она опирается на то, что давно уже прозвали *заднимъ умомъ*, которымъ, по пословицѣ же, такъ крѣпокъ русскій человекъ“. Жаль, однако, что эти мысли оставлены безъ надлежащаго объясненія. Для болѣе опредѣленнаго и яснаго понятія о народности морали въ басняхъ Крылова слѣдовало бы посредствомъ тщательнаго изученія ихъ выяснитъ образъ мыслей, или взглядъ поэта хотя на одинъ вопросъ русской жизни, напримѣръ, на вопросъ о просвѣщеніи, и сравнитъ этотъ взглядъ съ пословицами русскаго народа. Тогда яснѣе можно было бы видѣть, насколько вѣрно Крыловъ отражалъ въ своемъ умѣ мудрость русскаго народа и выражалъ ее въ басняхъ. Особенно строгой провѣрки и объясненія требуетъ ходячая мысль, повторяемая многими, о какомъ-то *заднемъ умѣ*, замѣчаемомъ будто бы какъ въ русскіихъ пословицахъ, такъ и въ морали басенъ Крылова.

Переходя къ опредѣленію народности языка басенъ Крылова, г. Смирновскій выражается такъ: „но больше всего народность басенъ Крылова выразилась въ языкѣ“. Едва ли можно согласиться съ этимъ; по крайней мѣрѣ, доказать это трудно. При опредѣленіи народности языка басенъ, несмотря на богатство въ немъ словъ, грамматическихъ формъ и выражений живаго народнаго языка, нельзя выпускать изъ виду, что всѣмъ этимъ богатствомъ языкъ басенъ Крылова обязанъ главнымъ образомъ народности внутренняго ихъ содержанія, и что, благодаря именно этой послѣдней, становится особенно замѣтною и народность въ языкѣ басенъ. Вѣдь, если мысль поэта въ своемъ поэтическомъ образѣ не имѣетъ въ себѣ народнаго характера, то едва ли будетъ соответствовать ей въ точномъ выраженіи языкъ, отличающійся народностью; и едва ли при такомъ разладѣ между содержаніемъ и формою произведеніе можетъ быть художественнымъ; а басни Крылова отличаются замѣчательною художественностью. Далѣе г. Смирновскій, сказавъ, что „языкъ или точнѣе—слогъ басенъ Кры-

лова чрезвычайно богатъ элементами чисто русскаго, бойкаго, живаго народнаго языка“, указываетъ эти элементы: 1) со стороны лексической, 2) со стороны грамматическихъ формъ, 3) со стороны синтаксиса; кромѣ того дѣлаетъ еще выписки изъ басенъ Крылова, содержащія въ себѣ: I) народныя выраженія, II) пословицы и поговорки, заимствованныя Крыловымъ у народа, и III) выраженія Крылова, перешедшія въ народъ и занесенныя въ сборники пословицъ и поговорокъ.

Прочія четыре статьи г. Смирновскаго, о которыхъ было упомянуто выше, представляютъ собою небольшіе бѣглые очерки, составленные также на основаніи статей Плетнева, Никитенко и Грота. Въ нихъ г. Смирновскій даетъ вѣрныя понятія и сообщаетъ полезныя свѣдѣнія по вопросамъ объ оригинальности басенъ Крылова, объ ихъ историческомъ и общечеловѣческомъ значеніи и объ ихъ художественности. Всѣ эти статьи вмѣстѣ съ биографіею и примѣчаніями составляютъ весьма достаточный и хорошій матеріалъ для того, чтобы облегчить учащейся молодежи пониманіе басенъ Крылова и дать этому пониманію надлежащее правильное направленіе.

Самыя басни помѣщены между биографическими статьями и примѣчаніями (стр. 54—250) и расположены, какъ и слѣдовало расположить, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ печати, установленномъ г. Кеневичемъ. Въ концѣ книги есть „Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ“ (стр. 330—332), который дѣлаетъ пользованіе книгой легкимъ и удобнымъ.

Что касается до изданія собственно, то оно сдѣлано тщательно, на хорошей бумагѣ, и напечатано довольно четкимъ шрифтомъ, хотя мѣстами и довольно мелкимъ. Опечатки — весьма рѣдки, пишущему эти строки удалось замѣтить не болѣе девяти опечатокъ во всей книгѣ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Элементарный учебникъ минералогіи и основаній геологіи. Составилъ *М. Соловьевъ*, преподаватель Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища. 2-е изданіе, исправленное и дополненное, согласно съ программами *М. Н. П.* для реальныхъ училищъ. 1895 г. С.-Пб. Изданіе Риккера. 1898. VI + VI + 118 стр. Цѣна 80 к.

Въ предисловіи авторъ приводитъ дидактическія указанія, вырабатанныя имъ въ теченіе многолѣтней практики. Многія изъ этихъ правилъ могутъ быть полезны преподавателямъ, но нѣкоторыя вызываютъ замѣчанія.

Авторъ говоритъ, что одна изъ задачъ минералогіи изобразить общую картину жизни нашей планеты (стр. I). Но однимъ рассмотрѣніемъ геологической дѣятельности воды, атмосферы и вулканизма еще не исчерпывается вся жизнь земнаго шара; въ области геологіи не входитъ главное, что придаетъ жизнь нашей планетѣ, а именно органическій міръ: растенія и животныя.

Далѣе авторъ перечисляетъ (стр. III, § 8) все, что слѣдуетъ сообщить про минералъ и между прочимъ объ „измѣненіяхъ, происходящихъ въ минералѣ при различныхъ условіяхъ“. На самомъ же дѣлѣ въ учебникѣ объ этихъ измѣненіяхъ говорится при очень немногихъ минералахъ. На стр. IV, § 12) совѣтуетъ выяснить при рассмотрѣніи известковаго шпата и мрамора отношеніе между минераломъ и горной породой; но въ учебникѣ въ статьѣ объ этихъ минералахъ говорится только, что мраморъ нерѣдко образуетъ собою горную породу и — больше ничего.

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ § 23 „При поднятіи въ верхніе слои атмосферы дѣлается холоднѣе...“; но это не дидактическое указаніе, оно совсѣмъ не подходитъ къ прочимъ приѣмамъ, которыхъ авторъ предлагаетъ держаться при прохожденіи минералогіи.

За предисловіемъ идетъ общая описательная минералогія. Авторъ знакомитъ съ основами кристаллизаціей, главнѣйшими кристаллическими формами, законами кристаллизаціей, физическими и химическими свойствами минераловъ, а послѣ того описываетъ сначала неметаллическіе, а затѣмъ металлическіе минералы. Въ заключеніе сообщается основанія геологіи, говорится о формѣ и строеніи земного шара, геологической дѣятельности атмосферы, воды и организмовъ, о явленіяхъ вулканизма и описываются горныя породы.

Достоинства учебника краткость, ясность и сжатость изложенія, вѣрность сообщаемыхъ фактовъ, соотвѣтствіе примѣрной программы реальныхъ училищъ, прекрасный шрифтъ и бумага, хорошіе рисунки и недорогая цѣна; тѣмъ не менѣе можно сдѣлать нѣсколько замѣчаний относительно содержанія и изложенія учебника.

Въ общей части слѣдовало бы подробнѣе изложить кристаллографію, по крайней мѣрѣ между формами правильной системы слѣдовало бы упомянуть 48-ми гранникъ и пентагональный додекедръ.

При описаніи минераловъ авторъ обыкновенно упоминаетъ только, къ какой системѣ относятся кристаллическія формы, но не указываетъ самыхъ формъ. Такъ на стр. 30 говорится, „алмазь кристаллизуется въ формахъ правильной системы. Кристаллы обыкновенно являются съ выпуклыми гранями и часто имѣютъ шарообразную форму“, а что онъ кристаллизуется правильнымъ октаэдромъ, гранатоэдромъ и т. д. объ этомъ ни слова, на стр. 42-й при описаніи кварца не упоминается о характерныхъ формахъ, въ которыхъ онъ кристаллизуется; за то много говорится о бриллиантѣ и почти на двухъ страницахъ описывается употребленіе кварца. Вообще авторъ придаетъ много значенія практической сторонѣ; но если важно знать, какъ добывается желѣза изъ рудъ, то едва ли слѣдуетъ минералогіи говорить, что графитъ на примѣръ идетъ на смазку машинъ (стр. 32), соль употребляется въ медицинѣ (стр. 36), изъ доломита получается горькая слабительная соль (стр. 38), упоминать о средней производительности машинъ для промыванія золота (стр. 71), составъ свинцовой примочки (стр. 86) и т. под.

Если при описаніи минераловъ мало говорится объ ихъ формахъ, за то достаточно мѣста отводится химическимъ свойствамъ. Но уче-

ники 5-го класса. гдѣ проходится минералогія, знакомятся съ химическими свѣдѣніями въ курсѣ физики крайне элементарными. Сомнительно, чтобы было имъ понятно все, что касается напримѣръ химическаго измѣненія полеваго шпата (стр. 51) или сѣрнаго колчедана (стр. 83), а потому вмѣсто того, чтобы слишкомъ много удѣлять мѣста утилитарной стороны, лучше было бы посвятить хотя не большую главу химическимъ соединеніямъ.

Многое въ учебникѣ отмѣчено мелкимъ шрифтомъ, какъ не обязательное для изученія; но напрасно въ этотъ шрифтъ отнесена статья о такомъ важномъ минералѣ, какъ сѣра, скорѣе бы слѣдовало все, что касается практическаго употребленія минераловъ, напечатать мелкимъ шрифтомъ, чтобы тѣмъ самымъ отличить несущественное отъ главнаго.

Авторъ нѣсколько злоупотребляетъ выраженіемъ: жизнь. Мы, уже раньше видали, какъ онъ односторонне понимаетъ жизнь нашей планеты. На стр. 50 подъ § 41 встрѣчаемъ статью: „жизнь полевыхъ шпатовъ“, которая на самомъ дѣлѣ приводится только къ химическому измѣненію этого минерала при дѣйствіи на него воды, содержащей углекислоту. Съ своей точки зрѣнія авторъ правъ, такъ какъ въ выноскѣ сообщается, что „подъ жизнью здѣсь разумѣется совокупность физикохимическихъ процессовъ“, но едва ли можно съ этимъ согласиться: жизнь свойственна только живымъ организмамъ (растеніямъ и животнымъ) и рѣзче всего выражается въ ростѣ и развитіи, чего не замѣчается въ минеральномъ царствѣ.

Наконецъ послѣднее общее замѣчаніе касается ссылокъ на различныя сочиненія, въ которыхъ подробнѣе изложено то, о чемъ авторъ говоритъ, какъ напримѣръ на химическую технологию Вагнера (стр. 79), „Горный Журналъ“ (стр. 68) и т. под. Эти ссылки излишни въ учебникѣ, едва ли кто-нибудь изъ учащихся обратится за справками къ названнымъ сочиненіямъ.

Изъ частныхъ замѣчаній укажемъ на слѣдующія:

На стр. 29 подъ главою II помѣщена описательная минералогія, но описаны только неметаллическіе минералы, а затѣмъ вѣроятно по недосмотру минералы металлическіе отнесены къ главѣ III; послѣдніе тоже должны быть отнесены къ описательной минералогіи.

На стр. 1-й читаемъ, что неорганическія тѣла или минералы образовались безъ участія растений и животныхъ; но вѣдь мѣль, торфъ, каменный уголь обязаны своимъ происхожденіемъ организмамъ.

Стр. 5. „Кристалловъ чрезвычайно много, по этому ихъ подраздѣлили на 6 системъ“—не кристалловъ, а кристаллическихъ формъ.

Стр. 72. „Въ природѣ платина встрѣчается пока только самородная“; слово: „пока“ можно отнести не къ одной платинѣ, а ко всѣмъ минераламъ и организмамъ; что мы знаемъ про нихъ, знаемъ только пока, а что узнаемъ впоследствии, еще не извѣстно.

Стр. 91, „Разрушительное дѣйствіе температуры особенно рѣзко выражается въ горныхъ странахъ, гдѣ породы, нагрѣтыя солнцемъ, быстро охлаждаются воздушными теченіями“. Не совсѣмъ понятно, почему произойдетъ такое быстрое охлажденіе въ горахъ, да притомъ уже если приводить дѣйствіе температуры на породы, то слѣдовало бы указать на Африку, гдѣ у озера Ньясса, по словамъ Ливингстона, камни, сильно нагрѣтые солнцемъ, до такой степени охлаждаются ночью, что трескаются съ сильнымъ взрывомъ.

Мѣстами попадаются въ учебникѣ неудачныя выраженія и описки. На стр. 3: „образуются кристаллики сѣры... на стѣнкахъ кратера вулкановъ въ концѣ (?) ихъ изверженія“; на стр. 13: ассиметрическая“, вмѣсто асимметрическая; стр. 42: „подставки, называемые“ (?); стр. 70: „чугуннымъ (?) наконечниками“; стр. 40: „чтобы не впасть въ ошибку, твердость служить лучшей гарантіей“; стр. 80: Желѣзный штатъ... чувствительно (?) растворяется“; стр. 84: „безцвѣтенъ, но большею частью (?)... окрашенъ“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ слѣдующемъ изданіи слѣдовало бы выпустить на стр. 44 — 45 слѣдующее: „Императоръ этими яицами христосуется съ своими приближенными... фарфоровыя яица дѣлаются на Императорской фарфоровой фабрикѣ около С.-Петербурга, но фарфоровыя яица, хотя и во много разъ дороже яшмовыхъ, но при христосованіи Государя ставятся нѣсколько ниже яшмовыхъ“.

Учебникъ началъ математики. Составленъ по министерскимъ программамъ для средне-учебныхъ заведеній *А. Н. Воробьевымъ*, преподавателемъ математики въ Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ и Сарапульской женской гимназій. Часть I. Элементарное счисленіе. Алгебраическое (или буквенное) счисленіе. Алгебра (теорія элементарныхъ уравненій). Алгебраическій элементарный анализъ. Съ приложениями: 1) основаній теоретической ариметики, 2) методовъ рѣшенія ариметическихъ задачъ, 3) таблицъ четырехзначныхъ логарифмовъ, 4) одной таблицы чертежей и 5) собранія задачъ (около 1500). Казань. 1896. Стр. XXIV+VII+445. Цѣна 1 рубль.

Книга, длинное заглавіе которой мы выписали, представляетъ учебникъ алгебры, предназначаемый авторомъ для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Авторъ въ

длинномъ и претенціозномъ предисловіи находить, что всё наши учебники „ни по духу, ни фактически не удовлетворяютъ современному положенію педагогическаго дѣла у насъ въ Россіи“; авторъ находитъ, что „всѣ эти учебники или простой переводъ съ французскаго или замаскированная передѣлка французскихъ авторовъ. „Но хорошо ли у насъ то, что хорошо во Франціи?“ спрашиваетъ авторъ и, находя, что наша школа составлена по образцу германской, отвѣчаетъ, что „и учебниковъ-образцовъ намъ слѣдуетъ искать не во Франціи, а въ Германіи“. Авторъ не указываетъ, какой германскій учебникъ вдохновлялъ его при составленіи книги, имѣющей, по словамъ автора, цѣлю „дать въ руки ученикамъ книгу полную (,) но не пространную, дешевую, но составленную согласно министерскимъ программамъ и объяснительной запискѣ, и содержащую въ научномъ изложеніи все то, что требуется для среднеучебныхъ заведеній“.

И вотъ, авторъ, руководясь этою цѣлю и, кромѣ этого, своими взглядами на методъ преподаванія математики и тѣми требованіями, которыя „должно требовать отъ математики въ школахъ“, составилъ разсматриваемую книгу. Авторъ въ предисловіи подробно излагаетъ упомянутые взгляды и требованія. Предисловіе это мы разсматривать не будемъ, хотя оно, повидимому, очень учено и очень хорошо и переполнено именами; тутъ мы встрѣчаемъ и Шохоръ Троцкаго и Коменскаго, и Евтушевскаго и Платона, и Милля и Ермакова, и т. д., и т. д., и все это оканчивается Виргилиевымъ: „quod potui feci“, и т. д. Не въ предисловіи дѣло, а въ томъ, каковъ написанный учебникъ. Замѣтимъ однако, что и въ предисловіи насъ удивили двѣ вещи:

1) авторъ говоритъ, что обычное доказательство дѣленія многочлена на одночленъ мало удовлетворительно и похоже на доказательство того, что $-3 = +3$, ибо $(-3)^2 = (+3)^2$.

Авторъ не понимаетъ слѣдующаго: при доказательствѣ тождества:

$$(a + b - c) : p = \frac{a}{p} + \frac{b}{p} - \frac{c}{p}$$

никогда не оперируютъ надъ обѣими частями доказываемаго тождества (это дѣлаютъ только плохіе ученики), а поступаютъ такъ:

$$\left(\frac{a}{p} + \frac{b}{p} - \frac{c}{p}\right) \cdot p = a + b - c,$$

а отсюда и заключаютъ о справедливости тождества, подобно тому, какъ заключаютъ о справедливости равенства $\sqrt{4} = \pm 2$, изъ равен-

ства $(+2)^2 = 4$. Что-же автору здѣсь не нравится? Это прекрасно, и приводимая авторомъ аналогія не представляетъ аналогіи. Насъ, разумѣется, очень интересовало доказательство автора, и что же мы нашли на стр. 21? Нашли слѣдующее: авторъ хочетъ показать, что не имѣютъ мѣста неравенства:

$$1) \quad (a + b - c + d) \cdot \frac{1}{p} < \frac{a}{p} + \frac{b}{p} - \frac{c}{p} + \frac{d}{p},$$

и для этой цѣли умножаетъ обѣ части неравенствъ на p , что даетъ невозможныя неравенства

$$(a + b - c + d) < a + b - c + d,$$

отсюда авторъ заключаетъ о невозможности неравенствъ (1). Возра- зимъ автору его аналогіями:

$$-3 > -5, \text{ отсюда } (-3)^2 > (-5)^2, \text{ т. е. } 9 > 25,$$

что нелѣпо; слѣдовательно, невозможно неравенство $-3 > -5$.

2) На стр. XIX предисловія мы прочитали: „нѣсколько иначе дѣло обстоитъ въ курсѣ алгебраическаго анализа: желаніе предста- вить и этотъ курсъ въ стройномъ видѣ (,) совершенно разбивается о произвольный выборъ его частей, что не разъ уже указывалось критикой. Но принявъ во вниманіе, что курсъ этотъ практическій, а слѣдовательно въ немъ выборъ зависитъ всецѣло отъ жизненныхъ условій, я, желая дать какъ ученикамъ, такъ и учителямъ такую книгу, которая удовлетворяла бы всѣмъ *министерскимъ требованіямъ*, строго держался установленныхъ программъ. Но такъ какъ ни спо- собъ изложенія, ни расположеніе матеріала не указано точно, а только намѣчено, то я позволилъ себѣ измѣнить и то и другое. Желая дать нѣчто, и болѣе научное и болѣе удобное, мы въ основу всего курса полагаемъ теорію предѣловъ; изъ нея выводимъ съ помощью метода неопредѣленныхъ коэффиціентовъ формулы Макъ-Лорена и Тайлора (научно, но безъ общаго члена), и т. д.“

По поводу этого замѣтимъ автору:

1) министерскія программы не только не требуютъ изученія ря- довъ Макъ-Лорена и Тайлора, но просто запрещаютъ это,

2) напрасно авторъ думаетъ, что его выводы указанныхъ фор- мулъ строги; они не только нестроги, а просто не выдерживаютъ критики

3) напрасно авторъ смѣшиваетъ общій членъ ряда съ дополни- тельнымъ членомъ.

Прочитавъ длинное и претенціозное предисловіе автора, мы приступили къ чтенію алгебры и на первой страницѣ, которая должна изучиться учениками 3 класса на первомъ урокъ алгебры, нашли, вопреки цитированнымъ авторомъ въ предисловіи дидактическимъ правиламъ А. Коменскаго: 1) выжидать надлежащаго времени, 2) идти шагъ за шагомъ отъ легкаго къ трудному, 3) „не обременять“, слѣдующее:

„§ 1. Какъ въ практической жизни, такъ и въ наукѣ весьма часто приходится встрѣчаться съ такими задачами, рѣшеніе которыхъ обыкновеннымъ путемъ не только затруднительно, но и прямо невозможно (напримѣръ: найти число, если извѣстно, что произведение $\frac{1}{2}$ его на $\frac{1}{4}$ его же на $\frac{7}{8}$ меньше половины его).

Были сдѣланы попытки привести такія задачи въ систему по типамъ, такъ что, рѣшивъ какую нибудь задачу даннаго типа, и запомнивъ способъ рѣшенія, можно по этому шаблону дѣлать какую угодно изъ задачъ даннаго типа. Такимъ образомъ возникли, напр. правила: тройныя, цѣпное, смѣшеній, товарищества... Средневѣковая схоластическая школа имѣла еще больше такихъ правилъ, но современная наука стремится по возможности избавиться отъ таковыхъ, найдя общій методъ рѣшенія задачъ какого угодно вида, такъ какъ съ одной стороны обиліе методовъ, всегда нѣсколько искусственныхъ, неудобно, а съ другой стороны этими методами не можетъ исчерпываться все разнообразіе задачъ. Такой общій методъ былъ найденъ. Начало было положено грекомъ Діафантомъ, затѣмъ много для развитія его потрудились арабы, но окончательно выработанъ онъ былъ лишь въ XVII столѣтіи европейцами. Методъ этотъ состоитъ въ составленіи и рѣшеніи уравненій. Та часть науки, которая занимается изученіями способовъ составленій и рѣшеній уравненій, называется *алгеброю* и т. д.“

Прочитавъ эту страницу, мы сразу пришли къ заключенію, что книга Г. Воробьева не годится для школы. Перелистывая книгу, останавливаясь случайно на томъ и другомъ мѣстѣ, мы встрѣтили:

На стр. 6. Рѣшеніе задачи въ такой формѣ.

число p ., за которое продали вино $\times \frac{\text{число бочек} \times \text{число ведеръ въ бочкѣ}}{\text{число вед. въ бочкѣ} - \text{кол. подлит. воды}}$ — стопм. вин. $\frac{1}{100}$ стоимость вина.

На стр. 19. Если многочлены симметричны, т. е. имѣютъ очень много подобныхъ членовъ, расположенныхъ въ извѣстной системѣ, то

для большаго удобства нахожденія подобныхъ членовъ въ многочленахъ дѣлають перестановку членовъ такъ, чтобы, подписавъ одинъ подъ другимъ, имѣть подобные члены одинъ подъ другимъ.

На стр. 25. Квадратъ многочлена равенъ суммѣ квадратовъ всѣхъ членовъ плюсъ удвоенныя произведенія каждаго члена на каждый.

На стр. 27. Всѣхъ способовъ разложенія многочлена на сомножители только четыре.

Теорема 11. Если какое нибудь буквенное выраженіе или число входитъ во всѣ члены, то его можно вынести за скобку.

Доказательство. Положимъ надо вычислить $ax + bx - cx$. Обобщая понятіе о коэффициентѣ, можно принять, что $ax = x + x + x + \dots + x$ и т. д.

На стр. 38. Теорема. Сумма четныхъ степеней ни на что не дѣлится, и т. п.

На стр. 39. Общимъ наибольшимъ дѣлителемъ двухъ или нѣсколькихъ чиселъ или алгебраическихъ выраженій называется наибольшее изъ такихъ чиселъ или алгебраическихъ количествъ, на которыя всѣ они дѣлятся безъ остатка.

На стр. 51. Встрѣчаемъ такое доказательство равенства $A + (-a) = A - a$:

$$A + (-a) = A + (0 - a) = A + 0 - a = A - a.$$

На стр. 92. Дано: $x = \sqrt[n]{a}$. Требуется доказать, что $(\sqrt[n]{a})^n = a$.

Если $x = \sqrt[n]{a}$, то $x^n = a$, или подставивъ вмѣсто x его значеніе $(\sqrt[n]{a})^n = a$, и т. д.

На стр. 107, 108 излагается способъ извлеченія квадратныхъ корней; онъ не выдерживаетъ критики, ибо на примѣръ, отъ условія $x^2 \simeq 372661$, нельзя заключить, что $x = 610$.

На стр. 138. Итакъ, если x число положительное или отрицательное, то уравненіе $x^2 = -a$ невозможно. Но, въ силу свойства алгебры всѣ свои результаты обобщать, примемъ, что это уравненіе возможно, но x тогда должно быть числомъ особаго рода. Числа этого рода называются мнимыми. Возьмемъ уравненіе $i^2 = -1$; сравнивъ его съ даннымъ, видимъ, что $x^2 = ai^2$, откуда $x = \sqrt{ai}$.

На стр. 147. Логарифмическая функція есть функція непрерыв-

ная, то есть такая, что если весьма мало изменить b , то весьма мало изменится логарифмъ.

На стр. 211. Всѣ физическія тѣла обладаютъ тѣмъ свойствамъ, что ихъ одно или нѣсколько. Тѣла, лишеннаго этого свойства, мы вообразить не можемъ. Это есть первое основное свойство тѣлъ: оно называется *численностью*.

Физическое тѣло, отъ котораго отвлечены всѣ свойства, кромѣ численности и того, произвольно выбраннаго, по которому мы желаемъ составить данную группу тѣлъ, называется *единицей*.

На стр. 173. Точно такой же характеръ относительности имѣютъ термины: конечныя, весьма малыя, весьма большія величины. Одна и та же постоянная величина можетъ быть названа и конечной и весьма малой и весьма большой, смотря по величинѣ другихъ входящихъ количествъ; такъ, напр., 1 ар. вообще (то есть сравнительно съ человѣкомъ) конечная величина и т. д.

Знаки препинанія въ цитированныхъ мѣстахъ принадлежать автору.

С. И. Корытинъ. Арифметика. Руководство для гимназій, реальныхъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ, женскихъ гимназій, институтовъ и городскихъ училищъ. Стр. II+160. С.-Пб. 1897. Цѣна 75 коп.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „работая надъ настоящимъ учебникомъ, мы старались составить курсъ краткій, *по возможности* строго обоснованный, старались систематизировать его и обобщить то, что, по нашему разумѣнію, подлежало этому обобщенію“. Къ сожалѣнію, старанія автора не увѣнчались успѣхомъ: курсъ вышелъ и не строго обоснованный, даже по „*возможности*“, и не краткій. Курсъ этотъ переполненъ неточностями, невѣрностями и излишними, вредящими дѣлу, длиннотами.

Обратимся къ доказательствамъ.

Стр. 9. Авторъ учить такимъ образомъ производить сложеніе однозначныхъ чиселъ: „Найти $7 + 8$? Дополняемъ 7 до 10, для чего нужно къ нему причистать 3 единицы. Остальныя 5 единицъ прибавляемъ къ 10 и получаемъ $10 + 5 = 15$, значитъ, $7 + 8 = 15$ “.

Оказывается, слѣдовательно, что ученикъ, вмѣсто того, чтобы сказать автоматически: $7 + 8 = 15$, долженъ, для выполненія сложенія $7 + 8$, сдѣлать два вычитанія и два сложенія.

Стр. 9. Читаемъ: „такъ какъ сумма не измѣняется отъ порядка сложенія, то мы можемъ производить сложеніе разными способами“.

Стр. 10. Авторъ начинаетъ говорить: „если уменьшаемое станетъ больше, наприѣръ на 2, а...“; казалось бы, что авторъ станетъ продолжать: „а вычитаемое меньше“, но авторъ продолжаетъ такъ: „а вычитаемое увеличится тоже на столько же и т. д.“. Нельзя не согласиться, что ученики не должны приучаться къ подобному языку.

Стр. 11. Авторъ очень любитъ употреблять слово: „разрядное число“ и говорить: „вычитаніе можно сдѣлать также, добавляя разрядныя числа вычитаемаго до разрядныхъ чиселъ уменьшаемаго“, причемъ даетъ примѣръ: $2904 - 1468; 8 \text{ да } 6 = (1)4$, и т. д.

Какое же тутъ дополненіе 8 до 6; это дополненіе равно ($- 2$), а здѣсь дополненіе до 14, и кто же такимъ образомъ станетъ производить вычитаніе?

Стр. 17. На стр. 15 авторъ даетъ обычное опредѣленіе умноженія, а на стр. 17, зачѣмъ-то, даетъ, въ случаѣ умноженія на 10, иное, опредѣленіе умноженія, а именно: „умножить на 10 значить каждую единицу множимаго увеличить въ 10 разъ, то-есть сдѣлать ее десяткомъ“.

Стр. 20. На этой страницѣ авторъ даетъ „упрощенія при умноженіи“, понимая подъ этими упрощеніями умноженіе не справа налѣво, а слѣва направо, и говорить, между прочимъ, совершенно непонятное: „на основаніи этого принятое расположеніе чиселъ при умноженіи даетъ возможность не писать лишній разъ частное произведеніе, если во множитель входитъ *идь-нибудь* цифра единицъ. Тогда множимое принимается за частное произведеніе“. Изъ примѣра, далѣе приводимаго, можно догадаться однако, что хочеть сказать авторъ.

Стр. 21. Авторъ пишетъ: „Если множителя увеличить или уменьшить на какое нибудь число, то произведеніе увеличится или уменьшится на число, которое получится, если множимое умножить на это число“. Мы это понимаемъ, но смѣемъ увѣрить автора, что ученикъ этого не пойметъ.

Стр. 22 и 23. На этихъ страницахъ авторъ, зачѣмъ-то, даетъ особые способы составленія произведеній чиселъ „близкихъ“, какъ выражается авторъ, „къ 1 съ нулями“, и предлагаетъ дѣтямъ заучить такое правило:

„Если мы отъ каждаго числа вычтемъ дополненіе другаго множителя до слѣдующей единицы высшаго разряда, къ разности прибавимъ столько нулей, сколько цифръ содержитъ данный множитель, и къ полученному числу прибавимъ произведеніе дополненій данныхъ чиселъ до разрядныхъ единицъ, то получимъ искомое произведеніе“.

Стр. 27. На этой страницѣ авторъ увѣряетъ, что дѣленіе есть *сокращенное вычитаніе*.

Смѣемъ увѣрить автора, что дѣленіе, во всѣхъ случаяхъ, не есть, по своимъ цѣлямъ, вычитаніе, а въ случаѣ дѣленія на части не есть вычитаніе и по смыслу.

На этой же страницѣ авторъ говоритъ: „чтобы найти число, которое *нацѣло* дѣлится на дѣлителя, нужно (?) изъ дѣлимаго вычесть остатокъ“.

А намъ бы казалось, что для этого достаточно дѣлителя умножить на какое ни есть цѣлое число.

Стр. 35. На этой страницѣ читаемъ нѣчто удивительное: „Если оба сомножителя одновременно *измѣнятся одинаковымъ образомъ*, то-есть оба увеличатся или оба уменьшатся, то *произведеніе* увеличится или уменьшится во столько разъ, сколько единицъ заключается въ произведеніи этихъ увеличеній или уменьшеній“.

Стр. 38. На этой страницѣ авторъ увѣряетъ: „Чтобы умножить число на 5 *нужно* (?) умножить число на 10 и произведеніе раздѣлить на 2“ и даетъ цѣлый рядъ подобныхъ предложеній, вездѣ говоря, что „*нужно*“.

Стр. 41. Здѣсь авторъ даетъ такое опредѣленіе величины: „величиною называется всякое свойство предмета или явленія, которое можетъ быть увеличено или уменьшено и, при этомъ, точно *измѣрено*“.

Стр. 43. Авторъ думаетъ, что звѣздный годъ имѣетъ 365 сутокъ 5 ч. 48 м. 48 с. и что этотъ звѣздный годъ и есть годъ гражданскій (тропическій). Советуемъ автору посмотриѣть внимательно какойнибудь учебникъ математической географіи.

Стр. 57. На этой страницѣ жирнымъ шрифтомъ напечатано: „очевидно, что общій наибольшій дѣлитель есть произведеніе всѣхъ общихъ дѣлителей данныхъ чиселъ“.

По автору, слѣдовательно, выходитъ, что общій наибольшій дѣлитель чиселъ 8 и 16 есть 64, ибо общіе дѣлители этихъ чиселъ суть 1, 2, 4, 8, и ихъ произведеніе именно равно 64.

Стр. 59. На этой страницѣ авторъ даетъ такое, напечатанное жирнымъ шрифтомъ, правило: „Чтобы розыскать наименьшее кратное данныхъ чиселъ, нужно разложить числа на первоначальныхъ производителей и взять произведеніе всѣхъ множителей съ *наивысшими показателями*“.

Стр. 70. На этой страницѣ авторъ даетъ такое неудобопонятное опредѣленіе умноженію на дробь: „умножить одно число на другое зна-

читать часть множимаго, выражаемую знаменателемъ множителя, повторить слагаемыхъ столько разъ, сколько единицъ въ числительѣ множителя“, а черезъ нѣсколько строкъ увѣряетъ: „умножить на правильную дробь значить уменьшить множимое, а умножить на неправильную дробь значить увеличить множимое“.

Стр. 93. На этой страницѣ читаемъ: „Значить, только тѣ дроби могутъ обратиться въ десятичныя, знаменатели которыхъ состоятъ или изъ двоекъ, или изъ пятковъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ“.

На той же страницѣ находимъ:

„Простая дробь не можетъ быть выражена точно въ десятичныхъ доляхъ, если въ составъ знаменателя ея не входятъ 2 или 5; или же если кромѣ двухъ или пяти входятъ еще и другіе простые сомножители“.

Эти мѣста не нуждаются въ комментаріяхъ. Хотя авторъ въ своемъ предисловіи и говоритъ, что его книга не есть самоучитель, а есть „учебникъ, который можетъ принести пользу только подъ руководствомъ преподавателя, который бы разъяснял его“, но мы, на основаніи выписанныхъ выдержекъ, смѣемъ думать, что и подъ руководствомъ преподавателя книга автора не принесетъ пользы тѣмъ ученикамъ, которые будутъ изучать ариметику по этой книгѣ.

Викторъ Острогорскій. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. (По Л. Эккарду). Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзія. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и для самообразования. Изданіе 3-е, вновь переработанное и дополненное. С.-Пб. 1897. Стр. XIV + IV + 106 + 76. Цѣна 1 руб.

Два первыхъ изданія этой книги, надъ которыми, вмѣстѣ съ г. Острогорскимъ работалъ покойный Н. Я. Максимовъ, были одобрены ученою критикой, первое — въ 1875 году, второе — въ 1877 году. Затѣмъ она вошла въ составъ „Опыта каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“. (Изд. 2-е, № 1170) и „Каталога книгъ для бесплатныхъ народныхъ читалень“. (Изд. 2-е, стр. 72); но рѣдко встрѣчается, такъ какъ давно распродана.

Потому всѣми, знающими книгу Эккарда въ переработкѣ гг. Максимова и Острогорскаго, новое изданіе ея было бы несомнѣнно встрѣчено съ привѣтомъ даже въ видѣ простой перепечатки 2-го изданія (значительно измѣненнаго сравнительно съ первымъ). Тѣмъ болѣе достойно привѣта настоящее изданіе, которое г. Острогорскій, просмотрѣвъ отзывы объ изданіяхъ 1875 и 1877 годовъ, подвергъ переработкѣ удачной и настолько значительной, что она вполне оправды-

ваетъ замѣну прежняго заглавія книги (*Л. Эккардтъ*. Руководство.. переводъ съ дополненіями Н. Максимова и В. Острогорскаго) новымъ—выписанномъ въ заголовкѣ рецензіи (*В. Острогорскій*. Руководство... по Эккардту).

Книга состоитъ изъ трехъ частей: 1) *предисловія*, 2) *руководства* къ чтенію поэтическихъ сочиненій по Л. Эккардту, и 3) *учебника* теоріи поэзіи.

Предисловіе, озаглавленное „О происхожденіи этой книги, 3-мъ ея изданіи и пользованіи ею“—выясняетъ, какія измѣненія сдѣланы въ новомъ изданіи, на какомъ основаніи, откуда составитель заимствовалъ матеріалъ и т. д. Всѣ эти поясненія даны толково, но нельзя не пожалѣть, что написаны они довольно торопливо и корректура предисловія очень небрежна. Это, конечно, мало существенно въ предисловіи, предназначенномъ не для учащихся, но можетъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе при первомъ ознакомленіи съ книгою.

Впечатлѣніе это, однако, сглаживается при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нею. Въ двухъ основныхъ частяхъ книги—во второй и третьей (въ „Руководствѣ“ и „Учебникѣ“) торопливость выступаетъ менѣе ярко, корректура безукоризненна.

„*Руководство*“ много выиграло отъ переработки: Эккардтъ подаетъ множествомъ вопросовъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ характеръ слишкомъ общій, отвлеченный; ставятся не ясно, неопредѣленно. У г. Острогорскаго ихъ много меньше, они поставлены лучше, и уяснены примѣрами; къ тому же пояснены преимущественно примѣрами изъ русской литературы. У Эккардта заимствованы только немногіе примѣры изъ иностранныхъ писателей, знакомство съ которыми необходимо для мало-мальски образованнаго человѣка (у Гомера, Шекспира, Гёте, Шиллера и т. д.); и притомъ изъ произведеній, имѣющихся въ дешевыхъ изданіяхъ въ извѣстнѣйшихъ хрестоматіяхъ.

Но особенно цѣннымъ вкладомъ въ учебную литературу нашу является „*Краткій Учебникъ* теоріи поэзіи“. Не смотря на краткость (всего 76 страницъ), онъ очень содержателенъ. Составителю легко было бы дать ему объемъ втрое, вдесятеро большій, наполнивъ его перепечатками, отрывками или перифразами статей, на которыя онъ указываетъ, предлагая преподавателю прочесть ихъ въ классѣ, или дать для прочтенія учащимся. Онъ не увлекся этою легкою работою, а предпочелъ указать нѣсколько удачно выбранныхъ статей, чтеніемъ которыхъ, безъ большой затраты времени, курсъ можетъ быть, при желаніи, расширенъ и оживленъ съ большимъ успѣхомъ.

На мой взглядъ учебникъ г. Острогорскаго, наконецъ, пополняетъ пробѣлъ, на который мы уже указывали не разъ. Курсъ словесности перенесенъ изъ V класса въ VIII уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а руководства по теоріи словесности, сообразнаго съ такой важной переменной въ постановкѣ дѣла, до сихъ поръ не выходило. Одни учебники, нѣкогда написанные для V класса, съ незначительными измѣненіями повторяли рутинное схоластическое перечисленіе видовъ произведеній эпическихъ, лирическихъ, драматическихъ, перечисляли тропы и фигуры, не умѣя коснуться вопросовъ *элементарной эстетики*, которые, пожалуй, были непосильны V классу. но при умѣломъ изложеніи, вполне доступны VIII классу; въ другихъ же руководствахъ (какъ, напримѣръ, въ почтенномъ руководствѣ г. Яковлева) развивались теоріи, слишкомъ отвлеченныя даже для VIII класса... Г. Острогорскій не забываетъ, что говорить съ молодыми людьми, которымъ черезъ годъ придется слушать университетскія лекціи; что въ VIII классѣ учебные планы предлагаютъ подвести итоги матеріалу, накопленному въ предыдущихъ классахъ для эстетическаго развитія учащихся, и прямо указываетъ, что въ основу своего учебника принялъ книгу того же Экардта, у котораго заимствовалъ вопросы въ „Руководствѣ къ чтенію“—*Vorschule der Aesthetik*;—что пользуется Лессингомъ, Шиллеромъ, Гёте, Тэнномъ, Гюйо, Бѣлинскимъ,—вообще стремится ознакомить юношей съ „великими мыслями“... но излагаетъ ихъ удобопонятно, просто, живо. На стр. VIII—XIV предисловія г. Острогорскій утверждаетъ, что прямо VIII класса въ виду не имѣлъ, но ту же работу, которая требуется нынѣ отъ VIII класса, въ восьмидесятихъ годахъ велъ постепенно, по мѣрѣ накопленія матеріала, въ классахъ V, VI, VII. Въ сущности учебные планы приглашаютъ поступать такъ же и теперь, и только объединять въ VIII классѣ выводы, подготовленные работою въ предыдущихъ классахъ.

Однако, мѣстами торопливое изложеніе портитъ впечатлѣніе, производимое прекрасною постановкой курса, потому желательны небольшія исправленія нѣкоторыхъ (немногихъ) мѣстъ въ слѣдующемъ изданіи. Тѣмъ же менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ учебникъ можетъ оказать большіе услуги при прохожденіи курса словесности въ VIII классѣ.

Съ учебникомъ г. Острогорскаго и съ достаточнымъ количествомъ экземпляровъ хрестоматіи Филонова, столь богатой цѣнными примѣчаніями, въ классной библіотекѣ, порядочный преподаватель, съ

небольшою затратою времени можетъ провести въ VIII классѣ курсъ теории словесности, способный оставить глубокой слѣдъ въ эстетическомъ развитіи учащихся ¹⁾).

Простота изложенія оправдываетъ и назначеніе книги для самообразованія. Дѣйствительно, она можетъ оказать содѣйствіе эстетическому развитію каждаго, кто захочетъ воспользоваться ею: сельскій учитель, болѣе развитой ученикъ городского училища, любознательный, любящій чтеніе поэтическихъ произведеній ученикъ V, VI, VII класса гимназіи—все найдутъ въ книгѣ г. Острогорскаго полезное и доступное руководство. Они, быть можетъ, не извлекутъ изъ нея такъ много, какъ можетъ извлечь ученикъ, который поработаетъ надъ нею съ хорошимъ преподавателемъ, но во всякомъ случаѣ, найдутъ въ ней многое себѣ на пользу.

¹⁾ Такой курсъ особенно можетъ быть проведенъ удачно, если преподаватели классовъ V, VI и VII умѣло пользовались ею, предусматривая синтетическую работу, ожидающую учащихся въ VIII классѣ. Большую помощь эстетическому литературному развитію учащихся можетъ оказать и пользованіе въ средѣмъ возрастѣ прекраснымъ трудомъ г. Мартыновскаго: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школы“.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1897 ГОДУ.

14-го мая минувшаго 1897 г., въ годовщину Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, была произведена торжественная закладка студенческаго общежитія, которое сооружается по Большой Грузинской улицѣ на средства, дарованныя Государемъ Императоромъ, въ присутствіи великаго князя Сергѣя Александровича и великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны, министра народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Делянова, начальства учебнаго округа, профессоровъ и студентовъ университета, представителей правительственныхъ и общественныхъ учрежденій Москвы и почетныхъ жителей древней столицы. Государь Императоръ, въ отвѣтъ на посланную по сему поводу телеграмму, соизволилъ осчастливить Его Императорское Высочество Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора и Императорскій Московскій университетъ слѣдующею телеграммою: „Радуюсь совершившейся закладкѣ будущаго общежитія студентовъ при старѣйшемъ русскомъ университетѣ. Твердо увѣренъ, что при надлежащей постановкѣ дѣла и умѣломъ руководствѣ учрежденіе это вполнѣ оправдаетъ возлагаемыя Мною на него надежды. *Николай*“.

Немногими днями ранѣе закладки общежитія, 2-го мая минувшаго года удостоено Высочайшаго утвержденія „Положеніе о студенческихъ общежитіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и о

Комитетъ для содѣйствія устройству сѣкъ общежитій“. Положеніе это, дающее прочныя основы благому дѣлу устройства быта московскаго студенчества, проводится нынѣ въ жизнь Московскаго университета при дружномъ содѣйствіи почетныхъ членовъ, преподавателей и бывшихъ питомцевъ Московскаго университета и при поддержкѣ со стороны просвѣщеннаго московскаго общества, которое относится съ неизмѣннымъ сочувствіемъ къ истиннымъ интересамъ Московскаго университета. Въ число основателей Комитета, учреждаемаго подъ покровительствомъ Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора, пожелалъ, между прочимъ, внести свои имена: министр народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деяновъ, министр финансовъ С. Ю. Витте, министр юстиціи Н. В. Муравьевъ, государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, государственный секретарь В. К. фонъ-Плеве, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода В. К. Саблеръ, гофмейстеръ Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, сенаторъ А. Ѳ. Кони, помощникъ командующаго войсками московскаго округа М. П. Даниловъ, московскій губернаторъ А. Г. Булыгинъ, московскій городской голова кн. В. М. Голицынъ, московскій губернский предводитель дворянства кн. П. Н. Трубецкой, предсѣдатель губернской земской управы Д. Н. Шаповъ, купеческій старшина С. А. Булочкинъ, представители различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений столицы и многіе именитые жители Москвы. Единновременныя пожертвованія на устройство общежитій достигли въ настоящее время суммы 122.825 р., что, вмѣстѣ съ капиталомъ въ 300.000 р., дарованнымъ Государемъ Императоромъ, составляетъ сумму въ 422.825 руб. Сверхъ того, отдѣльными жертвователями предложены постоянные въ пользу общежитій ежегодные взносы, всего на сумму 3.900 руб. въ годъ.

Въ минувшемъ году, 2-го ноября, происходило торжественное освященіе храма во имя св. Архистратига Михаила, сооруженнаго при университетскихъ клиникахъ на Дѣвичьемъ полѣ на средства заслуженнаго ординарнаго профессора А. М. Макѣева. Храмъ этотъ, обошедшійся болѣе 100.000 р. и являющийся истиннымъ украшеніемъ клиническаго городка, достойно завершилъ обширное и сложное дѣло сооруженія Московскихъ университетскихъ клиникъ. Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ 11-й день прошлаго октября Высочайше соизволилъ на объявленіе заслуженному профессору Макѣеву Высочайшей благодарности за сдѣланное имъ щедрое пожертвованіе и личные его труды по сооруженію храма.

Къ 1-му января 1898 года въ Московскомъ университетѣ состояло слѣдующее число преподавателей: профессоръ богословія 1; ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 15 (въ томъ числѣ 4 выбывшихъ изъ числа штатныхъ профессоровъ), на физико-математическомъ 15 (въ томъ числѣ 3 выбывшихъ изъ числа штатныхъ профессоровъ), на юридическомъ факультетѣ 13 (въ томъ числѣ 2 выбывшихъ изъ числа штатныхъ профессоровъ и 1 сверхштатный, не получающій содержанія), на медицинскомъ факультетѣ 16 (въ томъ числѣ 9 выбывшихъ изъ числа штатныхъ профессоровъ), итого 60; экстраординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 4, на физико-математическомъ 5, на юридическомъ 2, на медицинскомъ 21 (въ томъ числѣ 9 сверхштатныхъ, не получающихъ содержанія), итого 32; прозекторовъ 5, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 3. Привать-доцентовъ при университетѣ состояло всего 140, а именно: на историко-филологическомъ факультетѣ—24; на физико-математическомъ факультетѣ—34; на юридическомъ факультетѣ—11; на медицинскомъ—71. Общее число преподавателей къ концу 1897 года, считая какъ штатныхъ и сверхштатныхъ профессоровъ и преподавателей, такъ равно стороннихъ преподавателей и привать-доцентовъ было 240. Астрономъ-наблюдатель и 1 прозекторъ состоятъ въ числѣ привать-доцентовъ.

Изъ опредѣленныхъ университетскимъ уставомъ 1884 года каедръ въ Московскомъ университетѣ оставались вакантными слѣдующія каедръ: по физико-математическому факультету—агрономіи, по юридическому факультету—церковнаго права и по медицинскому факультету—медицинской химіи, исторіи и энциклопедіи медицины, судебной медицины, акушерства, хирургической патологіи и хирургической госпитальной клиникки; предметы второй, третьей, пятой, шестой, седьмой и восьмой каедръ читались профессорами Павловымъ, Булыгинскимъ, Нейдингомъ, Макѣевымъ, Сеницынымъ и Левшинымъ.

Лицъ занимавшихъ преподавательскія должности къ 1-му января 1898 года состояло 315, изъ нихъ занимали штатныя должности 130 и сверхштатныя—185.

Изъ числа преподавателей Московскаго университета въ теченіе 1897 г. назначены: привать-доценты: Истривъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Новороссійскаго университета по каедрѣ русскаго языка и русской литературы, Чирвинскій—экстраординарнымъ профессоромъ Юрьевскаго университета по каедрѣ фармакологіи, Петрушевскій—экстраординарнымъ профессоромъ Варшав-

скаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи, Щепкинъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко—по кафедрѣ всеобщей исторіи, Гусаковъ—экстраординарнымъ профессоромъ Варшавскаго университета по кафедрѣ гражданского права и Стрѣльцовъ—директоромъ Елецкой гимназіи. Привать-доцентъ и сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ физики Улянинъ переведенъ привать-доцентомъ по физикѣ и физической географіи въ Казанскій университетъ. Прекратилъ чтеніе лекцій привать-доцентъ университета по медицинскому факультету докторъ медицины Никитинъ.

Вступили въ число преподавателей Московскаго университета въ качествѣ привать-доцентовъ: бывший экстраординарный профессоръ Новороссійскаго университета, докторъ всеобщей исторіи Випперъ—по кафедрѣ всеобщей исторіи, доктора медицины: Лысенковъ—по кафедрѣ оперативной хирургіи, Линдеманъ—для преподаванія методики патологическихъ изслѣдованій, Яковлевъ—клинической хирургіи, Алелековъ—діагностики, патологіи и терапіи нервныхъ болѣзней на амбулаторныхъ больныхъ, Зеренинъ—хирургической діагностики, Предтеченскій—практическаго курса клинической микроскопіи, магистранты: Эварницкій—русской исторіи, Грушка—классической филологіи, Дорошевскій—химіи и Раевскій—полицейскаго права.

Изъ числа почетныхъ членовъ Московскаго университета умеръ въ 1897 г.: 31-го іюля—ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета Фѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (род. 13-го апрѣля 1818 г.); 5-го апрѣля 1897 г. умеръ заслуженный профессоръ по кафедрѣ офталмологіи Густавъ Ивановичъ Браунъ (род. въ 1827 г.), 13-го ноября 1897 г. умеръ заслуженный профессоръ по кафедрѣ механики, Фѳедоръ Алексѣевичъ Слудскій (род. 31-го января 1841 г.), 23-го декабря 1897 г. умеръ заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ факультетской терапевтической клиники Григорій Александровичъ Захарьинъ (род. 8-го февраля 1830 г.), привать-доценты Лангъ, Аппельротъ, Шестаковъ, Миллеръ, лекторъ французскаго языка Гемиліанъ и хранитель зоологическаго музея Корчагинъ.

Въ 1897 году въ число почетныхъ членовъ Московскаго университета были избраны: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ Фѳедоръ Александровичъ Бредихинъ, завѣдывающій зоологическою станціею въ Неаполѣ профессоръ докторъ Антонъ Дорнъ, министръ финансовъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Сергѣй Юліе-

вичъ Витте, предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Мартыновичъ Сольскій и государственный контролеръ, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Тертій Ивановичъ Филипповъ.

Списокъ ученыхъ трудовъ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета — отдѣльныхъ изслѣдованій, статей, рефератовъ, докладовъ и т. д. заключаетъ не менѣе 500 названій; въ ученыхъ командировкахъ были 39 человекъ; практическія занятія со студентами вели: на историко-филологическомъ факультетѣ 12 преподавателей, на юридическомъ — 11, на физико-математическомъ — 38, на медицинскомъ — преподаваніе всѣхъ предметовъ непосредственно связано съ практическими занятіями.

На историко-филологическомъ факультетѣ семинаріи были по философіи и психологіи, русской, латинской и греческой словесности, по исторіи русскаго языка, по римской, средней и новой исторіи, по исторіи всеобщей литературы, по русской исторіи; на юридическомъ: по церковному, римскому, полицейскому, гражданскому, уголовному, финансовому и международному праву, по уголовному судопроизводству, по политической экономіи и статистикѣ; по международному праву (проф. гр. Камаровскій) предметомъ занятій служили: чтеніе и обсужденіе рефератовъ о китайско-японской войнѣ и о Шимоносекскомъ договорѣ, о междуусобной войнѣ въ Бразиліи за 1893—1894 г., о мирной блокадѣ, о Женевской конвенціи, о новѣйшихъ третейскихъ договорахъ (1883—1897 гг.) и разборъ нѣкоторыхъ казусовъ изъ современной международной практики.

На историко-филологическомъ факультетѣ сверхъ обязательныхъ положенныхъ по программѣ курсовъ читались еще слѣдующіе: „Исторія преподаванія древнихъ языковъ“ (прив.-доц. Адольфъ), „Исторія римской имперіи“, „Исторія папства и Италіи въ средніе вѣка“ (проф. Карелинъ), „Исторія Германіи въ XIX вѣкѣ“ (прив.-доц. Фортуна-товъ), „Культурная исторія Франціи въ XIX вѣкѣ“ (прив.-доц. Ивановъ), „Эпоха Фридриха Великаго“ (прив.-доц. Щепкинъ), „Отношеніе Малой Россіи и Запорожья къ Москвѣ въ XVI—XVIII в.“ (прив.-доц. Эварницкій), „Исторія южныхъ славянъ“ (прив.-доц. Лавровъ), „Исторія русской словесности XVIII и XIX вв.“ (прив.-доц. Александровъ), „Исторія французской литературы до конца XVI вѣка“, „Исторія американской литературы“ (проф. Стороженко), „Исторія западно-европейской драмы и вліяніе ея на русскую“ (проф. Веселовскій), „Исторія искусства XIX вѣка“ (прив.-доц. Мироновъ),

„Историческая географія Россіи“ (прив.-доц. Любавскій), „Методика географіи“ (прив.-доц. Михайловскій) и „Общая этнографія“ (прив.-доц. Харузинъ).

Въ 1897 г. Московскій университетъ возвелъ въ ученые степени слѣдующихъ лицъ: доктора римской словесности Корша въ виду высокихъ достоинствъ печатныхъ трудовъ его по сравнительному языковѣдѣнію, — въ степень доктора сравнительнаго языковѣдѣнія; исправляющаго должность адъюнкты-профессора сельско-хозяйственнаго института въ Новой Александріи Вотчала, въ виду выдающихся достоинствъ представленной имъ на степень магистра диссертациі, въ степень доктора ботаники.

Въ степени доктора возведены: — магистры: Иванцовъ—зоологіи, Будде—русскаго языка и словесности, Озе—философіи. Истринъ—русскаго языка и словесности, князь Трубецкой—государственнаго права и Лахтинъ—чистой математики. Въ степень доктора медицины—лѣкаря: Дерюжинскій, Аванасьевъ, Лезинъ, Орловскій, Воронинъ, Стопницкій, Форбрихеръ, Марыновъ, Ющенковъ, Покровскій, Полушовъ-Ярусовъ, Ждановъ и Берестневъ. Въ степень магистра возведены: — кандидатъ Новгородцевъ—государственнаго права, Фирсовъ—русской исторіи, кандидатъ Жигаревъ—международнаго права, окончившій курсъ съ дипломомъ первой степени Глинка—минералогіи и геогнозіи и докторъ философіи Цюрихскаго университета Франкфуртъ—агрономіи. Въ степень магистра фармаціи—провизора: Эгельштейнъ и Красносельскій. Означенныя лица напечатали и публично защитили диссертациі: Вотчалъ — „О движеніи пасоки (воды) въ растеніи“, части I и II, Иванцовъ — „О строеніи, способѣ дѣйствія и развитія стрекательныхъ капсулъ целентератъ“, Будде—„Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи“, Озе—„Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце“, Истринъ — „Откровеніе Мефодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ, выпускъ I: Откровеніе Мефодія“, князь Трубецкой—„Религіозно-общественный идеалъ Западнаго христіанства въ XI вѣкѣ: идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ его современниковъ“, Лахтинъ—„Дифференціальныя резольвенты алгебраическихъ уравненій высшихъ родовъ“, Новгородцевъ — „Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба“, Фирсовъ—„Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка“, Жигаревъ—„Русская политика

въ восточномъ вопросѣ“, Глинка — „Глауконитъ, его происхождение, химическій составъ и характеръ вывѣтриванія“, Франкфуртъ — „О физиологической роли нѣкоторыхъ составныхъ частей сѣмянъ“, Эгельштейнъ — „*Nevea Brasiliensis Müller Argoviensis* (Гистолого-фармакогностическое изслѣдованіе ея)“, Красносельскій — „*Castilloa elastica Cervantes* и каучукъ ея“.

Кромѣ того утверждены: въ званіи инспектора врачебной управы — доктора медицины: Поповъ и Стрельниковъ; въ званіи акушера — лѣкаря: Ивановъ, Корде, Лутохинъ, Громыко и Васильевскій; въ степени кандидата — Шнатце; въ званіи уѣзднаго врача 224, въ званіи зубнаго врача 19, въ степени провизора 78, въ степени аптекарскаго помощника 98, въ званіи дантиста 4 и въ званіи повивальной бабки 158.

Лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ теченіе года состояло 43, изъ нихъ получили стипендіи: изъ суммъ министерства 10, изъ благотворительныхъ суммъ 9, остальные 24 стипендіями не пользовались. По факультетамъ эти стипендіаты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 12, изъ нихъ получали стипендіи 7, въ физико-математическомъ факультетѣ 22, изъ нихъ получали стипендіи 9 и на юридическомъ факультетѣ 9, изъ нихъ получали стипендіи 3. Были командированы министерствомъ за границу, по ходатайству университета, на минувшій и предыдущій годъ 7, изъ нихъ 3 съ содержаніемъ, а 4 безъ содержанія. Такимъ образомъ всѣхъ молодыхъ людей, приготавливающихся къ профессорскому званію, было 50. Собственно въ 1897 году для приготовленія къ профессорскому званію были оставлены при университетѣ: Котляревскій — по кафедрѣ всеобщей исторіи, Брайцевъ — по кафедрѣ чистой математики и Капелькинъ — по кафедрѣ сравнительной анатоміи — съ содержаніемъ; Кожениновъ — по кафедрѣ русской исторіи, Бритманъ и Марковъ — по кафедрѣ чистой математики, Станкевичъ — по кафедрѣ прикладной математики, Колли — по кафедрѣ физики, Шверинъ — по кафедрѣ зоологіи, Круберъ — по кафедрѣ географіи, Киселевъ — по кафедрѣ гражданскаго права, Поповъ — по кафедрѣ уголовнаго права, Шелатутинъ — по кафедрѣ исторіи русскаго права и Федотовъ — по кафедрѣ полицейскаго права — безъ содержанія; продолженъ срокъ оставленія при университетѣ на одинъ годъ окончившимъ испытанія съ дипломомъ первой степени: Алехину, Боголюбову, Вольтману, Дмитровскому, Кожошкину, Кольцову, Погорѣлову, Савину, Соболеву, Уварову, Фриче-Гунгеру, Хвостову и Шилову — безъ содержанія.

Въ истекшемъ академическомъ году для сочиненій на соисканіе студентами медалей были заданы слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ: а) по сравнительному языковѣдѣнію: „Спряжение въ старославянскомъ языкѣ, сравнительно со спряженіемъ языковъ греческаго, латинскаго и древнеиндійскаго“ и б) по русской исторіи: „Вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ въ Комисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія 1767—68 г.“; на физико-математическомъ факультетѣ: а) по чистой математикѣ: „Интегрированіе уравненій со смѣшанными разностями“ и б) по астрономіи: „О падающихъ звѣздахъ“; на юридическомъ факультетѣ: по церковному праву: „Понятіе ереси въ историческомъ развитіи и по современнымъ уголовнымъ законодательствамъ“ и на медицинскомъ факультетѣ: а) „Почечные камни, условія ихъ происхожденія, признаки существованія, исходы и хирургическое лѣченіе“ и б) „Различные виды плевритическихъ экссудатовъ и ихъ оперативное лѣченіе“. Награждены были за представленныя сочиненія на заданныя факультетами темы медалями: а) золотыми: окончившій испытанія въ физико-математической испытательной комисіи съ дипломомъ 1-й степени Писаревъ Владиміръ и студенты: физико-математическаго факультета, по отдѣленію математическихъ наукъ, VII семестра Егерманъ Рихардъ, юридическаго факультета VII семестра Гидуляновъ Павелъ и медицинскаго факультета IX семестра Васильевъ Сергѣй и Крымовъ Алексѣй; б) серебряными: окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета—Соколовъ Петръ и князь Голицынъ Николай, окончившій испытанія въ физико-математической испытательной комисіи—Нечаевъ Николай и студенты: историко-филологическаго факультета III семестра Яковлевъ Алексѣй и VII семестра Строевъ Василій, физико-математическаго факультета, по отдѣленію математическихъ наукъ, VII семестра Жарковъ Михаилъ, юридическаго факультета VII семестра Наумовъ Петръ и медицинскаго факультета IX семестра Терешенковъ Николай и Нецвѣтаевъ Семень. Студенты юридическаго факультета VII семестра Снѣговъ Степанъ и Черкасовъ Владиміръ и медицинскаго факультета V семестра Доброхотовъ Викторъ удостоены почетнаго отзыва.

Преміи имени почетнаго члена Московскаго университета и бывшаго профессора сего университета Александра Павловича Раздвѣтова: а) историко-филологическимъ факультетомъ присуждена магистранту (нынѣ приватъ-доценту) Аполлону Грушкѣ въ размѣръ 200 рублей и окончившему испытанія въ историко-филологической испытательной комисіи Николаю Теплову въ размѣръ 370 рублей и б) ме-

дицинскимъ факультетомъ назначена на 1898 годъ сверхштатному ординатору при факультетской хирургической клиникѣ, лѣкарю Анатолю Залогѣ. Премія имени Володи Павлова назначена медицинскимъ факультетомъ на 1898 годъ сверхштатному помощнику прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи, лѣкарю Владимиру Шамшину.

Премія имени Л. И. Поливанова историко-филологическимъ факультетомъ присуждена члену корреспонденту Императорской Академіи Наукъ А. Н. Пыпину за сочиненіе: „Исторія русской литературы“, т. I, а премія имени потомственного почетнаго гражданина В. П. Боткина—ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Э. Р. фонъ-Штерну.

Для соисканія преміи покойнаго заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета и бывшаго директора факультетской хирургической при ономъ клиники Василя Александровича Басова медицинскимъ факультетомъ назначена слѣдующая тема: „Hydroperphrosis“. (Условія происхожденія этого страданія, признаки, предсказаніе и различные способы хирургической помощи. Показанія къ операціи и критическая оцѣнка различныхъ способовъ операціи)“.

Стипендіи имени Ивана Ивановича Скворцова на 1898 годъ назначены: историко-филологическимъ факультетомъ командированному съ ученою цѣлью за границу магистранту Матвѣю Розанову и медицинскимъ факультетомъ: а) сверхштатному ординатору госпитальной терапевтической клиники, лѣкарю Дмитрію Бурмину, б) сверхштатному ассистенту неврологическаго музея имени А. Я. Кожевникова при клиникѣ нервныхъ болѣзней, доктору медицины Георгію Прибыткову и в) сверхштатному ассистенту психіатрической клиники, лѣкарю Сергѣю Суханову. Стипендія имени Володи Павлова историко-филологическимъ факультетомъ назначена на 1898 годъ оставленному при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи Михаилу Хвостову.

Въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ къ 1-му января 1898 года состоитъ студентовъ 4.418, стороннихъ слушателей 185 и аптекарскихъ помощниковъ, 179; всего, такимъ образомъ, слушателей въ университетѣ къ 1-му января 1898 года состоитъ 4782.

Число студентовъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, увеличилось на 212, стороннихъ слушателей на 109. Изъ числа стороннихъ слушателей 142 получили образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 43—въ среднихъ. Всего въ 1897 году принято 1.248 студентовъ. Съ 1-го января 1897 года по 1-е января 1898 года вышло

до окончанія курса 359 человекъ, на 30 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году и по окончаніи полнаго университетскаго курса 674 человека; менѣе чѣмъ въ прошломъ году на 90. Всего въ теченіе года выбыло 1.036 человекъ. Изъ общаго числа 674 окончившихъ курсъ, получили выпускныя свидѣтельства: на историко-филологическомъ факультетѣ—40 чел., на юридическомъ — 268, на физико-математическомъ — 112 (по отдѣленію математическихъ наукъ—62 и по отдѣленію естественныхъ—50) и по медицинскому факультету—254.

Въ 1897 году было выдано стипендій на сумму 156.227 р. 20 к. Въ первомъ полугодіи эта сумма была распредѣлена между 603 студентами, во второмъ — между 589. Размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 600 р. въ годъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи изъ числа 4.206 студентовъ 782, въ томъ числѣ на основаніи университетскаго устава 631 студентъ и казенно-коштныхъ — 151; во второмъ же полугодіи изъ 4.421 студентовъ освобождено на основаніи университетскаго устава 663 студента и казенно-коштныхъ—151, итого 814.

Въ минувшемъ году выдано было единовременныхъ пособій: въ первомъ полугодіи 582 студентамъ 18.094 р. 43 к. и во второмъ полугодіи 446 студентамъ 14.540 р. 76 к. Размѣръ пособій простирался отъ 4 р. 50 к. до 100 р. Кроме того изъ процентовъ съ капитала генералъ-маіора Митрипо внесено за слушаніе лекцій за четырехъ студентовъ въ первомъ полугодіи—184 руб. и за 5 студентовъ во второмъ полугодіи—223 руб. Денежныхъ пособій на руки студентамъ выдано 2419 р. 34 к. Ссудъ подъ стипендіи выдано 5.624 руб. 59 к., что вмѣстѣ съ оставшимися неуплаченными отъ прошлаго года 335 р. 11 коп. составляетъ 5.959 руб. 70 коп., въ возвратъ ихъ получено изъ университета 5.694 руб. 15 к., такъ что остается неполученныхъ ссудъ 265 руб. 55 коп.

Московскій университетъ отлично обставленъ учебновспомогательными учрежденіями; кроме своихъ обширныхъ и во многихъ отношеніяхъ образцовыхъ клиникъ, числомъ 18, онъ имѣетъ еще обсерваторію, ботаническій садъ, 11 кабинетовъ, 9 лабораторій, 6 музеевъ, 5 институтовъ. Нѣкоторые изъ этихъ учреждений имѣютъ чрезвычайно обширныя и цѣнныя коллекціи; такъ, въ зоологическомъ музеѣ считается до 88.000 №№, въ антропологическомъ свыше—14.000, въ географическомъ—7.400 и т. д.

Въ библіотекѣ къ 1-му января 1897 г. числилось 142.250 названій книгъ и періодическихъ изданій въ 242.572 тома и 21.490

тетрадахъ и отдѣльныхъ листахъ. Въ теченіе 1896 года, по 1-е декабря, поступило въ бібліотеку книгъ, брошюръ, періодическихъ изданій, атласовъ, картъ и рисунковъ, всего 3.442 тома и 276 тетрадей и отдѣльныхъ листовъ. Въ этомъ числѣ новыхъ названій 1.715 въ 1.914 томахъ и 96 тетрадяхъ и 1.528 тома и 180 тетрадей продолженій уже получавшихъ изданій и къ 1-му декабря 1896 года въ бібліотекѣ состояло 143.965 названій, въ 251.014 томахъ и 21.766 тетрадяхъ и отдѣльныхъ листахъ. Въ особыхъ бібліотекахъ: семинаріевъ при историко-филологическомъ институтѣ, въ студенческихъ бібліотекахъ математическаго и естественнаго отдѣленій физико-математическаго факультета, студенческой бібліотекѣ юридическаго факультета и студенческой медицинской бібліотекѣ, при отдѣльныхъ кабинетахъ и музеяхъ было до 40.000 книгъ, такъ что всего Московскій университетъ имѣетъ свыше 300.000 томовъ книгъ.

При Московскомъ университетѣ состояли 13 ученыхъ обществъ. Изъ нихъ Императорское Московское общество испытателей природы имѣло 77 почетныхъ членовъ, 494 дѣйствительныхъ и 36 членовъ корреспондентовъ; оно обмѣнивалось своими изданіями съ 711 учреждениями всего земнаго шара: съ 575-ю учреждениями Европы (въ томъ числѣ въ Россіи со 135 учреждениями, въ Германіи со 128, во Франціи 91 и т. д.), въ Америкѣ съ 98 учреждениями, въ Азій съ 18, въ Австраліи съ 11, въ Африкѣ съ 7 и въ Полинезій съ 2; въ истекшемъ году оно по прежнему издавало свои *Bulletin* и „Матеріалы къ познанію флоры и фауны Россійской Имперіи“; при содѣйствіи общества разныя лица производили геологическія, ботаническія и зоологическія изслѣдованія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Затѣмъ при Московскомъ университетѣ состояли: Императорское Общество Истории и Древностей Россійскихъ, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи, Общество любителей русской словесности, Математическое Общество, Физико-медицинское общество, Психологическое Общество, Московское юридическое Общество, Общество невропатологовъ и психіатровъ, Общество дѣтскихъ врачей, Историческое Общество, Московское терапевтическое общество и Акушерско-гинекологическое Общество.

Денежныя средства университета въ 1897 г. достигали 1.846.970 р. Эта сумма составила слѣдующимъ образомъ: по Высочайше утвержденной смѣтѣ и дополнительнымъ кредитомъ получено было: 1.193.668 р.; съ принадлежащихъ университету капиталовъ (до 4.068.454 р.)—получено процентовъ 171.700 р., суммъ сбора со студентовъ въ пользу

университета съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—367,368 р. и сборъ съ лѣжившихся въ больницахъ и клиникахъ, съ экзаменующихся формацевтовъ, за продажу растений изъ ботаническаго сада и т. п. — 114.234 р.—Изъ суммъ специальныхъ остается не израсходованными 31.146 р. Суммы, собираемая клиниками и больницами, расходуются преимущественно на ихъ же нужды; изъ другихъ статей расхода специальныхъ суммъ университета наиболѣе крупными являются: расходъ въ 140.791 р.—на постройку зданія библіотеки и квартирнаго корпуса, 65.138 р.—на хозяйственные расходы, 42.343 р.—на содержаніе учебновспомогательныхъ учреждений, 36.851 р.—на жалованье и плату служащихъ сверхъ штата и на дополнительное вознагражденіе профессорамъ и приватъ-доцентамъ, и т. д.

Въ 1897 г. капиталы университета увеличились на сумму 71.300 р. такъ какъ поступили слѣдующія пожертвованія: по завѣщанію врача дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Таирова—16.000 руб. на учрежденіе двухъ стипендій имени завѣщателя для выдачи ихъ бѣднѣйшимъ студентамъ. По завѣщанію вдовы поручика Елизаветы Ивановны Бенардаки—14.000 руб. на учрежденіе двухъ стипендій имени завѣщательницы для студентовъ безъ различія факультетовъ. По завѣщанію коллежскаго совѣтника Петра Александровича Коленіуса—8.000 руб. на учрежденіе одной стипендіи имени завѣщателя для студентовъ сыновей дворянъ Бѣлевскаго уѣзда или города по очереди съ однимъ изъ сыновей гражданъ г. Бѣлева недворянскаго сословія. Отъ служащихъ въ Московскомъ Земельномъ банкѣ—8.000 руб. на учрежденіе одной стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лазаря Соломоновича Полякова по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія нахождения его представителемъ означеннаго банка. На капиталъ въ 7.500 руб., собранный нѣкоторыми изъ представителей московскаго купечества, учреждена одна стипендія имени С. Ю. Витте для студентовъ Московскаго университета юридическаго и физико-математическаго факультета, разряда математическихъ наукъ. По завѣщанію вдовы коллежскаго совѣтника Александры Гавриловны Леоновой поступило 6.000 р. на учрежденіе одной стипендіи имени завѣщательницы для студентовъ изъ жителей г. Рязани или Рязанской губерніи. Отъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты—4.700 руб. на учрежденіе стипендіи имени Эспера Николаевича Сумбула, бывшаго товарища предсѣдателя московскаго окружнаго суда для студентовъ юридическаго факультета. Отъ дочери потомственнаго почетнаго гражданина Юліи

Михайловны Кувшиновой поступили—4.000 руб. на учрежденіе одной стипендіи имени покойнаго брата ея, кандидата правъ Московскаго университета М. М. Кувшинова, для студентовъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета или медицинскаго. Отъ присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты, состоящихъ присяжными стряпчими московскаго коммерческаго суда и присяжныхъ стряпчихъ онаго суда—3.100 руб. на учрежденіе одной стипендіи на юридическомъ факультетѣ имени предсѣдателя московскаго коммерческаго суда и доктора гражданскаго права Александра Ивановича Вицына въ ознаменованіе его 40-лѣтней научной и служебной дѣятельности.

Кромѣ того: потомственная почетная гражданка Юлія Ивановна Базанова пожертвовала возведенныя ею при существующемъ зданіи клиники ея имени по болѣзнямъ уха, носа и горла добавочныя постройки на сумму до 75.000 руб., съ внутреннимъ обзаведеніемъ. Вдова статскаго совѣтника Ѳекла Степановна Столбова пожертвовала 12.000 руб. на учрежденіе одной койки имени покойнаго сына ея студента Московскаго университета Семена Николаевича Столбова при психіатрической клиникѣ университета. Гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ пожертвовалъ музею изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III 12 мозаическихъ картинъ, представляющихъ точныя копии съ подлинниковъ базилики св. Марка въ Венеціи и образующихъ цѣлый фризъ около 20 метровъ длины.

На устройство студенческаго общежитія поступили слѣдующія пожертвованія. Единновременно: отъ Ю. С. Нечаева-Мальцева 20.000 р., ординарнаго профессора В. Ѳ. Снегирева 8.000 руб., по духовному завѣщанію вдовы полковника Евстохіи Петровны Степановой 9.000 р., отъ А. В. Морозова (по завѣщанію В. Е. Морозова) 5.000 р., С. И. Щегляева 1.500 р., А. Л. Лосева 1.500 р., Регины Дмитріевны Шлеингеръ и дѣтей ея 1.300 р. и отъ 25 другихъ лицъ—4.325 р.

3-го августа 1897 г., по открытіи памятника Н. И. Пирогову, сооруженнаго на собранныя по подпискѣ суммы, комитетъ по сооруженію памятника передалъ его въ собственность Московскаго университета.

II.

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1897 ГОДУ.

Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ къ 1-му января 1897 года состояли: профессоръ богословій (заштатный) 1, профессоровъ ординарныхъ 32, экстраординарныхъ 11, сверхштатныхъ экстраординарныхъ 5, заштатныхъ ординарныхъ 24, заштатныхъ экстраординарныхъ 1, лекторовъ восточныхъ языковъ 3, лекторовъ новыхъ языковъ 3 (изъ нихъ 2 привать-доценты), преподавателей по найму 3, привать-доцентовъ 94, исправляющій должность протектора 1, астрономъ-наблюдатель 1, препараторъ по каедрѣ физики 1, лаборантовъ и хранителей кабинетовъ — 48 (изъ нихъ 9 состоятъ привать-доцентами) всего 218. Распредѣленіе привать-доцентовъ по факультетамъ къ 1-му января 1898 года было слѣдующее: на историко-филологическомъ факультетѣ были 36 привать-доцентовъ, на физико-математическомъ 34, на юридическомъ 18, и на факультетѣ восточныхъ языковъ 7.

Въ теченіе 1897 г. въ составѣ преподавателей С.-Петербургскаго университета произошли слѣдующія перемѣны: уволены отъ службы: заслуженный орд. проф. Н. П. Кондаковъ по прошенію, за выслугою 30 лѣтъ учебной службы; орд. проф. В. В. Докучаевъ за болѣзнію по прошенію, по выслугѣ 25 лѣтъ учебной службы, орд. проф. университета Св. Владиміра А. В. Праховъ переведенъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ тѣмъ-же званіемъ по каедрѣ исторіи и теоріи искусства. Изъ числа привать-доцентовъ: С. О. Ольденбургъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каедрѣ санскритскаго языка и словесности; И. Л. Пташицкій назначенъ сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ по каедрѣ чистой математики; П. А. Земятченскій — экстраординарнымъ профессоромъ по каедрѣ минералогіи и геогнозіи. Заслуженные ординарные профессора: О. О. Мартенсъ и И. В. Помяловскій по выслугѣ 30 лѣтъ учебной службы отчислены изъ числа штатныхъ профессоровъ, первый — съ оставленіемъ на дальнѣйшей службѣ въ должности профессора, второй — согласно желанію и на основаніи ст. 105 Устава университетовъ 1884 г. — съ сохраненіемъ званія профессора, члена факультета и совѣта. Заслуж. орд. проф.

М. И. Горчаковъ оставленъ на дальнѣйшей службѣ на 5 лѣтъ по выслугѣ 35 лѣтъ учебной службы. Допущены къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцентовъ: по факультету историко-филологическому: И. И. Лапшинъ и А. Н. Нечаевъ—по кафедрѣ философіи, С. А. Венгеровъ—по кафедрѣ русскаго языка и литературы, С. В. Рождественскій—по кафедрѣ русской исторіи, Б. М. Меліоранскій—по кафедрѣ исторіи церкви, А. Л. Погодинъ—по кафедрѣ славянской филологіи; по физико-математическому факультету: Н. М. Маліевъ (д-ръ медицины)—по анатоміи, князь Н. П. Долгоруковъ—по астрономіи. К. Н. Декенбахъ—по ботаникѣ; по юридическому факультету: А. Ѳ. Коны (докторъ уголовного права) по кафедрѣ уголовного права, Л. І. Петражицкій—по кафедрѣ римскаго права, энциклопедіи и философіи права. Были приглашены преподавателями по найму: Шаохень-сюнь китайскаго языка и Минъ-кюнъ-шикъ корейскаго языка, но преподавали только въ первомъ полугодіи 1897 года; вмѣсто послѣдняго приглашенъ корейскій уроженецъ, состоящій при корейскомъ посольствѣ въ С.-Петербургѣ г. Кимъ-Пенъ-Окъ. Изъ состава приватъ-доцентовъ, кромѣ С. Ѳ. Ольденбурга, И. Л. Пташицкаго и П. А. Земятченскаго, назначенныхъ профессорами С.-Петербургскаго университета, выбыли: І. Е. Мандельштамъ—поступившій профессоромъ русскаго языка и словесности въ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ; П. Ф. Лесгафтъ, В. Э. Регель, О. Э. Леммъ, І. А. Шеборъ и М. И. Туганъ-Барановскій, прекратившіе чтеніе лекцій.

Изъ числа почетныхъ членовъ С.-Петербургскаго университета въ 1897 г. умерли: 8-го марта Аполлонъ Николаевичъ Майковъ (род. 23-го мая 1821 г.), 31-го іюля Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, ординарный академикъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета (род. 18-го апрѣля 1818 г.) и 29-го декабря гр. Иванъ Давидовичъ Деляновъ, статсъ-секретарь, министръ народнаго просвѣщенія (род. 30-го ноября 1818 г.).

Въ почетные члены С.-Петербургскаго университета въ 1897 г. избраны, въ виду выдающихся научныхъ заслугъ ихъ, слѣдующія лица: Его Королевское Величество Оскаръ II, Король Швеціи и Норвегіи, заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета Ѳедоръ Евгеніевичъ Коршъ, бывшій профессоръ Московскаго университета Борисъ Николаевичъ Чичеринъ и профессоръ Галльскаго университета Францъ фонъ Листъ.

Императорскимъ С.-Петербургскимъ университетомъ въ теченіе 1897 г. удостоены высшихъ ученыхъ степеней 13 лицъ: степени док-

тора—5, степени магистра—8, а именно: по историко-филологическому факультету: Н. Д. Чечулянь—степени доктора русской истории, по защищеніи диссертациі „Вышняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, 1762—1773 г.“; А. И. Сонни—степени доктора греческой словесности, по защищеніи диссертациі „Ad Dionem Chrysostomum Analesta“; Е. К. Рѣдинъ—степени магистра истории и теории искусствъ, по защищеніи диссертациі „Мозаики Равеннскихъ церквей“; С. В. Рождественскій — степени магистра русской истории, по защищеніи диссертациі „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI-го вѣка“; Л. Мсеріанць—степени магистра сравнительнаго языкознанія, по защищеніи диссертациі „Этюды по армянской діалектологіи“. Ч. I. Москва. — По факультету физико-математическому: Г. О. Вороной — степени доктора чистой математики, по защищеніи диссертациі „Объ одномъ обобщеніи алгорифма непрерывныхъ дробей“; Н. И. Андрусовъ—степени доктора минералогіи и геогнозиса, по защищеніи диссертациі „Ископаемая и живущія Dreissensidae Евразіи“; В. И. Вернадскій — степени доктора минералогіи и геогнозиса, по защищеніи диссертациі „Явленія скольженія кристаллическаго вещества“; К. К. Сентъ-Илеръ—степени магистра зоологіи, по защищеніи диссертациі „О блуждающихъ клѣткахъ въ кишечникѣ морскихъ ежей“; И. В. Мещерскій—степени магистра прикладной математики, по защищеніи диссертациі „Динамика точки перемѣнной массы“; Н. И. Каракашъ—степени магистра минералогіи и геогнозиса, по защищеніи диссертациі „Мѣловыя отложения сѣвернаго склона Кавказскаго хребта и ихъ фауна“. — По юридическому факультету; Пл. П. Соколовъ—степени магистра церковнаго права, по защищеніи диссертациі „Церковно-имущественное право Греко-Римской Имперіи“ и В. М. Грибовскій—степени магистра государственнаго права, по защищеніи диссертациі: „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ“.

Еженедѣльно въ С.-Петербургскомъ университетѣ читались лекціи и происходили практическія занятія въ теченіе 633 часовъ въ весеннее полугодіе и 680—въ теченіе осенняго полугодія (на историко-филологическомъ факультетѣ 158 и 166 часовъ, на юридическомъ—144 и 157, на физико-математическомъ—204 и 227 часовъ и на восточномъ—127 и 130). Изъ произведеній древне-классической литературы предметами изученія были: Письма Цицерона, Фасты Овидія, Satyricon Петронія и избранныя произведенія Катутла, біографіи Плутарха, оды Пиндара, „Семеро противъ Эивъ“ Эсхила, „Вакханки“ и

„Ипполитъ“ Еврипида, „Богатство“ Аристофана, избранныя мѣста изъ Поливія, Фукидида, Лукіана, Аристотеля, Πολιτεία Ἀθηναίων. Кромѣ обязательныхъ, положенныхъ по программѣ, объявлены были еще слѣдующіе курсы, рассчитанные частью на два, частью на одно полугодіе: „Филологическая энциклопедія“, „Римское государственное право“ (проф. Зѣлинскій), „Очерки исторіи греческаго письма“ (проф. Ернштедтъ), „Обзоръ вопросовъ сравнительнаго синтаксиса индоевропейскихъ языковъ“, „Синтаксисъ индоевропейскаго глагола“ (пр.-доц. Кудрявскій), „Исторія древнерусской переводной литературы“, „Судьба церковно-славянскаго языка“, „Нестерова лѣтопись“, „Слово о полку Игоревѣ“, „Исторія древней чешской литературы“ (проф. Соболевскій), „Гоголь“, „Русскіе духовные стихи“ (проф. Ждановъ), „Исторія русскаго языка XV—XVI вѣковъ“, „Исторія русскаго литературнаго языка петровскаго времени“ (пр.-доц. Волковъ), „Карамзинскій періодъ“, „Задачи и методы исторіи литературы“ (пр.-доц. Бороздинъ), „Введеніе въ эпосъ“, „Исторія русской повѣсти и романа“ (пр.-доц. Перетцъ), „Эпоха Бѣлинскаго“ (пр.-доц. Венгеровъ), „Исторія русскаго общества въ XVIII вѣкѣ“, „Главные направленія русской исторіографіи“ (пр.-доц. Лаппо-Данилевскій), „Исторія служилаго класса“, „Историческая географія Россіи“, „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ (пр.-доц. Середонинъ), „Документальное источниковѣдѣніе русской исторіи“ (пр.-доц. Лихачевъ), „Общество и государство въ древней Руси“ (пр.-доц. Рождественскій), „Германская колонизація славянскихъ земель“ (пр.-доц. Кедровъ), „Византийская исторіографія“ (проф. Васильевскій), „Историческая энциклопедія“, „Исторія XIX вѣка“ (проф. Карѣевъ), „Исторія нѣмецкой исторіографіи съ эпохи Возрожденія“, „Исторія Пруссіи въ XIX вѣкѣ“ (проф. Форстенъ), „Вѣкъ Комненовъ“ (пр.-доц. Регель), „Исторія Франціи до распадѣнія монархіи Карла Великаго (пр.-доц. Гревсъ), „Исторія древняго Востока“, „Исторія древней Эіопіи“, „Египтовѣдѣніе“ (пр.-доц. Тураевъ), „Историческая поэтика“ (проф. Веселовскій), „Исторія французской литературы“ (пр.-доц. Батюшковъ), „Исторія западно-европейской драмы“ (пр.-доц. Ланге), „Просвѣтительная и освободительная литература въ Англии и во Франціи въ XVIII и XIX вѣкѣ“ (пр.-доц. Вейнбергъ); читались курсы языковъ—испанскаго, англосаксонскаго, древне-саксонскаго, древне-верхне-нѣмецкаго, литовскаго, древнепрусскаго, чешскаго и сербскаго, также литературъ польской, чешской, сербской и литовской (пр.-доц. Браунъ, Лось, Вальтеръ, Погодинъ, Пташицкій). По фило-

софіи сверхъ программъ читались курсы: „французскій матеріализмъ XVIII вѣка“, „Французская политическая философія XVIII вѣка“ (пр.-доц. Вознесенскій), „Исторія педагогическихъ теорій“ (пр.-доц. Лапшинъ) и „Исторія психологіи XIX вѣка“ (пр.-доц. Нечаевъ). На юридическомъ факультетѣ сверхъ опредѣленныхъ по программѣ курсовъ читали: „Нотаріатъ въ Россіи“, „О преобразованіи торговыхъ судовъ“ (пр.-доц. Адамовичъ), „Вопросы кодификаціи русскаго гражданскаго права“ (пр.-доц. Каминка), „Введеніе въ науку политики гражданскаго права“ (пр.-доц. Петражицкій), „Исторія судебного краснорѣчія“ (пр.-доц. Тимофеевъ), „Судебная медицина, со включеніемъ основъ анатоміи и физиологіи человѣка“ (пр.-доц. Косоротовъ), „Судебная психопатологія“ (пр.-доц. Томашевскій), „Дворянскіе и городскіе наказы 1767 года“ (орд. проф. Латкинъ), „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ (пр.-доц. Дымша), „Общее ученіе о государствѣ“ (пр.-доц. Гессенъ), „Исторія науки полиціи“ (проф. Ведровъ), „О государственномъ кредитѣ“ (проф. Лебедевъ), „Исторія политической экономіи въ XVIII и XIX вѣкѣ“ (пр.-доц. Судейкинъ), „Пути сообщенія въ народномъ хозяйствѣ и государствѣ“ (орд. проф. Георгіевскій), „Очерки экономическихъ системъ“ (пр.-доц. Яроцкій).

На юридическомъ факультетѣ параллельные курсы читаемы были по слѣдующимъ предметамъ: по политической экономіи (проф. Георгіевскій и приватъ-доцентъ Исаевъ), по энциклопедіи права (приватъ-доценты Петражицкій и Грибовскій), по догмѣ римскаго права (приватъ-доценты Кремлевъ и Гриммъ), по русскому государственному праву (проф. Ивановскій и приватъ-доцентъ Свѣшниковъ), по статистикѣ (проф. Кауфманъ и приватъ-доцентъ Яроцкій), по уголовному праву (проф. Сергѣевскій и Фойницкій и приватъ-доцентъ Тимофеевъ), по финансовому праву (проф. Лебедевъ и Ходскій и приватъ-доцентъ Судейкинъ), по гражданскому праву (проф. Дювернуа и Гольмстенъ), по гражданскому судопроизводству (проф. Гольмстенъ и приватъ-доцентъ Адамовичъ) и по международному праву (проф. Мартенсъ и приватъ-доцентъ Симсонъ).

Списокъ ученыхъ работъ 104-хъ изъ числа профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго университета заключаетъ свыше 350 названій.

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1897 году было 90 человѣкъ. По факультетамъ они распредѣлялись такимъ образомъ: на историко-филологическомъ

факультетъ состояло 22, на физико-математическомъ 35, на юридическомъ 30, на факультетъ восточныхъ языковъ 3; изъ этого числа получали стипендіи 23, оставлены были при университетѣ безъ стипендій 97.

Студентовъ и постороннихъ слушателей къ 1-му января 1897 года числилось: студентовъ 3320, стороннихъ слушателей 72, а всего 3392; въ теченіе 1897 года поступило 1220 студентовъ (изъ гимназій 919, изъ университетовъ 69, изъ духовныхъ семинарій 11, изъ другихъ учебныхъ заведеній 61, вновь поступило бывшихъ студентовъ 160); выбыло 925 (по окончаніи курса 510, до окончанія курса 415), и къ 1-му января 1898 года числится — студентовъ 3615 и стороннихъ слушателей 85, а всего 3700.

Распределеніе студентовъ по факультетамъ къ 1-му января 1898 года было слѣдующее: состояло студентовъ: на факультетѣ историко-филологическомъ 163 (4,50%), на физико-математическомъ, на разрядѣ математическомъ 521 (14,40%), на разрядѣ естественномъ 705 (19,50%), а всего 1226 (33,90%), на юридическомъ 2085 (57,71%), на факультетѣ восточныхъ языковъ 141 (3, 89%).

Выпускныя свидѣтельства получили: по историко-филологическому факультету 40, по физико-математическому—164 (изъ нихъ по отдѣленію математическихъ наукъ—64, по отдѣленію естественныхъ наукъ—100), по юридическому факультету—294, по факультету восточныхъ языковъ—12. Всего 510 человекъ.

За сочиненія на тему „Организаціонная работа Наполеона I во Франціи въ эпоху консульства“ студентъ VIII семестра историко-филологическаго факультета Рейнгольдъ Бертольдъ получилъ серебряную медаль и студентъ VIII семестра историко-филологическаго факультета Георгій Казаринъ—почетный отзывъ. За сочиненіе на тему „Языкъ Святославова Изборника 1073 года“, авторъ его студентъ историко-филологическаго факультета VIII семестра Александръ Розенфельдъ получилъ золотую медаль и сочиненіе его постановлено напечатать въ запискахъ факультета. За сочиненіе на тему по исторіи русской литературы „Сказаніе Афродитіана Персянина сравнительно съ греческой повѣстью о событіяхъ въ Персидѣ“, авторъ его студентъ факультетовъ историко-филологическаго и восточныхъ языковъ VI семестра Павелъ Щеголевъ получилъ золотую медаль. За сочиненія на тему по чистой математикѣ „Объ интегрированіи дифференціаловъ, содержащихъ корень квадратный изъ цѣлаго полинома“ студентъ V семестра математическаго разряда физико-матема-

тического факультета Степанъ Богомоловъ получилъ золотую медаль, студентъ VII семестра математическаго разряда физико-математическаго факультета Николай Ефремовъ — серебряную, и студентъ VII семестра математическаго разряда физико-математическаго факультета Николай Кузминскій — почетный отзывъ. За сочиненія на тему по зоологiи „Изучить эмбриональное развитіе одного изъ низшихъ червей“ окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету естественнаго разряда въ 1897 году Георгій Арнольдъ получилъ золотую медаль и сочиненіе его постановлено напечатать на счетъ университета. Сочиненіе на тему по ботаникѣ „О выдѣленіи слизи растительными клѣтками“ студента естественнаго разряда физико-математическаго факультета Анатолія Зеленскаго, удостоено награды серебряною медалью. За сочиненіе „Таджики. Антропологическій очеркъ“, представленное на тему „Антропологическая характеристика какой либо народности Россійской Имперіи“ студентъ VI семестра физико-математическаго факультета разряда естественныхъ наукъ Сергѣй Маслоскій, удостоенъ золотой медали. За сочиненіе на ту же тему „Чуваши“ студентъ физико-математическаго факультета разряда естественныхъ наукъ VIII семестра Василій Лабутинъ удостоенъ серебряной медали. За сочиненіе на ту же тему „Антропологическая характеристика Жмудиновъ“ студентъ VI семестра физико-математическаго факультета разряда естественныхъ наукъ Павелъ Вышинскій получилъ почетный отзывъ. За сочиненіе на тему по химіи: „Представить историческій очеркъ и современное состояніе вопроса о строеніи терпеновъ“, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1897 году Николай Кестнеръ получилъ серебряную медаль. Согласно представленію физико-математическаго факультета совѣтъ присудилъ наградить студента VIII семестра сего факультета, естественнаго разряда, Живоина Юича преміей „въ память перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей 1868 года“ за его работы по химіи, напечатанныя въ „Журналѣ русскаго физико-химическаго общества“ въ 1897 году, а именно: 1) изслѣдованіе метиль-аллена; 2) синтезъ вторичныхъ α -трихлоркарбиноловъ и 3) трихлорметилъизопропилкарбинола и превращеніе обоихъ при дѣйстви воднаго раствора ѣдкаго кали. Изъ сочиненій, представленныхъ по исторіи философіи права на тему: „Политическое ученіе Руссо“, сочиненія студента VI семестра барона Бориса Нольде и студента VIII семестра Сергѣя Семенова награждены золотыми медалями; сочиненіе студента VIII семестра Зураба Аванова и VI се-

мистра Самуила Каменецкаго—серебряными медалями и сочиненія студентовъ IV семестра Ивана Тхоржевскаго, Регинальда Рудольфи, Владимира Котовича, Гораса Альтмана, Владимира Яковенко и Александра Френкеля—удостоены почетныхъ отзывовъ. За сочиненіе на тему „владѣніе правомъ“ студентъ VII семестра Вячеславъ Новиковъ удостоенъ почетнаго отзыва. За сочиненія на тему по политической экономіи „О доходѣ на капиталъ“ студентъ IV семестра Іосифъ Кулишеръ удостоенъ награды золотой медалью, студентъ VI семестра Андрей Рыкачевъ, VIII семестра Владимиръ Тудорскій и Николай Топоровъ награждены серебряными медалями. За сочиненія на тему „Переводъ и разборъ сказанія о Сары-Салтыкъ“ студенты VI семестра Сима Ефетовъ и Антонъ Сверхбинскій награждены серебряными медалями.

Для соисканія наградъ медалями въ 1899 году предложены слѣдующія темы: I. По историко-филологическому факультету. По философіи: а) Сравнительный анализъ ученій о свободѣ и детерминизмѣ воли Спинозы, Лейбница, Канта и Шопенгауера (на одинъ годъ), б) философія первыхъ славянофиловъ въ ея отношеніяхъ къ Шеллингу и Гегелю (на два года). По классической филологіи: а) Мнѣ о Мелеагрѣ въ литературѣ и искусствѣ (на одинъ годъ), б) значеніе данныхъ языка для вопроса о хронологіи діалоговъ Платона (на два года). По славянской философіи: Ома Штитный. Жизнь и литературная дѣятельность (на два года). По русскому языку: языкъ древнерусскихъ Миней 1095—1097 гг. (на одинъ годъ). По всеобщей исторіи: историческое и политическое міросозерцаніе Токвиля (на одинъ годъ). По русской исторіи: пути сообщенія въ Московской Руси въ связи съ потребностями государственной обороны и народнохозяйственной жизни (на одинъ годъ). По романогерманской филологіи: а) вопросъ о Мервингскомъ эпосѣ (на одинъ годъ), б) Реалистическій романъ въ Германіи XVII вѣка (на одинъ годъ), в) поэзія вагантовъ въ ея отношеніи къ началкамъ средневѣковой европейской лирики (на одинъ годъ), г) источники французскаго романтизма и иноземныя на него вліянія (на одинъ годъ). Сверхъ того остаются предложенныя въ 1897 году на два года темы: по славянской филологіи: отношенія Польши къ папству и имперіи до конца XIII—начала XIV вѣка. Сравнить съ тѣми же отношеніями Чехіи за тотъ же періодъ. По русской словесности: а) борьба съ татарщиной въ эпическомъ изображеніи русскихъ былинъ, б) очеркъ исторіи русской басни до Крылова. По физико-математическому факультету по астрономіи: „Опредѣленіе ор-

бить спектральныхъ двойныхъ звѣздъ"—на одинъ годъ, по физикѣ: „Объ опытныхъ опредѣленіяхъ электрическаго сопротивленія жидкостей"—на одинъ годъ, по минералогіи: „О законѣрности сростанія кристалловъ различныхъ неизоморфныхъ соединеній"—на одинъ годъ, по анатоміи и гистологіи животныхъ: „Строеніе головного мозга у хрящевыхъ рыбъ (Ganoidea)"—на одинъ годъ, по физиологіи животныхъ: „Продолжительность переживанія физиологическихъ аппаратовъ"—на два года, по агрономіи: „О почвѣ съ точки зрѣнія ея плодородія"—на одинъ годъ. Кроме того, продолженъ еще на 3-й (последній) годъ срокъ представленія сочиненій на премію имени проф. Ильенкова на общую (не-студенческую) тему по физической географіи и метеорологіи: снѣгъ и ледъ на равнинахъ прибрежныхъ и на внутреннихъ водахъ. Условія ихъ образованія, залеганія и таянія. Температура въ нихъ. Вліяніе на температуру почвы, воды и воздуха. Одновременно съ этой темой задается еще новая тема, согласно §§ 3 и 8 „Положенія о преміи проф. Ильенкова“, по ботаникѣ: изслѣдовать флору водорослей какого нибудь побережья одного изъ русскихъ морей съ обращеніемъ вниманія на біологію формъ.

III. По юридическому факультету: По гражданскому процессу: производство до слушанія дѣла въ гражданскомъ коллегіальномъ процессѣ по современнымъ законодательствамъ. По церковному праву: имущественное право вѣроисповѣдныхъ обществъ въ Россіи (на два года). По уголовному праву: условное осужденіе. По государственному праву: Бенжаменъ Констанъ. По полицейскому праву: дома трудолюбія. IV. По факультету восточныхъ языковъ. По еврейской словесности: „Сравнить каноническія положенія вселенской церкви касательно запрещенныхъ браковъ по родству съ соотвѣтствующими положеніями у караимовъ и талмудистовъ; разобрать основанія этихъ положеній и указать на историческія причины сходства церковныхъ положеній съ караимскими“. По армянской словесности: „Армянскій сборникъ житій святыхъ въ послѣдней литургической редакціи Григорія Церенца“. По исторіи востока: „Критическій разборъ теорій о происхожденіи Хунну китайскихъ лѣтописей“.

При Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ: бібліотека, музей древностей и изящныхъ искусствъ, минць-кабинетъ, астрономическая обсерваторія и кабинетъ, метеорологическая обсерваторія и кабинетъ физической географіи, кабинеты: практической механики, антропологіи и географіи, физическій, минералогическій, геологическій и палеонтологическій, агрономическій, зоологиче-

скій, зоотомическій, фізіологическій, анатоми-гистологическій, ботаническій съ криптогамическимъ отдѣленіемъ, садомъ и оранжерей, статистическій, юридическій, уголовного права, кабинетъ судебной медицины (какъ особое отдѣленіе анатомическаго кабинета) и химическая лабораторія, состоящая изъ отдѣленій: неорганической, органической и аналитической и технической химіи. Среди этихъ учрежденій первое мѣсто, конечно, занимаетъ библіотека. Въ 1897 году библіотека Императорскаго С.-Петербургскаго университета приобрѣла покупкою: 732 названія въ 2.181 томѣ на сумму 10.663 р. 64 к. Сверхъ того, библіотека получила въ даръ отъ разныхъ казенныхъ и частныхъ учреждений, русскихъ и иностранныхъ, отъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и частныхъ жертвователей: 8.530 названій, въ 12.728 томахъ. Всего прибыло 9.262 названій въ 14.909 томахъ; исключено изъ инвентаря 6 названій, въ 7-ми томахъ; къ 1-му января 1897 г. состояло 109.070 названій въ 244.852 томахъ — къ 1-му января 1898 г. состоятъ въ Библіотекѣ 118.326 названій въ 259.754 томахъ. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ истекшаго года было пожертвованіе г-жи Матченко, принесшей въ даръ университету всю библіотеку своего покойнаго дяди, извѣстнаго писателя Николая Николаевича Страхова. Изъ этой богатой цѣнными изданіями библіотеки было принято: 5.706 названій, въ 8.546 томахъ. Сверхъ того, въ библіотекѣ Н. Н. Страхова оказалось значительное число книгъ, уже имѣвшихся въ библіотекѣ университета: 2.171 названій, въ 3.907 томахъ. Такимъ образомъ, вся библіотека Н. Н. Страхова состоитъ изъ 7.877 названій въ 12.453 томахъ, не считая книгъ. возвращенныхъ г-жѣ Матченко, согласно съ ея желаніемъ: ей возвращены: цѣлый ящикъ съ рукописями и документами, всѣ книги, на поляхъ которыхъ были сдѣланы рукою покойнаго карандашныя отмѣтки, и всѣ изданія его сочиненій и сочиненій Фета, оказавшіяся въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Благодаря этому крупному пожертвованію, обогатились почти всѣ отдѣлы библіотеки университета, но особенно отдѣлы богословія, философіи, естествознанія и оккультизма (спиритизмъ, мистика, магія, алхимія и т. п.). Въ ней оказалось много цѣнныхъ изданій произведеній лучшихъ писателей Англии, Франціи, Германіи, Итали, Испаніи, Даніи и Россіи, много переводовъ классическихъ писателей Греціи и Рима, и наконецъ, цѣлый рядъ рѣдкихъ книгъ 15-го, 16-го и 17-го вѣковъ.

Въ минувшемъ же году поступила отъ вдовы академика и про-

фессора Константина Николаевича Бестужева-Рюмина вся его библиотека, отказанная имъ университету по духовному завѣщанію. Работы по описанію этой обширной и драгоценной библиотеки не могли быть закончены къ концу отчетнаго года; точно также осталось не оконченнымъ и описаніе значительнаго числа книгъ, принесенныхъ въ даръ вдовою директора 7-й С.-Петербургской гимназіи Авг. Ад. Гофмана, братомъ покойнаго ориенталиста Евгенія Каля и состоящимъ при русскомъ посольствѣ въ Китаѣ Н. О. Колесовымъ. Изъ русскихъ учреждений съ обычною любезностью продолжали высылать свои изданія — министерства финансовъ, юстиціи, земледѣлія и путей сообщенія, Императорская Академія Наукъ, Духовная Академія, Университеты, ученые Общества и т. д. Цѣнные изданія прислали въ обмѣнъ Общества Финляндіи: Финно-Угорское и Археологическое. Изъ иностранныхъ учреждений къ обмѣну изданіями примкнулъ университетъ „Пенсильванія“ въ Филадельфіи.

Сверхъ того, въ минувшемъ году Библиотекѣ принесли въ даръ значительное число книгъ нижеслѣдующія лица: Преосвященный Николай епископъ Алеутскій, бывшій ректоръ университета, академикъ и проф. П. В. Никитинъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія академикъ В. В. Латышевъ заслуженный профессоръ И. В. Помяловскій, Д. К. Бобылевъ, С. О. Платоновъ и др.

Въ концѣ года библиотека окончила печатаніе алфавитнаго каталога русскихъ книгъ (съ основанія библиотеки по 1895 г. включительно).

Въ минувшемъ году заявили желаніе пользоваться библиотекою и получили установленные на сей предметъ билеты 1.400 студентовъ и постороннихъ слушателей, не считая тѣхъ, которые продолжали пользоваться библиотекою по билетамъ, выданнымъ въ прошломъ году. Постороннихъ лицъ, пользовавшихся библиотекою со внесеніемъ залога, записалось вновь 22 человекъ, внесшихъ залога на сумму 615 руб. Всего пользовалось со внесеніемъ залога 67 человекъ и сумма внесеннаго ими залога равнялась къ 1-му января 1898 года 2.090 руб.

Всѣми посѣтителеми библиотеки затребовано было въ 1897 году. 33.825 названій, то-есть поступало около 195 требованій ежедневно, считая въ году 173 дня, назначенныхъ для выдачи книгъ.

Выдано было студентамъ, магистрантамъ, вольнослушателямъ и постороннимъ лицамъ 18.020 томовъ, а преподавателямъ и служащимъ въ университетѣ 6.411 томовъ.

Всего было выдано на домъ 24.431 томъ, не считая книгъ, которыя читались днемъ въ самой библиотекѣ.

Въ теченіе 1897 г. при С.-Петербургскомъ университетѣ основаны: криптологическое отдѣленіе въ ботаническомъ кабинетѣ и юридическій кабинетъ. Юридическій факультетъ 27-го октября постановилъ ходатайствовать объ учрежденіи юридическаго кабинета; 13-го декабря послѣдовало на это разрѣшеніе и, согласно представленію факультета, завѣдующимъ этимъ кабинетомъ назначенъ проф. Гольмстенъ.

Въ сравнительно очень короткое время удалось образовать настолько полную библіотеку и собрать такое количество юридическихъ актовъ, судебныхъ и административныхъ дѣлъ и т. п., что съ 15-го января сего года въ кабинетѣ начались занятія. Кабинетъ въ настоящее время обладаетъ 1.561 книгой, изъ коихъ 792 пожертвованы, 418—перенесены изъ фундаментальной библіотеки (дублеты) и 151—приобрѣтены на средства Кабинета. Наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣланы: К. П. Побѣдоносцевымъ, Н. Д. Сергѣевскимъ и Н. К. Мартыновымъ.

При С.-Петербургскомъ университетѣ существуетъ семь ученыхъ обществъ, а именно: Императорское С.-Петербургское общество естествоиспытателей, учрежденное 21-го декабря 1868 г.; Филологическое общество, учрежденное 4-го февраля 1869 г.; Юридическое учрежденное 22-го января 1877 г.; Русское физико-химическое, образовавшееся въ 1878 г. изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ обществъ—физическаго и химическаго и состоящее нынѣ изъ двухъ отдѣленій Русское антропологическое, учрежденное 10-го ноября 1887 г.; Неофилологическое, учрежденное 27-го сентября 1889 г.; Историческое учрежденное 18-го октября 1889 г.

Въ истекшемъ году учрежденъ уставъ восьмага ученаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ философскаго; оно еще не окончательно организовалось; нельзя не пожелать ему полнаго успѣха въ его высоко симпатичной задачѣ—служить разработкѣ философскихъ вопросовъ и распространенію интереса къ философіи въ русскомъ обществѣ.

Императорское С.-Петербургское Общество Естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ состояло подъ покровительствомъ Великаго Князя Александра Михайловича. Президентомъ общества былъ заслуженный профессоръ А. Н. Бекетовъ. Общество имѣло въ 1897 г. 4 общихъ собранія, на которыхъ были сдѣланы 2 сообщенія, а отдѣленія имѣли всего 19 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 40 сообщеній и 8 рефератовъ. Избрано въ 1897 г. 16 дѣйствительныхъ членовъ. Обществомъ было командировано 27 чело-

вѣкъ въ различныхъ мѣста Россіи. Общество напечатало слѣдующіе выпуски своихъ Трудовъ: XXVII т. в. 1 и в. 2, XXVIII в. 2 и в. 3, и XXV (по отд. Минералогіи и Геологіи). При обществѣ функционировали Соловецкая біологическая станція, на которой работали 9 человекъ и Бологовская озерная біологическая станція, на которой работали 4 человекъ. Общество выпустило 4-е изданіе „Программъ и наставленій для экскурсій и собраній коллекціи животныхъ, растений и проч.“ и предпріяло изданіе „Гербарія русской флоры“.

При Юридическомъ обществѣ возникла 23-го ноября русская группа международнаго союза криминалистовъ, предсѣдателемъ коей избранъ былъ проф. И. Я. Фойницкій.

Въ Неофилологическомъ обществѣ состояли къ 1-му января 1898 г. 4 почетныхъ члена и 137 дѣйствительныхъ; предсѣдателемъ его состоялъ проф. А. Н. Веселовскій; общихъ собраній оно имѣло 11; на нихъ заслушано было 26 рефератовъ. Лингвистическое отдѣленіе общества, подъ предсѣдательствомъ приватъ-доцента Булича, имѣло 6 засѣданій, на которыхъ доложено было 13 рефератовъ. Въ истекшемъ году при обществѣ учреждено еще педагогическое отдѣленіе, которое ставитъ себѣ задачей обсужденіе вопросовъ, касающихся преподаванія новыхъ языковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскаго, въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ, а также постановки преподаванія исторіи литературъ иностранныхъ и русской.

Въ Историческомъ обществѣ къ 1-му января 1898 г., состояли 274 дѣйствительныхъ членъ и 1 членъ-соревнователь. Дѣятельность Общества за отчетный годъ выражалась въ чтеніи и обсужденіи докладовъ, въ выпускѣ IX тома „Историческаго Обзорнія“ и подготовленіи къ печатанію X тома. Съ 5-го февраля по 12-е декабря 1897 года было 8 засѣданій Общества, при чемъ присутствіе публики было допущено, по желанію самихъ докладчиковъ, въ 6-ти изъ нихъ. Во всѣхъ этихъ собраніяхъ были сдѣланы 9 сообщеній.

Русское антропологическое общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ проф. Иностранцева, имѣло 98 членовъ; оно собиралось на 8 засѣданій, на которыхъ были сдѣланы 14 сообщеній. Въ теченіе 1897 г. 14 членовъ общества совершали путешествія съ научными цѣлями; г. Дриль былъ въ Австраліи и Новой Каледоніи, г. Пацуновичъ въ Абиссиніи, г. Коровяковъ въ Персіи, г. Романовскій на Синайскомъ полуостровѣ.

Въ истекшемъ 1897 году научными бесѣдами по предметамъ факультетскаго преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ

по прежнему руководилъ приватъ-доцентъ А. С. Лаппо-Данилевскій; на 9 бесѣдахъ, происходившихъ обыкновенно по два раза въ мѣсяцъ, было прочитано и обсуждено 16 сообщеній. Нѣкоторыя изъ бесѣдъ происходили въ присутствіи гг. профессоровъ и приватъ-доцентовъ: А. И. Введенскаго, И. М. Гревса, С. Л. Пташицкаго и Г. В. Форстена. Денежныя средства университета, достигшія въ 1897 г. 600.000 руб., состояли: 1) изъ штатныхъ суммъ, 2) изъ специальныхъ средствъ и 3) изъ стипендіальныхъ (нештатныхъ суммъ, высылаемыхъ въ С.-Петербургскій университетъ разными учрежденіями.

Изъ штатныхъ суммъ Университета, ассигнованныхъ по смѣтѣ 1897 г., а также изъ остатковъ отъ 1896 г., израсходовано было: а) на содержаніе личнаго состава Университета—232.725 р. 95 к. и б) на учебныя пособія, хозяйственные и др. расходы—124.614 р. 83 к.

На приходъ въ специальныя средства университета поступило въ 1897 году: 167.614 руб. 77³/₄ коп. (сборъ за слушаніе лекцій въ пользу университета, поступившій въ 1897 году, и остатокъ сего сбора отъ 1896 г. вмѣстѣ съ суммою, вырученною отъ продажи процентныхъ бумагъ). Расходъ изъ специальныхъ средствъ на содержаніе личнаго состава, на учебныя пособія, хозяйственные и другія нужды университета, составилъ въ 1897 году 165.736 рублей.

Въ теченіе года выдано I) стипендій: а) изъ суммъ Государственнаго Казначейства 162 студентамъ на сумму 50.058 р. 65 к., б) изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 112 студентамъ на сумму 24.780 р. 31 к. и в) изъ суммъ, высылаемыхъ разными учрежденіями, 49 студентамъ на сумму 12.146 р. 74 к.; а всего выдано стипендій 323 студентамъ на сумму 86.985 р. 70 к. и II) пособій изъ суммъ Государственнаго Казначейства 268 студентамъ на сумму 3.635 р., изъ специальныхъ средствъ 168 студентамъ на сумму 2.000 р. и изъ другихъ источниковъ 215 студентамъ на сумму 4.274 р. 75 к.; а всего 651 студенту на сумму 9.909 р. 75 к.

Кромѣ того освобождены были отъ платы въ пользу университета на основаніи существующихъ правилъ: въ первой половинѣ 1897 г. 601 студентъ на сумму 15.025 р., во второй половинѣ 1897 г. 635 студентовъ на сумму 15.875 р.

Въ 1897 году пожертвованы Императорскому С.-Петербургскому университету, для учрежденія на проценты съ нихъ стипендій и пособій, слѣдующіе капиталы:

1) Капиталъ имени бывшаго вице-президента Комитета Всероссийской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новго-

родѣ 1896 г. В. И. Ковалевскаго, собранный среди экспонентовъ и распорядителей выставки, въ 6.000 руб., проценты съ котораго подлежатъ выдачѣ въ видѣ пособій занимающимся химіею въ лабораторіи С.-Петербургскаго университета.

2) По духовному завѣщанію умершаго коллежскаго ассессора Н. Н. Аланда процентныя бумаги, наличныя деньги и денежныя требованія его. По выясненіи суммы завѣщаннаго имъ С.-Петербургскому университету капитала, уплатѣ расходовъ по охраненію завѣщаннаго и расходовъ по погребенію завѣщателя, оказалось, что С.-Петербургскому университету принадлежать 5.500 р. процентными бумагами и болѣе 1.000 руб. наличными деньгами. Проценты съ этой суммы подлежатъ выдачѣ въ стипендію, согласно завѣщанію, студенту изъ уроженцевъ Новгородской губерніи.

3) По духовному завѣщанію Великобританскаго подданнаго Ф. И. Кристофера въ пользу С.-Петербургскаго университета имѣеть поступить, по смерти жены и дочери г. Кристофера, капиталъ, около 4.500 р., проценты съ котораго предназначаются для взноса платы за тѣхъ студентовъ, которые за невзносъ таковой будутъ подлежать исключенію изъ университета.

4) По духовному завѣщанію генерала-отъ-артиллеріи В. И. Шпадіера С.-Петербургскій университетъ пользуется половиною дохода съ капитала въ 10.000 р. (номинальныхъ), хранящагося въ специальныхъ средствахъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія; причитающіяся университету суммы предназначаются для выдачи въ видѣ стипендій имени В. И. Шпадіера студентамъ университета — сыновьямъ штабъ или оберъ-офицеровъ артиллеріи.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1896 ГОДУ.

Всѣхъ классическихъ среднеучебныхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ въ 1896 г. было 14, въ томъ числѣ 10 гимназій (въ 1895 г.—9; вновь открыта гимназія въ г. Баку), 1 прогимназія шестиклассная и 3 прогимназіи четырехклассныя (въ 1895 г.—2; вновь открыта четырехклассная прогимназія въ г. Асхабадѣ, Закаспійской области). Такимъ образомъ къ 1-му января 1897 г. въ округѣ было 10 гимназій, изъ нихъ 7 въ Закавказскомъ краѣ (3 въ гор. Тифлисѣ и по одной въ губернскихъ городахъ Кутаисѣ, Елисаветполѣ, Эривани и Баку) и 3 на Сѣверномъ Кавказѣ (въ Ставрополѣ, Екатеринодарѣ и Владикавказѣ) и 4 прогимназіи, изъ которыхъ одна шестиклассная (въ Пятигорскѣ) и 3 четырехклассныя (въ Кутаисѣ, Новороссійскѣ и Асхабадѣ). Одна изъ названныхъ прогимназій, Кутаисская, въ предстоящемъ 1897 г. будетъ преобразована въ реальное училище, согласно Высочайше утвержденному 2-го декабря истекшаго года мнѣнію Государственнаго совѣта. Общее число нормальныхъ классовъ было, слѣдовательно, 111 (въ 1895 г.—90). Параллельныхъ классовъ къ концу отчетнаго года было 45.

Гимназіи округа имѣютъ полный восьмиклассный составъ, за исключеніемъ не вполне еще сформировавшейся Бакинской; изъ прогимназій вполне сформированы шестиклассная Пятигорская и четырехклассныя Кутаисская и Новороссійская, а вновь открытая Асхабадская

имѣть пока только приготовительный и I классы. Приготовительные классы существуютъ при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а въ трехъ Тифлисскихъ и Бакинской гимназіяхъ эти классы состоятъ изъ двухъ прогрессивныхъ отдѣленій, младшаго и старшаго, при чемъ въ Бакинской гимназіи каждое изъ этихъ отдѣленій имѣетъ еще по параллели. Параллельныя отдѣленія имѣются, главнымъ образомъ, при младшихъ, болѣе многочисленныхъ классахъ, и доходятъ въ Тифлисской 1-ой гимназіи—до VIII класса, въ Тифлисской 2-ой—до VII, въ Ставропольской—до VI, въ Кутаисской—до V, во Владикавказской и Екатеринодарской—до IV, въ Бакинской—до III, въ Елисаветпольской и Тифлисской 3-ей—до II класса, такъ что одна лишь Эриванская гимназія не имѣетъ вовсе параллелей. Изъ прогимназій одна только Кутаисская имѣетъ параллель къ 1-му классу, открытую въ отчетномъ лишь году.

Въ фундаментальныхъ бібліотекахъ всѣхъ гимназій и прогимназій къ концу отчетнаго года состояло 34.719 названій книгъ въ 81.091 томахъ на сумму 133.702 р., въ томъ числѣ въ отчетномъ году было прибрѣтено на 9.237 р. Число названій книгъ въ фундаментальныхъ бібліотекахъ гимназій колеблется отъ 939 (Бакинская) до 6.452 (Тифлисская 1-ая); въ прогимназіяхъ отъ 836 (Новороссійская) до 1.625 (Кутаисская). Асхабадская прогимназія совсѣмъ не имѣетъ фундаментальной бібліотеки.

Въ бібліотекахъ ученическихъ числилось 13.284 названій въ 23.431 томахъ на сумму 21.244 р., въ томъ числѣ въ отчетномъ году прибрѣтено на 2.230 р. Число названій книгъ въ ученическихъ бібліотекахъ гимназій колеблется отъ 521 (Екатеринодарская) до 2.223 (Елисаветпольская); въ прогимназіяхъ—отъ 427 (Новороссійская) до 764 (Пятигорская). Асхабадская прогимназія ученической бібліотеки не имѣетъ. Въ отдѣльныхъ пансіонскихъ бібліотекахъ, существующихъ при 5 гимназіяхъ съ пансіонами, числилось 7.770 названій въ 13.512 томахъ на сумму 20.944, въ томъ числѣ въ отчетномъ году прибрѣтено на 688 р. Итакъ къ концу отчетнаго года въ фундаментальныхъ, ученическихъ и пансіонскихъ бібліотекахъ вмѣстѣ состояло 55.773 названія въ 118.014 томахъ, стоимостью въ 175.890 р. (больше, чѣмъ въ началѣ года, на 12.076 р., или 7.4%).

Физическіе кабинеты 10 гимназій и Пятигорской шестиклассной прогимназіи заключали 4.217 приборовъ, на сумму 64.699 р., а собранія прочихъ учебныхъ пособій состояли изъ 16.116 предметовъ, на сумму 74.250 р.

На содержаніе всѣхъ 14 гимназій и прогимназій поступило въ отчетномъ году 849.207 р., на 37.406 р. больше, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ суммъ государственнаго казначейства отпущено 429.997 р. (50,6% общей суммы), сбора за ученіе поступило 205.698 р. (24,2%). сбора за содержаніе частныхъ пансіонеровъ 98.950 (11,6%), % съ капиталовъ 6.495 (0,8%), пожертвованій 1.416 (0,2%), отъ казачьихъ войскъ 10.610 (1,2%), изъ земскихъ сборовъ 4.212 (0,5%), отъ городскихъ обществъ 58.120 (6,8%), отъ почетныхъ попечителей 720 (0,1%), другихъ поступленій 32.989 (4%). Съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ (364.365 р.) въ распоряженіи округа было 1.213.572 р.

Наибольшія цифры назначенія изъ суммъ государственнаго казначейства приходятся на гимназію Ставропольскую—74.609 р. За нею слѣдуютъ: Кутаисская—69.070 р., Тифлисская 1-ая—62.885 р.. Эриванская—45.324 р. и т. д. Меньше всего отпущено казной на гимназію Екатеринодарскую (845 р.). Между прогимназіями наибольшія суммы назначены на Кутаисскую—23.521 р. и Пятигорскую—15.051 р., наименьшія—на Новороссійскую (5.900 р.) и Асхабадскую (2.785 р.).

Общая сумма расхода по всѣмъ 14 гимназіямъ и прогимназіямъ въ 1896 г. составляла 853.703 р. Наибольшая сумма расходовъ падаетъ на содержаніе личнаго состава—354.615 р. (41,5%). Расходы на наемъ помѣщеній, на ремонты и другіе хозяйственные расходы—18,5%, на содержаніе пансіонеровъ—10,9%, на содержаніе параллельныхъ классовъ—9%, на отчисленія въ спеціальныя средства министерства и учебнаго округа—2,6% и на прочіе расходы (главнымъ образомъ на постройку зданія Пятигорской прогимназіи)—10,5%.

Средняя стоимость обученія одного воспитанника обошлась въ 113 р. и содержаніе одного пансіонера—въ 240 р.

Въ отчетномъ году размѣръ платы за право ученія, во вновь открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, установленъ слѣдующій: въ Бакинской гимназіи—по 60 р. въ годъ, въ Асхабадской прогимназіи—по 30 р. въ годъ; кромѣ того, съ надлежащаго разрѣшенія, повышена плата въ гимназіяхъ: Тифлиской 3-й—съ 66 до 70, и въ Эриванской—съ 40 до 50 р. Вообще размѣръ платы въ текущемъ 1896—1897 учебномъ году равняется, какъ и въ предыдущіе годы, 30—70 р. въ годъ и за нормальную плату можно считать—40 р. (въ трехъ прогимназіяхъ и гимназіяхъ Кутаисской и Елисаветпольской).

Общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ существуютъ при 7 гимназіяхъ и Пятигорской прогимназіи. Они имѣютъ

почти исключительно цѣлью своею оказаніе пособій учащимся посредствомъ взноса платы за право ученія и выдачу единовременныхъ пособій оканчивающимъ курсъ ученикамъ. Одно только общество соревнователей при Тифлисской 2-ой гимназіи не ограничивается вспомошествованіемъ отдѣльнымъ ученикамъ, а имѣетъ болѣе обширныя задачи, оказывая помощь самому заведенію въ достиженіи тѣхъ учебно-воспитательныхъ цѣлей, гдѣ сама гимназія не располагаетъ нужными къ тому средствами. Такъ, общество на свои средства и при содѣйствіи г. почетнаго попечителя гимназіи выстроило уже зданіе для помѣщенія будущаго пансіона гимназіи, въ отчетномъ же году выстроило больничное зданіе для будущаго пансіона.

За все время своего существованія общества вспомошествованія учащимся собрали въ пользу учащихся 174.074 р. Изъ собранныхъ денегъ 89.590 р. были израсходованы на пособіе учащимся, 49.377 р. — на другія надобности, и 35.107 р. имѣются въ наличности.

Въ помѣщеніяхъ гимназій и прогимназій въ отчетномъ году большихъ перемѣнъ не произошло. Собственными помѣщеніями, какъ и въ предшествующіе годы, пользовались гимназіи: Тифлисская 1-ая. Ставропольская, Кутаисская, Елисаветпольская и Владикавказская. Въ отчетномъ году продолжалось возведеніе собственныхъ зданій для Тифлисской 2-ой гимназіи и Пятигорской прогимназіи, и работы настолько подвинулись, что оба заведенія рассчитываютъ перейти въ собственные помѣщенія уже къ началу будущаго 1897—1898 учебнаго года. Строятся также собственное помѣщеніе для вновь открытой Асхабадской прогимназіи. Для Бакинской гимназіи помѣщеніе нанимается на счетъ города, а остальные заведенія помѣщаются въ наемныхъ домахъ, уплачивая за нихъ 35.715 р. наемной платы въ годъ. Значительно улучшились условія помѣщенія для Эриванской гимназіи, которая съ начала текущаго учебнаго года перешла въ новое помѣщеніе, законтрактованное ею на 10 лѣтъ, съ платою по 7.150 р. въ годъ. На ремонтъ какъ собственныхъ, такъ и наемныхъ помѣщеній всеми заведеніями израсходовано было 24.568 р., главнымъ образомъ изъ специальныхъ средствъ заведеній.

Въ теченіе отчетнаго года г. попечителемъ округа были посѣщены и обревизованы, со стороны учебной и хозяйственной части, кромѣ Тифлискихъ, еще слѣдующія гимназіи: Владикавказская и Екатеринодарская и прогимназіи Пятигорская и Новороссійская, а окружнымъ инспекторомъ Западскимъ обревизованы Кутаисская гимназія и Новороссійская прогимназія.

Къ 1-му января 1897 года, число лицъ, состоявшихъ на службѣ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа. было 386, въ томъ числѣ почетныхъ попечителей 5, директоровъ 11, инспекторовъ 15, законоучителей 13, учителей наукъ и языковъ 132, учителей чистописанія и рисованія 7, помощниковъ классныхъ наставниковъ 29, воспитателей и надзирателей 21. другихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: врачей, письмоводителей, учителей музыки и танцевъ и проч.—79. Въ теченіе отчетнаго года число служащихъ, сравнительно съ числомъ прошлаго года, увеличилось на 46.

Перемѣщеній служащихъ лицъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое было въ теченіе года 11, новыхъ назначеній—76. Къ числу вновь назначенныхъ относится весь личный составъ вновь открытыхъ Бакинской гимназіи (28 лицъ) и Асхабадской прогимназіи (7 лицъ); въ остальные заведенія назначены вновь: 1 почетный попечитель, 13 преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ—21.

Изъ общаго числа 26 директоровъ и инспекторовъ 18 преподадаютъ языки (древніе, русскій и французскій), 5—математику и физику и 3—исторію и географію.

Классными наставниками состояли всѣ 11 директоровъ и 15 инспекторовъ. Изъ числа преподавателей было 106 классныхъ наставниковъ.

Процентъ пропущенныхъ преподавателями уроковъ въ отчетномъ году былъ незначителенъ—2,48%, а изъ отдѣльныхъ заведеній превышалъ обыкновенную норму (4%) только въ Елисаветпольской гимназіи (6,40%), Асхабадской прогимназіи (4,77%) и Кутанской гимназіи (4,29%). Изъ общаго числа 2.814 пропусковъ, 78,3% приходятся на болѣзни самихъ преподавателей, 21,6%—на домашнія обстоятельства и другія уважительныя причины и только 0,1%—на причины неуважительныя (всего 3 урока въ Эриванской гимназіи). Во время пропущенныхъ преподавателями уроковъ ученикамъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ давались другія болѣе или менѣе производительныя занятія, и безъ всякихъ занятій они оставались только въ 1.053 случаяхъ, что составляетъ 37,4% всѣхъ пропущенныхъ уроковъ, или около 0,9% общаго числа данныхъ уроковъ. Педагогическіе совѣты гимназій и прогимназій имѣли въ отчетномъ году 1.720 засѣданій (по 139 среднимъ числомъ, въ каждой гимназіи и по 83—въ прогимназіи), изъ которыхъ было: общихъ засѣданій—428, классныхъ комиссій—511, предметныхъ—134, хозяйственныхъ—584 и испытательныхъ—63.

Общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1897 года было 5.781. Изъ этого числа въ гимназіяхъ состояло 5.221 ученикъ, въ прогимназіяхъ 560, что составляетъ среднимъ числомъ на гимназію 522 ученика и на прогимназію 140 учениковъ. Такимъ образомъ общее число учащихся увеличилось за отчетный годъ на 996 (20,8%), изъ коихъ впрочемъ двѣ трети, а именно 660, нужно отнести на вновь открытыя заведенія—Бакинскую гимназію и Асхабадскую прогимназію. По числу учащихся къ 1-му января 1897 г. учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: гимназіи Тифлисская 1-я (769), Тифлисская 2-я (657), Бакинская (607), Кутаисская (593), Тифлисская 3-я (585), Ставропольская (545) и т. д.

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ 3.397 (58,8% общаго числа учениковъ), армяно-григоріанъ 1.578 (27,3%), католиковъ 252 (4,4%), протестантовъ 138 (2,4%), іудеевъ 177 (3%), мусульманъ 214 (3,7%) и прочихъ исповѣданій 25 (0,4%).

По сословіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ 3.029 (52,4%), духовнаго званія 185 (3,2%), почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 гильдіи 200 (3,5%), другихъ городскихъ сословій 1.777 (30,7%), крестьянъ 264 (4,6%), нижнихъ чиновъ и казаковъ 245 (4,2%), иностранцевъ 81 (1,4%).

Распредѣленіе учащихся по отдѣльнымъ классамъ къ концу отчетнаго года было таково: въ приготовительномъ классѣ — 1.091 (54,6%) учениковъ, въ I-мъ классѣ — 968 (38,7%), во II—874 (38%), въ III—746 (37,3%), въ IV—636 (33,5%), въ V—497 (35,5%), въ VI—411 (29,4%), въ VII—312 (28,4%), въ VIII—246 (24,6%).

Всѣхъ, подавшихъ прошенія о допущеніи къ экзамену по приему въ различные классы гимназій и прогимназій округа, было 2.731. Изъ этого числа принято 1.755 (64,3%) и не приняты—976 (35,7%). Изъ числа 1.755 вновь принятыхъ 10,7% приняты по свидѣтельствамъ другихъ гимназій и прогимназій, а изъ подвергнутыхъ вступительному экзамену большинство было получившихъ лишь домашнюю подготовку (48,6%). Изъ вновь поступившихъ приняты въ приготовительные классы—50,7%, въ младшіе—41,8% и въ старшіе классы—7,5%.

Выбыло въ теченіе года всего 759 учениковъ (13,1% общаго числа учащихся), изъ коихъ 212 окончили полный гимназическій курсъ, 25—курсъ прогимназій, 522 выбыли изъ разныхъ классовъ до

окончанія курса. Изъ отдѣльныхъ классовъ больше всего вышло изъ V (11,9^o/о учащихся въ этомъ классѣ), изъ I и II (11,8^o/о и 10,8^o/о), а меньше всего изъ приготовительныхъ (5,4^o/о), VI (7,1^o/о) и VIII (3,7^o/о). Изъ общаго числа 522 выбывшихъ до окончанія курса 51 уволены за малоуспѣшность, 7—за недобрительное поведеніе, 61—за невзность платы за ученіе, 6 оставили ученіе по болѣзни, 20—за смертью, 377 выбыли по собственному желанію (изъ нихъ 237 для продолженія ученія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и 47 для поступленія на службу или на частную дѣятельность).

Число учениковъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа къ концу 1895—1896 учебнаго года было 4.708. Изъ нихъ на основаніи годовыхъ занятій и испытаній въ концѣ года удостоены аттестатовъ и переведены въ слѣдующіе классы 73,6^o/о, оставлены на второй годъ въ своихъ классахъ—6,4^o/о, а остальнымъ 940 (20°/о) назначенъ повѣрочный экзаменъ послѣ каникулъ. Этотъ экзаменъ успѣшно выдержали 555 учениковъ (59°/о), такъ что общій процентъ успѣшности поднялся до 85,4^o/о. Такой высокой процентъ успѣшности, значительно превышающій обыкновенную норму (72—75°/о), имѣетъ особенное значеніе въ виду ненормальной продолжительности истекшаго учебнаго года, и указываетъ, что нѣкоторое сокращеніе мало производительнаго для ученія жаркаго конца учебнаго года и увеличеніе каникулярнаго отдыха не только не вредятъ успѣшности прохожденія курса, но напротивъ оказываютъ на эту успѣшность очевидное благоприятное вліяніе, о чемъ впрочемъ согласно свидѣлствуютъ и всѣ начальства учебныхъ заведеній. Изъ отдѣльныхъ заведеній наилучшіе успѣхи дали гимназіи Тифлисская 3-я и Екатеринодарская (свыше 90°/о); отъ 85 до 90°/о—Тифлисскія 1-я и 2-я и Елисаветпольская, отъ 80 до 85°/о—остальныя 4 гимназіи и Новороссійская прогимназія, и только въ прогимназіяхъ Кутаисской и Пятигорской успѣшность не достигла 75°/о.

Процентъ успѣшности учениковъ по отдѣльнымъ классамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ, показывающихъ процентное отношеніе переведенныхъ къ общему числу учащихся въ классѣ. Въ приготовительныхъ классахъ переведено 97,4^o/о, въ I-хъ классахъ—85,6^o/о, во II—81,6^o/о, въ III—81,7^o/о, въ IV—82,2^o/о, въ V—82,3^o/о, въ VI—85,2^o/о, въ VII—91,7^o/о, въ VIII—96,8^o/о. Наибольшій процентъ успѣшности представляетъ слѣдовательно приготовительный классъ, а за нимъ слѣдуетъ VIII и VII. Наименьшій процентъ—во II классѣ.

Успѣшность изученія главныхъ предметовъ выражается слѣдующими цифрами, въ процентахъ: русскій языкъ—89,2%, математика 90,5%, латинскій языкъ—88% и греческій языкъ—89%. Изъ распределенія успѣвавшихъ учениковъ по національностямъ и сословіямъ видно, что изъ преобладающихъ народностей лучшіе успѣхи оказываютъ русскіе (86,5%) и армяне (86,3%), а болѣе слабые — грузины (81,9%), а изъ преобладающихъ сословій дворянское по успѣшности беретъ верхъ надъ городскими сословіями (87,5% и 80,9%).

Къ испытаніямъ зрѣлости въ 9 гимназіяхъ округа въ отчетномъ году допущено было: 217 гимназистовъ (изъ числа 219 учениковъ, бывшихъ въ VIII классахъ къ концу учебнаго года; не допущено по 1 ученику въ Тифлисской 1-й и Елисаветпольской гимназіяхъ) и 9 постороннихъ лицъ; выдержали успѣшно испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости 212 гимназистовъ и 4 постороннихъ лица, при чемъ изъ гимназистовъ 9 удостоены золотой и 16—серебряной медали. Признанные зрѣлыми 216 лицъ распределяются слѣдующимъ образомъ: а) по возрастамъ: 17 лѣтъ—6, 18 лѣтъ—31, 19 лѣтъ—48, 20 лѣтъ—50 и 21 года и старѣе—81; в) по національностямъ: русскіихъ—120 (55,6%), грузинъ—34 (15,7%), армянъ—36 (16,7%), горцевъ—3, евреевъ—6 и прочихъ національностей—17; с) по занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали: желавшихъ поступить въ университетъ—187, или 86,5% (въ томъ числѣ на факультеты: юридическій—66, медицинскій—64, физико-математическій—49, историко-филологическій—6 и восточныхъ языковъ—2); въ высшія спеціальныя учебныя заведенія—23, или 10,7%; въ военную или гражданскую службу—6, или 2,8%.

Изъ 3.722 учениковъ II—VIII классовъ, въ которыхъ преподаются новые языки, въ текущемъ году изучаютъ французскій—81,3%, нѣмецкій—40,9%, и въ томъ числѣ учениковъ, учащихся обоимъ языкамъ—636 (18,7%). Изъ мѣстныхъ языковъ Закавказья грузинскій преподается въ учебныхъ заведеніяхъ города Тифлиса и Кутаиса, армянскій—въ гимназіяхъ трехъ Тифлисскихъ, Елисаветпольской, Эриванской и Бакинской и въ Кутаисской прогимназіи, татарскій—въ гимназіяхъ Тифлисскихъ 1-й, Елисаветпольской, Эриванской и Бакинской. Изъ учениковъ младшихъ классовъ, въ которыхъ эти языки только и преподаются, изучаетъ свой родной языкъ большинство, а именно: изъ грузинъ—93,7%, армянъ—89,4% и татаръ—94,7%. Изъ учениковъ же другихъ національностей обучаются: грузинскому языку—18 и татарскому 11. Пѣнію обучалось къ концу

отчетнаго года 2.469 (42,7%) человекъ. Всѣ гимназіи и прогимназіи имѣютъ свои многоголосные хоры духовнаго и свѣтскаго пѣнія. Гимнастикѣ обучалось 5.431 ученикъ (93,9%). Отъ занятій гимнастикой освобождались лишь тѣ ученики, для здоровья коихъ она, по заключенію врача, могла бы оказаться вредною.

Въ отчетномъ году число всѣхъ уволенныхъ за безуспѣшность было 51, то-есть, 0,88% общаго числа учащихся. По отдѣльнымъ классамъ число ихъ распредѣляется такъ: на приготовительный классъ не приходится ни одного ученика, на I—9 (0,9), на II—12 (1,4%), на III—12 (1,6), на IV—7 (1,1%), на V—4 (0,8%), VI—4 (1%), на VII—3 (1%) и на VIII—на одного. Изъ уволенныхъ оказались неуспѣвающими только по одному предмету—5, по двумъ предметамъ—15, по тремъ—17 и болѣе чѣмъ въ трехъ предметахъ—14. Предметы эти были чаще всего: латинскій языкъ, въ которомъ не успѣвало 70,6% общаго числа уволенныхъ, русскій языкъ (60,8%) и математика (56,9%). Значительное число неуспѣвающихъ по этимъ предметамъ, конечно, нельзя приписать особенной трудности усвоенія ихъ учащимися, а слѣдуетъ объяснять лишь болѣе серіознымъ отношеніемъ педагогическихъ совѣтовъ къ недостаточной успѣшности въ этихъ именно основныхъ предметахъ гимназическаго курса.

Поведеніе учащихся въ отчетномъ году вообще было удовлетворительно: баллъ 2 былъ поставленъ шести ученикамъ Екатеринодарской гимназіи, 3 имѣли 133 ученика, балъ 4—766 учениковъ, а поведеніе остальныхъ 4.876 учениковъ было аттестовано балломъ 5. Всѣхъ болѣе или менѣе строгихъ взысканій было 493. Среднее число пропущенныхъ каждымъ ученикомъ уроковъ въ отчетномъ году было сравнительно не велико, а именно 34, изъ которыхъ 29,9 приходится на болѣзнь, 3,6—на другія уважительныя причины и только 0,5—на причины неуважительныя. Больше другихъ пропустили уроковъ ученики гимназій Тифлисской 1-й и Кутаисской. Изъ приходящихъ учениковъ 624 (12,1%) помѣщаются на 287 ученическихъ квартирахъ, платя за свое содержаніе отъ 8 да 65 руб. въ мѣсяцъ. Квартиры эти посѣщены инспекторами, классными наставниками и другими лицами учебно-воспитательскаго персонала 1.846 разъ, такъ что на каждую квартиру приходится, въ среднемъ, по 6,4 посѣщеній.

Въ санитарномъ отношеніи истекшій годъ можетъ быть названъ благоприятнымъ, такъ какъ среднее число заболѣваній на каждые 100 учащихся не превышало 171, а процентъ смертности равнялся 0,35%. Изъ школьныхъ эпидемическихъ болѣзней чаще всего проя-

влялись: скарлатина (62 случая), корь (29), дифтеритъ (19), оспа (11) и тифъ (26).

Число воспитанниковъ въ 5 гимназическихъ пансіонахъ въ отчетномъ году увеличилось съ 616 до 618. Въ концѣ года въ числѣ пансіонеровъ было: казеннокоштныхъ — 246 (40,4%), войсковыхъ — 46 (7,5%), именныхъ стипендіатовъ — 7 (1,1%), воспитывающихся на счетъ разныхъ учреждений — 7 (1,1%), экономическихъ — 18 (2,9%) и наконецъ своекоштныхъ — 294 (47%). Успѣшность пансіонеровъ за истекшій учебный годъ не была выше успѣшности приходящихъ учениковъ въ тѣхъ же гимназіяхъ (85,4% и 86,2%), какъ это замѣчалось въ предыдущіе годы и какъ бы этого слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе тѣ благопріятныя для успѣшнаго прохожденія курса условія, которыми обставлены воспитанники пансіоновъ. Объясненіе такого очевидно ненормальнаго явленія, по мнѣнію одного начальника самаго обширнаго пансіона, нужно искать въ составѣ пансіоновъ: своекоштные пансіонеры принадлежатъ большею частью къ семьямъ обеспеченнымъ и не привыкли особенно дорожить результатами ученія, а казенные воспитанники, искусственно привлеченные въ гимназіи приманкою дароваго содержанія, большею частью принадлежатъ къ такимъ слоямъ населенія, въ которыхъ дѣтямъ не дается ни порядочной подготовки къ поступленію въ гимназію, ни привычки и охоты къ труду.

Число пансіонеровъ, подвергнутыхъ въ теченіе года разнаго рода взысканіямъ за дисциплинарныя проступки, довольно значительно — 292 (47,2%).

Изъ общаго числа пансіонеровъ имѣли въ концѣ года отмѣтку за поведеніе 5—74,3%, 4—20,7% и 3—5%. Среднее число пропущенныхъ пансіонерами уроковъ равнялось 25,3 на каждого, при чемъ случаевъ пропуска по неуважительнымъ причинамъ почти не бываетъ (за исключеніемъ несвоевременнаго возвращенія изъ отпусковъ).

Въ санитарномъ отношеніи пансіоны находились въ удовлетворительномъ состояніи. Среднее число заболѣваній на 100 воспитанниковъ равнялось 157, а смертныхъ случаевъ было 4 (0,65%)—по два въ пансіонахъ гимназій Тифлисской 1-й и Ставропольской.

Какъ и въ прежніе годы, начальства гимназій проявляли особенную заботливость по отношенію къ ввѣреннымъ ихъ управленію пансіонамъ, прилагая всѣ свои старанія къ улучшенію пансіонскихъ помѣщеній и вообще внѣшней обстановки жизни воспитанниковъ, къ помощи имъ въ ихъ занятіяхъ и къ предоставленію пансіонерамъ

полезныхъ удовольствій и развлеченій, отводящихъ отъ столь вредной въ воспитательномъ отношеніи праздности и скуки и помогающихъ воспитанникамъ мириться съ отсутствіемъ семейной обстановки.

Реальныхъ училищъ въ 1896 г., какъ и въ предыдущемъ, состояло въ Кавказскомъ округѣ восемь: Тифлисское, Бакинское, Владикавказское, Темиръ-Ханъ-Шуринское, Шуринское, Екатеринодарское, Ейское и реальное отдѣленіе Ставропольской гимназіи. Каждое училище состоитъ изъ 6 классовъ основнаго отдѣленія (коммерческихъ отдѣленій нѣтъ), приготовительнаго класса и дополнительнаго класса общаго отдѣленія. Параллельныя отдѣленія имѣются: въ Бакинскомъ училищѣ—при всѣхъ 6 классахъ, въ Тифлисскомъ—при 4, Владикавказскомъ—при 3 и Ейскомъ—при 2 классахъ; кромѣ того, при 4 училищахъ приготовительные классы состоятъ изъ двухъ отдѣленій. Такимъ образомъ, общее число классовъ равняется 82, изъ коихъ 65 нормальныхъ и 17—параллельныхъ.

Библиотеки 7-ми реальныхъ училищъ, за исключеніемъ Ставропольскаго, которое не имѣетъ библиотеки, отдѣльной отъ гимназической, а именно 7 фундаментальныхъ библиотекъ, 6 ученическихъ и 3 пансіонскія, заключали къ 1-му января 1897 года въ общей сложности 23.824 названія книгъ въ 49.507 томахъ, стоимостью въ 90.053 р.; физическіе кабинеты заключали въ себѣ 3.855 приборовъ, на сумму 64.321 руб., сохранившіяся отъ прежнихъ лѣтъ химическія лабораторіи — 6.322 приборовъ, на сумму 18.172 руб., естественно-историческія коллекціи — 7.438 предметовъ на сумму 12.715 руб., и наконецъ собранія прочихъ учебныхъ пособій, не вошедшихъ въ составъ библиотекъ и кабинетовъ — 9.645 предметовъ, на сумму 40.319 руб. Такимъ образомъ общая стоимость всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений при реальныхъ училищахъ округа достигла къ концу отчетнаго года цифры въ 225.580 руб., увеличившись за годъ на 5.701 руб., или на 2,6%.

Новыхъ приобрѣтеній въ теченіе года сдѣлано было на сумму 6.270 руб., изъ коихъ 3.208 руб. израсходованы на книги, 1.575 р. на кабинетъ и 1.487 руб. на прочія учебныя пособия. Болѣе 1000 р. на приобрѣтеніе учебныхъ пособій израсходовано училищами Кубанскимъ (1.426 руб.), Владикавказскимъ (1.083 руб.) и Тифлискимъ (1.004 руб.).

На содержаніе всѣхъ реальныхъ училищъ (кромѣ Ставропольскаго) въ отчетномъ году имѣлась сумма 433.646 руб., то-есть, на 2,3% больше, чѣмъ въ прошломъ году, изъ коихъ: отъ государствен-

наго казначейства—51,7%, отъ казачьихъ войскъ — 14,8%, отъ городскихъ обществъ—6,7%, сбора за право ученія—14,5%, платы за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—6,5% и разныхъ другихъ специальныхъ средствъ — 5,8%. На содержаніе тѣхъ же 7 реальныхъ училищъ израсходовано въ отчетномъ году 389.837 руб., такъ что средній расходъ на содержаніе одного училища безъ пансіона равнялся 39.650 руб., а на содержаніе одного пансіона — 28.073 руб., средняя же стоимость обученія одного ученика опредѣлялась въ 101 р. и содержаніе одного пансіонера—въ 252 руб. Изъ общей суммы расхода приходится: на содержаніе личнаго состава — 63,8%, на наемъ и ремонтъ помѣщеній и прочія хозяйственныя нужды — 14,4%, на содержаніе пансіонеровъ — 16,8%, на отчисления въ спеціальныя средства министерства и учебнаго округа — 1,9% и на прочіе расходы—3,1%.

Плата за ученіе взимается слѣдующая: отъ 10 руб. (въ Кубанскомъ училищѣ) и 20 руб. (въ Шуминскомъ) до 46 руб. (во Владикавказскомъ и Ставропольскомъ) и 60 руб. (въ Тифлискомъ); плата же за содержаніе пансіонеровъ: казенныхъ—отъ 140 до 200 руб. и своихъ—отъ 200 до 250 руб. въ годъ.

Безплатнымъ обученіемъ пользовались въ училищахъ: въ первое полугодіе — 430 (19,4%), во второе—466 (19,4%), безплатнымъ же содержаніемъ въ пансіонахъ: въ первое полугодіе—386 (72,6%), во второе—388 (69,5%).

При шести реальныхъ училищахъ имѣются спеціальныя учрежденія для пособія учащимся. За все время своего существованія эти учрежденія собрали въ пользу учащихся 145.748 руб., въ томъ числѣ больше всего посредствомъ устройства концертовъ, спектаклей и танцевальныхъ вечеровъ (68.768 руб.), капиталъ этихъ учреждений къ концу года состоялъ изъ 29.850 руб.

Собственными помѣщеніями попрежнему пользовались училища Владикавказское и Бакинское; Кубанское занимаетъ зданіе упраздненной войсковой гимназіи, для Ейскаго и Шуминскаго помѣщенія отводятся городскими обществами, а Тифлиское и Темиръ-Ханъ-Шуринское нанимаетъ помѣщенія на средства, отпускаемые для этой цѣли казной, и отчасти на спеціальныя свои средства. На наемъ помѣщеній училищами расходуется 14.550 руб., а на ремонтъ ихъ въ отчетномъ году истрчено 7.786 руб.

Всѣхъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1897 г., состояло 198, въ числѣ коихъ 5 почетныхъ

попечителей, 7 директоровъ, 7 инспекторовъ, 6 штатныхъ законоучителей, 61 штатныхъ учителей наукъ, искусствъ и языковъ, 10 учителей приготовительныхъ классовъ, 9 сверхштатныхъ преподавателей, 20 нештатныхъ преподавателей, 23 преподавателя музыки, пѣнія, гимнастики, военного строя и ремесль, 6 воспитателей, 6 помощниковъ воспитателей, 16 помощниковъ классныхъ наставниковъ, 8 врачей, 6 писмоводителей и 8 прочихъ должностныхъ лицъ. Въ личномъ составѣ произошло 7 перемѣщеній и 19 новыхъ назначеній. Директора въ отчетномъ году преподавали слѣдующіе предметы: математику—4, физику—1, исторію и географію—1, географію и французскій языкъ—1. Инспектора преподавали: математику—1, русскій языкъ и исторію—2, физику—2, физику и естественную исторію—2.

Классными наставниками, кромѣ директоровъ и инспекторовъ, состоятъ 56 преподавателей, изъ которыхъ одинъ только (въ Ставропольскомъ училищѣ) завѣдывалъ двумя классами.

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями пропущено 3.086 уроковъ (4,44% въ предыдущемъ году 4,39%). Болѣе всего пропущено уроковъ въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ училищѣ (9,02%), менѣе всего въ Владикавказскомъ и Ставропольскомъ (менѣе 2%). По болѣзни пропущено 80,5%, пропусковъ же по неуважительнымъ причинамъ не было вовсе. Педагогическіе совѣты реальныхъ училищъ (кромѣ Ставропольскаго) имѣли въ отчетномъ году 598 засѣданій, изъ нихъ 158 общихъ и 440 по разнымъ комиссіямъ.

Во всѣхъ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1897 г. было 2.966 учениковъ, на 188 учениковъ болѣе, чѣмъ къ 1-му января 1896 года. Особенно значительное увеличеніе числа учащихся произошло въ училищахъ Ейскомъ (15,8%), Ставропольскомъ (11,3%) и Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ (10,3%), уменьшенія же не произошло ни въ одномъ училищѣ. По количеству учениковъ училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Бакинское (648), Тифлисское (504), Владикавказское (396), Шушинское (314), Темиръ-Ханъ-Шуринское (311), Кубанское (298), Ейское (278) и Ставропольское (217).

По вѣроисповѣданіямъ ученики реальныхъ училищъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ — 58%, армяно-григоріанъ—22,6%, мусульманъ — 10,2%, протестантовъ — 3,1%, католиковъ—2,9%, іудеевъ—2,7% и прочихъ исповѣданій—0,5%.

По сословіямъ ученики реальныхъ училищъ распредѣляются такъ: дворянъ — 46,1%, городскихъ сословій — 34%, сельскихъ сословій — 16,2%, духовнаго званія—1,6% и нерусско-поданныхъ—2,1%.

Всѣхъ подавшихъ прошенія о поступленіи въ реальныя училища въ 1896 г. было 1.131 (столько же и въ прошломъ году). Отказано въ приѣмъ 528 (46,7%), и въ томъ числѣ по недостатку мѣстъ въ классахъ 58 (около 5% всего числа желавшихъ поступить). Такимъ образомъ вновь принято въ реальныя училища въ отчетномъ году 603 ч.

Выбывшихъ по окончаніи VI и VII классовъ было 112 человекъ. до окончанія курса выбыло 303, или 10,3% всѣхъ учащихся. Изъ числа выбывшихъ послѣдней категоріи 61,2% перешло въ другія учебныя заведенія, 16,5% поступили на службу государственную, общественную и частную. 19,6 выбыли по разнымъ причинамъ и 3% умерло.

Учениковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы, а также аттестатовъ объ окончаніи VI и свидѣтельствъ объ окончаніи VII классовъ, было 1.883 (68,4%), оставленныхъ на второй годъ — 344 (12,5%), а 527 (19,1%) назначены повѣрочный экзамень послѣ каникулъ. Изъ послѣднихъ 309 (58,6%) выдержали экзамень, такъ что число переведенныхъ возрасло до 2.192 (79,6%); поэтому общая успѣшность ученія въ реальныхъ училищахъ было въ отчетномъ году значительно выше обыкновенной. По успѣшности отдѣльныя классы располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: VII — 93,4%, старшіе приготовительные — 86,5%, младшіе приготовительные — 80,4%, V — 79,9%, VI — 79,5%. I — 79,1%, III — 77,5%, II — 75,6% и IV — 75,5%.

За неуспѣшность въ ученіи въ отчетномъ году изъ реальныхъ училищъ уволено 38 учениковъ, изъ коихъ 28 послѣ безуспѣшнаго пребыванія два года въ одномъ и томъ же классѣ и 10 — по особымъ постановленіямъ педагогическихъ совѣтовъ.

Относительно общаго числа учащихся число уволенныхъ за мало-успѣшность составляетъ 1,28% и было особенно значительно въ училищахъ Шушинскомъ (3,18%) и Владикавказскомъ (2,02%), меньше въ Кубанскомъ (1,68%) и Тифлисскомъ (1,39%), а въ остальныхъ училищахъ не достигало и 1%. Изъ отдѣльныхъ классовъ, наибольшее число уволенныхъ приходится на приготовительные классы (10 учениковъ, или 1,9% всѣхъ учащихся въ этомъ классѣ), затѣмъ на II (8, или 1,6%), I (6, или 1,2%) и VI (4, или 1,8%). Большинство уволенныхъ оказывалось неуспѣвающимъ по русскому языку (28, или 74,2%) и по математикѣ (24, или 63,2%).

Исключенію изъ реальныхъ училищъ за дурное поведеніе подверглись въ отчетномъ году 9 учениковъ, въ томъ числѣ двое исклю-

чены безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія и 7 — съ правомъ поступленія въ другія училища; вообще же болѣе серіознымъ взысканіямъ за дисциплинарныя проступки подверглись 186 учениковъ, или 6,2% всего числа учащихся.

Поведеніе учащихся аттестовано слѣдующими отиѣтками: 5 — 2.423 (81,7%), 4—447 (15,1%), 3—93 (3,1%) и 2—3 (0,1%).

Всѣхъ уроковъ, пропущенныхъ учениками реальныхъ училищъ, было 95.701; изъ нихъ по болѣзни 86.241. Среднимъ числомъ на cadaго учащагося приходится по 32,3 урока (въ прошломъ году — 46,8).

Изъ числа приходящихъ учениковъ реальныхъ училищъ 337 (14%) помѣщались на ученическихъ квартирахъ, платя за свое содержаніе отъ 7 до 20 руб. въ мѣсяць. Квартиры эти (числомъ 176) находились подъ надлежащимъ наблюденіемъ инспекторовъ, классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ и были посѣщены этими лицами 1.383 раза.

Смертныхъ случаевъ въ отчетномъ году было 11: 3 ученика умерли отъ скарлатины и дифтерита, 3—отъ чахотки, остальные отъ разныхъ болѣзней (воспаленія легкихъ, воспаленія брюшины, острого ревматизма, разрыва сердца).

Общее число пансіонеровъ въ 5-ти пансіонахъ при реальныхъ училищахъ (считая въ томъ числѣ Ставропольскій) въ отчетномъ году увеличилось съ 535 до 558, главнымъ образомъ въ пансіонахъ Ставропольскомъ (съ 95 до 109) и Кубанскомъ (съ 88 до 97). Въ истекшемъ году пансіонеры, какъ и прежде, оказали нѣсколько лучшіе успѣхи, чѣмъ приходящіе (84,2% и 81,8%). О поведеніи пансіонеровъ начальства реальныхъ училищъ вообще отзываются съ похвалой. Болѣе серіознымъ взысканіямъ за проступки подверглись 65 воспитанниковъ (11,7%), при чемъ одинъ только (въ Кубанскомъ училищѣ) уволенъ изъ пансіона, и то съ правомъ оставаться приходящимъ ученикомъ.

Заболѣваній въ отчетномъ году было 627, или по 112 на 100 воспитанниковъ, а смертныхъ случаевъ 1 (во Владикавказскомъ пансіонѣ отъ чахотки).

Начальства реальныхъ училищъ, какъ и въ прежніе годы, принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ оказанію пансіонеромъ возможной помощи въ ихъ внѣклассныхъ занятіяхъ, къ возможно лучшей организаціи пансіонской жизни и обстановки, насколько то позволяли помѣщенія и матеріальныя средства пансіонеровъ, и къ при-

влеченію воспитанниковъ къ разнымъ полезнымъ, хотя и необязательнымъ занятіямъ искусствами и ремеслами.

Женскихъ средне-учебныхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ было въ 1896 г. 18, а именно: 11 гимназій и 7 прогимназій. Всѣхъ учащихся въ 11 гимназіяхъ къ 1-му января 1897 г. было 5.346 и въ прогимназіяхъ—990.

Цифра учащихся распредѣлялась между отдѣльными заведеніями такъ: А. гимназіи: Тифлисская 1-я—872, Тифлисская 2-я—613, Бакинская—568, Владикавказская—534, Кутаисское заведеніе св. Нины—516, Екатеринодарская—485, Тифлисское заведеніе св. Нины—477, Ставропольская Ольгинская гимназія—421, Тифлисская 3-я—303, Ейская—288, Ставропольская св. Александры—269; Б. прогимназіи: Александропольская и Горійская—по 185, Эриванская—174, Темиръ-Ханъ-Шуриинская—156, Сухумская—118, Новороссійская—98 и Пятигорская—74.

По вѣроисповѣданіямъ ученицы женскихъ учебныхъ заведеній распредѣлялись такъ: православнаго—4.410 (69,6%), армяно-григоріанскаго 1.243 (19,6%), католическаго—256 (4%), протестантскаго—139 (2,2%), іудейскаго—238 (3,8%), мусульманскаго—23 (0,4%), другихъ исповѣданій—27 (0,4%).

По сословіямъ или происхожденію ученицы распредѣляются по слѣдующимъ категоріямъ: дворянокъ—3.293 (52%), духовнаго званія—179 (2,8%), почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—287 (4,5%), другихъ городскихъ сословій—2.073 (32,7%), крестьянъ—144 (2,3%), нижнихъ чиновъ и казаковъ—258 (4,1%), иностранокъ—102 (1,6%).

Въ теченіе выпускнаго года вышло изъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній 1.069 ученицъ, въ томъ числѣ по окончаніи курса VIII дополнительнаго класса 108 и 219 окончившихъ курсъ VII класса. Слѣдовательно относительно общаго числа учащихся выбывшія составляютъ 16,9%. До окончанія курса вышло 713 ученицъ. Наибольшая цифра выбывшихъ приходилась на первые три класса и на выпускные (VII и VIII), а именно отъ 12% до 13%.

Вновь поступило въ 1896 году 1.703 воспитанницы (74,5%). Въ пригготовительные классы поступило 54,7%, въ I—16,4% и во II—9,1%.

Число переведенныхъ въ высшіе классы, а также окончившихъ курсъ составляло 4.992, то-есть, 85,7% всѣхъ учащихся (въ прошломъ году—84,8%).

Выше всего была успѣшность въ Екатеринодарской гимназій (92,7%), Новороссійской прогимназій (96,8%) и Кутаисскомъ учебномъ заведеніи св. Нины (90,7%), затѣмъ въ 9 заведеніяхъ успѣшность была отъ 85 — до 90%, въ 3 отъ 80 до 85%, и только въ трехъ прогимназійхъ она не достигала 80%.

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями и преподавательницами было пропущено 5.034 уроковъ, или 4.28% общаго числа назначенныхъ уроковъ.

Болѣе всего пропущено уроковъ во Владикавказской (6,98%), Тифлисской 1-й (5,62%) и Ейской (5,30%) гимназійхъ, а также въ Темиръ-Ханъ-Шуринской (5,76%) и Александропольской (5,42%) прогимназійхъ. Менѣе же всего въ Ставропольской гимназій св. Александры и прогимназійхъ Новороссійской и Пятигорской (не достигало 1%).

Поведеніе воспитанницъ за отчетный годъ было отличное и аттестовано въ концѣ года слѣдующими отмѣтками: 5 — 6.196 ученицъ (97,8%), 4 — 136 (2,1%) и 3 — 4 ученицы (0,1%). Увольненію изъ заведеній за неодобрительное поведеніе подверглись лишь двѣ ученицы, выговору отъ педагогическаго совѣта — 6 ученицъ.

Библіотеки женскихъ гимназій и прогимназій (14 фундаментальныхъ, 17 ученическихъ и 2 пансіонерскія) къ 1-му января 1897 г. заключали въ себѣ 20.105 названій сочиненій, въ 46.303 томахъ, стоимостью 61.733 руб.; физическіе кабинеты состояли изъ 2.092 приборовъ, на сумму 23.886 руб., а прочихъ учебныхъ пособій заведенія имѣли 9.587 предметовъ, стоимостью въ 41.542 руб. Въ отчетномъ году на пополненіе всѣхъ этихъ коллекцій израсходовано 11.623 руб.

Общій итогъ прихода суммъ по женскимъ средне-учебнымъ заведеніямъ доходилъ въ 1896 г. до 572,347 (а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ до 981.101 руб.), въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 43.000 р. (7,5%), сбора за ученіе 257.458 р. (45%), за содержаніе частныхъ пансіонерокъ — 110.970 р. (19,4%), отъ городскихъ обществъ 74.909 р. (13,1%), отъ казачьихъ войскъ 8.920 руб., отъ почетныхъ попечителей 3.540 р., процентовъ съ капиталовъ 16.724 р., прочихъ поступленій 56.833 р. Сумма расходовъ достигала 524.457 р. (больше прошлаго года на 29.711 р.). Средній расходъ на каждую гимназію безъ пансіона выразился въ суммѣ 32.205 р., на прогимназію — въ 7.310 р., расходъ на гимназическій пансіонъ — 4.084 р.

Средняя стоимость обученія одной ученицы опредѣляется въ отчетномъ году въ 66 р. (отъ 28 р. до 129 р. въ отдѣльныхъ заведеніяхъ), а содержаніе одной воспитанницы пансіона—въ 181 р.

Всѣ упомянутыя учебныя заведенія расходуютъ въ общей сложности на жалованье служащимъ 59,8% всѣхъ расходовъ, на хозяйственные расходы (наемъ и ремонтъ помѣщенія и т. д.)—21,0%, на содержаніе воспитанницъ пансіоновъ—10,4%.

Къ 1-му января 1897 г. служебный персоналъ въ женскихъ гимназіяхъ состоялъ изъ 748 лицъ, въ томъ числѣ: почетныхъ попечителей и попечительницъ, предсѣдателей и членовъ попечительныхъ совѣтовъ—198, директоровъ, инспекторовъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ—18, начальницъ—17, законоучителей—43, учителей—159, учительницъ—171, воспитательницъ, надзирательницъ и пепиньерокъ—94, врачей—11, письмоводителей и дѣлопроизводительницъ—5 и прочихъ должностныхъ лицъ—32.

Александровскій учительскій институтъ помѣщается въ наемномъ домѣ вдовы купца Зетцера съ платою по 3.580 р. въ годъ. Средства на содержаніе института и состоящаго при немъ городского училища въ отчетномъ году поступили изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства—32.551 р., сбора за ученіе—3.438 р., за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—4.088 р.; такимъ образомъ сумма поступлений, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ составляетъ 41.245 р. Изъ этой суммы израсходовано 38.270 р., слѣдовательно къ 1-му января 1897 г. образовался остатокъ въ 2.975 р. Расходъ на полное содержаніе воспитанниковъ составилъ 7.784 р., или среднимъ числомъ на каждого воспитанника 145 р.

Основная бібліотека института состояла изъ 3.149 названій при 5.747 томахъ, ученическая—изъ 611 названій при 962 томахъ. Физическій кабинетъ, заключающій въ себѣ вмѣстѣ съ 7 приборами метеорологическихъ станцій 149 машинъ и приборовъ, обогатился въ истекшемъ году цѣннымъ фотографическимъ аппаратомъ, стоимостью въ 400 р. Сверхъ сего, институтъ имѣетъ естественно-историческій кабинетъ и собраніе различныхъ учебныхъ пособій по разнымъ предметамъ преподаванія.

Всѣхъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ при немъ состояло 14.

Число уроковъ, пропущенныхъ преподавателями, составляло 1,88% всего количества уроковъ, которые слѣдовало дать.

Всѣхъ учащихся въ учительскомъ институтѣ въ началѣ отчетнаго года было 95, а въ концѣ года—91. Означенные воспитанники раз-

дѣлялись: а) по сословіямъ: дворянъ—15,4%, духовнаго званія—3,3%, городскихъ сословій—40,6%, крестьянъ—24,2%, нижнихъ чиновъ и казаковъ—15,4%, иностранцевъ—1,1%; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—85,7%, армяно-григоріанъ—11%, католиковъ—1,1%, протестантовъ—1,1%, мусульманъ—1,1%. По классамъ ученики распредѣлялись такъ: въ 1-мъ классѣ было 25, во II—27, въ III—17 и въ IV — 22, такъ что среднимъ числомъ на классъ приходилось по 22,8.

Въ теченіе года выбыло изъ института 27 учениковъ; изъ нихъ окончившихъ курсъ — 19, по неуспѣшности — 1 и по прошенію — 7. Изъ 93 учениковъ успѣвшихъ оказалось 85, или 91,4%. На ряду съ занятіями прочими учебными предметами, ученики съ октября мѣсяца отчетнаго года начали проходить обязательный курсъ занятій ручнымъ трудомъ. Сверхъ сего, ученики института, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, занимались подъ руководствомъ учителя-воспитателя Вересова выкормкою шелковичнаго червя, а также метеорологическими наблюденіями подъ контролемъ Тифлисской обсерваторіи.

Поведеніе учениковъ института слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ—83 (91,2%) были аттестованы отмѣткою 5. Въ отчетномъ году на каждого ученика пришлось пропущенныхъ уроковъ 28,6, изъ которыхъ по неуважительнымъ причинамъ—1,6.

Изъ 29 входящихъ учениковъ института 18 проживали на учебныхъ квартирахъ съ платою отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ. Число посѣщеній этихъ квартиръ классными наставниками за отчетный годъ было 21.

Въ отношеніи болѣзней отчетный годъ представляется чрезвычайно благополучнымъ: при отсутствіи тяжелыхъ заболѣваній и смертныхъ случаевъ, на каждыхъ 100 учениковъ пришлось всего 76 заболѣваній.

Пансіонеровъ въ пансіонѣ института было 62; изъ нихъ въ концѣ года 30 содержались на счетъ казны, 6 — на экономической счетъ, 1—на % съ капитала города Ейска, 1—на счетъ города Владикавказъ и 25—на собственные средства.

Изъ 61 пансіонера, бывшихъ въ концѣ учебнаго года, успѣвало 55, или 90,2% (изъ входящихъ успѣвало 93, 80%).

Поведеніе пансіонеровъ института, за исключеніемъ двухъ случаевъ обнаруженія нетрезваго поведенія, было вполне удовлетворительно. Случаевъ взысканій было всего 10.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ имѣются четыре учительскія

семинаріи: Кубанская въ станицѣ Ладовской, Закавказская въ городѣ Гори, Тифлисской губерніи, Кутаисская въ мѣстечкѣ Хони и Эриванская въ городѣ Эривани.

Кубанская семинарія помѣщается въ войсковыхъ зданіяхъ, входящихъ съ каждымъ годомъ все въ большую ветхость, несмотря на значительныя ежегодныя затраты на ремонтъ. Въ виду этого давно уже въ принципѣ рѣшенъ вопросъ о переводѣ этого учебнаго заведенія въ городъ Екатеринодаръ и о постройкѣ для него на отведенномъ уже участкѣ земли вполнѣ приспособленнаго зданія.

Закавказская семинарія попрежнему занимаетъ два отдѣльных наемныхъ помѣщенія. Помѣщеніе Кутаисской семинарії выстроено для нея частнымъ предпринимателемъ и сдѣлается полною собственностью заведенія лишь въ 1902 году, пока же она уплачиваетъ за это помѣщеніе по 3.000 р. въ годъ. Эриванская семинарія также помѣщается въ наемномъ зданіи.

Средства на содержаніе семинарій поступили въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства — 112.231 р. (77,8%), отъ казачьихъ войскъ—27.148 р. (18,8%), изъ земскихъ сборовъ — 921 р. (0,6%), сбора за право ученія — 720 р. (0,5%), за содержаніе частныхъ пансіонеровъ 2.185 р. (1,5%), пожертвованій — 157 р. (0,1%), процентовъ съ капиталовъ — 435 р. (0,3%), другихъ поступленій—621 р. (0,4%). остатка отъ прежнихъ лѣтъ—13.540 (8,6%). а всего 157.958 р. Изъ этихъ суммъ израсходовано: на содержаніе заведеній—142.180 р., на содержаніе личнаго состава—52,4% общаго расхода. на хозяйственные расходы—18,8%, на содержаніе пансіонеровъ и стипендіатовъ — 26,1% и на прочіе расходы—2,7%.

Фундаментальныя и ученическія бібліотеки 4 учительскихъ семинарій къ 1-му января 1897 г. заключали въ себѣ 11.927 сочиненій, въ 23.543 томахъ, на сумму 33.093 р. Физическіе кабинеты—2.024 прибора стоимостью 9.553 р. и 7.612, прочіихъ учебныхъ пособій на сумму 18.025 р. Израсходовано на приобрѣтеніе книгъ и пособій въ отчетномъ году 4.696 р.

Всѣхъ служащихъ въ семинаріяхъ было 60, а именно: 4 директора, 1 инспекторъ татарскаго отдѣленія при Закавказской семинарії, 8 законоучителей, 20 штатныхъ наставниковъ, 14 преподавателей для обученія разнымъ искусствамъ и мастерствамъ, 4 врача и 9 прочіихъ должностныхъ лицъ.

Всѣхъ положенныхъ по росписанію уроковъ было 16.703, изъ ко-

ихъ пропущено преподавателями 468, или 2,8%. Учащихся состояло къ началу 1896 года—281; въ теченіе года вновь поступило 83 воспитанника, окончило курсъ—55, выбыло до окончанія курса—23; такимъ образомъ къ 1-му января 1897 г. въ учительскихъ семинаріяхъ состояло 286 воспитанниковъ. Всѣ воспитанники распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 126, армяно-григоріанъ — 24, мусульманъ — 52, прочихъ исповѣданій—5; б) по сословіямъ: дворянъ — 38, духовнаго званія — 17, городскихъ сословій—24 и сельскихъ—128. Какъ успѣхи, такъ и поведеніе учащихся можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ.

Помимо обязательныхъ предметовъ, въ трехъ семинаріяхъ Закавказскаго края происходило преподаваніе мѣстныхъ туземныхъ языковъ. Кроме того, во всѣхъ семинаріяхъ обращалось должное вниманіе на занятія воспитанниковъ разными отраслями сельскаго хозяйства мастерствами и ручнымъ трудомъ, игрою на скрипкѣ и производствомъ метеорологическихъ наблюденій.

Санитарное состояніе учительскихъ семинарій можно признать удовлетворительнымъ, кромѣ лишь Кубанской семинаріи, въ которой, какъ и въ предыдущемъ году, особенно много было случаевъ заболѣваній лихорадками, грудными, горловыми и желудочными болѣзнями. Всѣхъ случаевъ заболѣваній было 443 и изъ нихъ болѣе половины (240) приходится на одну Кубанскую семинарію. Смертныхъ же случаевъ было 2 (0,7%), по одному въ семинаріяхъ Закавказской и Кутаисской.

Изъ четырехъ семинарій одна только Кубанская попрежнему не имѣетъ еще пансіона. Общее число пансіонеровъ въ началѣ года было 199, а въ концѣ года — 197, изъ коихъ: казеннокоштныхъ—718, на счетъ разныхъ учрежденій—3, экономическихъ—2 и своекоштныхъ—5.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ къ концу отчетнаго года было 38 городскихъ училищъ (въ концѣ отчетнаго года открыто новое 3-хъ-классное городское училище въ гор. Грозномъ, Терской области и 4 городскихъ училища, изъ коихъ 2 четырехклассныхъ и 2 трехклассныхъ, преобразованы въ шестиклассныя). Во всѣхъ городскихъ училищахъ считалось 208 классовъ при 239 отдѣленіяхъ.

Библіотеки городскихъ училищъ (кромѣ училища при учительскомъ институтѣ) заключали въ себѣ 47.089 названій, въ 108.398 томахъ, стоимостью 117.827 руб., физическіе кабинеты — 5.577 приборовъ, на сумму 31.999 руб., и собранія прочихъ учебныхъ пособій—19.842 предмета, на сумму 56.047 руб.

Въ отчетномъ году на содержаніе 37 городскихъ училищъ (не считая училища при учительскомъ институтѣ) поступило 291.772 руб.. изъ коихъ: отъ государственнаго казначейства—134.096 руб. (45,7%), отъ городскихъ обществъ—68.829 руб. (23,6%), отъ казачьихъ войскъ изъ земскихъ сборовъ—30.027 руб. (3,5%), сбора за право ученія—69.751 р. (24%), изъ разныхъ другихъ источниковъ—9.069 р. (3,2%). На содержаніе тѣхъ же 37 училищъ израсходовано 290.057 руб.. изъ коихъ на личный составъ—65,8%, на хозяйственные расходы—22,6%, на содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ—4% и на прочіе расходы—7,6%. Въ среднемъ на содержаніе одного училища (безъ расходовъ на пансіоны) израсходовано 7.329 руб., а на обученіе одного учащагося—31,4 руб. Размѣръ платы за право ученія взимается въ городскихъ училищахъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1 училищѣ—по 20 руб. въ годъ, въ 6—по 16 руб., въ 1—по 15 руб., въ 3—по 14 руб., въ 6—по 12 руб., въ 9—по 10 руб., въ 3—по 8 руб., въ 3—по 6 руб., въ 3—по 5 руб., въ 1—3 руб. и въ одномъ (Бакинскомъ) никакой платы не взимается (не введена еще плата въ Грозненскомъ училищѣ).

Безплатнымъ обученіемъ въ училищахъ пользовались: въ первое полугодіе—1.535 (21,4%), во второе—1.697 (20%), а безплатнымъ содержаніемъ въ пансіонахъ и конвиктахъ въ оба полугодія—56 воспитанниковъ. Особья учрежденія для вспомошествованія бѣднымъ учащимся существуютъ при 12 училищахъ. Эти общества имѣли въ остаткѣ отъ прежнихъ лѣтъ 20.744 руб., въ отчетномъ году собрано 6.957 руб., израсходовано—6.182 руб. и осталось къ концу года—21.519 руб.

Изъ городскихъ училищъ округа 9 пользуются собственными помѣщеніями, 12 помѣщаются въ домахъ, принадлежащихъ городскимъ управленіямъ или нанимаемыхъ на средства этихъ управленій, а остальные 17—въ наемныхъ помѣщеніяхъ за плату, производимую изъ штатныхъ и отчасти специальныхъ средствъ самихъ училищъ.

Всѣхъ служащихъ въ городскихъ училищахъ было 409 лицъ, изъ коихъ: почетныхъ смотрителей—23, инспекторовъ завѣдующихъ училищами—37, законоучителей—70, штатныхъ учителей—108, сверхштатныхъ учителей и учительскихъ помощниковъ—66, врачей—32 и прочихъ должностныхъ лицъ—73.

Изъ 142.758 положенныхъ по росписаніямъ уроковъ было пропущено преподавателями 5.638, или 3,95%.

Всѣхъ учащихся въ городскихъ училищахъ къ концу отчетнаго

года было 8.639 человекъ, изъ которыхъ 8.505 приходящихъ и 134 воспитанника въ пансіонахъ и конвиктахъ.

Всѣ ученики распредѣлялись: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 63,2⁰/₀, армяно-григоріанъ — 26,1⁰/₀, католиковъ — 2,8⁰/₀, мусульманъ — 4,8⁰/₀, протестантовъ — 0,8⁰/₀, іудеевъ — 1,5⁰/₀, прочихъ исповѣданій — 0,8⁰/₀; б) по сословіямъ: дворянъ: — 12,5⁰/₀, духовнаго званія — 2,6⁰/₀, городскихъ сословій — 51,1⁰/₀, сельскихъ сословій — 33,1⁰/₀, иностранцевъ — 0,7⁰/₀.

Подавшихъ прошенія о приѣмѣ въ городскія училища было въ отчетномъ году 4.415 (въ 1895 г. — 3.404). Изъ нихъ приняты 2.991 (67,7⁰/₀) и не приняты 1.424 (32,3⁰/₀; по недостатку мѣстъ въ классахъ 1.106, или 77,7⁰/₀). Выбыло въ теченіе года 2.150 учениковъ, изъ коихъ 483 за окончаніемъ курса (5,6⁰/₀) и 1.667 неокончившихъ курса (19,3⁰/₀). Изъ числа 7.365 учениковъ, числившихся въ городскихъ училищахъ къ концу 1895 — 1896 учебнаго года, окончили полный курсъ или переведены въ слѣдующіе классы 5.673, или 77⁰/₀. Эту успѣшность можно признать очень высокою (въ 1895 г. — 73,1⁰/₀, въ 1894 г. — 70,6⁰/₀, въ среднемъ за 15-лѣтній періодъ 1879 — 1893 годовъ — 66,4⁰/₀).

Кромѣ обязательныхъ по уставу предметовъ преподаванія во многихъ городскихъ училищахъ учащіеся, по желанію, могутъ обучаться нѣкоторымъ дополнительнымъ предметамъ: мѣстнымъ языкамъ, разнымъ искусствамъ и мастерствамъ и нѣкоторымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Поведеніе учениковъ было въ отчетномъ году вполне удовлетворительно. Случаевъ заболѣваній было въ отчетномъ году 7.821, или по 91 на каждые 100 учащихся, а смертныхъ случаевъ — 20, или 0,23⁰/₀.

Горскихъ школъ въ отчетномъ году, какъ и въ прошломъ, было 5: окружная трехклассная въ слоб. Нальчикъ (Терской области) и 4 начальныя, изъ которыхъ 3 двухклассныя въ городахъ Грозномъ, Майкопѣ и Сухумѣ и 4-ая одноклассная въ м. Назрань (Терской области).

Всѣ горскія школы имѣютъ небольшія фундаментальныя и ученическія бібліотеки, въ коихъ состояло 5.692 названія въ 13.192 томахъ, на сумму 13.619 руб. Сухумская и Нальчикская школы имѣютъ небольшіе физическіе кабинеты, состоящіе изъ 224 приборовъ, стоимостью 720 руб. Кромѣ того, школы достаточно снабжены учебными пособиями по разнымъ предметамъ преподаванія, каковыхъ къ концу года состояло 1.919, на сумму 6.045 руб.

На содержаніе всѣхъ горскихъ школъ поступило въ отчетномъ году 50.909 руб., изъ коихъ 73,7%—отъ государственнаго казначейства, 12,6%—изъ земскихъ сборовъ и городскихъ обществъ, 8,7%—сбора за ученіе и платы за содержаніе частныхъ воспитанниковъ и 5%—изъ разныхъ другихъ источниковъ.

Израсходовано на содержаніе школъ 50.866 руб. въ томъ числѣ: на личный составъ—38,9%, на хозяйственныя надобности—22%, на содержаніе пансіонеровъ—32,5% и на прочіе расходы—6,6%.

За право ученія взимается въ годъ: въ Сухумской школѣ—6 р., въ Нальчинской—5 руб., въ остальныхъ трехъ школахъ—по 3 руб., за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ—отъ 60 до 120 руб. въ годъ. Четыре горскія школы помѣщаются въ собственныхъ домахъ, одна же, Грозненская, въ наемномъ съ платою по 1.500 руб. въ годъ.

Служащихъ въ горскихъ школахъ было 52, а именно: смотрителей 5, законоучителей 7, учителей 18, врачей 3, прочихъ должностныхъ лицъ 19.

Пропущено преподавателями 745 уроковъ, или 5,21% всего положеннаго по росписанію числа уроковъ. Общее число учащихся въ началѣ 1896 г. было 615; изъ нихъ во время года вышло 56 за окончаніемъ курса, 12 уволенныхъ, 5 за болѣзнию или смертью и 112—по собственному желанію, поступило же вновь 215, слѣдовательно къ 1-му января 1897 г. всѣхъ учащихся было 645 человекъ. Успѣхи и поведеніе учащихся можно признать вполне удовлетворительными.

Кромѣ общеобязательныхъ предметовъ, въ горскихъ школахъ преподаются еще слѣдующія дополнительные: французскій языкъ, арабскій языкъ, столярно-токарное и переплетное мастерства, садоводство и огородничество, пѣніе, гимнастика, музыка и т. д. Пансіонеровъ въ горскихъ школахъ въ отчетномъ году было 232 человекъ.

Маріинскихъ женскихъ училищъ въ округѣ имѣется три, въ гор. Батумѣ, Карсѣ и Шумѣ. Каждое училище состоитъ изъ 4 нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго, состоящаго изъ двухъ отдѣленій, такъ что общее число классовъ или отдѣленій равняется 18. При училищахъ имѣются небольшія бібліотеки и собранія учебныхъ пособій, стоимость коихъ къ концу отчетнаго года составляла 4.172 руб.

За отчетный годъ училища получили изъ разныхъ источниковъ 19.935 руб. (отъ городскихъ обществъ—7.810 руб., платы за уче-

нія — 5.913 руб., изъ государственнаго казначейства — 3.893 руб. и т. д.), а вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—22.176 руб.

Средняя стоимость обученія одной ученицы — 31 руб. За право ученія взимается съ каждой ученицы въ годъ: въ Батумскомъ училищѣ—20 руб., въ Шущинскомъ—15 руб. и въ Карскомъ—10 руб. Батумское и Карское училища имѣютъ собственныя помѣщенія, а Шущинское помѣщается въ наемномъ зданіи, въ платю по 700 руб. въ годъ.

Всѣхъ служащихъ въ училищахъ было 49 (23 мужчины и 26 женщинъ), въ томъ числѣ: членовъ попечительныхъ совѣтовъ — 14, председателей педагогическихъ совѣтовъ—2, смотрительницъ—3, законоучителей—4, учителей—12, учительницъ—13 и другихъ служащихъ—1.

Въ началѣ отчетнаго года въ 3 училищахъ было 396 ученицъ, въ теченіе года изъ нихъ вышло 85 (22 по окончаніи курса), вновь поступило 277, и къ концу года осталось 588, такъ что общее число учащихся за годъ увеличилось на 192, или на 48,5%. Изъ общаго числа учащихся приходится на Шущинское училище — 253, Батумское—174 и Карское—161.

Въ общемъ числѣ учащихся въ трехъ училищахъ русскія составляютъ 17,9%, грузинки—4,9%, армянки — 65,5%, еврейки — 7%, по исповѣданіямъ преобладаютъ православныя (24,8%) и армяно-григоріанки (62,4%); по сословіямъ: учащіяся привилегированныхъ сословій (19%) и городскихъ (73,3%).

Изъ 402 ученицъ, бывшихъ въ училищахъ въ концѣ отчетнаго года, оказали удовлетворительные успѣхи и потому переведены въ слѣдующіе классы и окончили полный курсъ 288, или 71,6%. Поведеніе ученицъ въ отчетномъ году было вполнѣ хорошее.

Санитарное состояніе училищъ можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Смертныхъ случаевъ не было ни одного.

Мореходныхъ классовъ въ Кавказскомъ округѣ въ отчетномъ году, какъ и прежде, было 3: Анапскій, Потійскій и Бакинскій мореходные классы. Состоятъ они изъ штурманскаго и шкиперскаго классовъ, такъ что всѣхъ отдѣльныхъ классовъ 6, при 7 отдѣленіяхъ. Мореходные классы имѣютъ небольшія библіотеки (637 сочиненій, въ 1.421 томахъ, на сумму 1.793 руб.) и необходимыя для спеціальнаго курса навигаціонные кабинеты (333 прибора, стоимостью 3.807 руб.), а Бакинскій классъ имѣетъ еще нѣсколько пособій по предметамъ общеобразовательнымъ (15 предметовъ на 139 руб.).

На содержаніе классовъ въ отчетномъ году поступило 6.995 руб. (изъ государственнаго казначейства—3.257 руб., отъ городскихъ обществъ — 3.738 руб.). Израсходовано въ теченіе года 6.912 руб. Классы помѣщаются въ наемныхъ помѣщеніяхъ, за которыя въ годъ уплачивается 2.050 руб.

Всѣхъ служащихъ къ концу отчетнаго года было 12, а именно: 3 завѣдующихъ классами и преподающихъ въ классахъ спеціальные предметы, 4 преподавателя общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ и 5 членовъ комитета при Анапскомъ классѣ. Классныя занятія въ мореходныхъ классахъ начинаются лишь во второй половинѣ октября или съ ноября и заканчиваются уже въ началѣ марта мѣсяца. Въ отчетномъ году въ 3 мореходныхъ классахъ всего слѣдовало дать 1.468 уроковъ, которые дѣйствительно и были даны, безъ всякихъ пропусковъ.

Число учащихся по 1-ое января 1897 г. — было 124 (70 въ Бакинскомъ классѣ, 34 — въ Потійскомъ и 20 — въ Анапскомъ). Принято вновь въ отчетномъ году—78, отказано въ приемѣ—12, выбыло изъ классовъ за окончаніемъ курса—75 и до окончанія—17. По исповѣданію преобладали православные (80,6%) и по сословіямъ — горожане (47,5%). Изъ бывшихъ въ концѣ учебнаго года 138 учениковъ оказали удовлетворительные успѣхи 78, или 56,5%. Отмѣтокъ за поведеніе не выставлялось, но дисциплинарныя взыскапія примѣняются сравнительно часто и строго. Санитарное состояніе мореходныхъ классовъ за прошлый годъ должно быть признано довольно удовлетворительнымъ; смертныхъ случаевъ не было, а заболѣвавшіе приходилось по 123 на 100 учащихся.

Всѣхъ промышленныхъ училищъ въ Кавказскомъ округѣ было 10, изъ нихъ организованы вполнѣ согласно съ основными положеніями о промышленныхъ училищахъ только 5. Остальныя 5 заведеній—ремесленныя училища Владикавказское графа Лорисъ-Меликова, Ставропольское. Елисаветпольское и Тифлисское Михайловское и, наконецъ, Закатальское, существуютъ на основаніи особыхъ о нихъ положеній и уставовъ.

За отчетный годъ общее число классовъ увеличилось съ 28 до 31, а число отдѣленій уменьшилось съ 44 до 43; число же мастерскихъ увеличилось съ 29 до 31.

Библиотеки всѣхъ училищъ заключали къ концу года 4.680 названій, въ 10.208 томахъ, стоимостью 12.539 руб., физическіе кабинеты—689 приборовъ, на сумму 3.964 руб.. собранія прочихъ учеб-

ныхъ пособій—4.763 предмета, стоимостью 6.327 руб., а инвентарь мастерскихъ заключали 6 паровыхъ машинъ, 1.249 станковъ, верстаковъ и прочихъ болѣе крупныхъ предметовъ и разныхъ мелкихъ инструментовъ по различнымъ мастерствамъ — 31.621, всего на сумму 97.765 руб.

На содержаніе всѣхъ 10 учебныхъ заведеній въ отчетномъ году поступило 161.553 руб. (съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ—200.359 руб.), изъ коихъ 21% изъ государственнаго казначейства, отъ городскихъ и сельскихъ обществъ—46,3%, отъ казачьихъ войскъ и изъ земскихъ сборовъ — 7,4%, сбора за право ученія и платы за частныхъ пансіонеровъ — 4,1% и изъ разныхъ другихъ источниковъ — 21,2%. Израсходовано за годъ 165.531 руб. Средняя стоимость ученія одного учащагося опредѣлилась въ 164 руб., а содержанія каждаго пансіонера — въ 130 руб. За право ученія въ училищахъ взимается—отъ 3 до 30 руб., а за содержаніе въ пансіонахъ — отъ 80 до 140 руб. въ годъ. 6 ремесленныхъ училищъ пользуются собственными помѣщеніями, остальные же помѣщаются временно въ наемныхъ домахъ.

Всѣхъ служащихъ въ училищахъ было 127, а именно: 5 почетныхъ смотрителей, 9 завѣдующихъ училищами, 11 законоучителей, 29 учителей общеобразовательныхъ предметовъ, 30 преподавателей ремеслъ и руководителей практическими занятіями учащихся, 8 врачей и 35 прочихъ должностныхъ лицъ.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ составляло лишь 2,73% общаго числа уроковъ. Въ 1896 году всѣхъ учащихся было 784; въ теченіе года вновь приняты 425, выбыло по окончаніи курса 60, было уволено 15, выбыло за болѣзнь или смертью 4, по желанію родителей 116, такъ что къ 1-му января 1897 г. всѣхъ учащихся было 813 человекъ. Успѣшность и поведеніе учащихся могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. Санитарное состояніе училищъ весьма удовлетворительно и выразилось 130 случаями заболѣваній на 100 учениковъ и 2 смертными случаями.

Пансіонеровъ было (въ 4-хъ пансіонахъ при ремесленныхъ училищахъ) 276 человекъ. По успѣхамъ пансіонеры были значительно выше своихъ товарищей приходящихъ (84,4% и 52%). За дурное поведеніе уволено изъ пансіонеровъ и вовсе изъ училища 5 пансіонеровъ. Среднее число пропущенныхъ однимъ пансіонеромъ уроковъ равнялось 23,7.

Частныхъ учебныхъ заведеній въ Кавказскомъ округѣ было 128.

По мѣстностямъ училища эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ Тифлисской губерніи съ Закавказскимъ округомъ — 38 (изъ нихъ 35 въ гор. Тифлибѣ), въ губерніяхъ Бакинской—21, Кутаисской—16, Елизаветпольской—15, Эриванской — 11, Ставропольской—8 и Черноморской—2, въ областяхъ Кубанской—8, Терской—5 и Закаспійской—4 (въ областяхъ же Дагестанской и Карской вовсе нѣтъ частныхъ училищъ). Изъ бывшихъ въ началѣ 4 частныхъ учебныхъ заведеній 1 разряда къ концу года осталось только 2: Тифлисская дворянская школа и женское учебное заведеніе св. Нины въ Баку; ко II разряду причисляется 8 учебныхъ заведеній, изъ коихъ 6 мужскихъ, остальные же 118 училищъ причисляются къ III разряду, изъ коихъ 46 мужскихъ, 12 женскихъ и 60 смѣшанныхъ. Пансіоны существуютъ при 29 училищахъ, а общее число классовъ въ нихъ въ концѣ года равнялось 217.

Частныя училища находятся въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ и ревизуются чинами этихъ дирекцій.

Въ отчетномъ году плата за ученіе колебалась отъ 1 до 240 р., за содержаніе въ пансіонахъ отъ 96 до 480 р. въ годъ.

Всѣхъ служащихъ въ частныхъ училищахъ въ концѣ года было 541, въ томъ числѣ: содержателей и содержательницъ—109, законоучителей—79, учителей, учительницъ, воспитателей и воспитательницъ—322 и прочихъ служащихъ—31.

Всѣхъ учащихся въ началѣ года въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ было 5.387 — 4.054 мальчика и 1.333 дѣвочки, а въ концѣ года ихъ было 6.953—4.829 мальчиковъ и 2.124 дѣвочки, изъ коихъ 6.476 входящихъ и 477 пансіонеровъ и пансіонерокъ. Въ теченіе года во всѣхъ училищахъ вновь поступило 3.307 учащихся и выбыло 1.741, чѣмъ и объясняется увеличеніе общаго числа учащихся на 1.566, или 29,1⁰/₁₀₀.

Учащіеся въ концѣ года распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по разрядамъ училищъ: на 2 училища 1 разряда приходится 692 учащихся, на 8 училищъ II разряда — 681 и на 118 училищъ III разряда—5.580; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 48,8⁰/₁₀₀, армяно-григоріанъ — 36,7⁰/₁₀₀, католиковъ — 1,4⁰/₁₀₀, протестантовъ— 3,4⁰/₁₀₀, иудеевъ—3,2⁰/₁₀₀, мусульманъ—2,4⁰/₁₀₀ и прочихъ исповѣданій— 4,1⁰/₁₀₀; в) по сословіямъ: дворянъ—25,6⁰/₁₀₀, духовнаго званія—3⁰/₁₀₀, городскихъ сословій — 50,8⁰/₁₀₀, сельскихъ — 19,2⁰/₁₀₀ и иностранцевъ— 1,4⁰/₁₀₀.

Учащіеся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ большею частью

принадлежать къ болѣе или менѣе состоятельнымъ семьямъ и потому живутъ въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ, чѣмъ, напримѣръ, учащіеся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Поэтому, естественно, заболѣваемость и смертность въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ очень невысоки. Въ Кавказскомъ округѣ начальныхъ училищъ было 1.088 (открыто во время года 99 новыхъ училищъ). Распредѣлялись они слѣдующимъ образомъ: а) по дирекціямъ, областямъ и губерніямъ: въ Кубанской области—324 училища, въ Ставропольской губерніи—172, въ Терской области—122, въ Черноморской губерніи—12, слѣдовательно всего на Сѣверномъ Кавказѣ—630 училищъ; въ Тифлисской дирекціи—131 училище; въ Кутаисской губ.—160; въ Эривано-Елисаветпольской дирекціи—89; въ Бакинско-Дагестанской дирекціи—51 училище, всего слѣдовательно въ Закавказскомъ краѣ 431 училище; въ Закаспійской области — 27 училищъ; б) по отношенію къ населенію края: такъ какъ населеніе Кавказскаго края можетъ быть принято приблизительно въ 8.541.000 душъ, то оказывается, что въ краѣ одна начальная школа приходится приблизительно на 8 тыс. населенія, отдѣльно на Сѣверномъ Кавказѣ—на 5,3, въ Закавказскомъ краѣ — на 12,1 тыс. душъ; в) по типу и организаціи, а также по источникамъ для своего содержанія, всѣ начальныя училища могутъ быть распредѣлены на 4 главныя группы: казенныя, общественныя, церковно-приходскія и школы, существующія на средства благотворительныхъ обществъ или частныхъ лицъ. Казенныхъ училищъ было 67, на средства благотворительныхъ обществъ содержалось 27 школъ, на средства частныхъ лицъ — 10, а церковно-приходскихъ школъ — 4. Всѣ остальные 937 училищъ въ округѣ суть училища общественныя и содержатся на средства городскихъ, земскихъ и сельскихъ обществъ; д) по преподавательскому языку: въ 915 училищахъ все преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ, а въ остальныхъ 173 — на смѣшанномъ языкѣ, то-есть, въ началѣ курса преимущественно на мѣстныхъ языкахъ, съ участіемъ русскаго, а въ старшихъ отдѣленіяхъ—на русскомъ съ помощью туземныхъ языковъ.

На содержаніе начальныхъ училищъ въ 1896 году поступило 1.256.280 р., то-есть, на 7,6% больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Эта сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ: а) на училища Сѣвернаго Кавказа приходится — 665.081 р., на училища Закавказскаго края—551.372 р., на училища Закаспійской области—39.827 р.; б) на двухклассныя училища—467.704 р., на одноклас-

сныя училища—788.576 р.; с) по источникамъ содержанія суммы, поступившія собственно на содержаніе училищъ Кавказскаго края (не включая училищъ Закаспійской области), распредѣляются такъ: изъ государственнаго казначейства—98.131 р. (8,1⁰/о), отъ казачьихъ войскъ—17.424 р., (1,4⁰/о), изъ земскихъ сборовъ—52.047 р. (4,3⁰/о), отъ городскихъ обществъ—140.745 р. (11,6⁰/о), отъ сельскихъ станичныхъ обществъ—574.422 р. (47,2⁰/о), отъ благотворительныхъ обществъ—19.140 р. (1,6⁰/о), отъ церквей и монастырей—8.154 руб. (0,7⁰/о), сборы за ученіе и воспитаніе — 72.415 р. (5,9⁰/о), отъ почетныхъ блюстителей и попечителей и другихъ частныхъ жертвователей — 21.366 р. (1,7⁰/о), процентовъ съ капиталовъ — 15.891 руб. (1,3⁰/о) и изъ другихъ источниковъ — 196.718 р. (16,2⁰/о). Израсходовано на содержаніе всѣхъ училищъ 1.088.512 р. (въ томъ числѣ 616.623 р. на училища Сѣвернаго Кавказа, 432.062 р. на училища Закавказья и 39.827 р. на училища Закаспійской области). Больше число начальныхъ училищъ пользуется собственными помѣщеніями, а именно 871 изъ 1.088.

Библиотеки учащихся имѣются при большинствѣ училищъ (982, или 90⁰/о) и заключаютъ въ общей сложности до 700 тысячъ томовъ, на сумму около 385 тысячъ руб., такъ что каждая библиотека въ среднемъ имѣетъ до 700 томовъ, стоимостью до 400 р. Учебными пособиями въ достаточномъ количествѣ снабжены 952 училища (88⁰/о). На приобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій въ отчетномъ году израсходовано было 63.673 р., или почти по 60 р. на каждое училище; изъ этой суммы почти 50 р. приходится на училища Сѣвернаго Кавказа. Къ 1-му января 1897 г. всѣхъ служащихъ въ начальныхъ училищахъ округа числилось 3.582. Распредѣляются они слѣдующимъ образомъ: а) въ училищахъ Сѣвернаго Кавказа — 2.357, Закавказскаго края—1.150 и Закаспійской области — 75; б) попечителей и попечительницъ, почетныхъ блюстителей и блюстительницъ — 689, законоучителей — 835, завѣдывающихъ училищами, учителей, учительницъ и ихъ помощниковъ и помощницъ—1.690 и прочихъ должностныхъ лицъ — 368; д) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 3.027, армяно-григоріанъ—188, католиковъ—60, протестантовъ—109, мусульманъ — 197 и прочихъ исповѣданій — 1. Изъ 1.180 учителей было получившихъ спеціальную подготовку въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ — 639 (54,1⁰/о), окончившихъ курсъ въ среднихъ общеобразовательныхъ, учебныхъ заведеніяхъ — 35 (3⁰/о), въ духовныхъ семинаріяхъ или училищахъ—53 (4,5⁰/о), въ городскихъ

и другихъ низшихъ училищахъ—273 (23,1%), въ начальныхъ училищахъ или неокончившихъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, или получившихъ лишь домашнее образованіе—180 (15,3%). Изъ 510 учительницъ было получившихъ спеціальную педагогическую подготовку.—240 (47,1%), окончившихъ общеобразовательный курсъ въ женскихъ гимназіяхъ, институтахъ или епархіальныхъ училищахъ—171 (33,5%) и неокончившихъ курсъ этихъ заведеній, обучавшихся въ начальныхъ и частныхъ училищахъ или же получившихъ лишь домашнее образованіе — 99 (19,4%). Такимъ образомъ, всего получившихъ спеціально-педагогическую подготовку учителей и учительницъ можно считать 879 изъ 1.690, то-есть, 52%.

Всѣхъ учащихся въ начальныхъ училищахъ къ 1-му января 1897 г. было 79.861 человекъ (къ 1-му января 1896—71.278 человекъ). Распредѣляются они слѣдующимъ образомъ: а) по мѣстностямъ: на Сѣверномъ Кавказѣ (причисляя къ нему и Черноморскую губернію, что собственно неправильно) — 48.485; въ Закавказскомъ краѣ (кроме Черноморской губерніи)—30.267, или всего на Кавказѣ (безъ Закаспійской области) — 78.852 и, наконецъ, въ Закаспійской области—1.009. б) по разрядамъ училищъ: въ казенныхъ училищахъ обучалось 6.155 человекъ; въ общественныхъ училищахъ—66.583; въ училищахъ, содержимыхъ благотворительными обществами и на средства частныхъ лицъ — 3.751; d) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—77,2%, армяно-григоріанъ—7,4%, католиковъ—1,8%, протестантовъ—5,3%, іудеевъ—0,6%, мусульманъ—5,2% и прочихъ исповѣданій — 2,5%; с) по сословіямъ: дворянъ — 3,1%, духовнаго званія — 1,4%, городскихъ сословій — 14,4%, сельскихъ сословій — 80,4% и иностранцевъ—0,7%; е) по полу учащихся: мальчиковъ—61.828, и дѣвочекъ—18.003; f) почти всѣ учащіеся въ начальныхъ училищахъ приходящіе ученики: въ пансіонахъ и конвиктахъ содержалось лишь 304 учащихся (168 мальчиковъ и 136 дѣвочекъ). Изъ общаго числа учащихся окончилъ въ отчетномъ году курсъ 5.262 человекъ (6,6%), и изъ нихъ приобрѣли право на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности 1.463 человекъ (2,3%), вышло до окончанія курса, но уже обученныхъ грамотъ—12.880 человекъ, или 16,1%; за недобрительное поведеніе уволено было въ отчетномъ году 112 учащихся, то-есть, 0,14%.

Изъ необязательныхъ и дополнительныхъ предметовъ пѣніе, гимнастика и женское рукодѣліе сдѣланы почти обязательными и введены вездѣ, гдѣ только къ этому представлялась малѣйшая возмож-

ность. Профессиональныя занятія разными мастерствами и отраслями сельскаго хозяйства продолжаютъ развиваться въ начальныхъ училищахъ округа, благодаря принимаемымъ дирекціями съ этою цѣлью мѣрамъ.

Всѣхъ случаевъ заболѣванія заразными болѣзнями въ отчетномъ году было 13.591, изъ коихъ окончились смертью 132, или почти 1⁰/₀; кромѣ того, было еще смертныхъ случаевъ отъ разныхъ другихъ болѣзней—71 и отъ несчастныхъ случаевъ—19, такъ что всѣхъ смертныхъ случаевъ было 222, что даетъ процентъ смертности, равный 0,28⁰/₀. Такой результатъ показываетъ, что истекшій годъ можетъ быть названъ въ санитарномъ отношеніи весьма благопріятнымъ, такъ какъ въ 1895 г. процентъ смертности равнялся 0,58⁰/₀, а за 15-лѣтній періодъ 1879—1893 годовъ—0,44⁰/₀.

ИФИГЕНІЯ — ЖЕРТВА ¹⁾.

АНТИЧНАЯ ТРАГЕДІЯ

подъ именемъ Еврипида, сына Мнесархова, вмѣстѣ съ „Алкмеономъ въ Коринѣѣ“ и „Вакханками“ поставлена была его сыномъ Еврипидомъ на аѣинскую сцену въ одинъ изъ послѣднихъ Элафеболиевъ пятаго вѣка (послѣ 406 года) и стяжала памяти поэта первый призъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе XV.

КЛИТЕМНЕСТРА

(выходитъ изъ шатра вся блѣдная).

Шатеръ меня томить... О, я должна
Царю сказать такъ много... Что-же держитъ
Его и гдѣ?.. Несчастливая малютка
Все отъ меня узнала: плачь она,
Съ рыданьями мѣшая, истерзала
Мнѣ сердце тамъ, въ палаткѣ. Такъ ее

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, отд. класс. филол., за 1898 годъ.

Въ слезахъ я и оставила... Но вотъ онъ...
 (на приближающагося Агамемнона).
 Вотъ будущій дѣтубійца. Скоро
 Міръ поразить онъ язвою души...

Явленіе XVI.

АГАМЕМНОНЪ и КЛИТЕМНЕСТРА.

(На лицѣ Агамемнона сквозъ блѣдность сквозить рѣшимость, ноздри раздуваются, губы сжаты).

АГАМЕМНОНЪ.

Какъ счастливъ я. о чадо Леды дивной,
 Что говорить съ тобою я могу
 Безъ Ифигеніи. Невѣстамъ рѣчи
 Внимать иной совѣмъ не подобаетъ.

КЛИТЕМНЕСТРА (не безъ ироніи).

Рокъ угодилъ царю... А дальше что? —

АГАМЕМНОНЪ.

А дальше... Дочь отправишь ты со мною.
 Готово все для жертвы: возліянье,
 Крупа—огонь священный разжигать.
 И телки тамъ готовы кровью черной,
 Пролитою во славу Артемидѣ,
 Вѣнчальный пиръ торжественно открыть. (Пауза)
 (Клитемнестра собирается съ духомъ).

КЛИТЕМНЕСТРА.

О. рѣчь твою я назову прекрасной...
 Ну, а для дѣль—самъ имя подберешь.
 (По направленію къ шатру).
 Иди сюда, о дочь моя: ты знаешь
 Всѣ замыслы отцовскіе—съ собой
 Подъ пелосомъ неси сюда малютку,
 Ореста—брата...

Явленіе XVII.

АГАМЕМНОНЪ, КЛИТЕМНЕСТРА, ИФИГЕНІЯ.

(Изъ шатра вся въ слезахъ выходитъ одѣтая невѣстой и разубранная Ифигенія.
Она несетъ Ореста).

КЛИТЕМНЕСТРА.

Вотъ она, Атридъ,
Вотъ дочь твоя покорная... Но слушай,
Я буду за обѣихъ говорить...

АГАМЕМНОНЪ (не слушая жены).

Ты плачешь, дочь? А такъ еще недавно
Смѣялась ты... Потупленъ взоръ... Лицо
Ты за фатую прячешь... Что съ малюткой?
(Ифигенія молча плачетъ).

КЛИТЕМНЕСТРА.

Увы! Увы!
Съ какой бѣды начать? Средь этихъ золь
Не каждое ль покажется мнѣ первымъ?
Кто въ морѣ васъ, о волны, различить?

АГАМЕМНОНЪ (съ дѣланымъ нетерпѣніемъ).

Да что такое съ вами? Точно спѣлись...
Смущенный видъ... Тревожные глаза...

КЛИТЕМНЕСТРА

(въ глаза Атриду, послѣ краткаго молчанія, рѣзко).

Царь, твой отвѣтъ не посрамить Атрида?

АГАМЕМНОНЪ (стараясь попасть въ ея тонъ).

Безъ лишнихъ словъ, царица—твой вопросъ. (Молчаніе).

КЛИТЕМНЕСТРА.

(раздѣльно, виваясь въ него глазами).

Ты—нашу—дочь—убить—не собирался?

АГАМЕМНОНЪ.

Га...

О тяжкій бредъ... Какъ, какъ дерзнула ты?..

КЛИТЕМНЕСТРА.

Пожалуйста спокойнѣе!..

Ты мнѣ отвѣтить долженъ, Агамемнонъ!

АГАМЕМНОНЪ (силься улыбнуться).

Вопроса жду умнѣй изъ устъ твоихъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да или нѣтъ, скажи, да или нѣтъ...

АГАМЕМНОНЪ.

О, рокъ! О, тяжкій рокъ! Проклятый жребій!..

КЛИТЕМНЕСТРА.

Проклятый да, и всёмъ троимъ одинъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Тебя-то кто-жъ обидѣлъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты отвѣта

Ждешь отъ меня?.. Иль не въ своемъ умѣ?

АГАМЕМНОНЪ.

Все кончено... Она узнала тайну...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, ковы, царь, извѣстны мнѣ давно.

(Агамемнонъ закрывается гиматіемъ и глухо стонетъ).

Теперь же молча ты однимъ стenanьемъ

Признался мнѣ... И словъ я не прошу...

АГАМЕМНОНЪ (поднимая голову).

На что слова? Или прикажешь ложью
Безстыдною несчастье украшать?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну слушай же... Теперь завѣсы сняты:
Вы, мысли вслухъ, и вы, загадки,—прочь...
Ты помнишь-ли тотъ день, когда насильемъ
Ты въ жены взялъ меня, Агамемнонъ...
Въ бою убилъ царь Тантала, который
Моимъ былъ первымъ мужемъ, и дитя,
Дитя мое отъ груди материнской
Онъ оторвалъ и продалъ, какъ раба.
Ты помнишь ли, какъ Зевсовымъ ищадьемъ
И братьями моими побѣжденъ—
Священна мнѣ ихъ память, бѣлоконныхъ—
Ты помнишь, какъ убѣжища искалъ
Ты у Тиндара стараго, и онъ
Одинъ тебѣ защитой былъ, и снова
Вручилъ тебѣ меня, твою жену...
О, согласишь, Атридъ, что примиренной
За твой порогъ ступивъ, съ тѣхъ самыхъ поръ
Женою я была тебѣ примѣрной...
Твой царскій домъ, какъ онъ процвѣлъ со мной!
Ты радостно подъ кровъ свой возвращался
И уѣзжалъ спокойный... и найти
Такую вѣрную жену не всякій
Сумѣетъ, царь... Насъ мало вѣрныхъ жень...
Трехъ дочерей тебѣ дала я раньше
А вслѣдъ за ними сына...

Изъ малютокъ

Одной сегодня будетъ меньше, извергъ...
Спросить тебя зачѣмъ ей умирать?
И что въ отвѣтъ придумаешь? Молчи,
Сама скажу: чтобъ Менелай Еленой
Вновь завладѣлъ... Отдать свое дитя
Распутницѣ на выкупъ—что за прелесть!
На гнусное изъ гнусныхъ промѣнять

Кладъ самый драгоцѣнный—вотъ находка...
 А ты скажи, подумалъ-ли, когда
 Въ походъ уйдешь надолго ты, что будетъ,
 Что будетъ съ сердцемъ матери ребенка,
 Котораго зарѣжешь ты, Атридъ?..
 Какъ эта мать на ложе мертвой птички
 Осуждена глядѣть и на гнѣздо
 Пустое, дни за днями, одиноко
 Глядѣть, и плакать, и припоминать,
 И повторять всечасно: О, малютка,
 Отецъ тебя убилъ, никто другой.
 Скажи, Атридъ, ты развѣ не боишься
 Расплаты? Вѣдь ничтожный поводъ, и
 Тамъ, въ Аргосѣ, въ кругу осиротѣлыхъ
 Сестерь ея и матери,—тебя
 Приемъ достойный дѣла встрѣтить можетъ...
 О нѣтъ, богами заклинаю, царь,
 Не зарождай виною злодѣянья.
 „Я жрецъ, ты говоришь, а не палачъ“.
 Жрецъ, а какой, скажи, Атридъ, молитвой
 Благословенье призывать на ножъ
 Ты думаешь, подъятый на ребенка,
 На плоть и кровь свою, Агамемнонъ?
 А я? Могла-ли-бъ я съ тобой молиться?
 Съ убійцею и за убійцу—нѣтъ!
 И если-бъ богъ, малютку пожирая,
 Отъ матери еще молитвы ждалъ,
 Онъ былъ бы глупъ... Но дальше, царь, вернувшись
 Домой, ужель ты-бъ могъ ласкать дѣтей?
 О, ты бы не рѣшился! Да ребенокъ
 Не захотѣлъ-бы ни одинъ глядѣть
 На этого жреца ихъ дѣтской крови...
 Ты это взвѣсилъ? Или жезлъ одинъ
 Въ умѣ держалъ, да въ сердцѣ жажду чести?
 Вотъ что сказаль-бы въ войскѣ правый мужъ:
 „Коль парусамъ Ахейскимъ вѣтеръ нуженъ,
 „Пусть жребій намъ укажетъ жертву—дочь!“
 И было-бы то истиной. Зачѣмъ-же
 Другихъ дѣтей спасать, казня своихъ?

А если ужъ на то пошло, Елену
 Спартанскій царь могъ дочерью купить.
 Я, вѣрная, должна терять ребенка,
 Чтобъ въ терему распутницѣ сберечь
 Ея дитя... На это, если можешь,
 Отвѣть, Атридъ... Но только это правда,
 А если правда, такъ подальше—ножь,
 И не ярись на бѣдную малютку!

Корифей.

Послушайся ея, Агамемнонъ,
 И береги дѣтей, и всѣ такъ скажутъ.

Ифигенія.

Волшебныхъ устъ Орфея не дано,
 Отецъ, твоей малюткѣ, чтобы свиту
 Изъ камней дѣлать и искусной рѣчью
 Сердца людей разнѣживать... Тогда
 Я говорить-бы стала, но природа
 Судила мнѣ одно искусство—слезы,
 И этотъ даръ тебѣ я приношу...
 Я здѣсь, отецъ, у ногъ твоихъ, какъ вѣтка,
 Молящихъ даръ, такая-жъ какъ онѣ.
 Я хрупкая, но рождена тобою...
 О, не губи-жъ меня безвременно... Глядѣть
 На божій міръ такъ сладко, и спускаться
 Въ подземный міръ такъ страшно—пощади!
 Я первая тебѣ сказала: „папа“,
 И ты мнѣ первой „дочка“. Помнишь: я
 Къ тебѣ взбиралась на колѣни съ лаской?
 О, какъ ты самъ тогда меня ласкалъ!
 Ты говорилъ: „увиджу-ль я, малютка,
 „Счастливою женой тебя? цвѣти,
 „Дитя мое, на гордость намъ, Атридамъ!“
 А я въ отвѣтъ, вотъ какъ теперь твоихъ
 Касаясь щекъ: „О, если-бъ дали боги
 „Тебя, отецъ, когда ты будешь старъ,
 „Въ дому своемъ мнѣ нѣжить, вспоминая.
 „Какъ ты меня, ребенка, утѣшалъ!“
 Все въ памяти храню я, всѣ словечки,
 А ты забылъ, ты радъ меня убить...

О, нѣтъ, молю тебя, тѣнями предковъ
 Пелопа и Атрея заклинаю,
 И муками жены твоей, отецъ,
 Моей несчастной матери, которой
 Сегодня ихъ придется испытать
 Изъ-за меня вторично... сжался, сжался!..
 Парисовъ бракъ! Елена... Развѣ-жъ я
 Тутъ виновата чѣмъ-нибудь? Откуда-жъ
 Твой приговоръ?

Ты сердишься, отецъ?
 Ты не глядишь? О, если смерти надо
 Меня обнять, дай унести въ могилу
 Наслѣдіе мое, твое лобзанье... (ласкаясь къ нему плачетъ).
 Ты, мой Орестъ, отстаивать друзей
 Твоя рука еще не научилась,
 Но плакать ты со мною можешь, братъ,
 Моли-жъ отца слезами, чтобъ меня
 Не убивалъ.

Когда мы въ горѣ, дѣти
 Не говорятъ, а понимаютъ все! (Орестъ плачетъ и рученьками
 трогаетъ лицо отца).

Смотри, отецъ, тебя безъ словъ онъ молить,
 Уважь мольбу и сжался: дай мнѣ жить!
 Мы два птенца твои, лица касаясь
 Отцовскаго, ласкаемся къ тебѣ:
 Одинъ совсѣмъ малютка, я побольше.
 Что-жъ я еще придумаю сказать?
 Для смертнаго отрадно видѣть солнце,
 А подъ землей такъ страшно... Если кто
 Не хочетъ жить—онъ боленъ: бремя жизни,
 Всѣ муки лучше славы мертвеца.

Корифей.

Преступная Елена, сколько бѣдствій
 Принесъ семьѣ Атридовой твой бракъ! (Пауза).

Агамемнонъ (твердо).

Что стоитъ слезъ, что—нѣтъ—я различаю,
 Рожденныхъ мной люблю... И умъ мой цѣль,
 Держать мнѣ страшно, женщина, о страшно!
 Но не дерзнуть страшнѣй... и... ножъ готовъ... (къ дочери).

Ты видишь тамъ весь этотъ флотъ и войско
 И мѣди блескъ на греческихъ царяхъ:
 Имъ нѣтъ пути къ твердынямъ Иліона,
 И славныхъ стѣнъ Пріама намъ не взять,
 Коль я, презрѣвъ богиню и провидца,
 Тебя въ живыхъ оставлю,—поняла?
 Что похотью палимые, Ахейцы
 Вблизи своихъ заснувшихъ кораблей
 Въ мечтахъ казнятъ Фригійцевъ, чтобъ не смѣли
 Отнынѣ женъ у грековъ похищать...
 Тамъ, въ Аргосѣ, твоихъ сестеръ, пожалуй,
 Они убьютъ, меня убьютъ и васъ...
 Коль жертвы я не принесу богинѣ,
 Презрѣвъ ея священныя права.
 Дитя мое... Не Менелая волю
 Какъ рабъ творю... Элада мнѣ велить
 Тебя убить... *ей* смерть твоя угодна,
 Хочу-ли я, иль нѣтъ, *ей* все равно:
 О, мы съ тобой *ничто* передъ Эладой;
 Но если кровь, вся наша кровь, дитя,
 Нужна ея свободѣ, чтобы варваръ
 Въ ней не царилъ и не безчестилъ женъ.
 Атридъ и дочь Атрида не откажутъ. (Уходитъ не глядя на
 женщину).

Явленіе XVIII.

Клитемнестра и Ифигенія.

Клитемнестра.

Строфа.

О, малютка, и вы, о, чужія,
 Жребій казни, и ты
 О, отецъ, уступившій Аиду дитя...

Ифигенія.

Антистрофа.

О, родная, и ты, пѣсня муки
 Для обѣихъ одна,

Этотъ лучъ въ небесахъ,—онъ ужъ больше не мой,
 Это солнце погаснетъ...

О, увы мнѣ, увы мнѣ, увы!
 Ты, о Иды вѣнецъ снѣговой,
 Вы, о склоны, гдѣ плодъ свой нѣжный,
 Сорвавъ съ груди материнской,
 Умирать царь Пріамъ оставилъ,
 Иль затѣмъ вы, о склоны тогда
 Сберегли Париса Идея,
 Чтобъ онъ Иду прославилъ въ Троѣ?
 О, увы мнѣ! зачѣмъ возросъ,
 И средь паствы пастыремъ сталъ онъ
 Въ тѣхъ зеленыхъ лугахъ, гдѣ нимфы
 У ключей кристалльных рѣзвятся,
 И для косъ золотыхъ срываютъ
 Гиацинты и розы?..

Кто привелъ васъ безсмертныхъ туда.

Палладу съ Кипридой лукавой
 И Геру съ посломъ Зевса?
 О, зачѣмъ ты зажглась, вражда,
 Межъ Кипридой, царицею чаръ,
 И Палладой, царицей копьа,
 И Герой, царя царицей?
 Не красу тамъ вѣнчали, а смерть,
 Смерть мою изрекали уста—
 Слава Эллиновъ—имя одно
 Знайте гости... Богиня крови,
 Крови жаждетъ моей, и Трои
 Безъ нея не видать Ахейцамъ.
 Мужъ-же тотъ, что меня родилъ,

О, мать моя, мать,

Нѣтъ его: измѣнилъ, покинулъ.
 О, мой жребій, о горечь мукъ,
 О, сіянье красы проклятой.
 И у горла преступный ножъ,
 Ножъ отца, что забылъ про бога...
 О, зачѣмъ, Авлида, скажи,
 Кораблямъ мѣдноклювымъ
 Ты пріютъ зачѣмъ открывала?

Ель кормы въ заснувшихъ водахъ
 Имъ зачѣмъ, скажи, ты сковала?
 Царь Зевесъ! Не всѣ-ли тебѣ
 Покорны вѣтры, не ты-ли
 Смертнымъ путь показалъ на востокъ,
 На закатъ, и на югъ, и на полночь?..
 Не по волѣ-ль твоей къ намъ идутъ
 И нужда, и горе, и радость?
 Не зовешь-ли иного „впередъ“..?
 Не велишь-ли другому—„медли“?..
 Царь, зачѣмъ-же сковалъ ты Еврипъ намъ?
 Люди, родъ отцвѣтающій за день,
 Какъ успѣете вы пережить
 Все тяжкое горе и муки,
 Чтò несетъ Тиндарида?..

Ксрифей.

Твоя судьба звучитъ тоскою въ сердцѣ...
 О, дочь моя, на то-ль ты рождена?

Ифигения.

Мама, войны... ихъ много... близко къ намъ они, родная!..

Клитемнестра.

О, дитя! то сынъ богини... Для тебя его везла я...

Ифигения.

Гей, рабыни, настежь двери: дальше спрячьте дочь Атрида.

Клитемнестра.

Ты бѣжишь, моя малютка?

Ифигения.

Мама, я стыжусь Пелида.

Клитемнестра.

Почему-же?

ИФИГЕНІЯ.

Стыдно, стыдно мнѣ невѣстѣ безталанной.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не до нѣжностей теперь намъ средь напасти океанной:
 До счастливыхъ дней отложимъ женскій стыдъ и гордость
 сана...

Явленіе XIX.

ТЪ-ЖЕ И АХИЛЛЪ (съ вооруженнымъ отрядомъ).

АХИЛЛЪ.

О несчастная царица, дочь Тиндара!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, Пелиды.

АХИЛЛЪ.

Что за крики тамъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты слышалъ? Что-же, что толпа кричить?

АХИЛЛЪ.

Дочь твою тамъ называютъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Дочь?! Ты страшень, вѣщій гласъ.

АХИЛЛЪ.

Тамъ вопять: „зарѣжьте дѣву“.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Всѣ? Защиты нѣтъ у насъ?

АХИЛЛЪ.

Самъ отъ нихъ едва ушелъ я.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Θессалийцу врагъ грозилъ?

АХИЛЛЪ.

Чуть камнями не побили...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты спасалъ ее, Ахиллъ?

АХИЛЛЪ.

Да.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Но кто же смѣлъ коснуться до тебя, богини сынъ?

АХИЛЛЪ.

Всѣ Ахейцы.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Развѣ не былъ ты среди своихъ дружинъ?

АХИЛЛЪ.

Первый врагъ былъ свой же воинъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, тогда спасенья нѣтъ.

АХИЛЛЪ.

Мнѣ кричали: „Рабъ Атридовъ“.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты-жъ имъ что, Ахиллъ, въ
отвѣтъ?

АХИЛЛЪ.

Что невѣсты не отдамъ я.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Богъ Пелида наставлялъ

Ахиллѣ.

Самъ отецъ ее просваталъ

Клитемнестра.

И изъ Аргоса призывалъ..

Ахиллѣ.

Я не могъ перекричать ихъ

Клитемнестра.

О, толпа вѣдь это адъ.

Ахиллѣ.

Все же васъ я не оставлю.

Клитемнестра.

И Ахейцы не страшать?

Ахиллѣ (указывая на свой отрядъ).

Видишь тамъ людей, царица?

Клитемнестра (поворачиваясь въ отрядъ).

Богъ вамъ въ помощь. смѣльчаки!

Ахиллѣ.

Будь покойна!..

Клитемнестра.

Сохранишь ли дочь отъ вражеской руки?

Ахиллѣ.

Не убьютъ, покуда живъ я.

Клитемнестра.

Кто-жъ сюда придетъ за ней?

Ахиллѣ.

Безъ числа сюда придетъ ихъ, передъ всѣми—Одиссей

КЛИТЕМНЕСТРА.

Изъ Сизифовыхъ

АХИЛЛЪ.

Онъ самый.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Самъ или Ахейцы шлютъ?

АХИЛЛЪ.

Самъ своею волей царской.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, палачъ, твой жребій лютъ.

АХИЛЛЪ.

Я смирю его.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Иль силой онъ малютку повлечетъ?

АХИЛЛЪ.

Да, за косу золотую

КЛИТЕМНЕСТРА.

Мать то ты кладешь ли въ счетъ?

АХИЛЛЪ.

За нее держись...

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, если-бъ удержать ее могла я!

АХИЛЛЪ.

Уцѣпись какъ можно крѣпче...

ИФИГЕНИЯ (останавливая жестомъ разговоръ).
Стойте... Выслушай, родная,

Все, что въ сердцѣ я скопила. На Атрида гнѣвъ напрасный
 Ты оставишь. Отбиваться гдѣ ужъ намъ съ тобой, былинкамъ!
 Въ мужѣ (указывая на Ахилла) правдою и силою намъ довольно
 любоваться...

И его, скажи, родная, развѣ смѣемъ не беречь мы?
 Развѣ бой бесплодный стоитъ тѣхъ несчастій, что таятъ онъ?
 О, въ душѣ пережила я много, много, мать. Послушай:
 Я умру—не надо спорить—но пускай, по крайней мѣрѣ,
 Будетъ славной смерть царевны, безъ веревокъ и безъ жалобъ.
 На меня теперь Эллада, вся великая Эллада
 Жадно смотритъ; въ этой жертвѣ беззащитной и безсилой
 Все для нихъ: попутный вѣтеръ и разрушенная Троя;
 За глумленье надъ Еленой, за нечестіе Париса
 Въ ней и кара для Фригійцевъ, и урокъ для ихъ потомства,
 Чтобъ не смѣлъ надменный варваръ красть замужнюю гречанку.
 Умирая, я спасу васъ, жены Греціи, въ награду
 Вы меня блаженной славой, жены гордыя, почите...
 А еще... Прилично-ль смертной быть такой жизнелюбивой.
 Развѣ ты меня носила для себя, а не для грековъ!
 Иль, когда Эллада терпять, и безъ счета, міриады
 Ихъ, мужей, встаетъ готовыхъ весла взять, щитомъ закрыться
 И врага схватить за горло, а не дастся, пасть убитымъ,
 Мнѣ, одной, за жизнь цѣпляясь, имъ мѣшать?.. О, нѣтъ, родная
 А куда-жъ я правду дѣну? Развѣ съ истиной соспоришь?
 Ну, скажи мнѣ, будто стоитъ противъ всѣхъ аргосцевъ мужу
 Изъ-за женщины сражаться! Быть убитымъ, можетъ стать?
 Да одинъ ахейскій воинъ стоитъ насъ десятковъ тысячъ.
 Погоди... еще, родная... если я угодна въ жертву
 Артемидѣ, развѣ спорить мнѣ съ богиней подобаешь?
 Что за бредъ!., О, я готова... Это тѣло—даръ отчизнѣ,
 Вы-жъ, Аргосцы, послѣ жертвы, сройте Трою и сожгите,
 Чтобы прахъ ея могильный сталъ надолго мнѣ курганомъ:
 Все мое тамъ въ этомъ прахѣ: бракъ и дѣти, честь и имя...
 Грекъ, цари, а, варваръ. гнися! Неприлично гнуться грекамъ
 Передъ варваромъ на тронѣ. Мы—свободны, въ Троѣ—челядь.

Корифей.

Твой духъ высокъ, царевна—голубица,
 Но злы онѣ—богиня и судьба.

Ахиллъ.

О дочь Атрида, если бы судили
 Мнѣ бракъ съ тобой безсмертные, то мѣръ
 Счастливецемъ бы украсился. Элладѣ
 Въ тебѣ дивлюсь, тебѣ-жъ средь дѣвъ ея...
 Дивлюсь словамъ твоимъ, достойнымъ нашей
 Отчизны, и теперь, когда смотрю
 На благородный станъ твой, те желанье
 Меня пьянить—твой руки искать,
 Сберечь тебя, укрыть тебя въ чертогѣ...
 И сердце гнѣвъ—Фетидою клянусь —
 Гнѣвъ сердце мнѣ терзаетъ, какъ помысло,
 Что Одиссею я тебя отдамъ,
 Не защитивъ всей силою желаній...
 Подумай: умирать такъ страшно...

Ифигенія.

Что я скажу? Иль было Тиндариды
 Вамъ мало, чтобъ сердца мужей зажечь
 Любовью, и враждою, и убійствомъ,
 Что за меня вы рветесь умирать,
 И убивать людей? Спасти Элладу
 Позволь и мнѣ, ахеецъ, чѣмъ могу!

Ахиллъ.

О сердце царское! Твоихъ рѣшеній
 Коснуться не дерзаю я: въ тебѣ
 Такъ чисты помыслы... Но если позже
 Ты передумаешь, царица, не страдай
 За то, что мнѣ внимать не захотѣла...
 Послушай: тамъ у алтаря мои
 Въ оружїи готовы будутъ люди —
 Когда у горла загорится ножъ,
 И у тебя неволью сердце дрогнетъ,
 Ты вспомнишь, что защитникъ твой готовъ... (уходить со своимъ
 отрядомъ).

Явленіе XX.

КЛИТЕМНЕСТРА и ИФИГЕНИЯ.

ИФИГЕНИЯ.

О, мать, лицо твое въ слезахъ, и ты молчишь...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Что-жъ или мнѣ легко все это слушать?..

ИФИГЕНИЯ.

Не размягчай мнѣ сердца, и молю...

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, говори, малютка: все исполню...

ИФИГЕНИЯ.

Волосъ себѣ въ печали не стриги
И въ черное не одѣвайся, мама...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Похоронивъ ребенка? Богъ съ тобой!

ИФИГЕНИЯ.

О, не тебѣ надъ нашей славой плакать.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Мнѣ траура по мертвой не носить?

ИФИГЕНИЯ.

Да ты жъ меня въ могилу не положишь...

КЛИТЕМНЕСТРА.

А какъ же безъ могилы мертвецу?

ИФИГЕНИЯ.

Могилой мнѣ алтарь богини будетъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Все сдѣлаю, малютка, какъ велишь...
Слова твои прекрасны...

ИФИГЕНІЯ.

Умираю
Счастливою и за Элладу, мать.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А что сказать велишь, малютка, сестрамъ?

ИФИГЕНІЯ.

Пусть траура не носить и онѣ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты, можетъ быть, пошлешь имъ слово ласки.

ИФИГЕНІЯ.

Пусть мнѣ простятъ. (Оресту).
А ты, Орестъ, мужай!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да обними-же брата—на него
Въ послѣдній разъ ты смотришь, это вспомни.

ИФИГЕНІЯ (холодно обнимаетъ Ореста).

О, милый: ты помогъ мнѣ, какъ умѣлъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Для дома что, малютка, завѣщаешь?

ИФИГЕНІЯ (подумавъ).

Тому, кто былъ моимъ отцомъ, прости.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, никогда! Не разъ онѣ мнѣ отвѣтить.

ИФИГЕНИЯ.

Иль онъ убилъ?... Эллада—черезъ него.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О нѣтъ, молчи... Обманомъ самымъ гнуснымъ
Свой царскій санъ унизивъ, онъ убилъ...

ИФИГЕНИЯ.

Кто-жъ поведетъ меня, пока, схвативъ
За косу, жрецъ меня не поволочить.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я... я съ тобой.

ИФИГЕНИЯ.

Тебѣ не хорошо...

КЛИТЕМНЕСТРА.

За пеплосъ уцѣплюсь я.

ИФИГЕНИЯ.

Не упорствуй,
Останься здѣсь: такъ легче будетъ намъ
Объимъ. Пусть одинъ изъ свиты царской
Меня на лугъ богини отведетъ,
Гдѣ жертву ножъ фригійскій ожидаетъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Уходишь ты?

ИФИГЕНИЯ.

И безъ возврата, да!..

КЛИТЕМНЕСТРА.

Отъ матери.

ИФИГЕНИЯ.

Но не своею волей.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Останься, погоди...

ИФИГЕНИЯ.

Не надо слезъ...

А вы со мною, жены, славословьте!
 И пусть пѣанъ изъ вашихъ устъ звучить,
 Надъ смертію и тлѣномъ торжествуя...
 Благословляйте грековъ... Изъ кошницъ
 Крупу въ огонь, чтобъ ярче былъ, бросайте...
 Стой справа, мой отецъ, веревки прочь...
 Во славу ей, отчизнѣ, умираю...

Сцена трагической пляски.

ИФИГЕНИЯ.

Строфа.

Слава тебѣ, богиня,
 Граду Пріама смерть!
 Вы-же смѣлѣй, о жены,
 Больше цвѣтовъ сюда!
 Больше цвѣтовъ увить мнѣ
 Косъ руно золотое...
 Какъ зачерпнете воды,
 Храмъ ей кольцомъ охватите,
 Страшный кольцомъ алтарь!...
 Смоетъ тамъ кровь царевны
 Ужасъ пророчьихъ словъ
 Слава богинѣ, слава!...

Хоръ.

Антистрофа.

Вотъ она, вотъ—глядите:
 Смѣло на смерть идетъ...

Приметь чело повязку.
 Ключь оросить его,
 Слѣдомъ изъ бѣлой шеи
 Хлынетъ, ножь обливая,
 Алая кровь ея—
 На грозный алтарь Артемиды.
 Воду ужъ льетъ отецъ,
 Ждетъ онъ омыть тамъ жертву,
 Крови суда тамъ ждуть,
 Плыть къ Иліону рады...

ИФИГЕНИЯ (приближаясь къ матери).

Мать, о владычица мать, предъ тобою
 Слезы разлуки лью:
 Жертва плакать не будетъ...
 (Обнимаетъ мать, та отвѣчаетъ ей машинально).

Ю! Ю! юницы.
 Воспойте дочь Латоны,
 Со мной царицу пойте,
 Чтò здѣсь передъ Халкидой.
 Въ Авлидѣ флотъ героевъ
 Изъ-за меня сковала!...
 Прости, земля пелазговъ
 Родимая, простите,
 Микены, городъ отчій!

Хоръ.

Ты вспомнила городъ Персея,
 Киклоповъ созданье?

ИФИГЕНИЯ.

Микены меня воспитали
 На славу Эллады:
 Я смертью ихъ славлю...

Хоръ.

И имя твое, о вѣрь,
 Не будетъ покрыто забвеньемъ.

ИФИГЕНІЯ.

Увы! Увы!

И ты, прости, о факель дня, ты Зевса

Сіяніе, иная жизнь—удѣлъ

Иной мнѣ суждены. Прости,

О, сладкое свѣтило!...

(Направляется къ выходу въ сопровожденіи раба).

Четвертый музыкальный антрактъ.

ХОРЪ (проводя Ифигенію).

Воззовемъ къ Артеמידѣ, о жены!

Смилосердись, богиня, и кровью

Дѣвы чистой насытивъ душу,

Къ берегамъ фригійскимъ доставь ихъ,

Къ вѣроломнымъ стѣнамъ Пріама

Приведи данайцевъ, богиня!

Пусть Атридъ Агамемнонъ войску

Дастъ побѣды вѣнецъ, и слава

Пусть безмертной своей короной

Надъ челою у него пламенѣтъ...

(Ифигенія уходитъ. Клитемнестра, прижимая Ореста къ груди, безъ слезъ глядитъ ей въ слѣдъ расширившимся отъ ужаса глазами).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.**Явленіе XXI.****Вѣстникъ** (уводившій Ифигенію), потомъ **КЛИТЕМНЕСТРА** съ Орестомъ изъ шатра.

Вѣстникъ.

Тиндара дочь, царица Клитемнестра,

На голосъ словъ моихъ покинь шатеръ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Я здѣсь, о рабъ: ты страхомъ и печалью

Волнуешь грудь, и въ ужасѣ тебя

Я слушаю. Какимъ несчастьемъ новымъ

Ты подарить меня?

Вѣстникъ.

Про дѣву дочь
Повѣдать я пришелъ благія вѣсти
И чудныя.

Клитемнестра.

Не медли-же, гонецъ...

Вѣстникъ.

О госпожа, не потаю словечка, —
Вотъ только бы чего мнѣ не забыть,
Да языку въ рѣчахъ меня не спутать...
Когда твою царевну я привелъ
На лугъ разцвѣченный и къ рошѣ Дѣвы
Латоніи мы подошли, не мало
Тамъ было силъ ахейскихъ, да и чернь
Толпами прибывала. Чуть завидѣлъ
Агамемнонъ владыка, что царевна
Къ нему идетъ на жертву, какъ застонетъ!..
И голову онъ отвернулъ, чтобъ дочь
Не видѣть ближе; слезы побѣжали
Изъ царскихъ глазъ, но тотчасъ на лицо
Онъ надвигаетъ плащъ, а дочь-царевна
Къ родителю приблизилась и такъ
Ему сказала: „Здѣсь я, царь-отецъ,
„За родину, за всю Элладу тѣло
„Я предаю на жертву, и никто
„Меня къ тому не вынуждалъ—веди-же
„Къ богинѣ дочь, коли богиня ждетъ.
„И дай вамъ богъ счастливую удачу,
„Оружіе украсить и домою
„Съ побѣдою вернуться изъ-подъ Трои.
„А до меня ахеецъ ни одинъ
„Пусть не касается: я горло молча
„Подставляю вамъ; я—сердцемъ не ягненокъ“.
Вотъ только и сказала, но словамъ
Ея тогда всѣ шумно удивлялись.
Великою и смѣлою душой
Плѣнила всѣхъ царевна. И Талтибій

Глашатай насъ среди толпы густой
 Къ священному лобзанью призываетъ.
 И вотъ Калхантъ-провидецъ вынулъ ножъ,
 Что лезвее таилъ въ суровой кожѣ,
 И въ розсыпь крупъ его онъ погрузилъ
 Среди золотой кошницы, а царевнѣ
 Вѣнкомъ чело увилъ. Межъ тѣмъ Пелидъ,
 Вкругъ алтаря кружась, его водою
 И той крупной священной окропилъ
 И къ дочери Зевесовой взываетъ:
 „О дивная охотница, въ ночи
 „Ты по небу свое свѣтило катишь...
 „Прими-жь отъ войскъ союзныхъ этотъ даръ,
 „И отъ вождя дружинъ, Агамемнона;
 „Кровь чистую изъ дѣвственной ея
 „И мраморной мы выпускаемъ шеи:
 „Утѣшься ей и даруй путь судамъ
 „Дай Трою намъ высокою разрушить!..“
 И въ землю взоръ въ молчаніи вперилъ
 Агамемнонъ; и Менелай, и войско
 Потупились. И наскоро мольбу
 Жрецъ сотворилъ, межъ тѣмъ какъ взоръ прилежно
 На дѣвственной груди ея искалъ,
 Гдѣ-бъ ножъ вонзить ему, чтобъ безъ мученій
 И разомъ ей конецъ насталь... Вблизи
 Я тамъ стоялъ... Но не смотрѣлъ: мнѣ было
 Такъ тяжело... И вдругъ...

О, изъ чудесъ

Чудесное... Я слышу скрипъ ножа...
 Всѣ головы приподнялись невольно...
 Но дѣвушки ужъ не было... И первый
 Заголосилъ провидецъ, чернъ ему,
 Какъ эхо, вторила... И диво мы узрѣли (пауза).
 Самъ видѣлъ и не вѣрю—на лугу,
 Близъ алтаря лежала, содрагаясь,
 Огромная, красы отмѣнной лань,
 И кровь ея въ послѣднихъ мукахъ жизни
 По ступенямъ рѣкой струилась алой...
 И снова жрецъ воскликнулъ—только крикъ

На этотъ разъ былъ свѣтель:

„О Ахейцы“

— Такъ жрецъ взывалъ — „вожди и ты, народъ!

„На алтарѣ богини передъ вами

„Лань горная—а благородный даръ,

„Царевною возданный Артемидѣ,

„Охотницей божественной отринуть...

„Она довольна, греки,—ободритесь!

„Смотрите: паруса вздуваются—скорѣй

„За дѣло вы, матросы, чтобъ, немедля

„Авлидскія покинуть глубины.

„Намъ распахать Эгейскую пучину“.

И вотъ когда огонь пожралъ до тла

Лань горную, жрецъ совершилъ молитву.

Да дастъ войскамъ богиня путь обратный...

Все кончилось... и господинъ меня

Къ тебѣ послалъ, царица, съ вѣстью дивной,

Что дочь твоя среди боговъ удѣлъ

Днесъ обрѣла, и что молва о чудѣ

Межъ греками, конечно, не умретъ.

И самъ скажу, владычица, что видѣлъ:

Была межъ насъ... и скрылась... Знать, богамъ

Ее призвать къ себѣ угодно было.

Смири-же скорбь и гнѣву на супруга

Ты не мирволь. Бываетъ, госпожа,

Что гдѣ совсѣмъ не ждешь спасенья, боги

Любимаго спасутъ... А дочь твою

Сегодня солнце зрѣло, Клитемнестра,

Живою, мертвою и вновь, узрѣвшей свѣтъ.

(Закатъ солнца).

Корифей.

Какъ радуюсь я вѣсти этой: дѣва

Вкушаетъ жизнь въ обители боговъ.

Клитемнестра.

Дитя мое... Добычей рукъ безсмертныхъ

Ты сдѣлалась...

Какъ призывать тебя? (Задумывается).

А если это бредъ пустой и ложный.
Чтобы меня утѣшить... Что тогда?

Вѣстникъ.

Да вотъ и царь идетъ, о Тиндарида:
Пускай слова мои онъ повторить.
(Клитемнестра остается погруженною въ глубокую задумчивость).

Явленіе XXII.

Тѣ-же и АГАМЕМНОНЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

О женщина... Блаженствомъ одарила
Насъ Ифигенія и межъ боговъ теперь
Она живетъ... А ты не медля дольше...
Дитя мое, потомка крови знатной,
Домой вези Ореста. Мы въ походъ
Сейчасъ же отплываемъ. Ну, простимся!

(Дѣлаетъ движеніе къ ней, Клитемнестра неподвижна
и будто не замѣчаетъ его).

Увидимся ли скоро?.. Какъ то богъ
Изъ Трои путь обратный дастъ Ахейцамъ?
Что встрѣтитъ насъ у очаговъ родныхъ?

(Уходитъ въ раздумѣ, за нимъ вѣстникъ, покачивая
головой).

(Клитемнестра плачетъ, глядя въ ту сторону, куда увели Ифигенію, и прижимаетъ
къ груди Ореста).

КОРИФЕЙ (вслѣдъ Агамемнону).

О, Атридъ, на далекихъ берегахъ,
О, пусть дадутъ тебѣ боги
Много, много добычи фригійской,
И со славой вернись, и съ побѣдой.

ХОРЪ.

(Молча покидаетъ сцену подъ звуки кларнетовъ и ударныхъ инструментовъ, от-
бывающихъ анапесты).

Ш. Анненскій.

(Послѣсловіе слѣдуетъ).

ВАНХИЛИДЪ И АТТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО V ВѢКА.

(Къ XVII стихотворенію Ванхилида „Молодежь и Эисей“) ¹⁾.

I.

„*Detrahe Atheniensibus Thesea; nullae aut non tam clarae Athenae erunt*“, „отними у аѳинянъ Эисея, въ ничто обратятся или, по крайней мѣрѣ, не будутъ столь славны Аѳины“. Такъ говоритъ о популярности Эисея въ древнихъ Аѳинахъ одинъ римскій писатель времени Тиберія ²⁾. Аѳиняне такъ любили Эисея, что въ своемъ пламенномъ патриотизмѣ не хотѣли видѣть одно время ни одной героической фигуры безъ Эисея, не хотѣли слышать ни о чемъ, если это какъ-нибудь не касалось ихъ національнаго героя ³⁾. Такое почитаніе Эисея въ Аѳинахъ особенно установилось послѣ побѣдъ Мильтиада, Эемистокла и Кимона, которые отстаивали противъ варваровъ свободу не только Аѳинъ, но и всей Греціи, и которые обезпечили своему городу возможность подвигаться далѣе на пути развитія демократическихъ учрежденій. Теперь вмѣстѣ съ Аѳинами возвысились и ихъ національные герои, а между послѣдними особенно Эисей, ихъ мнені-

¹⁾ [Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что статья Б. В. Фармаковскаго уже набиралась, и притомъ въ отсутствіи автора, когда въ 1-ой книжкѣ XXXIII тома *Hermes'* появилась статья проф. К. Роберта „*Theseus und Meleagros bei Vakhylides*“.

Прим. ред.]

²⁾ Валерій Максимъ, *Fact. et dict. memorab.* V, 3, ext. 3.

³⁾ „*Μηδὲν ἄνευ Θησεύως*“—была аѳинская поговорка. См. Плутархъ Эисей, 29; ср. Зиновій, V, 33, и Свида, п. сл. *Θησεύς*. Эисея впоследствии стали вводить дѣйствующимъ лицомъ въ такіе мѣсты, которые раньше ничего не знали о немъ.

ческий создатель и славный представитель ихъ гражданской свободы въ отдаленнѣйшія времена ¹⁾).

Разказывали, что побѣдители при Мараонѣ видѣли, какъ Оисей, въ разгарѣ битвы, во всеоружіи поднялся изъ-подъ земли, сталъ сражаться вмѣстѣ съ ними и тѣмъ помогъ поразить варваровъ. Вотъ почему аѳиняне украсили подвигами Оисея метопы своей сокровищницы, которую они, въ благодарность за побѣду при Мараонѣ, воздвигли въ святынѣ Аполлона дельфійскаго ²⁾. Позднѣе въ Аѳинахъ, въ Пестромъ портикѣ, Миконъ и Паненъ на своей картинѣ, изображавшей Мараонскую битву, представили среди борцовъ за аѳинскую свободу и Оисея ³⁾.

По совѣту дельфійскихъ амфиктіоновъ аѳиняне переносятъ со Скироса останки Оисея въ Аѳины ⁴⁾. Полигнотъ и Миконъ росписываютъ новый храмъ, въ которомъ долженъ былъ покоиться прахъ героя. Полигнотъ написалъ здѣсь двѣ картины, въ которыхъ прославилъ подвиги Оисея: „амазономахію“ и „кентавромахію“ ⁵⁾. Кисти Микона принадлежала въ „Оисіонѣ“ картина, сюжетомъ которой послужилъ мифъ о томъ, какъ Оисей получилъ вѣнокъ отъ Амфитриты въ глубинѣ моря,—обители Посидона и его супруги,—куда онъ бросился съ корабля, чтобы доказать Миносу свое божественное происхожденіе ⁶⁾. Тотъ же Миконъ прославилъ Оисея въ Пестромъ Портикѣ въ своей „амазономахіи“ ⁷⁾.

Подвиги Оисея прославляли не менѣе живописцевъ и скульпторы эпохи послѣ 490 года. На аѳинскомъ Акрополѣ стояла группа, представлявшая Оисея, ведущаго на закланіе въ честь богини Аѳины укрощеннаго имъ мараонскаго быка. Группу эту, которая была, вѣроятно, изъ бронзы, поставили на Акрополѣ жители дима Мараонскаго ⁸⁾. О ме-

¹⁾ Ср. Плутархъ, Оисей, 24.

²⁾ Плутархъ, Оисей, 35. Ср. *Furtwängler*, Berl. Philolog. Wochenschrift 1894, 1278 сл. *Homolle*, Gaz. d. beaux arts, 1895, VIII, 208 сл. Bull. de corr. hellénique, XVIII (1894), 169 сл.

³⁾ Ср. *Heydemann*, VIII hallisch. Winkelmannsprogramm, 9 сл. *Sauer*, Aus der Anomia, 102. *Robert*, Die Marathonschlacht in der Poikile und weiteres über Polygnot. XVIII hallisch. Winkelmannsprogramm, 34. *Hitzig-Blümner*, въ изд. Павсанія, I, 1, 196 слл.

⁴⁾ Плутархъ, Кимонъ, I, 6; Оисей, 36; Павсаній, I, 17, 6.

⁵⁾ Ср. *Robert*, Die Marathonschlacht, 47 слл.

⁶⁾ Ср. *Robert*, Die Marathonschlacht, 50 слл.

⁷⁾ Ср. *Robert*, ib., 13 сл.

⁸⁾ Ср. *Milani*, Mus. Ital., I, 91 сл.; III, 268. *Hitzig-Blümner*, ук. с. I, 1, 298.

топахъ сокровищницы афинянъ въ Дельфахъ мы уже упомянули. Въ Афинахъ одинъ изъ акротиріевъ Царскаго портика (στοὰ βασιλείας) ¹⁾ былъ посвященъ также подвигамъ Эвсея. Эвсея же прославляли нѣкоторые метопы храма Ифеста ²⁾ и т. д. ³⁾.

Художественная промышленность V вѣка также чрезвычайно усердно занимается Эвсеемъ и его подвигами; она, по обычаю, идетъ рука объ руку съ монументальнымъ искусствомъ своего времени. Какая масса вазовыхъ мастеровъ находятъ свое вдохновеніе теперь въ легендахъ о Эвсее, краснорѣчиво говорятъ перечни вазъ въ работахъ Милани ⁴⁾ и Вульфа ⁵⁾, которые специально занимались вазами съ картинами, относящимися къ подвигамъ Эвсея ⁶⁾.

Къ сожалѣнію, до насъ дошло весьма мало памятниковъ, непосредственно относящихся къ эпохѣ Мильтіада и Кимона. Ни одной картины ни Полигнота, ни Микона, не сохранилось. Отъ монументальной скульптуры мы имѣемъ лишь метопы сокровищницы афинянъ въ Дельфахъ ⁷⁾, метопы „Эвсіона“ ⁸⁾.

Скудость матеріала восполняютъ лишь произведенія вазовыхъ мастеровъ. Ихъ картины и являлись до сихъ поръ одними изъ немногихъ непосредственныхъ выразителей общественнаго настроенія въ эпоху разцвѣта Афинъ. Что касается литературнаго преданія, то изъ всей массы несомнѣнно существовавшихъ въ прозѣ и въ стихахъ легендъ о Эвсее ⁹⁾ мы имѣли до сихъ поръ лишь жалкіе отрывки, общаемые намъ большею частію поздними писателями.

¹⁾ Ср. *Leake*, Topographie Athens², übers. v. Baiter u. Sauppe, 10; *Curtius*, Erläuternder Text zu den 7 Tafeln zur Topographie von Athen, 35; Die Stadtgeschichte von Athen, 115. *Gurlitt*, Das Alter der Bildwerke und die Bauzeit des sogenannten Theseion in Athen, 39. *Hitzig-Blümner*, ук. с., I, 1, 137 сл.

²⁾ Мы принимаемъ мнѣніе Дёрффельда и другихъ ученыхъ, которые видятъ храмъ Ифеста въ такъ наз. „Эвсіонѣ“. Литературу о немъ см. въ изданіи Павсанія Гигиға-Блюмнера, I, 1, 206 слл.

³⁾ *Milani*, Mus. Ital., III, 268, справедливо замѣчаетъ, что, конечно, цѣлой массы памятниковъ этой эпохи мы не знаемъ.

⁴⁾ Mus. Ital., III, 235 слл.

⁵⁾ *O. Wulf*, Zur Theseussage, 47 слл.

⁶⁾ Ср. *Klein*, Euphronios², 198 сл.

⁷⁾ Онѣ находятся теперь въ музеѣ Дельфъ; гипсовые слѣпки съ нихъ есть въ Луврѣ (отдѣлъ École Française d'Athènes). Изданныя до сихъ поръ метопы перечислены въ указанной статьѣ Омюля въ Gazette d. beaux-arts.

⁸⁾ *Monumenti*, I, 43, 58 сл.; *Collignon*, Sculpture, II, 75 слл.

⁹⁾ *Jahn*, Archäol. Beiträge, 272, 41; *Wilamowitz-Moellendorf*, Aus Kydathen, въ Philol. Untersuch., I, 43; *Robert*, Bild und Lied, въ Phil. Unters. V, 32 сл.

Счастливей случайности мы обязаны тѣмъ, что наши литературные источники увеличились въ прошломъ году однимъ драгоценнѣйшимъ памятникомъ. Мы говоримъ о стихотвореніяхъ Вакхилида. Папирусь, на которомъ написаны эти стихотворенія, былъ найденъ, какъ извѣстно, въ Египтѣ. Сейчасъ же онъ былъ приобретенъ англичанами и находится въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ. Въ концѣ прошлаго года Кеніонъ издалъ всю рукопись въ обычной транскрипціи (*F. G. Kenyon, The poems of Bacchylides*) и въ факсимиле (*The poems of Bacchylides, facsimile of papyrus DCCXXXIII in the British Museum*).

XVII стихотвореніе Вакхилида „*Ἦθεοι καὶ Ἰθρσοῖς*“ посвящено тому подвигу, который прославляла знаменитая картина Микона въ афинскомъ храмѣ Ойсея. Такъ какъ мы имѣемъ, кромѣ того, еще четыре вазовыхъ картины съ изображеніемъ того же мѣна, то стихотвореніе Вакхилида приобретаетъ тѣмъ большій интересъ, особенно если принять во вниманіе, что двѣ вазовыя картины совершенно одновременны съ стихотвореніемъ. Кромѣ картины Микона, извѣстной, правда, только изъ смутнаго описанія Павсанія (I, 17, 2 сл.), произведенія, по времени опять-таки очень близкаго и къ Вакхилиду, и къ авторамъ вазовыхъ картинъ, мы имѣемъ теперь первоклассный литературный источникъ для нашего мѣна, — источникъ, представляющій уже не отдаленное эхо той эпохи, когда мѣны о Ойсеѣ были живымъ выраженіемъ общественной жизни, а являющійся непосредственнымъ голосомъ изъ нея, подобно вазовымъ картинамъ. Надъ послѣдними произведеніе Вакхилида имѣетъ то важное преимущество, что оно созданіе поэта, который, подобно великимъ скульпторамъ и живописцамъ, былъ *руководителемъ* эпохи, тогда какъ вазовые мастера въ большинствѣ случаевъ лишь *слѣдовали* за великими художниками.

Прежде чѣмъ сказать что-либо объ отношеніи XVII стихотворенія Вакхилида къ картинѣ Микона и къ рисункамъ на упомянутыхъ нами четырехъ вазахъ, послушаемъ самого поэта.

Стихотвореніе написано пэонами. За первой строфой, ст. 1 — 23, идетъ 1-я антистрофа, ст. 24 — 46. Ихъ оканчиваетъ 1-й эподъ, ст. 47 — 66, Далѣе идетъ 2-я строфа, ст. 67 — 89, 2-я антистрофа, ст. 90 — 112, и, наконецъ, 2-й эподъ, ст. 113 — 132 ¹⁾.

¹⁾ Переводимъ по тексту Кеніона, пользуясь, впрочемъ, отчасти поправками другихъ ученыхъ. Вертикальная черта означаетъ начало антистрофы или эпода.

II.

Молодежь и Оисей.

Черный корабль, везя стойкаго въ битвахъ Оисея, а съ нимъ семь отроковъ и семь дѣвъ, — знатныхъ дѣтей іонійцевъ, — разсѣкалъ Критское море: блистающій его парусъ погоняли дыханія Борея, по милости славной воительницы Аеины. Уязвили сердце Миносу нѣжныя дары Киприды, богини съ чародѣйственный діадемой: не могъ онъ удержать руки отъ дѣвы, коснулся бѣлыхъ щекъ Эривин. Кликнула она на помощь мѣднородоспѣшнаго Пандіонова внука. Увидаль это Оисей; черные глаза забѣгали подъ его бровями, сердце сдавила страшная горечь, и вѣщаль онъ: Сынъ всеильнаго Зевса! Видно, ты потерялъ совѣсть въ своей душѣ; обуздай, герой, свою гордую силу! | То, что всемогущій рокъ далъ намъ въ удѣлъ отъ боговъ, и что полагаетъ намъ на вѣсы справедливость, — назначенную намъ судьбу — мы исполнимъ, когда придетъ ея часъ. А ты подави свое жестокое намѣреніе! Хотя тебя, сильнѣйшаго изъ смертныхъ, родила добрая прелестная дщерь Финика, сочетавшись любовью подъ вершиною Иды съ Зевсомъ, но и меня родила дочь богатаго Питоея, сблизившись съ морскимъ Посидономъ, и темнокудряя Нериды дали ей золотое покрывало. Потому прошу тебя, повелитель Кносійцевъ, удержаться отъ пагубнаго своеволія. Да, не пожелаю я узрѣть сладостный свѣтъ безсмертной Эось, когда ты подвергнешь насилію кого-нибудь изъ сихъ юныхъ! Раньше покажемъ мы силу своихъ рукъ, а послѣдствія богъ разсудитъ. | Такъ сказала могучій воитель и оцѣпенѣли бывшіе на кораблѣ отъ его чрезвычайной отваги. Воспылало гнѣвомъ сердце у Геліева зятя, придумаль онъ новое и сказалъ: „Владыка, отецъ Зевсъ, услышь меня! Если подлинно бѣлорукая финикиянка меня тебѣ родила, ниспошли теперь съ неба быструю, огнегривую молнію, —ясное знаменіе! А если и тебя произвела тризинянка Эера потрясателю земли Посидону, то достань вотъ это золотое блестящее украшеніе руки изъ глубокаго моря, бросившись смѣло въ обитель отца твоего! А слушаетъ ли моей молитвы Кроній, царь молній, вседержитель, —ты узнаешь“.

Услышаль неумѣренную молитву владыка Зевсъ, оказалъ Миносу высшую почестъ, желая сдѣлать ради милаго сына ее всѣмъ очевидной, и ниспослалъ молнію. Увидавъ желанное знаменіе, простеръ

славную руку въ эвирь могучій герой и сказалъ: „Ѡисей, ты видишь этотъ ясный даръ Зевса; бросься же ты въ глухогремящее море; отецъ твой, царь Посидонъ, сынъ Кроноса, даетъ тебѣ высшую славу на питающей деревья землѣ!“ Такъ онъ сказалъ. Тотъ же ни мало не колебался духомъ, но, ставъ на крѣпкую палубу, бросился внизъ, и разступились передъ нимъ морскія дубри. Возрадовалось сердце у Зевсова сына и приказалъ онъ держать искусно разукрашенный корабль попутнымъ вѣтромъ; но судьба приготовила другой путь. Мчался быстрый корабль; погонялъ его сѣверный вѣтеръ сзади. Затрепетала вся молодежь аинянъ, когда спрыгнулъ герой въ море; съ нѣжныхъ очей проливали они слезы, ожидая горькую судьбу. Но обитающіе море дельфины быстро несли великаго Ѡисея въ домъ отца его, создателя коня. Ѡисей вошелъ въ обитель боговъ. Узрѣвъ тамъ славныхъ дочерей блаженнаго Нерее, онъ испугался, ибо сіяніе исходило отъ ихъ блестящихъ членовъ, какъ отъ огня; на волосахъ у нихъ сверкали ленты, переплетенныя съ золотомъ; Нерейды, услаждая сердце свое, рѣзво плясали. Онъ увидалъ любезную супругу отца, гордую, волоокую Амфитриту въ прелестномъ дворцѣ. Она одѣла его въ пурпуровый плащъ | и возложила на его кудри роскошный вѣнокъ; его, темнѣющій розами, нѣкогда ей на свадьбу подарила коварная Афродита. Для людей со здоровымъ умомъ не бываетъ невѣроятнымъ ничего, чего пожелаютъ боги. Ѡисей появился у стройной кормы корабля. Увы, въ какое безпокойство повергъ онъ Кносскаго владыку, когда невредимымъ вышелъ изъ моря, — чудомъ для всѣхъ. Блестали на его членахъ дары боговъ. Прекрасныя дѣвы воскликнули въ радости отъ неожиданнаго счастья. Загудѣло эхомъ имъ море. Юноши же сейчасъ запѣли хвалебный гимнъ Аполлону радостнымъ голосомъ. — О Аполлонъ, обитающій Дилосъ, усладивъ сердце свое хоровымъ пѣніемъ Кеосцевъ, даруй намъ добрую судьбу отъ боговъ!

III.

Миѣъ, который излагаетъ Вакхилидъ въ XVII стихотвореніи, извѣстенъ былъ до сихъ поръ только изъ того мѣста Павсанія, гдѣ періэгетъ говорить о картинѣ Микона ¹⁾, и изъ Гигина ²⁾. Изъ словъ Павсанія ясно, что въ его время миѣъ уже не былъ хорошо извѣ-

¹⁾ Павсаній, I, 17, 2—3; *Overbeck*, *Schriftquellen*, 108, 66.

²⁾ *Poet. Astron.*, II, 5.

стенъ масѣ публики. „Картина на третьей изъ стѣнъ (Θησιона)“ говоритъ Павсаній: „если не спросить о томъ, что про нее разказываютъ, неясна по своему содержанію. во-первыхъ, изъ-за времени, наложившаго на нее свой слѣдъ, а во-вторыхъ изъ-за того, что Миконъ не написалъ мнѣе полностію“¹. Самый мнѣе, который передаетъ Павсаній дальше, изложенъ у него въ общемъ согласно съ той версіей, которую мы видимъ у Ваххилида. Однако, въ виду того, что нѣкоторыя подробности (напримѣръ, то, какъ Зевсъ ниспослалъ Миносу знаменіе и т. д.)¹ у Павсанія опущены, и, кромѣ того, въ оборотахъ рѣчи у Павсанія нельзя найти аналогій съ изложеніемъ мнѣа у Ваххилида, мы принимаемъ соображеніе Кеніона, что Павсаній не пользовался Ваххилидомъ²). Вотъ слова Павсанія: „Минось, когда везъ на Критъ Θηсея и остальныхъ другихъ дѣтей аѳинянъ, возгорѣлъ страстью къ Перивію; такъ какъ Θηсей весьма сильно ему противодѣйствовалъ, онъ, между прочими словами, кон у него въ гнѣвѣ вырвались противъ Θηсея, — сказалъ, что Θηсей не сынъ Посидона, такъ какъ не сможетъ достать изъ моря перстень, который носятъ Минось, если онъ (Минось) туда броситъ перстень. Говорятъ, Минось, сказавъ это, бросилъ перстень въ воду. Про Θηсея же разказываютъ, что онъ явился изъ глубины моря не только съ тѣмъ кольцомъ, но еще съ золотымъ вѣнцомъ, который ему подарила Амфитрита“³. Вельманнъ³). Робертъ⁴) и Гирардини⁵) считаютъ источникомъ Павсанія Гелланика. Намъ кажется, что скорѣе всего Павсаній, при изложеніи мнѣа, воспользовался тѣмъ, что могъ слышать отъ проводниковъ, водившихъ его по Аѳинамъ⁶). Последнее склоненіе принимать за наиболѣе вѣроятное и Кеніонъ (ук. м.).

Версія мнѣа у Гигина гораздо ближе, чѣмъ версія Павсанія, къ изложенію Ваххилида. Несомнѣнно, что прямо или косвенно Гигинъ пользовался стихотвореніемъ Ваххилида⁷). Несомнѣнно также и то,

¹) Амфитрита даетъ Θηсею у Павсанія *золотой вѣнецъ*, а у Ваххилида *вѣнокъ изъ розъ*; Θηсей у Павсанія приноситъ перстень Миноса изъ моря; у Ваххилида объ этомъ ничего нѣтъ.

²) *Kenyon*, 153.

³) *Wellmann*, De Istro Callimachio, 94.

⁴) *Robert*, Archäol. Anzeiger, 1889, 141 слл.

⁵) *Ghirardini*, Rendiconti della Regia Accademia dei Lincei, ser. V. vol. IV, 1895, 86.

⁶) Ср. *Gurlitt*, Über Pausanias, 38 сл.

⁷) *Робертъ* (Arch. Anz., ук. м.; ср. его же *Eratosthenis Catasterismorum reliquiae*, 221) и *Гирардини* (Rendiconti, ук. м.) источникомъ Гигина считаютъ астрономическую поему Игисіанакта.

Картина внутри килика Евфрония въ Луврѣ.

что у Гигина былъ не одинъ источникъ. Гигинъ сообщаетъ два варианта на счетъ того, отъ кого Оисей получилъ кольцо Миноса и вѣнецъ. Кольцо дали Оисею Нереиды; вѣнецъ же онъ получилъ въ подарокъ, по однимъ разказахъ, отъ Тетида, по другимъ, отъ Амфитриты. У Ваххилида, какъ мы видѣли, ни слова не говорится о томъ, что Оисей получилъ отъ кого-нибудь кольцо Миноса, что онъ досталъ Миносу его перстень изъ моря. Та версія миеа, что Оисею Нереиды дали кольцо Миноса, а Тетида подарила вѣнецъ ¹⁾, взята Гигиномъ не у Ваххилида. За исключеніемъ послѣднихъ подробностей, изложеніе Гигина тѣсно примыкаетъ къ версіи Ваххилида.

Къ тому, что мы знаемъ о нашемъ миеѣ изъ литературныхъ источниковъ (Ваххилидъ, Павсаній, Гигинъ) ²⁾, присоединяютъ еще подробности памятники искусства пластическаго. Нашъ миеѣ послужилъ сюжетомъ четырехъ картинъ на аттическихъ росписныхъ вазахъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, благодаря сохранившимся у фигуръ надписямъ, прежде всего сюжетъ рисунка внутри килика. работы знаменитаго Евфронія, — килика, находящагося теперь въ Луврѣ (табл. I) ³⁾.

Направо на картинѣ представлена сидящею на стулѣ (дифросѣ) Амфитрита (Αμφιτρίτη, Ἀμφιτρίτη). Богиня протягиваетъ въ знакъ привѣта правую руку Оисею (Οἰσεός, Ὀϊσεός), который стоитъ передъ ней, опираясь ногами на руки и голову поддерживающаго его Тритона (Τρίτων, Τρίτων), — существа, верхняя часть котораго представляетъ человѣческой обликъ, а низъ оканчивается рыбьимъ туловищемъ и хвостомъ. Оисей протягиваетъ правую руку Амфитритѣ, а лѣвую поднимаетъ въ знакъ изумленія ⁴⁾. Между Оисеемъ и Амфитритой, на второмъ планѣ, стоитъ покровительница Аѳинъ и Оисея ⁵⁾ — богиня

¹⁾ Этотъ вѣнецъ — подарокъ Тетидѣ на свадьбу Афродитой (у Ваххилида на свадьбу же подарила его Афродита не Тетидѣ, а Амфитритѣ). Онъ украшенъ драгоценными камнями (compluribus lucentem gemmis), что, какъ и Павсаніевъ *золотой* вѣнецъ, отличается отъ вѣнца изъ розъ, о которомъ говоритъ Ваххилидъ.

²⁾ Едва ли можно сказать что-нибудь положительнаго о пропавшей трагедіи Еврипида „Оисей“. См. ниже.

³⁾ Лувръ, О, 285. Mon. grecs. publ. p. l'association pour l'encouragement des études grecques en France, 1872, pl. I, II. *Rayet-Collignon*, Histoire de la céramique grecque, рис. 69. Wiener Vorlegeblätter, V, 1. *Baumeister*, Denkmäler d. class. Alterth., рис. 1877. *Klein*, Euphronios², 182. *Girard*, Peinture antique, рис. 97. *Harrison*, Greek vase paintings, pl. XIV. Ср. *Klein*, Die griechischen Vasen mit Meistersignaturen², 34.

⁴⁾ Ср. *Klein*, Euphr.², 183.

⁵⁾ Ср. *Ghirardini*, Rendiconti, IV, 1895, 89.

Cabinet des médailles Национальной библиотеки' въ Парижѣ ¹⁾ (табл. III), другая—келеба, найденная около Руво и находящаяся теперь въ коллекци принцессы Триказэ, въ Руво ²⁾ (табл. II).

Хотя по стилю хронологически за киликомъ Евфронія идетъ сначала Парижскій кратиръ ³⁾, а ваза принцессы Триказэ ⁴⁾ его немногимъ моложе, мы займемся сначала этою послѣднею вазою, такъ какъ ея композиція вполне ясна, тогда какъ рисунки на Парижскомъ кратирѣ давали часто поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ.

На картинѣ вазы Триказэ (табл. II) мы сейчасъ же признаемъ въ фигурѣ, находящейся въ центрѣ, Посидона. Посидонъ подаетъ правую руку, въ знакъ расположенія и привѣта, стоящему противъ него Оисею. Съ другой стороны Оисея стоитъ Амфитрита, которая держитъ въ правой рукѣ вѣнокъ, предназначенный для Оисея. Въ фигурѣ лысаго старика, стоящаго сзади Посидона, скорѣе всего надо видѣть морскаго старца Нереея. Послѣдняя женская фигура, налѣво, съ фіалой (чашей) и инохой (кувшиномъ) въ рукахъ—одна изъ Нерейдъ. Изображенная между Нерейдой и ея отцомъ колонна, по обычному приему вазовыхъ мастеровъ, обозначаетъ, что дѣйствіе происходитъ внутри зданія.

Нерейда должна, сдѣлавъ сначала возліяніе въ честь боговъ, дать выпить изъ фіалы, которую она наполнила виномъ, находящимся въ инохѣ, — Оисею. Такъ обыкновенно привѣтствуютъ на вазахъ женщины побѣдителей ⁵⁾. Часто подаютъ онѣ также фіалу съ виномъ юношѣ, отправляющемуся въ походъ. Въ такомъ случаѣ это—предназначеніе его будущей побѣды, его успѣха. Часто сама богиня побѣды

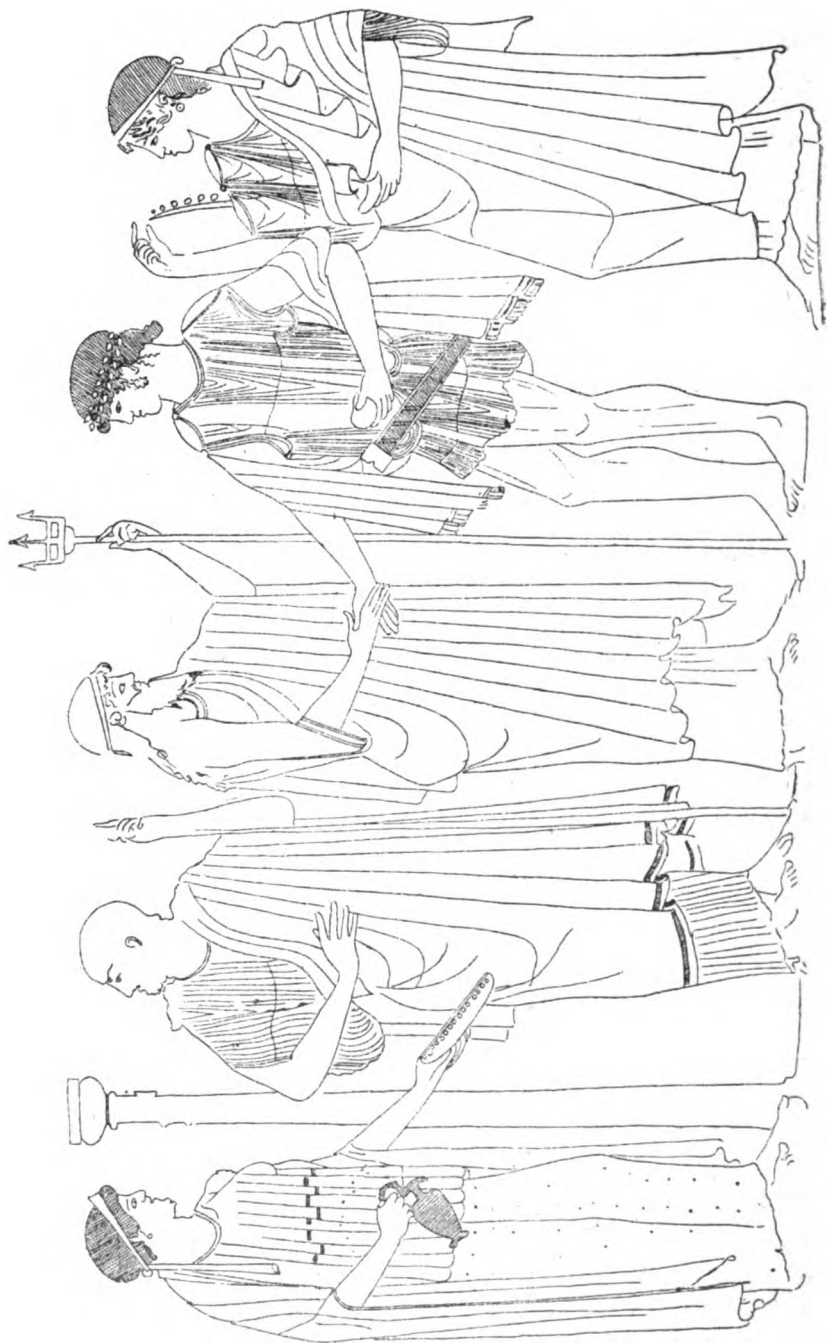
¹⁾ Monumenti dell' Instituto, I, tav. 52, 53; *Duc de Luynes*, Description de quelques vases peints, pl. 21, 22; *Welcker*, Alte Denkmäler, III, Taf. 25, 1.2; *Overbeck*, Gall. her. Bildw., Taf. 13, 10; *Lenormant—de Witte*, Elite des mon. céramographiques, III, pl. 9, 10; *Roscher*, Lexikon d. griech. u. röm. Mythologie, I, sp. 1679 сл.; *Girard*, Peinture ant., fig. 109; *Girardon*, Photographies d. vases de la Collection de la Biblioth. Nationale, serie XI, Cl. VI, 58—61.

²⁾ Röm. Mitt., IX, 1894, tav. VIII, стр. 229 сл. (*Petersen*); *G. Jatta*, Notizie d. scavi, 1893, 242; *Ghirardini*, Rendiconti, IV, 1895, 86 сл. *Robert*, Marathonschlacht, 51 сл.

³⁾ Ср. *Klein*, Euphr., 186; *Girard*, Peinture antique, 190; *Robert*, Marathonschlacht, укр. м. *Schreiber*, Wandbilder d. Polygnotos, I, 129, 156.

⁴⁾ *Jatta* (Notizie d. scavi 1893, 242) совершенно вѣрно опредѣляетъ, что ваза Триказэ—аттическая, и напрасно Петерсенъ (Röm. Mitth., IX, 1894, 230) полагаетъ, что ваза сдѣлана въ нижней Италіи. Ср. *Robert*, Marathonschlacht, 51; *Ghirardini*, Rendiconti, укр. м.

⁵⁾ Ср. *Stephani*, Compte rendu, 1873, 113 сл.; *Milchhöfer*, Archäol. Zeitung, 1880, 184.

Картина на кельебъ принцессы Триказа.

Ника подаетъ напитокъ воину. На нашей вазѣ Нереида съ фіалой и иноксоей какъ бы говорить намъ о томъ, какъ славно Оисей вышелъ изъ испытанія, устроеннаго ему Миносомъ. Что авторъ рисунка на вазѣ. Триказе слѣдовалъ версиі миеа, весьма близкой къ версиі его у Вакхилида, — очевидно. Въ самомъ дѣлѣ, Оисей получаетъ здѣсь вѣнокъ отъ Амфитриты. Въ легкой накидкѣ, надѣтой сверхъ хитона, въ который одинъ обыкновенно бываетъ одѣтъ Оисей на вазовыхъ картинахъ, мы должны усматривать ту пурпуровую одежду, которую герой получаетъ отъ богини у Вакхилида (112 ст.): *ваза Триказе, такимъ образомъ, является прямымъ подтвержденіемъ поправки, предложенной Джеббомъ и Кеніономъ ἀμβολᾶν πορφυρέαν вм. недающею никакого смысла рукописнаго αἰβόνα πορφυρέαν*. Далѣе, мѣсто дѣйствія на рисунокѣ вазы—дворецъ Посидона и Амфитриты.

У Вакхилида дельфины приносятъ Оисея во дворецъ его отца Посидона (ст. 99 сл.); Оисей входитъ въ чертогъ „боговъ“, то-есть, Посидона и Амфитриты (ст. 100 сл.). Во дворцѣ Посидона герой видитъ и супругу отца (ст. 110), и Нереидъ (ст. 102 сл.). Что дѣйствіе происходитъ въ „морскихъ дебряхъ“ (ст. 85), мастеръ вазы обозначаетъ фигурой Нереея. Если на вазѣ мы видимъ лишь одну Нерейду, то это обусловлено необходимостью, вызываемою ограниченными размѣрами композиціи. Нерей, характеризуя морскую бездну, является въ пластическомъ изображеніи и представителемъ своихъ дочерей, какъ одна колонна представляетъ цѣлый дворецъ. Еслибы авторъ рисунка на вазѣ хотѣлъ иллюстрировать сцену, изображенную у Вакхилида, со стиха 100 до 116 ст., такъ, какъ это дѣлаютъ большею частью наши современные иллюстраторы, то, конечно, онъ не изобразилъ бы ни Посидона, ни Нереея. Но греческіе художники V вѣка никогда не иллюстрировали разказа поэтовъ ¹⁾, а, изображая миеѡ, строго держались законовъ пластическаго искусства, которое, какъ извѣстно, должно опускать нѣкоторыя подробности, умѣстныя въ разказѣ поэта, и прибавлять другія, необходимыя для ясности пластической композиціи ²⁾. Изобразить то, что разказываетъ Вакхилидъ въ

¹⁾ Ср. введение Роберта къ его „Bild und Lied“.

²⁾ Лессингъ въ „Лаокоонѣ“ развиваегъ это положеніе, взявъ за исходную точку извѣстное изреченіе Симонида, современника автора вазы Триказе, о живописи и о поэзіи: „живопись—нѣмая поэзія, поэзія—говорящая живопись“ (Plut. De glor. Athen. 3, p. 346 F; Симонидъ τὴν μὲν ζωγραφίαν ποίησιν σιωπᾶσαν προσαγορεύει, τὴν δὲ ποίησιν ζωγραφίαν λαλοῦσαν. Ср. *Blümner, Lessings Laokoon, Einl., 3; Commentar, Vorrede, 482 сл.*).

своемъ XVII стихотвореніи, пластически должно, по законамъ греческаго искусства V вѣка, именно такъ, какъ это мы находимъ у автора вазы Триказэ. Кеніонъ не останавливается на отношеніяхъ къ Вакхилиду тѣхъ вазъ, на которыхъ центральною фигурою композиціи является Посидонъ (стр. 157). По нашему мнѣнію, это ошибка человѣка, который желаетъ объяснить древніе памятники съ такой точки зрѣнія, которая рѣшительно недопустима. Кто является вмѣстѣ съ Оисеемъ центромъ мѣта, занимающаго наше вниманіе? Къ чему направленъ весь разказъ? Развѣ не къ тому, чтобъ показать, что Оисей, дѣйствительно, сынъ Посидона? Центръ, вокругъ котораго группируется весь разказъ, составляютъ стихи 76 слл.:

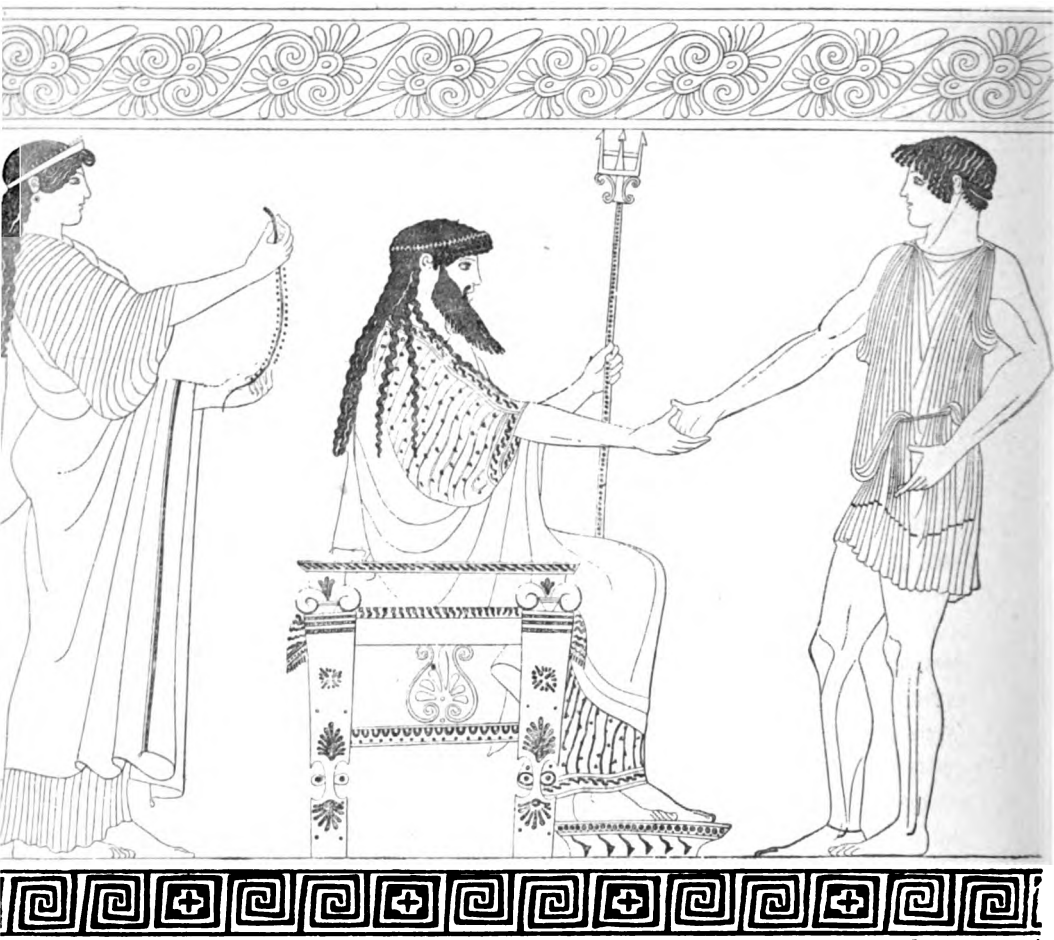
σὸ δ' ὄρνυ' ἐς βα-
ρύρρομον πέλαγος, Κρονίδας
δέ τοι πατήρ ἄναξ τελαϊ
Ποσειδάων ὑπέρτατον
κλέος χθόνα κατ' ἠύδαυδρον.

Пластически выразить мысль стихотворенія Вакхилида можно только такой композиціей, гдѣ Посидонъ будетъ главнымъ лицомъ. Если мы, такимъ образомъ, желаемъ среди сохранившихся памятниковъ знать такіе, которые стоятъ въ ближайшемъ отношеніи къ Вакхилиду, то прежде всего должны имѣть въ виду тѣ памятники, о которыхъ Кеніонъ не говорятъ вовсе.

Къ таковымъ относится и ваза Триказэ. Ея композиція передаетъ ту же версію мѣта, что и Вакхилидъ. Она, только повидимому, будто бы отличается отъ версіи Вакхилида. На самомъ дѣлѣ ея отличія только такого рода, какія всегда должны быть у поэтическаго разказа и пластической композиціи, посвященныхъ одному и тому же сюжету.

Есть еще одна особенность, которая рисунокъ на вазѣ Триказэ связываетъ съ Вакхилидомъ. Это то, что ни у Вакхилида, ни на картинѣ вазы Оисей не получаетъ ни отъ кого кольца Миноса. Оисей долженъ доказать свое божественное происхожденіе. И онъ это дѣлаетъ, но не тѣмъ, что исполняетъ приказаніе Миноса.

Мы рѣшительно должны возстать противъ мнѣнія тѣхъ, которые на картинѣ келебы Триказэ видятъ въ предметѣ, находящемся въ лѣвой рукѣ Оисея, ящичекъ съ кольцомъ Миноса. Почему же художникъ не изобразилъ самаго кольца? Почему онъ замѣнилъ его другою вещью, смыслъ которой не совсѣмъ понятенъ? Разумѣется, какъ бы

Картина на главной сторонѣ кратира въ Cabinet des médailles въ Парижѣ.

мы ни объясняли эту вещь, она во всякомъ случаѣ не нарисована для того, чтобъ замѣнить предметъ, котораго нѣтъ на картинѣ. Самъ Петерсенъ, который защищаетъ мнѣніе Ятты, впервые полагавшаго, что въ ящичкѣ у Одисея скрыто непременно кольцо Миноса ¹⁾, простодушно замѣчаетъ: „по отношенію къ археологамъ художникъ лучше бы сдѣлалъ, если бы нарисовалъ самое кольцо вмѣсто шкатулки, которая его въ себѣ заключаетъ“. „И не только, принимая въ расчетъ археологовъ,—справедливо замѣчаетъ на это Гирардини ²⁾—лучше бы было поступить такъ, но и вообще принимая въ расчетъ логику и заботясь о здоровомъ смыслѣ“.

Робертъ и Шрейберъ ³⁾, однако, и послѣ энергичныхъ возраженій Гирардини соглашаются съ Петерсеномъ. „Здравый смыслъ и самая суть дѣла важнѣе, чѣмъ сотня кодексовъ“. По нашему мнѣнію, какъ у Вакхилида, такъ и въ версіи миеа на келебѣ Триказе нѣтъ рѣчи о доставаніи кольца Одисеемъ изъ глубины моря. Одисей доказалъ Миносу свое происхожденіе отъ Посидона, и не доставая по приказу критскаго царя его кольца со дна моря! ⁴⁾.

По стилю рисунка келеба Триказе относится ко времени около 480 года.

Только немногимъ ея старше по стилю кратель Парижской Национальной бібліотеки изъ Агригента (Табл. III).

Послѣ того, какъ мы познакомились съ композиціями Евфронія и автора вазы Триказе, мы сейчасъ поймемъ надлежащимъ образомъ картину Парижскаго кратора, тѣмъ болѣе, что ваза принцессы Триказе обнаруживаетъ стилистическую зависимость отъ Парижской вазы.

На одной сторонѣ кратора въ центрѣ—Посидонъ сидитъ на роскошномъ креслѣ. Онъ подаетъ правую руку стоящему противъ него Одисею. За Посидономъ стоитъ съ вѣнкомъ въ рукахъ, очевидно, Амфитрата.

¹⁾ Ср. *Petersen*, *Röm. Mitt.*, IX, 1894, 229.

²⁾ *Ghirardini*, *Rendiconti*, IV, 1895, 91.

³⁾ *Robert*, *Marathonsschlacht*, 51 сл., пр. 9; *Schreiber*, *Wandbilder d. Polygnotos*, 131, 160.

⁴⁾ Предметъ въ лѣвой рукѣ Одисея, по нашему, скорѣе всего раковина, которая, какъ и фигура Нерея, характеризуетъ мѣсто дѣйствія, на глубинѣ морской, какъ дельфины у Евфронія. На другой сторонѣ келебы Триказе представлены лица, занимающіяся музыкой. Обѣ картины связаны общей идеей: музыканты поютъ гимнъ, содержаніе котораго—нашъ миеъ; картины вазы, назначенной для вина, говорятъ о томъ, что музыка и пѣсни—„ἀναθήματα θεῶς“.

Композиція на другой сторонѣ кратира не связана съ первой ¹⁾. Это уже ясно видно изъ постановки фигуръ. Крайнія фигуры обѣихъ композицій стоятъ другъ ко другу спиной. Наоборотъ, всѣ три фигуры въ каждой изъ картинъ тѣсно другъ съ другомъ связаны.

Сцена, изображенная на второй картинѣ, заимствована изъ того же цикла сказаній о Оисеѣ. Ариадна въ центрѣ сидитъ на стулѣ и любитъся вѣнкомъ, который ей подарилъ Оисей. По обѣ стороны ея стоятъ двѣ служанки или двѣ подруги Ариадны ²⁾.

Итакъ, сцена, которая интересуетъ специально насъ, представлена на первой картинѣ Парижскаго кратира. Она не можетъ не поразить насъ крайней простотой своей композиціи, даже прямо ея бѣдностью. Зная, какую роль играла пластическая традиція въ греческомъ искусствѣ, невольно удивляешься, когда послѣ искусной композиціи Евфронія видишь картину Парижскаго кратира, гдѣ композиція состоитъ изъ механическаго сопоставленія трехъ фигуръ, хорошо извѣстныхъ уже въ вазовой живописи. Ясное дѣло, что авторъ кратира не имѣлъ традиціи въ художественной композиціи мѣта въ той версіи, которой онъ слѣдуетъ. Евфроній, мы видѣли, писалъ до Вакхилида Оисея предъ Амфитридой. Авторъ Парижскаго кратира, несомнѣнно, изображаетъ мѣта по той версіи, какую видимъ у поэта, какъ и авторъ рисунка на вазѣ Триказѣ. Такъ какъ время обѣихъ вазъ (ок. 480 г.) совпадаетъ со временемъ процвѣтанія Вакхилида ¹⁾, такъ какъ, кромѣ того, древнѣйшая изъ вазъ—Парижскій кратиръ—явно обнаруживаетъ отсутствіе у нея пластической традиціи, то ближе и проще всего, ка-

¹⁾ Всѣ ученые, которые старались видѣть въ обѣихъ картинахъ одну композицію, должны были прибѣгать къ натяжкамъ. Такъ, Вельберъ (*Alte Denkm.*, III, 406) думаетъ, что дѣвушка (на 2-й картинѣ) должна передать фіалу другой съ тѣмъ, чтобы эта передала ее юношѣ на 1-й картинѣ (его онъ считаетъ Ахилломъ). Для такого объясненія нѣтъ аналогій. Миллье (*Milliet*), въ текстѣ къ фотографіямъ, изд. Жиродономъ, считаетъ нашу Ариадну за Амфитриду. Женщина за Посидономъ (совершенно иного типа, съ другимъ головнымъ уборомъ) у него—тоже Амфитрита. Какой же смыслъ 2-й картины? Гирардини (*Rendiconti*, IV, 1895, 90) считаетъ Ариадну Амфитридой, а женщину, за Посидономъ, Нерейдой. А развѣ отъ Нерейды Оисей получаетъ вѣнокъ? Если связывать въ одно обѣ картины, то является два вѣнка. Какой ихъ смыслъ въ такомъ случаѣ? Ясное дѣло, какъ на келебѣ Триказѣ, такъ и на Парижскомъ кратирѣ, двѣ картины вазы не составляютъ единой композиціи.

²⁾ *O. Яль* (*Archäol. Aufsätze*, 20) далъ наилучшее объясненіе второй картинѣ; его мы и держимся.

³⁾ Ср. *Кенон*, VIII слл.

жется, признать, что картина Парижскаго кратора явилась подъ вліяніемъ исполнявшася публично въ Афинахъ пэана.¹⁾ Вакхилида.

И на картинѣ Парижскаго кратора мы не видимъ кольца Миноса, потому что, какъ и на киликѣ Евфронія, нельзя усматривать его въ перевязкѣ, ἐπιστόριον²⁾, на правой ногѣ Оисея³⁾.

Мастеръ келебы Триказэ развилъ композицію Парижскаго кратора и при этомъ пользовался фигурами и другой картины кратора. Изъ-за ограниченныхъ размѣровъ картины онъ всѣ фигуры представилъ стоящими. Безъ труда можно узнать оригиналы, съ коихъ онъ взялъ фигуры Оисея, Амфитриты и Нереиды. Отъ себя прибавилъ мастеръ келебы Триказэ только колонну и фигуру Нереея.

За вазой Евфронія, краторомъ Парижской Національной бібліотеки и келебой Триказэ хронологически идутъ картины Микона въ Оисіонѣ (469 — 465 гг.), трагедія Еврипида „Оисей“ (440—430 гг.)⁴⁾ и, наконецъ, краторъ Museo Civico въ Болоньѣ⁵⁾ (табл. IV).

Такъ какъ ни картина Микона, ни трагедія Еврипида не извѣстны намъ непосредственно, мы остановимся сначала на послѣднемъ по времени пластическомъ памятникѣ, имѣющемъ отношеніе къ нашему мѣну.

Въ центрѣ композиціи на Болонскомъ краторѣ изображенъ возле-

¹⁾ Кеніонъ, по нашему, правильно считаетъ XVII стихотвореніе пэаномъ. Объ исполненіи его въ Афинахъ, ср. *Kenyon*, 159.

²⁾ О ней ср. *Welcker*, *Alte Denkm.*, III, 406; *Guhl-Koner*, *Leben d. Griechen u. Römer*, 389; *Ghirardini*, *Mus. Ital.* III, 7, no 3; *Hartwig*, *Meisterschalen*, 484, 1; *Schreiber*, *Wandbilder des Polygnotos*, 131, 160. Эта перевязка давала поводъ въ разнымъ ошибочнымъ толкованіямъ всей картины. Люинъ (*Luynes*), *Vases*, 10, усматривалъ изъ-за нея въ юношѣ хромаго Ифеста и объяснялъ сцену дѣтъ Иліады, XVIII, 400. *Велькеръ*, *Alte Denkm.*, III, 405 слл. (ср. *Ann. XII*, 1844, 253—255), считалъ нашего Оисея Ахилломъ, у котораго подвизано его единственно уязвимое мѣсто; по мнѣнію Велькера, на картинѣ изображено прощаніе Ахилла съ Нереемъ и Нерейдами.

³⁾ Ср. *Brøndsted*, *Annales de l'Institut. Sect. Franç.*, I, 139; *Millingen* у *Welcker*, *Alte Denkm.*, III, 407. *Klein*, *Euphr.*, 187 сл. *Ghirardini*, *Mus. Ital.*, III, 12—14.

⁴⁾ О ней см. *Leo*, *Senecae tragoed.*, I, 181. 25; *Wilamowitz-Möllendorf*, *Hermes*, XV, 483; *Robert*, *Eratosthenis Catasterism. rel.* 222, 1; *Bild u. Lied*, 33 слл. О ея предполагаемой роли въ исторіи нашего мѣна ср. еще *Robert*, *Arch. Anz.* 1889, 141 слл., и *Marathonschlacht* 52; *Ghirardini*, *Rendiconti*, ук. м.

⁵⁾ *Museo Italiano di antichita classica*, III, 1890, tav. I; *Mon. dell' Institut.*, *Suppl.*, tav. 21, 22; *Robert*, *Die Nekyia des Polygnot.* 16 hall. *Winckelmannsprogramm*, 41.

жащимъ на ложѣ передъ маленькимъ столикомъ Посидонъ. Вокругъ него расположены всѣ другія фигуры такимъ образомъ, что мѣстность, гдѣ происходитъ дѣйствіе, характеризуется, какъ склонъ холма. Немного выше Посидона на этомъ склонѣ сидитъ по правую руку Посидона его супруга Амфитрита. Она держитъ въ рукахъ роскошный вѣнокъ, который предназначенъ для Оисея. Оисей сидитъ на рукахъ у Тритона, принесшаго героя къ его божественнымъ отцу и супругѣ отца. Оисей нѣжно касается колѣнъ Амфитриты. Группа изъ этихъ четырехъ фигуръ составляетъ зерно композиціи. По правую сторону отъ главной группы изображены четыре дѣвушки на одномъ уровнѣ съ Амфитритой и Эротъ—съ Посидономъ. Дѣвушки, ясное дѣло,—Нереиды. Двѣ изъ нихъ ¹⁾ стоятъ такъ, что одна облокотилась на плечо другой своею правою рукою. Двѣ другія Нереиды сидятъ, при чемъ у одной изъ нихъ въ рукахъ тамбуринъ ²⁾. Эротъ занятъ тѣмъ, что наливаетъ изъ гидрія въ кратиръ съ виномъ воду. Около кратира стоитъ нихоя.

Налѣво отъ главной группы изображенъ Гелиосъ на своей колесницѣ, везомой его четверкой коней, и корма корабля.

Композиція Болонскаго кратира дала поводъ къ горячимъ спорамъ между учеными ³⁾.

XVII стихотвореніе Вакхилида, намъ кажется, сообщаетъ много новаго, что даетъ возможность лучше объяснить интересную картину вазы въ Болоньѣ.

Гдѣ происходитъ дѣйствіе?

Клейнъ (ук. с., 189) полагалъ, что фигуры, составляющія главную группу, должно представлять находящимися на глубинѣ морской, а дѣвушки, по его мнѣнію, находятся на землѣ. *Гирардини* (ук. м.) измѣнилъ мнѣніе Клейна такъ, что у него мѣстность дѣйствія—едина: всѣ фигуры находятся на берегу моря, которое обозначено кормой корабля и Тритономъ. Мнѣніе Гирардини раздѣляетъ и *Шрейберъ* (ук. с., 132). Наоборотъ, *Робертъ* считаетъ мѣстомъ дѣйствія — морскія дебри, царство Посидона.

Фигура Тритона, какъ признаютъ всѣ изслѣдователи, можетъ на-

¹⁾ Робертъ (*Nekyia*, 41) называетъ ихъ Псимаею и Панопой.

²⁾ Имена двухъ другихъ, по Роберту,—Галатея и Калипсо.

³⁾ Ср. *Klein*, *Euphronios*, 189 сл., *G. Jatta*, *Notizie d. scavi*, 1893, 245 сл., *Ghirardini*, *Mus. Ital.* III, 29 сл. и въ *Rendiconti*, IV 1895, 92 сл. *Robert*, *Archäol. Anz.*, 1889, 141 сл., *Nekyia*, 3 сл., 41; *Marathonschlacht*, 51 сл. *Schreiber*, *Wandbilder d. Polygnotos*, 128 сл., по 30.

Картина на крaтирѣ Museo Civico въ Болонѣ.

ходить только въ морѣ. Она настолько велика, что занимает мѣста болѣе, чѣмъ каждая изъ остальныхъ фигуръ. Намъ кажется, Тритонъ достаточно характеризуетъ, что всѣ фигуры находятся въ царствѣ Посидона. Изъ морскихъ волнъ восходитъ и Гелиосъ со своими конями — популярный мотивъ греческой поэзіи и искусства. Гелиосъ представленъ на Болонскомъ кратирѣ поднимающимся вверхъ. „Oberwelt“, поверхность моря и суша, будетъ, ясное дѣло, только выше фигуръ. На положеніе фигуръ ниже морской поверхности указываетъ и мѣсто корабельной кормы, которая, въ случаѣ, еслибы фигуры художникъ представлялъ сидящими на побережьи, непременно должна была бы быть изображена гораздо ниже. Художникъ представляетъ фигуры расположившимися по постепенно повышающемуся дну морскому. На этомъ днѣ онъ представилъ растущими кое-гдѣ кусты. Если Шрейберъ въ этихъ кустахъ усматриваетъ препятствіе къ тому, чтобы представлять мѣстомъ дѣйствія морское дно, и требуетъ вмѣсто нихъ здѣсь дельфиновъ, то на это можно возразить, во-первыхъ, то, что мѣстность достаточно уже характеризована Тритономъ, а во-вторыхъ, самому же Шрейберу прекрасно извѣстенъ художественный характеръ той группы вазъ, къ которой относится и Болонскій кратиръ (ср. стр. 133, 134 и т. д.): къ мастерамъ этого времени (ок. 440—430 гг. ⁷⁾) нельзя предъявлять такихъ требованій, какъ, напримѣръ, къ мастерамъ строгаго красно-фигурнаго стиля, гдѣ каждая мелочь находитъ свое оправданіе; у мастеровъ второй половины періода „прекраснаго“ стиля ²⁾ нерѣдко видимъ детали, которыя явно не подходятъ по смыслу къ изображаемой сценѣ и имѣютъ лишь чисто внѣшнее декоративное значеніе: достаточно привести для примѣра берлинскую гидрію (№ 2633 по каталогу Фуртвенглера), гдѣ въ сценѣ суда Париса для заполнения пространства введенъ мальчикъ на дельфинѣ (ср. слова самого Шрейбера, стр. 136), — или берлинскую же гидрію (по 2.634), гдѣ этотъ эротъ передъ богиней Фивой играетъ только чисто декоративную роль. Два треножника, введенные въ композицію только для заполнения пространства, также не препятствуютъ тому, чтобы мы считали мѣстомъ дѣйствія картины дно моря.

¹⁾ О хронологіи вазъ „прекраснаго“ стиля см. *Milchhöfer*, Jahrb. d. Inst., IX, 1894, 79. *Robert*, Marathon Schlacht, 71 сл.; Э. Р. фонъ-Ште. нъ, въ „Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и древностей“, XVІІІ, 56 сл., *C. Smith*, Catalogue of the greek and etruscan vases in the British Museum, III, Introduction, 9.

²⁾ „Schöner Stil, spätere Hälfte“ по терминологіи Фуртвенглера (въ его Берлинскомъ каталогѣ вазъ) и Мильхгёфера (ук. раб.).

Отъ корабля изображена только корма съ рулемъ. До сихъ поръ корабль оставался необъясненнымъ, какъ слѣдуетъ ¹⁾. По Вакхилиду, это будетъ корабль, который, по приказанію Миноса, продолжаетъ дальше свой путь, послѣ того какъ Одисей бросился въ море (ср. ст. 86 сл.). На вазовой картинѣ представленъ удаляющійся корабль, и потому художникъ представилъ лишь небольшую часть его и не нарисовалъ на ней ни одной человѣческой фигуры ²⁾.

Стихотвореніе Вакхилида подтверждаетъ и то, что дѣвушки, изображенныя на правой сторонѣ картины, Нереиды (ср. ст. 103 сл.). Нереида съ тамбуриномъ ³⁾ исполнѣ объясняется изъ ст. 107 сл.:

χορῶ δὲ τέρ-
πον χεῖρ ὑγροῖσι ποσίν.

Но и здѣсь, разумѣется, средства изобразить божественную красоту дочерей Нерее у поэта были совершенно другія, чѣмъ у художника, писавшаго картину. Богатство и роскошь костюма Нереидъ вазовый мастеръ старался передать, какъ это видимъ по фигурѣ одной изъ стоящихъ Нереидъ. Но изъ чисто художественныхъ цѣлей онъ не одѣлъ всѣхъ ихъ одинаково ⁴⁾. Прелесть, чарующее дѣйствіе красоты на языкѣ вазовой живописи выражается обычно фигурами эротовъ ⁵⁾: таковъ смыслъ эрота и на нашей вазѣ ⁶⁾. Эротъ разбавляетъ вино съ водою въ кратирѣ. Изъ этого кратира должна быть наполнена инокхя, въ которой обыкновенно подаютъ вино дѣвушки побѣдителямъ. Мы видѣли на келебѣ Триказэ Нереиду съ инокхой и фіалой, изъ кото-

¹⁾ Шрейберъ (Wandb. d. Polygnotos, 134) справедливо говоритъ, что корабль не можетъ быть введенъ лишь для обозначенія моря, какъ то думаетъ Гирандини (Rendiconti, ук. м., 92). Самъ Шрейберъ полагаетъ, что корабль введенъ лишь для заполнения пространства, и относитъ это къ недостаткамъ композиціи.

²⁾ Вѣнокъ, повѣшенный на кормѣ, вопреки мнѣнію Ятты, имѣетъ только декоративное значеніе. На группѣ вазъ, къ которой относится Болонскій кратиръ, вѣнки употребляются такъ очень часто. Ср. *Milchhöfer*, Jahrb. d. Inst., IX, 1894, 63 сл. Такое же значеніе имѣетъ вѣнокъ и вверху на правой частѣ картины.

³⁾ Шрейберъ пишетъ объ этой фигурѣ: „wie ungeschickt, ja sinnlos ist die Hinzufügung der Tamburinschlägerin“, 133.

⁴⁾ Шрейберъ и здѣсь видитъ затрудненія. По его мнѣнію, вообще всѣ второстепенныя фигуры въ композиціи Болонскаго кратира набраны совершенно зря. Ср. стр. 133 сл.

⁵⁾ Ср. *Furtwängler*, Eros in der Vasenmalerei, passim. Ср. „Записки Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей“, XVI, 1893, 32 сл.

⁶⁾ По Шрейберу (133), и фигура Эрота здѣсь „sinnlos.“

рой долженъ былъ выпить вина Оисей. Здѣсь такой фигуры нѣтъ. Но зреть, приготовляющій вино, и инохоя, стоящая около кратира, очевидно, даютъ тотъ же мотивъ, что и Нереида на келебѣ Триказз¹⁾.

Ваххилидъ, описывая дворець морскихъ божествъ (ст. 100 сл.), представляетъ его озареннымъ яркимъ свѣтомъ: божественное сіяніе исходить отъ Нереидъ. Какъ могъ передать эту идею вазовый живописецъ? Какъ чары красоты Нереидъ онъ обозначилъ фигурой Эрота, такъ небесный свѣтъ, озаряющій обитель боговъ, у него представляетъ восходящій изъ моря Гелиосъ²⁾. И вотъ голова Оисея отъ присутствія боговъ озарена сіяніемъ³⁾.

Итакъ, въ общемъ все въ композиціи вазы Болонскаго музея согласо съ версіей мнѣа Ваххилида. Только приносить Оисея къ богамъ Тритонъ, а не дельфины. Послѣдняя подробность связываетъ композицію Болонскаго кратира съ той версіей мнѣа, пластическое изображеніе которой намъ даетъ ваза Евфронія. Съ Евфроніемъ обще у мастера кратира и то, что Оисей представленъ мальчикомъ. Это, впрочемъ, не противорѣчитъ версіи Ваххилида. Конечно, скорѣе мы ожидали бы здѣсь крѣпкаго юношу изъ-за ст. 45 сл. (πρόσθε χερῶν βίαν δειξόμεν), какъ и нарисовали Оисея оба мастера вазъ, возникшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ стихотворенія Ваххилида. Тритомъ и возрастъ Оисея говорятъ за то, что на мастерѣ вазы въ Болонѣ сказалося вліяніе пластической традиціи⁴⁾ и притомъ такого произведенія, которое слѣдовало доваххилидовой версіи мнѣа. Фигура Амфитриты Болонскаго кратира напоминаетъ намъ нѣсколько ту же фигуру Евфронія; съ Аэиной Евфронія имѣетъ нѣчто общее въ мотивѣ фигура первой стоящей Нереиды кратира. На основаніи этого можно предполагать, что въ композиціи Болонскаго кратира есть слѣды вліянія старой аттической живописи. Такъ какъ вазы той эпохи, которой принадлежитъ Болонскій кратиръ (440—430), не знаютъ уже tradi-

¹⁾ Гирандини правильно объяснилъ инохюу на нашей картинѣ. Шрейберъ (ук. м.) напрасно ему возражаетъ.

²⁾ До сиръ поръ, по нашему, фигура Гелиоса не была объяснена удовлетворительно.

³⁾ Таковъ смыслъ той трактовки волосъ, которую мы видимъ у фигуры Оисея. *Robert, Arch. Anz.* 1889, 142. *Гирандини, Rendiconti*, ук. м. 96 сл., объясняетъ эту трактовку неудачно.

⁴⁾ О Оисей ходили, впрочемъ, рассказы, что съ виду онъ походилъ даже на слабую дѣвушку, хотя въ то же время отличался страшн. силой. Ср. Павсаній, I, 19, 1, Плутархъ.

ціи мастеровъ строгаго красно-фигурнаго стиля, то эти вліянія могутъ быть понятны, если мы предположимъ, что мастеръ Болонскаго кратира зналъ какую-нибудь композицію, въ которой вліянія староаттической живописи возможны. Это—картина Микона.

Мы переходимъ къ вопросу объ отношеніяхъ композиціи Болонскаго кратира къ картинѣ Микона и Микона къ Вакхилиду.

Судя по Павсаніеву описанію картины Микона, на ней былъ представленъ Өисей передъ Посидономъ¹⁾ и Амфитритой, то-есть, на ней главная сцена была такого же рода, какъ и на вазовыхъ картинахъ. И трудно придумать другой, болѣе удачный моментъ для пластическаго изображенія мѣа²⁾. Для разъясненія картины Павсаній разказываетъ мнѣ. Это ему кажется необходимымъ потому, что версія мѣа, извѣстная Павсанію, нѣсколько отличалась отъ версіи Микона: Μίχων οὐ τὸν πάντα ἔγραψε λόγον. Чего то въ версіи Микона не доставало. Чего именно,—совершенно ясно изъ словъ самого Павсанія. Павсаній, передавая мнѣ. такъ говорить о результатахъ, которыхъ достигъ Өисей: Өισεία δὲ σφραγίδα τε ἀκείνην ἔχοντα καὶ στέφανον χρυσοῦν -- ἀνελεῖν λέγουσιν ἐκ τῆς θαλάσσης. Эта фраза не описываетъ картины (ибо на ней былъ представленъ другой моментъ), а даетъ то объясненіе, которое, по его мнѣнію, необходимо, чтобы картину понять. Эта фраза объясняетъ οὐ τὸν πάντα λόγον. Если бы Миконъ написалъ πάντα λόγον, то у Микона было бы представлено, какъ Өисей получаетъ отъ боговъ 1) σφραγίδα и 2) στέφανον. *Какъ ни на одной вазовой картинѣ нѣтъ передачи кольца, какъ нѣтъ ея и у Вакхилида, такъ ея не было и на картинѣ Микона: отсюда и понятно, почему Павсаній говоритъ, что Миконъ не представилъ мѣа полностью*³⁾. Хотя уже Вакхилидъ разказывалъ о кольцѣ Миноса, но въ V вѣкѣ ни одна версія мѣа не говорила о томъ, что Өисей

¹⁾ Ср. Klein, Euphr. 191.

²⁾ Что этотъ моментъ былъ представленъ у Микона, общепризнано, „weil es dem Geiste antiker Kunst entspricht denjenigen Durchgangspunkt der Sage im Bilde zu fixiren, welcher das Vorher und Nachher zugleich mit andeutet“, какъ прекрасно говоритъ объ этомъ Шрейберъ (стр. 131).

³⁾ Kleinъ Euphr., 190, первый вѣрно понялъ это выраженіе Павсанія и вѣрно заключилъ на основаніи вазовыхъ картинъ, что кольца не было на картинѣ Микона. На правильной точкѣ зрѣнія стоитъ Робертъ Arch. Anz., уѣ. м. Въ Marathonenschlacht 52, Робертъ невѣрно, по вазѣ Триказа, сдѣлалъ другой выводъ. • Кромѣ вѣнка, принимаютъ кольцо Микона еще O. Jahn, Arch. Aufb. 20; Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 24; Schreiber, Wandb. d. Polygnotos 131.

ИФИГЕНІЯ — ЖЕРТВА.

АНТИЧНАЯ ТРАГЕДІЯ

подъ именемъ Еврипида, сына Мнесархова, вмѣстѣ съ „Алкмеономъ въ Коринѣ“ и „Вакханками“ поставлена была его сыномъ Еврипидомъ на аѣнскую сцену въ одинъ изъ послѣднихъ Элафѣболіевъ пятаго вѣка (послѣ 406 года) и стяжала памяти поэта первый призъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА,

въ порядкѣ ихъ появленія на сцену.

III. ¹⁾ Агамемнонъ.

II. Старикъ рабъ.

Хоръ женщинъ изъ Авлиды.

Борифей, пожилая женщина.

I. Менелай.

III. Первый вѣстникъ.

II. Клитемнестра.

I. Ифигенія.

} при нихъ Орестъ (безъ рѣчей).

III. Ахиллъ.

III. Второй вѣстникъ.

Стража Агамемнона и отрядъ Ахилла. Свита

Клитемнестры.

Дѣйствіе происходитъ въ Авлидѣ передъ царскимъ шатромъ Агамемнона, въ ожиданіи Троянскаго похода.

¹⁾ Римскія цифры обозначаютъ предполагаемое распредѣленіе ролей.

ПРОЛОГЪ.

Ночь. Ни вѣтерка. Ярко горятъ звѣзды. Шатерь Агамемнона. Вдали заснувшее морское побережье съ отвѣчивающею полосою воды. Суда съ повисшими парусами; иныя вырисовываются черными контурами на бѣлой отмели. Лагерь спать.

Явленіе I.

АГАМЕМНОНЪ.

(выходить изъ шатра и нѣсколько времени въ волненіи ходить по сценѣ, по временамъ останавливаясь около шатра; онъ безъ оружія; въ рукѣ у него запечатанная табличка съ письмомъ; остановившись у входа въ палатку и по направленію къ ней) —

Гей!... (Пауза).

Отзовись изъ шатра, старикъ,
Спишь ли? Выйди на царскій зовъ.

Старикъ (еще изъ шатра).

Здѣсь я, здѣсь я, владыка—царь.
Что придумать изволилъ,
Агамемнонъ?

Агамемнонъ.

Все узнаешь сейчасъ...

Старикъ.

(Выходит изъ шатра и кланяется царю).

Приказаній жду..
Моя старость, владыка, бессонная
А глаза у нея,—что два сторожа. (Пауза).

Агамемнонъ

(молча блуждаетъ взоромъ по небу, потомъ къ старику, указывая ему на небо).

Скажи, старикъ, какая тамъ звѣзда
По небу катится?

Старикъ (тсже смотря на небо). •

То Сириусъ, владыка,
Семи плеядъ созвѣздія настигла

И возлѣ нихъ небесный держитъ путь,
А что прошла, ей столько жъ остается...

Агамемнонъ.

Какая тишь... Ни звука... Хоть бы птица,
Иль моря плескъ... Молчаніемъ Эврипъ
Воздушнымъ будто скованъ...

Старикъ.

Но сдается...

Встревоженъ ты, мой добрый господинъ?
Шатеръ забыть! А между тѣмъ въ Авлидѣ
Такъ мирно все. И даже на стѣнахъ
Смѣнится не успѣли караулы.

(Жестомъ приглашаетъ его въ шатеръ и почтительно):

Вернемся, царь...

Агамемнонъ

(со вздохомъ и смотря на старика).

Какъ счастливъ ты, старикъ!

Какъ я тебѣ завидую, что можешь
Ты вѣкъ прожить въ безвѣстности... Мнѣ тотъ,
Кто вознесенъ судьбою, только жалокъ...

Старикъ.

Но гдѣ же счастье, царь, какъ не у васъ.

Агамемнонъ.

А долго ли оно насъ тѣшить, старецъ?
Приманка сладкая, а откусить—претить...
То богъ казнить обиженный и счастье
Намъ рушить въ прахъ, а завтра, смотришь, люди,
Толпа капризная, его на ключья рвуть...

Старикъ (строго).

Что говоришь ты, царь,
Что говоришь?
Или ты мнить дерзалъ,
Что на безсмѣнное

Счастье родилъ Атрей
 Сына вельможнаго?
 Смертнорожденному
 Боги въ удѣлъ даютъ
 Счастье съ печалями.
 Божье велѣніе
 Радъ ли не радъ, терпи...

Но ты всю ночь свѣтильникъ жегъ и доску
 Писаньемъ покрывалъ. Вонъ у тебя
 Она въ рукахъ и до сихъ поръ,—я видѣлъ.
 Какъ ты стиралъ письмо, потомъ печатью
 Его крѣпилъ, потомъ, печать сорвавъ,
 О землю ударялъ доской и слезы, слезы
 Обильныя вдоль щекъ твоихъ текли.
 И мнѣ порой казалось, что безумецъ
 Передо мной... Ты боленъ, государь?
 Тебя терзаетъ что нибудь? Повѣдай
 Мнѣ слово тайное. Передъ тобою рабъ
 Довѣрія достойный, и недаромъ
 Еще Тиндаръ, въ приданое невѣстѣ,
 Въ твой царскій домъ меня опредѣлялъ.

Агамемнонь.

Трехъ дочерей на свѣтъ явила Леда:
 Звалася Фебой первая изъ нихъ,
 Жена моя, вторая, Клитемнестрой,
 А младшая Еленой.

Жениховъ

Прославленныхъ въ Эладѣ и могучихъ
 Ея краса манила, и вражды
 Зажглось межъ ними пламя: ужъ носились
 Кровавыя угрозы по устамъ,
 Суля ея избраннику расправу...
 Ужъ голову старикъ Тиндаръ терялъ,
 Ея отецъ, колеблясь, выдавать ли
 Иль лучше дочь совѣмъ не выдавать,—
 И вдругъ его рѣшеніе осѣняетъ—
 И юношамъ онъ молвить: „Женихи,
 „Клянитесь мнѣ, соединивъ десницы

„И пепель жертвъ обильно оросивъ,
 „Спасать отъ бѣдъ избранника невѣсты,
 „И если кто, будь варваръ то иль грекъ,
 „Столкнувъ его съ Еленинаго ложа,
 „Тиндара дочь въ свой городъ увезеть,—
 „Клянитесь мнѣ—разрушить стѣны вражьѣ“.
 Такъ царь Тиндаръ, опутавъ жениховъ,
 И клятвою связавъ ихъ, дочкѣ отдалъ:
 „Любого, дочь, ты выберешь—пльви,
 Куда влечетъ Киприды дуновенье“.
 Былъ выборомъ отмѣченъ Менелай.
 О горе намъ!.. Но годы шли... Фриגיעцъ,
 Рѣшившій споръ богинь,—такъ говоритъ
 Преданіе—въ Лакедемонъ пріѣхалъ:
 Цвѣтами на одеждахъ ослѣпивъ,
 Весь золотомъ увѣшанный, какъ варваръ,
 Съ царицею влюбленный Пріамидъ
 Влюбленною уплылъ къ родимой Идѣ,
 Пока по свѣту ѣздилъ Менелай...
 Но вотъ домой вернулся царь: язвимый
 Любовью и обидою, онъ шлетъ
 Во всѣ края Эллады, чтобъ о клятвѣ
 Припомнили ахейцы... На призывъ
 Воздвиглись копыя мигомъ и, немедля,
 Среди щитовъ блестящихъ женихи
 Подъ парусомъ, на бранныхъ колесницахъ,
 Близъ тѣсныхъ водъ Авлидскихъ собрались
 И стали лагеремъ.

А мнѣ команда

Поручена по выбору... Еще бы...
 Вѣдь Менелай—мнѣ братъ... О, эту честь,
 А съ ней и жезлъ, охотно бы я отдалъ...
 Окончены всѣ сборы и давно
 Къ отплытію готовъ нашъ флотъ, да вѣтра
 Богъ не даетъ... И вотъ Калхасъ вѣщуя
 Средь воиновъ, безвременьемъ томимыхъ,
 Изрекъ, что царь и вождь Агамемнонъ
 Дочь Ифигенію, свое рожденье, долженъ
 На алтарѣ богини заколотъ,

Царицы гладей этихъ: „если“, молвилъ,
 „Заколете дѣвицу, будетъ вамъ
 „И плаванье счастливое, и городъ
 „Вы вражескій разрушите, а нѣтъ—
 „Такъ ничего не сбудется“. Объ этомъ
 Пророчествѣ узнавъ, оповѣстить
 Черезъ Талтибія герольда приказалъ я
 Дружины наши, что родную дочь
 Я никогда зарѣзать не отважусь.

(Приостанавливается, потомъ измѣнявшимся голосомъ).

Увы! Зачѣмъ меня рѣчами брать
 Сумѣлъ склонить на злое дерзновенье?!

(Показываетъ старику на письмо).

Вотъ на такомъ же складнѣ написавъ,
 Безумное я отдалъ приказанье
 Женѣ, чтобы сюда прислала дочь: (съ горькой усмѣшкой)
 Молъ Ахиллесъ ей руку предлагаетъ...
 А къ тѣмъ словамъ добавилъ, что герой
 Не хочетъ съ нами раздѣлить похода,
 Коль въ жены Ифигенію ему
 Я не отдамъ, и ложа не раздѣлить
 Во Фтіи съ нимъ церевна... Я въ письмѣ (совсѣмъ тихо)
 Передъ женою глалъ, блестящимъ бракомъ
 Ее прельстить желая... И объ этомъ
 Здѣсь знаютъ только трое... Менелай,
 Да Одиссей съ Калхантомъ. (Пауза).

О, рѣшенье

Позорное отброшено—теперь,
 Какъ слѣдуетъ, я все списалъ на эту
 Дощечку, и сегодня ты, старикъ,
 Меня какъ разъ за этимъ ночью видѣлъ,
 Когда печать срывалъ я и лѣпилъ. (Показываетъ ему письмо).
 Иди, старикъ, съ моимъ посланьемъ въ Аргосъ,
 А чтобы ты зналъ, какую вѣсть несешь,
 Я вѣрному слугѣ жены и дома
 Ее сейчасъ словами передамъ...

Старикъ.

Да, царь, письмо ты объясни мнѣ рѣчью,
 Чтобы мой языкъ согласно съ нимъ вѣщалъ...

АГАМЕМНОНЪ.

Чадо Леды, тебѣ мой приказъ:
 А что раньше прочла—позабудь!...
 На глубокую заводь Эвбеи
 Дѣву дочь, царица, не шли
 Къ безприбойнымъ Авлидскимъ брегамъ...
 Брачный факель ея сбережемъ
 Мы до лучшихъ дней, Тиндариды...

Старикъ.

Царь, а какъ же Ахиллъ?
 Иль, ты думаешь, стерпитъ надменный,
 Или гнѣвомъ тяжкимъ не вспыхнетъ
 На тебя и на мать невѣсты,
 Коль обманъ Атридовъ откроетъ?
 Царь, подумалъ ли ты объ Ахиллѣ?

АГАМЕМНОНЪ.

О, Пелиды—это только предлогъ,
 Это имя... онъ даже не знаетъ,
 Что невѣсту ему сулилъ я,
 Что ему для брачныхъ объятій
 Обрекали на ложе дѣву.

Старикъ (покачавъ головою).

Дерзновецъ ты, Микенскій царь,
 Коли сыну безсмертной
 Обрученную въ мысляхъ смѣлъ
 Подъ ножъ осуждать данайскій.

АГАМЕМНОНЪ (проникаясь его тономъ).

Да, старикъ, я безуміемъ былъ
 Охваченъ, я гибну старецъ!
 О, спѣши и годы забудь
 На стопахъ окрыленныхъ....

Старикъ.

Я готовъ, Агамемнонъ—царь.

АГАМЕМНОНЪ.

У ручья и въ рощѣ, старикъ,
Ты не нѣжь тамъ старыя кости,
Пусть тебя и сонъ не чаруетъ....

Старикъ.

Сохрани меня богъ.

АГАМЕМНОНЪ.

На распутьяхъ ты
Проглядѣть колесницу ихъ можешь...
Зорко, въ оба ты, старецъ, гляди (касаясь его руки, живо),
А увидишь, что мимо тебя
Царевну везутъ по стану,
Прицѣпись къ колесницѣ, старикъ,
У возницы ты возжи возьми
И ворочай на бѣлыя стѣны...

Старикъ.

Хорошо.

АГАМЕМНОНЪ.

Поскорѣй, поскорѣй!

Старикъ.

Да повѣрятъ ли мнѣ, господинъ,
Царица твоя и царевна?

АГАМЕМНОНЪ.

Ты объ этомъ не думай, старикъ!
Только цѣлой печать сохрани...

.....
Но не медли, не медли, мерца
Ужъ заря заблѣлась, и скоро
Колесница Гелія бога
Тѣнь и ночь въ небесахъ разсѣетъ. (Старикъ уходитъ).

АГАМЕМНОНЪ (вслѣдъ ему).

О, сними тяготу мнѣ съ сердца. (Пауза).

Въ этой жизни изъ смертныхъ никто
 Не извѣдалъ присно-блаженства,
 Чаши мукъ не ушелъ ни единый. (Уходитъ въ шатеръ).

(Чуть брезжетъ разсвѣтъ. На сцену поднимается хоръ. Въ лагерѣ начинается движеніе).

Вступительная пѣсня хора.

Строфа.

Къ вамъ я, волны Авлидскія,
 Волны пѣнно-соленая,
 Шла берегами песчаными.
 И воды Эврипа тѣснаго
 Мой, разсѣкая, спѣшилъ челнокъ.
 Я Халкиды возлюбленной
 Стѣны родныя покинула,
 И Аретузы славной
 Съ гуломъ морскимъ слатый
 Милый шумъ позабыла.
 Видѣтъ Ахейцевъ душа горить
 Рати суровая,
 Чтò съ Агамемнономъ
 За Тиндаридю
 Царь ведетъ златокудрый
 — Такъ говорили мнѣ —
 Дивную съ брега Эвроты зеленого
 Пастырь Парисъ увлекъ,
 Въ даръ отъ Киприды пріявъ ее.
 Возлѣ потока недаромъ онъ,
 Возлѣ жемчужно-росистаго,
 Ей присудилъ красоты вѣнецъ
 Въ спорѣ съ Палладой и Герою.

Антистрофа.

Рощей дѣвы Латоніи,
 Полной жертво-курения
 Ноги несли меня быстрья...
 Но только лагеря пестраго
 Пламя щитовъ, увидала я.

Сбруи мѣдной сверканіе, —
 Краскою радости розовой
 Вспыхнули вмигъ ланиты.
 Тамъ двухъ Аяптовъ славныхъ,
 Надъ доскою склоненныхъ
 Видѣла жадно слѣдившихъ я
 Ходы мудреные...
 Былъ Паламедъ при нихъ,
 Навплиа мудрый сынъ.
 Мышцы рукъ напрягая,
 Дискъ тамъ Тидидъ металлъ.
 Имъ Меріонъ любовался Ареевъ сынъ.
 Чудо межъ смертными.
 Тамъ и Лаэртомъ рожденного,
 Зрѣла я скалъ повелителя,
 Тамъ и Нирей мнѣ герой предсталъ
 Мужъ, что краскою сіяющей
 Равныхъ не знаетъ межъ эллиновъ.

Эподъ.

Тамъ и повитый Фетидою,
 Мудрымъ Кентавромъ взлелѣянный,
 Взоры Ахиллъ плѣнялъ.
 Вѣтра соперникъ...
 Онъ по камнямъ острымъ,
 Берегомъ близъ колесницы,
 Въ панцырѣ, въ тяжкихъ латахъ
 Мчался, съ четверкой споря...
 Фереса даромъ внукъ,
 Славный Эвмель герой.
 Крикомъ коней бодрилъ
 Тщетно стрекаломъ онъ
 Жегъ златоуздыхъ онъ...
 Въ очи мелькнули мнѣ
 Два дышловыхъ коня:
 Буро-сребристыя,
 Ноги съ подпаливой,
 Но пристяжные два,
 На поворотахъ лишь

Силой имъ равные,
 Даромъ взметали прахъ..
 Вотъ ужъ въ виду мета, —
 И окольчуженный
 Ужъ обогналъ Пелидъ
 Руки Эвмеловы...
 Вотъ онъ ярма настигъ,
 Будеть съ побѣдою...

Раннее утро.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе II.

СТАРИКЪ и МЕНЕЛАЙ.

На сцену послѣшно выбѣгаетъ старикъ; онъ слѣдится отнять письмо у Менелая, который идетъ передъ нимъ большими шагами, тоже нѣсколько взволнованный.

СТАРИКЪ.

Стыдись, Атридъ... Вѣдь это-жъ преступленье.

МЕНЕЛАЙ.

Прочь, говорятъ, не въ мѣру вѣрный рабъ!

СТАРИКЪ.

Такою бранью я готовъ гордиться...

МЕНЕЛАЙ.

Смотри, побью—заплачешь вдругорядь.

СТАРИКЪ.

Прочестъ письмо чужое.. и не стыдно?

МЕНЕЛАЙ.

Стыдился-бъ самъ ахейцамъ яму рыть...

СТАРИКЪ.

Съ царями спорь, а мнѣ—письмо,—ты слышишь?

МЕНЕЛАЙ.

Нѣтъ, подождешь...

СТАРИКЪ.

Письмо отдай, письмо...

МЕНЕЛАЙ.

Оставь, старикъ: тяжелой тростью царской
Я голову тебѣ раскровяню.

СТАРИКЪ.

Ну что-жь? рабу безчестія не будетъ,
Коль приметъ смерть онъ за своихъ господъ.

МЕНЕЛАЙ.

Эй замолчи, слуга многорѣчивый.

СТАРИКЪ.

Не замолчу.. (кричитъ, обращаясь къшатру)

О, царь Агамемнонъ!

Твое письмо въ чужихъ рукахъ, и силой
Имъ завладѣлъ обидчикъ... Выручай!

Явленіе III.

Тѣ-же и Агамемнонъ.

(Въ шлемѣ, но безъ оружія выходитъ изъ шатра недовольный. Сначала онъ еще не видитъ Менелая. Первый стихъ за сценой).

Гей!

Что за шумъ подъ царской дверью: брань, смятеніе и крикъ?

(Видитъ раба).

Что случилось и зачѣмъ ты вызывалъ меня старикъ?

(Замѣчаетъ Менелая, но не оборачивается къ нему).

МЕНЕЛАЙ (обиженно).

Мнѣ держать отвѣтъ приличнѣй, чѣмъ холопу твоему.

АГАМЕМНОНЪ (оборачиваясь къ нему).

Ты чего-же тутъ воюешь и зачѣмъ грозидишь ему?

МЕНЕЛАЙ (въ его тонѣ).

Посмотри въ глаза мнѣ прямо—послѣ будетъ разговоръ.

АГАМЕМНОНЪ

(нѣсколько смущенный, потому что увидѣлъ письмо въ рукахъ брата, но поднимаетъ на него глаза).

Сынъ Атрея не умѣетъ опускать въ смущенныя взоръ...

МЕНЕЛАЙ (показываетъ письмо).

Узнаешь ты этотъ складень, эти злыя начертанья?

АГАМЕМНОНЪ.

Я не слѣпъ. Изволь немедля возвратить гонцу посланье.

МЕНЕЛАЙ.

Нѣтъ, его узнаютъ прежде всѣ Данаицы, понимаешь?

АГАМЕМНОНЪ.

А съ какихъ-же поръ ты письма постороннія вскрываешь?

МЕНЕЛАЙ (иронически).

Да, къ несчастью, Агамемнонъ, намъ извѣстенъ твой секретъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Что тебѣ извѣстно? Совѣсть потерялъ ты вовсе что-ли?

МЕНЕЛАЙ. .

Мнѣ давно узнать хотѣлось, ждешь царевны или нѣтъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Да стережь мою то семью, чьей же ты поставленъ волей?

МЕНЕЛАЙ.

Успокойся, не твоею, не бывалъ твоимъ рабомъ.

АГАМЕМНОНЪ (въ прежнемъ тонѣ)

О, неслыханная дерзость! Твой онъ что-ль Микенскій домъ?

МЕНЕЛАЙ (сдержанно).

Ты обиженъ—что-же дѣлать? вѣры въ насъ къ тебѣ не стало.
„Да“—вчера и „Нѣтъ“—сегодня, а на завтра—все сначала.

АГАМЕМНОНЪ (въ его тонѣ иронически).

Гладкословъ, языкъ твой ловкій, право, стоитъ очень мало.

МЕНЕЛАЙ.

Шаткій умъ твой не дороже. Что онъ дастъ друзьямъ, скажи?
(выждавъ)

Право лучше, Агамемнонъ, гнѣвъ свой жаркій отложи.
Я не буду горячиться,—ты же, истину любя,
Не посѣтуй коль увидишь, точно въ зеркалѣ себя:
Вспомни, какъ душой горѣлъ стать вождемъ союзныхъ ратей,
Сколько ранъ душевныхъ пряталъ подъ расшитый своей гиматій.
Вспомни, какъ ты унижался, черни руки пожимая,
Какъ дверей не запираешь ты, безъ разбору принимая,
Какъ со всѣми по порядку ты бесѣдовала учтиво,
И враговъ и равнодушныхъ уловляя фразой льстивой...
И съ Ахейцами торгуясь за надменную утѣху,
Чѣмъ тогда ты, Агамемнонъ, не пожертвовала успѣху!
А потомъ, добившись власти, вспомни, какъ ты измѣнился,
Отъ друзей своихъ недавнихъ какъ умѣло отстранился.
Неприступенъ и невидимъ сталъ нашъ вождь. Не такъ бываетъ
Съ мужемъ чести, если жребій путь широкій открываетъ
Передъ нимъ: сильнѣй онъ любитъ друга, въ горѣ нажитого,
Радъ онъ лить ему уюладу изъ бокала золотого;
Онъ доступнѣй, потому что сталъ сильнѣе и богаче...
Ты же, царь, ребячью душу обнаружилъ средь удачи...
Помнишь: мы пришли въ Авлиду, но попутчика не слали
Боги намъ изъ стаи вѣтровъ; и Ахейцы возроптали:
„Распусти насъ“ говорили „жить въ Авлидѣ намъ постыло“.
Ты, какъ тѣнь, бродилъ печально: жалобъ, жалобъ что тутъ
было!
Царь въ мечтахъ ужъ видѣлъ тучи парусовъ подъ Иліономъ,
Онъ копьемъ дѣлилъ намъ нивы... А межъ тѣмъ съ безсиль-
нымъ стономъ
Приставалъ ко мнѣ: „Что дѣлать? Чѣмъ поможемъ мы несчастью?“

О, Атридъ, ты видѣлъ выходи, да жалѣлъ проститься съ властью.
 Помнишь, какъ ты былъ ничтоженъ, за бортъ выброшенъ судьбою?
 А когда Калхасъ гадатель, Артемидѣ для убою
 Дочь твою обрекъ на жертву, путь взамѣня суля счастливый,
 Помнишь, какъ ты духомъ ожилъ, какъ въ весельѣ торопливомъ,
 Самъ, ничѣмъ не принуждаемъ, написалъ, чтобъ Тиндариды
 Ифигенію прислала—моль, невѣсту для Пелиды.
 Ну, уладилъ дѣло... Какъ же! Снова шлются увѣренья:
 Царь раскаялся изволилъ въ самой мысли преступленья...
 О, васъ тысячи подобнымъ... Почестъ, деньги—все имъ мало,
 Власти ищутъ, а добились—чуть доходить до расплаты,
 Проклинаютъ алчность черни, будто люди виноваты,
 Что подъ царскою кольчугою сердце лани робкой бьется.
 Но Эллада, царь, Эллада... ей за что же достается?
 Иль въ угоду дочкѣ царской намъ отдать на посмѣянье
 Наши славныя угрозы,—этой челяди дѣянья
 Недостойныя спуская. Нѣтъ, мѣшки вы золотые,
 Не годитесь вы для трона, не вожди вы боевые:
 Разумъ нуженъ править войскомъ, править гражданами—умъ
 И за деньги власть купивши, промахнешься, толстосумъ!

Корифей.

Охъ, недобро, коли заспорятъ братья,
 И этотъ споръ вражду межъ нихъ родить...

Агамемнонъ.

Я браниться не намѣренъ; краткокъ рѣчью, сердцемъ сдержанъ,
 Благородный мужъ такъ нагло въ словопреньяхъ не взираетъ...
 Въ братѣ будетъ чтить онъ брата, какъ бы ни былъ имъ раз-
 серженъ.
 Посмотри, на что похожъ ты: горло гнѣвъ тебѣ спираетъ,
 Глазъ бѣлки налились кровью; что, скажи. съ тобою стало?
 Ты обиженъ? Ты ограбленъ? Жень для ложа не осталось?
 Иль за это мы въ отвѣтъ, что тебѣ приобрѣтеній
 Воротить твоихъ не можемъ... мужа-сторожа—Еленѣ.
 Въ гордомъ братѣ жажда славы раздражаетъ Менелая:
 Онъ бываетъ счастливъ только, женъ красивыхъ обнимая:
 Доблесть онъ считаетъ шуткой; честь и умъ ему—забава.

О, спартаецъ, пошлость вкусовъ обличаетъ низость права...
 Брата ты зовешь безумцемъ, оттого что онъ рѣшился
 Прوماхъ сдѣланный исправить... Не скорѣй ли ты взбѣсился,
 Что богами щедро взысканъ, новый жребій свой порочишь?
 И жену на ложе злую воротить насильно хочешь?
 Иль ты мнишь, тебѣ въ угоду опьяненные любовью
 Женихи передъ Тиндаромъ мстить тогда влялися кровью?
 Нѣтъ, безумецъ, окрыляла ихъ небесная надежда.
 Что-жь? веди ихъ! Только бь послѣ не раскаяться, невѣжда.
 Богъ не дремлетъ и не спитъ, и ему всегда извѣстно,
 Если вынудили клятву безъ сознанья и безчестно...

(движеніе у Менелая)

На меня-жь не полагайся... Не зарѣжу голубицы,
 И тебѣ я—не помощникъ въ исправленіи блудницы,
 Чтобы мужа утѣшала, оставляя мнѣ на долю
 Надъ проливой дѣтской кровью дни и ночи плакать въ волю.
 Все сказалъ тебѣ, Атридъ, я рѣчью краткой и прямою.
 Вразумилъ, тебѣ же лучше. Нѣтъ—и самъ дѣла устрою.

КОРИФЕЙ.

Онъ кончилъ рѣчь совсѣмъ не такъ, какъ началъ,
 И все-таки—спасая дочь, онъ правъ.

МЕНЕЛАЙ.

О горе мнѣ! Въ друзьяхъ я ошибался.

АГАМЕМНОНЪ.

Ища сгубить, ты ихъ теряешь самъ...

МЕНЕЛАЙ.

О, кровный мой, въ нуждѣ-ль меня покинешь?

АГАМЕМНОНЪ.

Безумца да, будь цѣломудренъ братъ!

МЕНЕЛАЙ.

Но вѣдь друзей роднить должна невзгода...

АГАМЕМНОНЪ.

Насъ другъ зоветъ на пирь, и не на казнь...

МЕНЕЛАЙ.

Итакъ. трудовъ съ Эладой ты не дѣлалъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Да не дѣлю: съ тобою за одно
Ее какой-то демонъ обезумилъ.

МЕНЕЛАЙ.

Тебя же жезлъ Ахейскій ослѣпилъ...
Ступай, предатель братній... Я инья
Пособія придумаю, друзей
Найду иныхъ.

Явленіе IV.

Тъ-же и вѣстникъ (справа).

Вѣстникъ.

О вождь союзныхъ ратей,
Привѣтъ тебѣ и радость—дѣва дочь, (Агамемнонъ поглядѣлъ и пошатнулся).

Которую въ чертогѣ ты изволилъ
Царевной Ифигеніей назвать,
Здѣсь у тебя, а съ ней и Клитемнестра.
Твоя супруга славная, и сынъ
Дитя Орестъ къ Атриду съ ними прибылъ,
Такъ много дней не зрѣвшему своей домъ;
Но женщинъ, царь, измаяла дорога, —
У свѣтлаго источника онѣ
Остановились, съ нѣжныхъ ногъ истому
Страхнуть и кожу влагой освѣжить...
Я кобылицъ, съ усталыхъ упряжь снявши,
На лугъ пустилъ: пусть травки поѣдятъ.
А самъ бѣгомъ къ тебѣ. Принять съ почетомъ
Захочешь ты, конечно, мать и дочь...

Ахейцы о прїѣздѣ ихъ ужъ знаютъ.

(Агамемнонь вдрагиваетъ и блѣднѣетъ еще болѣе).

Да, птицей шумъ весь лагерь облетѣлъ:

Такъ и бѣгутъ толпами подивиться

На дочь твою царевну... О, въ міру

Великіе сіяньемъ взоры манятъ,

Что въ небесахъ далекая звѣзда.

Вокругъ я слышалъ говоръ: „вѣрно, свадьба,

„Иль царскій пиръ готовится... смотри.

„Царю то дочь какъ загорѣлось видѣть“.

Другіе-жъ прибавляли: „Да, ее,

„Конечно, въ храмъ представлятъ Артемидѣ,

„Владычицѣ Авлидской, и алтарь

„Украсятъ ей блаженная невѣста.

„А кто-жъ женихъ?“ (Агамемнонь снимаетъ шлемъ и вытираетъ со лба капли пота).

Однако, царь, спиши!

Пора, Атридъ! гдѣ-жъ мы возьмемъ кошницу?

Цвѣтовъ сюда! (къ Менелая)

Тебѣ, спартанскій царь,

О свадебныхъ подумать гимнахъ должно:

Пусть брачный пиръ намъ флейта огласитъ

И мѣрные удары ногъ нѣ чертогѣ. (Встаетъ яркое солнце).

О, солнце ты приводишь свѣтлый день,

Такъ пусть же онъ несетъ царевнѣ счастье!

АГАМЕМНОНЬ.

Благодарю... Передохни гонецъ...

Богъ дастъ, и все уладится... Оставь насъ...

(Вѣстникъ уходитъ въ шатеръ).

Явленіе V.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ ВѢСТНИКА.

О, тяжело это новое ярмо... (иронически)

Украшенъ имъ на диво царь Микенскій,

Что демона хотѣлъ перехитрить...

Имъ хорошо, незнатнымъ... могутъ плакать,

Когда хотять, и сердце въ рѣчи вылить...
 Стоящій на верху стыдится слезъ:
 Онъ его безчестять... Гордость править
 Царями, а посмотришь—такъ они
 Рабы своей же черни да, ... и только...
 Стыдъ отнялъ у меня отраду слезъ,
 Но высушить источникъ слезъ не властенъ.
 Предъ этимъ моремъ бѣдствій я—не царь.

(Низко понижаетъ головой. Пауза).

Итакъ я ихъ сейчасъ увижу... что-жь
 Женѣ скажу?.. Какъ на нее глаза
 Дерзну поднять?.. Ея прїѣздъ неожиданный
 Послѣдней каплей влился въ кубокъ бѣдъ...
 А между тѣмъ какъ было не прїѣхать
 Ей съ дочерью? Не всѣмъ же какъ отцу
 Изъ-подъ полы ребенку ножъ готовить:
 Она справлять малютку подъ вѣнецъ
 Прїѣхала... Кого?.. Ифигенасу,
 Дочь, дочь мою родную? Какъ не такъ!
 Аидъ ее холодную обниметь,
 А не женихъ, ... О, какъ мнѣ тяжело
 Вообразить ее у ногъ отцовскихъ:
 „Какъ? ты казнить ведешь меня отецъ?
 „Такъ вотъ онъ бракъ обѣщанный! О дай же,
 „Даѣ богъ тебѣ и всѣмъ, кого ты любишь,
 „Всѣмъ свадьбы также весело справлять“.
 А маленькій Орестъ?.. Вѣдь онъ увидитъ
 Смерть сестрину...

Сказать-то, какъ дитя,
 Конечно, не сумѣть, но понятенъ
 И страшенъ будетъ людямъ громкій крикъ
 Малютки безсловеснаго.. Проклятье
 Распутницѣ Еленѣ, и Парису,
 И браку ихъ преступному проклятье!..

Корифей.

Чужой женѣ, тебя мнѣ все-же жаль,
 Съ тобою царь и надъ тобой я плачу.

МЕНЕЛАЙ (протягивая руку брату).

Дай руку мнѣ, и помиримся, братъ.

АГАМЕМНОНЪ (протягивая ему руку).

Ты, вождь, сжимаешь руку горемыкѣ.

МЕНЕЛАЙ.

Въ свидѣтели Пелопа я зову,
 Пелопа, дѣда нашего, который
 Отцемъ Атрею былъ: изъ устъ моихъ
 Лукаваго не выйдетъ слова—правду
 И только правду сердце черезъ нихъ
 Повѣдаетъ. Когда у брата слезы
 Я увидалъ, за сердце ухватила
 Меня тоска—я самъ готовъ былъ плакать.
 Беру назадъ слова свои—угрозы,
 Пожалуйста, не помни и не бойся:
 Всѣ муки здѣсь твои я пережилъ...
 О смерти Ифигении для выгоды
 Моихъ прошу тебя не помышлять.
 Какъ? ты—въ слезахъ, а я—на пирѣ буду?
 Ножъ—для твоихъ, и солнце—для моихъ—
 Или такой дѣлежъ потерпеть правда?
 Да наконецъ чего же я ищу?
 Жениться вновь? Что-жъ иль невѣсть завидныхъ
 Элада мнѣ не дастъ? Иль погублю,
 Въ погонѣ за Еленою преступной,
 Родного брата.—Нѣтъ, Агамемнонъ,
 Я зла еще изъ рукъ твоихъ не видѣлъ.
 Прости-жъ меня, я говорилъ съ тобой,
 Какъ мальчишкѣ безразсудной—лишь теперь
 Измѣрилъ я весь ужасъ быть убійцей
 Своихъ дѣтей, и жалость къ осужденной
 Глубокая вонзилась въ сердце мнѣ—
 Да, видно, кровь сближаетъ насъ не даромъ...
 Но что Елена ей?.. О нѣтъ, Атридъ,
 Пускай войска уходятъ! Бросимъ этотъ
 Несчастный край! Но орошать лицо

Слезами ты не долженъ, заставляя
 Съ собою брата плакать. Если жрецъ,
 Судьбы твоей въ гаданіи касаясь,
 Затронуль и мою, его слова
 Изъ памяти я вычеркнулъ, и снова
 Я для тебя—не извергъ, снова—братъ...
 Перегорѣть въ горнилѣ состраданья
 И вылиться въ другую форму—мнѣ
 Не стыдно, Агамемнонъ, нѣтъ, нисколько!..
 О! Я во злѣ не такъ закастенѣлъ,
 Чтобъ надо мной права утратилъ разумъ...

Агамемнонъ.

Твои слова охотно похвалою
 Вѣнчаю, братъ, и эта перемѣна
 Вполнѣ тебя достойна—да, раздоры
 Межъ братьями бываютъ изъ-за женъ
 И жажды власти. Но на то ли, право,
 Судьба роднила насъ, чтобы губить
 Другъ друга мы горѣли?.. Но увя
 Мнѣ больше нѣтъ возврата, и ножа
 Отъ дочери я отклонить не властенъ...

Менелай.

Что говоришь? Да кто-жъ велить тебѣ
 Убийцей быть тобою порожденной?

Агамемнонъ.

Все войско, всѣ Ахейцы мнѣ велятъ.

Менелай.

Скорѣй тогда домой верни ихъ, въ Аргосъ.

Агамемнонъ.

Вернуть?.. Да развѣ этимъ сбережешь?

Менелай.

Ты черезчуръ, Атридъ, боишься черни.

АГАМЕМНОНЪ.

А если жрецъ откроетъ тайну имъ?

МЕНЕЛАЙ.

Мѣшаетъ жрецъ — смети его съ дороги.

АГАМЕМНОНЪ.

Порода ихъ пророчья любитъ честь.

МЕНЕЛАЙ.

А что ихъ чтить? Отъ нихъ какая польза?

АГАМЕМНОНЪ.

Одинъ еще замѣшанный здѣсь есть...

МЕНЕЛАЙ.

Кто тамъ, скажи, Атридъ, тебя пугаетъ?..

АГАМЕМНОНЪ.

Исчадія Сизифа не забудь!

МЕНЕЛАЙ.

О, Одиссей намъ повредить не можетъ...

АГАМЕМНОНЪ.

Онъ ищетъ славы, братъ, и онъ лукавъ.

МЕНЕЛАЙ.

Да, это такъ, честолюбивъ онъ страшно.

АГАМЕМНОНЪ.

И что же онъ? Калхантовы слова,
Ты думаешь, не передастъ Аргосцамъ?
А ты представь его среди толпы:
Распишетъ имъ, какъ дочь обрекъ я раньше
Богинѣ на алтарь, и какъ потомъ
Назадъ сыгралъ. Возбуждены Ахейцы.

Самъ знаешь, братъ, и ярость въ ихъ толпѣ
 Зажечь легко. И вотъ, по наущенью
 Оратора, они на насъ съ ножомъ,
 А тамъ и дочь не пощадаютъ, конечно...
 Укроюсь ли въ Киклоповыхъ стѣнахъ,
 Туда придутъ, изъ-за каменьевъ вырвутъ
 И землю всю разграбятъ... Тяжело,
 О, тяжело... и выхода не сыщешь—
 Тебя прошу теперь я, Менелай,
 По лагерю пройди и Клитемнестрѣ
 Не дай развѣдать тайны нашей, я-жъ
 Тѣмъ временемъ къ Андю дочь отправлю.

(Менелай, плача, уходитъ).

Не надо слезъ—безъ нихъ довольно горя (хору)
 Вы-жъ, чуждыя,—завѣсу на уста!.. (уходитъ).

Первый музыкальный антрактъ.

Строфа.

Благо тому, кто изъ чаши чаръ
 Капля за каплей умѣетъ пить
 Свѣтлый даръ Афродиты:
 Жало безумья не жжетъ его,
 Волны баюкаютъ нѣжныя,
 Тамъ, гдѣ въ колчанѣ соблазновъ двѣ
 Богъ златокудрый стрѣлы хранитъ —
 Ту, что блаженнымъ на вѣкъ челоуѣка творитъ,
 Съ той, что и сердце и жизнь отравитъ.
 Эту вторую гони отъ меня,
 Сжался, богиня дивная!
 Чистаго дай мнѣ желанья жаръ,
 Нѣгой любви упиться мнѣ дай,
 Буду Кипридѣ всегда—рабой —
 Только съ ума не своди меня.

Антистрофа.

Души въ міру, что въ лугахъ цвѣты
 Въ пестрый коверъ слились. Правды жъ свѣтъ

Намъ сіяетъ, какъ солнце.
 Только и правдѣ въ сердцахъ у насъ
 Не просіяетъ безъ ученія.
 Совѣтъ и стыдъ—мудрецу вѣнецъ,
 Сердцемъ стыдливый—свой долгъ уарѣвъ,
 Глазъ ужъ потомъ не сведетъ съ путеводной звѣзды,
 Съ бурнаго сердца не сниметъ узды:
 Домъ его слава за то осѣнитъ.
 Сколь вы блаженны смертные,
 Если вамъ доблесть соткала нарядъ:
 Жены, коль чистымъ ложе хранять,
 Мужи, коль градъ созидаютъ свой,
 Въ тысячу рукъ созидаютъ градъ.

Эподъ.

О, Парисъ, о зачѣмъ твоя
 Склоны Иды покинуть душа рвалась?
 Любо было стадамъ серебрстымъ тамъ
 Пастись подъ музыку флейты,
 Тамъ подъ звуки мелодій Улимпа
 Наливалось ихъ вымя млекою...
 О, зачѣмъ, сія побѣдой,
 Изступила тебя богиня
 Снаряжать корабли въ Элладу?..
 О, зачѣмъ предъ царицыны очи
 Въ чертогъ, изукрашенный костью,
 Привела тебя страсть и, въ сердце
 Ей вливая нѣжное пламя,
 Самъ зажегъ ты зачѣмъ себѣ сердце?
 Не на то-ли, чтобъ пламя вражды теперь
 На твердыни Пріама
 Гнало весла и копыя Эллады?

(Во время послѣднихъ словъ, на сцену въѣзжаетъ колесница; на ней Клитемне-стра съ Орестомъ на рукахъ и Ифигенія. Орестъ спитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе VI.

КЛИТЕМНЕСТРА, ИФИГЕНИЯ и ОРЕСТЬ.

ХОРЪ.

Вотъ онѣ... Вотъ онѣ... глядите!
 Слава вамъ, великіе міра!
 Слава вамъ вѣнчанная счастьемъ!
 Будь здорова, моя царевна,
 Съ ней и ты, о мать Клитемнестра
 Дочь Тиндара!
 Слава рода твой слѣдъ править,
 Вся горишь ты, царица, счастьемъ...
 Вы, счастливыцы, для насъ бѣдныхъ—
 Словно боги...

ПЕРВОЕ ПОЛУХОРИЕ

(справа направляясь къ Клитемнестрѣ).

Поспѣшимъ къ колесницѣ, сестры,
 Мы царицѣ сойдти поможемъ,
 Чтобъ ноги не зашибла... Нѣжно
 Берите царицу, сестры,
 На землю спускайте мягко.

ВТОРОЕ ПОЛУХОРИЕ

(слѣва направляется къ Ифигеніи).

А ты, царевна, не бойся...
 О, на праздникъ жданная гостья!

(Женщины не рѣшаются еще подойти къ колесницѣ, ожидая знака царицы).

КЛИТЕМНЕСТРА.

Благодарю васъ, жены, и да будетъ
 Крылатымъ счастьемъ милый вашъ привѣтъ!
 О, я везу надежду на счастливый
 И добрый бракъ; и дочь, и сынъ со мной...

Да выньте же (слугамъ) невѣстныя подарки
 Въ шатерь внести... Поосторожнѣй, рабъ! (Ифигенія)
 О, дочь моя, спустися съ колесницы
 Усталую и нѣжною стопой. (Лѣвому полухорію)
 Вы, женщины, въ объятія царевну
 Примите: ей спускаться высоко.

(Женщины снимаютъ Ифигенію).

(Правому полухорію).

Ну кто нибудь и мнѣ подайте руку:
 Одна съ колесъ высокихъ не спущусь...

(Правое полухоріе къ ней, но она останавливаетъ ихъ жестомъ).

(Слугамъ)

Сперва, рабы, предъ колесницей станьте...
 Вѣдь лошади пугливы... Вы-жь дитя
 (Передъ тѣмъ какъ спускается, передаетъ корифею Ореста)
 Возьмите, гости. Это нашъ царевичъ,
 Ребенокъ крошечный еще, Орестъ. (Къ Оресту)
 Что, дитятко? усталъ ты, убаюканъ
 Повозки ходомъ мѣрнымъ?.. Ничего
 Я разбужу тебя, когда мы будемъ
 Сестру вѣнчать: ты знатенъ, мой Орестъ,
 А станешь и еще знатнѣй сегодня:
 Съ богиней породнишься по сестрѣ...

(Женщины праваго полухорія помогаютъ ей сойти).

(Дочери).

Стань, Ифигенія, со мною рядомъ... (Дочь подходит)
 О, эти гости вѣрно мнѣ теперь
 Завидуютъ.

Явленіе VII.

Тъ же и Агамемнонъ (слѣва).

(Онъ идетъ медленно, опустивъ голову, весь вооруженъ и одѣтъ по царски. За нимъ свита. Во время послѣдующаго разговора лицо царя блѣдно, губы сухія, улыбка слабая).

А вотъ и царь... Иди же,
 Дитя мое, скажи ему привѣтъ...

(дѣлаетъ по направленію къ мужу три шага).

ИФИГЕНИЯ

(сначала идетъ къ ней, потомъ обгоняетъ ее
и наскоро оборачиваясь).

Ты, мама, не сердись, коли тебя я
 Перегоню... Душа горитъ скорѣй
 Къ груди отца прижаться грудью нѣжной.
 (бѣжитъ къ отцу и молча нѣжно его обнимаетъ).

КЛИТЕМНЕСТРА (Агамемнону).

О, царь души моей Агамемнонъ,
 Мы у тебя, твоей послушны волѣ—
 (съ достоинствомъ, но низко склоняетъ голову).

ИФИГЕНИЯ (обнимаемая отца).

Отецъ, любимый мой, дай раньше мнѣ
 Тебя обнять, я вся горю желаньемъ— (любясь имъ).
 О, милыя черты!
 (обращается къ матери съ виноватой улыбкой).

Прости, родная!

КЛИТЕМНЕСТРА (съ улыбкой).

Я не сержусь, малютка: изъ дѣтей
 Къ отцу всегда ты всѣхъ была нѣжнѣе...

ИФИГЕНИЯ

(кладетъ голову на грудь Агамемнона).

О, какъ теперь мнѣ сладко, наконецъ...

АГАМЕМНОНЪ.

И мнѣ, дитя: скажи за насъ обоихъ.

ИФИГЕНИЯ.

Какъ хорошо, что ты послалъ за мной...

АГАМЕМНОНЪ.

Не знаю, Ифигенія, не знаю... (Пауза).

ИФИГЕНИЯ (смотря на отца).

Отецъ...

Ты говоришь, что радъ, а самъ печаленъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Заботы, дочь: на то я вождь и царь.

ИФИГЕНИЯ.

Побудь со мной... ты думать будешь послѣ.

АГАМЕМНОНЪ.

Да я и такъ съ тобою, весь съ тобой...

ИФИГЕНИЯ.

О, прогони же тѣнь съ лица улыбкой.

АГАМЕМНОНЪ (сильясь улыбнуться).

Дитя мое, мнѣ весело теперь...

ИФИГЕНИЯ.

Да, весело... А самъ зачѣмъ же плачешь?

АГАМЕМНОНЪ.

Разлука насъ, боюсь, надолго ждать...

ИФИГЕНИЯ.

Слова твои, отецъ мнѣ непонятны...

Но сердцемъ я... я повяла тебя.

АГАМЕМНОНЪ.

О, сердца умъ, какъ ты меня терзаешь...

ИФИГЕНИЯ (складывая руки).

Онъ замолчать, отецъ! но улыбнись.

АГАМЕМНОНЪ (про себя).

Уфъ! Я не въ силахъ больше... (Ифигенія) Улыбаюсь...

ИФИГЕНИЯ.

Отецъ, вернемся въ Аргосъ, въ нашъ дворецъ:
Какъ рады тамъ тебѣ, отецъ, мы будемъ.

АГАМЕМНОНЪ.

О, если-бы я смѣлъ, о если-бъ могъ...

ИФИГЕНИЯ.

Проклятье вамъ, война и бракъ Елены!

АГАМЕМНОНЪ.

Проклятье какъ кому, а мнѣ давно...

ИФИГЕНИЯ.

Какъ долго ты сидишь въ Авлидѣ этой!

АГАМЕМНОНЪ.

Да, и теперь еще помѣха есть...

ИФИГЕНИЯ.

Отецъ, а гдѣ-жъ Фригійскій этотъ городъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Тамъ, гдѣ Парясъ на горе намъ рождень...

ИФИГЕНИЯ.

И ты, меня покинувъ, въ даль уѣдешь?

АГАМЕМНОНЪ.

Да, жребій насъ одинъ и тотъ-же ждетъ.

ИФИГЕНИЯ.

Какъ было-бы, отецъ мой, хорошо,
Когда-бъ меня съ собою взялъ ты въ море.

АГАМЕМНОНЪ.

О, тамъ, въ волнахъ, отца не проклинай!

ИФИГЕНИЯ.

А съ мамой я или одна поѣду?

АГАМЕМНОНЪ.

Нѣтъ, безъ отца, безъ матери—одна.

ИФИГЕНИЯ.

Иль новый домъ ты мнѣ, отецъ, готовишь?

АГАМЕМНОНЪ (сдерживаясь).

Оставь—дѣвицѣ рано это знать.

ИФИГЕНИЯ.

Смотри-жь: скорѣй вернись къ намъ и съ побѣдой.

АГАМЕМНОНЪ.

Безъ жертвы, дочь, отсюда не уплыть...

ИФИГЕНИЯ.

Дай посмотрѣть на жертву, если можно.

АГАМЕМНОНЪ.

О, да; о, да: ты станешь у воды.

ИФИГЕНИЯ.

А танцовать предъ алтаремъ мы будемъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Ты счастлива... о еслибъ и отцу
 Не знать того, что скрыто отъ малютки...
 Но не пора-ль въ шатерь?.. дѣвицѣ быть
 Замѣченной на улицѣ мужами .
 Не подобаешь, дочь моя. Приди
 И поцѣлуй меня (цѣлуешь ее).

О, горькое лобзанье

Руки холодное пожатіе.
 Прощай, дитя! Увидимся ли скоро?..
 Простите-же: ты, грудь, и вы, уста.
 И косы золотыя... Сколько муки,
 О, сколько муки ожидаетъ насъ
 Отъ этихъ стѣнъ Фригійскихъ и Елены!

(отрываясь отъ прижавшейся къ нему Ифигеніи)

Ну, будетъ же, прощай... А вы зачѣмъ,
 Изъ глазъ моихъ на грудь къ малюткѣ, слезы? (строго)
 Ступай въ шатерь... (Ифигенія уходитъ склонивъ голову)

Явленіе VIII.

Тѣ-же безъ Ифигеніи.

АГАМЕМНОНЪ (Клитемнестрѣ).

А ты, о Леды дочь,
 Не обезсудь меня за эту слабость
 При разставаньѣ съ дочерью: ее
 Блаженство ждетъ въ Пелидовомъ чертогѣ,
 А все-жъ отцу, когда онъ выдаетъ
 Дочь изъ дому, печаль кусаетъ сердце.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Печаль твоя понятна мнѣ, и дочь,
 Подъ звуки пѣсни брачной провожая,
 Конечно, тоже я заплачу и внимать
 Не стану утѣшеньямъ... Что-же дѣлать?
 Привычкой и забвеньемъ исцѣлить
 Твою тоску родительскую время...

Но ты сказалъ мнѣ имя жениха,
Знать родъ его горитъ желаньемъ сердце...

АГАМЕМНОНЪ.

Эгину дочь родилъ потокъ Асопъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А кто же мужемъ былъ ей: богъ или смертный?

АГАМЕМНОНЪ.

О, самъ Кронидъ Эаку былъ отцомъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А сынъ какой наследовалъ Эаку?

АГАМЕМНОНЪ.

Пелей; на Нереидѣ былъ женатъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нерей вручилъ, или онъ съ богами спорилъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Былъ сватомъ Зевсъ, а отдавалъ Нерей.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А гдѣ-жъ былъ бракъ? въ морскомъ его чертогѣ?

АГАМЕМНОНЪ.

На высахъ Пѣлія, гдѣ жилъ тогда Хиронъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И гдѣ живутъ Кентавры, по преданью?

АГАМЕМНОНЪ.

Да, средь боговъ тамъ пировалъ Пелей.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А кѣмъ же былъ воспитанъ сынъ Фетиды?...

АГАМЕМНОНЪ.

Хирономъ, отъ соблазновъ въ далекѣ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, мудреца не выбереть не мудрый—

АГАМЕМНОНЪ.

Такъ вотъ онъ зять намъ будущій каковъ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Завидный, да... Но гдѣ же тронъ Ахилла?

АГАМЕМНОНЪ.

Во Фтии, гдѣ струится Апидавъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И въ эту даль онъ увезетъ малютку?

АГАМЕМНОНЪ.

На то-жъ она въ его рукахъ теперь...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну, въ добрый часъ... Когда же свадьбу справимъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Дай полный кругъ Селенѣ засвѣтить...

КЛИТЕМНЕСТРА.

А гдѣ же жертва брачная богинѣ?..

АГАМЕМНОНЪ.

Какъ разъ теперь ее готовлю я...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Потомъ, конечно, будетъ пиръ веселый?..

АГАМЕМНОНЪ.

Богамъ сперва все должное воздамъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А гдѣ же мнѣ и женамъ быть при этомъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Да тутъ же, возлѣ гордыхъ кораблей...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Коли нельзя иначе, покоримся.

АГАМЕМНОНЪ (нерѣшительно).

Жена... послушай... Только ты не спорь...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Или выдадъ меня ты непокорной?...

АГАМЕМНОНЪ.

Я остаюсь... и могъ бы жениху...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Дочь передать... безъ матери... отлично!

АГАМЕМНОНЪ.

Не одному, передъ лицомъ дружинъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

А матери гдѣ-жъ быть тогда назначишь?

АГАМЕМНОНЪ.

Домой вернись... Тамъ дѣти у тебя.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И бросить дочь? Кто-жъ ей засвѣтитъ факель?

АГАМЕМНОНЪ.

Я передъ нею факель понесу.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да ни за что! Что-жъ это шутки, что ли?..

АГАМЕМНОНЪ.

Подумай... Женщинѣ среди солдатъ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

А дочь?

А дочь безъ матери оставить?—самъ подумай.

АГАМЕМНОНЪ.

Другія дочери въ Микевахъ у тебя.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, тамъ запоры крѣпки: не тревожься!

АГАМЕМНОНЪ.

Эй, покорись!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Клянуса Герой, нѣтъ...

Пускай ты царь, я—мать, и я—хозяйка (уходитъ въ шатеръ).

Явленіе X.

АГАМЕМНОНЪ (одинъ).

Еще одной надежды нѣтъ—жену
Откуда мнѣ отправить не удастся:
О, это ясно. Противъ близкихъ сердцу

Я замышлялъ коварства и разбить...
 Со всѣхъ сторонъ. Теперь мнѣ остается
 Къ жрецу пойти и вмѣстѣ обсудить
 Весь этотъ трудъ, столь тяжкій для Эллады
 И для меня столь горькій, что богинѣ
 Угодно было намъ на долю дать...
 А я скажу и безъ гаданій: если
 Ты женишься, то выбирай себѣ
 Жену и вѣрную. и добрую, чтобъ дома
 Сидѣла... Или вовсе не женись (уходить нальво)

Второй музыкальный антрактъ.

Строфа.

Скоро-ль къ пѣнѣ серебряной.
 На Симоинтовъ берегъ
 Рати Эллады, хлынете вы?
 Скоро-ль съ судовъ поведетъ васъ мечъ
 На Иліонъ Фригійскій.
 Фебову землю грабить?
 Дивно сплетая тамъ злато косъ
 Съ блѣдной зеленю лавра,
 Грозно Кассандра воспѣтая
 Дѣва вѣнчанной трясеть главою.
 Если дыханью бога внемлетъ.

Антистрофа.

Тамъ, забрало усѣявъ стѣнъ.
 Ужаса полны люди,
 Въ дальнее море взоры вперять...
 Ближе все мѣдный Ареевъ щить,
 Держать враги на Трою,
 Къ пѣнѣ сѣдой Симунта...
 Вдуть къ столицѣ Приамовой:
 Братьевъ сестру небесныхъ,
 Въ Спарту Елену вернуть хотять,
 Дивную нивамъ роднымъ отдать
 Послѣ упорныхъ битвъ кровавыхъ...

Эподъ.

О, пусть не сойдутъ никогда ко мнѣ,
 Не посѣтять ни дѣтей моихъ
 Эти заботы...
 Внукамъ моимъ ихъ во вѣкъ не знать,
 Чтò истерзаютъ васъ,
 Лидія жены и Фригія,
 Раззолоченныя.....
 Будете возлѣ станковъ своихъ
 Такъ причитать, тоскуя, вы:
 „Кто отъ погибшихъ родимыхъ стѣнѣ
 „Вдаль умчитъ меня силою,
 „Кто съ моихъ косъ умащенныхъ фату сорветъ,
 „Всю слезами залитую...
 „Дочь долговѣйнаго лебеда,
 „Ты меня губишь, ты!
 „Если не лжетъ молва,
 „Что родила тебя Леда
 „Зевсу, принявшему птичій видъ;
 „Если все это не сказки,
 „Чтò неправду по свѣту
 „Сѣютъ изъ книгъ поэтовъ...

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе XI.

Ахиллъ и стража Агамемнона.

Ахиллъ (подходя въ шатру).

Союзныхъ ратей вождь, Агамемнонь...
 (одному изъ стражи).
 Скажи царю, слуга, что сынъ Пелея
 Съ нимъ хочетъ говорить... Я буду ждать.
 (стражь уходитъ).
 Да, на берегахъ Эврипа насъ не мало

Народу ждѣть... И ждѣть не всѣмъ легко:
 Одни изъ насъ, разбившихъ здѣсь палатки,
 Холостяки—за ними домъ пустой...
 А каково женатымъ и семейнымъ.....
 Ужъ подлинно не безъ боговъ тогда
 Безумный пылъ объялъ сердца ахейцевъ.
 Царю сказать пришелъ я про своихъ:
 Таковъ мой долгъ. Пускай потомъ другіе
 Съ меня примѣръ берутъ, коли хотять...
 Изъ дома отчаго и изъ Фарсала
 Родимаго къ чуть плещущей волнѣ
 Эврипа я привелъ свои дружины...
 И ихъ мнѣ на уздѣ теперь держать
 Приходится. Что день, то все грознѣе
 Ко мнѣ мои солдаты пристають:
 „Скажи, Ахиллъ, чего-жъ мы ждемъ въ Авлидѣ?
 „Придется ли отплыть намъ въ Иліонъ?
 „За дѣло, царь! А если нѣтъ работы,
 „Назадъ, домой веди! Мы не хотимъ
 „На дремлющихъ Атридовъ любоваться!“

Явленіе XII.

Изъ шатра выходить богато разодѣтая и пышно причесанная Клитемнестра.

Ахиллъ и Клитемнестра.

Клитемнестра.

О, чадо Нерейды, голосъ твой
 Я изъ шатра услышала... Ну, здравствуй...
 (Дѣлаетъ къ нему шагъ).

Ахиллъ (отступая въ изумленіи).

О, стыдъ!.. О, боги!.. Предо мной жена
 Блестящая и дивная красою...

Клитемнестра.

Другъ друга мы не знали, о Пелидъ,
 Но скромностью своею я люблюсь...

Ахиллъ.

Кто ты, жена? И какъ среди щитовъ
Ты, слабая, проникла въ этотъ лагерь?

Клитемнестра.

Дочь Леды, Клитемнестра, предъ тобой:
Ея супругъ—державный Агамемнонь.

Ахиллъ.

Не много словъ—а сколько блеска въ нихъ...
Но съ женщиной бесѣда мнѣ зазорна... (хочетъ уйти).

Клитемнестра.

Куда-же ты? Дай руку мнѣ пожать
Десницею въ залогъ счастливой свадьбы.
(Протягиваетъ руку).

Ахиллъ (отдергиваетъ свою).

Что говоришь... Мнѣ оскорбить царя,
Рукой его касаяся святыни?

Клитемнестра.

Ты не чужой, ты дочери моей
Женихъ, о сынъ богини Нереиды!

Ахиллъ (въ изумленіи).

Женихъ!? Въ устахъ остановилась рѣчь,
Безумную сейчасъ я слушалъ сказку! (Пауза).

Клитемнестра.

О, это такъ понятно: ты друзей
Еще стыдишься новыхъ; если брака
Коснется рѣчь, ты долженъ покраснѣть...

Ахиллъ.

Да что съ тобой? Ни я не думалъ сватать

Твоей царевны, женщина, ни мнѣ
Ее Атридъ не предлагалъ въ невѣсты....

КЛИТЕМНЕСТРА (въ раздумѣ, съ разстановкой).

Ты удивленъ... Дивись-же вновь, Пелидъ, (понизивъ голосъ)
Ты... ты сразилъ меня своимъ признаньемъ!

АХИЛЛЪ.

Задача для обоихъ... Оба мы
Обмануты, царица.... Не ошибка-ль?...

КЛИТЕМНЕСТРА (отступая и закрывая лицо
руками).

Какой позоръ... Я въ небывалый бракъ
Повѣрила.... О; боги, какъ мнѣ стыдно...

АХИЛЛЪ.

Э, стоитъ-ли все къ сердцу принимать;
Смотри: дѣлю твой жребій, и—спокоенъ...

КЛИТЕМНЕСТРА (отнимаетъ отъ лица руки и скло-
няетъ лицо отъ стыда).

Прости... Очей поднять передъ тобой
Не смѣю я, осмѣянная лгунья....

АХИЛЛЪ.

Прости и ты, царица—и не плачь....

А я пойду искать Агамемнона.

(Оба хотятъ уйти: Клитемнестра въ шатеръ, Ахиллъ на лѣво—въ лагерь).

Явленіе XIII.

ТЪ-ЖЕ, И СТАРЫЙ РАБЪ (сначала за сценой въ
шатрѣ).

Голосъ СТАРАГО РАБА (тихо).

Преклони, внимая, ухо, чадо дивной Нерейды,
О, внимай и ты, царица, Зевса дочь и чадо Леды.

Ахиллъ.

Кто тамъ голосомъ дрожащимъ изъ-за двери насъ зоветъ?

Голосъ стараго раба.

Старый рабъ, гордиться нечѣмъ—чѣмъ родился, тѣмъ умереть.

Ахиллъ.

Рабъ, а чей? Не мой, конечно! Намъ съ Атридомъ не дѣлиться.

Голосъ стараго раба.

Я—Тиндаровъ, и въ Микены привезла меня царица
(пріотворяетъ дверь).

Ахиллъ.

Дальше что? Коль только это ты сказать хотѣлъ, прощай!

Голосъ (таинственно).

Вы одни здѣсь подлѣ двери? Оглядиcь и отвѣчай.

Клитемнестра.

Мы—одни: иди-же смѣло за порогъ палаты хранимыхъ...

Старикъ (входя поднимаетъ руки къ небу).

О, судьба и опытъ старца! Дайте-жъ мнѣ спасти любимыхъ!

Ахиллъ.

Рѣчь ведетъ онъ о грядущемъ. Но угроза въ ней звучить.

Клитемнестра.

О, молю тебя, не медли. Тайна сердце мнѣ томить.

Старикъ.

Я-ль тебѣ и дѣтямъ царскимъ вѣрой-правдой не старался?

Клитемнестра.

Помню, помню, старецъ вѣрный, ты всегда такимъ казался.

Старикъ.

Къ Агамемнону съ приданымъ я невѣстнымъ попалъ.

Клитемнестра.

Да, со мной ты въ Аргосъ прибылъ: мужъ тебя не покупалъ...

Старикъ.

Оттого и сердцемъ преданъ я тебѣ, а не царю...

Клитемнестра (нетерпѣливо).

Тайну мнѣ, скорѣе тайну! Брось все это, говорю.

Старикъ.

Такъ узнай-же: *царь родитель дочь свою убить собрался.*

(Движеніе у Клитемнестры. Вниманіе у Ахилла).

Клитемнестра.

Что такое? Бредишь, старый... Ты... ты просто помѣшался...

Старикъ (всхлипывая).

Шею бѣлую малюткѣ царскій ножъ его пронзятъ.

Клитемнестра.

Горе, горе мнѣ... Безумьемъ занедужилъ царь Атридъ...

Старикъ.

Умъ его здоровъ для прочихъ... Для своей семьи хвораетъ...

Клитемнестра.

Но какой-же демонъ сердцемъ Агамемнона играетъ?

Старикъ.

Тотъ, что рекъ черезъ Калханта: уготовьте кровью путь.

Клитемнестра.

Путь... героямъ чрезъ дѣвичью кровью залитую грудь?...

СТАРИКЪ.

Да къ чертогамъ Дарданидовъ за спартанскою царицей...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Какъ?! Елену выкупають кровью этой голубицы?

СТАРИКЪ.

Царь отецъ передъ богиней заколотъ ее готовъ.

КЛИТЕМНЕСТРА (къ Ахиллу).

И придумалъ бракъ, чтобъ вызвать насъ изъ царскихъ теремовъ.

СТАРИКЪ.

Да, царица, бракъ съ Ахилломъ въ самомъ дѣлѣ бракъ завидный.

КЛИТЕМНЕСТРА.

О, дитя мое, на горе мы съ тобой спѣшили, видно...

СТАРИКЪ.

Плачь, царица, плачь, царевна: дерзокъ страшный грѣхъ отца.

КЛИТЕМНЕСТРА (плачетъ).

Силы нѣтъ... О, лейтесь, лейтесь, слезы съ бѣлаго лица!..

СТАРИКЪ.

Плачь... не выплачешь слезами ты роднаго мертвеца. (Пауза).

КЛИТЕМНЕСТРА.

Какъ же ты провѣдалъ, старецъ, про несчастье наше злое?..

СТАРИКЪ.

Царь, взаимѣнъ письма, со мною посылалъ тебѣ другое...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Съ приказаньемъ, иль съ отказомъ Ифигенію везти?

Старикъ.

О, съ отказомъ: онъ въ то время на благомъ стоялъ пути...

Клитемнестра.

Гдѣ-жъ письмо? Зачѣмъ не отдалъ ты тогда его мнѣ въ руки?

Старикъ.

Менелай меня ограбилъ—вотъ виновникъ вашей муки...

Клитемнестра.

Чадъ дивной Нереиды, ты внималъ-ли намъ Пелидъ?

Ахиллъ.

Да, тебя мнѣ жаль. Обида-жъ гнѣвомъ сердце мнѣ палить.

Клитемнестра.

Бракъ твой выдуманъ, чтобъ легче здѣсь зарѣзать имъ малютку.

Ахиллъ.

Но недешево заплатитъ царь Атридъ за эту шутку.

(Указываетъ рабу на выходѣ. Тотъ уходитъ).

Явленіе XIV.

Клитемнестра и Ахиллъ.

Клитемнестра (бросаясь къ ногамъ Ахилла).

О, внемли моимъ моленьямъ, смертный сынъ богини дивной,
 Посмотри, о, мнѣ не стыдно обнимать твои колѣни,
 Эту царскую гордыню я топчу передъ тобою,
 За спасеніе ребенка мать свой санъ приноситъ въ жертву...
 Надъ моею долей горькой сжался, чадъ Нереиды,
 Пожалѣй о той, носившей имя славное Ахилла,
 Пусть безъ права, пусть на горе все-жъ она его носила...
 Для тебя ее одѣла, для тебя везла въ Авлиду,
 Чтобъ пріяло ложе брака трепетавшую голубку...
 О, позоръ... О, неужели-жъ ты отдашь ее убійцамъ?

Нѣтъ? Неправда-ль? Заклинаю и щекою, и десницей,
Материнскою любовью, честью имени, которымъ
Въ западню насъ заманили, истерзали, убиваютъ...

(Садясь у его ногъ, тихо).

У парицы Клитемнестры нѣтъ прибѣжища на свѣтѣ,
Кромѣ праха ногъ Ахилла—а надъ ней съ ножомъ безумецъ...
А вокругъ нея—солдаты—гордость родины и слава,
Но для женщинъ слабосильныхъ страшны жесткія ихъ руки...
Если ты подашь мнѣ помощь—спасена; откажешь—гибну...

Корифей.

О, муки материнства: въ васъ любовь,
Въ васъ и печаль, и жертвы за ребенка.

Ахиллъ.

Мой духъ мечтой высокой напоенъ
И, горести людскія понимая,
Онъ спесь удачъ не цѣнить... сердце мнѣ
Умѣренно волнуютъ и печали
И радости... Расчетъ, простой расчетъ
Насъ убѣдить, что лучшей вождь-разсудокъ,
Да это онъ порой намъ говорить:
„Не размышляй—такъ лучше—надо дѣлать“.
Порою-же трудомъ измучить умъ...
На высяхъ горъ благочестивый мужъ
Меня взростилъ въ нѣмомъ повиновеньѣ,
И я умѣю слушаться. Пока
Атриды насъ вели ко благу, первый
Я былъ за нихъ... Но злomu—я не рабъ,
Свободнымъ быть и въ Троѣ я сумѣю,
И вольная не задрожитъ рука
Вѣнцомъ побѣдъ увить алтарь Арею...

(Клитемнестрѣ).

Ты, бѣдная, изъ самыхъ близкихъ рукъ
Пріявшая страданье, сколько хватить
Въ десницѣ силъ и въ сердцѣ сожалѣнья
Я все отдамъ тебѣ, и дочь твоя
Зарѣзана у кораблей не будетъ...

(Поднимаетъ Клитемнестру).

Игру свою Атридъ мнѣ показалъ,
 Я понимаю хорошо, что имя
 Мое онъ сплелъ съ убійствомъ неразрывно,
 Чтобы убійцей всякій могъ назвать
 Пелида, пусть ножа онъ не касался... (Иронически)
 О да! во всежъ виновенъ онъ, Атридъ;
 Но Ахиллесъ, останется-ли чистымъ,
 Когда къ нему прибывшую на бракъ
 Въ его глазахъ заколуютъ?.. О, царевна
 Несчастливая!.. Вообразить себѣ
 Весь этотъ стыдъ и муки!—Грустный жребій!
 Я былъ-бы самый жалкій изъ мужей,
 Червякъ, ничто, и ниже Менелая,
 Я бѣсомъ былъ-бы зачать, не Пелеемъ,
 Когда-бъ терпѣлъ, что именемъ моимъ
 Играетъ царь. какъ топоромъ разбойникъ...
 О, нѣтъ!..

(Торжественно).

Клянусь царемъ, вскормленнымъ пѣной водъ,
 Отцомъ меня носившей Нереиды:
 Перста концомъ коснуться не дерзнетъ
 Ея одеждъ властитель Тиндариды;
 Не то пускай въ сѣньбѣ процвѣтетъ
 Сипиль, гнѣздо, откуда Танталиды —
 А Фтии блескъ забвеніе пожретъ!..
 А ты, провидецъ-жрецъ, тебѣ едва-ли
 Достанется на тризнѣ пировать:
 О, краснобай, пусть только разъ удачно
 Предскажетъ онъ, а сотни разъ солжетъ,
 О промахахъ никто и не помянетъ...
 О бракъ-ль я жалѣю?.. нѣтъ, невѣсть
 Искать Пелидъ не будетъ—ложе ищутъ
 Ахиллова десятки тысячи дѣвъ...
 Но эта дерзость Агамемнона
 Распорядится именемъ, какъ вещью:..
 Иль попросить меня не могъ Атридъ,
 Чтобъ я завлекъ сюда приманкой брака
 Царевну-дочь его. Конечно, мнѣ
 Царица-мать ее безъ долгихъ споровъ

Въ Авлиду-бы доставила, и здѣсь
 Пелеевъ сынъ, предъ волею Ахейцевъ
 И пользой ихъ склоняясь, можетъ быть,
 Имъ отдалъ-бы невѣсту самъ... Добро-жь,
 Надменные вожди, вы ни во что
 Не ставите Пелида!.. Этотъ мечъ
 Себя покажетъ. а покуда Троя
 Еще въ крови не тонетъ, мой клинокъ
 Мнѣ выкраситъ тотъ дерзкій, что похититъ
 Попробуетъ изъ рукъ моихъ царевну...
 Послушай-же, царица: ты во мнѣ
 Увидѣла спасителя и бога —
 О, я не богъ, но я тебя спасу.

Корифей.

О, царь Пелидъ, слова твои достойны
 Тебя и дивной матери твоей.

Клитемнестра.

Увы!
 Какъ трудно намъ хвалою благодаренья
 Оплачивать! Боишься кубокъ, царь,
 Не до краевъ наполнивъ, оскорбить васъ,
 И перелить боишься. Благородной
 Душѣ противна лесть. А здѣсь, Пелидъ,
 Передъ тобой, мнѣ просто стыдно плакать:
 Ты такъ далекъ отъ недуговъ моихъ;
 Но, гордая душа, благословенья
 Изъ материнскихъ устъ не отвергай...
 Дай жалости окутать умъ холодный...
 Что я сказать тебѣ хотѣла? Да,
 Въ тебѣ я зятя чтила и тобою
 Гордилась—сонъ мой прерванъ... вѣтъ, не то...
 Твоей грядущей свадьбѣ смерть невѣсты
 Сулитъ печаль—остерегись, Ахиллъ,...
 Но рѣчь свою ты началъ и окончилъ
 Такъ счастливо—малютка будетъ жить...
 А хочешь ты—она твои колѣни

Обниметь, умоляя. Это будетъ
 Для дѣвушки, конечно, необычно,
 Но слова твоего довольно,—и она
 Здѣсь предъ тобой вся розовая сниметь
 Съ лица фату? Иль. можетъ быть, тебѣ
 Моей мольбы достаточно. и въ домѣ
 Остаться ей позволишь? Впрочемъ, стыдъ,
 Какъ онъ ни святъ, всегда покоренъ силѣ...

Ахиллъ.

Нѣтъ. женщина, ни видѣть дочь твою,
 Ни дѣлаться предметомъ пересудовъ
 Толпы невѣждъ и праздныхъ—не хочу я.
 Здѣсь много ихъ, досужихъ языковъ.
 Молящіе-жъ равны мнѣ, и не нужно
 Мнѣ вашихъ слезъ. Спасенье рѣшено.
 И вотъ тебѣ торжественная клятва:
 Коль это-ложь, иль я мечу на воздухъ
 Безсильныя угрозы—пусть убьютъ
 Меня. Спасу-же васъ, такъ на здоровье...

Клитемнестра.

О, дай-же богъ тебѣ побольше силъ
 Намъ помогать, безсильнымъ и несчастнымъ...

Ахиллъ.

Но выслушай, чтобъ дѣло удалось...

Клитемнестра.

О, слушаю!.. Я вся-одно вниманье.

Ахиллъ.

Попробуемъ уговорить отца...

Клитемнестра.

Но вѣдь онъ трусъ. Не вождь, онъ—рабъ Ахейскій.

Ахиллъ.

Все-жъ силу словъ пусть бореть сила словъ.

Клитемнестра.

Что пользы въ томъ?.. А впрочемъ, какъ прикажешь...

Ахиллъ.

Моли-жъ царя, чтобъ дочь снѣ пощадили.
Плачь передъ нимъ, и только если властью
Рѣчей и слезъ не тронешь сердца въ немъ,
Ищи во мнѣ спасенья. А уступить.
Такъ всѣмъ намъ будетъ лучше. Я врага
Въ царѣ не наживаю; и въ народѣ
Себѣ приобретаю похвалу,
Что дѣйствовалъ не силой, а разсудкомъ;
А дочь твоя останется въ живыхъ,
Въ спасителѣ ей чуждомъ не нуждаясь...

Клитемнестра.

Благія и разумныя слова!
Но если имъ съ моимъ желаньемъ жаркимъ
Не сбыться, царь... Гдѣ я найду тебя,
Печальная?.. Гдѣ будетъ мой защитникъ?

Ахиллъ.

Защитникъ твой придетъ къ тебѣ, жена,
Въ тяжелую минуту... Но слезами
И воплями намъ лагеря не тѣшь.
Ты, дочь, палатъ отцовскихъ славы шумной
И имени Тиндара не должна
Средь эллиновъ влачить на посмѣянье.

Клитемнестра.

О, изъ твоей не выйду воли я...
И пусть тебѣ заплатятъ боги... если,
На радость благороднымъ, боги есть,
А нѣтъ... Зачѣмъ тогда всѣ эти муки?..

(Уходитъ въ шатеръ. Ахиллъ въ лагерь).

Третій музыкальный антрактъ.

Строфа.

Гимномъ любви брачная пѣснь съ музыкой флейтъ
 Въ души гостей сладко лилась.
 Къ пляскѣ голосъ киваръ манилъ.
 Свѣтлый

Тонъ тростниковъ сзывалъ
 Славить Пелея царя съ нимфой морей.
 Пелія высь златомъ паты
 Дрожать заставилъ
 Музь хороводъ дивнокосыхъ,
 Радуюсь пиру безсмертныхъ.

Долго

Славили тамъ пѣсни камень тайну любви...

Эхо

Въ высяхъ терялось и
 Темный лѣсъ отзывался.

Долго

Тамъ Ганимедъ, Дардановъ сынъ,
 Ложа утѣха Зевсова,
 Въ кубки златочешуйные
 Пѣнилъ богамъ золотой нектаръ,
 А на песчано-блестящій брегъ
 Цѣлью вѣся плясать пришли
 Пятьдесять сребротѣлыхъ дѣвъ,
 Нерея рожденіе.

Антистрофа.

Ели въ рукахъ, вокругъ головы зелень елей.
 У колесницъ кони, какъ львы,
 Такъ Кентавры явились пить

Кубокъ

Вакха съ безсмертными.
 Дѣвы-жъ Тессалии пѣть славу пришли
 Нимфѣ морей, лону звѣзды,
 Что возсіяетъ...

Тамъ, прорица съ Хирономъ,

Фебъ Аполлонъ воспрославилъ
 Мужа,
 Чтò Иліонъ рушить пойдетъ съ горстью людей...
 Будеть
 Царство Пріамова
 Славной мужу наградой...
 Съ вѣщихъ
 Усть Аполлона Вакхъ сорвалъ
 Рѣчь и о томъ, какъ мать ему.
 Старца морскаго богиня дочь,
 Дивное дастъ оружіе.
 Такъ небожителей дивный пиръ
 Долго лелѣялъ тамъ радостью,
 Когда свадьбу справлялъ Пелей
 Съ богиней Фетидою.

Эподъ.

Да, злополучная, войско Ахейское
 Горькимъ тебѣ вѣнцомъ увьетъ
 Дѣвичьихъ косъ золотое руно...

Словно

Пеструю лань уберутъ тебя;
 А вчера еще вольная
 Лань въ ущельяхъ таилась горь:
 Ты-же не лань, дитя мое,
 Не свирѣль, не пастушья пѣснь,
 Ифигону лелѣяла.
 А палаты царицны,
 Чтòбъ изъ рода Инахова
 Она мужа пріяла любимаго...
 Нѣтъ, не помогъ твой молящій взоръ:
 Розы стыда нѣжную предали.
 Въ людяхъ сила правду осилила:
 Стыдъ имъ больше не святъ, и друзей
 Добродѣтель межъ нихъ не найдетъ:
 Ты силѣнъ—такъ и правъ, говорить.
 Гнѣва божія злой не трепещеть...

Ш. Анненскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ:

„ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ“

ИЗДАВАЕМЫЙ СОСТОЯЩИМЪ ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ВЪЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

Попечительствомъ о Домахъ Трудолюбія и Работныхъ Домахъ.

Главными задачами журнала „Трудовая помощь“ являются:

- 1) выясненіе идеи и значенія трудовой помощи, какъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ рациональной постановки дѣла вспомошествованія бѣднымъ;
- 2) подробное ознакомленіе съ устройствомъ и дѣятельностью существующихъ домовъ трудолюбія и другихъ учреждений трудовой помощи;
- 3) сосредоточеніе всякаго рода свѣдѣній и указаній, могущихъ быть полезными для интересовъ успѣшной постановки дѣла въ существующихъ домахъ трудолюбія и для дальнѣйшаго развитія у насъ учреждений трудовой помощи;
- 4) разработка практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ нуждами домовъ трудолюбія, на основѣ указаній опыта, сообщаемыхъ журналу дѣятелями домовъ трудолюбія;
- 5) ознакомленіе съ развитіемъ и дѣятельностью учреждений трудовой помощи въ иностранныхъ государствахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду тѣсной связи, существующей между различными отраслями и видами попеченія о бѣдныхъ, журналъ будетъ давать обзоръ и освѣщеніе всѣхъ вообще вопросовъ въ области призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности въ широкомъ смыслѣ. Печатаемая статья, замѣтки и сообщенія по этимъ вопросамъ, журналъ будетъ давать подробное обзоръ: 1) законодательныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ сферѣ общественнаго призрѣнія въ Россіи и иностранныхъ государствахъ; 2) административныхъ распоряженій и мѣропріятій органовъ центрального управленія; 3) дѣятельности органовъ мѣстнаго управленія (земскихъ учреждений и городскихъ управленій); 4) дѣятельности частныхъ обществъ и отдѣльных лицъ.

Равнымъ образомъ журналъ будетъ удѣлять вниманіе и вопросамъ, сопрягающимся съ общественною благотворительностью, подвергая обзоръ дѣятельность различнаго рода учреждений и предпріятій, имѣющихъ своимъ назначеніемъ возстановлять трудоспособность, какъ напр. приюты и лечеб-

ницы для алкоголиковъ, санаторіи и проч., а также предупреждать и предотвращать нужду, каковы напр. пенсіонныя кассы, общества взаимопомощи, нѣкоторые виды страхованія и пр.

Наконецъ, въ виду важнаго значенія, какое имѣетъ, для различныхъ интересовъ правильнаго развитія благотворительности, знакомство съ научно-литературною разработкою подлежащихъ вопросовъ, журналъ будетъ давать періодическое обзорнѣе русской и иностранной литературы (книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій) по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности, преимущественно въ области трудовой помощи бѣднымъ.

Такимъ образомъ въ программу журнала войдутъ:

1) Узаконенія и распоряженія правительства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

2) Журналы Комитета Попечительства о Домахъ Трудолюбія. Періодическія сообщенія Комитета о положеніи дѣлъ Попечительства, о новыхъ членахъ его, о пожертвованіяхъ и пр. Сообщенія о командировкахъ членовъ Попечительства для осмотра домовъ трудолюбія и результатахъ такихъ командировокъ.

3) Извлеченія изъ отчетовъ отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Сводныя данныя о дѣятельности домовъ трудолюбія.

4) Вопросы и отвѣты по различнымъ сторонамъ устройства и дѣятельности домовъ трудолюбія и другихъ учрежденій трудовой помощи.

5) Статьи и замѣтки по вопросамъ трудовой помощи.

6) Статьи и замѣтки по другимъ отраслямъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

7) Статьи и замѣтки по вопросамъ, соприкасающимся съ общественною благотворительностью.

8) Хроника. Обзоръ дѣятельности земствъ, городовъ, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ въ сферѣ вспоможенія бѣднымъ, преимущественно въ области трудовой помощи. Извѣстія о возникновеніи новыхъ благотворительныхъ предпріятій, о пожертвованіяхъ и т. д.

9) Иностранный отдѣлъ. Обзоръ иностраннаго законодательства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. Хроника дѣятельности иностранныхъ учрежденій трудовой помощи и другихъ предпріятій въ области благотворительности.

10) Литературное обзорнѣе (русскія и иностранныя книги, брошюры и періодическія изданія).

Въ случаѣ надобности, въ видѣ особыхъ приложений къ журналу, будутъ печататься оригинальныя и переводныя труды по предметамъ, входящимъ въ программу журнала.

Въ журналѣ „Трудовая помощь“ будутъ принимать участіе слѣдующія лица: Н. Ф. Анненскій, В. Ф. Боцановскій, А. И. Браудо, бар. О. О. Буксгевденъ, проф. С. В. Ведровъ, О. А. Вертъ, проф. П. И. Георгіевскій, В. Н. Герардъ, проф. В. И. Герье, В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ, С. Н. Гогель, Д. А. Дриль, проф. М. В.

Духовской, П. Н. Исаковъ, Г. Б. Юлосъ, А. Ф. Коки, С. М. Латышевъ, проф. В. Ф. Левятскій, Е. І. Лихачева, А. В. Лихачевъ, Е. Д. Максимовъ, прив.-доц. А. А. Мануловъ, проф. А. Н. Миклашевскій, проф. И. Н. Миклашевскій, А. Г. Неболсинъ, П. Н. Обнинскій, проф. А. С. Окольскій, проф. М. А. Остроумовъ, М. В. Познеръ, М. А. Сабашникова, В. Ю. Сналонъ, Г. П. Смирновъ-Платововъ, С. В. Сперанскій, прив.-доц. В. Т. Судейкинъ, проф. А. И. Чупровъ, акад. проф. И. И. Янмулъ, Е. Н. Янмулъ, проф. В. Г. Яроцкій, А. С. Яковлевъ.

Журналъ будетъ выходить, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 7 листовъ. Въ теченіе перваго подписнаго года будетъ издано двѣнадцать книгъ—двѣ (ноябрь и декабрь) въ 1897 г. и десять книгъ въ 1898 г.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА — три рубля въ годъ (по январь 1899 г.) съ доставкою и пересылкою. За границу—пять рублей.

ОТДѢЛЬНЫЯ КНИГИ журнала будутъ продаваться по 50 коп. Цѣна книгъ съ приложеніями будетъ назначаться особо въ зависимости отъ размѣра приложеній.

Для лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на журналъ чрезъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ при подпискѣ чрезъ контору журнала — допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 руб. 50 коп., остальная же сумма вносится ежемѣсячными платежами по 50 коп. каждый разъ.

Подписка принимается:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—1) въ конторѣ журнала „Трудовая помощь“, при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Цинзерлита*, бывш. *Меле и К^о* (Невскій, 20, у Лицейскаго моста). 2) Въ книжныхъ магазинахъ *А. С. Суворина* (Невскій, 38), *М. М. Стасюлевича* (Вас. Остр. 5 лин., 28), *Н. П. Карбасникова* (Литейный, 46), фирмы „Издатель“ (Невскій, 68).

ВЪ МОСКВѢ — въ книжныхъ магазинахъ *А. С. Суворина* (Неглинный проѣздъ) и *Н. П. Карбасникова* (Моховая, противъ университета).

ИНОГОРОДНІЕ И ЗАГРАНИЧНЫЕ подписчики благоволятъ обращаться въ Контору журнала (книжный магазинъ *Цинзерлита*, Невскій, 20).

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ—).-Петербургъ, Инженерная ул., д. 4.

РЕДАКЦІЯ для ЛИЧНЫХЪ ОБЪЯСНЕНІЙ открыта по вторникамъ и субботамъ отъ 3 до 5 час. дня.

РУКОПИСИ статей, замѣтокъ, сообщеній и пр. должны быть направлены исключительно въ редакцію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ оплачиваются по рассчету 16 руб. за страницу и 50 коп. за строку. — Книжные магазины за доставляемая ими объявленія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10%.

Редакторъ журнала „ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ“
Владимѣръ Федоровичъ Дерюжинскій.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе шестнадцатое. 1897 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскіхъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ кач-ствѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качестве руководства для церковно-приходскихъ школъ. Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качестве руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—въ качестве учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе седьмое, безъ перемѣнъ. 1897 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качестве книги для класснаго и вѣнкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬИЩКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе седьмое, дополненное, 1897 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣнкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

Открыта подписка на 1898 годъ

(9-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе февральской книжки, имѣющей выйдти въ первыхъ числахъ марта, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій въ женскихъ гимназіяхъ. (Окончаніе). Е. О. Лихачевой; 3) А. Н. Майковъ и педагогическое значеніе его поэзіи. И. Ф. Анненскаго; 4) Къ вопросу о переутомленіи учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. С. Виреніуса; 5) О природѣ дѣтей. (Продолженіе). П. Ф. Наптерева; 6) Индивидуализація, какъ основа образованія. Ф. С. Матвѣва; 7) Забытый вопросъ. (Продолженіе). В. П. Вахтерова; 8) Къ вопросу о высшемъ техническомъ образованіи. Проф. Д. С. Зернова; 9) Къ вопросу о надзорѣ за начальнымъ народнымъ образованіемъ. (Окончаніе). А. М. Гютрюмова; 10) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1897 года. (Продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго; 11) Нѣсколько словъ о преподаваніи отечественной географіи въ средней школѣ. А. Ф. Соколова; 12) Опытъ распредѣленія и проработки учебнаго матеріала по русскому языку въ городскихъ училищахъ по положенію 1872 года. (Окончаніе). В. Волоцкаго; 13) Критика и библиографія: Новыя изданія по научной психологіи. Л. Е. Оболенскаго и, кромѣ того, десять рецензій; 14) Педагогическая хроника: а) Изъ хроникки народнаго образованія въ Западной Европѣ, опыты University—Extension въ Берлинѣ и въ Лепцигѣ. М. Суемшинова; б) Хроника народнаго образованія и народныхъ библиотекъ. Я. В. Абрамова с) Хроника профессиональнаго образованія. В. Б—ча; д) Воскресная школа въ Баку. Д. Ведхемисели и т. д. (всего около 20 статей и замѣтокъ; 15) Разныя извѣстія и сообщенія; 16) Объявленія.

Въ „РУССКОЙ ШКОЛѢ“ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

- 1) Я. В. Абрамовъ; 2) Х. Д. Алчевская; 3) И. Ф. Анненскій; 4) Н. Ф. Арельевъ;
- 5) В. В. Бирюковичъ; 6) И. П. Бѣлоконскій; 7) В. П. Вахтеровъ; 8) Проф. А. Д. Вейсманъ;
- 9) Н. Х. Вессель; 10) А. С. Виреніусъ; 11) Е. М. Гаршинъ; 12) В. В. Гориневскій;
- 13) Я. Г. Гуревичъ; 14) В. В. Девель; 15) М. И. Демковъ; 16) И. И. Евстѣевъ;
- 17) Н. В. Ельницкій; 18) А. М. Калмыкова; 19) П. Ф. Наптеревъ; 20) В. Ф. Неатула;
- 26) Д. А. Норочевскій; 22) А. А. Красевъ; 23) В. А. Латышевъ; 24) Проф. П. Ф. Лесгафтъ;
- 25) Мандельштамъ; 26) Ф. С. Матвѣевъ; 27) И. И. Мещерскій; 28) П. Г.

Михуевъ; 29) И. Н. Модрлевскій; 30) Л. Г. Оболенскій; 31) С. А. Острогорскій; 32) О. Х. Павловичъ; 33) М. А. Песковскій; 34) Н. И. Позняковъ; 35) А. П. Роменскій; 36) О. И. Рогова; 37) Я. М. Рудневъ; 38) М. Н. Салтыкова; 39) Д. Д. Семеновъ; 40) Н. Н. Сентъ-Илеръ; 41) А. Ф. Соколовъ; 42) Н. В. Тулуповъ; 43) А. М. Тютрюмовъ; 44) В. И. Фармаковскій; 45) Ф. В. Якубовичъ; 45) С. М. Шохоръ-Троцкий и вѣкоторые другіе.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**ШЕСТЬ** руб. **50** коп., для иногородныхъ съ пересылкою—**СЕМЬ** руб., за границу—**ДЕВЯТЬ** руб. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются правомъ рассрочки и скидкою на одинъ рубль. Земства и городскія думы, выписывающія не менѣ 10 экз. пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, 1. Гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.

За предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) имѣется еще небольшое число экз.: за 1891 и 1892 годы по четыре рубля; за остальные годы по **СЕМИ** рублей.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

**HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY**

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books
to Circulation Desk.

Renewals and recharges may be made 4 days prior
to due date.

**ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS
AFTER DATE CHECKED OUT.**

REC. CIR. OCT 22 '75

OCT 05 1999

M/

LD21—A—40m-8,'75
(S7737L)

General Library
University of California
Berkeley

YD 22675

855879

L451
AH
v. 316

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

